Посвящается 6 миллионам
наших еврейских братьев и сестёр –
невинным жертвам,
убитым фашистскими палачами
в годы Катастрофы европейского еврейства

מוקדש לששת מיליון

אחיותנו ואחינו – קורבנות השואה.

נזכור ולא נשכח לעד.

МИНИСТЕРСТВО ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАНТОВ ИЗРАИЛЯ
МУНИЦИПАЛИТЕТ ГОРОДА РЕХОВОТА
ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАНТОВ
РЕХОВОТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ БЫВШИХ УЗНИКОВ
НАЦИСТСКИХ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЕЙ

עיריית רחובות

המשרד לקליטת העלייה

П О М Н И!

ז כ ו ר!

ВОСПОМИНАНИЯ О ХОЛОКОСТЕ БЫВШИХ УЗНИКОВ НАЦИСТСКИХ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЕЙ

РЕХОВОТ
2013

«ПОМНИ!» Воспоминания о Холокосте бывших узников нацистских гетто и концлагерей. Реховот, 2013
ביוזמת התאחדות רחובות של אסירים לשעבר בגטאות ומחנות הריכוז נאציים
«זכור!» - זיכרונות מהשואה (2013)
REMEMBER! Holocaust memoirs. Rehovot, 2013

ISBN 978-965-7181-12-6

Книга издана на средства авторов при финансовой поддержке
Института изучения Катастрофы и героизма «Яд Вашем»,
Министерства по делам репатриантов Израиля,
муниципалитета г. Реховота,
отдела по делам новых репатриантов г. Реховота,
Фонда организации «Клеймс Конференс»,
Группы Азриэли,
Фонда Азриэли

הספר ראה אור בסיוע:

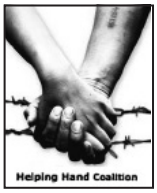
יד ושם
רשות הזיכרון לשואה ולגבורה
הקרן לתמיכה בספרי זיכרונות של ניצולי שואה

קבוצת עזריאלי

The Azrieli Foundation

Claims Conference ועידת התביעות
The Conference on Jewish Material Claims Against Germany

התכנים, הנתונים והעריכה הם על אחריות המחבר/ת

Книга издана при
материальном содействии
Международной Коалиции
«Рука помощи Израилю»

© Авторы книги, тексты, фотографии, 2013
© Куров В., картина «Память», 1999
© Цирульник Е., дизайн переплета, 2013

Общественная редколлегия:
Лиза Кесельбренер (председатель),
Дора Гарбуз, Авраам Голанд,
Самуил Гольдберг, Семен Черницкий,
Давид Школьник

Редактура, корректура, набор – Давид Школьник (Реховот)
Подготовка фотографий к печати, верстка книги
и оформление переплета – Studio «Zikit» (Реховот)

**На переплете помещена довоенная фотография семьи
Доры Гарбуз (Реховот).**

Для контактов:
keselbrenerl@gmail.com

Отпечатано в типографии «Ной», Иерусалим, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие авторам книги **Софы Ландвер**, министра по делам репатриантов Государства Израиль.....**13**
Слово о книге **Рахамима Малюля**, мэра гор. Реховота.....**14**
Отзыв о книге «ПОМНИ!» **Ефима Заики**, депутата муниципалитета гор. Реховота **16**
НАШ ГЛАВНЫЙ ДОЛГ – РАССКАЗАТЬ ВСЕМ **Лиза Кесельбренер**, председатель Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей «Помни!».....**17**
ЧИТАЯ РУКОПИСЬ КНИГИ «ПОМНИ!» **Ефим Красноштейн**, журналист, писатель (Канада) **20**
ОСОБЕННОСТИ КНИГИ «ПОМНИ!»
Давид Школьник, общественный редактор книги **21**

ВОСПОМИНАНИЯ О ХОЛОКОСТЕ
«Помните». Марк Дворжецкий.....**24**

УКРАИНА (1-91)

1. МАМА СПАСЛА НАС ОТ БАБЬЕГО ЯРА
Бейлис Валентина и Бейлис Евгений (г. **Киев**) **25**/*688*
2. ПОБЕГ ИЗ-ПОД РАССТРЕЛА
Мичник Семён (Днепропетровская обл., г. **Днепропетровск**) **32**/*688*
3. О ТЕХ, КТО СПАС НАС
Найдэ Фира (Житомирская обл., г. **Житомир**) **40**/*688*
4. ПЕРВОЕ СПАСЕНИЕ
Шевелёва Надежда (Николаевская обл., г. **Первомайск**) **47**/*689*
5. «РАССКАЖИТЕ, ЧТО МЫ ПЕРЕЖИЛИ»
Великая Циля (Одесская обл., г. **Балта**) **51**/*689*
6. ОТ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ НАС СПАСЛИ УКРАИНЦЫ И РУМЫН **Фукс Бася** (Одесская обл., г. **Балта**) **54**/*689*
7. ВСЕЙ ЖИЗНЬЮ Я ОБЯЗАНА МАМЕ ЛИЗЕ
Белгородская Катя (Одесская обл., с. **Чёрное**) **61**/*690*
8. Я ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ, ЧТОБЫ РАССКАЗАТЬ ВСЕМ
Галицкий Иосиф (Ровенская обл., г. **Острог**) **67**/*690*
9. МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ **Черницкий Борис** и **Черницкий Семён**
(Сумская обл., хут. **Забуги** Лебединск. р-на) **77**
10. Я РОДИЛАСЬ ДВАЖДЫ
Задера Раиса (Сумская обл., г. **Середина-Буда**) **86**/*691*
11. МИНЬКОВЕЦКИХ ЕВРЕЕВ УБИВАЛИ ПОЛИЦАИ **Групман Иосиф**
(Хмельницкая обл., с. **Миньковцы** Дунаевецк. р-на) **91**/*691*
12. БРЕННЕР – ЭТО ОГОНЬ
Цимберг Мария (Хмельницкая обл., г. **Шепетовка**) **98**/*692*

13. МАССОВЫЕ УБИЙСТВА ЕВРЕЕВ В УМАНИ
Гарбуз Дора (Черкасская обл., г. **Умань**) **108**/*692*

ГОРОДА И МЕСТЕЧКИ ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ

14. ВСЯ МОЯ СЕМЬЯ ПОГИБЛА В БАЛАНОВКЕ
Бирман Яков (с. **Балановка** Бершадск. р-на) **118**/*694*
15. ВОЙНА УКРАЛА НАШЕ ДЕТСТВО
Вайнштейн Анатолий и Вайнштейн Ольга (хут. **Балки** Барского р-на, с. **Яруга** Могилёв-Подольского р-на) **122**/*695*
16. МЫ ВЫЖИЛИ ЧУДОМ
Шамир Клара (хут. **Балки** Барского р-на) **125**/*695*
17. ХРАНЮ ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ РОДНЫХ
Крайз Арон (г. **Бершадь**) **132**/*695*
18. О МОИХ УКРАИНСКИХ СПАСИТЕЛЯХ
Крутоная Елизавета (г. **Бершадь**) **135**/*696*
19. НАШИ РАССТРЕЛЯННЫЕ РОДНЫЕ
Крутоной Ефим и Зельдин Раиса (г. **Бершадь**) **138**/*696*
20. ПУСТЬ ЭТО НЕ ПОВТОРИТСЯ НИКОГДА
Ленковский Борис (г. **Бершадь**) **141**/*696*
21. О ПЕРЕЖИТОМ В ГОДЫ ХОЛОКОСТА
Мильштейн Бина (г. **Бершадь**) **150**
22. ПЕРЕД МОИМ ВЗОРОМ ПОГИБШИЕ В ШОА
Поляк Эрш (г. **Бершадь**) **157**/*698*
23. ЯМА ДЛЯ МАМЫ
Ройтман Бетя (г. **Бершадь**) **162**/*698*
24. «Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ РАССКАЗАЛА ЛЮДЯМ…»
Фишман Жозефина (г. **Бершадь**) **168**/*700*
25. ПАПА СУМЕЛ СОХРАНИТЬ НАМ ЖИЗНЬ
Цаповецкая Галина (г. **Бершадь**) **184**/*700*
26. НЕМЦЫ, НАДЕВ БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ, ДУШИЛИ ДЕТЕЙ
Карлик Симха (с. **Верховка** Бершадского р-на) **190**/*701*
27. КАК МЫ ВЫЖИЛИ, ДО СИХ ПОР НЕ ЗНАЮ
Спектор Фира (с. **Горышковка** Томашпольск. р-на) **196**/*702*
28. НЕВОСПОЛНИМЫЕ ПОТЕРИ МОЕЙ СЕМЬИ
Гершкович Яна (с. **Дзыговка** Ямпольск. р-на) **203**/*703*
29. ДО САМОЙ СМЕРТИ БУДУ ПОМНИТЬ
Фидельман Анна (с. **Дзыговка** Ямпольск. р-на) **208**/*703*
30. ПОБЕГ ИЗ ПЕЧЁРСКОГО ЛАГЕРЯ
Бронштейн Злата (с. **Джурин** Шаргородск. р-на) **222**/*704*
31. МОЯ МАМА БЫЛА ПОДПОЛЬЩИЦЕЙ В ГЕТТО
Каплан Циля (с. **Джурин** Шаргородск. р-на) **230**

32. БРАТА УБИЛИ НА МОИХ ГЛАЗАХ
Ших Полина (с. **Джурин** Шаргородск. р-на) **235**/*705*
33. НАС РАССТРЕЛИВАЛИ В ЖАБОКРИЧЕ
Шварцман Зинаида (с. **Жабокрич** Крыжопол. р-на) **240**/*705*
34. МОИ МУКИ В ЖМЕРИНСКОМ ГЕТТО
Бурштейн Семён (г. **Жмеринка**) **243**/*706*
35. НЕМЦЫ УБИЛИ МОЮ СЕМЬЮ
Либерман Владимир (г. **Жмеринка**) **251**/*706*
36. НАС СПАСЛА ПОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ
Май Туба (г. **Жмеринка**) **258**/*707*
37. КАК НАШЕЙ СЕМЬЕ УДАЛОСЬ УЦЕЛЕТЬ
Байдер Раиса (уроч. **Затишье**, с. **Станиславчик** Жмеринск. р-на) **263**
38. В ГЕТТО, В ПАРТИЗАНАХ, НА ФРОНТЕ
Василевская Люба (г. **Ильинцы** Ильинецк. р-на) **268**/*708*
39. НАС ХОТЕЛИ ПРЕВРАТИТЬ В ЖИВОТНЫХ
Ройзман Татьяна (с. **Каташин** Ободовск. р-на) **274**/*709*
40. ТЯГА ЖИТЬ И СОПРОТИВЛЯТЬСЯ СМЕРТИ ПОМОГЛА МНЕ ВЫЖИТЬ
Брумберг Азриэль (с. **Карышков** Копайгородск. р-на) **278**/*710*
41. ЖИТЕЛИ КОМАРГОРОДА ПОМОГЛИ ЕВРЕЯМ СПАСТИСЬ В ГЕТТО
Портная Галина (с. **Комаргород** Томашпол. р-на) **289**/*711*
42. УЗНИК ГЕТТО И ОТВАЖНЫЙ МИНОМЁТЧИК
Каплан Гедаль (г. **Копайгород**)
Автор Давид Школьник **293**/*711*
43. КАРТИНЫ ТЕХ УЖАСНЫХ ЛЕТ ТРУДНО ЗАБЫТЬ ДО СИХ ПОР
Кожокару Лоти (г. **Копайгород**) **297**/*711*
44. ГОРЬКАЯ ДОЛЯ ДЕВОЧКИ РИВЫ
Файфермахер Рива **(г. Копайгород**)
Автор Рита Месочник **306**/*711*
45. НЕ ЗАБУДУ И НЕ ПРОЩУ
Фушман Арон и **Фушман Евгения** (г. **Копайгород**) **311**/*712*
46. ПОСЛЕ ПОБЕГА НАС СПАС ДЬЯК ИВАСЬКОВ
Штейнман Иосиф (г. **Копайгород**) **316**/*712*
47. МЫ ВИДЕЛИ, КАК УБИВАЛИ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД
Клейман Шимон и Клейман Псахия (с. **Кошаринцы** Бершадск. р-на) **324**/*713*
48. МЕНЯ СПАС СВЯЩЕННИК
Коган Евдокия (с. **Михайловка** Гайсинск. р-на) **332**/*714*
49. ДЕДУШКА И БАБУШКА ЗАЩИТИЛИ МЕНЯ ОТ ГИБЕЛИ В ГЕТТО
Водовоз Маня (г. **Могилёв-Подольский**) **336**/*714*
50. ПАМЯТИ 14 РОДСТВЕННИКОВ, ПОГИБШИХ В ШОА
Гликин Мара (г. **Могилёв-Подольский**) **338**/*715*
51. ЗАЧЁРКНУТЫЕ КРОВЬЮ ДЕТСКИЕ ГОДЫ В ГЕТТО
Гольдберг Самуил и Гольдберг Илья (г. **Могилёв-Подольский**) **345**/*716*
52. ДЕТСТВО В НЕВОЛЕ СРЕДИ СМЕРТЕЙ
Групман Дина (г. **Могилёв-Подольский**) **351**/*717*

53. ВСЕ СО ЗВЁЗДАМИ БЫЛИ НАШИМИ, ИМ ВСЕМ БЫЛО ПЛОХО
Мейстельман Полина (г. **Могилёв-Подольский**) **358**/*718*
54. ТРАГЕДИЯ В МИХАЙЛОВЦАХ
Мейстельман Бетя (г. **Могилёв-Подольский**, с. **Яруга**) **362**/*718*
55. ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ИЗ ЛАГЕРЯ ПЕЧЁРА
Цап Пётр (г. **Могилёв-Подольский**) **366**/*719*
56. ПУНКТИРОМ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ (О моей маме, Эте Шварцман)
Шварцман Этя (г. **Могилёв-Подольский**)
Автор Ида Вольдман **371**
57. ГЕТТО СДЕЛАЛО МЕНЯ ПОЖИЗНЕННЫМ ИНВАЛИДОМ
Шнайдер Александр и **Шнайдер Дора** (г. **Могилёв-Подольский**) **374**/*719*
58. КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЫ ВИДЕЛИ ПОГИБШИХ В ГЕТТО
Гринштейн Мила (с. **Мурафа** Шаргородск. р-на) **378**/*720*
59. Я ЖИВА И ОБЯЗАНА НАПИСАТЬ
Кесельбренер Лиза (с. **Мурафа** Шаргородск. р-на, с. **Черневцы**) **384**/*720*
60. МОИ РОДНЫЕ УМЕРЛИ В ГЕТТО ОТ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ
Ших Лейб (с. **Мурафа** Шаргородск. р-на) **394**/*721*
61. НАС СПАСЛА УКРАИНСКАЯ СЕМЬЯ МЕЛЬНИК
Юрковецкий Лев (с. **Мурафа** Шаргородск. р-на) **397**/*721*
62. МОИ РОДНЫЕ В ГОДЫ ШОА
Гройсман Рива (с. **Носиковка** Шаргородск. р-на)
Автор Майя Гройсман **401**/*721*
63. РОЖДЁННАЯ В НОСИКОВСКОМ ЛАГЕРЕ
Мейстер Ида и Шварцман Ита (с. **Носиковка** Шаргородск. р-на) **403**/*722*
64. ЛЮДИ УМИРАЛИ ОТ ГОЛОДА И ТИФА
Бондарь Эстер (с. **Ободовка**) **409**
65. ЕСЛИ БЫ НЕ МОЯ МАМА…
Гандельман Роза (с. **Ободовка**) **411**/*722*
66. НАШУ ЮНОСТЬ РАСТОПТАЛИ НАЦИСТЫ
Дели Раиса и Нузброх Ада (с. **Ободовка**) **414**/*723*
67. МЫ ЖИЛИ В ПОСТОЯННОМ СТРАХЕ
Дорфман Яков (с. **Ободовка**) **425**
68. НАШ ОТЕЦ И ЕГО СЁСТРЫ С ДЕТЬМИ ПОГИБЛИ В ГЕТТО
Шнайдер Чарна и Юсим Мара (с. **Ободовка**) **431**/*725*
69. КАЖДЫЙ ДЕНЬ МОГ БЫТЬ ПОСЛЕДНИМ В ЖИЗНИ
Менишен Иосиф (с. **Озаринцы** Могилёв-Подол. р-на) и
Менишена Фаина (г. **Могилёв-Подольский**, с. **Печёра**) **436**/*726*
70. НЕ ВЫПЛАКАТЬ ВСЕХ СЛЁЗ ПО НАШИМ ПОГИБШИМ
Кушнирович Песя (с. **Павловка** Крыжопол. р-на) и **Кушнирович Клим**
(с.**Чечельник**) **440**/*726*
71. О РОДНЫХ, ПОГИБШИХ В ШОА
Гофт Соломон (с. **Кацмазов** Жмеринского р-на,
с. **Поповцы** Копайгородск. р-на) **443**/*727*
72. СТРАДАНИЯ В ГЕТТО ПОМНЮ ДО СИХ ПОР
Шнайдер Иосиф (с. Поповцы Копайгородск. р-на) **448**/*727*

73. ПАМЯТИ МАМЫ, СПАСШЕЙ ТРЁХ ДЕТЕЙ В ДВУХ ГЕТТО
Шендельзон Ефим (с. **Сказинцы**, с. **Яруга** Могилёв-Подол. р-на) **451**
НАШЕ ДЕТСТВО В ФАШИСТСКОМ АДУ
Левин Шимон (пос. **Томашполь**) **453**/*728*
75. В ГЕТТО И НА ФРОНТЕ Я ВИДЕЛА МНОГО СМЕРТЕЙ
Зак Рахель (с. **Черневцы**) **459**/*728*
76. РЕШЕНИЕ УКРАИНЦЕВ СПАСЛО НАМ ЖИЗНЬ
Кесельбренер Анатолий (с. **Черневцы**) **464**/*728*
77. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЧЕРНЕВЕЦКОМ ГЕТТО
Орлов Николай (с. **Черневцы**) **471**/*729*
78. В ВОСЕМЬ ЛЕТ Я ЗНАЛА, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ
Ортенберг Эсфирь (с. **Черневцы**) **480**/*729*
79. СТРАХ БЫЛ НАСТОЛЬКО ВЕЛИК, ЧТО ДЕТИ НЕ ПЛАКАЛИ
Снитковская Люба (с. **Черневцы**) **486**/*730*
80. ЖИЗНЬ В ГЕТТО ДЕТСКИМИ ГЛАЗАМИ
Хавес Изя (с. **Черневцы**) **492**/*731*
81. МОЯ ЕВРЕЙСКАЯ МАМА
Хавес Матвей (с. **Черневцы**) **498**/*732*
82. ГОДЫ В ГЕТТО ОСТАЛИСЬ РАНОЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ
Валерштейн Дора (с. Чечельник) **502**/*732*
83. О ТРЁХ ДЕВОЧКАХ, ВЫЖИВШИХ В ШОА
Майданик Дина и Фельдман Хана (с. **Чечельник**) **509**/*732*
84. НАД НАМИ СТАВИЛИ «МЕДИЦИНСКИЕ» ОПЫТЫ
Пекер Доня (с. **Чечельник**) **519**
85. ОККУПАНТЫ И ПОЛИЦАИ ПОСТОЯННО ГРАБИЛИ НАС
Пекер Наум (с. **Чечельник**) **523**
86. БЛАГОДАРЯ Д-РУ ТАЙХУ МНОГИЕ ЕВРЕИ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ
Голуб Полина (пос. **Шаргород**) **526**/*734*
87. ОЖИДАНИЕ СКОРОЙ СМЕРТИ БЫЛО ПОСТОЯННОЙ МУКОЙ
Поляк Борис (пос. **Шаргород**) **533**
88. В ГЕТТО МЕНЯ РАССТРЕЛИВАЛИ, В ЛАГЕРЕ РАНИЛИ
Рейфман Пинхес (пос. **Шаргород**) **536**
89. МЫ БЫЛИ В СПИСКАХ НА УНИЧТОЖЕНИЕ
Цукерман Соня (пос. **Шаргород**) **541**/*735*
90. В ШАРГОРОДСКОМ ГЕТТО Я ОСИРОТЕЛА
Шнайдер Клара (пос. **Шаргород**) **544**/*735*
91. МОЯ РАСТЕРЗАННАЯ ЮНОСТЬ
Прокупец Лиза (с. **Яланец** Бершадск. р-на) **548**/*735*

БЕЛОРУССИЯ (92-97)

92. МОЯ ЮНОСТЬ: ПОБЕГ ИЗ ГЕТТО, В ПАРТИЗАНАХ, НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН И КОНЦЛАГЕРЬ
Гимпилевич Анна (Витебская обл., дер. **Обольцы** Толочинского р-на) **556**/*737*

93. УЗНИЦА ГЕТТО-ПАРТИЗАНКА
Канингисер Хава (Витебская обл., г. **Дисна** Миорского р-на) **561**/*737*
94. Я – ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ ТРАГЕДИИ В ПЛИССЕ
Цимкинд Моше (Витебская обл., дер. **Плисса** Глубокского р-на) **569**/*738*
95. ПОБЕГ ИЗ УЗДЕНСКОГО ГЕТТО
Голанд Авраам (Минская обл., г. **Узда**) **579**/*739*
96. БЕГСТВО ИЗ ОККУПИРОВАННОГО БОБРУЙСКА
Кацнельсон Лиза (Могилёвская обл., г. **Бобруйск**) **586**/*740*
97. Я – ДОЧЬ ПАРТИЗАНКИ
Плакс Соня (Могилёвская обл., г. **Могилёв**) **591**/*741*

РСФСР (98)

98. МОЙ СПАСИТЕЛЬ – ПРАВЕДНИК НАРОДОВ МИРА
СЕРГЕЙ МЕТРЕВЕЛИ
Зигель Эмиль (Ставропольский край, г. **Кисловодск**) **597**/*741*

МОЛДАВИЯ (99-108)

99. МАМИНА ЛЮБОВЬ СПАСЛА НАС
Давидович Леонид (г. **Рыбница**) **605**
100. МЫ ПОСТОЯННО БЫЛИ НА ГРАНИ СМЕРТИ
Кижнерман Рива (г. **Рыбница**) **610**/*742*
101. ДЕТИ ХОЛОКОСТА
Кушнир Александра и **Кушнир Хаим** (г. **Рыбница**) **618**
102. МЛАДЕНЧЕСТВО НА КРАЮ ГИБЕЛИ В ГЕТТО
Любер Александр (г. Рыбница) **627**/*742*
103. ФАШИСТЫ УТОПИЛИ ДЕДУШКУ, БАБУШКУ И ДЯДЮ
Мильштейн Александр и Султанович Сарра (г. **Рыбница**) **631**/*743*
104. МОИ ЧЕТЫРЕ МАМЫ
Филициан Семён (г. **Рыбница**) **639**/*743*
105. НЕ НАДО БЫЛО ПРИЧИНЫ, ЧТОБЫ УБИТЬ ЕВРЕЯ
Фридман Роза (г. **Рыбница**) **642**/*744*
106. О ГОДАХ, ПРОЖИТЫХ В ГЕТТО, Я ПОМНЮ ВСЁ
Шапиро Софья (г. Рыбница) **647**/*744*
107. ЗАКЛЮЧЁННЫЙ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЯ, АРТИЛЛЕРИСТ НА ФРОНТЕ
Штейн Абрам (г. **Рыбница**) **653**/*745*

ПРИБАЛТИКА (108-111)

108. МОЯ СЕМЬЯ ПОГИБЛА В КОНЦЛАГЕРЯХ САЛАСПИЛС И ОСВЕНЦИМ
Качергински Эдит (г. **Лиепая, к/л Саласпилс, Кайзервальд, Дунданга,** Латвия; **к/л Штутгоф**, Польша) **658**/*745*

109. АРЧИК И БЕР: ЕВРЕИ, СПАСЁННЫЕ ПРАВЕДНИКАМИ
Раухман Аарон (г. **Рига**, Латвия)
Авторы Шмуэль Бурин, Яков Слободар **659**/*746*

110. В ОСВЕНЦИМЕ НАС ИЗ ЛЮДЕЙ ПРЕВРАТИЛИ В НОМЕРА
Виз - Визгордиски Яков (г. **Каунас**, Литва; **Дахау**, Германия; **Освенцим**, Польша) **664**/*747*

111. НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРОЩЕНИЯ НАЦИСТСКИМ УБИЙЦАМ
Меламдович Цви (г. **Каунас**, Литва) **672**/*747*

КОНЦЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД И ДАХАУ (112)

112. Я БЫЛ УЗНИКОМ БУХЕНВАЛЬДА И ДАХАУ
Вайс Артур (Чехословакия, Венгрия, Сербия, Германия) **676**/*748*

НАШИ РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ, ПОГИБШИЕ В ХОЛОКОСТЕ
(поимённые списки).....**687**

Словарь еврейских слов **749**

Благодарности людям и организациям **753**

Аннотация книги на русском языке.....**755**

Аннотация книги на иврите и английском языках **756**

Дорогие друзья из Реховота!

Приветствую вас и сердечно благодарю за замечательную инициативу – подготовку и выпуск в свет уникального издания – **книги воспоминаний о Катастрофе «ПОМНИ!»**. Создание вами «малой энциклопедии» довоенной жизни евреев СССР и тех ужасов, которые постигли наш народ в кровавые годы Шоа, – это действительно блистательный результат многолетней работы Объединения бывших узников нацистских концлагерей и гетто г. Реховота – репатриантов из СССР и стран СНГ.

Вторая мировая война стала величайшей трагедией в истории нашего народа. Мощная, хорошо отлаженная машина смерти, запущенная нацистами и их пособниками, была направлена на уничтожение еврейского народа. Ни в чём не повинных людей убивали, планомерно истребляли только за то, что они – евреи. Вы оказались в самом страшном, последнем круге нацистского ада – гетто и концлагерях. На ваших глазах миллионы наших сестёр и братьев сгорели в адском пламени. Ваши свидетельства о том, как погибал, как сопротивлялся смерти, как выжил еврейский народ в то ужасное время, – бесценны, и ваша книга является достойным вечным памятником шести миллионам погибших в Холокосте евреев.

Вы, спасшиеся в Холокосте, в тяжелейшие послевоенные годы выпрямились, выучились, честно трудились, в мирное время создали семьи, вырастили и воспитали замечательных детей – первое поколение после Катастрофы. И для каждого из вас наступил день, изменивший судьбу и объединивший всех нас: вы и ваши дети стали гражданами Государства Израиль. Ваши семьи внесли огромный вклад в развитие нашей настоящей родины: вы успели потрудиться много лет для её блага, ваши дети и внуки прошли службу в Армии обороны Израиля, получили образование и занимают сегодня достойные места во всех областях жизни Израиля. Они радуют всех нас своими успехами. Это та молодёжь, которой предстоит передать своим детям знания и память о Катастрофе, полученные от вас в виде этой книги.

Спасибо вам большое!

С огромным уважением,

Софа Ландвер, министр
по делам репатриантов Государства Израиль

26 февраля 2013 г.

אני נרגש וגאה לברך אתכם בצאת ספר ייחודי ויקר ערך זה, המאגד הזיכרונות והעדויות, ההוכחות הניצחות לזוועות שעברתם ולחייהם של אלו שאינם עמנו עוד. כל אלו יועברו הלאה לדורות הבאים, למען נזכור ולא נשכח, שבדמעתכם, בגופכם ובנפשכם הנכם מצווים לנו את החיים ואת השמירה על חוסנו של העם היהודי.

אנו עושים ככל הניתן כיום בכדי להנחיל את סיפורי חייכם לילדי העיר. את סיפורי האימה, המספרים המפחידים, המסמכים המצמררים ואת גבורתכם, על ששרדתם את השואה ובניתם ביתכם בישראל, תוך תעצומות נפש אדירות.

כל אחד מהנושאים והסיפורים בספר זה מעלים צמרמורת וכאב, הזדהות ורצון לנסות ולהבין את הבלתי נתפס שעולה מהדפים-איך קרה כדבר בתולדות האנושות? הייתכן שהעולם שתק? הייתכן סבל כה גדול? כיצד שרדתם את התופת? בסיפורים האישיים הצלחתם גם לקשר ולשזור את החוטים בין הערכים של העם היהודי, הדת, המסורת והסולידריות לבין יכולת ההישרדות שלכם מימי הגלות והשואה ועד להקמת בית בארץ ישראל. הידע הרב שהענקתם לנו כאן ילך אתנו בכל אשר נפנה.

תודתי הרבה להתאחדות אסירי מחנות הריכוז הנאצים והגטאות ברחובות, בראשות ליזה קסלברנר ולכל אחד ואחת מכם על המאמץ האישי שלכם למסור לנו את רגשותיכם וסיפוריכם ומי ייתן ותזכו לבריאות ואריכות ימים, למראה חיוכם של ילדיכם ונכדיכם, אשר בנו ביתם בעירנו ובכך ניצחונכם.

תודה מיוחדת לחבר הנהלת העיר, מחזיק תיק הקליטה, יפים זאיקה, על פועלו הרב בכל ימות השנה, יישר כח!

רחמים מלול, ראש העיר רחובות

13.02.2013

Я рад приветствовать вас по случаю выхода в свет вашей книги «ПОМНИ!», представляющей большую ценность. В ней увековечены воспоминания, свидетельства и доказательства ужасов, которые пришлось пережить в Катастрофе вам и вашим товарищам по объединению, уже ушедшим от нас. Ваши свидетельства, написанные слезами из глаз, рыданиями из души, – это завещание будущим поколениям, которые придут жить, и повеление им помнить, не забывать и укреплять прочность еврейского народа.

Мы сделаем всё возможное, чтобы истории вашей жизни стали достоянием детей и молодёжи нашего города.

Каждая из тем и историй в этой книге вызывает озноб и боль, сочувствие автору и пробуждает желание понять то неуловимое, что поднимается с прочитанных страниц: как такое произошло в истории человечества? Почему весь мир молчал? Как стали возможны такие страдания? Как можно было выжить в том аду?

Ваши личные истории связались в единую ткань, в которой переплелись нити ценностей еврейского народа, религии, национальных традиций, единодушия, позволившие Вам выстоять на чужбине, пережить ужасы Катастрофы и после тяжелейших испытаний основать свой дом на Земле Израиля. Вы подарили нам знания, которые будут сопровождать нас всю дальнейшую жизнь.

Моя глубокая благодарность Реховотскому объединению бывших узников гетто и концлагерей во главе с г-жой Лизой Кесельбренер, каждому из авторов за личные усилия в создании книги. Желаю Вам здоровья и долголетия, счастья вместе с детьми и внуками, которые построили свои дома в нашем городе, и в этом Ваша заслуга и жизненная победа. Особую благодарность выражаю депутату муниципалитета, ответственному за интеграцию репатриантов Ефиму Заике за плодотворную повседневную работу с общественными организациями репатриантов города, одним из больших достижений которой явилась эта книга.

Рахамим Малюль,
мэр города Реховота

13 февраля 2013 г.

Уважаемые читатели и авторы книги!

В городе Реховоте девять лет проводит работу добровольное объединение бывших узников нацистских гетто и концлагерей «Помни!» – более 120 человек под руководством г-жи Лизы Кесельбренер.

Муниципалитет города, Реховотское отделение Союза ветеранов Второй мировой войны – борцов против нацизма помогают им в проведении мероприятий по сохранению памяти о погибших в Катастрофе европейского еврейства. Мэр города г-н Рахамим Малюль и городской отдел по делам репатриантов горячо поддержали решение этих уважаемых жителей Реховота издать сборник воспоминаний последних свидетелей Шоа и оказали значительную материальную поддержку в его осуществлении. Достоин высшей похвалы проделанный ими нелёгкий труд по сбору и подготовке к печати огромного документального материала, учитывая состояние здоровья и возраст авторов.

Невозможно было без чувства боли и сострадания читать рукопись книги о пережитом авторами в годы Катастрофы. Приводимые в книге факты и подробности потрясают. Будучи лично знаком с авторами, я открыл для себя при чтении новые замечательные качества этих сильных духом людей. Я восхищён Вашей стойкостью!

Мы полностью солидарны с людьми городского объединения «Помни!», которые рассматривают эту книгу как выполненный ими долг перед своими погибшими родными и близкими в Катастрофе и в рядах борцов против нацизма. Но они сделали больше: их страшные свидетельства пополнили историческую память еврейского народа о Катастрофе. Богатейшее содержание книги, усиленное помещёнными документами и фотографиями, несомненно, обладает познавательной и воспитательной ценностью для широкого круга читателей. Израильский национальный институт памяти жертв Катастрофы и героев Сопротивления «Яд Вашем», ознакомившись с присланной ему рукописью книги «Помни!», не только оказал коллективу авторов финансовое содействие, но и предложил поместить на видном месте в книге свой логотип. Это лучший «знак качества» вашей книги.

Наряду со скорбным тоном книги в ней также звучит свойственный нашему многострадальному народу оптимизм. Весьма интересны рассказы авторов о послевоенной их жизни, о профессиональной и личной самореализации, о постепенно созревшем решении репатриироваться в Израиль, о судьбе семьи после приезда в еврейское государство. Все они испытывают огромное удовлетворение от пребывания на исторической родине, ощущают защищённость от антисемитизма и внешних врагов, гордятся своими детьми, внуками и правнуками. Такое единство трагической, драматической и оптимистической тем книги придаёт ей особенное достоинство. Мне не приходилось ранее сталкиваться с таким количеством оригинальных жизнеописаний жителей нашего города – репатриантов, и в этом смысле книга является замечательным вкладом в историю Реховота.

Я благодарю авторов этой книги – наших отцов и матерей, дедушек и бабушек – за то, что вы дали нам уникальную возможность из первых уст узнать о

пережитой нашим народом трагедии Холокоста. Ваша просьба, ваше требование, заключённые в названии книги «Помни!», будут свято выполняться нами всегда.

Искренне желаю каждому из Вас здоровья и счастья, долголетия и радости в жизни.

Ефим Заика, депутат Реховотского муниципалитета,
ответственный за интеграцию репатриантов города

14 марта 2013 г.

НАШ ГЛАВНЫЙ ДОЛГ – РАССКАЗАТЬ ВСЕМ

Уважаемый читатель!

Городское добровольное объединение бывших узников нацизма «ПОМНИ!» существует девять лет на членские взносы, которые уходят на текущую практическую помощь больным членам организации, проведение городских вечеров Памяти о Катастрофе, скромные подарки членам организации и, к прискорбию, на проводы в последний путь.

Все эти годы нашему объединению постоянно оказывает всестороннюю поддержку житель Реховота, друг нашей организации Абрам-Михаэль Гринзайд – Председатель Всеизраильского Союза ветеранов Второй мировой войны – борцов против нацизма. В клубе Реховотского отделения Союза ветеранов войны нам созданы хорошие условия для организационной работы, проведения встреч и вечеров Памяти, сбора и хранения материалов, участия во всех мероприятиях клуба ветеранов. От всей души мы благодарны Абраму Гринзайду за всё сделанное для нас.

Возраст участников нашего объединения – 77-90 лет. География мест, где прошли наши детские, юношеские годы за колючей проволокой лагерей и гетто в период Шоа, широка: Украина, Белоруссия, Россия, Молдавия, Литва, Латвия, Польша, Венгрия, Германия. Много лет нас объединяет долг выживших перед шестью миллионами погибших братьев и сестёр – быть в нашем городе Реховоте хранителями Памяти о них. Пережив ужасы Холокоста, мы, последние его свидетели, не можем даже в мыслях допустить повторения еврейской трагедии.

Создание коллективной книги воспоминаний о Холокосте не было случайностью: во-первых, в течение девяти лет мы неустанно собирали материал для будущей книги, во-вторых, каждый автор – член нашего объединения сознательно, вопреки своему здоровью, сделал мужественный шаг. Он заключался в том, чтобы заставить себя вспоминать письменно, в деталях и картинах, то, что хотелось бы вычеркнуть из своей жизни и забыть. Один из авторов Иосиф Галицкий написал: «Для меня Катастрофа продолжается все годы, и сегодня». Да, для многих людей мысленный возврат в прошедшее – это, слава Богу, способ получить душевный отдых, передышку от забот настоящего, – у нас такой возможности нет. Память о прошлом мучит и не отпускает никогда. Ведь на наших глазах, в метре от нас, погибали насильственной смертью родные и близкие, торжествовал и глумился враг, происходила трагедия еврейского народа, его

общин, каждой еврейской семьи. Наша Память приказывала вспоминать для потомков прошлое из чувства долга перед будущим, с тревогой о нём. Мы понимали, что, если не напишем сами о том страшном времени, никто за нас это сделать не сможет.

Книга «Помни!» – это «коллективный портрет» людей, переживших своё раннее детство, или отрочество, или юность, данные человеку один раз, – в обстановке трагедии, Катастрофы европейского еврейства, под непосредственной властью фашистских оккупантов разных стран и их местных пособников. Особенность нашей книги в том, что она является сборником 130 биографий людей, по чьим судьбам ударила Катастрофа, от их рождения до сегодняшнего дня – в Израиле.

В книге приняли участие несколько групп авторов. В первую вошли те, которые к началу войны были зрелыми молодыми люди, успевшими до 1941 года окончить десятилетку, начать работу, учёбу в вузах. На их долю пришлись нацистские гетто или лагерь, помощь родителям, ответственность за пожилых людей, побег из неволи и участие в вооружённом сопротивлении немецким фашистам в партизанском отряде и в Красной армии – и об этом их рассказы.

Вторую группу составили люди, которым к 22 июня 1941 года исполнилось от 5 до 12 лет – дети и подростки периода Холокоста. Их цепкая детская память навсегда запечатлела страшные картины того времени, смерть родных и близких, порядки и быт гетто, их память сохранила детали, которые способны увидеть только дети.

Равноправными участниками нашей книги стали авторы третьей группы – малыши войны, родившиеся в 1938-41 годах. Их долей стала общая судьба еврейского народа: пребывание в гетто или лагере, где фашисты особенно зверски убивали младенцев и малышей, охотились за ними. Казалось бы, что они могут осознанно вспомнить о Катастрофе? Тем не менее, именно рассказы о том, как их жизни героически были спасены родными или чужими людьми, необычайно волнуют душу. Эти дети выжили поистине чудом. Если после войны остались живы родители или мама, родственники или приёмные родители, эти дети многие годы находились с ними, спрашивали, впитывали, запоминали, записывали имена погибших родных и близких, рассказы взрослых, старших братьев, сестёр, собирали и хранили фотографии своих родных. Они выполнили свой долг – сберегли для близких, а в конечном счете, для еврейского народа горькую историю своей семьи во время Шоа. И этот материал, представленный в книге, по цепочке памяти будет переходить к младшим представителям их семейного рода. Они наиболее молодые бережные хранители памяти погибших, умерших, пропавших в Холокосте и на фронте в борьбе против нацизма.

Комитет объединения поддерживает связь с семьями ушедших из жизни членов нашей организации. В книге есть ряд ценных воспоминаний, подготовленных к печати по материалам, переданным в редколлегию их детьми, жёнами, мужьями, братьями, сёстрами. Всем им наша глубокая признательность. Мы считали правильным сохранить память о наших умерших товарищах и включить их воспоминания в книгу. Ведь недаром говорят: «Человек жив, пока память о нём жива».

Нет возможности перечислить имена родных и близких наших авторов, которые, узнав, что готовится книга «Помни!», специально для неё прислали необходимые фотоснимки и документы из Америки, Канады, Австралии, Украины. Огромная им

благодарность за участие в повышении исторической ценности нашего общего труда. Верными помощниками во время работы над книгой стали наши дети, внуки и правнуки, свободно владеющие поиском данных. Эта заинтересованная молодёжь очень помогла нашей книге, собирая для любимых дедушек и бабушек информацию о семье в Интернете, в электронных архивах мира. Имена людей и названия организаций, помогавших нам в подготовке книги, помещены в специальном разделе книги.

Коллективная книга наших воспоминаний о Шоа – единственная возможность оставить свой страшный опыт потомкам в долговечном печатном и электронном виде. Мы верим, что наша книга нужна, и надеемся, что её будут читать люди разных возрастов и национальностей, думающие о завтрашнем дне своей страны и мира.

Лиза Кесельбренер, председатель Реховотского объединения
бывших узников нацистских гетто и концлагерей «Помни!»,
председатель общественной редколлегии книги

ИЗ ЖИЗНИ ОРГАНИЗАЦИИ

ЧИТАЯ РУКОПИСЬ КНИГИ «ПОМНИ!»

С волнением прочёл рукопись подготовленной к печати книги воспоминаний «Помни!» Реховотского объединения бывших узников нацизма. Эта книга оплакивает судьбу тысяч и тысяч евреев, подвергшихся кровавому геноциду и зверскому уничтожению в годы Второй мировой войны.

Всё большое начинается с малого: та великая трагедия еврейского народа, которая теперь известна под названием Холокост или Шоа, сложилась из множества местных, неведомых миру, бедствий. Затерянные на огромных просторах оккупированной немецкими фашистами земли, в небольших городах и местечках, эти локальные Катастрофы лишь теперь выходят из забвения и становятся предметом истории.

Читая эту книгу, мы вновь испытываем чувство глубокой боли и ужаса, когда думаем о людях, стоявших перед дулами немецких автоматов, о родителях, видящих гибель своих детей, о детях, умирающих от голода, болезней, издевательств палачей. Люди, выжившие в Катастрофе, рассказывают в книге «Помни!» о том, что несут с собой расизм, нацизм, национальные и религиозные предрассудки, нетерпимость, отсутствие свободы и неуважение к человеческому достоинству.

Это не просто книга. Каждая её строка обагрена кровью наших родных и близких, ставших жертвами нацизма. Те, кто пережил фашистский геноцид, рассказывают на её страницах о своей глубокой, непроходящей боли, незалеченных ранах потерь и разлук.

Книга эта – завещание чудом уцелевших от имени погибших всем новым поколениям. Она призвана будить совесть и память у всех людей для того, чтобы никогда более не было больших и малых Катастроф. Никогда!

В отличие от других книг воспоминаний о Холокосте, вышедших в Израиле и в других странах, читая эту книгу, мы получаем полное представление о жизни каждого автора, начиная с его детства: о довоенной жизни семьи, о пребывании в гетто или концлагере и послевоенной его судьбе вплоть до сегодняшнего дня. В этом видится серьёзная работа организации, годами собиравшей материалы и ценные фотодокументы о членах объединения, и несомненный большой вклад в создание книги председателя организации. Люди, писавшие свои воспоминания, не имеют отношения к литературе, журналистике, поэтому с каждой страницы веет на читателя безыскусная страшная правда. Благодаря хорошо продуманной концепции книги и подготовке текстов редактором книга волнует и читается до последней строки с неслабеющим интересом. Большое спасибо и низкий поклон всем, кто причастен к созданию этой книги.

Ефим Красноштейн, бывший узник гетто.
Писатель, журналист. Член Союза журналистов СССР.
Гор. Эдмонтон (Канада).

ОСОБЕННОСТИ КНИГИ «ПОМНИ!»

В книге «Помни!» приняли участие люди, чудом выжившие в нацистской мясорубке. Они спаслись или были спасены, выросли, но не в состоянии забыть о страшных годах Катастрофы, убитых нацистами родных, отнятом оккупантами детстве или юности. Эти пожилые, нездоровые, много страдавшие люди, последние свидетели Шоа, репатрианты разных лет – выходцы из бывшего Советского Союза, сумели найти в себе силы стать участниками коллективной книги воспоминаний о Холокосте.

В ней каждый из авторов по мере возможностей рассказал о своей семье, о личной судьбе в годы Шоа, а в итоге получилось единое содержательное повествование о трагедии еврейского народа в середине XX века. Их горькие рассказы эмоциональны, читателю передаются боль, ужас, страх, скорбь, гордость, мужество рассказчиков – людей с изуродованными детством и юностью, но не сломленных. Эти свидетельства представляют ценный вклад в сохранение Памяти о Катастрофе европейского еврейства в годы Второй мировой войны.

В книге опубликованы:

1) свидетельства более 100 человек, спасшихся в Шоа, о геноциде европейского еврейства, материалы о 23 ушедших из жизни членах объединения,

2) рассказы бежавших из гетто в партизанские отряды, ушедших после освобождения из фашистской неволи на фронт (Л. Василевская, М. Цимкинд, А. Гимпилевич, И. Галицкий, Р. Зак, Э. Зигель, А. Штейн, Х. Канингисер), воспоминания узников концлагерей Бухенвальд, Дахау, Освенцима и других лагерей (А. Вайс, Я. Визгордиский, Э. Качергински),

3) рассказы евреев о спасении их жизни Праведниками народов мира,

4) редкие фотоматериалы из семейных архивов: довоенные и послевоенные, а также несколько обнаруженных в семьях документов периода фашистской оккупации (В. Либерман, А. Гимпилевич, В. Бейлис, Д. Пекер, П. Голуб, П. Цап),

5) сведения о 630 убитых, погибших и умерших в лагерях и гетто, пропавших в период Шоа родственников в разделе «Наши родные и близкие, погибшие в Катастрофе»,

6) данные о родных и близких, воевавших в рядах Красной армии против нацистской Германии, погибших и вернувшихся с войны, о роли Красной армии в освобождении гетто и лагерей.

Отличие книги «Помни!» от других сборников воспоминаний о Шоа в том, что читатель получает **цельное** представление о жизни автора воспоминаний. Книга в каждом тексте последовательно **представляет:**

а) **довоенную жизнь** семьи или целого семейного рода, местечка, села, города с их бытовым, культурным укладом и еврейскими духовными ценностями (образ еврейского мира до войны, согласно Ирит Абрамски). Знакомство читателя с ячей-

кой еврейской общины в предвоенный период поможет ему лучше понять её поведение, действия, судьбу в последующем рассказе о Катастрофе;

б) **картины Катастрофы** европейского еврейства, увиденные, пережитые во время фашистской оккупации и рассказанные автором. При этом воспоминания о Катастрофе выделяются как более значительным объёмом, так и особой детальностью и живыми подробностями;

в) **историю жизни** автора **после освобождения** из нацистского гетто или лагеря и до сегодняшнего дня. Читатель узнает о профессиональной, духовной самореализации человека, выжившего в Катастрофе, о судьбе его родных и близких, прошедших гетто и лагеря, судьбах рожденных детей, о последствиях Холокоста, о сохранении памяти жертв Катастрофы – родственников автора, о путях и особенностях репатриации бывших узников нацизма из СССР в Израиль в 70-е-90-е гг. XX века.

Особое графическое оформление текстов даёт читателю возможность читать книгу как «по вертикали» (текст за текстом), так и «по горизонтали» (темы, интересующие читателя). Можно, например, ознакомиться только с воспоминаниями о Катастрофе, или только с мемуарами о предвоенной жизни еврейских местечек, или только с судьбами бывших узников нацизма в послевоенное время в СССР, или только с их путями в Израиль и жизнью в нём.

«Словарь еврейских слов», помещённый в книге, объясняет читателю некоторые слова, использованные авторами в воспоминаниях и выделенные в текстах *курсивом*.

Книга «Помни!» – это небольшая энциклопедия еврейской жизни, рассказывающая о существовании на территории Российской империи и бывшего СССР многовековых еврейских общин, разгром которых был начат советским государством и завершён фашистами разных стран в 1941-45 годах.

Вероятно, это первое в истории нашей алии собрание биографий репатриантов из СССР, жителей Израиля и г. Реховота, такого объёма, и оно является ценным во многих отношениях сводом информации для изучения, а возможно, и перевода на государственный язык.

Давид Школьник,
общественный редактор книги. Гор. Реховот.

ВОСПОМИНАНИЯ О ХОЛОКОСТЕ

ПОМНИТЕ

Помните об уничтожении рода Израилева –
помните о борьбе и гибели евреев и извлеките из этого урок.
Память о гибели станет солью в вашем доме,
войдёт в вашу плоть и кровь.
Стисните зубы и вспоминайте.
Помните, когда вы едите и когда вы пьёте – помните.
И когда вы слышите песню – помните.
И когда солнце светит – помните.
И когда наступит ночь – помните.
А когда вы строите дом, разберите одну стену,
чтобы всегда перед вашим взором был разрушенный Дом Израиля.
А когда вы пашете поле, соорудите на нём насыпь из камней
в виде памятника погребённым не по еврейскому обычаю.
А когда вы поведёте своих детей под хупу, воскресите
в своей памяти тех еврейских детей, которых уже никогда и никто
не поведёт под хупу. Даже Кадиш никто не прочтёт для них!
И станут они, как одно целое!
Мёртвые и живые.
Лишённые жизни и оставшиеся в живых.
Те, кого больше нет, и спасшиеся.
Слушайте и услышьте, как взывает к каждому из нас их голос.
Не успокаивайтесь, не успокаивайтесь...

Марк Дворжецкий,
участник антифашистского подполья
Вильнюсского гетто

ПАМЯТЬ.
Художник Валерий Куров (Реховот).

УКРАИНА (1-91)

1.

Бейлис Валентина,
Бейлис Евгений
(г. Киев)

МАМА СПАСЛА НАС ОТ БАБЬЕГО ЯРА

Довоенная жизнь.

До войны наша семья жила в **Киеве**, в старом районе Подол. Со временем семья наша увеличивалась. Мои родители **Меер Бейлис** (1903) и **Пелагея Монтофилова** (14 октября 1902) поженились в **1924** году, и я, **Валентина Бейлис**, родилась через год, **10 октября 1925** года. За мной появились на свет мои братья: **Анатолий** (8 июля 1928), **Борис** (23 мая 1936) и **Евгений** (6 августа 1940). Отдельно от нас в том же дворе жила моя глухонемая бабушка по отцу **Перка**.

Отец Меер происходил из очень состоятельной семьи. Один из его двоюродных дядей Менахем-Мендель Бейлис известен по знаменитому процессу «Дело Бейлиса». С революцией всё семейное имущество и сбережения были потеряны, и, если бы не это обстоятельство, мои родители вряд ли бы встретились – моя мама была из очень бедной семьи. Папа окончил коммерческое училище и работал бухгалтером на мельничном комбинате, мама – продавцом в магазине, но, когда семья увеличилась, она занималась только домашними делами и детьми. Отец никогда не был добытчиком, но постоянно для дополнительного заработка делал годовые отчёты для различных организаций. Вместо отпусков он брал денежную компенсацию. В быту папа был непрактичен, и мама над ним подсмеивалась по этому поводу. Жили мы скромно, но в любви и заботе.

Меер Яковлевич Бейлис
1939 г.

В моей памяти родители были добрыми, любящими и очень весёлыми людьми. Они много читали и привили любовь к чтению и мне. Мама любила оперетту и кино, отец – оперу. Работая над бумагами, он всегда насвистывал какую-нибудь оперную мелодию. Папа выглядел очень моложаво, и, когда мы ходили в театр вдвоём, его приятели подшучивали над ним, грозясь рассказать жене о «подружке». Помню, как на гастроли приехал еврейский театр, и наша семья пошла на спектакль. У отца идиш был родным языком, и он вначале пытался синхронно переводить реплики актёров, но вскоре прекратил и пообещал, что перескажет после.

Отец очень любил Днепр, и всей семьёй мы ходили загорать на берегу и кататься на лодке. От отца я научилась никогда не лезть в толпу, бороться со стадным инстинктом. Помню, мы отдыхали семьёй на Днепре. Началась гроза, и люди бросились к катерам. Отец же велел нам забраться под лодку и сидеть там. Возможно, этим он спас нам жизнь. В тот день в давке было много погибших.

В **1925-26** годах отец служил в Красной армии в Туркестанском округе в разгар борьбы с басмачами. В **1939** году его призвали в армию для участия в «освобождении западных земель», по сути, на войну в Польше. Он служил понтонёром (наводил понтонные мосты). Эта война вскоре закончилась, и отец вернулся с подарками нам, детям, но он купил вещи, которые никому из нас не подошли. В **1940** году папа участвовал в Финской войне.

После 7 класса я поступила в техникум. Поздно ночью случайно услышала разговор родителей о том, что им трудно платить за учёбу. Я пошла в техникум и без объяснений забрала документы. Больше я не училась.

Религиозные вопросы в семье не обсуждались. Тем не менее Анатолий прошёл обряд *брит мила*. Бабушка соблюдала *кашрут*, еду ей готовили в еврейской семье по соседству, но религиозной она не была и говорила, что, если бы бог существовал, он не дал бы ей стать глухонемой. Бабушкина немота была приобретённой, и она общалась с нами гортанными звуками, понятными близким людям. Нас она понимала, читая по губам.

Начало войны.

Когда началась война, отец как старший бухгалтер подготовил отчёт на работе, собрался и пошёл на призывной пункт. Но там ему сказали, чтобы ждал повестки. Уходя на фронт в **июле 1941** года, папа не разрешил его провожать, простился со всеми дома, а когда взял Женю на руки, то заплакал. Маме же сказал, чтобы уезжала в эвакуацию, мало ли что может быть.

Мать **Пелагея** (по-домашнему Поля) **Васильевна** осталась с четырьмя детьми: мне, старшей, – 16 лет, самому младшему сыну **Евгению** – 10 месяцев и 63-летней папиной мамой – бабушкой Перкой.

Мама попыталась уехать из Киева, но вокзал был забит людьми, и творилась такая неразбериха, что она поняла: с четырьмя детьми и глухонемой свекровью ей никуда не добраться.

Киев бомбили немцы. Мама увезла нас в деревню, но после того, как она способствовала поимке шпиона, её попросили уехать. Немцы были близко, и люди боялись.

В годы оккупации. Бабий Яр.

Вскоре после того, как мы вернулись в **Киев**, в город вошли немцы. Было страшно и жутко.

По городу расклеили объявления о том, что все евреи должны собраться для отправки якобы в Палестину. Бабушка прочитала объявление и решила ехать. Мама уговаривала, умоляла её остаться с семьёй, но бабушка была непреклонна. По общему решению бабушка забрала с собой все оставшиеся ценности и отправилась,

как она думала, в Палестину. Через несколько дней всем стала известна правда о Бабьем Яре, где осталась бабушка **Перка-Ципойра Пейсаховна Эгидес** (1878).

Жили мы в Киеве на ул. Ратманского, 25, в квартире 16, с уборной и водопроводной колонкой во дворе. Как мы выжили в оккупации, сейчас даже сложно представить.

Бабушка Перка-Ципора Бейлис с годовалой внучкой Валентиной. 1926 г. Киев.

Впервые в жизни увиденное мной убийство человека в родном городе окончилось для меня сильным нервным потрясением. В самом начале оккупации, ранней **осенью 1941** года, я шла по улице, и вдруг передо мной произошло что-то ужасное. Немец ударил одного из горожан прикладом оружия по спине и, когда тот упал, выстрелил в него. Я испугалась и побежала по улице в противоположную сторону. Прибежала домой, меня трясло, несколько дней после этого я не могла говорить, выходить на улицу, есть. Меня поразило, с какой лёгкостью и без видимых причин враг расправился с безоружным жителем, прервал человеческую жизнь. Потом уже я видела множество убитых людей, мы узнали о Бабьем Яре. После массового расстрела в Бабьем Яре в семье царил страх. Мы боялись, что кто-то донесёт на нас немцам. Поэтому окна в квартире никогда не запирали на засов, чтобы в случае облавы могли убежать хотя бы старшие.

Сначала у нас были продукты. В нашем дворе находились конюшни, и часть коров и фуража в них остались, когда скот угнали на восток перед приходом немцев. Каждый из жителей нашего двора взял по корове и зерно, но немцы, как только вошли в город, всё отобрали. Мама успела закопать в сарае лишь часть зерна. Она растирала его и варила что-то наподобие клейстера, им мы и питались. Мы начали ходить в сёла менять вещи на продукты. Пошла я как-то со старшим братом Анатолием зимой через Днепр в село. А на обратном пути нас, как и всех других, занимавшихся обменом, задержали немцы и всё отобрали. Сидели мы с братом на обочине и рыдали, ведь дома мама и двое малышей, которых надо кормить. Пожилой немец нас пожалел и разрешил забрать свои вещи. Помню, с каким счастьем мы с братом брели и тащили санки через замёрзший Днепр. Снег был настолько ослепителен, что у меня несколько недель после этого путешествия болели глаза. После наших злоключений заниматься обменом ходила мама, а я оставалась с детьми.

Зимой 1941 года «порядочные украинцы» устроили сбор тёплой одежды для немцев. Управдом пришёл и сказал, что нам надо сдать как можно больше вещей, и многозначительно посмотрел на нас. Мама не могла не подчиниться приказу и тёплые вещи собрала, но перед сдачей изрезала их внутри.

Все соседи во дворе прекрасно знали, что наш папа еврей и мы еврейские дети, но никто из них нас не выдал. А вот медсестру-еврейку, которую из-за ранения наши отступающие бойцы оставили в соседнем доме № 27, сосед сам отвёл в ге-

стапо. До войны это был тихий нормальный человек. Но после освобождения Киева он со страху умер, сгорел от чахотки за несколько недель.

Я всегда удивлялась бесстрашию мамы. В самые, казалось, безнадёжные времена она верила, что наши вернутся и освободят от немцев. Где-то добывала листовки «От Советского информбюро». Я её спрашивала, где она их берёт, но она никогда не говорила. Однажды нас остановили для проверки документов. Мама тихо сказала мне: «Если меня возьмут, мы с тобой не знакомы». Посмотрела мне в глаза и шепнула: «Дети дома». Потом я догадалась, что среди вещей были листовки. Даже после войны, когда я однажды спросила об этом, она просто сказала, что люди дали.

В **1942** году немцы стали ловить молодёжь на улице и отправлять в Германию. В селе **Обухов** мама купила мне в «сельсовете» справку, по которой я была дочерью колхозника. Нам помогли уехать с Женей в деревню **Гоголев**, в которой было много довоенных знакомых. Приходилось мне работать в поле, в других местах. На работу всегда брала с собой двухлетнего Женю, ведь его негде было оставить. Подошёл к нам как-то немец и что-то сказал. А Женя ему в ответ: «Немец – кака!» Я похолодела, но немец, к счастью, ничего не понял. В Гоголеве проживала небольшая еврейская община, и летом **1942** года всех евреев согнали и куда-то увезли. Жили мы потом в других сёлах: Бровары, Ядловка, на одном месте подолгу не задерживались, все уже и не помню, много их было.

Я не выдержала такой жизни и вернулась с Женей в **Киев**. А там попала в облаву для отправки в Германию. Мама выкупила меня у полицая за деньги и вещи, какие были, и он выпустил меня среди людей, пришедших провожать. Но домой возвратиться я не могла, у меня не было документов. Мы с мамой ходили по всем знакомым с просьбой приютить меня на время, но никто на это не решался. Взял меня к себе сотрудник отца по мелькомбинату, папин друг **Николай Иванович**. Помню, как он сказал: «Валечка останется у нас». А ведь у него с женой **Еленой Константиновной** были свои дети 18-ти и 15-ти лет. В их семье я прожила около трёх месяцев, пока мне мама не принесла новые фальшивые документы. Сама же она с тремя моими братьями всё время меняла место жительства.

Я вернулась домой и сказала во дворе, что немцам не подошла и они меня отпустили. С новыми документами я получила «аусвайс» (*нем.* удостоверение личности) и устроилась на работу учеником маляра в контору «Инженер Бауэр». Мы ремонтировали квартиры. Приходилось носить кирпичи, перетирать раствор. Когда я была помощником маляра, с нами работал печник, горький пьяница. Он знал моего отца, знал, что он еврей, но у него и в мыслях не было донести на меня.

Врачи в Киеве во время оккупации работали, но не получали никаких медикаментов для населения. У меня образовался нарыв на пальце, а затем распухла вся рука. Пошли к врачу, потребовалось вскрыть и чистить рану на руке. Что врач и сделал, но без обезболивающих средств. Я кричала и ругалась до неприличия, а потом извинялась перед стареньким доктором. Он лишь сказал мне: «Деточка, я же всё понимаю».

Евгений. Некоторые события последних месяцев оккупации в **1943** году я помню отчётливо. Запомнилось, что брат Анатолий, прошедший при рождении обряд обрезания, не мог посещать баню в оккупированном Киеве. Для него купание устраивалось в комнате без окон, без отопления и горячей воды.

Осенью **1943** года к нам прибежали соседи второй бабушки (маминой мамы) и сказали, что бабушку **Настю** убили в её доме. Мама взяла меня и Бориса, и мы побежали к бабушке. Добежали до первого перекрёстка, и тут нам встретились полицаи. Они остановили нас и стали допрашивать, кто мы и куда идём. Шестилетний брат что-то сказал, и полицай толкнул его в спину ногой. Борис упал на булыжную мостовую, и ему выбило передние зубы. Нас всё же отпустили. Прибежали к бабушке (я на руках у матери). Её квартира находилась в полуподвале. Спустились, увидели мёртвую бабушку, лежащую в кухоньке. Она была застрелена, скорее всего, полицаями. Мы закопали бабушку во дворе, а сразу после освобождения Киева похоронили на Щекавицком кладбище.

Был опасный период, и мы жили какое-то время, а точнее, скрывались, на чердаке одного из деревянных домов в нашем дворе. Старший брат **Толик** уходил со сверстниками, и они в городе делали немцам разные пакости, занимались вредительством. Так выражалось их стихийное сопротивление врагу. Помню, у нас на чердаке имелась большая эмалированная миска синего цвета для разных нужд. Однажды мамы не было «дома». Толя дождался, когда внизу проходил немец, и бросил ему точно на голову эту железную миску, полную отходов и помоев. Немец упал без сознания. Нам пришлось тут же убежать с чердака и спрятаться в другом месте. Маму успели предупредить, что на чердак ходить нельзя. Она нашла нас и крепко выдрала Толю. Через некоторое время мы возвратились на прежнее место.

Немцы выгоняли молодёжь города на рытьё окопов. Валя ходила на эти работы со мной. Сестра копала, а я сидел под навесом, образованным щитами для снегозадержания. В поле за нами надзирал хромой немец. Он подошёл ко мне и на ломаном русском языке спросил: «Если бы ты поймал Гитлера, что бы ты с ним сделал?» Мы часто слышали в то время слова «убить», повесить», они были на слуху, и я ответил: «Убил бы и повесил». Мне показалось, что немец этот был из тех, кто устал воевать и не верил в победу. К моему ответу он отнёсся спокойно, хотя люди вокруг замерли от страха. Мне никакого наказания не было.

Валентина. Незадолго до освобождения Киева немцы стали выселять всех жителей. Сначала нас согнали в окраинный район Киева – Куренёвку. Но ночью мы вернулись оттуда домой. Днём прятались на чердаке, а ночью спускались, чтобы приготовить какую-то еду. Женя, хоть и был маленький, но понимал, что сидеть на чердаке надо тихо. А ведь ему было всего-то три года.

Раздобыли мы как-то капусту и засолили солью для скота. Капуста получилась горько-солёная, но это была еда. Мороженая картошка и проросшее зерно стали в это время основной пищей. Дети не видели ни капли молока, ни сахара, ни мяса.

Однажды днём немцы прочёсывали дома, нашли нас и погнали с остальными людьми на запад. На ночь остановились на какой-то горе. Мама со всеми нами,

детьми, подлезла под проволоку, мы скатились с обрыва и снова пробрались домой. Там мы и прятались до освобождения.

Освобождение.

Валентина. Перед освобождением уже советская авиация бомбила Киев. Мы с подружкой выбежали и кричали: «Давай, давай!», о себе совсем не думали. Сразу после освобождения Киева в **ноябре 1943** года я начала работать на телефонной станции монтёром.

Не передать словами горе моей матери и наше, когда мы получили в **1944** году извещение о том, что отец, «красноармеец **Бейлис Меер Яковлевич**, находясь на фронте, пропал без вести в сентябре 1941 года».

Мой брат **Анатолий** добровольцем пошёл в действующую армию в неполные 16 лет, несмотря на протесты матери. На фронте он был ранен весной **1945** года. Его отправили из полевого госпиталя санитарным поездом в тыл, в Куйбышевский госпиталь, но эшелон разбомбили, и никаких сведений о брате у нас нет. На наши запросы и поиски был получен ответ: «Красноармеец **Бейлис А. М.**, находясь на фронте, пропал без вести в апреле 1945 года».

В **1945** году 9 мая я шла с работы, и по радио объявили об окончании войны. Все шли счастливые, радостные. А я плакала и всё думала, что больше не увижу наших близких, которые погибли.

Послевоенная жизнь.

Валентина. После окончания войны меня долгое время вызывали в органы госбезопасности. Спрашивали, как же я, еврейка, уцелела в оккупации. Сколько я написала бумаг, сейчас и не вспомню. Всё это меня довело до того, что я им сказала: «Если считаете меня виновной, сажайте, если нет, оставьте в покое». Как ни странно, оставили.

На телефонной станции я проработала 45 лет на должностях от монтёра до старшего инженера. Очень любила, знала и понимала свою работу. Родилась дочь **Лариса**.

Мой брат **Борис** в 1945 году окончил 6 классов школы и ФЗУ по специальности строгальщик. Работал токарем, слесарем, фрезеровщиком на разных предприятиях, в том числе на 4-й обувной фабрике в Киеве. Одновременно окончил 10 классов вечерней школы, продолжал работать. У него были золотые руки и голова. Он подал около 40 рационализаторских предложений. О Борисе говорили, что, если бы он работал на Западе, то стал бы миллионером. Был женат, двое детей: Анатолий, Елена. Борис умер от болезни в **1990** году в Киеве.

Мама **Пелагея** умерла в сентябре **1982** года, не дожив месяц до 80-летия.

Евгений. В нашей маме было много жизненной энергии и любви к нам, четверым детям. Она была сильным человеком. Когда семья во время оккупации разделилась, мама была с двумя старшими братьями, а я находился постоянно с Валентиной, даже какое-то время называл её мамой. После войны сестра заменила мне родителей, потому что мать была добытчицей: чтобы нас прокормить, уходила, уезжала. Семьёй занималась Валя, мы её слушались, как папу и маму.

Валя говорила мне: «У меня не было возможности учиться, а ты обязан получить образование».

Я учился в школе, окончил Киевский топографический техникум и работал до армии в проектном институте «Водоканалпроект». В армии служил рядовым и помогал подполковнику – начальнику штаба полка разбираться в картах, он мало понимал в них, возил меня всюду с собой. Окончил Киевский строительный институт и работал в проектном институте «Гипросвязь» главным специалистом по геодезии до отъезда в Израиль. В **1966** году женился на девушке **Кате**, работнице телефонной станции. У нас родились дети: сын **Вадим** (1968) и дочь **Юлия** (1978).

<u>В Израиле.</u>

Валентина. С **1998** года я с моей дочерью **Ларисой**, зятем **Валерием** и двумя внуками живу в Израиле, в гор. **Реховоте**. Сейчас у меня есть правнучка, родившаяся в Израиле.

Евгений. В **1999** году я репатриировался в Израиль, сын с семьёй приехал в Израиль на 4 года раньше, живёт в г. Кармиэле и работает на заводе начальником смены. Мы с женой жили в **Реховоте** 11 лет. Оба работали по уходу за пожилыми людьми, а я также подсобным рабочим в магазине и т. п. С 2010 года живём в гор. **Гедере**, а дочь с семьёй – в Реховоте. Дочь работает продавцом в магазине обуви. У нас внучка и два внука – уроженцы Израиля.

Лариса Ильина, дочь Валентины.

Состояние маминого здоровья не позволило ей принять активное участие в работе над этими письменными воспоминаниями. Но, благодаря моему интересу как дочери и внучки к жизни семьи в годы оккупации Киева и войны, я сумела на протяжении многих лет дословно записать мамины рассказы о том времени. Я верю, что они представляют собой не только семейную память и ценность.

Как только я начала что-то понимать, т. е. с шести-семи лет, в «серое время», когда лишь начинало смеркаться, мы не зажигали свет, садились или ложились на кровать, и мама рассказывала о годах войны. Во время прогулок по городу она показывала места, связанные с военными событиями. Примерно в шестидесятом году, во время Карибского кризиса, однажды мама сказала слова, которые на меня произвели сильное впечатление: «Если ещё раз такое, как в 41-м году, случится, я покончу с собой – второй раз я этого кошмара не переживу. И своему ребенку не позволю пережить то, что я пережила, когда пришли немцы». Рассказывала очень много и бабушка Пелагея, но больше о жизни семьи в довоенные годы, про деда Меера, которого она безумно любила. И даже через 20 лет после окончания войны она ждала мужа. К ней сватались многие люди, а она говорила: «Ну как они могут сравниться с ним?» Я её спрашивала: «Бабушка, а как ты его

узнаешь, если бы он вдруг вернулся?» Она ответила: «Я обниму его за шею – и узнаю».

Валентина и Анатолий Бейлис. Киев. (На обороте – подпись: 19.IX.1942 г.)

Борис Бейлис, брат Валентины и Евгения. 1947 г. Киев.

Мать Пелагея с дочерью Валентиной. 50-е гг. Киев.

2.

Мичник Семен (г. Днепропетровск)

ПОБЕГ ИЗ-ПОД РАССТРЕЛА

Я хочу рассказать современникам и потомкам об испытаниях, которые перенёс я и все евреи, оказавшиеся на оккупированной немцами территории в г. Днепропетровске в годы Второй мировой войны. Важно, чтобы следующие поколения знали и помнили об этом и делали всё возможное, чтоб не повторилось такое ни с одним народом.

Довоенная жизнь.

Родился я, **Семён Самойлович Мичник**, на Украине в городе **Днепропетровске 26 мая 1930** года. Жили мы бедно в полутёмном подвальном помещении большого трёхэтажного дома на ул. Исполкомовской: моя мама **Рива Мичник** (1913), её мать – моя бабушка **Люба Рапопорт** (лет шестидесяти), мой младший братик **Гришенька** (1934) и я. Из удобств были электричество и водопроводный кран с ведром под ним. Отец Самуил оставил нас ещё до 1941 года.

В маминой семье мужчины: отец **Хаим** и братья **Яков**, **Исаак** и **Лазарь** были потомственными пекарями. Они держали в Днепропетровске пекарню, были уважаемыми людьми труда, их продукция пользовалась большим спросом, особенно разные булочки. В **1933** году всех четверых посадили в тюрьму по обвинению в «нэпманстве», каждого осудили на 10 лет. В первый же год лагерей умер дедушка Хаим. Дядя Яша вернулся перед самой войной очень больным и скончался в 1941 году в эвакуации. После ареста мужа и сыновей бабушка продавала возле двора семечки маленьким стаканчиком. Мама выполняла тяжёлые физические работы на стройке: носила на носилках стройматериалы, а перед войной работала приёмщицей в артели по ремонту домашней утвари. Я ходил в русскую школу и водил Гришу в детский сад. С нами дома говорили по-русски, а мама и бабушка общались на идише. За месяц до начала войны я окончил третий класс, мне исполнилось 11 лет.

Начало войны и оккупация.

С приближением фашистов к **Днепропетровску** перед мамой и бабушкой встал вопрос о нашей эвакуации. Мама была малограмотной, вероятно, не вполне понимала, что происходит и что делать. Её артель закрылась, поэтому мы лишились возможности эвакуироваться организованно. Родственники отца эвакуировались, и никто не пришёл, чтобы помочь нам тоже уехать в тыл. Мы привели к нам жить мамину младшую сестру **Машеньку** с двумя детьми: трёхлетней **Анечкой** и грудным сыном **Фимочкой**. Её муж **Володя** до начала войны был призван в Красную армию. Бабушка Люба успокаивала нас, говорила, что немцы в Первую мировую войну не трогали евреев, лишь петлюровцы и гайдамаки устраивали погромы. Мы с мамой ходили на железнодорожный вокзал, просили, чтобы нас взяли в эшелон, отправляющийся из Днепропетровска. Нам говорили: «Приходите завтра, будет формироваться новый эшелон, этот переполнен». Назавтра всё повторялось.

На оккупированной территории.

Через день в город вошли фашисты, в **августе 1941** года мы остались в оккупированном **Днепропетровске**. Положение в городе было ужасное. Евреям запрещалось ходить по улице без повязок с шестиугольной звездой, покупать на рынке, в магазинах. У нас не было запаса продуктов. Нечем было кормить семью из 7 человек. Мама ходила по дворам, занималась стиркой белья, убирала квартиры. Этим зарабатывала кусок хлеба, немного крупы, картошки, и иногда детям доставалось несколько глотков молока.

Я не был похож на еврея и свободно бродил по улицам с бывшими одноклассниками. Бегали мы к кинотеатру «Рот Фронт». Недалеко от кинотеатра располагался мелькомбинат. Когда наши войска отступали, они подожгли склады с зерном, и всё зерно сгорело. Мы бегали туда и рылись в пепле, выбирали годные зёрна жита для еды. Бабушка Люба варила нам из них похлёбку. Ходили мы в село Краснополье недалеко от города, собирали на полях остатки после уборки урожая: зелёную картошку, кукурузные кочаны, немного зерна. Всё несли домой. Так мы прожили около месяца.

Однажды ночью в середине **октября 1941** года в квартиру ворвался немецкий жандарм, с ним был наш сосед по двору дядя **Григорий**. Сосед сказал: «Соби-

райте ценные вещи, все документы и идите к центральному универмагу. Оттуда вас будут отправлять в гетто».

Помню, когда мы вышли на улицу, моросил мелкий дождь, было очень холодно. По улице шли толпой люди с вещами. Придя к универмагу на проспекте Карла Маркса, я увидел тысячи и тысячи евреев, они стояли рядами и занимали почти полпроспекта в длину. Нас также поставили в ряд из 15-16 человек, во всю ширину дороги. Фашисты и полицаи ходили по рядам, забирали вещи, драгоценности, документы. Обыскивали женщин. Долгое стояние изнуряло нас. Плакали дети. Женщины спрашивали у полицаев: «Куда поведут?» Они отвечали: «В гетто».

Наконец, когда стало светло, колонна тронулась. Нас вели по проспекту Карла Маркса, затем мы повернули вверх, на улицу Карла Либкнехта. Колонна, состоявшая из стариков, женщин с младенцами на руках, двигалась медленно, с обеих сторон шла охрана с собаками. Между конвоирами было расстояние 300-400 метров. Детишки постарше держались за руки или одежду матерей. Евреи начали осознавать происходящее, слышались стоны, плач детей. По обочинам дороги стояли горожане и с сочувствием смотрели на нас. Вдруг мы услышали позади музыку. Оглянувшись, я увидел соседа по двору **Изю**, он шёл в колонне и играл на скрипке еврейские мелодии. Изя был тихо помешан и находился в пригородной психбольнице. Вероятно, он сбежал домой. Его родители уже эвакуировались, надеясь, что их сына эвакуируют вместе с больницей. Немцы не запрещали ему играть. Нас вели к окраине города. Когда мы приблизились к Ботаническому саду, ко мне подошёл мой дальний родственник **Мотя**. Он предложил сбежать по дороге вместе с ним. Мотя был старше меня года на три, видимо, понял, что нас ведут на расстрел. Я отказался, так как не мог оставить своих родных и меньшего братика Гришу, которого крепко держал за руку. Я видел, как Мотя сумел ускользнуть из колонны. Мы продолжали идти: мама с бабушкой Любой, рядом я с семилетним братиком за ручку, возле нас тётя **Маша** (1919) с младенцем **Фимочкой** (1941) на руке, за вторую её руку держалась дочка **Анечка** (1939).

Когда колонна остановилась, я узнал местность – район Транспортного института. На его строительстве работала мама. Сюда нас водили пионервожатые на прогулку. Рассказывали нам про монастырь, который стоял тут до революции. Здесь была грунтовая дорога, а с обеих сторон её – поля с зарослями бурьяна, остатками каких-то растений. Фашисты стали отбирать людей партиями и уводить за лесопосадку. Оттуда доносились стоны, крики, плач, стрельба. Людей расстреливали. На нашей стороне леса началась паника. Что творилось, невозможно передать словами. Мама поняла, что нас привели расстреливать. Она стала меня выталкивать из колонны в заросли бурьяна и шептала: «Беги, беги, Сёмочка! Может, ты один спасёшься, вдвоём нас поймают». Я долго сопротивлялся, хотел бежать с братиком, которого крепко держал за ручку. Наконец мама вырвала руку братика и вытолкнула меня из колонны в высокий бурьян. Я отполз немного в сторону и очутился в небольшой ямке. Лёжа лицом к земле, слышал крики, стрельбу и потерял сознание. Когда очнулся, уже рассвело. Стрельба немного утихла. Неда-

леко от места, где я лежал, проходили немцы и обстреливали местность. Вероятно, Бог сохранил меня, я остался живым и незамеченным. Я пополз среди бурьяна к дороге.

Думаю, что в тот момент сработал инстинкт самосохранения. Местность я знал отлично, мы с мальчишками бывали здесь не раз. Когда выполз из леска, пошёл к Транспортному институту, оттуда на Лагерную улицу. Стояла дождливая слякотная погода, было очень холодно. Старался идти дворами, чтобы не поймали, я знал все ходы и выходы и пришёл домой на рассвете следующего дня. Войдя в квартиру, увидел, что всё перевёрнуто. Я зарылся в тряпьё и уснул. Сколько времени я спал, не помню. Обнаружил меня тот же сосед дядько **Грицько**. Что он искал в квартире, не знаю. Я лежал мокрый, грязный. Он стал меня расспрашивать, как я здесь оказался. Я рассказал, что убежал из-под расстрела. Он запаниковал и говорит: «Что мне с тобой делать, Сёма?» Затем забрал меня в свою квартиру. Немного меня обмыли, переодели и покормили. Дядько Грицько был отцом моей подруги-одноклассницы Люси. Оставить меня у себя он боялся: если у него немцы обнаружат еврея, расстреляют всю его семью. Он мне посоветовал: «Иди в полицейский участок на Комсомольской, там сейчас собирают детей-сирот и беспризорных». Я неосознанно послушался и пошёл в местный полицейский участок, находившийся в бывшем 2-м отделении милиции. Пришёл и сказал, что у меня нет родителей, негде жить, и я хочу кушать. Меня даже не спросили, как зовут, откуда взялся. Полицаи бросили меня в общую камеру, набитую людьми. Среди них были воры, мошенники, спекулянты. Ко мне отнеслись хорошо: поместили на верхние нары, где было теплее и можно лежать. Меня подкармливали. Никто не подозревал, что я еврей. На нарах я, одиннадцатилетний мальчик, впервые понял, что остался один на всём свете: без мамы, братика, бабушки. Была даже безразличная мысль: ну расстреляют – так расстреляют. Нас продержали несколько дней, потом всех вывели и погнали на улицу Короленко, где располагалось гестапо. Здесь нас построили, и мы долго стояли на холоде под дождём. Я замёрз, так как был полураздет. Наконец вышел немецкий офицер с переводчиком, долго говорил нам, что мы преступники и при немецкой власти это недопустимо. Затем распустил всех по домам, предупредив, чтобы вели себя хорошо.

Не зная, что делать, тяжело переживая своё сиротство, я инстинктивно пошёл на родную улицу Исполкомовскую, но не в свой двор, а туда, где жила до войны моя другая бабушка – Эстер-Малка, папина мама. И здесь случайно встретил того самого **Мотю**, который сбежал из колонны **13 октября**. Он рассказал мне про дядю **Юду Мичника** (родного брата моего отца, женатого на Соне, старшей сестре Моти). Юда попал в плен к немцам, ему удалось сбежать. Пришёл он домой к своей матери, в этот двор, кругом пусто, их квартиру заняли другие люди. Кто-то из соседей его выдал немцам, и Юду арестовали.

Мотя был опытнее, по-родственному он привёл меня к себе домой на Баррикадную улицу, где жил с родителями в подвале до страшного октябрьского дня. Все его родные были в тот день в колонне и погибли, как и моя семья. Соседи по

двору уважали эту семью сапожника-еврея. Украинские ровесники Моти дружили с ним, вместе играли и учились в одной школе. Никто не выдал нас немцам. Но долго так жить было опасно. Соседи посоветовали нам уехать из города в село, где нас никто не знал бы и не разоблачил. К тому же в селе легче прокормиться.

Однажды к одному из соседей приехали из села родственники на подводе. Сосед уговорил их перевезти нас через мост на левую сторону Днепра. Мост охранялся немцами, проезд был по пропускам. Мы легли в подводу, и нас сверху накрыли сеном. Когда нас перевезли через мост, добрые люди сказали: «Идите в село Петриковку, это село богаче нашего, вы не пропадёте».

Мы придумали «легенду», что эвакуировались с детским домом, наш эшелон разбомбили, мы остались полураздетыми и голодными. Поменяли свои фамилии и имена. Я стал Чепелюгиным Гришей, а Мотя – Чернухой Мишей. Добрались до районного центра **Петриковки**. Стояла глубокая осень, начинались заморозки, было очень холодно, пронизывал моросящий дождь. Мы бродили в Петриковке из одной хаты в другую. Многие нас жалели, впускали в дом погреться, немного кормили, чем могли, но были и такие, что прогоняли. Ночевать приходилось в поле, в стогах соломы.

Нас поймали полицаи и как беспризорников отвели в сельсовет. Мы рассказали свою «легенду», и нас определили в детский «патронат». Это была большая хата с русской печью. Здесь было много детей старше нас. **Зима 1941-1942** годов была суровая. Старшие ребята добывали дрова, топили печь. В «патронате» работала всего одна женщина, которая раз в сутки варила затируху (суп из муки) и кормила нас. Так как я был младше всех, меня поместили на печь. Со мной лежал украинский мальчик **Мусий**. Он рассказал, что его до войны завербовали в ремесленное училище коммунисты, а он удрал, теперь пробирается к себе в Западную Украину, где немцы дадут ему землю. Мусий догадался, что я еврей, и стал меня шантажировать, говорил: «Если ты, жидёнок, не будешь отдавать мне свою порцию похлёбки, я тебя продам полицейскому». Действительно, полицай-украинец каждый день приходил нас проверять. Я отдавал Мусию свою порцию, а сам стал пухнуть от голода. Когда Миша-Мотя заметил, что я давно не встаю с печи, он заглянул ко мне и всё понял. Миша рассказал другим ребятам, что Мусий забирает мою похлёбку, ребята устроили ему «тёмную». После этого он меня не трогал. Так мы прожили зиму до весны.

В **марте 1942** года немцы через полицаев стали добровольно-принудительно вербовать молодёжь на работу в Германию. Ребят постарше из нашего «патроната», в том числе Мусия, отправили в Германию. Мишу и меня по малолетству оставили в Петриковке для работы в немецком колхозе: его определили на какую-то ферму, а меня отвезли в село **Сотницкое** и передали тёте **Ольяне**. Я помогал тёте по хозяйству, пас её корову. Тётю и меня часто гоняли в колхоз. Мы пахали землю с помощью коровы, так как лошадей почти не было. Я водил корову по борозде, тётя Ольяна шла за плугом. Нас заставляли работать на разных работах. В период жнивья мы работали всем колхозом. Кормила меня тётя Ольяна хоро-

шо, относилась ко мне по-матерински: купала, стирала одежонку. Изредка мы с Мишей посещали друг друга. (После войны я приехал в Сотницкое поблагодарить тётю Ольяну, и мне сообщили, что она погибла на работе, задохнувшись под сеном, упавшим на неё.)

Но вскоре окончилась моя вольная жизнь, наступили трудные времена. В конце августа пришел полицай и забрал меня в село **Паньковку**. Там открылся детдом для сирот, в котором собрали всех беспризорных детей, бродивших по району. Я очень боялся разоблачения. Тут нас мыли, стригли, давали старенькую одежду. Для меня это было равносильно смерти, особенно когда нас купали. Я всё время поворачивался, как только мог, чтобы остаться незамеченным. Не знаю, Бог мне помог или женщина, которая мыла нас. Возможно, видела, что я еврей, но не выдала.

В детдоме было много маленьких детей от 4 до 6 лет. Дети были полураздеты. Колхоз выделял очень мало продуктов, кормить сирот было нечем. Наступила **осень 1942** года. Директор детдома Борис Иванович собрал мальчиков постарше и сказал: «Ребята, никто нам не поможет, если мы сами себе не поможем». До войны Борис Иванович был учителем. Его не взяли в армию, так как у него один глаз был стеклянным. Послушав директора, мы начали сами себя спасать. Собирали на полях после уборки урожая картофель, свёклу, кукурузные початки, другие овощи. Иной раз приходилось немного воровать в немецких колхозных амбарах кукурузу, оставленную на посев. Что ж поделаешь – голод не тётка.

Для меня это было очень страшное время. Я ни на секунду не забывал, что я еврей, находился в постоянном страхе, чтоб ни одним словом, ни одним движением не выдать себя. Особенно я боялся проговориться во сне по ночам. Часто снился мне тот ужас, который пришлось видеть, снились моя мама и братик Гришенька. Я просыпался. Так прошла зима 1942-43 годов.

Весной 1943 года колхоз выделил детдому пять гектаров земли. Мы, пять-шесть мальцов от 12 до 14 лет, пахали её. Руководил нами дядя Вася, наш завхоз. Вырастили хороший урожай овощей, особенно плодоносным был баштан. Стало жить немного легче.

Наступила **осень 1943** года. Мы не получали никакой информации о войне, но в **Паньковке** чувствовалось напряжение. Через село стали проходить немецкие войска. Немцы навели понтонный мост через Днепр в районе села. Среди обслуживающего персонала в детдоме шли слухи, что наши войска прорвали фронт под Харьковом. Прошло некоторое время, немецкие войска стали отступать через мост на правый берег Днепра.

Однажды директор детдома вызвал к себе старших ребят и сказал: «Я получил приказ от властей о подготовке вас к отправке в Германию. Кто желает ехать – пожалуйста. Я вам, ребята, советую бежать». Никто из нас не хотел в Германию. Мы взяли немного продуктов в детдоме и ночью вшестером незаметно ушли в Днепропетровские плавни – заросшую кустарниками и деревьями прибрежную полосу. Переночевали в плавнях, утром отправились искать место, где можно переждать, пока придёт освобождение. Двое наших ребят ушли в свои родные сёла.

Нас осталось четверо товарищей по несчастью: **Толик Чалый, Филипп, Федя** и я. Говорили мы по-украински, обо мне ребята знали, что я детдомовский Грицько. Мы ходили по плавням, чтоб найти место и обосноваться. Здесь нас заметили и схватили немцы. Они думали, что мы партизаны, и решили нас расстрелять. Дали нам солдатские лопаты и приказали рыть яму. Чудом мы остались жить. Неожиданно приехал немецкий офицер и стал их ругать. Он им кричал: «Киндер, киндер» (*нем.* дети, дети), а они выкрикивали: «Партизанен, партизанен» (*нем.* партизаны, партизаны). Зная идиш, я немного понимал по-немецки. Офицер приказал отпустить нас, чтоб мы шли с отступающими немцами. Мы отдалились от них и повернули в другую сторону. Бродили по плавням, нашли полуразрушенную землянку, здесь остановились. Немного привели её в порядок, натаскали веток, укрыли ими землянку и легли спать, несмотря на голод.

Утром проснулись. Все продукты забрали у нас ребята, ушедшие в свои сёла. Необходимо добыть себе пропитание. По плавням бродило много бесхозного скота: коровы, овцы. Немцы заставляли колхозников гнать за ними скот, пастухи разбегались по дороге. Среди нас Толик Чалый был опытнее всех. Мы поймали овцу. Толик ударил её палкой между рогов и убил. У него нашлась заточка вроде ножа, как-то овцу освежевали. Огонь добыли первобытным способом, у нас было кресало. Развели небольшой костёр, поджарили кусочки овечьего мяса и ели без соли.

Не помню, сколько дней прожили в землянке, может, 3-4 дня, но казалось, очень долго. Мы боялись, чтобы нас вновь не обнаружили немцы, и тщательно маскировались, особенно, когда палили костёр в землянке, дым выходил через трубу, которую мы нашли там же. Один из нас дежурил снаружи, укрывшись в кустах. Если появлялась опасность, мы тушили костёр, убирали трубу и, притаившись, ждали, пока опасность минует. Слава Богу, немцы нас не нашли.

Освобождение.

Немцы отступали и отступали. Казалось, что не будет этому конца. Но конец наступил. В одну из ночей мы спали в землянке, прижавшись друг к другу, так как было очень холодно. Проснулись, услышав шум. В землянку ворвался солдат с автоматом. Он стал нас расталкивать. Увидев, что мы дети, начал расспрашивать, кто мы, что здесь делаем. Он говорил по-русски. Мы очень перепугались, долго молчали. Мы не знали, что наши войска перешли на погоны. Видя перед собой солдата со звёздочкой на шапке, погонами на плечах, мы подумали, что это очередной немецкий пособник, у них их было много. Солдат стал нам объяснять: «Не бойтесь, мы русские солдаты, пришли освободить вас».

Мы поняли, что это наши. Сколько было радости и слёз! Мы рассказали солдатам, кто мы и как очутились здесь. Они привели нас в свою часть, доложили своему командиру. Командир приказал накормить нас, привести в надлежащий вид. Нас накормили, отмыли, дали нам одежду: кто штаны, кто рубашку. Мы остались в этой части работать при кухне: помогали чистить картошку, собирали дрова. Солдаты нас очень жалели и оберегали.

Когда советские войска форсировали Днепр, перешли в наступление, наша артиллерийская часть «катюш» начала сниматься с этого места. Старшина, который

нас нашёл, и командир части срочно решали, что делать с нами. Мы очень хотели остаться в части, рвались на фронт мстить фашистам за наши мучения. Командир сказал: «Ребята, у меня дома есть двое детей, я хочу, чтоб дети были живы. Мстить фашистам мы будем за вас». Он узнал, что в селе Шульговка организовали детдом, и приказал отвезти нас туда.

В **Шульговке** собрали всех детей из Паньковского детдома, а также много новых, в основном малышей. Нас разделили по группам. Осенью 1943-го и зимой 1944 годов нашу старшую группу из 10 человек часто посылали работать в колхоз. Не хватало рабочих рук. Работали в основном женщины, старшие дети. За это колхоз присылал детдому дополнительно продукты питания. Время было трудное. Шла война. Нам обещали, что в сентябре, в начале учебного года, нас пошлют в школу учиться.

До войны я окончил 3 класса, и мне очень хотелось учиться. Судьба распорядилась по-иному. Освободили город Днепропетровск. Необходимо было восстанавливать разрушенные заводы. Требовалась рабочая сила, молодёжь на восстановление хозяйства. В первую очередь привлекли нас, детдомовцев. В **1944** году мне было 14 лет. Сельсовет мне прибавил два года, так как на учёбу принимали с 16 лет. Я учился специальности столяра на базе завода ДЗМО (Днепропетровский завод металлургического оборудования). Окончил учёбу в мае **1945** года.

Послевоенная жизнь.

Война закончилась. Я часто ходил на улицу Исполкомовскую, где родился и жил до войны. Здесь встретил своего двоюродного брата **Самоню Рапопорта**, сына воевавшего маминого брата **Исаака**. Самоня вернулся с матерью в Днепропетровск из эвакуации, и я из общежития перешёл к ним жить. Я рассказал им всё, что мне пришлось пережить в оккупации. 1945-1946 годы были очень тяжёлым временем. Тётя **Рая**, жена дяди Исаака, работала. Я не получал продуктовых карточек, так как у меня ещё не было документов. Жить было трудно. Вернулся с войны дядя **Исаак**. На Колыме в заключении он был отличным пекарем, его отправили на фронт в штрафном батальоне. Он был ранен, награждён многими орденами и медалями за службу фронтовым разведчиком. Был представлен к званию Героя Советского Союза за водружение с группой солдат красного флага при взятии венгерской столицы Будапешта. Он участвовал в параде Победы в Москве. В его семье я чувствовал себя родным человеком.

В сентябре **1946** года я поступил в ремесленное училище № 2 г. Днепропетровска по специальности токарь-универсал. После 2,5 лет учёбы был направлен на завод им. Петровского в механический цех токарем.

В **1950** году женился на **Татьяне**. Осенью меня призвали в Советскую армию. После трёхлетней службы вернулся домой и поступил на работу в ТЭЦ завода им. Петровского помощником машиниста турбогенератора. Затем стал машинистом турбогенератора. Родились у нас двое детей: дочь **Рита** (1954) и сын **Игорь** (1959). Дочь после окончания техникума работала вместе с мамой на оборонном предприятии. Сын окончил институт по специальности инженер-механик, работал начальником участка на Норильском металлургическом комбинате.

Мичник Семен – солдат в авиавойсках.

В **1985** году я вышел на пенсию в 55 лет, так как работал на вредном для здоровья производстве.

В Израиле.

В **1999** году приехал в Израиль с женой и моими детьми. Жили 10 лет на съёмной квартире в Тель-Авиве. Жена заболела. Мы не могли больше платить за квартиру, и государство выделило нам квартиру в г. **Гедере**, по соседству с **Реховотом**. Мы живём в Гедере уже четвёртый год и очень довольны. В **2010** году отпраздновали **60** лет совместной жизни с Таней.

Дочь работает в медицинском учреждении в Тель-Авиве. **Сын** живёт в гор. Реховоте, он руководитель современного предприятия. Есть внуки, правнуки.

*

Нацисты убили самых дорогих мне людей. Мама спасла мне жизнь, перед лицом смерти ей было важно, чтобы кто-то из нас остался жив. Иногда ночью я просыпаюсь и думаю: «Неужели я мог это всё пережить?» Мысли о страшной Катастрофе не оставляют меня.

3.

Найде Фира
(г. Житомир)

О ТЕХ, КТО СПАС НАС

Довоенная жизнь.

До начала войны наша семья жила в г. **Житомире** на Украине. Мы занимали двухкомнатную квартиру в доме на улице Чудновской в центре города. У моих родителей **Арона Боруховича Найде** (1909), столяра-краснодеревщика, и **Фани Мотелевны** (Марковны) **Барах** (1911), школьной учительницы немецкого языка, было трое детей: мои братья **Борис** (1932), **Леонид** (1940) и я, **Фира** (25 июня 1935). После рождения Лёни мама стала домохозяйкой. Говорили в семье по-русски и на идише.

Папа вырос в г. **Новограде-Волынском**, в семье, где было пять детей. Мама родилась в селе **Рудокопы** Житомирской области и была старшей дочерью из се-

мерых детей у дедушки **Мотла Бараха** и бабушки **Ривки**. В Рудокопах издавна жило много семей немцев-переселенцев, и с ними соседствовали и общались русские и евреи. Видимо, это повлияло на мамин выбор профессии. Уже в Рудокопах она в совершенстве владела немецким языком и после окончания учительского двухгодичного факультета преподавала его в Рудокопской школе. Мама и папа поженились в Рудокопах и вместе с маминими родными переехали в **Житомир**. В Житомире мы часто ходили в гости к женатым маминым братьям и к дедушке с бабушкой, которые жили с младшими маминими сёстрами Женей и Раей в глиняном скромном доме на улице Мещанской. Крыша их дома была покрыта железом, имелись садик и огородик.

Дедушка, бабушка, мои родители и все родственники были религиозными людьми, соблюдали все законы еврейской жизни. Особенно мне запомнился праздник Суккот: в дедушкином доме в прихожей крыша специально поднималась, и в этом «шалаше» мы праздновали. Во главе стола всегда сидел дедушка, очень строгий и важный. Помню, как мама зажигала субботние свечи и произносила молитву, папа посещал синагогу. Запомнилось, что отец любил угощать меня и Бориса карамельками, а уходя на работу, целовал нас.

Начало войны и оккупация.

С первых дней войны отец **Арон** был отправлен на фронт. Его прощальные поцелуи стали последними для мамы и нас, его детей. Были мобилизованы на войну с фашистской Германией мамины братья: **Элькуна**, **Шай**, **Меир** и **Виктор**. Мама осталась одна с тремя детьми: в начале войны мне было 6 лет, Боре – 9 и Лёне – годик. Как только начались немецкие бомбардировки Житомира, мы с мамой перешли жить к дедушке и бабушке, их дом был вдали от центра.

Мама очень хотела уехать с нами из Житомира, но дедушка возражал. Он много лет прожил в Рудокопах среди односельчан-немцев и говорил, что немецкая армия не тронет гражданское население. Семьи маминых братьев и её сестра Женя успели вовремя эвакуироваться в глубь страны.

В **июле 1941** года в **Житомир** вошли немецкие оккупанты. В их планы не входило продолжение жизни житомирских евреев, поэтому, видимо, не создавалось гетто. **Осенью 1941** года, в наступившие еврейские праздники Рош ха-Шана (Новый год) и Йом Киппур (Судный день), всем евреям Житомира было приказано явиться на сборный пункт по указанному адресу. Спрятаться было негде, и мы, трое детей с мамой, дедушка с бабушкой и мамина сестра **Рая**, только окончившая школу в июне 1941 года, отправились на сборный пункт. Он представлял собой огороженную территорию двух больших дворов, на которой собрались тысячи людей. У нацистов уже имелись полные списки евреев, по которым нас проверили. Мы заходили по очереди в домик, где регистрировали прибывших евреев. Затем нам велели зайти в автобусы и увезли в лесной массив г. Житомира – **Богунию**. Никто не говорил, куда нас везут. Мне запомнилось, что, когда мы ехали в автобусе, дедушка спросил Борю: «Ты знаешь, куда мы едем?» Боря отрицательно помахал головкой. Дедушка сказал маме: «Я хочу, чтобы из семьи остался хоть

один человек». Может быть, дедушка уже понял, что он на беду препятствовал эвакуации родных. После высадки из автобусов украинские полицаи повели всех на огромную поляну, заставили сесть на траву в два ряда и велели раздеваться. Бабушку, дедушку и Раю посадили в другом ряду напротив нас. Повсюду ходили и стояли десятки немцев и полицаев. Мы начали раздеваться.

Из тех, кто разделся, в первую очередь мужчин уводили группами за деревья. Невдалеке от себя мы слышали непрерывную стрельбу. Там, у заранее вырытых огромных ям, происходил расстрел евреев. Увели нашего дедушку.

Среди полицаев, окружавших нас, мама заметила знакомого русского парня, который до начала войны дружил с её средней сестрой Женей и часто бывал в нашем доме. Я тоже знала его, потому что дедушка был резко против отношений дочери с русским юношей и тем более их женитьбы. Он просто истязал дочь за одну её мысль о нарушении еврейских традиций. Этот чудесный русский человек в смертельную минуту оказался нашим ангелом-спасителем. Его имени я, к сожалению, уже не помню. Мама долго искала его после войны, но не нашла. Он подошёл к высокому немцу, видимо, старшему здесь, и стал ему что-то объяснять. Мама услышала, как он сказал, показывая на нас: «Эту женщину я хорошо знаю. Это немецкая семья – мать и трое её детей». Немец подошёл к маме и обратился к ней на немецком языке. Наша мама, конечно же, отвечала немцу на его родном языке. Немец велел маме и нам одеться и быстрее отправляться домой, потому что в шесть часов вечера в городе наступал комендантский час. Бабушка и тётя Рая видели, как нас отсадили в сторону, и в это время их повели на казнь. Наши родные: дедушка **Барах Мотл** (1881), бабушка **Ривка** (1884) и моя юная тётя **Раечка** (1924) были убиты немцами **29 сентября 1941** года, в Йом Киппур, и остались в братских могилах в лесу Богунии. Пусть будет вечной память о них.

Памятник в лесу Богуния, на заднем плане ограда, за которой рвы с тысячами убитых евреев Житомира. 9 мая 2000 г. Стоит Ида Латышко, двоюродная сестра Фиры Найде.

Мы вышли на шоссе. К нашему везению, проезжала повозка, и нас увезли от этого кошмара. Вернулись на окраину к дедушкиному дому, но не вошли, а ночевали в сарае у дома. На следующий день мы ушли оттуда. Так началась наша нелегальная жизнь в оккупированном Житомире.

Следующую ночь мы провели в сарае у украинских соседей – бездетных мужа и жены, хорошо знавших дедушкину семью. Их дом был через дорогу от дедушкиного. Мама упросила этих добрых людей, чтобы я пожила у них неделю, а сама с Борей и Лёней ушла прятать-

ся к другим людям. Оставшись без мамы, я не хотела есть, пить и только плакала. Затем мы вместе прятались в сарае у других соседей и ещё у кого-то. Они нас кормили, чем было. Все, кто нас скрывал от немцев, знали, на что они идут, пряча еврейскую женщину с малышом, ведь он одним плачем мог их выдать. Мама делала всё возможное, чтобы маленький Лёня не закричал, не плакал.

Когда начались холода, мы спрятались в пустом заброшенном помещении, отдалённом от центра города. **Зима 1941-42** годов была суровой, на стенах лежал иней, а разжечь огонь мы боялись, чтобы нас не обнаружили. Немцы и полицаи неустанно искали по городу оставшихся в живых евреев. Я заболела, как впоследствии стало ясно, ревматизмом, что привело к пороку сердца на всю жизнь.

К **весне 1942** года перебрались в гор. **Бердичев**, опасаясь оставаться далее в Житомире. Полагаю, что мама получала какие-то предупреждения от нашего спасителя-русского парня. Для большей безопасности меня спрятали у каких-то знакомых, мама сказала: «Ты завтра ко мне приедешь», и в Бердичев сначала отправилась на телеге мама с мальчиками. Пожилой бывший красный офицер накануне назвал маме адрес, где мы будем прятаться в Бердичеве у хороших людей. На другой день меня перевезла подводой в Бердичев украинская женщина и тут же уехала. Чувствовалось, что кто-то помогает нам транспортом, заранее организует всё. Как стало нам потом известно, к **лету 1942** года были уничтожены все евреи Житомира.

В оккупированном **Бердичеве** нас приняла и укрыла хорошая семья. Возможно, их соседи что-то заподозрили, и примерно через три месяца мы вынуждены были немедленно уйти из города, так как нам грозила большая опасность. В один из дней маму с Борей вызвали в городскую комендатуру, осмотрели брата и установили, что они евреи. Каким-то чудом их отпустили на ночь, приказав завтра утром явиться снова. Люди, у которых мы находились, немедленно увезли Борю к своим родственникам в близлежащую деревню. Был договор, что в нужное время он будет ждать нас на шоссе, ведущем в Винницу. Той же ночью мы с мамой скрылись из города и вышли на шоссе в направлении г. Винницы. Мы встретились с Борей на шоссе и пошли вместе. Мама несла маленького Лёню на руках, я и старший брат шли, неся узелки с одеждой и едой. Шли, сколько хватило сил. При появлении любых попутных машин мама и мы с Борей поднимали руку, прося подвезти до Винницы. Мама представляла нас на хорошем немецком языке беженцами из Воронежа. Водитель немецкой полугрузовой машины подобрал нас и довёз до Винницы. У мамы и на этот раз был адрес, которым её снабдила бердичевская семья. Мама узнала у прохожих, куда идти.

Во все опасные для нашей жизни периоды на оккупированной территории нам помогали люди, вместе спасшие нас от смерти: русские, украинцы, поляки. Они не потеряли в такое страшное время человеческого доброго отношения к другим, они сочувствовали матери, спасавшей своих детей. Низкий поклон им!

В **Виннице** мы прятались у бездетной семьи **Феликсы и Михаила Берляк** в их домике на окраине города. Польки тётя **Феля**, её племянница **Павця** и украинец дядя **Миша** стали нам как родные. Павця, дочь сестры тёти Фели, перешла

жить к дяде Мише, потому что опасалась угона в Германию. Когда немцы приближались к дому, Павця, молодая красивая девушка лет восемнадцати, брала маленького Лёню на руки и держала, будто это её ребёнок. В Виннице мама специально одевала Лёню девочкой, чтобы избежать его осмотра. Павце сказали, что это девочка Леночка. Она любила «Леночку» больше всех. Они все очень нас полюбили. Говорили мы только по-русски, ведь мы были «русские беженцы из Воронежа»: я – Зиной, Борис – Володей, Лёня – Леной, и мама, ставшая Лидой, научила нас откликаться на эти имена. Каким маленьким ни был Лёня, но он понял, что в этой ситуации надо быть девочкой. Раздевала, купала и сажала его на горшок только мама. Я и братья никогда не выходили на улицу, тихо сидели в доме в укромном месте – это была каморка, где дядя Миша варил самогон. В нас прочно вошёл страх от пережитого, не позволявший по-детски возиться, шуметь, играть, мы вели себя как маленькие старички. Это было удивительно для хозяев и спасительно для всех. Случалось, что все уходили, и нас запирали на замок, мы не двигались с места, будто в доме никого нет. Однажды дядя Миша привёз из деревни свою мать. Та быстро смекнула, кто мы, и сказала тёте Феле: «Они же евреи». Тёте Феле стоило труда разубедить свекровь, что мы русская семья беженцев из Воронежа.

Павця – племянница тёти Фели Берляк. Надпись на обороте: «Родным и очень дорогим Лёне, Боре и Фирочке». 1947-48 г. Винница

Тётя Феля, женщина лет сорока, работала поваром в немецкой столовой, и она не побоялась приводить с собой на кухню маму для чистки овощей и других подсобных работ. Маме за работу доставались остатки еды, и это тоже было наше спасение: мы вчетвером питались отдельно.

В **1944** году фронт приближался к нам, бомбы и снаряды летели беспрерывно через реку Южный Буг в обе стороны. Семья Берляк увезла нас с собой в деревню к своим родственникам подальше от этой бойни. Мать дяди Миши не захотела уезжать с нами и осталась на хозяйстве. В дом, из которого мы уехали, вскоре попал снаряд, и бабушку убило. Если бы нас не вывезли эти исключительные люди, мы тоже, конечно, погибли бы. По их послевоенным рассказам, они догадывались, кто мы на самом деле, но ни разу об этом не заговорили.

Освобождение и после него.

В той деревне мы находились до конца **марта 1944** года, пока не затихла стрельба и не пришли советские войска. Мы были спасены множеством добрых смелых людей, пережив голод и холод, постоянный страх, потерю родных людей.

После освобождения мы вернулись с семьёй Берляк в Винницу. Я видела полностью разрушенный город, улицы которого были завалены убитыми немецкими солдатами. Видно, шли тяжёлые уличные бои. Несколько дней наши спасители, оставшись сами без крова, жили у соседей и нас не отпускали от себя. Мы тепло расстались с тётей Фелей и дядей Мишей и вернулись домой в **Житомир**, в дедушкин дом.

Мама, забыв об учительстве, немедленно начала работать сначала на фабрике, потом в торговле, чтобы кормить, учить и содержать нас, троих детей. Мы все ждали папу, но получили извещение из армии, что боец **Арон Исаакович Найде** погиб на фронте, в ходе боёв пропал без вести в **1941** году. Мамины братья **Элькуна Барах** (1909) и **Шай Барах** (1920) тоже погибли на войне. Это было для нас огромным горем.

Послевоенная жизнь.

После 9 мая **1945** года вернулись с войны живыми, но израненными мамины братья **Меир** Барах, инвалид войны 1-й группы, и **Виктор** Барах.

С нашими винницкими спасителями мы много раз виделись после войны: я с мамой ездила к ним, брат ездил, они приезжали к нам, мы поддерживали самую тесную, можно сказать, родственную связь с супругами **Берляк** и Павцей, наконец узнавшей, что Леночка на самом деле была Лёнечка. Жива сегодня только **Павця**, в 2012 году ей исполнилось 88 лет.

В Житомире мы прожили до конца **1945** года, продали дом и уехали в **Черновцы**, где жил дядя Меир. В **1947** году мама вышла замуж за военного человека **Давида Гринберга**. Мы получили квартиру, я окончила школу, финансово-кредитный техникум и поступила на экономическое отделение в Черновицкий университет. Поехала работать в с. **Черневцы** Винницкой области, здесь я вышла замуж за **Лазаря Исааковича Битлера** (1925). Во время войны Лазарь находился в армии с 16 лет, окончил военное училище в Кушке, воевал офицером с 1943 года, был ранен, награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалями. Брат мужа **Бенцион** (Борис) **Битлер** (1923) погиб **14 августа 1944** года в бою при освобождении Польши от нацистов. В мирное время Лазарь поступил в мединститут, с незаконченным высшим образованием (4 курса) окончил зубоврачебную школу и работал зубным врачом в больнице. Я много лет работала в г. Черновцы начальником планово-финансового отдела области по соцобеспечению. У нас родился сын **Аркадий** (1955). Он окончил Калининский физико-математический факультет университета, женился, работал в этом университете исследователем по специальности физик-теоретик. После рождения внучки мы с мужем в **1983** году переехали в г. **Калинин** (ныне Тверь), продолжали работать по специальности. Я награждена медалью «Ветеран труда».

Жаль, что наша мама **Фаня** ушла из жизни рано, прожив 64 года. Благодаря ей мы, её дети, получили образование, работали, создали семьи, родили детей. Не всё я у неё спросила, не все слова сказала ей, не всё успела сделать для неё. Она мечтала уехать в Израиль – не случилось.

Брат **Борис** окончил Черновицкий университет и много лет работал в Черновцах учителем математики, был известным педагогом. **Борис** умер после тяжёлой болезни в **2001** году в г. Черновцы.

В Израиле.

Младший брат **Леонид** Найде уехал в Израиль в **1974** году, он и жена работали инженерами, и сейчас они живут в г. Холоне. Моя семья репатриировалась

в Израиль в конце **1990** года, жили в г. **Холоне**, я выполняла работу по уходу за пожилыми людьми. В **1992** году после болезни умер мой дорогой муж **Лазарь**. С 1 июля **1999** года мы с семьёй сына – жители г. **Реховота**. Сын занимается научной работой в Институте Вейцмана. У меня прекрасная внучка и два замечательных внука.

Братья Борис (слева) и Леонид с сестрой Фирой Найде. 2000 г. Черновцы.

Встреча со спасителями: (сидят слева направо) мать Фиры Фаня Барах, тётя Феля и дядя Миша Берляк, отчим Фиры Давид Гринберг; (стоят слева направо) супруги Лазарь и Фира Найде, жена Леонида Ира, жена Бориса Ада, брат Фиры Леонид. На переднем плане – сын Фиры и Лазаря Аркадий (справа) и племянник Володя. 1963 г. Черновцы. (Фотографировал брат Борис.)

4.

Шевелёва Надежда
*(г. **Первомайск** Николаевск. обл.)*

ПЕРВОЕ СПАСЕНИЕ

Я, **Шевелёва Надежда Бояновна**, родилась **18 июля 1924** года в селе Калниболот Новоархангельского р-на Кировоградской области на Украине. Родители – Шевелёвы **Боян Александрович** и **Мириям-Таубе Гершевна** (Мария Григорьевна) (в девичестве Пожарова). С 3 августа 1941 года по 23 марта 1944 года находилась на оккупированной немцами и румынами территории: скрывалась в гор. **Первомайске** Николаевской области, а затем была узницей гетто в **Голте** – историческом районе Первомайска (фото на стр. 51).

Моя юность прошла в городе Первомайске, что на Южном Буге. Там 18 июня 1941 года я пережила одно из самых ярких событий в жизни – выпускной вечер. Меня переполняла радость. Школа позади, впереди университет и неведомая, интересная жизнь.

И вдруг – 22 июня – война! Уже через неделю город бомбили. С каждым днем бомбёжки становились ожесточённее, а вести с фронта – всё тревожнее. Началось бегство горожан, прежде всего евреев. Одни надеялись переждать войну в близлежащих селах, другие уезжали на восток, в «эвакуацию». Дома велись разговоры о том, что и нам следует трогаться с места.

Мой отец работал главврачом железнодорожной больницы, а мама – врачом в роддоме. Молодые врачи ушли в армию, на фронт. Мои немолодые уже родители трудились день и ночь, замещая ушедших, потому что, несмотря на войну, женщины рожали, а в больницах, помимо обычных больных, появились ещё и раненные при бомбёжках. Их не бросишь на произвол судьбы. Родителей удерживали на работе не только врачебный долг, но и строгий запрет покидать больницы без особого разрешения властей.

С середины июля нас бомбили непрерывно. Город разрушался, исчезал порядок. В те редкие часы, когда наша семья собиралась дома, шли споры.

– Надо все бросить и ехать без разрешения, – твердила мама.

И я была согласна с ней.

– Пойми, я не могу бросить больницу, – отвечал отец. – К тому же, уверен – немцев сюда не допустят.

Мама продолжала настаивать: «Надо бежать!», и отец в конце концов сдался:

– Ладно. Бери Надю и уезжайте! Когда всё уляжется, вернётесь.

– Нет, Боян, без тебя я не уеду. Тебя не оставлю.

– Тогда отправь Надю со своей роднёй. Они ведь собираются уезжать.

Я не хотела уезжать без родителей, плакала, однако меня убедили, что всё будет хорошо, скоро немцев остановят, и я вернусь.

Спустя несколько дней стало известно, что семья тёти уезжает. Быстро собрали чемоданчик с самыми необходимыми вещами. Я попрощалась с отцом, и мы с мамой поспешили на станцию. Там на запасном пути стояли уже готовые к отправке открытые платформы с заводским оборудованием. На одной из платформ между станками и ящиками устроились наши родственники. Мама попросила их взять меня с собой. Однако тётя воспротивилась:

– Не возьму! Мало мне своих цорес (*идиш* – неприятности, беды)! Я боюсь брать твою Надю. Мало что может случиться в дороге! Уезжайте тоже, как мы!

– Но ты же знаешь, – сказала мама тёте, – что нас с Бояном не отпускают с работы!

– Нет, не проси. Я не могу взять на себя Надю. Боюсь.

Мы попрощались и вернулись домой. Ночью этот, как потом оказалось, последний эшелон ушёл на восток. Станция опустела, движение поездов прекратилось.

Бомбёжки продолжались днём и ночью. Городское и железнодорожное начальство исчезло куда-то. Из больниц родственники начали забирать своих больных. И тогда родители решили бежать «своим ходом», поскольку никакого транспорта уже не было. Отец снарядил свой велосипед: перекинул через раму два чемодана, а к багажнику привязал узел с едой. Рано утром 1 августа мы двинулись в путь. Дорога была пуста: ни машин, ни подвод, ни людей, только впереди поднимались к небу столбы дыма. За день мы прошли километров десять и очень устали, особенно папа, тащивший велосипед с вещами. Ведь ему уже было шестьдесят! Заночевали на хуторе у каких-то приветливых крестьян. Глубокой ночью нас разбудили взрывы, близкая стрельба. Мы не спали до утра. Было страшно. Утром выяснилось, что в соседнем доме ночевали наши знакомые, бежавшие из города накануне. Их планы ночью решительно изменились:

– Бежать поздно! Немцы, похоже, уже обогнали нас. Да и сил идти дальше нет. Мы возвращаемся. Там хоть своя крыша над головой, всё же лучше.

Поколебавшись, решили возвращаться и мы. Всю дорогу домой мама донимала отца: упрямый, беспечный, недальновидный...

– Давно надо было бросить больницу и бежать. Что теперь будет с нами? – причитала она.

Отец неуверенно оправдывался, а мне было горько слышать их перебранку. Душу охватила безысходная тоска и предчувствие беды.

В город мы вошли днём 2 августа. Было необычно тихо: не бухали зенитки, не рвались бомбы.

По «одесскому шляху» на юг зелёной змеёй катился поток немецких мотоциклов, автомобилей, пушек; шагали, закатав рукава мундиров, чужие солдаты. Немцы... Мы находились уже в тылу врага... По закоулкам, обходя большие улицы, добрались до своего дома. У входа стоял сосед – разговорчивый и самоуверенный станционный телеграфист Василий Працюк и криво улыбался:

– А вы, доктор, не успели убежать? У нас уже новая власть. Большевики разбежались.

Он жаждал обсудить последние события, но отец молча прошёл мимо.

Входная дверь квартиры была взломана и распахнута настежь, шкафы и буфет были пусты, кровати разворочены, книги, бельё, битая посуда разбросаны по полу. Всё истоптано и загажено... Начиналась другая жизнь...

Поликлиники не работали, больницы закрылись. К отцу, известному в городе врачу, начали приходить больные. За визит пациенты платили натурой: несколько яиц, хлеб, кулёк пшена. Отец скрепя сердце, с трудом преодолевая свои филантропические принципы, принимал эти гонорары – надо было как-то жить.

Однажды, в конце августа, мы с папой по дороге на рынок заметили группу людей, читающих наклеенный на стену дома лист. Большие чёрные буквы видны были издалека:

> ***Приказ коменданта города.***
>
> ***29 сего августа в 10 часов утра все жиды обязаны явиться для регистрации к кирпичному заводу. При себе иметь документы, удостоверяющие личность.***
>
> ***За невыполнение данного приказа – расстрел!***
>
> ***Комендант города.***

Родители решили, что придётся регистрироваться, выбора нет. Папа сказал, что, конечно, пойдёт на регистрацию с нами. Замечу, что мой отец – русский.

На рассвете 29 августа нас разбудил сильный стук в дверь. Растрёпанная женщина с порога бросилась к отцу:

– Доктор, спасите! Сын умирает! Задыхается! Помогите!

– Сейчас соберусь, – ответил отец.

«Ждите меня. Пойдём вместе», – сказал он нам, взял свой «докторский» чемоданчик и вслед за женщиной вышел из дома.

К 9 часам мы с мамой собрались, уложили в сумку паспорта, свидетельства о рождении, мамин диплом, мой аттестат зрелости. До кирпичного завода далеко, он на левом берегу Буга, туда почти час хода. Надо было отправляться, иначе опоздаем, и мы, так и не дождавшись отца, вышли из дому.

На мосту нам встретилась санитарка из роддома тётя Поля, простая, немолодая уже женщина, украинка, много лет проработавшая рядом с мамой.

– Куда вы идете, Мария Григорьевна?

– На кирпичный завод. Приказано зарегистрироваться.

– Не ходите туда, голубка! Не ходите!

– Но мы обязаны. Все евреи должны сегодня явиться. Был приказ!

Тётя Поля не отпускала нас. Она говорила невнятно, как бы не решаясь раскрыть какую-то тайну. Мама же, боясь ослушаться приказа, торопилась уйти и решительно сказала:

– Нет, Поля, мы пойдем туда, как все евреи. Ничего не поделаешь.

– Спаси вас Бог и сохрани, Мария Григорьевна. И вашу дочку, – попрощалась тётя Поля и, медленно повернувшись, ушла.

Мы уже были за мостом, когда услышали крик:

– Подождите, постойте! – к нам бежала тётя Поля.

Она схватила маму за руку и взволнованно заговорила:

– Туда идти нельзя! Там творится что-то страшное. Там люди кричат! Идите домой!

Она не отпускала маму, тянула её за руку. Меня потрясла отчаянная настойчивость тёти Поли. Мама уступила, и вслед за тётей Полей мы поплелись обратно через мост, домой.

Скоро вернулся отец. Он обрадовался, увидев нас. Объяснил, что не мог прийти раньше, так как долго провозился с задыхающимся мальчиком. Узнав причину нашего возвращения, очень расстроился. Мы боялись, что вот-вот нагрянет полиция и арестует нас. Что мы могли предпринять? Отец решил, что нам с мамой нужно разделиться, прятаться в разных местах. Он отправился к друзьям подыскать нам убежище и до наступления комендантского часа успел кое с кем договориться.

Вечером к нам без приглашения заявился сосед Василий. Он нахально сел на стул, раскурил самокрутку:

– Знаете, доктор, – ухмыляясь, сказал он, – сегодня на кирпичном заводе постреляли евреев. Всех. Ну, которые пришли на регистрацию, конечно.

Видно было, что ему приятно сообщить нам эту интересную новость.

Мы оцепенели. Так вот почему тётя Поля так отчаянно удерживала нас! В ту ночь никто из нас не уснул...

Утром я попрощалась с мамой, и отец отвёл меня к своим друзьям Лисеевым, жившим в собственном домике на окраине. Я долго пряталась у них то в погребе, то на чердаке, то в кустах в саду... Через несколько дней стало известно, что у кирпичного завода были расстреляны все евреи, пришедшие по приказу коменданта. Там погибли и моя близкая подруга Элла Фитермахер, и её мама...

Через месяц наша часть города, Голта, отошла к Транснистрии, к Румынии... Впереди были ещё долгих два с половиной года оккупации. Нас, оставшихся в Первомайске евреев, ожидали кого расстрел, кого виселица, кого гетто, лагеря Богдановка, Акмечетка, Доманёвка, жизнь в погребах и на чердаках... Это другая история.

Бог миловал нас с мамой. Он послал нам первое спасение – тётю Полю! Царство тебе небесное и великая благодарность!

Отец **Боян Александрович** (1881-1961) после войны трудился главврачом железнодорожной больницы в г. Первомайске, мама **Мария Григорьевна** (1893-1975) работала акушером-гинекологом в Первомайском роддоме.

В **1948** году я вышла замуж за **Моисея Дормана**, фронтовика-артиллериста, старшего лейтенанта. Окончила радиотехнический факультет Киевского политехнического института в 1944-49 гг., работала пять лет на радиозаводе в г. Запорожье, затем преподавала в Воронежском политехническом институте. После выхода на пенсию уехала с семьёй в Ленинград.

В **1992** году мы с мужем репатриировались в **Израиль**. Живем в городе **Рехо-воте**.

Мать Нади Мария. 1940 г.

Отец Нади Боян. 1930-е гг.

Шевелёва Надя. 1940 г.

5.

Великая Циля
*(г. **Балта** Одесской обл.)*

«РАССКАЖИТЕ, ЧТО МЫ ПЕРЕЖИЛИ»

Довоенная жизнь.

Я, **Великая Циля Львовна**, родилась **1 августа 1936** года в г. **Балта** Одесской области на Украине у отца **Великого Лейба** (Льва) **Абрамовича** (1909) и матери **Хаи** (Клары) **Пейсаховны** (девичья фамилия Нюренберг) (1906). Жили мы до вой-ны в Балте в своём четырёхкомнатном доме № 20 на ул. 3-я Сенянская, не в центре города. При доме был огород. Папа работал возчиком грузов на подводе с лошадью. Мама была домохозяйкой и воспитывала нас, четверых детей: брата **Нюму** (1929), сестру **Полю** (1933), меня – **Цилю** и братика **Изю** (1939). С утра до ночи она варила, стирала, убирала, кормила, отмывала, обшивала нас и была хорошей матерью и женой. Дома мы все одинаково легко говорили на идише и по-русски. Нюма окончил до войны 4 класса школы. Мама и папа очень любили друг друга, и в 1941 году родители ждали прибавления в нашей семье.

Начало войны и оккупация.

В 1941 году, когда началась война с Германией, мне было неполных пять лет.

Отца в первые дни войны мобилизовали на фронт, а через несколько дней после его ухода, **28 июня 1941** года, на седьмой день войны, родилась наша сестричка **Фаня** Великая. Ей с папой не было суждено увидеться. Из пятерых детей старшему, Нюме, исполнилось 12 лет, а остальные – младше, на руках новорождённая Фаня, и мама всё-таки решилась увести нас от врага. Взяла она с нами и свою маму, бабушку **Шейндл**, лет семидесяти. Думаю, не каждый способен был вынести тяготы, которые легли на маму в этом пути.

У нас нигде по дороге не было родственников, мы просто убегали от врага туда, куда шло множество людей. Мы успели дойти пешком до села **Бобринец** Кировоградской области (это добрые 250 км), но по дороге нас обогнали немцы и приказали возвращаться в Балту. Всех беженцев под конвоем погнали в обратную сторону. Помню, спали мы в желобах, из которых пьют лошади. Мне запомнилось, как мама купала новорождённую сестричку в речке. Нашим главным добытчиком еды стал брат Нюма: он всюду бегал, искал, выпрашивал в деревнях по дороге что-нибудь поесть и приносил нам. Нас гнали, не давая задерживаться, и случилось большое горе. Мама вынуждена была оставить в Бобринце у людей умирающую бабушку **Шейндл**. В Бобринце потерялся среди множества людей трёхлетний братик **Изя**. Искать его не разрешили, нас погнали дальше. Маме осталось плакать и надеяться, что его возьмут добрые люди, присмотрят. Но оказалось, что мы потеряли Изю навсегда. Мама наша всю жизнь плакала, когда видела Изино свидетельство о рождении.

Когда нас пригнали в Балту и мы пришли к нашему дому, то увидели, что его заняли соседи Гончарук. Всюду были навешены огромные замки. Сестра хозяйкиного мужа встала в дверях, загородив собой вход, и сказала: «Раньше вы ходили по коврах и илы куркы, а тепер мы будем исты куркы и ходыть по коврах». В дом нас не впустили, прогнали и больше близко не подпускали.

В Балтском гетто.

После этого мы попали в городское гетто за проволочное ограждение. Нам указали для житья переполненную комнату, где уже жили пригнанные бессарабские евреи – старушки из Бельц, румынские евреи. Наши соседи болели, умирали.

В **Балтском** гетто мы были измученные, грязные, не мылись. У всех были в волосах вши. Я помню, как нас загнали в одно большое помещение, наверно, человек двести женщин и мужчин, и всех заставили раздеться догола. Одежду забрали. Люди от стыда закрывались и получали по голому телу удары резиновыми нагайками от немцев и от румын. Нам обстригли волосы, и, очевидно, обработали наши лохмотья от вшей.

Моя мама иногда говорила: «Когда окончится война, обязательно расскажите, что мы пережили». И вот я рассказываю, как было.

В Балте жил украинский врач **Стрембицкий**, который в то время лечил немцев, румын, полицаев, местное население. Его семье нужна была работница, и мама

стала у него работать за еду. В гетто был принудительный труд, но маму никуда не гоняли, потому что охранники знали, что она работает у доктора. Мама убирала дом и двор, копала огород, ухаживала за садом и коровой, выполняла разные другие работы. Когда она вечером заканчивала работу, жена и три дочери доктора: Лида, Тамара и Вера давали ей килограмм картошки или муки, мама приходила и кормила нас. Сам доктор хорошо относился к маме и к нам, он знал, что у мамы четверо детей. Если кто-то из нас болел, доктор давал маме молоко и лекарства. Эта семья очень помогла нам, потому что продукты и лекарства в гетто были на вес золота. Пока мама работала, за нами присматривали соседи – румынские евреи, с которыми мы говорили на идише.

Мамины силы постепенно иссякли, и она не могла, как раньше, работать у доктора и кормить нас. **Нюма** был смелым мальчиком, он подлезал под проволоку и осторожно ходил по городу в поисках съестного, приносил поесть. И тогда мама решила во что бы то ни стало спасти нас. Она попросила своих довоенных украинских знакомых приютить по одному еврейскому ребёнку в семье. Знакомые, уважая маму и понимая, чем рискуют, согласились. Нюму, Полю и меня мама вывела из гетто к людям, а сама осталась с маленькой Фаней. Нас отмыли, накормили, обогрели, переодели в домашнюю одежду, мы впервые почувствовали себя хорошо. Но главное – нас научили прятаться, если входит чужой. Я жила в семье у тёти **Даши Приходько**, у неё были два маленьких сына, и ей очень хотелось девочку. Я стала её третьим ребёнком. Так нашу еврейскую семью спасли несколько украинских семей.

Освобождение.

Свыше 800 дней длилось наше пребывание в Балтском гетто. И только **29 марта 1944** года мы вновь стали свободными людьми. Когда советские солдаты вошли в дом тёти Даши, я, как обычно, в испуге спряталась. Тётя Даша нашла меня, взяла на руки и сказала: «Не бойся, дочка, это уже наши». Помню это, будто было вчера.

Конечно, мама собрала нас всех, и мы начали думать, где же нам жить. Мы остались одни в комнате в гетто, бессарабские и румынские евреи отправились домой. Как только вернулась советская власть, тут же появилась соседка Гончарук со словами: «Идите в свой дом».

Мать Хая и брат Наум Великие. 70-е гг. XX века

В **1944** году мне уже исполнилось 9 лет. Я пошла в первый класс Балтской русской школы № 3, а брат **Нюма** и сестра **Поля** остались малограмотными. Они были переростками и сразу пошли работать, чтобы кормить нашу семью. Нюма работал в кузне молотобойцем. Оба получали по рабочим карточкам хлеб и приносили домой.

Мы оплакивали погибших бабушку Шейндл и братика Изю и в довершение горя получили известие, что отец **Лейб Абрамович Великий** пропал на фронте без вести

в **1941** году в возрасте 32 лет. Ещё пять раз наш род получил похоронные извещения: не вернулись с войны мамин брат **Нюренберг Лейб** (1897), пропавший в бою без вести в **1944** году, и четыре папиных брата. Я была ребёнком и их имён не помню, кроме брата **Абрама**. До войны они жили в Чечельнике. Боль невосполнимых утрат в Катастрофе и на войне осталась в наших сердцах и сегодня. Больно слышать, когда лгут, что евреи не воевали.

Послевоенная жизнь.

Из всей семьи только я одна окончила школу-десятилетку. После восьмого класса училась в вечерней школе и работала на городской швейной фабрике в гладильном цехе. **Нюма** уехал жить в Одессу, женился. Мы с сёстрами **Цилей** и **Полей** переехали в молдавский город **Тирасполь** и работали на консервном заводе. Здесь мы вышли замуж и разъехались. Хотя личная жизнь у меня не сложилась, я вырастила двух замечательных детей: дочь **Жанну** (1967) и сына **Леонида** (1969). Жанна работала заготовщицей обуви на Бендерской обувной фабрике.

Брат **Нюма**, заменивший нам отца и поднявший всех нас на ноги, умер в **1979** году в г. Одессе в возрасте 50 лет. Остались жена и двое детей: Софа и Лёня. Они живут в Ришон ле-Ционе.

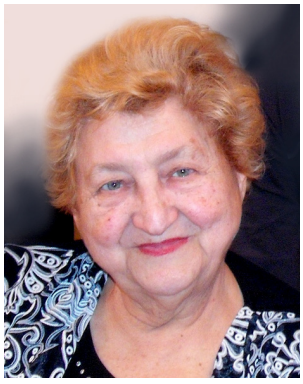
Мама **Хая** жила с сестрой Фаней, постоянно тяжело болела и умерла в 73 года в **1979** году в г. Балте. Наша мама в буквальном смысле жизнь положила, чтобы спасти нас и вывести в люди.

В Израиле.

Я с детьми репатриировалась в Израиль 24 июня **1993** года. **Жанна** продолжила в Израиле работать по обувной специальности, вышла замуж, подарила мне двух внуков. Сейчас им 15 и 11 лет. Дочь, как и я, живёт в г. **Реховоте**. **Леонид** с женой и двумя детьми живёт в г. **Ришон ле-Ционе**, работает на высотном строительном кране, строит жильё по всему Израилю.

Всё, что у меня есть, – это мои дети и четыре внука.

6.

Фукс Бася
*(г. **Балта** Одесской обл.)*

ОТ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ НАС СПАСЛИ УКРАИНЦЫ И РУМЫН

Довоенная жизнь.

Родилась я, **Бася Григорьевна Фукс**, в г. **Балта** Одесской области на Украине **18 июня 1934** года. Мама **Ева** (1910) работала в магазине, была красивой женщи-

ной, высокой, стройной. Папа **Эрш Фукс** умер в день, когда я родилась, поэтому я не знаю его. Бабушка мне рассказывала, что отец работал на мельнице, простудил голову и скончался от кровоизлияния. До 1937 года я воспитывалась в семье маминых родителей: дедушки **Лейба Бороды** (1889) и бабушки **Рейзи**, воспитавших пять своих детей. Дедушку и бабушку я помню очень хорошо. До войны меня привозили к ним. Дедушка изготавливал щётки и продавал, а бабушка была домохозяйкой, занималась множеством внуков, которые всё время у неё находились. Я хорошо помню своего дядю **Бориса** (младшего маминого брата), жившего в семье у бабушки. Он очень много со мной возился, уделял мне много внимания, катал меня на велосипеде. Он у меня перед глазами как живой. В **1940** году его призвали в армию.

Бася с мамой Евой и отчимом Лазарем. 1940 г. Кишинёв.

Семья дедушки и бабушки была религиозной. Дедушка молился богу, надевал *тфилин*. Мама в молодые годы не придерживалась еврейских традиций, а когда она стала старше и бабушка жила с нами, конечно, у нас соблюдались все еврейские обычаи. Бабушка и дедушка говорили на идише, на украинском. Со мной бабушка разговаривала по-украински и по-русски. Мама говорила со мной на русском. Идиш я понимала с детства, но говорили со мной на нём мало. Соседи бабушки и дедушки были украинцы, и все они относились к ним хорошо. У меня было очень много друзей разных национальностей.

В **1937** году мама забрала меня к себе в село **Парканы** Тираспольского р-на Молдавской АССР, где она работала в магазине на пограничной заставе. В детсад мама меня не отдала. Я играла во дворе с двоюродными сестрами или в магазине мешала ей работать. В Парканах жила мамина сестра **Клара** с мужем и с детьми, мамин двоюродный брат работал бухгалтером в колхозе.

Когда советские войска в **июне 1940** года вошли в Молдавию, мама переехала работать в **Кишинёв**, и мы жили там до начала войны. В довоенном Кишинёве мама работала в том же государственном магазине погранвойск, переехавшем из Паркан в Кишинёв на улицу Шмидтовскую. Она была и продавцом, и заведующей, и уборщицей в одном лице. Наша квартира находилась недалеко от магазина, на улице Свечной. До войны это был частный двор, где жили два брата Кучеряну. Когда мы переехали сюда, мама познакомилась с Лазарем, младшим из них, и вышла за него замуж. Отношения у нас с отчимом были хорошие. Мама прожила с ним неполный год до начала войны. Война разлучила их.

Начало войны и оккупация.

18 июня **1941** года мне исполнилось 7 лет, и я готовилась в сентябре идти в школу, а **22 июня** Молдавию начала бомбить немецкая авиация. Мама немедленно увезла в Балту меня и двух дочерей Клары, потому что её муж **Наум** служил в то время в армии, и Клара уехала навестить его несколькими днями раньше.

Мы поездом доехали до **Балты**. Дедушка Лейб встретил нас и привёз к себе. У них дома всё было собрано, и ждали только нас. В это время у бабушки гостила

приехавшая в отпуск из Ленинграда мамина сестра с сыном. У дедушки были две лошади и подвода, в которую сложили вещи. Мы все – мама, дедушка и бабушка, мамина сестра с сыном, дети: я, старшая двоюродная сестра **Полина** (1932) и младшая **Ида** (1936) – сели в подводу и двинулись дальше по Украине. Поехали в село Кривое Озеро, где жила бабушкина сестра с двумя дочерьми. Ехали долго. По дороге нас бомбили. Мы прыгали с подвод, прятались в пшенице или где придётся. После бомбёжки двигались дальше.

Доехали до села **Кривое Озеро** Николаевской области, забрали бабушкину сестру и её двух дочерей (имён их, к сожалению, не помню) и отправились дальше. А когда достигли реки **Буг**, немцы, конечно, уже обошли нас и перерезали дорогу. Мы остались около Буга и не смогли переправиться на другой берег. Нас захватили фашисты. Немцев я видела очень близко. Мы просидели ночь в какой-то брошенной квартире, где было много вещей. Когда немцы заходили, я так громко кричала, что утром разговаривать совсем не могла. Они слышали крик, поворачивались и уходили. Дочери бабушкиной сестры были очень красивыми девушками лет по 19-20 с чёрными толстыми косами. Боясь, как бы немцы не надругались над ними, бабушка и тётя обмазали им лица сажей, чтоб не было видно их красоты. Мы их прятали: набросали на пол вещи, положили на них девушек, накрыли их вещами и сидели на сёстрах. Дождались утра, а утром немцы погнали нас обратно. Девушки замазали лица сажей, косы спрятали, головы повязали грязными рваными платками, как старухи. Не доходя до Кривого Озера, ночевали мы в хлеву для скота, потому что нас утром должны были всех расстрелять.

Хлев был битком набит евреями. Моя мама не была похожа на еврейку. Она больше походила на украинку и очень хорошо говорила по-украински. Нас охраняли полицаи-украинцы. Мама подошла к одному из них, попросила попить. Он дал воды. Она с ним поговорила, отдала ему своё обручальное кольцо, и бабушка отдала своё обручальное кольцо, чтобы он нас выпустил, чтобы он нас спас. Он взял эти два кольца и сказал, чтобы мы продвинулись к лазу, показал, где лаз, и обещал ночью нас выпустить. И правда, он слово сдержал. Ночью мы не спали, хотя очень устали. Мы дремали, нас растолкали, и мы через этот лаз выбрались.

Возвратились в **Кривое Озеро**, побыли одну ночь и отправились дальше в Балту, а бабушкина сестра с дочерьми осталась дома. У неё были очень хорошие соседи-украинцы, и если кто-то из их детей жив, то желаю им всего хорошего за то, что они сделали для этой семьи и для нас тоже. Они прятали эту семью почти до конца оккупации на чердаке, в соломе, носили им еду, переводили из хаты в хату. Но нашёлся подонок, который их выдал, и их в **1944** году расстреляли.

<u>В Балтском гетто.</u>

Дедушка и бабушка постоянно говорили, что нужно вернуться к себе на родину, и мы пришли в **Балту**. Балта разделена речкой Кодыма. В одной половине города, ближе к рынку, обнесли проволокой 4-5 улиц и устроили гетто, куда собрали всех евреев. Нас сразу загнали в гетто. Всех евреев построили на площади, помню, что было очень много людей, а потом развели по «квартирам». Все старики,

взрослые носили звезду, нарисованную белым. Дети звезду не носили. Охраняли нас евреи-полицаи. А с другой стороны речки жили украинцы. Дом бабушки и дедушки остался на «украинской» стороне: в нём жили немцы и разместилась немецкая комендатура.

В гетто нас вселили в чей-то дом. В одну комнату втиснули 18 человек. Из нашей семьи в ней «жили» дедушка **Лейб** и бабушка **Рейзя**, мама **Ева**, я, двоюродные сёстры **Полина** и **Ида**, мамина младшая сестра **Рахеля** с сыном **Яшей** из Ленинграда, остальные люди были чужие. Спали кто на полу, кто на кроватях. Нас, всех детей, взрослые отправили на большую русскую печку, и там мы спали. Для освещения служили свечи и керосиновая лампа, но экономили каждую каплю керосина, потому что керосин меняли на драгоценности. В нашей комнате люди относились друг к другу хорошо. Была в комнате одна семья, которая поначалу ела, прячась под одеяла. Постепенно, видя, как моя доброй души бабушка не могла скушать кусочек, не поделившись с остальными, они тоже стали угощать детей. В гетто не было такого: это твоё, это моё.

Рядом с нашей «квартирой» была маленькая комната, в которой жил еврейский полицай **Янкель** с женой **Гитой**. Он как-то охранял, защищал наш мирок. И если приходили, чтобы выгонять людей на работы, он всегда говорил: «У меня все работают». Из нашей семьи на работу никого не брали, потому что у нас, кроме дедушки, не было мужчин. Мама всё время искала, где бы подработать, у кого-то помыть, постирать и получить кусок хлеба, чтобы накормить всех нас. Но в нашей комнате жили семьи с молодыми и среднего возраста мужчинами. Они ходили на работу. Если прибывали вагоны с углём, Янкель им говорил: «Завтра вы идёте со мной уголь разгружать, чтоб вы знали». Утром он вместе с ними уходил.

В нашем «общежитии» было 8-10 детей. Мы гуляли возле дома только под окном, и бабушка должна была видеть нас в окне, потому что, если ты выходил за колючую проволоку, тебя просто убивали. И мы знали, что на этом пятачке мы можем играть. Играли в чехарду, у девочек были куклы, сшитые из тряпок. В этом возрасте я уже понимала, что я еврейка, потому что нас всех вместе содержали, как зверей за колючей проволокой. Было очень страшно вначале, когда пришли немцы, когда нас согнали в лагерь, расстреливали ночью людей. После расстрела их тела собирали и всех хоронили в братской могиле на еврейском кладбище. А потом, как каждый человек, ко всему привыкла. Когда ложились спать, мы думали, сможем ли утром подняться живыми, не придут ли ночью и не расстреляют ли.

Никто и ничему нас не учил в те годы. Взрослые старались как можно меньше говорить при детях, потому что дети могли, не понимая, рассказать другому ребёнку, а тот ребёнок мог передать своим родителям. Думаю, что мы не знали, какой сегодня день недели, число. Дни были похожи друг на друга: поднялся, дали тебе что-то пожевать, выставили на улицу, чтобы в комнате было свободнее немножко. Но нас учила сама жизнь стоять друг за друга. В памяти у меня навсегда остался случай, едва не стоивший жизни маме. Зима была очень холодной, мама пошла искать дрова, у речки её поймали немцы, отвели в комендатуру и посадили в подвал.

Прибежал мальчишка и рассказал нам об этом. Я была в доме с дедушкой и бабушкой. Когда я услышала, где мама, выскочила из комнаты, никто не мог меня удержать, и через мост, а там стоял пост немцев, я промчалась, как метеор, добежала до комендатуры на центральной улице, села под дверь и стала кричать: «Мама!» Меня отгоняли, но я не отходила, плакала и непрерывно кричала: «Отдайте мою маму!» Маму выпустили из подвала, и комендант сказал ей: «Скажи спасибо своей дочери, что мы тебя выпустили живой». И мы вернулись в гетто.

Сама жизнь учила, как нужно по-человечески, без национальностей помогать друг другу. От голодной смерти нас спасли украинцы, дедушкины знакомые. Вокруг гетто вкруговую был забор из колючей проволоки. Прямо у этого забора пролегала дорога, по которой ехали люди на базар. И однажды проехала подвода из села, куда дедушка возил продавать щётки. Дедушкин товар был отличным, и люди охотно покупали у него щётки. Когда эти селяне возвращались с базара, они увидели дедушку, но остановиться нельзя было. Они столкнули мешочек картошки к самой проволоке и крикнули его имя: «Лейб!» Мама подошла, забрала эту картошку. И потом, когда бы они ни проезжали, они бросали мешочек и клали в него записку, что будут ехать тогда-то. Они собирали по селу еду, кто что мог дать, говорили людям, что семья Лейба находится у немцев. Они складывали собранное в мешок, и когда проезжали, то сталкивали его к забору, как бы мешок сам упал. Это было раз в две-три недели. Мы ели, конечно, вместе с остальными, что с нами жили, делились с другими. Я была ребёнком и не знаю имён наших украинских кормильцев, не помню названия их села в окрестностях Балты. Уже никого из того старшего поколения не осталось, но ведь живы их потомки. Я желаю им только счастья за то, что их дедушки и бабушки, родители помогли нам выжить.

Немцы ушли из Балты, пришли румыны и находились в городе до весны 1944 года. В гетто жили пригнанные из Бессарабии евреи. К украинским евреям румыны относились сносно, а к молдавским евреям плохо, потому что, когда советские войска вошли в Молдавию, румын выгоняли, срывали с них погоны, плевали им в лицо. Они теперь мстили за это евреям, не виноватым в их позоре. Помню доброго румына, работавшего поваром на кухне. Маму мыла у него котлы, грязные кастрюли. Она немного знала молдавский язык. Румын говорил ей всегда: «Пусть дочка придёт, я ей оставлю среди отходов хорошую еду, дай ей». Я иногда подходила к забору, где мама работала, и она мне передавала через забор еду, я относила её бабушке и дедушке. Этим повар нас спасал. Годами мы ели картошку, хлеб, мамалыгу, заму (молдавский кислый суп), этим и жили. Были какие-то драгоценности, их меняли на продукты, а когда всё кончилось, перебивались, как могли.

Бабушка была очень чистоплотная, она строго следила, чтобы мы не заболели, особенно тифом. Все мальчики и девочки ходили лысыми, чтобы не завелись вши. Каждый старался, чтобы в комнате было чисто, прибрано, подметено. Мылись мы по очереди в большой лоханке, стоявшей на печке. Воду приносили из колодца, бабушка и другие старые женщины из чего-то варили мыло, и мы купались. Может быть, кто-то чихал, кашлял. Но к этому тогда никто и не прислушивался.

Я помню, что дедушка **Лейб** поднимался утром, надевал *тфилин*, открывал молитвенник и становился молиться богу, молился он и вечером. Он знал, когда какой праздник. Взрослые постились в Судный день. К *Песаху* бабушка собирала немножко муки и пекла мацу для дедушки, потому что он не ел в Песах хлеб, картошку.

Когда в **марте 1944** года советские войска уже приближались к Балте, румыны в Балтском гетто собрали молодых мужчин и погнали их на станцию грузить вагоны награбленным добром, которое увозили с собой. Узники загрузили всё в вагоны, румыны сели в этот же поезд и уехали. Мужчины уже сами возвращались в Балту, часть из них решила вернуться к родным короткой прямой дорогой в 5-6 километров. Была ещё длинная дорога – 10 километров. Человек десять сказали, что они всё же пойдут дальней дорогой, лишь бы знать, что тебя не схватят в пути. И они оказались правы. Тех, что пошли по короткой дороге, встретили немцы, шедшие в Балту, загнали в сарай, облили их бензином и сожгли всех заживо. В гетто вернулись только 10 человек, что пошли дальней дорогой. Среди сгоревших в сарае были два брата и отец маминой подруги по фамилии **Бельштейн**.

Немцы, отступая, пришли к нам в гетто искать оставшихся мужчин, чтобы расстрелять. Мужчины нашего дома спрятались в подвале. Мы просили 55-летнего дедушку **Лейба**, чтобы он тоже спрятался с ними. Он сказал: «Бог есть в подвале, бог есть и на земле. Я не пойду в подвал».

Когда немцы ворвались в наш дом, моя семья бросилась бежать через чёрный ход. Фашисты пронеслись по комнатам. Жена полицая Янкеля с ребёнком убегала последней. Немцы ей выстрелили в затылок, и она упала на пороге.

На улице моя тётя из Ленинграда с сыном спряталась в туалете, а я, мама, бабушка, дедушка и две двоюродные сестры продолжали убегать, немцы бежали следом за нами. Бабушка и дедушка были старенькие, дедушка споткнулся и упал. Подбежал немец, выстрелил в него и попал ему в плечо. Мама схватилась за его пистолет и кричит: «Он же старый». В это время дедушка поднял голову, и вторым выстрелом немец убил его на наших глазах. Мы подняли дедушку и понесли его в дом. На нём был тфилин, перед бегством он молился богу.

Вошли в дом и остановились возле мёртвой **Гиты**, а её ребёнок, увидев нас, закричал: «Бабушка, бабушка (так он звал мою бабушку), мама споткнулась и упала». Мы положили дедушку рядом с ней на пол и забрали ребёнка к себе. Пришла моя тётя с сыном, и мы все спустились к реке. У реки жила дедушкина сестра с сыном. Её муж умер в гетто.

28 марта 1944 года в течение одного дня войска Красной армии уже вели бои в Балте на противоположной стороне реки, а немцы ещё зверствовали на другой – в гетто. Утром **29 марта** была освобождена вся Балта.

Освобождение и после него.

Мы пошли в дедушкин дом, но он был разрушен, жить было негде, и нас приютили хорошие люди – рядом живущие украинцы. Похоронили дедушку Лейба, жили у них некоторое время. А когда советские войска полностью освободили

Молдавию, мы всей семьёй с сестрами, тётей уехали в **Кишинёв**. Вернулись в дом, в котором жили до войны. Приехала в Кишинёв мамина сестра **Клара**, мать Поли и Иды. Её муж и их отец **Наум Горфайзен** погиб на фронте.

Я начала учиться в русской школе № 33. В классе учились русские, евреи, украинцы, молдаване. Никто никогда не спрашивал, что со мной было в годы войны.

Послевоенная жизнь.

Из моих родных на фронте погибли жившие до войны в Ленинграде два маминых брата: **Шмерл Борода** (1911) был убит в бою в 1941 году и **Иосиф Борода** (1921) – в 1942 году.

Я окончила школу-семилетку, затем училась в Кишинёвском статистическом техникуме. Занималась спортом, брала первые места в соревнованиях по лёгкой атлетике. Пошла работать на фабрику контролёром. 7 января **1955** года вышла замуж за **Герша** (1925). Герш был призван в армию в 1944 году, в 1945 году участвовал в советско-японской войне, служил в армии до 1952 года. В 1953 году приехал в Кишинёв, работал на тракторном заводе. В 1954 году мы познакомились и понравились друг другу. Свадьбу сделали в домашних условиях. Я была комсомолкой, секретарём комсомольской организации и, конечно, не хотела *хупы*.

Бася Фукс с внуками. 2011 г. Натания.

После рождения старшего сына **Семёна** (29 декабря 1955) перешла работать на электростанцию контролёром. Через три года устроилась кассиром в проектный институт и в этом институте отработала 30 лет. Начала кассиром, потом стала финансистом института. Второй сын **Михаил** родился 21 сентября 1968 года. Оба получили высшее образование.

В Израиле.

В **1993** году мы репатриировались в Израиль, потому что сыновья хотели уехать. Они по профессии электронщики по электронному оборудованию. У меня две внучки от старшего сына: **Мири** (1988) и **Элен** (1998) и три внука от младшего сына: **Филипп** (1997), **Ронен** (1998) и **Галь** (2012). Я жила 16 лет в **Реховоте**, сейчас живу в **Нетании**, но остаюсь на учёте в Реховотской организации бывших узников нацистских гетто и концлагерей, работала в ней ряд лет казначеем. Мой муж **Герш** умер в **2008** году. Мои двоюродные сёстры, с которыми я была в гетто, ушли из жизни: **Поля** – в 2000 году, **Ида** – в 2010-м.

*

Я рассказала о своём страшном прошлом, потому что наши дети должны знать о том, что такое война. Должны! Мне иногда кажется, что в Израиле не только дети, но и многие взрослые не знают, что такое Катастрофа, кто такие фашисты. Задают вопросы: «Как же ты жива осталась?» Моим сыновьям, внучкам, будущим правнукам пожелаю, чтоб они не испытали этого. Надо делать все возможное и невозможное, чтобы был мир. Чтоб им не довелось видеть, как убивают перед тобой родного человека.

7.

Белгородская Катя
*(Одесская обл., с. **Чёрное**)*

ВСЕЙ ЖИЗНЬЮ Я ОБЯЗАНА МАМЕ ЛИЗЕ

Довоенная жизнь.

Моя семья: мама, папа и я, **Гитя Лившина** (21 мая 1940), до войны проживала в гор. **Одессе** Украинской ССР в коммунальной квартире ещё с пятью украинскими и русскими семьями. Жили дружно, в послевоенные годы поддерживали отношения с бывшими соседями. Папа **Арон Беньяминович Лившин** (1909) трудился на строительстве прорабом, руководил коллективом строителей-заключённых. Отец отличался приятным покладистым характером и хорошо ладил с подчинёнными. Папина мама и его сёстры жили в Одессе отдельно. Мама **Лейка** (Лиза, Елизавета) **Захаровна Белгородская** (15 дек. 1911) работала на пухо-перьевой фабрике, выпускавшей подушки. Родители были атеистами. Дома говорили по-русски, но взрослые знали идиш и украинский языки.

Лиза Захаровна Белгородская – мать Кати. Довоенный снимок. Одесса.

У маминых родителей: дедушки **Залмана** (Золмена) **Дувидовича Белгородского** и бабушки **Блюмы Иосиповны**, родом из с. Гросулово Одесской области, родились 9 детей: четыре сына и пять дочерей. Бабушка была домохозяйкой, но фактически моя мама, четвёртая по старшинству среди детей, выхаживала всех новорождённых и занималась остальными детьми. Семья жила очень бедно, но честно. Дедушка ездил в Одессу, покупал на толкучке старые вещи, что-

бы одеть детей. В доме стояла единственная кровать для дедушки и бабушки, дети спали на полу.

Дедушка Залман был довольно образованным, до 1917 года он служил управляющим имения помещика Балицкого, при советской власти работал в правлении колхоза бухгалтером, а перед войной – председателем колхоза. Дедушка знал Тору, хорошо играл на скрипке. Дети вырастали и уезжали в разные края учиться и работать. До **1928** года мама жила в родном местечке **Гросулово**, а затем уехала в **Одессу**, где работала няней двух детей в еврейской семье женщины-директора фабрики, жившей в коммунальной квартире. Когда семья директора уехала в другую область, остальные жильцы, полюбившие маму и звавшие её ласково Леечка, добились, чтобы девушка осталась жить в комнатке для прислуги. Так мама стала законной владелицей комнаты в Одессе. Тут же к ней приехали жить три сестрички. Они работали на фабриках, спали по сменам на двух кроватях, две потом вышли замуж и переехали к мужьям. Сестра Фаня оставалась у мамы до самой войны. Приехали жить братья: им надо было готовить, стирать. В **1932** году мама как комсомолка отправилась строить **Днепрогэс**, прошла курсы и работала штукатуром в тяжелейших условиях рядом с заключёнными из лагерей. Жила почти два года в бараке, её обокрали. В **1934** году мама с пустыми руками возвратилась в Одессу, работала. В **1938** году мама познакомилась с **Ароном**, родом из г. Дубоссары (Молдавия), и они поженились.

Дмитрий (Мотя) **Белгородский** (1918) был младшим и любимым маминым братом, учился в институте. В **1939** году его мобилизовали на советско-финскую войну, и он погиб от обморожения в **1940** году, тело Моти было похоронено в Пскове.

Начало войны и оккупация.

Известие о войне застало нашу семью в **Одессе**. В начале войны мой отец **Арон Лившин** и два маминых брата: **Исаак** и **Наум Белгородские** были мобилизованы на фронт.

Дедушка **Залман** в Гросулове в первые дни войны выполнял задание эвакуировать колхозный скот, но помощников не нашёл, и коровы у него разбрелись. Бабушка **Блюма** успела уехать до прихода немцев вместе с тремя дочерьми. Они эвакуировались поездом из Одессы, но мою маму и меня не взяли, объяснили после войны, что не было места. В **июне 1941** года мне исполнился один год и два месяца. Из предосторожности мама сменила моё еврейское имя Гитя на **Катя**, а сама из Леи стала **Лизой**.

По воспоминаниям мамы, война вызвала у людей неодинаковые чувства: евреи Одессы, количество которых было в городе значительно, боялись, не ожидая от неё ничего хорошего, но была и другая часть населения, воспринявшая немецкую оккупацию радостно. Немецких оккупантов **осенью 1941** года они встретили хлебом-солью на украинских рушниках, вручили символический ключ от города. На самом большом городском рынке Привозе через громкоговоритель читались приветственные стихи завоевателям.

Оккупация и уничтожение евреев начались одновременно. Были развешаны объявления, и сообщали по радио, что все евреи должны семьями с документами и ценными вещами собраться в Слободке – одном из городских районов. В городе огласили приказ: кто знает, где находится еврей и не сообщит об этом, будет расстрелян. Нашлись доносчики на соседей-евреев. И евреи пошли, моя мама тоже взяла меня на руки и направилась в Слободку с сестрой папы **Саррой** (девичья фамилия Лившина). Толпа шла громадная, и подгоняли людей только четыре немца. Папина сестра вела мальчика чуть старше меня. Сарра сказала, что ей не страшно: она замужем за русским, поэтому её и их русского сына не убьют – документы у неё при себе. Маме всё происходящее «не понравилось» (по её собственному выражению). У мамы с собой было несколько смушек (мех, шкурка новорождённого ягнёнка) – это была ценность вроде валюты. Она вышла со мной из толпы, отдала смушку одному из охранников и тут же отправилась в сторону, противоположную Слободке. Конечно, папина сестра с сыном вскоре погибла в Слободке с другими одесскими евреями.

Мама вернулась домой, но здесь нельзя было оставаться и лишней минуты – добровольцы выполняли приказ немцев о выявлении евреев. Мама со мной на руках поскорее отправилась к своему отцу **Залману** в с. Гросулово, в 118 километрах от Одессы. В пригороде она случайно встретила знакомого украинца из Гросулова, приехавшего на подводе, и он сообщил маме, что в их селе уже немцы, и её отец находится с остальными евреями в селе Фрунзовка, куда румынские оккупанты согнали евреев из многих сёл. Уже шёл снег, наступали зимние морозы. Мама стала добираться до Фрунзовки: посадила меня в санки и пошла пешком, потом поездом до ст. **Раздельная**, пешком до с. **Павловка**, на телеге до с. **Фрунзовка**. В пути ночевали у обрусевшего немца, дедушкиного друга. Во Фрунзовке мы встретились с дедушкой. Пригнанных и пришедших евреев румыны погрузили на подводы, с обеих сторон дороги молча стояли крестьяне, и мама подумала, что всех везут на расстрел. Она стала просить крестьян: «Я вам всё отдам, только возьмите ребёнка!» Она предлагала за моё спасение пальто и последнюю смушку, но никто не взял меня с телеги. Нас повезли в село **Чёрное**.

В лагере.

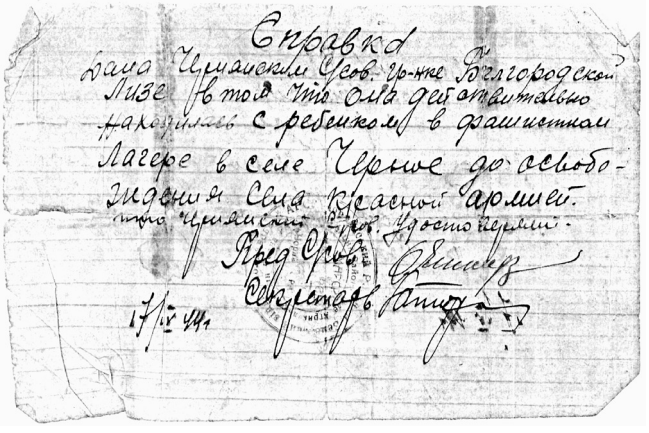
Лагерь для евреев в селе **Чёрном** Одесской области создали румынские фашисты, от них исходили все команды и распоряжения. По маминым словам, румыны были жестокими, хитрыми, мстительными. За малейшую провинность или несоблюдение их требований – избивали. Мама вспоминала, как румын хотел отобрать у меня шарфик, связанный ею, я начала плакать и ругать плохого дядю, и этот взрослый мужчина с оружием полез драться со мной.

В Чёрном до войны был колхоз, и в селе жили колхозники. Помещений для содержания узников не было, евреи жили, нанимая комнату или угол в хатах сельских жителей. Те, кто не мог снять жильё, спали, где придётся. В холодное время им приходилось очень тяжело, и к ним присоединялись иногда выгнанные «квартиранты». В нашей комнатке жили мама со мной, дедушка **Залман** и его млад-

шая родная сестра **Рахель** с двумя сыновьями, а также мужчина по имени **Шика** из Гросулова. Дедушка пас небольшое хозяйское стадо, тётя Рахель умела шить, Шика сапожничал, и мы этим жили.

Однажды, уже в потёмках, в холодную погоду, мы сидели, мёрзли и ещё не спали. Вошла украинская девочка, которая стояла среди крестьян, когда евреев увозили из Фрунзовки. Её звали **Женя**, жила она в селе **Первомайске**. Она уговорила свою мать и старшую сестру, и они разрешили ей пойти в Чёрное, чтобы упросить мою маму отдать меня на зиму в их семью. Тринадцатилетняя Женя сказала своим родным и моей маме: «Я загадала, что, если эта девочка будет жить у нас, то папа вернётся с войны». Мама согласилась, и Женя, получив обещанное пальто со смушкой, отнесла меня по высокому снегу к себе домой. Всю суровую **зиму 1941-42** гг. я находилась у добрых людей. Мною много занималась старшая сестра **Клава Ду́бина**, у которой росли двое своих детей, и я всю жизнь называла её «мама Клава», мать Жени и Клавы я звала «бабушка **Оля**». Мама рассказывала мне, что вечерами она бегала из Чёрного к Дубиным, смотрела на меня в окошко, но не смела войти. Клаве некоторые сельчане говорили: «Мало того, что твой муж-коммунист на фронте, ты ещё жидовского ребёнка взяла» или «Мы знаем, что у тебя прячется еврейка». Клава, решив покончить с такими разговорами, тайком отнесла меня к священнику окрестить, тот отказался, и этим кончилось. Никто из села не выдал их семью фашистам, но дочери и мать одинаково рисковали жизнью ради меня в оккупированном Первомайске. Я благодарна всем сердцем этим замечательным украинским женщинам и девочке Жене. **Весной 1942** года, когда стало тепло, Женя привела меня к маме в Чёрное. После Победы мы дружили многие годы с моими спасительницами. К счастью, Женин папа с фронта вернулся, а муж Клавы погиб на войне, к нашему общему горю.

В один из дней в нашу комнату зашла молодая женщина из Одессы **Шура Таужнянская** с сыном **Мишенькой** примерно моего возраста. Она не явилась по приказу немцев в Слободку и скрывалась с ребёнком, пока не узнала во Фрунзовке, что в Чёрном находятся евреи. Мальчик был весь покрыт фурункулами, болел, у него не было сил даже плакать. Мама всё поняла без слов, и эта пара осталась рядом с нами жить. Маму и тётю Шуру вместе гоняли на работу, несмотря на малых детей. Мама всегда брала меня с собой, а тётя Шура оставляла малыша у людей.

Справка
дана Чернянским Сов. гр-не Белгородской
Лизе в том что она действительно
находилась с ребенком в фашистском
лагере в селе Черное до освобо-
ждения Села Красной Армией.
Пред. Сов.
Секретарь
17/IV 44г.

Справка о пребывании Белгородских в фашистском лагере. 17 апреля 1944 г. Чёрное.

Каждое утро все евреи приходили к румынской претории (управе) на перекличку, обяза-

тельно с детьми, у кого они были. Румын называл фамилии, надо было откликаться. Нас, детей, выкликали так: «Жидан Катя!», «Жидан Миша!» После проверки объявляли, кто где будет работать. Весной, летом и осенью люди работали на полях бывшего колхоза. В любое время года ухаживали за лошадьми, убирали, белили сельскохозяйственные помещения, ремонтировали румынскую комендатуру, мостили дорогу.

Катя в возрасте 5 лет. 26 ноября 1945 года. Великая Михайловка.

Со стороны оккупантов никакого снабжения едой, питьём не было, и в то же время принудительный труд не оплачивался. Моя мама (светлая ей память!) в лагере была героиней: она работала на оккупантов бесплатно до вечера, а затем «ходила по домам» (по её выражению). Это означало, что она делала допоздна домашнюю работу у состоятельных крестьян, и они давали за это продукты для нас двоих. Помню, мама принесла немного мёда и кусочек масла, для меня это были невиданные деликатесы, и я никого к ним не подпустила. Ночью при свете каганца мама-умелица вязала тёплые вещи по заказу хозяек из их ниток. А утром надо было явиться со мной на перекличку и работать на румын.

Мылись, стирали редко, поскольку для этого не было условий. Ходили в обносках, «одежду» шили из мешков. Особенно трудно было зимой: мёрзли без тёплой одежды, не было топлива для печки-«буржуйки», стоявшей в комнате.

В Чёрном находились также пригнанные сюда бессарабские евреи. По рассказу мамы, убегая, румыны предупредили: «А сейчас бойтесь не нас, бойтесь своих». **Весной 1944** года, перед приходом Красной армии, через Чёрное прошли какие-то отряды бандитов, говоривших по-русски. Они убивали всех евреев, которые им попадались на пути. Мы спрятались в заброшенном погребе, а бессарабские евреи не хотели прятаться, сказали, что они с бандитами договорятся, и были убиты то ли власовцами, то ли бандеровцами.

Освобождение и послевоенная жизнь.

17 апреля 1944 года село Чёрное было освобождено Красной армией от румынских оккупантов. Дедушка, знакомый с бюрократией, послал маму в сельсовет, где мужчина в кожанке выдал ей справку о пребывании с ребёнком в фашистском лагере в с. Чёрном.

Война для меня окончилась в пятилетнем возрасте. В день Победы мы находились в с. **Гросулове** (с 1945 г. – пгт. Великая Михайловка). Мама съездила в Одессу и узнала, что коммунальную квартиру заняло отделение милиции. Добиваться другого жилья она не стала, и мы некоторое время жили у дедушки в доме маминого детства и юности. Дедушка работал счетоводом на маслобойке. Бабушка Блюма с дочерьми вернулась с Дальнего Востока из эвакуации. Вся домашняя работа лежала на маме.

Мой отец погиб на фронте. Мы получили извещение из армии о том, что рядовой, стрелок **Арон Беньяминович Лившин** в **июле 1941** года в ходе боёв пропал без вести. Мамин брат, дядя **Исаак Залманович Белгородский** (1905), тоже пропал без вести в бою против фашистов.

Живым вернулся с войны дядя **Наум** Белгородский и узнал о гибели своей семьи: жены **Сарры** и маленького сына **Аркадия**, погибших осенью **1941** года в оккупированной немцами и румынами Одессе.

Мы скрывали, что были узниками оккупантов, предвидя негативное отношение к этому. Кто из евреев не скрывал, тех называли предателями – это я слышала. Жизнь постепенно налаживалась. Мама работала в Великой Михайловке продавцом винного магазина, вышла замуж за фронтовика **Велвела Меламуда** из этого же села. После ухода Велвела на войну в **июне 1941** года его жена **Эстер** (1901) и две дочери: студентка **Белла** (1920) и ученица **Чара** (1928) пытались бежать от фашистов, выехали из Гросулова и попали под бомбёжку. Лошади испугались и понесли их в самый центр пожара. Ему об этом рассказали очевидцы этого ужаса. Он часто плакал, вспоминал заживо сгоревших родных. Мама и отчим были хорошей подмогой друг другу. Он был замечательным умным человеком, они любили друг друга и прожили вместе 18 лет. В боях на Северном Кавказе Велвел получил тяжёлое ранение ног, вернулся инвалидом войны и всё-таки работал. Мы жили втроём в домике «дяди Вевы», как я его называла. Он, к сожалению, рано ушёл из жизни.

Я окончила 10 классов, уехала в **Одессу** и училась в техникуме измерений, начала работать в **Донбассе** на электростанции им. Ленина техником-электриком измерительных приборов. Когда мама вышла на пенсию, мы с ней переехали в **Одессу**. Я работала на Одесском заводе сопротивлений инженером ОТК, мастером в цеху более 30 лет.

Дедушка **Залман** умер в **1963** году, бабушка **Блюма** прожила больше 100 лет.

После развала Советского Союза Украина стала независимым государством. Проблемой было заработать деньги и добыть продукты. Я долго созревала для выезда в Израиль, мама со своей мудростью пришла к этому значительно раньше. Мамины сёстры улетели в Америку, ничего не сказав своей сестре Лизе, которая их взрастила и выкормила.

<u>В Израиле.</u>

Мы с мамой репатриировались в Израиль в октябре **1994** года и сразу приехали в г. **Реховот**. Постепенно я нашла родственников, подруг, встала на учёт в Реховотском отделении Союза ветеранов 2-й Мировой войны как дочь погибшего солдата. Занималась пять лет организацией экскурсий для участников войны и их семей, получала большое удовлетворение от этой работы. Участвую в Реховотском объединении бывших узников гетто и концлагерей. В **2003** году получила небольшую квартиру. Продолжаю работать: мой участок – четыре здания социальных многоквартирных домов, где проживают пожилые люди, матери-одиночки, репатрианты из Йемена. Решаю вопросы социальной помощи, разнообразные проблемы, возникающие в жизни этих семей, а также связанные с содержанием помещений.

Моя дорогая мама **Лиза** Белгородская умерла в **2001** году. Мама, моя спасительница в годы Катастрофы, в жизни была доброй, красивой, трудолюбивой, заботливой, преданной своей семье и мне. Невысокого роста, подвижная, ловкая, расторопная, она умела делать всё. Не обладая каким-то образованием, мама была умной, развитой от природы, например, любые вычисления она безошибочно производила в уме. Она сумела многому научить меня. Всей жизнью и всем хорошим во мне я обязана ей.

*

Село Чёрное существует и сегодня, современное, красивое, недалеко от соснового леса. Я там побывала в 1994 году. Памятных знаков не было, но в само село ведёт дорога из булыжника, которую жители до сих пор называют «жидівська дорога». Моя мама строила эту дорогу 70 лет назад под прицелом фашистов. Камни подобраны и подогнаны так тщательно, что она и сейчас в хорошем состоянии – немая память о Холокосте, созданная руками его жертв.

8.

Галицкий Иосиф
*(г. **Острог** Ровенской обл.)*

Я ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ, ЧТОБЫ РАССКАЗАТЬ ВСЕМ

Довоенная жизнь.

Меня зовут **Иосиф Галицкий**. Я родился **25 августа 1922** года в городке **Острог** на Волыни у отца **Бен-Циона Галицкого**, крупного купца из Острога, и у мамы **Фейги Шагам**, родом из Славуты. Она окончила там гимназию с золотой медалью, дома висел на стене её замечательный аттестат. Наш дом был сионистским. Мой папа общался на языке иврит бегло и абсолютно свободно, и так же воспитывал дома нас, двоих детей. Мой брат **Ицхак-Лейб** (Лёва) был на семь лет младше. Я ходил в детский сад, где говорили на иврите, им руководила госпожа Лис из движения «Тарбут». Первые шесть лет я учился на польском языке, а затем в гимназии «Тарбут». Горожане-евреи укрепляли её своими силами и приглашали лучших учителей из Галиции и

Родители Иосифа: Галицкие Бен-Цион и Фейга. 1939 г. Острог.

Польши. На уроках *талмуд тора* и иврита языком преподавания был иврит, польский был вторым языком обучения.

В нашем городке имелись еврейский детский дом, еврейская больница, действовал еврейский «ТОЗ» – организация защиты здоровья евреев. В городе существовали все партии – от «Бунда» до ревизионистов. В Остроге были *йешивы*, очень известные раввины, много синагог, а в особенности большая синагога «Маршá», знаменитая по сей день во всём мире.

В **1939** году началась Вторая мировая война, в Острог из центра Польши потоком шли беженцы. Их называли «биженци», и они селились в нашем городке. Острог вдруг превратился в большой город с множеством проблем жилья и работы. Но известно, что еврейский народ всегда объединяется во время несчастья, так произошло и тут. Каждый взял в свой дом людей, которые бежали от фашистов.

17 сентября 1939 года к нам пришли Советы, и наша еврейская гимназия «Тарбут» была реорганизована в советскую школу с языком преподавания идиш, в ней я получил «матýру» – аттестат зрелости.

Начало войны и оккупация.

Окончив школу, я поехал в **Ровно** и поступил в учительский институт, где до июня 1941 года успел проучиться два курса. Когда началась война Германии против Советского Союза, разумеется, вернулся домой, в Острог. Это было за 6-7 дней до прихода немцев в Острог, и родители настаивали, чтобы я бежал из города. Я приехал из Ровно больной, с ангиной, и поэтому остался с ними.

Первые дни войны мне запомнились стихийным бегством людей от фашистов. Советская власть не смогла организовать эвакуацию населения, потому что коммунисты не верили, что будет война, и ждали приказов «сверху». Война началась в воскресенье, а в четверг, **26 июня 1941** года, немцы захватили **Острог**. Только в этот день советские работники начали бегать среди домов, стучать в окна, двери и требовать от людей уйти в направлении реки **Хóрин**. Тот, кто успел – ушёл. Были такие, что не могли расстаться с семьёй и старыми или больными родителями. Но несколько тысяч человек успели бежать за реку, и благодаря этому они остались в живых.

В нашем городе было 11-12 тысяч жителей, и из них – 9 тысяч евреев: чисто еврейский город. Через 3-4 дня после оккупации города был вывешен приказ для евреев на немецком и на украинском языках. Под ним среди других стояли подписи Ольхова, одного из лучших учителей польской городской гимназии, и украинца Ткаченко, начальника полиции. Эти двое в мирное время были дружелюбны к евреям. Приказ сообщал о том, что евреям запрещается ходить по тротуару, что еврей должен обнажать голову, если идет мимо немецкого солдата или украинского полицейского, что все евреи обязаны на улице носить на левой руке нарукавную повязку с магендавидом и надписью «Юде» (тогда ещё не было жёлтых звёзд). Каждый еврей обязан был каждое утро находиться возле комендатуры, откуда будет взят на работу. С этого дня нас начали гонять на работу в казармы. Меня взяли грузчиком на военную базу.

Три акции по уничтожению евреев Острога.

Это случилось **4 августа 1941** года, примерно через месяц после оккупации города. В понедельник, именно в день *Девятого Ава*, в городе началась стрельба, и солдаты СС с помощью местного населения принялись изгонять евреев из домов. Мы называем этот день ***«дэр эмитэл мунтиг»*** **–** *«первый понедельник»*. Сначала мы не поняли, что происходит. Мы думали, что немцы отступают, потому что ночью слышали стрельбу и взрывы. Очень скоро до нас дошло, что выдворяют только евреев, а не украинцев и не поляков. Было видно взаимодействие украинцев и немцев в операции по выселению евреев из их домов. Ни у кого из нас мысли не было об уничтожении. Мы считали, что нас всех берут на работу, и поэтому никто не спрятался и не убежал.

Меня с родителями и ещё нескольких евреев привели во двор польского костёла и поставили возле стены. Немецкие солдаты изготовились стрелять в нас. Вдруг появился офицер СС и сказал: «Нельзя, акция назначена в другом месте». Тогда мы тоже ещё не поняли, в чём дело. Нас вывели с церковного двора на главную улицу Дубинскую. По ней вместе с нами шли тысячи евреев в направлении «нового города», к реке Хорин. Нас гнали к лесу, который был раньше границей между Россией и Польшей. Надо было перейти на другую сторону моста.

Возле входа на узкий мост по обеим сторонам дороги стояли украинские парни. Это были хлопцы, которые учились вместе с нами, с ними мы играли, проводили время, ходили в походы. Всех проходящих евреев они били смертным боем, когда мы шли через их зверский коридор на неширокий мост. Так нас привели к лесу. Оказалось, что в лесу немцы сконцентрировали почти всех евреев городка. И ни один не пытался сбежать или сопротивляться, потому что он не знал, что должно случиться с ним вообще.

Настал новый летний день. Мы простояли на жаре с утра до трёх часов дня. Никто не знал, что произойдёт. Потом мы увидели много солдат, много офицеров и ещё больше украинцев и украинок с мешками. И начали понимать, к чему всё идет. После часу дня пришёл офицер СС и провёл «селекцию» евреев: первым делом он выбрал людей с профессиями: «Плотники – сюда, слесари – сюда, пекари – сюда…», а затем скомандовал: «Тот, кто болен – сюда, тот, кто не может работать – туда». Мой папа до войны занимался продажей зерна, муки. У нас была мельница. Это было связано с пекарным делом, и мы с папой пошли и встали в группу пекарей. Мама с моим младшим братом осталась в другом месте, и мы не знали, где они.

Когда закончилось распределение людей, внезапно появились немцы с собаками и украинцы, которых в этом конвое было большинство. Начали отводить старых, больных людей и работников с профессиями в разные места. Но перед тем, как нас повели, немцы выбрали двух-трёх городских раввинов, а также одну самую уважаемую в городе семью, её звали *«ди бондэрс»* («бондари»), и велели своим жертвам, чтобы те разделись и танцевали перед ними. Я помню, как сейчас – у этих стариков руками выдергивали бороды, заставляли их ползать на четвереньках и плясать.

Нам всем, записанным как ремесленники, приказали идти по домам, а другие –

остались в лесу. Мы с папой сидели дома и не знали, что стало с теми, кого немцы оставили. Мама с Лёвой, к счастью, тоже вернулись немного позже. На этот раз нашу семью смерть миновала.

На другой день начали приходить украинцы и говорить: «Ваши родственники сидят в лесу, и им нечего есть и нечего надеть». Так они выпрашивали у людей вещи, продукты, но это продолжалось не долго – день или два. Выяснилось, что в этот понедельник примерно три тысячи евреев убиты из пулемётов в лесу и лежат в огромных ямах, которые украинцы тайно вырыли за несколько дней до понедельника.

И до сегодняшнего дня, через 70 лет, мне трудно понять такое зверство немцев: из леса в «первый понедельник» родители вернулись без детей, дети вернулись без родителей, муж без жены, жена без мужа. С той поры мой отец иногда говорил нам, что евреи, которых убили, – счастливее нас. А наше ожидание гибели будет намного хуже, потому что кто знает, какие страдания нас ждут.

*

Так мы прожили ещё месяц. Началась совсем другая жизнь: раньше каждый знал, что немцы берут евреев на разные работы, и никто не думал об убийстве ими народа. Теперь мы ходили на работы, как на расстрел, работали и боялись. То, что случилось дальше, мы, выжившие в гетто, называем ***«дэр цвэйтэр мунтиг»*** – *«второй понедельник»*.

Вторая акция была не такая, как первая. **1 сентября 1941** года в полной тишине вывели людей на городскую площадь, подъехали немецкие машины, и немцы забрали не старых, не больных, а только молодёжь, ребят от 12 до 15 лет. Людям и родителям объявили, что молодых вывозят на работу. Потом мы узнали, что в этот день их расстреляли. Мои родители и я не пришли на площадь, а спрятались в домашнем тайнике.

Это была как будто тихая акция, но нацисты уничтожили в этот раз более 2 тысяч человек – цвет юношества. В первой акции они убили глав религиозного комитета города, председателей советов синагог и раввинов, всех пожилых евреев. Во второй акции немцы сделали всё наоборот, чтобы мы не понимали, что ждать дальше: расстреляли молодых не в том лесу, где раньше, а в лесу у села **Нетишев**, совсем в другой стороне. В лесу у Нетишева ямы тоже были подготовлены местными жителями заранее, и дети не вернулись. В ходе первой и второй акций немцы вместе с вооружёнными украинскими пособниками, которых было большинство, расстреляли примерно половину еврейской общины Острога.

<u>В Острогском гетто.</u>

После второй акции был объявлен приказ – в течение 24 часов евреи обязаны перейти в гетто. Немцы указали нам возле синагоги район, где обычно и селились евреи, но урезали его больше, чем на половину. Также они дали 48 часов, чтобы мы сами огородили гетто, и это было выполнено. Приказали вместо нарукавных повязок нашить на одежде на грудь и на спину жёлтые латки. За выход из гетто, за связь с населением и обмен своих вещей на продукты – расстрел на месте.

Евреи жили в гетто крайне скученно, в очень и очень тяжёлом положении. В то время мы ещё не страдали от мук голода, потому что у каждого оставались вещи, которые обменивали у местных жителей-неевреев. Но и это было недолго, потому что местные смекнули, что могут поднять цену на свой товар. Через 4-5 месяцев в гетто начался большой голод. Люди болели, а врачей почти не было. Положение ухудшалось. Каждый еврей обязан был иметь удостоверение с места работы. Во время входа в гетто, если обнаруживали при обыске что-то купленное, украинские охранники стреляли в человека на месте. Тот, кто не вышел на работу и его обнаружили, был убит. Помню, на входе схватили женщину, которая вышла купить бутылку молока для ребёнка, и убили на месте. Когда я читаю сегодня в газете, что где-то есть голодные дети, люди, мне страшно, потому что я знаю, что такое голод в гетто. Ежедневно в 5-6 часов утра повозка, которую тащили евреи, ехала по городу, и евреи собирали трупы несчастных: умерших с голоду, или от холода, или застреленных. Так мы прожили в Острогском гетто год.

Немцы обновили юденрат (совет еврейской общины), потому что большая часть общины была уничтожена. Особо скажу, что во главе его стоял достойный еврей **Авраам Комендант**, а также **Зафран, Фалик, Грейнимс, Йопа Кац** и другие. Говорю как свидетель – они были праведниками. С той поры, когда они получили приказ войти в юденрат, в гетто не было ни одного случая доноса, ни одного случая выдачи евреев.

Однажды немецкий большой чин заказал у сапожника в Остроге пару сапог, и тот сшил сапоги. Офицер привязался к нему, что один сапог сделан плохо. Немец пришел к Аврааму Коменданту и потребовал, чтобы ему дали десять евреев, которые должны явиться на еврейское кладбище и быть готовыми к смерти. Авраам Комендант созвал юденрат, и, когда все пришли, сказал: «Вот эти десять евреев. Не расстреляют нас одновременно». И действительно, они отправились на кладбище, и все остались живы. Я назвал этих людей по именам и фамилиям, быть может, кто-то помянет их.

Жизнь в гетто была ужасной ещё и потому, что приходили местные жители и говорили: «Мы слышали, что копают яму там, мы слышали, что копают тут. Мы спасём тебя, только отдай нам свои вещи». Это повергало жителей гетто в панику. Не было руководителя, не было старейшин, из сионистского движения почти никто не остался. Но я помню одного из немногих парней – **Абрашу Абельмана,** бывшего до войны одним из руководителей движения «Бейтар» в Остроге. Он начал организацию молодежного подполья, чтобы у нас были оружие и самозащита. В нём участвовало несколько молодых человек, я в том числе. Мы встречались с Абрашей два раза в день: утром и вечером, говорили, как нам организоваться, но, к моему сожалению, из этого ничего не вышло.

Сразу на следующее утро после второй акции немцы потребовали: в течение 24 часов каждый еврей и еврейка должны прийти на улицу Дубинскую к зданию комендатуры и отдать все свои ценности: от колечка до драгоценных камней, а также из синагог. Люди томились в очереди с утра до ночи, чтобы сдать всё оставшееся,

потому что приказ гласил: если у еврея найдут через день хоть что-то ценное – он умрёт. Я стоял в той очереди с мамой, чтобы сдать её фамильные драгоценности, и видел рядом с нами старосту синагоги с серебряными коронами. Острог – старинный город, и всё серебро, которое было в синагогах, древние книги, свитки – попали к немцам. А немецкие знатоки сидели за столами с лупами и профессионально, как образованные историки, оценивали еврейский антиквариат: проверяли, какого периода каждый предмет, сортировали их по размеру, по ценности. Это был бесстыдный, педантичный грабёж.

*

В то время почти вся округа была «юденрайн» (термин нацистов «очищенный от евреев»). Оставалось только три городка, где ещё жили евреи: Здолбунов, Гоща и Острог. Комендатура гебитскомиссара располагалась в Здолбунове. И мы слышали, что он получал много взяток. Говорили, что евреи ездили к нему, и он обещал, что Острог, Гоща и Здолбунов будут «последними, самыми последними». И, насколько я знаю, они на самом деле были последними при уничтожении. По прошествии года…

Хотя Острог был и маленьким городком, но в нашем гетто чувствовалось, что все евреи – друзья. Существовала взаимная помощь. Люди делились всем, что у них есть, когда у них было. Не было случая, чтобы у кого-то не было совсем, бывало, что у кого-то было меньше. Работала общественная кухня, ТОЗ действовал, был «*мошав зкеним*» (*ивр.* «дом престарелых»), но всё это в малых формах, потому что не осталось тех, которые могли этим заниматься.

Люди начали делать тайники: рыть под землёй, устраивать места под крышей – потому что каждый думал, что вот-вот начнётся ещё акция. Мы в гетто никогда ничего не знали о происходящем вокруг. Не знали и украинцы, жившие в городе и в сёлах вокруг гетто. Мы знали только, что Ровно – «юденрайн». Не было известно, в каком месте убиты евреи, не было ни писем, ни радио. Мы чувствовали, нюхом ощущали, что близится наш конец. И в тот год, пока существовало гетто, евреи работали на самых тяжёлых мучительных работах, в основном для армии: прокладка дорог, рытьё лопатами.

Однажды утром проснулись, встали – гетто закрыто. Никто не выходит, никто не входит. Гетто окружили украинские полицаи и частично эсэсовцы. Комитет общины – юденрат – находился в синагоге «Марша». Туда пришли гебитскомиссар, комендант города и начальник полиции. Вывели весь комитет и объявили ему, что в течение нескольких часов будет открыт выход из гетто, который ведет к реке Хорин, и все евреи обязаны прийти к реке, ни один еврей не может остаться ни в гетто, ни в городе. Это был приказ об «окончательном решении»: Острог должен стать «чистым от евреев». **Авраам Комендант** начал спорить с немцами или убеждать, никто не стал слушать, и его застрелили на месте возле синагоги.

Евреи по приказу направились из гетто к реке, на место сбора. Оно было на 300 метров дальше того участка, где состоялась первая акция. Там уже заранее были установлены столбы с электрическим освещением. Собравшихся у реки

евреев продержали три дня и три ночи, ждали, чтобы явились все. Украинцы-добровольцы и полицаи между тем шли от дома к дому, и они знали, где искать. Где еврей может спрятаться? Под землей? Рыли и почти всех евреев вытащили и привели к реке. 3000 евреев расстреляли **15 октября 1942** года. Это была третья, и последняя, акция.

Мой папа чуть раньше был взят на «работу» на железнодорожную станцию **Оженин**. Я никогда больше его не видел. Отца тоже расстреляли немцы. Я остался с мамой и младшим братом. Мы с мамой решили, что и на эту акцию не пойдём, как в прошлый раз. У нас в доме был тайник под шкафом, и мы спрятались в нём. Постоянный страх, голод, ожидание смерти – вот чем мы жили в эти особо опасные дни. Прошло три дня, и нас не нашли. По ночам мы слышали, как евреев вытаскивают из тайников тут и там.

*

Однажды вечером в дом пришли украинцы и один эсэсовец. Они искали и нашли нас. Вытащили всех, кто был в подполе: маму, меня, братика и ещё две семьи. Нас никуда не повели, а поставили к стене, чтобы расстрелять. Моё имя Иосиф, но дома мама звала меня детским именем Бузя. Мама крикнула мне по-еврейски: «Бузя, *антклейф*!» (Бузя, убегай!) И я от страха быстро побежал, примчался в гетто и там спрятался. Через несколько часов прокрался на то место и нашел маму, братика и две семьи соседей мёртвыми. Все были убиты. Я остался в живых один.

Побежал к семье **Гуз**, которая дружила с нами. Их дочь училась со мной в одном классе. Я знал, что у них тоже есть тайник. Меня приняли, и я прятался у них несколько дней. Но мы чувствовали, что здесь тоже немцы найдут нас. Гуз-отец был в хороших отношениях с украинцем по фамилии Софронюк, который при немцах завёл небольшую фабрику содовой или газированной воды, и Гуз у него работал. Кроме того, он являлся заместителем городского головы по сбыту еврейского имущества. Гуз, его жена, дочь и я побежали на фабрику. Мы пробыли здесь один-два дня, никто нас не нашёл. Гуз сказал: «Если нас поймают, то кончится это нехорошо». Он сунул руку в карман и достал яд – стрихнин, затем поделил его: часть взял себе, по части дал жене, дочери и мне. По молодости я не мог поверить, что эта крошечка может убить человека. Гуз принял яд, затем приняла жена, после проглотила отраву дочка. Не знаю, по какой причине, может, от страха, я открыл дверь и убежал.

Я отправился к **Софронюку**, тому самому, что отвечал за распродажу имущества из гетто. Постучал в дверь, и меня впустили. Рассказал, что его друг Гуз с семьёй находится на фабрике. Он ушёл, вернулся и сказал, что обнаружил их мёртвыми, все трое отравили себя. Но главное, Софронюк согласился скрыть меня.

Ещё в гетто папа и мама разделили между нами деньги, чтобы у каждого что-то имелось на случай, если нас разлучат. У меня было 6 тысяч украинских карбованцев. Когда я начал прятаться у Софронюка, то сразу дал ему две тысячи. Прятался я у него в клуне, где он хранил сено, зерно, жили коровы, свиньи. Была зима, и я находился под крышей вместе со скотом. Прошло несколько месяцев, за каждый я

платил тысячу, пока карбованцы не кончились. После этого Софронюк не кормил меня, а однажды открыл дверь и выгнал на улицу. Спасибо, что немцам не сдал.

*

Вернулся я обратно в гетто. Там не было никого. Залез на чердак одного из домов и спрятался. Поначалу Софронюк приносил мне немного еды, но затем перестал. Я остался совсем один, много времени лежал на чердаке. Спускался только ночью, искал еду в полях и иногда стучался в какой-нибудь дом. Где-то прогоняли, но где-то давали поесть.

Я раньше уже говорил, что я из дома сионистов. Однажды недалеко от нашего дома в синагоге я нашёл маленький молитвенник и по нему начал молиться так, как идёт по порядку года: *Рош ха-Шана, Йом Киппур, Суккот*, пока не дошёл до «*Тфилат ха-дерех*» (*ивр.* молитва перед дорогой). Я был воспитанником движения «Тарбут», и, когда прочел «Молитву перед дорогой», у меня появилась уверенность, что я могу спуститься с чердака, и я вышел искать еду. И сегодня, через 70 лет с той минуты, без этой молитвы я никуда не отправляюсь.

Я провёл в пустом гетто несколько месяцев, не мылся, не брился. Начал чувствовать, что скоро сойду с ума, стал разговаривать сам с собой. На чердаке у меня был друг – кошечка, она сидела у меня на руках, и я разговаривал с ней. В один из дней я решил, что больше не могу оставаться на чердаке. Спустился и пошел к реке Хорин, в лес.

Я бродил в лесу несколько месяцев сам. Говорят, есть грибы, которыми можно отравиться. Я не верю в это: я ел утром грибы, днем – грибы и вечером – грибы до того дня, когда неожиданно я увидел идущего мне навстречу еврейского парня. Мы познакомились. Его звали **Муся Грейнимс**. Он знал, что у одного украинца прячется девушка-еврейка по фамилии **Зайгерсон**. Мы взяли её с собой и втроём убежали в лес. Там повстречали ещё несколько евреев не из Острога. Один из них, **Аарон Вальдман**, живет сегодня в Израиле, в Холоне.

<u>В партизанах.</u>

Жизнь в лесу была тяжёлая, но это было не гетто. Мы группой ходили по лесу, на свободе, пока наконец не встретили советских партизан. Конечно, попросились к ним в отряд. Партизаны сказали, что, если мы пойдем в Острог и спалим лесопилку, нас примут в отряд. Мы попросили горючий материал. Нам сказали, что выдадут. И мы получили коробок спичек. Ночью пришли на лесопилку, лил дождь, никого не было. Забрались на чердак, там лежало много мелких отходов, несколькими спичками подожгли их и убежали. За ночь лесопилка сгорела дотла.

На следующий день, когда мы вернулись к партизанам, они решили принять только троих, в том числе меня. И я стал бойцом одного из отрядов партизанского Каменец-Подольского соединения командира **Антона Захаровича Одухи**. Оказалось, что командир Одуха хорошо знал мою маму, он учился с ней вместе в школе, ведь мама была родом из России. И это решило вопрос о моём приёме в отряд. Так, уже после гибели, мама Фейга второй раз спасла жизнь мне, своему Бузе…

В партизанах я воевал до середины **1944** года и нигде больше не встречал жи-

вых евреев. Район наших действий находился между Острогом, Славутой, Житомиром, Шепетовкой, однажды даже оказались недалеко от Киева. Я был бойцом взвода подрывников. Мы носили трофейную немецкую форму, и нашей задачей было по ночам подкладывать мины под поезда. Я ходил класть мины каждую ночь, даже когда меня не посылали, потому что я был молодой, некрупный, и мне было легче подложить мину под локомотив, заминировать рельсы. Я мстил за папу, за маму, за братика, за соседей. И немцы от наших взрывов паниковали.

На фронте.

В начале **февраля 1944** года мы вошли в Острог одновременно с Красной армией, соединились с ней, меня сразу мобилизовали и направили в гор. **Луцк** в инженерно-сапёрную школу. Здесь обучался подрывному делу и через три месяца был отправлен на фронт. Я начал воевать в составе 1-го Украинского фронта под командованием Г. Жукова в звании сержанта. Снова минировал, подрывал, но уже «по науке». А затем мой 257-й отдельный инженерно-сапёрный батальон в составе 1-го Белорусского фронта участвовал в освобождении Польши, Варшавы и дошел до Берлина. Я был у рейхстага и на его стене написал: **«Józef Galicki»** (Юзеф Галицкий) и ниже добавил: «Jude» (*нем.* жид), ведь нацисты звали нас в гетто «ферфлюхтэн юдэ» (*нем.* проклятый жид).

В Берлине узнал об окончании войны. Уже после войны, находясь в Магдебурге, я подошёл к одному дому, хотел открыть дверь, а там скрывались несдавшиеся немцы с оружием, и их выстрелами я был ранен в левую руку и правое предплечье. Меня отправили в госпиталь на лечение и уволили из армии. За время военной службы был награждён орденами Славы III и II степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина». Так для меня закончилась война.

Послевоенная жизнь. В Израиле.

Я поехал в **Острог**, где родился, там никто меня не ждал. Но, видно, судьба была приехать сюда за счастьем. В городе встретил девушку-красноармейку, которая только демобилизовалась из армии. Познакомились, и с этого дня мы и сегодня вместе уже 66 лет. Это моя жена **Рива** (Ребекка). Она служила в войну от Сталинграда до Берлина медсестрой бронированного летучего поезда, который забирал раненых.

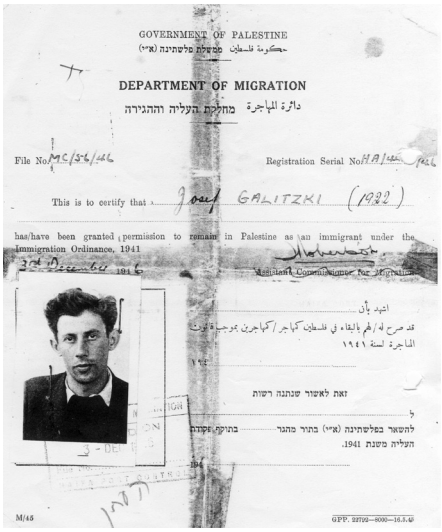

Ривка Галицкая на фронте. 1944 г.

В Остроге приняли меня после армии очень хорошо: назначили директором предприятия «Плодоовощ». И всё же через полгода мы с женой уехали в **Польшу**, из Польши – в **Германию**, из Германии – во **Францию**. Во Франции возле Марселя есть маленький порт, Сен-Жером, туда прибыли евреи из «второй алии» (второй волны эмиграции), и мы с ними на корабле «Ягур» нелегально отправились в **Палестину**.

Англичане арестовали наше судно, и нас привезли в **Хайфу**. Так в декабре **1946** года мы оказались на Земле Обетованной. Жена была беременна, её сфотографировали и

посадили в тюрьму в **Атлите**, здесь она родила первенца – **Бен-Циона**. Назвали его так в честь убитого в Остроге деда. А меня выслали на Кипр, где я пробыл около года и законно вернулся в Палестину ещё при англичанах. Приехав в Палестину, я больше всего мечтал иметь… носки и трусы. Это было тяжёлое и голодное время. Я ничего не умел делать, выполнял всякую чёрную работу.

GOVERNMENT OF PALESTINE
DEPARTMENT OF MIGRATION
File No. Registration Serial No.
This is to certify that Josef GALITZKI (1922)
has/have been granted permission to remain in Palestine as an immigrant under the Immigration Ordinance, 1941
Assistant Commissioner for Migration

Удостоверение Иосифа Галицкого, прибывшего в Палестину. 1946 г.

В **1948** году, когда было образовано государство Израиль, я пошёл в армию и участвовал в Войне за независимость в составе первой танковой бригады под командованием полковника **Ицхака Садэ**. Был его адъютантом, советником, шофером – благо иврит знал со школьной скамьи. Через полтора года демобилизовался, поступил в университет учиться экономике и бухгалтерии, окончил и начал работать в большой фирме «Яхин хакал», которая занималась экспортом цитрусовых. Я отвечал за всю экономическую часть нашей торговли апельсинами за границей. Работал в её руководстве 35 лет. Изъездил по делам службы всю Европу. В **1989** году завершил там работу, потому что был избран заместителем мэра города **Реховота** и в течение пяти лет занимал этот пост, а 15 последующих лет работал членом муниципалитета Реховота. Два города удостоили меня высокого звания: являюсь «Почётным гражданином города Острога» и «Почётным гражданином города Реховота».

Когда мне исполнилось 75 лет, стал председателем организации пенсионеров Реховота и работаю уже 15 лет подряд. В июне 2011 года были выборы, меня избрали еще раз, и, насколько могу, стараюсь пенсионерам помогать.

Наш род Галицких продолжается. У меня с Ривой два сына и семь внуков. Но семейные корни в Остроге, которые оборвали фашисты, напоминают о трагедии евреев моего города. И я с группой оставшихся в живых земляков из Острога решил, что мы должны огородить три братские могилы, где зарыты евреи Острога – жертвы Катастрофы, и поставить на каждой из них памятник. Это заняло не один год, стоило здоровья, но мы свою мечту осуществили. На памятниках мы написали на 3 языках очень важную правду: «Убиты только за то, что были евреями».

*

Для меня Катастрофа продолжается сегодня тоже. Наверное, это плата за то, что остался жив. Нет дня, нет ночи, чтобы я не был в гетто или в партизанах – я всё время там. Я прошу Бога, чтобы он лишил меня памяти, потому что я *хочу вспоминать.* Я пла́чу. Я живу этим всё время. Это трудно забыть и нельзя забыть.

Однажды в гетто мой отец Бен-Цион сказал: «Хотя бы один еврей остался жив, чтобы рассказать, что тут с нами делали». Я помню эти его слова. И живу, чтобы успеть рассказать всем.

В августе **2012** года мне исполнилось 90 лет, и я каждый месяц 28 лет подряд езжу на своей машине в Гиватаим и там, в школе «Яд Вашем», выступаю перед солдатами Армии обороны Израиля. Читаю им не только лекцию, но и как свидетель рассказываю о Шоа, о том, «что с нами делали». Молодые солдаты и командиры приходят и сидят застыв, слушают. Потом говорят, что хотят узнать ещё и ещё, задают много вопросов. Когда я приехал в страну, не говорили о Шоа. А теперь о ней говорят, пишут книги, учат в школах. Я выступаю и в школах, не только в День Катастрофы, а чаще. Я говорю работникам «Яд Вашем»: «Я не для вас это делаю – это мне надо».

И то, что мой рассказ напечатан в этой книге, – это мне надо. Чтобы узнали все.

Народ Израиля жив!

Иосиф у памятника на месте 3-й акции по уничтожению Острожской общины.

9.

Черницкий Борис и Черницкий Семён *(хут.* ***Забуги*** *Лебединск. р-на Сумской обл.)*

От редколлегии.

Воспоминания, помещённые ниже, значительны сами по себе, но они необычны тем, что написаны в течение одного дня коллективно пятью родными людьми: сестрой и четырьмя братьями Черницкими. Семен Черницкий рассказал: «Идея соединить в одно целое воспоминания о нашем спасении в годы войны возникла так. Председатель Реховотского объединения бывших узников нацизма Лиза Кесельбренер попросила меня и Бориса в качестве членов объединения написать наши

воспоминания о пережитом в годы Шоа. Эта просьба совпала с приездом в гости из России в Израиль брата Фомы. Летом 2005 года мы собрались вместе дома у старшего брата Бориса в Реховоте и на подъёме чувств писали впятером весь день. Сидели, вспоминали, как было, кто что помнит, глубоко погрузились в прошлое. Записывал брат Николай. Без договора заранее, неосознанно у нас получился рассказ о подвиге мамы, спасшей нас от верной смерти в годы Катастрофы. Мы передали Лизе свою рукопись и фотографии к ней для публикации». К глубокому сожалению, двое из авторов – старший брат Борис и младший брат Николай – не так давно ушли из жизни. При подготовке текста к печати Семёном Черницким были внесены в него небольшие ценные дополнения.

Черницкие Борис, Фома, Мария, Семён, Николай

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

В пасхальной *Агаде* написано: «В будущем году в Иерусалиме».

Слава Богу, мы уже здесь, на Обетованной земле – в Израиле. Путь сюда был для нас очень долог, тернист и мог оборваться каждую минуту. Мы часто вспоминаем о пережитом, о скитаниях и муках, выпавших на долю нашей семьи и, в первую очередь, нашей мамы. Она понимала и верно оценивала происходящее, когда мы оказались на территории, захваченной немецкими фашистами в 1941-1943 гг.

Наша счастливая дружная семья до войны жила в местечке **Новоград-Волынский** Житомирской области. Перед самой войной мы вселились в новый дом, который построили наши родители. В домашнем хозяйстве был небольшой земельный участок с сараем, в котором держали корову и различную птицу.

Отец, **Дувид-Янкель Шлёмович Черницкий**, 1907 года рождения, работал в селе Ярунь недалеко от Новограда-Волынского, заведовал сельским магазином. Он отличался трудолюбием, общительностью и справедливостью. По субботам и праздникам посещал синагогу. Когда её закрыли, то верующие евреи собирались в снятых для религиозной службы квартирах и молились. Все еврейские праздники в нашей семье отмечались обязательно. На *Песах* мацу пекли дома, соблюдая *кашрут*. Дома родители общались на идише, а все вместе мы говорили на украинском и русском языках.

Мама
Бабця Черницкая.
1940-41 г.

Мама, **Бабця Янкелевна** (урождённая Гехт), одногодка с папой, занималась домом и воспитывала четырёх детей: дочь **Марию** (Маню), родившуюся в 1937 году, и сыновей – **Бориса-Дувида**, 1932 года рождения, **Хаима**, 1933 года рождения, и младшего **Шлейма** (Семёна), 1939 года рождения. Борис и Хаим учились в украинской школе. Все соседи знали, что наша мама отличалась редкой добротой. Всегда могла поделиться последним, иногда даже в ущерб себе.

Самой большой радостью для нашей семьи были дни, когда

мы все, во главе с папой и мамой, собирались за большим дубовым столом, убранным красивой белоснежной скатертью и уставленным разной снедью, и часами вели разговоры на любые темы. Это душевное общение любящих родных людей стало незабываемой традицией, блаженством и в наших сегодняшних семьях.

*

Как гром среди ясного неба, прозвучало по радио сообщение, что **22 июня 1941** года фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Отец был на работе в селе и ездил каждый день за хлебом на Новоград-Волынский хлебзавод, мы с мамой пошли ему навстречу. Кругом люди только и говорили о случившемся. Вдруг в небе послышался резкий звук, и мы увидели самолёты с фашистскими знаками. Они шли медленно и тяжело. На наш город посыпались немецкие бомбы. Началась паника, жители спешно покидали город.

Вскоре приехал отец. Мы бросились к нему, и он сказал, что надо немедленно уезжать. Думали, что скоро вернёмся, и взяли только самое необходимое. Мамины братья и сестры эвакуировались поездом на восток, а мы уехали на лошадях с несколькими попутчиками в направлении Житомира, а далее и Сумской области. Путь был долгим. Не раз нас останавливали военные посты. Они проверяли наши документы, осматривали нас и телегу, предупредили отца, чтобы он довёз семью до места и явился на призывной пункт.

Мы заехали на хутор **Забуги** Лебединского р-на Сумской области и после долгого и утомительного пути остановились на отдых. Семьи расселились по крестьянским дворам. В разгаре была уборочная страда. Колхозы старались вывезти скот и собранный хлеб на восток. Работы было очень много, а деревенские мужики ушли на фронт. Папа стал помогать местным жителям, но вскоре он пошёл в военкомат, и его мобилизовали в армию. Местные жители полюбили папу за его трудолюбие и общительный характер. В одну из первых ночей наши новоградские попутчики без предупреждения уехали, угнав папиных лошадей и подводу. Путь к дальнейшей эвакуации был отрезан. Мама ждала ребенка, и на руках у неё остались мы, четверо маленьких деток.

На хуторе Забуги – небольшом селе из 30 дворов в 15 километрах от райцентра Лебедина – жили простые, отзывчивые люди. С первого дня прибытия нас приняли хорошо. Они не были националистами и искренне жалели нас, занесённых в чужие места, не имеющих жилья. Жили мы у дедушки **Никифора**, дом которого состоял всего их двух помещений: гостиной и кухни. Все находились в гостиной, стесняя хозяина с женой и его племянницу тринадцати лет. Семья Никифора помогала маме, оставшейся без средств к существованию, продуктами и чем только могла.

*

Фронт подходил всё ближе и ближе к нам.

...И пришла она, чёрная ночь оккупации, длившаяся для нас с **октября 1941** года до осени 43-го. Почти сразу немецкий комендант района издал приказ о сборе

всех евреев в городское гетто в Лебедине. За укрытие евреев или помощь им – расстрел. Опасаясь расправы, дедушка Никифор попросил маму переселиться в пустой заброшенный полуразваленный дом. Для сна люди нам помогли сколотить нары. На нары мы положили солому, застелили её покрывалом и спали в одежде. В доме мы проводили почти всё время – прятались, так как на хуторе постоянно находились полицаи и часто появлялись немцы.

Приближалась зима, продуктов и топлива не было, мама готовилась к родам. Самому старшему сыну Борису было девять лет. С одеждой, особенно зимней, тоже было плохо. Крестьяне в этот период оказывали маме посильную помощь: передали одежду для каждого из нас, собрали продукты. Топили зимой соломой, которую брали со скирд на полях. В доме не было керосиновой лампы, спичек. Бегали к соседям за горячими углями. Солома прогорала мгновенно и почти не грела. Летом и до глубокой осени все ходили босиком, а зимой носили старые калоши или огромные сапоги с отрезанными голенищами. Обувь тоже доставалась от хуторян.

Из посуды у нас были алюминиевый чайник, металлическая кружка, несколько ложек и нож. В чайнике варили похлёбку и кипятили воду. Мы забыли о вкусе соли и сахара. От постоянного чувства голода у всех часто болела голова.

Несмотря на своё положение, мама вынуждена была работать на подворье, которое осталось от колхоза. Хуторяне знали, что мы евреи, но никто не сообщал в полицию. Наоборот, помня помощь отца, они жалели и оберегали нас от опасностей.

6 декабря 1941 года на свет появился братик. Роды принимали соседки. На семейном совете решили назвать его славянским именем **Николай** (Микола). У мамы не было молока. Она разжёвывала хлеб, и ребёнок через тряпочку сосал его. Иногда кто-то из соседей приносил ему молоко.

Немцы часто появлялись на хуторе, но местные жители сразу предупреждали маму об этом, и мы прятались от них. Вышел приказ районного коменданта всем евреям пришить к верхней одежде жёлтые звезды. Староста вызвал маму и сказал, чтобы она выполнила этот приказ. Она добыла кусок жёлтой ткани, вырезала звёзды и пришила всем к одежде. Мы со звёздами ходили на работу, по хутору, иногда заходили в дома крестьян. Однажды деревенские женщины заставили маму отпороть звёзды, уничтожить все документы и изменить имена детей: Шлейма – на Семёна, Хаим – на Хому (Фому). Староста делал вид, что не замечает отсутствия звёзд.

Жители хутора предлагали маме раздать детей соседям и самой с маленьким сыном уйти в деревню, где её никто не знает. В таком случае кто-то, может, и выживет. Но она не смогла это сделать, несмотря на мрачные перспективы.

Из-за постоянной тревоги и переживаний она поседела и постарела. Ради спасения семьи мама вырвала зубы с золотыми коронками и превратилась в тридцатилетнюю старуху.

Основные заботы по дому (добыча пищи, топлива, защита детей от обид сверстников) пали на плечи старшего брата, одиннадцатилетнего Бориса. Кроме этого,

его заставляли работать в бывшем колхозном хозяйстве. Для всех нас Боря и Хома собирали мороженую картошку, колоски после уборки урожая. Летом Борис с Хомой пасли деревенский скот. Мы дружили с деревенскими детьми.

Жили впроголодь, ели один раз в день, хотя нам помогали крестьяне. Особенно мы чувствовали помощь украинской семьи **Иосипа Забуги**. Некоторые жители села сами приносили нам еду, старые вещи. Наша одежда стала ветхой, и мама её всё время ремонтировала. Так мы пережили зиму 41-42 годов. На следующий год Борю назначили пастухом.

Спасители семьи Черницких: (слева направо) супруги Катря и Иосип Забуга, их дочь, сестра Иосипа Агриппина, дети-племянники. 1945 г. Хут. Забуги.

В один из весенних дней **1942** года на хутор приехали полицаи. Они обедали у мельника, и один из них попросил молока у жены мельника. Она, не думая о последствиях, ответила: «Подождите, хлопцы, сейчас жидок пригонит корову, и я вас напою парным молоком». И сразу же для нас началась страшная трагедия. Они потребовали рассказать всё о нашей семье. Нашли маму, послали за детьми. Борю на улице встретила женщина и спросила его: «Это правда, что вас сегодня повезут на расстрел?» Боря пошёл к старосте, и тот ему сказал, что надо срочно идти домой, так как заболела мама. Когда Борис прибежал к дому, он увидел повозку, на которой уже сидели мама, братья с сестрой и ждали его. В это время полицаи, вооружённые автоматами, делали обыск, искали документы и требовали их у мамы. Она говорила, что бумаги утеряны во время эвакуации. Полицаи сказали маме, что они должны перевезти нас жить в город и ничего не нужно брать с собой, там нас всем обеспечат. Возле дома собрались местные жители, некоторые плакали, потому что знали, куда нас увозят. Мама попросила у них что-то покушать детям в дороге, но полицаи запретили передавать еду. Мама всё поняла и сказала полицаям, что хочет помыть детей. Она искупала маленьких братьев и сестру, Хома и Боря помылись сами. Переодеться было не во что. Что творилось в душе мамы, одному Богу известно.

Возница, не спеша, повёз нас в Лебедин. Мама сказала Боре и Хоме, что это конец. От хутора до города всего 15 километров, но нас везли около четырёх часов. В Лебедине поместили в тюрьму, когда уже стемнело. Измученные и голодные,

мы сидели в камере. Видимо, нас уже ждали, и вскоре в камеру вошли немецкий комендант **Кригер**, начальник украинской полиции и несколько полицаев. Мать встала. На руках она держала маленького Николая, голенького, чтобы видно было, что он не обрезан. И, думаем, это сыграло не последнюю роль в нашем дальнейшем существовании; хотя кто знает, что было бы, догадайся они проверить любого из мальцов, рядом стоящих: ведь мы все при рождении прошли обряд *брит-мила*.

Комендант начал допрос по-немецки: «Юден? Юден?..» Мама, понимавшая немецкий язык, испуганно смотрела на начальника полиции и спрашивала: «Что он говорит? Я ничего не понимаю». Начальник переводил сначала спокойно, а потом перешёл на крик: «Еврейка? Еврейка? Жидовка? Жидовка?» – «Мой муж еврей, а я украинка», – несколько раз повторила мама. Она понимала, что полностью отказаться от еврейства было нельзя, ведь три сына прошли обряд обрезания. На вопрос, где муж, отвечала – погиб на фронте. Мы были очень испуганы. Мама ни о чём их не просила, только твердила: «Я украинка». Возле открытой двери камеры собрались работники тюрьмы и смотрели на нас. В конце допроса комендант сказал что-то по-немецки, и они ушли. Мама села к нам и тихонько сообщила, что, по мнению коменданта, мы не евреи. У нас появилась надежда: авось пронесёт. На второй день утром нас подняли, и двое вооружённых полицаев повели нас в комендатуру. Спереди и сзади двигались полицаи, а между ними мы: мама несла Колю на одной руке, а другой вела за ручку Семёна, за ней шли остальные дети. Комендатуру охраняли зенитные установки, и мы, увидев их, подумали, что сейчас нас из них расстреляют. Сердце защемило, и стало жутковато.

Нас привели в комнату секретаря и посадили на скамью у стены. Вошёл комендант, в дверях собрались служащие комендатуры и полиции. Между мамой и комендантом повторился тот же диалог, что и в тюрьме. Переводчицей была секретарша. Комендант по-немецки начал спрашивать у всех собравшихся в дверях: «Расстрелять? Расстрелять?» Все смотрели на пятерых детей в рваной одежде и босых, перепуганную женщину, которая ничего не просила, защищалась, как могла, и ждала своей с детьми участи. Все служащие ответили по-немецки «нет». Только начальник полиции сказал: «Расстрелять!» Комендант окинул нас взглядом и сказал: «Нет!» Он продиктовал секретарше документ для мамы и приказал выпустить нас.

В коридоре мы направились к выходу, но нас перехватили полицаи и завели в кабинет начальника полиции. Начался новый допрос. Начальник полиции снова требовал от мамы признания, что она и дети – евреи. Мама упрямо твердила, что она украинка. Начальник полиции приоткрыл дверь, заставил маму вставить в дверную щель руку и защемил её, закрывая дверь. Он ожидал её признания или возгласов на идише, но мама стойко выдержала и это испытание. Она твердила: «Я украинка». И он, и она говорили на украинском языке. Этот поединок кончился тем, что главный полицай отпустил нас восвояси. Мы вышли из комендатуры и направились в сторону деревни. Боря с Хомой побежали вперёд, а мама с малы-

шами потихоньку следовала за ними. Тогда мы были малы, но глаза наши видели, как мужественно держалась мама, видели её слёзы, когда ей ломали пальцы в дверной щели, а она не выронила ни звука.

Пришли на хутор в дом, где мы жили, в нём после обыска был полный разгром. Крестьяне, увидев нас живыми, обрадовались. Староста подумал, что мы сбежали, но мама пришла к нему и предъявила документ, выданный ей немецкой комендатурой. Староста успокоился, но решил нас спрятать в другом пустовавшем доме на окраине хутора. Там мы обжили небольшую комнатку.

Когда мы возвратились из городской тюрьмы, нам рассказали, что староста долго ругался с полицаями после нашего отъезда. Полицаи сами хотели расстрелять нас за околицей или в другом месте, а он требовал, чтобы нас доставили в комендатуру. Староста указал вознице, по какой дороге нас везти, и просил его, чтобы тот ехал медленно. Полицаи отправились в город короткой дорогой и с нами не встретились. В городе мы попали к коменданту, и полицаи не могли его ослушаться.

Так прошел ещё год. Все люди на селе относились к нам хорошо. Помним, как-то приехали полицаи на хутор, а ребята прибежали и сказали нам, чтобы мы сидели дома и не показывались им на глаза. Всю зиму мы просидели дома. В конце **августа 1943** года немцев выбили из села. На хутор пришла Красная армия. Помним, мама говорила с красноармейцем-евреем. Он предложил ей отдать Борю в их часть и сделать его сыном полка. Но мама не согласилась, Боря был ей опорой и защитой. Освобождение длилось не долго. Фашисты опять заняли хутор. В этот раз они шарили по дворам и забирали у жителей всё: продукты и живность, но людей не трогали. Мы жили в маленькой комнатке в клубе, а в зале клуба немцы устроили конюшню. Вход в нашу комнату был из зала. Помним, как-то нашей мамы не было дома. К нам зашёл немец, посмотрел на нас и пересчитал нас пальцем. Мы сидели в оборванной одежде. Он покачал головой, ушёл, вернулся и принёс нам поесть. Он не знал, что перед ним еврейские дети. Об этом на хуторе все молчали: никто не знал, чем это укрывательство может закончиться для односельчан.

Осенью 1943 года на хуторе только и говорили, что приближается наше освобождение. Из села первыми сбежали местные полицаи. Один из них по дороге, в соседних селах, награбил имущество крестьян, захватил двух коров, но далеко уйти не смог. Его арестовали красноармейцы. Последний бой завязался в лесу возле хутора Радчуки, в двух километрах от хутора Забуги. Весь день слышна была перестрелка. Мы прятались в траншее за хутором и время от времени поднимались посмотреть, что там происходит. Под вечер в Забуги вошли наши войска. Это означало, что мы спасены и жизнь продолжается. Мама говорила, что, если мы выжили – значит, есть Бог, и он знает, что делает.

Лишь повзрослев, мы осознали тяжесть испытаний, которые мама перенесла и пережила, годами спасая нас от страшной гибели, и считаем это большим подвигом еврейской матери. По рассказам мамы, нас пытались расстрелять за время

оккупации четыре раза. Она была нашей защитницей, настоящей еврейской мамой, жила каждодневной заботой о детях. Сама недоедала, лишь бы накормить нас, о себе не заботилась. Мама была большой труженицей. Несмотря на то, что после пытки в полиции Лебедина у неё были сломаны пальцы, она и в поле трудилась, и таскала мешки с картошкой, чтобы прокормить пятерых детей.

Как только освободили хутор, нам сказали, что в сельсовет пришло письмо от папы. Он нас разыскивал, и ему написали, что семья жива. Вскоре он приехал к нам, и его возвращение было большим радостным событием для нас и сельчан. На войне отец **Янкель Черницкий** служил в пехоте, воевал пулемётчиком. Вернулся с фронта инвалидом войны 2-й группы после тяжёлого ранения правой ноги – пуля раздробила коленную чашечку. Папа хромал, рана давала о себе знать. Война ещё не закончилась, и мы продолжали всей семьёй жить на хуторе. Отец работал в кузнице молотобойцем, несмотря на боль в ноге. Он очень помог колхозу, самостоятельно построив крупорушку, которая стала давать хозяйству доход. С его приездом наша жизнь преобразилась. Папа приобрёл всем новую одежду и обувь. Начала работать школа, и старшие братья продолжили учёбу. И после освобождения хутора от фашистов, вплоть до нашего отъезда, хуторяне продолжали нам помогать, чем могли.

Немцев выгнали из Новограда-Волынского в **январе 1944** года, и мы уехали к себе на родину. Хотя имущество было разграблено, дом наш уцелел, и началась иная, пусть и нелёгкая, жизнь. Соседи и друзья встретили нас очень тепло, и каждый, особенно в первое время, старался нам помочь. Люди помнили все годы мамину помощь им: одеждой, пищей, деньгами и были рады возможности отблагодарить маму. День Победы мы праздновали в своём доме.

Мы благодарны людям хутора Забуги, которые сохранили нам жизнь в тяжёлое время войны. В страшные годы нас окружали простые сельские жители-украинцы, сплочённые желанием спасти мать с пятью детьми и рисковавшие ради нас своей жизнью. Помалкивали даже местные полицаи, знавшие о нас. Это было массовое проявление народного гуманизма и акт сопротивления оккупантам. Мы будем помнить об этом всю оставшуюся жизнь.

По возвращении в г. Новоград-Волынский родители не прекращали связи с жителями хутора. В Новограде-Волынском отец рассказал своим сотрудникам по работе на общем собрании коллектива о нашей жизни во время войны, о том, что совсем чужие люди приняли нас как родных и спасли нам жизнь. Собрание приняло решение вынести благодарность всем крестьянам хутора и отправило туда письма благодарности. К отцу обращались многие жители хутора за помощью, когда нужно было приобрести дефицитное лекарство или другие необходимые товары. Отец им всегда помогал. Он переписывался со многими жителями, но, к сожалению, письма не сохранились.

В **1985** году отец и все сыновья поехали на 40-летие дня Победы в Великой Отечественной войне на хутор Забуги. Нас помнили и принимали как родных. Приглашали в каждый дом, угощали и интересовались, как мы живём. Старшее

поколение хуторян с большой гордостью рассказывало молодому поколению, как они спасли нас от неминуемой смерти. Вместе вспоминали эпизоды из нашей военной жизни на хуторе и проклинали войну.

*

Коротко расскажем о послевоенных судьбах членов нашей большой семьи Черницких.

Не только в детстве, но и по сей день мы настолько преданны друг другу, что готовы отдать всё ради благополучия братьев и сестры, а также их семей. Эти ценности привили нам родители, за что мы очень благодарны им.

Отец **Янкель Шлёмович** был верующим евреем, соблюдал все еврейские традиции, помогал нуждающимся евреям. Работал заведующим магазином. Вышел на пенсию. Уехал с мамой в Израиль в **1991** году. Прожил 90 лет, похоронен в Беэр-Шеве. Мама, **Бабця Янкелевна**, прожила 89 лет, похоронена в Беэр-Шеве рядом с папой. Вместе они прожили 66 лет. Пусть будет вечной светлая память о них!

Мама наша не училась в школе, была совсем неграмотная, потому что с детства начала работать, потом вышла замуж и родила детей, вела большое хозяйство. Отец окончил 4 класса начальной школы. Наши родители, сами обделённые грамотностью, смогли воспитать в своих детях тягу к знаниям и сумели дать всем нам высшее образование, у некоторых из нас – по два вуза за плечами, и это было большой радостью и гордостью для папы и мамы.

Мама, папа с внучкой Ирой и брат Борис. 1959 г.

Борис окончил Киевский политехнический институт по специальности инженер-электрик. 42 года проработал в Киевских Электросетях и на заводе. Приехал с семьёй в Израиль в **1992** году, жил в Реховоте. Умер 14 июня **2006** года.

Фома окончил механико-математический факультет Пермского госуниверситета, проработал 50 лет преподавателем в школе, техникуме, университете, пенсионер. Почётный энергетик СССР. Живёт в России в г. Невинномысске Ставропольского края.

Мария окончила фармацевтический факультет Львовского медицинского института. Трудилась 40 лет провизором-технологом в г. Новороссийске Краснодарского края, пенсионерка. Живёт в Израиле в Беэр-Шеве с **1996** года.

Семён окончил Инженерно-Мелиоративный институт, инженер-строитель, работал в строительном управлении г. Киева главным инженером, участник ликвидации Чернобыльской аварии, стаж работы 42 года, пенсионер. Приехал с семьей в Израиль в **1993** году. Живёт в **Реховоте**.

Николай окончил Новочеркасский политехнический институт по специальности инженер-строитель. Работал в г. Казани начальником строительного управления. Почетный транспортный строитель. В **1991** году репатриировался с семьей и родителями в Израиль. Жил и работал по специальности в Беэр-Шеве. Умер 6 мая **2009** года.

Семья Черницких на праздновании 60-летия со дня свадьбы родителей. 1989 г.
В первом ряду: (слева направо) внучка, папа Янкель Черницкий, внучка,
мама Бабця Черницкая, справа от мамы – сестра Мария. Во втором ряду – внуки.
В верхнем ряду: (справа налево) брат Борис, брат Семён, брат Николай (4-й справа),
брат Фома (6-й справа).

10.

Задера Раиса
*(г. **Середина-Буда** Сумской обл.)*

Я РОДИЛАСЬ ДВАЖДЫ

Довоенная жизнь.

Я родилась **16 ноября 1935** года в г. **Изюме** Харьковской области в простой еврейской семье. Отец **Лев Соломонович Агранович** – бухгалтер, мать **Адель**

Ильинична – фотограф, бабушка **Берта Иосифовна Штеренштейн** – домохозяйка. Мама с папой очень любили друг друга. Говорили в семье на русском и на идише. Родители работали, а я ходила в детсад. Иногда после детсада самовольно шла к подружкам, за что бывала наказана. Но, вероятно, эта ранняя самостоятельность помогла выживать в военное время.

Родители Раисы: мать Адель и отец Лев Агранович. 1937 г.

В **1939** году семья переехала в г. **Середина-Буда** Сумской области. Помню, что жили мы на съёмной квартире. Здесь и застало нас начало войны.

Оккупация и расстрел евреев города.

В начале **июля 1941** года отец ушёл на фронт. Мама с больной старенькой матерью и ребёнком эвакуироваться не смогла. Она работала в маленьком фотоателье, и для нас мест в эшелоне не было. Тщетно пыталась увести нас пешком из города без вещей и почти без продуктов. Мы шли в толпе таких же несчастных беженцев, но вскоре оказались в окружении немцев. Остановились в каком-то селе. Люди приняли нас, подкармливали, чем могли. Но пришлось возвратиться в Середину-Буду, уже оккупированную немцами.

Рая Агранович. 10 августа 1941 г. Середина-Буда.

10 октября 1941 года в город ворвались немецкие оккупанты, **Середина-Буда** в полной мере испытала «новый немецкий порядок». Начались расстрелы и грабежи мирного населения. Дом, где мы прежде жили, немцы заняли под комендатуру и немедленно выбросили из него всё ненужное. Взять свои вещи было невозможно. На улице валялись сотни наших семейных снимков, мама как фотограф делала и хранила много фотокарточек.

Всех евреев взяли на учёт, затем выгнали из их домов, а поселиться велели в строго указанных местах. Нам троим досталось жить в комнатушке в домике старого портного и его жены. Сами они ютились в проходной комнатке, где была печь. Немцы приносили им чинить и стирать вещи и иногда давали за это немного еды, а старики подкармливали нас. Время от времени приходили группами полицаи с немцами, всех нас с поднятыми руками ставили к стене и проводили обыск, рылись в нищенских комнатках и забирали что-то из вещей.

Тех, кто мог двигаться, обязали каждое утро являться на принудительный труд. Маму среди других евреев ежедневно гоняли на какие-то работы. Но продолжалось это не очень долго.

День **16 ноября 1941** года стал самым страшным в жизни нашей семьи, поэтому я помню его очень ясно, хотя минуло 72 года. В этот день фашисты при активной помощи украинских пособников уничтожили всех евреев города.

Холодным утром 16 ноября такая же, как для обыска, группа пришла опять, но на этот раз забрали всё, а нам велели одеться и выйти. Нас со всеми евре-

ями города отвели в полицию, зарегистрировали и до вечера продержали в камерах. Теснота была ужасная, крики, стоны, плач.

В сумерках группами стали уводить людей за город и расстреливать. Мы с мамой и бабушкой оказались в последней группе. Бабушка отставала, её подгоняли прикладами. Полицаи привели нас в заброшенные сады вдали от города. Это было место расстрела, уже усеянное трупами. Всем приказали лечь на снег лицом вниз и стали расстреливать обречённых людей. Я слышала команду: «Цельсь в голову!» Я лежала справа от мамы, а бабушка – слева. Мама сказала: «Дай мне ручку!» Раздались выстрелы, мама вскрикнула. Пули миновали меня. Затем прошли немцы и проверили «работу» полицаев, все ли евреи убиты. Почувствовала, что чей-то сапог ткнул меня в голову, но я не издала ни звука и не пошевелилась. Один голос сказал: «Дытына капут», а другой откликнулся: «Пойдём поужинаем и вернёмся». Они, видно, не брезговали мародёрством: грабили трупы расстрелянных евреев.

Когда всё стихло и палачи ушли, я встала и наклонилась над родными: приподняла голову мамы, бабушки, звала их и поняла, что они убиты. Я была вся в крови, потому что мама держала мою левую руку у себя под грудью, и кровь быстро заледенела на моей одежде. Слёз не было, только лихорадочное стремление бежать, пока не вернулись полицаи. Не видя дороги, не чувствуя мороза, я бежала по снежной целине на далёкие огоньки.

В этот день мне исполнилось шесть лет, и в моей памяти он всегда – дата гибели самых близких людей и день моего второго рождения. Моей маме в день смерти было всего 26 лет, а бабушке – 70. С возрастом, вспоминая события этого страшного дня, я испытываю ощущение, словно меня кто-то тогда вёл, выталкивал из глубокого снега и холода.

Мои спасители.

Добравшись до города, стучалась в чьи-то дома, но люди боялись меня впустить, и я бежала дальше. На улицах никого – комендантский час. Одна дверь оказалась незапертой, и я ввалилась внутрь, не удержавшись на замёрзших ногах. Первое, что я увидела, это горячая печь, а возле неё… высокий полицейский в синей форме. Но сил уже не было ни на что, даже на страх.

Мария Жидкова – жена Павла Натарова. Сер. 40-х гг. XX века.

Так я попала в дом, где жил на квартире работник полиции **Павел Натаров**. Он посмотрел на меня, дрожащую, в крови, и спокойным голосом по-русски приказал хозяйке вымыть, переодеть и спрятать меня. В этот момент ноги перестали меня держать. После мытья и переодевания дали поесть и остригли наголо.

Наутро встать я уже не могла, не могла ходить. Не прошёл бесследно мой ночной побег в тоненьких ботиночках. За мной ухаживали хозяйка и её старшие дети, пока я не выздоровела. Остаток осени и зиму меня прятали в доме ото всех.

Весной Павел перешёл жить в семью **Жидковых**, их дочь **Мария** стала его женой. Меня Павел тоже привёл с собой, ска-

зал, что моё имя Юлия Натарова, и велел мне хорошенько запомнить его. Так я «породнилась» с Павлом и Марией. Без разрешения я не должна была показываться на улице, с кем-то разговаривать. Через какое-то время имя изменили – я стала Ниной Натаровой по документам, которые выправил Павел.

Из полиции Павла перевели на работу в соседнее село Зерново заведовать мельницей. Домой из села он возвращался не всегда.

Тогда, в шестилетнем возрасте, я не могла об этом судить, но с годами поняла, что он не был украинцем, в его внешности угадывалось что-то татарское. Кажется, Павлу было лет сорок. Он был могучий, черноволосый, черноглазый. Неизменно вежлив. Играл со мной – подбрасывал вверх и ловил. Спокойный, молчаливый, но я чувствовала его доброту и заботливость. А Мария была красивая, светлая, тоже очень добрая. И совсем ещё молодая – лет двадцати. Строгую старуху **Евдокию** – Мариину маму – я побаивалась, она могла дать и тумака. Евдокия не смела перечить зятю, но боялась того, что у них прячется еврейская девочка, и не любила меня. Боялась неспроста. За окном, напротив нашего дома, каждое утро Жидковы и я видели виселицу и тела повешенных партизан, коммунистов, людей, укрывавших их и выданных своими же земляками. Об этом говорили в семье шёпотом.

В **марте 1943** года партизаны 2-го Середино-Будского отряда после боя овладели Серединой-Будой и на несколько дней заставили немецких оккупантов отступить из городка. При отступлении немцы успели арестовать Павла Натарова. Помню, в дом прибежала какая-то женщина и крикнула: «Мария, Павла немцы нашли и угнали с собой!» У молодой хозяйки ноги так и подкосились – она уже ждала ребёночка. Тут бабушка Евдокия и говорит мне: «Иди к партизанам, расскажи, кто ты есть. Мы тебя спасать больше не сможем».

<u>У партизан и на Большой земле.</u>

Я знала дом в городе, где расположился партизанский штаб, пришла к командиру **И. Д. Сеню**, рассказала о себе, и командир отряда приказал взять меня в расположение отряда в Брянском лесу. Вместе с отрядом я ушла из города. В лесу жили в землянках. С другими детьми и женщинами занималась сбором на полях мёрзлой картошки, делали крахмал. Работы хватало.

Осенью **1943** года меня переправили открытым самолётом с партизанского аэродрома в детприёмник в город **Орёл**. Весь полёт через линию фронта я сидела в ногах у раненого партизана. В лесу, где приземлился самолёт, солдаты не могли разогнуть мои окоченевшие ноги и очень долго растирали их снегом. Помню, через некоторое время кожа на ногах потрескалась, и я плакала от боли. Вылечили меня мальчишки-беспризорники из детприёмника: добыли солидол, намазали ранки, и всё ушло. Потом были детдома в Нижнем Варголе, Касимовке, Задонске и, наконец, туберкулёзный санаторий в г. **Ельце**, где меня отыскала старшая сестра мамы – **Клара Рымалова**. Тётя Клара выяснила, что я единственная из всех расстрелянных в Середине-Буде евреев уцелела, и отправилась с моей фотографией, сделанной мамой в 1941 году, по комендатурам и детским домам. Она спрашивала, не видел ли кто девочку Раю Агранович. А я до августа 1944 года была во всех до-

ментах Ниной Натаровой. И всё же после долгих поисков мы свиделись, и я уже навсегда стала Раей. От неё я узнала, что живы дядя Давид – её муж, дядя Иосиф Штеренштейн с семьёй – брат её и моей мамы.

В 1944 году нас нашёл мой отец, который продолжал воевать и мстить за гибель родных. За храбрость в боях он был награждён орденом Красной Звезды и медалями. Демобилизовался он в августе **1945** года, и мы встретились на ст. **Штеровка** Луганской области, где я жила в семье тёти Клары, радовалась победе и ждала папу. Было мне тогда неполных 10 лет. Наша встреча – одно из самых радостных моих воспоминаний.

Послевоенная жизнь.

В **1946** году я переехала к отцу в г. **Красный Луч** Луганской области. Жизнь постепенно налаживалась. Отец привёл в дом хорошую женщину, мы получили государственную квартиру. В нашем городе все очень уважали моего отца как специалиста и как прекрасного скромного человека.

Я поступила в Краснодарский институт пищевой промышленности, окончила его, вышла замуж, родила дочку, у меня двое внуков и три чудных правнучка. В течение 37 лет заведовала санитарно-гигиенической лабораторией Краснолучской санэпидстанции до репатриации в Израиль с семьёй. Многое, почти всё, оставили мы в прежней жизни. А награды отца и наградные документы я привезла с собой.

Но прошлое не отпускает. Долгие мирные годы видела кошмары, что за мной гонятся немцы, я убегаю, прячусь. Очень плохое здоровье, безусловно, последствие психологических травм, переохлаждения. До сих пор не могу понять, как ребёнок в шесть лет смог найти путь к спасению в то чудовищное время – воля Всевышнего, не иначе.

Все попытки моих родственников, а позднее и мои, разыскать хоть какие-то сведения о судьбе Павла Натарова и семье Жидковых оказались безрезультатными. До сих пор мне неизвестно, кем был Павел на самом деле. В Иерусалимском музее Катастрофы «Яд Вашем» я смотрела на звёзды в Зале Детей – этот мерцающий свет души каждого погибшего еврейского ребёнка. Там нет моей звезды, потому что волею Всевышнего меня сберёг от гибели мой спаситель Павел Натаров. Спасая меня, он рисковал своей жизнью и жизнями своих родных. Об этом я рассказываю своим детям и внукам. В моей душе бесконечная благодарность моим спасителям и сожаление о том, что их имён нет в числе Праведников мира. Память о них жива в моём сердце всегда.

Благодарна от всей души редакции украинской районной газеты «Знамя труда» (г. Середина-Буда) и её сотруднице, журналисту Нине Владимировне Формовой, которые откликнулись на моё письмо с просьбой о поиске Павла Натарова и семьи Жидковых, за присланные результаты поиска и особенно найденные фотографии моих спасителей: Марии Жидковой и её родителей. Фото Марии помещено на этих страницах. Н. В. Формова сообщила мне, что поиск продолжается.

11.

Групман Иосиф
*(с. **Миньковцы** Дунаевецк. р-на Хмельницк. обл.)*

МИНЬКОВЕЦКИХ ЕВРЕЕВ УБИВАЛИ ПОЛИЦАИ

В 2013 году исполняется 72 года с начала массовых убийств евреев на территории бывшего Советского Союза, в которых погибли мои родные. То, что я пережил, очень тяжело вспоминать. Все годы я старался не думать о Холокосте, но потребность осмыслить и описать страдания и мытарства, через которые прошли члены моей семьи и я сам во время Шоа, заставила меня взяться за перо. Судьба у нас во многих отношениях общая, но у каждого были свои «хождения по мукам».

Довоенная жизнь.

До войны 1941-1945 гг. и в её начале мы жили в селе **Миньковцы** Дунаевецкого р-на Каменец-Подольской области (после 1954 – Хмельницкой обл.). Папа и мама были родом из Миньковцев. В нашем местечке проживало около 3000 евреев, был раввин, синагога напротив нашего дома. Отношения с соседями-украинцами были хорошими. Отец работал в еврейском колхозе, управлял лошадьми на поле. Помню, что с малых лет я тоже ходил туда работать, нанизывал листья табака на нитку для сушки. По субботам работали. Мать была инвалидом, домохозяйкой. Огорода у нас не было, но держали корову.

Бабушка Маня и братья Иосиф (слева) и Мендл. 1939 г. Миньковцы.

В нашей семье было пять человек: папа **Меир Ихилевич Групман** (1898), папина мама – моя бабушка **Маня** Групман (1871), мама **Эня** (Геня) **Изусивна** (1901), мой старший брат **Мендл** (1923) и я, **Иосиф**, родившийся **15 июня 1930** года. Жили дружно в большом двухэтажном доме вместе с папиными женатыми братьями и его младшей сестрой, черноволосой красавицей, с мужем (всех имён не помню). Наша семья занимала комнату, перегороженную на две части. В одной была печь, тут готовили еду, пекли мацу, в другой стояли две железные кровати, пара стульев. У нас имелись электри-

чество, радио. Мы с братом учились в украинской школе. Дома разговаривали на идише, отмечали все еврейские праздники дома и в синагоге.

Начало войны и оккупация.

Когда в **июне 1941** года началась война, я и мой старший брат находились в гостях у нашей тёти, папиной сестры **Мизюк** (имя уже не помню), в городе Каменце-Подольском, что в 50 километрах от дома. Дядю сразу мобилизовали на фронт. Каменец-Подольский сильно бомбили, и мы с братом еле выбрались оттуда на попутной машине и вернулись домой.

Люди в Миньковцах не знали, что делать, куда бежать и нужно ли убегать. Все смотрели друг на друга и не трогались с места. Через наше местечко отступали войска Красной армии. Жители выносили солдатам еду, воду, помогали, чем могли. Эвакуация не была организована, бежать было некуда, даже если бы хотели. Не было транспорта, подвод не давали. Отступающие войска забрали лошадей. До железнодорожного вокзала в городе Хмельницком надо было добираться 80 километров.

31 июля 1941 года немцы захватили **Миньковцы**. Они въехали в местечко на машинах, мотоциклах и велосипедах. Через окна нашего дома, выходившие на дорогу, мы видели, что украинское население встречало немецкую армию, как дорогих гостей, хлебом-солью. В первый же день оккупации часть мужчин-украинцев надела повязки с фашистской свастикой. Эти добровольцы сразу стали искать евреев и показывать их немцам: «Вот, вот жид бежит». Водили немцев по хатам, где жили евреи. Полицаев-украинцев называли шуцманами (*нем.* полицейский). Они установили на мосту сторожевой пост, чтобы никто не мог уйти из села.

Через 3-4 недели после прихода немцев, ранним утром в субботу, в Миньковцах начался погром. Через узкие щели запертых ворот нашего дома мы видели, как людей выгоняли из домов в нижнем белье, кто в чём спал. Люди так кричали, что эти крики я и сейчас слышу. Немцев было всего пятеро на мотоциклах, и те находились при комендатуре. Делали чёрное дело украинские полицаи-предатели и добровольцы. Когда мой отец увидел, что творится на улице, велел всем спрятаться в погребе, где хранили овощи на зиму. Папа, я и мой брат спустились в погреб, а мама осталась в комнате с больной, прикованной многие годы к постели бабушкой **Маней**.

Шуцманы разбили наши ворота и вошли в дом. Бабушку схватили здоровенные полицаи, вытащили на улицу на простыне, на которой она лежала, и поволокли парализованную старушку на гору. Маму они не заметили, видно, она успела спрятаться среди сарайчиков во дворе, когда начали ломать ворота.

Всех изгнанных из домов евреев – старых, малых, больных – гнали и тащили к трём огромным глубоким ямам, которые были тайно вырыты местными жителями на высокой горе в трёх километрах от местечка. Верх горы был плоским, на нём до войны пасли скот. Под горой множество полицаев с автоматами окружало тысячи пригнанных на смерть, а другая группа шуцманов загоняла евреев партиями по 20-30 человек на гору, к трём ямам. В тех, кто почувствовал власть над другими,

самое плохое открылось в этот день. Полицаи насиловали девчат. На горе они убивали младенцев ударом головы о столб: брали за ножки и ударяли. Детей вообще не расстреливали: их бросали живыми на дно ямы. Взрослым стреляли в голову. Когда расстрел закончился, шуцманы уже были совершенно пьяными.

В Миньковцах жила наша большая родня: дяди, тёти, бабушки, и все они были уничтожены в погроме. Среди несчастных жертв оказались папины братья **Исаак** и **Моисей** с семьями, папина сестра с мужем. В ямах было закопано расстрелянными и живыми больше 2.000 человек. В архиве Института «Яд Вашем» я видел «Список евреев из Миньковцев, погибших в **августе 1941** года, подготовленный советской Чрезвычайной государственной комиссией, 10/06/1944», где указаны и мои родные.

В расправе с беззащитными евреями особо выделялись жестокостью начальник полиции **Соловьёв**, шуцманы **Дубиневич**, бывший киномеханик, и **Зозуля**, работавший до войны в МТС механиком. Они же со своими собутыльниками сразу после акции занимались грабежом в опустевших еврейских домах и поисками по домам оставшихся в живых. Этих шуцманов были сотни, и, к нашему горю, в этот же день они нашли мою маму в одном из сарайчиков и ещё человек двадцать по местечку. Схваченных людей, в том числе и маму, погнали на казнь в другой конец местечка, к лесу. Особенно жестоко убивал женщин один из полицаев, бывший пастух коровьего стада. Прямо возле его дома у леса и произошёл расстрел. Он отбыл после войны наказание и остался жив.

После погрома трое суток шли дожди: казалось, что небо плакало. Убежать было невозможно, потому что местечко было окружено добровольцами так, что муха не пролетит. Полицаи ходили от дома к дому и искали евреев, проверяли штыками земляной пол над нами. Затаившись, мы слышали, как нас ищут. Трое суток пролежали мы в холодном погребе, без еды и без воды, и ещё не знали, что нашу маму расстреляли вместе с другими евреями. Ночью вылезли наружу и увидели, что всё в доме разграблено и побито. Местные жители не все были шуцманами, были нормальные тихие люди. Папин знакомый по колхозу пустил нас к себе в дом, там уже прятались два еврея. Он рассказал нам, какая беда случилась, о последних часах и минутах бабушки и мамы, папиных братьев и сестры.

Отец
Меир Ихилевич
Групман.
13 августа 1955 г.
Миньковцы.

<u>В гетто.</u>

В селе остались живыми несколько десятков еврейских семей, среди них папа со мной и Мендлом. Украинцы получили распоряжение больше не расстреливать, так как требовалась рабочая сила для обслуживания оккупантов. Нам было приказано начальником полиции зарегистрироваться в комендатуре. Всех евреев согнали жить на одну улицу, где издавна жили евреи, по три-четыре семьи в одной комнате. Это и было Миньковецкое гетто. Место не было окружено проволокой, но нельзя было ни выйти, ни войти без приказа. Шуцманы круглосуточно патрулировали в местечке. Обязали

носить жёлтый большой «магендавид», чтобы издалека видели, что идёт еврей. Оставшиеся в живых после погрома жалели, что не погибли вместе со своими родными. Нам ещё повезло: мы с отцом и братом жили в одной комнатке, в другой – семья **Фасман**: муж, жена и дочь. Спали на досках, сверху посыпанных соломой. Воду украинцы привозили в бочках, за неё надо было заплатить. Самим к колодцу ходить запрещалось. На базар не выпускали. Не знаю, как не померли с голоду. Отец как-то выкручивался и кормил нас. Время от времени делали перекличку, проверяли, все ли на месте.

Начался ад. Среди узников нашего гетто был раввин, он чудом не попал в первый погром. В один из базарных дней его привели на базарную площадь, побрили полголовы и полбороды и заставили танцевать. Местное население стало хлопать в ладоши, побуждая его плясать. Потом его повесили. Издевались каждый день над всеми зверски, требовали золото, угрожали расстрелом. Евреи отдали всё, что у них осталось ценного. Был назначен староста-еврей, всех гоняли на работу: мы убирали улицы, подметали, чистили дворы в селе, перетаскивали камни. От грязной тяжёлой работы одежда превратилась в жалкое тряпьё, лохмотья. Вместо развалившейся обуви мы носили обмотки из мешка. У кого было ремесло – шили, стригли, ремонтировали, им полагался паёк. Остальные не получали ничего. Умерших разрешали закапывать на кладбище. Больных и тех, кто не мог работать, тут же отделяли, и никто их больше не видел в живых. Мы стали рабами. Никто и думать не мог, что останется живым после всех издевательств. Мы с ужасом узнавали о таких же погромах в окрестных сёлах: Дунаевцах, Мурованных Куриловцах и др. Так мы промучились до **осени 1942** года.

Возле нашего местечка было русское село старообрядцев с бородами, и его жители, их называли «кацапы», за ценные вещи, за золото брались переправлять одного-двух людей из нашего гетто в г. Могилёв-Подольский, что в 60 километрах от Миньковцев. Там тоже евреев содержали в гетто, но под управлением румын. Часть узников выжила благодаря этим русским проводникам. Один из них помог отцу с нами выбраться из того ада. В Миньковецком гетто осталось мало живых, человек семьдесят. Чтобы не было заметно, что не хватает людей, уходили по частям, между перекличками. Проводник приходил глубокой ночью, забирал и вёл людей по своим тропам. Сначала он проводил меня и отца, а затем отдельно – брата. Проводник вёл нас в Могилёв-Подольский окольными путями, через горы и леса. Он шёл в 20-25 метрах впереди нас, будто бы он не с нами. Шли молча трое суток, может, больше, и только по ночам, а днём спали. Запомнился особенный осенний холод в то время. Прятались в лесах, чтобы себя не выдать. На границе с Могилёвом-Подольским стояли румынские стражники, проводник с ними поговорил, махнул нам рукой, мы вышли из укрытия, и нас впустили в город. Никто нас не проверял, ни о чём не спрашивал. Видно, румыны были хорошо подкуплены.

<u>В Могилёв-Подольском гетто.</u>

Пришли в гетто в **Могилёве-Подольском** Винницкой области и увидели в нём огромное количество людей, пригнанных отовсюду. Ограждений я не видел. Ни-

каких документов у нас не было. Нашли какой-то огромный сарай, втроём устроились в одном из углов, а затем появились и другие жильцы. Питались мы очень плохо, зачастую по два-три дня не ели ничего. Я рос и испытывал постоянное чувство голода, самым большим желанием было поесть. У нас не было кухни, поначалу жили без печки. Если и имелись деньги, нужно было идти пешком на базар, чтобы купить или обменять что-то на пропитание. Базар был далеко, в селе Озаринцы. Брат у какого-то украинца выделывал кожи, что-то получал за работу, и этим мы жили. Я продавал спички, румынские газеты, ходил с хозяйскими блинами на подносе и торговал. В гетто были в ходу румынские деньги. Получал за работу какие-то гроши. Постепенно обзавелись печью-буржуйкой, которую топили дровами, грелись и варили на ней мамалыгу – кашу из кукурузной муки, ели её с луком, и это была основная еда.

В гетто румыны проводили облавы на мужчин, забирая их в рабочие лагеря. Однажды днём отца поймали на улице и куда-то увезли. Перед отправкой группу заперли в двухэтажной школе. Отцу удалось удрать, он выскочил из окна второго этажа, сломал ногу и через некоторое время еле вернулся к нам. Папа лежал с больной ногой месяца три. В нашем сарае мы выкопали под нижними нарами яму, и в ней во время облав отец с братом прятались.

Ходили слухи, что немцы заберут детей в концлагерь. Помню, много детей по линии Красного Креста куда-то отправляли поездом, чтобы они не погибли в Могилёве. Отец и брат решили меня спасти от смерти, втолкнули в вагон. Поезд поехал, и на какой-то станции началась проверка документов. У некоторых детей, в том числе и у меня, их не было, и нас вернули в гетто.

Нас заедали вши, не было бани, не было условий для мытья. В Могилёве я заболел брюшным тифом, но благодаря моему брату выжил. Мы пошли в больницу в гетто, и доктор посоветовал давать мне только сухари и творог. Брат ходил по квартирам, просил и сушил для меня сухари – этим я кормился. В Могилёве-Подольском умерло очень много евреев: и от голода, и от болезней. В гетто у меня не было ни одного хорошего дня. Ко всем лишениям часто добавлялись воспоминания об убитых полицаями маме и бабушке, их было особенно жалко.

В голоде, холоде и страхе мы жили до **марта 1944** года, пока нас не освободила Красная армия.

После освобождения и войны.

Отступая, румыны оставили лошадей, подводы, и мы поехали на них домой. По дороге русские солдаты попросили лошадь, мы с радостью отдали им её и доехали на попутной машине.

Вернулись в **Миньковцы** и нашли свой дом разгромленным. Устроились в какой-то квартире без хозяев. Украинцы были удивлены, что мы живы и приехали. Все полицаи-убийцы как ни в чём не бывало жили в Миньковцах. Через некоторое время советская власть арестовала всех фашистских полицаев, был суд над ними. Отец и брат участвовали в судебном процессе в качестве свидетелей. Полицаи получили большие сроки тюрьмы, но не высшую меру наказания, и уже давно на свободе.

Брата **Мендла** сразу призвали в армию и отправили на фронт. Его ранило в бою, и после лечения в Старобельском госпитале он вернулся домой инвалидом 2-й группы. Я жил у брата, который после армии женился и работал заготовителем овощей и фруктов. Детства у меня не было. Я ходил в вечернюю школу и одновременно учился на парикмахера.

Отец наш повторно женился и работал в «Утильсырье». Потом он сильно заболел, был парализован, лежал 10 лет в постели. Всё тяготы ухода за ним легли на моего брата. После войны мы узнали, что фашисты, захватив **Каменец-Подольский** в **июле 1941** года, вместе с другими евреями убили мою тётю **Мизюк** (девичья фамилия Групман), молодую женщину 25 лет, от которой мы с братом уехали в первый день войны.

В 1950-53 гг. я служил в танковых войсках Советской армии в г. Ужгороде, был командиром экипажа танка. За три с половиной года службы не побывал в отпуске. После демобилизации остался жить в **Ужгороде**. В Миньковцы я не вернулся, но каждый год ездил навестить родные могилы. 24 ноября **1954** года женился на девушке **Дине** (1936), и мы с ней вместе почти 60 лет. Дина ребёнком тоже находилась в Могилёв-Подольском гетто. Устроился работать парикмахером и проработал в центре Ужгорода 40 лет: 20 лет – дамским мастером и ещё 20 – мужским мастером, пока меня не уволили за желание уехать в Израиль. Только за это нас с Диной причисляли к «врагам народа», «изменникам родины», перевели работать на окраину города.

В Ужгороде мы жили постоянно до выезда в Израиль. Детей у нас не было. Отсидели в «отказе» 12 лет. За это время мы похоронили моего отца, моего брата, погибшего в автокатастрофе, умерла от болезни мать Дины. Друзья и знакомые присылали вызовы, и мы получали отказы из ОВИРа. Было очень тяжело морально. И только в 1988 г. нам разрешили уехать. Мы выехали из Ужгорода 31 марта, а 1 апреля участвовали в вечере за праздничным столом в ночь *Песаха*.

В Израиле.

13 апреля **1988** года мы прибыли в Израиль. В стране нас встречали в аэропорту знакомые и друзья. После приезда в страну мы жили в г. **Реховоте** в арендованной нами квартире, учили иврит. Я нашёл работу в *киббуце* «Квуцат Явне». В киббуце очень хорошие люди, дай Бог им здоровья. Они нам не дали пропасть. Жена стала работать там же.

С первого года в стране и по сей день я работаю по специальности в этом киббуце. Мне сейчас 82 года, и я мужской мастер-парикмахер с трудовым стажем 66 лет. Раньше я ездил на своей машине, а в последние годы за мной присылают машину из киббуца: доставляют на работу и домой. Людям нравится моя работа, они ждут меня. Сколько смогу, буду продолжать приносить им радость. Об одном жалею, что мы не приехали в Израиль значительно раньше.

Прожили в Реховоте на квартире год, к концу года нам некуда было идти. Денег на жильё не было. Мы узнали, что в городе построили 8-этажный дом для пожилых людей. Пришли к начальнику дома и спросили на иврите, есть ли свободные

квартиры. Он сказал, что есть, но не он их распределяет. На наш вопрос «Кто выдаёт квартиры?» он ответил, что Шамир. Мы стали писать письма премьер-министру Израиля Ицхаку Шамиру. Переписка длилась месяца четыре, и мы получили квартиру. Шамир нам прислал поздравительную телеграмму по этому поводу. Радости нашей не было границ. Мы всю жизнь ему благодарны.

Я благодарен всем израильтянам, что они построили еврейское государство. У нас есть своя родина и свой дом – это наше, родное. Мы с женой, побывавшие на оккупированной территории, в гетто, высоко ценим жизнь в своём государстве, где не слышно слова «жид».

Не жалуясь, скажу, что перенесённое в Катастрофе неизбежно сказалось на здоровье наших родных и на моём с Диной. В Ужгороде я перенёс операцию, в Израиле – две, мою жену также оперировали в Ужгороде, в Израиле у неё было прободение язвы желудка, инфаркт миокарда. Ощущаю сильные боли в ногах, особенно к вечеру. Но стараемся держаться, жить.

*

В Беэр-Шеве на городском кладбище поставлен памятник погибшим евреям Хмельницкой области, я ездил в Беэр-Шеву на встречу с земляками.

5-6 сентября **2011** г. в **Миньковцах** состоялся 5-й всемирный слёт миньковецких евреев. По научным данным слёта, «**30 августа 1941** года, в субботу, немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками было убито, а также заживо погребено около 3.000 наших родных, близких и земляков, большинство из которых были женщины, старики и дети». Я болел и не мог поехать на слёт, но мне прислали видеозапись всех событий: траурного митинга у памятника погибшим евреям и посещения братских могил всеми приехавшими земляками и украинскими властями, гражданами. Из миньковецких детей моего возраста нас в Израиле осталось только двое, второй – Шика – живёт в Нетании.

Сейчас выплачивают компенсацию тем, кто находился в нацистских концлагерях, на оккупированной фашистами территории. Разве есть такие деньги, которыми можно оплатить пребывание в аду, то, что досталось нам во время войны? Быть ребёнком и слышать крики людей, уводимых на расстрел, прятаться от смерти, остаться без близких, без крыши над головой, спасаться, искать в помойках завалявшийся огрызочек хлеба. Всё это было...

Никому не желаю пережить то, что пережил я.

12.

Цимберг Мария
*(г. **Шепетовка** Хмельницк. обл.)*

БРЕННЕР – ЭТО ОГОНЬ

Довоенная жизнь.

Моё имя **Мирл** (Мария) **Бреннер**. Родилась **13 июня 1920** года в хорошем городе **Шепетовке** Каменец-Подольской области. Евреи работали в нём учителями, врачами, ремесленниками, кустарями. Еврейская речь на улицах была редкостью, в основном говорили по-украински и по-русски. Отец **Дувид Бен-Пинхас Бреннер** работал кровельщиком на разных предприятиях, на строительных объектах, на сахарном заводе. Мама **Бейл-Сура** была многодетной домохозяйкой, во время эпидемии сыпного тифа она заразилась от дедушки и умерла в **1921** году, когда мне был 1 год и 7 месяцев. Оставила четверых детей: старшую сестру **Полину**, сестру **Басю**, брата **Биньямина** и меня, самую младшую. Нашим старшим братом был приёмный сын родителей – **Давид**. Нас воспитывал папа, он так любил маму, что больше не женился: не хотел, чтобы у детей была мачеха. Ему помогали тёти, дяди, друзья, соседи и бабушка **Лея**, мамина мама, которая умерла во время войны в эвакуации на Кавказе. Мы жили в большом дедушкином доме. На его двух этажах хватало места всем: на втором этаже разместились три дедушкиных сына и дочь, внизу – папа с нами, детьми. Дома мы разговаривали на идише. Родители были верующими. Вся семья придерживалась традиций и законов еврейской жизни. Папа все годы каждую субботу ходил со мной в синагогу. Я прекрасно помню, как мы делали *кидуш*. Когда отец умер в **1933** году от болезни желудка при Голодоморе, я продолжала придерживаться религиозных правил и теперь стараюсь соблюдать их. В Шепетовке была очень богатая синагога. При советской власти её ликвидировали и в том здании устроили кинотеатр, а потом склад. Имелось и много синагог поменьше: отдельно для мясников, для сапожников, для рабочего люда, была синагога для Рабиновичей – туда ходила большая интеллигенция. Примерно в **1935** году в городе закрыли еврейские образовательные и культурные учреждения: техникумы, училища, клубы. Моя сестра Поля была актрисой в еврейском театре, пока его не прикрыли. Всё отняли коммунисты у евреев.

Родители Марии Цимберг: Дувид Бен-Пинхас Бреннер и Бейл-Сура.

После папиной кончины меня воспитывали сёстры, потом они уехали из Шепетовки учиться, вышли замуж в других городах. Моим главным воспитателем стала сестра **Бася**, при мне она вышла замуж, только жили они с мужем вместе недолго. Через четыре месяца началась война, муж ушёл на фронт и погиб, сестра родила ребёнка.

В шесть лет я поступила в еврейскую семилетку, где преподавали на идише, учили русский и немецкий языки. В школе мы праздновали *Рош ха-Шана*, *Йом Кипур* и *Песах*. Но была и советская самодеятельность, я выступала в «Синей блузе» с концертами: мы пели, танцевали. Была октябрёнком, пионеркой, комсомолкой. После окончания семилетки училась в фельдшерской школе. В ней было много учащихся-евреев, но я дружила и с украинскими, и с русскими девочками. Они, между прочим, разговаривали на идише. Мы вместе окончили школу и пошли работать. Я не чувствовала антисемитизма, потому что работала среди интеллигентных людей. Я его ощутила впервые в годы войны и в гетто.

Перед войной мы жили вместе с сестрой Басей в нашем доме, рядом с папиным братом, двоюродными братьями. Они все ушли на фронт в 1941 году.

Мобилизация на фронт. Плен и побег.

До войны я работала на станции «скорой помощи» в Шепетовке. В Европе уже шла война, но я не думала, что такое предстоит и нам. Мы не чувствовали её приближения. В ночь на **22 июня 1941** года я дежурила на станции, принимала роды, лечила. Обратила внимание, что по дорогам идёт большое количество войск. Шепетовка находится недалеко от польской границы, и я увидела польских беженцев. В 4 часа утра начали бомбить Киев. Мне позвонил завполиклиникой Трахтенберг, чтобы я срочно подготовила сумки с медикаментами – за ними придут. Я отдежурила ночь, а в 8 часов утра получила повестку в военкомат. Меня сразу мобилизовали в медико-санитарный батальон 2508 на 1-м Украинском фронте в воинском звании лейтенант медицинской службы, военфельдшер.

Привезли нас в часть, одели «мальчиками»: брюки, сапоги, пилотки и отправили на передовую. Медсанбат всегда шёл после разведки. Мы подбирали раненых на поле боя, делали первичную обработку ран и отправляли в госпиталь. Было очень много раненых, делали много операций – так мы воевали. В начале войны немцы наступали, наши войска отступали, и мы оказались в окружении. Делали попытки перейти линию фронта, шли в атаку, чтобы вернуться к нашим, но безуспешно. Первым делом я закопала на поле свои документы, что я еврейка, и билет кандидата в партию. Местность была страшно заболоченной, и немцы нас поймали. Это случилось в Полтавской области, у станции **Жовтени**. Нам приказали поднять руки, я была ранена в левую руку, перевязана.

Вместе с другими ранеными я попала в лагерь для военнопленных. Это было огромное, огороженное колючей проволокой место. Бараков не было, только голая земля. По углам лагеря стояли вышки с часовыми и прожекторами для ночного освещения территории. Было очень много немцев, которые ходили среди пленных и рассматривали их лица. Потом спрашивали: «Еврей?» Пленные отвечали: «Я

рус». Кому не верили, того уводили. Говорят, что в этом лагере было не меньше 22 тысяч военнопленных. Очень издевались над комиссарами. Немцы говорили: «Если ты комиссар – ты еврей». В этом лагере я находилась в июле дней восемьдесять, но видела ужасы и запомнила навсегда. Прежде всего немцы выявляли евреев и комиссаров и уничтожали. Их не просто расстреливали, но мучили: выкалывали глаза, отрезали член, выкручивали и вырезали другие органы и лишь потом стреляли. Я видела всё это и поняла, что меня, кроме смерти, ничего не ждёт. Объявили приказ, что надо всех раненых перевезти в город Кременчуг. Нас построили, тяжелораненых уложили на повозки, и мы пошли под конвоем немцев и очень большого количества полицаев. Полицаями были украинцы, перешедшие на сторону немцев, и советские немцы, выросшие и жившие среди нас – «фольксдойче». Полицаи особенно и зверствовали. Я видела: всё равно мне смерть, но была молодая, живая и соответствовала своей фамилии Бреннер, что значит огонь. Я была девушка-огонь и решила бежать. Выждала момент, когда проходили у жилищ, и побежала. В меня стреляли, но не попали. Добежала до какой-то хаты с сараем и спряталась. Это было днём, часа в четыре. Меня не догоняли, наверно, не хотели мной заниматься, чтобы в это время не убежали другие, а может, мне суждено было жить.

Здесь и наступили мои муки. Я всё время шла, а ночью пряталась в укромном месте от полицаев: на кладбище, в лесочке. Бывало, проходила в сутки по 20-25 километров. Военную форму я сразу после побега бросила, переоделась в синюю юбку и кофту. Проходила мимо многих сёл и местечек, мимо городов Бердичева, Белополья, видела, как расстреливали людей. Я шла под видом русской, но молилась на идише: «Помоги мне Бог, и я буду тебе благодарна». В одном из местечек я видела, как убивали много цыган.

По дороге повстречала девушку, которая, возможно, догадавшись, кто я, сказала мне, что многие военнопленные идут в местный совхоз. Я не призналась, но пошла в указанном направлении и в самом деле увидела людей, работающих в поле. Различила еврейские лица, познакомилась и пошла в их жилище – конюшню. Оказалось, что, когда в гетто Белополья расстреливали евреев, то расстреляли не всех, а отобрали 30 молодых людей – 29 девочек и одного мальчика, и полицаи погнали их сюда на работу. Переночевала в этой конюшне, а утром всех погнали работать – копать картошку. Я решила уйти отсюда и тихонько сказала одной из девочек: «Я еврейка. Что вы тут сидите? Убегайте, что-то делайте, спасайтесь» и попросила дать мне в дорогу чулки и коврик с пола, чтобы укрыться от дождя, тогда уже было холодно. Она мне всё принесла, я дала ей свою кофту и ушла. На всех дорогах творилось ужасное: полицаи ловили евреев и сразу убивали их.

Я решила, что надо пробираться к себе домой, в Шепетовку, думала, что там знакомые врачи, коллеги, они помогут мне. Я не знала, что там гетто. Чтобы попасть в Шепетовку, прошла много километров и опасностей. По пути в поле ела помидоры, просила по домам кусочек хлеба и попить. Крестьяне ругались, потому что ходило к ним множество беглых пленных, беженцев, но давали, иногда полу-

чала пирожок. Проходя через Полонное, вспомнила, что со мной училась девочка **Беркýта** из этого села. Она тоже ушла на фронт военфельдшером. Передала родителям привет от неё, они приняли меня, накормили, приодели и дали мне связки лука и чеснока, чтобы я походила на базарную торговку.

В Шепетовском гетто.

В начале **июля 1941** года немцы оккупировали Шепетовку и согнали евреев в гетто. Для гетто немцы высоко огородили колючей проволокой нашу улицу Нисензона, Октябрьскую и район, где были все синагоги. Уже через неделю нацисты устроили первый крупный погром, уничтожили очень много шепетовских евреев.

Я пришла в Шепетовское гетто в двадцатых числах июля, как раз после этого расстрела узников, и стала здесь жить. Я нашла в живых жену двоюродного брата **Соню Бреннер** и её двоих детей: **Бореньку** (год и 8 месяцев) и **Яшу** (5 лет). Соня мне очень помогала, давала иногда простынку, и её можно было поменять на кусочек хлеба, денег ведь не было. Соня рассказала мне, как проходила первая акция **4 июля 1941** года. Рано утром немцы и много полицаев окружили гетто, затем объявили, чтобы все взяли вёдра, лопаты, мётлы, тряпки, что нас повезут на работу. Собрали много народа. Перед отправкой людей заводили в первый от выхода из гетто дом. Каждого обыскали, отобрали золото, деньги, хорошие вещи – и на расстрел. Машины стояли готовыми заранее. Погрузили первую партию и отвезли в направлении Славуты в деревню **Цветоха**, где уже были вырыты огромные ямы. В эту партию попали мои родные дядя и тётя **– Мордехай** и **Розалия Бреннер**. Мне рассказывал потом один полицай, который был партизаном и евреем, что всех расстреляли, детей бросали в ямы живыми.

В гетто мы ютились в одной квартире по несколько семей. Все дома на трёх улицах, отведенных под гетто, были полны. В Шепетовку пригнали много евреев из окрестных городков и местечек: из Полонного, Понинки, Судилкова, Грицева, Ямполя и др. Мы носили круглые жёлтые латки на груди и на спине, без этого нельзя было. Это была не звезда, но тоже называлась «*магендавид*».

После первого расстрела немцы провели «селекцию» и выдали пропуска для работы ремесленникам, мастеровым, людям с профессией, потому что нуждались в рабочей силе. Остальных каждое утро выгоняли палками, как скот, на чёрную работу. Набирали группы по 20-30 человек, выводили за пределы гетто, а вечером пригоняли. Я работала на кирпичном заводе, мы делали кирпичи.

Начальником полиции в Шепетовке был некто **Свояченко**. До войны он работал в НКВД, а потом перешёл на сторону немцев. Он очень издевался над евреями в гетто, проводил облавы, разрешил полицаям открывать огонь без предупреждения. Например, если кто-то подходил к ограждению из проволоки – в него сразу стреляли. Свояченко обязал всех жителей гетто уплатить контрибуцию – 500 марок, а кто не уплатит – будет расстрелян. Что делать? У меня денег не было, и меня спасла моя бывшая больная **Анна Тимофеевна**, жившая на ул. Петровской. Эта добрая женщина приходила несколько раз в гетто, приносила мне соль и другие продукты. Она меня очень жалела и помогла: принесла мне эти деньги, и я уплатила за свою жизнь до нового расстрела.

В самом конце июля в гетто был проведён второй погром. Утром в гетто пришли немцы и полицаи с повязками и всех людей выгнали на площадь, так называемый «плац», напротив небольшой синагоги, выходившей на ул. Нисензона. Мы поняли, что пахнет смертью. Опять, как и в первый раз, погнали к первому дому от начала гетто, там ограбили: забрали золото, деньги и даже хорошие платья, кофты – и отправили направо, в колонну для расстрела. А в другую сторону отводили тех ремесленников, у кого были пропуска для работы: сапожников, портных, жестянщиков. У меня было золотое кольцо, которое мне дала жена брата Соня. Мне нечего было терять, я перебежала площадь и вложила это кольцо полицаю в руку. Он прикладом оттолкнул меня налево, и я упала без сознания. Воды не было, и меня спасли, брызгая в лицо слюной. Из евреев, отобранных для расстрела, увели и казнили только часть, остальные и я остались жить до следующей акции.

В гетто я была единственным медработником. Меня знали по довоенной жизни, я всех в гетто лечила, а помогали мне медикаментами партизаны: врач **Яворский,** стоматолог **Земской** и **Кучер**. Мама Кучера находилась в гетто, но её убили, он приходил с повязкой полицая. Украинец **Василий Васильевич Яворский** служил при немцах начальником горздравотдела. У него был пропуск в гетто. Тогда не было известно, что он партизан. Мы с ним до войны работали в поликлинике. Яворский незаметно приносил и передавал мне лекарства. После второго расстрела я попросила доктора Яворского принести мне перигидрол, чтобы покрасить волосы в жёлтый цвет и меньше быть похожей на еврейку. Он принёс, я перекрасилась и была готова в случае чего сбежать. Партизаны приносили листовки, помогали мне деньгами и обещали взять меня в партизанский отряд. Отряда ещё не было, а только отдельные группы, и надо было ждать.

Украинский подпольщик врач Василий Васильевич Яворский. 1940 г.

В одно утро немцы устроили третий погром. Пришли, окружили гетто, собрали всех мужчин-стариков и закрыли их в синагоге. Они страшно кричали. Я сама видела, как их потом вывозили на расстрел. Был среди них один старый человек – заготовщик **Гриша**, он успел мне сказать: «Мирале, если тут останутся живые, вспомните и отомстите за нас всех». Во время этой акции в гетто находился партизан **Кучер** в полицейской форме. Он меня схватил, и мы с ним спрятались в каком-то разрушенном доме.

Вскоре из-за большой скученности в гетто началась эпидемия сыпного тифа. Немцы очень опасались, чтобы она не перебросилась на их армию. Тайком от фашистов Яворский приносил мне лекарства, и я лечила людей. Я ходила в одежде из белой простыни, потому что на белом хорошо видно вшей – переносчиков тифа. Много выздоравливающих мы положили отдельно. В конце августа немцы о них узнали, вывели всех больных тифом и выздоравливающих и расстреляли. Это была страшная картина. Я убежала на еврейское кладбище, пряталась там, плакала на могилках, а к вечеру вернулась обратно.

Начальник полиции Свояченко запретил евреям пользоваться колодцем, огородил его и оставил жителей гетто без воды. Особенно страдали от жажды дети. Ночью, часа в четыре, я подняла проволоку, вышла с ведром из гетто и через поле дошла до ближайшего колодца. Опустила ведро зачерпнуть воды и вдруг вижу: возле меня стоит немец. На чистейшем русском языке он сказал: «Девочка, что ты сидишь в гетто? Не ожидай смерти, надо уйти, бороться». Ведро упало в колодец, я хотела спросить, куда уйти, где партизаны, но отнялась речь, и «немец» ушёл. Я с трудом вернулась в гетто.

От полицаев и фольксдойче не было житья, они издевались над нами, отбирали вещи, искали девочек, чтобы изнасиловать. Война сделала некоторых местных жителей настоящими зверями. Когда нас в очередной раз раздевали, местные стояли, чтобы взять нашу одежду.

Побег из Шепетовского гетто.

Однажды я узнала от **Нади**, жены партизана Нарадюка, важную новость. Её муж, служивший по заданию в полиции, слышал, что на еврейские праздники будут ликвидировать гетто. Я стала готовиться к побегу. Поднялись мы утром в один из последних дней августа, и нашу группу из 20 девочек, как обычно, под конвоем отвели работать на кирпичный завод. В этот день мы таскали песок, копали колодец, делали самую чёрную работу. Забрать нас обратно пришли раньше обычного. Когда моя группа приблизилась к гетто, я увидела массу полицаев и немцев, окруживших его. Ликвидация уже началась, и я решила сбежать сейчас же. Внезапно выскочила из группы и быстро побежала зигзагами то туда, то сюда, по мне начали стрелять, и я упала. Стрелявшие думали, что убили – пусть собаки её грызут – и не стали проверять, что со мной. Я переждала, поднялась и побежала дальше, к мосту через реку. На мосту увидела идущего навстречу Яворского. Он всё понял, не останавливал меня, а сказал на ходу: «Мария, бегом в больницу на чердак». Я так и сделала. Лежала на чердаке до вечера, слышала крики, плач, стрельбу в гетто. В этот день погибли жена брата **Соня** с детьми, другие родственники и знакомые. Убили всех узников Шепетовского гетто. В живых остались я и **Роза Кучер** (девичья фамилия Пак) с одним ребёнком, жена брата партизана Кучера, которую успели переправить в Луцк, к партизанам. Второго её ребёнка **Суню** убили вместе с бабушкой **Хавой Пак** в этот день. Уже в 1944 году я узнала, что во время ликвидации гетто убежал ещё один еврей – **Рефул Танек**. Его преследовали, он бросился с моста и утонул. Его похоронили возле сахарного завода.

Мария Цимберг (слева) и партизанка Надя Нарадюк. 1946 г.

Вечером я тихонько прокралась к **Наде Нарадюк**, её дом был недалеко от больницы. Она меня приняла и спрятала, но очень боялась. Часов в девять вечера Надя проводила меня до кладбища, мне хотелось пробраться в село **Городище** к дому Яворского. Я знала дорогу к нему, прошла ещё километров пять в темноте. В его доме жил полицай, которого все боялись. Помню, что я попала под силь-

ный дождь, который лил всю ночь. Пролежала всю ночь в грязи под небольшой лестницей дома Яворского, а утром часов в пять постучала. Мне открыла жена Яворского **Раиса Витольдовна Вайс**, немка по рождению. Она, как и муж, была партизанкой. Впустила, обняла, поцеловала, плакала, накормила меня. Она стала готовить меня к пути: переодела в красивое вельветовое платье с вышивкой, дала красивые туфли, в мои белокурые волосы добавила гребень – и я превратилась в русскую девушку. Она просила меня надеть крестик, но я отказалась, хотела дать мне паспорт своей дочери, но у меня не было фотокарточки. Раиса Витольдовна дала мне с собой 200 немецких марок, фуфайку, тёплый платок, сала, хлеба и рассказала, как себя вести, куда идти в поисках партизан. Пожелала, чтобы Бог мне помог, чтобы он меня привёл в хорошее место, и мы попрощались.

Я с узелком прошла много километров и дошла до станции **Четырбоки**. Здесь, в поле, я присела отдохнуть, поесть, мимо меня ехал человек на бричке и остановился. Думала, что полицай, что мне конец, а оказался хороший человек. Его звали **Андрей Фёдорович**. Он предложил подвезти меня. Думаю, что Андрей Фёдорович догадался, что я беглая еврейка, хоть я представилась Анной Фроловой из Одессы, идущей домой к родителям. Он со мной проехал через весь город и вывез меня километров на десять дальше **Староконстантинова**. Здесь дал маршрут, предупредил, что идти надо глухими сёлами, ночевать где угодно, только не в домах, подальше от полицаев и немцев, и вернулся обратно. После войны я ездила в Староконстантинов и узнала, что в довоенное время Андрей Фёдорович работал заведующим районо, в войну был партизаном, по заданию устроился работать у немцев завпунктом «Заготмолоко» и погиб, когда уже воевал в партизанском отряде.

Мне было очень страшно, я шла очень долго, потому что хотелось жить. По дороге я узнала, что в Жмеринке живут евреи, и их не убивают. Я отправилась туда, а чтобы попасть в Жмеринку, нужно перейти границу на реке Буг или Днестр. Там с одной стороны стояли румынские войска, а с другой – немецкие. Пройти было почти невозможно, выхода нет, и я решила покончить с собой. Увидела колодец и хотела броситься в него. Уже перегнулась, чтобы упасть в воду, и в это время кто-то схватил меня за плечи. «Не надо так делать, дивчина!» – сказала по-украински женщина. Она повела меня к себе домой, в нём было почти пусто: стол, скамья и печка. Оказалось, что до войны её семью раскулачили и выслали, а при немцах она вернулась к себе домой в деревню. Женщина накормила меня, и я рассказала, что украинка и иду к родителям, но не могу перейти границу. Она обещала перевести меня через границу, я дала ей 200 марок, которые были у меня. Женщина очень обрадовалась этим деньгам, и мы стали готовиться к переходу. На другие сутки глубокой ночью мы перешли на другую сторону. Там была натянута проволока, мы подлезли под неё, где-то вошли в воду, всё было тихо, спокойно. С обеих сторон реки все спали, нам очень повезло, и Бог помог. Видно, это был не первый переход для моей спасительницы. До утра просидели в огромной скирде соломы. Когда рассвело, пошли на рынок. Подготовка заключалась в том, что мы с женщиной взяли с собой фасоль, картофель, лук, свёклу, морковку и выглядели заурядными

торговками. На базаре я увидела свободно ходящих евреев, удивилась, как они хорошо одеты – это были евреи из Румынии. Я даже не представляла, что так может быть – как будто я попала на седьмое небо. Я попросила по-еврейски одну женщину показать мне, где гетто, и она согласилась отвести меня.

В Жмеринском гетто.

Так я оказалась в Транснистрии. Здесь в разных гетто жили местные евреи, евреи из Румынии и Бессарабии и такие, как я, убежавшие из других мест. Я пришла в Жмеринское гетто в **сентябре 1941** года, перед *Йом Киппур* (Судным Днём), и прожила в нём два года и пять месяцев.

Мне вспомнилось, что в Жмеринке живёт **Лиза Стенлер** с семьей, родом из Шепетовки. В 1937 году её муж, секретарь горкома партии, был репрессирован как «враг народа». Я нашла её, она стала расспрашивать о шепетовской родне, я знала её маму, сестру, невестку. Она была без чувств после моего рассказа о полном уничтожении евреев Шепетовки. Лиза искупала меня, я была вся во вшах, переодела, накормила и приютила у себя. А у неё снимал жильё венгерский еврей **Миша Адлер**, работавший полицаем в гетто. Он сумел легализовать моё пребывание в Жмеринке, помог остаться здесь, потому что в других местах было ещё хуже. Мне рассказали, что есть очень страшные места: Бар, Печёра и другие, где расправлялись с евреями. Там свирепствовал тиф, был настоящий голод. Но и в Жмеринском гетто люди умирали от холода, болезней и голода.

В гетто руководила румынская администрация, но работали мы у немцев. Те денег не платили, но нас не трогали, иногда кормили. Мы ходили на работу и возвращались сами, никто нас не гонял. Я работала на железной дороге, чистила рельсы и шпалы от испражнений. Во время обхода путей я находила и собирала дровишки, палки, продавала их за румынские деньги и покупала хлеб, другую еду.

Жила в гетто семья жмеринских евреев, они пришли ко мне и сказали, что хотели бы взять к себе девочку, которая уцелела после расстрела в Шепетовке. Это были супруги **Цаля** и **Зоя Зальцман** и их дочь **Лиза.** Я перешла жить к ним на ул. Урицкого, дом 30, помогала по хозяйству, меня любили и берегли, как дочь.

В **1943** году, после серьёзного поражения фашистов под Сталинградом, однажды утром мы увидели, что гетто окружено немцами и румынами. Нам всем приказали немедленно построиться на плацу. Такую картину я уже видела и пережила раньше не раз, я поняла, что сейчас нас будут расстреливать. Отсюда выйти живым было невозможно. К тому же ходили слухи о недавнем убийстве всех евреев местечка Брацлав в 4 километрах от Жмеринки. Видеть очень много людей на плацу, которые догадывались, зачем их собрали, – это была страшная картина. Нас держали на ногах несколько часов, но потом вдруг отпустили. Румынская администрация Жмеринки отменила приказ о ликвидации гетто, и нас отпустили по домам, слава Богу. Руководил еврейским комитетом гетто **Гершман**, юрист из Румынии, может, он тоже повлиял на это решение.

Побег из Жмеринского гетто.

Мы продолжали жить, но такое могло повториться опять, потому что приближались советские войска. Я сказала тёте Зое: «Не будем ждать, чтобы нас опять

выгнали на расстрел. Давайте выйдем из гетто и спрячемся, пока наши не придут». У Зальцманов в селе неподалёку жила надёжная знакомая, даже подруга – русская крестьянка тётя **Катя**, которая согласилась нас принять и спрятать. Я и Лиза оделись, как русские девушки, и вышли из гетто с нашими вещами. После нас ушли и мама с папой Лизы. Я высоко оценила, что они меня не бросили, а взяли с собой, спасли. Мы вчетвером пришли к тёте Кате. Ситуация была непростая: в одной части дома жила её дочь, у которой на постое – немцы, на домах висели объявления: «За укрывательство евреев будет расстреляна вся семья». Мы разместились так: тётя Зоя с дядей Цалей в погребе, Лизочка за русской печью, а я узнала, что у хозяйки под коровой есть яма, и однажды в этой яме прятался её сын Андрей, когда молодежь угоняли в Германию. Я попросила положить меня в этот тайник. Меня поместили в яму, закрыли, сверху поставили корову. Мне приносили кушать. Земля была холодная, но на меня надели хозяйкин кожух, и так я пролежала двое суток. На третьи сутки появилась наша разведка, и на следующий день, **19 марта 1944** года, нас освободили советские войска.

Я благодарна всем добрым людям, кто меня спасал, помогал в работе и в беде, и таких людей разных национальностей в моём рассказе немало. Склоняюсь пред светлой памятью украинского партизана Яворского. После освобождения я узнала, что немцы выследили и арестовали **Василия Васильевича Яворского**, издевались над ним, как могли, выкололи глаза, отрезали части тела и убили.

После освобождения и войны.

Из Жмеринки я поехала в гор. Проскуров. Никаких документов у меня не было, поэтому в поезде при первой же проверке меня задержали и доставили в НКВД. Шла война, искали шпионов, диверсантов, подозрительных. От меня добивались признания, что я немка. Я попросила позвонить в Шепетовскую больницу и спросить про Марию Бреннер. Оттуда, видимо, сообщили, что я их работница. Меня освободили, пожали мне руку, дали справку, кто я, а затем спросили, могла бы я узнать людей, которые принимали участие в массовых расстрелах в Шепетовке. Передо мной положили много фотографий, и на некоторых из них были немцы, которые командовали расстрелами, я их запомнила на всю жизнь и показала на них.

Я благополучно приехала в **Проскуров** (ныне Хмельницкий), устроилась на работу на станции «скорой помощи», получила квартиру и проработала с 1944 по 1951 годы. Мой брат **Биньямин** работал в Ленинграде специалистом по вентиляции, получил бронь и во время войны находился с заводом в Башкирии, а после войны жил в Выборге, там и умер. Брат **Давид** окончил авиационное училище, в годы войны отважно воевал лётчиком, не раз награждён, был ранен. В мирное время жил инвалидом, его тело было во многих местах прострелено, мы ему всегда помогали. Он умер в 58 лет.

В **1948** году вышла замуж за **Цимберга Юлиана Давидовича** (1908), родом из Польши. В **1949** году родился сын **Фима**. В **1951** году мы переехали в **Омск**. Муж был прорабом, строил дома, школы, я работала медсестрой на «скорой помощи». В **1956** году родилась дочь **Анечка**. Окончила, как папа, строительный

факультет, проработала 16 лет и вдруг заболела. Я медик и постаралась привлечь всех, кого возможно, чтобы вылечить дочку, получить нужные лекарства.

В Израиле.

В **1993** году мы репатриировались в Израиль. Болезнь оказалась сильнее, и дочка **Аня** скончалась через два месяца после приезда в Израиль. Она похоронена в гор. **Кирьят-Малахи**. Осталась без матери внучка, мы её растим. Отец в России. Но надо жить и надеяться на лучшее. Старикам у нас в стране хорошо, государство заботится о нас.

Перед отъездом в Израиль.
Сидят: Мария Цимберг с внучкой Олечкой, муж Юлиан и дочь Аня;
стоят (слева направо): сын Ефим, внучка Элла, внук Моня, невестка Людмила и зять Серёжа. Июнь 1990 г.

Я участница Второй мировой войны, у меня 9 правительственных наград. Избрана членом комитета Реховотского отделения Союза ветеранов войны – борцов против нацизма. Мы собираемся в клубе ветеранов, помогаем вдовам погибших, отмечаем день Победы и дни рождения, дарим подарки. Проводим вечера памяти, вспоминаем наших боевых товарищей, которых уже нет.

Прошли годы, конечно, остались следы, всё пережитое не забывается и бесследно не проходит. Конечно, болею, но жива. Спасибо Богу.

Рукопись воспоминаний Марии Цимберг о Шоа.

***Мария Цимберг** все годы являлась членом Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей.*
*Умерла **14 июня 2011** года.*

13.

Гарбуз Дора
*(г. **Умань** Черкасской обл.)*

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА ЕВРЕЕВ В УМАНИ

Я благодарна нашему Реховотскому объединению бывших узников нацистских концлагерей и гетто, решившему собрать и напечатать воспоминания его членов, в том числе и о моём страшно тяжёлом детстве с августа 1941-го до 9 марта 1944 года во время оккупации г. Умань. Каждый из нас вложил в свои воспоминания много сил, терпения, труда, забот, нервов и времени. Думаю, что наши дети, внуки, правнуки с интересом и ужасом прочитают эти рассказы о Катастрофе евреев в середине XX века, о погромах и издевательствах над их родителями, бабушками, дедушками, которые в то время сами были детьми. Надеюсь, что они будут передавать из поколения в поколение: евреев убивали без всякой вины и причины только за то, что они рождены еврейской матерью, и это не имеет права повториться.

Довоенная жизнь.

Я, **Дора Израилевна Швец** (после замужества Гарбуз), росла в городе **Умани** Черкасской области Украины в семье, полной любви, радости и весёлого шума.

Семья мамы **Инды-Леи** (1901) приехала в Умань в 1914 г. из города Ломáзы (Польша). У мамы было три младших брата. Папа **Израиль-Лейб Швец** (1888) – учитель гимназии из города Тульчина – случайно оказался в Умани, увидел 18-летнюю красавицу Инду и уже не хотел уезжать. Он, старше мамы на 13 лет, светский человек, страстно влюбился в девушку из глубоко религиозной небогатой семьи. Мамин отец **Нухим Штракс**, сапожник, оценив по достоинству серьёзность и ум жениха, поставил ему условие: если войдёт в их семью, должен придерживаться еврейских обычаев. Папа с мамой поженились в **1922** году, и папа остался в Умани. После замужества молодая жена с большой любовью приучала мужа к жизни, непривычной ему, в этом очень помогал и дедушка.

Отец наш много работал – в школе, а позже в Уманском учительском институте преподавал русский язык, мама была домашней хозяйкой, хорошо шила. Через год, в 1923 году, у них родился первенец **Ицик**, в 1925-м – дочь **Рухэлэ** (Рахиль), в 1927-м – сын **Натан**. Я, **Дора**, родилась в 1929 г., в 1931-м – сестра **Милка**, в 1936-м – сестрёнка **Ховэлэ**, в 1938-м – братик **Нухэмл** (фото на стр. 118).

Надежд у родных было много, особенно на большое будущее нашего старшего брата **Ицика**. После окончания в г. Умани десятилетней еврейской школы в **1940** году он поступил в Киевский университет на факультет филологии, учился и писал стихи на идише и на русском языках. Печатался в газетах и журналах Киева. Когда Ицик приезжал на каникулы, мы слушали с восторгом его рассказы о встречах с писателями Лейбом Квитко, Ициком Фефером и другими интересными людьми. Сколько радости было на лицах мамы и папы! Мы гордились нашим братом и всегда ждали его приезда домой, особенно его общения с нами. Натанчик и я ходили в еврейскую школу, Рахиль – в украинскую. Папа говорил с нами по-русски, мама – на идише с нами и с папой. В начале июня **1941** года папа, окончив учебный год, поехал в Ленинград.

Война и оккупация.

22 июня 1941 года началась война фашистской Германии против Советского Союза. Брата-студента в Киеве в армию не взяли из-за сильной близорукости. Отец, услышав о войне, из Ленинграда добрался до Киева и вместе с братом вернулся домой. В Умани отца вместе с братом **Ициком** и 16-летней сестрой **Рухэлэ** сразу мобилизовали на оборонные работы и увезли на рытьё блиндажей и окопов. Мама осталась с пятью детьми мал мала меньше: старшему – 14 лет, мне – 11, остальным – 10 лет, 5 лет и 3 года. Мама нам сшила мешочки на случай эвакуации или бегства из города, но уже через месяц и восемь дней, **1 августа 1941** года, гор. **Умань** был захвачен немцами.

Евреев, коммунистов вешали на Крещатике – центральной улице Умани. По улицам ездили немцы вместе с украинскими полицаями, полицаи в микрофон кричали: «Геть жидов и коммунистов!» Было страшно. Но это было только начало.

Наш папа с Ициком и Рухэлэ попали к немцам в окружение недалеко от Умани и сумели вернуться домой. Вся семья оказалась в аду.

Накануне *Рош ха-Шана* в **сентябре 1941** года примерно в 10 утра в Умани начался **первый погром**. Полицаи из местных украинцев врывались в еврейские дома, они хорошо знали, где живут евреи, выгоняли их на улицу и гнали в сторону тюрьмы и в гору к центру. Одновременно ловили евреев на улицах, на базаре и присоединяли их к толпе изгнанных из домов.

Я в те минуты находилась у еврейской подруги на соседней улице. Прибежала её мать и сказала, что видела мою маму на улице в толпе, которую гонят полицаи и немцы. Мне надели украинскую косыночку, чтобы я походила на украинку, и я побежала домой, но добраться уже было невозможно. Людей гнали в гору с обрывом, стариков, инвалидов бросали с обрыва вниз, было страшно. Я бежала на расстоянии от толпы и в платочке была совсем не похожа на еврейскую девочку.

Я остановилась под окном закрытого дома, поняв, что здесь живут не евреи. Стояла и смотрела, как из еврейских домов местные жители выносили всё подряд. Перья вылетали из окон, я слышала смех, крики: «Жиды, так вам и надо».

Спустя некоторое время открылась форточка в окне, под которым я стояла, и женщина мне сказала: «Дытына, зайди до хаты». Но я, запуганная, дрожащая, побоялась, видя, как украинцы издеваются над евреями. Больше меня не приглашали

и не прогоняли. Уже стемнело, когда вдруг я услышала, как три идущие девушки тихонечко переговариваются на идише. Одна из них оказалась **Бузей**, подругой моей сестры Рахили. Я подошла, и они взяли меня с собой. Не успели пройти несколько метров, нас остановил полицай. У них были пропуска работающих у немцев. Я стала понемногу отступать в темноту, он заметил, подозвал, сильно ударил меня ногой в живот, у девушек отобрал пропуска и повел нас к Дворцу пионеров, куда я ходила петь и танцевать перед войной.

Возле входа было светло, стояли немцы, полицаи. Нас провели по коридорам, открыли дверь и втолкнули в темноту, в один из больших полуподвалов бывшего Дворца. Мы наткнулись на людей. Слышались стоны, крики, плач. Иногда зажигалась спичка. Бузя крепко держала меня за руку и тянула вперёд за собой. Почти не соображая, мы лезли в толпу дальше и дальше, пока не добрались до стены. Всю ночь мы простояли в полусне. Иногда форточка открывалась, светили фонариком. Вокруг люди стонали, падали друг на друга.

Прошла кошмарная ночь, утром полицаи открыли двери, и мы с Бузей, всю ночь державшей меня за руку, увидели много мёртвых и умирающих людей. Крикнули: «Выходите!», и мы с Бузей вышли. Мы видели, как немцы и полицаи начали добивать тех, кто был не в силах подняться. Знакомая мне девушка лет восемнадцати **Кейля** не могла выбраться, так как на ней лежали трупы, и её тоже застрелили на наших глазах. В полуподвале были сотни людей, а вышли примерно 35-40 человек. Одних увели в тюрьму, а других в подвалы Дворца пионеров.

Был первый день *Рош ха-Шана*. Нас привели в тюрьму. В ней творилось ужасное. Стариков в тюрьме сразу поубивали. Всю ночь религиозных мужчин с бородами заставляли танцевать с голыми еврейскими девушками под немецкую музыку.

В тюрьме я встретила мою маму без головной косыночки, в нижней сорочке и жакетке. Рядом с ней увидела девушку в маминой юбке, в маминой кофте и мамином платочке. Это был мой 18-летний брат Ицик. Когда в тюрьме прошёл слух, что детей и женщин выпустят, мама сумела в толпе переодеть брата. Свой «*магендавид*» мама тоже ему отдала. Когда мы шли домой, неожиданно наткнулись на немца, гулявшего с местной девкой. Увидев, что мама без клейма-«магендавида», немец её сильно избил, но отпустил. Так для нас закончился первый погром, в котором погибло примерно 7 тысяч евреев. В основном убивали украинские полицаи города под командованием небольшого количества немцев-эсэсовцев.

<u>В Уманском гетто.</u>

Мы пришли домой. На этот раз мы остались живы. Были живы папа и пять детей, не попавшие, как мы с мамой и братом, в подвал и в тюрьму.

В нашем доме имелись большие полуподвалы, до войны их арендовала у нас фабрика по изготовлению верёвочных изделий для хранения сырья в мешках. Когда немцы захватили Умань, папа и брат Ицик подготовили тайник. Кроме большой кухни, у нас была летняя кухня с печью для выпечки хлеба. Папа эту печь разобрал и сделал небольшой, хорошо замаскированный люк, закрывавший вход в подвал – склад фабрики, а от трубы осталось отверстие на чердак этой кухонь-

ки. Со стороны улицы висела по-прежнему вывеска «Склад фабрики» на немецком языке, а мы из кухоньки могли спускаться в подвал через люк и там прятаться.

За это время евреев согнали в гетто. Наш дом находился на территории гетто. Кроме нас, в доме теперь жили ещё двое сирот, чьи родители погибли в первом погроме, и шесть взрослых людей.

Через 10 дней после первого погрома наступил *Йом Киппур* (Судный день) 1941 года. Рано утречком моя сестричка с беременной мамой собрались пойти за водой. Вдруг услышали шум, стрельбу на улице и увидели, что напротив дома стоят с оружием немцы и полицаи. Мама и сестра быстро подняли спавших, и все спустились через люк на кухне в подвал верёвочной фабрики. Там мы спрятались среди большого количества наваленных мешков с сырьём.

Лежали двое суток без еды, без воды. Мы слышали, что по дому ходили, искали нас, но не нашли. Ночью кто-то звал маму по имени, потом всё стихло. На следующий день опять этот же плачущий голос сказал: «Погром окончен». Это оказалась **Полина Лейбович-Коломейская**, дочь наших соседей. Она догадалась, что мы в подвале.

Полина, 26-ти лет, приехала из Москвы к родителям рожать первого ребёнка и попала в оккупацию. Родив ребёнка, она заболела маститом груди, её дядя-хирург сумел в больнице прооперировать Полину. Полину с температурой 40 градусов еле спасли. Начался новый погром, дядю убили в больнице, на следующий день после операции молодую мать выпроводили оттуда. Две ночи после операции Полина пряталась в городском парке «Софиевка». Когда она на третью ночь добралась до своего дома, уже ни двухмесячной дочки, ни родителей не застала. Всех убили.

Во **втором погроме** погибло не менее 25 тысяч евреев. После трёхдневного уничтожения евреев осталось мало, всего несколько тысяч, и размеры гетто очень уменьшились, но наш дом остался внутри гетто.

Памятник в гор. Умани 25 тысячам евреев, погибшим во 2-м погроме осенью 1941 г. На венке надпись: «Жертвам фашизма от уманчан». Осень 2011 г. Умань.

Шёл **1942** год. Жизнь была мучительной. Людей гоняли на работы. Мне шел тринадцатый год, я работала, как все: мыла уличные туалеты, убирала улицы, пасла коз у немцев, копала вместе с женщинами глубокую четырёхугольную большую яму, в стенах были ячейки в человеческий размер. Мы не представляли, зачем эти ячейки. Нас охраняли чехи, и кто-то из них сказал, что эти ямы – для еврейского погрома. Чешские солдаты были менее озверевшие, чем украинские полицаи.

Ожидался очередной погром. Когда мы поздно вечером добрались домой, Полина уже приняла роды у нашей мамы. Мама с папой велели быстро собраться

старшим детям: брату Ицику, сестре Рахили, брату Натану и мне и под утро уйти в леса, сёла – куда доберёмся. Знакомых у нас в округе не было.

Третий погром начался под утро, мы уже не спали и должны были уйти. Услышали стрельбу. Папа быстро спустил младших детей, взрослых, соседей в наш тайник в подвале, а я, Натанчик, Рахилечка и Полина быстро по лестнице поднялись через люк трубы на чердак нашей летней кухни. Это было очень низкое пространство между потолком и крышей, и там можно было только лежать. Мама, папа с двухдневной девочкой забрались на чердак дома, чтобы не выдать людей в подвале плачем младенца.

Утром наш подвал-склад открыли работники фабрики – они уже видели, что там прятались во втором погроме – и выдали всех немцам. Мама с младенцем и папа, услышав, что всех их детей выводят из укрытия, спустились с чердака. Мама сильно плакала с двухдневным ребёнком на руках. Её здесь же в коридоре убили, ребенка головой ударили, и он умолк, а мы лежали на потолке под крышей летней кухни и всё слышали. Слышали, как подъезжали машины и увозили людей, и с ними нашего 18-летнего брата **Ицика** с соседями. Конечно, и папу забрали.

Детей собирали на площадке рядом с нашим домом, и мы слышали их плач, как они звали своих мам, как их били. Там были мои сестрички **Хава** (5 лет), **Мила** (10 лет), трехлетний братик **Нухэмл**, девочка девяти лет и мальчик семи лет наших знакомых, живших у нас. Мы различали голоса своих сестричек, некоторых близких, а сами, задыхаясь, глотали слёзы и помочь были бессильны. Через некоторое время детей увезли на машинах. Что эти звери делали с ними, нам было неизвестно. Наша мама лежала под нами на полу с ребёнком, а мы на потолке под крышей, не выше двух с половиной метров от них.

Был холодный **апрель 1942** года, на чердаке мы очень замёрзли, голода мы не чувствовали, только в дождь через щель в крыше собирали ладонями водичку и пили. Нас не нашли. Маму на пятый день бросили в окоп напротив нашего дома. Такие окопы – длинные и довольно глубокие семейные укрытия от бомбёжки – мы сами вырыли в начале войны по указанию городских властей.

Утром мы помогли спрыгнуть Натанчику вниз, он подставил лесенку, которую папа отбросил в другой коридор, и мы спустились. Выбрались из кухоньки и поодиночке пошли к парку-лесу «Софиевка». Туда мы дорогу знали. Ноги были распухшие, страшные, но добрались до парка. В гетто ни души. 26-летняя седая **Полина**, моя сестра **Рахиль**, почти 17-ти лет, братик **Натан**, которому шёл 15-й год, и я, двенадцати с половиной лет, опухшие, голодные, встретились в парке и пошли лесом дальше, в сторону деревни, попросить что-нибудь поесть. По пути немножко помылись.

Дошли до деревенского дома. Полина попросилась зайти, и нас впустили. Молодая женщина с маленькими детьми посмотрела на молодую седую Полину, на бледную сестру-красавицу, на братика худенького, на мои треснувшие от распухших ножек ботиночки и расплакалась.

У Полины за пазухой был кусок ткани. Она вытащила его и предложила хо-

зяйке в обмен на еду. Украинка дала нам хлеба, творога и простокваши, мы поели. Женщина дала немного еды с собой, но ткань у Полины не взяла. Она подсказала, как нам добраться до Терновки, маленького местечка, где ещё не убивали евреев, не было погромов.

В гетто села Терновка.

Мы шли туда 40 км на расстоянии друг от друга, прячась под каждым кустиком. На следующее утро добрались до **Терновки** Винницкой области. Нам указали, как попасть в неогороженное гетто. Постучали в дом, рассказали, откуда мы, и нас впустили. Люди глядели на нас и жалели. Пришёл староста гетто. Староста **Давид** собирал у евреев золото, драгоценности и отдавал немецкому коменданту Терновки. За это евреев пока здесь не убивали. Они только работали, куда посылали.

Принесли нам поесть, переодеться и определили всех четверых в маленькую комнатку с диванчиком. Через несколько дней Рахиль с Полиной нашли работу в близлежащей деревне. Натанчик был со мной, так как я тяжело заболела бронхитом. Когда я немного поправилась, мы тоже работали на огородах у людей. Так продолжалось месяца два с половиной, и здесь тоже пошли слухи о погромах и концентрационных лагерях.

Как-то утром мы вышли из дома и увидели стоящую машину, рядом немца и молодую женщину. Она по-русски говорила людям, что они из концентрационного **Кузьминского лагеря**, недалеко от Умани, там несчастные евреи умирают от голода, холода. Она просила: «Если у вас есть еда, вещи, мы возьмем для них». Мы спросили, есть ли в лагере наш брат Ицик или наш папа Израиль Швец, но она ответила, что там много людей, если хотим, можем написать письмо. Мы с братиком быстро написали о нас. Ицик получил это письмо и решил бежать из лагеря. Он сбежал, но его хватились и с овчарками догнали. Его ранили, притащили, в лагере при узниках его убивали шомполами. Как били его по голове, как мозги его разбрызганы были, как кровь лилась – всё мне рассказал очевидец, узник этого лагеря. Так погиб наш старший брат **Ицик**, студент Киевского университета, умница, пример для нас, детей младше его.

В **Терновке** мы жили очень тесно, зашла соседка и предложила мне ночевать у неё. Я согласилась и перешла к ней. Было **лето 1942** года. Я уже много пережила и под утро, услышав стрельбу, вскочила, разбудила эту тётю, сказала: «Погром!» Она меня успокоила, но, когда выглянула, поняла, что так и есть. В её коридорчике было окошко во вторую половину дома, где жил её брат с женой и двумя дочерьми. Моя хозяйка их разбудила, и мы с ней перелезли к ним. Я заметила вход в маленький подвальчик. Начали сильно стучать в двери и кричать: «Шойхет, открывай!» Пришедшие знали, что здесь живёт резник мяса. Хозяева открыли, стали выходить, а я прыгнула в подвальчик. Полицаи не проверили, есть ли кто ещё в доме. Длился погром три дня, как и у нас в Умани. Все эти дни без капли воды и крошки хлеба я слушала, что происходит снаружи. По мне пробегали мыши, я дрожала от страха, но надо было молчать. На четвёртый день зашли два солдата, они говорили

на языке, похожем на украинский. Походили по комнатам, потом один посветил фонарём в подвальчик, сказал второму, что внизу что-то лежит. Я вся свернулась. Он поставил лесенку, спустился, подошёл ко мне, пнул ногой и сказал наверх другому, что хлопчик мёртвый тут. Я была почти без волос. Ещё сказал, что «надо взять жидов закопать его». Я поняла, что погибну.

Поздно вечером поднялась из погреба, нашла какую-то тряпку в темноте и пошла к речке. Я шла, сидела, дремала и шла дальше. Начало светать, подошла к какому-то дому, постояла, вижу, дым из трубы, значит, уже не спят. Толкнула калитку, стоит женщина, и я попросила водички. Она посмотрела и говорит: «Ты, дытына, мабуть, не пыты хочешь, а исты?» Дала мне кусок хлеба, кружку молока. Это была моя первая еда за четыре дня. Она велела уходить, я пошла куда глаза глядят.

Днём старалась не встречаться с людьми, к вечеру шла в другую деревню. На улице стояли крестьяне. Они обратили на меня внимание, спросили, откуда я. Я им ответила, как нас дома учили говорить, что удирала от бомбёжки, родных потеряла. Никто меня не позвал к себе. Я пошла дальше, вдруг меня догнала женщина с девочкой лет шести, показала рукой: «Иди в лесочек, подожди» и ушла. Я пошла в лес и сидела там часа два. Вдруг слышу: «Эй, дытына!» Оказалось, что её девочка дома плакала, жалея меня, и попросила забрать меня к ним. Я пришла в дом, где они жили вдвоём, меня покормили и уложили спать на чердаке. Во сне я, видимо, громко плакала. Утром к моей хозяйке пришла соседка и сказала: «Василина, у тебя на чердаке кто-то плачет, как ребёнок». Но **Василина** ответила, что нет никаких детей у неё, очевидно, это какая-то птица. Меня не показали ей. Во вторую ночь, как я ни старалась не спать, не плакать, но со мной случилось то же самое. Мне казалось, что не сплю, а все ужасы повторялись передо мной в полусне. На другой день соседка опять пришла и стала выпытывать у Василины, кто плачет по ночам. Женщина была хорошая, видно, и моя хозяйка призналась, что у неё на чердаке заблудившаяся девочка, и позвала меня. Они поговорили со мной и узнали, что я еврейка. Для меня они вдвоём пошли в **Терновку** узнать, что там происходит.

Вернувшись, добрые крестьянки рассказали мне, что утром видели двух незнакомых женщин, которые тоже шли в сторону Терновки: одна совсем седая, но молодая, вторая – очень красивая. Я поняла, что это моя сестра и Полина, и очень просила женщин отвести меня в Терновку. Они также узнали, что некоторые евреи благодаря старосте гетто Давиду там остались живы, но их очень мало, и живут они в трёх домиках. Эти добрые женщины меня отвели туда.

Придя в **Терновку**, я встретилась с **Полиной** и сестрой **Рахилью** и всё рассказала им о себе. Они с сестрой работали в селе и не были дома, когда я ушла ночевать к соседке накануне погрома в Терновке, и это их спасло. А наш братик **Натан** погиб в этом погроме. Мы горько плакали. Из всей нашей семьи остались только я и Рахиль. О старшем брате Ицике и папе мы пока ничего не знали. Думали, может, они где-то живы.

Из Терновки евреи уходили за реку Буг, где властвовали румыны. Полина ушла в город Бершадь. В Умани властвовали немцы. Сестра моя узнала, что в Умани,

где мы пережили три погрома, опять живут евреи в маленьком гетто из трёх домов. Нам всё казалось, может, ещё остался в живых кто-нибудь из нашей семьи.

Снова в Уманском гетто.

Мы с сестрой пошли в Умань. Страшно было, путь лежал через Кузьминские леса, а там еврейский концлагерь. Шли где лесом, где полями, ночью лежали в скирдах с мышами. **Осенью 1942** года мы пробрались в **Умань**, узнали, где гетто, увидели евреев. Нас приютил староста **Самбурский** с женой и дочкой лет двадцати. Он рассказал, что в гетто живут 35 человек, они очень квалифицированные ремесленники и работают в разных местах: одни в мастерских, другие у немцев, передвигаются без охраны, но под наблюдением.

В гетто мы встретились с другом нашей семьи **Ициком Переплётчиком**, у которого погибли жена и пять детей. Он был хорошим мастером по обуви и старался помочь нам с сестрой. Жил в гетто портной по фамилии **Пекарь** с женой-портнихой и одиннадцатилетней племянницей **Марой Гороховской**. Они оберегали меня и Мару от чужих глаз. Здесь мы услышали весть о гибели старшего брата **Ицика** в Кузьминском концлагере. О папе никто не знал.

Деваться нам было некуда – кругом враги: немцы, украинские полицаи. И настал чёрный день: накануне узников гетто предупредили быть при полном снаряжении, т. е. на руках «магендавид», на груди и спине жёлтые латы.

Мы с Марой пасли трёх немецких коз. Когда на другое утро всех евреев собрали на перекличку, мы тоже явились со своими козами. Жена Пекаря увидела нас и быстро прогнала: «Немедленно убегайте отсюда, вас никто не звал». Мы забрали своих коз и пошли к небольшому выходу, через который мы обычно выводили коз пастись. Отодвинули известные нам две доски и ушли с козами.

Сестра **Рахиль** собиралась утром тоже уйти, но маленькое гетто окружили полицаи, немцы, сестру и других забрали в СД – как нам потом рассказали, и больше их никто не видел. Это было в **конце 1942** года.

У праведников – семьи Троян.

Дядя и тётя Пекарь заранее научили Мару, что надо идти к их уманским знакомым – семье **Троян Дмитрию** и **Лене**. По дороге в лесочке мы привязали коз. Когда пришли в их дом на ул. Инженерная, 18, тётя Лена приняла нас и спрятала. Она послала жившую у неё девушку Лялю посмотреть, что с козами. Ляля вернулась и рассказала, что возле коз стоят и ждут нас полицаи.

Отец Ляли сторожил бахчу, тётя Лена отправила нас к нему, и мы провели эту ночь в поле, а утром вернулись на Инженерную. В этот день тётя Лена отправила Мару Гороховскую к её довоенной няне в деревню и тем самым спасла. Вся семья этой девочки погибла в Умани.

Меня тётя Лена оставила у себя. Семья Троян была состоятельной, занимала половину большого дома. Дмитрий Троян работал зубным техником. К нему в Умань из всех

Украинская семья Лена и Дмитрий Троян. 1970-е гг. Умань.

деревень ходили. Он был очень занят практикой в оборудованном дома врачебном кабинете. Тёте Лене-домохозяйке тогда было больше сорока лет. Их сын **Валентин** воевал в Красной армии, сыну **Диме** было лет пять. Несколько дней я жила в семье Троян. Тётя Лена сказала, что моё имя теперь Дуся. Моя речь была картавой, и тётя Лена учила меня произносить слова без картавости.

Однажды меня увидела соседка – актриса Уманского театра **Ежова**, её муж-украинец работал у немцев. Она предупредила тётю Лену, что если её муж что-то узнает, то все они пострадают. Меня посадили в собачью будку, где раньше жила помершая собака-овчарка. Оттуда только вечером меня выпускали до утра, потом – опять в будку. Ела и ночевала я в тёплом доме, когда младший сын ложился спать, я спала в дальней комнате. Через некоторое время меня отправили в деревню **Метрушки** к **Соболенко** Григорию Ивановичу. Соседи, увидев меня, стали интересоваться, кто я. Меня направили в другую деревню, к их знакомым, те – к другим людям, всё дальше и дальше. За руку меня не водили, просто объясняли, куда идти, и я шла. Во всех этих местах я работала: нянчила детей, пекла хлеб, копала огород, убирала в доме, доила коров. Но ночи меня выдавали. Уж очень я была не спокойная. Все ужасы моей жизни приходили ко мне ночью, и я плакала во сне.

В скитаниях, страхе попасться полицаям или немцам, в работе у жителей разных сёл прошёл год: у кого-то я жила по месяцу-два, где-то – день-другой, неделю. Наступила **зима 1944** года. Я, оборванная, ноги в тряпье, перевязанные соломой и верёвками, вернулась ночью в тёте **Лене Троян**. Очень она была хорошая женщина. Опять я сидела в моей собачьей будке.

Трояны узнали, что в **Умани** появился из другого города человек **Михаил** с дочкой **Манечкой** лет десяти и старенькой мамой. Они украинцы, но он *гер* (т. е. еврейской веры). У него в том городе жена-еврейка погибла. Об этом никто не знал. Он меня взял к себе в дом и прятал от всех. Я с Манечкой спала в одной кроватке. С января 1944 года жила у них до освобождения Умани **8 марта 1944** года.

После освобождения.

Из десяти членов моей семьи нацисты убили девять человек, в живых осталась я одна. Устроилась на работу в военно-полевой госпиталь санитаркой в неполные 15 лет. Работала с большой охотой и ночами дежурила, когда надо было. Раненые меня хвалили, ставили в пример более взрослым санитаркам. Когда госпиталь должен был эвакуироваться в другое место, главный врач меня приглашала ехать с ними, но тётя Лена Троян не хотела этого. Говорила мне: «Ты – старый ребёнок. Ты пережила столько, сколько другой в сто лет не достанется».

Я получила комнатку и стала ещё с одной девушкой жить вместе. Работала курьером в горсовете Умани. Пришли письма от маминых братьев. Мои дяди, находясь на фронте, нас разыскивали. Я им ответила, что из всей нашей большой семьи осталась одна. Их семьи уже вернулись из эвакуации домой в Харьков. Мне выслали немного денег, и я одна на попутных машинах добралась до Киева, а оттуда в общем вагоне приехала в Харьков в семьи моих дядей. Здесь меня встретили криком, плачем, потому что семьи двух жён моих дядей погибли в **Умани** во время погромов. Отца тёти **Мани** (жены дяди Бориса) **Гершла Криворучко** (1890),

парализованного после инсульта, сбросили с обрыва в первом погроме в сентябре 1941 г., а её маму **Двойру Криворучко** (1895) и бабушку **Суру Криворучко** (1859) убили через десять дней в погроме 8 октября. У тёти **Жени** (жены дяди Леонида) фашисты убили в тот же день отца **Хаима Нумберга** (1894), мачеху **Бетю** (1905) и их четверых детей: **Дору** (1918), **Нину** (1929), **Нысла** (1932) и **Изю** (1936).

Жили в одной комнатке две жены моих дядей, сестра одной из них, трое детей: 2,5 года, 3 года, 4 года и я с ними.

После войны.

Наступил **1945** год. Мужчин не было. Я нянчила троих детей, женщины трудились на предприятиях. Но пришёл с войны вначале дядя **Борис Штракс,** инвалид без ноги, вернулся дядя **Леонид Штракс** без двух пальцев, за ним – дядя **Яков Штракс** с сильной контузией. Стало немного легче материально, дяди получили отдельные комнаты.

В 15 лет я пошла в русскую школу в 6-й класс, а до войны окончила 4 класса еврейской школы. Учиться мне было сложно, но перешла в 7-й класс. Поступила в техникум мясомолочной промышленности на бухгалтерское отделение и окончила его.

Уже живя в Харькове, я приехала в **1946** году в свой город **Умань** найти останки и похоронить свою маму с новорождённым ребёнком. Мне и 17 лет не было, но вместе с чужими людьми мы копали там, где они были засыпаны землёй. Точного места я не знала, но люди, не спеша, мне очень помогали. Среди них были врачи и оставшиеся в живых после войны евреи Умани. От моей мамы остались её красивые волосы в земле и песке, кости и маленькие косточки девочки, пуговицы от её халатика, и это всё. Все до одной косточки собрали. Раввин из синагоги составил *миньян*, и на специальных носилках, накрыв останки моей мамы и младенца чёрным покрывалом, мужчины отнесли их на еврейское кладбище. Там уже была выкопана могила. Их похоронили по всем еврейским обычаям. Я не уезжала, пока не поставили маме еврейский памятник и оградку на могиле. Я каждый год навещала могилку. И сейчас за ней присматривают. Да будет благословенна память моих погибших в Шоа матери и отца, сестёр и братьев, всех наших близких.

Вышла замуж в 19 лет за офицера **Соломона Гарбуза.** Он уже с нами, т. е. со мной и двумя детьми-двойняшками (1950), поступил в авиационную академию в Харькове и окончил её с отличием. Мужа направили служить в Одессу, потом по службе мы объехали Запорожье, Читу, Иркутск, Белую, опять Иркутск и Харьков. На **Белой** я работала старшим бухгалтером. Окончила финансово-экономический факультет в **Иркутске**. Работала в корпусе дальней авиации до самого выхода в отставку моего мужа в звании подполковника авиации. В Иркутске наша дочь **Инна** окончила институт Народного хозяйства, а сын **Александр** – политехнический институт.

До самой смерти моих дорогих спасителей **Дмитрия** и **Лены Троян** в 1970-х гг. я ежегодно приезжала в Умань к ним и на могилу матери и сестрички.

В 1972 году мы с мужем и сыном вернулись в г. **Харьков**. Работали оба в Управлении связи г. Харькова: Соломон – старшим инженером, я – старшим экономистом.

В Израиле.

В **1995** году мы с мужем и семьёй дочери репатриировались в Израиль. Сын живёт в Харькове. Муж дочери умер в 2010 г. Сыновья её (мои два внука) отслужили нашу армию в Израиле. Растут три правнука. Мы любим нашу землю. Только бы нас не трогали.

Моя семья Швец. В нижнем ряду: (справа налево) я – Дора и сестра Милка. В среднем ряду: (справа налево) брат Натанчик, папа Исрул-Лейб, мама Инда-Лея с сестричкой Ховэлэ,сестра Рухэлэ. В верхнем ряду: (слева направо) брат Ицик, мамин брат Яша, мамина кузина Рива. 1938 год. Умань.

14.

Бирман Яков
*(с. **Балановка** Бершадск. р-на)*

ВСЯ МОЯ СЕМЬЯ ПОГИБЛА В БАЛАНОВКЕ

Довоенная жизнь.

До войны наша семья жила в своём доме в молдавском селе **Бутешты** Глодянского р-на тогдашней Бессарабии. В селе издавна обитали высланные из России русские старообрядцы и их потомки. Папа **Михаил Ильич Бирман** (1908) родился в образо-

ванной семье в городке на границе между Молдавией и Украиной, все мужчины в их роду были юристами. Папины сёстры **Люба** и **Елизавета** учились. Елизавета и папины братья **Шуня** и **Симха** жили в Черновицах и стали активными коммунистами, кроме сионистки Любы, уехавшей в Палестину. На коммунистов в королевской Румынии были гонения. Коммунистку Елизавету Вайсман (фамилия первого мужа) судили и приговорили к тюремному заключению. Её выкрали из тюрьмы и спрятали в селе Костешты. В середине 30-х годов она выехала из Румынии и участвовала в Испанской войне, в Испании вышла замуж за коммуниста Василия Лука. Тётя Елизавета была подругой Долорес Ибаррури. После поражения Испанской республики в 1939 году Елизавета и Василий жили в Москве, спасли и привезли с собой ребёнка французского коммуниста, приговорённого к расстрелу.

Мама **Роза Гершковна**, папина ровесница, держала вместе с папой небольшой магазин. На ней были заботы о домашнем хозяйстве и детях: моей старшей сестре **Зине** (1931) и мне, **Якове Бирмане** (20 июля 1938). Мои родители были грамотными людьми, но без особого образования. В семье говорили на идише и по-румынски (фото на стр. 121).

Мамины родители, дедушка **Герш Розберг** и бабушка **Туба** (девичья фамилия Аккерман), жили в с. **Костешты** Рышканского р-на Бельцкого уезда, рядом с Бутештами. Дедушка был состоятельным хозяином: он владел винодельней, землёй и двумя уборочными комбайнами. У матери были братья **Мойша** (1909) и **Шая** (1912) и сестра **Маня** (1910). Что стало с собственностью дедушки после прихода советской власти в 1940 году, не знаю из-за малого возраста, но его не выслали.

Начало войны и оккупация.

В начале войны, в **июне 1941** года, румынские оккупанты вошли в наше село **Бутешты**, выселили всех евреев из их домов, построили и погнали в сторону Украины. Тем, у кого были подводы, разрешили ехать, остальные шли пешком. Мы двигались на нашей подводе: мама с папой, я с сестрой Зиной, мамины брат Шая и сестра Маня с мужем **Авигдором** (Виктором) и дочкой **Тоней** (1930). Были с нами в колонне дедушка Герш и бабушка Туба, которых с евреями из Костешт присоединили к общей колонне. Проехали гор. **Сороки** и перешли по мосту через **Днестр**. Здесь телеги и лошадей отобрали.

В Балановском гетто.

В Винницкой области нас привели в село **Балановка** Бершадского р-на, где фашисты устроили лагерь для евреев. Весь переход от Бутешт до Балановки тянулся 2-3 месяца. Помню, в Балановке ходили немцы и румыны. Поместили нас в бараках. На стене нашего барака висела вязанка лука, я его воровал и ел, поэтому, может, и выжил. Люди голодали, нас не кормили, но всех заставляли работать.

В Балановке началась эпидемия тифа, которая ежедневно уносила жизни евреев.

В **1942** году умерли в Балановском гетто дедушка **Герш Зейликович Розберг** (1885) и бабушка **Туба Михайловна** (1890). После них в **1943** году погибли от голода и болезней мои дорогие родители: отец **Михаил Бирман**, мать **Роза**, прожившие всего по 34 года, и любимая сестра **Зина**, двенадцатилетняя девочка. В том же году немцы застрелили мужа тёти Мани **Авигдора Бирбрегера** (1907). Выжили в лагере четверо из семейства: дядя Шая, тётя Маня с дочкой Тоней и я, ставший полным сиротой.

Мы узнали о том, что Международный Красный Крест будет вывозить детей из гетто. Зимой, в начале **1943** года, сирот из Балановки, и меня в том числе, отправили в Бершадь, на сборный пункт. Привезли нас к ночи, а помещение для стольких детей не было подготовлено. Взрослые сопровождающие стали раздавать детей временно по людям, по домам. Меня определили в какую-то семью. Моя тётя Маня наняла мужчину с повозкой, они приехали в Бершадь, нашли меня и выкрали. Впоследствии стало известно, что хозяйку, у которой я жил, румыны посадили в тюрьму за пропажу ребёнка. В Балановке тётя Маня передала меня дяде Шае. Дядя Шая Розберг женился в гетто на любимой девушке **Анне** (1925), пригнанной с братом в Балановку из пос. Фалешты, и Шая и Аня меня усыновили. Шая просил называть их дядя и тётя. Анин брат **Лёва** (1921-22) был связан с коммунистами, с партизанами.

После освобождения.

Когда в **марте 1944** года пришло освобождение, Лёва сразу же отправился с проходящими войсками воевать с фашистами. В Красной армии он был арестован за неосторожное слово и отправлен в штрафную роту также и за то, что находился «на временно оккупированной врагом территории».

Из Балановского лагеря я с приёмными родителями вернулся в Молдавию, в посёлок **Фалешты**, здесь жили родители тёти Ани: дедушка **Залман Фельдман** и бабушка **Лея**. Мы вместе жили в их доме. После гибели моих родителей не осталось никаких документов о дате моего рождения. В ЗАГСе посмотрели мои зубы, спросили меня, когда приблизительно я родился, и записали в свидетельстве то, что я выбрал сам: 20 июля 1938 года и папину фамилию.

Послевоенная жизнь.

Помню тяжелейшие послевоенные годы. Люди ходили полураздетыми, был большой голод. У родителей тёти Ани имелись корова, овцы, огород, и нас эта беда обошла. Тётя Аня работала бухгалтером, дядя Шая чем-то торговал. 1 сентября **1945** года я пошёл в школу и начал учить русский язык. Я не чувствовал себя сиротой, ко мне замечательно относились все, особенно тётя Аня и бабушка Лея. Бабушка говорила, что я ангел, посланный ей вместо сына Лёвушки, сидящего в советской тюрьме. Сестра тёти Ани **Голда**, образованная и владевшая языками, в годы войны служила в контрразведке. Она сумела найти Лёву и добиться его освобождения. Бабушка Лея успела повидать сына и умерла. Дедушка Залман вторично женился и уехал в Черновцы.

Из Фалешт мы с дядей Шаей и тётей Аней переехали в гор. **Бельцы**. Своих детей у них не было, и они воспринимали меня как родного сына. Они в самом деле были мне самыми близкими людьми. Дядя Шая работал экспедитором по перевозкам вина, а тётя Аня работала кондуктором автобуса. В школе мне запомнился классный руководитель Ефим Фроймович Фукс, учитель английского языка. Окончил среднюю школу, поступил в Сорокский сельхозтехникум, получил специальность механика. С **1958** года служил три года в Советской армии сержантом в ракетных войсках. Вернулся в Бельцы, работал слесарем-монтажником башенных кранов, был назначен начальником участка башенных кранов, отвечал

за установку и работу 33 башенных кранов на севере Молдавии. Работал главным диспетчером, а затем главным механиком стройуправления.

В послевоенной Румынии Василий Лука стал министром финансов Румынии, а тётю Елизавету Лука избрали председателем Общества румынских женщин. Своих детей у Василия и Елизаветы не было, и они взяли на воспитание четверых сирот. Спасённый ими французский мальчик остался в СССР, вырос и работал преподавателем Бельцкого пединститута.

Я женился в **1965** году в Бельцах на девушке **Тане** (1944), выпускнице лаборантского отделения медучилища. Жена работала на эпидемстанции. Родилась в **1968** году наша дочка **Розалина** (Лина). Лина окончила Бельцкий пединститут.

Мамина сестра **Маня** работала учителем начальной школы и удостоена звания «Заслуженный учитель МССР». Её дочь **Тоня** умерла при родах, но ребёнка спасли. Двое детей Тони живут в Израиле. Моя приёмная мама **Анна Залмановна** умерла в Бельцах в **1987** году.

В Израиле.

В июне **1990** года мы с женой, семьёй дочери и 80-летним дядей Шаей репатриировались в Израиль. С первого дня живём в гор. **Реховоте**. Я работал 9 лет в гор. Явне на кабельном заводе оператором на станках, жена – на упаковке фруктов, ей было тяжело, она заболела. Дочь **Лина** заведует библиотекой в педагогическом колледже «Ахва». Моя внучка **Марьяна** в Будапеште изучает медицину, следуя за отцом-медиком, внучки **Иланит** и **Тали** – ученицы.

Мамин брат **Моисей** (Мойша) в 1990 году тоже приехал в Израиль. Мой приёмный папа **Шая Гершкович** жил и умер в гор. **Реховоте** в **2001** году, в 2002-м ему исполнилось бы 90 лет.

Семья Бирман. Сидят (справа налево): отец Михаил Бирман с Яковом на руках, мать Роза; мамины родители: бабушка Туба, дедушка Герш; мамина сестра Маня. Стоят: (справа) мамин брат Шая Розберг, (слева) муж тёти Мани Виктор Бирбрегер и Мойша, мамин брат. Дети: девочка с бантом – сестра Зина, мальчик в матроске – племянник, на переднем плане – дочь тёти Мани Тоня. 1939 год. С. Бутешты, Бессарабия.

15.

Вайнштейн Анатолий и Вайнштейн Ольга

*(хут. **Балки** Барского р-на и с. **Яруга** Могилёв-Подольского р-на)*

ВОЙНА УКРАЛА НАШЕ ДЕТСТВО

Довоенная жизнь.

Я родился в семье **Вайнштейна Моисея** и Вайнштейн **Хайки** в большом селе **Клишковцы** Хотинского р-на Черновицкой области Украины. В селе, кроме украинцев, жило много евреев.

У нас была большая семья – родители, четыре сестры и два брата: **Соня**, **Люба**, **Фаня** (1922) и **Оля** (22 февраля 1927), я – **Анатолий** и **Шмулик**. Мы, братья-близнецы, родились **22 июня 1935** года (фото на стр. 125).

Папа работал портным-скорняком, шил на дому овчинные тёплые кожухи. Мама занималась хозяйством и растила нас, шестерых детей. Жили небогато. Своего дома у нас не было, и мы снимали квартиру в большом многоквартирном доме, принадлежавшем богатому украинцу. Мы звали его за глаза Куркулём. Семья была дружной, и мы, дети, во всём помогали родителям. Сёстры, к примеру, делали дома мороженое для заработка. Они готовили его к праздникам и возили по сёлам на продажу. Помню, что старшие сёстры работали также на сельскохозяйственном участке у Куркуля в счёт квартирной платы. И всё это наряду с учёбой в школе. Им было нелегко.

В семье говорили на идише, русском и украинском языках. Дома соблюдались еврейские обычаи, праздновались все еврейские праздники. Родители верили в Бога. В большой синагоге папа был старостой. Помню, он водил нас в *микву* (небольшой бассейн для ритуального омовения). Вечер в пятницу был святым, в субботу отдыхали, и мы играли. Я всегда гордился, что я и семья – истинные евреи.

Начало войны и оккупация.

Война началась для моей семьи в нашем селе **Клишковцы**. **22 июня 1941** года мне и брату исполнилось ровно шесть лет. Помню: первое, что сделали румынские оккупанты, когда заняли Клишковцы, – собрали всех евреев и выслали нас под конвоем румынских солдат из села. Прошли **Новоселицу**, потом в **Сокирянах** нам сделали привал. Было много обессилевших пожилых людей. Конвоиры им сказали: «Останьтесь и ждите подводы, вас привезут». Тут их позже и убили. Перепра-

вились через Днестр. Мы шли неделями в большой колонне. Нас не кормили. На остановках и ночлегах мои сёстры Соня и Люба потихоньку отлучались и ходили, прячась в кустах, в ближние сёла попрошайничать, что-то приносили поесть.

В двух гетто.

Так наша семья: мама, папа и 6 детей – попала в гетто с. **Яруга** Винницкой области УССР. Недолгое время, проведённое в этом гетто, было страшным. Нам было запрещено выходить из гетто. Жили мы в сарайчике, испытывали голод, холод, и не верилось, что выживем. Местные жители кормили нас, помогали нам.

Нас гоняли на разные сельхозработы. Постоянно хотелось есть, и было трудно вставать и идти на работу в поле. Все мечтали, чтобы пришёл день, когда на столе будет оставаться кусочек хлеба и не надо будет подбирать крошки.

Евреи в гетто жили дружно, делились едой, одеждой. Мы понимали, что нас заключили в гетто, потому что мы евреи. Меня и родных всегда сопровождало чувство страха, что могут избить или отобрать то, что тайком принесли с поля.

Папа **Вайнштейн Моисей** заболел тифом и умер в гетто зимой **1941** года. Многие из большой колонны умерли в гетто от болезней.

Через несколько месяцев нас отвели в село **Балки** Барского р-на Винницкой области и поместили в большие неогороженные казармы, и в этом гетто мы прожили до марта 1944 года. Сторожили нас румыны. Эти казармы были переполнены людьми, жившими семьями. Руководил евреями назначенный румынами староста Вайнштейн (наш однофамилец): распределял людей на работу, следил за порядком, наказывал детей. Сёстры ходили по району, выпрашивая еду. И я однажды пошёл за мёрзлой картошкой и принёс её маме. Помню, что местные жители нас подкармливали, относились к нам с сочувствием. Благодаря им большинство евреев и жило. Зимой всегда было очень холодно. Множество людей погибло в Балках от холода и болезней, может, половина из более тысячи евреев, пригнанных из Хотинского района.

Через Балки летом 1941 года проходил фронт, и мы, мальчишки из гетто, занимались тем, что находили и взрывали патроны, заводили брошенные немецкие мотоциклы, искали оружие. У меня был свой пистолет, я его выбросил в Днестр в 1944 году.

После освобождения.

После освобождения в **марте 1944** года я с больной мамой, сёстрами и братом отправился домой. Нас посадили в Балках на поезд, и мы доехали до **Новоселицы**. Оттуда шли пешком, по пути нас принимали и кормили украинские семьи, давали ночлег. Мы очень радовались, когда наконец-то добрались до родных мест, в село **Клишковцы**, хотя наша квартира был полностью разграблена и вдобавок занята другими людьми. У нас был страх, как мы будем жить дальше при советской власти. С помощью властей жильё нам вернули. Мы начали свободную жизнь на голом полу, но постепенно некоторые односельчане вернули нам часть украденных в 1941 году вещей. Затем мы перешли жить к маминой сестре, у которой в Клишковцах был дом.

Война украла моё детство, и это обидно. В сентябре 1944 года мы с братом в 9 лет пошли в первый класс, продолжила учёбу и сестра **Оля**.

Послевоенная жизнь.

Сёстры **Соня** Вайнштейн и **Люба** Вайнштейн умерли от болезней сразу после войны, в **1945** году. Мои бедные сёстры тоже могут считаться жертвами Катастрофы еврейского народа. Их тяжёлые болезни и смерть в молодости последовали после пребывания в двух фашистских лагерях, где они провели три голодных и холодных года, занимались тяжёлым подневольным трудом. После окончания школы сестра **Оля** работала в почтовом отделении служащей, а потом телефонисткой. **Фаня** занималась разными простыми работами. Брат **Шмулик** окончил семилетку и пошёл работать.

Я окончил десять классов в Клишковцах, поступил в строительный техникум в Черновцах. Семья делала всё, чтобы у меня была возможность учиться. Прошёл службу в Советской армии. После окончания армейских специальных курсов обеспечивал наземную связь в военной авиации на Дальнем Востоке. Пока я служил, семья переехала жить в Черновцы, и я приехал после армии в **Черновцы**. Мама, две сестры и мы с братом жили в одной комнате площадью 18 квадратных метров, сами устроили кухоньку под лестницей. **Фаня** вышла замуж и уехала с мужем в с. Фалешты (Молдавия). Я продолжил трёхлетнюю учёбу в техникуме, мне очень помогала учиться сестра Оля. Она работала телефонисткой до самого отъезда в Израиль, семью так и не создала.

В **1965** году я женился. Моя жена **Соня** была тогда учащейся Новоселицкого медучилища. По окончании училища работала акушеркой в Черновцах.

Мама **Хайка** умерла в сентябре **1965** года.

Получив диплом строителя, я жил в Черновцах и работал в строительном учреждении 17 лет в **Новоселице**. Первый сын **Моше** родился в **1966** году, второй сын **Хаим** – в 1971-м. Как принято, назвали детей в память о папе Моисее и маме Хае.

В Израиле.

Я с женой, сыновьями и сестрой **Олей** репатриировался в Израиль в **1978** году. Мы приехали жить сразу в город **Реховот**, и мы здесь уже 35 лет. Тогда город был сплошной апельсиновой плантацией. Строить новые здания в Реховоте начали лет пятнадцать назад. Я работал техником в строительной фирме и проработал по специальности 17 лет. Началось ухудшение слуха, появилась гипертония, и я вынужден был сменить работу. Продолжал работать водителем автопогрузчика на молочной фирме в Реховоте ещё 17 лет.

Старший сын – зубной техник, младший – окончил колледж Бар-Иланского университета, стал инженером-строителем, сейчас – гендиректор строительной компании. Сначала родились 4 внучки, затем у старшего Моше родился сын, а у Хаима – два сына-близнеца. Так что у нас 7 внуков, ждём правнуков.

Ольга жила в **Реховоте**, работала на заводе «Тадиран», получила социальное жильё. Она ездила с нами на море, отдыхать, мы навещали друг друга. Она умерла 6 января **2010** года. Сестра **Фаня** приехала в Израиль в **1990** году, жила в **Ашдоде**

и ушла из жизни в **2011** году. Брат **Шмуэль** с семьёй репатриировался ещё в **1973** году и живёт в гор. **Мигдаль ха-Эмек**.

*

До сих пор остался внутренний страх и мысль, чтоб, не дай Бог, подобное не повторилось, чтоб мои дети, внуки, их дети никогда не знали, что такое оккупация, гетто, голод, холод! После этих воспоминаний о Катастрофе для книги у меня будут несколько бессонных ночей. Прошлое не отпускает так легко.

Семья Вайнштейн. Сидят (справа налево) брат Шмулик, отец Моше, сестра Оля, мать Хайка, брат Анатолий, стоят (справа налево) сестра Соня, сестра Люба, сестра Фаня. 1939-40 гг. С. Клишковцы.

16.

Шамир Клара
*(хут. **Балки** Барского р-на)*

МЫ ВЫЖИЛИ ЧУДОМ

Памяти моих родителей Сары и Шмаера Коверман
Всем родственникам и землякам моим – живым и мёртвым – посвящаю свой рассказ

Довоенная жизнь.

Родилась я, **Хайка** (Клара) **Коверман** (в замужестве Шамир), **17 апреля 1937** года в маленьком селе-местечке **Владычна** Хотинского р-на Черновицкой области

Украинской ССР. Владычна было селом сельскохозяйственных работников, кустарей, портных, сапожников, со своей синагогой и *миквой* (помещение с небольшим бассейном для ритуального омовения), а также с большим сахарным заводом – местом работы многих сельчан: евреев и украинцев. Местечко жило еврейской жизнью, была еврейская община. По субботам большая синагога заполнялась народом. Венчались под *хупой* (навес, под которым происходит обряд бракосочетания), отплясывали свадьбы и на улицах, и на столах.

У маминых родителей, дедушки **Элиягу** (Эли) **Шатхина**, уважаемого во Владычне раввина, и бабушки **Рахели**, было 9 детей и удочерённая сирота **Зина**. Бабушка происходила из интеллигентной семьи, её отец работал архитектором в гор. Каменце-Подольске, жил богато и часто помогал большой семье Рахели и Элиягу. В дедушкином доме неукоснительно соблюдались все законы еврейской жизни.

Кларина семья. Стоят (слева направо): папа Шмаер Коверман, мама Сара с Хайкой (Кларой) на руках, мамин брат Сруль Шатхин, его жена Маля, бабушка Рахель Шатхин, дедушка Элиягу Шатхин. Сидят (в 1-м ряду справа налево): Борис Шатхин, его жена Това, мамина сестра Гитл; (во 2-м ряду справа налево): приёмная дочь Зина, мамина сестра Люба, мамин брат Тувья, мамина сестра Хана, мамин брат Шопса. 1938 г. С. Владычна.

Моя мама **Сара** (1896) получила еврейское образование в гимназии, знала Тору, немецкий язык.

Корни моего генеалогического древа по отцовской линии уходят в село **Клишковцы** Хотинского р-на, где предки папы занимались изготовлением ковров, отсюда и их фамилия Коверман. Отец **Шмариягу** (Шмаер) **Срулевич Коверман** (1900) был очень красив собой и очень любил маму и меня. После женитьбы мама и папа купили продуктовый магазин во Владычне и вдвоём работали в нём. Зарабатывали

на жизнь, жили в любви и согласии. С помощью родных приобрели пятикомнатный дом. Когда я появилась на свет после 13 лет их супружеской жизни, веселье было на всей улице.

Мы с мамой всегда вспоминали блюда тех лет: толчёную фасоль с гусиными шкварками, пироги из тыквы, из кукурузной муки (*малай*), мамалыгу с брынзой и, конечно, праздничную еду – *гефилте фиш* (фаршированная рыба) и *геакте лейбер* (печёночный паштет). Мацу пекли сами под руководством дедушки Эли, участвовали все братья и сёстры, одетые в белые халаты. Мы, дети, наблюдали за дружной работой наших родителей.

В нашей семье свято соблюдались суббота, праздники и посты. В субботу стол был накрыт праздничной скатертью, ставили самовар, коржики с маком, душистый малай со сметаной, а моя мама давала сольный концерт. Она обладала на редкость задушевным голосом и очень хорошо пела еврейские песни. Папа тоже пел лирические и хасидские песни. Мама участвовала в жизни общины, она собирала пожертвования в пользу еврейской организации «Керен кайемет» для покупки земель у арабов в тогдашней Палестине.

Начало войны и оккупация.

В жизни любого человека есть такие мгновения, такие страницы, к которым невыразимо трудно даже прикоснуться, тем более сделать достоянием других. В моей жизни это тысячи страниц войны!

В **июне 1941**-го мне было четыре года, но не забуду встревоженный взгляд отца и слёзы матери при известии о начале войны. Как быть? Но нашу судьбу решили немецкие оккупанты и их румынские союзники. Этапом румынские фашисты погнали длинную колонну евреев **Владычны** в лагеря и гетто. Румыны выбрали для евреев более «гуманный» способ массового умерщвления – голод. На всём многодневном пути у нас не было ни еды, ни воды, кто отставал – пристреливали на месте. Настал момент, когда дедушка Эли уже не мог идти, и его забрали на расстрел. Мой дядя Борис Шаткин подошёл к жандарму, отдал ему всё золото, что было, и попросил отпустить его папу и посадить его на телегу. Дедушку по приказу жандарма посадили на телегу, и он ехал за колонной.

Помню, мы проходили через молдавские сёла, и местные жители заранее закрывали колодцы брёвнами, чтобы евреи не могли попить. В молдавском посёлке **Атаки** нас заставили снять всю верхнюю одежду. Полицаи били людей, травили собаками и отбирали оставшиеся вещи. В этом марше на выживание шла вся наша семья, кроме трёх маминых братьев. Мои дяди **Сруль**, **Тувия** и **Шопса** сумели сбежать на лошадях до того, как евреев собрали в колонну. Когда мы проходили через украинские сёла, крестьяне приносили нам варёную картошку, куски хлеба, воду в бутылках, сочувствовали нам.

Примерно в то же время по другим дорогам гнали колонну евреев из села **Клишковцы**, в которой шли родные отца. По пути в Транснистрию **осенью 1941** года погибли пожилые папины родители: дедушка **Коверман Авраам** (1865) и бабушка **Хайка** (1875), а также папин брат **Абрам** (1895).

В гетто.

Нас привели в гетто в селе **Балки** Барского р-на Винницкой области. Распоряжались в нём румынские фашисты. Гетто было огорожено колючей проволокой. Вокруг него стояли дома украинцев. Еврей, вышедший из гетто, подлежал расстрелу. Выпускали только тех, кого забирали на работу. На головах у мужчин и женщин выстригали парикмахерской машинкой крест, чтобы усложнить побег из гетто. Издевательствам не было предела. Всех мужчин и женщин раздевали догола и заставляли «делать дезинфекцию» – обливаться холодной водой в морозные дни.

Заключённые в гетто жили в бывших конюшнях с дырами вместо украденных окон и дверей. Лили дожди, было очень холодно, а нашу верхнюю одежду отобрали ещё в дороге. Костры, чтобы согреться, разводили прямо внутри конюшен. Главным палачом, самым дешёвым орудием уничтожения стал, как и на пути сюда, голод. Я была маленьким ребёнком, но хорошо помню: холодное утро начиналось с того, что нечего было есть. Колючая проволока проходила за вишнёвыми деревьями, и с них падали на землю засохшие вишни. Я разбивала камушком их косточки и ела ядрышки.

Спасал нас корм для лошадей, а также жондра (полкилограмма кукурузной муки на ведро кипятка, без жира и соли). Эту похлёбку выдавали на организованной юденратом (*нем.* «еврейский совет») общественной кухне. Длинная очередь выстраивалась с полуночи. Далеко не все в ней доживали до утра. Кушали выброшенную с румынской кухни картофельную кожуру, мама варила её с добавлением кукурузной муки, делала из неё лепёшки. Смертельно опасными были ночные походы в село, чтобы выменять на еду оставшиеся украшения: кольца, серьги, часы.

От постоянного недоедания, холода и болезней ежедневно умирали десятки, случалось, и сотни людей. В **1942-начале 1943** годов в гетто разразилась эпидемия сыпного тифа. За несколько месяцев погибли более четырёх тысяч человек. Среди них были и мои родные: дедушка **Элиягу Шатхин** (1862), бабушка **Рахель Шатхин** (1872) и мамина сестра **Либа** (Люба) **Шатхин** (1911).

В **1942** году детей из гетто забрали в немецкий госпиталь в **Могилёве-Подольском** якобы для прививки от болезней, но впоследствии выявилось, что над нами ставили «медицинские» опыты. Занимались этим немецкие врачи. Надо мной они проводили эксперименты на щитовидной железе: с помощью уколов вызвали у меня базедову болезнь. Нас продержали в госпитале две недели, делали много инъекций и наблюдали за нами. После возвращения в гетто я не переставала плакать день и ночь без причины. В послевоенное время меня долгие годы лечили от болезни щитовидной железы.

Румыны отправляли евреев на принудительные работы: папу в группе мужчин взяли на разработку торфа в районе гор. **Тульчина**. Это было страшное место: многие умирали там, слабых и больных убивали.

Самой большой радостью были дни, когда удавалось подработать за мизерную плату или за кусок хлеба. Мама была счастлива, когда её из гетто взяла на работу украинская семья из Балок. Хозяйку звали мадам **Баратынская**, и её сын служил в СС, поэтому им дали рабочую силу из гетто. Работа была хуже каторги: мама

ухаживала за скотом, месила ногами глину для постройки свинарника, а также варила и убирала. Немолодая хозяйка была очень довольна маминой работой, и, когда однажды мама попросила разрешения прийти с дочкой, чтобы ей было спокойнее работать, мадам согласилась с условием, чтобы я тихо сидела в каморке. Именно в этот день в село пришли на постой немцы, и в доме Баратынской разместился армейский немецкий генерал с молодым денщиком. Мама была рядом с хозяйкой, когда денщик говорил Баратынской, что приготовить генералу на обед из немецких продуктов. Он приказал сделать яичницу с беконом. Мама шепнула хозяйке: «Я знаю, что он хочет». Когда еда была готова, денщик спросил у мадам, откуда та знает немецкий язык. Баратынская жестами объяснила, что не говорит по-немецки, но у неё есть работница, которая владеет немецким языком. У мамы от страха оборвалось сердце, она больше всего боялась за меня. А я в это время сидела в каморке, но помнила мамины слова: «Молчи, иначе нас убьют». Дети войны взрослели быстро, понимали, что от наших поступков зависит порой жизнь: приходилось прятаться, и нельзя было говорить, кричать, плакать. Вызвали маму, спросили, кто ты и откуда знание языка, она заплакала и ответила: «Я учила немецкий в гимназии, я еврейка». На счастье, немец нуждался в маминой помощи на кухне и сказал: «Не бойся, я не убью тебя. Ты будешь готовить всё, что я скажу». Денщик Фриц рассказал маме, что у него в Германии жена и маленькая дочь. Мама призналась, что и у неё есть дочка. Однажды он пришёл в каморку, я и мама задрожали от страха. Он дал мне кусочки сахара, длинную шоколадку, взял меня на руки и сказал маме: «Такую девочку я оставил дома». Фриц спел мне детскую песенку, и из его глаз полились слёзы. Я оторопела, всё это мне показалось чудом, и я до сих пор это помню. Как совместить его естественное доброжелательное отношение к ребёнку с тем, что я видела по пути в лагерь и в Балках: безжалостные расстрелы, убийства и издевательства над людьми? Он ещё не раз приходил по вечерам ко мне, приносил кусочек сахара, называл «дочка» и пел песенку.

Мы с мамой тогда спаслись, живя с немцами в одном доме, но впереди нас ждала большая беда. В лагере смертельно избили папу за попытку взять несколько досок от забора, чтоб спасти детей от холода. Он не смог выжить после страшных побоев: его тело было синим, ему отбили лёгкие, он плевал кровью. В начале **января 1944** года мой отец **Шмаер Коверман** скончался в муках в гетто **Балки**, а ему было всего 43 года. Случилось это почти перед нашим освобождением из заключения.

Перед отступлением немцев **Фриц** буквально спас мне и маме жизнь. Немцы, уходя, вынуждены были бросить в Балках несколько грузовых машин с продовольствием и обмундированием, но они их тайком заминировали со всех сторон. Фриц перед отходом сказал только маме: «Сара, если ты хочешь жить, не ходи к машинам с продуктами. Тогда у твоей дочки будет мама». Местные жители после ухода немцев побежали к машинам. Мама еле удержала свою хозяйку Баратынскую, которая рвалась за даровыми немецкими продуктами. Лишь когда грузовики, облепленные и окружённые людьми, взорвались и унесли многие жизни, Баратынская, сын которой ушёл с немцами, поняла, что её ждало и как она спаслась.

Освобождение.

В середине **марта 1944** года в гетто вошли советские войска. Отправиться домой было не в чем, и мама пошила мне из кусков немецкой шинели тапочки, а себе из плащ-палатки – юбку.

Во **Владычне** наш дом уцелел, но был разграблен. К счастью, один из соседей вернул маме швейную машинку, и мама шила односельчанам одежду за хлеб, яйца, молоко. Мы постоянно чувствовали, как нам не хватает отца, без него было очень тяжело, жили бедно. В восемь лет пошла в первый класс, училась очень хорошо. В украинской школе меня стали звать Кларой, и это имя закрепилось за мной в дальнейшем. Мама работала в сельпо бухгалтером.

Послевоенная жизнь.

После окончания войны были получены извещения из Красной армии на трёх маминых братьев, которые летом 1941 года совершили побег из Владычны, перешли линию фронта и влились в наши кавалерийские войска. Братья **Шатхин Сруль** (1918) и **Шатхин Тувия** (1919) воевали и в ходе боя пропали без вести в **1941** году. Брат **Шатхин Шопса** (1921) погиб в бою в **1941** году. Был убит на фронте в **1942** году и муж маминой сестры Гитл **Берман Гецель** (1902). Мамины братья **Муня** и **Борис** (был призван в 1944 г.) сражались и вернулись с войны.

Окончила школу с золотой медалью (её у меня отобрали советские пограничники при выезде в Израиль). Мы с мамой переехали в гор. **Черновцы**, где я окончила Черновицкий индустриальный техникум по специальности технолог по обработке металла и заочно – Ивано-Франковский Технологический институт. Работала по специальности на заводе «Легмаш», конструировала машины для производства трикотажа, чулочных изделий. Их покупали фабрики всей страны.

Вышла замуж в Черновцах в **1958** году за молодого человека **Иосифа Шмойша**. Родители мужа с Иосифом в годы оккупации находились в гетто с. **Озаринцы** Могилёв-Подольского р-на. Муж работал инженером-техником по обработке газа на газораздаточной станции.

У нас родились замечательные девочки: **Александра** (1961) и **Лиора** (1965). Жили в двух комнатах: дети с мамой в одной и мы в другой. Все мои родные уже уехали в Израиль, и хотелось соединиться с ними. Мы почувствовали антисемитизм в последние годы перед отъездом.

В Израиле.

В декабре **1973** года я с мамой, мужем и детьми приехала в Израиль. Мы с Иосифом взяли себе фамилию **Шамир**. Нам сразу в аэропорту предложили жить в гор. **Реховоте**, дали квартиру, и мы согласились, даже не зная, где это. Все соседи по дому пришли к нам и принесли кто обогреватель, кто мешок апельсинов, кто еду, кто сок. Мэр города **Рехтман** пришёл с женой посмотреть, как мы устроились. Он позвонил, и нам привезли кровати, тарелки, стаканы. На другой день жена мэра, знавшая идиш, отвезла маму в больницу на лечение ног. Полгода учили иврит. В **1974** году я была принята на работу по специальности на завод «Эль-Оп» («Электро-Оптика»). Успешно трудилась 22 года: получила звание заслуженного технолога и Золотую медаль от организации «Наамат» (самая крупная организация трудящих-

ся женщин в Израиле), в компании «Эль-Оп» удостоена звания «Женщина года в области технологии-1983» и награждена поездкой в Швецию.

По окончании школы дочь **Шурочка** служила в Армии обороны Израиля и стала офицером, а дочь **Лиора** – рядовой. Шура окончила университет и работала замдиректора банка в Тель-Авиве. Лиора окончила университет по специальности «Компьютеры» и работает в колледже «Гиват Вашингтон».

Мама **Сара** умерла в **1983** году, она прожила 87 лет, десять из них – в Израиле. Неожиданно оборвалась жизнь моего супруга **Иосифа**, умершего от инфаркта в **1992** году в возрасте 60 лет. Потом снова горе – после тяжёлой болезни в **2001** году ушла из жизни моя старшая дочь **Александра**. Пусть будет благословенной и вечной память о моих родителях, муже и дочке.

У меня второй муж, **Моше**, он родился в Израиле. У нас общие интересы. Сейчас я пенсионерка. У меня пять любимых внуков: две девочки и три мальчика. Один из них окончил службу в армии, двое служат сейчас, внучка учится в университете, другая – в школе. Два моих внука побывали с одноклассниками в Польше, посетили бывшие концлагеря на её территории.

*

В годы Катастрофы мы были молоды и вопреки всем ужасам хотели жить. Мы верили, что Красная армия придёт и спасёт нас. Мы выжили чудом в Катастрофе, чтобы поведать миру о том, что случилось с нами, с нашим народом. Благодаря этой книге имена павших моих родных навеки останутся не только в памяти близких, но и в истории моего народа.

Дочь Клары Шамир Александра, офицер Армии обороны Израиля.

Дочь Клары Шамир Лиора, рядовая Армии обороны Израиля.

Клара Шамир – победитель конкурса «Женщина года в области технологии» от компании «Эль-Оп». 1983 г. Реховот

17.

Крайз Арон
(г. Бершадь)

ХРАНЮ ПАМЯТЬ О ПОГИБШИХ РОДНЫХ

Довоенная жизнь.

До войны наша семья жила в местечке **Липканы** Хотинского уезда Бессарабской губернии, в тогдашней Румынии. Отец **Янкель Лейзерович Крайз** (1910) в домашней швейной мастерской работал портным по пошиву и ремонту одежды. Его услугами пользовались местные еврейские и молдавские жители. Мать **Роза Хаимовна** (1912) была домашней хозяйкой и, кроме того, умея шить на швейной машине, помогала отцу в работе. Нас у мамы и папы было четверо детей: братья **Лейзер** (1935), **Аврум** (1937), я – **Арон-Бенцион** (22 января 1939) и сестричка **Сара** (Сурочка) (1940). Старшие братья помогали родителям заниматься нами, младшими детьми. Говорили дома только на идише. Жили мы в собственном доме на Бульварной улице, но достаток семьи был очень скромным. Традиционно в еврейские праздники собирались в большом доме на Ларгской улице у маминых родителей: дедушки **Хаима Каца** (умер перед войной) и бабушки **Хаи**, людей религиозных, и всей семьёй праздновали. Мама была старшей из пяти их детей: её брат Айзик умер задолго до войны, неженатые братья **Исаак** (1924), **Куни** (1927-28) и младшая сестра **Двося** (Дора) жили с родителями. Дедушка и бабушка были богатыми людьми: владели землёй, стадами скота и были против брака дочери Розы с бедным портным – чужаком из **Хотина**, но она настояла на своём выборе и лишилась помощи бабушки, которая управляла всей собственностью. Дедушка много времени проводил в синагоге или по указаниям бабушки объезжал поля, на которых трудились батраки.

Смутно помню, как в **июне 1940** года румынская кавалерия от нас ускакала, а в Липканы на машинах и тачанках с красными флагами въехала Красная армия.

Начало войны и оккупация.

Уже в **июле 1941** года в **Липканы** возвратились румынские войска и оккупировали городок. Немцы появились позже. Приехали именно те румыны, которых изгнали год назад, и они прекрасно знали все семьи, каждого человека до 1940 года. С помощью местных полицаев румыны собрали липканских евреев, сразу отделили молодых мужчин от всех остальных и увели. Остальных тоже разделили на большие группы. Бабушка **Хая** с маминой сестрой **Двосей**, братьями **Исааком** и **Куни** оказались в другой колонне.

Моя семья из шести человек была отправлена в первой колонне, нас повели неизвестно куда под конвоем румынских солдат. Начались муки пути. Я был крепким малышом и, сколько мог, шёл сам, а мама несла годовалую Сарочку. Но, когда мои силы кончались, маме приходилось нести меня и Сару. Сара тяжело заболела, а мы всё время были в движении, нас гнали. Ночевали в полях на земле, о врачах и лекарствах и речи не было. На наших глазах смерть взяла сестричку **Сурочку**. Хоронить не было возможности, и мама со слезами оставила её у дороги. Это было не единственное тело, которое осталось лежать позади нашей колонны. Но родителей ждало большее горе. В изнурительном даже для взрослых здоровых людей пути умерли от голода и болезней мои братья **Лейзер** шести лет и **Аврум** четырёх лет, не выдержав тяжёлой дороги.

В гетто.

Мама и папа со мной оказались в **Бершадском гетто**. В моей детской памяти осталось то, что место, где мы находились, было ограждено колючей проволокой. Помню, что мы, пригнанные из Бессарабии, спали под открытым небом, на пустыре, на голой земле, а потом нас поселили в каком-то бараке или сарае с глиняным холодным полом. Здесь прошли почти три года моего детства, и каждый день мог стать последним.

Помню, что тяжелее всего было весной и зимой: мне было постоянно холодно, я никак не мог согреться, хотя всё тёплое, что у нас было, мама надела на меня. Я был постоянно голоден, каждый день чувствовал страх, что завтра не будет еды. Мы ели свёклу, гнилую картошку. Выглядел я страшно: человечек на тонких ножках с огромным животом.

На протяжении забора было место, куда приходили украинские жители Бершади и ближних сёл и через проволоку меняли продукты на еврейские вещи. Запомнилось мне, что однажды мама посадила меня на землю у этого забора, а сама отошла на несколько минут выменять вещь на еду. Немец, проходивший по улице гетто, остановился, поглядел на меня, подошёл, погладил по голове и дал мне булку хлеба. Мама вернулась с пустыми руками, увидела хлеб и в изумлении спросила: «Кто тебе это дал?» Я хотел ей показать этого человека, но немец уже ушёл. Условия гетто быстро делали детей старше, опытнее, в том малом возрасте я научился отличать высоких белокурых светлолицых немцев от смуглых, с чёрными волосами, среднего роста румын.

В начале **1942** года иссякли силы отца, его организм не выдержал тех скотских условий, в которые нас поместили немцы и румыны, и мой молодой папа **Янкель** умер. Мы с мамой расстались навсегда с нашей опорой. Мама овдовела в 29 лет и больше замуж не вышла. В Бершадском гетто я болел тифом, но мне было суждено выжить, видимо, чтобы хранить память о погибших родных и помнить, кто виноват в их смерти.

Гетто мы покидали только при выходе на работу группой. Маму гоняли на разные сельхозработы: уборку свёклы, картофеля, она всегда брала меня с собой. На

поле я, помнится, не столько помогал, сколько старался насытиться: ел выдернутую свёклу, и земля скрипела на зубах. Чтобы прокормить нас обоих, мама находила разные подработки в обмен на хлеб, пару картошек.

Я узнал о своей национальности от матери в лагере. Я всё время спрашивал маму: «Почему нас сюда загнали? Почему нас здесь держат?» Мне было четыре года, шел пятый, и я понимал, как сильно отличается жизнь в гетто от вольной жизни до войны. Мама всегда отвечала: «Потому что мы евреи».

В разное время войны у меня была одна мечта, и я говорил маме: «Когда мы вернёмся домой, я сяду за стол и сам скушаю буханку хлеба и попью воды, сколько захочу». Вода для нас была ценностью, обычно мы черпали из луж, собирали и пили эту воду. Чистая вода была в колодце, нас к нему не подпускали, к тому же у нас не было ведра.

Освобождение.

После освобождения мы с мамой вернулись пешком в родные **Липканы**. Пришли и увидели, что нашего дома нет, вместо него пустырь. Пошли к бабушкиному дому, который сохранился. Бабушка **Хая**, тётя **Двося**, мои дяди **Исаак** и **Куни** раньше нас возвратились домой из другого гетто, находившегося километрах в тридцати от Бершади. Дядя Исаак, мужчина лет двадцати в 1944 году, женился в гетто на девушке из Сорок **Фейге** и приехал с ней. Стали жить все вместе у бабушки.

Мне, мальчику пяти с половиной лет, запомнилось, как в один из тёмных вечеров в городке вдруг стало светло, как днём: это советские военные машины плотно окружили Липканы и в 10 часов вечера одновременно включили фары и прожектора. Милиция, солдаты и специальные работники, пользуясь подготовленными списками, быстро арестовали и вывели из домов всех пособников немцев и румын: полицаев и добровольцев. Их посадили в машины с детьми, жёнами, родителями и увезли.

Послевоенная жизнь.

В **1946** году пошёл учиться в Липканскую русскую школу. Из окна в классе я видел границу с Румынией и взорванный русскими солдатами мост через реку Прут. Тётя **Двося** (в замужестве Битерман) вышла замуж и уехала с мужем в **Черновцы**. Мать в поисках жилья и работы отправилась к сестре, а я ещё два года жил у бабушки, окончил два класса и переехал к маме. Мама работала на трикотажной фабрике №2 и жила со мной у Двоси. Когда в 1948 году у тёти родился сын, а через год второй мальчик, мама сняла для нас в городе отдельную комнату. В Черновцах я окончил среднюю школу и техникум лёгкой промышленности, одновременно работая портным в городском ателье мод. Со специальностью технолог швейного производства я работал мастером и начальником швейного участка на швейной фабрике №3.

В **1966** году мы познакомились и поженились с **Малкой** (Майей) Клейман, девушкой из пос. Новоселица, студенткой Черновицкого кооперативно-финансового техникума. В **1967** году у нас родилась дочка **Хая** (Аня), названная в память о бабушке, в **1970**-м – сын **Яков**, получивший имя моего отца. Жена по окончании техникума работала бухгалтером в с. Бояны рядом с Черновцами, а после рождения дочери – бухгалтером Черновицкого швейного объединения «Трембита». Я был инициатором нашего выезда в Израиль, мама поддержала меня. Мне хотелось, чтобы наши дети жили свободными людьми, были евреями открыто, не стесняясь этого слова.

В Израиле.

22 августа **1973** года я с мамой и семьёй эмигрировал в Израиль. Нас направили в пос. **Гиват ха-Морэ** близ гор. Афулы. Я устроился на оборонный завод станочником и проработал два с половиной года. В **1976** году приехала в Израиль мамина сестра **Двося** с семьёй, они выбрали для жительства гор. Ашдод. Мы тоже получили квартиру в **Ашдоде**, и я работал на заводе бригадиром и мастером по термообработке деталей для самолётов. Мой трудовой стаж в Израиле – 24 года. Жена трудилась на фабрике бухгалтером. Дочь **Анна** окончила медицинский колледж и работает дипломированной медсестрой в больнице «Асаф ха-Рофэ». Мы переехали в гор. **Реховот** в 1995 году в связи с учёбой сына. Сын **Яков** учился в школе для одарённых детей, в конце службы в армии поступил от ЦАХАЛа в колледж по компьютерной специальности, а затем несколько лет отдал армейской службе по полученной профессии. Поступил в Тель-Авивский университет на финансовый факультет, получил вторую учёную степень и успешно работает в крупной международной фирме. У нас с Майей от сына и дочки две внучки и трое внуков. Одна из внучек начала службу в Армии обороны Израиля, остальные – школьники.

Мать Арона Роза Крайз (слева) и её сестра Двося, бывшие узницы гетто. 2000 г. Г. Ашдод, Израиль

В послевоенные годы я расспрашивал мать, как она меня спасла в гетто, и ей было очень тяжело вспоминать. Это вызывало слёзы, она не могла об этом говорить, и мои вопросы будили в ней страшные воспоминания об умерших в те годы дочке Саре и сыновьях Лейзере и Авруме, о муках умершего мужа Янкеля. Мой рассказ о трагедии нашей семьи, уничтоженной фашистами, состоит из тех крупиц, которые мне была в силах сообщить моя мама. Мама **Роза** прожила 95 лет и ушла из жизни в апреле **2007** года, через год умерла тётя **Двося**.

18.

Крутоная Елизавета (г. Бершадь)

О МОИХ УКРАИНСКИХ СПАСИТЕЛЯХ

Довоенная жизнь.

Моя семья: отец **Аврум Моисеевич Любман** (22 февраля 1905), мать **Этл Моисеевна** (девичья фамилия Ангерт) (9 июля 1906) и старший брат **Мойша** (Миша)

(10 февраля 1929) – жила в селе **Могильное** Одесской области Украинской ССР (сейчас Кировоградской обл. Украины) в квартире, выделенной совхозом. Папа работал бухгалтером совхоза, а мама – рабочей в совхозе. У отца была инвалидность из-за травмы в детстве, и он не являлся военнообязанным.

Отец Аврум Моисеевич Любман. 1945 г.

Мать Этл Моисеевна Любман. 1945 г.

Говорили в семье на украинском, русском и еврейском языках. Родители не считали себя верующими, но в нашем доме соблюдались еврейские традиции и отмечали праздники *Рош ха-Шана*, *Йом Киппур*, *Песах*. Я, **Крутоная Елизавета**, родилась **11 июля 1940** года в с. Могильном.

Начало войны. В гетто.

Мне исполнилось 11 месяцев, когда началась война. По рассказу брата Миши, всех евреев Могильного выслали в гетто в украинском селе **Ободовка** Винницкой области. Здесь нас: маму, папу, брата и меня – румыны разместили в недостроенной конюшне без крыши, окон и дверей. Когда шёл снег, мама вставала, нагнувшись надо мной, и загораживала собой, чтобы снег не валил на меня, лежащую на земле. Людей не кормили, гоняли на разные работы, отбирали последние вещи, спасавшие от холода. Брат рассказывал, что румыны грабили евреев в Ободовке особо варварским способом: выстраивали всех взрослых и, у кого были золотые зубы, – выбивали их прикладами. От такой «жизни» родители со мной, годовалой девочкой на руках, и братом убежали из Ободовки в Бершадь, где жила мамина родня.

В **Бершади** «жизнь» была ещё страшнее: в одной комнате спали на полу по 20 человек. Свирепствовал тиф. Люди умирали, как мухи. Брат переболел тифом. Отец в гетто тяжело заболел, не мог ничего делать. Маму и других женщин заставляли работать: она днём и ночью стирала бельё для румын. Её первым помощником был брат Миша: он приносил чистую воду, выливал грязную, делал всё, что нужно.

Брат перепродавал зажигалки, кремни к ним, другие мелочи, чтобы заработать на еду. Жандарм поймал Мишу за торговлей и избил нагайкой по голове так, что у него начался нервный тик, не прошедший и после войны. Миша рассказал мне и другой страшный случай, который едва не стоил ему жизни: «Однажды возле гетто повесили партизан на столбах. Люди смотрели с ужасом. Плакали. Пришел и я посмотреть. Вдруг налетел на мотоцикле комендант Григореску. Это был изверг, и все разбежались. Началась стрельба, а я остался, меня поймали. Он привязал меня к мотоциклу и на большой скорости поехал в комендатуру. Я бежал за мотоциклом, сколько мог, а потом упал весь в крови. Меня кинули в подвал, где сидели партизаны. Их наутро повели на расстрел. Меня выпустил знакомый жандарм Гонта Семён и показал, как бежать в гетто».

В Бершадском гетто находилась наша тётя, двоюродная папина сестра **Лейка Лумер** (1909), 34 лет. По приказу гестапо она была расстреляна в конце **1943** – начале **1944** года с помогавшими партизанам евреями из гетто, списки которых ока-

зались в руках немцев. Мама рассказала после войны, что её со мной тогда тоже поставили у ямы, чтобы расстрелять. Вместе с нами было много людей, которых привели на расправу. Подошла женщина-украинка, показала румынам на маму и сказала, что это не еврейка. Нас отпустили. Брат Миша до расстрела убежал из гетто, и родители три недели не знали, где он. Нашей спасительницей была **Юхима Крыжановская**. Она привела нас с мамой к себе в дом, умыла, накормила, переодела и сказала, что завтра к нам заглянет дочка. Её дочь **Галина** вышла замуж за румынского жандарма **Семёна Гонта**, который по-настоящему помогал евреям в гетто. Галина приходила каждое утро к нам, закутывала меня в большой платок – моё единственное одеяние – и забирала к себе домой в ближнее село при выходе из Бершади. Это было с полного согласия мужа. Я находилась у неё в тепле, меня кормили, мыли, а вечером относили к маме. Я бесконечно признательна Юхиме и Галине за то, что они спасли маму и меня от неминуемой смерти.

После освобождения.

После освобождения **Бершади** Красной армией муж Галины остался с ней и не ушёл с румынскими войсками. О нём сообщили в советские органы, и ему грозила тюрьма как румынскому оккупанту. Моя мама собрала 1200 подписей людей города, которые были свидетелями и подтвердили, что бывший жандарм Семён Гонта помогал евреям, спасал их. С Юхимой, Галиной и Семёном Гонта мы были как родные люди, все годы постоянно виделись в Бершади, ходили друг к другу в гости, дружили с ними. К большому сожалению, в **2009** году **Галина** умерла. Вечная память им!

Помню, когда нас уже освободили, мы куда-то шли и попали под бомбёжку. С испугу я убежала от всех в поле, и брат, не побоявшись взрывов, догнал меня и принёс к родителям.

Послевоенная жизнь.

Жили мы после войны в гор. **Бершади**. В голодном **1947** году наш папа **Аврум** умер от голода и обострения болезни, полученной в Бершадском гетто. Он не прожил и 42 лет.

Брат **Миша** окончил 7 классов школы, поступил на работу курьером и одновременно учился на бухгалтера. Михаил окончил педучилище, два факультета Одесского университета и работал в с. Лабушное Кодымского р-на, а затем в Бершади учителем истории и географии, завучем, директором школы 47 лет. Ему присвоено звание «Заслуженный учитель Украинской ССР».

На снимке: (в 1-м ряду) мама Этл с внуками, (во 2-м ряду) Елизавета Крутоная с мужем (пара справа), брат Михаил Любман с женой (пара слева). 1960-е гг.

Я окончила 10 классов, начала работать в городском ки-

нотеатре старшим кассиром и трудилась там до самого отъезда в Израиль. В **1962** году вышла замуж за **Ефима Крутоного** (1938), тоже бывшего узника гетто. Сын **Саша** родился в **1963** году, дочка **Алла** родилась 11 июля **1967** г., в мой день рождения. Мама **Этл** умерла в **1989** г. в Бершади.

В Израиле.

Мы с мужем и дочерью репатриировались в Израиль 26 августа **1990** года, сын приехал через шесть лет. С первого дня живём в гор. **Реховоте**. **Алла** работает медсестрой в гериатрическом учреждении, **Саша** – токарем-шлифовщиком, он живёт в городке **Бней-Аиш**.

У нас три любимых внука. Дети сына – девочка **Снежана** и мальчик **Алон** 13 лет. Снежана прошла службу в Армии обороны Израиля, окончила экономический факультет университета и сейчас учится для получения следующей учёной степени. Сын Аллы **Юрий** окончил службу в израильской армии и готовится к поступлению в университет. Есть чудесный правнук **Бен**.

Брат **Михаил** в феврале **1997** года приехал с большой семьёй в Израиль, живёт в гор. **Ашдоде**. Он является членом Ашдодской организации бывших узников гетто, а мы с мужем Ефимом участвуем в Реховотском объединении бывших узников нацистских гетто и концлагерей.

19.

Крутоной Ефим и Зельдин Раиса (г. Бершадь)

НАШИ РАССТРЕЛЯННЫЕ РОДНЫЕ

Довоенная жизнь.

Наша большая семья жила в еврейском местечке **Бершадь** Винницкой области Украинской ССР на ул. Набережной в трёхкомнатном глиняном доме. Папа **Моисей** (Мойша) **Зельманович Крутоной** (1905) работал в артели «Заготсырьё», ездил на лошадях по сёлам и собирал металл, шкурки. Он по болезни был освобождён от службы в Красной армии. Мама **Блюма Ноаховна** (1905) была домохозяйкой и воспитательницей детей. По рассказам родных, 1933-38 годы были голодными. Тогда умерли родители мамы и родители папы.

У нас в семье было пять детей: сёстры **Роза** (1930), **Бетя** (1935), **Рая** (9 января 1940) и братья **Зёма** (1929) и я, **Ефим** (2 марта 1938). Зёма и Роза помогали роди-

телям в пекарне. Мы, братья и сёстры, очень дружили между собой. В семье разговаривали на идише, украинском и русском языках.

В Бершадском гетто.

В **июне 1941** года немецкая армия захватила наш город. В **Бершади** румынские оккупанты, пришедшие с немцами, устроили гетто: оно находилось на улице Народной, а также по ул. Набережной в долине речки Дохна. Мы, семь человек, продолжали жить в своём разграбленном доме. Вокруг гетто была колючая проволока. Все евреи обязаны были носить жёлтые еврейские звёзды. Румыны страшно издевались над людьми. Когда узников выводили на работу за пределы гетто, некоторые пытались убежать. Кого ловили – расстреливали. Родителей гоняли на разные тяжёлые работы: уборку урожая, уборку трав, и они брали нас, маленьких, с собой. Мы были возле них и в жару, и в холод, и в дождь. Конечно, я и Рая плакали, просили есть, и вместо еды нам давали воду, чтобы наполнить желудок. Родители готовы были на любую работу, чтобы получить кусочек хлеба для пятерых детей. Они нам отдавали свою долю. Тем взрослым и подросткам, кто работал, один раз в день давали похлёбку. Румыны на возраст не смотрели, гоняли работать всех: старых и малых.

В гетто было так много людей, что часть из них спала на улицах, на земле. Многие из них умерли из-за тесноты и инфекционных болезней. Их собирали по 10-15 тел на повозку, вывозили из гетто и складывали в большие ямы. Я и две мои сестры болели тифом, но остались живы.

Выжить в гетто евреям помогали русские люди, которые жили в русском селе не очень далеко от гетто. Они приходили к нам и приносили еду для малых детей. Мы, детвора, хотели двигаться, играть, не только сидеть на одном месте. Мальчишкам и мне доставалось на улице от полицаев, получали удары по голове. Сестрёнку **Бетю** с хлебом в руках увидел на базаре оккупант-мадьяр и сильно избил. У неё были отбиты лёгкие, она долгое время после этого болела, но так и не поправилась.

В **1943** году в Бершади немцы организовали отделение гестапо, которое занималось ликвидацией тех, кто был связан с партизанами. Такая связь действительно имелась между гетто и партизанами из ближних лесов. Евреи помогали народным мстителям вещами, лекарствами, скрывали их на территории гетто. Непонятно, с какой целью были составлены списки евреев, сдавших для партизан деньги, одежду. Списки находились в бутылке и были зарыты в подвале. Гестапо с помощью двух предателей захватило списки, и началась трагедия.

В начале **февраля 1944** г. по этим спискам были арестованы почти 200 человек, и среди них папин брат **Велвл** (Волька) Зельманович **Крутоной** (1901). **11 февраля** их всех расстреляли на окраине Бершади возле села **Берловка**.

В начале **марта 1944** г. арестовали другую группу, примерно 150 человек, в которую попали муж папиной сестры Ривы **Берл** (Борис) **Борисович Куперман** (1896) и их сын **Григорий Борисович Куперман** (1921). Все они были расстреляны **5 марта** на окраине города за девять дней до прихода в Бершадь советских войск.

Помню, когда Красная армия стремительно приблизилась к Бершади, румыны и мадьяры, застигнутые врасплох, убегали от неё голыми в мороз.

Послевоенная жизнь.

После освобождения из гетто весной 1944 года стали понемногу приводить в порядок разграбленный дом. Отец с мамой в голодное послевоенное время выпекали на дому хлеб и продавали его на базаре. Горожане могли позволить себе купить лишь четвертушку буханки. В синагоге была печь, где пекли хлеб для бедных, а также мацу.

Отец Мойша и мать Блюма Ефима и Раисы Крутоных. Послевоенный снимок.

В **1946** году мы переехали в новый дом № 25 на ул. Народной. **13 мая 1946** года наша сестричка **Бетя** умерла в 11 лет вследствие травм, полученных в гетто. Брат **Зёма** и сестра **Роза** окончили школу-семилетку и работали продавцами в магазине. Сестра **Раиса** после восьмилетней школы окончила трёхлетнее Сторожинецкое медучилище, работала медсестрой в Бершади.

Сестра Роза и брат Зёма Крутоные. 29 декабря 1945 г.

В **1947** году я начал учиться в школе, окончил 10 классов. После службы в Советской армии с **1960** года работал на заводе металлоизделий, прошёл курсы повышения квалификации и стал инженером по снабжению. Три раза избирался депутатом Бершадского горсовета. В **1962** году я женился на девушке **Лизе** (1940), выжившей в Бершадском гетто, у нас двое детей.

Сестра Рая и брат Ефим Крутоные. 1 апреля 1952 г.

Мама **Блюма** умерла в **1969** году, прожив 64 года. Папа **Моисей** прожил 75 лет и умер в **1980** году. Они похоронены в Бершади. Старший брат **Зёма** умер в **1988** году в гор. Черновцы.

В Израиле.

Наша старшая сестра **Роза** с **1970** года жила в Израиле в г. **Реховоте**. В **1971** году её муж **Давид** погиб по пути на работу, был сбит автомашиной. К большому сожалению, **Роза** умерла в **2004** году.

Сестра **Рая** приехала с мужем **Яковом** Зельдиным и дочками **Аней** и **Бианой** в Израиль в **1972** году. Они живут в **Реховоте**. Рая работала медсестрой до пенсии, а Яша – на авиапредприятии. У них семь любящих внуков.

В **1990** году я с семьёй репатриировался в Израиль. Живём в гор. **Реховоте**. Нянчили внуков, теперь правнука.

20.

Ленковский Борис
*(г. **Бершадь**)*

ПУСТЬ ЭТО НЕ ПОВТОРИТСЯ НИКОГДА

Довоенная жизнь.

Село **Костичены**, откуда я родом, находится недалеко от города Новоселица Черновицкой области и до июня 1940 года относилось к Бессарабии – румынской провинции. Мои дед, отец родились в Костиченах и владели двумя с половиной гектарами пахотной земли. Вдоль реки Прут расположились три связанных друг с другом села: с одной стороны Думяны, с другой – Полванчикауцы, а между ними – Костичены. Основное население составляли молдаване. С молдаванами мы жили дружно, не было проявлений антисемитизма, нас не называли «жидами», не было конфликтов. В этих трёх сёлах жили наши многочисленные родственники, а всего в них было 10 еврейских семей. На три села у нас была синагога со всеми атрибутами. Она находилась у шоссе. Было много умеренно верующих евреев, не ортодоксов. По субботам ходили в синагогу читать Тору. Соблюдались все традиции, особенно на Песах. Своего раввина у нас не было, и старшие, кто умнее, кто больше знает, занимались организацией службы. В наших краях жили знаменитые Штефанештский ребе, Вижницкий ребе. Если что-то очень важное надо было обсудить, то ехали к ним.

Мой отец **Лейб Ленковский** (1894) был сельским предпринимателем. Он арендовал землю у богатого румынского помещика-капитана румынской армии Негру, сеял в основном пшеницу и свёклу, обрабатывал землю и посевы. Урожаи продавались, и на заработок мы жили. Кроме того, у нас был магазин со всеми товарами. Принимали у крестьян молоко и делали из него масло, отвозили в город и продавали. Этим занимались два постоянных работника-молдаванина. Также скупали у местных хозяев зерно и продавали его крупным поставщикам хлеба. Другие евреи занимались ремёслами, были портными, держали магазины.

Мама **Ривка** родилась в Костиченах в **1904** году. Она занималась большим хозяйством: дом, корова, лошадь, куры. Мать зимой и летом была в работе, привычная к тяжёлому труду, потому сумела перенести все физические нагрузки в фашистском лагере. У моего дедушки **Мендла Мейклера** (1860), кроме мамы – старшей дочки, были ещё две дочери: средняя – многодетная **Хона** (в замужестве Кижнер) и младшая – **Адела**, учительница, замужем за Сами Лазаровичем, а также сын **Шимон** (1906), живший с семьёй в гор. Новоселица.

Я, **Бурах** (Борис) **Ленковский**, родился **8 октября 1932** года. Мой брат **Срул** (1934) был моложе меня на два года. С 3-4 лет мальчики уже посещали небольшой *хедер*, и я ходил учиться, хотя в хедер надо было идти не один километр. С малых лет носил *кипу*, *цицит* (нити, видные из-под одежды). Община содержала учителя: обеспечивала жильём, платила жалование. Помещение синагоги в обычные дни превращалось в школу. В зимнее время хедер не отапливался, и учитель приходил домой к каждому ученику. Зимой учитель жил у родителей учеников – по очереди. Помню, один из учителей был беглым евреем – коммунистом из Венгрии.

В **1939** году я поступил в 1-й класс румынской школы и окончил его. Дома мы говорили на идише, но все знали румынский язык. В **1940** году, когда пришла советская власть и присоединила Бессарабию к СССР, по новым законам я опять пошел в 1-й класс этой же школы и окончил его с похвальным листом. По-русски мы не понимали до этого ни слова.

После прихода Советов наша жизнь изменилась – всё пошло прахом. У нас была арендованная земля, и она осталась на другой стороне реки Прут. Мы лишились и работы, и доходов от неё. Наши частные лавки закрыли. Папа пошёл учиться на бухгалтера.

Начало войны и оккупация.

Вторая мировая война шла уже с 1939 года, поэтому у наших старших были тревоги, беспокойство о будущем, а я был маленький. В **июне 1941** года началась война против Советского Союза. После объявления войны советская артиллерия стреляла в сторону Румынии, а оттуда отвечали по мирным жителям. В стороне от жилья мы делали землянки, прятались там ночью и днём. А потом Красная армия отступила. С наступлением немцев мы не эвакуировались: думали, что вот-вот придёт освобождение, и всё будет, как раньше – при румынах, а не при Советах.

В селе жила русская семья Корниенко, и один из братьев, Сенька, приехавший из Новоселицы, за несколько дней до прихода немцев оповестил всех, что евреев надо грабить, можно безнаказанно бить, и это началось. Этот Сенька положил начало страшным событиям в селе.

Хона Кижнер на могиле отца Я. Вайсберга. 1948 г. Новоселица.

В **Костичены** пришли румыны, немцев в нашей стороне не было. В первые дни оккупации начались повальные расстрелы. Наш дом стоял в ста метрах от берега Прута. Недалеко от нас жил дедушка **Мендл**, мамин папа, которому исполнился 81 год. Румыны привели его к реке, расстреляли и тело бросили в реку. Его шурина **Янкеля Вайсберга** 80-ти лет застрелили в подвале, где он прятался. Через какое-то время люди закопали тело Янкеля в огороде. Когда две дочери Янкеля возвратились после войны, они перезахоронили останки отца на еврейском кладбище в Новоселице.

Оккупанты не специально выбирали жертвы, а расстреливали тех, кто попадался. У моего русского

друга Полякова в Новоселице сестра просто хотела перебежать через дорогу, и румыны её застрелили. Так они выполняли приказ – уничтожать евреев.

Захватчики и их местные помощники проводили облавы, обыски. Незадолго до прихода румын мы спрятали многие вещи в своих подвалах. То, что осталось в доме, разграбили румыны и сельчане. А мы с началом оккупации прятались на чердаке у соседей-молдаван **Василия** и **Домники Валканеску**, родителей моего друга **Диомида**. До нас доходили угрозы новой власти. Соседи скрывали нас, сколько могли, и вскоре мы вынуждены были вернуться домой. Дом находился недалеко, мы выбрали дождливую погоду, чтоб нас никто не видел, и через высокую кукурузу, огородами, пробрались к себе. Спрятались в кухонной пристройке – на печке. Другого выхода не было. Мы сидели и не знали, что будет.

7-8 июля 1941 года в дом пришёл наш молдавский сосед Миша, чтобы ещё что-то забрать, и увидел нас. Отец начал просить, чтобы Миша никому ничего не говорил о нас, и за молчание дал ему карманные часы. За полчаса Миша дошёл до комендатуры на шоссе, а через час в кухню пришли румыны с винтовками и направили их на нас, чтобы стрелять. Мать на хорошем румынском языке стала упрашивать их не стрелять, плакала. Видимо, они не осмелились расстрелять нас на месте и отвели в комендатуру: мол, начальник скажет, что делать с вами. Их командир оказался не зверем и объявил: «Есть приказ не стрелять. Сидите». Вечером он отпустил нас домой.

Депортация в Транснистрию.

Через несколько дней появился другой приказ: всем евреям оставить свои дома, отправиться в город Новоселицу и там ждать. Здесь мы узнали страшные вести: в первый день фашистской оккупации местечка Новоселицы румыны и их украинские пособники устроили зверский еврейский погром. В начале **июля 1941** года при этом погроме были убиты жившие в Новоселице брат отца **Шая Ленковский** (1890) и его жена **Сура** (1894), та же страшная участь постигла и маминого брата **Шимона Мейклера** (1906) со всей семьёй – женой **Брахой** (1910) и двумя детьми 2-5 лет.

В **Новоселице** мы жили недели две в доме убитых Шаи и Суры с их оставшимися в живых детьми: дочкой **Диной** 15-16 лет и сыном **Мордехаем** (Мордхэ) 13-14 лет. Затем нас собрали и колоннами повели в неизвестном направлении. Румыны проболтались за взятку, что нас высылают в Бричаны. В этой колонне шли все евреи из нашего села, кто выполнил приказ явиться в Новоселицу, оставшиеся в живых жители Новоселицы и окрестных сёл. Среди них находились близкие моей семье люди из еврейской общины трёх сёл: **Зися Александро́вич** с сыном Бенци и многими дочерьми, помню имена двух из них: Циля и Либа; вдова **Хайкэ Несис** с двумя сыновьями – Эли и Яшей (я учился с ними в хедере); **Хаим Гоникман** с женой Ховой и детьми: Маней, Доней и Гершем. Все они попали в разные лагеря и гетто в Транснистрии и сполна хлебнули лиха.

Родители вскладчину с другими семьями успели нанять подводу, на неё мы положили вещи, но вскоре подводу отняли. Шли папа, мама, я, брат и наши родственники: мамины сёстры Хона Кижнер с мужем и тремя детьми и Адела Лаза-

рович с сыном **Йосиком**, вдобавок беременная. Были с нами также сироты Дина и Мордхэ Ленковские.

Мы прошли **Липканы, Бричаны** и оказались в посёлке **Атаки**. Пробыли тут только одну ночь, и нас вернули в **Единцы**. В Единецком промежуточном лагере нас держали месяца два. Но, перед тем как впустить в Единцы, несколько дней продержали за городом в огороженном и закрытом лагере. Здесь я впервые увидел убитого человека. Он пытался выйти за ограждение, и его застрелили.

В **Единцах** нас поселили в отведённом месте, на улицах, огороженных проволокой, – в домах единецких евреев, но мы не видели ни одного из них, всех их угнали раньше. Жили очень скученно, почти все наши родственники спали с нами в одной комнате. Тогда у нас ещё были с собой вещи, еда – это спасало. Местные жители – русские из староверов – подходили к еврейскому лагерю и через проволоку продавали хлеб, яблоки.

От начала движения из Новоселицы до конечного пункта румыны не кормили нашу огромную колонну. Каждый ел и пил, что у него было с собой или что мог купить, поменять через проволоку.

Помню, что осенние еврейские праздники *Рош ха-Шана*, *Суккот* наступили в Единцах. В Единецком лагере религиозные люди собирали *миньян* (группу из десяти и более евреев) и молились о спасении. Они надеялись, что скоро всё кончится и мы вернёмся домой.

Нашу новоселицкую колонну опять собрали, но в этот раз к ней присоединили колонны евреев из других населённых пунктов – примерно 2-3 тысячи человек. Когда нас погнали из Единец дальше, шли осенние холодные дожди. На мне с братом были накидки от дождя. По дороге умирали, погибали люди из-за дождей, болезней, слабости. Первую остановку нам сделали в **Косоуцком лесу** (Сорокский р-н). Пришли в лес ночью. Было сыро и холодно, но могли посидеть. Нас с братом укутали одеялом, и так мы перенесли эту ночь под деревьями.

В том месте леса, где нас остановили для ночлега, стоял недостроенный сарай. Я из любопытства пошёл посмотреть, что там. Внутри лежал полностью высохший, но живой мальчик. Он уже не мог двигаться, говорить, только глаза смотрели.

О местном населении из окрестностей Косоуцкого леса могу сказать только хорошее. Молдавские крестьяне пришли в темноте, в дождь к месту нашего ночного привала. Оно стало для них настолько насиженным, утоптанным, постоянным, что здесь был оборудован длинный деревянный прилавок. На нём селяне раскладывали и продавали еду, и этим нас поддерживали.

Утром, при дневном свете, мы увидели рядом с местом ночлега вырытые за ночь ямы. Из готовой двинуться колонны румыны отобрали мужчин, в том числе и моего отца, и оставили у ям, а остальных погнали вперёд. Через 2-3 часа отец догнал нас и рассказал, что оставленная группа собирала и сбрасывала в эти ямы всех умерших за ночь людей.

По понтонному мосту мы перешли **Днестр**, и началось передвижение по **Украине**. Целыми днями мы шли, а ночью нас заводили в большие свинарники и коровники довоенных колхозов. Ночевали в них, а утром или ближе к полудню

нас вели дальше. Первое русское слово, выученное в хождении по дорогам Украины, я услышал от украинских жителей, которые приближались к нам. Это слово «менять» – оно означало для нас еду. Всё, что можно обменять: золото, вещи – меняли на съестное.

Смерть не щадила никого, особенно быстро в таких изнурительных маршах погибали дети. После ночной остановки колонны в **Ободовке** холодным утром не смог идти дальше **Мордехай**. Он и другие обессилевшие были оставлены румынами уми-

СКИТАНИЯ ЕВРЕЕВ БЕССАРАБИИ И БУКОВИНЫ, УГНАННЫХ В ТРАНСНИСТРИЮ

Схема передвижения колонны из Новоселицы в Бершадь. 1941 г.

рать на голой земле без всякой помощи, а нас погнали дальше. Через короткое время в одном из лагерей на нашем скорбном пути умерла его сестра **Дина**. Так страшно закончилась история еврейской семьи **Ленковских**: **Шаи**, **Суры** и их детей.

В Бершадском гетто.

Сколько дней мы брели по дорогам, не могу сказать, но уже наступила настоящая зима. На окраине **Бершади** мои родители с братом сумели ускользнуть из колонны. Они воспользовались тем, что была ночь, да и конвоиров было немного. Но куда идти, в какие стучаться двери? Они увидели на косогоре большую двухэтажную синагогу «Бобе шил» и там переночевали. Лишь попав в синагогу, они обнаружили, что меня с ними нет. А я со знакомыми двигался в начале колонны, нас привели в очередной колхоз за городом, и в свинарниках мы заночевали.

Ещё в начале пути, когда нас только погнали в сторону Украины, в селе **Ванчикауцы** колонна пополнилась двумя евреями, перешедшими в христианство: **Меиром**, механиком сельхозтехники, и **Володей** (новое имя). Они были женаты на молдаванках, и в первые дни войны их не трогали. Мы проходили через это село, и кто-то из местных донёс на них румынам, обоих схватили и втолкнули к нам в колонну. И если у нас, шедших от дома, ещё что-то из вещей, из еды имелось с собой, то эти двое были голыми. Мы им дали какую-то одёжку, подкормили. Поскольку ещё в начале пути отобрали нашу подводу, Меир и Володя помогали моей семье нести вещи, и я с ними пошёл вперёд.

Утром мама отправилась искать меня. Видно, ей сказали, где наша колонна. Она пришла к нам, нашла меня в одном из свинарников, взяла за руку и увела с собой в синагогу. Как нам обоим удалось уйти, я и сегодня не понимаю. Это был большой риск для двух беглых евреев идти днём по незнакомым дорогам.

В этой синагоге был большой зал с хорошим полом, скамьями, пюпитрами, в нём уже расположилось несколько семей. Мы вчетвером перебрались в подсобную комнату поменьше, в которой тоже приютилась пара семей. К вечеру синагога стала наполняться такими же, как мы, беглецами. Стоял зимний холод, поэтому топили печку пюпитрами, а затем и досками от полов. Так мы начали жить в Бершади.

Люди болели: сыпной тиф и дизентерия косили многих сразу. Буквально одну-две ночи спали в синагоге и погибали. Это было страшное место. Кроме большого зала, был коридор, и там тоже жили и умирали.

В Бершадь попало много городских, изнеженных евреев, особенно из Черновиц, они привыкли к каминам, удобствам и долго не выдерживали: первую неделю мучились – и умирали. Попали в синагогу раввин и шойхет из Буковины. Раввин скончался сразу, а когда умер *шойхет*, его жена покончила с собой с помощью острого ножа, которым работал муж.

Череда смертей продолжалась всю небывало морозную **зиму 1941-42** гг.: приток новых беженцев и отток мёртвых. Умерших выносили в переднюю, за несколько часов они коченели. Было очень много трупов, и кто ночью выходил по нужде, то шагал по ним. И всё-таки ощущалась какая-то организованность, работал комитет. Каждое утро приезжали сани, похоронная группа складывала замёрзшие тела штабелями, и белая лошадка увозила их в братскую могилу. Находясь в этой синагоге, я узнал в девять лет слово на идише – *«го́йсет»* (теплится). Так говорили о человеке, в котором жизнь еле теплится, мерцает.

В это время отец заболел тифом, он страдал страшными головными болями, но выжил. Мама ходила в соседние сёла, что-то обменивала на еду и кормила всех четверых.

Конечно, о нас знали. Приходили украинские полицаи с угрозами: «Завтра мы всех вас выгоним отсюда, и вы пойдёте через речку. А кто не сможет: вырубим лёд и утопим в речке».

К **весне 1942** года стало полегче. И мы думали, что после таких двух сильных испытаний – выжить в Косоуцком лесу и в этой синагоге – у нас есть надежда остаться в живых и дальше.

Из синагоги «Бобэ шил» мы перешли в нижнюю часть гетто. Гетто не было огорожено со всех сторон, только в верхней части была проволока. Оно ограничивалось рядом улиц, на которых традиционно селились евреи, и границей гетто была улица «а Дóлыны», примыкавшая к реке. Параллельно ей шла проезжая часть, по которой двигались машины. Нам было известно, где нельзя находиться и где можно жить, проходить. Вокруг гетто не стояли часовые, а время от времени ходили патрули. Человека из гетто было легко узнать: каждый из нас по приказу носил жёлтые нашивки на груди и на спине.

Нашли какую-то кухоньку и прожили в ней с весны до конца **лета 1942** года. В ход шли все способы добыть пропитание. У меня были свои промыслы. Рядом с кухонькой, где мы ютились, стоял разрушенный кожевенный завод. Видимо, по технологии шкуры солили, в развалинах мы добывали эту соль, как-то очищали её и продавали или обменивали на еду. На этом заводе были кирпичные своды, где-то разбитые, где-то целые. Мы разбирали или отбивали молотком кирпичи, чистили их и тоже продавали. Я находил оборванные электрические провода, резал на кусочки, очищал, и получались спицы для вязания – их покупали.

В Бершади запрещённой территорией для евреев были мост и железнодорожная станция, а украинцы могли ходить, где хотели. Местные спекулянты ездили на поезде в Одессу и привозили мелкий товар. Они возвращались со станции близкими к гетто улицами, и я покупал у них зажигалки, кремни, соль, махорку, газеты и перепродавал. Одну купленную газету давал читать за плату нескольким людям. Это были румынские газеты «Универсул» («Вселенная»), «Тимпул» («Время») и выходившая в Транснистрии «Солдатул» (Солдат»). В основном их брали для изготовления самокруток. Курильщики шутили, что «Солдатул» смердит, видно, её печатали на очень плохой бумаге, при горении издающей вонь.

Кухонька наша развалилась, и мы перешли жить в другую сторону гетто – ближе к стадиону, в верхней части города. Поселились в комнате 12-13 квадратных метров, спали всей семьёй в одной кровати: родители и у них в ногах мы с братом. Кроме нас, здесь жили одинокая женщина Клара и аптекарь с женой и матерью. Посреди комнаты стояла печка-«буржуйка», мы её топили, на ней варили и сушили. Несмотря на такие условия, соблюдали традиции отцов. Перед Песахом чистили, мыли жилище, не ели в дни праздника хлеб, молились.

Кроме голода и холода, было ещё и другое бедствие: облавы на мужчин для отправки на работу. При одной из них моему отцу удалось спастись. Он и напарник-аптекарь иногда брали топор, пилу, выходили за пределы гетто, что было большим риском, и в его окрестностях пилили и кололи дрова у крестьян-украинцев. Про-шли слухи, что в другом месте гетто румыны устроили облаву и забрали мужчин. Мама вышла из гетто, отправилась к отцу и предупредила его, чтобы он не возвращался до ночи. А в другой облаве его поймали и отвели в комендатуру, где располагался сборный пункт. Мама опять выручила его. Пришла в сборный пункт и дождалась, пока старший офицер останется один. Она стала просить его, умоляла сжалиться и дала румыну два золотых кольца за то, чтобы он выпустил папу. Отца ос-

вободили, а мы узнали потом, что эту группу отправили в Николаев, откуда мало кто возвращался.

Муж маминой сестры Хоны **Иосиф Кижнер** был дважды схвачен во время облав и угнан в Николаев на тяжелейшие работы. Немцы восстанавливали там мост через Буг. По окончании там работы он возвратился в Бершадь, в гетто. Сельская закалка помогла ему выжить. У Хоны с мужем умерли по пути в Транснистрию все трое детей**,** родившихся до войны: девочки **Эстер** (8 лет), **Фейга** (4 года) и мальчик **Герш-Цви** (3 месяца). В **1943** году в Бершадском гетто у них родился сын **Моня.** У маминой сестры Аделы в скитаниях колонны по лагерям умер от истощения сын **Йосик** трёх лет, родилась и сразу умерла девочка – ей даже не успели дать имя.

Все знали, что выход за пределы гетто карался очень строго, вплоть до расстрела. Румынский комендант города Михай однажды обнаружил за мостом молодого парня из гетто **Шимона**. На площади у церкви он его и задержал. Привязал к своему мотоциклу и два-три километра на скорости тащил его до комендатуры. Шимон был крепкий юноша и остался жив, но подобные зверства были у румын в ходу.

Городской базар, оказавшийся на территории гетто, румыны закрыли и перенесли его из гетто в верхнюю часть города, к стадиону. Как-то я выбрался из гетто, пробрался на базар, купил помидоры и благополучно вернулся. В гетто кто-то попросил их у меня, и я продал. Пошёл ещё раз покупать. И попался на глаза «грозе всех» – румынскому жандарму **Гицэ**. Он погнался за мной, догнал, выломал из забора жердь и стал бить меня ею по ногам, топтать всё, что я купил, но всё же отпустил. На базаре я больше не появлялся. След от заострённой жерди и сейчас, через 70 лет, у меня на ноге.

Мы слышали о местных партизанах и их борьбе с оккупантами. Бершадские евреи, которые не эвакуировались, тоже уходили в партизаны. На один из советских праздников они вывесили на церкви красный флаг. Жандармы и полицаи, которым надо было ехать из Бершади в Балту, боялись – их ловили и казнили местные партизаны. Румыны каким-то образом узнавали имена партизан. Они арестовали и расстреляли семьи партизан: их родителей, жён, детей. Для устрашения в городе в двух местах повесили расстрелянных партизан. Командиром отряда партизан, действовавших в лесах и окрестностях Бершади, был житель города **Яша Талис**. Все они ходили в ушанках с красной лентой.

Мы понимали, зачем нас угнали и держат здесь. При всей тяжести положения комитет еврейской общины Бершади во главе с доктором Корном успел многое сделать для узников. Через румынскую еврейскую общину, через «Джойнт» удалось открыть в гетто аптеку, где лекарства давали бесплатно. Внутри гетто появился небольшой базарчик: продавали варёную картошку, печёнку, грубый ячменный хлеб, дрова. Комитет еврейской общины старался бороться с болезнями. Возле нас находился колодец, и запрещалось пользоваться своим ведром. Назначенный человек **Моркэ** зачерпывал одним чистым ведром воду и наливал всем. Были оборудованы уборные.

Через «Джойнт» сумели вывезти из гетто группу детей в **1943** году. Я тоже был записан в эту группу: мне сшили рюкзачок, положили туда буханку хлеба. И в по-

следнюю минуту родители не отпустили меня – не могли расстаться. После этого в гетто осталось очень мало детей, почти всех вывезли. Говорили, что их доставили в Южную Америку.

После освобождения и войны.

В **марте 1944** года мы уже видели отступление немцев. Они проезжали мимо Бершади на грузовиках, даже сидели на крышах автобусов, укутанные одеялами. Советская авиация начала бомбёжки города: две бомбы попали в дом, были жертвы среди жителей. Без боёв группами вошли советские солдаты. Была большая радость, было большое счастье. Они спасли нашу жизнь, они воскресили нас. Мы их обнимали, целовали.

В **апреле 1944** года мы вместе с маминими сёстрами, дядей Иосифом и рождённым в гетто Моней отправились пешком домой. Было очень опасно идти, так как продолжалась война, и эти районы бомбили немцы. Приходилось иногда возвращаться обратно из-за военных действий. От Окницы уже ехали поездом и попутными машинами до своего села **Костичены**. В нашем доме, пока нас не было, поселился местный учитель. Мы вселились, и он жил у нас. Отец начал работать, мы с братом пошли в школу и окончили учёбу уже в **Новоселице**.

Мама Ривка, папа Лейб, братья Борис (справа) и Срул Ленковские. 1947 г. Новоселица

Брат **Срул** после учёбы в Кишинёвском сельхозинституте начал работать по специальности в Дондюшанском р-не Молдавии, но вскоре заболел белокровием и умер в 35 лет.

В **1951-56** гг. я учился и окончил факультет гидротехники Кишинёвского сельскохозяйственного института. Женился на девушке **Фане** из гор. Калараша. После института был отправлен на работу в Узбекистан. Вернувшись, 32 года работал в Кишинёвском проектном институте для сельского хозяйства в должности главного инженера проекта, а жена – 29 лет там же в сметном отделе. У нас с женой родились дочка **Айя** и сын **Марк**.

В Израиле.

В октябре **1990** года мы репатриировались в **Израиль** и не жалеем, что приехали сюда. Живём в гор. **Реховоте**. Мы очень довольны. У нас есть любимые две внучки: **Зоар** и **Марина**, чудный внук **Алон** и прелестные правнуки: девочка **Ноа** и мальчик **Омри**. Помогаем дочери и сыну поднимать их на ноги.

Я посчитал своим долгом рассказать о том страшном времени. Возможно, мой рассказ будет кому-то полезен. Пусть это не повторится никогда.

21.

Мильштейн Бина
*(г. **Бершадь**)*

О ПЕРЕЖИТОМ В ГОДЫ ХОЛОКОСТА

Я хочу рассказать всем о том, что пережила. В книге мой рассказ останется навсегда и дойдёт до потомков. Они должны знать, что было с еврейским народом в годы Катастрофы. Хочется забыть о плохом в жизни, но для будущего надо помнить о нём.

Довоенная жизнь.

Я, **Бина Мильштейн** (25 января 1932), родилась в еврейском местечке **Згурице** Сорокского уезда Бессарабии. В Згурице была румынская власть, не мешавшая нам жить еврейской жизнью. В городке до войны проживали более 10 тысяч евреев, кипела еврейская жизнь, соблюдались все еврейские законы и традиции. Помню большую двухэтажную синагогу и много маленьких синагог. К нам приезжали еврейские известные певцы (Сиди Таль) и театры.

Папа **Шая Ицкович Мильштейн** (1900) был родом из украинского местечка **Яруга**, вся его родня жила на Украине. Отец работал маклером по сельхозпродуктам, знал иврит, был более грамотным, чем мама. Жили мы в Згурице не очень богато, но и не бедно. У нас был кирпичный дом из шести комнат и два папиных больших сарая на приусадебном участке. Мама **Эстер Моисеевна** (1900) (девичья фамилия Гринман) в 13 лет сама научилась шить и работала портнихой. Мама выросла в Згурице в большой семье: её два брата были уже женаты, а две сестры замужем, мама была третьей сестрой. Все мамины родные жили на одной улице. Мамина мама, бабушка **Бася**, жила у одного из братьев, воспитывала его троих сыновей. Давно умершего дедушку **Мойше** я не помню. Маму как хорошую портниху знали в разных сёлах и звали Астра (*молд.* звезда).

Мой старший брат **Моня** (1924) учился в еврейской гимназии с преподаванием на румынском и идише, 9 и 10 классы окончил в лицее в гор. Сороки. Моня брал частные уроки игры на скрипке, красиво рисовал. Я с удовольствием посещала еврейский детский сад и первый класс еврейской начальной школы им. Рапопорта с преподаванием на идише. Школа была построена на средства вдовы богатого человека из гор. Бельцы в память о муже. В гимназии и в школе очень красиво и весело проводился праздник *Пурим*. Особенно торжественно у нас дома праздновался *Песах*. В семье разговаривали на идише и знали румынский язык. Дома у нас были еврейские книги и молитвенники на иврите.

В **1940** году с приходом в Бессарабию советской власти государственным языком стал русский. Еврейскую школу и гимназию закрыли. Я опять пошла в первый класс русской школы, мы ведь русского языка не знали. Еврейское население немного сникло. Его как будто потеснили и отодвинули. Папа стал работать в государственном учреждении. Мама шила на дому. Все руководящие должности заняли русские. Как и при румынах, в домах не было электричества, дороги были ужасные, особенно в дождь. В городке после 1940 года велись разговоры о приближающейся войне.

Начало войны и оккупация.

С началом войны наша семья пыталась эвакуироваться. Собрались все мамины братья и сёстры с семьями, наша семья, сели на подводы и вместе поехали в соседний город **Сороки**.

В Сороках протекает река **Днестр**, через которую огромное количество людей-беженцев хотело переправиться на другой берег на Украину. Мы ждали своей очереди несколько дней, а фашисты уже начали бомбить город и разбомбили переправу. Во время бомбёжек мы разбегались, прятались и разлучились с братом **Моней**, потом два дня безуспешно искали его в Сороках.

Километрах в десяти от Сорок находилось село **Косоуцы**. Здесь тоже имелась переправа через Днестр, по ней брат и переправился на Украину, думая, что мы успели переправиться из Сорок и он найдёт нас. В поисках семьи Моня доехал до **Вапнярки**. В ней уже были фашисты. Тогда брат пробрался в **Яругу** к бабушке по отцу, а затем – в с. **Черневцы** Винницкой области, зная, что там живёт старшая сестра отца **Биля** с семьёй. **Моня** находился в **Черневецком гетто** до марта 1944 года.

Брата мы не нашли, и в полной безысходности нам пришлось вернуться в **Згурицу**. Весь наш привезённый багаж мы закопали в сарае. В **начале июля 1941** года в наше местечко въехали на машинах, на танках, на мотоциклах немцы и румыны. Я с родителями находилась в нашем доме. Мне было 9 лет. Появился страх смерти. Мама предложила перейти к её сестре, тёте **Тубе**, жившей напротив нас с мужем **Давидом**, двумя сыновьями и дочкой. Мы ничего с собой не взяли, только ботиночки и пальтишко для меня, и быстро перебежали дорогу. Стали жить вместе.

Крестьяне из близлежащих сёл устремились в Згурицу грабить еврейские дома. Мама увидела через окно, что на большой проезжающей подводе лежат закопанные нами в сарае вещи. Правил лошадьми знакомый ей молдаванин из села. Хотя и было очень опасно, мама выскочила из дома и подбежала к этой телеге. Сказала, что это её вещи, а грабитель ответил, что в городке разбирают еврейское имущество, и если он не возьмёт, то добро достанется другому. Крестьянин спокойно уехал.

Помню, как в тётин дом вошли румыны и немцы. Нас всех вывели во двор, поставили лицом к стене, и мы поняли, что нас хотят убить. Рядом с дядей жила молдавская семья – многолетние соседи. Они увидели, что происходит, прибежали и начали просить, умолять по-румынски, чтобы нас не убивали. Румыны перевели

их слова немцам. Нас оставили живыми и вместе с другими еврейскими семьями выгнали на площадь. Постепенно площадь заполнили тысячи людей, изгнанных из своих домов. Когда нас погнали за город, я увидела, что еврейские дома охвачены огнём, помню пламя и дым над Згурицей. За городом на огромном пустыре нас остановили и принудили лечь на землю. Мы были окружены немцами и румынами. Двое суток держали в таком состоянии взрослых, детей, стариков – без воды, без пищи, без уборной, не давая ни на минуту подняться. На протяжении всего этого времени мы думали, что нас расстреляют.

На третий день нас подняли, опять построили в длинную колонну, не меньше 7-8 тысяч человек, и, словно скот, погнали в Сороки. Шли от рассвета до темноты. Мама и папа держали меня за руки, и я шла со всеми. Родственники шли целыми родами. На длинном страшном пути единственной пищей было всё сколько-нибудь съедобное, что находили ночью на полях: кукуруза, подсолнух, свёкла, капуста. Любая вода стала драгоценностью. В **Сороках** нас повели в одну из больших синагог. Мы видели, что евреи Сорок тоже согнаны в толпу в районе этой синагоги. Их присоединили к нашей колонне и всех погнали дальше.

Нас, находящихся в полной неизвестности, немцы с собаками и румыны водили по дорогам день за днём в июльскую жару. Тех, кто отставал, подгоняли штыками, того, кто не мог идти, на месте пристреливали. Люди под страхом смерти старались идти, в день мы проходили 25-30 километров. Запомнилось, что для ночлега всегда выбиралась болотистая местность на поле. Бедные люди не могли лечь, чтобы немного отдохнуть. Мы пили болотную воду. Мама и папа обычно сидели на корточках, а меня держали на своих коленях. Родители старались, чтобы мы шли внутри колонны и в середине её, потому что немцы иногда отбирали людей с боков колонны и расстреливали.

Помню, было холодно, и мама надела мне ботиночки и пальтишко. Иногда к колонне подходили местные люди, которые нам хотели помочь: дать кусочек хлеба, яблоко, огурец, но немцы этого не допускали. Один молдаванин у дороги показал румынскому солдату на меня пальцем, и люди из колонны это заметили. Мы знали, что, если кто-то был хорошо одет, румыны его отводили в сторону, раздевали и убивали. Меня начали искать румыны. Евреи тут же затолкали меня в середину строя, освободили от пальтишка, платьица, чем-то обернули, и румыны меня не нашли. Так я была спасена еврейским народом.

Пригнали нас в еврейское местечко **Вертюжаны**. Жили мы в оставленных домах. Помню, что в Вертюжанах умерло очень много людей от голода и дизентерии, потому что мы «питались» грязными овощами, нечем было мыть. Моя бабушка **Бася** 75-ти лет заболела дизентерией и на другой день умерла. Никаких похорон не было: вырыли яму и закопали её.

Через две недели из Вертюжан нас повели в неизвестном направлении. После смерти бабушки мамины братья **Янкель** и **Хаим** с семьями старались идти близко от мамы. На этот раз было необычайно много конвоя: и немцев, и румын. Мы решили, что нас ведут на расстрел. Внезапно нашу колонну конвой поделил на две части от середины. Образовалось две колонны: мама, папа, я, мамина старшая се-

стра тётя **Туба** с семьёй и дядя **Янкель** с семьёй – оказались в одной колонне. А во второй остались мамина сестра **Шейна** с мужем и детьми, её брат **Хаим** с женой и детьми. Так же безжалостно нацисты разлучили и другие семьи. Колонны повели по разным дорогам. Лишь после освобождения, вернувшись домой, мы узнали, что вторую колонну погнали в направлении гор. Рыбницы и по дороге убили всех.

Наша колонна проделала, как оказалось, обратный путь: нас вернули в **Сороки** и в семи километрах от Сорок завели в **Косоуцкий лес**. Мы пробыли здесь несколько недель. За это время из нашей колонны было очень много жертв. Сначала немцы собрали всех евреев с бородой, т. е. религиозных, и расстреляли. Затем увели молодых людей и убили их.

Из Косоуцкого леса нас переправили через реку **Днестр** в украинское местечко **Ямполь**. В Ямполе мы пробыли день или два в пустых домах, в которые румыны набивали по 50-100 человек. Невозможно было ни лежать, ни сидеть в этой тесноте.

В **сентябре 1941** года нас построили и повели по осенним украинским дорогам. Мы шли месяца два, и нас привели к селу **Ободовка**. На окраине нас поселили в свинарники и коровники, и мы пробыли тут две недели. Мои родители, я, мамина сестра и мамин брат с семьями находились в одном помещении. Есть было нечего. Я обратила внимание, что украинские местные жители старались нам помочь больше, чем молдавские в Молдавии. Украинцы ближе к сердцу принимали нашу беду, бросали нам пару картошек, кусочек хлеба, передавали еду разными путями. Здесь опять румыны произвели деление колонны: остались в Ободовке тётя **Туба** и дядя **Янкель** с семьями. Маму, папу и меня погнали дальше. Мы долго шли и наконец попали в гор. Бершадь Винницкой области.

<u>В Бершадском гетто.</u>

В **ноябре 1941** года мы стали узниками **Бершадского гетто** с румынской администрацией. Бершадь состояла из двух частей: верхней и нижней. Обе были окружены колючей проволокой. В верхней части жили местные евреи, не успевшие эвакуироваться или бежать, а также украинцы. Украинцы могли свободно передвигаться везде. Нижняя часть находилась возле речки Бершадь, в этот район с пустыми домами нас и привели. Мою семью поместили в дом из двух комнатушек, в которых было тридцать пять человек: три семьи из Згурицы, а остальные из других городов. Мы стали жить все вместе. Спали на досках, под которые отец что-то подложил. Укрываться было нечем, покрывали доски тряпьём. У всех на одежде на спине были обязательные жёлтые знаки – *магендавид*.

Месяца через два привезли поездом огромную партию евреев из Черновиц, тысяч 50. Им было разрешено взять багаж, они были одеты, у них были продукты. В отличие от нас они не были приспособлены к жизни в гетто, полной лишений. Мы оказались более стойкими, чем они: их прибыло очень много, но осталось в живых мало.

Наступила голодная холодная **зима 1941-42** годов, и люди начали болеть. При страшной антисанитарии в основном болели сыпным тифом, лечить больных было некому и нечем. Мой отец переболел малярией, болела и я. Единственная помощь больному – холодные компрессы и питьё. Люди умирали, и их трупы выносили

на улицу, складывали около домов на морозе. Приезжала подвода, а зимой – сани, и увозили их. Помню, что трупы лежали большой стеной, и это мои ежедневные впечатления десятилетней девочки. В конце зимы из наших 35 человек в живых осталось шесть.

При всех трудностях и голодном существовании моя мама приютила осиротевшего мальчика **Люсика**, родители которого **Штернберг Шая** (1900) и **Эстер** (1904) умерли в Бершадском гетто в феврале **1942** года. Лишь в 1943 году усилиями Международного Красного Креста мальчика вместе с другими сиротами из гетто увезли в Румынию, где он обрёл дом в еврейской семье. Сегодня Люсик – доктор биологии, профессор, известный в Израиле ученый **Элиэзер Кохва**.

Элиэзер Кохва – Люсик из гетто. Израиль.

Имелось местное еврейское самоуправление, которое регистрировало всех и составляло списки людей для отправки на работу. Постоянно людей из гетто уводили на работу, рабочую силу брали из домов. Румыны и полицаи приходили в наши дома только по крайней необходимости, они боялись заразиться от многочисленных инфекционных больных. Стариков не трогали, но забирали взрослых мужчин и парней. Пришла мысль прятаться. У нас был чердак, и когда мы знали, что будет облава для отправки на работу, то родители со мной по 2-3 дня, даже неделю, сидели на чердаке. В доме был подвал, прятались и в нём. Иногда нас находили там, и папу забирали. В основном мужчин направляли в Николаевскую область, к немцам.

От голодной смерти нас спасла мама благодаря своей профессии. После умерших оставались грязные вещи. Мама собирала их, стирала, чинила, переделывала и ходила в верхнюю часть Бершади. Ходить из одной части в другую запрещалось. На границе между частями стоял патруль: немцы и румыны. Мама ходила к проволоке, а с другой стороны к ограждению подходили сельские жители и горожане. Некоторые брали эти вещи в обмен на продукты, другие просто давали еду. Так мама добывала картофель, немного кукурузной муки, редко кусочки хлеба. Моей единственной мечтой тогда было – съесть кусочек хлеба, настоящего хлеба! На железной печке-буржуйке, стоявшей в комнате, варили кукурузную кашу или суп. Воду брали из речки, на речке стирали, мылись.

Родителей очень угнетало то, что они ничего не знали о судьбе моего старшего брата **Мони**.

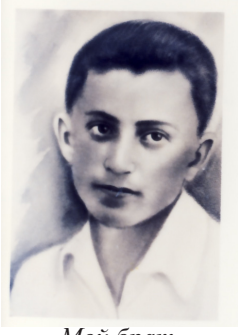
С **1943** года нам в гетто неожиданно разрешили переписываться с родственниками. Мы написали письмо бабушке в с. **Яругу** о том, что мы находимся в гетто в Бершади, и спрашивали, не попал ли Моня к ней. Через несколько месяцев мы получили письмо, написанное братом Моней. Оказалось, что родные из Яруги сумели передать наше письмо в **Черневцы**, где находился брат. И он, и мы были очень рады узнать, что все из семьи живы. Это событие впервые внесло радость в нашу тюремную жизнь. Мы уже слышали о поражении немцев под Сталинградом в феврале 43-го, о партизанах в местных лесах, и появилась мечта и надежда выжить. Мама говорила, что, как только нас освободит Красная армия, мы пойдём пешком за армией к брату в Черневцы.

Немцы чувствовали, что терпят поражение, и это приводило их в бешенство. В **феврале 1944** года они собрали много молодёжи и религиозных людей – человек 400. За городом вырыли огромный ров и закопали их живыми. Я, будучи ребёнком, этого не видела, но были очевидцы, рассказавшие мне.

Освобождение.

Жили мы недалеко от моста через речку и наблюдали, как немцы перед отходом заминировали мост. Они положили столько ящиков взрывчатки, что мы решили, будто они хотят взорвать мост вместе с городом. Однажды мы увидели, что вокруг нас нет ни немцев, ни румын. Мы сидели в домах, боялись выйти. Через несколько дней безвластия в Бершадь вошли партизаны, разминировали мост, а за ними – Красная армия. Никогда не забыть мне день **14 марта 1944** года. Он стал днём освобождения из фашистского ада, днём избавления от казавшихся бесконечными страданий. Красноармейцы знали, что здесь было гетто, они приходили в дома, кормили нас, давали нам хлеб, консервы, расспрашивали, успокаивали людей. Вот тогда только стал сходить с нас страх смерти.

Мама хотела, чтобы мы немедленно двигались за войсками, но её уговаривали подождать хоть неделю. В конце **марта 1944** года моя семья пошла в обратный путь. По дороге нас кормили бойцы, подвозили на подводах, на машинах. Пришли в **Черневцы**, где была неописуемая встреча с братом и родственниками. В апреле мы в полном составе вернулись в **Згурицу**.

Мой брат Моня Мильштейн в 17 лет. Снимок 1941 года.

Дом наш в Згурице оказался почти разрушен, для жилья были пригодны две комнаты. Я усердно занималась весной и летом с учителями, не хотелось идти с малышами во 2 класс. После приёмного экзамена я пошла учиться в 5 класс русской школы вместе с одногодками.

После освобождения из гетто мой брат **Моня Мильштейн** был мобилизован на фронт. Он ушёл воевать с большим желанием отомстить немцам за то, что они делали с евреями. Воюя в составе 3-го Украинского фронта миномётчиком, он погиб **5 апреля 1945** г. в Венгрии, участвуя в сражении на озере Балатон, в 21 год.

Послевоенная жизнь.

Наша семья в **1946** году переехала в гор. **Сороки** в связи с работой отца, здесь я окончила неполную среднюю школу. Я решила осуществить мечту детства – стать врачом: поступила в медицинское училище и, окончив его с отличием, была зачислена без экзаменов в мединститут.

Студенткой 3-го курса я вышла замуж за **Абрама-Михаэля Гринзайда** (1926), студента исторического факультета Кишинёвского пединститута. Абрам встретил войну 15-летним мальчиком в Молдавии, с семьёй находился в эвакуации. В 1943 году его призвали в армию, а в 44-м он попал на фронт, в десантные войска. До конца войны Абрам, молодой солдат, успел заслужить медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», орден Славы III степени.

В **1956** году я окончила учиться на лечебном факультете Кишиневского мединститута, Абрам – в пединституте, и мы вместе уехали по направлению в молдавский поселок **Дондюшаны**. Муж работал директором школы, а я – заведующей больницей на 50 коек и поликлиникой. Старалась и справлялась. В **1958** году у нас родилась дочь **Майя**, и мы переехали жить в **Сороки**, к нашим родителям. Я работала в Сорокской поликлинике и больнице, а муж – директором педагогического училища. Занималась общественной работой: комсомольской, профсоюзной и в качестве депутата местного совета.

Бина Мильштейн с родителями: мамой Эстер и папой Шаей. 1950 г. Сороки.

В **1971** году мы переехали в гор. **Кишинёв**. В течение 19 лет я работала участковым врачом Кишиневского городского медицинского объединения со стационаром в 1000 коек. Параллельно преподавала в Кишинёвском медицинском институте. Была удостоена трудовых наград – почётного знака «Отличник здравоохранения» и медали «Ветеран труда». Муж работал педагогом в Кишинёвском торгово-экономическом техникуме. Дочь окончила вуз по специальности инженер-гидромелиоратор и работала в научном институте, вышла замуж в 1979 году. В 1980 году родился внук **Морис** (Меер), в 1985 году – внучка **Элина**. Мама **Эстер** умерла 6 декабря **1980** года. Отец **Шая** умер 29 апреля **1983** года. Они похоронены в Кишинёве.

<u>В Израиле.</u>

У нас в Израиле жили дядя и тётя, родная сестра матери мужа, уехавшие в Эрэц Исраэль в 1934 году. Постоянно звали нас к себе. Мои родители и мать мужа мечтали жить в Израиле, но не дожили до этого времени. 23 августа **1990** года я с мужем, дочь с зятем и двумя внуками репатриировались в Израиль. Мы живём в гор. **Реховоте**. Ряд лет занималась общественной работой в комитете Реховотской организации бывших узников гетто. Муж **Абрам Гринзайд** возглавляет Всеизраильский Союз ветеранов Второй мировой войны – борцов против нацизма, был избран депутатом горсовета Реховота. Дочь **Майя** успешно работала руководителем филиала крупного торгового концерна. Внуки прошли службу в Армии обороны Израиля: **Морис** – офицером, **Элин** – сержантом в боевой части. Внук окончил Иерусалимский университет, работает в аппарате правительства. Внучка учится в Беэр-Шевском университете, готовится к получению 2-й учёной степени. А главное, недавно родила нам правнука.

Наши внуки слушают рассказы мужа об участии в войне и мои о том, какое детство у меня было. И мы очень хотим, чтобы у наших правнуков было настоящее мирное детство.

22.

Поляк Эрш
(г. Бершадь)

ПЕРЕД МОИМ ВЗОРОМ ПОГИБШИЕ В ШОА

Довоенная жизнь.

Наша большая семья из 11 человек жила в еврейском местечке **Згурица** Сорокского уезда Бессарабии. В Згурице было 4-тысячное еврейское население на десяти улицах, три синагоги, еврейское кладбище, служили раввин и *хазан* (ведущий богослужение в синагоге). Одна синагога была для богатых. От Згурицы до Днестра – 18 километров, а через Днестр – уже украинский городок Ямполь.

При румынской власти управляли делами сами евреи, ничего не запрещалось, каждый жил своей профессией, ремеслом, имел подводу на выезд. У жившего на окраине молдаванина – представителя румынской власти в подчинении было несколько полицейских. Он относился к евреям хорошо. В местечке работали слесари, токари, фрезеровщики, строители, маляры, столяры, стекольщики, сапожники, портные, парикмахеры, владельцы магазинов. Они обслуживали нужды всего населения местечка и окрестных сёл. Приезжали за покупками в Згурицу за 40-50 километров. В местечке вокруг еврейского центра жили 10-15 молдавских семей: сапожник Иван Катан, колбасник, винодел, а чуть подальше находились чисто молдавские сёла. Их жители в основном занимались земледелием. Между евреями и молдавским населением были доверие и помощь друг другу. Двери в местечке не закрывались на замок, были открыты, и не было воровства. При румынах мы не знали антисемитизма, вокруг был трудовой люд. Лишь в **1939** году с приходом в Румынии к власти фашистов мы слышали о попытках нападать на евреев, но у нас такого не было.

В нашем доме было три комнаты, при доме огород. Мой отец работал пекарем в пристроенной к дому пекарне с огромной печью. Приходилось трудиться ночами, чтобы к утру хлеб и бублики были свежими, тёплыми. Выпечку отец доставлял в магазины местечка и окрестные селения. В деревнях папу звали Иосиф Цыганер (Цыган) из-за смуглой кожи. Семья не была богатой, но хлеб у нас был всегда: ели тот хлеб, который не был продан. Голодному мама посыпала кусок хлеба солью, и это была еда. Подрастающие дети с большой охотой помогали отцу. Семья была очень дружная, хорошая.

Отец **Иосиф Менделевич Поляк** (1893), мама **Фейга Замвловна** (1900) и пожилая бабушка **Лея** (1866), папина мама, растили и воспитывали нас, восьмерых

детей – пятерых братьев и трёх сестёр: старшего брата **Мендла** (1917), брата **Исера** (1919), брата **Мойше** (1921), сестру **Сару** (Суралэ) (1923), брата **Дудла** (1928), меня – **Эрша** (9 сентября 1933), сестру **Хону** (прим. 1935), сестру **Либу** (1937). Представляю себе теперь, как сложно было маме обслуживать всех нас. Не было стиральной машины, горячей воды, печь топили дровами.

Я ходил в первый класс Згурицкой румынской школы и одновременно обучался ивриту в *хедере* с другими мальчиками.

В корне изменилась жизнь местечка с приходом советской власти в **июне 1940** года. Из трёх синагог две были закрыты. Советы сразу отобрали пекарню отца, она стала государственной, и он вместе с моими братьями Мендлом и Мойше работал в ней пекарем за зарплату. Не стало в магазинах масла, молока, мяса. Мы ездили раз в неделю на базар покупать продукты у крестьян. В обиход вошёл русский язык. Я опять пошёл в первый класс, уже русской школы. Новая жизнь продолжалась недолго.

Начало войны, оккупация и депортация.

Через несколько дней после начала войны муж моей сестры, семнадцатилетней красавицы **Суралэ**, ушёл на фронт, и она осталась с дочкой-младенцем.

С **июня 1941** года хлынули нескончаемые беды на нашу семью, и мне, мальчику, пришлось пройти через них. В **Згурицу** примерно в **сентябре 1941** года вошли румынские войска. Всех евреев выгнали из домов. Мы ничего не успели взять с собой. Начался повальный грабёж. Всё еврейское население согнали к речке на большой пустырь. Нас держали в окружении румынских солдат и полицаев в течение двух недель. Наши бывшие соседи, уже полицаи, насиловали девушек. Люди не выдерживали и умирали от голода и болезней. В это время жители окрестных сёл вошли в наши дома и полностью опустошили их, ограбили.

Через несколько суток нас погнали в **Вертюжаны**. Там мы пробыли всего неделю, ночевали в домах беженцев, которые покинули свои жилища, убегая вслед за Красной армией. И снова нас погнали: одну часть в Ямполь, другую – в Тирасполь. Мы попали в колонну, гонимую на Украину. Помню, когда мы шли по Молдавии, молдавские дети и подростки по сторонам дороги кидали в нас камни, а взрослые возле них смеялись. Старшие братья несли бабушку Лею на носилках в первых рядах, потому что тех, кто отставал от колонны, пристреливали. Наша колонна вошла на ночлег в **Косоуцкий лес**, и там было расстреляно много людей.

Первой жертвой в нашей семье стал 13-летний брат **Дудл**. Перед Днестром у дороги к парому нас охраняла целая группа местных уголовников. Через дорогу стоял дом с яблоневыми деревьями. Дудл забежал под деревья взять несколько упавших яблок, и его застрелили румыны. Нам не дали приблизиться к телу, отца сильно побили, и колонну погнали на переправу. Нас из семьи осталось десять человек.

Паромом переправились через **Днестр** и попали в украинский город **Ямполь**. Колонну вели румыны с собаками. Мы шли более недели. Нас не кормили и не поили. Пили из дорожных луж. Мы почувствовали совсем другое отношение к нам местных жителей. Многие из украинцев старались помочь евреям из Бессарабии

хлебом, варёной картошкой, яблоками и чем только могли. Они бросали еду нам в колонну из-за заборов, клали плоды заранее на дорогу, в придорожные канавы, потому что за помощь евреям румыны их били.

Ночевали мы в любую погоду в поле. На второй-третий день я увидел, что ребята идут без бабушки Леи. Я спросил, где бабушка, и они сказали, что сейчас придёт. Но она не пришла. От тоски по убитому любимому внуку Дудлу бабушка **Лея** не могла есть, умерла, и братья с отцом похоронили её ночью на привале. Нас осталось 9 человек.

Старший брат **Мендл** шёл отдельно от нас с молодой женой (имя не помню), которая в пути слабела с каждым шагом. Она умерла прямо на дороге. Мендл успел попрощаться с нами и сказал, что останется возле жены. Он не хотел покидать её, зная, что колонна пройдёт, и его, отставшего от колонны, румыны убьют. Больше мы его не видели. Нас осталось 8 человек.

В гетто.

Мы пришли в **Бершадь** в то время, когда гетто только создавалось, и ещё оставались пустые дома. Гетто в Бершади было огорожено колючей проволокой, в нём сделали несколько входов. Выходить было запрещено. С помощью местного *шамеса* (служителя в синагоге) нам достались две комнаты возле маленькой синагоги. Вскоре пригнали из Черновиц много буковинских евреев, их поместили в этой синагоге один на другом. Из-за голода, скученности и болезней они умирали десятками в сутки, приезжала подвода, на которую бросали умерших, и их увозили в сопровождении еврейского полицая. Узников не выпускали на похороны родных. Перед тем как закопать, у мёртвых вырывали золотые зубы. Из 50 пригнанных семей вскоре остались две.

Прямо за Бершадью находилось село **Быровка**, и его жители много помогали евреям, заключённым в гетто. Они подсовывали под ограду еду, особенно пригнанным издалека.

Самым тяжёлым временем в гетто стала первая **зима 1941-42** годов. Когда стало холодно, мы порубили наши кровати на дрова, чтобы согреться. Вместо кроватей у стен сделали на полу возвышение из земли и спали на нём. Бершадские евреи давали нам старые одеяла, коврики, чтобы укрыться от холода. Это спасло очень многих людей.

Мой брат **Исер** зимой в начале **1942** года заболел, стал исходить кровью и умер. Не было врачей, не было лечения. Детей вывели, чтобы мы не видели, как его забирают. Нас осталось семеро. В марте-начале **апреля 1942** г. умерла с 8-месячной дочкой моя старшая сестра, красавица **Суралэ**, любимица отца. Нас осталось шесть. Помню сказанные тогда папой слова, что дети должны хоронить родителей, а не родители – детей. Через 3-4 дня после смерти Суралэ отец сказал, что идёт принести нам кушать, вышел, и больше я его не видел. Мать уложила детей спать, сама ждала до утра, а утром замёрзшее папино тело нашли возле дома. Мой отец **Иосиф** в возрасте 57 лет умер, не вынеся ужасов, которые свалились на семью. После смерти под его подушкой мы нашли 7 кусочков хлеба, которые он, видимо, хранил для нас, детей. Мы остались впятером.

В **начале 1943** года румыны убрали вокруг гетто проволочное заграждение. По-прежнему стояли румыны-охранники, ходили полицейские патрули, но забора не было. Люди умирали от голода и болезней, как раньше, но больше никого не убивали. Я стал бегать в Бырловку и попрошайничать.

Наши несчастья продолжались. Брат **Мойше** был очень сильным человеком, он ходил выполнять тяжёлые работы в Бершади и в ближних сёлах. Это был наш кормилец. В **1943** году крепких ребят, в первую очередь Мойшу, немцы забрали из гетто на большое военное строительство в гор. **Николаев**. После окончания работы немцы всех расстреляли. Так погиб мой брат **Мойше**. Место его гибели мы не знаем. Нас осталось четверо: мама со мной, младшей сестрёнкой **Ханой** и совсем маленькой **Любочкой**.

Мне уже шёл десятый год, и надо было помогать семье. В 1943 году я нанялся пасти корову и телёнка у добрых пожилых людей в Бырловке. Меня кормили перед работой, давали домой муку, несколько картофелин. Так мы вчетвером продержались в гетто до освобождения **весной 1944** года.

После освобождения.

Когда узников гетто освободила Красная армия, мы отправились домой в Згурицу. Ночевали в брошенных домах, люди помогали маме продуктами. Прошли пешком 120 километров за 5-6 дней. Я нёс на руках младшую сестру Любу. Пришли в **Згурицу**, а нашего дома нет: его разобрали по частям на свои домашние стройки жители окрестных молдавских сёл. Осталась только полуразрушенная пекарня отца. Хоть ложись и помирай с голоду. У местных всё награбленное еврейское имущество лежало в сараях, в домах, и, когда мы вынуждены были ходить по домам и просить милостыню, они нас прогоняли, даже спускали собак. Лишь наша довоенная соседка из дома напротив, жена **Ивана Катана**, мать четверых детей, принесла нам наши одеяла, подушки, простыни. Она успела их вынести в 1941 году до прихода грабителей и хранила для нас.

Мы отправились на станцию **Дрокия**. У нас с собой почти ничего не было, в том числе и документов. Солдаты из военного эшелона взяли нас в вагон, накормили, спать уложили, и мы доехали с ними до гор. **Черновицы**. Ночевали на уличной скамье. Маме **Фейге** добрые люди помогли получить паспорт, прописку, устроиться дворником со служебной квартирой на пятом этаже: комнатой и кухней. Очень помог в этом украинец **Корнель Дашкевич**, искусный сапожник. Он нас кормил по его продуктовым карточкам. Я иногда чистил снег вместо мамы, а она ходила к людям стирать бельё.

Послевоенная жизнь.

Муж сестры **Суралэ** вернулся с войны без ноги. Он рыдал, узнав о смерти юной жены и ребёнка, и с горя уехал из Згурицы навсегда.

На Черновицкой швейной фабрике сестру **Хану** приняли на работу швеёй, меня – подносчиком кроя, нам дали трудовые карточки на 600 граммов хлеба в день каждому. В 16 лет я научился работать на петельной машине, за хорошую работу получил премию: отрез на платье для мамы. Я учился в вечерней школе, играл в оркестре и рабо-

тал на фабрике шесть лет. В **1952** году был призван в Советскую армию. Служил три года пулемётчиком и полковым сигнальщиком: подавал уставные сигналы на трубе.

11 декабря **1955** года женился на девушке **Доре** Урман, с которой был знаком до армии. Мы работали на одной фабрике. Отец Доры погиб на фронте, и её мать в 28 лет осталась с тремя дочками, замуж больше не вышла. Получили квартиру. У нас родились два сына: **Саша** и **Игорь**. Я работал сапожником по изготовлению модельной обуви, затем в олифоварне.

Сестра Люба Поляк с дочкой Соней. 11 августа 1958 года. Черновцы.

Обе мои сестрички после пребывания в гетто были слабы здоровьем. Хана и Люба вышли замуж. Младшая сестра **Любочка** стала заслуженным учителем Украины, она преподавала украинский язык и литературу в Черновцах. Мама **Фейга** умерла в Черновцах.

Мне запомнился русский офицер в Черновицком ОВИРе, который досрочно оформил нам документы на выезд в Израиль и сказал: «Езжайте на здоровье. Не хайте ту страну, где вы жили, и не ругайте ту, где будете жить».

<u>В Израиле.</u>

В **1973** году мы с женой и сыновьями (16 и 12 лет) эмигрировали в Израиль. Нам предложили работу и квартиру в гор. **Бейт Шемеш**, в 18 километрах от Иерусалима. Мы приехали к началу войны Судного Дня. Я устроился на работу в литейный цех завода. Продукцию изготавливали при температуре 1700 градусов с запретом на вентиляцию. Я трудился здесь от рабочего до мастера почти 25 лет. Жена работала на складе.

Сёстры **Хана** и **Люба** приехали жить в Израиль. Умерла **Хана**. **Люба** ушла из жизни в 62 года после тяжёлой болезни. Из всей нашей большой семьи остался я один, но род Поляков продолжается. Сыновья живут и работают в Израиле. Оба танкистами участвовали в военной защите Израиля. У меня 5 внуков. Сейчас мы с женой живём в гор. **Реховоте**. В декабре 2012 года исполнилось 57 лет нашей совместной жизни с дорогой супругой **Дорой**.

Поляк Эрш с женой Дорой. 2000-е гг. Израиль.

Я учил и учу своих сыновей, внуков тому, что вынес из своей непростой жизни: быть человеком во всех отношениях, помогать людям, знать прошлое еврейского народа и его традиции.

До сих пор стоит перед моим взором брат **Дудл**, погибший в Шоа первым из семьи. После освобождения в 1944 году мы наняли подводу и поехали из Бершади в **Косоуцы** в тот дом с яблонями, под которыми застрелили Дудла. Хозяева были дома, и когда они узнали, что мы хотим забрать кости брата, чтобы похоронить, спустили на нас собак. Так мы и уехали ни с чем.

23.

Ройтман Бетя
*(г. **Бершадь**)*

ЯМА ДЛЯ МАМЫ

Довоенная жизнь.

Я, **Бетя Гершевна Хаилис** (в замужестве Ройтман), родилась в бессарабском городке **Калараш 10 марта 1928** года, до войны училась в румынской школе в **Дереню**. Наша семья была небогатой, но дружной. Мать **Хаилис** (дев. фамилия Ратнер) **Эстер Зисовна** (1895) была хозяйкой дома: варила, стирала, занималась детьми. Мама была религиозной: соблюдала кашрут, читала благословения перед едой и молитвы на каждый *рош ходэш* (начало нового месяца). Мой папа **Хаилис Герш Замлевич** (1890) был родом из Оргеева. В синагоге он звался **Цви**. Он владел ремеслом бондаря, изготавливал бочки любых размеров. В Калараше у папы была постоянная работа и жильё для нас. В урожайные годы в семье был достаток. Отец выполнял заказы по сёлам, ездил, зарабатывал, и в нашем доме стояли полными бочка с кукурузной мукой, бочка белой муки, бочка с отрубями.

Единственное изображение родных Бети Ройтман: мать Эстер Хаилис с сыном Зисей. 1926 г.

В тяжёлые годы, когда случался неурожай, нечего было есть. Мы с братом **Зисей** (1926) ходили в соседнее село и там, на мельнице, покупали торбу муки. Когда работы не стало, отец уехал в село Нападены работать у хозяина, который дал папе маленькую квартирку. Мы были очень рады тому, что жили вместе с папой. Потом папа нашёл работу в Бельцах, в потребительской организации, и мы переехали **в Бельцы**. Жили там недалеко от сахарного завода.

Помню, что летом **1940** года к нам в Бессарабию пришла советская власть, и русские танкисты бросали детям деньги по 3 и по 5 рублей. Многие люди встречали Советы с радостью.

Начало войны и оккупация.

День **22 июня 1941** года застал нас в **Бельцах**. За несколько дней до начала войны папа уехал по работе сопровождать вагон с бочками. В них были маринованные свёкла, морковь, и надо было проверять, чтобы в пути они не протекли.

Папа взял брата Зисю с собой. Их маршрут был нам неизвестен. Началась война, бомбёжки. Больше мы с мамой не видели живыми ни отца, ни брата.

Когда мы решили эвакуироваться, на Бельцы налетели самолёты и обрызгали бензином город, загорелись дома. Сосед-парикмахер, видно, пожалел нас и предложил маме убегать, спасаться с ним и его семьёй: женой и её сестрой. В первый день мы оставались в городе, вместе ходили, прятались в траве, как-то переночевали дома. На второй день взрослые решили уйти из Бельц через речку. Она текла внутри города, и нам требовалось переправиться на другой её берег. Это было страшно, потому что вместо моста через неё просто перебросили доски, не за что было держаться. Мы боялись даже смотреть вниз, так было глубоко. Сосед завязал нам всем глаза, чтобы мы не боялись, и мы пошли через речку по шатающимся доскам, как канатоходцы, а он нас подбадривал. Вдруг начали бомбить город, мы разом со страху сдёрнули повязки, и все вместе упали в воду. Вышли на другой стороне мокрые и опять пошли за соседом. У него с собой были большие часы-будильник, а мы с мамой вообще не взяли с собой вещей. Покинули Бельцы. В пути прятались в скирдах сена, чтобы нашу группу никто не видел, боялись, что нас будут бомбить или обстреливать. Это было примерно **23-24 июня 1941** года. По этой же дороге шли многочисленные беженцы-евреи. С ними дошли до **Александрен** и на сахарном заводе вместе с беженцами остановились на ночлег, не знали, что делать. Местные крестьяне увидели нас раньше, когда мы только направлялись к заводу. Они пришли к нам не с пустыми руками – принесли и бесплатно дали нам еду: мамалыгу, огурцы.

На этом заводе мама встретила знакомого или родственника из Сорок, и вместе с ним мы, прячась по дороге, добрались до города **Сороки**, в котором мама родилась в большой семье. В Сороках жили её сёстры, братья. Мы пришли к моей тёте – маминой старшей сестре **Злате**. Её муж служил до войны в милиции, их дочку звали **Эня**. Мамин младший брат **Ратнер Нисель** жил отдельно в однокомнатной квартирке с женой и 5 детьми: самой младшей **Геней,** маленькой девочкой **Шейндл** (названной по имени бабушки), маленьким мальчиком **Зисей** (названным в честь дедушки), а девочки **Энта и Сима** были постарше. Однажды они все пришли к нам повидаться. Помню, я сидела и держала на руках одну из малышек. В этот день немцы с румынами заняли город **Сороки**. Было начало **июля 1941** года. Немцы зашли в дом тёти Златы. Помню, что мама отвечала на их вопросы по-немецки. Она научилась языку у папы, который воевал в Первую мировую и пробыл в плену в Австрии несколько лет. Там научился немецкому. У нас дома был немецкий календарь, и родители его читали.

С начала оккупации началась охота на девушек. По городу ходили немцы, ловили их, издевались над ними. Мама придумала, как меня спасти. Недалеко от дома её сестры пустовала конюшня. Мама нашла в конюшне сани, перевернула и впустила под них меня и дочерей брата. Сани она замаскировала сеном. Мы затаились.

Моя двоюродная сестра **Эня**, чуть старше 20 лет, была беременна. Она выбежала, тоже хотела спрятаться с нами под санями, но увидела, что появились нем-

цы, не хотела нас выдать и спряталась в уборной. Я слышала и всю жизнь помню, как один из фашистов выломал дверь, бил Эню прикладом по животу и кричал: «Русишэ швайн». Взрослые послали за акушеркой, потому что начались преждевременные роды. Акушерка Буба сказала, что нужен лёд. У маминого брата была ледовня, я и Сима выбрались из-под саней и отправились к нему за льдом. Ниселя не было дома, но в ледовне оказались немцы, они привели сюда его жену. И в этот момент появились в погребе мы с Симой. Немцы тут же силой стали запихивать нам троим во рты ложками то, что находилось в ле́днике: сахар, варенье. Так они проверяли, не отравлены ли продукты. Они забрали всё варенье и ушли, а мы схватили лёд, принесли домой и дали акушерке. Эня родила мальчика.

Надо было опять спрятаться. Мы закрыли дверь в дом, все-все залезли на чердак через вход в коридоре и лестницу втащили за собой. С чердака была возможность смотреть на улицу, но лучше бы не было. Именно тогда мы видели, как немецкие звери схватили Рузину сестру, изнасиловали и застрелили. (Рузя – моя двоюродная сестра, после войны вышедшая замуж за моего двоюродного брата.)

Депортация.

Ночью мы спустились с чердака и легли спать, а рано утром пришли полицаи и выгнали нас на улицу. В городе стоял стон и плач. Отовсюду сгоняли на площадь евреев. Всем приказали встать на колени, а перед нами установили четыре артиллерийские пушки. Продержали так какое-то время и приказали идти к синагоге. Затем построили в колонну и погнали по дороге. Мама, я, тетя Злата, ее дочь Эня с младенцем шли в колонне рядом. Особенно тяжело было идти тете Злате, грузной женщине, её выгнали из дому без обуви, в чулках. Мне досталось нести на руках новорождённого ребёнка, у Эни открылось кровотечение, и она была еле жива.

В колонне двигалось множество людей, и я вдруг потеряла маму из виду и стала кричать: «Мама! Мама!» Рядом шёл старший мамин брат **Айзик Ратнер** с женой **Пэрл** и 3 детьми. Дядя Айзик утешал меня: «Ты найдешь маму, ты найдешь». Наконец мама нашлась, и дальше мы шли вместе.

Колонна сорокских евреев была очень большая. Нас пригнали в **Косоуцы**, а затем почти сразу переправили в **Ямполь** по мосту через Днестр. В Ямполе находились недолго, и нас погнали через Днестр обратно в Молдавию и привели в **Рубленицкий лес**. Невдалеке от нашего привала работала немецкая кухня. Повар позвал меня. Я тогда уже была рослая, выглядела старше, я подошла к нему с младенцем на руках. Наверно, он подумал, что это мой ребёнок, и дал мне хлебчик, несколько кусочков сахару, налил полный чайник горячего какао или кофе. Это была наша единственная еда в лесу. Спать пришлось под открытым небом. Нечем было укрыться, не из чего было сделать шалаш, потому что все нижние ветки деревьев уже обломали до нас. Когда шёл дождь, мы полностью промокали, когда выходило солнце, в мокром тряпье стояли и сушились.

Не знаю, сколько мы здесь промучились, но затем нас погнали в село **Вертюжаны**. Здесь мы пробыли долго. Сорокские евреи заняли пустующие домики. Мама успела перед изгнанием из дома в Сороках собрать и спрятать у себя всё наше золото. В Вертюжанах был базар. Мы с мамой были очень голодны и пошли

что-то купить. Мама оставила на руке одно колечко, чтобы на него менять. Её тут же заметил румынский жандарм, подошел и начал сильно бить, сорвал это колечко с руки и ушёл. Хорошо ещё, что не поломал ей руки и пальцы. Мама еле дышала, мне уже не хотелось есть. Мы ничего не купили, так и вернулись в домик.

В Вертюжанах нас гоняли к берегу Днестра и заставляли вытаскивать из реки камни для строительства дороги. Ребёнок Эни сильно кричал. Люди говорили мне: «Брось его в воду», но я не могла утопить своего племянника. В Вертюжанах он умер от голода. Ему не успели дать имя. Вырыли ямку и закопали.

Подали подводы, и все, кто смог, залез на них. Села и мама со мной. Довезли нас до переправы. Мы еще раз перешли **Днестр,** и уже на Украине колонну разделили, разъединили родных и близких и отправили в разные гетто и лагеря. Маминых братьев с семьями, как мы узнали потом, увели в **Пятковку**, в 10 километрах от Бершади.

Нас с мамой в другой колонне пригнали в село **Чечельник**. Здесь до нас оказалась и умерла папина сестра – моя тётя **Хайка**, а её муж умер еще раньше, по дороге из Сорок. Был уже очень холодный декабрь. Нас повели по дороге и устроили остановку у каких-то конюшен. В них надо было спать. Мы не успели оглянуться, как из нашего уголка растащили всю солому, и нам с мамой предстояла ночь на холодной земле. Я вышла из конюшни посмотреть, что вокруг. Добралась до каких-то скирд в поле, нащупала колосья, налущила, сколько смогла, зёрнышек и принесла маме. Это был наш ужин. На другой день я увидела деревья с мёрзлыми сливами. Осы летом выели всё в них, это были косточки в сливовой кожуре. Я принесла их, и это была наша еда. Всё труднее было что-то отыскать, потому что началась зима, шел снег. Люди умирали десятками. Здесь нас всех румыны бросили умирать от холода и голода.

Однажды в ночном разговоре с кем-то мама узнала, что есть такое место – Бершадь, где можно спастись, если дать там золото. И мы с ней ушли туда. По дороге мама присела на камень отдохнуть, а я отправилась в село что-то попросить поесть. В одной избе жила хозяйка, которая как раз испекла и доставала из печи хлеб. Она хорошо приняла меня, дала мне свежую лепёшку и две ложки: деревянную и алюминиевую. До сих пор вспоминаю добром эту женщину. Мама уже начала опухать от голода, в тот день эта лепёшка спасла нас.

В Бершадском гетто.

Наконец мы приблизились к Бершадскому мосту и перешли по нему. Из одного домика нас увидел мамин родственник и стал звать: «Эстер, идите сюда, идите сюда!» Возле его домика была пустая квартира, мы в ней устроились. Кровать сделали из шкафа, положили его на пол, застелили и лежали на нём, а не на полу. Мы из домика не выходили. В **Бершади** управляли румыны и немцы. К нам заходил еврей Аурел, которому я понемножку давала золото в обмен на дерть (корм для скота). Из неё мы варили кашу и ели. Я находила иногда выброшенные рыбные головы с червями, куриные кишки, приносила маме. Она их чистила, мыла, варила, добавляла немного пшена, и мы ели. Нашла на земле кусочек макухи, весь в плесени. Мама сняла плесень, и мы жевали эту макуху. В человеческих условиях

мы бы никогда это не ели. Для воды у нас была глиняная крынка, в ней мы и варили. Набирать воду крынкой из общего колодца мне не разрешали, и я ходила за водой на речку возле маслобойки. В эту речку с ближних заводов стекал солидол, но надо было пить, мыться. Поставила зимой крынку с водой на берег, она сразу примёрзла к земле и, когда я хотела её поднять, разбилась. Так мы остались без посуды и воды. Нас заедали вши. Не было мыла. Мама ножницами остригла мне волосы, чтобы было легче. Мы бедствовали.

Все тёплые вещи мама надела на меня, сделала мне обувь: галоши, подвязанные тряпками, а сама осталась в тряпье. Постепенно спереди в области груди у неё образовался горб, и мама **Эстер** умерла. Было это зимой **1941** года. Трое суток мамино тело лежало в комнатке возле меня. Просили деньги за похороны, а у меня не было. Потом приехала повозка, забрала маму, и я пошла за повозкой. Для мамы вырыли небольшую неглубокую яму, и я уже сама руками рыла мёрзлую землю, чтобы сделать яму для мамы глубже, потому что голодные собаки могли разрыть могилу. Накрыла маму платком и закопала. Я только возвратилась с кладбища, как ко мне пришла из Пятковки **Сима**, старшая дочь маминого брата Ниселя Ратнера. Она рассказала, что там умерли её отец, брат и маленькие сёстры.

Я осталась сиротой и выходила из гетто в село выпросить хлеба. На груди и на спине у меня были жёлтые латки – два магендавида. Было мне лет четырнадцать, я не понимала, что меня могли остановить, поймать, убить. По дороге украинская женщина дала мне яблоко, сказала: «На, подкрепись». И я помню её до сих пор.

А бывало и по-другому. Я подошла в селе к одной хате, из которой вкусно пахло варёным. Хозяйка-украинка как раз вышла из сарая с полным ведром молока и направилась к дому. Я попросила хоть что-то поесть. Она ответила: «Вас тут тысячи ходят! Иди отсюда, а то собаку спущу». Я только попробовала заговорить, и она спустила огромного пса. Он вцепился в мою ногу и вырвал из голени кусок мяса. Как могла, я убежала. На левой ноге у меня есть большая впадина, память на всю жизнь.

Жила я в гетто близко от дороги, на которой стояли машины с грузами. Наконец решилась, как и другие дети, сбрасывать с машины замёрзшую свёклу. А рядом была парикмахерская. Когда нагнулась забрать «свою» свёклу, из парикмахерской вышел полицай, и я получила 25 ударов нагайкой по мягкому месту. До сих пор помню эту боль.

Одному человеку из Сорок – полуслепому еврею с женой и ребёнком я продавала понемножку золото, которое мама перед смертью мне оставила. Он платил едой, а его жена, помню, очень сердилась на меня.

Вместе с подружкой мы ходили воровать свёклу из кагатов, покрытых соломенными матами. Из свёклы получались оладьи, один такой оладушек был едой на весь день. Вся эта «пища» имела последствия: в 19 лет я осталась почти без зубов. В гетто я находилась до прихода Красной армии.

После освобождения и войны.

После освобождения в **марте 1944** года директор одного из заводов Бершади из жалости дал мне и моей старшей подруге Фане мешковину. Он видел, что две

девушки почти голые и босые на холоде. Я сделала себе юбку, а Фаня – жакет. Из Бершади мы с подругой пошли пешком в Сороки. Договорились, что будем всегда вместе, как сёстры. Перешли Днестр, и здесь в одной из машин она нашла своего мужа Петю и уехала с ним. Я осталась совсем одна, без денег и документов.

Пришла в **Сороки**. Ночевала возле дома, в котором до войны жила моя тётя, мамина сестра. Дом был разграблен, разбит, перекошен, поэтому я не заходила в него. Женщина-соседка позвала меня к себе, расспросила и предложила нянчить её ребёнка. Она работала главным бухгалтером в банке. Я согласилась и стала у неё дома вести хозяйство: варила, стирала, убирала, смотрела за ребёнком Любочкой. По талону на обувь получила парусиновые туфли. Кто-то из родственников дал наволочку, кто-то подстилку из тряпочек, ставшую простынёй. Хозяйка подарила мне отрез фланели, и я пошила себе платье. Секретарша госбанка Люба учила меня читать, писать по-русски. Когда я выучилась, то читала Любочке детские книжки. Через несколько лет ребёнка определили в детсад, а я пошла работать: сначала в разных организациях, а потом – кассиром в госбанке. В 1944 году я пришла прямо из гетто, а у меня требовали документы, и я сделала паспорт, по которому я родилась 25 марта 1925 года в гор. Сороки (фактически – в 1928 году в Калараше).

Училась в вечерней школе, окончила курсы кассиров и успешно работала. Вышла замуж за **Израиля Ройтмана**, фронтовика, принимавшего участие в освобождении Белоруссии, Польши, взятии Берлина, инвалида войны. Мы с мужем уехали в **Рыбницу**, работали, потом переехали в **Кишинёв**, где я трудилась на Центральной базе общепита до выхода на пенсию.

Памятник в Бершади на еврейском кладбище с именами отца, матери и брата Бети Ройтман.

От своей двоюродной сестры Двойры я узнала после войны о страшной судьбе маминых братьев и их семей, угнанных в 1941 году в гетто с. Пятковка Винницкой области. Благодаря Двойре, собиравшей деньги на памятник погибшим в Шоа жителям г. Сороки – нашим родственникам, такой памятник установлен в **Бершади** на еврейском кладбище. В гетто с. **Пятковка** погибли мамины родственники: её старший брат **Ратнер Айзик** (1889-1941) и его дочь **Бася** (1934-1941), её младший брат **Ратнер Нисель** (1900-1941) с дочерьми **Геней** (1930-1941), **Шейндл** (1939-1941) и сыном **Зисей** (1937-1941). На нём указаны фамилии и имена моих родных: папы **Герша**, мамы **Эстер** и брата **Зиси**. Они среди многих других увековечены на этом памятнике, в его установке есть и мой скромный вклад. Да будет благословенна их память.

В Израиле.

В ноябре **1989** года я, муж Израиль, сын с женой и внуками приехали в Израиль. Сын и невестка работают. Внук отслужил 4 года в Армии обороны Израиля, окончил Иерусалимский университет. Внучка прошла службу в армии, есть правнуки.

*

Вот и вспомнила то, что старалась все годы забыть. Из-за проклятой войны я осталась в начале жизни без любимых родителей и брата, родственников. Не могу остановить слёзы, когда их лица, голоса оживают в памяти. И ничто не может облегчить моё горе. Оно не стало меньше и сегодня, через 70 лет.

24.

Фишман Жозефина
*(г. **Бершадь**)*

«Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ РАССКАЗАЛА ЛЮДЯМ…»

На протяжении всей своей послевоенной жизни я старалась ЭТО забыть. Никогда об этом не говорила ни с кем. Я не прочла ни одной книги, ни одного рассказа о жизни в гетто и в лагерях, не смотрю фильмы о Катастрофе. Это выше моих сил. Я с трудом отрезала себя от этого периода. И сейчас, через 70 лет, в этой книге воспоминаний о Шоа Реховотской организации бывших узников нацизма я расскажу о самом тяжёлом, с чем жила один на один всю жизнь, понимая важность создания такого коллективного труда.

Довоенная жизнь в Румынии.

Я родилась в городе **Бухаресте** (Румыния) в семье состоятельных людей, владельцев фабрики. Наш огромный дом со своими 12 комнатами, утопающий в саду, находился в сугубо румынском районе. У нас была прислуга, гувернантка Каролина, выезд с арабской лошадью Бейби и собачка Пик. Жизнь была прекрасна!

У дедушки **Кальмана Вагнера** и бабушки **Рахели** было шестеро детей. Из 5 сыновей трое: **Адольф**, **Мауричу** и **Алеку** жили в престижном еврейском районе Бухареста, **Аарона** и **Фреда** дедушка послал в Париж для продолжения учёбы. Братья были хорошо устроены и заниматься фабрикой не желали.

Дочь **Берта Вагнер** (25 декабря 1900), моя мама, как все её братья, окончила румынскую гимназию. Помочь пожилым родителям пришлось маме, хотя мечтала она поступить в медицинский институт. Свою тягу к медицине мама восполнила самообразованием. В нашей огромной библиотеке на разных языках (мама в совершенстве владела французским языком, а папа – немецким) почётное место было отведено медицинской литературе. И хотя у нас был семейный врач, который нас регулярно посещал, делать ему ничего не нужно было, так как мама «практиковалась» на нас и на наших соседях.

Папа **Барух** (Бернард) **Дорман** (23 июля 1887) родился на Украине в местечке Каменка в семье среднего достатка. Он был старшим из 4 сыновей своего отца **Иосифа** и матери **Дворы**. Папа помогал дедушке в его бакалейном магазине. До 1914 года он успел отслужить в царской армии кавалеристом и вернуться домой. В начале Первой мировой войны, в 1914 году, папа повторно пошёл на военную службу вместо младшего брата **Зелика**, любимца семьи. На фронте почти сразу отец попал в плен и находился в Германии около 3 лет. После побега из плена он добрался до Бухареста, и кто-то предложил ему работу на дедушкиной фабрике. Дедушка Кальман принял Бернарда, нелегала без документов, на работу. Он жил в нашем доме и влюбился в маму. Мама ответила взаимностью. Отец сразу стал незаменимым помощником, и дедушка увидел в нём человека, который сможет продолжить его дело. Он его полюбил, как сына. Мои будущие мама и папа поженились в **1923** году, в день рождения папы, через несколько месяцев после смерти дедушки Кальмана. Свадьба была еврейская, с *хупой*.

Мама Жозефины Берта Вагнер (в замужестве Дорман). 1923 г. Бухарест.

Папа Жозефины Бернард. 8 марта 1923 г. Бухарест.

Папа был на 13 лет старше мамы, но это различие в возрасте ни в чём не ощущалось. **16 октября 1924** года родилась моя старшая сестра **Дорина**, названная в честь бабушки, а **16 декабря 1929** года родилась я. Меня назвали в честь дедушки Иосифа Иосефиной (по-французски **Жозефин**).

В царской армии папу звали Борисом, в германском плену его стали называть **Бернард**. С этим именем он жил в Румынии, пока мы не попали в Советский Союз. В СССР моё отчество было Борисовна. Особого образования у него не было, хотя я его знаю как человека очень образованного, эрудированного, культурного. Папа прекрасно говорил на родном языке идиш, на украинском, русском, немецком и румынском языках. Он очень много читал. Очевидно, у отца была наклонность к языкам, которую я унаследовала. Дома мы разговаривали по-румынски. Иногда взрослые переходили между собой на идиш. К 1940 году моим родным языком был румынский, я знала французский и немецкий языки и читала книги на этих языках.

Родители уверенно вели дела на фабрике. Их любили, потому что они давали работу и хороший заработок, наверное, ста работникам-румынам. Папа помогал деньгами всем, кто обращался.

Жозефина в возрасте 11 лет в спортивной форме. 18 июня 1940 г. Бухарест.

Мы с сестрой учились в женской румынской гимназии для дочерей зажиточных, богатых горожан. Все наши подруги были румынками. До 1940 года сестра успела окончить 5 классов гимназии, а я – один класс. В гимназии, где мы занимались, было очень мало евреев. От уроков религии нас освободили. Я посещала секцию велосипедного спорта.

Дорина, сестра Жозефины. Июнь 1940 г. Бухарест.

В нашем доме соблюдались еврейские традиции. Мама всегда зажигала в пятницу вечером свечи, мы встречали субботу за украшенным столом. Папа произносил молитву, совершал *кидуш* (религиозная церемония над бокалом вина). Родители ходили по праздникам в хоральную синагогу, брали и нас, но мы играли во дворе синагоги. К *Песаху* нам шили новые наряды. В доме ели мацу. На *Ханнуку* всех детей впускали в синагогу, было очень весело, мы танцевали и пели песни вместе со взрослыми. У нас были флажки с надетым на древко яблоком, и на яблоке горела маленькая свеча.

В Румынии к **1939** году уже господствовал фашизм, начались погромы, спровоцированные фашистской партией легионеров. Евреев заставляли продавать свое имущество румынам. Папе пришлось продать фабрику главному специалисту Дану. Тот был порядочным человеком, отец ему очень доверял. Мы остались без фабрики. Папа открыл цех и посудный магазин на имя другого румына. Но настроение в доме уже было другим. Помню, что в 39-м году у нас «мобилизовали» мою любимую лошадь Бэйби для армии. Для меня это была большая потеря. В целом обстановка была ужасная. Последней каплей в решении родителей уехать из Румынии стало полученное из гимназии письмо, в котором сообщалось, что мы с сестрой больше не сможем посещать гимназию. Такого папа стерпеть не смог.

Довоенная жизнь в СССР.

Мы покинули фашистскую Румынию **10 августа 1940** года, хотя близкие наши родственники продолжили жить в Бухаресте. Наш багаж представлял собой 10-12 больших соломенных корзин с самыми необходимыми вещами, и каждая из них была завёрнута в персидский ковёр. На румынской границе пограничники тут же конфисковали все ковры, и мы остались с корзинами и без моей собачки Пик, с которой мне не разрешили выехать в Советский Союз. Она осталась с провожавшими нас двумя папиными братьями. Это была моя вторая тяжёлая потеря после лошадки Бейби. Мы переправились на пароме через реку Дунай на советскую сторону. Мне запомнилась на всю жизнь атмосфера радости, царившая среди много-

численных пассажиров парома по прибытии в СССР. Встретили нас тепло, помогли погрузить багаж в товарный поезд. Мы направлялись в Вертюжаны – еврейское местечко, где жила папина троюродная сестра. Поезд прибыл вечером на конечную станцию, от которой надо было добираться до Вертюжан на подводах. Наш багаж перенесли в помещение маленького вокзала. Мы уснули на вокзальных скамьях крепким сном, потеряв всякую бдительность. Когда проснулись, нашего багажа не было. Украли! Милиция ничего не нашла, кроме брошенной в зарослях кукурузы маминой сумочки, в ней мама везла самые дорогие ей семейные фотографии. Мы сумели сохранить их и в гетто, и до сегодняшнего дня.

В **Вертюжанах** нас встретили хорошо. Меня записали в 6 класс молдавской школы, а сестру – в 10-й, выпускной, класс. Папа почти сразу уехал в Кишинёв, а затем в Черновицы искать для семьи подходящее место для постоянного жительства. Мы с мамой и сестрой остались жить в Вертюжанах. Папа как знаток румынского, немецкого, русского языков быстро и хорошо устроился работать в Черновицах. Более того, он получил служебное жильё, и мама отправилась к нему обустраивать семейное гнездо. Мы с сестрой должны были переехать в Черновицы по окончании учебного года.

20 июня 1941 года, в последний день учёбы, мы с Дориной сели на прямой поезд в **Черновицы**, и субботним утром **21 июня** мама встретила нас на Черновицком вокзале. Приехав в дом, мы не могли налюбоваться его красотой и цветником роз перед ним. В доме была просторная прихожая, в комнатах зеркальные шкафы, имелись туалетные комнаты, из столовой с великолепной кухней несколько дверей вели в четыре разные комнаты: гостиную, спальню родителей и наши с сестрой комнаты. Этот рай продолжался и за домом – там зеленел виноградник, окружённый фруктовыми деревьями. Всю ночь с 21 на 22 июня мы провели в счастливых разговорах, лёжа всей семьёй на большом ковре посреди столовой.

Начало войны, оккупация, Черновицкое гетто.

Ровно в 4 часа утра **22 июня 1941** года над домом пролетели тяжёлые бомбардировщики. Нам, детям, этот звук ничего не говорил, но мама вскрикнула: «Война!» В этот же миг немецкая бомба упала на синагогу в **Черновицах**. Больше не бомбили. В городе начался полный хаос. Украинцы врывались в еврейские дома, грабили их, тащили из них всё. Все представители советской власти тут же покинули город, оставив его жителей на произвол судьбы. Никто из Черновиц не успел эвакуироваться. Уже через день-два город был оккупирован целой сворой: немцами, румынами, венграми, итальянцами. Местные подонки сразу же почувствовали, что пришло их время. Были нападения на евреев, кражи у них, взрывы и другие бесчинства. Евреи забились в свои уголки и не знали, чего ждать. Жили мы в пригороде, мама не выпускала нас на улицу, папа выходил в город «в разведку». В страхе прошли приблизительно 2-3 месяца. В городе появились большие объявления на румынском и немецком языках о том, что евреи в течение 24 часов обязаны покинуть свои дома, взяв с собой самое необходимое, и отправиться на указанное для сбора место. Так евреев города изгнали из их до-

мов. Когда еврейское население Черновиц собралось на площади, нас загнали в еврейский квартал. В еврейские дома, где жило два-три человека, затолкали по несколько семей. Этот переполненный людьми еврейский квартал и был превращён в **Черновицкое гетто**.

Нам повезло, что мы попали в зажиточную семью. В её подвале имелись запасы продовольствия, и на них мы продержались довольно долго, иногда папа тоже приносил что-то поесть. Но главное, что нас душило, – теснота. Народу набилось столько, что можно было посидеть и иногда полежать. Пробыли мы в гетто до начала осенних дождей.

Депортация.

В один из дождливых дней появилось второе объявление: всем евреям с вещами собраться на той же площади. Когда все жители гетто пришли, нас повели на вокзал под конвоем румын. Погрузили в товарный поезд, в вагонах на полу была солома. Никто нам ничего не объяснял, нас загнали и повезли, как животных. Я видела десятки тысяч евреев. Вагоны были плотно набиты людьми, мы стояли, прижавшись друг к другу. У папы был жизненный опыт, и он заранее сделал четыре рюкзака из своих рубашек, так что у каждого из нас на несколько дней имелась смена белья, мыло, полотенце, зимняя одежда.

Ехали мы недолго. Нас высадили на станции **Маркулешты** Флорештского р-на Молдавии. Мне запомнилось, что там стояли длинные ряды столов, за которыми сидели военные. Мы должны были по очереди подойти к столам и выложить на стол документы, ценности, деньги, украшения, а всё остальное подвергалось обыску. Ещё в Бухаресте папа спрятал в полостях щёток для одежды кое-какие ценности, и эти щётки всегда были при нём. Их у него отобрали, потому что щётки были сделаны из красивого дерева, и сказали: «Они вам больше не понадобятся», не подозревая, что в них лежат мамины фамильные бриллианты.

После грабежа подали подводы и сказали, что старики, беременные женщины и маленькие дети поедут на подводах. Остальных повели дальше пешком. Мы подумали, какие они всё же гуманные, что самым слабым дали возможность ехать. Наступил холодный сентябрьский вечер. Мы продолжали идти. Из охраны на всю многотысячную колонну было несколько вооружённых солдат. Шли и ночью, очень долго. На нас были летние лёгкие одежды, мы мёрзли. И вдобавок вдруг начался сильный дождь, как перед потопом. Мама сказала, что небо заплакало. Дошли по грязи до села **Косоуцы** Сорокского р-на. Мы чувствовали страшную усталость и голод. В **Косоуцком лесу** приказали всем мужчинам построиться с правой стороны, а женщинам – с левой. Начались крики, плач, расставания. Тех, кто ехал на подводах, повезли вперёд, и мы их больше не видели. Затем увели мужчин. В лесу под холодным дождём остались только женщины и девочки. Вдруг мы услышали продолжительную стрельбу. Все замерли – мы знали, что она означает. Через какое-то время мужчины вернулись. Сначала они молчали, но позже папа нам рассказал, что их взяли рыть ямы для могил. Тех, кто был на подводах, заставили стоять и смотреть, как они копают, и потом расстреляли. Это была Варфоломеевская ночь. Среди мужчин были такие, что со-

противлялись, и они не вернулись. Всю ночь в лесу стоял крик, со всех сторон слышался плач.

Вместе с нами шла молодая беременная женщина. Ещё в поезде мы сблизились с ней, и мама её опекала. Женщина плохо себя чувствовала. Когда беременным предложили подводы, она не захотела ехать и шла пешком рядом с нами. В Косоуцком лесу от всего пережитого и происходящего у неё начались преждевременные роды. Она рожала в лесу на земле, дождливой ночью, в холоде и страхе. Мама нас с сестрой отогнала, но мы боялись отойти и видели, как мама принимала роды. Наконец родилась крошка и начала кричать, от боли кричала и роженица. Прибежал солдат. Он всё сразу понял, подошёл к маме, вырвал из её рук младенца и просто выбросил в кусты, а родившую женщину застрелил.

В ту ночь передо мной, девочкой 12 лет, ещё не читавшей «Гамлета», впервые встал вопрос: «Быть или не быть?», и, если б не чувства, которые связывали меня с семьёй, и не страх за последующую реакцию родных, я бы, наверное, не дожила до этого момента. Но в одном я зареклась: «Если каким-то чудом я останусь в живых, детей рожать я не буду. Я не хочу, чтобы мои дети перенесли то, что мне пришлось пережить».

На рассвете нас погнали дальше, через Днестр, и мы попали на Украину. Здесь продолжилось наше «хождение по мукам». Это была дорога в никуда. Нас не гнали в какое-то определённое место. Это была экзекуция, и её цель состояла в том, чтобы люди вымерли по дороге. Мы шли длинной, на десятки метров, колонной во всю ширину дороги. Правила наших румынских палачей мы усвоили сразу: отстаёшь – стреляют, двинешься в сторону – стреляют, и тебя нет. Были моменты, когда украинцы подходили и бросали на дорогу кусочки хлеба. Тогда немногочисленные конвоиры стреляли и в них, чтобы не давали, и в колонну, чтобы не брали. Мы боялись нагнуться за хлебом, чтобы не расстреляли. Нас вели не по прямой, а кругами, зигзагами и извилинами, чтобы замучить. От Косоуц до Бершади дорога 170-180 километров заняла не меньше трёх месяцев – настоящий «марш смерти».

Стоял **октябрь 1941** года, холодная осень с дождями. Шли мы с утра до ночи. Украинские дороги были ещё хуже, чем молдавские. Жажду мы утоляли водой, которая лилась или капала с неба. Ближе к ночи нас подводили к бывшим колхозам и загоняли в свинарники, коровники. Двери запирали снаружи на засовы и оставляли нас до утра. В помещение для скота набивали столько людей, что можно было только стоять, в лучшем случае удавалось сесть.

Не помню многочисленных мест, через которые мы прошли. Запомнилась на всю жизнь только **Ободовка**. Уже в потёмках мы пришли в это село, нас затолкали в конюшню. Мы страшно обрадовались, что внутри неё на земле был очень толстый слой соломы и можно сесть, прилечь. Я помню, как сейчас, мама сидела, папа стоял, а нас с Дориной положили на солому отдыхать. Я уснула, и в полусне я искала мамину руку, мне надо было знать, что мама рядом. Я нашла руку, но она была страшно холодная. Я крикнула: «Мама, что с тобой?» Мама спросила: «Что случилось?» – «У тебя рука такая холодная». – «Какая рука? Ты до меня не дотронулась. Тебе что-то приснилось?» Я сказала: «Мама, я держу твою руку». Ужасу

моему не было предела, когда оказалось, что я лежала на соломе, под которой румыны или немцы скрыли трупы. Не знаю, как я это пережила. Я металась в темноте, хотела выбежать из помещения с мертвецами, но оно было заперто снаружи. За одну ночь я стала старухой.

Наутро опять нас выгнали, и надо было идти. Всё это длилось и длилось бесконечно. С этой ночи, когда нас загоняли спать в очередной свинарник, я никогда не ложилась на солому, даже близко не подходила. Нас всё это время не кормили. Но были добрые люди, которые бросали на дорогу еду. Наконец-то мы поняли, что, если лежит еда, её надо поднять, потому что так или иначе ты умрёшь. И каждый раз у папы находился какой-то кусочек для нас, и мы его делили. Мы с сестрой видели, что иногда родители делают вид, что жуют, отдавая нам всё. Это было просто чудо, что мы выжили. Многие люди уже не поднимались после очередной ночи в этих конюшнях: или были мертвы, или были вконец обессилены. Когда все выходили наружу, румыны делали проверку и расстреливали оставшихся в помещении. По дороге бывали остановки на несколько минут справить нужды. Приходилось делать это коллективно. Не всем такое было под силу, я была очень стеснительной, но через какое-то время стыд притупился. У меня было ощущение, что в первую очередь мучители добивались нашей полной деградации.

Мы потеряли все ориентиры во времени и в пространстве. Было неизвестно, куда мы идём, сколько времени прошло и сколько ещё идти. Даже мы, дети, поняли, что конец близок, потому что невозможно так дальше ходить до бесконечности. Уже были заморозки, мы постоянно мокли под дождём. Многие люди заболевали и уже не вставали. Мне казалось, что наши пешие переходы под конвоем – это дорога в ад, что мы приближаемся к нему. Так я себе это представляла, и я шла в ад с открытыми глазами.

Во время нашего «похода» папа сблизился с молодым красивым венгерским евреем, говорившим по-румынски. Его звали **Золи Херц**, попавший в нашу колонну из села **Сторожинец** Черновицкой области. Мы узнали, что на день 22 июня 1941 года была назначена его свадьба, и она состоялась. Он женился на девушке по имени **Гина**, и этот «марш смерти» был их «свадебным путешествием». Гина находилась с нами, а Золи вместе с папой ходили добывать пропитание. Постепенно молодая пара стала частью нашей семьи.

Моя сестра **Дорина**, по характеру огонь, с мальчишеской натурой, очень умная и добрая, заболела по дороге первой. Случилось это глубокой **осенью 1941** года. Мама сразу заметила состояние сестры и сказала, что мы дальше идти не можем, что-то надо делать. В тот же вечер, когда мы подходили к очередному населённому пункту, Золи заметил некое укромное место, поговорил с папой и взял Дорину на руки. Наступала ночь, а колонна шла. Золи скомандовал: «За мной!» Благодаря тьме мы ускользнули из колонны. Золи привёл нас к разрушенному дому, с одной стеной к дороге и одной боковой, больше ничего не сохранилось. Здесь мы вшестером и спрятались. Колонна прошла. Наутро Золи пошёл в разведку: мы не знали, где находимся и что будет дальше. Золи был красивым молодым парнем, не похожим на еврея – настоящий венгр. Через несколько часов он вернулся и сказал: «Пошли! Мы спасены». Золи опять понёс Дорину на руках. Идти было недалеко.

В Бершадском гетто.

Мы подошли к какому-то дому и вслед за Золи спустились в подвал по 6-7 ступенькам. Внизу была дверь направо в помещение, где когда-то хозяева держали свиней. Запах животных и грязь остались. В одной из стен комнаты было окошко вровень с землёй, забитое дощечками, чтобы проникал воздух. Сбылось единственное, о чём мы мечтали – чтобы была крыша над головой. Золи с папой отправились разведать окрестности и предупредили нас, чтобы мы сидели тихо, как мышки. Ведь мы даже не знали, есть ли хозяева у этого дома, кто живёт в его верхней части. Мужчины вернулись с дверью, снятой в одном из домов, потом принесли кирпичи и соорудили широкий топчан для мамы, папы, Дорины и меня. Нашлась вода. Мы, как могли, убрали и вычистили бывший свинарник. У другой стены поставили лежанку для молодожёнов.

Как только мы оказались на топчане, Дорина и мама потеряли сознание. Мама была в беспамятстве четыре месяца, а Дорина два с половиной месяца не приходила в себя. После них заболела Гина, затем Золи и я. Нас всех сразил брюшной тиф. Папа не заболел, и это было наше счастье. Он за нами пятерыми ухаживал. По ночам папа пробирался в ближайшие сёла, нанимался на работу, что-то добывал, приносил еду. Он нас мыл, переодевал. Папа узнал о том, что где-то близко живёт доктор **Флайшман** из Черновиц, и он привёл его к нам. Лекарств у врача не было, он дал рекомендации: бороться с грязью, со вшами, прополаскивать больным рот и т. д., и это помогло.

Я заболела последней и пришла в себя первой. Я стала папиной помощницей, и на моём попечении были мама, Дорина, Золи и Гина. Мама и Дорина болели молча, с высокой температурой, они лежали как мёртвые, не плакали, не кричали. Я помню, как папа с трудом размыкал челюсти каждого из больных, чтобы очистить полость рта и накапать водички. У Гины болезнь протекала по-другому. При высокой температуре Гина была буйной больной: она толкалась, её дёргало, она не давала больному мужу лежать рядом, она пила свою мочу. Я видела, как папа мечется среди больных, лежащих без памяти. Нужны были нечеловеческие силы для ухода за всеми. К тому же по ночам отец работал у крестьян в поле – выкапывал колхозную картошку во время заморозков. В другие разы папа сам шёл в поле, зная, где осталась невырытая картошка, и приносил всё добытое нам. Я готовила каждому «деликатес» – ломтик картофеля, печённый над огнём на железном прутике. Однажды папа принёс целое богатство – 10 картофелин и просил продолжать печь их только по одной в день, чтобы хватило надолго. Наутро мы увидели, что замёрзшая картошка пустила воду и почернела. Пришлось эту гниль выбросить, но я плакала, что мне нечем будет кормить семью.

Папа научил меня делать «жондру» – очень жидкую кашу из кукурузной муки на воде. Я умела рассчитывать муку так, чтобы хватило этого напитка на 7 человек (а нас было шестеро). Я навсегда запомнила папин урок. Он говорил мне, что у меня должна быть одна запасная порция сейчас и в будущем: «Если в дверь постучит человек и попросит поесть, у тебя всегда должно быть, что ему дать. Мы своё уже съели, это запас для кого-то».

После меня выздоровела Дорина. Эта в недавнем прошлом цветущая красивая 16-летняя девушка выглядела скелетом старушки, обтянутым кожей. Она не могла ходить. Папа принёс ей две палки, чтобы она могла передвигаться по комнате.

Так мы жили в своём убежище. Каждая минута, каждый день тянулись медленно, как век.

Мама умерла через четыре месяца после того, как слегла. Она всегда была полной женщиной и во время болезни выглядела такой, как обычно. Я всегда лежала возле неё, говорила ей что-то, целовала её.

И вот однажды ночью мама проснулась. Я закричала от радости и разбудила всех. До утра я рассказывала маме, какой больной она была, и как я за ней ухаживала, и как папа за ней смотрел, и какое счастье, что она теперь с нами. Я говорила, что поднялись на ноги Дорина, и Гина, и Золи, а сейчас и ты пришла в сознание. Она разговаривала со мной, задавала вопросы, и, обнявшись, мы уснули.

Утром, когда я проснулась, в моих руках лежал скелет. От той пышной женщины ничего не осталось, кроме костей и кожи. У неё была уремия, и она опухала от поступления мочи в кровь и скопления жидкости в организме. Перед смертью эта жидкость вышла наружу. Я обнимала любимую маму, а проснулась, обнимая скелет. Мама **Берта** умерла в гетто города Бершадь **3 февраля 1942** года.

Оказалось, что мы находимся в гор. **Бершадь** Винницкой области. Выяснилось, что в Бершади румынами устроено гетто, и мы живём в этом гетто в подвале, принадлежащем местному сапожнику **Иосифу**, живущему над подвалом. Папа и Золи узнали всё раньше, а мы, женский пол, никуда не выходили, а потом заболели.

В Бершадском гетто был установлен запрет на выход из него. Наблюдали за порядком и издевались над евреями также украинские полицаи из местных, и они были хуже, чем румыны – я это хорошо помню. В гетто, кроме местных евреев, жили евреи, депортированные из разных мест: Буковины, Бессарабии. Была тяжелейшая зима. Папа и выздоровевший Золи сложили печку из кирпичей, и это спасало. **Зимой 1941-42** годов в Бершадском гетто свирепствовал брюшной тиф. Каждое утро в гетто проезжала подвода с колокольчиком и собирала трупы. На следующее утро после смерти мамы, услышав колокольчик, папа вышел и попросил, чтобы забрали маму. Зашли двое евреев, сняли с неё одежду и за одну ногу потащили маму через коридор наверх, к выходу из подвала. Её тело бросили на переполненную трупами подводу. Это был последний раз, что я видела маму. Никто из родных не имел права сопровождать умерших. Когда мы уже стали выходить из подвала и искать, где похоронили маму, мы узнали, что за пределами гетто недалеко от румынской комендатуры есть пустырь. На нём вырыли 3-4 большие ямы вместимостью 500-600 человек каждая, и в них сбрасывали голые трупы убитых и умерших евреев.

В **1942** году после волны тифа в Бершадском гетто началась волна облав. Они проводились в основном посреди ночи. Людей стали забирать на работы. Группа румынских солдат врывалась и вытаскивала из домов иногда мужчин,

иногда женщин в зависимости от того, какая рабочая сила им была нужна. Они отправляли людей в немецкую зону по заявкам немцев. Многие больше никогда оттуда не вернулись.

Я уже упоминала, что в наш «свинарник» вели 6-7 ступеней, потом тёмный коридор, и с правой стороны была дверь в наши «хоромы». Перед этой дверью имелась свободная площадка, и на ней папа установил чурбан, на котором рубил добытые окна, двери на дрова для печки. Однажды во время рубки чурбан сдвинулся, папа ударил топором прямо по полу, и жизненный опыт по звуку от удара подсказал ему, что под земляным полом наверняка пустое пространство. Он начал рыть в этом месте и обнаружил вход в туннель, тянувшийся, вероятно, на километры, а выход из него был у реки. Местные жители рассказывали потом, что этот туннель был вырыт евреями то ли в революцию 17-го года, то ли в Гражданскую войну для спасения от погромов. Живший над нами хозяин ничего не знал о туннеле, пока папа не показал ему вход. В доме наверху была русская печь. В ней тут же проделали отверстие, через которое Иосиф, его сожительница и сын **Яков** в случае опасности попадали в подвал к нам и оттуда в туннель. Мы назвали его «лохом», что по-еврейски означает «дыра, пустое место». Мы пользовались им во время облавы. Но наверху всегда кто-то оставался, чтобы замаскировать место входа в «лох». Пробыть внутри туннеля можно было не более 10 минут. Однажды мы взяли с собой светильничек из картошки, и он погас – ему не хватило кислорода. Когда мы выходили оттуда, все были бледные, в полуобморочном состоянии. Но, благодаря этому тайному убежищу, открытому папой, мы спаслись не раз.

Проведение облавы предсказать было невозможно, как и то, кого будут забирать: мужчин или женщин. В дом к хозяину вели ступени, а под ними сбоку находилось наше окошко, которое папа забил досками и оставил щёлки, чтобы поступал воздух. Это был наш наблюдательный пункт. Зиму и весну 1942 года мы по очереди дежурили у оконца ночами. Как только слышали подозрительный шум или видели движение на улице, оповещали всех и прятались в туннеле. Я провела много времени в этом «лохе». И всё-таки дважды уберечься не смогли: забрали **Золика**, а в другой раз увели **Якова**, дежурившего наверху.

Недели через две после того, как мы остались без Якова, исчезла **Дорина**. Никто не мог понять, куда она могла деться. Мы подозревали, что её схватили на улице и увезли. Примерно через полмесяца однажды вечером открылась дверь, и Дорина вошла вместе с Яшей. Она узнала, что эшелон с Яшей и другими мужчинами ушёл в Первомайск Николаевской области и Яша работал там у немцев. Она его там нашла, неделю уговаривала его бежать, вытащила его из лап смерти и привезла домой. Мы все очень обрадовались, поставили «угощение», пригласили хозяев сверху, и тут Дорина взяла Яшу за руку и сказала: «Можете нас поздравить, Яков и я теперь муж и жена». Для нас с папой это известие было полной неожиданностью. Мы не видели их прежних отношений. Папа был против этого легкомысленного брака. Но когда Дорина сообщила, что она беременна, папа пригласил раввина, и тот узаконил брак Дорины и Яши. Наверное, по воле бога у Дорины случился выкидыш.

В конце 1942 или в начале **1943** года атмосфера в гетто вдруг изменилась. Раньше люди боялись высунуть голову из своих нор, не было никакого контакта между ними, каждый боролся за себя, за свою семью и её выживание. Рискуя жизнью, выбирались из гетто и ходили в сёла за пропитанием, работали там пару часов, иногда несколько ночей и приносили родным продукты, чтобы можно было несколько дней продержаться. Весной 1943 года, когда потеплело, стало сухо, мы начали выползать из нашего «свинарника», и, естественно, появились отношения с другими обитателями гетто. Одним из моих первых знакомств было знакомство с молодой красивой женщиной 30-32 лет, жившей ещё с несколькими людьми наверху, по соседству с Иосифом. Имени я, к сожалению, уже не помню. Во время депортации из села **Сторожинец** Черновицкой области пропала вся её семья. Обе ноги её были отрублены топором чуть ниже колен с целью сохранить ей жизнь, так как были отморожены. Папа мне говорил, чтобы я всегда относила этой женщине порцию того, что варю, и я делала это постоянно. Особенно часто я посещала её после смерти мамы. Говорили мы по-румынски. Она меня полюбила.

Однажды эта женщина попросила мою руку, рассмотрела ладонь и сказала: «Жозефина, ты будешь жить. Ты счастливая». Она сказала мне это в 42-м году, когда никто не верил, что мы выживем. Женщина смотрела на мою ладонь: «У тебя среди линий на руке есть буква «бэт», это вторая буква еврейского алфавита, и она означает «благословение» (на иврите браха). У тебя в жизни очень многое будет связано с этой буквой». – «Как это понять?» – спросила я. Она ответила вопросом: «Ну например, из какого ты города?» – «Из Бухареста». – «А как папу зовут?» – «Бернард». – «А маму?» – «Берта». – «Откуда вы попали сюда?» – «Из Черновиц». – «Это же Буковина». И завершила вопросом: «А где мы сейчас находимся?» – «В Бершади». Дальше она сказала: «Замуж ты выйдешь не скоро, но за человека, который повезёт тебя в Палестину». Это пророчество насмешило меня, если учесть, где мы находились, но оно запомнилось. И сбылось!

Эта безногая красавица выжила в гетто, благодаря своему дару предсказания. Тот, кто побывал у неё, рассказывал о ней другим, а те ещё другим, и к ней приходили люди. Каждый из них приносил ей еду, чтобы она что-то сказала по руке. Я не знаю, всё ли было правдой в том, что она предсказывала, но она была умным человеком и хорошим психологом. Она подавала людям надежду, помогала им выжить. Я часто присутствовала при её разговорах с женщинами и видела, как она поддерживала дух людей. Мы её вытаскивали на солнышко. Впоследствии папа сделал ей два деревянных утюжка, и женщина могла как-то выбираться из постели. Люди, жившие с ней под одной крышей, после освобождения увезли её с собой.

Вскоре до нас стали доходить слухи о партизанах, действовавших в районе, об их подвигах и даже об их связях с Бершадским гетто. Когда мы однажды услышали, что с группой партизан убит врач **Флайшман**, папа рассказал, что этот доктор приходил к нам, когда мы болели тифом. Эти слухи, порой небылицы, помогали нам воспрянуть духом, осознать, что кто-то рядом с нами борется, сопротивляется фашистам, что это не конец, и, может быть, мы действительно останемся в живых.

Однажды в **1943** году прошёл и подтвердился слух, что Международный Красный Крест будет отбирать детей-сирот до 15 лет из гетто и отправлять в Палестину. Был назначен день, в который желающие родители-одиночки должны привести детей в указанное место, и их отправят в Балту, на комиссию по отбору. В один из дней папа пришёл домой и начал очень деликатный разговор: «Мы все взрослые люди, и ты, Жозефина, тоже. Ты помнишь, какая жизнь у нас была до войны. Только бог знает, когда мы отсюда выйдем, мама уже ушла. И сейчас есть возможность, чтобы кто-то из нашей семьи остался в живых, – и это ты. Говорят, что детей повезут в Палестину. Мне очень тяжело с тобой об этом говорить. Ты знаешь, как я тебя люблю, и именно поэтому я хочу, чтобы ты осталась жива, чтобы продолжался наш род. Я хочу, чтобы ты рассказала людям, что тут делается. Я знаю, что ты у меня умная девочка, ты меня понимаешь, и ты меня не осудишь. За тебя я решать не могу, хотя я твой отец. Я надеюсь, что ты примешь правильное решение». Я сказала: «Нет! Что будет со всеми, то будет и со мной. Те, кто поедут, расскажут без меня. А в отношении продолжения рода я тебе обещаю, что у меня детей не будет. Я не хочу, чтобы мои дети прошли через то, что я прохожу сейчас». Папа дал мне два дня на размышление. Это были кошмарные два дня. Когда папа возвращался к этому, он каждый раз приводил другие доводы. Он говорил, что многих детей уже отправили. Он напомнил мне, что в Палестине живут Жак – мой двоюродный брат и дядя Алеку. Папа сказал, что люди посылают своих детей, не зная их дальнейшую судьбу, а я могу быть спокойна, потому что в Палестине дядя Алеку меня тут же возьмёт к себе. Он добавил, что у меня будет то, о чём я мечтала всю жизнь – возможность учиться. «И, если даст бог, мы останемся живы, то, без сомнений, мы опять объединимся: в Палестине или в Бухаресте. Но до тех пор я тебя очень прошу – поезжай».

Весной 1943 года рано утром я села на подводу с детьми разного возраста. Со мной были немногие личные вещи, собранные папой, и несколько фотографий. Мне было 14 лет, но я не помню, куда и как мы ехали, я проплакала всю дорогу. Днём мы прибыли в **Балту**, подъехали к учреждению, где заседала комиссия Красного Креста. У здания стояла длинная вереница подвод с детьми. Нам приказали не двигаться с места, сидеть и ждать. Прошло несколько часов, наступили сумерки. Я попросилась в туалет. Меня предупредили: «Только туда и назад». Туда я пошла, обратно не вернулась. Спряталась, надеясь, что меня никто не ищет. Переждала и отправилась туда, откуда мы приехали.

Дорогу я не знала. Я шла, людей не было, но иногда проезжали машины, подводы. Стемнело, я устала, увидела лесок или просто посадку вдоль дороги, вошла неглубоко в неё, села под деревом и решила под ним переночевать. Не знаю, откуда у меня взялось такое бесстрашие. Я всегда была трусихой, домашней маменькиной дочкой, боялась выходить вечером, меня пугала темнота. Я чувствовала уверенность только в присутствии мамы. Наверное, мной руководило желание вернуться к своим, и оно преобладало над страхом. Не знаю, сколько я проспала, но проснулась от звука мотора машины, которая остановилась на дороге невдалеке

от меня. Услышав мужские голоса, говорящие на немецком, поняла, что это немецкие солдаты. Я не успела даже подумать, что делать, и прижалась к дереву в надежде, что пронесёт. Но не пронесло. Это была группа солдат, пьяных, гогочущих. Они перекрикивались, ругались между собой, собираясь справлять свои надобности. Каждый искал подходящее место. Они увидели меня и, подобно голодным волкам, разом набросились на добычу. Я кричала, я плакала, я взмолилась. Они схватили меня, тянули в разные стороны, вырывая друг у друга. Я с ужасом ощущала на себе их лапы и морды. Моё счастье, что двое из них стали драться за право первенства. Вдруг я услышала выстрел, и началась общая пьяная драка. Во тьме я поползла в сторону дороги, доползла до обочины, попробовала встать на ноги и не смогла. Возле меня остановилась военная легковая машина. Ко мне подошёл немецкий солдат, сначала крикнул: «Хальт!» (*нем.* стой), потом увидел, в каком я состоянии, вернулся к машине, спросил что-то у сидящего в ней второго военного и, видимо, с его согласия поднял меня и занёс в машину. Я по-немецки попросила попить, и мне дали воды и кусок шоколада. Второй человек был немецким офицером лет тридцати пяти. Он спросил, говорю ли я по-немецки, я ответила утвердительно. Офицер задал мне ещё несколько вопросов. Меня как будто прорвало, я стала отвечать очень подробно, он слушал. Затем спросил: «Куда тебе надо?» Я сказала: «К своим в гетто. В Бершади папа и сестра». Он сказал: «Успокойся, мы тебя отвезём». Дал мне блокнот и авторучку, чтобы я записала по-немецки и по-румынски фамилию и имя, дату и место рождения, имена родителей и адрес в гетто. По дороге останавливались, спрашивали дорогу. Меня привезли прямо к дому. Когда я вошла в дом, мои родные увидели меня в разорванной одежде, окровавленную. Они бросились ко мне, стали обнимать, целовать, расспрашивать. Я лишь попросила разрешения помыться и поспать. Моясь, я увидела своё тело в синяках и укусах зубов, но я уже была у своих.

Проснувшись, я увидела, что папа и Дорина сидят возле «кровати» и смотрят на меня. Папа дал мне кусочек шоколада, кусок белой булочки и стакан молока. Он показал мне большой картонный ящик, привезённый для меня немцами. К нему был приложен документ, в котором было написано всё то, что я записала в блокноте офицера, но вместо 1929 года рождения был указан 1927-й. Это был пропуск для свободного выхода из гетто, выданный румынской комендатурой Бершади. Когда я спросила, для чего мне пропуск, папа ответил: «Они просили, чтобы ты пошла в комендатуру, когда придёшь в себя». Зачем идти в комендатуру, мы не знали, думали и гадали.

Мы с папой отправились в комендатуру. Меня выпустили из гетто, его – нет. В комендатуре меня принял комендант города. Он сказал: «Меня за тебя просили, я не знаю, какая у тебя с ним связь, но это важная немецкая персона. Я сделал для тебя то, что не делал ни для кого. Ты будешь работать у нас уборщицей, получать продукты. Надеюсь, ты согласна?» Я была согласна. Попросила коменданта о встрече с папой – сказать, что всё в порядке. Он разрешил мне. Со мной пошёл солдат. Я всё рассказала папе и расплакалась от радости и обиды. Это было совсем не то, о чём я мечтала.

Меня отвели на кухню при комендатуре. Там работали румынские солдаты, ни одной женщины. Я должна была убирать на кухне и мыть посуду. Сначала мне было страшно, это была моя первая работа в жизни. В конце рабочего дня мне дали с собой бутылку молока и буханку хлеба. Я принесла еду домой и была счастлива.

Каждый день я ходила на работу, не вступала в разговоры ни с кем, только слушала, о чём меня просили, и старалась сделать как можно лучше. Окружавшие меня солдаты несли службу на кухне по сменам, ежедневно менялись все, кроме постоянного повара. Они вообще не представляли, как сюда попала еврейка с жёлтым «магендавидом» на одежде, но поняли, что я работаю по протекции коменданта, и передавали об этом следующей смене. Кроме меня, при кухне работал еврейский парень **Мендель Шварцман** из нашего гетто, пригнанный из Липкан. Он занимался убоем скота и рубкой мяса. Мендель был малограмотным, говорил по-румынски с ошибками. Ему разрешалось брать домой всё, что румыны не ели: уши, хвосты, кости. Этим он содержал свою семью. В гетто с ним были две сестры и брат, их родителей убили ещё в **Косоуцах**. Я ему понравилась. Оказалось, что они живут недалеко от нашего подвала. Каждое утро он ждал меня, и мы вместе шли на работу, а после работы вдвоём возвращались домой. Я всегда приходила с каким-то пакетиком от Менделя тоже. Я была девочкой, он значительно старше, и он меня опекал. На кухне ко мне тоже относились хорошо и, кроме того, что мне положено брать, давали ещё кое-что из продуктов. Впервые мы зажили сносно, не голодая.

По воскресеньям мы с Менделем ходили на речку, и он помогал мне нести и стирать бельё. Стирала я и зимой в ледяной воде в проруби. Мендель сам полоскал бельё, не подпуская меня, нёс обледенелые тряпки на себе до моего дома. Вероятно, у него были виды на меня, но вёл он себя очень тактично, корректно.

Недалеко от кухни располагался медпункт, и однажды ночью туда привезли трёх раненых немецких солдат. В гетто поговаривали, что это работа партизан, и случилось это недалеко от гетто. Когда я пришла на работу, мне передали, что комендант хочет со мной поговорить. Он спросил, знаю ли я немецкий язык. Я подтвердила, что знаю. Комендант объяснил, что в медпункте лежат немецкие солдаты, и с ними не могут говорить по-немецки. Он отправил меня под охраной в медпункт для перевода. Я переводила вопросы врача-румына и ответы раненых немцев. Очевидно, я справилась хорошо. Вечером меня привели к коменданту, и он сказал: «Жозефина, поздравляю! Ты идёшь на повышение. С завтрашнего дня ты будешь работать в медпункте, и не просто уборщицей, а уборщицей-переводчицей». Меня это не обрадовало, так как я сразу лишалась всех продуктов для семьи с кухни. Я осмелилась спросить: «А мне ещё дадут кусочек хлеба?» Он ответил: «Да». В медпункте я работала почти до освобождения гетто.

Освобождение и после него.

Румыны уже чувствовали, что «в воздухе пахнет грозой», приближается Красная армия. В один из дней мне сказали, что на следующее утро приходить не надо и что, когда понадобится, меня вызовут.

Было неспокойно. Мы боялись, что перед уходом оккупанты могут нас ликвидировать, и опять начали прятаться. Через неделю-полторы, **14 марта 1944** года, нас

освободили советские войска. Прошло ещё несколько месяцев, пока Красная армия освободила всю территорию Украины и часть Молдавии от фашистов. Мы продолжали всё это время жить в освобождённой Бершади. Теперь это уже было счастьем, не было страха за жизнь. Мы проводили много времени на улице, знакомились с людьми. Кстати, идиш я выучила в гетто, здесь он был общим языком. На нём общались, пели песни.

Каждый гражданин обязан был срочно зарегистрироваться в горсовете. Со слов главы семьи, самих людей в горсовете были записаны данные о всех, кто выжил в городе. Спрашивали и записывали также, кого семья потеряла во время оккупации, войны: кто умер, был убит. Каждый получил справку о пребывании на оккупированной территории.

Меня приняли на подготовительные курсы для 7-го класса. Я не знала ни украинского, ни русского языков, на которых нас учили, но занималась успешно по математике, физике.

Как только папа узнал, что освободили гор. Сороки, он сообщил нам, что мы едем домой. Я с папой и Дорина (Яше не сказали об отъезде) на попутной военной машине отправились в путь.

После освобождения из гетто Бершади мы пожили в Сороках и Кишинёве. В **Сороках** (временной столице Молдавии) папа устроился на работу в Министерстве пищевой промышленности, получил квартиру. Я пошла учиться в 8 класс. В августе 1944 года освободили Кишинёв, и министерство переехало в официальную столицу. Нашим кишинёвским домом стала большая красивая дача с огромным виноградником, фруктовыми деревьями и кустами малины, а также пустым помещением. В нём по папиной инициативе позже начала работать база «Молдяйцептицепрома». На базе установили инкубатор, выращивали цыплят, был организован цех по копчению птицы. Папа был назначен завбазой, Дорина работала на базе учётчиком, а Яша, которого Дорина с боем привезла из Бершади, – кладовщиком. Мы стали жить по-человечески.

Послевоенная жизнь.

Я начала учёбу в 9 классе 1-й молдавской женской школы гор. **Кишинёва** и окончила среднюю школу. В **1946** году я поступила в Черновицкий госуниверситет на филологический факультет. В 1947 году мы сумели посетить Бершадь и место, где похоронена мама.

Я стала переписываться с тётей Софи из Бухареста, которая была для меня до 1940 года духовной наставницей. Она заметила в моих письмах ярко выраженный пессимизм. Долгие годы я находилась на грани психического срыва. Когда уже можно было смеяться, я не могла смеяться. Конечно, Катастрофа повлияла на всю нашу жизнь и оставила отпечаток на психике каждого.

После окончания университета в **1951** году я попала по распределению на учительскую работу в районный центр **Березdов** Хмельницкой области Украины и проработала здесь 6 лет. Продолжало сбываться предсказание женщины из гетто о влиянии буквы «Б» на мою жизнь.

С **1957** по **1972** годы я преподавала в **Черновцах** иностранные языки: английский, французский, немецкий, одновременно работая переводчиком медицинской литературы на русский язык. До замужества вела курс английского языка на вечернем отделении в Черновицком университете. **Золи** и **Гина** однажды навестили нашу семью в Черновцах.

Живя в Сторожинце, они разыскали нас, и мы были очень рады, что они живы. Мы знали только, что Золи был отправлен из гетто на работу, сбежал оттуда, пришёл за Гиной в Бершадь, и они вдвоём исчезли.

Лишь в послевоенное время мы узнали о трагической судьбе двух маминых братьев. В **1942** году французская полиция арестовала моих дядей – **Фреда Вагнера** (1902) и **Арона Вагнера** (1895) – и поместила их в транзитный лагерь для евреев **Дранси** под Парижем. 20-30 мая **1944** года их депортировали в **Польшу** и уничтожили в концлагере **Освенцим**. Тётя **Титина**, жена Арона, и их двое детей остались живы, потому что Арон успел вывезти их в Испанию до массовых арестов парижских евреев.

Мамин брат Фред Вагнер. 25 мая 1930 г. Париж. Погиб в Освенциме.

Мамин брат Арон Вагнер с женой Титиной. 30-е гг. Париж. Погиб в Освенциме.

Замуж я вышла в **1965** году. Мой муж **Анчел** (Муня) **Фишман** (4 окт. 1918) родился в большой религиозной семье бакалейщика в Бессарабии в селе **Зарожаны** Хотинского уезда. У его родителей было 6 детей: 2 дочки и 4 сына. Сестра **Хана** еще до войны вышла замуж и уехала в Канаду. Анчел был самым младшим. Три его брата в годы войны находились на фронте в Красной армии. **Нисим** и **Залман** вернулись после войны, а брат **Фишман Герш** (1912) пропал без вести 6 октября **1941** г. в районе села Андреевка Запорожской обл. Украины.

В начале войны Анчел с мамой, папой и сестрой **Сарой** был депортирован в гетто в селе **Балки** Винницкой обл. Родители – **Мойше** и **Ента** Фишман, оба лет пятидесяти пяти – осенью **1941** года были расстреляны румынами по пути в гетто среди тех, кто не мог идти. Анчела из гетто в с. Балки забрали на работу к немцам в Житомир или Жмеринку. За время оккупации он побывал в трёх гетто и трудовых лагерях. Они прокладывали рельсы железной дороги зимой 1942 года. Анчелу и Саре, прошедшим все муки гетто, удалось выжить. В послевоенное время муж работал в **Черновцах** технологом-пищевиком.

В **1972** году умер папа. В свои 85 лет он оставался стройным, красивым, полноценным человеком до последнего дня. Через год после похорон мы поставили памятник на его могиле и лишь тогда репатриировались.

Было время, когда началась война и мы попали в такие условия, что я спрашивала себя, зачем я родилась. А сейчас я понимаю, какое это большое счастье, что я родилась в такой семье. Да будет благословенна память моих ушедших из жизни родных!

<u>В Израиле.</u>

Инициатором выезда в Израиль был мой муж **Анчел**, настоящий сионист. Так сбылось ещё одно предсказание женщины из Бершадского гетто, сделанное 30 лет назад,

когда мы с ней находились на грани смерти. В **мае 1973** г. мы с мужем выехали из Черновцов в Израиль. **Дорина** с семьёй приехала в страну через год. Её дети **Карлуша** и **Танюша**, самые близкие мне люди, сегодня живут с семьями в гор. Беэр-Шеве.

С сентября 1974 по июль 1999 гг. я работала преподавателем английского языка в гимназии ОРТ гор. Реховота и в колледже йешивы «Ахузат Яаков» в Ган Явне, где помимо преподавательской работы являлась координатором английского языка в колледже. В настоящее время – пенсионерка, житель гор. **Реховота**. Муж **Анчел** умер 19 августа **1996** года.

Ещё дважды я побывала в Бершади на месте захоронения: один раз – перед отъездом в Израиль, второй раз – несколько лет назад из Израиля вместе с сыном Дорины, моим племянником. Сейчас в Бершади установлен памятник похороненным там жителям Буковины, депортированным фашистами. Рядом – более скромные индивидуальные памятники родным, погибшим в Бершади. Мне тоже хотелось бы с помощью племянника поставить на этом месте памятник моей дорогой маме и его бабушке.

*

Написав свою исповедь, я вдруг почувствовала, будто камень, который давил на моё сердце долгих 70 лет, вдруг упал, и мне стало легче дышать. Я искренне благодарна инициаторам создания этой книги за предоставленную возможность добавить в народную память свой личный рассказ – страшную правду о Катастрофе еврейского народа и увековечить память моих родных и дорогих сердцу людей, сгоревших в пламени Шоа. Да будет память о них вечной! Аминь!

25.

Цаповецкая Галина
(г. Бершадь)

ПАПА СУМЕЛ СОХРАНИТЬ НАМ ЖИЗНЬ

Довоенная жизнь.

Мы жили в местечке **Думбравены** Сорокского уезда Бессарабии, принадлежавшей до июня 1940 года Румынии. Папа, **Янкель** (Яков) Хаимович **Коренблит** (1894), вырос в большой богатой трудовой семье дедушки **Хаима** и бабушки **Хайки**. Дедушка распределил при жизни часть своих земель между 4 сыновьями и 3 дочерьми: шесть детей получили по 10 гектаров земли, а папе де-

душка выделил 12 гектаров. На этой земле отец успешно занимался земледелием и скотоводством.

Мама **Бася Коренблит** (примерно 1900 года рожд.), уроженка бессарабского села Секуряны, была домохозяйкой и воспитывала нас, трёх дочерей: **Мару** (4 февр. 1925), **Лину** (15 авг. 1929) и меня, **Галину**, родившуюся **28 июня 1933** года. Дома говорили на языке идиш. Папа и мама знали также молдавский и русский языки.

Наша семья жила до войны в достатке в своём доме, состоявшем из двух половин: в одной – были три комнаты, большая кухня, два коридора, а во второй – две комнаты, кладовка и погреб. Жили в красивой обстановке, с коврами. Во дворе сарай, сельхозинвентарь, хранилище для кукурузы, пшеницы, подсолнечника. Были у нас лошади, корова, отара овец, жившие в постройке для скота, а также большой виноградник, сад.

Родители были верующими. Помню, как праздновали *Рош ха-Шана*, *Ханнуку*, *Песах*, *Шавуот*. Мама зажигала свечи, папа произносил благословение. На праздники мама готовила очень вкусные *кошерные* блюда.

Сёстры **Мара** и **Лина** учились в Сорокской гимназии на румынском языке. С родными сёстрами я жила очень дружно. Моими друзьями были двоюродные сёстры и брат. У нас дома мы играли в разные игры: лото, шашки, шахматы и др.

С приходом советской власти в Бессарабию в **июне 1940** года наша жизнь резко изменилась. По советским законам папа обязан был сдавать весь урожай: хлеб, сою, подсолнечник, кукурузу, шерсть и обработанные смушки, мясо приплода бесплатно, к тому же он сам обязан был доставить всё это на приёмный пункт. У него осталась только одна работа – ездить и отвозить требуемое, ничего не получая взамен, кроме квитанции о сдаче.

В сентябре **1940** года я пошла в подготовительный класс русской школы. Родители хотели дать нам, дочкам, не только среднее, но и высшее образование, однако их мечты разрушила война.

Начало войны и оккупация.

Большая часть евреев местечка в начале войны эвакуировалась сама. Папа и многие другие евреи-жители **Думбравен** не хотели эвакуироваться на восток, в глубь Советского Союза, из-за того, что всего за год советской власти она их обобрала почти полностью. Отец думал, что всё не так страшно, можно жить и с немцами. Папины сёстры **Рахель** и **Хана** с их мужьями своевременно уехали, сестра **Поля** с мужем осталась в местечке, и они присоединились к нам.

Когда же отец с нами решил бежать в село Косоуцы, чтобы переправиться через Днестр на Украину, было поздно… По дороге возле села **Окланда** мы попали в руки местных крестьян-бандитов. Они забрали лошадей, повозку, имущество, раздели всех, при этом папе разодрали лицо, когда снимали с него пиджак. Увечье на его лице осталось до конца жизни.

12 июля 1941 г. ночью в Думбравенах начался грабёж еврейских семей. Банды из соседних сел Кайнарий-Векь, Ванцина, Пырлица, Окланда, Рубленица и

других выводили коров, лошадей, выкатывали телеги. Еврейские женщины, дети, старики прятались в садах. Тех, кто сопротивлялся, убивали на месте. Всю ночь с 12 на 13 июля слышны были выстрелы, удары топоров, крики, плач. Вывозили еврейское добро. Бандиты забирали всё, что могли, а что не могли – сжигали. Когда мы возвратились домой пешком, наш дом был разграблен и пуст. Была найдена и разрыта грабителями наша тайная яма с ценными вещами, которые папа перед бегством семьи закопал в погребе.

13 июля появились румыны-разведчики. Угрожая расстрелом, они отбирали золотые вещи, серебро. Через день-два вошли основные силы румын, и началась оккупация **Думбравен**. Нас, полураздетых, босых евреев Думбравен, румыны собрали всех вместе и под дулами винтовок погнали в сторону города Бельцы. Стариков и немощных, отставших убивали в этом 40-километровом пути. Шли мы без еды. Мне навсегда запомнились румынские жандармы, которые нас водили по дорогам, издевались, не давая пить воду. В **Бельцах** нас загнали во двор тюрьмы, здесь продержали сутки, потом погнали в сторону **Сорок**. Румынские жандармы, конвоиры насиловали девушек, женщин, но оставляли в живых. Не разрешали пить воду из колодцев, а только из луж.

Осенью 1941 года нас погнали в гетто-лагерь **Вертюжаны**. В нём люди гибли сотнями. Воду пили из реки Днестр и заболевали дизентерией. У нашей знакомой **Ани Вереты**, девушки лет 18-ти, в Вертюжанах умерла мать.

В конце осени больше половины жителей Думбравен погнали из Вертюжан в направлении **Рыбницы**. Среди них были папин брат – дядя **Лейб** Коренблит (1899) с женой **Соней** (1910). Никто из их колонны не остался в живых, их расстреляли.

Нас в другой колонне повели в сторону Косоуц. В **Косоуцком лесу** румыны отделили стариков от всех остальных. Среди старых людей оказалась моя бабушка **Хайка Коренблит** (девичья фамилия Нусинович), мама отца и дяди Миньки. Когда нас погнали дальше, папе и его брату не разрешили подойти к матери. Бабушку **Хайку** (1869) и других пожилых евреев из Думбравен в **октябре 1941** г. расстреляли в лесу после нашего ухода.

Нас переправили через **Днестр** и, чтобы никто из местных жителей не мог помочь нам едой, водили специально по полям, где мы питались ботвой сахарной свёклы и картофеля. По дороге в Бершадь спали, где приходилось: на полу, в коровниках на сырой земле, на поле. Помню, в одном из коровников ночью скончалась молодая женщина, у которой был грудной ребёнок, он уже мог ползать. Она лежала мёртвая, а он трогал и звал её, чтобы она проснулась. Утром нас погнали дальше, никто его не взял, и он остался возле матери, лежавшей среди тел несчастных, умерших в эту ночь. Так умирали на каждом ночлеге. Здесь, не дойдя до гетто, скончался муж папиной сестры Поли **Мордехай Шмуклер** (1907).

<u>В Бершадском гетто.</u>

Я оказалась в **Бершадском** гетто в возрасте 8 лет вместе с папой, мамой, сёстрами и семьёй папиного брата **Миньки**. С нами всё время жила и Аня Верета. Гетто было окружено колючей проволокой. В Бершади мы видели чаще румынских жандармов и полицаев. Видели немцев в черной форме эсэсовцев и обыкновенной.

Мы поселились в разрушенном пустом доме, без полов, дверей, окон. Жили мы, три семьи и Аня – 13 человек – в одной комнате. Из мужчин были только папа и дядя Минька, остальные женщины и дети. К нам присоединилась также семья **Куничан**: мать, дочь и бабушка. Зимы в **1941-1942** гг. были холодными. Осень и зима всегда были самыми трудными временами года, так как нечем было укрыться, не было тёплой одежды.

Снабжения едой не было никакого, каждая семья питалась тем, что могла достать. Помню, родители отдавали нам, дочкам, последний кусочек. Благодаря **Ане** я осталась жива. Я даже смотреть не могла на похлёбку, которую варили из овощных очисток и иногда кукурузной муки – у меня начиналась рвота. Все мы были опухшими от голода. Я болела дистрофией. У меня раздулся живот, были две палочки-ручки, две палочки-ножки и огромная голова. Аня ходила работать у местных жителей или попрошайничала и иногда приносила мне корочку хлеба.

Ко всем бедам, мама упала и сломала ногу. Мы сами наложили ей на ногу дощечки и привязали их тряпкой. Несколько месяцев она не могла ничего делать, лежала. Несмотря ни на что папа сумел сохранить нам жизнь. Он знал, что из гетто никуда нельзя выходить. Если вышедшего человека ловили, жестоко избивали, иногда убивали. Рискуя собственной жизнью, отец добирался до ближайших сёл, нанимался на работу: копал огороды, убирал урожай с полей, ухаживал за скотом, собирал навоз и получал несколько картошек или свёклу. Папу не раз били при поимке, выбили зубы. Часто он, вернувшись поздно, не заходил в квартиру, где мы жили, а прятался от патрулей в подвале, в развалинах до рассвета.

Узников каждое утро выгоняли на разные работы. Мама, папа и старшая сестра Мара убирали улицы, таскали камни, работали на строительстве дорог в окрестностях гетто, убирали помещение комендатуры, стирали, гладили для румын. Работали и по субботам. Спать приходилось мало. **Лина** была маленького роста, не очень сильная, и папа боялся, что она умрёт. Он пристроил Лину домработницей к одной бершадской состоятельной еврейке. Лина стирала, убирала, находилась всегда внутри дома.

В гетто свирепствовали массовая дистрофия, болезни. В **1942** году от подневольного труда, отсутствия быта, голода заболели и умерли в один день папин брат **Залман** (Минька) **Коренблит** (1897) и его младшая дочь **Шейндл** (1932). Его жена **Ривка** и старшая дочка **Лона** выжили. По утрам собирали трупы и укладывали в телегу один на другой, затем их бросали в общую могилу.

Залман (Минька) Коренблит, папин брат. Довоенный снимок.

На столбах в Бершади немцы вешали партизан, и они висели месяцами на морозе.

Мы в гетто жили в постоянном страхе и верили, что рано или поздно все эти невзгоды кончатся и нас освободят. Близкое освобождение чувствовалось, когда полицаи и румыны стали убегать. Почти не издевались в конце, им было не до нас. За ними убегали немцы. Я видела, как они шли по мосту в рваной обуви, перевязанной тряпками. Уже в эти дни мы почувствовали себя свободными.

После освобождения.

Когда в Бершади установилась советская городская власть, мы отправились пешком домой в Молдавию. В конце **марта 1944** года вернулись в **Думбравены**. Из 800 жителей-евреев пришли обратно 30. В Думбравенах местные жители встретили нас недружелюбно. Они боялись ответственности, помня, как отобрали у нас всё имущество в начале войны. За три военных года были разрушены почти все еврейские дома и еврейское кладбище, а унесённые надгробные плиты использованы для мощения тротуаров, синагоги осквернены. В одной устроили мастерскую по ремонту сельхозмашин, в другой – сельский клуб.

Дядя **Сухер** (Суня), младший брат папы, неженатый, работал до 1944 года в советском тылу, имел бронь. Но, узнав о смерти матери и братьев, ушёл добровольцем на фронт. **Суня Хаимович Коренблит** (1915) погиб на одной из улиц Берлина в **мае 1945** года. Об этом получила похоронное извещение тётя **Поля**, папина сестра, которая переписывалась с Суней, и её адрес был известен в его воинской части.

Через несколько месяцев после освобождения папа с нами переехал в гор. **Сороки**. Я пошла учиться сразу в 4 класс Сорокской русской школы. Мама **Бася Коренблит** (девичья фамилия Карлат) умерла от тяжёлой болезни **весной 1944** года, став ещё одной прямой жертвой Катастрофы в нашем семейном роду.

Послевоенная жизнь.

Две папины сестры **Рахель** и **Хана** с их мужьями трудились в эвакуации в одном из колхозов Казахстана, выращивали хлеб для фронта. Они вернулись к нам после войны.

В **1949** году власти провели массовую депортацию в Сибирь. Вспомнили, что папа был зажиточным крестьянином 9 лет тому назад. Отца депортировали в **Курганскую область** (Казахстан). Там он научил местного агронома, как сберечь урожай пшеницы от гниения в осенне-зимний период. Пока папы не было, Мара меня содержала: одевала и кормила. В **1954** году папа был реабилитирован.

В **1949** году я поступила в Сорокское фельдшерско-акушерское училище по специальности фельдшер, окончила учёбу в 1952 году. С **1952** по 1956 годы работала старшей сестрой в Згурицкой районной поликлинике, одной из обязанностей был приём у фельдшеров всего района ежемесячных отчётов. С 1956 по 1978 годы я работала в детском отделении Сорокской больницы.

Вышла замуж в **1961** году за **Григория Цаповецкого** (20 ноября 1937). Отец мужа **Лейзер Израилевич Цаповецкий** (1907) служил офицером в танковых войсках. В марте **1942** г. в бою под Харьковом Лейзер сгорел в танке. Муж работал преподавателем-методистом физики и математики в старших классах школы №7 в Сороках, получил звание «Отличник просвещения МССР». У нас родился сын **Леонид** (1962). Он окончил механический факультет сельхозинститута и работал инженером.

Сестра **Мара** (в замужестве Комарова) училась заочно в педагогическом институте и работала преподавателем-методистом начальной школы сначала в селе, а после замужества в школе № 1 г. **Сороки**. Её уволили с работы в школе за то, что

отец был депортирован, и восстановили после его реабилитации. Муж Мары фронтовик Исаак (1922) блестяще преподавал молдавский язык и литературу, был директором школы.

Сестра **Лина** (в замужестве Школьник) окончила медицинский институт и по окончании работала гинекологом-хирургом в г. **Бельцы** 45 лет. Пользовалась большим уважением у жителей города и района. Умерла и похоронена в Бельцах в **2006** году.

Сестра Мара с женихом Исааком Комаровым. 1946 г. Гор. Сороки.

Отец больше не женился, он занимался нашим воспитанием и образованием. Последние годы папа **Яков** жил у меня. Умер в **1975** году, прожив 82 года, и похоронен в Сороках.

С **1978** года я работала заведующей здравпунктом Сорокского педучилища, в котором занимались 1300 учащихся. Проработала медиком 40 лет. По работе имела много грамот, награды Международного Красного Креста, 6-7 медалей за выслугу лет и доблестный труд.

Муж Цаповецкий **Григорий** умер в **1994** году от болезни почек.

<u>В Израиле.</u>

Мой сын **Леонид** с семьёй репатриировался в Израиль в **1991** году. Старшая сестра **Мара** с мужем Исааком репатриировалась в **1993** году, их дети и внуки приехали на год раньше. Они живут в **Кфар-Сабе**. И по сей день мы очень дружны с сестрой. В **2004** году **Исаак Комаров** написал и издал книгу, посвященную «памяти всех уроженцев Думбравен, погибших в огне Катастрофы». Сестра **Лина** приезжала к нам в гости. Её сын жил в Израиле, он ушёл из жизни в 2011 г. Второй сын живёт в Германии. Две мои двоюродные сестры **Лона** (дочь дяди Миньки) и **Сарра** (дочь тёти Рахель) со своими детьми и внуками тоже живут в Израиле.

Я репатриировалась в Израиль 25 ноября **1994** года. Жила в **Кфар-Сабе** с сестрой, а сейчас в г. **Реховоте**. У меня есть любимый внук **Гиль**. Он прошёл службу в Армии обороны Израиля, учится в высшем учебном заведении.

Три сестры: Галина Цаповецкая (слева), Лина (в центре), Мара (справа). 1999 г. Израиль.

26.

Карлик Симха
*(с. **Верховка** Бершадского р-на)*

НЕМЦЫ, НАДЕВ БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ, ДУШИЛИ ДЕТЕЙ

Довоенная жизнь.

Я, **Симха Карлик**, родился **1 сентября 1936** года в семье портного **Берла Лейбовича Карлика** (1911) и домохозяйки **Браны Зейдовны** (1905) в местечке **Секуряны** в Бессарабии (ныне Черновицкая область, Украина). До июня 1940 года мы жили при румынской власти. Мой отец в юности отслужил в румынской королевской армии.

В доме, кроме нашей семьи, жили папин отец – мой дедушка **Лейб Аврумович** и младший неженатый брат отца **Эйнах**. Дом принадлежал дедушке, и при доме была его сапожная мастерская, в которой он работал с дядей Эйнахом. Мой дедушка был глухонемым. В 12 лет он упал с дерева и перестал говорить и слышать. Дедушка Лейб сидел в *кипе* (еврейский головной убор) и целыми днями работал. Он женился на моей бабушке **Симе**, и у них родилось пятеро детей: четыре сына – **Аврум** (1903), **Янкель** (1909), мой папа **Берл**, **Эйнах** (1918) и дочь **Бруха** (1906). Меня назвали Симхой в память о бабушке Симе, умершей до войны. Брат Янкель с женой и двумя детьми жил отдельно, работал тоже сапожником. Брат Аврум жил в пос. Липканы. Отца **Берла** я хорошо запомнил, потому что он со мной много возился. Я любил сидеть у папы на руках, он окунал бисквит в чай и так пил.

Малыш Симха Карлик с маминими сёстрами: тётей Полей (справа), тётей Беллой (слева) и их двоюродным братом.

Мамины родители жили в селе **Романкауцы**, вблизи Секурян. Многодетная бабушка **Фейга** была домохозяйкой, а дедушка **Зейда**

Розенфельд, образованный человек, служил управляющим у украинского помещика. Он умер, когда маминой сестре, тёте **Белле** (15 мая 1925), было несколько месяцев.

Помню, что в семьях дедушки Лейба Карлика и бабушки Фейги Розенфельд соблюдались все еврейские традиции и праздновались все праздники. Дедушка **Лейб** был религиозным, старший и младший братья моего отца тоже носили кипу и ходили в синагогу молиться не только по субботам, а каждый день. Отмечали приход субботы вечером в пятницу. Дедушка всегда делал *кидуш* (молитва в честь субботы). Накрывали стол, разрезали *халу* (еврейский праздничный хлеб), каждый выпивал глоточек вина.

Начало войны и оккупация.

За год до войны 1941-1945 гг. в Бессарабии была установлена советская власть. **Летом 1941** года в начале войны отца Берла мобилизовали в Красную армию, и я остался с мамой. Отец сел на машину и уехал на войну. Музыка играла марш. Я почувствовал, что отца больше нет. Его отъезд стал для меня сильным потрясением.

Через некоторое время немцы вошли в **Секуряны**. **Осенью 1941** года, в сентябре-октябре, появились полицаи из местных румын, и они начали выгонять евреев из их домов. Мы ничего не успели взять с собой, потому что румыны неожиданно и быстро врывались в дома и выталкивали людей. Я потом слышал, что местные жители забрали всё, что осталось в еврейских домах. Оккупанты согнали тысячи евреев на огромную сельскую площадь перед клубом. Затем нашу колонну повели по дороге. Дедушку Лейба и трёх папиных братьев: Янкеля и Аврума с семьями и Эйнаха увели в другой колонне.

Я шёл вместе с мамой, бабушкой **Фейгой**, мамиными младшими сестрами **Беллой** и **Полей** (1922), маминым братом **Мотей** (1920) с женой **Беллой**, её мамой, братом и сестрой. С нами шла и папина сестра **Бруха** (в замужестве Трач) с мужем **Мойше** и 3 детьми.

Нас гнали в сторону Бричан, Единец (Молдавия). С двух сторон колонну конвоировали немцы и румыны с собаками, а если кто-то хотел убежать, собаки нападали на этого человека. Помню, на дороге оставались старики. Мама держала меня на руках всю дорогу, мне было неполных 5 лет, и долго идти пешком я не мог. Мы спали на земле, когда разрешали привал на полчаса-час.

В **сентябре 1941** года нас привели в **Косоуцкий лес**, чтобы сделать привал. Какая-то женщина подошла к маме и сказала: «Брана, там под деревом сидит твой тесть». Мы подошли, дедушка Лейб был при смерти. Видимо, их колонна пришла в лес днём раньше. Помню, он посмотрел на меня и на маму, узнал маму, попросил воды, мама дала ему попить. Взять его с собой было невозможно, через некоторое время он скончался. Мой дед так и остался под этим деревом, а нас погнали дальше. Вид дедушки Лейба, умирающего под деревом, оставил нестираемый отпечаток в моей жизни, я никогда это не забуду.

Колонну, в которой были папины братья **Янкель** с женой **Элкой** и двумя детьми, **Аврум** с женой **Саррой** (Сура) и двумя детьми: **Симой** и **Эршем** (1927) и брат **Эйнах**, румыны переправили через Днестр в районе **Ямполя**, и здесь их всех разлучили.

Семью Янкеля привели в гетто в селе **Устье** Бершадского р-на. Здесь **осенью 1941** года после смерти дедушки случилась вторая страшная трагедия. В то время, когда мужчин увезли из гетто на работу, немцы, надев белые перчатки, задушили на глазах у матери Элки (девичья фамилия Пустильник) её детей: сына **Карлика Эйнаха** (1934) и дочь **Карлик Хаву** (1935).

Семья Аврума попала в гетто гор. **Могилёва-Подольского**, и тут в **1942** году умерла их дочь **Карлик Симочка** (1925).

В гетто.

На украинской стороне реки Днестр мы шли через Могилёв-Подольский, многие еврейские местечки, помню, что прошли Ободовку, были в Бершади. Весь путь проделали пешком, по дороге было много жертв.

Нас привели в местечко **Верховка** Винницкой области, где немцы создали лагерь-гетто, а затем передали его румынским фашистам. Я помню этот небольшой городок близ с. Ободовка: посредине большая площадь, вокруг неё дома, где жили евреи, и это было неогороженное гетто. Нас разместили в домах местных евреев. В гетто мы носили на одежде спереди слева звезду.

Меня с мамой, бабушкой, двумя мамиными сёстрами и братом Мотей с женой, её мамой, братом и сестрой вселили в двухкомнатный дом к еврею-жестянщику. Помню, я играл разными железными отходами. Ещё была палка, я садился на неё и скакал – это была моя лошадь. В доме, где мы жили, было несколько детей. Как-то зимой мы катались у дома с горки на самодельных санках, мимо шёл немец. Он отобрал санки, сел и начал читать газету, а мы, дети, от обиды толкнули его, испугались и разбежались во все стороны. Немец за нами погнался. Не знаю, то ли он хотел нас напугать, то ли пошутить, но он не стрелял в нас. На наше счастье, на площади откуда-то появилась свинья. Немец сразу забыл про нас, схватил и начал тащить эту свинью.

А потом нас перевели в противоположную сторону лагеря в дом к хозяину по фамилии **Волох**. В его доме было тоже две комнаты, и в них, включая нас десятерых, жило 25-30 человек, ступить было негде. Женщины, дети, старики спали на нарах на соломе.

В один из зимних дней **1942** года через Верховку проходили отрядом немцы и подожгли этот наш дом. Они набросили на двери наружный засов, чтобы мы не могли выйти, и пошли дальше. Мимо шёл один из украинских полицаев, который сопровождал колонну из Секурян и продолжал службу оккупантам в гетто. Мама знала этого сельского парня, которому отец пошил до войны костюм, брюки. Он услышал наши крики, тем более, что мама позвала его по имени Ваня или Вася и просила помочь. Парень успел открыть дверь, и мы разбежались: кто в лес, кто в село, кто по огородам – и спрятались. Постепенно смертельный страх прошёл, и мы снова собрались вместе. Дом Волоха пришёл в негодность, и нас поселили в другой дом на площади, тоже битком набитый людьми. Через некоторое время, не вынеся нечеловеческих условий, заболела тифом и умерла в феврале **1942** года бабушка **Фейга Розенфельд**, ей было 55-56 лет.

Спасло нас от голодной смерти то, что наша мама могла договариваться с местными жителями. Евреям нельзя было пойти в другое село. Но мама по натуре была

сельская женщина, она свободно говорила по-украински. Мама переодевалась крестьянкой: широкая длинная юбка, цветастый платок, длинная сорочка, ходила по сёлам, там копала крестьянские огороды, обмазывала глиной печи, помогала, кому что нужно было, за кусочек хлеба или несколько картошек. Когда она уходила, мы переживали, ведь её могли поймать. Иногда собаки нападали на неё. Но такие вылазки она делала не каждый день. Нас ещё спасло в лагере, что мама умела гадать на картах. Она гадала сельским жителям, потому что у каждого кто-то был на войне. За гадание ей давали ломоть хлеба, луковицу, так мы и выжили.

Людей гоняли на работу, но куда именно, не помню. **Мойше Трач**, муж Брухи, погиб на одной из таких работ в **1942** или 43-м году. Те, кто вернулся, рассказали, что на него упала стена и задавила его. В лагере остались его жена и трое детей. Мою маму тоже брали на строительные работы. То, что мама приносила, было единственным источником питания: картофельная кожура, чай, две картошки на всю семью. Для «чая» находили траву и заваривали её. Печёная картофельная кожура была самой вкусной едой. Видимо, после этого у меня и прободная язва образовалась, после войны потребовалась операция.

Я часто оставался дома с тётей Полей и тётей Беллой. Мама была старшей в семье и заменила мать младшим сёстрам. Тётя Белла, молодая девушка 16-17 лет, вообще не выходила, боялась, что немцы и румыны могут её угнать или изнасиловать. **Белла** до войны дружила с секурянским парнем **Гершем** (Гришей) **Пинчуком**, старше её на два года. Гришу с родителями и сёстрами тоже гнали по Украине, и в лагере в селе **Озаринцы** Могилёв-Подольского р-на умерли все его родные: мать **Соня** (1895-авг. 1941), отец **Шимон** (1893-сент. 1941) и обе сестры: **Ревекка** (Рива) (1926-дек. 1941) и **Хайка** (1928-дек. 1941). Гришу пригнали в Верховку. В Верховке, когда немцы собирали молодых людей, чтобы угнать их в Германию, Гриша и Белла случайно встретились. Это был счастливый случай. Спрятались от немцев и вскоре пришли к нам и объявили: «Сколько бы нам ни выпало жить, мы хотим пожениться». Мама сказала: «Что за женитьба в такое время?» Они ответили: «Сколько нам осталось: день-два, месяц? Мы любим друг друга и хотим быть вместе». Мама решила, что свадьба должна быть по еврейским обычаям: с раввином и хупой. Моя мама опять переоделась крестьянкой, перешла через мост, хотя его охраняли немцы, и направилась

У памятника погибшей семьи Пинчук и Фейги Розенфельд: Герш Пинчук с женой Беллой, её сестра Поля (слева). 1989 г. Секуряны.

в местечко, в котором, ей сказали, живёт раввин. И вот она, рискуя жизнью, пришла, уговорила и привела этого старика раввина. Взяли простыню, четыре палки и устроили *хуну* – свадебный балдахин. Раввин прочитал необходимые молитвы и благословения. На свадьбу пригласили несколько соседей. Надо было чем-то угощать людей: помню, мама сварила два яйца, размолола их с зелёным луком и на маленькие кусочки хлеба намазала этот деликатес. Он был для меня угощением вроде пирожного. Такой была свадьба в гетто в **1942** году. Белла и Гриша прожили вместе больше 50 лет.

Особенно тяжело было выжить зимой. Евреи не могли пойти за топливом. В гетто люди делали железные печечки и трубы выставляли через окно, топили найденными щепочками. Каждый день кто-то умирал. Очень многие болели тифом, потому что не купались. Кто был крепким, тот выживал, кто был слабым – умирал. Одет я был всегда в фуфайку, на голове вместо шапки женский платок, так и ходил. Я болел, был очень слабым, простуживался. Помню, что лежал на нарах худой, как скелет, с большим животом, не мог ходить.

Помню, как немцы угоняли в Германию молодых женщин, отбирали для каких-то целей детей. Мама была полной женщиной. Она прятала меня, пятилетнего ребёнка, между своими грудями, как-то привязывала к себе, сверху надевала широкое платье. И так работала много раз: стояла, нагнувшись, и копала окопы или выполняла то, что заставляли делать полицаи. Мама боялась, чтобы я не заплакал, и совала мне в рот кусочек хлеба или картошки, я молчал и не мог выдать её.

Жена Моти **Белла** была беременна. В **конце 1943** года немец на коне неожиданно въехал на веранду дома, где мы жили, тётя Белла испугалась и преждевременно родила ребёнка. Впоследствии у неё частично помутился разум.

Освобождение и после него.

Весной 1944 года Красная армия вошла в **Верховку**, и все люди очень радовались свободе. Часть ребят, которым исполнилось 18 лет, садились в машины, на танки и уезжали. **Герш Пинчук** и брат Мотиной жены Беллы **Элик** были мобилизованы на войну тут же, в Верховке. Военный комендант распоряжался их отправкой. Папины братья **Янкель** и **Эйнах** после освобождения получили повестки о призыве и отправились воевать.

Когда советские войска нас освободили, мы отправились домой: мама и я, сёстры Белла (в замужестве Пинчук) и Поля, брат Мотя и его жена Белла с ребёнком, её мама и сестра. По дороге тётя Белла сошла с ума: говорила, что младенец чужой, не хотела брать его на руки, кормить, и этот ребёнок умер. (После войны Белла лечилась, но не успешно. Мотя, её муж, умер в 1947 году.) По пути встречались военные машины, солдаты подвозили нас, но больше шли пешком.

Мы вернулись домой в **Секуряны** и увидели, что дом наш разбит. Мама и я жили у соседей, у папиной сестры, потом у знакомых. Мама работала уборщицей в клубе. В **сентябре 1944** г. я пошёл в школу. Тётя **Поля** вышла замуж.

После освобождения стало известно о страшной судьбе маминых родных. Её брат **Эрш** (Гриша) **Розенфельд** (прим. 1898), живший до войны в гор. Черновицы, погиб с женой (прим. 1907, имя не помню) и дочерью **Диной** (1923-24) в одном из гетто в Винницкой области. Мамина сестра **Роза Креймер** (девичья фамилия Ро-

зенфельд) (1902), жившая с семьёй в молдавском гор. Бричаны, погибла вместе с мужем **Хаимом** (прим. 1898) и двумя сыновьями: **Иосифом** (Ёселе) (1922-23) и **Мотлом** (Мошкэ) (1922-23) при попытке бежать из города от фашистов в **июне 1941** года (см. фотографию сыновей в воспоминаниях № 40 Азриэля Брумберга).

От отца мы долго не имели весточек, а потом стали приходить его письма. Мама все годы их хранила. Он писал на кусочках газеты между строчками. Когда папу призвали в 41-м, он два года служил в Барнауле портным в трудовой армии, шил обмундирование для солдат, а потом его направили на фронт. Кто-то из земляков видел, как во время боя под Берлином его разорвал снаряд. Отец **Берл** (в армии Борис) **Лейбович Карлик** погиб **25 апреля 1945** года за две недели до Победы. Его брат **Янкель** (Яков) **Карлик** погиб **17 декабря 1944** г. В возрасте 35 лет он умер от ран, полученных в бою, при освобождении Венгрии.

Послевоенная жизнь.

В Секурянах мы с мамой прожили до февраля **1946** года, а потом переехали в гор. **Черновцы**, где жили папины брат **Аврум** и сестра **Бруха** с детьми. В 1946 году они выехали в Румынию, оттуда через три года уехали жить в Израиль.

Квартиры в Черновцах у нас не было. Я учился в Черновицкой школе. Мать устроилась работать уличным дворником, чтобы получить однокомнатную квартиру, потом работала на швейной фабрике. Мы с ней всё время были вместе. Мама соблюдала еврейские традиции, мы ежегодно ездили в другие города, чтобы оттуда привезти два килограмма мацы на Песах, и праздновали.

После окончания 8 классов, чтобы помочь маме, в 15 лет я начал работать в артели «Швейник» и учился в вечерней школе. В школьный период меня называли Семёном, Сеней, а затем на работе – Семёном Борисовичем, но в паспорте и душой я оставался Симхой. В **1955** году был призван в Советскую армию. Успел отслужить почти 2 года, и меня уволили из армии после операции на желудке. Вернувшись в **Черновцы**, работал в артели по обивке мебели и заочно окончил техникум по деревообработке. Работал мастером цеха, технологом по мебельному производству. Женился в 1963 году. Прожили 11 лет и развелись. Жена с двумя детьми уехала в Израиль к своим родителям. Я женился в **1975** году на **Мусе Янкелевне Александровской** (1945). В годы войны её родители находились в эвакуации в Свердловской области, там умерли её дедушка и бабушка. В годы перед выездом в Израиль я работал страховым агентом в «Госстрахе», Муся – бухгалтером быткомбината.

Антисемитизм я ощущал в армии и впоследствии на работе. Крепло желание уехать в Израиль и потому, что тут с 1949 года жили мои родные. Мамины сёстры **Поля** и **Белла** в 1989 году вместе со своими семьями уехали в Австралию.

В Израиле.

В декабре **1978** года я со своей мамой и женой приехал в Израиль, в город **Ришон ле-Цион**. Сняли квартиру, и я пошел работать в мастерскую по обивке мебели. Тяжело было материально, помощи не было, но мы получили двухкомнатную квартиру в гор. **Реховоте**. В **1980** году у нас родилась дочь **Авиталь**. Жена работала по сменам сборщицей электронных приборов в Холоне и училась. В 5 часов

утра она уже выезжала на работу. Моя мама **Брана** воспитывала внучку, жила в нашей семье. 15 января **1991** года, в начале войны в Персидском заливе, у неё случилось кровоизлияние, и она умерла. Мама сказала нам перед смертью: «Такую войну, как я прошла с моим сыном на руках, я больше не смогу перенести». Начало ещё одной войны стало концом её жизни.

Дочь окончила школу ВИЦО (Международная женская сионистская организация при ООН), училась по компьютерной специальности, вышла замуж. Сегодня работает педагогом в учреждении для детей с особыми потребностями. Авиталь знает, что я был в гетто, я ей рассказывал о моём детстве и о родных, она в школе изучала на уроках Катастрофу евреев в годы Второй мировой войны. Она даже написала работу о том, как я и бабушка Брана находились в гетто. У нас двое любимых внуков: мальчик **Биран** и девочка **Бар**.

27.

Спектор Фира
*(с. **Горышковка** Томашпольск. р-на)*

КАК МЫ ВЫЖИЛИ, ДО СИХ ПОР НЕ ЗНАЮ

Вспоминать пережитое в Шоа очень тяжело, я потом не могу спать ночами. Как мы выжили, когда уже сидели, запертые в облитом керосином доме, и ждали, что вот-вот фашисты нас подожгут? До сих пор не знаю. Но помню о наших страданиях намного больше, чем могу рассказать.

Довоенная жизнь.

Моя семья жила в большом селе **Горышковка** Томашпольского р-на Винницкой обл. В центре села находилось еврейское местечко на сто изб, это моя родина. Был большой заезжий двор, и в нём давал спектакли еврейский театр. Перед войной это здание снесли. В местечке действовали две синагоги, при советской власти одну из них – большую, двухэтажную – Сталин разрушил, во второй устроили избу-читальню. В 30-е годы организовали еврейский колхоз им. Сталина, и всё местечко вступило в него. В соревновании с соседним украинским колхозом еврейский всегда побеждал.

Рядовыми колхозниками работали мой отец **Нахум Давидович Горбатый** (1896) и мама **Голда Гершковна** (девичья фамилия Шамес), на два года моложе

папы. Я помню свою маму в красной косыночке, она была всегда в поле: варила еду для десятков работников и развозила её по полям. Осенью все колхозники собирали урожай сахарной свеклы для соседнего сахарного завода. Помню мамину норму – вручную собрать свёклу на 90 сотках. Кроме этого, мама вела домашнее хозяйство: ухаживала за коровой, козой, свиньями, курами. Она была неграмотной, но за природный ум её избрали членом сельсовета. Маму очень любили люди.

Мамина семья была родом из Горышковки. Старшая мамина сестра **Эся** давно вышла замуж и переехала в с. Жабокрич. Когда старший брат погиб на фронте во время Первой мировой войны, через месяц умерла с горя моя бабушка **Ривка**, а еще через две недели скончался дед. После смерти родителей мама растила двух маленьких братьев: **Мотла** и двухлетнего **Ицика**. Жила она с мальчиками в доме у тёти **Емимы-Суры** – родной сестры её отца Эршла, занимала комнату с кухонькой.

Папина семья когда-то пришла в Горышковку из гор. Тульчина и обосновалась у нас в местечке. Дедушка **Давид** не работал, а папина мама **Лыба** была мастерицей по окраске шерсти для ковров. У её красильни стояла очередь со всей Винницкой области. У папы были три брата: старший брат **Арон** (1894), **Эршл**, **Самуил**, живший в Москве, и четыре сестры. Сёстры **Роза** и **Ита** в 20-е годы уехали в Америку, сестра **Эня** вышла замуж, родила двух девочек, уехала с мужем в Херсон «на освоение земель» и там родила мальчиков-двойняшек. Его самая младшая сестра **Рухл** жила в нашем местечке, и только она знала всё о бабушкиных доходах. В **1936** году заболел и умер дедушка, а через месяц ушла из жизни бабушка. В Горышковке остались только папа, его брат **Арон** и сестра **Рухл** с двумя дочками: одна – 1931 года рождения, другая – родилась в марте 1941-го.

Папа был высоким блондином с серыми глазами и усиками. Мои родители познакомились, понравились друг другу и поженились, хотя папины родичи протестовали против бесприданницы. Мама рассказывала, что она выходила замуж в платье из мешковины, потому что была сиротой с двумя братьями на руках.

В нашей семье было трое детей: сестра **Рива** (Рита) (1924), я – **Эстер-Лея** (18 августа 1927) и брат **Гершко** (Гриша) (1931). Дома мы говорили только на идише, хотя папа знал и украинский, и русский языки. Рита окончила Горышковскую еврейскую 4-летнюю школу и 5-7 классы украинской школы. Она была блондинкой-красавицей, круглой отличницей, и её приняли без экзаменов в Тульчинское медучилище. Её до сих пор называют «горышковское солнышко». Рита заболела плевритом, не смогла учиться и перешла в Юрковскую школу в 8 класс. Надо было ходить в школу и обратно по шесть километров, и папа на спине носил слабую Риту до порога школы. И всё же она окончила 10 классов с золотой медалью. Папа подал её документы в Одесский мединститут и даже присмотрел жильё. За неделю до войны состоялся выпускной вечер.

Мать Голда и отец Нахум Горбатые – родители Эстер Спектор. 1928 год.

Я успела окончить первый класс еврейской школы, и её закрыли. Дальше училась в украинской школе-семилетке, открытой на месте большой синагоги, и окончила 7 классов. В 1940 году училась в 8 классе Юрковской школы. Немецкий язык преподавала немка Елена Павловна. За один год она сумела прекрасно научить нас письменной и разговорной речи.

Начало войны.

20 июня 1941 года, за два дня до войны, к нам приехала из Херсона погостить папина племянница **Этл** (дочь его сестры Эни). 21 июня 1941 года в селе проводился комсомольский спортивный кросс, в нем участвовала Рита, которую со всеми комсомольцами куда-то увели. У нас в доме не было радио, электричества. Единственный телефон стоял в сельсовете. Лишь в три часа дня **22 июня** сообщили по телефону, что началась война. Старшая сестра мамы **Этя** жила в с. Жабокрич в 80 километрах от Горышковки. Она писала маме письма на идише об опасности Гитлера для евреев. Наша мама до самой войны не верила, что немцы убивают евреев: «Что это – Махно или Петлюра? Германия – это государство и не будет убивать народ». К вечеру возвратилась Рита. Мы продолжали оставаться в местечке.

Всех мужчин Горышковки **16 июля 1941** года призвали в Красную армию. В **Томашполь** на сборный пункт отправились мой отец **Нахум**, два маминых брата: **Мотл** (1901) и **Ицик** (прим. 1913) и муж папиной сестры Рухл **Хозкель** (прим. 1915). Папе было уже 45 лет, но на возраст не смотрели.

Из Томашпольского военкомата длинная колонна новобранцев отправилась в пункт назначения пешком, с лопатами. Немцы стремительно наступали. Украинцы из колонны начали потихоньку бежать, бросая лопаты. С одним из беглецов папа прислал маме записочку: «Голда, не трогайся с места с тремя детьми. Зарежь свинью, продай на сало, у тебя будет на хлеб на первое время». Дошли они пешком до **Запорожья**, и там ночью в высокой пшенице все легли отдыхать. Внезапно немецкий десант окружил их – весь безоружный призыв Томашпольского района.

К моей маме пришёл горышковский «призывник» **Василий Яворский**, пьяный, и рассказал: «Голда, ты на меня не обижайся – я выдал твоего мужа, твоих братьев и Хозкеля. Немцы сказали: «Кто укажет на коммунистов, комиссаров и жидов, будет отпущен домой». И я показал на наших». Василия отпустили, а остальных взяли в плен. Вернувшись в Горышковку, Василий стал в местечке полицаем. За 28 месяцев оккупации, что мы были в гетто, он никого не тронул.

Дальнейшую судьбу папы и маминых братьев мы узнали позже. Всех безоружных мужчин перегнали в **Кировоградский лагерь** для военнопленных. К маме в ноябре 1941 года пришёл **Мишка Голотенко**, бежавший из этого плена, и рассказал: «Мотл умер в лагере через две недели, а всех остальных: Ицика, Нахума и Хозкеля – загнали в шахту, где добывали известь, и они там заживо сгорели». Та же участь постигла и других военнопленных.

Оккупация.

В местечке никто из евреев не эвакуировался. До железнодорожной станции Юрковка было 6 км, станцию Журавлёвка разбомбили. В Горышковку к этому вре-

мени пришло много еврейских беженцев из Румынии и Бессарабии. Уже не хватало места для их проживания.

Через месяц после начала войны, **23 июля 1941** года, в наше местечко **Горышковка** пришли немцы. Помню, в этот день стояла необычная тишина. Мама отвела сестру Риту к украинке, а со мной и братом Гришей пошла к тёте **Емиме-Суре**. Окна её дома выходили на центральную улицу. Часа в 3-4 дня кто-то крикнул: «Немцы едут из Юрковки!» Тётя дала мужу, еврею с окладистой бородой, тарелку с хлебом-солью на полотенце и сказала: «Иди встречай немцев». Дядя встал посреди дороги. Подъехали немцы на мотоциклах. Они взяли хлеб-соль, спросили его, далеко ли до Москвы, и поехали дальше, на Вапнярку, в 18 километрах от нас. И опять тишина. Мама решила остаться у тёти. Ночью мать разбудила нас с братом. Мы увидели в окно, что площадь перед заезжим двором просто черна от румын, полно одноконных фур. Из дома напротив румыны вывели продавца сельского магазина, он открыл им магазин, где были только соль, керосин, спички, и его отпустили.

Утром румынские солдаты стали выгонять из домов всех евреев: местных и беженцев. Нас загнали в два больших дома, стоявших друг против друга. Были одни старики, женщины и дети. Трое суток нас держали под охраной румын без воды и пищи. Через румынских евреев оккупанты сообщили, что они облили керосином оба дома, и грозили поджечь, если мы не дадим контрибуцию, т. е. выкуп. Но, слава богу, не подожгли. Местные евреи все были колхозниками, денег не видели. Наверное, румынские состоятельные евреи выплатили нужную сумму, и нас всех выпустили. За эти три дня жители села разграбили еврейские дома, и мы вернулись в свои пустые жилища. Наш дом был разбит, ничего, кроме большой железной кровати, не осталось.

Через 4-5 дней румынское войско ушло дальше, осталось несколько человек. В село приехали для управления румынский комендант, 18 румынских жандармов и румынский староста.

Каждое утро всех жителей местечка, здоровых и больных, даже парализованных, румыны с овчарками выгоняли на площадь для пересчёта. Нас было много, только детей в семьях росло от трёх до семи человек, а домов было сто. Им помогали 10 украинских полицаев из местных молодых людей: Запинченко, Яворский, Голотенко и другие. Но они не зверствовали, никого не трогали. Многие украинские призывники вернулись в село и не воевали.

В местечке жила полька **Маня Каменецкая**, никто не знал, что у неё муж – еврей. В её большом роскошном аристократическом доме расположился румынский староста. Это был богатый, очень порядочный человек, сейчас уже не помню его фамилию. Он постоянно передавал через Маню предупреждения евреям, и она потихоньку сообщала всем: «Староста сказал, что сегодня через местечко будут проходить немцы, никому не выходить из домов». Когда немцы его спрашивали, почему у него евреи ещё живы, он обычно отвечал: «Я копаю ямы».

<u>В Горышковском гетто.</u>

Вскоре мы оказались в гетто. Всех еврейских жителей местечка **Горышковка** согнали с центральной улицы в считанные дома, которые огородили колючей про-

волокой. У нас в домике жило четыре семьи. В течение трёх лет оккупации сначала каждый день, а потом каждый понедельник румыны с резиновыми нагайками, дубинками и на лошадях гоняли нас на работу за пять километров от Горышковки в совхоз «Галява». Летом мы работали в поле под надзором румын. Зимой тоже работали в совхозе, на морозе: кто у веялок, кто у молотилок. Мы, девчонки, мальчишки от 13 лет и старше, весь день крутили ручки примитивной техники, так что рук не чувствовали. Кормили один раз в день гороховым супом, в котором и горошин-то не было, а одни «чёрные мошки». Ночевали зимой и летом в старой конюшне на голой земле с понедельника до субботы. В субботу вечером нас пригоняли в гетто, потому что в воскресенье у румын был выходной день.

Случались недели, когда нас не отводили в субботу «домой», в гетто. В одну из таких недель мой двоюродный брат **Иосиф**, сын папиного брата Арона, и еще два мальчика, оба Миши, беглецы из лагеря Печёра, самовольно ушли на воскресенье в гетто. Румыны об этом откуда-то узнали. Два Миши спрятались. Румыны поймали Иосифа, двое из них привязали его к лошадям, пустили их вскачь, и пять километров до совхоза Иосиф бежал за ними.

В один из дней к маме со страшным известием пришел человек, вернувшийся из Жабокрича. Он жил в русском селе старообрядцев Шура-Копиевская недалеко от Горышковки и знал маму, её семью. Мужчина рассказал, что в с. **Жабокриче** Крыжопольского р-на Винницкой области **27 июля 1941** года была проведена карательная акция, и в ней убили мамину сестру **Эсю Шмойсман** с восьмилетней девочкой **Вэлей** (Валей). Их с другими евреями загнали в подвал и через открытые двери и окна расстреляли в числе 380 евреев Жабокрича. Стреляли до тех пор, пока в подвале перестали кричать. Он сказал, что остались живые и раненые, которые потом начали выползать из подвала. Мама знала, что у убитой сестры были две дочки: **Рива** (1922) и младшая **Шейвалэ** (1928), и решила их спасти, если они живы.

Мама сказала этому русскому человеку: «Я дам тебе, что хочешь, только привези мне сюда моих племянниц». У неё было закопано перед войной 18 метров сатина, которые она пообещала ему. Он согласился, но спросил, как он их узнает. Мама пошла к тёте Чарне, жене своего брата Мотла, и упросила разрешить ее сыну **Гершлу** (1927-2010) поехать с этим человеком на телеге под соломой, чтобы узнать девочек. Они отправились и вечером привезли обеих раненых девочек. У старшей было прострелено ухо, уже черви ползали в ране. Но у нас был хороший аптекарь, мама умела лечить, и постепенно вылечили девочек. Так у мамы стало пять детей. В нашей комнате в гетто стоял сбитый топчан, покрытый соломой, и мы, шесть человек, на нём спали.

Нас, детей, водили на работу, голодных, босых, раздетых, мама была всё время с нами. Всю войну мама прятала красавицу **Риту** от всех, особенно от румын, в дымоходе. Вместо Риты всегда ходила я. Мне приходилось делать уборку в жилой комнате коменданта, чистить его сапоги. Зимой мы убирали в помещении жандармерии, чистили снег. Жандармерия находилась в селе, подальше от гетто. Один из жандармов особо издевался над нами. Во время чистки снега я запуталась в своих

лохмотьях и упала. Он тут же спустил на меня собак, и, если бы на лай не выбежал помощник коменданта и не прогнал их, они бы меня разорвали. Тот же самый жандарм схватил двух наших племянников во время их работы в конюшне, увёл в жандармерию, бил смертным боем и требовал от них… мыло. Когда нам сообщили об этом из села, мы побежали, нашли кусок мыла в аптеке и принесли жандарму. Лишь тогда он их отпустил. Мой маленький брат **Гершко** работал в румынской конюшне. Папина племянница **Этл** была подсобницей при румынской кухне. Папин брат **Арон**, портной, шил и ремонтировал одежду для старосты и других румын. Он был хорошим мастером, и староста говорил ему: «Если тебя кто-то тронет, беги сразу ко мне и скажи». Благодаря ему наша семья спаслась не раз.

О деревенских жителях ничего плохого не скажу. Они нас поддерживали, помогали едой: то кислого молока принесут, то картошечку дадут – они знали, что у нас вещей на обмен не осталось, всё разграбили.

Мыться, искупаться было негде, все ходили грязные, вшивые. В селе были и речка, и озерцо, но нас туда не пускали, мы были заключёнными. В **1942** году все узники гетто переболели тифом в тяжёлой форме. У всех выпадали волосы. Сестра Рита заболела тифом. У неё были большие косы соломенного цвета, а когда волосы выпали, стали расти льняные локоны. К нам никто не приходил, боялись заразиться. Врачей не было. Местечко было окружено полицейскими, чтобы тиф не проник в село. В селе тифом не болели. После выздоровления нас продолжали гонять на работы. Так мы жили до весны 1944 года.

В один из дней староста-румын пришёл к моему дяде Арону и сказал по секрету: «Я с жандармами уезжаю в Румынию, потому что скоро придут русские. Ночью через село будут отступать эсэсовцы. Скажи всем, чтобы нигде не было света и никто не ходил». Эсэсовцы действительно прошли через село, а не через гетто, поджигали и грабили.

Освобождение.

Утром **16 марта 1944** года со стороны Вапнярки пришли наши освободители – советские солдаты. В новую жизнь мы вошли нищими, голыми, голодными, наше имущество полностью осталось в домах грабителей. Сын маминого брата Мотла **Нюша** (1924) был мобилизован на фронт.

Папина племянница **Этл** после освобождения из Горышковского гетто вернулась в Херсон и с ужасом узнала, что в **Херсоне** оккупанты убили её мать **Эню** с тремя детьми: девочкой **Рухалэ** и мальчиками-близнецами, и бросили в колодец. Муж Эни **Берл** вернулся живым после войны, а от семьи осталась только дочка Этл, которая находилась с нами.

Старшая сестра **Рита** устроилась школьным секретарём. За погибшего отца никаких выплат не было, потому что он не воевал в воинской части и попал в плен. Мама знала, что серьёзно больна, и посоветовала сестре выйти замуж за порядочного парня **Шая** (Сашу), который любил Риту ещё в гетто. Рита и Саша Кац поженились и уехали в Сашино село Шпиков. 16 марта **1945** года я похоронила любимую маму **Голду**. Осталась вдвоём с младшим братом. Так у нас получилось: мама растила братьев, и я растила брата.

Послевоенная жизнь.

Мне в неполные 18 лет было очень тяжело налаживать жизнь в разграбленном доме.

Нелегко было нам с братом Гришей осознать и пережить потери нашей семьи в войне и в Катастрофе европейского еврейства. Погибли отец **Нахум** Горбатый и его братья: **Эршл** и **Шмиль** (Самуил). Погибли на войне два маминых брата **Мотл** и **Ицик**, племянник **Наум Шамес** погиб в Ясско-Кишинёвской операции **летом 1944** года. В **Горышковке** на площади в 70-е гг. XX века была установлена стела в память о погибших в Великой Отечественной войне. На ней имена моего отца, двух маминых братьев и племянника Наума.

Брат Гриша Горбатый – учащийся ремесленного училища. 1948 г. Виннница.

В **1947** г. у сестры родилась девочка **Аня**, еще красивее мамы. Рита начала работать в Шпиковской школе и окончила заочно физико-математический факультет пединститута. Родилась вторая дочь **Геня**. Когда дети подросли, семья переехала в город Ленинград, где **Рита** отлично работала учителем. Муж Саша, окончив училище, работал на Кировском заводе.

Из Винницкого ремесленного училища мой брат **Гриша** был призван в Советскую армию и служил четыре года на границе с Китаем. Из армии приехал ко мне в Москву, но жить хотел в Виннице. В Виннице женился на хорошей девушке, но в 23 года она умерла. Он остался с сыном. Работал в литейном цеху.

Эстер с мужем Владимиром Спектором и сыном Нахумом. 1950 г. Москва.

В **1949** году я познакомилась с москвичом, участником войны **Владимиром Спектором** (1923). Владимир – боец-доброволец, воевал в ракетных войсках на Ленинградском фронте. У него было много боевых наград: орден Отечественной войны 1-й степени и другие. Владимир перенёс тяжёлое ранение, потерял ногу. В связи с высокой ампутацией он не мог носить протез. Всю жизнь на костылях. По приглашению Владимира я с братом 5 июля приехала в Москву. Мы встретились и полюбили друг друга. Через две недели сыграли свадьбу. В столице пришлось скрывать от властей, что я находилась на оккупированной территории Украины, иначе в Москве не прописали бы. Говорила, что была в эвакуации. В нашей семье выросли два прекрасных сына. Оба получили в Москве высшее образование. Я проработала 36 лет в детском саду: от воспитателя до заведующей.

В Израиле.

В **1973** году моя сестра **Рита** с мужем, детьми и внуком приехала в Израиль, в **Хайфу**. Работала в Институте национального страхования 10 лет, затем с семьёй дочери переехала в Канаду. Брат **Гриша** жил в г. **Кирьят-Моцкине** и ушёл из жизни в 2012 году.

В **1991** году моя семья репатриировалась в Израиль. Мы прожили с дорогим мужем **Владимиром** вместе 48 лет. Он ушёл из жизни 3 января **1997** года. Старший сын **Нахум** создал Всеизраильскую Ассоциацию учителей-новых репатриантов. Работал руководителем колледжа в Тель-Авиве, но по состоянию здоровья прервал работу. Успешен и младший – **Роман**. Я радуюсь трём внучкам. Две уже отслужили в Армии обороны Израиля.

Мои двоюродные сёстры, спасённые мамой после расстрела в Жабокриче, тоже приехали в Израиль: младшая сестра **Шейвалэ** умерла в **2010** году в гор. Кирьят-Гате, старшей сестре **Риве** 23 апреля 2012 года исполнилось 90 лет, живёт в городке **Бней-Аиш** близ Реховота.

Эстер Спектор (слева) с сестрами Ривой (в центре) и Шейвалэ. 13 сент. 2001 г. Израиль.

28.

Гершкович Яна
*(с. **Дзыговка** Ямпольск. р-на)*

НЕВОСПОЛНИМЫЕ ПОТЕРИ МОЕЙ СЕМЬИ

Довоенная жизнь.

Моя семья и наша большая родня жили в местечке **Дзыговка** Ямпольского р-на Винницкой области до войны и после неё. Во время большого голода на Украине в начале 30-х годов родители уехали на заработки в Донбасс. Мама была беременна, и я, **Яна Фриделевна**, родилась **21 января 1932** года в городе **Гришино** (ныне – Красноармейск Донецкой области). Через два года мы втроём вернулись домой, в Дзыговку.

Мама **Шейндл** (11 ноября 1911) выросла в большой семье: у бабушки **Енты** и дедушки **Цемаха Тропянских** было 8 детей – 3 сына и 5 дочерей. Мамины родители работали в колхозе им. Котовского: дедушка и три его сына были кузнецами, а бабушка – дояркой. Их дом находился по соседству с нашим. Мама работала портнихой в артели «Красный Октябрь», потом по лицензии – на дому.

Семейное фото. В 3-м ряду: Яна Портная и её двоюродные братья – дети тёти Ривы. Во 2-м ряду – сёстры Тропянские: мама Яны Шейндл (справа), младшая сестра Рухалэ (в центре), старшая сестра Рива. В 1-м ряду: папа Яны Фридель (справа), муж Рухалэ Коля (в центре), муж Ривы Арон. 1937 г. Дзыговка.

Папа **Фридель Янкелевич Портной** (1906) работал портным, вольнонаёмным в воинской части, расположенной в Дзыговке. На работе маму звали Женя, а папу – Фёдор. Когда родители отсутствовали дома, мы с младшим братиком **Милей** (1936) часто находились у бабушек. Бабушка **Этл**, папина мама-вдова, жила отдельно.

В Дзыговке наша семья занимала половину большого дома на двух хозяев. У нас была большая гостиная, две спальни и кухня. В доме соблюдали *кашрут*, придерживались еврейских традиций. Общались на идише, как принято в местечке.

Каждую субботу дедушка Цемах и пожилые мужчины ходили в небольшую синагогу молиться Богу, а женщины и мои две бабушки в пятницу вечером зажигали свечи и с детьми встречали субботу. Помню, как праздновали *Песах*, *Рош ха-Шана*, *Йом Кипур*, *Ханнуку*. В ханукальные дни родители и родственники дарили нам деньги. Ежегодно родители устраивали мне и брату празднование наших дней рождения.

В **1939** году я пошла в 1-й класс украинской школы. До войны окончила два класса на «отлично» с похвальными грамотами. Запомнилось, что по субботам молодые мужчины в Дзыговке обсуждали политическое положение и решали главный вопрос: будет ли война у нас?

Начало войны и оккупации.

В воскресенье, **22 июня 1941** года, в Дзыговке, как обычно, был большой базар. Родители пошли за покупками, меня с братиком закрыли дома, и мы сидели на широком подоконнике. Вдруг мы увидели, что по улице с базара бегут жители.

Бежали также солдаты с оружием, в касках, с котелками и скатками, они спешно возвращались в воинскую часть с летних учений в лесу. Не успели родители бегом вернуться домой, папу вызвали в часть. Одними из первых были мобилизованы и ушли на фронт мой отец **Фридель** и мамины братья **Азриль и Шойль**. Мамин брат **Цола** в качестве специалиста был направлен армией на трудовой фронт. Отцу как военнослужащему выдали «литер» – разрешение на проезд в поезде двух семей, подводу с лошадью для нашей семьи (мама, я, братик и бабушка Этл) и семьи папиной сестры **Бэлы** Ройтер с 2 детьми: **Мишей** и грудной **Феней**. До сих пор помню, как папа дал маме этот «литер», попрощался с нами и ушёл.

Мы попытались эвакуироваться. На подводу взрослые положили то, что можно было взять из дому, посадили всех нас, детей. Кроме нас, были ещё чужие дети. Поехали к железной дороге, но не успели добраться до узловой станции Вапнярка в 50-60 км от Дзыговки, так как началась бомбёжка. И тут местные крестьяне ограбили нас: отобрали лошадь, телегу, всё имущество, что было на ней, даже с ног бабушки сдёрнули хромовые сапоги, подаренные сыном. Мы, дети и старики, оказались в чужом краю в районе **Томашполя** без всего: раздетые, босые. Было принято во всем слушаться бабушку Этл, и она с другими пожилыми женщинами решила, что надо вернуться домой. С огромными трудностями пешком мы возвратились через трое суток.

В Дзыговском гетто.

Дзыговку уже заняли немцы и румыны. Через короткое время установилась румынская власть. Часть местных жителей-украинцев подалась в полицию помогать оккупантам. Они докладывали, где живут или где прячутся евреи, у кого в семье были коммунисты. Главным полицаем назначили Васютинского. Евреи впали в панику от такого предательства.

Как только мы вернулись, нас поместили в гетто, огороженное колючей проволокой на столбах: открыли калитку гетто и загнали нас внутрь. Мы надеялись на имущество в нашем доме, но он был полностью разграблен. Нас взяла к себе жить чужая женщина – тётя **Рухл Зальц**. Жить нам досталось в доме из двух больших комнат, где уже находились 8 семей. Через калитку, возле которой стоял румын, только раз в неделю разрешалось выходить на базар. Обязательно было носить жёлтую метку – «магендавид» у взрослых на спине, а у меня она была на рукаве. Если случалось, что кто-то ослушался румына, полицая, его избивали. Запомнилось мне издевательство румынских солдат: они поджигали бороды уважаемым еврейским старикам. Помню, что полицаи ходили по домам и спрашивали: «Где коммунисты?», затем командовали: «Выйти из дома», через некоторое время: «Войти в дом» и так издевались несколько часов подряд. Очень часто совершались облавы. Однажды в облаву попал **Дудик**, сын тёти Рухл. Румыны избили его до полусмерти нагайками и оставили лежать, но он выжил и старался больше сидеть на чердаке. Проводились ночные обыски: искали партизан, коммунистов, мужчин на работу, девушек. Мы спасались иногда тем, что кричали: «Тифоз! Тифоз!» Румыны страшно боялись заразиться тифом и не входили в дом.

В гетто Дзыговки пригнали евреев из Бессарабии и Буковины. Есть было нечего, укрыться было нечем. В центре гетто стоял колодец, но вода в нём была

солёная. Приходилось её пить, в ней стирать и мыться, хотя мыла не было. Начались голод и болезни от скопления людей: тиф сыпной и брюшной, чесотка. **1 ноября 1942** года в нашей семье умер после тифа от менингита шестилетний братик **Миля**. Мы с ним всегда спали рядом, обняв друг друга. Я продолжала обнимать брата, когда он был уже мёртв, думала, что он крепко спит, пока мама не заплакала: «Миля, Миля, Миля, Миля!» и не забрала его тело. Милю похоронили в детской части еврейского кладбища в Дзыговке. В том же **ноябре 1942** года скончалась от тифа бабушка **Этл Портная** (1887).

Бабушка Этл с пятилетней внучкой Яной и внуком Мишей Ройтером. 1937 год. Дзыговка.

Взрослых гоняли на работы: рубить дрова, собирать урожай, но очень строго смотрели, чтобы узники ничего съедобного не взяли. После смерти Мили и бабушки мама работала портнихой по ремонту румынского обмундирования в одном из хозяйственных помещений. Работы было очень много, и я помогала маме, сидя возле её рабочего места. Иногда я стояла у дороги, по которой возили свёклу на сахарный завод, и мне бросали несколько свёколок.

Помню один случай, когда я всерьёз напугала маму. Я постоянно была голодной и неустанно искала на улице что-то съестное. Дошла до ограды гетто и стояла у проволоки. Мимо гетто проходила украинка **Надя** – довоенная мамина клиентка. Она увидела меня и спросила, почему я стою у забора. Я заплакала и ответила, что хочу кушать. Женщина сказала: «Я сейчас принесу тебе поесть, никуда не уходи». Через некоторое время она вернулась и передала мне торбочку. Я принесла её маме, и мы разделили на шесть человек тёплую варёную картофелину, кусочек хлеба, лепёшку, корень сахарной свёклы и отруби. Но за долгое отсутствие мама меня отругала и с этого дня не отпускала от себя. Помню, в 9 лет мама научила меня поститься в *Йом Киппур* (Судный день). Она сказала: «Если ты не будешь есть в святой день, то папа вернётся с фронта». С тех пор и по сей день я соблюдаю пост в Судный день.

Бабушка **Ента** и дедушка **Цемах**, которым было тогда 67-70 лет, жили в гетто в семье одного из сыновей, ушедших на фронт. Мы иногда виделись.

Карательные отряды проходили мимо Дзыговки. Говорили, что мы выжили и каратели нас не тронули благодаря тому, что в гетто жила очень красивая еврейская девушка из Бессарабии, она знала румынский язык и весьма нравилась главному в гетто румынскому лейтенанту.

Освобождение и после него.

Мы чувствовали себя заключёнными, так оно и было. За годы в гетто много пережили: голод, холод, издевательства, унижения, но надеялись, что когда-то нас освободят. В гетто жил мужчина, который тайком слушал радиоприёмник. Однаж-

ды он прошёл мимо нашего окна, постучал и тихо сказал маме: «Шейнделэ! Коробочка *(т.е. радио)* сказала, что освобождение близко».

Румыны ещё оставались в Дзыговке, готовились к обороне, хоронили привезённых убитых солдат. Мы все попрятались, потому что полицаи хотели выместить свою злость на евреях. **15 марта 1944** года началась перестрелка, продолжавшаяся всю ночь. А затем наступил незабываемый, самый счастливый день в моей жизни и для остальных евреев гетто. Рано утром **16 марта** в Дзыговке появился первый советский танк. На его башне сидел офицер с орденами на груди и с красным флагом в руках. Это был майор **Мойшалэ Торбин**, наш земляк. Его мать и сестра находились с нами в гетто. Он поздравил нас с освобождением и побежал к родным. Пять дней и ночей через Дзыговку двигались войска на запад, последним уехал танк майора Торбина.

После освобождения еврейские семьи приступили к восстановлению жилья. Начала работать почта, и каждое утро жители собирались возле почтового отделения – ждали известия от родных и близких. При получении писем в толпе раздавались крики: кто-то радовался, а кто-то рыдал. Мы с мамой плакали, потому что получили извещение, что мой папа **Портной Фридель Янкелевич**, «находясь на фронте, после боя пропал без вести 7 октября 1941 года». Затем пришли извещения бабушке **Енте**, что два маминых брата **Азриль** и **Шойль Тропянские** в ходе тяжёлых боев пропали без вести. Получили мы «похоронку» на погибшего в бою **Исаака Янкелевича Ройтера** (15 апр. 1909- 14 дек. 1944), мужа папиной сестры Бэлы.

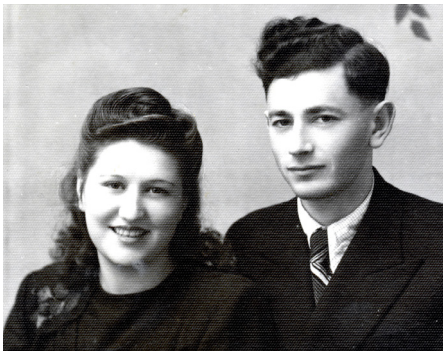
Осенью 1944 года я пошла в школу в 4 класс.

Послевоенная жизнь.

Дедушка **Цемах** умер в годы послевоенного голода в **1947** году, бабушка **Ента** пережила его на 10 лет. Мама **Женя** продолжала работать в Дзыговке портнихой на дому для женщин, получала плату и продукты в подарок, этим мы и питались. Я помогала маме шить. Она вышла замуж и переехала с отчимом в гор. Черновцы. Мама ушла из жизни в **1979** году, похоронена в гор. Сороки.

В **1949** году, окончив 7 классов, я поступила в фельдшерско-акушерскую школу в гор. **Сороки** Молдавской ССР. По окончании в **1952** году получила направление на работу фельдшером в Сорокскую центральную больницу.

В Сороках вышла замуж в **1952** году за **Семёна Гершковича** (1929), фельдшера. Муж после специализации работал рентгенологом. Родилась наша дочь **Фрида**, названная в память о моём папе. В годы учёбы в Новочеркасском политехническом институте её стали звать **Ритой**. Окончив химический факультет, Рита работала на стекольном заводе. Вышла замуж за военнослужащего, и они переехали жить по месту службы мужа в молдавский городок **Флорешты**. Во Флорештах дочь работала заведующей лабораторией стекольного завода.

Яна Гершкович с мужем Семёном. 15 ноября 1952 года. Сороки.

Я работала в Сороках сначала в здравпункте, затем в женской консультации, роддоме, хирургическом отделении больницы, детских яслях. Отработала 41 год, из них 25 лет до выхода на пенсию – в Сорокском противотуберкулёзном диспансере медсестрой I категории в стационаре. В 1986 году оформила пенсию и продолжала трудиться до мая **1993** года.

В Израиле.

3 августа **1993** года репатриировалась в Израиль с мужем и семьёй дочери. Приехали жить в гор. **Реховот**. В Израиле я работала 7 лет работником по уходу за пожилыми людьми. Муж **Семён** умер 23 мая **2002** года от болезни сердца. Дочь сначала работала на разных работах, а сейчас заведует столовой на одном из заводов. У меня 2 внучки: **Ирена** и **Женя**, обе прошли службу в Армии обороны Израиля, и три правнука: **Зоар, Шахар, Итай** – ученики.

В течение девяти лет являюсь членом комитета Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей. В 2012 году мне исполнилось 80 лет, и, сколько будет сил, я продолжу заботиться о людях нашей организации, испытавших на себе, как и я, муки евреев в годы Катастрофы.

29.

Фидельман Анна
*(с. **Дзыговка** Ямпольск. р-на)*

ДО САМОЙ СМЕРТИ БУДУ ПОМНИТЬ

Я написала эти воспоминания в память о моей умершей сестре Зиночке. Она перенесла все муки ада фашистской неволи и, умирая, просила меня: «Аня, спасай детей от фашистов». С тех пор прошло 70 лет, а наши еврейские дети и их родные и сейчас гибнут от ненавистников Израиля – нашего единственного дома: в войнах против моего государства и от рук террористов. Поэтому я хочу рассказать о пережитом в годы Шоа, чтобы ни один народ, никто из людей больше не испытал такого, как мы.

Если бы мне осталось жить день или час и мне пообещали бы вдруг долгую жизнь, но для этого я должна вернуться, пройти и пережить всё, начиная с 22 июня 1941 года, я бы сказала «нет». Перед моим взором навсегда – дети, которые умерли от голода и холода в гетто со словами: «Мама, хочу ручки нагреть» возле замёрзшей матери.

Довоенная жизнь.

Возвращаюсь памятью к самым близким мне людям на свете – семье. Мой отец **Ицхок Ройтман** родился в 1880 году, мама **Мирьям** (Марьим) **Борисовна** (девичья фамилия Мавергус) была на пять лет моложе. Отец с матерью состояли во втором браке. У отца умерла жена, и он остался с двумя детьми: сыном **Зисем** (Александром) (1905) и дочерью **Саррой** (1910). Первого мужа матери убили петлюровцы, и она была вдовой с двумя сыновьями: **Ланда Мишей** (1912) и **Шлоймой** (1917). Все четверо уже имели семьи, и от них было 10 внуков. Отец переехал в с. Великая Косница из Ямполя в 1927 году и занимался торговлей. В советское время был торговым работником «Заготконторы». Отец соблюдал еврейские традиции. Мои родители встретились, поняли, что нашли друг в друге родную душу, и создали семью. В этом браке родились трое детей: я, **Хана,** родилась **11 декабря 1924** года, сын **Фроим** (Фройкалэ) – в 1926-м и дочь **Зисл** (Зина) – в 1928 году.

Жили мы в селе **Великая Косница** Ямпольского р-на Винницкой области. Оно расположено в низине вдоль берега реки Днестр, бывшей границы с Румынией, и окружено горами, покрытыми лесами. Село было большое, на 3 тысячи дворов. Возле каждого двора около двух гектаров сада. Дома стояли на ровных улицах с каменными тротуарами. Само село утопало в зелени садов так, что с горы оно казалось сплошным красивым ковром. В детстве мы с девочками ходили в лес за вишней, черешней, орехами, отдыхали, собирали ягоды. Я была влюблена в окружавшую меня природу. В селе жило 300 еврейских семей, были две синагоги, *хахам* (знаток Торы) и раввин.

До войны еврейская молодёжь оканчивала школу и уезжала из села навсегда: училась в вузах, работала и жила в городе. Те, кто продолжал жить в селе, оканчивали курсы, становились учителями, продавцами. Многие были ремесленниками: портными, сапожниками, работниками мельниц, специалистами по табаку.

Начало войны.

Летом **1941** года я окончила десятый класс школы и готовилась к поступлению в медицинский институт. 17 июня был сдан последний экзамен, и вечером ко мне в дом пришла толпа одноклассников. Во дворе мы пели, играли, танцевали, а потом всю ночь с песнями под гитару ходили по улицам нашего села. Это стихийное веселье и заменило выпускной праздник-бал, назначенный на 22 июня в 10 часов утра в самом красивом саду нашего села.

В 41-м году у нас в домах не было радио, поэтому весть о беде пришла позже. Воскресным утром **22 июня** я надела нарядное платье, специально сшитое из бордового креп-жоржета в белый горошек, и белые туфельки. Улыбнулась красивому отражению в зеркале и направилась на бал.

Было необычно тихо. Когда приблизилась к сельсовету, услышала: громкоговоритель извещал о начале войны. Здесь же жёны, матери, сёстры и дети прощались с отцами, мужьями, сыновьями и братьями. Женщины плакали, мужчины сдержанно обещали скоро вернуться домой. Было среди них много ребят-выпускников школы, мобилизованных на фронт.

Как и остальные, я получила свой аттестат в кабинете директора школы и попрощалась с друзьями, со многими навсегда.

Местные власти вынесли постановление – никому из жителей села не разрешается выехать, всем молодым и старым идти копать окопы. Нарушившие будут привлекаться к ответственности по законам военного времени. Мы выполняли все указания и распоряжения власти. Через две недели с начала войны появились еврейские беженцы из тогдашней Бессарабии. Голодные, босые и оборванные, они бежали от оккупантов, ничего не успев взять с собой. Мы их кормили, поили. Они не оставались у нас. Пешие, с маленькими детьми на руках, отправлялись дальше, к железной дороге. Им предстояло пройти ещё много километров.

А мы… не двигались с места, ведь у нас не было разрешения властей. Прошла ещё неделя, и мы поняли, что надо выбираться любой ценой. **Зись** был военнообязанным, **Фройко** – допризывником, окончившим 9 класс, и они не могли покинуть село, поэтому папа остался дома с обоими сыновьями и всем хозяйством. Отец нанял крестьянина, и ночью на его подводу сели мама, я с сестричкой Зиной и тётей **Эней** с тремя детьми (женой Зися). Выходя, я мысленно попрощалась с домом, со всем, что было мило и дорого моему сердцу, и подумала, что прощаюсь навсегда. Так оно и было.

Мы отправились от опасной границы в гор. **Тульчин**, где давно жил с семьёй **Миша**, мамин старший сын. Только начали устраиваться на новом месте в Тульчине, приехал **Зись** попрощаться с нами, своими детьми и женой Эней перед отправкой на войну. Это прощание было последним – он пропал без вести на фронте. Через неделю еле добрался пешком до Тульчина папа, потому что начали бомбить границу. Тульчин был крупным железнодорожным узлом, и его сильно бомбили. В городе началась паника. Миша получил бронь, так как его учреждение «Пищевик» снабжало армию продуктами. Но армия отступила, и в последнюю неделю перед приходом немцев Миша решил спасать нас. На подводу с двумя лошадьми он усадил жену **Дору** с тремя детьми, родителей жены и меня, и мы успели доехать до райцентра **Тростянец** Винницкой области. Дальше была река Буг – гражданским переправляться запрещалось. Переправу бомбили, но по ней двигались отступающие войска, обозы с ранеными голодными солдатами. Их не перевязывали, и мы видели, что из ран лезли черви.

В Тростянце мы поселились в пустующей квартире, еды не было. Миша пошёл разведать, в каком направлении ещё можно бежать. Какой-то майор ему ответил: «Домой! Мы в окружении».

Оккупация.

Через 4 дня в городок **Тростянец** вошла немецкая армия. День был субботний, началась стрельба, и все жители спустились в погреба и подвалы. А вечером стало тихо, и мы поднялись в свои дома, решили, что наша армия отбила атаку. Рано утром раздался стук в дверь, и мы впервые услышали немецкую речь. Очень испугались – мы поняли, что пришла беда. Первым делом нам велели выложить все деньги и ценности, а если что-то скроем – расстрел. У нас были старинные золотые изделия ещё от бабушки, какие-то деньги, и мы всё-всё выложили. А потом пришли другие немцы: выгребли всё из чемоданов. Весь день заходили разными группами, забрали всё оставшееся: бельё, полотенца, обувь и увели лошадь.

Мы решили вернуться в Тульчин. Надеялись, что там осталась квартира с имуществом. Шли мы пешком, ничего с собой не было. Пришли – и тут всё уже разграблено румынскими оккупантами. В **Тульчине** мы сразу почувствовали гонения, начались расстрелы. Еду купить невозможно, был голод. Мы меняли последние вещи, чтобы как-то кормить детей. В Тульчине хозяйничали румыны. Нас обязали ходить на работы. Помню, меня и ещё нескольких девушек погнали выносить книги из библиотеки. Мы должны были быстро нагружать мешки книгами и бегом спускаться с этим грузом со второго этажа по ступенькам. Если кто под тяжестью сгибался, его били сзади кнутом. Такое повторялось не раз, и наша семья: папа, мама, Зина и я – тайком покинула город и отправилась в Ямполь, где у отца, родившегося там, было много знакомых. Он надеялся, что они ему помогут хотя бы Эню с тремя детьми переправить в Ямполь или в наше село. Но не тут-то было: люди, с которыми он прожил рядом почти 50 лет и много им помогал, отказались его признать. Не только подводу, но и куска хлеба никто не дал.

Папа со мной пошёл в село **Великая Косница**. Часть имущества перед нашим уходом он спрятал у знакомых крестьян, но они отказались это признать. Более того, они старались избавиться от нас, угрожали.

*

На момент нацистской оккупации в селе оставалось примерно пятьдесят еврейских семей. Мужчины-призывники из них ушли на фронт, остались их пожилые родители, жёны и дети. В первый же день, когда немцы с румынами вошли в **Великую Косницу**, они собрали евреев. Всех мужчин среднего возраста увели неизвестно куда. Никто из них не вернулся.

Остальных погнали к лесу. По дороге на глазах у всех изнасиловали 16-летнюю девушку и заставили смотреть на это её мать, расстреляли старую женщину **Бобу Шутель**. Завели евреев в лес, поиздевались над ними и оставили там. Вечером начал моросить дождь, стало холодно. Ночью евреи пошли домой. Старенькая женщина **Хана Табачник** уже не держалась на ногах. Она была верующей и сказала, чтобы все, кто может идти, возвращались в село, а её здесь до утра будет охранять Бог. И просила, пусть утром кто-то приедет с тележкой и заберёт её из лесу. Один старый, но довольно крепкий еврей тоже слышал это. Поутру он пришёл за ней, но застал её мертвой и привёз тело в село на тачке. В то время, пока он ходил в лес за Ханой, румыны собрали всех оставшихся мужчин-евреев среднего и старшего возраста и отправили в лагерь в Бессарабию. Больше их никто не видел.

Оставшихся женщин с детьми (около десяти семей) и одиноких старух согнали в маленькую хатёнку, которая состояла из одной полуразрушенной комнатушки, может, в 9 квадратных метров, и крохотной кухоньки, всю площадь которой занимала печь для выпечки хлеба. На этой печи устроилась жить **Олта Винницкая** с 4 детьми. Её мужа, отца и тестя тоже отправили в лагерь.

Когда мы с папой пришли в наше село, папа решил пересидеть до следующего утра в этом «еврейском домике». Фактически это был концлагерь. Тем, кто в нём находился, запрещалось брать воду из колодца, потому что они «грязные жиды». В какие-то часы было позволено зачерпнуть воды из Днестра.

А я по молодости пошла к своим школьным подругам, с которыми выросла, помогала им в учёбе. Самой близкой была **Женя Вишнева**, и я отправилась к ней первой. Её мать как раз вынимала из печи паляницы – большие такие пироги с картошкой, творогом и зеленью. Как только Женя меня увидела, спряталась в другой комнате, а её мама сказала, чтобы я побыстрее убиралась, потому что к ней должны сейчас прийти обедать жандармы. Не дала мне даже кусочек хлеба.

Был уже сентябрь, и становилось холодно. Я пришла ко второй подруге **Елене Джосан**. Лена и её мать сразу приняли меня, нагрели воды, и я помылась, накормили и уложили спать на тёплой лежанке. Поздно вечером в дверь постучал полицай, который привёл трёх жандармов на ночлег. Они сразу заметили двух девушек и спросили, кто мы. Я чуть не умерла со страху. Сколько раз за эти три года оккупации сердце не замирало, а умирало! Мама Лены ответила, что я – невестка. Они успокоились. Переночевала у Лены и пошла к отцу. Её мама дала мне с собой немного муки, лука.

Когда я пришла к евреям в хатку, мне сказали, что папу арестовали и отправили в концлагерь. Можете представить моё состояние 17-летней девочки! Я сидела возле «еврейского домика», не зная, что делать. А спустя несколько часов ко мне подошла женщина-украинка и тихо сообщила, что отец ждёт меня на горе по дороге на Ямполь. Я не поверила её словам, считала, что это ловушка, но всё же пошла по дороге, и мой любимый папочка действительно меня ждал. Оказывается, полицай – молодой украинский парень – отвёл его подальше по дороге и отпустил. Себя он не назвал, но это был в тот момент папин ангел-спаситель.

По дороге на Ямполь мы встретили толпу евреев из Бессарабии. Их переправили через Днестр и под конвоем жандармов гнали к железнодорожному вокзалу для отправки в лагеря. Мой папа чуть не смешался с толпой. Жандармы решили, что он отстал от их колонны, и хотели в него выстрелить. Но обнаружилось, что он не знает румынского языка, он плакал, просил, отвечал по-украински и снова спасся.

Через некоторое время уже я с Зиной пошла в наше село, мы выпросили немного муки, картошки и ещё кто что дал. Еле-еле добрались до **Ямполя**. Мы обе заболели сыпным тифом. Нас забрали в больницу, и я была в очень тяжёлом состоянии – две недели без сознания. Как только мне стало лучше, меня выписали, хотя я не могла стоять на ногах, была совершенно глухая.

*

Папа всё время искал возможность переправить Зисину жену Эню с детьми из Тульчина к нам, в Ямполь. Но его попытки скоро закончились. До нас дошли страшные вести: всех тульчинских евреев выслали в концлагерь **Печёра**, а ещё через месяц расстреляли брата **Мишу Ланда** при попытке бегства из лагеря. Его арестовали, отвезли в Тульчин, били, пытали, а потом казнили и где-то возле школы закопали. Дальше – хуже. К нам каждый день приходили известия одно горше другого. В **Печёре** от холода и голода умерли две дочки погибшего

Миши: **Неля** (1936) и **Женя** (1938), умерли родители его жены Доры **– Гриншпун Шлойма** и **Сурка**, от побоев умерла её сестра **Клара**.

В конце **августа 1942** года **Эня** бежала с дочкой **Раечкой** из Печёры. Они добрались до Ямполя, мы встретились, и Эня рассказала о своей трагедии.

Когда их гнали в лагерь, уже было холодно, лили дожди, и лужи перемешались с чернозёмом, грязь на дорогах по колено. Эня шла одна с тремя детьми: она несла Бореньку на одной руке, второй рукой держала Раечку и Нюсеньку, на плечах была котомка. Она не успевала за толпой. А тех, кто отставал – расстреливали. Шедшие рядом с ней кричали, чтобы она оставила младшего, иначе её расстреляют со всеми детьми. Его, мол, кто-то подберёт потом. Разве может мать оставить на дороге своё дитя? Жандармы ехали за колонной на подводах, оставленных детей подбирали, отвозили недалеко и расстреливали, были слышны время от времени выстрелы. Эня довела до лагеря всех троих. По прибытии в **Печёру** умерли старшая дочь **Нюся** (1933) – красавица с золотистыми локонами и сын **Боря** (1939), которому было предсказано, что он станет самым счастливым на земном шаре. Умирая, её дети не хотели есть, а лишь просили обмороженную Эню согреть их ручки. Но было негде и нечем.

<u>В Ямпольском гетто.</u>

В Ямполе мы жили в доме у папиного брата **Дудя** в половине, которая принадлежала отцу. У нас были две комнатки и кухня с двумя входами. Дом был расположен на местечковой улице Комсомольской, где издавна проживали в основном евреи. На эту улицу румыны согнали всех оставшихся в городе евреев и образовали гетто. Так мы оказались в **Ямпольском гетто**.

Из гетто нас по утрам выгоняли на работы и приводили обратно. Вход охранялся. Самостоятельно разрешалось выходить на рынок раз в неделю после 12 часов дня. А в полдень на базаре редко можно было найти продавца, только собаки бегали по базарной площади. И для того, чтобы продать какую-то свою последнюю вещичку или выменять на еду, мы, девочки, надевали крестьянские платочки и, рискуя, ходили на рынок до полудня. В нашей семье этим занималась я. И попадались иногда. Полицаи нас вылавливали, вели в участок и там лупили палками, старались бить по голове. Одна девушка (не из Ямполя) потеряла рассудок после наказания. Но положение вынуждало нас выходить за пределы гетто таким образом.

До румын тут на короткое время останавливались армейские немцы и итальянцы, но именно румыны под командованием Антонеску сгоняли евреев в лагеря и вместе с местными бандитами-полицаями били, убивали, насиловали, расстреливали. Мы подвергались каждодневным издевательствам и мучениям.

Меня и подругу **Женю Кесельбренер** определили в так называемый строительный батальон. Нас часто перебрасывали на ремонт разных зданий. Мы вручную месили раствор и затем штукатурили. Было очень тяжело. Ремонтировали здание машинно-тракторной станции, очень высокое, двухэтажное, и мы по лестнице носили наверх большие вёдра с раствором. Нас подгоняли, за нами наблюдали надсмотрщики, чтобы делали всё быстро, иначе мы получали удары по спине,

по голове, по ногам чем попало, даже железными прутьями. Когда украинские полицаи строили себе дома, было еще хуже. Нас заставляли на месте копать глину, и в её верхних слоях были гвозди, обломки стекла, железа. Эту глину посыпали соломой, и мы ногами её месили. Глина всегда получалась с примесью крови, которая сочилась из наших ног. Осенью во время сбора урожая было чуть легче. На полевых работах нас охраняли местные крестьяне, и они разрешали нам брать с собой немного овощей.

В каменоломне мой отец на тачке вывозил глыбы на далёкое расстояние. Он сразу стал похож на столетнего старика, хотя ему тогда был 61 год.

Через Ямполь гнали много бессарабских и буковинских евреев. Среди них были очень состоятельные, которые смогли за золото откупиться у румын и остаться в нашем гетто, даже заняться мелкой коммерцией, отдавая часть денег жандармам. Им было немного комфортнее, чем местным обитателям гетто. Такую семейную пару **Мойше** и **Фейгу Гердан** поселили в одной из наших комнат. И они сразу занялись бизнесом: солдаты привозили им из Румынии мыло, папиросы, спички, соль, т. е. большой дефицит, а они через украинцев сбывали товар на рынках. Для связи с местным населением и для сбыта товара они тайком использовали мою 13-летнюю сестричку **Зину**. Она была их связной между городом и гетто, а мы ничего не знали. Нам Герданы говорили, что полюбили Зину, как родную дочку. Купили ей платье, шарф, пальто. Зина им готовила пищу, и они подкармливали сестру её остатками. Зина строго хранила тайну, но именно она выносила все товары из гетто, и если бы её поймали где-то на окраине города, куда её отправляли, то расстреляли бы.

Зима 1941-42 годов была суровой. Мы собирали из-под снега засохшие бурьяны и топили ими печурку, но тепла почти не было. Последние нательные вещи мы обменивали на муку, картошку. Варили похлёбку на воде. Спали на лежанках на соломенных тюфяках. На нас четверых было две подушки и ватное одеяло. У меня сохранились зимнее пальто с красивым воротником и большая шаль в клеточку. Когда нас грабили, я всегда была в пальто, а сверху на голову и плечи набрасывала шаль, и она закрывала лицо и воротник. Даже летом, в жару, я не снимала это пальто, иначе его отобрали бы. Зимой мы продали пальто по частям: сначала – воротник, потом – подкладку, и так оно нас кормило до весны 42-го года.

*

Ещё летом 1941 года **Фройко** вместе с другими подростками-допризывниками был отправлен в советский тыл, чтобы не оставлять немцам молодую армию. По дороге все они почти сразу попали к немцам в плен. Немцы расстреляли из них всех еврейских мальчиков, остались живы только украинцы. Мой бывший одноклассник **Федя Савицкий**, которому не было и 17 лет, прекрасно знал моего брата, опекал его и спас ему жизнь. Фройко был русоволосым, с голубыми глазами, отлично говорил по-украински, и Федя подтвердил, что Фройко – украинец. Всех украинских парней освободили. **Летом 1942** г. Федя Савицкий тайно привёл моего братика Фройко к нам в **Ямполь**. За время разлуки брат возмужал. Скоро наша радость превратилась в беду. Фройко могли принять за советского шпиона, и на учёт в гетто его нельзя было поставить. Мы вынуждены были спрятать его у себя. К тому же Эня с Раечкой

после побега из Печёры тоже жили у нас, но с разрешения юденрата. Нас в комнате жило уже 7 человек. Положение стало очень тяжёлым. Так продолжалось до глубокой **осени 1942** года.

*

В одну из холодных ноябрьских ночей к нам ворвались жандармы и приказали за пять минут собраться и выйти на улицу – нас отправляют в концлагерь. Собирать было нечего, взяли мешки, подушки, чтобы не лежать потом где-то на голом цементе. Папа был верующим, он успел положить в мешок несколько молитвенников, талес и тфилин, и нас прикладами вытолкали на улицу. Семья Гердан успела увести Зину в свою комнату, и она осталась с ними.

А на улице стоял сплошной плач и стон. Жители гетто были окружены жандармами. Нас всех погнали на площадь: женщин с малыми детьми на руках и плачущих детей постарше, людей с наскоро схваченным скарбом, еле передвигавшихся стариков, избиваемых охраной, чтобы шли быстрее, парализованных и больных, которых несли на плечах члены семьи.

Я обратила внимание, что евреев, говоривших по-румынски, на площади не было: только местные. Те, кто мог, откупился заранее, как семья Гердан, и их не трогали. Среди нашей ямпольской родни были такие, что дали взятку румынам, и остались в гетто.

Когда мы уже стояли на площади, у меня вдруг в глазах потемнело: я увидела, как к жандармам подошла и сдалась Зина, они могли её расстрелять, но бросили в толпу. Так нашу семью в полном составе: папу, маму, меня, Фройко и Зину, а с нами Эню с Раечкой – в толпе других жертв повели на вокзал и загнали в товарные вагоны. Куда везут, никто не знал. Всю дорогу в вагонах появлялись жандармы, обыскивали людей и отбирали последнее, что удалось сохранить. Взамен получали удары палками или коваными сапогами.

<u>В Ладыжинском карьере.</u>

Было светло, когда нас выгнали из вагонов на площадку, огороженную колючей проволокой, у самого берега Буга. По ту сторону реки стояли немцы, а по эту – румыны. Буг в том месте не широкий, и, когда немцам становилось скучно, они постреливали в евреев на площадке. Это был какой-то пересыльный лагерь, где мы видели много пригнанных пешком евреев из Бессарабии и Румынии. Худые, голодные, измождённые, они уже второй год мучились в лагерях. Их постоянно перегоняли с места на место, и они от этого умирали. До самой смерти буду помнить, как в мороз пригнали группу людей, совсем раздетых: на них висели привязанные одна к другой тряпки. Одна из женщин упала и больше не встала. Никто её не поднимал. Мы все были обречены. Но на ней лежали и плакали двое маленьких детей.

Ямпольских евреев загнали в **Ладыжинский каменный карьер**, где добывали гранит. Жильём были каменные и деревянные постройки с проёмами вместо окон и дверей. Мы стали их обустраивать: накопали земли, собрали камни и, как могли, замуровали оконные пустоты. Близилась зима, ночами были заморозки. Первыми начали умирать старики. Уже на второй день умер главный раввин Ямполя. Потом гибли дети. Утром просыпались не все. Мы знали, что нас тоже ждёт эта участь.

Моему отцу было так тяжко, что мы посоветовали ему бежать обратно в Ямполь. Там были его откупившиеся на время брат и сестра с семьями. Он согласился, но смог удалиться от лагеря метров на пятьсот. Его поймали, зверски избили и вернули в лагерь. Больше бежать он не пытался. Однажды я наткнулась на жандарма, он спустил на меня огромную собаку. Она меня повалила и начала просто грызть. У меня до сих пор есть следы на теле, где она вырвала мясо.

В начале **февраля 1943** года в лагере появились немцы и стали отбирать молодых парней для отправки на работу по ту сторону реки Буг. Они забрали 70 человек, и никто их больше не видел. Я переодела своего брата в дамский халат и головной платок, немцы проходили мимо, разглядывали брата и… ушли. После этого уже папа предложил нам с Фройко бежать – авось, удастся спастись. Отец обвязал мне ноги тряпками и верёвками, поцеловал нас, попрощался, и мы ушли. Больше мы нашего папу **Ицхока Ройтмана** не видели.

Скитания по разным гетто.

Нам удалось выбраться из лагеря, и через час мы дошли до села **Четвертыновка**. Но село отделяла от нас речушка, её надо было перейти. Был конец февраля, днём пахло весной, но ночью всё опять замерзало и приваливало снегом. Лёд на речке казался крепким, и мы смело пошли по нему. На середине реки лёд треснул, и мы провалились по пояс в воду. Еле вылезли и достигли берега. Ноги схватывало судорогами, было очень холодно. Добрались до первой попавшейся избы, уже было всё равно, в чьи лапы попадём. К счастью, нас приняли очень тепло, дали немного горячей похлёбки, возле горящей печи мы обогрели ноги и просушили наши тряпки. Крестьяне видели, кто мы, и очень нас жалели: нам предстоял опасный путь – не по гладкой дороге, а полями, лесами, потому что везде были установлены жандармские посты, и их надо обходить.

Мы шли бесконечным снежным полем, под снегом была вода, мои тряпки и верёвки расползлись и замёрзли. Руки и ноги так озябли, что пальцы на них не сгибались. Фройке было еще хуже, подошвы на ботинках так разболтались, что гвозди при каждом шаге впивались в ступни, и каждый шаг оставлял кровавый след. Мы были еле живые, и всё же добрались до **Ободовки**. Встретили евреев с жёлтыми магендавидами, и они направили нас в еврейский комитет. Человек по фамилии **Реслер** (имени уже не помню) разрешил переночевать в их больнице для бездомных евреев. Ничего медицинского в ней не было: просто две холодные комнатки и коридорчик. В комнатках лежали тяжелобольные, а родственники сидели возле них. Лечь было негде. Нам с братом показали место в углу возле входной двери и сказали, что тут можно быть только три дня. На третий день нас вызвали в комитет, выдали постóлы из свиной кожи (грубая обувь) и велели покинуть это место. Мы снова двинулись в путь.

Мне теперь не верится, как я тогда могла определять, куда двигаться, где надо обходить, ведь мы шли лесами и полями. Видно, страх и желание выжить толкали нас вперёд. Нам, молодым, казалось: только бы добраться до Ямполя, а там уж наши родственники о нас позаботятся.

За полдня дошли до **Жабокрича**. Здесь были в основном евреи из Буковины, Бессарабии. Они встретили нас с большим сочувствием, накормили и попросили тут же уйти. К вечеру мы были в **Крыжополе**, возле гетто. Через колючую проволоку мы видели его обитателей, узнали, где охрана и как войти незаметно. Нашли калитку и оказались на территории **Крыжопольского гетто**. Нам сказали, что переночевать мы сможем в синагоге. Мы вошли в неё и увидели там умирающего в углу старика и сумасшедшую женщину, которая разговаривала с собой. Нас позвала какая-то женщина, сказала, что ждёт дочку: она пошла на станцию украсть немного угля для печки. Мы сели погреться у печурки, сделанной из ведра, а женщина успела тем временем испечь на огне пару картофелин и дала нам поесть. Пришла девушка с мешочком угля и несколькими кусочками хлеба, выпрошенными у крестьян. Её поход за пределы гетто был рискованным, но другого выхода не было. Из добытого для себя хлеба они выделили нам два кусочка, вскипятили воды в жестянке, и мы попили горячего, а затем уложили нас спать вместе с ними на их лежанке. До чего человеческая доброта велика! Я не спросила имени и не помню лица этой женщины, но её добро до сих пор в моём сердце. Она и дочь, видно, были такими же беглецами, как мы с братом, и на этой холодной постели сумели нас приютить на несколько ночей.

В Крыжопольском гетто я встретила ровесницу и соседку **Ханусю Тендлер**. Наши окна выходили к ним во двор. Она как-то узнала о нас, принесла нам борщ и мамалыгу, расспросила, что собираемся делать. Моя подруга сообщила, что знакомый ей крестьянин через пару дней едет в сторону Ямполя, и она попросит его подвезти нас. В назначенный срок мы из гетто отправились к вокзалу, сели на подводу, возле которой стояла Хануся, и уехали.

За 18 километров до Ямполя крестьянин нас высадил, и дальше мы пошли пешком. Падал сильный снег, дорогу замело, мы передвигались с трудом. Шли по отдельности на расстоянии 20-25 метров, чтобы не вызвать подозрений. И случилось то, чего я больше всего боялась. Из метели прямо на нас выехали подводы с полицаями. Стараясь сохранять спокойствие, прошла мимо, поздоровалась, прошла вперёд и услышала, как брата остановили и потом вопросительно крикнули: «Жид?» Он ответил: «Нет». Они не поверили, спросили снова. Я поняла, что дело плохо, и решила вернуться: если не суждено выбраться, умрём вместе. Подошла к ним и стала говорить, что он не жид, просила отпустить. Но один из полицаев вытащил автомат и прицелился в моего младшего братишку. Я стала умолять их не убивать брата, он не жид. Я так сильно рыдала и молила полицаев, что Бог меня услышал. Полицай повернул автомат прикладом в нашу сторону, толкнул им Фройко и по-русски сказал: «Иди, жид!» Они узнали в нём еврея, но, может, какую-то жалость пробудили у этих бандитов мои горячие слёзы и мольбы.

Мы продолжили свой путь. К вечеру метель усилилась, и мы совершенно сбились с дороги. Брели наугад, хотелось сесть и отдохнуть, но брат подбадри-

вал меня, даже шутил. Это укрепляло дух и вселяло надежду. У нас снова появилось желание выжить. Наконец узнали русское кладбище в предместье **Ямполя** и остановились. Наши родственники – дядя **Дудь** с семьёй – жили на другом конце города, идти к ним через весь город опасно: как быть? С наступлением темноты никто не имел права выходить из дому, евреям даже днём нельзя было покидать гетто. По улицам ходили патрули. Петляя по переулкам, поднимая собачий лай, мы кое-как добрались до дядиного дома. Наше появление так его перепугало, что наутро он с женой и сыном ушёл жить к другим людям. Не остались и мы. Наши скитания продолжились. Мы с братом днями и ночами прятались в разрушенных домах, куда иногда заглядывали патрули. Женщина-украинка **Даша Субботина** пустила нас к себе на чердак, заперла дом и уехала в село к родным. На домах украинцев были нарисованы кресты, обозначавшие, что здесь живут православные. В городе началась облава – искали везде бежавших из лагеря евреев. Громко объявляли на улицах, чтобы все евреи немедленно собрались на площади. Жандармы обыскивали все дома и углы в городе. Они долго стучали в двери Даши Субботиной, но ломать не решились и ушли. После облавы мы вышли из этого дома и пробрались к Герданам, продолжавшим жить в одной из двух наших комнат в гетто, и попросили ради Зины помочь нам. Фейга ушла и вернулась с украинской женщиной, которая повела нас в Дзыговку: шла в 100 метрах впереди нас, а мы следом. У первого же еврейского дома она нас покинула.

В Дзыговском гетто.

В **Дзыговке** мы нашли дом председателя еврейской общины **Янкеля Мильмана**. Сказали, что мы дети Ицхока Ройтмана, папу здесь знали, и это помогло. Янкель отвёл нас на квартиру к женщине **Рухлэ**, матери троих детей, жене фронтовика. Здесь мы пожили до лета, а затем прятались в подполе у другой еврейской многодетной семьи без мужа. Над входом в подпол стояла софа, во время одной из облав жандармы обыскали весь дом, обстукали глиняный пол, но нас не нашли. Давала нам ночлег женщина по имени **Зисл**. Нас подкармливали, но мы были молодыми и постоянно голодными. Бывали дни, когда и крошки во рту не было. Мы нанялись копать картошку и заработали 20 вёдер картофеля и немного муки. Хранили картошку у женщины по фамилии **Гробман**. Появилась еда, и мы ожили. Так просто хорошие люди раз за разом спасали нас с братом от гибели.

Наконец Янкель оформил нам разрешение на жительство, и нас взяла к себе на квартиру **Гитля Мильман**, его родственница. Мы должны были за это обеспечить ей топливо на зиму, и я помогала по хозяйству. Но радость от полученного разрешения недолго длилась. В **январе 1944** года прибыла разнарядка от немцев: отправить к ним на работу 40 еврейских парней. Фройко был первым кандидатом. Для этого, видно, и требовалось разрешение. Теперь мне не помогли никакие слёзы: ночью пришли жандармы с представителями еврейского комитета, велели брату быстро собраться и увели его. Так я осталась одна.

Мы, молодые ребята-узники, иногда собирались по вечерам, сочинили все вместе песню и пели её. Я помню эту песню и сегодня.

Ун эсн ын ун тринкен отн ынз гыолтн.
Тир ын тоер ыз гывейн фар ынз фармахт.
Плыцынг из арангыкимин дер дайчер полицейскы
ын от ди идн ойсаргынын фартрахт.

Припев.
Ой виазой фарвус шлугт ынз дер гой
ви ыз дер рахмуныс роей адойной,
фон дейм ымл ти акик аф дер Украáины ти аблик,
фарлеш шойн дыс фаер ын лоз шойн зан гыниг.

Олтычки идн мыт зэйыры грузы бейрд
мы шнат зей аф штикер, мы лейгт зей ын дрерд.
Клейнычки кындерлых фон зэер мутэр брыст
мы шнат зэй аф штикэлэ, мы ворфт зэй аф дэйм
мыст.
Припев.
Ой виазой фарвус шлугт ынз дер гой
ви ыз дер рахмуныс роей адойной,
фон дейм ымл ти акик аф дер Украáины ти аблик,
фарлеш шойн дыс фаер ын лоз шойн зан гыниг.

***

Нас держали закрытыми.
Двери и ворота все были закрыты для нас.
Вдруг появился немецкий полицейский
и задумал евреев убить.

Припев.
Боже, посмотри с неба,
взгляни на Украину,
погаси это пламя,
И пусть уже будет конец.

Старых евреев с белыми бородами
режут на куски и кладут их в землю.
Маленьких детей режут на кусочки
и бросают их в мусор.

Припев.
Боже, взгляни с неба,
посмотри на Украину,
прекрати этот огонь,
И пусть уже будет конец. (Перевод автора)

Освобождение.

В марте 1944 года румыны собрали вещи и покинули **Дзыговку**, а советские войска ещё не пришли. Наступило безвластие с особенной тишиной. Евреям особенно сильно захотелось жить, но тут нашлись бандиты из числа украинцев, которые прямо в лицо говорили нам: «Нечего радоваться, вы красненьких не дождётесь, мы вас всех вырежем». Это были не пустые слова. В бывшем здании костёла румыны оставили много оружия. В доме начальника полиции был устроен пир по случаю ночного еврейского погрома. Говорили, что где-то недалеко засели 400 румынских солдат с оружием. Была пятница, наступали сумерки. Что бы ни было ночью, евреи приготовились к субботе: убрали в доме, сварили, испекли, молились.

Вдруг видим: с горы спускается конный отряд людей в гражданской одежде. Мы решили, что это партизаны. Еврейская молодёжь не выдержала и побежала им навстречу. Самым смелым из нас был парень из Бессарабии, и он крикнул по-молдавски: «Чине аколо?» (Кто там?). Те услышали нерусскую речь и быстро приготовились стрелять. Мы спохватились и начали кричать: «Мы евреи, пришли вас встречать! Вы партизаны?» И в ответ услышали, что они – регулярная Красная армия. Нам рассказали, что их мобилизовали для освобождения этой территории, но ещё не переодели. На их лошадях мы и приехали домой. Разместили бойцов по еврейским домам, накормили, потому что, кроме нас, их никто не встречал. Мы радовались и плакали, целовали им руки и ноги. Они прилегли отдохнуть, но по крикам «Боевая тревога!» солдаты вскочили и с оружием выбежали к лошадям. Мы слышали слова: «Немцы наступают».

Начался бой, но мы не прятались, а смотрели в окна. Недалеко рвались снаряды, всю ночь шла перестрелка, и под утро мы услышали: «Ура!» Когда рассвело, мы вышли из домов. После ночного боя убитых и раненых советских солдат уже забрали, на улицах валялись трупы врагов, лежали убитые лошади. Пятерых погибших: капитана и 4 рядовых Красной армии похоронили на главной площади после траурного митинга.

После освобождения.

Я готовилась к встрече с родителями, сестрой и братом. Мысленно обнимала папу (мы его звали «тóткалэ»), повисала на его шее. Но не суждено было увидеть: папе выпало пройти много испытаний, прожить два ужасных года, надрываться на непосильных работах и умереть голодной смертью в лагере в **с. Черепановка** Крыжопольского р-на в **ноябре 1943** года. Там же погибли от голода и холода в **октябре 43-го** тётя **Эня Ройтман** 34 лет с восьмилетней дочкой **Раечкой**.

Через несколько дней из Черепановского лагеря пришла моя младшая сестричка **Зиночка**: больная, остриженная, худая, как скелет, с потухшими глазами. В ней не узнавали девочку, спрашивали, что с моим братиком. Ей было 14 лет, и она уже была маленькой старушкой. Бедная малолетняя Зиночка сама копала могилу, сама хоронила папу, когда он умер в Черепановском лагере, куда перегнали семью вскоре после нашего с Фройко побега.

Через день после освобождения вернулся невредимым **Фройко**, которого немцы отправили в **Николаев** на большое строительство. Из 40 парней осталось в живых двое. Мы втроём отправились в **Ямполь**, где нас ждала добрая, милая мама

Марьим, была горячая встреча. После перенесённых страданий она стала в 54 года малоподвижным инвалидом и нуждалась в постоянном уходе.

В июле 44-го в неполные 18 лет **Фройко** был призван в Красную армию. Он и сам рвался на фронт, чтобы мстить за отца, за старших братьев, за пятерых племянничков и их погибших матерей. Мы его не останавливали. Он много раз смотрел смерти в глаза. После тяжёлого ранения (плечо и лёгкие) он опять просился на фронт, и его взяли минёром. **2 июня 1945** года Фройко погиб при разминировании, мы получили «похоронку». Слёзы не высыхали, сердце разрывалось на части. Нет в мире стали, чтобы сделать из неё агрегат такой сильный и прочный, как человеческое сердце. В этом я не раз убедилась на себе.

Мне предстояло в 19 лет возглавить семью. У меня не было специальности, но я приобрела страшный жизненный опыт. Надо было работать и кормить семью. Страх смерти ушёл, а голод, нищета, болезни остались, продолжалась война. Пережитое в годы Катастрофы оставило тяжелейший след в нашем здоровье и в душах.

Послевоенная жизнь.

Зина поступила в техникум, я работала учётчицей. В 1946 году я познакомилась с **Гершем** (Гришей) **Фидельманом** (1914) и вышла за него замуж в декабре **1947** года. Мы переехали жить в гор. **Сороки** в Молдавии. Григорий в 1940 году окончил 4 курса Ясского университета по специальности юрист. Родители Гриши **Мордехай-Мотл** (1881) и **Голда** (девичья фамилия Ландман) **Фидельман** (1881) из бессарабского села Штефанешты погибли **в 1942** году в **Бершадском гетто**. Григорий воевал в звании сержанта, был ранен в бою на подступе к Берлину. Ему засыпало глаза осколками от фаустпатрона. В Харьковском госпитале Григорию сделали уникальную операцию по спасению глаз. Награждён орденами и медалями. Родились наши дети: сын **Исаак** (1951) и дочь **Голда** (Галина). После войны Гриша стал музыкантом, играл на скрипке. Мама **Марьим** умерла в **июле 1966** года. Я работала главным бухгалтером Управления сельского хозяйства Сорокского р-на Молдавии. Мы с мужем очень любили друг друга, прожили вместе 35 лет. **Гриша** умер в **1983** году.

Зина Ройтман – сестра Анны. 1948 г. Сороки

Мать Григория Фидельмана Голда, погибшая в Шоа. Довоенный снимок.

В Израиле.

Я приехала в Израиль 30 декабря **1992** года, дочь с семьёй и матерью мужа репатриировалась на год раньше. Живём в гор. **Реховоте**. Мою мечту стать врачом осуществила дочь **Галина**. Сегодня она работает врачом-педиатром в гор. Нес-Циона. Сын живёт и работает в России.

У меня 5 внуков: **Юля**, **Гриша**, **Мирьям** – дети Исаака и дети Гали – **Цви** и **Пини**. Они прошли службу в Армии обороны Израиля, сейчас оканчивают Беэр-Шевский университет по выбранным специальностям.

Анна Фидельман с дочкой Галей, сыном Изей, мужем Гришей и мамой Марьим. 30 ноября 1958 г. Сороки.

30.

Бронштейн Злата
*(с. **Джурин** Шаргородск. р-на)*

ПОБЕГ ИЗ ПЕЧЁРСКОГО ЛАГЕРЯ

Довоенная жизнь.

Я, **Злата Бронштейн**, родилась 12 июля **1924** года и росла в родном доме в еврейском местечке **Шпиков** Винницкой области советской Украины. Старший брат **Гедалья** (1922) был слабым, болезненным, плохо ходил, и, сколько помню, папа, очень сильный человек, носил его на руках.

Мой папа **Иосиф Вольфензон** (1892) рано остался сиротой. Его мать **Злота** в Первую мировую войну, желая быть полезной, носила еду тифозным больным, заразилась тифом, от неё заразился её муж **Гедалья**, и оба умерли относительно молодыми. Меня и брата Гедалью назвали их именами. В Шпикове жили и работали братья отца **Мойше** (и у него были дети Гедалья и Злота), **Дувид** и сёстры **Хона** и **Крейня** с семьями.

Отец держал в Шпикове магазин промышленных товаров, моя мама **Рива** вела домашнее хозяйство. Недалеко от нас жили мамины родители: дедушка **Аврум-**

Зейдл Безверхний (1853) с бабушкой **Молкой** (1855) и мамин брат **Ицхак** (1890) с семьёй. Мамина сестра **Рахель** (1897) вышла замуж и переехала в гор. **Харьков**, родила и воспитывала 6 детей.

Летом **1941** года я окончила 10 класс. 17 июня получила аттестат зрелости с отличием. 20 июня на выпускном вечере мы пели песню: «Если завтра война, если завтра в поход…» На другой день мы с **Ларой**, моей лучшей школьной подругой, оформили документы для поступления в вуз и отправили в Одесский медицинский институт.

Начало войны и оккупация.

22 июня 1941 года началась война Германии против СССР. Городок Шпиков находился вдали от железной дороги, и поэтому эвакуироваться поездом мы не смогли. Стали думать, как бежать от врага. Купили лошадь, повозку и договорились на следующий день выехать. Но тут прибежал отец Лары и сказал, что немцы уже в Умани. Немецкая армия продвигалась широким полукругом, а не прямо, и мы оказались в кольце – у нас ещё немцев не было, но вокруг всё было ими захвачено. Уехать мы уже не могли.

Через две недели немцы и румыны оккупировали **Шпиков**. Немцы въехали на мотоциклах, до сих пор помню звуки множества моторов. Большая часть еврейских семей не смогла эвакуироваться. Люди попрятались на чердаках домов и в погребах. У дедушки **Аврума** тоже был на чердаке «секрет». Мы спрятались в этом тайном укрытии. С нами пряталась и **Лара**. Пробыли на чердаке целый день. Каждый раз кто-то спускался и смотрел, какая обстановка снаружи. Послали вниз понаблюдать **Зою Фуксман**, двоюродную сестру. Она вернулась и сообщила важную новость: «Корова Лары гуляет по полю». Всё же пришлось всем спуститься. Немцы уже хозяйничали в Шпикове: отбирали птицу, продукты, ходили, кричали, пели. Вскоре, с началом облав, из еврейских семей стали забирать мужчин. Чаще всего их расстреливали.

В Шпиковском гетто.

В **июле 1941** года румыны с помощью местных полицаев согнали всех евреев местечка на одну улицу и разместили по домам. В этом гетто мы жили двумя семьями у дяди **Мойши**, папиного брата. **Шпиковское гетто** было окружено проволокой, мы не имели права никуда выйти, в том числе и на базар. Жили тем, что у кого было. Крестьяне приходили к забору гетто, и мы меняли наши вещи на их продукты. Однажды к забору подошла моя подруга, мы стояли по разные стороны ограды, разговаривали, и эта русская девочка вдруг сказала мне, пленнице: «Ты знаешь, я изучаю сейчас немецкий язык. Как приятно изучать язык победителя!» После войны она как ни в чём не бывало появилась у меня, и я прогнала её.

Нашим соседом в гетто был юноша Саша, он заходил по вечерам, и мы играли в карты, в домино. Однажды, как обычно, негромко постучали, я спросила: «Кто там?», был ответ: «Саша». Я открыла и увидела рядом с соседом румынского офицера. В эту ночь румыны собрались веселиться с девушками. Офицер тут же сказал парню: «Уходи», он нужен был только для того, чтобы мы открыли двери. Румын знал, что, если постучится он сам, все спрячутся. Огромный офицер с ру-

жьём вошёл в наш коридорчик и сказал мне: «Пошли». А я отвечаю: «Не пойду». Он настаивает: «Пошли». Я упорствую: «Не пойду». Он говорит: «Не пойдёшь – убью». Я отвечаю: «Стреляй! Не пойду». В комнате за дверью все стояли и слушали. Папа из комнаты приоткрыл дверь, и в тёмном коридорчике появилась полоска света. Я рассмотрела дверную ручку, дёрнула её. Румын стоял у самой двери. Он не ожидал, что я буду сопротивляться, и от неожиданности и толчка дверью упал. Я вбежала в комнату, выскочила через заднюю дверь, за которой шли огороды украинских жителей, пробежала три огорода и в четвёртом спряталась в кустах. Румын вбежал в квартиру, а там находилась **Зоя**, она не успела убежать. В комнате было темно, и он подумал, что это я. Опять сказал: «Пошли». Зоя стала кричать: «Это не я! Это не я!» Тут подошла мама и сказала офицеру: «Я пойду вместо неё». Пока мама отвлекала румына, подбежал отец, схватил Зою и выставил её за окно, там было близко до земли. Напротив жила знакомая семья, они уже знали, в чём дело, впустили Зою к себе и закрыли дверь. Так любитель девочек и ушёл ни с чем. Потом мы узнали, что румыны в тот вечер собрали много девушек и изнасиловали их.

В гетто в Рогозне.

В **декабре 1941** года нам приказали собрать вещи и сказали, что нас куда-то поведут. На скорую руку схватили, что можно было унести, каждый взял по мешку на плечи. Нас гнали в 40-градусный мороз, а я была в тонких сапожках. Прошли примерно 25 километров. Тех, кто не мог идти, румыны убивали. Папа, кроме груза, нёс на плечах **Гедалью**, который не мог долго идти. Так мы дошли до села **Рогозна** Тывровского р-на.

В Рогозне тоже было гетто в пределах одной улицы, и нас, четыре семьи, поместили в одну комнатку. Примерно три месяца в ней жили 15 человек: наша семья, семья тёти **Хоны**, дедушка, бабушка, мамин брат **Ицхак** с женой и дочерью. Помню, мы с двоюродной сестрой **Лизой** спали на столе. Из окна дуло. Мыться было негде и нечем, завелись вши. Голодали. В Рогозне умер дедушка **Аврум-Зейдл**. Он не выдержал этих условий. Дедушку похоронили, но я не знаю точно, где его могила.

В лагере в Печёре.

Из Рогозны нас пригнали в лагерь в селе **Печёра** Шпиковского р-на. Здесь когда-то был санаторий: большое четырёхэтажное здание, а вокруг маленькие домики для персонала, имелись конюшни. В эти полуразрушенные конюшни нас затолкали. Условия там были страшные. Конюшни были набиты людьми, спали в тесноте по 20-25 человек в каждой. Узников не кормили. Сотни людей умирали с голоду каждый день. К забору подходили крестьяне, мы отдавали наши вещи в обмен на продукты и этим питались. В лагере с одной стороны был охраняемый центральный вход и длинная ограда вокруг, а с противоположной стороны – река Буг, неглубокая, но со скалистым берегом и поэтому без ограждения. Командовали в лагере румынские офицеры, а немцы приезжали иногда. Во время своих посещений они отбирали группу мужчин, ставили к стене, расстреливали и уезжали. В один из таких приездов расстреляли отца Лары. Людей отправляли на работы: половина возвращалась, половина – нет.

Мы поняли, что не выживем тут, погибнем. И однажды ранней **весной 1943** года решились на отчаянный шаг – побег из лагеря. Бежать надо было всем: если бы убежали только мы, то убили бы брата с семьёй, сестру с семьёй. Но возникла непреодолимая трудность. Мамин брат **Ицхак** с женой **Бейлой** очень ослабели и не могли идти. Бабушка **Молка** не пожелала покинуть сына. С родителями и бабушкой осталась моя двоюродная сестра **Хонця** 29-ти лет, чтобы ухаживать за ними. Они знали, что их ждёт скорая гибель, и все погибли. Я каждый день вспоминаю Хонцю: её надо было забрать с собой, но без неё родители и бабушка были беспомощны, она приносила еду, воду, заботилась о них.

Собрались бежать одновременно 27 человек: папа с нами, его братья **Мойше** и **Дувид** с семьями, его сёстры **Крейня** и **Хона** с семьями, **Лара** с матерью. Румыны патрулировали неограждённый берег Буга, чтобы нельзя было убежать. Пасхальной ночью **1943** года лагерная стража, состоявшая из украинских и румынских полицаев, начала отмечать Пасху. Когда они напились и сильно опьянели, мы один за другим полезли в ледяную воду, пошли вдоль берега. Идти было не просто, в воде у берега были огромные каменные глыбы. Среди этих камней мы тихонечко дошли до леса, углубились в чащу и спрятались. Решили идти дальше только по ночам. Днём искали в лесу что-то съедобное, ночью делали переход до другого леса. Так мы шли три ночи. Мы понимали, как рискуем, совершив массовый побег, поэтому установили порядок движения: впереди шли 4 человека, за ними в 100 метрах ещё 3 человека, через 100 метров опять 3-4 человека и так далее на случай, если кого-то поймают, то остальные не попадутся все вместе. В сильнейший мороз, градусов под 40, я шла в тонких чулочках и в сапожках. Пальцы ног примёрзли к сапогам.

Два украинских полицая поймали первую четвёрку: это были папа, мама, я и брат Гедалья. Папа нёс на спине Гедалью, а в руке – выменянные на вещи полмешка соли. Мы отдали эту соль одному полицаю, и он нас отпустил. Другие группы успели затаиться.

По дороге ехал украинец на санях. Наверное, он заметил, что через каждые 100 метров идут три человека. Крестьянин понял, что мы беглецы из лагеря, и сказал: «Что вы делаете? Разве можно убегать так? Вас очень много, вас поймают». Мы ему сказали, что не было другого выхода. Он пожалел нас и предложил: «Старики и дети, садитесь. Я вас подвезу». Он действительно подвёз стариков и детей до местечка Красное Тывровского р-на.

<u>В гетто в с. Красном.</u>

Они успели сойти с саней, войти в село, и их почти сразу поймали местные полицаи. Пришли представители еврейской общины, стали просить за них, и их отпустили. Мы издалека видели, что ту группу задержали, и хотели спрятаться. Стали искать подходящий дом, нашли, спросили у крестьянки: «Скажите, в этот дом можно войти?» Она отвечает: «Что вы, это полиция!» Пришлось поскорее удалиться от опасного места.

Мы остались в гетто в селе **Красном**. Здесь в одной комнате жили **Крейня** с семьёй, **Хона** с семьёй, наша семья, и все 12 человек спали на полу. Пробыли в

Красном некоторое время. В один из дней прибежали к нам и говорят: «Удирайте, ищут людей, которые убежали из лагеря». Мы схватили мешки на плечи и бежать. Все были настолько испуганы, что видели впереди мост, но не заметили стоявших на нём полицаев. А папин брат, дядя **Мойше**, который прятался в сушилке для фруктов, поняв, что нас могут схватить, стал звать моего папу: «Иосиф, Иосиф!» и громко плакать, потому что мы его не слышали. Мы обернулись на плач, увидели дядю, быстро свернули с дороги и побежали к нему. Забежали в сушилку, где скрывались Мойше с женой **Зоей** и сыном **Борисом**. В сушилке гулял ветер, мы дрожали от холода, но пришлось сидеть здесь до наступления темноты.

В этот же день папин брат **Дувид** спрятался в проходившей похоронной процессии. Он решил, что на кладбище не будут искать, и пошёл с провожающими сельчанами на похороны. Здесь его и поймали с женой **Рухель** и сыном **Борисом**. Их отправили обратно в **Шпиков** и хотели расстрелять. Священник из церкви хорошо знал их семью, пошёл за них просить, чтобы их не убивали, и их отправили обратно в **Печёру**. В лагере **Дувид Вульфензон** (1885) как-то попросился пойти поменять вещи на продукты, полицай разрешил. Как только дядя оказался за воротами, этот полицай в упор застрелил дядю. Его жена **Рухель** (1887) тоже погибла в Печёре в **1943** году. Борис остался жив и потом опять убежал из лагеря.

Ночью надо было уходить дальше, мы не могли оставаться в сушилке. Убегали в направлении Джурина, там жила двоюродная сестра папы. Идём в темноте и видим, что впереди стоят немцы. Мы спрятались, сидим час, два часа, они не уходят, а нам надо идти. Как только рассветёт, мы не сможем двигаться и нас обнаружат. Подождали и решили приблизиться: будь что будет. Это оказались два дерева. Шли до рассвета. Под горячим весенним солнцем снег растаял, и всё вокруг оказалось в воде. Перед нами лился широкий поток растаявшего снега в виде реки. Ехал украинец в советской шинели, видно, военнопленный. Я подошла к нему и стала просить: «Спаси нас, ведь и тебя кто-то спас. Нам нужно на другую сторону, мы уплатим». Он нас перевёз, и мы успели снова спрятаться в лесу. Так мы шли три дня.

Дошли до деревни **Деребчин**, в которой проживала двоюродная сестра, и остановились у неё на несколько дней. Моя подруга **Лара** с матерью осталась в Деребчине. Её мама заболела дизентерией и умерла. От Деребчина километров пятнадцать мы двигались днём и наконец пришли в село Джурин, в котором жила тётя **Лея**.

<u>В Джуринском гетто.</u>

В большом **Джуринском гетто** хозяйничали румыны. В нём находилось очень много евреев, изгнанных из Румынии в Транснистрию. Узники не имели права после шести часов вечера выходить на улицу. У тёти **Леи** в большом доме из пяти комнат всюду жили люди – многочисленные семьи её родственников. Мест не было. И всё-таки тётя пристроила нашу группу на кухне, и мы почитали за счастье жизнь в кухне за печкой.

Со временем получили документы от комендатуры, что мы являемся жителями Джуринского гетто. И хотя здесь румыны не убивали, не проводили акции, они широко применяли принудительный рабский труд. В Джурине был колхоз, и нас

гоняли на работу. По 2-3 недели не отпускали домой. Водили нас работать на сахарный завод в **Деребчине**. Ходили каждое утро 10 километров туда и вечером обратно. Благодаря тому, что мы убежали из лагеря Печёра и попали в Джурин, мы остались живы.

В гетто надо было на что-то жить. У папы были камни в желчном пузыре, он страдал от каменной болезни. Мама болела. Я должна была работать, зарабатывать на еду. Покупала и перепродавала синьку, эти гроши нам помогали. Мы с подругой **Лейкой** пекли хлеб, а потом на базаре продавали его.

Однажды папа с товарищем купили на двоих одну курицу. Эта курица снесла яйцо. Папа обратился к адвокату, жившему в одной из комнат. Стараясь не улыбаться, он сказал: «Не могли бы вы разрешить вопрос? Мы с товарищем купили курицу, она снесла яйцо. Кому из нас принадлежит яйцо?» Адвокат тут же запричитал: «Ради бога, меня в эту историю не втягивайте, меня в эту историю не втягивайте!» Шутка напугала его.

У меня в гетто осталось единственное голубое платьице. Когда я собиралась прогуляться, я надевала на него белый воротничок. Случилось, что мы с двоюродной сестрой **Розой** гуляли на улице и не заметили, как наступил комендантский час – 6 часов вечера. Появились румыны с плётками и побежали к нам. Я быстро вбежала во двор и сняла белый воротник. Румын заглянул и не узнал меня без этого воротничка, повернулся и ушёл. Розу он хотел забрать в комендатуру. Вышел её парень **Мойше** – румынский еврей из богатой семьи, поговорил по-румынски с солдатом, и тот отпустил её.

Очень опасным было время перед освобождением. Каждый день в гетто приходили немцы, румыны, искали девушек. Когда к нам в дверь стучали, папа прятал меня в бочке. Розу папа прятал под нары. Перед отступлением немцев мы опасались, что они уничтожат евреев гетто, и решили сделать «секрет». Под домом был большой погреб, дверь в него мы заменили стенкой, а вход в погреб устроили через фальшивую уборную, которую мы поставили во дворе. Немцы и румыны, заходившие к нам в поисках евреев, пользовались исключительно новой уборной, а мы сидели не очень далеко от них под землёй. Наконец они все ушли.

Освобождение.

Нас освободили в **марте 1944** года. 18 марта вечером прошел по местечку слух, что завтра долгожданный день наступит. Он пришёл **19 марта 44**-го года. Люди выбрались из своих жилищ и стали собираться в центре, ожидая чуда.

И вот появились наши освободители. Это была группа из 10-12 человек, грязных, измученных, одетых во что попало: от фуфайки до немецких шинелей, – партизаны отряда, находящегося близко от Джурина. Поначалу все опешили. Люди не могли понять, от кого бежала до зубов вооружённая немецкая армия. За ними по дороге на Кишинёв пошли регулярные части Красной армии. И первым из красноармейцев-освободителей, вошедших в гетто, был брат моего будущего мужа **Исаак Бронштейн**. Наше местечко ликовало! Все поздравляли друг друга, обнимались, радовались счастливому освобождению,

со слезами на глазах благодарили освободителей. И хоть день был пасмурным, для нас он стал самым светлым, тёплым, незабываемым. Считаю его вторым днём рождения.

После освобождения.

В апреле наша семья возвратилась в родной город **Шпиков**. Итоги Катастрофы для нас были чудовищны. Из двух наших семейств умерли или погибли: в гетто Рогозна – дедушка **Аврум**, в лагере Печёра – бабушка **Молка,** мамин брат **Ицхак** с женой **Бейлой** и дочерью **Хоной**, папин брат **Дувид** с женой **Рухель**. В **1943** году погибла в гор. **Харькове** от рук немецких оккупантов мамина сестра **Рахель Мостун** (девичья фамилия Безверхняя) (1897). Да будет вечной светлая память о них!

В мае **1944** года я решила подавать документы в Винницкий медицинский институт, но свой аттестат накануне войны я отправила в Одессу. В моей школе мне выдали справку об её окончании с отличием. Это давало право на поступление в институт без экзаменов, однако в Виннице меня обязали сдавать вступительные экзамены на общих основаниях. Шла война, и немцы бомбили Винницу, особенно по ночам. Экзамены я сдала на «отлично» и в **сентябре 1944** года стала студенткой лечебного факультета Винницкого мединститута. Общежития не было. Жила с подружкой в чьей-то квартире с крысами на кухне. После гетто у меня был фурункулёз, общая слабость.

Семья Вольфензон: (стоят) Злата и брат Гедалья, (сидят) мама Рива с внуком, отец Иосиф и Рая, жена Гедальи. 1946 г. Шпиков.

Послевоенная жизнь.

Мама с папой продолжали жить в гор. **Шпикове**. Я приезжала к ним из Винницы только на каникулы. Брат **Гедалья** вырос, окреп, учился. Жил в Виннице, работал в торговле. Женился на **Рае**, у них родились сыновья: **Марик** и **Сеня**.

На третьем курсе института в **1947** году в Виннице я вышла замуж за **Иосифа Бронштейна** (1923), фронтовика-артиллериста в звании капитана. Родители моего будущего мужа **Морчик** и **Лея** тоже находились в Джуринском гетто и жили недалеко от нас. Родной брат мужа **Гриша Бронштейн** (1928) погиб в **1942** году в возрасте 14 лет в лагере с. Печёра. Румыны заставили его и других подростков возить воду, впрягая их в повозку с бочкой. От такой работы, обессилев, он быстро умер.

После свадьбы мы уехали в **Ригу**, так как муж освобождал этот город и служил там после войны. Жили в коммунальной квартире. Окончив институт, я в течение 30 лет работала в **Риге** сначала участковым педиатром, затем – завотделением и главным врачом крупной детской поликлиники. **Иосиф** возглавлял в Риге юридическую консультацию и был избран заместителем председателя коллегии адвокатов Латвии. Родились дочери **Мила** и **Ирина**.

Злата с мужем Иосифом Броништейном. 1951-52 гг. Рига.

Отец **Иосиф** умер в **1957** году, прожив 65 лет. Мама **Рива** после смерти папы переехала в Винницу к брату Гедалье, а последние пять лет жизни жила у меня в Риге и умерла в **1971** году.

Когда властям стало известно о нашем решении уехать в Израиль, нам два года отказывали в выезде, а мужа и дочь Милу с работы уволили.

В Израиле.

В Израиль мы приехали из Риги 21 сентября **1981** года и обосновались в **Реховоте**.

Я быстро выучила иврит и 16 лет успешно лечила детей в Реховоте и пос. Мазкерет Батья. Работала до 75 лет. Ряд лет состояла в медицинском совете Реховотского отделения Союза ветеранов Второй мировой войны – борцов против нацизма: проводила беседы с людьми, давала консультации и советы на медицинские темы. Являюсь членом городского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей. Мой дорогой муж **Иосиф** умер в **1996** году.

Обе любимые дочери приехали в страну с высшим образованием. Дочь **Ирина** пошла по моим стопам, окончив Рижский мединститут. Она заведует одной из поликлиник г. Реховота. Я счастливая бабушка, у меня 3 внучки и 2 внука. Все прошли службу в Армии обороны Израиля. Внучка решила посвятить себя тоже медицине, она занимается на медицинском факультете университета. Дочь **Мила**, окончив в Риге химико-биологический факультет политехнического института, продолжает научную работу в Институте им. Вайцмана. В этом же институте два старших внука получили учёную степень доктора и продолжают научную работу в Америке и в Англии.

Мой любимый брат **Гедалья** прибыл в Израиль с семьёй в **1979** году в пенсионном возрасте. Жил в гор. **Хайфе**, ушёл из жизни в **1991** году. Его сыновья **Марк** и **Шимон** (Сеня) живут и работают в Израиле.

Тяжело вспоминать годы Шоа, боль утрат не прошла и сегодня, здоровье неважное, но дай Бог дожить до свадьбы всех внуков.

31.

Каплан Циля
*(с. **Джурин** Шаргородск. р-на)*

МОЯ МАМА БЫЛА ПОДПОЛЬЩИЦЕЙ В ГЕТТО

Довоенная жизнь.

Мои родители **Кацев Идл** (Юдко) **Менделевич** (1898) и **Сура** (Соня) (1902) познакомились и поженились, когда папе шёл 21-й год, а маме, очень красивой девушке, не исполнилось и 15 лет. Мамин отец **Копл Гасс** работал в родной Боровке главным бухгалтером у владельца местного сахарного завода. Отец умер молодым. Мамина мама **Хайка** после смерти мужа осталась с тремя малыми детьми: дочерьми **Сурой** и **Мотл** и сыном **Шмилем**. Маме в год смерти её отца исполнилось 9 лет. Она нигде не училась, занималась младшими детьми.

После свадьбы папа и мама переехали в с. **Джурин** Шаргородского р-на Винницкой области и стали жить у родителей отца в многолюдном семействе. Папин отец, его дяди были потомственными мясниками, и фамилия наша происходит от еврейского слова «*а коцев*» (мясник). Для отца, грамотного человека, из-за большой конкуренции не было работы мясника в Джурине. Вскоре молодые ушли на отдельную квартиру. Маме не было и шестнадцати, когда она родила первого ребёнка. Из шести рождённых ею детей выжило трое: моя сестра **Рива** (1924), я – **Циля Юдковна** (14 июля 1930, но фактически – **1928** г.) и брат **Гриша** (1935). Мама была хорошей домашней хозяйкой, достаточно культурной женщиной, со вкусом одевалась. Её брат Шмиль, достигнув 18 лет, и мать Хая в конце 20-х годов уехали в **Бразилию**. Оттуда регулярно присылали маме на еврейские праздники подарки деньгами. Мамина сестра **Мотл** (после замужества Хельмер) жила в Джурине на нашей улице. До войны в Джурине евреи соблюдали все традиции, кашрут, был свой резник – **Эршл**-*шойхет*, резавший птицу и скот.

Я росла болезненным ребёнком. Мама уже была без сил и сказала: «Господи, ты взял троих, возьми и четвёртую». А мы жили в доме, где между кухнями моей мамы и папиной сестры **Гитл** было окошечко. Папина сестра услышала эти слова и сказала маме: «Ты так не говори, тебе на старости у неё жить. Продай её мне». За пять копеек меня передали в окошечко в семью Гитл, положили на запечек, в тёплое место. У них я и росла до полутора лет, потом мама забрала меня к себе. Заезжий врач посоветовал для укрепления моего здоровья класть мне на живот варёную гречневую кашу в мешочке. От этого я спала беспробудно много часов подряд, и этим мама меня вылечила. Она была очень строгая, могла взять палочку и ею погонять меня с речки домой.

В поисках заработка в **1930** году мой папа уехал в **Киев**, работал на строительстве Днепрогэса. В октябре **1932** года мама, Рива и я поехали на открытие Днепрогэса и остались жить у папы в деревянных рабочих бараках в 10 метрах от Днепра. Перед бараком была водоразборная колонка. За бараком нам выделили полоску земли под огородик. В **1934** г. мы возвратились в **Джурин**, и папа устроился работать заведующим заводской столовой сахарного завода. Я посещала детсад. Когда родился Гриша, девочка лет десяти из соседней деревни приходила нянчить братика, а мама помогала папе в столовой. Мама откормила пищевыми отходами большую свинью на продажу. Жили мы в домике из двух комнат и кухоньки. Между комнатами был большой коридор, над которым не было потолка, а сразу крыша. Коридор был местом наших игр. Я была в детстве беленькой, с голубыми глазками, высокой, худой, подвижной, непослушной. Папа звал меня «*а шейгец*», что значит «сорванец, плутишка». В 8 лет я пошла в Джуринскую украинскую школу и в 1941 году окончила 4 класса (фото на стр. 235).

За 5 лет папе удалось скопить денег, и в **1939** году мы уже жили в своём большом доме: с гостиной, спальнями, другими комнатами. Папа ушёл с завода и работал перед войной уполномоченным по сбору утильсырья. У него был транспорт: лошадь, подвода и сани. Мы бывали с ним на его участке в Шаргородском районе и знали людей из сёл Сапежанка, Покутино, Хоменки и других.

Начало войны и оккупация.

За два дня до прихода немцев отец **Юдко** уехал на фронт с другими 12 мужчинами в возрасте 40 лет и старше, мобилизованными Джуринским военкоматом. Их увезли на колхозных лошадях, и они после войны не вернулись.

3-4 июля 1941 года в **Джурин** вошли немцы, финны, итальянцы, венгры, румыны. Евреи пытались скрыться: бежали на кладбище, в лес, в разные ямы, рвы, но в конце концов пришлось вернуться. Румыны прошли по всем домам, забрали, что хотели. Много девочек и девушек были изнасилованы немцами и румынами, как только они пришли к нам. На второй день немцы появились на нашей улице. Я была шальным ребёнком. Если я видела двоих, я была третьим. Я наблюдала за ними, ходила вокруг них, когда они стояли возле немой соседки. Через два-три дня у нас в местечке пропали два психически больных человека: та немая женщина и сын сапожника.

Однажды два немца подошли к дому нашей тёти, возле которого мы с сестрой **Ривой** 16-ти лет сидели на завалинке. Один из них потребовал, чтобы Рива вымыла ему ноги, и снял с неё косынку, чтобы рассмотреть получше. Они сказали, что она красивая девушка, но грязная. Мы специально мазали лица сажей перед выходом на улицу. Рива ответила, что пойдёт принести воду. Она вошла в тётин дом, оттуда через задний вход прошла к соседке, влезла к ней в одно окно, выбралась через другое и убежала домой. Немец долго сидел и ждал, потом устроил шум. Появилась моя мама с водой и сказала, что она ему помоет ноги.

В *Йом Киппур* (Судный день) старики пришли молиться в синагогу на окраине Джурина. Среди них были **Эршл Каральник**, брат отца **Шмил Кацев**, сын **Йойхел** и отец **Бурах Дорманы**, другие мужчины. Немцы вывели всех из синагоги на

улицу, повели вверх мимо почты, школы и спустились по нашей улице. Мы услышали шум за окнами и бросились смотреть из-за занавесок, что происходит. Евреев было человек пятнадцать. Над ними страшно издевались. В руках у одних были дворницкие мётлы, у других – совки для мусора, их заставили петь «Фрейлехс». Мы видели, как у пожилых евреев немцы отрезали ножами, вырывали бороды, с лиц текла кровь. Их провели дальше и отпустили. Старый Дорман жил напротив нас, и мы узнали, что через два дня он умер.

Наш дом был одним из самых красивых, и поэтому, когда приезжали важные немцы, староста Джурина приходил к маме и говорил, что он ведёт их к нам есть и спать. Сами мы должны были уйти к соседям на это время, а немцы делали у нас, что хотели. Нужды они справляли в наши кастрюли и миски. Лишь после войны выяснилось, что староста с двумя сыновьями был оставлен для подпольной работы, и мама была с ними вместе.

В Джуринском гетто.

К нам в местечко стали приходить евреи из разных мест, беженцы из сёл, где проходили еврейские погромы, акции по уничтожению. **Изя Рабовецкий** (1928) учился со мной до войны в школе, а потом его семья переехала в Винницу. В **Виннице** немцы устроили бойню евреев. Их поставили в очередь, а начало очереди расстреливали. Очередь подгоняли к ямам, расстрелянные падали в ямы. Изя был с родителями. Когда их очередь подошла, уже темнело. Родители его толкнули в яму, а потом их расстреляли, и они упали на него. Из-за темноты прекратили расстрел, яму не закапывали, чтобы продолжать убивать с утра. Немцы ушли искать ещё людей для расстрела. Мальчик выкарабкался из ямы и пробрался лесом в Джурин за 120 километров. Почти целый год Изю прятали родственники Чачкес, не выпускали на улицу. Меня тайком посылали к нему разговаривать, играть, потому что он сидел один.

В **Джурине** установилась румынская оккупационная власть. Немцы появлялись редко. В этом же году румыны создали гетто. Это было большое гетто с множеством людей. По возрасту я не могу оценить их количество. В первое время не разрешалось выходить на улицу. В праздники нам вообще запрещали выходить. Было приказано сдать радиоприемники, у румын имелись списки, кто до войны купил радио.

При отступлении советских войск некоторые местные солдаты сбегали, возвращались к себе домой, становились полицаями, получали оружие. Мы с двоюродным братом **Яшей Хельмером** как-то пошли в Хоменки, где ему обещали дать продукты. Мы знали, что выходить из гетто запрещено, но от голода в поисках еды мы ходили везде. Когда мы уже вышли из Джурина, туда приехали румыны. Мы видели, как люди прячутся, где могут. Пришли в Хоменки, знакомые дяди Хельмера дали нам продукты, а возвращаться в Джурин нельзя. Я предложила припрятать продукты на заброшенной узкоколейке и пойти в Джурин с другой стороны, окружной дорогой. Яша отказался, и я без продуктов отправилась сама. По дороге делала передышку в скирдах соломы, смотрела вокруг, чтобы не попасться немцам или румынам. Увидела вдалеке беременную женщину с девочкой, узнала

свою тётю **Мотл**, пошла к ним, а возле тёти парень с винтовкой: «Руки вверх! Пошли!» – «Куда?» – «Я буду отчитываться перед тобой?» Я его знала, он учился в школе с моей сестрой. Говорю ему: «Федя, не стыдно тебе женщину с таким животом и ребёнком арестовать?» – «А чего мне стыдиться? Пошли, а то буду стрелять. Идёте?» Я говорю: «Нет». Так стояли и препирались с ним, пока я не услышала, как мама зовёт тётю. Я ей сказала, что нас хотят расстрелять. Мама крикнула ему: «Ты что, дурак? Не знаешь порядка? Если они будут нужны, их вызовут в жандармерию. Иди себе». Она увела нас, оставив полицая посреди дороги. Такой смелой была моя мама. Больше Федя к нам не приближался.

В Джурин привезли поездом из Румынии депортированных евреев. Часть из них приехала с багажом, перинами. Среди них были богатые грамотные люди. Мы их недолюбливали, потому что нас они считали людьми более низкими по развитию. Но с большим уважением они относились к нашему резнику **Эршлу Каральнику** и его жене. Он действительно был образованным в религии человеком, они его называли «господин раввин».

В гетто румыны назначили самоуправление с комитетом, еврейскую полицию. Через еврейский комитет, в который вошли евреи из Румынии, немецкие, украинские, румынские власти постоянно требовали контрибуции. Помню фамилии людей из комитета: Унгариш, Кац, Нейман. С их детьми мы иногда общались.

В наш большой дом привели и вселили, не спрашивая нас, столько пригнанных евреев из Румынии, Буковины и Бессарабии, что мы – мама с тремя детьми – перешли жить в одну комнату с кухней. В спальне жила семья – мать с мужем и сын, в гостиной семья из Рэдэуц (Румыния): старик со старухой, сын с невесткой и мальчиком, дочка с зятем и девочкой, они соорудили деревянные лежанки. И так в других комнатах. В прихожей без окна жили на полу мать, дочь и сын. Ни воды, ни электричества у нас не было. От нищеты, холода, голода, тесноты и болезней много людей умирало. В гетто находились две девушки-медсестры: **Лиза Витлер** и **Дуня Бромберг**, окончившие до войны 4 курса мединститута. Они очень помогали узникам. Помню, они приезжали с бочками, раздевали вшивых людей догола и прожаривали всю их одежду в этих бочках, это помогало. Лиза живёт сейчас в Израиле, в Ришон ле-Ционе.

У нас за домом были лестница на чердак и подсобное помещение для скота. В нём папа устроил склад, и он полностью был занят собранным тряпьём, другим утиль-сырьём. Как я сейчас понимаю, мама не случайно перешла в отдельную комнатку с кухней. На этот склад к ней приходили ночью, когда дети уже спали, русские люди. Они вырыли в тряпье углубление, поставили радиоприёмник и в полночь слушали известия из Москвы. Мы узнали об этом от мамы после войны.

Сестру **Риву** 17-ти лет, меня и брата часто брали из гетто на работу в совхозе. Летом мы там жили неделями, спали в конюшне на соломе. Вшей в ней было больше, чем соломы. После этого дети болели тифом. Зато хоть кормили – давали суп и овощи. Работали мы в совхозе и зимой: выбивали подсолнухи, перебирали фасоль и т. п. Нас возили на подводе 9 километров до совхоза. Мне было 12-13 лет, ростом я была большая, и никто не спрашивал, сколько мне лет – заставляли работать. На поле переворачивали сено в копнах, чтоб оно сохло быстрее. Приходилось работать в любую по-

году, даже в ливень. На поле не кормили. От такой жизни у меня начали отпадать ногти. Лекарств не было.

В гетто всем детям делали уколы и прививки и потом многие болели тифом. Помню, немцы в военной форме ходили по домам и делали детям инъекции.

После освобождения и окончания войны.

Сестра **Ривка** вышла замуж за румынского еврея **Польди Рудиха** из гетто и уехала с ним в 1944 году вслед за советскими войсками в гор. **Рэдэуцы** в Румынию.

После освобождения я продолжила учебу в школе и в **1946** году окончила 7 классов. Я сидела за одной партой с сиротой Изей Рабовецким.

Сестра Рива с мужем Польди дома в Румынии. 30 мая 1948 года. Гор. Рэдэуцы.

Отец **Юдко Кацев** не вернулся с войны. От него не было ни одной весточки. Мы стали его искать, и Министерство обороны СССР ответило, что папа погиб **15 мая 1945** года в Берлине.

Даже после войны, когда мы продали дом в Джурине и уехали в **1946** году в **Черновцы**, мама не рассказывала о своей связи с партизанами в гетто. Мы старались вообще не говорить никому, что находились на оккупированной территории.

Я поступила в Черновицкий техникум лёгкой промышленности. По окончании техникума в **1950** году получила направление на работу в Черновицкое чулочное объединение, где проработала 32 года: из них 17 лет начальником смены и затем дессинатором (художником по тканям) в художественной мастерской. В смене у меня работали 500 человек на 4 этажах. Это были очень разные люди, в основном мужчины, прошедшие войну, со своими моральными устоями и вредными привычками. Мне, 22-летней девушке, удавалось справиться с таким количеством подчинённых.

Семья: мать Соня, брат Гриша и Циля Кацевы. 1948 г. Черновцы.

Замуж вышла в **1952** году за **Гедаля Каплана** (1924), бывшего узника Копайгородского гетто и фронтовика. После окончания бухгалтерских курсов и института Гедаль работал на оборонном предприятии начальником отдела, главным экономистом. Росли наши сыновья **Эдик** и **Миша**. Миша (1961-1978) поступил в МИИТ (Московский институт инженеров транспорта) и через два месяца умер в 17 с половиной лет от белокровия. Это был для нас тяжелейший удар.

Мама **Соня** умерла в **1970** году, не дожив до 70 лет. На пенсию я ушла в **1985** году.

В Израиле.

Сестра **Рива** с семьёй приехала в Израиль в **1962** году. Они жили в гор. Кфар-Сабе в бараке, получили квартиру через 6 лет, работали. Она умерла в **1997** году. Мой младший брат **Гриша** умер в мае **2004** года.

24 июня 1990 года мы с мужем и сыном Эдиком репатриировались в Израиль, в г. **Реховот**. Муж был 14 лет активистом Реховотского отделения Союза ветеранов войны против нацизма. Умер мой муж **Гедаль** 25 января **2005** года.

Сын с невесткой **Валей** живёт в г. Реховоте. У меня два внука: **Алекс** и **Михаэль** (Миша). Алекс после службы в израильской армии стал бизнесменом в области музыкальных шоу. Миша – механик, руководитель коллектива.

Циля (в центре в полосатой юбке) среди учеников 3-а класса Джуринской школы. 1940 г.

32.

Ших Полина
*(с. **Джурин** Шаргородск. р-на)*

БРАТА УБИЛИ НА МОИХ ГЛАЗАХ

Довоенная жизнь.

До войны мы проживали в селе **Михайловка** Шаргородского р-на Винницкой области Украины. Жили мы большой дружной семьёй: отец **Коренфельд Береш**

(Борис) **Абрамович** (1905), мать **Гитл Ароновна** (1908), дети – **Роза** (1927), **Виктор** (1933), **Ефим** (1937) и я, **Полина** (12 февраля 1939). Дома разговаривали на идише и на украинском языках. В семье соблюдали еврейские традиции, отмечали еврейские праздники.

Отец Полины Коренфельд Береш, погибший на фронте.

Отец работал на руководящих должностях: начальником милиции в Шаргородском районе, потом был переведён начальником железнодорожной станции в Михайловке, через которую перевозили уголь, дрова, стройматериалы и т. п. Мать занималась большим домашним хозяйством, воспитывала детей. У нас были корова, свиньи, куры, гуси. Дом был большой, с множеством утвари, хранились золотые монеты, золотые украшения, которые дедушка подарил маме на свадьбу.

Перед самой войной отца вызвали на военную переподготовку в гор. Жмеринку, так как он был офицером запаса.

Начало войны и оккупация.

Война для нас началась с немецкой бомбёжки железнодорожной станции близ **Михайловки**. Отец успел позвонить маме и сообщить, что его и остальных офицеров немедленно отправляют на фронт. Так они расстались.

Мама осталась с четырьмя детьми, была беременна пятым, кроме того, она была единственной еврейкой в чужом селе. Все украинцы настойчиво советовали маме: «Вы должны отсюда уехать, иначе вас убьют вместе с детьми». Мама решила бежать в местечко Джурин Шаргородского р-на, где жил её отец, наш дедушка-вдовец **Арон Рудяк**. Бабушку **Перл** в 1933 году убили грабители, забравшиеся в дом, когда дедушка был на работе. Мама оставила дом, всё, что в нём было, и хозяйство, и мы, в чём были, ушли, чтобы спастись. Расстояние от Михайловки до Джурина примерно 15 километров: лесами, полями и оврагами. А тем временем везде уже хозяйничали немцы, самолёты бомбили, страшно было голову поднять. Днём прятались в лесу, а ночью продолжали идти.

Мама Гитл Коренфельд с бабушкой Перл Рудяк. 1933 г. Джурин.

Мы добрались до **Джурина** на пятую ночь, но село уже было захвачено немцами. В Джурине протекала большая река, через которую вёл мост, и его охраняли немцы. Пройти оказалось невозможно, потому что мы видели, что немцы пропускают только по документам. Мама повела нас обходными путями, стараясь обойти немецкий контроль. Мы шли в потёмках и упали в реку, хорошо, что было не глубоко, и мы не утонули.

В Джуринском гетто.

Мы прокрались к дедушкиному большому дому, и мама постучала в окно: «Открой, это я, твоя дочь Гитл с детьми». Дедушка вышел откуда-то и сказал: «Уходи, в нашем доме на постое немцы. Мы сами живём в сарайчике, тебя мы можем взять, а детей некуда». Так мы попали в **Джуринское гетто**. Мама с нами ушла, в укромном месте она выкопала яму-нору, набросала на неё ветки, и в этой «землянке» мы прожили до зимы.

Наступила зима с сильными морозами, мы чуть не погибли. Нас обнаружила жившая по соседству женщина-еврейка, она увидела, что мы замерзаем и что мама вот-вот должна родить, взяла нас к себе и сказала: «У меня есть пристроенный к дому сарай, будете жить там». Звали нашу спасительницу **Хайéйзерка** (на мой детский слух). Мама и мы, конечно, обрадовались: этот сарай казался раем после земляной норы.

Немцы строго требовали, чтобы евреи носили шестиконечные звёзды, проверяли это и грозили убить тех, у кого не окажется такого знака. Был объявлен комендантский час, с наступлением которого (с 9 до 13 и с 18 часов до утра) запрещено находиться на улице. Моя старшая сестра **Роза** посмела однажды пойти к своей подруге. Немецкий патруль увидел девочку 13 лет и погнался за ней. Роза прибежала в сарай и закрыла дверь: «Мама, немцы!» В дверь начали стучать. В наш сарай выходило открытое окно из тёмной кухни хозяйки. Сестра и два брата прыгнули туда, мама за ними, а я, самая маленькая, спряталась за дверью. Немцы вошли, посмотрели вокруг и в тёмное окно кухни и ушли. Так мы спаслись в этот раз.

26 декабря 1941 года наступило время родов у мамы, соседка ей помогала. Мы, четверо детей, сидели поблизости, потому что деваться было некуда, выходить на улицу нельзя. Когда ребёнок родился, он начал сильно кричать, как будто не хотел появиться на свет. Мама стала его успокаивать. На крики младенца пришёл немецкий наряд, немцы увидели новорождённого, один из них вынул пистолет и выстрелил прямо в ребёнка. Мама упала на него, чтобы своим телом защитить сыночка, в это время вошёл полицай, что-то шепнул на ухо немцу, и все они быстро вышли. Это нас спасло, мама осталась жива, но на наших глазах был убит зверем мой братик, проживший в гетто несколько минут и не получивший имени.

В Джуринском гетто **зимой 1941-42** годов свирепствовал тиф. Моя мама заболела тифом, температура достигала 42 градусов, она была в бессознательном состоянии, и немцы, которые очень боялись инфекции, приказали санитарам забрать маму в «лазарет». В нём лежали вместе ещё живые, политые карболкой, и в кладовке-морге мёртвые в голом виде, одежду с них снимали заранее и обливали тела бензином, а через короткое время заражённые трупы собирались сжигать. Кризис у мамы прошёл, она встала и увидела, что находится среди трупов, захотела закричать от страха, но тут услышала немецкую речь и поняла, что кричать нельзя. Благодаря тому что мама очнулась ночью, она потихоньку выбралась голая из морга на зимнюю улицу и стала прятаться, перебегая с места на место. Мама не знала, куда идти, потому что «лазарет» был не в гетто. На рассвете её увидела украинская женщина и тут же увела замёрзшую беглую еврейку к себе. Она помыла маму,

потому что от неё очень воняло карболкой и бензином, дала ей надеть рубашку и велела сидеть у неё до вечера, а вечером отвела маму в сарай, где находились мы. Нам всем в мамино отсутствие делали уколы, от которых мы падали в обморок. Пока мамы не было, мы варили себе суп из травы лобода (*рус.* лебеда).

Над евреями в гетто страшно издевались. Помню, вызвали женщин с детьми на ремонт комендатуры: её нужно было обмазать глиной. Мы, все четверо детей, пошли с мамой. Немцы стояли, играли на губных гармошках, а женщины с детьми месили босыми ногами глину. Немцы подбросили в глину мелкие кусочки стекла. Глина стала красной, оттого что все мы порезали ноги. Дети плакали, женщины рыдали, видя, как мы страдаем, а немцы играли на губных гармошках и кричали: «Шнеллер!»

Освобождение и послевоенная жизнь.

В **марте 1944** года нас освободили советские войска. Все узники выбежали на улицу, радовались, кричали: «Ура! Свобода!», целовали друг друга. В Михайловке дом наш был разграблен и полностью разрушен. Остались мы жить в **Джурине**. Чтобы прокормить нас, четырёх детей, мама бралась за любую работу: кому уборку сделать, кому воды принести, кому мешки с мукой притащить.

Окончилась война, наш отец-офицер не вернулся, и мама стала писать в армию, искать его среди убитых и пропавших воинов. В результате после долгого ожидания мы получили формальное извещение, что «*рядовой боец* **Коренфельд Борис Абрамович** пропал без вести в **1941** году». В начале войны мама сожгла все оставшиеся документы, что она жена советского офицера-еврея, и наши свидетельства о рождении. Если бы их нашли немцы, то семью сразу убили бы. Погиб на войне и 18-летний сын маминого брата Моисея **Михаил Моисеевич Рудяк** из Шаргорода. Его, студента Одесского университета, мобилизовали в **1941** году прямо из вуза на фронт, и через несколько месяцев он был убит.

Сидят: мама Гитл и Борис, сын сестры Розы; стоят: Полина (справа) и Анюта, жена брата Ефима. 2 марта 1958 г.

Однажды в поисках еды для нас мама пошла в поле, где после уборки урожая остались упавшие колоски. Она собрала немножко в мешочек, а в это время председатель сельсовета проверял поля, увидел маму, остановил её и сказал: «Покажи, что ты несёшь». Мама заплакала, стала говорить, что у неё дома четверо голодных детей, которых нечем кормить, что она насобирала колосков для них. Председатель начал избивать маму, и она ему сказала: «За что вы меня избиваете, как бандит?» Председатель связал маму, привёз в сельсовет, там его секретари быстро состряпали протокол, подписались как свидетели, и маму сразу посадили в тюрьму. Суд определил маму «врагом народа» и за оскорбление представителя советской власти приговорил к пяти годам лагерей. Мы остались на улице без средств существования.

Люди Джурина принялись писать во все инстанции, чтобы прислали комиссию разобраться на месте с маминым делом. Приехало районное начальство, увидело нас, голодных, раздетых, без крыши над головой. Соседи рассказали, что маму осудили за несколько колосков для детей. Председатель района сообщил в областную прокуратуру об истинном положении дела и подал прошение о пересмотре приговора. Повторный суд состоялся в области, был вынесен оправдательный приговор, и в заключение прокурор сказал: «Кого судили: вдову, у которой четверо детей и муж-офицер погиб на фронте?» Люди встали и аплодировали моей маме, что в такое тяжёлое время она сумела выжить и спасти нас.

Ко всем маминым тяжёлым переживаниям ей пришлось хоронить своих детей. Из-за потерянного в нацистском гетто здоровья умерли в молодом возрасте мой дорогой брат **Виктор** (в 1970-м), сестра **Роза** (в 1978-м) и брат **Ефим** (в 1989-м). Вечная память им и моему отцу! Из всей большой семьи остались мама и я.

Я училась в Джуринской школе-десятилетке, окончила Винницкое медицинское училище и проработала 40 лет медсестрой в Джуринской больнице и с 1986 года в Винницкой больнице.

Вышла замуж в июне **1960** года за **Лейба Шиха** (1939). Он в детские годы тоже находился в фашистском гетто. Сын **Иосиф** родился в 1961 году, сын **Александр** – в 1965-м. Иосиф окончил Московский институт стали и сплавов, Александр окончил медучилище по моим стопам.

В Израиле.

В 1992 году сын **Иосиф** с семьёй приехал жить в Израиль. Он успешно работает инженером в телефонной компании «Безек». У него дочь, наша любимая внучка.

В ноябре **1995** года я с мужем, мама и сын **Алекс** репатриировались в Израиль. Алекс работает медбратом в больнице. У него сын, наш дорогой внук.

В Израиле я работала 10 лет по уходу за пожилыми людьми. Мама **Гитл** умерла в феврале **1996** года в г. Явне. Мой дорогой муж **Лейб**, с которым мы прожили вместе в любви более полувека, ушёл из жизни в феврале **2013** года.

Живу в гор. **Явне**, близ Реховота, и состою на учёте в Реховотском объединении бывших узников нацизма. Моя сердечная благодарность организации за возможность рассказать всем о горькой судьбе моей семьи, которую изувечили война, фашизм и Холокост.

33.

Шварцман Зинаида
*(с. **Жабокрич** Крыжопол. р-на)*

НАС РАССТРЕЛИВАЛИ В ЖАБОКРИЧЕ

Когда я повзрослела, стала интересоваться историей нашей семьи, слушала воспоминания бабушки, мамы – единственных близких мне людей. Они рассказывали об оккупации с большим трудом, болью. У бабушки, говорившей о гибели дедушки, повышалось давление и шла носом кровь. Мама в Советском Союзе вообще не говорила о прошедшей войне, в Израиле она немного рассказывала и начинала плакать, поэтому наши разговоры о перенесённых ими ужасах были не часты.

Довоенная жизнь.

Моя мама **Розумко́ва** (девичья фамилия Брейтман) **Майя Моисеевна** родилась в с. **Жабо́крич** Крыжопольского р-на Винницкой области в семье религиозных евреев. Село Жабокрич было большим еврейским местечком. Дедушка **Мендель-Моисей** был очень хорошим уважаемым человеком в еврейской общине Жабокрича, к нему постоянно обращались люди с разными вопросами и делами. Отец дедушки Менделя Давид прожил 106 лет. Бабушка **Хона** (8 марта 1883) вела хозяйство и воспитывала четверых детей: **Израиля** (Суню) (1915), **Семёна** (1920), **Эстер** (1911) и **Майю** (1914). Эстер вышла замуж за горного инженера золотых приисков, и он увёз её по месту своей работы на Колыме.

Мама окончила в Одессе дошкольное отделение педагогического техникума и получила направление в один из детских садов гор. **Свердловска** (сейчас Екатеринбург). Папа **Розумков Николай Владимирович** (1914), родом с Урала, в то время учился в Свердловском училище НКВД, молодые люди познакомились, влюбились и поженились в **1937** году. Мама рассказывала, что отец, имевший еврейские корни, вынужден был в паспорте сменить фамилию и национальность, чтобы поступить в это училище. После окончания учёбы папу направили служить офицером НКВД в гор. **Иркутск**. Я, **Шварцман Зинаида Николаевна**, единственная дочь, появилась на свет **25 сентября 1938** года в этом сибирском городе. Мама работала воспитателем в детсаду. Она хотела дать мне имя Злота в память о своей бабушке, но ей объявили, что в России таких имён нет, и записали по отцу русской девочкой Зиной.

Мама одна привезла меня в **мае 1941** года в с. Жабокрич в первый раз показать родным. Этот путь длиной почти в шесть с половиной тысяч километров

в памяти не остался. Мне как ребёнку понадобилось время, чтобы привыкнуть к новому для меня в еврейском местечке: совсем другая атмосфера, совсем другой воздух, совсем другие люди, все говорят на идише, и мне ничего не понятно было. Со временем я начала понимать еврейский язык и говорить на нём. В просторном дедушкином доме жили его женатые дети с семьями. Помню дедушку с большой бородой и то, что утром и вечером он ходил молиться в синагогу. Разумеется, мы как временные гости не были записаны ни в какие бумаги и списки в сельсовете. Через месяц началась война.

Начало войны и оккупация.

В самом начале войны был мобилизован на фронт мамин брат **Семён**.

В **Жабокрич** во второй половине **июля 1941** года пришли немцы и румыны, но убивали в основном румыны. Массовое убийство руками румынских солдат и украинских полицаев состоялось **27-29 июля 1941** года. Людей загоняли в погреба и там стреляли им в спину. В доме дедушки и бабушки был большой погреб. У меня до сих пор остался страх, оттого что всю нашу семью и соседей: мужа, жену и дочку – румыны с полицаями затолкали в этот погреб и начали стрелять в нас. Меня и соседскую девочку прикрывала собой бабушка Хона, она сумела найти в своём погребе такой закуток, что пули не летели прямо в нас. На наших глазах были убиты дедушка **Брейтман Мендель-Моисей** (1890) и соседи. В том же погребе ужасную смерть приняли жена маминого брата Израиля **Таня** Брейтман (1916) и двое их детей (имена не помню), а также жена маминого брата Семёна **Маня** Брейтман (1915) с двумя детьми: **Лизой** (1932) и **Яшей** (1937). Когда стихли крики, палачи ушли. После расстрела чудом спаслись бабушка Хона, мама со мной, трёхлетним ребёнком, и маленькая соседская девочка, оставшаяся полной сиротой.

В это же время всех молодых еврейских мужчин отделили от остальных и загнали в подвал дома в центре села. Потом их вывели в поле, заставили рыть для себя могилу и расстреляли возле неё: кого убили, кого ранили – всех закопали в землю. Среди них был убит мамин младший брат **Брейтман Израиль**. Его не взяли на фронт, потому что он хромал.

В Жабокричском гетто.

После этих зверств все оставшиеся в живых были превращены в узников гетто. Гетто находилось в центре села, там, где издавна жили евреи, а вокруг были дома украинских крестьян. Жили мы в бабушкином доме из трёх комнат с глиняными полами.

Управляли в Жабокриче румыны и местные полицаи. Узников заставляли много работать. Пожилые люди, в том числе моя бабушка, стирали, чистили, убирали. Более молодых водили на разные сельхозработы. Мама, как и другие женщины, всегда брала меня с собой в поле. Питались тем, что можно было незаметно унести с поля. Если кто болел, на это даже не обращали внимания, потому что лечиться было нечем: кто выживал – тот выживал.

Полицаи однажды сожгли наш дом, к счастью, тогда никого в нём не было. Бабушке, маме и мне негде стало жить. Нас приняли соседи и помогали нам, чем могли.

Освобождение.

Освобождение от оккупантов пришло в **марте 1944** года. Исполнилось мне к этому времени пять с половиной лет. Остались надолго страхи: я боялась всех мужчин, боялась, что они начнут стрелять, бить. Мы заняли пустующий домик и жили в нём.

Мамин брат, рядовой **Семён Брейтман**, погиб на войне в 24 года. Он пропал без вести в **сентябре 1944** года, и его имя написано для потомков на памятнике погибшим воинам Крыжопольского р-на в пгт. Крыжополе. Мама получила извещение, что отец **Розумков Николай** пропал без вести на фронте в **1944** году. Мы с мамой поехали на папину родину в уральский город **Барнаул**, пробыли у его родни какое-то время и вернулись в **Жабокрич** к бабушке.

Послевоенная жизнь.

В послевоенные годы мама работала в детсаду. В **1956** году я окончила десять классов украинской школы и поступила во **Львове** в учётно-кредитный техникум. Получила направление на работу в Одесский банк, и в **1958** году я вышла замуж в пгт. **Фрунзовка** Одесской области за **Марка Петровича Шварцмана** (1934). Марк работал шофёром, а затем продавцом в магазине запчастей для машин. В **1960** году родилась дочь **Анечка**, а в начале 1964 года мы втроём уехали поднимать целину в Казахстане. Здесь, в новом городе **Целиноград**, родился наш сын **Мишенька** (1966). Жили и работали семь лет в 50-градусные морозы: муж шофёром, я в банке. Вернулись и купили домик недалеко от Одессы. Через несколько лет переехали в молдавский город **Тирасполь**, в котором жила тётя Эстер. Муж работал на авторемонтном заводе начальником отдела снабжения, а я – товароведом промтоваров, окончив в Целинограде торговый техникум, и бухгалтером. До отъезда в Израиль работала в Управлении торговли гор. Тирасполя. Дочь окончила библиотечный техникум, сын окончил техникум по специальности электрик.

Мать Розумкова Майя (слева) с дочерью Зиной и старшей сестрой Эстер. 1960-е гг. Тирасполь.

Бабушка **Хона** умерла в Жабокриче 30 **марта 1963** года, в месяц своего рождения, прожив 80 лет. Мой муж **Марк** умер незадолго перед нашим выездом в Израиль.

В Израиле.

Я с мамой и детьми репатриировалась в Израиль в феврале **1992** года. Приехали и жили в гор. **Раанана**. Дочь в настоящее время живёт в Пардес-Хане, сын – в Реховоте. У меня два внука и четверо правнуков: три девочки и мальчик. Это большое счастье – дожить до правнуков. Моя мама **Майя** умерла 11 августа **2011** года в 97 лет в гор. Реховоте, оставаясь до последнего часа в ясном сознании.

В селе Жабокрич сегодня братская могила убитых в годы Шоа евреев, в ней лежат и мои родные. На ней есть памятник погибшим. Евреев в Жабокриче нет.

Мы с подругой собирали деньги на благоустройство этого места, в сборе средств приняли участие выходцы из Жабокрича в Израиле, а также мамин двоюродный брат, живущий в США. Жабокричская школа ухаживает за еврейской могилой и памятником.

И сегодня я пугаюсь от звуков праздничных хлопушек, они напоминают выстрелы, направленные в меня в 1941 году.

34.

Бурштейн Семён
(г. Жмеринка)

МОИ МУКИ В ЖМЕРИНСКОМ ГЕТТО

Довоенная жизнь.

Моя большая семья жила в селе **Лука-Молчанская** Винницкой области. Я родился **15 декабря 1928** года в украинском городе **Жмеринка**. Врачей в селе не было, и мать вынуждена была поехать рожать меня в Жмеринку в 30 километрах от родного села, и я записан уроженцем Жмеринки.

Мои родители познакомились и поженились в 1912 году. Отец **Шмерл Хунович Бурштейн** (1885-1969) работал в селе, занимался сельским хозяйством. Он окончил четыре класса в своё время, был очень энергичным работником. Мать **Рахиль Боруховна** (1887-1942), у которой было восемь детей: 3 дочери и 5 сыновей, с утра до ночи работала домохозяйкой.

С любовью назову каждого из детей: старший брат **Хуна** Шмерлович (Николай Степанович) (1914-1993); старшая сестра – **Ида** Самойловна (после замужества Лейдерман) (1919); сестра **Хана** (Анна) Самойловна (после замужества Гельман) (1921); сестра **Маня** Шмерловна (после замужества Шафирович) (1923); брат **Абрам** (Аркадий) Самойлович – (1925-1986); брат **Сруль** (Александр) Самойлович (1929); младший брат **Залман** (1933) и я – **Шулым** (Семён) **Самойлович Бурштейн** (1928).

В небольшом селе **Лука-Молчанская** проживало 18-20 еврейских семей, в основном наши близкие и дальние родственники. Евреи жили по всему селу среди украинцев, у нас и цыгане жили. Разногласий между соседями не было.

В период коллективизации, в начале 30-х годов, мой отец как председатель сельсовета был вынуждён заниматься раскулачиванием. Враги советской власти

подожгли наш дом и сарай с коровой и телёнком с четырёх сторон, завязав двери проволокой. Если бы не добрые соседи, мать, отец и мы, 8 детей, сгорели бы заживо в доме с соломенной крышей и малюсенькими оконцами. Нашей большой семье выделили квартиру и приусадебный участок, на котором рос лес и была земля для обработки, на ней мы посадили картофель.

Материальное положение нашей большой семьи было тяжёлое, потому что трудоспособных, кроме отца, не имелось. В **1933** году мне исполнилось пять лет, и я помню охвативший Украину сильнейший голод. Мы пухли от голода. Как мы в то время выжили, трудно представить. Мой папа трудился очень много, днем и ночью, для того чтобы содержать нашу семью, и у нас после Голодомора все выжили.

Помню бабушку **Енту** (ум. в 1934) и дедушку **Боруха Фурмана** (ум. в 1937) – родителей моей матери и ещё троих детей. Дедушка был портным и занимался также отбором дойных коров. К нему приезжали люди из других сёл, платили ему за консультации при покупке коров на скотном базаре в Мовчанах, в четырех километрах от нашего села. Мамины родители строго соблюдали еврейские праздники, *кашрут*. Мацу на *Песах* пекли дома. И наша еврейская семья чтила еврейские традиции, праздновала еврейские праздники, но не так скрупулёзно, как бабушка и дедушка. В нашей семье говорили на еврейском языке.

Синагоги в селе не было, но вместо неё имелась прихожая хата, куда евреи ходили молиться. Уже в **1934** году официально запретили богослужение. Но скрытно евреи собирались утром и вечером и молились. Такие обряды, как *брит-мила, бармицва,* у евреев села исполнялись тайным образом. Все наши братья их прошли.

До войны я окончил шесть классов украинской школы, а остальные братья, сестры окончили кто девятый класс, кто десятый и пошли работать. У нас с братом Абрамом была одна пара сапог на двоих: ходили учиться по очереди. Мой старший брат **Хуна** (Николай) до войны окончил учительский рабфак, преподавал историю и географию в школе в селе Мурафа Шаргородского р-на, где в 1940 году женился на учительнице.

В **1937** году отца по доносу арестовали, обвинив в сионистской деятельности, и посадили в Жмеринскую тюрьму. Его освободили через месяц, но папа решил не возвращаться больше в село, и наша семья переехала в город **Жмеринка**, где жили две папины сестры: Молка и Рузя. В Жмеринке отец работал ездовым: возил на лошадях хлеб в магазины, а мать занималась домом. Я помню, папа получал в то время 90 рублей в месяц. Жилось нам очень тяжело. Занимали одну небольшую комнатку с кухней, и некоторым приходилось спать на полу, потому что некуда было поставить кровать. Я делал уроки на табуретке, стоя на коленях. Вода и туалет были во дворе. Несмотря ни на что, наша семья жила очень дружно.

В Жмеринке проживало много евреев, и в городе кипела еврейская жизнь: работали еврейская школа-семилетка, еврейский клуб, еврейский самодеятельный театр, библиотека. На еврейские спектакли собиралось очень много зрителей. Секретарем райкома комсомола был назначен еврей по имени Сюня. В основном евреи Жмеринки занимались торговлей и ремеслами: сапожники, портные, парикмахеры.

В **конце 30**-х гг. беженцы из Польши, спасаясь от фашистов, приезжали в Жмеринку и рассказывали об отношении фашистов к евреям.

Начало войны.

22 июня 1941 года мы находились в Жмеринке. В этот же день мобилизовали на фронт брата **Хуну**, который ещё до 1941 года служил офицером-политруком, участвовал в Финской войне 1939-40 годов.

Мне было в это время двенадцать с половиной лет. Организованной эвакуации не было, хотя мы жили на крупнейшей железнодорожной станции. Жителей советская власть бросила на произвол судьбы. С приближением фронта нарастала паника. Красная армия отступала очень быстро. Поскольку у папы были лошади, мы спешно собрали самое необходимое, успели отъехать от города на 50 километров, и нас настигли наступающие немцы. Все наше имущество они выбросили, лошадей отобрали, и мы еле вернулись обратно в Жмеринку. Вскоре началась бомбёжка города, и первая же бомба попала в дом нашего соседа. Всю семью убило, кроме его младшего сына **Сёмы**.

В оккупации и в Жмеринском гетто.

20 июля 1941 года немцы и итальянцы вступили в **Жмеринку**. Началась оккупация. Железнодорожная станция и вообще железная дорога находилась в распоряжении немцев, они были постоянно в Жмеринке, здесь же располагался немецкий госпиталь.

С первого дня оккупации немцы были проникнуты ненавистью к евреям. Они заставили всех взрослых евреев носить жёлтые звезды на белой ткани. Помнится, мы носили звезду на правом плече, но заставляли носить ещё на спине, чтобы было видно спереди и сзади, что ты еврей. Я носил «магендавид», потому что меня уже брали на работу, а дети до 11 лет не носили.

Примерно через два месяца в Жмеринке появились румыны. Румынская жандармерия находилась на бывшей улице Октябрьской революции. И тут же начали готовить место для гетто. Руками евреев оккупанты закапывали столбы для ограждения гетто. Оно было высотой два метра с густой колючей проволокой. Я помню, для надёжности её еще связывали по диагонали. Столб от столба стоял на расстоянии двух метров. Для входа и выхода были двое ворот, которые охранялись жандармами.

Гетто занимало ряд улиц почти в центре города: ул. М. Горького, ул. Советскую, ул. Урицкого, ул. Интернациональную, ул. Шолом-Алейхема (левую сторону), базарную площадь, ул. Тимирязева, переулки Виленский и Д. Бедного. В городе сообщили всем, какие улицы входят в него. В течение двух суток украинцы, русские, поляки – все, кто находились на территории будущего гетто, должны были её освободить. Евреи, жившие за его пределами, в течение двух дней обязаны были перейти в гетто. Когда место заключения для евреев огородили, было написано и объявлено: «За самовольный выход из гетто – смертная казнь на месте». Все узники боялись выходить за его границы. Внутри это была тюрьма, где тоже могли убить.

Площадь гетто для размещения всех евреев города была недостаточной, поэтому в каждый дом вселяли ещё по 2-3 семьи. Мы жили на улице Максима Горького, дом 20, и нам не пришлось уходить из своего дома. Со мной в гетто были мама, папа, три сестры, трое братьев, также в нашей квартире проживали **Гриша Гершман** (подпольщик, пользовался радиостанцией и передатчиком), **Абрам Пальтин** (1928) и **Исаак Бегельман** (1925). Спали пять человек поперёк кровати, спали на столе, на двухэтажных нарах.

Трудности с жильём усугублялись тем, что в гетто пригнали партию евреев, депортированных из Румынии и Бессарабии, и заселили в уже переполненные дома. Жили в одной квартире по четыре-пять семей. Все погреба, сараи были заняты.

*

В гетто была создана еврейская община. Председателем её назначили доктора **Гершмана**, еврея, депортированного из Румынии. Он знал румынский, немецкий, английский языки и был доктором юриспруденции. Была организована еврейская полиция (7 человек), для того чтобы соблюдать порядок в Жмеринке. В городе осталось около трех тысяч местных евреев, не считая большого количества евреев из Буковины, Румынии, Бессарабии. Румыны ввели комендантский час: запрещалось находиться на улице после восьми, а зимой – после шести часов вечера. В гетто не разрешалось собираться на улице больше трёх человек. Те, кто не выполнили какое-то распоряжение румын, председателя общины, полиции, подвергались избиению плётками: от 10 до 25 ударов.

Некоторые евреи разных местечек убегали из расстрельных ям после массовых убийств, особенно малолетние, и приходили в Жмеринку, скрывались у нас. Из Хме́льницкой ямы (городок **Хмельник** Винницкой обл.) спасся мальчик 12 с половиной лет. Его родителей, братьев, сестёр расстреляли. Он упал в яму прежде, чем в него попали пули. Ночью, окровавленный, выбрался из-под тел и пришёл к знакомой украинской семье. Его переодели и сказали: «Мы тебя спрятать не можем, потому что завтра любой полицай или кто другой увидит – тебя снова расстреляют. Уходи в Жмеринку, по лесам добирайся туда». Этот мальчик **Абраша Бегельман** добрался до нас, и мы его приютили, он жил в нашем доме. Сейчас Абрам находится в Израиле.

Помню, что немцы поставили условие руководителям нашей общины: выдать им примерно 300 евреев из местечка **Браилов** возле Жмеринки, бежавших от расстрела в Жмеринское гетто. Мой папа спас четырёх браиловских евреев по фамилии **Айзенберг**: двух сыновей Айзенберга и двоих детей его сестры. Они прятались в нашем сарае. Когда немцы приказали всем браиловским беглецам собраться на перекличку, отец просто не пустил их, и они остались живы. Остальных немцы выманили, увезли и расстреляли.

Люди болели, в гетто имелись врачи, но медикаментов не было. В районную больницу евреев из гетто не принимали. Фельдшеры помогали не лекарствами, а массажами, травами, рекомендациями, что принимать. В голоде и холоде из-за болезни **3 января 1942** года умерла наша любимая молодая мама **Рахель** и была

похоронена на Жмеринском еврейском кладбище. Выйти из гетто на похороны разрешили десяти мужчинам (для молитвы) и двум родным. В течение 11 месяцев после смерти мамы я и мои братья **Абрам** и **Сруль** утром и вечером читали *кадиш* (поминальную молитву).

Каждое утро все трудоспособные от 13 до 65 лет должны были явиться для распределения на разные работы к зданию комитета общины. Румыны, немцы нуждались в бесплатной рабочей силе, в рабах. Весной большое количество людей брали на очистку городских улиц, железнодорожных путей, побелку зданий, летом – на уборку урожая. Восемь человек нашей семьи работали. Сёстры мои были санитарками, уборщицами и прачками в немецком госпитале.

В семь часов утра все пришедшие строились в колонну. Появлялись представители немецких фирм: «Вафлер», «Шифлер», «Баклайтунг», других и набирали рабочих. Брали на работу пофамильно. Некоторым платили по одной марке в день, некоторых кормили. Помню, как нас гоняли в поле собирать гусениц с капусты. Если надзиратель находил гусеницу, заставлял детей её съесть. К концу работы у многих начиналась рвота, они не могли стоять на ногах.

Меня забирали работать на военных складах. Мы сортировали одежду, обмундирование, обувь, снятую с убитых и раненых. До сих пор не забуду крики и стоны женщины **Эстер**, которую поймали с украденным свитером. Немцы раздели её догола и бросили на доску с гвоздями, торчащими вверх, а затем переворачивали тело вместе с доской.

Много я работал на железной дороге: погрузка-разгрузка, уборка вагонов на огромном железнодорожном узле. Подъезжали пустые составы после перевозки солдат, пленных, скота, и надо было после них быстро всё убрать: навоз, мусор. Подпольщики попросили нашу группу из 25 человек, отобранную немцами, отрезать тормозные резиновые шланги и выбросить в навоз, чтобы немцы не нашли. Этим мы задерживали отправку вагонов на фронт. Нас предупредили: после резки ножи выбросить в навоз. Подошёл паровоз забрать очищенные вагоны, а их тормоза отказали. Узнав причину, немцы построили нашу бригаду и хотели расстрелять, но их начальник приказал обыскать карманы. У двоих нашли ножи со следами резины. Видно, пожалели выбросить. Их на месте расстреляли. А могли расстрелять нас всех.

Наша жизнь для немцев не стоила ничего, и узников использовали в самой опасной работе. Немцы отбирали для неё небольших, физически развитых мальчиков 14-16 лет. Я попал в их число. В Жмеринское депо приходили по расписанию составы с фронта. Паровозные топки надо было срочно чистить, чтобы в тот же день отправить этот состав под загрузку. Машинисты открывали колосники (чугунные решётки) в горящих топках и высыпали уголь. Не дожидаясь остывания этого паровоза, немцы нас, двух мальчиков, заталкивали в его топку, для того чтобы мы заменили перегоревшие колосники. Температура внутри топки была примерно 120-140 градусов. Никакая одежда не могла выдержать такую температуру, нам выдавали ипритный плащ. На ноги надевали деревянные колодки-туфли. На руки нам давали деревянную гармошку, чтобы не сожгли руки. Топка небольшая,

и каждую минуту я высовывал голову наружу через дыру – глотнуть воздуха. У дыры стоял немец, проверял работу и кричал: «Шнель арбайт, шнель арбайт! Ферфлюхтер юдэ!» (*нем.* быстрее работай, проклятый еврей). В течение 10-15 минут мы заменяли колосники в топке и выбирались из неё полумёртвыми. В день заставляли чистить две-три топки. На эту работу нас забирали в семь часов утра и в четыре часа дня отпускали. Давали нам порцию горохового супа и бутылку молока за весь этот день. Через неделю нас снова брали. А потом неделю мы выполняли другую работу. Ещё через неделю – снова на эту каторжную работу. Когда мы выходили из топки, кости рук от температуры были мягкими, как хрящи, будто варёные. В этот день я терял несколько килограммов веса. Но мы переносили это, никуда не денешься, а то расстреляют. Затем в топках работали пленные. Эта адская работа продолжалась год.

Одновременно с доктором Гершманом прибыл его помощник **Тефлер**, артист по профессии. С ним была часть еврейской профессиональной театральной труппы из Румынии. Гершман ходатайствовал перед претором – главой румынской администрации об открытии театра в помещении старой синагоги для развлечения господ немцев, румынских офицеров и солдат. Разрешение было получено, и примерно в течение года еврейский театр в гетто давал великолепные представления с хорошими артистами, в постановках участвовали их дети. Ставили пьесы на еврейском языке: «Тевье-молочник», «Блуждающие звезды», другие. Лучшие места занимали бесплатно военные, евреи из гетто покупали грошовые билеты и тоже получали удовольствие. Я не раз ходил в этот театр, он не только развлекал узников и говорил на их родном языке, но и отвлекал от постоянных мыслей о еде.

В начале **1944** года на случай ликвидации, погромов люди в гетто готовили в домах схроны на чердаках, подземные секреты, копали под полами укрытия, закрывали шкафами, чтобы немцам и полицаям трудно было найти. Мы жили с постоянным ощущением, что нас могут убить. Оно особенно усилилось, когда прошёл слух, что немцы перед отходом расстреляют евреев гетто. У нас дома тоже было такое убежище.

С приближением Красной армии и уходом румын гетто почти не охранялось, и все его жители думали о спасении семей. В **марте 1944** года папа обратился к своему украинскому другу **Ивану Дзюбе**, работавшему сторожем в лесопарке культуры и отдыха «Роща Белинского», с просьбой спасти нас. Иван согласился, но предупредил о крайних мерах предосторожности, когда папа будет вести к нему семью. Вечером отец перевёл к Дзюбе трёх моих сестёр и трёх братьев, а также сверх договора с Иваном двух соседей по гетто лет по 75-80: супругов **Брану** и **Эршла**, чьи сыновья воевали на фронте. Иван с отцом спрятали всех, и папа вернулся в гетто ждать меня. Хороший человек этот Дзюба, вся его семья хорошая была. Он спасал евреев в немецкой зоне, а сам с женой рисковал четырьмя детьми: тремя дочками и сыном.

В этот день я был взят немцами на рытьё окопов за городом. Двое немцев отвели нашу группу из 35 человек на немецкую линию обороны, и каждому узнику было приказано выкопать пять метров траншеи к точно указанному времени, иначе – рас-

стрел. Ближе к вечеру стала слышна перестрелка. К нам подошёл немецкий офицер, сказал нашим охранникам с автоматами: «Когда евреи закончат работу – всех расстрелять» и ушёл. Мы поняли последнее слово «эршисен», его каждый еврей знал. И тогда несколько человек из группы – опытных бывших солдат из румынских евреев – подобрались к немцам сзади и одновременно ударили их лопатами по голове. Трупы мы засыпали землёй в вырытых траншеях. Двое переоделись в немецкие шинели, взяли автоматы и вывели нас к городу. Я побежал в гетто, встретился с папой, и мы пробрались в лес к Дзюбе.

Прошёл день, и лес захватили партизаны, но без поддержки наших войск. Немцы вытеснили партизан из леса и заняли плацдарм. Мы оказались в окружении озверевших фашистов. Иван быстро приставил лестницу и перевёл папу, дедушку Эршла, бабушку Брану и нас, четырёх братьев, на чердак под жестяную крышу. Тут мы сразу почувствовали, что такое весенний холод, было 15 марта: и нельзя шевельнуться, кашлянуть. Всюду рыскают немцы. Внизу в избе остались мои сёстры с семьёй Дзюбы. Тут и вошли к Ивану немцы на постой. Они увидели, что в доме много народу – человек десять, и заняли соседний дом. К ночи сын Ивана передал нам старые пальто, кожухи на чердак, и мы пробыли на нём в голоде и в холоде с 15 по 18 марта. В одну из этих ночей немцы пришли и увели из дома всех трудоспособных рыть траншеи около рощи, парка. Мы на крыше боялись, что их уже не отпустят и расстреляют. Но, слава богу, они вернулись. Сколько было пережито нами и хозяевами дома за эти четыре дня! Был страх, что нас обнаружат и расстреляют их семью 6 человек и нас 10 человек.

Освобождение и после него.

18 **марта 1944** года наши войска зашли со стороны Малой Жмеринки, спасли нас от смерти и освободили. А мы были на волоске от гибели каждый день и каждый час.

В **Жмеринке** шла перестрелка, велись уличные бои, и советские солдаты, и немцы падали на глубокий мартовский снег, кровью обливались. Немцы ещё стреляли из здания школы №1, их ещё не выгнали из города. Я и папа вышли на улицу и попали под немецкий огонь. Папу ранило в ногу, перебило мякоть, а я был ранен в лицо. Случайно жив остался. Врачи наложили мне швы, зашили. Освободили полностью город Жмеринку **20 марта**.

Мы вернулись к себе домой. До мирной жизни было ещё далеко. Мобилизовали на фронт моего брата **Абрама** (Аркадия) Бурштейна. В звании сержанта он воевал и служил в железнодорожных войсках до 1947 года. Вновь, как и в 1941 году, начались налёты немецкой авиации, 8 раз бомбившей Жмеринку до 1 августа 1944 года. Были пожары, жертвы, большой ущерб городу. Наш дом и семья не пострадали. После освобождения города Жмеринки я поступил в вечернюю школу, в шестой класс.

В послевоенное время.

Брат **Хуна** (Николай) **Бурштейн** вернулся с войны из Берлина в звании майора, заместителя командира полка. Был дважды ранен, дважды контужен. Награждён 7 орденами и 8 медалями. Брат маминой сестры Фейги, дядя **Аренгауз Калман** (1898), артиллерист, погиб на войне весной **1945** года.

Большая еврейская семья Бурштейн. Сидят (слева направо): Таня – жена Хуны, брат Хуна с сыном Витей, отец Бурштейн Шмерл, Лейдерман Захар – муж сестры Иды с сыном Аликом, сестра Ида. Стоят (слева направо): брат Залман, брат Сруль, брат Абрам, сестра Хана, брат Семён, сестра Маня. 1945 г. Жмеринка.

Окончив 9 классов школы, я поступил в Чернятинский сельскохозяйственный техникум на механический факультет, окончил его в июле 1951 года и начал работать в Жмеринке механиком, старшим инженером. В октябре **1951** года я женился на девушке **Нине**, бухгалтере по профессии. Нина с семьёй в годы Шоа находилась в Жмеринском гетто. Отец Нины **Ананий Шендерович** в звании майора погиб на фронте в **1943** году. У нас родились два сына: **Ананий** (22 сентября 1952) и **Яков** (19 января 1960).

В **1963** году поступил в Украинскую сельскохозяйственную академию на механический факультет, одновременно работал и учился. После окончания академии был назначен начальником Жмеринской передвижной колонны №1 – крупной организации на пять районов. Награждён медалью «За трудовую доблесть», другими наградами. Мой трудовой стаж – 45 лет. Конечно, война и гетто отразились на здоровье. Я после гетто долго болел ревматизмом.

К сожалению, **21 декабря 1989** года мне пришлось похоронить мою любимую жену **Нину** Бурштейн. Мы с ней прожили вместе 38 лет.

В Израиле.

Я репатриировался в Израиль **7 апреля 1996** года с двоюродной сестрой **Тубой Май**, папиной племянницей. До сегодняшнего дня живем на квартире, которую снимаем в аренду. Мы оба члены Реховотской городской организации бывших узников нацистских концлагерей и гетто.

Сын **Яков** Бурштейн приехал в Израиль в **1991**-м, живет в Рамат-Гане, генеральный директор фирмы «Меламед турс». Сын **Ананий** Бурштейн работает в Москве. У меня сегодня пять внуков: 3 девочки и 2 мальчика, правнук и правнучка.

Мои сёстры **Ида**, **Хана** и брат **Сруль** (Саша) жили и ушли из жизни в Израиле. 5 декабря **2011** года в гор. Кирьят-Ата умер младший брат **Залман**. Мы всегда были единой любящей еврейской семьёй, и благодаря этому нам удалось выжить в Голодоморе 1933 года на Украине, в нацистском гетто в 1941-1944 годах, в голодные 1946-47 годы. Из 10 человек нашей семьи сегодня осталось двое: сестра **Маня** живёт в гор. Беэр-Шева и я – в пос. **Кирьят-Экрон** близ Реховота. Наша дружба продолжается.

Семён Бурштейн у «Родословного древа».
2011 г. Кирьят-Экрон, Израиль.

С **1989** года я занимаюсь изучением и составлением родословия моей семьи и семьи моей покойной жены. Мне удалось создать родословное древо близких родных, получился великолепный дуб с разростками на 310 человек. Мною написана книга «Воспоминания о родословном древе» для моих детей, внуков и правнуков. Им надо знать, какой ценой оплачена их счастливая жизнь.

*

Пережив Катастрофу более 70 лет назад, я хотел бы пожелать моим детям, моим внукам, моим близким, всему еврейскому народу, чтоб такой трагедии в будущем не повторилось. Чтоб они не знали, что такое гетто. И, во-вторых, я хотел бы пожелать всему Израилю, чтоб он не знал, что такое войны.

35.

Либерман Владимир
(г. Жмеринка)

НЕМЦЫ УБИЛИ МОЮ СЕМЬЮ

Довоенная жизнь.

В семье маминых родителей **Цукерман**, родом из Бессарабии, были три брата и сестра – моя будущая мама **Лиза Янкелевна** (1902). В 1914 году братья уехали

в Румынию, а сестра Лиза – на Украину, в Донецкую область. Тут мама познакомилась с **Янкелем Хаимовичем Либерманом** (1898), и они поженились. В Донбассе родились мой старший брат **Михаил** (1922) и моя старшая сестра **Эстер** (Фира) (1926). В 1928 году семья переехала в гор. **Жмеринку** Винницкой области. Я, **Либерман Исаак-Ицик** (Владимир) Янкелевич, родился **28 января 1930** года (фактически – 1928), моя сестра **Рива** – в 1932-м и братик **Фима** – в 1939-м. Папа работал грузчиком, мама – портнихой на дому. Наша большая семья жила в центре города в двухэтажном доме на ул. К. Маркса в двух небольших комнатах с балконом. Семьёй мы отмечали еврейские праздники *Пурим* и *Песах*. Миша после окончания школы работал в депо слесарем. Остальные дети, кроме Фимы, учились. До войны я окончил 6 классов русской школы. Моими друзьями были русские и украинские ребята: вместе играли в футбол, катались на коньках. Родители и мы, братья и сёстры, были очень дружны. В семье говорили по-русски, родители общались только на идише, я прислушивался и многое стал понимать.

С осени **1939** года в Жмеринке появились беженцы из Польши, они нам рассказывали, почему они бежали, какие ужасы творят фашисты. Мы начали понимать, кто такой Гитлер.

Начало войны и оккупация.

Сообщение о войне я услышал **22 июня 1941** года по громкоговорителю дома у товарища. Мне в ту пору исполнилось 13 лет. Старший брат **Михаил** был мобилизован на фронт 24 июня. В магазинах образовались очереди, люди закупали продукты впрок. Стало трудно купить хлеб. Через некоторое время начались бомбёжки железнодорожной станции **Жмеринка**, бомбы падали и на жилые районы. Помню, что появились и местные помощники немцев или шпионы, которые фонариками подсвечивали объекты для бомбардировки. Маленькие семьи успели эвакуироваться. Наша большая семья не могла уехать, потому что папу мобилизовали в отряд местной самообороны: бойцы отряда ловили диверсантов и мародёров. Перед самым появлением немцев отряд распустили, советские работники бежали, и папа пришёл домой. За два дня безвластия в городе произошли всеобщие грабежи магазинов, складов. Мы никуда не уехали и не предполагали, что близится массовое уничтожение евреев.

Украинское население готовилось к приходу новой власти: жители собирались группами, в руках были цветы. **20 июля 1941** года немцы на мотоциклах въехали в Жмеринку со стороны с. Жуковцы. Им вручили хлеб-соль, бросали цветы. На второй день оккупанты организовали украинскую полицию из уголовников, мародёров. Через несколько дней вышел немецкий приказ: всем евреям нашить на одежду на спине белый шестиугольник. Евреев выгоняли из квартир на принудительные работы, подвергали разным издевательствам. Было страшно смотреть, как старики подметают улицы, снимают шапку перед каждым немцем. Украинские полицаи прекрасно знали, где живут евреи, помню, за мной пришли и повели мыть немецкие машины.

Питались мы из довоенных припасов, а когда они кончились, в основном жили за счёт обмена домашних вещей на продукты. Мама продолжала шить для укра-

инцев, и они рассчитывались продуктами. Немцы не разбирались, кто еврей, кто нет, и я старался подработать для семьи, где только можно: на кухне у немецких лётчиков чистил картошку, колол дрова.

В Жмеринском гетто.

Затем был приказ всем евреям **Жмеринки** перейти в гетто, и указаны его границы: улицы Базарная, Урицкого, половина Интернациональной улицы, прилегающие к ним улицы Д. Бедного, Шолом-Алейхема. Наш дом не входил в территорию гетто, мы нашли пустующее жильё на участке гетто и вселились в него. Привезли свой шкаф и кровати. Наша семья находилась в **Жмеринском гетто** примерно с **ноября 1941** года. Гетто окружили проволокой, выход был запрещён под страхом смерти. Наш дом в гетто оказался на самой его границе, в метре от проволочного забора, за которым жили уже украинцы. Это помогало маме брать у украинцев вещи и возвращать готовые заказы через проволоку, получать продукты за работу. По ту сторону проволоки по улице проходили немцы: армейские, жандармы, эсэсовцы и двигались гражданские люди. Мостовая была из брусчатки, и я узнавал по цоканью кованых сапог, что идут немцы. В Жмеринке находились венгерские, итальянские войска.

Немцев сменили румынские оккупанты: они создали городскую управу (примарию) во главе с примаром, жандармерию, работала военная комендатура с комендантом. Среди жандармов отличался жестокостью сержант Попеску. Мы обходили его десятой дорогой, он всегда находил, к чему придраться, и избивал за это стеком, с которым не расставался. Румыны руководили жизнью в гетто, был назначен совет еврейской общины и организована еврейская полиция – мужчины с белыми повязками. Ворота в гетто для входа и выхода на работу находились в двух его концах: у каждого сидел полицай. Еврейская полиция получала список работ и необходимое количество работников, полицаи ходили по домам и обеспечивали явку на работу. Помню среди полицаев Теплицкого, Шухмана, Овсянникова. Также они собирали в домах вещи, которые заказывали немцы и румынская жандармерия: одеяла, тёплые вещи. Отбирали подушку, на которой ты спал, для вновь прибывшей немецкой части.

В первое время в совет общины входили жмеринские евреи, среди них доктор **Поляк**. В **1942** году к нам пригнали евреев из Румынии. Подростки, которые пришли с родителями, рассказывали мне, что их гнали пешком осенью и зимой, чаще всего они ночевали в поле в любую погоду, и по пути много евреев погибло от холода и голода. Часть из них привезли поездом, и в вагонах было много умерших в дороге. Председателем общины стал румынский еврей – доктор права **Адольф Гершман**. Это был образованный человек лет пятидесяти, адвокат, знавший немецкий, румынский и другие языки. Он умел договариваться с немцами и румынами и создал минимальные условия жизни для узников. При нём вместо белой звезды на спине мы носили небольшую жёлтую звезду на груди. Вся рабочая сила была зарегистрирована, включая детей, никто не отлынивал от работы, не воровал, и благодаря Гершману сохранилось много жизней. При комитете работали женщина-врач **Лариса Бурштейн** и медсестра, определявшие, может ли че-

ловек работать. Каждое утро мы были обязаны прийти на сборный пункт и ждать распределения на работу по заявкам немцев и румын. Иногда посылали на такую работу, что люди боялись, вернутся ли они обратно. Взрослых, в том числе моего папу, принуждали к тяжёлому труду у немцев: они грузили и разгружали вагоны, чистили снег на путях. Чистил снег какое-то время и я. Зимы были очень холодные: я ходил в курточке и штанах, которые мама сшила мне из одеяла, мы кутались в любое тряпьё. Однажды папу привели сильно избитым немцами, так что он не мог сам идти. Избили его без причины, издеваясь над евреем. Когда маму и сестру Фиру вызывали на работу, они шли со всеми. Работали все, кроме младших детей: Ривы и Фимы. Я сейчас удивляюсь, что мы были полураздеты, работали в холоде, в дождь, в мороз, и никто из нашей семьи не болел.

Самым тягостным и страшным в гетто было постоянное ожидание смерти, этому способствовали события и слухи. Мы слышали, что немцы уничтожили почти всех евреев недалеко от Жмеринки в местечке **Браилове**. Часть браиловских евреев успела сбежать в Жмеринское гетто и спряталась среди тысяч людей. Немцы через несколько месяцев выманили их из нашего гетто под предлогом перерегистрации и расстреляли. Я видел, как их окружили немцы с автоматами и увели. Мы жили с мыслью, что наша гибель – это только вопрос времени.

Будучи в гетто, я носил *магендавид* не пришитым, а прикреплённым иголками. Когда мне надо было выйти из гетто, я снимал этот знак и клал в карман. В городе я пристроился работать у немецких медсестёр: чистил сапоги, выполнял другие грязные работы. В конце работы мне давали талончик, я шёл с ним на вокзал и там получал полбуханки хлеба и тарелку супа. Конечно, это было опасно. Помню, что одного румынского еврея поймали в городе и повесили в гетто на воротах. После этого случая я боялся выходить из гетто. Жили тем, что мама зарабатывала, что папа приносил после работы.

В конце **1942** года доктор Гершман получил разрешение у претора на открытие школы в Жмеринском гетто. В школе учились дети с первого по десятый классы. Родители записали меня в шестой класс, чтобы я был занят. Нам преподавали учителя румынского языка, немецкого языка, иврита (я впервые услышал в гетто: алеф, бэт, гимел), географии, математики, физкультуры, истории и другие. Среди них были евреи, пригнанные из Румынии, студенты пединститутов из нашего гетто. Занятия проходили в помещении бывшего детского сада, завхоз подавал звонки колокольчиком. У нас были тетради, карандаши, оставшиеся от советской школы. Мы ходили в школу и учились с желанием, это было место общения, где мы на время забывались: смеялись, шутили, озорничали. Школа в гетто частично возвращала нам настоящее детство, которому свойственно познание нового (фото на стр. 257). Однажды нас посетил доктор Гершман с румынским комендантом, и Гершман сфотографировался с нами на память. Я узнал в Израиле от Ларисы Бурштейн, бывшего врача в гетто, что д-р Гершман был арестован и умер в советском заключении.

Постепенно в наших семейных разговорах с середины **1943** года появился другой мотив. Мама и папа спрашивали: «Когда придёт *Машиах*?» (*евр.* мессия). Мне

шёл пятнадцатый год, я впервые услышал это слово и понимал его как освобождение. Полно было слухов. Новости люди узнавали на работе за пределами гетто, когда общались с украинцами. С конца 1943 года мы начали надеяться на возможное избавление из этого рабства, особенно слыша о том, что Красная армия освободила тот город, другой город. По немцам было видно, что это уже не завоеватели. Постепенно они начали эвакуировать имущество, технику, награбленное. Из гетто постоянно брали людей на погрузку вагонов, обслуживание путей.

В **1944** году к нам опять пришла боязнь умереть, когда уже чувствовалось приближение свободы, слышалась фронтовая канонада. **13 марта 1944** года отца вызвали, как обычно, на работу к немцам. По окончании работы он не вернулся. В ту ночь мы с мамой и маленькой Ривой продолжали ждать папу, а старшая сестра через проволоку вывела младшего братика к украинцам, которые обещали спрятать обоих. Я помогал сестре держать проволоку, когда услышал, что в нашу дверь стучат. За секунду я оказался в доме. Дверь мы не открыли, и стучавшие одним ударом выбили её. Рива успела спрятаться под кроватью. Вошли два немецких офицера с пистолетами в руках. Один спросил, почему не открывали, и мы ответили, что спали и не слышали. Другой приказал выйти во двор. Мы вышли, начали сильно плакать и просить, чтобы нас пожалели. Они сказали нам идти в дом. Мы ждали пулю в спину, но немцы ушли. Тело отца, убитого двумя выстрелами, нашли через три дня на железной дороге. Мой папа **Янкель Либерман**, отец пятерых детей, вечный труженик, погиб в возрасте 46 лет за три дня до освобождения гетто Красной армией.

Освобождение и после него.

Когда **16 марта 1944** года освобождали Жмеринку, я находился рядом с нашими миномётчиками, ведущими стрельбу по немцам. Немцы засели в доме, где была школа в гетто, отстреливались, и на моих глазах помещение, в котором я учился, было разрушено минами.

Лиза Либерман, мать Владимира. Май 1941 г. Жмеринка.

Фира Либерман, старшая сестра Владимира. Предвоенный снимок. Жмеринка.

Наконец сняли проволоку вокруг бывшего гетто, и мы переселились в другую квартиру. Начались мирные заботы, но главная беда моей жизни, кроме потери отца, ждала впереди. Через полтора месяца после освобождения из нацистского заключения **20 мая 1944** года во время немецкой бомбардировки гор. Жмеринки после прямого попадания бомбы в наш дом погибла вся моя семья: мама **Лиза Либерман** сорока двух лет, сестра **Фира** восемнадцати лет, сестра **Рива** двенадцати лет и пятилетний братик **Фима**.

Я был тяжело ранен. Проходившие рядом с развалинами солдаты услышали мои слабые стоны и откопали меня после 18-часового пребывания под руинами дома. Придя в себя в больнице, я узнал, что матери, двух сестричек и брата нет

уже в живых. Так я остался один. Я находился в больничной палате, ходить не мог, и при очередной бомбёжке меня ранило через окно ещё раз в лицо и в руку. Один из моих родственников перевёз меня в лесную больницу близ села Станиславчик, где меня опекали раненые солдаты – соседи по палате. Лечили меня дольше, чем надо – врачи знали, что мне некуда идти.

Я вернулся в **Жмеринку**. Буковинские евреи: артист Черновицкого еврейского театра Бернхард, его брат Зигфрид и их сестра Клара, которые находились с нами в Жмеринском гетто и прекрасно знали мою семью, в **конце 1944** года пригласили меня к себе. Это были замечательные люди. Мы приехали в гор. **Черновцы**, и **Бернхард Гартенштейн** меня усыновил, дал мне свою фамилию. Я учился, в свободное время подрабатывал у фотографа. Я жил в семье Бернхарда три года, и они решили уехать из СССР в Румынию, конечно, со мной.

Послевоенная жизнь.

В **1947** году брат **Михаил** вернулся после войны из армии капитаном, инвалидом 2-й группы, нашёл меня и увёз в **Жмеринку**. Он хотел определить меня в суворовское училище, куда принимали до 14 лет. Документов никаких не было, и брат изменил мне имя и год рождения: я стал вместо Исаака **Владимиром**, родившимся в **1930** году вместо 1928-го. В училище я не поступил и уехал в **Окницу**, молдавское село, где жили мамины братья. Я познакомился с этими прекрасными людьми. Один из братьев был кантором, певшим в нелегальной синагоге на все еврейские праздники. Прожил я у них до **1950** года, работал фотографом в артели, в Доме культуры.

В **1950** году был призван в Советскую армию. Служил 5 лет в Военно-морском флоте, демобилизовался в звании главного старшины ВМФ. Приехал к брату Мише, жившему уже во **Львове**, в **1954** году устроился на авиазавод в сборочный цех и проработал рабочим, а после окончания авиаучилища – бригадиром-авиатехнологом 36 лет. В **1956** году мы познакомились с девушкой-красавицей **Полиной** (1936), дочерью погибшего на фронте офицера Мирона Портного. В первый вечер погуляли, на второй вечер я сделал Полине предложение быть моей женой, через неделю зарегистрировались в ЗАГСе и поженились. Полина, окончив Киевский институт культуры, 35 лет работала в научной библиотеке Львовского мединститута.

Мой брат **Михаил Либерман**, боевой командир роты с наградами, свою жизнь прожил с женой и двумя детьми в одной комнате, даже без кухни, и умер после многих операций. Жена-фронтовичка ушла из жизни на месяц раньше его, и мы не говорили брату об этом. Их дочь **Лиза** росла в моей семье до 18 лет. Своих детей у нас не было.

В анкетах я никогда не указывал, что находился на оккупированной немцами территории. Никто никогда не интересовался историей моей семьи.

В Израиле.

В апреле **1991** года мы с женой репатриировались в Израиль. Здесь жила мать моей супруги, приехавшая в страну в 1959 году с отчимом, польским евреем. Очень трудно было в первые годы, я к тому же перенёс инфаркт. Работал сторожем по ночам и в праздники, жена занималась уборкой помещений, живём в чужой арен-

дованной квартире. Будем надеяться на лучшее. В **2011** году исполнилось 55 лет нашей совместной жизни с любимой Полиной.

Я очень доволен, что приехал сюда жить, нисколько об этом не жалею, здесь я начал говорить на идише, учу иврит, чувствую себя среди своих. Меня удивляет, как бывшие советские евреи могут жить в Германии, где всё напоминает о трагедии европейского еврейства. Конечно, это уже поколение, родившееся после Холокоста, и дай Бог, чтобы не повторилось то, что выпало на нашу долю. Пусть им будет хорошо там, а нам здесь. По-моему, Холокост произошёл потому, что евреи были рассеяны по странам и не спешили создать своё государство или уехать все вместе в бывшую Палестину и строить Израиль.

Владимир Либерман *все годы являлся членом Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей. Умер 12 декабря 2011 года.*

Ученики и учителя школы в Жмеринском гетто. На груди у взрослых и старших детей видны знаки-«магендавид». Слева в чёрной рубашке стоит председатель общины д-р Гершман. Владимир Либерман (указан кружком) стоит 3-й справа в белой рубашке, сидят во 2-м ряду 3-я справа – его сестра Рива и 4-й справа – его брат Фима, стоит 8-й справа учитель истории. На снимке присутствуют учителя математики, географии, иврита, физкультуры, учительница румынского языка. Середина 1943 г. Жмеринское гетто.

36.

Май Туба
(г. Жмеринка)

НАС СПАСЛА ПОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

Довоенная жизнь.

Я, **Туба** (Таня) **Эливна Май**, родилась **24 ноября 1934** года в селе **Браилове** Жмеринского р-на Винницкой области. В 1936 году моя семья переехала в гор. **Жмеринку** Винницкой области. У нас был большой кирпичный одноэтажный дом № 39 на ул. Октябрьской революции. В нашем саду росли сливовые, яблоневые, вишнёвые деревья, был малинник. Моя мама **Гитля Моисеевна** (1900) занималась домом, отец **Эли Мордхович Лифшиц** (1897) работал бухгалтером. Семейный достаток был средним. Братик **Яков** родился **28 января 1939** года. В нашей семье очень соблюдались еврейские традиции. Папа был религиозным человеком, в субботу не работал. Отец знал в совершенстве иврит, Тору. В синагоге он участвовал в богослужении, красиво пел молитвы, стоя на возвышении перед людьми. Особенно торжественно мы праздновали *Песах*. Мама с папой говорили по-еврейски, а я им отвечала на русском языке. Моими подругами были польские и русские дети-соседи, украинки и девочка-еврейка.

Брат Яша Лифшиц. 1941 г. Гор. Жмеринка.

Мамины родители, дедушка **Моисей Резник** и бабушка **Рахиль**, жили в **с. Калиновка** Калиновского р-на Винницкой обл., мы ездили к ним в гости. Мамина сестра, моя тётя **Фаня**, жила в **с. Межирове**, а все папины родные: его мать, братья и сестры с семьями проживали в **с. Браилове**, километрах в восьми от нас.

В Жмеринке до войны было более 3 тысяч евреев. Все жили вперемешку: украинцы, русские, евреи – не было отдельного еврейского квартала или района. Многие евреи работали железнодорожниками, потому что Жмеринка была узловой станцией.

Помню, мамин старший брат **Ушер** в 1939 году вернулся с Финской войны и привёз мне в подарок куклу. Летом **1941** года я готовилась пойти в первый класс, но началась война.

Начало войны и оккупация.

В первые дни войны папе как работнику железной дороги предложили вагон для эвакуации семьи. Мама и папа, взяв нас с братиком, пошли пешком в село

Межиров, за 9 километров от Жмеринки, чтобы забрать с собой тётю **Фаню** и её грудного ребёнка-девочку. Пожили мы у тёти несколько дней, мама очень уговаривала сестру ехать с нами, но тётя отказалась, и мы собрались домой. В этот день Межиров захватили немцы. На окраине нас остановил немецкий патруль и объявил, что нельзя покидать село. Мы ответили, что не здешние, и нам удалось вернуться в Жмеринку, иначе и нас не было бы в живых. Позднее тётю Фаню с младенцем расстреляли немцы.

В Жмеринском гетто.

Жмеринка уже была занята немецкими оккупантами. Мы пришли в свой дом. Немцы сразу приказали всем взрослым евреям надеть на правую руку белую повязку с жёлтым «магендавидом» и на спину нашить ещё один «магендавид».

После немцев появились румыны и организовали в Жмеринке гетто. **С июля 1941** года я, мама, папа и брат двух лет оказались в гетто гор. Жмеринки. Я была совсем ребёнком – девочкой шести с половиной лет. Некоторые моменты из жизни в гетто запечатлелись в моей памяти на всю жизнь.

Устно объявили приказ городской управы о создании гетто, его границах (улицы Горького, Урицкого и одна сторона ул. Демьяна Бедного) и о переходе всех евреев в него. Гетто по периметру огородили колючей проволокой в семь рядов на толстых столбах, сделали деревянные ворота для входа, обмотанные колючей проволокой.

Выяснилось, что наш дом находится за пределами гетто, и нам пришлось оставить свой дом и перейти на территорию гетто. Мы переезжали на подводах, и удалось перевезти на новое место почти всё своё нехитрое имущество: кровать, диван, стол со стульями, шкаф. Поселились в двухэтажном доме с другими выгнанными из своих жилищ семьями. На верхнем этаже в общей квартире две комнаты занимала наша семья, одну комнату – знакомая женщина с двумя детьми – жена фронтовика, а кухня была общая. К нам подселили ещё четырёх человек – семью, депортированную из Румынии. В трёх комнатах жили 11 человек. На первом этаже тоже разместились три семьи.

Руководителем еврейской общины гетто был доктор **Гершман**, еврей, выселенный из Румынии. Надзирала за нами еврейская полиция, они были ещё хуже, чем румыны. Помню, приходил полицейский и требовал у мамы: «Давай золото». Мама отдала золотые часы, в другой раз своё обручальное кольцо, потом папино. А больше у нас золота не было.

Нам было запрещено выходить из гетто и приближаться к его ограде. В гетто нечего было есть. Поздней **осенью 1941** года наш сосед по дому зубной врач **Меламуд** связался с одним из украинцев и договорился с этим добрым человеком, что тот принесёт ему к забору картошку, муку, другие продукты в обмен на вещи. Их поймали украинские полицаи, когда через колючую проволоку забора они передавали друг другу принесённое, и всё отобрали. А для устрашения всех остальных жителей Жмеринки и обитателей гетто украинца распяли на столбе со стороны города, а еврея распяли со стороны гетто, – живыми их прибили гвоздями полицаи-украинцы. Я и другие дети видели их висящими. Несчастные висели почти месяц, их не разрешали снимать, а потом их сняли и похоронили.

По особым пропускам жандармерии люди могли выйти на некоторое время из гетто. Пропуск выдавался румынами за несколько немецких марок. Помню, мама с таким пропуском ходила на базар менять вещи на продукты. Базарные дни были в воскресенье и в четверг.

Каждое утро папу вместе с другими мужчинами уводили на работу у немцев или румын и вечером приводили. Был случай, что папа в спешке забыл надеть повязку с «магендавидом» на руку и пришёл на построение перед работой без неё. Немец-надсмотрщик заметил это и ударил папу прикладом оружия в глаз. Отец после этого болел целый месяц. Папу брали работать на железную дорогу. Однажды он пришёл и сказал: «Я чудом остался жив». Папа рассказал, что немцу-конвоиру захотелось в него выстрелить. Немец поднял оружие, стал целиться, а папа, в надежде спастись, упал на откос дороги, и в этот момент прозвучал выстрел. Так немец развлекался. Мужчин во время работы не кормили. Рано утром папа завтракал, а вечером приходил голодный и обедал. Маму на работу не брали из-за маленьких детей.

Зимой топили печь. Папа ходил по гетто и собирал для растопки то, что может гореть. Было холодно и голодно. Из продуктов были мороженая картошка, какая-то крупа, из них мама варила похлёбку, суп. Самой желанной едой был свежий хлеб, и иногда мама пекла хлеб и его верх посыпала маком. Вкус этой корочки я помню до сих пор.

Но сказано в нашей святой книге: «Не хлебом единым жив человек». В **1942** году в Жмеринском гетто организовали школу. Все учителя и ученики были узниками гетто. Я очень хотела учиться, а мама мне говорила: «Давай выживем, и тогда будешь учиться». Я пошла в школу и сама записалась в первый класс. Учёба шла хорошо, мне всё в школе нравилось. Я учила русский, немецкий, украинский, румынский языки и арифметику. Школа находилась у забора гетто, в крайнем доме на границе с остальной территорией Жмеринки. Однажды мы, как обычно, сидели на уроке, а трое пьяных немцев из города подлезли под колючую проволоку и оказались в гетто. Подошли к нашим окнам и начали шутки ради стрелять в класс. Наша учительница **Роза Абрамовна** не растерялась, стала в простенок между двумя окнами, где висела классная доска, и скомандовала нам, детям, лечь на пол. Конечно, мы очень испугались. Дети плакали, кричали. Один мальчик дополз до дверей, выбрался из класса и побежал к директору школы. Из соседних классов срочно вывели детей в коридор. Директор позвонил в румынскую комендатуру, оттуда прислали патрульных на мотоциклах и забрали этих немцев. Так как немцы были пьяны, то их выстрелы никого даже не ранили. По гетто пошёл слух, что в школе погром. Моя мама прибежала в школу сама не своя, почти лишённая ума. Она обняла меня и всю дорогу домой приговаривала: «Если будем умирать, то умрём вместе», – и больше меня в школу не пустила. Школа продолжала работать, многие мои знакомые учились в ней.

В Жмеринском гетто в **1942-43** годах в помещении клуба работал драматический театр с еврейскими артистами, депортированными из Румынии. Мама посещала театр, я была один раз. При мне давали пьесу на идише «Спящая красавица».

На лучших местах сидели немцы, за ними – румыны, а евреи смотрели спектакль стоя. Нам нельзя было сидеть.

Тяжелейшим ударом для папы и всех нас стали дошедшие страшные известия о гибели его родных в **с. Браилове**. Зимой и весной 1942 года немцы провели несколько акций, полностью уничтожив евреев Браилова. В **феврале 1942** года были расстреляны папина мама, моя бабушка **Ита Яковлевна Лифшиц** (1875), папин брат **Айзик Лифшиц** (1896) с женой **Дворой Исааковной** (1898) и сыном **Мордехаем** (17 лет). В **апреле 1942** года были расстреляны папина сестра **Майя** (1897), её муж **Шлёма Ровнер** (1894) и две их дочери: **Дора** (17,5 лет) и **Песя** (16 лет). Немцы убивали евреев в Браилове с необычайной жестокостью. Сначала расстреляли всех пожилых женщин. В другой раз забрали на расстрел матерей с детьми. У нашей браиловской родственницы (не помню уже её имя) был маленький сын **Мишулэм**. Фашисты привязали её мальчика за ножки к двум нагнутым для этого молодым деревьям и отпустили их верхушки. На глазах у матери он был разорван на части. Женщина тут же сошла с ума. Мужчин расстреляли последними, потому что они рыли могилы для всех. В Браилове было убито несколько тысяч евреев. Конечно, мы в Жмеринском гетто думали, что нас ждёт такая же участь.

Спасение перед освобождением.

В феврале **1944** года начала наступать Красная армия, румыны бежали из Жмеринки, и Жмеринское гетто три недели было под игом немцев. Нацисты каждое утро забирали всех мужчин на работу, гнали их в лесопарк «Роща Белинского» и там заставляли рыть ямы-могилы для нас, чтобы устроить погромы. Папа приходил с работы вечером и рассказывал маме, что уже готова первая яма, вырыли вторую, начали третью. Мама не стала ждать, когда нас убьют. Днём, когда всех увели на работу, она взяла меня за руку и сказала: «Ты ребенок, немцы не обратят на тебя внимания, я выведу тебя из гетто, и ты пойди попросись к нашим соседям, где мы жили до войны». Мама подвела меня к ограде, приподняла колючую проволоку, и я убежала. Соседи наши – это польская семья: дедушка **Петро Хомик**, лет 75-ти, его дочь **Вера Петровна Зюбровская** и её дочери **Галя и Ната**. Они жили в доме № 37, а мы в доме 39 на улице Октябрьской революции. Наш дом был когда-то кузницей дедушки Хомика, которую он продал нам, и папа сделал из неё жилище. В **марте 1944** года идти было холодно, падал мокрый снег. Я пришла к соседям и говорю: «Меня послала мама спросить, можно ли прийти к вам. Мы слышали, что завтра у нас в гетто будет погром. Мы в сарае вашем посидим». Дедушка Петя обнял меня, поцеловал и сказал: «Конечно, обязательно приходите. Передай родителям – что будет с вами, то будет и с нами». Мы пришли, когда стемнело, жили у них неделю, прятались. По ночам я спала в кровати с девочками Галей и Натой, а мама, папа и брат – на полу в той же комнате. В доме жила ещё дедушкина сестра с мужем – дядей Толиком, и внизу жила другая дочь с мужем и детьми. Если бы нас обнаружили немцы, то нашу семью, 4 человека, и их 11 человек тут же повесили бы – такой был приказ: запрещено прятать евреев под страхом смерти. Через неделю они проверили, что происходит в гетто, и сообщили нам, что уже тихо. Мы сказали дедушке и тёте Вере большое спасибо и тихонько вернулись в гетто. Немцам уже было не до нас, приближались советские войска.

20 марта 1944 года Красная армия освободила Жмеринку, наша семья вернулась домой, и мы продолжали соседскую дружбу с дедушкой Петей (ум. в 1948 г.) и его родными. Моя им горячая благодарность!

Сейчас Петро Хомик и Вера Петровна Зюбровская – **Праведники народов мира**. Я подала просьбу о присвоении им этого звания в Институт Катастрофы «Яд Вашем», в отдел Праведников. В Иерусалиме их имена написаны на стене Почёта праведников № 29 в музее «Яд Вашем», а **Галина** и **Наталья** получили в Киеве в **1999** году памятные медали и грамоты, что их дедушка и мама – Праведники народов мира.

Стена Почета Праведников народов мира № 29 с именами спасителей семьи Лифшиц.

После освобождения мама тут же начала искать своих родителей, живших в **Калиновке**. Она узнала, что дедушку **Моисея Резника** и бабушку **Рахиль** немцы погнали зимой, в **декабре 1941** года, босиком за Калиновку и там со всеми калиновскими евреями расстреляли у готовой ямы.

Послевоенная жизнь.

В освобождённой Жмеринке я пошла переростком в школу № 2, окончила 7 классов **в 1951** году и уехала учиться в гор. **Житомир**. В **1953** году папу арестовали за переписку с сестрой **Броней Лифшиц** (в замужестве Ноткиной), уехавшей с мужем-польским евреем в начале 20-х годов в Палестину и жившей в Израиле. Отца приговорили к 25 годам тюрьмы. Через два с половиной года, после смерти Сталина, мама добилась пересмотра его дела, и папу освободили.

Семья Лифшиц: (справа налево) мама Гитля, дочь Туба, папа Эли, сын Яков. 1948 г. Гор. Жмеринка

Вышла замуж за **Мойшу Май** (умер в 2010 г.). В **1955** году окончила Житомирский строительный техникум и работала техником-строителем в Орловском райисполкоме в отделе сельского строительства. Затем по комсомольской путевке уехала в Сибирь, в город Иркутск, где работала инженером-конструктором «Промстройпроекта». В **1959** году вернулась в **Житомир** и работала в областных проектных организациях техником, старшим техником, старшим инженером. В **1960** году родилась дочь **Софья**. Она окончила с отличием школу, окончила Ленинградский институт железнодорожного

транспорта, а также Ленинградский экономический институт и работала по специальности. Сегодня живёт и работает в Петербурге. Сын **Марк** окончил автодорожный техникум, работал в Ленинграде на Кировском заводе мастером цеха.

В **1977** году мама с папой переехали в Житомир. Мама умерла в **1980** году, а папа – через год.

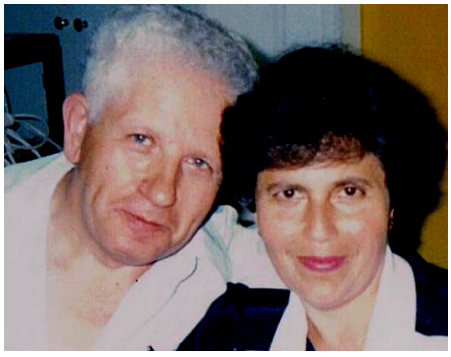
В **1988** году я переехала жить в гор. **Колпино** Ленинградской области и до 1990 года работала на Ижорском заводе в отделе технического контроля. Брат **Яков** окончил вуз в Новосибирске и работал в Житомире инженером по металлу. С 1990 года живёт в Америке.

В Израиле.

7 апреля 1996 года я репатриировалась в государство Израиль. Живу в пос. **Кирьят-Экрон** рядом с гор. Реховотом с моим братом Бурштейном Семёном, бывшим узником Жмеринского гетто. Сын **Марк** с 2000 года живёт в гор. Рамле и работает на высотном башенном кране. У меня одна внучка и одна правнучка.

37.

Байдер Раиса и Наум
*(уроч. **Затишье,***
*с. **Станиславчик** Жмеринск. р-на)*

КАК НАШЕЙ СЕМЬЕ УДАЛОСЬ УЦЕЛЕТЬ

Моё младенчество и раннее детство пришлись на самые страшные и трагические годы для еврейского народа и, конечно, моей семьи: период с 1941 по 1945 годы. Поэтому я искала у родных и близких ответа на вопрос, каким образом я выжила в фашистском лагере. Ведь оккупантами для евреев были намеренно созданы нечеловеческие условия, в которых погибали взрослые крепкие люди. Порой неохотные, иногда более подробные воспоминания бабушки и мамы восполнили естественный в моей памяти пробел, и я узнала о муках евреев, вместе с которыми, только родившись, была обречена на смерть. Я прожила рядом с бабушкой Лыбой лет тридцать, и её ежевечерние рассказы о прошлом семьи, о лагере, о гетто я хорошо помню и сейчас. Рассказывая, она немного освобождала душу от того горя, которое ей принесла война.

Довоенная жизнь.

Мамины родные издавна проживали в райцентре – посёлке **Станиславчик** Жмеринского р-на Винницкой области. Дедушка **Эфраим** (Фройкэ) **Балкарей**

(1899), хороший портной, умер от белокровия в **1929** году. Мамина мама, бабушка **Лыба** (1895), прекрасная портниха, осталась вдовой в 34 года с четырьмя детьми на руках: сыном **Наумом** (1921), дочерьми **Туней** (1920), **Маней** (1924) и сыном **Лёвой** (1927) в своём глинобитном доме из двух комнат и кухни, с деревянными полами, железной крышей. Бабушка сумела дать образование всем детям.

Моя мама **Туня Эфраимовна** (Ефремовна) работала бухгалтером. До войны мой отец **Юзеф Анатольевич Левич** (1909), сирота из Одессы, служил заместителем председателя Станиславчикского райисполкома, был убеждённым коммунистом, выпускником рабфака. В 1928-30 гг. он был послан компартией с Красного флота, где отслужил пять лет, в пос. Станиславчик в числе 25-тысячников для подъёма сельского хозяйства. Папин брат **Яков** Левич жил в Москве и работал в литейном цеху инженером, другой его брат **Марк** Левич работал в Киевском обкоме партии.

Папа женился на моей маме в **1940** году, и жили они в Станиславчике в служебной квартире отца. Я, **Раиса Юзефовна Левич** (в замужестве Байдер), их единственный ребёнок, родилась **18 июня 1941** года, за 4 дня до начала войны гитлеровской Германии с Советским Союзом. Мамина сестра **Маня** окончила десять классов, готовилась получить на выпускном вечере аттестат зрелости, но началась война.

Начало войны и оккупация.

22 июня 1941 года гитлеровцы бомбили гор. **Жмеринку**, где мама Туня со мной находилась в роддоме, и она с младенцем вынуждена была вернуться в **Станиславчик**, но мужа уже не застала. Другие руководители райисполкома сначала эвакуировали свои семьи, а затем ушли на фронт. Отец **Юзеф**, морской офицер запаса, получив повестку, сразу же явился в военкомат и был отправлен на войну первым эшелоном. Был мобилизован на фронт и мамин брат **Наум**, его с другими призывниками увезли на лошадях к воинскому составу.

Мы эвакуировались из Станиславчика сами: 46-летняя бабушка **Лыба**, 20-летняя мама **Туня** со мной, 17-летняя тётя **Маня** и 14-летний дядя **Лёва**. Примерно **25 июня** нам, семье начальника, выделили подводу и конюха с ружьём. Он повёз нас на восток. Через некоторое время вражеские самолеты, пролетавшие бомбить Жмеринский вокзал, начали по нам стрелять. Конюх велел ложиться, мы спрятались во ржи, так как находились в поле. И тут… он погнал коней, и мы остались ни с чем, только у мамы была сумочка с документами и я, двухнедельная, на её руках, а все наши вещи ускакали. Дальше пришлось идти пешком.

Было лето, очень жарко, еле дошли до **Тыврова**. Там нас приютила еврейская семья. Спасибо им, но они сами голодали. Тывррово и окрестности бомбила немецкая авиация. **Лёва** убегал на места бомбёжки и приносил то кепку сахара-песка, то куски сыра, оставшиеся от взорванных местных заводов. Этим жили некоторое время, и настал голод. Бабушка решила, что мы здесь пропадём, пора возвращаться домой. Дорога длинная, около 50 км, стрельба, шли ночами, прятались от немцев, от всех, чудом доползли до **Станиславчика**. Село уже было оккупировано немцами и румынами, которых часть украинцев встретила хлебом-солью. Работали церкви, возобновились венчания, крещение детей. Подошли к бабушкиному

дому, а его разграбили. Бабушку **Лыбу** (Любу) уважали, соседи какую-то мебель принесли обратно. В неглубоком погребе нашли запас картошки, и на нём держались осень и первую военную **зиму 1941-42** гг.

В лагере Затишье и в гетто.

В **марте 1942** года румынские оккупанты собрали всех евреев в Станиславчикское гетто, огороженное колючей проволокой место в западной части местечка. Бабушкин дом оказался внутри гетто. Спрятаться было негде. Отсюда вместе с другими евреями нас погнали в лагерь **Затишье**, устроенный румынскими фашистами вблизи села **Носковцы**, километрах в 25-30 от Станиславчика. Лагерь был расположен за селом, почти в лесу. Загнали людей в коровники с вырванными окнами и дверями. Мама рассказывала, что очень многие узники, в том числе евреи, пригнанные из Румынии, умерли от голода, холода, инфекционных болезней. Вся наша семья переболела брюшным тифом, дифтерией, кожными заболеваниями. Лечились сами народными средствами. Знатоками лечебных трав были знакомые украинки. По-разному они умели приблизиться к лагерю и передать в обмен на вещи нужную траву: у нас варили травы, пили травы, мылись в травах, и это помогало. Я была самым маленьким ребёнком в лагере. На моём теле образовались ужасные нарывы, и я всё время плакала. И в послевоенные годы в Станиславчике, где я оканчивала десятилетнюю школу, евреи, оставшиеся в живых в Затишье, говорили обо мне: «Это та вредная Рая, которая не давала нам спать». А спать им очень хотелось, потому что с утра их уводили на тяжёлые физические работы.

На принудительный труд маму из-за меня и бабушку по возрасту не брали, но особенно тяжело приходилось Мане и Лёве. Их гоняли к немцам в Жмеринку копать окопы, расчищать пути от снега, корчевать деревья. Немцы стояли с нагайками и подгоняли работавших узников. На время работ их даже оставляли жить в Жмеринском гетто. Тогда мальчишка, дядя **Лёва** по приказу румын сторожил ночами лошадей. Однажды в полночь он уснул, румыны избили его до полусмерти нагайками. После этого он долго болел.

Когда нас вернули в **Станиславчикское гетто**, мы в холоде, всегда голодные, под страхом смерти, жили там. Массовых расстрелов евреев в нашем местечке и лагере Затишье не было, но многие узники, особенно румынские евреи, умерли от нечеловеческих условий.

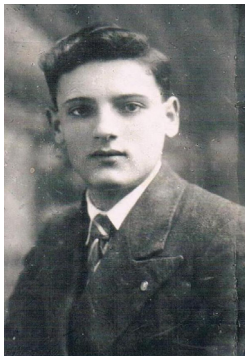
Я потихоньку подрастала. С первых дней в лагере, в гетто от родных слышала и понимала только идиш, и однажды вокруг меня зазвучал украинский язык, которым, оказывается, владели все взрослые в семье. Нам спасли жизнь украинские знакомые моей бабушки, жившие в селе, в стороне от гетто. Это были простые люди, давние бабушкины заказчики, она обшивала всю их семью. Фамилию этой семьи я, к сожалению, уже не помню. Они приняли нас к себе на всю **зиму 1943-44** гг., когда положение в гетто было особенно напряжённым и с топливом, и с питанием, и с болезнями. Главным в семье был дед, ему помогали жена и две дочери: **Аня**, лет 23-х, и **Штефания**, немного младше. Как они рисковали жизнью, эти благородные люди! Они скрывали пятерых беглых евреев, несмотря на слежку, на постоянные угрозы расстрела, повешения за укрывание евреев. Спали мы на рус-

ской печи в самой глубине, а днём нас прятали в потайных местах в самом доме. Все эти месяцы они кормили нас, хотя сами перебивались с трудом. Помню, у них была пасека, и мы ели мёд, спрятанный ими от оккупантов и полицаев.

Освободили нас из гетто советские войска **18 марта 1944** года.

После освобождения и послевоенная жизнь.

Почта принесла тяжелейшие известия о павших на войне наших родных. Брат отца, дядя **Марк Левич**, погиб на фронте. Мамин брат, мой дядя **Наум Балкарей** (1921-15.07.1943), старший лейтенант, командир миномётной батареи, погиб в бою у с. Голубовка Курской области России.

Дядя Наум Балкарей – мамин брат, погибший на фронте. Довоенный снимок. Станиславчик.

Мой отец **Юзеф Левич** воевал два года, служил офицером морского флота по политчасти. В одном из боёв погиб командир, папе пришлось его заменить, но приказа, что дальше делать, он не знал. В итоге поставленную задачу они не выполнили. За это, конечно, ответил папа – его приговорили к смертной казни. Потом заменили 25 годами лагерей. Папа отсидел, а точнее, тяжко работал в лагерях, 11 лет.

Я, формально дочь «врага народа», училась в школе, и относились люди ко мне хорошо. Отзывы их о папе были только положительными. Я с первого класса писала ему письма и слала свои фотокарточки, были у нас и довоенные снимки папы. После амнистии 1953 года отец возвратился домой. Был тёплый летний вечер. Я шла домой после прогулки с подружками. Вдруг вижу – идёт высокий мужчина в бушлате, не местный, я испугалась и хотела убежать. Он приблизился ко мне и спросил, где живет тётушка Балкарей – а это фамилия моей

Большое семейство Раисы Левич. Стоят (слева направо): отец Раисы Юзеф Левич, Раиса, мать Раисы Туня Левич, Вениамин Виниковецкий – муж маминой сестры Мани, Маня с сыном Вадиком, мамин брат Лёва Балкарей; сидят: Евгения с сыном Эдиком – жена маминого брата Лёвы (1-я справа), Лыба Балкарей – бабушка Раисы (3-я слева). Остальные – внуки бабушки Лыбы и родственники. 1954 г. Станиславчик

бабушки. Тогда уж я посмотрела, крикнула: «Папа!» и бросилась ему на шею. И мы вдвоём вошли в дом. Впервые я увидела отца в возрасте 13 лет в **1954** году. Мои подруги Бетя, Клава, Ася очень завидовали мне – их отцы погибли на войне, и они уже их никогда не увидят.

Пока позволяло здоровье, мама продолжала работать главным бухгалтером в райотделе здравоохранения. **Аня** и **Штефания**, женщины примерно маминого возраста, наши спасительницы, долгие годы и после смерти их родителей оставались лучшими мамиными подругами, с которыми я общалась. Вечная благодарность нашим четверым спасителям!

В **1956** году бабушка, дядя Лёва, я и родители переехали жить в г. **Жмеринку**. Папа заведовал обувной мастерской в городском Доме быта, мама болела. Я училась в библиотечно-педагогическом техникуме, получила профессию преподаватель-библиотекарь и работала по специальности четыре года в **Куйбышеве**, а затем много лет в **Жмеринке**.

В Жмеринке я вышла замуж за **Наума Григорьевича Байдера**. Он родился **2 мая 1942** года в гетто с. **Джурин** Винницкой области. Его отец **Григорий Моисеевич** (1907), портной высокого класса, продолжал в гетто неустанно шить, чтобы кормить семью из 5 человек, мать **Малка Мотусовна** (1911) опекала в тяжелейших условиях гетто троих детей: **Арона** (1932), **Аню** (1934) и **Наума**. Младший брат Наума **Миша** родился в **1949** году. После окончания автодорожного института Наум работал инженером-строителем дорог и мостов. Наш сын **Олег** (1966) окончил Куйбышевский авиационный институт, работал в конструкторском бюро.

Тётя **Маня** окончила математический факультет Винницкого пединститута, вышла замуж за военного-фронтовика, полковника **Вениамина Виниковецкого**, родом из села **Браилова**, где фашисты убили его семью, и работала учителем в школах Ленинграда и Куйбышева. Дядя **Лёва** после окончания техникума работал на железнодорожной станции начальником участка, жил с семьёй на станции Браилов, умер в Израиле в **2011** году.

Бабушка **Лыба** умерла в **1971** году на 76-м году жизни. Моя мама **Туня** умерла в **1975** году, прожив 55 лет. События войны, лагерь и гетто, переживания за папу развили в ней болезнь сердца. Последние 20 лет жизни мама тяжело болела, не выходила из дому. Отец **Юзеф** умер в **1983** году.

В Израиле.

С **1995** года живу в Израиле, в гор. **Реховоте**, с мужем и сыном Олегом. **Олег** работает в области высоких технологий. У нас любимый внук. Восемнадцать лет снимаем в аренду квартиру, платим и живём. Немного поработала по уходу за пожилыми людьми и заболела: ревматизм, высокое давление, хожу с палочкой. Наум приехал уже нездоровым человеком. Нас обоих добивает детство, проведённое в фашистских лагере и гетто.

До сих пор поддерживаю дружбу с пятью подружками-одноклассницами из Станиславчикской средней школы: две из нас родились в 40-м году, две – в 41-м, две – в 42-м, и с семьями мы находились в гетто. Клава Фердман, Ася Сойфер, Бетя Эпштейн, Клара Выпик и я живём в Израиле, Фира Ткач – в Германии.

38.

Василевская Люба
*(г. **Ильинцы** Ильинецк. р-на)*

В ГЕТТО, В ПАРТИЗАНАХ, НА ФРОНТЕ

До войны.

Наша семья жила в еврейском местечке **Ильинцы** Ильинецкого р-на Винницкой области. К местечку прилегали украинские сёла. У папы **Герша Мазея** (1887) и мамы **Добы Вольковны** (девичья фамилия Шейнберг) (1900) было трое детей: мой старший брат **Арон (**1918), сестра **Дора** (1921) и я, **Либа** (9 февраля 1924), младшая в семье. Имя Люба я получила перед немецкой оккупацией.

Мама вела домашнее хозяйство, отец работал кузнецом. У него была своя кузня, в которой папа подковывал лошадей, правил колёса. С ним работал помощником его племянник. Мы жили в дедушкином доме у папиных родителей: дедушку звали **Зися**, бабушку – **Хова**. Дедушкин дом не был роскошным, всемером жили в четырёх комнатках, имелись верандочка, маленький огородик возле дома. Через полгода после моего рождения умер от брюшного тифа отец. Помню его лицо по довоенной фотографии, которая потерялась в годы оккупации.

С течением лет мама с тремя детьми на руках стала жить отдельно. Ей было с нами по-настоящему не легко. Мамин зажиточный сводный брат **Ирман**, владевший круподёркой, советовал маме двух детей сдать в детдом, а меня, самую маленькую, оставить у себя. Мама не согласилась и сказала: «Как бы мне ни было тяжело, я детей никому не отдам». Ирман помогал нам немного, мама работала на дому – делала постóлы (крестьянская обувь) на продажу. Кроме этого, присматривала за чужими детьми, мыла полы у людей, чтобы иметь возможность нас воспитывать.

Когда я подросла, окончила Ильинецкую еврейскую школу-семилетку. Учились на языке идиш, но и изучали украинский язык. Детей из бедных семей, и меня в том числе, в школе кормили бутербродами, обедом. Брат обучился парикмахерскому делу и работал парикмахером в государственной парикмахерской, сестра – на швейной фабрике.

Начало войны и оккупация.

Арон был призван в Красную армию в июне 1940 года. Когда началась война, брата **Арона** отправили на Западно-Украинский фронт. Успели получить от него несколько писем до оккупации нашего местечка.

В **июне 1941** года все наши соседи эвакуировались, а мы с мамой и сестрой остались в местечке. Мама тогда заболела воспалением лёгких, и у нас просто не

было возможностей: мужской силы, лошадей, повозки. Дядя Ирман тоже не эвакуировался, хотя легко мог это сделать. Наверно, не хотел бросать хозяйство.

Вскоре в **Ильинцы** вошли немцы, мадьяры. Тут же к ним присоединились местные полицаи. Эти пособники ходили с немцами, показывали, где евреи живут. Мне было тогда 17 лет, я хорошо понимала, что происходит, и помню всё, как сегодня. Я была не похожа на еврейку, и некоторое время меня всюду пропускали.

После захвата Ильинцов осенью немцы собрали 42 еврея и расстреляли их. И в это число попали мамин брат **Ирман Хмельницкий** (1895), его жена **Генендя** (1897) и их замужняя дочь **Бася** (1914). Басина дочь **Зина** выжила. Её спрятали у себя и спасли местные русские жители. Когда оставшиеся евреи поняли, что им грозит, они стали разбегаться, кто куда мог, и прятаться. Полицаи всюду искали беглецов, находили и гнали обратно в Ильинцы.

Мы с сестрой ночью незаметно удрали на селекционную станцию. Мама осталась в Ильинцах в доме соседки **Раи Хлестуновой** под видом няньки для её детей. Рая была еврейкой, муж – русским, воевал в Красной армии, жена осталась с тремя детьми на оккупированной территории. Рая очень любила мою маму и предложила ей перейти жить в её семью. Когда полицаи ходили искать евреев по домам, то Рая говорила, что она и муж – русские, и русская работница помогает ей по хозяйству.

На селекционной станции мы с сестрой работали с зерном на поле. Из Ильинцов были не мы одни. Многие евреи пришли сюда в поисках спасения, и станция превратилась в своеобразное гетто. Каждый день на станции нам объявляли, что сегодня должны приехать и забрать евреев. Люди бежали со станции прятаться где-то в полях. У некоторых были знакомые украинцы в селе, и эти крестьяне их жалели и прятали у себя. Мы с сестрой не раз прятались после объявлений у очень добрых людей. К сожалению, не могу вспомнить через 70 лет их имён. У нас был хороший управляющий станцией – украинец **Яков Захария**. Станция готовила зерно на хлеб для немецкой армии. На ней работали также советские военнопленные, которых охраняли немцы. Помню пленных осетин на полях, они же занимались и лошадьми.

Были и другие работы, всё делали руками: летом на огородах общипывали листья, весной сажали картофель, сеяли сою, огурцы. Зимой лопатили зерно в амбарах, чтобы не портилось. За это кормили в столовой. С большим страхом заходили мы в неё, чтобы не оказаться в ловушке. Часто и полицаи, и немцы делали облавы на станции. При станции была пристройка, в которой мы спали на нарах, что-то вроде «общежития». На месте, где мог поместиться один человек, лежали двое, а то и трое. Мы по очереди постоянно дежурили, чтобы внезапно немцы не ворвались и не забрали нас. Такая была наша жизнь, сейчас даже трудно поверить.

Случилось, что **зимой 1943** года, когда мама была уже с нами на селекционной станции, мы с сестрой заболели брюшным тифом. Маму тиф, слава Богу, не тронул. Управляющий Захария сказал нам по секрету, что получен приказ «убрать» со станции всех евреев. Конечно, он не мог сказать это всем сразу, боялся. Кто был на ногах, те разбежались, а мы с сестрой лежали с высокой температурой. Вокруг нас было ещё много больных. В двух километрах от станции находилось село **Бо-**

люховка, где жила мамина хорошая знакомая – женщина-украинка лет пятидесяти **Антонина Грабовская**. Мама натянула на нас с сестрой какие-то тряпки, укутала, чем могла, и мы втроём пошли по снегу в полметра высотой: мама вела, тащила нас под руки. Видно, Бог помог нам прийти благополучно к Антонине. Увидели свет в окне, дым над трубой. Мама боялась постучать, не знала, пустит ли она нас. Мама, видя наше с сестрой состояние, уложила нас на солому, лежавшую во дворе. Вышла бабушка (женщина мне показалась пожилой), увидела нас, лежащих зимой на морозе, и запричитала: «Доба, почему вы сразу не постучали?» Она впустила нас в домик, внутри пахло свежеиспечённым хлебом. Антонина поставила на стол картошку, а мы с сестрой не можем есть. Она спросила, почему девочки не едят. Мама не хотела признаться, что мы больны тифом, и ответила, что мы не можем кушать от испуга. Крестьянка решила спрятать нас на чердаке. Нашла тёплый кожух, постелила под крышей на сене. Нам удалось забраться наверх и лечь. С Божьей помощью без всяких лекарств мы стали чувствовать себя лучше. Переночевали, утром хозяйка принесла нам молока, и мы уже смогли поесть. Мама попросила её пойти узнать на селекционную станцию, забрали ли оттуда всех евреев. Вернувшись, женщина рассказала, что видела окружённую полицаями и немцами селекционную станцию. Видела 10-12 подвод, на которые уложили всех евреев: здоровых и больных и увезли. Мама спрашивала: «Что же нам теперь делать? Куда деваться?» На следующий день мы с сестрой уже встали на ноги, нам было лучше. Поблагодарили Антонину, собрались и отправились на селекционную станцию. К ней опять стекались выжившие в первой облаве евреи.

В партизанах.

Среди нас на станции был человек по имени **Давид Мудрик** из нашего местечка, который убеждал, что надо уходить в лес. Мне шёл тогда восемнадцатый год. Нас собралось 18 еврейских юношей и девушек, вооружились палками и отправились в Шабелянский лес в Ильинецком районе искать партизан. Мама с сестрой не могли идти с нами и остались в Болюховке у доброй и смелой Антонины.

Старшим в нашей группе был **Давид**. Потом он стал командиром еврейского партизанского отряда. Он шёл в лес с женой, сестрой, тёщей. Они работали до ухода в лес с нами на селекционной станции. Пришли в **Шабелянский лес** и расположились небольшим лагерем. В соседних лесах были стоянки украинских партизан. Партизаны наткнулись на нас, стали расспрашивать, откуда мы, что собираемся делать, где наше оружие. Мы попросили одолжить нам оружие, чтобы начать воевать с немцами. Они ответили, что мы, безоружные, должны отойти от расположения их отряда на три километра, чтобы они не пострадали из-за нас. Обещали принять нас к себе, когда добудем оружие и у нас будет пропитание. Они рассказали, что сами по сёлам доставали оружие, были и убитые при этом. Это был самостоятельный партизанский отряд.

Я вспомнила, что, когда я лежала в Болюховке больная, Антонина-хозяйка дома сказала: «У нас по соседству живет полицай, он уже столько евреев поубивал! У него много-много оружия». Мне пришла в голову мысль отобрать оружие у него. Когда в очередной раз к нам пришли люди из украинского отряда, в который нас не приняли,

я предложила: «Если вы дадите мне двух партизан, то мы втроём добудем оружие, я знаю место». Партизаны привели меня к себе в отряд «За Родину!», хорошо расспросили и организовали группу из четырёх партизан, которые пошли со мной.

Было **лето 1943** года, на полях допоздна убирали урожай хлеба. Потихоньку к ночи пришли в Болюховку. Полицай в своем доме лежал пьяный. Партизаны стали его допрашивать, где работает, чем занимается, есть ли оружие. Он ответил, что нигде не работает, оружия нет. Начали искать в доме, и обнаружилось много автоматов, обрезов, пистолетов. Надо было теперь доставить всё это к партизанам. Я знала, что в селе живёт главный конюх зерновой станции **Цыбульский**. Двое партизан остались с полицаем, а двоих я повела к конюху. Они потребовали подводу и лошадей, конюх безотказно снарядил и передал транспорт. Мы подъехали к полицаю, быстро загрузили оружие на подводу и уехали благополучно в ночной лес.

Когда прибыли в отряд, партизанские командиры не знали, как меня благодарить. Говорили, что смелая еврейская девочка Люба привезла телегу оружия. Меня сразу зачислили в **отряд «За Родину!»** Сталинской партизанской бригады. Стала ходить на задания, но всё время помнила, что мама с сестрой прячутся в селе. Я попросила у командира отряда разрешения забрать маму и сестру в отряд. **Виктор Рыбаченко** приказал немедленно доставить их. В Болюховку поехал партизан родом из этого села, привёз моих родных. Маму Добу определили в еврейский партизанский отряд им. Кагановича, а сестру Дору направили в отряд им. Ленина. Так получилось, что мы только встретились и оказались в трёх разных партизанских отрядах, воевали до января 1944 года. В нашем отряде «За Родину!» было человек триста. Действовала строгая военная дисциплина: подчинялись командиру взвода, командиру роты. Участвовали в операциях. Жили в землянках, которые сами вырыли, сделали в них нары. Наши партизаны-подпольщики находились в своих сёлах, добывали сведения о противнике и сообщали нам. Мы были связаны с крестьянами, жившими возле леса. Они сами приносили нам продукты. Что-то мы добывали у немцев: из их колхозов уносили свиней, кур.

Партизанские врачи и медсестры обучили меня оказывать помощь раненым: перевязывать раны, переносить и др. Одновременно обучали стрельбе. У меня был свой карабин. После обучения я постоянно ходила с партизанами на задания с оружием и санитарной сумкой. Надо было во время военной операции и стрелять, и оказывать медицинскую помощь раненым бойцам. Приходилось тащить на себе бойцов, раненных в бою. Я была молодой, сильной, справлялась успешно.

Освобождение.

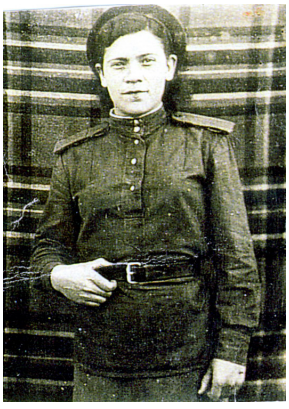
Партизанские отряды, в составе которых воевали моя мама с сестрёнкой, незадолго до освобождения Ильинцов получили приказ: всем бойцам разойтись по своим домам. Мама с Дорой были уже в нашем селе, которое в панике покидали оккупанты. **23 марта 1944** года советские войска подошли к **Ильинцам**. Мой партизанский отряд «За родину!», продолжавший воевать, вышел из леса и подошёл к местечку с другой стороны. Вместе с бойцами Красной армии я в рядах партизан освобождала родные Ильинцы. Этот день стал для меня, мамы и Доры самым счастливым. Он воссоединил нашу семью.

Затем и моя Сталинская партизанская бригада получила общую команду партизанам вернуться к себе домой и начать мирную жизнь. Мы, три партизанки: мама, сестра и я, нашли свой дом в Ильинцах полностью разграбленным, частично разрушенным. Соседи принесли нам что-то из вещей, одежды, утвари. В **1944** году я начала работать инструктором Ильинецкого районного Дома культуры. Ездила по сёлам, восстанавливала клубные здания, налаживала работу в них, но чувствовала, что это занятие не по мне.

Участие в войне.

Я решила уйти добровольно в регулярную Красную армию. Исполнилось мне тогда 20 лет. Пришла в военкомат, на меня все смотрели с большим удивлением. Офицер сказал: «Еврейская девочка столько пережила. Может, вы, Люба, немного отдохнёте?» Я ответила, что дала себе слово: пока война не кончится, участвовать в ней. Меня отговаривали. Тогда я заявила: «У меня есть желание воевать: я била врага в партизанах и хочу добить его на фронте». Офицеры рассмеялись, обняли меня и мобилизовали в армию.

Служила я телефонисткой. Наше подразделение девушек выехало из Ильинцов в Винницу, оттуда в **Польшу**. Мы посетили один из концлагерей: видели множество вырванных золотых зубов, склады гражданской одежды. Из Польши нас привезли в **Германию**, в район военных действий. Не было переправы через реку Одер, постоянные бомбёжки. Прибыли в воинскую часть. Прошли недельный карантин на нарах в холодном закрытом помещении. Дело шло к **зиме 1944** года: было морозно и сыро. После карантина выдали обмундирование, оружие, после краткого обучения назначили телефонисткой на коммутаторе. Служба не сложная, но очень ответственная. Коммутатор находился на передовой в землянке. Мы работали днём и ночью столько времени подряд, сколько надо. В мои обязанности входило также наблюдение за немецкими самолётами, определение их моделей, количества, высоты и направления полёта и немедленный доклад начальству по специальному микрофону. Ко мне был прикреплён боец для охраны и переноски аппаратуры. У меня, рядовой Василевской, есть от командования боевые медали и два ордена Великой Отечественной войны.

Рядовая Любовь Григорьевна Мазей. 1945 г.

Окончание войны в **мае 1945** года я встретила в Германии, в гор. **Франкфурте**. В дивизии состоялось большое празднование Победы, а я осталась по службе у телефона. Помню, что много людей тогда отравилось алкоголем и погибло. Надо было на них писать похоронные извещения семьям уже в мирное время.

Лишь 29 апреля **1948** года пришло извещение, что мой брат, рядовой **Арон Гершкович Мазей**, пропал без вести на фронте **15 мая 1944** года.

После войны.

После войны я ездила искать своих родственников и познакомилась с еврейским парнем **Петром Романовичем Василевским**, лейтенантом-фронтовиком,

инвалидом войны. Мы поженились в **1945** году и переехали жить на родину мужа, в посёлок **Дашев** Ильинецкого р-на. Родились четверо детей: **Галя** (1946), **Рая** (1949) и близнецы **Вова** и **Алик (**14 января 1951 г.). Вова на 25 минут старше Алика. Я вела домашнее хозяйство, воспитывала детей. Пётр работал диспетчером на сахарном заводе, заведующим складом. Девочки окончили Винницкое медицинское училище и работали в Виннице, в больнице: Галя – операционной сестрой, Рая – лаборантом. Мальчики окончили в Виннице институты: Вова – политехнический, Алик – строительный. Мама-пенсионерка с Дорой продолжали жить в Ильинцах. Наша дорогая мама **Доба** умерла в **1963** году.

Мать Доба (справа) и Люба Василевская с дочкой Галей. 1949 г. Дашев.

Сестра **Дора** вышла замуж за **Макса Рейнера** (1918), выходца из Польши. Когда Гитлер захватил Польшу в сентябре 1939 года, большая семья Макса среди тысяч польских евреев бежала в Советский Союз и осела в нашем местечке Ильинцы. И, как все мы, еврейские жители местечка, они в июне 1941 г. попали в Ильинецкое гетто. В начале 1943 года во время акции на селекционной станции вместе с остальными немцы схватили и убили семью Рейнер. Я помню многие из имён этих невинных мучеников и сегодня, через 70 лет. В тот страшный день погибли родные Макса: его отец (66 лет) и мать **Цирл** (63 года); его сестра **Дорча** (43 года) с мужем **Сендером** (46 лет) и двумя дочками, одну из них звали **Рузя**; его брат-портной **Рахмиль** (29 лет) с женой **Молкой** (25 лет) и двумя маленькими детьми: дочерью и сыном **Изей**.

Из семейного альбома. Стоят: Люба Василевская (2-я слева) с сыновьями Вовой и Аликом, сестра Любы Дора. Сидят: дочь Галя и муж Доры Макс Рейнер. 70-е гг. Дашев.

Максу единственному из всего семейства удалось остаться в живых. Он воевал в еврейском партизанском отряде и здесь познакомился с Дорой. У Макса и Доры в браке родились два сына и дочь. **Дора** работала портнихой, жила после смерти мамы в Виннице у дочки. Болела, умерла в **1990** году через месяц после нашего отъезда в Израиль, и Макс уехал в Израиль.

<u>В Израиле.</u>

Мы с мужем, дочкой Галей и со старшей внучкой из Дашева репатриировались в Израиль в **1990** году. Позднее приехала дочь Рая с семьей. Муж **Пётр** болел, умер

в Израиле в **2006** году. Похоронен в Реховоте. Дочери с семьями жили в Реховоте, а в настоящее время – в Ашдоде. **Галя** работает на молочном заводе «Тнува» технологом, **Рая** работала до выхода на пенсию медицинским лаборантом в больнице. Сыновья живут в Америке: Вова получил второе высшее образование, медицинское – рентгенолог, Алик – бизнесмен.

Люба Василевская с мужем Петром. 90-е гг. Израиль.

У меня сегодня две внучки и пять внуков, пять правнучек и шесть правнуков. Многие из них носят фамилию Василевский.

Являюсь членом комитета Реховотского Союза ветеранов 2-ой мировой войны и членом Реховотского объединения бывших узников гетто и концлагерей. В 2013 году мне исполнилось 89 лет. Обе организации красиво поздравили меня.

Вспоминаю, то, что пройдено в войну: я не сидела в погребе, на одном месте. Надо было сопротивляться врагу, и я делала это с оружием в руках. Рядом со мной были люди, думавшие так же: украинцы, русские, евреи, поляки.

39.

Ройзман Татьяна
*(с. **Каташин** Ободовск. р-на)*

НАС ХОТЕЛИ ПРЕВРАТИТЬ В ЖИВОТНЫХ

Довоенная жизнь.

Наша небольшая семья жила в своём доме в селе **Беловцы** Хотинского уезда Черновицкой области в тогдашней Румынии. Папа **Зоненшейн Абрам** (1885) был простым тружеником-землепашцем, мама **Перля** (девичья фамилия Зоненшейн совпала с папиной), ровесница отца, вела домашнее хозяйство и воспитывала нас, детей: сестру **Дину** (1918), брата **Моисея** (1922) и меня, **Татьяну** (6 апреля 1927). В 1939 году Дина вышла замуж и жила с мужем в дер. **Бабино** Черновицкой области.

В мае **1940** года я окончила 7 классов сельской школы, а через месяц к нам вошла Красная армия, и наша область была присоединена к советской Украине.

Оккупация и Каташинское гетто.

Ровно через год фашистская Германия напала на Советский Союз и захватила нашу территорию. В **июле 1941** года к нам в деревню **Беловцы** вошли немецкие и румынские оккупанты и начали искать евреев. В поисках спасения мы: мама, папа, брат Моисей и я полем пошли в соседнее село **Хаждэу** (ныне Яровка), в котором тоже проживало очень много евреев. На второй день мы там случайно встретили мою сестру Дину, и на подводе поехали к ней, в деревню Бабино. Муж Дины **Хаим** в июне 1941 года был мобилизован на фронт, и мы встретились с Диной в с. Хаждэу, потому что она направлялась в Беловцы, надеясь спастись у нас.

Спустя два-три недели **Бабино** тоже было оккупировано румынскими войсками. Всех мужчин-евреев закрыли в синагоге. А ещё через несколько дней всех бабинских евреев собрали, выпустили мужчин из синагоги, и погнали нас в местечко **Бричаны**, а оттуда через **Единцы** в **Секуряны**. Было очень жарко идти, но нам не давали воды и еды. Спали под открытым небом в любую погоду. Потом нас перегнали через Днестр в **Ямполь** и оттуда возвратили в Молдавию, в **Косоуцкий лес**. Питались мы только найденными грибами. В Косоуцком лесу находились также группы цыган. Помню, у них мы брали огонь, чтобы сварить грибы, погреться. Там нас продержали два-три дня и погнали в местечко **Вертюжаны**. Здесь мы находились несколько недель, нас не кормили, не поили, и колонну погнали обратно в **Ямполь**. По дороге румыны над нами издевались. Тех, кто не мог идти дальше, уводили из колонны и расстреливали. Родственникам не разрешали подойти и помочь упавшим от потери сил. Много смертей видели мои глаза четырнадцатилетней девочки.

Этот смертельный марш продолжался три месяца, пока нас не привели к **Ободовке**, а оттуда в **октябре 1941** года наша колонна пришла в село **Каташин** Ободовского р-на (ныне – Чечельницкого) Винницкой обл. Здесь нас загнали в воловню, стоявшую в чистом поле. Участок вокруг неё был огорожен колючей проволокой. Вход в воловню не охранялся, но было запрещено выходить.

Из-за осенних заморозков жить в огромном сарае для скота, сбитом из досок, стало очень холодно. Спали в одежде, тесно прижавшись один к другому. Ели всё, что можно было прожевать или напоминало съедобное.

В село румыны нас не пускали, запрещали брать из колодца воду. Воду собирали из луж в поле. Даже очень грязная вода из колеи на дороге, ямок от копыт была большим и дорогим достоянием. Когда пошёл снег, собирали его. Иногда кто-то украдкой выбирался из воловни и ходил в деревню попросить кусочек хлеба или картошку. И если его замечали румынские жандармы, то очень издевались: раздевали и избивали. Помню, ночью в воловню пришли румынские жандармы, выбрали девушку **Адасю** из с. Коржеуцы, вывели наружу и изнасиловали.

Однажды мы с сестрой тоже тайком вышли из воловни, чтобы поискать съестное, и заблудились. Случайно попали в село **Жабокричка** в трёх километрах от гетто. Нас увидел староста села и привёл к себе. Вытащив пистолет, он сел на стол, стал кричать и читать нам приказ, что евреям запрещается выходить из воловни. Я заплакала и сказала, что у меня больная мама (мама действительно болела тифом), а сестра Дина объясняла, что у неё больной ребёнок (детей у неё не было). Мы в слезах просили, чтобы он

отпустил нас. Это не помогло. Староста запер нас в другой комнате, а через несколько часов отправил обратно в воловню. Но были и другие люди: я безмерно благодарна украинским женщинам и подросткам за их помощь – они спасли нас от голодной смерти.

В гетто в селе Каташин из-за большого скопления людей и скотских условий жизни началась эпидемия брюшного тифа. Многочисленные вши переходили от больных к здоровым, мыться было нечем и негде. Умирали в воловне по 18-20 человек в день и от болезней, и от холода. Мы всей семьёй тоже переболели тифом. Медицинской помощи никакой не было. Мёртвых хоронили в ямах вблизи воловни по 15-20 человек в каждой. **11 ноября 1941** г. умер от тифа мой отец **Абрам**, смерть забрала и других моих родственников. **Зимой 1942** года в Каташинском гетто умерли мамин брат **Зоненшейн Вельвл** (1909) и его сын **Зюня** пяти-шести лет. Первым умер мальчик.

В **1942** году нас переселили из воловни в деревню **Каташин**, в маленькие домики без окон. В одну комнату набивали по 15-20 человек. С этой поры нам разрешили работать. Мы ходили к местным жителям копать огороды. Я сажала кукурузу у одной крестьянки, за это она кормила меня. Женщины шили и вязали, научили и меня, я тоже вязала селянам носки, варежки и тапочки за картошку, хлеб или муку. Еду варили на печке в немецкой каске, которую нашли в поле. По дрова ходили в лес, собирали сухие ветки.

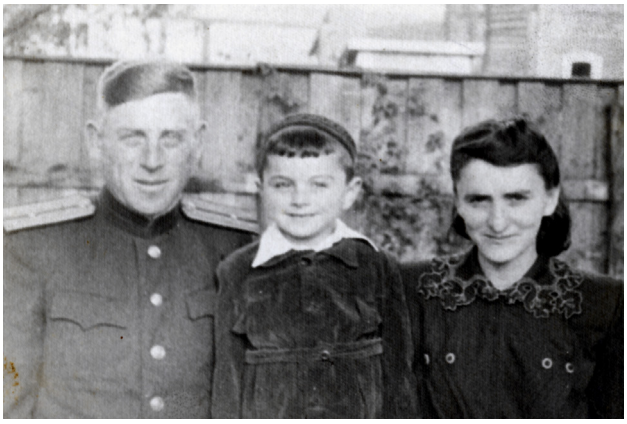
Так мы жили до **1944** года. Потом пришли отступавшие немцы. Помню, еврейские девушки попрятались от них, даже на деревьях. Немцы, видно, были армейские и сказали, что убивать нас не будут, но нам надо уйти в Ободовку, а то за ними идут эсэсовцы и всех расстреляют. Мы ночью пошли в **Ободовское гетто**. Нас пустила в свой дом еврейская женщина. Жили мы у неё в кухне, спали на печи. Я и здесь вязала носки, чтобы заработать на еду. В Ободовке я видела и немцев, и румын, тут были их комендатуры. Потом мы вернулись обратно в **Каташин**. Украинская женщина средних лет приняла нас к себе пожить и прятала на печке. Через село проходили отступающие немцы и вошли прямо к ней в дом. Расположились, стали варить курицу, отдыхать. А мы вчетвером сидим на печке, затаив дыхание. Хату они не обыскивали, и всё обошлось, но мы натерпелись страху. После этого нашли пустовавший дом и с ещё одной семьёй стали в нём жить.

Освобождение и послевоенная жизнь.

В **марте 1944** г. нас освободила Красная армия. В конце марта мы стали пробираться домой. Ехали на военных машинах и товарных поездах. Добравшись до своего дома в **Беловцах**, мы увидели только одни стены... Но это было самое лучшее и дорогое. Мы дома! Брата **Моисея** сразу мобилизовали на «трудовой фронт», он работал в угольных шахтах в Кривом Роге.

Дошла до нас и горестная весть о погибшем в Катастрофе старшем папином брате **Шлойме Зоненшейне** (прим. 1890). Он был убит румынскими фашистами в г. **Новоселица летом 1941** года, в первые дни оккупации этого города. Румыны собрали много еврейских парней, мужчин, объявили, что они коммунисты, и расстреляли. Среди них был Шлойма. Затем побросали тела на телегу, вывезли в поле и там закопали.

После войны я поступила учиться в педучилище в г. Черновцы. В **1947** году вышла замуж за офицера-фронтовика **Ройзмана Арона** Хаимовича (15 дек. 1923) и переехала жить к мужу в гор. **Новоселица** Черновицкой области Украинской ССР. Арон храбро воевал заместителем командира роты в пехоте, трижды был ранен, войну окончил в Кёнигсберге. Был награждён орденами Отечественной войны 2-й и 1-й степени, 10 боевыми медалями. Уже в мирное время Арону было присвоено звание майора. Ужасна судьба родных Арона, погибших в Катастрофе. Его бабушка со стороны матери **Розенброх Фейга** (1873) была расстреляна во время депортации по дороге между городами Единцы и Атаки (Молдавия) в **октябре 1941** года. Мать Арона **Ройзман** (дев. фам. Розенброх) **Рикел** (1901) и его сестра-ученица **Крейндел** (1925) умерли от болезней и голода в **1942** году в концлагере **Крыжановка** Хме́льницкого р-на Винницкой области.

Татьяна с сыном Фимой и мужем старшим лейтенантом Ароном Ройзманом. 1952 г. Гор. Новоселица Черновицкой области.

В **1948** году у нас родился сын **Ефим**. Мы с мужем трудились в Новоселице школьными педагогами: я в молдавской школе – учителем младших классов и проработала до пенсии 34 года, Арон в украинской – учителем труда. Наш общий педагогический стаж превысил 60 лет.

Мама **Перля** умерла в **1966** году. Сестра **Дина** дождалась мужа Хаима с войны, но он умер рано, в 43 года. Она жила и работала в магазине в Новоселице, воспитывала сына, умерла в **1985** году.

Брат **Моисей** окончил физико-математический факультет Кишинёвского пединститута и работал в школе в Новоселице, его жена преподавала французский и молдавский языки.

<u>В Израиле.</u>

7 апреля 1994 года мы с Ароном репатриировались в Израиль, в гор. **Реховот**. Сын и внуки живут в Германии. У меня два внука и правнучка. Приезжают ко мне погостить. Мой любимый муж Арон ушёл из жизни **17 января 2009** года. Мы прожили вместе 62 года.

Брату **Моисею** сейчас 90 лет, он репатриировался с семьёй в 1990 году и живёт в гор. **Ришон ле-Цион**, недалеко от меня. Сын моей старшей сестры **Дины** Боря (1947) живёт в Ашдоде. Мы поддерживаем семейные связи.

40.

Брумберг Азриэль
*(с. **Карышков** Копайгородск. р-на)*

ТЯГА ЖИТЬ И СОПРОТИВЛЯТЬСЯ СМЕРТИ ПОМОГЛА МНЕ ВЫЖИТЬ

Довоенная жизнь.

Наша семья жила до войны при румынской власти в бессарабском городе **Бричаны**, основное население которого составляли украинцы, молдаване, русские, поляки, евреи. Еврейская община Бричан насчитывала 10 тысяч человек. В городе было много синагог. Жили мы небогато большой семьёй из 8 человек: родители, четыре брата и две сестры в двухкомнатном доме покойного папиного отца.

Отец **Берл** (Дов) **Брумберг**, сын Мордехая (1893), в 19 лет был взят на военную службу солдатом в российскую армию. Служил в Одессе в Приморском полку. Воевал в Первую мировую, находился в Германии в плену. Вернулся из плена в 1918 году, когда Бессарабия отошла к Румынии. Отец работал кузнецом. В его кузне делали новые повозки с железными частями, ковали подковы, подковывали лошадей, другие работы. С отцом работал столяр, изготовлявший деревянные части повозок. В Бричанах раз в неделю проводилась ярмарка, и на ней отец с напарником продавали свои повозки. К нему приходили заказчики: часть работ отец делал у себя, а часть – дома у заказчиков из окрестных сёл. Мать **Дина Брумберг**, дочь Аврума (1897), родом из села Селище (Бессарабия), была домохозяйкой. Все годы болела, много денег уходило на лекарства, но вела большое хозяйство и воспитывала нас.

Старшая сестра Азриэля Брумберг Песя.

Моя сестра **Песя** родилась в **1920** году. Я, **Азриэль**, родился **15 марта 1922** года. Остальные члены семьи были младше нас, они росли, учились: это брат **Лувиш** (Леонид) (1926), сестра **Перл** (Поля) (31 января 1934), брат **Мойша** (Миша) (1936) и брат **Ицик** (сентябрь 1939).

Я учился в хедере, а потом в еврейской школе с еврейским и румынским языками преподавания. В **1936** году, в тринадцать лет, пошел учиться малярному ремеслу у хозяина – дяди моего двоюродного брата, и несколько лет до войны я работал у него. Как ученик в первый год я получил за работу 500 лей. На работе не кормили, надо было брать еду из дому. В свободное время участвовал в еврейском молодёжном движении, занимался спортом в обществе «Маккаби» (фото на стр. 288).

28 июня 1940 года в Бессарабию на танках и машинах вошли советские войска. Их встречали очень хорошо, как освободителей, считали своими, потому что почти все жители знали русский и украинский языки ещё со времён царской России.

С приходом советской власти хозяин, боясь, что новая власть обвинит его в эксплуатации рабочих, передал нам, четырём его работникам, склад, инструменты и стал таким же рабочим, как мы. Начали принимать заказы на работы у государства, сделали ремонт большой школы. Но началась война, так нам и не заплатили.

Начало войны, оккупация и депортация евреев.

К началу войны в **1941** году мне исполнилось 19 лет. Воскресным утром **22 июня** мы услышали, что началась война. Потом очень низко над головами начали летать немецкие самолёты, обстреливая из пулемётов мирных жителей. Началась большая паника. Отступление советских войск очень напоминало бегство. Из жителей Бричан часть успела покинуть город, но многие ушедшие вернулись, потому что их окружили немцы. В эти два дня безвластия местные жители грабили магазины, предприятия, дома, крали всё подряд. Ещё через день-два в город пришли немцы и румыны, потому что Бричаны очень близко от Румынии.

Начало оккупации запомнилось мне тем, что часть местных жителей – русских и украинцев – переметнулась на сторону немцев. Среди них были и два моих соседа: **Алёша** по прозвищу **«Четвертак»** и **Саша Блында**, по профессии портной. Они стали не полицаями, а добровольными помощниками оккупантов. Оба росли вместе с нами, прекрасно знали всех детей, юношей и девушек Бричан. Они ходили вместе с румынскими полицейскими и показывали, кто где из евреев живёт, выдали всех наших ребят. Румыны согнали всю еврейскую молодежь, юношей из еврейской футбольной команды «Маккаби», увезли их и расстреляли. После освобождения Бричан советскими войсками Алёша «Четвертак» и Саша Блында были арестованы, их судили и приговорили к тюремному заключению.

*

В середине **июля 1941** года новая власть объявила приказ: всем евреям **Бричан** собраться на большом футбольном поле стадиона. Евреев выгоняли из их домов румынские жандармы с многочисленной помощью местных жителей в гражданской одежде без знаков отличия, хорошо знавших, где живут евреи. С улицы евреев гнали на стадион. Мы сидели на футбольном поле, лежали на траве, ждали своей участи. Из дому мы почти ничего не успели взять с собой. На это, видно, и рассчитывали наши земляки-добровольные помощники оккупантов. Нас окружили румынские жандармы, построили в огромную колонну и погнали через сёла в сторону Секурян. Возле леса к колонне подъехали подводы, и румыны сказали, что те, кто не может идти, должны сесть на подводы, и их повезут. Наша мама с двухлетним Ициком на руках села на повозку и ехала некоторое время. Потом вдруг сошла с неё, сказав: «Не хочу больше ехать» – и шла с нами. А тех несчастных, сидевших на повозках, увезли в лес и расстреляли. Что-то маме подсказало: «Сойди, сойди!», и она с Ициком спаслась.

В **Секурянах** мы пробыли недели две. Вошли в пустое село. Секурянских евреев угнали ещё раньше. Нас поместили в их дома. Это были почти развалины,

даже полы были подняты, наверно, после изгнания хозяев искали их сокровища. Был сплошной разгром. В Секурянах работал базарчик с местными продавцами. На базарчике меняли вещи на продукты, без участия денег.

Меня и еще нескольких юношей румыны взяли на работу в Липканы. Шли пешком из Секурян в Липканы и видели по дорогам убитых евреев. В **Липканах** нас поселили в казармы, и мы начали ремонтировать шоссейную дорогу из Липкан до Новоселицы. Нас кормили мамалыгой. Поработали пару дней, потом случился разлив реки Прут, затопило дорогу и окрестности. Всё плавало: дома, скот. Нас вернули в Секуряны, и отсюда в августе 1941 года колонна двинулась на **Атаки**. В Атаках нас загнали в синагогу. Румыны с евреями не церемонились: били страшно, не кормили. Через несколько дней колонну погнали в направлении Могилёва. Здесь, на реке Днестр, мы видели плывущие по течению трупы.

Перешли Днестр по понтонному мосту и попали на Украину. Нашу колонну повели в Могилёв-Подольский. Кроме румын, нас конвоировали немцы с автоматами, все они были почему-то огромного роста, на них страшно было смотреть. На окраине **Могилёва-Подольского** стояли на возвышенности бывшие советские казармы, и в них нас поместили. Через несколько дней погнали дальше, в **Лучинец**. Всё это время людей не поили, не кормили, каждый ел то, что было с собой. Слабые оставались на дороге, умирали от голода, болезней. Никого не хоронили.

Пригнали в **Копайгород**. В течение суток шло распределение: румыны решали, кого куда отправить. Наша семья попала в село **Карышков**, в трёх километрах от Копайгорода. В центре села, в здании сельмага, нас разместили. В Карышкове находились евреи не только из Бричан, но и из других мест. Двое суток нас не кормили. В Карышкове особенно издевался украинский полицай по фамилии Воровский. В дождь, грязь он выгнал нас на поле, в самое болото. Нам приказали лечь, и Воровский с напарником стал нас грабить. Отобрали у каждого все ценные, хорошие вещи и ушли. Мы сами вернулись в помещение сельмага. Позже наша семья из восьми человек получила для жилья одну комнату, во второй жила женщина с сыном. Началась жизнь в гетто.

*

В **Карышковском гетто** председателем комитета общины являлся **Бейрл Постолаки**, родом из Бричан. Он получал приказы от румын, куда и сколько людей надо отправить на работу. Однажды пришёл приказ собрать 100 молодых здоровых ребят на работу в Крыжополь на лесозаготовки. Я попал в эту команду, и нас без еды сразу отправили на станцию в Копайгород. Погрузили в вагоны и через Жмеринку привезли в **Крыжополь**. Румынские конвоиры повели нас в самую глубь леса за Крыжополем, приказали заготавливать лес и ушли. А у нас никакого инструмента: ни пил, ни топоров – нет. Мы почти сразу узнали, что лес окружён. Кто-то пошёл добыть еды, и его обстреляли. Поэтому ночью мы пробрались на поле, нашли мёрзлую свёклу, картошку, капусту и грызли их. Была глубокая осень, очень холодно. Дрова есть – растопить нечем. Как пещерные люди, добыли огонь: по очереди тёрли сухие ветки, пока они не начали тлеть. Развели огонь, обо-

грелись. Все страшно завшивели. Мучило сильное чувство голода. Я был парень энергичный, боевой, не боялся ничего. На следующий день обратился к другим бедолагам: «Ребята, кто со мной пойдёт принести продукты для всех нас?» Все боялись, знали, что тех, кто уже пытался выйти из леса, застрелили. Я сказал: «Ладно, берегите здоровье, я пойду сам». По дороге меня догнал бричанский парень **Эрш** и присоединился ко мне. Мы пошли вдоль окраины леса, не выходя из него, и к вечеру дошли до опушки, вдалеке показалось селение. Поле между лесом и селом заросло высокой высохшей травой, ползком пробрались в село и вошли в первую калитку. Старушка увидела нас, полуголых, грязных. Сказала: «Откуда вы взялись? Уходите. У нас расстреливают тех, кто принимает таких». Мы пошли в следующий дом. Там тоже старушка не приняла нас. В домах были одни старухи. Надвигалась ночь. Я предложил обойти село, и, может, с другой стороны нас примут. Позвали хозяев у первой калитки на другой стороне села, вышла бабушка, погнала нас. Мы не ушли, я был упорным и сказал ей, что мы будем тут ночевать. Она спросила: «Вас никто не видел?» Старушка повела нас в дом, истопила печь, напекла блинов, накормила нас, обещала дать с собой еду с уговором, что перед рассветом мы уйдём. Отогрелись, но не спали, конечно, лежали на печке. Под утро поблагодарили и той же дорогой отправились обратно. Мы уже приблизились к месту, где оставили остальных, и тут в нас начали стрелять. Я испугался, побежал так, что всё мелькало перед глазами. Долго бежал, остановился перевести дух – Эрша нет. Много времени блуждал по лесу, пока к вечеру нашёл своих. Они обрадовались мне и особенно тому, что на мне висела торба с едой. Убегая от обстрела, я не бросил её. Поздно ночью нас нашёл Эрш.

Через какое-то время всё, что мы принесли, было съедено. Наступила настоящая зима. Оставаться в лесу стало невозможно. Мы поняли, что румыны бросили нас замерзать, сняли окружение и больше не стреляли. Я вышел в поле, увидел вдали какое-то длинное колхозное здание, вернулся и предложил всем уйти туда. Пошли, расположились в отделениях для скота на соломе, сене, уснули. Встали утром, и страшное дело – каждый был покрыт слоем вшей. Оказывается, это было место ночлега для евреев, которых гнали дальше и дальше в гетто и лагеря Транснистрии. Мы снимали с себя вшей пригоршнями. Ясно было, что находиться тут нельзя ни минуты. Все согласились с моей идеей вернуться обратно в Карышков, обходя по пути населённые пункты. Падал снег, люди валились на дорогу без сил, кто мог, шёл дальше. Прошли Жабокрич, Томашполь, Джурин, зашли в Шаргород. Нас встретили евреи, увидели, как мы выглядим, отвели в синагогу и поместили нас на ночлег на втором её этаже.

Мы вернулись в **Карышков**, это примерно в 25 километрах от Шаргорода. Интересно, что румыны ни о чём не спрашивали нас по возвращении в гетто: где мы были, что делали в течение двух недель.

В Карышкове румыны организовали колхоз, чтобы взять хозяйство в свои руки. Председателем колхоза назначили украинца Родиона, высокого крепкого мужчину. Отец пошёл в колхоз работать кузнецом. За работу получал каждый день полбуханки

хлеба, несколько картофелин. Жили мы в гетто в селе Карышков, а колхоз был за пределами села, по дороге в Копайгород. **20 февраля 1942** года в Карышковском гетто в возрасте 45 лет умерла от брюшного тифа мать **Дина**. Мы все заразились от неё, я лежал больной полтора месяца, никто не знал, что со мной делать. Но благодаря отцу все дети уцелели. Папа перенёс тиф на ногах. Он видел, что если он сляжет, то мы все пропадём. Отец больным работал в колхозе и кормил всю больную семью. Он варил суп: шесть картофелин на ведро воды, ухаживал за нами. В Карышкове много людей и семей болело тифом. Мёртвых из гетто возили полными повозками. Я выздоровел и тоже начал работать в колхозе.

*

Весной **1943** года наш староста в гетто Бейрл получил новый приказ – собрать сто молодых людей на работу, и меня опять забрали со многими другими. Привезли нас в **Копайгород**, оттуда в **Жмеринку**, здесь еврейская община собрала и передала нам еду. На железной дороге было большое движение: ехали на фронт немцы, венгры, итальянцы. Наши вагоны были среди их эшелонов. Нас привезли в Одессу. В **Одессе** стояли сутки из-за взорванной дамбы, пути были затоплены. Местные жители узнали, что везут евреев-лагерников, они приходили и бросали нам в маленькие окошки вагонов хлеб, картошку. Затем нас привезли в **Херсон** и отсюда – по узкоколейной железной дороге в вагончиках на реку **Буг**. На одном его берегу было село **Варваровка** с румынской администрацией, на другом – немцы. В Варваровку свозили рабочую силу из разных мест. Нас загнали в сарай, били, издевались над нами. Причина такого отношения была одна – мы евреи.

Но помню и другой случай отношения к нам. На одной из остановок мы ожидали, может, дадут поесть. К нам зашёл румынский жандарм, он знал, что мы из Бессарабии, владеем румынским, дал нам газету и тихо сказал: «Почитайте, как немцы получили под Сталинградом».

В Варваровке нас продержали 2-3 дня, а потом привезли в село **Трихаты** в Варваровском р-не Николаевской области, в трёх километрах от реки Буг. После Сталинградского поражения немцы строили мост длиной 300 метров над Бугом для отступления своих войск. Строительство было большое: стройматериалы привозили по железной дороге и баржами по реке, имелись склады, здания администрации, бараки рабочего лагеря. В Трихатах румыны передали нас эсэсовцам по списку, сделали пофамильную перекличку. Немцы поместили нас в один из пяти бараков, где уже жили люди, и распределили на разные работы. В конце **июля 1943** года я начал работать в этом лагере. Помню, что коменданта лагеря-немца звали **Екелюс**. В Израиле живут люди, работавшие со мной в Трихатах: Фрайфельд Бурех – из Ашкелона, Шихман Яша – из Азура, родом из Кишинёва.

Нас водили на работу и обратно под конвоем колонной 200 человек. Я попал на разгрузку вагонеток с щебнем для изготовления бетона. Ноги моста требовали много бетона. Бригадир нашей группы Файнер или Вайнер, чернявый человек в коротких штанах, командовал по-немецки, что надо делать. Он ходил с плёткой, бил нас. В полдень был перерыв на 10 минут, нам давали пить «кофе» – мутную жидкость без сахара. Мы садились на насыпь и отдыхали.

Работой вагонеток руководил здоровенный поляк из Варшавы, уголовник с татуировками на груди. Он что-то не поделил с Файнером, пошёл и донёс, что тот не «фольксдойче», а еврей. Файнера арестовали, пытали, и он назвал еще семерых евреев из лагеря, считавшихся «фольксдойче». Это были интеллигенты, знавшие иностранные языки и работавшие в разных учреждениях на строительстве. Еще в 1939 году они выехали из Польши в другие страны, устроились в разные фирмы с немецкими документами. Их всех поймали, увезли в Варваровку, в 25 километрах от Трихат, и там повесили.

Затем меня отправили на другие работы. Я был помощником сварщика, немца Карла. Он резал автогеном по шаблону тяжёлые толстые листы железа, которые приваривались к металлическим рельсам внутри ног моста, я таскал эти листы, шлифовал их машиной после сварки, чтобы места швов были гладкими. Была ещё работа – обшивал деревянные части моста и шпалы листовым железом, чтобы они не загорелись, когда из паровоза падает горящий уголь. Работал на высоте, на страшном холоде. Каждый вечер после работы нас везли обратно в бараки. Однажды перед субботой к нам пришёл варшавский еврей, работавший на продовольственном складе, и принёс хлеб, мы поговорили на идише.

Ходили мы оборванные, от работы одежда стёрлась. Узники делали одежду из бумажных мешков из-под цемента, вместо пояса – проволока, и так работали. Мы мечтали о мешках из мешковины, но их не было. Немцы на это не смотрели, нас выгоняли каждое утро на мороз и снег, жутко издевались, обливали по прихоти коменданта ночью холодной водой. 40 человек из барака остались голыми, совсем без одежды, другие были прикрыты хоть каким-то тряпьём. Немцы обещали, что привезут старую военную форму и нас оденут. Я был одним из голых, и месяц мы сидели в бараке, не выходили, ждали. Так ничего и не выдали. Из-за холода у меня на лице образовался нарыв и опухла половина лица, но я продолжал работать.

*

Пришёл канун нового, **1944**-го, года. 31 декабря нас не кормили, потому что немцы с утра начали крепко праздновать. Когда мы не работали, нас не кормили. Решил я с голоду выбраться из лагеря и пойти в село Трихаты в трёх километрах от бараков, чтобы добыть еды. У меня уже был опыт выхода из Крыжопольского леса. Попрощался с друзьями на случай, если не посчастливится вернуться. Придумал, как выйти из лагеря. Туалета как такового в лагере не было, его роль выполняла вырытая канава, на которую положили толстые доски. Канава оканчивалась у проволочного забора лагеря, я углубил её руками под проволокой и смог вылезти. Лагерь был на возвышенности, а село – в низине, я быстро добрался до села и увидел, что во дворах и по селу стоят немецкие танки и орудия. Я не знал, что в Трихатах расквартированы немцы с вооружением, но мне нечего было терять. Зашёл в первый же двор, в нём были пушки. Вошёл в украинскую хату с сенями и дверью в большую комнату. Дверь была распахнута, смотрю: стоят столы вдоль стены, за ними сидят немцы и празднуют новый год – пьянствуют. Встал на пороге комнаты и стою, потому что бежать ещё хуже. Простых солдат в комнате не было – только офицеры, как я

успел понять. Вдруг один из немцев поднялся и говорит мне по-немецки: «Камрад! (Приятель!) Давай свой мешок». У меня была с собой торба, и он набросал мне в неё хлеб и сало. Другой немец налил мне в тонкий стакан водки и сказал: «Камрад! Выпей за новый год». Я сказал: «Мне нельзя. Данке шен (большое спасибо)», повернулся и вышел. Перешёл дорогу и вошёл в другой двор. Повторилась та же история – мне надавали еды. Тут немцы были пьяны ещё сильнее, видно, всю ночь накануне праздновали и продолжали гулять.

С торбой надо было незаметно вернуться в лагерь. Когда стемнело, тем же путём подлез под проволоку, пришёл в барак. Меня уже не ждали и обрадовались. Когда еду разделили на всех, мне тоже достался кусочек. Раздумывая над этой историей с годами, я припомнил: немцы видели, что я лагерник. Я был одет в бумажный мешок, подпоясанный проволокой, на ногах, завёрнутых в бумагу, были деревянные башмаки. Может, у немцев есть обычай, что на новый год нельзя трогать человека, или они были совершенно пьяными. Возможно, этим армейским воякам дела не было до того, кто я, когда они праздновали. Как бы то ни было, Бог меня охранял.

*

Однажды нас построили во дворе парами лицом к лицу и приказали сдать деньги, часы, ценности. Видно, кто-то доложил, что у евреев есть золото. Каждому дали палку и приказали бить ею товарища, стоящего напротив. Строго наблюдали, чтобы никто не притворялся, что бьёт. Я делал вид, что ударяю своего собрата по несчастью. Ко мне подскочил немец и закричал: «Ты плохо бьёшь, вот как надо бить», – и моей палкой нанёс сильный удар моему напарнику.

Когда закончили строить мост, фронт уже был в 80 километрах от нас. Мы его слышали. В конце **марта 1944** года нас всех опять вывели во двор, поставили в два ряда, привезли немцев с автоматами, пулемётами, чтобы нас расстрелять. Перед строем прохаживался комендант, рассматривал узников, пощёлкивая плёткой по сапогу. Я стоял в заднем ряду. И почему-то мне пришла в голову мысль, а вдруг он меня пожалеет. Я поменялся местами с тем, кто стоял передо мной, и очутился в первом ряду. Комендант прошел мимо меня один раз, увидел голого человека и сказал по-немецки, чтобы я ушёл из первого ряда. Я сделал вид, что не понимаю. Он вернулся и второй раз крикнул мне убираться с его глаз. Я и во второй раз остался стоять, будто не понял. Не знаю, чем бы кончилось, но в эту минуту появились румыны.

В трёх километрах от нас находился жандармский пост румын, им, видно, сообщили о расстреле евреев, которых они отдали на строительство. Тут же в лагерь примчались их жандармы на лошадях, и казнь остановилась. Немцы и румыны долго спорили, что с нами делать. Наконец немецкий комендант сказал, что согласен отдать всех евреев, кроме сорока голых. Мол, они понадобятся для ремонта моста, когда будут повреждения. Он прошёл мимо меня в третий раз, посмотрел на моё лицо с нарывами и приказал, чтобы меня, голого и больного, румыны тоже забрали с собой, но взамен потребовал оставить ему здорового человека. После этого румыны увели нас к себе, погрузили в вагоны с часовыми и повезли.

Наш поезд ехал на **Херсон**, мы видели отступающих немцев: их пехоту, артиллерию. Они видели, что румыны везут евреев, и рвались расстрелять нас, но румыны не давали им это сделать, говорили, что везут нас на работу.

Привезли в **Одессу**. Украинцы пришли к вагонам, передали нам еду. Через сутки прибыли в **Тирасполь**. Попасть в Винницкую область румыны с нами не могли, там уже была Красная армия, и нас повезли в **Кишинёв**. Стояли на разрушенной станции, и здесь молдавские жители приносили нам поесть, а ведь нас было пять вагонов узников. Отсюда повезли в Унгены, чтобы вывезти в Румынию. По дороге узнали, что мост на Унгены взорван, и повезли нас обратно в Кишинёв. По пути попались разбитые вагоны с пшеницей, вином, другими продуктами. Мы обрадовались, затащили к себе, сколько успели. Сели сверху на мешки. Из Кишинёва нас повезли в **Унгены** через отремонтированный мост и оттуда в Яссы.

В **Яссах** поезд остановился на маленькой станции. Комитет еврейской городской общины узнал, что привезли из лагеря евреев. Приехали, посмотрели на нас, голодных, оборванных. Мы просили, чтобы нас взяли в город, иначе нас могут убить. Было уже такое, что в вагонах расстреляли 10 тысяч евреев. Комитет обратился к румынскому коменданту города, и он после раздумий дал разрешение. Каждый из нас заполнил лист: кто он, откуда, профессия и т. п. После этого нас привезли в городской район бедноты – Подул Рош, разместили в синагоге, выдали каждому парусиновый костюм, деревянные башмаки, повели в баню, накормили супом и мамалыгой. И в Яссах мы работали на румын, хотя фронт приближался. Копали окопы перед линией фронта, а над нами летали в обе стороны немецкие и советские снаряды, пули. Затем нас перевели в селение за Яссами – **Бучу**, стоявшее в окружении больших садов, ветки ломились от тяжести плодов. Мы строили бараки для раненых немцев и румын. **23 августа 1944** года до рассвета налетели советские самолёты и начали бомбить Яссы. Днём приехали румыны и увезли нас в город, в синагогу. Наконец советские войска вошли в Яссы.

Мы с **Натаном Лейзером**, моим другом из Буковины, решили сходить в Бучу, в семи километрах от Ясс, и набрать фруктов, потому что было голодно. Пришли, нарвали полные мешки фруктов и при возвращении догнали группу: шли под конвоем люди, которых советские солдаты отлавливали как подозрительных и вели в комендатуру. Задержали и нас, услышав русскую речь. Посчитали нас дезертирами: «Марш в колонну» – и повели в город. Из немецкого лагеря мы с Натаном вполне могли угодить в сибирский лагерь. В городе вели по узкой улице, дома близко. Я сказал Лейзеру: «Давай в подъезд», и он незаметно шмыгнул в открытую дверь одного дома. Я не мог сделать то же, возле меня шёл конвоир. Нас доставили в комендатуру – трёхэтажное здание с красными кирпичными стенами. Везде охрана, как выскочить? Оставил мешок, стал ходить вдоль забора, искать лазейку. В углу нашёл дерево у забора. Недолго думая, взобрался на него, немного раскачал и пулей перелетел через забор, отбежал подальше. Стал искать Натана Лейзера, не нашёл и вернулся в синагогу к своим. А **4 октября 1944** года всех бричанских собрали в комендатуре, чтобы отправить в Бессарабию. Уже с русскими документами красноармейцы нас повезли по этапу через Унгены, здесь высадили на берегу

Прута и… ограбили, а затем в Бельцах повели колонной. Я увидел за забором ветви винограда, выскочил и сорвал несколько гроздей. Смотрю – конвоир готовится в меня выстрелить за совершение побега. Мы были не арестантами, а узниками из немецких лагерей, которым не верили до конца. Я влетел внутрь колонны, и найти меня конвоир уже не смог бы.

Нас привезли в **Кишинёв** в советский фильтрационный пункт. Здесь снова надо было заполнять бумаги с вопросами. Нас водили на допросы. Со мной был в лагере, а затем в Яссах друг **Иосиф Соломон**, родом из Будапешта, живший до войны в Черновицах. Офицер его спросил, где Иосиф родился. Он честно ответил, что в Будапеште, и всё, этого было достаточно, чтобы Иосифа записали «врагом народа». В это время бои шли в Венгрии, поэтому его сразу отправили на работу в шахты.

*

В Кишинёве нас, бывших лагерников, распределили на работу. Я попал в организацию «Военстрой» Одесского военного округа. Мы восстанавливали казармы, я занимался стекольными, жестяными работами. В один из дней получил повестку из военкомата. Нас уже остригли наголо, подготовили для отправки на фронт в Венгрию. Пришел начальник «Военстроя» Софронов, вычеркнул меня и ещё нескольких человек из списка и вернул на работу. До 1947 года меня не отпускали домой, не выдавали документы: паспорт, военный билет, трудовую книжку.

После войны.

Лишь в **1947** году я вернулся в **Бричаны**. После радостной встречи с родными мне рассказали о страшных потерях нашей семьи и рода во время немецко-румынской оккупации.

В июле 1941 года была расстреляна немцами вся семья папиного брата. Они хотели пробраться к родственникам, жившим в Виннице. Недалеко от Винницы немцы их окружили, загнали в город, и они разделили с евреями Винницкого гетто их трагическую судьбу. Погибли папин старший брат **Брумберг Янкель** (1890) с женой **Сосей** (1893) и тремя детьми: сыновьями **Шлоймэ** (1917), **Йослом** (1927) и дочкой **Песей** (1918). Их четвёртый сын **Эрш Брумберг** (1915), активист еврейского движения «Ха-шомер хацаир» и общества «Халуц», со своей невестой Хонэ Квейт и её семьёй был

Дети Янкеля Брумберга: (во 2-м ряду 2-я слева) дочь Песя Брумберг, (в 1-м ряду 1-й слева) сын Шлоймэ Брумберг, рядом с ним его жена Этл. Остальные – их друзья. Декабрь 1940 г.

депортирован из Бричан в Винницкую область, заболел и замёрз в одном из гетто **зимой 1942** года. Хонэ живёт в Израиле.

Я застал нашу семью в голоде, в чужой квартире, потому что наш дом в Бричанах был разрушен. Отец и братья пытались заработать на жизнь, но дело не шло. Я поехал в Черновцы заработать что-то для семьи, но работы не нашёл. Я отправился во Львов. Работал маляром у подрядчика за 200 рублей в день, а затем стал сам принимать заказы, нашёл напарника и работал маляром-специалистом с 1948 по 1977 годы, до самого отъезда в Израиль. Отец **Берл** Брумберг умер 30 января **1977** года (да будет благословенна его память!).

В **ноябре 1977** г. я репатриировался в Израиль с женой **Марой** и дочкой. Живём в гор. **Реховоте**. Брат **Михаил** жил в Кирьят-Гате и умер в **2004** году (да будет благословенна его память!). Остальные братья и сёстры живы. В марте **2013** года мне исполнился 91 год.

*

В годы Холокоста наша семья – 8 человек (мать, отец, 4 брата и 2 сестры) – была заключена в гетто, где мы схоронили мать, умершую от брюшного тифа (да будет благословенна её память!). Мне особенно досталось в то время, потому что я выглядел крепким здоровым парнем, бросался в глаза, и меня посылали на все самые тяжёлые работы. Стоял три раза под расстрелом. Конечно, всё это сказалось на моём послевоенном здоровье и сегодняшнем самочувствии.

Я выжил тогда, потому что у меня в характере сильная тяга жить и сопротивляться смерти. Я дал себе слово, что я должен жить и буду жить. Не боялся ничего, потому что в нашем положении в годы Шоа хуже уже быть не могло. И тот, кто пал духом, в бессилии сел, лёг, не действовал, – пропадал. Уверен, что мне помогало мое имя, данное родителями, – Азриэль, что означает «Моя помощь – Бог». Вера в Бога и уверенность в том, что останусь жив, поддерживали меня.

Я многое хорошо помню из того страшного времени, часть пережитого описал здесь, но есть ещё эпизоды, которые я никогда не рассказывал даже в семье, потому что это очень тяжёлые воспоминания, влияют на здоровье, и хочется их забыть.

Меня волнует, что через какое-то время в будущем к власти может прийти новый Гитлер и история повторится. Это мы, прошедшие Катастрофу, испытали её на себе, понимаем, какая это трагедия, молимся, чтобы такое не повторилось. А молодёжь мира сегодня читает в учебнике историю Холокоста и понимает её умом, а не чувством. Так мы в школе когда-то учили о войнах Наполеона, о сотнях тысяч его жертв, как о чём-то очень далёком, не имеющем к нам отношения. В нашей книге мы рассказываем о судьбах близких людей, уничтожении семей по национальному признаку, о наших чувствах и переживаниях в то время. Надеюсь, это поможет оживить учебник истории, вызовет ответное чувство у читателя. Мы не нуждаемся в жалости, мы хотим рассказать, как бесчеловечен может быть человек и какие изверги убивали наш народ.

В память о погибших страшной смертью шести миллионах евреев каждый год я читаю *кадиш* (поминальную молитву) со сцены на городских вечерах Памяти

о Катастрофе. Их проводит наша Реховотская организация бывших узников нацистских гетто и лагерей. Горят поминальные свечи. Плачут люди. У каждого в большом зале есть родные и близкие, убитые в годы Шоа.

Спортивная детская команда «Маккаби» в Бричанах. (6 человек в центре снимка изображают шестиконечную звезду – щит Давида.) 1937 г.

На снимке: руководитель спортивного клуба «Маккаби» в Бричанах Абраша Гольдберг (справа). Жил в Израиле в конце 90-х гг. XX в.

В 3-м ряду 1-й слева – Азриэль Брумберг в возрасте 15 лет.

Из присутствующих на фотографии почти все погибли на фронте и в годы Холокоста. Погибли в период Шоа:

братья Креймер Мошкэ (в 1-м ряду 1-й слева) и Иосиф (во 2-м ряду в цетре) – оба 1922-23 г. рожд., погибли при попытке бежать из Бричан от немцев в июне 1941 г.;

Рудман Хаим (в 3-м ряду в центре) – 1922-23 г. рожд.; за несколько дней до начала войны поехал к невесте и был расстрелян немцами в июне-июле 1941 г. в Дрокии (Молдавия);

Бернштейн Янкель (в 3-м ряду 3-й справа) – 1923-24 г. рожд., убит немецкими фашистами вместе с семьей в гор. Виннице в июле 1941 г. Убитые члены его семьи: старший брат Шмиль (1919), отец Йосл (прим. 1897), мать Ривка (примерно 1900).

41.

Портная Галина
*(с. **Комаргород** Томашпол. р-на)*

ЖИТЕЛИ КОМАРГОРОДА ПОМОГЛИ ЕВРЕЯМ СПАСТИСЬ В ГЕТТО

В течение жизни я считала своим долгом сбор по крупинкам данных о нашем роде, о судьбах родных и близких мне людей, их документов и фотографий. Будучи младенцем в начале войны 1941-45 гг., в сознательном возрасте я слушала рассказы дедушки и бабушек, мамы о том, как наша семья выжила в Холокосте, кто воевал и погиб, и запоминала на всю жизнь. К несчастью, землетрясение и пожар, случившиеся в г. Ташкенте, где мы жили, уничтожили часть из накопленных материалов. Сохранившиеся записи и документы мне помогла упорядочить в компьютерном виде моя любимая внучка Аллочка.

Довоенная жизнь.

Моя мать **Маня Бенционовна** (13 марта 1904) выросла в большой религиозной семье **Бенциона Лейбовича Мотехина** (1865) и **Маси Мордховны** (1885), родителей 11 детей. Мама была единственной сестрой десяти братьев. Семья жила в селе **Комаргороде** Томашпольского р-на Винницкой области. Большую часть населения Комаргорода составляли евреи, и после организации еврейского колхоза его председателем был избран дедушка, которого все звали **Бенчик**. Он был образованным человеком, читал книги, газеты, получал почту из-за границы. Несмотря на занятость, дедушка не прекратил исполнять обязанности местного раввина, за свои средства содержал в порядке еврейское кладбище. Бабушка Мася и мама трудились бригадирами колхозных бригад. Все дети Мотехиных учились и работали на полях, а также участвовали в представлениях еврейского театра при Доме культуры. Взрослые братья женились и покидали родительский дом.

Мама вышла замуж за **Суню** (Семёна) **Гершковича Вассермана** (1910), работника сахарного завода в Томашполе, в 7 километрах от Комаргорода. Украинцы называли отца **Санько**, Саня. Отец был родом из села **Мястковка** Крыжопольского р-на (с 1946 г. – Городковка), здесь жили дедушка **Гершко** Вассерман, портной по профессии, и бабушка **Фейга**, а также два папиных брата: **Григорий**, работавший до войны председателем Мястковского исполкома, и **Наум** (1913).

Нас у мамы с папой было трое детей: сестра **Миля** (1932), брат **Наум** (20 окт. 1937) и я, **Элкалэ** (Галина) (10 окт. 1940). Назвали меня в память о дедушкиной маме Элке и погибшем дяде Элике Мотехине. Дома говорили на идише, а дедушка Беня, бабушка

Мася и мама знали также иврит. До войны мы жили дружной семьёй с дедушкой и бабушкой в большом дедушкином доме из 4-5 комнат, с погребом. Имелось хозяйство: корова, куры, гуси, огород, сад. Каждую пятницу бабушка и мама пекли хлеб, печенье, варили еду, перед приходом субботы мама ходила в синагогу, а затем начинался праздничный ужин, после застолья пели еврейские песни. Наша семья была музыкальной: играли на мандолине, на гитаре. Субботу дедушка и бабушка проводили в синагоге. В помещении для женщин бабушка Мася стояла за трибункой, читала вслух святые книги и переводила, объясняла женщинам их содержание. Дедушка занимался с мужчинами.

Перед войной еврейский колхоз влился в украинский совхоз, и дедушка Бенчик сдал дела.

Начало войны и оккупация.

Все 10 маминых братьев **Мотехиных** в первые дни войны были мобилизованы на фронт из разных городов Советского Союза. Отправились на фронт из Мястковки папины братья Григорий и Наум **Вассерманы**.

В **июле 1941** г. в **Мястковку** вошли немецкие войска. **26 июля 1941** года среди евреев, расстрелянных немецким карательным отрядом, был папин отец, мой дедушка **Гершко Нухимович Вассерман** (1884). Маме рассказали, что немцы издали приказ всем мужчинам-евреям явиться на физическую работу. В приказе было сказано, что работники будут обеспечиваться питанием, им будут созданы хорошие условия. Дедушке люди говорили: «Не ходи, у тебя все были коммунистами, тебя расстреляют», но он отправился с остальными евреями. Всех пришедших каратели согнали к обрыву и расстреляли, тела падали с обрыва. Евреи, которые не пошли, а спрятались, спаслись. Через некоторое время мама пробралась в Мястковку, помогла бабушке Фейге похоронить дедушку в братской еврейской могиле и уговаривала свекровь перейти к нам в Комаргород. Бабушка не согласилась, она хотела остаться там, где лежит её муж, и находилась в Мястковском гетто.

В Комаргородском гетто.

Сестра **Миля** на летние школьные каникулы 1941 года отправилась к родственникам в Одессу и после **22 июня 1941** года эвакуировалась с ними в тыл страны.

22 июля 1941 года **Комаргород** был оккупирован немцами и румынами. Нашей семье не удалось эвакуироваться или бежать, настолько быстро продвигались немцы. Папу не успели мобилизовать. Через полтора-два месяца, в **октябре 1941** г., румыны согнали евреев Комаргорода в гетто. Мне к этому времени исполнился 1 год. Нас выгнали из своего дома, и мы: мама и папа с двумя детьми, дедушка Бенчик и бабушка Мася – оказались в Комаргородском гетто, участке в центре села, огороженном колючей проволокой. Всем взрослым было приказано носить жёлтые знаки. Мама рассказывала мне, что румыны убивали людей, пытавшихся бежать из гетто, издевались над евреями, били, травили собаками, не разрешали разговаривать, общаться с соседями, надо было сидеть безвыходно в своей каморке. Я была маленькой, но очень рано узнала, что немцы, румыны – наши враги, и я их ненавидела.

Вскоре друзья-украинцы помогли папе сбежать из гетто, и он ушёл в леса, к партизанам. Отец стал позже командиром партизанского отряда, а после изгнания окку-

пантов ушёл красноармейцем на фронт. Маме без отца было очень тяжело со мной, малюткой, и четырёхлетним братом Наумом.

Маму, дедушку Бенчика и бабушку Масю принуждали работать на оккупантов: зимой после сильных снежных заносов жителей гетто заставляли расчищать лопатами от снега широкие дороги для проезда транспорта, летом отправляли на сельхозработы в совхозе. Шли пешком до совхоза 7 километров и обратно. Мама брала меня и брата с собой: она работала, а брат присматривал за мной. Румыны давали работавшим похлёбку и питьё, остальных питанием не снабжали.

Я помню, что было очень холодно, хотелось есть. Мы выжили благодаря помощи жителей Комаргорода. Украинцы, соседи и простые крестьяне, знали и уважали нашу трудовую семью. Многим из них до войны дедушка и его образованные сыновья по-доброму помогали: писали письма, вели и улаживали их дела. Комаргородцы украдкой приносили еду, воду и одежду для нас, в условное тёмное время делали небольшой подкоп под колючей оградой и проталкивали принесённое внутрь гетто, затем ямку закапывали. Они помогали не только нам, но всем евреям, которых румынские фашисты превратили в опасных преступников за колючей проволокой. Мама рассказывала, что бежавших из гетто евреев жители прятали днём в своих огородах, а ночью – в погребах и не выдавали их оккупантам. Медицинскую помощь оказывали украинцы-медработники. Помню медсестру **Збрищак Лиду** из местной больницы, много помогавшую в гетто моей семье. Эта женщина лет тридцати пяти, рискуя собой, приходила в темноте к ограде гетто, приносила и передавала лекарства, перевязочный материал, одежду. От крестьян удавалось в последние месяцы перед освобождением узнавать, что происходит за границами гетто, и это давало надежду на избавление.

Нам помогла выжить в гетто любовь друг к другу в семье. Дедушка Бенчик нас очень поддерживал рассказами и интересными историями на еврейские темы, которых у него было множество на все случаи жизни.

В нашем гетто массово брали кровь у детей, как потом стало известно, для излечения раненых фашистов. Брат **Наум** вспоминал, что приезжали немцы, собирали детей, брали у них кровь, в том числе у меня и у него, и увозили её.

Освобождение.

16 марта 1944 года нас освободила Красная армия. Мы вернулись в свой дом и продолжали жить в местечке **Комаргород**. По счастливому случаю, среди солдат, двигавшихся на Могилёв-Подольский через освобождённый Комаргород, оказался наш земляк. Он и рассказал маме во время короткой встречи, что её муж **Саня** после побега из гетто организовал партизанский отряд и был назначен его командиром. Имелась связь с украинским партизанским движением, снабдившим отряд тёплыми бушлатами. Во время одной из боевых операций папа был ранен в ногу, а когда вылечился, ушёл на фронт.

Соседи помогали нам, бывшим узникам гетто, во всём. Помню замечательные семьи Семёна **Пивовара**, помогавшего нам и в гетто, Лидии **Збрищак**, ставшей маме как родная сестра.

Послевоенная жизнь.

Вместе с радостью Победы над фашистами на наш род навалилось тяжёлое горе на всю жизнь: 11 человек моих родных были уничтожены войной и Катастрофой. Погиб мой отец, рядовой **Суня Гершкович Вассерман**, он пропал без вести во время выполнения боевого задания осенью **1944** г. в Румынии. Были убиты на войне оба его брата: **Григорий Гершкович Вассерман** и **Наум Гершкович Вассерман** (1913). Бабушка Фейга потеряла в войну мужа **Гершко** и всех сыновей.

Геройски погибли на фронтах семь из десяти маминых братьев: **Мотехин Элик** (Алёша) **Бенционович** (1918-22.2.1940) пал в бою на полуострове Койвисто в советско-финскую войну, **Мотехин Ихил Бенционович** (1921-1.8.1941), **Мотехин Идл** (Идлык) **Бенционович**, **Мотехин Ефим Бенционович**, **Мотехин Михаил Бенционович**, **Мотехин Лев Бенционович**, **Мотехин Семён Бенционович**. Бедные бабушка Мася и дедушка Бенчик, у них война жестоко отняла семерых сыновей. Только три их сына вернулись израненными с войны: **Шимон**, **Лейб** и **Мойша** Мотехины. Жена и дети дяди Мойши были расстреляны немецкими фашистами в оккупированной **Одессе** осенью 1941 года.

Сестра **Миля** в 1945 году приехала из Узбекистана домой, в Комаргород. Брат **Наум** окончил 10 классов, окончил училище в Одессе и работал в Донбассе на шахте. После взрыва в шахте и ранения ноги стал шофёром на химзаводе в г. Шостке.

Я окончила в Комаргороде украинскую школу-десятилетку. Училась в **Тульчине** в библиотечном техникуме, затем уехала в гор. **Шостку** к замужней сестре Миле, работала санитаркой в городской больнице. По приглашению жены погибшего на войне дяди Ихила я поехала жить к ней в **Ташкент**. Работала лаборантом в Ташкентском мединституте, училась в Ташкентском медицинском техникуме.

В **1965** году вышла замуж за **Григория Абрамовича Портного** (1937). Мать мужа Раиса Пейсаховна с четырьмя детьми находилась в годы войны в эвакуации. Его отец **Абрам Борисович Портной** (1903) до войны был коммунистом, редактором газеты в с. **Малая Виска** Кировоградской области УССР. В период немецкой оккупации его оставили для подпольной работы в селе. Он составлял, редактировал материалы для газеты, листовок на чердаке дома. Его выследили местные полицаи и привели немцев. Абрам Борисович был схвачен **осенью 1941** года и увезён на смерть. Мой муж Григорий работал на авиазаводе. По окончании техникума я трудилась 21 год старшей медсестрой на городской станции переливания крови. Родила двух дочек: **Марину** (1966) и **Свету** (1970). Марина окончила Ташкентский мединститут, работала пульмонологом, создала семью, родились двое детей.

Дедушка Бенчик и бабушка Мася Галины Портной. 60-е годы XX века. Комаргород.

Бабушка **Мася** умерла в **1963** году на 79-м году жизни. Дедушка **Бенцион** прожил

105 лет и умер 6 ноября **1970** года. Сестра **Миля** умерла в **1979** году. Моя мама **Маня** прожила 95 лет (ум. 20 дек. 1999 в Ташкенте).

Маня Мотехина – мать Галины Портной. 90-е гг. XX века. Ташкент.

В Израиле.

В сентябре **2003** года я с мужем, Марина с детьми и Света репатриировались в Израиль. Несмотря на интенсивное лечение, **Марина** после тяжёлой болезни ушла из жизни в **2005** году.

Сегодня мы впятером живём в гор. **Реховоте** в арендованной квартире, по желанию покойной дочери мы с мужем, а не зять в России, растим замечательного внука **Диму**, окончившего службу в армии, студента, и чудесную внучку **Аллу**, ученицу выпускного класса. Ухаживаем за младшей дочерью **Светой**, инвалидом детства, живущей в семье.

Брат **Наум** с семьёй приехал в Израиль на 20 лет раньше, они жили в г. Нацрат-Илите, Наум с женой умерли в один год, мы поддерживаем связь с их детьми.

Дочери и внукам я рассказывала о войне, которую пережила ребёнком. Я убеждаюсь каждый раз, что они счастливы, потому что живут в независимом еврейском государстве.

42.

Каплан Гедаль
*(с. **Копайгород**)*

Давид Школьник
УЗНИК ГЕТТО И ОТВАЖНЫЙ МИНОМЁТЧИК

Редколлегия сердечно благодарит семью Гедаля Каплана за переданные документы, сведения и воспоминания о замечательном человеке, бывшем узнике нацистского гетто и храбром фронтовике, позволившие подготовить рассказ о судьбе семьи Каплан в Шоа и нашем товарище, ушедшем из жизни.

Довоенная жизнь.

В семье **Нухима Гедальевича Каплана** (1887-1964) и **Хайки** (1887-1942), живших в посёлке **Копайгород** Винницкой области, росли три дочки: **Эня** (Аня) (1922), **Ева** (1923), **Бася** (1926) и сын **Гедаль** (2 июня 1924). В **1933** году, когда

на Украине начался большой голод, семья уехала из Копайгорода в село. Отец вилами скирдовал сено в колхозе, выполнял другие тяжёлые работы, зарабатывая на пропитание для семьи. Мать работала в детском саду поварихой, прачкой. На семью им выделили для жилья две комнаты: одна напротив другой в коридоре. Во второй комнате власти вскоре открыли магазин, где отец, неплохо разбиравшийся в бухгалтерии, работал после того, как «доброжелатели» сбросили его с высоченной скирды за слишком усердный труд. Мать хорошо шила на домашней швейной машинке, и пошитые ею широкие юбки, жакеты с бархатными оборочками пользовались успехом у сельских женщин. В селе Гедаль окончил 7 классов, и семья вернулась в Копайгород.

Начало войны.

Из **Копайгорода** мало кому удалось эвакуироваться до прихода оккупантов. Быстро вывезли только работников райкомов партии и комсомола, райисполкома, военкомата и других советских учреждений.

Сестра Гедаля **Ева**, перед войной окончившая фармацевтический техникум в Виннице, с мужем-медиком в первые дни войны была направлена как военнообязанный медработник в тыл, где оба служили в большом госпитале. Ева была беременна.

В **июле 1941** года **Гедаль Каплан**, как и многие ребята допризывного возраста 16-18 лет, по приказу военкомата пошёл на восток в организованной группе, возглавляемой двумя командирами Красной армии. Свои котомки с продуктами и бельём ребята уложили на подводы. Их пеший поход в жаркие июльские дни длился недолго. На одном из привалов прошёл слух, что дорогу перерезали немцы. Командиров – как ветром сдуло. В группе возникла паника. Мобилизованные из колхозов крестьяне-возницы решили возвратиться в сёла, и исчезли одна за другой подводы с вещами. Брошенные руководителями ребята отправились домой. Мать встретила Гедаля со слезами: «Ничего, лишь бы быть вместе, сыночек!» После захвата Копайгорода немецкими оккупантами в гетто попали отец, мать, Гедаль и сёстры Эня и Бася.

В гетто и в лагере.

Гетто **Копайгорода** было опоясано высоким забором с колючей проволокой. Там семье пришлось познакомиться с немецким «новым порядком». Их гоняли на принудительные работы, которые сопровождались руганью, побоями, окриками.

В гетто прибыл немецкий комиссар и тут же приказал всех евреев Копайгорода переселить в **лагерь**, который находился недалеко от железнодорожной станции **Копай**. Было объявлено, что в гетто смогут остаться те, кто уплатит определенную сумму золотыми монетами. Несколько десятков семей приняли это условие и откупились, но у большинства ценностей не было. И двинулись обречённые люди в лагерь, и среди них семья Каплан. Лагерем немцы называли несколько гектаров леса, ограждённых колючей проволокой. Здесь с довоенного времени находилась казарма, и в ней жили немцы-охранники лагеря, а евреи – под открытым сентябрьским небом. Гедаль с отцом и сёстрами соорудили для семьи шалаш, подав пример другим.

Наступила осень, начались дожди, и стало невозможно жить в шалашах. Несмотря на то что за выход из лагеря полагался расстрел, узники, не выдерживая холода и голода, стали оттуда убегать: поднимали проволоку лагерной ограды, подлезали под неё и удирали. Румыны поймали нескольких беглецов, поставили посреди лагеря и расстреляли перед согнанными узниками. Потом построили мужчин, стали отсчитывать каждого десятого из них и расстреливать для устрашения остальных. Гедаль был с отцом в этом строю, но они не стояли рядом, и оба переживали, чтобы другой не оказался десятым. И всё же люди продолжали убегать в гетто.

Через месяц Гедаль с отцом и сёстры, перерезав проволоку, вернулись в **Копайгородское гетто**. Их жильё было занято, и кто-то принял их к себе. Вскоре в прилегающих к Копайгороду местечках начались акции расстрелов. Молодых мужчин забирали на работы, откуда они не возвращались. Молодежь скрывалась. Во время очередной облавы Гедаль был схвачен. Ему удалось бежать, но последовала новая волна облав, и Гедаля отправили на лесозаготовки.

Осенью 1941 года немецкая жандармерия начала покидать городок-гетто, а новые «хозяева» ещё не прибыли. Безвластием мгновенно воспользовалась украинская полиция, созданная сразу же после прихода немцев. Повод для повального грабежа был спровоцирован той же ночью. Наутро начались аресты евреев, обыски, ограбления. Нагруженные награбленным полицаи быстро покинули гетто. Гедалю удалось спрятаться во время акции. Вернувшись, он застал перепуганную, расстроенную мать. Она рассказала, что полицай, рассерженный тем, что не нашёл в доме ничего подходящего, заставил хозяйку снять хромовые сапоги Гедаля. Мать надела их, желая уберечь.

Вместо немцев пришли румыны. Их оказалось очень много. Они потребовали, чтобы евреи выполняли, обслуживая их, все виды грязных работ. В **сентябре-октябре** в гетто стали прибывать евреи из Бессарабии. Голодные, истощённые, в изорванных одеждах, пожилые люди и дети падали от усталости прямо на улице. Уцелевших размещали по 10-12 человек в комнате, затем их начали подселять в квартиры местных евреев. Эти несчастные люди, у которых всё отобрали ещё в Бессарабии, попрошайничали в гетто и прилегающих к Копайгороду сёлах. Тот, кто мог, нанимался на тяжёлые работы к крестьянам, остальные, не выдерживая, умирали. Особенно много жизней унесла первая военная лютая зима. Топить было нечем, да и идти в лес по дрова было не в чем. Голодные, больные люди замерзали. Трупы выносили на улицы, как дрова, укладывали на салазки, вывозили и закапывали в братских могилах.

Мать Хайка Каплан (справа) с сестрой. Предвоенный снимок. Копайгород.

Мать **Хайка** перешивала нехитрые вещи: куртки, пальто, одеяла для местных крестьян, за работу

с ней рассчитывались продуктами. В **мае 1942**-го она заболела, её парализовало. Лечить было некому. Скоро её не стало.

Гедаль с другом **Рувеном** развозил в бочке на колёсах колодезную воду для узников. По очереди они исполняли роль лошади, везущей полную бочку. Люди платили им понемногу за услугу, потому что колодец находился очень далеко. В день набиралось на хлеб.

Превозмогая голод и страх, терпя унижения и издевательства, Гедаль дождался весны **1944** года, когда в **Копайгород** вступили советские войска.

На фронте.

Гедаль Каплан был мобилизован в Красную армию на второй-третий день после освобождения из гетто, попал в отряд по борьбе с бандеровцами. Затем был направлен в миномётный полк, освоил специальность наводчика миномёта. Не один десяток фашистов был уничтожен его метким огнём. Молодого миномётчика наградили медалью «За отвагу». С боями его полк прошел Западную Украину, Польшу, Чехословакию, Верхнюю Силезию и закончил войну под Прагой.

Послевоенное время.

Ещё два года после войны служил Гедаль командиром отделения в полковой школе. Сержант Каплан готовил младших командиров по специальности миномётчика, передавал им опыт, накопленный в боях с фашистами.

В **1947** году Гедаль приехал в **Черновцы**. После окончания бухгалтерских курсов поступил на завод. Окончив вечернюю школу, поступил в Киевский институт народного хозяйства. Женился на красавице **Циле** в **1952** году. Свадебное платье жених попросил на вечер у другой невесты, фату и украшения добыл на время в местном театре. После окончания института Гедаль работал на военном заводе начальником планово-технического отдела, главным экономистом.

Семья Каплан: Гедаль и Циля, их сыновья Эдик и Миша. Черновцы.

В Израиле.

В **1990** году Гедаль Каплан репатриировался с женой и сыном в Израиль. 14 лет Гедаль активно участвовал в жизни ветеранского братства в гор. **Реховоте**. Умер **Гедаль** в 81 год **25 января 2005** года. В Реховоте живут его вдова **Циля** и сын Гедаля **Эдуард** с семьей. Ушёл из жизни добрый человек, наш друг – бывший узник нацистского гетто и отважный солдат Красной армии в годы Второй мировой войны.

В рассказе частично использован очерк о Г. Каплане
журналиста **Романа Аптекаря** (Реховот).

43.

Кожокару Лоти
(с. Копайгород)

КАРТИНЫ ТЕХ УЖАСНЫХ ЛЕТ ТРУДНО ЗАБЫТЬ ДО СИХ ПОР

Довоенная жизнь

Мой родной город **Гура-Хуморулуй** в Румынии расположен в Сучавском округе вблизи большого города Сучава, и в нём прошла значительная часть моей жизни до репатриации в Израиль.

Мой отец **Шмиль Гутман** родился в декабре 1901 года в городе Гура-Хуморулуй, а мама **Фанни Гутман** (девичья фамилия Сиглер) родилась в городе Бухуш в июле 1902 года. Они познакомились, понравились друг другу и поженились. Я, **Лоти**, была первым их ребенком, родилась в г. Бухуш **27 октября 1933** года. Город **Бухуш** находится на границе с Буковиной и известен до сих пор большим текстильным заводом, на котором до войны работали 4.200 рабочих. Моя мама трудилась на нём швеей, а папа – парикмахером, но потом они решили возвратиться в Гура-Хуморулуй, где жили папины родители и брат. Здесь в **1936** году родился мой брат **Герман**.

Семья Гутман перед войной: Лоти, мама, папа и брат Герман.

Депортация в Транснистрию.

В начале **октября 1941** года мы со всеми евреями города **Гура-Хуморулуй** были отправлены в Транснистрию. Пришли румынские нацисты с оружием, выгнали нас из домов, погрузили в вагоны для скота и повезли. Охрана поезда состояла из румын, немцев мы видели во время остановок на больших станциях. Немцы давали румынам какие-то указания.

В вагонах было очень тесно, люди прижаты один к другому, не было туалета, всё нужды справляли на месте. Ехали в грязи и зловонии. Лишь изредка на остановках охранники открывали дверь вагона, и удавалось вдохнуть немного свежего воздуха. Везли нас в таком положении целый месяц. Я помню, что день, когда нас увозили с вокзала в лагерь, был пятницей. И,

как заведено у евреев, в этот день перед субботой мы пекли белые *халы*, варили куриный бульон. Эту еду папа сумел взять с нами. Он давал нам из неё каждый день понемногу. Мне в то время было семь лет, брату – пять, и в нашем возрасте мы не чувствовали трагизма ситуации благодаря родителям, которые изо всех сил старались облегчить жизнь детей.

В вагоне ехала вся моя семья: мама и папа, брат Герман, я и папины родители. В поезде были также сестра отца **Фрида** Вальцер с двумя детьми и его два брата **Кальман и Элиас** Гутманы. Нас и родственников затолкали в разные вагоны, так что мы ничего о них не знали. От тифа в пути умерли родители отца – мой дедушка **Гутман Берл** (1876), моя бабушка **Гутман Этл** (1879) и папин брат **Гутман Кальман** (1917). У этих дорогих нам людей нет могил. Мёртвые тела выносили из вагонов на больших остановках и оставляли на перронах, а поезд шёл дальше. Начиналась зима, было холодно. Ещё в начале пути у нас отобрали тёплые вещи и одежду, пальто. Мы остались в нательной одежде. Укрывались одеялом, которое смогли сохранить. Вот такое «путешествие» нам устроили фашисты.

После высадки из поезда нашу большую колонну повели в направлении пос. **Атаки**, где мы перешли **Днестр** по мосту. Помню, при переходе понтонного моста через Днестр у входа и на самом мосту стояли жандармы-румыны. Они дотошно обыскивали евреев, снимали с них все драгоценности, просто с мясом вырывали из ушей сережки, ломали пальцы, если не могли снять кольцо. Среди гонимых были и гордые, и богатые люди, и если они начинали сопротивляться, говорить: «Не хочу!», охранник делал лёгкое движение плечом, и человек с высоты падал в воду. Такое мы видели не один раз. Много евреев из-за тесноты на мосту упало в глубокую реку и утонуло. Наша жизнь ничего не стоила.

В лагерях и гетто.

Сначала нас привели в гор. **Могилёв-Подольский**, оттуда погнали дальше. В этих краях уже было много немцев. Я не знаю, сколько суток мы шли. По ночам спали в коровниках в каких-то сёлах. Благодаря ремеслу отца и его преданности семье мы и смогли выжить. Вместо ночного отдыха папа пробирался в ближайшее село и в обмен на продукты брил и стриг местных жителей-украинцев. Они были очень довольны его работой и давали за неё картофель, свёклу, иногда варёное яйцо. Поздно ночью отец приносил еду, кормил нас и часть отдавал тем, кто находился рядом. Конечно, нас охраняли так, что никуда не убежишь, но отец был молодым, сильным и смелым, и ему удавалось выйти.

Нашу колонну гоняли из лагеря в лагерь, мы нигде долго не оставались. Всё время шли и шли. Понятно теперь, что нацисты делали это специально, чтобы измотать нас и не кормить. При таких «гонках» евреи умирали «естественной» смертью – без расходов на питание, на пули, на виселицы, на могилы.

Наша семья побывала в нескольких лагерях. Я была маленькой в 1941 году и запомнила ясно пребывание в двух из них: в **Закиша** (*укр.* Затишшя) и в Обухове Винницкой обл.

Скрытый в лесу, лагерь в Закиша находился на территории конного хозяйства одного из бывших совхозов. Мы увидели только лес и в нём – огороженные прово-

локой большие пустые конюшни. В них пришлось жить и спать на оставшейся от лошадей соломе. Папа и мама с обеих сторон согревали меня и братика. Наступила такая морозная зима, что камни лопались от холода. Нам позволялось принести в лагерь из леса только тонкий хворост – палочки, веточки – чтобы сделать небольшой костёрок. Многие люди здесь просто замёрзли навсегда. Каждое утро собирали мёртвых. Тело клали на простыню, и четыре человека уносили трупы подальше в лес и там просто оставляли. Невозможно было выкопать могилу в мёрзлой земле, да и нечем. А весной собаки из окрестных сёл находили эти останки и растаскивали их части повсюду.

Все мужчины по приказу румынских жандармов обязаны были ходить в лес и валить деревья, заготавливать дрова для охранников. Работать заставляли, но не кормили.

Летом позволяли выйти в лес, и мы собирали ягоды, грибы, лечебную траву. Иногда воровали у сельчан с полей тыкву, кукурузу. На маленьком костре что-то пекли или варили и ели, что получалось. Мы не могли дождаться, когда испечётся краденая картошка: только становилась чёрной, сразу грызли полусырой. Ели всё, что находили, всё, что было вредно для желудка, ничего не мыли, в грязном виде. И этим жили. Я не могу припомнить, чтобы у нас после этого были боли в животе, диарея или другие последствия.

*

После нас держали впроголодь ещё в двух лагерях, уже не помню, каких – очень много лет прошло. С нами шли многие дальние родственники отца, наши соседи и знакомые, и они погибали во время странствий по лагерям не только от голода и истощения, но больше всего от тифа и его источника – вшей. Никого не хоронили, просто оставляли тело у дороги, в лесу. Так что неизвестно, где они лежат, и в местах их гибели нет ни братских могил, ни памятников.

Мы с братом, маленькие дети, не могли критически оценить, что происходит вокруг нас. Мы видели страдания, жестокости и много смертей вокруг себя. И думали, что это и есть жизнь, что так было и так будет. С нами были мама и папа, и мы знали, что они нас защитят всегда.

Я была девочкой семи с половиной лет в 41-м и не понимала, что румынам нужно от нас. Мне хотелось всё время есть, я хотела, чтобы у меня была обувь, и её не было. Папа сделал мне и братику из старого мешка какие-то обмотки на ноги для зимы и лета. Из-за этого у меня через много лет развилась болезнь ног, тяжело и больно ходить. Моему младшему брату было всего пять лет, он тоже перенес всё это, стал инвалидом.

Но моя детская память схватила разные картины тех ужасных лет, которые трудно забыть до сих пор. Вот лишь некоторые из них.

В лагерях румыны не давали евреям еду. Помню, среди узников была семья: отец, мать, четверо детей. Сначала умер отец, потом мать, и дети остались одни. Через короткое время из детей умер мальчик. Он лежал, и в его ручке оставался небольшой кусочек белой свёклы. Подошла их соседка, разжала его ручку, взяла этот огрызочек свёклы и отдала своим малым детям. С тех пор я почему-то не могу

видеть ни белую, ни красную свёклу. У меня перед глазами сразу появляется мёртвый ребенок с кусочком свёклы, которой кормят скот.

Чтобы не так мучили вши, папа-парикмахер нас с братом и других детей остригал наголо. Платы с их родителей он не брал. Наша одежда была полна вшей и блох. Мы, маленькие, были заняты тем, что искали в одежде насекомых и убивали. Это даже было своеобразным развлечением: мы соревновались, кто больше соберёт на теле и одежде паразитов.

Помню, как мама нас лечила в лагере. У нас, детей, на руках часто были ранки, воспаления, они чесались. Лекарств не было, всюду грязь. Мама собирала мочу братика и делала нам компрессы или просто смазывала больные места. Это помогало.

*

В один из дней нас привели в лагерь у села **Обухов**, недалеко от Копайгорода. Через какое-то время собирают людей, и румынские стражники спрашивают: «Есть среди вас парикмахер?» Все в испуге молчат. В лагере, конечно, были парикмахеры, и мы их знали, но они боялись признаться. Ведь мог быть всякий подвох. И тут мой папа говорит: «Я парикмахер». – «Ты пойдёшь с нами». Мы с мамой заплакали, боялись, что его убьют. Они повели его за километр-полтора от Обухова в другой лагерь и сказали: «Нас здесь 22 охранника. Ты будешь приходить и работать в нашем хозяйстве. Твои обязанности – стричь и брить нас, стирать портянки, ухаживать за свиньями, козами, коровой. Ты будешь питаться тут и с голоду не умрёшь. А остатки еды после нас ты сможешь взять в лагерь. Но никому не говори, откуда принёс».

Папа был занят в их хозяйстве с самого раннего утра до позднего вечера. Каждый вечер он возвращался к нам и под подкладкой своего широкого пальто приносил остатки еды, которые ему разрешали взять с собой. Что-то съестное он ухитрялся спрятать и под кушму – высокую зимнюю шапку. Первым делом папа кормил нас, а остальное отдавал узникам. Он не мог, конечно, накормить всех голодных, объедков хватало лишь для малого круга людей из нашего города. Даже составили список, и по нему каждую ночь делили принесённое отцом. Отмечали, кто получил вчера, позавчера, кто получит завтра, чтобы всем было поровну. И те крохи, которые доставались людям в их беспомощном положении, были чувствительны, так что некоторые узники к вечеру стояли снаружи и спрашивали друг друга: «Парикмахер уже пришёл?» Для кого-то это был единственный источник пропитания, чтобы не умереть. Рискуя, папа старался принести больше, чем ему позволяли, чтобы поддержать людей. Его любили – и не только за еду, а за доброту.

Но не всегда папины отлучки оставались незамеченными и безнаказанными. Каждый день, в любую погоду – в дождь, в снег – рано утром папа шёл обслуживать стражников соседнего гетто. Однажды зимой он возвращался в наш лагерь после работы, было не очень поздно. У него, как всегда, были с собой остатки еды и то, что он сумел утащить у охраны для голодных людей в лагере.

Он не мог знать, что в лагере в это время находится очередная комиссия с проверкой режима. Это было в январе, и комиссия приехала инспектировать лагерь на санях. Понятно, что тем румынам запрещалось брать кого-то из лагерных евреев для работы за пределами лагеря, да ещё кормить.

Папа, как обычно, вошел в лагерь, и проверяющие тут же схватили его «с поличным». Сняли с него всю одежду, и он остался голым на морозе, приказали привязать его к своим саням и заставили бежать рядом с лошадьми. Сколько мог, он бежал, а потом лошади тащили его 12-15 километров по дороге. Наконец отвязали его, бросили где-то на снегу умирать и уехали. Поздно ночью папа вернулся весь в крови, в грязи, сильно замерзший. Он сумел выдержать это наказание. Среди заключенных были врачи, они оказали ему помощь, лечили несколько дней.

*

Мама была верной папиной помощницей. Отец делал для румынских солдат всю чёрную работу один, заменив нескольких работников, и вместо благодарности получал ещё «домашнее задание». Каждый вечер он приносил в лагерь узел с грязным бельём румынских охранников и мыло, и моя мама всё время стирала и сушила эту одежду. Конечно, горячей воды не было. Недалеко от лагеря в озере в любую погоду она стирала в холодной воде. И в этой её помощи было наше спасение.

Озеро нам служило не только для питья и стирки. По совету врачей-узников нашего лагеря мы, дети, собирали на этом озере водоросли, обрабатывали их, варили, растирали. Получалась мазь, которой смазывали раны на руках, ногах, теле, и она помогала. Нас научили накладывать на рану листья водных растений, и на другой день ранка заживала. На том же озере был участок берега, где песок смешался с густой грязью. Мы обмазывались этой грязью, зарывались в песок, и это тоже было лечение – вши покидали нас на какое-то время.

Хотя папа и мама были постоянно заняты работой по обслуживанию румынских охранников и очень уставали после тяжёлого труда, они находили время и для нас, детей, и для духовной жизни. Какой умной была наша мама! Отправляясь в лагерь, может, на верную смерть, она положила в багаж среди самых необходимых вещей «Абечедар» (*рум.* «Букварь»). Мы выучили все 24 буквы румынского алфавита. В лагере мама научила нас с братом читать, учила с нами стихи. И другие дети, сидевшие с нами рядом, тоже чему-то научились. Это было не каждый день, мама очень много работала, но её уроки чтения мы запомнили навсегда.

Мама очень красиво пела. Это умение передалось ей от её бабушки и мамы. В каждой еврейской семье были свои певцы. Петь полагалось при встрече субботы. У кого могло быть в лагере настроение петь песни! А моя мама пела нам, детям, в субботу песни на идише и по-румынски: это были танго, вальсы. Вокруг собирались люди, слушали её. Некоторые удивленно говорили: «Гутманкэ мишигенэ!» (*идиш* Гутманша спятила). И продолжали слушать, никто не уходил.

В Буковине до войны у нас в семье и в семьях наших родственников очень строго соблюдали религиозные традиции. Особенно чтили пятницу и субботу, ходили

в синагогу, молились дома. Мой папа был религиозным. Когда нас депортировали в Транснистрию, он взял с собой *талес, тфилин.* В пятницу вечером и в субботу утром папа с другими буковинскими евреями, кто мог стоять на ногах, участвовал в религиозной службе, несмотря на то что это не разрешалось. В лагере с нами находился известный раввин из Гура-Хуморулуй со всей семьёй. Книги «Тора» и молитвенника не было, но этот раввин знал все священные тексты и законы наизусть. Отдельного помещения у них не было, мужчины потихоньку собирались в углу одной из пустых конюшен и молились по всем правилам.

*

Люди после многих обысков всё же сумели утаить золотые монеты, колечки, деньги и давали от всех нас эти вещи солдатам-охранникам – понемногу и не каждый день, так что они нас не очень трогали, особенно, когда стало слышно, что советские войска бьют немцев в разных местах. Этих надзирателей-взяточников мы запомнили за то время очень хорошо. Но приезжего начальства, инспекторов с проверками они очень боялись – и в их присутствии зверели.

Случилось так, что одна из женщин родила в лагере мальчика. Она была не первой, родившей тут. Врачи из числа узников помогали им рожать. У этой женщины не стало молока, и ей нечем было кормить младенца. В один из дней она вышла из лагеря, чтобы у сельчан найти и принести молока. Охрана были так подкуплена нашими подношениями, что позволила узнице выйти из лагеря. Именно в этот день прибыла с инспекторской проверкой румынская военная комиссия посмотреть, как выполняются установленные порядки. Эта бедная мать как раз вернулась, принесла молоко, её поймали. Румыны специально согнали всех смотреть наказание, чтобы знали – если будем нарушать, то нас ждёт то же самое. Папа и мама быстро увели нас, детей, оттуда. Но то, что я успела увидеть, помню всю жизнь. Одни охранники схватили женщину, посадили на спину мужу, а другие – стали бить её нагайками с колючками по всему телу. От невыносимой боли она кусала спину своего мужа, она уже не понимала, что делает, и он упал. Она сошла с ума, потеряла сознание, а он умер, истёк кровью из перекушенной вены. Удовлетворённая комиссия уехала. Когда несчастная очнулась, она привязала живого ребёнка за ножки к себе, ходила по лагерю, волочила его за собой и бормотала: «Кути-кути, кути-кути», будто это была собачка. Ребенок почти сразу умер.

*

Папа узнал, что в Копайгороде находится его сестра **Фрида Вальцер**, с которой нас разлучили в поезде. Он решил увести нас из Обуховского лагеря в Копайгород и там найти сестру. В одну из ночей мама, папа и я с братом пошли в Копайгород. Добирались не одни сутки: днём прятались, шли только ночью.

Копайгород – большой город, в нём было гетто, но румыны не так сильно охраняли его в последний период оккупации, можно было выйти в город, например, на базар. Мы нашли Фриду и приютились у неё. В последние месяцы перед приходом советских солдат мы кормились тем, что покупали сало, варили из него мыло и продавали местным жителям. Румыны уже готовились удрать, им было не

до нас. Ежедневно мы ходили на вокзал смотреть, кто приезжает. В один из дней **весной 1944** года пришел поезд, в котором сидели советские солдаты с оружием. Так наступило наше освобождение.

После освобождения и послевоенная жизнь.

Возвращение в Румынию было долгим. Мы добрались до **Новоселицы**, что недалеко от Черновиц, и пробыли здесь около года. Занимались сельхозработами, чтобы заработать на еду.

В Новоселице мой отец был мобилизован в Красную армию и воевал рядовым в Эстонии и Литве. Был ранен в ногу, и его отвезли в госпиталь в **Москву**.

Мы с мамой и братом отправились в Гура-Хуморулуй. Добирались пешком и на крестьянских подводах. Еврейская община гор. **Гура-Хуморулуй** заплатила молдавским крестьянам, чтобы они от реки Сирет на своих телегах привезли в город евреев, освободившихся из Транснистрии. Еврейская городская община очень помогла тем, кто вернулся из лагерей и гетто. Нам покупали одежду, устраивали на учёбу или работу.

Мы с нетерпением ждали приезда отца домой из Советского Союза. В **1946** году мой папа вернулся поездом из Москвы в Бухарест после лечения в московском госпитале и увольнения из армии. Из **Бухареста** следовал прямой поезд в Гура-Хуморулуй.

У папы было свободное время до прихода его поезда, и ему захотелось погулять по улицам столицы возле вокзала. Неожиданно он встретил человека с хорошо знакомым лицом – надзирателя в Обуховском лагере, но в гражданской одежде. Охрана выпускала папу ежедневно на работу из гетто и впускала, уж он-то знал по имени всех. Папа подошёл к нему, и, конечно, охранник сразу вспомнил еврея из лагеря. Он решил, что этот бывший узник и живой свидетель намерен задержать его, поднять шум, и хотел убежать. Папа обратился к нему:

– Добрый день, господин Константин!

Бывший надзиратель на мгновение застыл от страха, но потом спросил:

– Кто вы? Я с вами не знаком.

– Вы прекрасно знаете меня: я вас стриг много раз в лагере, я чистил вашу обувь, моя жена стирала вашу одежду.

Тогда Константин перестал притворяться и сказал:

– Я знаю, что мне полагается наказание. Но у меня есть дети, жена – не зови никого, иначе меня арестуют. Я не был плохим человеком для евреев. Я не хотел делать то, что делал. Я выполнял это по принуждению, меня заставляли. Подумай хорошенько. Я вернулся оттуда хорошим человеком: не бил евреев, не обкрадывал их. Пойдем, я угощу тебя пивом.

– Я не желаю пить твоё пиво. Но я желаю тебе – не умереть, а чтобы у тебя случилось несколько таких дней в жизни, какие были у нас в вашем лагере три года, и чтобы ты их почувствовал.

Охранник сунул руку в карман, достал оттуда много, сколько схватила рука, золотых изделий и протянул папе:

– Вижу, что ты в советской военной форме, после армии, возьми это для своих детей.

И отец ответил:

– Я и мизинцем не прикоснусь к этим вещам. Ты брал золото у беспомощных евреев, но не потому, что они желали дать его тебе, а потому что у тебя было оружие, и они хотели жить. Много людей умерло, и тебе досталось золото евреев в награду за их смерть. И ты смеешь мне предлагать то, что награбил у моих мёртвых братьев? Иди отсюда!

Константин ушёл, и папа двинулся дальше, но услышал, что кто-то сзади, громко дыша, приближается к нему, и обернулся: его догонял Константин. Он схватил папины руки и начал их целовать. Это была не благодарность, а паника. Стражник боялся, что папа идёт заявить о нём в полицию. Отец вырвался и пошёл на вокзал. Через несколько часов мы встретились дома.

Таким был мой папа **Шмиль**, так он и нас воспитывал. Я сожалею, что у моего отца было мало радостей в жизни. Он очень настрадался в фашистских лагерях и ушел из жизни в возрасте 76 лет. Мама **Фанни** умерла в 82 года.

Лоти Гутман в 12 лет. 1945 г.

*

Осенью я пошла в школу, ведь четыре года не училась, в 12 лет не умела толком ни читать, ни писать. И за первый год учёбы окончила два класса.

Затем меня и брата определили на два года в интернат – детский дом для еврейских детей, выживших в Шоа. Это учреждение содержалось на деньги организации «Джойнт». Мы были хорошо одеты, накормлены, учились, спали в тепле. После того, что наголодались в разных румынских лагерях на Украине, не могли поверить, что нам подают белый хлеб, молоко, шоколад. Всё самое хорошее было для детей из нацистских лагерей. Мы учились понемногу ивриту, агрономии, домоводству. Нас фактически готовили для жизни переселенцев в еврейских киббуцах. Но в последний месяц отправка подготовленных детей в Эрец-Исраэль была отложена пришедшими к власти в Румынии коммунистами. Мы с братом вернулись к маме и папе и продолжили учёбу в городской школе.

После войны всей семьёй работали много лет в г. **Бухуш** на большой текстильной фабрике «Бухуш»: мама – швеёй, папа – парикмахером, я – в машинописном бюро на пишущей машинке в течение 35 лет, мой муж – токарем по металлу на станке. Мы с мужем **Лупу Кожокару** познакомились в 1948 г. и поженились в **1955** году. В **2010** году отметили 55 лет совместной жизни в любви и согласии.

*

Мой младший брат **Герман Гутман** стал известным писателем и поэтом в Румынии. После фашистских лагерей он был инвалидом с неизлечимой болезнью ног.

Несмотря на это, Герман окончил Бухарестский университет и работал в нём, преподавал литературу. Он автор 7 книг поэзии и прозы. Его литературный псевдоним – **Хория Гане** (Horia Gane). Гане – сокращённая фамилия Гутман в условиях социалистической Румынии.

Книги Германа Гутмана, изданные в Румынии. В центре книга воспоминаний «Я скажу ангелам…» о Холокосте в Транснистрии.

Свою последнюю – главную – книгу он написал именно о мучениях и смерти евреев в лагерях и гетто Транснистрии. Она называется «Я скажу ангелам…» («Voi spune înjerilor…»). Название имеет продолжение: «Я скажу ангелам, что мы остались здесь…» Это сказано о погибших евреях, чьи тела остались лежать в Транснистрии, но их души вернулись на родину – в Румынию. Герман много лет собирал и готовил материал, писал рукопись, но в 76 лет умер, и эта книга вышла в свет не так давно стараниями его жены **Лучики Рошу-Гутман** и троих детей. В ней написано о всех наших дорогах, о лагерях и гетто в Транснистрии, где наша семья находилась. Мы с братом были всегда вместе: и в гетто, и в мирной жизни, и он смог рассказать о Холокосте по-настоящему профессионально. Его книга заслуживает перевода на иврит и на другие языки. Когда он умер в **2004** году, Союз писателей Румынии напечатал большой некролог, в нём дана высокая оценка его творчества: «Это потеря для нашей литературы».

<u>В Израиле.</u>

Семья Кожокару. Лоти (справа), внучки Натали и Орли, сын Адриан, его жена Луци, муж Лупу. Реховот.

Мы с мужем приехали в Израиль в **1988** году. Наш сын и его семья репатриировались в Израиль на 2 года раньше нас. Сын Адриан окончил факультет электротехники Ясского университета, там познакомился с будущей женой Луци с факультета математики. Сыграли красивую свадьбу. Отец Луци – председатель Рэдэуцкого городского еврейского общества. Во время Шоа он был заключён в

Рэдэуцкое гетто. Мой папа мечтал, чтобы его дети и внуки жили на Святой Земле. И вот я и моя семья здесь.

Сын **Адриан** работает в гор. Кирьят-Гате на американском заводе «Интел». Невестка **Луци** – доктор математики, профессор Бар-Иланского университета. Младшая внучка **Орли** – офицер Армии обороны Израиля, старшая внучка **Натали** – окончила Бар-Иланский университет, преподаватель. Все живём в гор. **Реховоте**.

Мы и дети очень довольны. Но мне мешает радоваться ухудшение здоровья, боли в ногах.

*

Я и сегодня помню многие рассказы мамы и папы о том, что происходило с нами в годы Катастрофы. Но были случаи, когда они обрывали воспоминания: «Про это я не хочу рассказывать… Это не надо вам слышать... Мы забыли…» Они в мирной жизни не хотели, чтобы мы страдали от страшных рассказов. Мама не желала, чтобы наши сердца вновь и вновь наполнялись болью. Она нам повторяла: «То, что вы прошли, что было, – закончилось, надо смотреть вперёд и не сидеть с плохими воспоминаниями каждый день».

Этот мой рассказ – для тех, кто, слава Богу, не испытал того, что выпало моему народу, моим дорогим родителям и мне. И дай Бог, чтобы никто больше на земле не прошёл через ад Холокоста.

Пусть у всех будет добрая память о жизни, мир и здоровье.

Перевод с румынского и идиша **Сарры Севривер** (Реховот).

44.

Файфермахер Рива
(с. Копайгород)

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ ДЕВОЧКИ РИВЫ

Предложение рассказать в книге об ушедшей из жизни моей тёте Риве, бывшей узнице гетто, совпало с моим давним желанием поведать о самых близких мне людях. Их связывали не только родственные узы, но и совместное пребывание в годы Катастрофы в Копайгородском гетто, и большая любовь друг к другу.

Тётя Рива Файфермахер (девичья фамилия Штельман) – родная сестра моего отца Якова Штельмана. Я была внимательным слуша-

телем рассказов тёти Ривы и папы о муках, перенесённых их семьёй в годы Холокоста. Тётя рассказывала о том страшном времени, но не очень охотно вспоминала о нём. Свои записи, сделанные в ходе их рассказов, я передала Реховотскому объединению бывших узников нацистских гетто и концлагерей, членом которого являлась тётя Рива.

Рита Месóчник (Штельман), инженер, Реховот.

<u>До войны.</u>

Рива родилась **17 июня 1930** года в **Копайгороде** Винницкой области. Её отец **Шулим Штельман** (1895), очень образованный человек, получивший высшее образование, успешно руководил предприятием-цехом по изготовлению кондитерских изделий. Он ездил в командировки в разные города, закупал для производства продукты и сырьё. Отец умер очень молодым в 1940 году в возрасте 45 лет. На работе он случайно упал, ударился о весы и на месте скончался от кровоизлияния в мозг. Мать **Брана Азриловна** (1896) была домохозяйкой. В семье родителей Ривы было 10 детей, но выжили четверо из них: братья **Яков** (1915), **Хаим** (1921), **Ицик** (1923) и сестра **Рива**.

<u>Война и Копайгородское гетто.</u>

Как только началась война, брат Ривы **Ицхак** Штельман ушел на фронт и погиб, семья получила похоронное извещение после освобождения Копайгорода в 1944 г.

Ицик Штельман – брат Ривы, погибший на фронте в годы войны. Довоенный снимок.

Рива находилась с мамой и братьями Яковом и Хаимом в Копайгородском гетто с июля 1941 по март 1944 гг. В середине **июля 1941** года в **Копайгород** вошли немцы. В начале осени они согнали всех евреев Копайгорода на пустую территорию, обнесённую колючей проволокой, без крыши над головой. Это место находилось в нескольких километрах от Копайгорода. Мать Брана находилась в этом ужасе с тремя своими детьми. Начались дожди, и на этом ограждённом участке всё плавало: узлы с вещами, жалкий скарб узников тюрьмы под открытым небом. Люди лежали осенью прямо на земле. Никого не выпускали. Был голод: местные жители-украинцы пытались бросать еду через проволочный забор, но их отгоняли. Все нужды справляли на месте. На месте болели и умирали. Тётя рассказывала, что немцы схватили старого уважаемого человека-раввина, раздели его догола перед всеми, таскали за бороду, за пейсы. В этих тяжёлых условиях людей продержали несколько месяцев.

Потом в **Копайгород** пришли румыны. Немцы передали им руководство еврейским лагерем на пустыре. Перед своим уходом немецкие палачи выстроили всех узников и начали расстреливать каждого второго из пулемёта. Очередную жертву выводили из строя и ставили перед пулемётом. Рядом с одиннадцатилетней

Ривой стояла её школьная подруга. Рива рыдала и кричала: «Мама, задуши меня, я не могу это вынести, задуши меня!» Немцы вывели и застрелили подругу. И вдруг пулемёт заклинило. Румыны вмешались, потому что уничтожали их бесплатную рабочую силу, и расстрел прекратился.

Новые хозяева-румыны лишь перед началом зимы вернули евреев в их дома, которые к тому времени были разграблены оккупантами и соседями, в них не осталось абсолютно ничего. До войны евреи в Копайгороде жили компактно, своим местечком, и еврейский район был превращён в гетто. Через короткое время раввин, не вынеся издевательств и стыда перед людьми, повесился.

Румыны ввели принудительный труд. Те, кто работали, получали ничтожный паёк. Семья Штельман была до войны весьма зажиточной. Мать **Брана**, находясь в гетто, принимала к себе всех, кому было ещё тяжелее. У неё в подвале с довоенной поры хранились в особом месте тюки с тканями, которые привозил муж. Она продавала, обменивала по частям эти ткани и выкупала у румын людей. Благодаря бабушке многие выжили. Однажды моего папу Якова, его брата Хаима и одного их дальнего родственника румыны взяли в заложники. Люди гетто собрали деньги, ценности и выкупили их у румын.

Румыны издевались над евреями не меньше, чем немцы. Как-то за Ривой погнались румынские жандармы, ей удалось скрыться, но им попался её брат Яков. В отместку они избили брата за сестру, не так посмотревшую на жандармов.

Риву с 12 лет заставляли ходить с девушками и женщинами на работы. Она мыла окна, полы, занималась уборкой в холод и жару. Однажды девочка заболела и слегла с высокой температурой. Пришёл полицай и закричал: «Вставай на работу, что ты лежишь?» Бабушка ответила ему: «Она болеет, не может подняться, у неё жар». Полицай выхватил из печи раскалённую кочергу и приложил к ноге девочки. Рива страшно кричала, а злодей спокойно ушёл. Этот знак на голени остался у тёти на всю жизнь. Я не раз видела его – там как будто вырван кусок плоти.

Ривиного брата **Якова Шулимовича Штельмана** (15 мая 1915) и мою будущую маму **Хону** (Хану) **Вольковну Шляк** (26 декабря 1918) судьбе было угодно познакомить в трагические годы Шоа. Еврейские молодые люди испытали не только ужасы Копайгородского гетто, но и первое чувство взаимной любви, которое пронесли через всю жизнь.

Папа Яков, родом из Копайгорода, до войны учился в Одесском техникуме и, как его отец, был по профессии конфетчиком. Мама Хана жила в селе **Зинькове** Виньковецкого р-на Хмельницкой области. Её отец **Волька Шляк** (1887) трудился кузнецом, мать **Ривка** (1892) была домохозяйкой, воспитывала четырёх детей: братьев Хаима, Моисея и сестёр Маню и Хану. Юная Хана работала в сельской школе учительницей после учительского техникума. Когда в **июне 1941** года началась война, мама училась в Киевском пединституте на 2-м курсе, и она тут же поехала домой к родителям. Добралась до Зинькова и узнала, что село уже оккупировано немцами и её семья находится в Зиньковском гетто. Ей удалось выкупить у местных полицаев родителей, брата и забрать их из гетто. По дороге она вспом-

нила, что должна получить у сапожника свои ботиночки, зашла к нему на минуту, и за это время немцы схватили её брата **Моисея** семнадцати лет, родителей **Ривку** и **Вольку** и живыми бросили в помойную яму в ближайшем дворе. Когда Хана вышла, увидела, что их нет, и поняла, что случилось, она хотела кинуться вслед за ними в яму. Одна украинская женщина ей сказала: «Почему ты должна отдать им ещё и свою жизнь? Спасайся».

Мама шла по ночам лесами, стучалась в дома. Кто-то открывал и кормил её, кто-то прогонял. В лесу она встретила шуцманов (полицаев). Все свои вещи она тогда носила на себе, и из-за множества одежд выглядела толстушкой, хотя на самом деле была очень худой, килограммов сорок. Они её раздели, оставили в нательной рубашке. Видимо, её спасла от изнасилования только крайняя худоба. У мамы были с собой её документы об образовании и фотографии всех родственников. Шуцманы их изорвали, выбросили, её одежду поделили и сказали на прощание: «Ты всё равно умрёшь, и это тебе не нужно». Десять холодных осенних ночей моя мама в одной рубашке пробиралась в Копайгород, где, как она знала, жила ее родная тётя. От Зинькова до Копайгорода было примерно 80 километров. Когда на рассвете она пришла в Копайгород, первым человеком, которого она увидела, был парень, стоявший на околице, – мой будущий папа. Вот так мои родители в первый раз увидели друг друга. Мама побоялась заговорить с парнем, прошла мимо и направилась в Копайгородское гетто.

Жила мама в гетто у своей состоятельной тёти, у неё же нашла приют и мамина сестра Маня со своим женихом. На все работы, трудовые повинности тётя посылала маму. Папа по-соседски стал захаживать к ним в дом. В доме любили петь. У мамы был чудный голос. Яков услышал её пение и влюбился сначала в голос. Он даже ходил слушать, как Хана поёт с девушками на работе.

У тёти были две очень красивые дочери, двоюродные сёстры Ханы, и тёте хотелось выдать их замуж, ведь жизнь несмотря ни на что продолжалась. Тётя имела виды на Якова и решила однажды проверить, к кому именно приходит молодой человек. Перед одним из папиных визитов маме велели спрятаться под столом. Яков вошёл, спросил, где Хона. Ему ответили, что её нет дома, он повернулся и вышел. Тётя и дочки набросились на маму: «Как ты можешь интересоваться парнями, у тебя родители только что погибли!» – и выгнали её на улицу. Она стояла на улице, плакала и не знала, куда ей деться.

Моя бабушка Брана, мать папы и Ривы, была очень сердечной женщиной. Однажды немцы выволокли на окраину девушку-сироту **Лизу**, у которой погибли родители, и на глазах у всех изнасиловали. Бабушка Брана приняла к себе Лизу жить. Увидев через окно плачущую Хону, бабушка вышла из своего дома и спросила, почему та стоит здесь. Мама ответила, что ей некуда идти. Бабушка позвала её жить к себе домой, и благодаря ей мама выжила в эти трудные годы. В двух комнатах бабушкиного домика была большая теснота, все спали вповалку на полу: юноши и девушки в разных комнатах. У бабушки мама познакомилась с Ривой, Яковом, Хаимом, Лизой, и они стали жить одной семьёй.

После освобождения и войны.

В **1944** году Красная армия освободила узников Копайгородского гетто. Папа Яков, его брат Хаим и жених маминой сестры Мани Григорий Штейнбух сразу же были мобилизованы на фронт и воевали. Мама и папа даже не успели пожениться. Моя сестра **Шлима** (Шура) родилась 17 марта 1945 года. Все трое вернулись живыми домой в Копайгород. Сыграли две свадьбы. Я родилась в **1947** году.

Штельман Рива в 14 лет. 23 сентября 1944 г. Копайгород.

Рива училась в школе. Помню, мы жили одной большой семьёй у бабушки Браны. Потом тётя Рива вышла замуж в первый раз и уехала в Кишинёв. Начала работать в Молдавском институте кинематографии машинисткой. В 1951 году моя семья переехала в Кишинёв, где уже жила тётя Рива. Наши семьи (сестры Ривы и брата Якова) помогали друг другу все годы. Она была очень красивой девушкой, женщиной. Во второй раз она вышла замуж в **1951** году в 21 год. Ее муж **Лейба Файфермахер** пережил Ленинградскую блокаду. Он был очень хорошим портным в Кишинёве, а затем и в Израиле. Лейба её ревновал и не разрешил дальше работать. Лет десять тётя Рива была домохозяйкой, а затем работала в Республиканском ожоговом центре буфетчицей и до выхода на пенсию – в регистратуре поликлиники. Ривина и папина мать **Брана** умерла 3 июля **1983** года в возрасте 87 лет в Кишинёве.

В Израиле.

Тётя Рива с мужем репатриировалась из Молдовы в Израиль с моей семьёй в ноябре 1996 года. В Израиле первые три года мы жили вместе. Когда она с мужем Лейбой получила квартиру в хостеле (*ивр*. общежитие гостиничного типа) в **Реховоте**, я бывала у неё каждую неделю, и тётя Рива понемногу делилась воспоминаниями. После смерти мужа в **2006** году тётя жила одна. У неё не было родных, кроме меня и моей сестры Шуры, живущей в Ашдоде. Тётя **Рива Файфермахер** ушла из жизни **3 сентября 2011** года, похоронена в Реховоте. Я теперь хранитель всех документов и фотографий тёти и наград её мужа.

Семейный снимок: стоит Рива, сидят – Хана Штельман с дочерью Александрой, брат Ривы Яков Штельман с дочерью Ритой. Январь 1951 г. Копайгород.

Мои папа и мама очень любили друг друга всю жизнь. После смерти моей мамы Хоны **19 октября 1992** года папа Яков уехал с моей сестрой Шурой в Израиль, потому что документы были давно готовы. Он просто не смог жить без мамы и умер **22 ноября**, месяцем позже мамы. Да будет вечной память о моих дорогих маме Хане, папе Якове и тёте Риве.

45.

***Фушман Арон* и**
Фушман Евгения
*(с. **Копайгород**)*

НЕ ЗАБУДУ И НЕ ПРОЩУ

До войны.

До войны мы жили в бессарабском городе **Хотин** на берегу Днестра. Нашу семью составляли отец **Давид Исаакович Фушман** (1894), мать **Брана Ароновна** (девичья фамилия Гутенберг), я, **Арон** (14 сентября 1924) – единственный ребенок в семье, и бабушка **Эстер**, мать моего отца. Она умерла в 1938 году, а в последние годы перед войной с нами жила мамина мама, моя вторая бабушка **Нехама** Гутенберг. За несколько месяцев до войны её парализовало.

В 1914 году, в 20-летнем возрасте, отец служил в царской армии и участвовал в Первой мировой войне. На войне был ранен шрапнелью. Он вернулся с выбитыми зубами и шрамом на лице. У нас была маленькая пекарня, и папа руководил работой двух работников. Мама занималась домашним хозяйством.

Я окончил 4 класса народной еврейской школы «Тарбут». Школу содержала частично городская еврейская община, и часть платили родители. Затем 4 года учился в румынской гимназии. Раз в неделю в гимназию приходил сын раввина и давал ученикам-евреям урок иврита и Торы.

28 июня **1940** года в Хотине была установлена Советская власть. Первое, что сделали коммунисты, – арестовали отца как эксплуататора и посадили в тюрьму. Он отбывал срок заключения на территории Украины, и переписка с ним была запрещена.

Война и оккупация.

За неделю-полторы до прихода немцев в воскресный день в Хотине внезапно возник пожар. Он унёс часть города, где жило еврейское население. Весь наш

район сгорел с нашей квартирой. А на следующий день, в понедельник, возник второй пожар, в другой части города, и охватил почти весь город. Непонятно, кто поджёг город. По дороге в гетто пожилые люди говорили, что перед войной они жаловались в горсовет на самолёты, которые опрыскивают крыши. И власти им объяснили, мол, это опрыскивание проводят специально, чтобы не загорелись крыши, потому что ждут очень жаркого лета.

6 июля 1941 года немцы и румыны заняли наш город. Румыны находились в Хотине до 27 июня 1940 года и появились в 1941-м опять. Они вернулись очень злые на жителей. В оккупированном Хотине остались мама, бабушка Нехама и я. **9 июля** полиция устроила погром на майдане – площади, где продавался скот. Затем всем евреям приказали собраться во дворе полиции. Когда люди собрались, неожиданно подъехала и остановилась машина. Из неё вышли три немецких офицера высоких чинов. Один из них на плохом русском языке велел всем построиться в одну шеренгу. Он пару раз повторил команду, но евреи её не выполнили. Вдруг из толпы некто поднял руку и назвал офицера по чину. Офицер удивился и спросил: «Откуда ты знаешь мой чин?» Тот ответил: «Я до 37-го года жил в Берлине» и назвал улицу. Офицер удивился: «Ты же был моим соседом. Как ты здесь очутился?» – «Я бежал в Румынию, а оттуда – в Хотин. Я здесь с женой». – «Выйди сюда и объясни всем по-еврейски, как строиться». И стал его использовать в качестве переводчика. Немец ходил между рядами. Отобрал группу людей: городского раввина по фамилии Азаринец и его сына, фотографа Пинуса, экспедитора, адвоката, «переводчика» с женой и других. Я в это время стоял поодаль между каменными столбами, на которых держались железные ворота полиции.

Собрав человек пятьдесят, офицер открыл для них калитку и первым пропустил раввина. Немец с издёвкой сказал на иврите: «Вначале Бог создал небо и землю». Когда полицаи их вывели, я заметил, что вдоль дороги, по ту сторону калитки, уже стояли немцы и ждали, когда выйдет эта группа. Был прекрасный летний день – и вдруг всё потемнело, набежали тучи. В час дня разразился ливень. Несчастных отвели за город, в район кладбища и озера. Их всех загнали в озеро и расстреляли… Похоронить убитых разрешили не сразу. Всех остальных держали в полиции до утра, утром отвели в женскую гимназию, там зарегистрировали и отпустили.

С 9 июля до 1 августа мы работали. Румыны относились к евреям плохо, издевались над нами. Был введён принудительный труд. Рано утром мы шли на разные, в основном чёрные, работы и поздно вечером возвращались. Делали уборку улиц и помещений, готовили их к открытию госпиталя для будущих раненых. Каждый день водили в другое место. В Хотине от стены старинной крепости отвалился большой камень и загородил проезд. Ежедневно нас туда пригоняли, чтобы мы отодвинули камень с дороги.

Жить было негде, потому что всё сгорело. Жили по садам, огородам, у соседей, спали там, где работали, где только можно было. Ели то, что у кого было.

Дорога в гетто.

1 августа нас выгнали из домов в 6 часов утра, собрали на площади, построили в огромную колонну и погнали из **Хотина** в неизвестном направлении. Для парализованной бабушки и стариков жандарм дал подводы. В самом Хотине оставили несколько семей. Их судьбу я не знаю.

Мы шли два дня без воды: пятницу и субботу. В воскресенье вошли в какое-то село. Возле маленького домика сидели несколько молдавских девушек и ребят. Я подошёл к ним, заговорил по-румынски и попросил напиться воды. Подошёл к колодцу, взял ведро с водой, чтобы попить. В этот момент меня сильно ударили по шее – я потерял очки и даже не попил. Видимо, очки упали в колодец, и я четыре года ходил без них. После меня целая толпа бросилась пить воду.

Мы шли ещё 3-4 дня без воды и без еды. Вдруг дали команду остановиться и сесть. Это было посреди дороги, между кукурузным полем с одной стороны и подсолнечником – с другой. Подъехали 2-3 машины, похожие на «скорую помощь». Из них вышли офицеры, стали бриться, пить чай и т. п. Один из них подошёл к нам: «Вы евреи? Вас гонят в гетто». Мы не поняли его слов, так как он говорил на итальянском языке. С нами шёл врач **Хуна Эльман**, который окончил медицинский институт в Италии. Итальянец позвал ещё одного офицера, и они втроём разговаривали. Оказалось, что все они учились в одном учебном заведении.

Нас привели в **Атаки**, где мы пробыли несколько недель, выполняя разные работы: уборка улиц и тому подобное. В Атаках спустя несколько дней после прихода скончался доктор Эльман – он отравил себя. Бабушка **Нехама** умерла по дороге в Транснистрию. Из Атак нас погнали дальше без бабушки. Она лежала парализованная, и нам, семье, жандармы обещали прислать подводу за ней, но мы бабушку больше не видели. Неизвестно, что румыны с ней сделали. Они никого не жалели.

Колонну повели в обратном направлении – в **Секуряны**, где мы пробыли до октября. В Секурянах отобрали 5-6 человек, и меня среди них, и отправили пешком в **Бричаны** – убирать пух после погрома еврейских квартир. Затем нашу группу вернули обратно в **Секуряны**, где мы выполняли разные чёрные работы. Примерно в середине октября нас разделили на 2 колонны: одну увели в первые дни праздника *Суккот*, и часть её вернулась. Пришедшие рассказали, что большинство людей из их колонны румыны расстреляли в лесу. Услышанное произвело на всех тяжелейшее впечатление, и тут дали команду идти нашей колонне. Нас переправили по понтонному мосту через Днестр, переночевали мы в **Могилёве-Подольском** и пошли в Копайгород.

В Копайгородском гетто.

В конце октября **1941** года мы пришли в местечко **Копайгород**, где и оставались в гетто до освобождения. Мне в эту пору исполнилось 17 лет. Я и ещё 5-6 юношей таскали два раза в день 200-литровую бочку с водой. Один из наших ребят от такой работы умер. Мы были и грузчиками, и лошадьми. Воду брали из расположенного в низине родника. Мы подавали снизу воду в вёдрах, другие заливали её в двухколёсную бочку, затем все впрягались в неё и тащили воду в гетто для нужд

жандармов. Привезённую воду мы заливали в разные железные, эмалированные баки для питья, для мытья, приготовления пищи, резервуары и ехали второй раз. Во дворе у жандармов был колодец, но они желали только родниковую воду.

В ноябре **1943** года нас отправили в **Матейковские леса** в районе сёл Матейково и Поповцы Винницкой области на лесоразработки, где мы и работали до марта 1944 года.

В Копайгородском гетто, кроме меня и мамы, находилась и старшая папина сестра **Крейндель Аккерман** (девичья фамилия Фушман). Они жила в гетто в соседнем селе и перешла к нам. Выжили только мы трое. От соседей-евреев, вернувшихся после освобождения из Транснистрии, мы узнали позднее, что в октябре-декабре **1942** года мой папа **Давид Фушман** умер от тифа в 47 лет в **Бершадском гетто**. В первые дни войны его и других осуждённых выпустили из советской тюрьмы. Отец оказался на оккупированной немцами Украине и попал в фашистскую тюрьму – в гетто.

На пути в Транснистрию в лагере с. **Вертюжаны** осенью **1941** года погибли при расстреле мамина сестра **Рухман Туба Ароновна** (дев. фамилия Гутенберг) с мужем **Эли** и их маленькой дочкой (имя не помню).

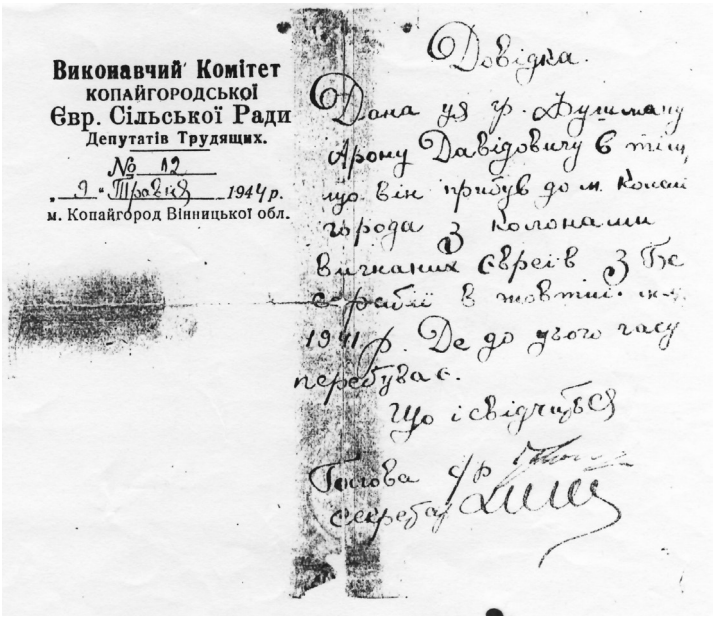
В гетто села **Кошаринцы** около Копайгорода весной **1942** года умерли от голода и болезни младшая папина сестра **Перл Исааковна** (девичья фамилия Фушман) в 42 года с мужем **Мойше Тепером** 45-ти лет**.** А их сын **Ицик** Тепер (10.10.1929 – 8.5.1948) похоронен у нас в Израиле. Мальчик был спасён от смерти, найдя убежище в доме украинского крестьянина. Он пас его свиней, одетый украинским пастушком. В **1943** году детей вывозили из гетто с помощью румынской еврейской общины, Ицика отправили с другими детьми в Румынию. В Бухаресте его приняла богатая семья. Когда русские вошли в этот город, советский генерал взял его с собой в качестве переводчика. После войны Ицхак вернулся домой в Хотин, не нашёл никого из родных и уплыл на пароходе в Эрэц-Исраэль. Здесь он встретил папину сестру **Крейндель**, в 1947 году начал военную службу в одной из бригад организации «Агана». В военной операции Израиля в мае **1948** года в бою с арабскими силами Ицик погиб в 18 лет у села Кара и похоронен на воинском кладбище в **Нетании**. В этом городе установлен памятник погибшим за независимость Израиля, на нём среди сотен имён бойцов бригады «Александрони» есть имя **Ицхака Тепера**, мальчика из гетто. Я посетил этот памятник три раза.

Памятник в гор. Нетании бойцам бригады «Александрони». На нём – имя Ицхака Тепера.

После освобождения и войны.

В марте **1944** г. советские войска освободили **Копайгород**. Нас, парней призывного возраста, отправили на польскую границу, в пос. **Скалат-Подольский**. Здесь нам объявили, что завтра нас переоденут и отправят на фронт. Утром приехали верховые и разделили нас: «западников» в одну сторону, местных – в другую. Нам, бессарабским евреям, выдали бумаги и отпустили домой. Мы отправились обратно и заночевали на станции **Бар**. Наутро появились железнодорожники из Винницы и объявили, что мы мобилизованы Винницким управлением железных дорог. Нас привезли в **Винницу**, где я проработал до июня **1946** года сначала рабочим, потом служащим по снабжению, завхозом в детском санатории. Вернулся в **Хотин** и устроился работать завмагом. Наш дом в Хотине сгорел, мы втроём: я, мама и тётя Крейндель жили у соседей.

Виконавчий Комітет
КОПАЙГОРОДСЬКОЇ
Євр. Сільської Ради
Депутатів Трудящих.
№ 12
1 Травня 1944 р.
м. Копайгород Вінницької обл.

Довідка.
Дана ця гр. Фушману Арону Давідовичу в тім, що він прибув до м. Копайгорода з колонами вигнаних євреїв з Бессарабії в жовтні 1941 р. Де до цього часу перебував.
Що і свідчить
Голова
секретар

Справка о пребывании Арона Фушмана в Копайгородском гетто. 1944 г.

После переезда в гор. **Черновцы** я окончил финансовый техникум и работал бухгалтером все годы до отъезда в Израиль.

Шейндл (Женя), моя покойная жена, родилась **8 сентября 1928** года в местечке **Вад Рашков** Сорокского р-на Молдавии. Её отец Идл Шлафман был портным, мать Лифша – домохозяйкой. Женя тоже хорошо хлебнула фашистской неволи, во время оккупации она ребёнком попала в **Копайгородское гетто** прямо из пионерского лагеря, куда девочку отправили отдыхать родные летом 1941 года. Женя находилась в детском доме (детском приёмнике) гетто, организованном румынской еврейской общиной. После войны она жила с родителями, вернувшимися из эвакуации. Мы с Женей познакомились в **1954** году в Черновцах. Я работал на сахарном заводе, а она – на инструментальном. Поженились. У нас родился сын **Давид**, есть внук. Женя работала в Черновцах старшим бухгалтером все годы на одном предприятии.

В Израиль мы приехали в марте **1991** года, но сын почти сразу эмигрировал в другую страну. Женя ушла из жизни **26 ноября 2005** года. Вместе мы прожили 51 год.

*Участник Реховотского объединения бывших узников фашистских гетто и концлагерей, наш друг **Фушман Аарон** ушёл из жизни **19 января 2012** г. в период работы над книгой, приняв активное участие в её подготовке.*

46.

Штейнман Иосиф
*(с. **Копайгород**)*

ПОСЛЕ ПОБЕГА НАС СПАС ДЬЯК ИВАСЬКОВ

До войны.

Я, **Иосиф Аронович Штейнман**, родился **6 июня 1936** года в пос. **Копайгороде** Винницкой области Украины в составе СССР. Это старинное еврейское местечко с большим количеством еврейского населения в то время было очень приятным, красивым, вокруг поля, сады, прекрасная природа. Протекает небольшая речушка Немия, впадающая в Днестр. В пяти километрах от города находится железнодорожная станция **Копай**. Все евреи жили компактно, в центре местечка: маленькие низенькие домики, с узенькими проходами на другую улицу между ними, так что только дети могли пройти там, а взрослые пробирались боком.

В Копайгороде трудилось много ремесленников: сапожников, портных и т. п. Поскольку это был районный центр, то многие евреи работали служащими в различных советских учреждениях. Отец **Штейнман Арон Зусьевич** (1911) работал техником-строителем в отделе строительства до войны и в её начале. Помню, ещё жили дедушка, папин отец **Александр-Зусь**, и бабушка, папина мама **Хая**. В небольшом домике работала синагога с раввином. Дедушка и папа ходили в синагогу молиться. Папины родители умерли до войны. Когда дедушка умер, папа ежедневно читал в синагоге поминальную молитву. Жили в Копайгороде и родственники отца: его сестра **Ента** с мужем Беней, дочерью Раей и сыном Борисом. Папины сёстры **Соня** и **Бузя** жили в Москве, Бузя работала у знаменитого учёного О. Ю. Шмидта.

Мать **Эня Иосифовна** (в девичестве Биленькая) (1912) в детстве, как и папа, училась в еврейской школе. Мама окончила учительский техникум и работала учительницей начальных классов в украинской школе, на работе её называли Анна. В семье, кроме меня, были две младшие сестры: **Оля** (1 августа 1938) и **Рая** (25 мая

1941). Мама бегала в заботах о нас между работой и домом, благо он находился напротив школы. В Копайгороде отдельно жили сёстры матери – тётя **Шлима** с дочкой Олей и тётя **Поля**, а также бабушка – мамина мачеха **Гитл**. Ещё две мамины сестры в годы Гражданской войны через Румынию эмигрировали за границу.

Жизнь текла, как во всех еврейских семьях. В то время строго придерживались еврейских обычаев, все еврейские праздники отмечали у бабушки Гитл, жившей вместе с тётей Полей. Бабушка обращалась к нам на идише. Скрывать обычаи не надо было, праздновали открыто. На Песах бабушка Гитл пекла мацу не только для нашей семьи, но и для всех соседей. Собирались соседи с детьми, раскатывали тесто, нам, детям, давали колесики от больших часов, и мы катали их по тесту, чтобы появились ряды маленьких дырочек. Помню, как тесто сажали в печь, как вынимали мацу.

Я узнал о том, что еврей, от родителей. В доме были еврейские книги, отец покупал и читал еврейские журналы. Папа старался меня познакомить с еврейским алфавитом, но в то время мне не удалось его выучить. В нашей семье родители говорили между собой на идише, с детьми они общались больше на украинском языке, потому что наша семья жила вне местечка, среди украинцев. У нас своего дома не было, мы снимали квартиру у украинской семьи в добротном доме, с крышей под соломенным покрытием, большим двором, сараями, высоким забором, земельным участком возле дома и хорошим огородом. Воду брали из большого глубокого колодца возле нашего дома. Помню хозяйку **Марию**, её мужа, который мостил дороги камнем.

Моими друзьями были еврейские и украинские ребята. Я ходил в украинский детсад. В моём школьном классе училось больше половины еврейских детей.

Начало войны и в Копайгородском гетто.

Копайгород находился километрах в пятидесяти от границы с Румынией. Когда началась война, мама просила разрешения на эвакуацию, но председатель райисполкома сказал ей, что нечего сеять панику, никуда не надо эвакуироваться. Свои семьи начальство отправило в тыл на следующий день. А потом очень быстро появились немцы. Они наступали на город Бар и обошли наш городок, так как он был присоединён к румынским территориям на Украине.

В Копайгороде был установлен румынский режим, а немцы впоследствии бывали у нас наездами. В **августе 1941** года всех евреев загнали в гетто, устроенное в центре местечка, там, где издавна стояли еврейские дома. В каждом доме поместили несколько семейств. Все взрослые носили на груди знаки – «магендавид». Мы жили все вместе у бабушки **Гитл** в её двух комнатушках, кухне и сенях: папа, мама, я – ребёнок пяти лет, трёхлетняя Ольга и одномесячная Рая, а также тётя Шлима с дочкой Олей, тётя Поля и мужчина по фамилии **Авербух**. Нам, десяти человекам, было очень тесно. Главная дверь из первой комнаты была выходом на ул. Ленина, за ней следовали вторая комната, кухонька, сени, и из них другая дверь выходила на узенькую улочку с рядами еврейских домов.

Выйти куда-нибудь из гетто нельзя было, сходить за молоком для малышки или обменять вещи на еду родители не могли, потому что евреям запрещалось переходить центральную улицу (до войны ул. Ленина) – границу гетто. Она разделяла еврейскую и украинскую части Копайгорода и патрулировалась полицаями – местными украинцами, которых я знал до войны. С другой стороны этой улицы жили украинцы. Украинское население свободно передвигалось всюду. Гетто не было огорожено, но если полицаи замечали, что кто-то из евреев переходит дорогу, могли даже убить. Однажды мы с отцом направились в лес собирать хворост, чтобы топить печь, но полицай запретил нам и сказал: «Жидам нечего туда ходить».

Через дорогу от гетто недалеко был дом, где мы брали молоко для сестрички-младенца у добрых людей-украинцев: мужа и жены **Федони** с большой семьёй. Помню их сына **Петю**. Посылали за молоком меня, маленького и проворного. Мне надо было перебежать туда и обратно улицу-границу гетто, когда не видели полицаи, так что я был постоянным нарушителем границы.

Побег из гетто.

В **конце 1941** года из Бара приехали немцы и выгнали всех евреев гетто на небольшую площадь в его центре. Помню, там стояло много народу, и немцы объявили, что нас отправляют в концлагерь в лесу за железнодорожной станцией **Копай**. Немцы огородили там колючей проволокой огромный пустырь для копайгородских евреев. Дали два часа на сборы. Родители решили не идти в лагерь, потому что это верная смерть. Им надо было нести сестёр на руках, да и я был маленький, поэтому никаких продуктов и вещей с собой они взять не могли. И они договорились с остальными, что убегут с детьми и спрячутся в одном месте, а бабушка Гитл, Шлима с дочкой и Поля после побега укроются в другом месте. Я узнал позже, что так поступили и некоторые другие семьи.

Меня послали посмотреть в проход между домиками, никого ли нет, и мы перебежали через дорогу. Наша семья спряталась у той самой крестьянки **Федони** в огороде, в зарослях кукурузы возле уборной. Сидели тихо, старались не разговаривать и вдруг увидели через огороды, что в соседний двор вошли немцы с собаками и полицаи. Они искали спрятавшихся евреев. Видимо, немцы догадывались, что некоторые украинцы укрывают евреев. Во двор, где мы прятались, вот-вот должны были нагрянуть оккупанты. И мы через колючую проволоку огорода бросились бежать вниз к речке Немии. Родители перешагнули через ограду, а я, пятилетний, перебираясь, распорол ногу о железную колючку, но вынужден был молчать. Мы пошли вдоль берега реки туда, где немцы уже побывали во дворах. Родители несли на руках сестёр. Мы надеялись, что немцы на проверенный участок больше не вернутся. В камышах возле реки сидели до позднего вечера. Близилась осень, вечер был холодный, мы были не одеты, мёрзли. И тут от голода и холода начала плакать младшая трёхмесячная сестра. По рассказам родителей, они в этот момент не знали, что делать – а вдруг услышат немцы? Родители даже пришли к мысли, что если нас обнаружат немцы, то бросить в реку нас, малых детей, и самим утопиться. Когда стемнело, мама с младенцем на руках пошла просить сельчан, чтобы

разрешили переночевать в каком-нибудь сарае. Она заходила в несколько дворов, ей отказали все, даже знакомые, потому что боялись немцев. Мама брела с ребёнком на руках и плакала. От реки в её сторону шёл пожилой человек, как оказалось, церковный дьяк **Иваськов**. Сыновья дьяка воевали в Красной армии. Он немного успокоил мать, расспросил её и отправился просить своих невесток спрятать нас. Невестки разрешили нам прийти на одну ночь, и мы разместились ночевать в их сарае на соломе. Потом они согласились, чтобы мы прятались и дальше. Кормили нас, приносили молоко ребёнку. Мы пробыли у них около недели.

Рядом через один-два дома с согласия знакомых украинских хозяев прятались в их сарае, в высокой соломе, тётя Поля, тётя Шлима с дочкой и бабушка. Помню, что сына хозяев, моего ровесника, звали **Гриша** по прозвищу Кацап. Был договор: в случае поимки евреев хозяева скажут, что не видели, когда чужие забрались к ним в сарай. Об этом месте знала тогда только мама. Одна из невесток стала связной между нами и бабушкой.

Для уборки, для своих хозяйственных нужд, для чёрной работы румыны решили взять из лагеря за станцией **Копай** какое-то количество евреев и возвратить в гетто. К счастью, шли они в гетто сами, без конвоя, мы присоединились к их группе и вернулись к себе в дом. С этого дня мы находились в Копайгородском гетто до освобождения.

Я был ребенком, и страха осознанного у меня не было, я не знал последствий своих поступков. Дети не очень придерживались указанных румынами границ гетто, если старшие не видели. Однажды я выскочил на улицу, перебежал границу, а там в эту минуту стояли румыны. Один поднял винтовку, направил на меня, и вот тогда я испугался. Он остался доволен моим испугом, и этим кончилось. Румыны относились к нам лучше, чем немцы.

Немцы время от времени приезжали в Копайгородское гетто, набирали мужчин на тяжёлые работы, и никто из них после этого не возвращался. Прибытие немцев означало, что начнётся облава, будут забирать мужчин. В соседнем от нас доме мужчин не было. Там построили в сенях тайник, в котором можно было только стоять, и попасть в него можно было лишь через чердак. В случае приезда немцев в нём прятались мой отец, наш жилец Авербух и ещё мужчины. После отъезда немцев я приходил сообщить папе, что можно выходить.

Жить было нелегко. Старались обменивать всё, что было. Приходили украинцы, приносили продукты в обмен на костюмы отца, другую одежду. Самым запомнившимся мне блюдом в гетто была мамалыга с молоком. Спать ложились, когда смеркалось. Была свечка, но ею редко пользовались, берегли. Родители поздно ночью, случалось, тайком перебегали границу гетто, чтобы у знакомых украинцев обменять вещи на еду. К нам в гетто приходили украинцы, которые старались помочь: приносили молоко для младшей сестры. Среди помогавших была и учительница – жена бывшего директора школы **Е. В. Басенко**, который в то время был назначен немцами главой украинской администрации Копайгорода. Часто его супруга присылала к маме домработницу с крынкой молока.

Мама рассказывала, что однажды, за два месяца до освобождения местечка, Басенко спас от смерти евреев гетто. Приехали немцы, чтобы взять в город Бар много евреев для расстрела. Он сумел в ресторанчике накормить, напоить немцев и отправить восвояси, так что евреев гетто не тронули. В благодарность за это евреи-свидетели защитили бывшего директора, когда после освобождения начались аресты немецких пособников. Он уехал из Копайгорода и больше не возвращался.

Помню, что соседи по гетто старались друг другу помочь. В нашей семье была крепкая дружба, без неё мы пропали бы все. Я находился постоянно с тремя сёстрами: двумя родными и двоюродной сестрой **Олей**. Мы, дети, как-то легче переносили неволю, на нас не лежали заботы о других. Заиграешься, и уже легче. Мы уже знали, что надо терпеть. Помню, часто плакала от голода маленькая сестричка. А мы не плакали, молчали.

Румыны брали людей на земляные работы, отец ходил копать рвы. Помню, что отца зимой взяли выкопать могилу для убитого партизанами румына. В один из дней партизаны запустили в небо воздушный шар с привязанным к нему металлическим предметом. Румыны сначала стреляли по шару, а когда с шара упал простреленный чайник, бросились в лес ловить партизан и вернулись с потерями: одним раненым и одним убитым. Отец и несколько мужчин выдолбили могилу в мёрзлой земле, разгорячились. Привезли покойника, и их заставили тоже снять шапки. Папу просквозило, и у него на голове образовался страшный гнойный нарыв. Лекарств не было, мать пекла луковицы, прикладывала к этой ране и спасла отца.

В гетто, кроме местных евреев, румыны поселили евреев, депортированных из Румынии. Они жили почти рядом с нами, но более привилегированно, отдельно от советских евреев. Румыны-охранники были к ним более благосклонны. К нам в гетто прибегали евреи из Бара, из Мурованных Куриловцев, из села Сниткова, выползали из расстрельных ям оставшиеся в живых после расстрелов. Ночью, кто мог выползти, шёл к нам и оставался жить в Копайгороде. У нас в гетто была целая группа таких людей.

Перед уходом румын-оккупантов в **1944** году женщина по фамилии **Фефер** была убита ими за то, что она сказала сожительнице претора (главы румынской администрации в городе): «Вот придут советские войска, и ты будешь наказана». Видимо, сожительница рассказала претору, и Фефер расстреляли.

Освобождение.

Помню, как румыны готовились отступать в начале **весны 1944** года. Они пели песни и уезжали. Мы стояли и наблюдали. Несколько дней продолжалось безвластие. Румыны ушли, полицаи не знали, что происходит. Потом через местечко прошла группа немцев. Через некоторое время появился всадник в непонятной форме без знаков отличия. Выяснилось, что это советский солдат. Все бросились к нему, кричали «ура», мужчины от радости подняли его вместе с лошадью. Он сказал, что минут через десять появятся наши войска. И действительно, скоро появились всадники с командиром. Кто-то из гетто узнал в проводнике советского отряда бывшего полицая. Сообщили командиру. Оборотня схватили, вывезли в поле и

расстреляли. В **Копайгороде** установилась советская военная администрация, в городе стояло армейское подразделение со штабом. Они помогли наладить гражданское руководство жизнью города. Освобождение для нас было счастьем.

В штаб пришел горожанин Левицкий и сообщил, что недалеко в поле, в стогу соломы, прячутся немцы. С ним на место поехал один солдат-мальчик, сын полка. И они вдвоём привели с поля двух немцев и четырёх власовцев. Сбежались люди и начали требовать их немедленной казни. Особенно просили об этом евреи, выползшие из расстрельных ям. Командир Короленко в доме провёл допрос всех пойманных, вышел и сообщил людям: «Немцев как военнопленных мы отправляем дальше, а власовцев отдаём на ваш суд». И люди, которые спаслись из расстрельных ям, бросились отрывать доски от забора и бить власовцев. Один из них кричал: «Не бейте, я член партии с 36-го года», и это вызвало ещё большую к нему ненависть. Командир вышел и прекратил избиение. Солдаты вывели власовцев в поле и расстреляли.

После освобождения.

Постепенно стала налаживаться жизнь. Мы перебрались жить в другое место города: сняли квартиру у пожилых украинцев. Отца **Арона** мобилизовали в армию и как строителя-специалиста направили в строительные войска на трудовой фронт в Киев поднимать столицу Украины из руин.

Иосиф Штейнман (сидит второй справа) – ученик 7 класса с одноклассниками. Февраль 1950 г.

В сентябре **1944** года в восемь лет я пошёл во второй класс Копайгородской школы им. Пушкина. В моём классе более половины учеников были евреи: помню Сюню Фефермана, Абрама Винокура, Хаюню Голобородько, из другого класса я дружил с Лёвой и Борей Духовными, Борей Ткач и др. Помню украинских друзей Олега Завьялова, Валерия Гута, **Галю Иваськову**, внучку дьяка – нашего спасителя. Помню завуча Спектора Ефима Моисеевича, его жену Городецкую – учительницу русской литературы, учителя истории Давида Абрамовича Марейниса, жившего в 90-е годы в Беэр-Шеве. Запомнилось, что в школе ни дети, ни взрослые никогда не говорили о гетто. Украинские одноклассники, ученики знали, что еврейские дети были в гетто, в наших отношениях это не проявлялось, ведь они тоже находились в оккупации.

В послевоенное время.

Не знаю, откуда тетя **Шлима** узнала, но в ночь на 9 мая она стучала к нам в окна и кричала: «Победа!» Мы были очень рады, что теперь скоро вернутся отец и его братья. Два старших папиных брата до войны окончили военные академии: дядя **Володя** служил в танковых войсках, окончил войну в звании подполковника, а дядя **Самуил** (Шмуль) – в Военно-морском флоте. Оба храбро воевали, я видел их с боевыми орденами и медалями. После войны Самуил Штейнман в звании инженер-капитана 1-го ранга служил начальником химической службы Балтийского флота.

Бабушка **Гитл** жила у тёти Поли и ушла из жизни в весьма преклонном возрасте.

Мама продолжила работу в школе в ближайших сёлах, ходила туда пешком. Лишь в **1948** году вернулся из армии отец и работал сельским строителем-прорабом и в разных строительных организациях. Последние годы родители жили у сестры Раи в гор. **Ладыжине**. Мама **Эня** умерла в 1976 году, папа **Арон** – в 1989 году.

Мне и сёстрам было трудно, когда в Москве затеяли «дело врачей». Начались нападки на врачей-евреев, тем более что в Копайгороде главврачом городской больницы был еврей. Его арестовали по письму школьного учителя физкультуры Левкова Ивана Васильевича, который писал, между прочим, что «все евреи – враги народа». Оканчивая школу в **1953** году, я не знал, куда поступить учиться. После смерти Сталина стало легче.

Нам, учительским детям, была близка с малых лет школьная атмосфера, мы выросли в школе. Вероятно, и мамин пример многолетнего преданного служения педагогике сыграл свою роль в том, что все её дети посвятили себя учительской работе.

Семья Иосифа Штейнмана: сидят (слева направо) – отец Арон с сыном Раи Димой, мать Эня, сестра Оля; стоят (справа налево) – Иосиф Штейнман, сестра Рая с мужем. 1972 г. Львов.

Я учился в Львовском университете на механико-математическом факультете. На занятия ходил в морской шинели дяди Шмуля. По окончании вуза в **1958** году работал завучем в сельской школе, затем – инспектором районо в Мурованных Куриловцах. После переезда в **Минск** в **1968** году сложно было устроиться на работу в школе: отказывали, когда слышали имя Иосиф Аронович. Тем не менее я был принят и успешно

работал в Минске учителем математики 26 лет. После окончания вузов сестра **Оля** преподавала биологию и химию в сельхозтехникуме в пос. Ильинцы, а сестра **Рая** работала преподавателем русского языка в Ладыжинском техникуме механизации сельского хозяйства. Учителем физики стал и Раин сын **Дима**, его жена **Светлана** преподавала немецкий и английский языки.

Я женился в **1976** году. Жена **Оля** Блехайзен (1946) работала инженером в проектном институте в Минске. Наш сын **Вадим** (1977) окончил школу с золотой медалью.

Трагическая судьба постигла в годы Катастрофы семейства отца и матери моей жены – евреев Белоруссии. Этот тяжкий груз Оля несёт в себе все годы. Её отец, капитан **Блехайзен Хаим** (Ефим) Исаакович (1920-1975), с первого дня войны воевал в железнодорожных войсках от Сталинграда до Будапешта и продолжал служить в Советской армии в послевоенные годы. Родители отца **Блехайзен Исаак** Нисонович (1901) и **Элька** (Ольга) Борисовна (1903), его сёстры **Белла** (1922) и **Хая** (1924) были расстреляны немцами **10 октября 1941** г. в местечке **Бобр** Крупского р-на Минской области. Брату **Борису** (1926), которого за малый рост звали «Гвоздик», удалось спастись. Мама вытолкнула его из колонны под куст, когда их вели на расстрел.

Олина мама **Любкина Хая** Иосифовна (1921-1991) в июне 1941 года училась в Москве, отсюда была отправлена в эвакуацию в г. Семипалатинск и единственная из всей семьи осталась в живых. Родители мамы **Любкины Иосиф** Борисович (1899) и **Вита** Израилевна (1901), мамина сестра **Циля** (1923) и оба брата: **Борис** (1925) и **Лёля** (1938) были расстреляны немцами **17 сентября 1941** г. в местечке **Крупки** Крупского р-на Минской области. Вечная им память!

<u>В Израиле.</u>

Я с женой репатриировался в Израиль в **1996** году. Работал смотрителем на автостоянке, жена по сей день – работник по уходу за пожилыми людьми. Сын приехал в Израиль по программе «Наале» на два года раньше нас. Сыну я рассказывал о Катастрофе и свою историю пребывания в гетто. Он слышал рассказы дедушки об этом. Возможно, мои рассказы и разгул антисемитизма в Беларуси повлияли на решение сына уехать в Израиль. Вадим прошёл службу в Армии обороны Израиля. Окончил высший колледж по специальности программист и работает в этой области. Мы и семья сына живём в гор. **Реховоте**.

Сёстры **Оля** и **Рая** приехали жить в Израиль в **1993** году в городок **Бней-Аиш** к своим детям с семьями, которые репатриировались раньше. Младшая **Рая** умерла в **2002** году, сказалось пережитое ею в гетто и в тяжёлое послевоенное время.

В Израиле ежегодно весной объединение выходцев из Копайгорода проводит встречи, в которых я участвую. В 2012 году состоялась 20-я встреча. Наше объединение возглавляет Руля **Зусь**, жительница гор. Беэр-Шевы. На средства участников объединения в **Беэр-Шеве** сооружён памятник евреям из Копайгорода, умершим и погибшим в годы Шоа и войны 1941-1945 годов, и поддерживается хорошее состояние памятника уничтоженным евреям – жертвам Катастрофы в гор. **Копайгороде**.

*

То, что произошло со мной в годы Катастрофы, повлияло на мою последующую жизнь. Я рано стал думать о том, почему люди других национальностей ненавидят меня. Почему я в детстве был заключён в гетто, почему я не мог пройти по улице у себя в местечке, а должен был незаметно перебегать её? Мне было очень тяжело чувствовать явное презрение к себе и моим близким любимым людям. Оно исходило от оккупантов, украинских полицаев и большой части местного населения. Но были и настоящие люди: они видели в евреях просто людей, попавших в большую беду, и спасали нас с огромным риском для себя. Им моя горячая благодарность.

Думаю, что еврейская молодежь обязана знать о Катастрофе европейского еврейства. Могу сказать молодым: надо жить с гордо поднятой головой и уметь давать отпор, бороться за свою жизнь. В Израиле я чувствую, что живу в своей стране, на своей родине.

47.

Клейман
Шимон и Псахия
*(с. **Кошаринцы***
Бершадск. р-на)

МЫ ВИДЕЛИ, КАК УБИВАЛИ ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД

В страшном 1941 году, когда расправа нацистов Европы над еврейским народом перешла на территорию Советского Союза, мне, Шимону, было неполных восемь лет, а моему братику Псахии не исполнилось и три года. Мы с братом выжили в немецком лагере благодаря старшим членам нашей семьи: папе, маме, сестре и братьям. Рассказ о судьбе нашей семьи – частицы еврейского народа в годы Катастрофы мы с братом посвящаем нашим родным и близким, всем евреям, погибшим в войне 1941-1945 годов и во время Холокоста.

Довоенная жизнь.

Я, **Шимон Клейман**, сын Овшии и Рахель, родился **31 октября 1933** года в гор. **Новоселица** Черновицкого уезда, в котором до 1940 года управляли румыны.

Охраной порядка занимались жандармы. Предприниматели платили подоходный налог. В городке была большая еврейская община. Многие евреи владели магазинами, среди еврейских жителей были очень образованные люди. В городе действовали несколько синагог. При синагоге у базара был *хедер*, и мальчики за небольшую плату посещали его.

Мама **Рахель** (Рухл) (в девичестве Охфельд) (1907) была родом из местечка Единцы в Бессарабии, где мои будущие родители и познакомились, а затем папа привёз молодую жену в Новоселицу. Папа **Овшия Клейман** (1906), по профессии мороженщик, производил мороженое вместе с мамой и своим отцом Эршем. В нашем большом дворе была мастерская, где взрослые занимались изготовлением мороженого, и ле́дник для хранения льда летом. Взрослые продавали на базаре мороженое, фрукты и овощи, и это составляло основной заработок семьи. Руководителем всего дела была мама, она много времени проводила в мастерской, и поэтому мы, дети, дома управлялись сами. Нас у папы с мамой было пятеро: сестра **Эстер** (1930) и четверо братьев: старший **Шлоймэ** (1929), **Йосл** (1931), я – **Шимон** (1933) и младший **Псахия** (10 июля 1938).

Жили мы недалеко от реки Прут в хорошем доме из пяти комнат у папиных родителей: дедушки **Хаима-Эрша Клеймана** (1878) и бабушки **Менихэ** (1883). В доме жила и их незамужняя дочка, тётя **Минця**. Она была главной кухаркой, прачкой, занималась уборкой, ухаживала за больной матерью, присматривала за детьми. Мой папа был одним из четырёх сыновей дедушки. Его брат **Янкель** проживал в Новоселице, брат **Шая** – на Урале, брат **Берл** переехал с семьёй в Черновицы.

Дома строго соблюдались все еврейские обычаи и праздновались все праздники, за этим следил дедушка Эрш. Он всю жизнь работал сапожником, шил сапоги ещё на службе в царской армии. Дедушка, очень грамотный и уважаемый человек, избирался все годы *габаем* (старостой) в синагоге. У него было много забот перед праздниками, при организации похорон. Помню, он выдавал деньги на нужды синагоги.

В нашей семье говорили на идише. На улице общались по-румынски. Сестра и три брата учились в румынской школе. С приходом советской власти в **1940** году я пошёл в украинскую школу в первый класс.

Начало войны и оккупация.

Когда в 1941 году началась война, дядя **Берл** с женой и детьми немедленно возвратился в Новоселицу к родителям. Возможно, у дедушки с сыновьями были планы спасаться бегством от врага, но уже через короткое время в наш город вошли немецкие и румынские оккупанты. К ним немедленно примкнули местные ненавистники советской власти и евреев и стали бесплатными помощниками захватчиков.

Изгнание евреев из **Новоселицы** началось ранним утром в **июле 1941** года. Румыны вламывались в дома и выгоняли палками всех евреев раздетыми и босыми, кто в чём спал. В это время местные жители грабили открытые еврейские дома. Наша бабушка **Менихэ** была очень больна и не могла идти. Нам не по-

зволили взять бабушку с собой. Никогда не забуду, что нас всех угнали, пустые еврейские дома подожгли, а бабушка осталась лежать на пороге.

С помощью местных румын и украинских добровольцев-помощников колонну новоселицких евреев погнали в село **Селище** в 18 километрах от Новоселицы. Нас выгнали четыре тысячи новоселицких евреев, а вернулись живыми тысячи полторы. Мы шли широкой толпой, а с обеих сторон нас погоняли румыны с собаками и местные добровольцы с палками. В Селище в помещении клуба в большом спортивном зале мы пробыли первую ночь. Те, кто не поместился в здании, лежали и сидели вокруг клуба на улице под охраной. Это было время дождей, люди страдали, умирали. Наутро всех, кто мог идти, погнали дальше. Бессильных просто оставили на произвол судьбы возле клуба.

Нас вели через молдавские сёла и города: **Единцы**, **Янауцы, Сороки, Косоуцы**. Конвоиров было не очень много: несколько румын с собаками, остальные – украинцы. Шла вся наша большая семья: родители, сестра и мы, четверо братьев, с нами шли дедушка Эрш и папины братья Берл с женой и детьми и Янкель с женой Леей, сыновьями Шломо и Годелем (Гришей) и двумя дочерьми.

Дедушка Хаим-Эрш Клейман. Новоселица.

Гнали колонну с рассвета без привалов – нельзя было остановиться по нужде, всех, кто отставал, били палками, забивали насмерть. За колонной оставались лежать и умирать на дороге люди. Шли без воды, напиться из лужи тоже не давали, за попытку нагнуться к луже уже били. Остановки были только на «отдых» ночью: иногда под крышей, чаще в поле в любую погоду. Ели, что смогли подобрать на полях по дороге. Возле города **Сороки** мы попали под авиационный обстрел и бомбёжку, и часть людей погибла.

Становилось всё холоднее, и мы мёрзли без тёплой одежды, без обуви. Ноги были разбиты в кровь. Мы шли и плакали от боли. За колонной ехали крытые повозки румын-конвоиров и украинцев, они ели и спали в тепле. В **Косоуцком лесу** на ночлеге отобрали всех красивых девочек, увезли на подводе и расстреляли. Мы слышали выстрелы. Среди них убили соседку и любимую подругу нашего старшего брата Шлоймэ **Соню Кноп** (1928-29). Это было огромное горе для нас и её родных: отца Хуны, матери Молки, брата Иосифа и сестры Любы, шедших в колонне с нами.

Дошли мы до **Днестра**. У переправы ждали огромные толпы евреев, пригнанных до нас. Помню переправу через Днестр на пароме под бомбёжку. Мы стояли на берегу с молдавской стороны и видели, как много было убито людей, когда разбомбили паром. В спешке, в которой переправляли уже нас, люди падали в воду, тонули. На переправе командовали немцы. Румыны и украинцы, которые привели нас, остались на молдавском берегу.

По ту сторону Днестра, на украинской стороне, колонну приняли немцы. В **Ямполе** впервые мы поели: получили кусок чёрного хлеба и суп. Нас гнали дальше немцы в форме синего цвета, к их автоматам были примкнуты штыки, с конвоирами шли собаки. Вели нашу колонну возле украинских сёл. Сельские жители нас подкармливали. Некоторые украинские женщины просили отдать им еврейских детей, но немцы не разрешали ни в коем случае. Ночевали в разных местах, по дороге многие люди падали и больше не вставали. Водили нас очень долго. Мы не знали, куда идём. Наступила осень, было уже очень холодно, и шли дожди.

Лагерь в с. Кошаринцы.

Наконец нас привели в лагерь для евреев у села **Кошаринцы** Бершадского р-на Винницкой области и поместили в огромный коровник довоенного колхоза. Внутри было совершенно пусто. На улице хранилась солома. Кто как мог, устроил место для семьи на земляном полу, посыпав его соломой. На ночь нас запирали снаружи. Думаю, что в лагере находилось несколько тысяч пригнанных евреев. Люди лежали очень плотно, чуть ли не один на другом. Большую часть суток нас заставляли лежать, и помню, что у нас были пролежни на теле. От постоянного лежания пухли ноги и было тяжело ходить. В **январе 1942** года в этом лагере умерли от голода и холода папин брат **Берл Клейман** (1904), его жена **Эстер** (1907) и их две маленькие дочки.

Мы проделали дырку в стене и начали вылезать наружу в поисках еды. Дети ходили воровать с полей и с огородов овощи, картофель. Старший брат и я подходили к местным жителям, просили еду, и нам давали. Крестьяне говорили, где ждать их, и приносили варёную картошку, в дом не пускали. В Кошаринцах недалеко от спуска к реке **Буг** жил старичок. Он варил огромную кастрюлю овощей и приносил нам в условленное место.

Моя мама тоже выходила через дыру, она познакомилась с бабушкой **Антониной** и стала работать у неё на поле. Бабушка платила ей большой кастрюлей сваренной каши, которую ела вся семья. Кто-нибудь из семьи Антонины нёс эту кастрюлю почти до самого коровника, и мы забирали её.

Староста Кошаринцев, к нашему счастью, очень помогал нам: он не только приносил запертым евреям бобы, но и добился разрешения, чтобы евреи могли ходить в лес и собирать для местных жителей ветки, дрова, ягоды – в обмен на еду. Мы с братьями ходили в лес, приносили дрова, и нас кормили. Мы боялись лесника по фамилии или прозвищу Красначок, который избивал в лесу всех евреев, попадавшихся ему на глаза. Он охранял лес для немцев. В этом лесу были и партизаны, мы встречали незнакомцев в лесу, но не знали, кто они. Один из них подозвал нас однажды, сказал, что он партизан, и указал укромное место, где спрятаны для нас нехитрые продукты.

Зимой было страшно холодно. Мама прямо в коровнике разожгла однажды костёр из веточек между кирпичами, чтоб греться. Зашёл немец с полицаем из села, и полицай со злостью разрушил костёр. Моя мама встала и ударила его по лицу. Полицай ничего не сделал и вышел. Потом он поймал маму в селе и так её избил, что она надолго заболела.

Мне запомнился ещё один полицай, **Савченко**. Этот горбатый человек был добрее. За мамин поступок полицаи хотели её убить, и Савченко отговорил их сделать это. Возможно, он был связан с партизанами. Он помогал евреям продуктами и не разрешал нас бить, просил местных жителей давать нам еду и кое-какую работу.

Зимой **1942** года приехала в лагерь группа немцев. На построенной для неё трибуне стояли тепло одетые немецкие офицеры и по-немецки объясняли нам, полуголым узникам, что надо помогать немцам, выдавать партизан и т. п. А в назидание погнали нас в 30-градусный мороз и снег к реке **Буг** «купаться», стреляя над головой. Шли до реки примерно километр. Нас всех загнали в ледяную воду, и мы окунались под низкими выстрелами над головами. Староста села уговорил немцев идти обедать и пить водку и тем самым прекратил это издевательство. Обратно в барак шли мокрыми, в обледеневшем тряпье. После этого «купания» и «прогулки» очень много людей заболело и умерло. Может, это и было целью приезда «делегации». Многие умерли в том лагере от голода, замёрзли, многих расстреляли. В **январе 1942** года погибли в лагере от холода и болезней жена папиного брата Янкеля **Лея Клейман** (1905) и его сын **Шломо** (1926). Дядя Янкель остался с 3 детьми и сумел спасти их, они, к счастью, выжили.

У братской могилы евреев, погибших и умерших в нацистском лагере в селе Кошаринцы: Годель Клейман (справа), его жена Сима (слева) и Зельда Клейман (в центре). 2002 г. Кошаринцы, Украина.

Когда евреев осталось меньше, нас распределили по нежилым хатам прямо в селе **Кошаринцы**. Нашу семью вселили в дом, стоявший напротив немецкой комендатуры. Однажды к нам зашёл немец-врач и спросил, есть ли среди нас сапожник. Дедушка **Эрш** ответил: «Я». Немец дал дедушке починить сапоги, и, когда увидел результат, он пришёл снова и принёс нам за услугу лекарство для мамы. Она была беременна. «Если вы боитесь принимать, я приму первый», – сказал он и проглотил одну таблетку. А другие немцы стреляли по нашим окнам, мы не знали, куда спрятаться, убегали из дома. Брат **Боря** родился в лагере в **1944** году. Тётя Молка, мать убитой Сони, приняла роды.

Из лагеря в Кошаринцах моих братьев **Йосла** и **Шлоймэ** с большой группой молодёжи немцы забрали в г. Балту Одесской области. В **Балте** их закрыли в отдельном доме. **Йосл** буквально разнюхал, что немцы хотят их поджечь. Он увидел подготовку к этому, канистру с бензином и нашёл спасительный выход. В малюсеньком окошечке братья вырвали решётку и через дыру выползли наружу, а с ними ещё несколько человек. Братья прибежали в Кошаринцы через двое суток и рассказали нам эту историю. Потом стало известно, что дом со всеми запертыми в нём евреями немцы сожгли.

До освобождения мы помогали местным жителям под надзором немцев. Лагерь тогда охранялся одним дежурным немцем и полицейским патрулём.

Освобождение.

В **марте 1944** года нас освободили партизаны, напав на немецкую комендатуру. Они же поймали лесника Красначока, привязали к хвосту лошади, и всадник пустил её вскачь. Затем пришла Красная армия: танки, другая техника. Мы сразу же пешком отправились домой.

Когда мы вернулись из лагеря в наш город **Новоселица**, увидели, что наш дом сожжён. Мы нашли бабушкины останки и по желанию дедушки закопали их под самым высоким деревом за Новоселицей. После войны мы похоронили бабушку на еврейском кладбище в Новоселице.

Горсовет дал нашей семье другое жильё. Папа был мобилизован в Красную армию, а через год мы получили извещение, что отец **Овшия Клейман** пропал без вести **26-27 августа 1944** года в бою под **Фокшанами** в Румынии. Наша мама, чтобы содержать семью, продолжала делать мороженое на продажу и работала уборщицей в трёх местах. Я учился в украинской школе с 1944-го по 1949 год и работал на стадионе.

Послевоенная жизнь.

Шимон. Братья **Йосл** и **Шлоймэ** в 1946 году сумели из Советского Союза перейти в Румынию за взятку румынским пограничникам. Наш 15-летний брат **Йосл** внезапно умер от сердечного приступа на корабле, шедшем из Румынии в Палестину, второй – **Шлоймэ** – приплыл в Эрец-Исраэль ещё в **1946** году. Сестра **Эстер** вышла замуж, работала в Новоселице.

Сестра Эстер Клейман.
1 мая 1956 г.
Новоселица Черновицкой обл.

Помню, что в **1948** году маму вызвали в Москву с оплаченным проездом на суд как свидетеля против пособников оккупантов. Судили местных полицаев из Кошаринцев и благодаря свидетельствам людей многих из подсудимых осудили. Моя мама выступила в защиту старосты и полицая Савченко, которые помогали евреям. Их оправдали.

В **1949** г. меня призвали в Советскую армию. Служил в строительном батальоне в с. **Новая Песмянка** Татарской АССР. После армейской службы работал в Донбассе, добывал уголь в шахтах гор. **Макеевки**.

В **1954** году женился на **Зельде** (Зине) Кандель (1934), родом из местечка **Згурица** в Молдавии. В начале войны отец **Нусим** и мать **Этл** с маленькой Зельдой пытались бежать от немцев. Добрались на подводе до переправы через Днестр и, чуть не погибнув под бомбёжкой, переправились на украинскую сторону. Здесь спустя короткое время семья оказалась на захваченной немцами территории и была отправлена в лагерь для евреев в с. **Кошаринцы**. Дедушка Зельды по маме **Фавел Кандель** (1861), восьмидесяти лет,

умер летом **1941** года в дороге от потери сил недалеко от **Згурицы** при депортации згурицких евреев оккупантами. Дяди моей жены – **Янкель** (1919) и **Хаим** (1923), братья её матери – были застрелены в **1942** году в Кошаринцах за попытку выйти из лагеря в поисках еды.

Мы переехали жить в гор. **Черновцы**. Здесь я работал столяром, затем – сантехником-газопроводчиком 10 лет, на хлопкопрядильном производстве бригадиром по сантехническим и газовым работам почти 12 лет. Родились дети: **Майя** (1955) и **Сёма** (1959).

Дедушка **Эрш** распорядился при жизни, чтобы его несли на кладбище только его правнуки и внуки. И я был среди тех, кто нёс его 3-4 километра до могилы, когда он умер в 90 лет в **1968** году.

Псахия. Я с семьёй находился в лагере в таком раннем возрасте, что, конечно, не понимал, что происходит. Я постоянно был в доме возле мамы, мной много занималась сестра **Эстер**, потому что маму брали на разные работы. Помню, что мы ели картофельные очистки, мамалыгу, сахарную свёклу. Я всегда чувствовал добрую поддержку сестры и братьев. Отлично помню, как после освобождения на обратном пути из лагеря мой старший брат **Шлоймэ** всю дорогу нёс меня на плечах из Кошаринцев в Новоселицу. Я был настолько слаб, что не мог идти. Я выглядел скелетом, родные думали, что не выживу.

В **Новоселице** учился в школе-восьмилетке, стал заниматься спортом, игрой в футбол, и это сыграло важную роль в укреплении и сохранении моего здоровья на многие годы. Играл в сборной по футболу Новоселицкого района на чемпионатах области, был чемпионом.

В **1957** г. меня призвали в Советскую армию на 3 года. Служил в **Белоруссии** в танковых войсках сержантом, командиром экипажа. Здесь меня называли Пётр (Петя).

В **1962** году переехал в гор. **Черновцы**, женился на черновицкой девушке **Удл** (Аде). У нас родился сын **Марк** (1963). Ада трудилась в областной типографии переплётчицей, я работал на Черновицкой мебельной фабрике сборщиком диванов, избирался ответственным за спортивную работу в фабкоме, был тренером футбольной команды ДОК (деревообделочного комбината).

<u>В Израиле.</u>

Шимон. 19 января **1974** года я со своей семьёй и тёщей **Этл** репатриировался в Израиль. Обосновались в гор. **Беэр-Шеве**. В **1975** году я был призван в Армию обороны Израиля, служил в резервных войсках в Хевроне, Бейт-Лехеме, Бейт-Джубрине в течение 12 с половиной лет. Тёща ушла из жизни в августе **1986** года в возрасте 75 лет.

Через два года мы переехали из Беэр-Шевы в гор. **Явне**, где я работал пять лет на текстильной фабрике «Аргаман». Затем до выхода на пенсию работал 19 лет в Иерусалимском университете, на сельскохозяйственном факультете, расположенном в гор. **Реховоте**. Сейчас я пенсионер, живу в **Реховоте**. Дочь Майя живёт тоже в Реховоте, а сын Шломо – в Явне. У нас 4 внука и 8 правнуков. Мы очень ими довольны.

Сестра **Эстер** с семьёй приехала в Израиль после нас. В 2012 г. ей исполнилось 82 года, она живёт с сыном **Йослом** в **Натании**. Брат **Борис** живёт в **Реховоте**, у него сын и дочь, 5 внуков и внучек.

Псахия. Из СССР в Израиль через Австрию мы уехали первыми из семьи в январе **1973** года: мама, я с семьёй и младший брат **Боря** с семьёй. Брат **Шлоймэ** встретил нас и привёз в свой город **Реховот**. Жили в нанятой квартире. Начали работать: жена – на оборонном заводе через две недели после прибытия в страну, а я – сантехником в Институте Вейцмана через месяц. Затем работал 18 лет в большой водопроводной компании, мы прокладывали водопровод во всех новых жилых районах Реховота.

Мама Рахель Клейман. Новоселица.

В течение 17 лет служил в Армии обороны Израиля в боевых частях (резервные войска), бывал в разных горячих точках в ходе трёх войн. Когда приехала сестра **Эстер**, мама жила в её семье. Мама **Рахель** ушла из жизни в 86 лет в **1993** году. Брат **Шлоймэ** умер в **2006** году, в Израиле живут его сын и дочь с семьями.

Сейчас я на пенсии, радуюсь успехам сына **Марка** – начальника химической лаборатории и моих четырёх внучек: **Даны**, **Шели**, **Ринат** и **Лиор**. Две из них, как и отец, прошли службу в Армии обороны Израиля, две – ученицы старших классов.

Семейство Клейман: во 2-м ряду слева направо – стоят Псахия Клейман с женой Адой, сидят Шимон Клейман с сестрой Эстер, в том же ряду Зельда Клейман (первая справа). Остальные – дети, их семьи, внуки и правнуки. 19 января 2003 г. Явне, Израиль.

48.

Коган Евдокия
*(с. **Михайловка** Гайсинск. р-на)*

МЕНЯ СПАС СВЯЩЕННИК КИРИЛЮК

Довоенная жизнь.

Наш еврейский род Мизюков из местечка **Терновка** Джулинского р-на Винницкой области на Украине был очень большой. От всего огромного рода на сегодняшний день я осталась одна.

Дом моей семьи считался в Терновке самым красивым. Мой дедушка **Лейб** (Лейбуш) **Мизюк** и его брат работали строителями и выстроили для себя и наследников два дома-два дворца.

У моих родителей – папы **Мехла** (Михаила) **Мизюка** и мамы **Софьи Соломоновны** (девичья фамилия Файнлейб) **–** было четверо детей: трое сыновей и я. Два моих старших брата служили офицерами Красной армии: **Барух** уже до войны был лётчиком-офицером высокого чина, **Гедалья** (1913) – военный инженер – получил офицерское звание перед самой войной. Они служили далеко от дома, но приезжали в отпуска. Третий брат **Шлёма** (1922) был старше меня на три года, и в начале 1941 года его призвали на службу в Красную армию. Я родилась **25 декабря 1925** года, и меня назвали еврейским именем **Доня** в память о бабушке.

Мама была бодрой, грамотной для тех лет женщиной. Нас, детей, она учила дома писать на идише, старалась дать нам образование. И я училась в школе очень хорошо. Папа болел открытой формой туберкулёза и умер до войны.

В начале **1941** года мне поменяли имя, когда уже чувствовалось, что происходит в мире с евреями, что их может ждать. Евреев вызвали в сельсовет и выдали документы с другими именами: Пётр, Иван. Я получила имя **Евдокия** Михайловна, а украинская фамилия Мизюк осталась.

20 июня 1941 года брат Гедалья в новой лейтенантской форме приехал домой в Терновку с Дальнего Востока, и через 2 дня началась война.

Война и оккупация.

Когда летом **1941** года немецкие оккупанты пришли в **Терновку**, то сразу устроили зверские еврейские погромы. В первом погроме погиб схваченный фашистами мой брат **Гедалья**. Много сотен евреев увели в тот день за село и расстреляли из пулемётов, большая яма для них была вырыта заранее. Родной брат меня с мамой хорошо прятал от смерти, а себя уберечь не смог. Немецкие палачи и их местные помощники расстреляли тогда и бросили в одну яму только из нашего

рода Мизюков 30 человек. Нацисты убивали наш народ целыми родами, целыми местечками. В Терновке в двух акциях они расстреляли около 2500 местных евреев.

В лагере.

Мне шел пятнадцатый год, когда меня и маму в числе оставшихся в живых евреев Терновки заключили в концлагерь в **с. Михайловка** Гайсинского р-на Винницкой области.

Наступила зима **1941-42** гг. Нас гоняли на работы, невзирая на возраст. Условия были ужасные: кто под крышей спал, кто – на улице под навесом: четыре столба, чем-то накрытых сверху. Когда проходили украинцы, мы кричали им: «Бросьте нам какую-нибудь тряпку, мы замерзаем». Они не могли ничего дать, потому что немцы за это расстреливали. Мы спали на земляном полу на тряпье. Той зимой я обморозила ноги. Многие годы после лагеря я не чувствовала свои пальцы на ногах, много лет их лечила.

Надзирали за нами полицаи из местных украинцев. Каждое утро на заре приходили два полицая с плётками и выгоняли нас на работу до позднего вечера. Они шли сзади и, если ты отстаёшь или ноги отморожены, так стегали плёткой, что не можешь, а побежишь. И так было постоянно, пока мы работали в концлагере. Полицейские-украинцы водили нас на разные работы: например, сегодня – складывать кирпичи, когда строили дорогу – копать лопатами. Работала я и в каменном карьере. Для детей были одни работы, для взрослых – другие, и мы с мамой виделись только вечером. Работали все. Тех, кто не мог работать, полицаи уводили, и больше мы их не видели. Однажды не вернулась с работы мама, и знакомые женщины со слезами рассказали мне, что в тот день немцы отобрали всех людей старше сорока лет и расстреляли как неработоспособных. В конце **1941** года не стало моей мамы **Софьи** (1883), её убили фашисты. Я осталась сиротой.

В один из дней кто-то мне сказал, что завтра весь наш Михайловский лагерь, всех евреев хотят уничтожить, и спастись можно только бегством из лагеря. Я решилась на побег. В тот же день во время работы за пределами лагеря я сумела ускользнуть из общей группы. Убежала подальше и спряталась до темноты в каких-то кустах. Ночью пошла на огоньки.

Моё счастье в том, что украинцы очень мне сочувствовали. Далеко не все были бандитами. Видели – ребёнок, голодный, раздетый. В поздний час у какого-то села меня остановил немолодой мужчина в одежде священнослужителя и спросил, откуда я иду. Я ответила, что я сирота из Терновки, немцы убили маму и брата. Он отвёл меня к себе домой, переодел в крестьянскую одежду и сказал, что я буду жить в его доме и помогать по хозяйству.

Я осталась в живых благодаря **Василию Сезоновичу Кирилюку**, служителю церкви села **Великая Мочулка** Тепликского р-на Винницкой области. Он и его жена жили в этом селе. Два их сына воевали с немцами на фронте. Жена Василия Кирилюка мне показалась старушкой, хотя была моложе мужа. Она болела, постоянно лежала в постели, не могла ни сойти попить, ни пойти в уборную. Я начала ухаживать за больной женщиной. Ей со мной стало лучше, чем в одиночестве, она

повеселела. Чтобы немцы не забрали у них свинью, Кирилюк вырыл яму в укромном месте и там держал эту свинку. Я каждый день ходила кормить спрятанное животное.

Не сразу всё у меня получалось по хозяйству, ведь я росла изнеженным ребёнком у еврейской матери, была принцессой и даже не знала поначалу, как помыть стакан. Но всему быстро научилась. Кирилюки меня очень полюбили. Думаю, это была какая-то религиозная любовь и их святое дело – спасение еврейской девочки во имя Бога, тоже еврея.

Семья Кирилюк спасла мне жизнь. Они точно знали, что прячут беглую еврейскую девочку после разгрома концлагеря в Михайловке, хотя я была светловолосой и не похожа на еврейку, и они рисковали жизнью ради меня. Они меня именно прятали, переодели в украинскую одежду, никуда не выпускали. Никто из местных жителей не выдал ни Кирилюков, ни меня, хотя обо мне знали. Я жила у Кирилюков до освобождения их села от немецких оккупантов весной 1944 года и продолжала помогать им до **сентября 1944** года. После войны я получила из села Великая Мочулка письмо, но сама туда больше не ездила. Живы сыновья Василия Кирилюка, которые вернулись после войны домой с победой. Они могли бы тоже рассказать о моём спасении.

Послевоенная жизнь.

Возвратившись в Терновку, пошла учиться в вечернюю школу в 9-й класс, днём работала. Единственная оставшаяся в живых из нашей семьи, я получила похоронные извещения на своих братьев: **Барух** и **Шлёма Мизюки** храбро воевали на фронте и оба погибли. Горю моему не было границ.

После войны меня разыскал двоюродный брат **Авраам Мизюк**, и я переехала к нему в **Черновцы**. Авраам – мой единственный живой родственник. Его зажиточная семья до войны жила в Гайсине, у них была домработница – украинская девушка **Ксения**, свободно говорившая на идише. В начале войны брат не успел эвакуироваться, и молоденькая Ксения прятала Авраама все годы немецкой оккупации у себя в доме в погребе. Это было смертельно опасно. Они полюбили друг друга и после войны поженились. Из Гайсина Авраам и Ксения Мизюки с двумя детьми переехали в Ригу. Я благодарна брату за то, что поддерживал меня и материально, и морально в любых моих делах.

Мизюк Ксения, жена двоюродного брата Авраама

Мизюк Авраам, двоюродный брат Евдокии Коган.

Окончив Черновицкое педучилище, год работала в школе, затем по рекомендации врачей – поступила в медучилище. Наверное, на выбор профессии повлияли и годы, когда я облегчала страдания больной жены Василия Кирилюка. Вышла замуж за **Когана Семёна Григорьевича**, офицера медицинской службы, воевавшего с 1941 года и дошедшего до Берлина. Мой муж был арестован в раз-

гар «дела врачей» и реабилитирован после смерти Сталина в 1953 году.

Евдокия Коган с дочкой Софой. 1954 г. Черновцы.

Я работала все годы в отделении неврологии в Черновицкой психиатрической больнице. Завотделением была Анна Абрамовна Пантофель, вёл это отделение профессор Савенко. Постоянно проходила курсы повышения квалификации и стала знающей сестрой. Особенно трудными были ночные смены. Многие годы я имела дело с тяжёлыми больными. Работала не только ночью, поэтому меня как грамотную медсестру постоянно брали на утренний профессорский обход, чтобы докладывать состояние и записывать указания, предписания профессора Савенко. Начиная обход, он обычно спрашивал: «А где Доня Михайловна?» Через десятки лет к нам в Израиль приехали из Черновиц и рассказали, что в больнице на одной из выставок висит и сегодня мой портрет.

<u>В Израиле.</u>

С **70-х** годов XX века живу в Израиле. В стране я начала работать в Реховотской больнице «Каплан». Приехала без знания языка, меня приняли на месяц-два на испытательный срок в детское отделение. Я выучила иврит, преодолела другие трудности и стала работать в полную силу. Помню, как спорили две женщины – заведующие разными отделениями: каждая хотела, чтобы я работала только у неё. В целом 44 года посвятила медицине.

В Израиле я уже очень много лет. Живу в гор. **Реховоте**. Для меня счастье – со столькими болезнями дожить до 87 лет, иметь отличную семью. У меня золотая дочка – **Софья** Лернер, врач, пошедшая по стопам родителей, и зять **Алекс**. Такого зятя нет и не будет. Он знает, что я почти ослепла, поэтому каждое утро, как бы он ни был занят, звонит и спрашивает, всё ли в порядке, чтобы хорошо начался новый день. Радуют меня два внука и три правнука.

Евдокия Коган с дочкой Софьей и зятем Алексом. 2002 г. Реховот, Израиль.

49.

Водовоз Маня
(г. Могилёв-Подольский)

ДЕДУШКА И БАБУШКА ЗАЩИТИЛИ МЕНЯ ОТ ГИБЕЛИ В ГЕТТО

Довоенная жизнь.

Я, **Маня Львовна Водовоз**, родилась **15 апреля 1941** года в г. **Могилёве-Подольском** Винницкой области Украинской ССР. Папа **Лев Абрамович Штаркман** (10 мая 1912) работал продавцом в мануфактурном магазине. Папины родители **Аврум** и **Дина** жили отдельно. Советский магазин, в котором работал отец, до 1917 года принадлежал дедушке Авруму. Бабушка Дина была швеёй. Мою маму **Чарну Зусьевну** (1910) знали в городе как одну из лучших портних, она работала дома для многочисленных заказчиков. Сверх того, мама была домохозяйкой и воспитывала нас, троих детей: сестру **Фиру** (1934), брата **Абрама** (Аркадия) (1938) и меня. Жили мы в двухкомнатном доме маминых родителей: дедушки **Зуся** (Зиси) и бабушки **Тубы Ицковны**, недалеко от реки Днестр, и наводнения иногда затопляли его. На кухне стояла русская печь, в которой пекли хлеб, а в *Песах* – мацу. Все старшие строго соблюдали еврейские обычаи. Дедушка Зися работал в колхозе, но всю жизнь в шесть часов утра он ходил в синагогу молиться.

Начало войны, оккупация и гетто.

В самом начале войны моего папу призвали в армию и отправили на фронт. Младший брат отца **Эрш Абрамович Штаркман** (1916) и его друг и сосед по фамилии **Заславер** были мобилизованы позже и вместе отправились на призывной пункт. Нам стало известно потом, что в селе **Озаринцы 27 июля 1941** г. их схватили немцы, при обыске обнаружили комсомольские билеты и казнили. Эршу, Заславеру и парню по имени **Яков Кантор** велели вырыть яму, отрубили им ноги, с документами бросили всех троих в эту яму и закопали живыми.

Немцы захватили г. **Могилёв-Подольский** и в нём организовали гетто, которым руководили румыны. Вся моя семья, кроме отца, попала в него. Маме было очень тяжело одной с тремя детьми, и она передала меня своим родителям: я жила постоянно у дедушки Зуся, бабушки Тубы и их дочери **Фриды**. Я была слабым, истощённым ребёнком, болела. Родные даже опасались, выживу ли я. Они очень заботились обо мне, и благодаря им я осталась жива. Маму и сестру Фиру румыны заставляли работать на сборе урожая в поле, уборке помещений, они иногда брали меня с собой.

Бабушка **Дина**, дедушка **Аврум** и папина незамужняя младшая сестра **Чарна** были угнаны из Могилёв-Подольского гетто в лагерь в с. **Печёра**. В **1942** году в Печёрском лагере умерли от голода дедушка **Штаркман Аврум Срулевич** (1882)

в возрасте 60 лет и бабушка **Дина Моисеевна** (девичья фамилия Кремерман) (1888) в 54 года.

После освобождения и послевоенная жизнь.

После освобождения Винницкой области от оккупантов тётя **Чарна**, выжив чудом, возвратилась из Печёры в **Могилёв-Подольский**, у неё были обморожены ноги.

Отец **Лев** вернулся с войны летом **1945** года. Он прошёл с боями до Берлина, был ранен, лечился в госпитале, но осколок остался в лёгком и мешал ему в дальнейшей жизни. У папы было шесть боевых орденов и медалей. Мама продолжала работать портнихой. Я посещала детсад.

Окончив 8 классов, я училась в медицинском училище, а затем начала работать медсестрой в хирургическом отделении городской больницы. Вышла замуж в **1970** году за **Моню Водовоза** из Молдавии. В годы войны муж ребёнком находился с родителями в эвакуации в г. Гори (Грузия). Моня работал слесарем на заводе. У нас родились дети: **Фаина** (1970) и **Геннадий** (1974).

Мне не исполнилось и трёх месяцев, когда на нашу страну напала гитлеровская Германия. Уже став сама матерью в мирное время, я ещё и ещё раз думала и поражалась, как мои родные сумели защитить меня от смерти в нечеловеческих условиях гетто. Ещё много лет я жила рядом с дорогими мне дедушкой **Зисей** и бабушкой **Тубой**, мамой **Чарной**, взрослея и слушая их короткие ответы на мои вопросы, что происходило в войну и как я уцелела в самое опасное для евреев время. Чаще всего они говорили: «Было очень тяжело». Я всю жизнь безмерно благодарна моим самым близким людям, давшим мне жизнь и всеми силами сохранившим её в годы Шоа. Папа **Лев Абрамович** умер в августе **1980** года, брат **Аркадий** жил и работал в г. Киеве на заводе, умер в **1982**-м. Мама и семья сестры **Фиры** эмигрировали из СССР в Америку. Мама **Чарна** долгие годы работала в США портнихой, умерла в **1991** году. Светлая им память!

В Израиле.

В декабре **1979** года я с семьёй репатриировалась в Израиль. В Израиле работала 22 года медсестрой в Реховотской больнице «Каплан» в отделении гериатрии. Тогда мы лечили людей в трудных условиях: не было кондиционеров, инвалидных кресел с колёсами, переносили больных вручную и т. п. Живём с мужем в гор. **Реховоте**. Наши дети работают, хорошо устроены. У нас четверо чудесных внучат: две девочки у дочки, девочка и мальчик у сына.

Мои родные: мама Чарна (в центре), сестра Фира (справа) с дочерью Таней, зятем и внуком. США.

50.

Гликин Мара
(г. Могилёв-Подольский)

ПАМЯТИ 14 РОДСТВЕННИКОВ, ПОГИБШИХ В ШОА

Довоенная жизнь.

Наша семья состояла из пяти человек: отца **Исаака Захаровича Гликина** (1907), матери **Клары Соломоновны** (1906), меня – **Мары Гликина** (3 сентября 1934, фактически 1932) и сестры **Фиры** (1939). Мы с сестрой родились в пос. **Копайгород** Винницкой области. Пятым членом семьи была домработница – украинская девочка **Маша** лет 14-ти, уроженка пос. **Ярóшенка**. В семье разговаривали на русском и украинском языках.

Родные отца жили в **Киеве**: мой дедушка **Зусь** (Захар) **Гликин**, плотник, бабушка **Бруха**, папин старший брат **Иосиф Глинкин** – работник Подольского райкома партии г. Киева, брат **Давид** – столяр-краснодеревщик, сестра **Маня** Айзенштат – домохозяйка, сестра **Рива** Шенкман – кассир в универсальном магазине. В юности (1925-1928) папа служил в пограничных войсках Красной армии в Могилёве-Подольском, был принят в компартию, выдвинут на партийную армейскую работу. Здесь он познакомился с мамой, а его друг-сослуживец Леонид Заутнер познакомился с маминой сестрой **Соней**, и оба женились на сёстрах. После демобилизации отец работал в Киевском аэропорту обойщиком – обивал тканью крылья самолётов.

Мамины родители жили в г. **Могилёве-Подольском** Винницкой области. На городском машиностроительном заводе им. Кирова дедушка **Шлёма** (Соломон) **Гринберг** работал токарем, за подготовку деталей для Днепрогэса он был награждён орденом. На том же заводе брат **Пейся** (1897) возглавлял заводскую электростанцию, на работе звали его Петром. Младшая сестрёнка **Гися** (1918) осталась в живых после убийства бабушки **Эсфирь** в родильном доме петлюровцами. Гисю взял в свою семью Пейся, и она выросла среди его детей. Дедушка женился вторично. Мама с восьмилетнего возраста несколько лет жила как воспитанница у дальнего родственника, известного могилёв-подольского доктора **Хайциса**. Повзрослев, она до замужества работала шлифовщицей на заводе, где трудилась вся семья. Мамина сестра **Женя** жила в Копайгороде, у неё воспитывалась младшая сестра **Соня**. После замужества тётя Соня жила в гор. Николаеве и работала до войны в спецчасти почтовой службы Николаева, начальником спецчасти был назначен её муж **Леонид**. У них родился сын **Феликс**. В начале войны семью эваку-

ировали, и вскоре Соня и Леонид были призваны в действующую армию военными спецкурьерами – оба возили спецпочту по фронтам.

Мой отец служил партийным работником в армии, и наша семья проживала по месту папиной службы: в Киеве, Фастове, Попельне, Фундуклеевке, Проскурове (Хмельницком). После участия в Финской войне **1939** года и демобилизации в **1940**-м отец работал директором леспромхоза на станции **Ярошенка** Одесской железной дороги, где мы жили перед войной. Наш большой одноэтажный дом на несколько семей располагался в лесном массиве Управления леспромхоза на станции Ярошенка. У нас в служебной квартире отца были две комнаты, коридор и веранда, сарай и курятник, печное отопление, туалет во дворе. Жили без электричества, радио, телефона. Воду носили из колодца.

В родительских семьях отца и матери придерживались религиозных традиций, ходили в синагогу. О том, что я еврей, узнал от дедушек и бабушек. Большое впечатление произвело на меня первое посещение синагоги на Подоле в Киеве с дедушкой Захаром.

Отец как политработник много рассказывал о ситуации в мире, он предсказывал неизбежность войны с Германией и большую беду еврейского народа.

Начало войны и оккупация.

Вечером **22 июня 1941** года мы всей семьёй, кроме папы, сидели на веранде дома на станции **Ярошенка** Жмеринского р-на Винницкой области, и вдруг услышали шум самолёта, летевшего очень низко. Раздались взрывы бомб в районе железнодорожной станции Ярошенка, где в то время стоял эшелон с военными. Я с мальчишками бегал смотреть, что происходит на вокзале. К счастью, никто не пострадал от взрывов, но были разрушены привокзальные склады.

Мы с матерью отправились к соседу, где по радиоприёмнику услышали сообщение правительства о начале войны и событиях на территории СССР. Всю ночь раздавался вой перепуганных собак, и заснуть мы не могли. Утром поехали в посёлок **Ярошенка**, где нас приняли к себе родители домработницы **Маши**. Через день приехал отец и сообщил, что он мобилизован на фронт. Папа предложил нам эвакуироваться, но мать категорически возражала и просила отвезти нас к её родителям. Отец взял на работе подводу и бричку, погрузил необходимые вещи, клетки с курами, попрощался с нами и уехал. Ему как офицеру запаса была поручена эвакуация эшелона с лошадьми. Папин завхоз быстро отвёз нас к дедушке в гор. Могилёв-Подольский.

Через некоторое время фашистские войска оккупировали **Могилёв-Подольский**, и наши куры оказались добычей немцев. Вся улица была усыпана перьями. Сразу после захвата города была организована немецкая военная и местная гражданская администрация. Немцы потребовали восстановить работу больницы, поликлиники, аптеки, пекарни, электростанции и сельскохозяйственных предприятий: колхозов, совхозов, скотных дворов, МТС. Но как раз перед их приходом всё оборудование и скот разграбили местные жители. Помню, один человек увёл трактор и закопал у себя во дворе, рассчитывая, что он получит от новой власти землю и станет богатым хозяином.

В Могилёв-Подольском и Копайгородском гетто, в лагере на ст. Копай.

Евреи города **Могилёва-Подольского** были помещены немцами в гетто. Гетто представляло собой огороженную часть улиц и домов в центре города, где проживало до войны еврейское население. Жили мы у дедушки **Шлёмы** в его двухкомнатном доме, находившемся в пределах гетто напротив синагоги в узеньком переулке.

Выход из гетто запрещался без соответствующих пропусков и без сопровождения полицаев. Самовольный выход за его границы мог стоить жизни. Сторожила узников гетто украинская полиция, вооружённая винтовками, в основном мужчины 35-40 лет. После 9 часов вечера не разрешалось выходить на улицу. Все евреи, включая детей, обязаны были всегда носить на одежде на видном месте жёлтый «магендавид». В гетто было назначено еврейское самоуправление, которое занималось расселением евреев внутри гетто, организацией выхода на работу по заявкам оккупантов и захоронением умерших. Помню, что иногда самоуправление распределяло пайки для узников гетто, говорили, что от Красного Креста: кукурузную муку и соль. Два раза в неделю разрешалось посещение базара, где можно было что-то продать или обменять на продукты. Водопровод не работал, и после работы разрешалось ходить по воду к колодцу или реке Днестр под наблюдением еврейской полиции. В городе и в гетто были и румынские солдаты, жандармы, но распоряжались немцы.

Всё трудоспособное население гетто обязано было ежедневно в 7 часов утра находиться на сборном пункте, где специалистов отправляли на их рабочие места (больницы, поликлиники, заводы и т. п.), остальных уводили на разные сельхозработы, уборку. Мама работала везде, куда её отправляли.

Особенно тяжело стало после того, как в Могилёв-Подольский начали пригонять партиями по 500-600 человек евреев из Румынии, Буковины, Бессарабии. Вели их румыны, с которыми шли один-два немца. Евреи были измучены тяжёлой пешей дорогой, брели с детскими колясками, чемоданами, тележками. Я видел, как на главную площадь гетто пришёл очередной этап. Когда дали команду остановиться, пришедшие упали и лежали, как мёртвые. Люди из гетто прибежали с водой и напоили их. Не хватало жилья для них, воды, не было продуктов. Наступила дождливая осень. Многие из них заболели и умерли. В двух дедушкиных комнатках жили две наши семьи, и к нам подселили ещё пригнанных евреев. Дома местных евреев были переполнены. Депортированных евреев селили в школах, в сарайчиках, часть их гнали дальше: в Копайгород, Жмеринку, Черневцы.

Памятник на еврейском кладбище Могилёва-Подольского на братской могиле евреев, погибших и умерших в годы Холокоста в гетто.

Из-за больших трудностей жизни в Могилёве-Подольском мать решила перейти со мной и Фирой к сестре **Жене** в местечко Копайгород, где, по слухам, было немного легче. Все наши вещи поместились в детской коляске, и мы присоединились к колонне евреев, идущей под румынским конвоем в направлении Копайгорода. Прошли с ними 20 километров и оказались в **Копайгороде**.

Маму с двумя детьми родственники приняли не совсем дружелюбно, с трудом нашёлся для нас угол в кухне за печкой, где уже жила 96-летняя старушка. Вскоре в Копайгород пришёл дедушка **Шлёма** со второй женой **Эстер**, и их поселили в кладовке без окон. Муж тёти Жени **Беня** (1897) был портным. Он работал с братом **Шикой** в швейной мастерской, открытой в Копайгородском гетто, где шили и ремонтировали обмундирование для немцев и румын. Отрывая время от сна, они брали побочные заказы у жителей, плативших за работу продуктами. У Бени были две дочери: **Дуся** и **Фира**. Фира быстро выучила румынский язык и помогала отцу договариваться с румынами.

Маму пристроили в помощницы дяди Бени, для неё стали принимать дополнительные заказы. Среди маминых клиентов был и румын **Лацо**, которому она сшила шинель. Шить ей приходилось день и ночь и в мастерской, и дома. В нашем доме жил еврей **Мотке** из Черновиц, хороший жестянщик. Его брали на разные работы по восстановлению крыш, церковных куполов. Я помогал ему в этом, мы работали на высоте, и меня привязывали, чтобы не упал. После работы меня кормили. Помогал я и евреям-художникам, восстанавливавшим роспись в церкви.

С первых дней существования **Копайгородского гетто** все еврейские дома за пределами гетто были разрушены, и на их месте начали строить жандармерию, дома для немецкой и румынской администрации. Правление еврейской общины выполняло все требования немцев и румын, но и добивалось предотвращения грабежей и избиений со стороны местного украинского населения. Всё же попытки провокаций были. Както полицаи начали стрельбу, обвинили в ней евреев и арестовали более 10 человек. После вмешательства румын и хорошей взятки им арестованных освободили.

Всё обычно кончалось благополучно, но однажды, в еврейский праздник, когда евреи молились, надев *тфилин*, нагрянули немцы и румыны и обвинили евреев в том, что они слушают радио. На площадь согнали всех заключённых в гетто, выбрали из них и отпустили необходимых специалистов и трудоспособных, а остальных было приказано отправить в лагерь вблизи станции **Копай** и посёлка **Шипинки**. Мы с матерью сбежали и спрятались в огородах, но местные подростки с собаками нашли нас и погнали обратно на площадь, так что спастись не удалось. Был поздний вечер, но весь путь к лагерю мы шли по людскому коридору, между стоявшими с обеих сторон дороги украинцами, которые выхватывали у нас вещи. Помню, знакомая молочница Домка отобрала у мамы валенки.

Лагерь, огороженный колючей проволокой, фашисты устроили в лесу на бывшей красноармейской летней базе. Внутри лагеря стояли всего два строения и кирпичный дом для охранников-полицаев. Евреи находились под открытым небом среди деревьев. Настала холодная осень. Мы с матерью устроили шалаш из

веток и жили в нём. В отдельном шалаше жили дедушка **Шлёма** и его жена. Пищу готовили на общем костре. Воду разрешали брать из источника по одному ведру 2-3 раза в неделю. Заключённых не кормили, два раза в неделю местному населению разрешалось подходить с продуктами к лагерной проволоке, и можно было выменять на вещи съестное. Питались жондрой (кукурузной похлёбкой). В это тяжелейшее время нам иногда помогал румынский солдат **Лацо**, приносивший маме немного муки в торбочке. Он помнил маму по работе в швейной мастерской и сочувствовал нам. Бывало, что из **Шипинок** приходили к забору крестьяне, приносили яйца, крупу в обмен на вещи. Иногда кто-то из продавцов получал вещь через проволоку и спокойно уходил, не передав еду. Случалось, что нечего было есть, воды не хватало, чтобы приготовить еду. Тогда основной «пищей» были зелень и кора деревьев, заправленные мукой, у кого она имелась.

Организованное в лагере еврейское самоуправление следило за порядком, распределением воды и занималось похоронами умерших. В этом лагере погибло более 1000 евреев. В нём умерли **осенью 1941** года от голода и болезней мой дедушка **Шлёма** Гринберг (1878) и его вторая жена **Эстер** (1895).

Делались попытки сбежать из лагеря. Людей ловили, приезжали немцы с румынами, собирали весь лагерь, и перед нами ставили пулемёт. У нас было чувство, что сейчас расстреляют всех. Помню, сбежали отец с дочерью лет двенадцати. Их поймали, привезли в лагерь, всех нас собрали на лагерную площадь смотреть казнь. Немец сунул пистолет девочке в рот и выстрелил, другим выстрелом он убил отца. Затем для устрашения дали пулемётную очередь над нашими головами. Мать, видевшая смерть дочери и мужа, сошла с ума. Это была семья из Копайгорода, жившая недалеко от тёти Жени. Так было расстреляно 15 человек.

С наступлением дождей и холодов, когда количество заключённых уменьшилось из-за большой смертности, охрана лагеря ослабла, и мы решили сбежать из него с группой людей, знавших обходную дорогу в Копайгород. Мама отдала им золотые часы отца за услугу, и ночью мы убежали. К утру оказались в **Копайгородском гетто**, пришли к тёте Жене.

Мама продолжила работу в швейной мастерской и иногда работала по найму: пекла хлеб, стирала, а мы с Фирой и дочкой тёти Жени прятались на чердаке. Однажды меня заметил полицай из соседнего дома. Он предложил мне оказывать помощь его отцу, который строил рядом дом. Он и его брат, тоже полицай, знали, что я еврейский мальчик, но нашу семью не выдали. Я был не очень похож на еврея, помогал их отцу в строительстве дома, выполнял любые простые задания, и меня за работу кормили, а иногда давали еду домой для сестры и мамы. Это помогло выжить, потому что оккупанты нас не кормили. Мылись и стирали редко из-за нехватки воды. Осенью и зимой положение резко ухудшалось, так как тёплой одежды не было и топить было нечем. Берегли каждую лучинку, чтобы согреться и приготовить еду.

Помню, когда вечером ложились спать, дядя **Беня** всегда оставался у окна наблюдать за тем, что происходит на улице. Особенно мы опасались за жизнь перед предстоящим отступлением войск румын и немцев. К этому в гетто готовились очень

тщательно: в нескольких местах были организованы посты защиты, вооружённые топорами, ломами, ножами, палками. Защитниками были женщины, подростки, мужчины-инвалиды, которые решили сопротивляться. Уверенность в скором освобождении мы почувствовали, когда советские самолёты начали бомбить железнодорожную станцию **Жмеринка**. К нашему счастью, отступление оккупантов было тихим.

Освобождение.

Сначала в Копайгороде появились советские разведчики, а за ними в посёлок вошла Красная армия. Люди гетто были счастливы, обнимали, целовали советских солдат. Установилась советская власть, заработали сельсовет, милиция, почта. Мы с радостью узнали, что в начале войны папин брат **Иосиф** Глинкин во время эвакуации Подольского райкома партии отправил из Киева в тыл всех родных: родителей, брата и сестёр с семьями и позже присоединился к ним. В эвакуации умерла бабушка **Бруха**, остальные выжили и вернулись в Киев.

В нашем доме на станции **Ярошенка** всё было разграблено, а квартира занята. Жить нам было негде, ютились у родственников. Мать начала работать в детском саду поваром, я посещал школу, сестра – детсад.

Плохие новости приходили вместе с возвращением домой выживших евреев. В начале войны мамин брат **Пейся** с женой **Полей** и детьми, с сестрой **Гисей** уехали из Могилёва-Подольского к родителям жены в какой-то городок под Могилёвом. К сожалению, его названия не помню. Как только этот городок оккупировали немцы, они собрали всех евреев, загнали в амбар на сахарном заводе и подожгли. Только старший сын Пейси **Сёма** сумел спастись. Когда семью вели к амбару, мать вытолкнула Сёму из толпы, и он убежал. Мальчик крался, издалека наблюдая за идущими, и через какое-то время увидел, как горит амбар с людьми. Его психика с тех пор была нарушена, но он не погиб. Сёма жил у одного из своих родственников, и после освобождения пришёл в Копайгород в сшитой для него детской военной форме. Вероятно, солдаты возили его с собой, приодели, кормили сироту. Сёма рассказал нам об ужасной смерти всех своих родных: отца **Пейси Соломоновича Гринберга** (1897), матери **Поли** (1903), сестры **Софьи** (1930), братьев **Миши** (1934), **Натана** (1938) и тёти **Гиси Соломоновны** (1918). Спустя неделю-две он уехал в Харьков к тёте **Соне**.

Отец Исаак Гликин. Фронтовой снимок 1942-43 гг.
Имя И. З. Гликина на памятной доске городского Мемориала памяти погибших воинов в Могилёве-Подольском.

Мама, как и многие другие люди, писала пись-

ма в армию, разыскивала отца на фронте. После долгой переписки в апреле **1945** года мы получили сообщение о гибели папы. **15 августа 1944** года мой отец, майор **Исаак Захарович Гликин**, погиб в возрасте 38 лет при освобождении города **Ауце** Латвийской ССР и похоронен на воинском братском кладбище г. **Добеле**. Из писем боевых друзей и командира отца мы узнали, что в должности заместителя командира полка по политчасти папа участвовал в обороне Кавказа, Сталинградской битве. После ранения и окончания Военно-Политической академии отец в составе Украинского фронта принимал участие в освобождении городов Украины, форсировании Днепра и освобождении г. Киева. За время службы был награждён орденом Отечественной войны I степени, многими другими воинскими орденами и медалями.

Послевоенная жизнь.

После войны мама вышла замуж за хорошего человека **Гольдштейна Хаима** Лейзеровича, воевавшего с первого до последнего дня войны, имевшего ранения, и мы переехали к нему в село Мурованные Куриловцы. Трагически завершилась судьба его родных. В **1941** году в **Мурованных Куриловцах** немецкими оккупантами были убиты сестра Хаима **Майя** (1919), его жена **Женя** (1904) и четверо детей: **Эршалэ** (1929), **Аврум** (1932), **Песя** (1936) и **Фира** (1939).

Семья Мары: (справа налево) мама Клара Гликина, дочь Майя Гольдштейн, сын Мара Гликин, отчим Хаим Гольдштейн, дочь Фира Гликина. 1946 г. Мурованные Куриловцы.

В 1946 году родилась моя сводная сестра **Майя** (сейчас живёт в Иерусалиме), а позднее – сестра **Соня** (живёт в Сан-Франциско).

Учась в школе, с 3 по 10 класс я помогал родным, работая после уроков сапожником. В **1955** году я поступил в Харьковский машиностроительный техникум, где получил профессию техника-механика и работал на Харьковском турбинном заводе технологом, мастером. После окончания в **1962** году Московского заочного политехнического института стал работать инженером-конструктором I категории.

В результате издевательств, непосильных обстоятельств жизни, подневольного труда в годы оккупации тяжело болели и умерли моя мать **Клара Соломоновна** (1906-1968) и дядя **Беня** Штрам.

В **1969** году я женился на студентке **Полине** из Могилёва-Подольского. Окончив Харьковский строительный институт, Полина получила направление на работу в Кишинёв, и в **1971** году мы переехали в Молдавию. Жена работала в проектном институте «Молдгипрострой» проектировщиком. Я работал в «Южэнергоремонте». Родились наши дочки **Римма** и **Клава**.

Сестра **Фира** после войны окончила швейные курсы в Киеве и работала в молдавском городе Атаки швеёй. После замужества переехала в Могилёв-Подольский и трудилась на большой швейной фабрике. Родились сын и дочь. Сын, к несчастью, погиб в автокатастрофе.

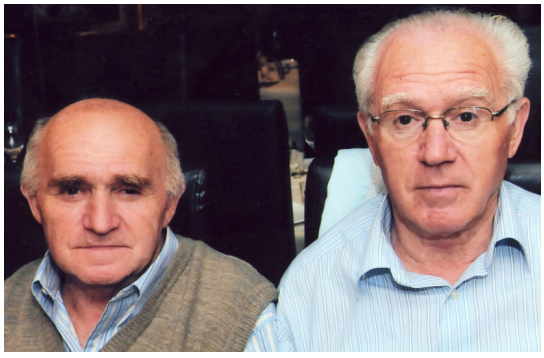
В Израиле.

В декабре **1995** года я с женой репатриировался в Израиль, жили в Петах-Тикве, затем в Ришон ле-Ционе. **Римма** приехала на год раньше нас, окончила медицинские курсы при университете, работала медсестрой в больнице «Бейлинсон». Римма с семьёй живёт в Ришон ле-Ционе и преподаёт в школе медсестёр в Реховотской больнице «Каплан». **Клава** приехала раньше всех по программе «НААЛЕ-16», окончила бухгалтерские курсы и работает по специальности в Реховотском Институте Вейцмана. У нас пять внуков. С **2008** года живём в гор. **Реховоте**, помогаем дочке воспитывать детей.

Сестра **Фира** с мужем и дочкой приехала в Израиль в **1993** году. Они живут в Ашдоде, растят трёх внуков. Тётя **Соня** Заутнер с семьёй Феликса репатриировалась из Харькова в **1998** году в Израиль, они жили в Хайфе. Умер от болезни сын, а затем тётя Соня в **2009** году. Сын погибшего Пейси **Сёма** Гринберг жил в Израиле в гор. **Нацрат-Илите**, он рассказывал мне о гибели семьи в годы Шоа. Сёма умер в **2012** г.

51.

Гольдберг Самуил и Гольдберг Илья (г. Могилёв-Подольский)

ЗАЧЁРКНУТЫЕ КРОВЬЮ ДЕТСКИЕ ГОДЫ В ГЕТТО

До войны.

Наша семья проживала в старинном городе **Могилёве-Подольском** Винницкой области на Украине. До войны в городе насчитывалось 20 тысяч жителей, из них евреев – 8 тысяч.

Наши юные родители **Гольдберг Семён** и **Циля** (девичья фамилия Литвак) были ровесниками, оба **1910** года рождения: папа – январский, а мама – февральская. Жили в любви и согласии, родились четверо детей: старшая сестра **Маня** (декабрь 1928), сестра **Ида** (март 1934), я – **Самуил** (9 марта 1937) и младший брат **Илья** (3 марта 1939). Жили мы в большом собственном доме бабушки **Хавы** (1878), матери отца, родом из Северной Осетии. Бабушка Хава вела домашнее хо-

зяйство. Дедушка **Идл** умер в 1932 году, и мы с братом его не знали. Все остальные родственники – из Могилёва-Подольского. Мамины родители, дедушка **Янкель Литвак** и бабушка **Песя** (в девичестве Брунштейн), жили отдельно. У мамы были братья **Нафтула** (1905) и **Давид** (1919) и сестра **Ента** (1914).

Самуил Гольдберг. Май 1941 г.

Папа получил начальное образование, работал фотографом в фотоателье, мама – кассиром в парикмахерской. Заработки родителей были скромными, но мы всемером не голодали, нас, детей, прилично одевали, жили не хуже других. Сестра Маня ходила в единственную в городе еврейскую школу с преподаванием на языке идиш. Средняя сестра Ида готовилась к школе. Я посещал детский сад, где воспитание шло на русском языке, а Илья в детсад не пошёл из-за начавшейся войны.

Начало войны.

В первый день войны **22 июня 1941** года отец Семён был мобилизован и взят на фронт. Мы, четверо детей, остались с матерью и бабушкой Хавой. О начале войны услышали от дедушки Янкеля. Вечером, когда мы всей семьёй пришли в его дом, взрослые говорили о том, что нам делать дальше. Решили оставаться пока на месте. Время шло. Руководил нами дедушка Янкель, и 5 июля 1941 года он сказал, что до прихода немцев и румын надо всем вместе уйти из города к родственникам в село **Гонтовку**, примерно в 15 км от Могилёва-Подольского.

Нас было много – 8 человек: мать, четверо детей, две бабушки и дед. Мы шли по дороге рядом с отступающими советскими войсками и с множеством беженцев, которые, как и мы, пытались уйти подальше от наступающих немцев. Пробыв с неделю в Гонтовке у жены маминого брата тети **Чарны**, решили уйти ещё дальше и направились в местечко **Черневцы** Винницкой области. Нас приютили знакомые, и в это время в Черневцы вошли немецкие войска. Здесь мы их увидели впервые. Из Черневцов мы ввосьмером отправились тем же путем, каким пришли, обратно в Могилёв-Подольский. Дороги уже были заняты немцами, румынскими частями, мы шли параллельно проезжей части, видели ещё беженцев.

Оккупация города и в Могилёв-Подольском гетто.

Вечером вернулись в город Могилёв-Подольский, и перед глазами встала страшная картина. Дома наши были страшно загажены, всё имущество разграблено украинскими соседями. Нас всех успокаивал дедушка Янкель, он говорил, что, несмотря на всё, надо жить дальше. Вместе взялись за уборку наших домов. Напротив нашего дома жили украинцы Торчинские, и когда жена Торчинского увидела нас, она вернула часть наших вещей. Но мы уже в своём доме не жили, а перешли в уцелевший от наводнения 1941 года дом бабушки Песи. Он был построен дедушкой Янкелем добротно, крепко.

Могилёв-Подольский уже оккупировали немцы и румыны. Вошли и венгерские солдаты, но они почти сразу отправились дальше с немцами. Мы оказались в Транснистрии – части Украины, отданной Гитлером румынским фашистам. В

городе установился румынский режим во главе с претором. Командовали румыны-охранники, распоряжались румыны-чиновники, и все ходили с оружием.

В один из дней немцы и румыны приказали всем евреям собраться на городской площади, разрешалось взять с собой нужные вещи. Нам объявили, что евреев переселяют в гетто. Евреям указали район, где жить, огородили его проволокой. Это была сеть улочек и переулочков в районе городского базара. Выходить из гетто евреи не имели права. Все в гетто носили знаки – жёлтые звёзды спереди и сзади, даже дети. Мама нам их пришила. Без них нельзя было ходить. За каждой оплошностью следовала расправа. Мне, Самуилу, запомнились слова, которые произносили румыны в гетто, когда кого-нибудь ловили за провинность: «Доуэзечь ши чинч ла кур», т. е. 25 ударов нагайкой по ягодицам в наказание. Румыны были падкими на взятки. Если имелись марки или золото, можно было откупиться в каких-то случаях.

Жизнью в гетто руководило самоуправление из евреев, которое выполняло немецкие и румынские приказы, назначало, где жить, кому и куда идти на работу. У комитета самоуправления имелись списки всех евреев с указанием места их жительства. Людей расселили по домам внутри гетто. Жили мы теперь на Рыбной улице в двухэтажном доме на втором этаже. В гетто румыны сконцентрировали около 20 тысяч человек. Сюда пригоняли евреев из дальних мест. На них страшно было смотреть: голодные, оборванные, немцы и румыны отобрали у них всё. Могилёв-Подольский был для бессарабских и румынских евреев пересыльным пунктом. Помнится, в конце **октября 1941** года привели из Бессарабии очень много евреев. Часть из них оставили в Могилёве-Подольском, часть отправили в лагерь в селе Печёра, а остальных повели дальше по разным гетто Транснистрии. Оставленную партию распределяли жить по всем домикам в гетто. Туда, где находились 5-6 местных евреев, загоняли еще 10 пригнанных человек. Внутри домов люди были один на другом.

В Могилёв-Подольском гетто все трудоспособные обязаны были бесплатно работать на оккупантов. Первым из нашей родни в гетто умер **2 сентября 1941** года дедушка **Литвак Янкель Давидович** (1876). Дедушка был краснодеревщиком и выполнял какую-то искусную работу по специальности для немцев или румын. Заказчикам очень понравился результат, и его угостили едой. Дедушка всё время был голоден. Он, видимо, переел и умер от заворота кишок. Дедушку Янкеля мы похоронили сами. Наняли подводу и отвезли на кладбище. Обычно умерших хоронила еврейская управа, просто забирали и увозили тела.

Наша мать работала уборщицей в учреждении у самого претора – главного румынского начальника. Её труд был очень тяжёлым: она каждый вечер, когда румыны заканчивали работу, и до следующего утра делала уборку во всех комнатах и кабинетах, мыла 18 полов, а после занималась стиркой. В её обязанности также входило каждый день приносить претору и его семье еду, которую румынский повар готовил специально для них. Ко всему этому она должна была обеспечить нашу семью: двух бабушек и четверых детей. Мама старалась делать всё хорошо,

и начальник был доволен её работой. В конце дня претор разрешал маме забрать с собой остатки их еды домой. Непонятно, когда ей удавалось поспать, отдохнуть. Однажды жена претора **Бузинка** попросила маму привести к ней всех детей. Наш вид так её разжалобил, что она дала маме для нас одежонку, продукты. Оказалась сердобольной женщиной.

Наш двоюродный брат Илья в 13 лет работал на восстановлении моста через Днестр в районе нашего города. Старшую сестру Маню, которой тогда исполнилось 13-14 лет, тоже заставляли заниматься уборкой.

Бабушка Хава постоянно находилась с детьми, смотрела за нами, нянчила годовалого Илюшу, ей очень помогала Маня. Я, Самуил, лет пяти, и сестра Ида, старше меня на три года, ходили по приказу из управы собирать мусор, сгребать листья, обрывать траву. Никому не разрешалось сидеть просто так. Мы, дети, чувствовали несвободу и скованность. Территория гетто была небольшая, много людей, негде было двигаться, бегать. Для румынских солдат работали полевые кухни, и людей заставляли заготавливать дрова для этих кухонь, пилить, рубить чурки. Пяти-, шестилетних детей приспособили подносить к печкам дрова. Мне порой доставались пинки от румын, потому что я близко подходил к их имуществу. До сих пор помню унизительную сцену, в которой пострадала бабушка Хава (да будет светла её память!). Кто-то из семьи принёс немного кукурузной муки, и бабушка стала заваривать из неё мамалыгу. Бабушка выставила всех детей из кухни, чтобы мы не подгоняли её и не приставали с просьбами. В это время пришёл проверяющий румын и стал с шумом открывать двери. Бабушка подумала, что это мы шалим, и начала ругаться по-еврейски, проклиная всё на свете. Румын слушал-слушал, видно, что-то понял или принял на свой счёт, сорвал с крючков двери на кухню, подошёл к бабушке и ударил её по лицу. Бабушка заплакала.

Самым страшным в гетто для детей были голод и холод. Конечно, все наши детские болезни протекали сложнее, чем в мирное время. В гетто был медпункт, но не было нужных лекарств. В Могилёв-Подольском гетто от недоедания и вшей свирепствовал тиф, от которого умерло множество человек.

Узникам гетто нельзя было выйти за его пределы, но обмен вещей на еду происходил. Местное население приходило к проволоке с продуктами, а евреи – с вещами, и шёл тихий торг. Украинцам по приказу нельзя было приближаться к забору, но никто их не прогонял.

Погибшие родные.

Из Могилёв-Подольского гетто людей, в том числе и наших родственников, забирали на смерть в лагерь в селе **Печёра** Винницкой области. Наш двоюродный брат **Илья Литвак** (1930) находился в Печёре вместе с матерью Полей, братом Борей и маленьким братиком Яковом, рождённым в гетто. Из их семьи в годы войны выжил только Илья. Ему, мальчику 11 лет, удалось бежать из Печёры осенью **1941** года, и Илюша пришёл жить к нам в Могилёв-Подольское гетто. Тётя **Поля Шмилевна Литвак** (девичья фамилия Томашпольская) (1912) и её шестимесячный сын **Яков** умерли в Печёрском лагере зимой **1941-42** годов. В **1942** году в Печёре

умер семилетний сын тёти Поли **Борис** (1935). После освобождения гетто стало известно, что глава семьи и муж тёти Поли, мамин брат **Нафтула** (Толя, Анатолий) **Яковлевич Литвак**, майор Красной армии, батальонный комиссар 1314 стрелкового полка 17 стрелковой дивизии, погиб в боях под Москвой **21 октября 1941** года.

В Печёрском лагере зимой **1943** г. погибли мамина родная сестра **Ента** в 29 лет с дочерью **Броней** (прим. 1937). Муж Енты **Иосиф Дуновицер** (1915) погиб на фронте в **сентябре 1941** года.

Освобождение и после него.

К концу **1943** года нам уже было известно о партизанах, действовавших в нашем районе. Перед освобождением говорили, что находящийся в гетто **Яша Краснопольский** связан с ними. В момент бегства немцев из Могилёва-Подольского он установил пулемёт на колокольне и ударил по отходящим врагам.

Немцы и румыны поспешно покидали город, бросали обозы, машины, военную технику и старались перебраться через Днестр. Возникали конфликты между немцами и румынами, кому первому бежать. Мосты были взорваны партизанами, и враги переправлялись, кто на чём мог, в страшной суматохе. Поэтому больших боёв за город и не было, противник удрал раньше.

Ночью **19 марта 1944 года** в Могилёв-Подольский вошли партизаны, после них – советские войска. Мы видели всеобщее ликование. Настал долгожданный день нашего освобождения. Из нашей семьи все, слава Богу, выжили в Катастрофе. Было много радости и, конечно, много горя, что люди не дожили до этого светлого дня. Но радость была кратковременной, потому что освободившие нас войска двигались на Яссы, где немцы их остановили. После освобождения города война продолжалась, немцы бомбили Могилёв. Мы перешли жить в дом на улице Мельника: мама, сестра Ида, я с Ильёй и бабушка Песя. Уже не в гетто, а в городе мы прятались в погребе от немецких авиабомб. Бабушка Хава с сестрой Маней жили отдельно в полученной бабушкой квартирке недалеко от района гетто.

В конце **1944** года мы получили официальное известие, что наш отец **Гольдберг Семён** пропал без вести на фронте. Огромное горе навалилось на семью. Неожиданно через три месяца получили от отца письмо, единственное за всё время войны. Он писал, что жив и был тяжело ранен в Венгрии.

После войны.

Самуил. Об окончании войны мы узнали от двоюродного брата. В этот день радио начало работать на 15 минут раньше обычного. Люди радовались, обнимали друг друга, танцевали, пели. Брату в честь праздника выдали на работе бутылку водки (он работал на спиртзаводе), и мы тоже отметили победу. Затем мы все ждали отца и родных с фронта. Получили от отца второе письмо, где он сообщал, что скоро приедет домой. Возвратился папа лишь весной **1946**-го.

Из довоенного восьмитысячного еврейского населения Могилёва-Подольского в послевоенные годы в городе жили 3 тысячи евреев. После освобождения и окончания войны дети, выжившие в гетто, не раз взрывались на оставленных повсюду немцами снарядах, мальчишкам отрывало пальцы найденными патронами, гранатами. И я ходил с ними в поисках оружия.

Илья. В **1947** году я пошёл в школу. В 16 лет начал работать на Могилёв-Подольском заводе им. Кирова электриком и учился в школе рабочей молодёжи. В **1966** году переехал жить в Ленинград. Работал на строительстве электриком, жил в общежитии. В **1968** году женился, вырастил двоих сыновей, у меня две внучки и внук. На пенсию ушёл в 1995 году.

Семья Гольдберг: (стоят справа налево) брат Илья, мама Циля, сестра Ида, брат Самуил; (сидят справа налево) папа Семён, бабушка Песя Литвак, мамин брат Давид. Послевоенное фото.

Наш отец **Семён** похоронен в Могилёве-Подольском в **1988** году. О еврейском кладбище и могилах заботится городская еврейская община.

В **1998** году мы с женой и с мамой Цилей приехали в **Израиль**, сначала жили в Реховоте, а теперь я живу в гор. **Явне**.

Самуил. В **1945** году мне было 8 лет. Из-за болезни год не учился. В **1946** году пошел в первый класс. Сразу после окончания школы 1 июля **1956** года был призван в Советскую армию. Служил на разных должностях: курсант, замкомандира танкового взвода, командир взвода. Демобилизовался из армии 9 ноября 1959 года. В дальнейшей жизни с армией был связан 34 года в качестве офицера запаса. 19 ноября **1959** г. приехал в гор. **Житомир** и работал слесарем на заводе более 9 лет, затем в течение 20 лет трудился на обувной фабрике: прошёл путь от простого рабочего до бригадира и потом мастера. В Житомире в марте **1960** года я женился на **Тамаре** Фасман. Жена работала сборщицей на музыкальной фабрике. Мы вместе уже 53 года.

Будь проклята война! Мамин брат **Давид Литвак** воевал в звании старшего лейтенанта командиром сапёрной роты. В 1943 году получил тяжёлое ранение на минном поле, пришёл с фронта инвалидом: остался без зрения, ему оторвало нижнюю челюсть. Прожил 61 год.

Страшные результаты нашего пребывания в гетто выплыли сразу после войны. Старшая сестра **Маня** стала инвалидом, и это являлось прямым последствием заключения в гетто. Маня работала на ткацкой фабрике и умерла очень рано, в 49 лет. Средняя сестра **Ида** должна была начать учиться в 1941 году. В 1944 году она пошла в 1-й класс, затем сразу в 3-й класс, а потом сразу в 5-й. После школы-десятилетки Ида окончила Кишиневский университет и работала 30 лет преподавателем

английского языка. Сестра Ида болела всю жизнь, она умерла в июне **2011** года. Младший брат **Илья** страдает заболеванием сердца, у него видит один глаз. Я тоже не совсем здоровый человек.

В **Израиль** я приехал в июне **1990** года с женой, её матерью Розой и двумя детьми. Поселились в гор. **Реховоте**. Одиннадцать с половиной лет проработал в автобусной компании «Эгед» до ухода на пенсию в **2002** году. У нас внучка и четыре внука. Старший сын **Марк** живёт в Нетании, у него двое детей: внуку 24 года, внучке – 12. Сын **Пётр** с семьёй – в Америке, у него трое сыновей.

Мама **Циля** умерла в феврале **2004** года, в августе **2004** года умерла мать жены **Роза**. Они похоронены в Реховоте.

Являюсь членом комитета Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей и считаю создание этой книги одним из самых важных и долговечных дел нашей организации.

Сестра Маня Гольдберг. 1953 г. Единственное изображение.

52.

Групман Дина (г. Могилёв-Подольский)

ДЕТСТВО В НЕВОЛЕ СРЕДИ СМЕРТЕЙ

Довоенная жизнь.

Наша семья жила в еврейском местечке **Мурованные Куриловцы** Винницкой области Украины. Детей у родителей было двое: я, **Дина Исааковна**, родилась **10 августа 1936** года, а в **1938** году – мой брат **Пейсах** (Пусик), названный в память о дедушке. Мой отец **Барский Исаак Пейсахович** (1907), уроженец нашего местечка, окончил лесной техникум, работал лесничим. Родители моей мамы **Евы Мироновны** (в девичестве Бейдер) (1914) умерли очень рано, и она росла в детском приюте сиротой с её братьями: Яковом, Иосифом и Абрамом. Мама окончила в Куриловцах 7 классов еврейской школы, затем училась в Томашполе на рабфаке, получила диплом. Мама и папа, два умных образованных человека, познакомились, полюбили друг друга и поженились против воли папиной мамы Шпринцы.

Дина Барская в возрасте 2 лет. 25 дек. 1938 г. Мур. Куриловцы. Единственное изображение.

«Зачем тебе нищая Ева? Она из детского дома, без приданого», – говорила сыну мать. Сын отвечал: «Я её люблю, мне с ней жить». Бабушка, привыкшая, чтобы все её слушались, невзлюбила невестку и показывала это, пока молодые не ушли жить отдельно. Часть своего заработка сын продолжал отдавать матери, а что оставалось – жене, и на это они жили.

До революции 1917 года в Куриловцах в роскошной усадьбе часть года (весну и лето) жил помещик из Петербурга. В нижней части дома, в подвалах, были конюшни, место для карет, телег, и здесь дедушка Пейса работал шорником, а бабушка Шпринца и её сестра Шейва работали в помещичьем доме: сестра выдавала бельё, бабушка тоже чем-то распоряжалась. Почти все жители местечка работали у помещика, получали хорошее жалование, и им хорошо жилось. После октября 1917 года хозяин поместья пропал, а его большой дом стал школой. До советской власти бабушка **Шпринца Абрамовна Барская** (1872) была богатой, владела магазином, давала ссуды под проценты. В жизни бабушка три раза строила дом: первый разобрали петлюровцы и деникинцы в годы Гражданской войны, второй, очень красивый, разрушили немцы во время 2-й Мировой войны. В период немецкой оккупации весь кирпич и всю жесть с её дома взяли на строительство церкви. У дедушки с бабушкой было много детей, некоторые умерли, и с ними жили три сына: **Оба**, мой отец **Исаак** до женитьбы, **Абрам**, а также дочь **Фаня**. В 1936 году дедушка **Пейсах** (Пейса) **Моисеевич** (1866) умер от болезни.

Родная сестра бабушки **Шейва Абрамовна Горобец** жила отдельно с тремя сыновьями и дочерью. Её сын **Абрам Данилович**, директор школы в Куриловцах, красавец и умница, был арестован и репрессирован в 1939 году. Его супруга **Сара** работала в той же школе учителем, растила дочку **Женечку** лет десяти и ухаживала за больной матерью. Другой бабушкин сын **Гершко** (Гриша) участвовал в Финской войне в 1939-40 гг. Дочь **Шейндалэ** (Женя) работала медсестрой.

Начало войны и оккупация.

Как только началась война, всех мужчин призывного возраста, в том числе моего отца **Исаака Барского**, его брата **Абрама Барского** и **Григория Горобца**, отправили на фронт. В местечке остались несколько инвалидов и больных мужского пола, женщины, дети и старики.

Немцы въехали в **Мурованные Куриловцы** на мотоциклах в **июле 1941** года, и началась еврейская трагедия. Тут же была образована украинская полиция. Оккупанты получили полные списки евреев, проживавших в местечке, от шуцманов и руками украинских помощников провели в Мурованных Куриловцах три акции по уничтожению евреев. Я была малолеткой, и о массовых убийствах в местечке знаю от бабушки и мамы, а также от людей, которым чудом удалось спастись, как и моей семье.

Появилось объявление комендатуры: всем евреям прийти, принести и сдать все ценности. Люди пришли. Была расстелена простыня, и на неё бросали серьги, брошки, кольца. Золото, серебро собирали исключительно немцы, а явку обеспечили полицаи.

Закончив грабёж, немцы разделили всё местечко на партии: сначала приказали прийти мужчинам и взрослым женщинам с детьми и принести с собой лопаты, грабли, потому что их поведут копать траншеи для немцев. Людей с инструментом построили и отвели «на работу» очень далеко от местечка, на равнинное место. Там они выкопали в одном месте ямы, потом их повели в два других места, где они тоже выкопали рвы. Тут их начали расстреливать. Было всего 3-4 автомата, но больше загоняли в ров живыми, ранеными. Потом люди рассказывали, что поверхность закопанных ям ещё несколько дней колыхалась. Некоторым живым удалось даже вылезти из ям и убежать. Тогда ночью украинцы начали следить за ямами и закапывать добитые ими жертвы.

После акции немцы стали искать тех, кто не явился. Мать Сары Горобец **Фаня Голудько** (1871) была парализована, недвижима, и Сара с ребёнком находилась возле неё. Немцы пришли в квартиру и забрали их всех. Бабушку Фаню просто волокли к месту расстрела, за ней вели **Сару**, женщину лет 25-27. Сара сильно кричала, видя, что немцы творят с матерью. Немцы от злости так били Сару, что из всех частей тела у неё текла кровь. А за Сарой несли на расстрел её дочку **Женечку** (1931). Так Сталин и Гитлер уничтожили одну из многих еврейских семей: отца – в 39-м, остальных – в 41-м.

Оставшиеся евреи прятались в домах. Знакомый мне мальчик **Лёва Бандель** из своей хаты перебежал в соседний дом и спрятался в кровати с периной. Пришёл немец, стал штыком колоть эту перину и нашёл Лёву. Немец посмотрел на него, ребенка лет двенадцати, отложил оружие и говорит: «Я тебя не убью, у меня дома такой же мальчик». Снял с себя шинель, шапку, надел на мальчика и сказал ему: «Сегодня ночью будет облава. Ты беги через дорогу, а оттуда по оврагу – в сторону Могилёва. Ты должен спастись, потому что никого больше не осталось в этом селе». И мальчик убежал, когда стемнело. Немец его спас. Лёва после войны женился. Он, к сожалению, уже умер. Его семья живёт в гор. Явне.

Мне было почти пять лет, и я хорошо помню, как мы спаслись тогда от неминуемой смерти. В нашем местечке жила обрусевшая немка **Люда**. Разговаривала по-русски, очень хорошо шила, все её любили. Она по ночам переводила евреев в Могилёв-Подольский, за 40 километров от Мурованных Куриловцев. Люда и нас спасла. Конечно, мы ей заплатили золотыми монетами, потому что она была семейной, с детьми, и её могли убить немцы или выдать односельчане. Ещё несколько еврейских семей остались живы благодаря ей. Нас она перевела за день-два до прихода немцев в Куриловцы, когда дошло известие, что немцы уже на пороге. Мы шли по оврагам, через леса, и только ночью. Маме было очень тяжело с двумя детьми: я шла пешком и держалась за маму, а она несла на руках маленького Пусика. Добрались благополучно. Люда сумела перевести на румынскую территорию,

в Могилёв-Подольский, также бабушку **Шпринцу** и её сестру **Шейву** с дочерью **Фаней**, и мы находились в гетто все вместе. После войны наша спасительница была для нас как святая. Мы просто молились на Люду. Муж её погиб на фронте, и она растила детей одна, замуж ещё раз не вышла.

Страдания тех, кто оставался в Мурованных Куриловцах, неописуемы. Фашисты загубили много наших родственников за время оккупации местечка. Папин брат **Оба Барский**, которого из-за тяжёлой болезни не призвали в армию, замёрз в Куриловцах в **декабре 1941** г. и был похоронен на еврейском кладбище.

Другой брат отца **Абрам Барский** погиб в Мурованных Куриловцах вместе с семьёй. Они не эвакуировались, потому что у его жены, тёти **Роси**, росли заполнявшие всю квартиру олеандры, которые были ей очень дороги. Когда Люда согласилась вывести нас из села, бабушка просила, умоляла Росю: «Беги с нами, у тебя трое маленьких детей, я за тебя уплачу». Тётя отвечала: «Эти цветы я никому не оставлю, и немец нас не тронет». С такими мыслями Рося была в Куриловцах не одна. Её старшая дочка **Женя**, лет четырнадцати, красивая светловолосая девочка с большой косой, заявила родителям: «Наши войска отходят, я не останусь сидеть с вами и ждать смерти. Я ухожу с армией». Мать крепко держала её за руку, но она убежала. Абрама (1904) и Росю (1908) с сыновьями **Йосалэ** (6 лет) и **Лёнечкой** (4 года) расстреляли в следующей акции по уничтожению евреев местечка **21 августа 1942** года. Они лежат вместе с другими евреями в земле на въезде в село. С этими мальчиками до войны я играла, каталась на лыжах. Много лет спустя, уже в Израиле, в архиве «Яд Вашем» я узнала подробности их убийства. Свидетель Житницкая называет их фамилию, имена среди десятков расстрелянных и рассказывает, что в августе «по распоряжению немецкого коменданта Зоммера людей под предлогом на работу угнали в поле, где были вырыты готовые ямы. Люди были расстреляны, а многих бросали живыми в яму». Их дочь **Женя** прошла всю войну медсестрой, вернулась в 1945 году в Куриловцы с наградами. Вышла замуж за латыша Адальберта, которому спасла жизнь в бою, и они уехали жить в Псков. Её муж работал секретарём горкома партии, а она с юридическим образованием – в библиотеке.

<u>В Могилёв-Подольском гетто.</u>

Могилёв-Подольское гетто, куда мы попали, управлялось румынской военной администрацией. Гетто было огорожено, все носили нашитые жёлтые звёзды. Тех, кто попадался румынам на улице после комендантского часа, страшно били. Питались чем попало. В мусоре находили гнилую картошку, засохший хлеб. Размачивали его в воде и ели все, кроме меня. Я плакала, умирала с голоду, но такое съесть не могла. Бабушка и мама (пусть будет благословенна их память!) отдавали мне и братику последний кусочек, чтобы мы выжили.

Место, где мы жили в гетто, находилось на горке, по-моему, на ул. Ставиской. На ней стояли сараи, и в них нам разрешили поселиться местные украинские жители. В Могилёв-Подольское гетто группками приходили еврейские беженцы и беглецы из разных мест, как мы. Эти сараи были переполнены людьми. Украинцы принесли нам какие-то тряпки, старые вещи, чтобы укрыться. Все спали вповалку один возле другого.

Огромным горем стала для нас смерть моего трёхлетнего брата **Пейсаха** (Пусика) **осенью 1941** года. Пусик заболел менингитом, он лежал с высокой температурой. Лекарств не было. Моя бабушка знала народные средства лечения, но братику ничего не помогало. В гетто была женщина-врач, и она по ночам приходила, измеряла температуру, пыталась как-то помочь. Малыш потерял речь, а под утро умер. Его тело забрали, видимо, до того как я проснулась. Утром и в последующие дни и недели я спрашивала родных: «А где Пусик?» Мама отвечала, что его увезли в город, в больницу, и там лечат. Лишь после войны мама мне сказала, что его не смогли вылечить, и Пусика уже нет.

Нас выгоняли на работу от мала до велика. Приходили, командовали и водили нас полицаи. Шли мы не строем, не всегда знали, куда нас ведут. Я ходила с мамой, с бабушкой и с тётей на сельхозработы в полях или в колхозных помещениях. Мама всюду водила меня с собой. Она боялась, что если я останусь в гетто сама, то придут и заберут меня навсегда. Все родители в любой путь брали с собой детей, чтобы они были рядом. С пяти с половиной лет я помогала маме, за работу ей давали небольшой паёк – кусок хлеба, полусырой и на ощупь, как глина. Помню, что мы нанизывали листья табака на шпагат для его сушки, и я постоянно колола пальцы длинной иглой на конце шпагата. Ещё мы занимались уборкой конюшен, нас водили осенью убирать опавшие листья, в зимнее время чистить снег на улицах города. Работа была на целый день. Над нами всегда стоял надзиратель.

У меня развелось много вшей в голове и в одежде, и выводить их было нечем, только остричься наголо, но не было машинки или ножниц. Мама часто стирала наши лохмотья, используя печную золу вместо мыла, вываривала их, но и это не избавляло от насекомых-паразитов.

Помню, в гетто моя тётя **Фаня** создала семью с парикмахером **Идлом** из Румынии, которого румынские фашисты пригнали в Черновицы, а оттуда в Могилёв-Подольский. Идл за свою парикмахерскую работу получал немного продуктов от клиентов. Бабушка благословила их соединение и сказала: «Ты холостой и Фаня девушка, что вам страдать в одиночку, время тяжёлое, жить семьёй будет легче». Им было хорошо вместе, пусть и в нашем сарае. Сразу после освобождения гетто Красной армией Идла мобилизовали на фронт, и он через короткое время погиб. Его не имели права брать в Красную армию, он не был советским гражданином. Их дочь **Маруся** родилась **1 января 1945** года без отца.

В тяжком подневольном труде, в постоянном голоде я росла в гетто и видела вокруг себя тысячи таких же мучеников. По возрасту я не могла тогда осознать, что наша «вина» – в том, что мы евреи, носила, как и все, *магендавид*, и не понимала, что он для нацистов – клеймо на «преступнике». Мы сняли жёлтые звёзды в **марте 1944** года, когда Красная армия освободила Могилёв-Подольский.

После освобождения и войны.

В первый класс я пошла в Куриловцах осенью **1944** года, во второй – у родственницы в Могилёве-Подольском. Мама продолжала работать в Куриловцах в магазине и ждала папу с фронта. В **1946** году я переехала жить во Львов к своему

Ева Мироновна Барская – мать Дины. 29 января 1979 г. Львов.

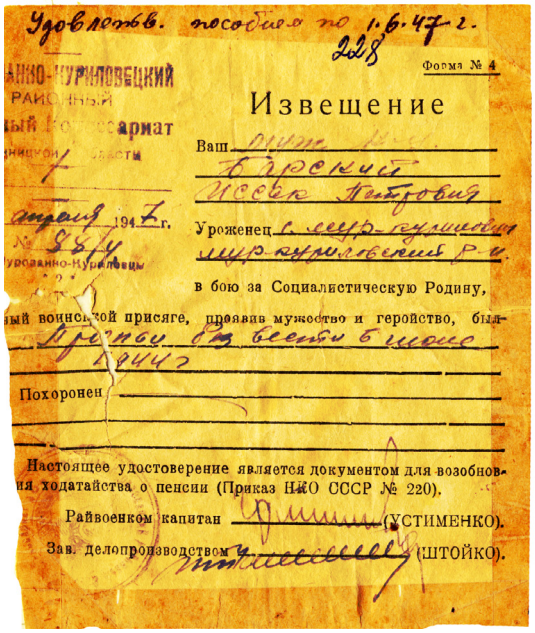
дяде, старшему маминому брату **Бейдеру Иосифу** Мироновичу. Он вернулся с войны и вызвал нас к себе. В Куриловцы я приезжала только летом на летние каникулы. Через год приехала и мама. Во Львове она работала сначала продавцом, а затем заведовала двумя магазинами.

В апреле **1947** года моя мама в Куриловцах получила извещение, что её муж и мой отец **Барский Исаак Пейсахович** (Петрович) пропал без вести во время боевых действий в **июне 1944** года. Мама очень горевала о папе, погибшем в 37 лет. Папин брат **Барский Абрам Пейсович** (1900-1941), рядовой, стрелок, тоже погиб на фронте. В Мурованных Куриловцах есть огромная памятная стена, на которой начертаны имена всех куриловчан, павших на фронте в годы войны. Там имя моего светлой памяти папы.

Отец Дины Барский Исаак (1908-1944). Довоенный снимок.

Бабушка **Шейва** оплакивала пропавшего в сталинских лагерях сына **Абрама**, но это было ещё не всё горе. Пришли тяжелейшие известия, что её сын **Гершко Данилович Горобец** (1911) пропал без вести на фронте в **1941** году, а незамужняя дочь **Шейндл Даниловна Горобец**, лет восемнадцати-девятнадцати, медсестра, погибла в блокадном Ленинграде и похоронена на Пискарёвском кладбище.

Удовлетв. пособие по 1.6.47 г.
228
Форма № 4
Извещение
Ваш
Барский
Исаак Петрович
Уроженец
в бою за Социалистическую Родину,
Похоронен
Настоящее удостоверение является документом для возобновления ходатайства о пенсии (Приказ НКО СССР № 220).
Райвоенком капитан (УСТИМЕНКО).
Зав. делопроизводством (ШТОЙКО).

Извещение 1 апр. 1947 г. о пропаже без вести отца Дины на фронте в июне 1944 г.

Моя бабушка **Шпринца**, потерявшая в войну троих сыновей, после войны жила в Куриловцах с дочерью Фаней и внучкой Марусей. И получилось, что только моя мама, самая «ненавистная невестка», делилась с постаревшей от горя свекровью последним куском, заботилась о ней. Из Львова с первой зарплаты мама подарила бабушке тёплое одеяло. Всё, что могла, посылала и привозила прежде всего свекрови. Бабушка Шпринца прожила более 90 лет и успела признать преданность мамы семье, доброту и большую душу женщины, которую любил погибший сын.

После окончания школы и техникума лёгкой промышленности я поехала работать в **Черновцы** и в этом городе встретила **Иосифа Групмана**. Оказалось, что

мы оба были в Могилёв-Подольском гетто, но тогда друг друга не знали. Мы, двое детей войны, с отнятым ею детством, поженились в **1954** году, через три дня после знакомства: голые, босые, без имущества. Муж привез меня в **Ужгород**, где служил в армии и после демобилизации снимал квартиру. Вот уже 59 лет мы вместе, и дай нам Бог в 2014 году отпраздновать 60-летие совместной жизни. Моя мама **Ева** переехала жить к нам в Ужгород. Она умерла от болезни в 72 года.

Я работала в Ужгороде парикмахером 28 лет на одном месте и в Израиле 24 года – итого 52 года по специальности и рядом с любимым мужем.

Сидят – бабушка Шпринца Абрамовна Барская (слева) и её сестра Шейва Абрамовна Горобец, стоят – Дина Барская (слева), Фаня, дочь бабушки Шпринцы. 6 авг. 1953 г. Мур. Куриловцы.

В начале нацистской оккупации мне исполнилось пять лет (в сентябре 1941-го), но в гетто до марта 1944 года я превратилась во взрослого несчастного человека, повидавшего смерть. Мне не хотелось жить, мне хотелось умереть в той неволе, на которую фашисты обрекли людей, заключив их в лагеря и гетто. От одной мысли, что завтра всё будет, как сегодня, я плакала по ночам. Уже в том нежном возрасте я стала понимать, что так не должно быть, что мы не свободны. Я ведь помнила, какой была жизнь до войны: с веселыми праздниками и днями рождения в родном доме, играми, песнями, наконец, с чистотой, сытостью и тёплой одеждой. Моё единственное в жизни детство было растерзано фашистами. Меня сегодня окружает то, чего я была лишена в детстве за колючей проволокой. Люди, приходя ко мне, обращают внимание на множество игрушек в доме. Я замечаю, что холодильник наполнен продуктами с излишком – так напоминает о себе моё детское постоянное чувство голода в гетто. Это во мне навсегда осталось после Шоа.

53.

Мейстельман Полина
(г. Могилёв-Подольский)

ВСЕ СО ЗВЁЗДАМИ БЫЛИ НАШИМИ, ИМ ВСЕМ БЫЛО ПЛОХО

Довоенная жизнь.

Наша семья проживала до войны в с. **Яруга** Могилёв-Подольского р-на Винницкой области. В семье было четыре человека: отец **Абрам** Ноахович **Гольдштейн** (1907), мать **Хая** (Клара) Янкелевна (1915), я – **Полина** (26 сентября 1934) и брат **Яков** (29 декабря 1939). Дома мы говорили на идише и по-украински. Мама и папа работали колхозниками в еврейском виноградарском колхозе им. Петровского.

Мама Полины Хая (справа), мамина сестра Рива и их мать Шейва Школьник. 1936-37 гг. Яруга.

Недалеко от нас жили папины родители: дедушка **Ноах** Гольдштейн и бабушка **Рейзл** (девичья фамилия Эпштейн). Дедушка был пекарем, владельцем машины, делавшей мацу на заказ. При советской власти дедушка пёк мацу нелегально. Синагогу в Яруге закрыли, превратили помещение в склад. Чуть дальше жила семья маминой сестры **Двойры** Кесельман. У Двойры жила мамина мама, моя бабушка **Шейва** Школьник (девичья фамилия Богомольная), вдова, мать шестерых детей: пяти дочерей (Роза, Яхэд, Рива, Хая, Двойра) и сына Зозека. Дочери получили начальное образование и вышли замуж, сын окончил техникум.

Начало войны и оккупация.

На второй день войны, **23 июня 1941** года, отца Абрама призвали на фронт. Сбор всех мобилизованных был в Яруге на площади возле церкви. Мы с мамой и братом провожали папу. Помню, он хорошо пел и спел нам на прощание песню «Прощай, любимый город». Больше я его не видела. Ушёл на войну и мамин брат, офицер Красной армии **Зозек Школьник** (1912).

Отец Аврум Гольдштейн. Предвоенный снимок.

Мама с нами пыталась уйти от немцев, и мы поехали в местечко **Черневцы** Винницкой области, но затем вернулись домой в **Яругу** к бабушке Шейве и тёте Двойре.

Гетто в Яруге и в Могилёве-Подольском.

Началась наша несчастная жизнь в **Яругском гетто**. Война лишила детства меня и брата. Мы чувствовали большую неустроенность, невозможность жить, как до войны, в чистоте и сытости. Нас мучили вши, которых невозможно было извести. Самым дорогим в гетто были соль, спички и керосин, которым можно было на время унять вшей, но у нас его не было. Помню, бабушка подолгу сидела со мной и вычёсывала вшей. Комнату освещали коптилкой с фитильком. Мама, наша единственная добытчица, ходила работать, чтобы прокормить четырёх человек. Её на работу не гоняли из-за малых детей, но в Яруге немцы принудительно забирали молодых евреев на работу. Помню, что их отправляли на ручную добычу торфа в район гор. **Тульчина** Винницкой области.

Мы, дети, ощущали постоянный страх перед оккупантами. Помню, в Яруге мама пошла за продуктами, и в это время к нам в дом вошли немцы. Было утро, и мы с братом ещё спали. Немцы сильно кричали, хотя видели только двух малых сонных детей. Я с испугу спряталась в какой-то закуток, а брат смог только накрыться с головой одеялом. Они вышли, и, когда вернулась мама, брат не мог говорить. Он долгое время не разговаривал от пережитого страха. Мама много раз водила его к сельской бабке-знахарке, врачей ведь не было. К Яше со временем вернулась речь, но с большим заиканием.

Видимо, жизнь в Яруге становилась всё тяжелее, потому что осенью 1941 года бабушка **Шейва**, взяв маму со мной и братом, повела нас в гор. Могилёв-Подольский. Тётя Двойра с мужем и детьми Ханой и Яшей осталась в Яруге.

*

Мы сделали переход в 25 километров по оккупированной территории и с конца **1941** года оказались в **Могилёв-Подольском** гетто, где руководили румынские оккупанты. В Могилёве-Подольском возле базара в своём небольшом домике на ул. Столярной жили бабушкина сестра **Рухл** и её муж **Йосл Кац**. Они были бездетными и приняли нас к себе. Помню, дедушка надевал *талес*, *тфилин*, молился, у него была книга-молитвенник по дням. В детстве мама несколько лет росла у Рухл и Йосла, потому что бабушка Шейва после смерти мужа не могла прокормить шестерых детей. Мама, словно родная дочь, помогала торговать дяде Йослу в его лавке тканей, но ей хотелось учиться, и она вернулась в Яругу.

Рухл и Йосл жили в спаленке, в которой помещалась никелированная кровать. Мы спали кучей на тряпках на деревянном полу в другой маленькой-маленькой комнате, где стоял только стол, а дневной свет попадал через небольшое оконце. Для освещения была керосиновая лампа. Между спальней и нашей комнатой находилась печка, гревшая обе комнаты. Зимой бабушка Шейва ходила на базар и покупала несколько поленцев. Кухонька была узенькая, на одного человека, без окна.

В Могилёв-Подольском гетто у мамы стало больше возможностей подработать: она носила людям за гроши воду, убирала, мыла и чистила, потом бежала на базар купить для нас еду. Маме также приходилось менять наши вещи: подушки, рубашки и т. п. на

продукты. Когда мама работала на поле, она обязательно брала меня, а Яша оставался с тётей Рухл. Я помогала маме собирать картофель, морковь у украинских хозяев, мы делали прополку посевов. Это был тяжёлый труд, часто в холодную погоду. Особенно плохо нам стало, когда мама-кормилица заболела тифом, и не верилось, что она выживет. От мамы заразились мы с братиком, но перенесли его в лёгкой форме. К нам приходила женщина – мамина знакомая из Яруги, которая не боялась заразиться, и она ночи напролёт делала маме и нам холодные компрессы. Вот и всё, чем нас лечили.

Мы с братом в течение почти трёх лет оккупации постоянно слышали серьёзные предостережения родных: «Никуда не ходи, тебя могут ударить, убить». Нас это страшно пугало. Меня, малышку, поразил увиденный в первый раз труп замёрзшего человека, лежавший у нас на улице. Смерть стала чем-то обычным для окружающих. Люди шли мимо. Я прибежала домой и спросила бабушку, что с этим человеком. Она ответила: «Он умер». Я рано научилась отличать евреев от всех остальных людей. Нас, евреев, заставляли в гетто носить шестиконечные звёзды, и детей тоже. Я носила магендавид на груди. Все со звёздами были нашими, им всем было плохо. Как мы остались живы, не сошли с ума? Один Бог знает… Может быть, поэтому такое плохое здоровье у меня.

Освобождение и послевоенная жизнь.

Освободили город Могилёв-Подольский от фашистов **16 марта 1944** года. Мы вернулись в **Яругу**, и маме надо было нас растить: кормить, одевать, учить. Она ходила в Могилёв, покупала канистру керосина, соль, несла эти грузы на плечах в Яругу и продавала, чтобы заработать для детей. Я пошла учиться в первый класс.

Мама получила похоронное извещение о том, что её муж и наш отец Абрам Гольдштейн пропал без вести на фронте во время боёв весной 1944 года. Лишь в 2012 году, через 68 лет, мне стало известно из 4-го тома «Книги Памяти Винницкой области», что мой папа «**Абрам Гольдштейн** (1907) погиб в бою **25 августа 1944** в возрасте 37 лет в Польше. Похоронен в польском селе Пластуньска». На фронте пал **27 октября 1944** года, освобождая Венгрию от фашистов, папин брат **Лейб Гольдштейн** (1905), о чём сообщает та же книга. Мой низкий поклон людям, сохранившим память о моих родных в истории нашего народа. Трудно передать словами наше горе.

Мамин брат **Зозек Школьник**, кадровый офицер, вернулся с войны в Яругу и ещё в 1945 году уехал с женой, польской еврейкой, в Палестину – будущий Израиль. Он жил и работал в гор. **Бат-Яме**, где сегодня живёт его дочь **Била**.

Мама, в 30 лет оставшись вдовой, в **1945** году вышла замуж за фронтовика, вдовца **Моисея Дуновца** (1905-1992), родом из Яруги. У Моисея погибла в оккупированном немцами **Киеве** жена. Незадолго до войны Моисей отвёз жену **Хану** (девичья фамилия Баркан) (1910) на лечение в Киев вместе с её матерью **Стысей** Баркан (1890). В Киеве училась в институте сестра Ханы **Этя** Баркан (1922), помогавшая сестре и матери в больнице. Всех их **осенью 1941** года постигла ужасная участь евреев оккупированного немцами Киева. Погиб на фронте брат Ханы **Урн** (Арон) **Баркан** (1915). С нами жил до 1965 года тесть Моисея **Аврум** Баркан (1874-1965), у которого фашисты убили жену и детей. Отношения с отчимом были очень тёплыми, он смог заменить нам отца, гордился нашими успехами.

С **1954** года после окончания десяти классов я работала пионервожатой в своей школе и заочно училась в Черновицком университете на математическом факультете. В **1957** году в Яруге вышла замуж за **Яню** (Якова) **Мейстельмана** (1930-1977). Его семья тоже в период оккупации находилась в гетто. Сестра мужа **Эстер** (Этя) **Иосифовна** (1921), очень способная, красивая девушка, в начале войны являлась студенткой финансово-экономического института в Одессе. **Летом 1941** года Эстер Мейстельман воевала в ополчении при обороне **Одессы** от немецко-фашистских захватчиков и геройски погибла (авг.-окт. 1941 г.). Вся семья постоянно оплакивала погибшую Эстер.

Студентка Этя Баркан (слева) с подругой Соней. 14 авг. 1940 г. Киев.

Мой муж работал в молдавском селе Згурица зубным техником, и я уехала к нему, а затем мы переехали в гор. **Могилёв-Подольский**. Родились двое сыновей: **Алик** (1958) и **Игорь** (1965), оба окончили Винницкий политехнический институт, получили профессию инженера-строителя. Муж работал по специальности, я преподавала математику в украинской школе. Мой педагогический стаж – 45 лет (с 1954 по 1999).

Эстер Мейстельман, погибшая сестра мужа. Довоенный снимок.

Брат **Яков** с отличием окончил медучилище, служил в авиавойсках Советской армии, а затем успешно окончил Донецкий медицинский институт и работал много лет дерматологом-венерологом в гор. **Горловка**.

<u>В Израиле.</u>

Я репатриировалась в Израиль с мамой и семьёй сестры Сони в октябре **1999** года. До конца 2010 года жила в гор. **Реховоте**. В Реховоте живёт **Бетя Мейстельман**, вдова Колмена, родного брата моего покойного мужа, мы очень дружны и поддерживаем тесную связь. Раннее детство Бети тоже прошло в гетто.

Мама **Хая** умерла в 90 лет в **2004** году. Для меня не было человека более близкого, доброго, красивого и мудрого, чем она. Да будет благословенна память моих родителей Абрама и Хаи Гольдштейн! Брат **Яков** приехал в Израиль позже меня, жил у дочки в г. **Беэр-Шеве** и умер в **2004** году. Мои сыновья успешно трудятся в Израиле: **Алик** – инженером-программистом, **Игорь** – инженером-строителем. Живу в гор. **Ашдоде**, рядом с сыном.

Вместе со мной в школе учились украинцы **Толя** и **Леся** Пюрецкие из Яруги, Толя был на два года старше меня. Сегодня **Анатолий Пюрецкий** – врач, доктор философии, кандидат медицинских наук, житель **Таллинна**. Посещая в Яруге могилу своих родителей, он приходит и на еврейское кладбище к братской могиле, в которой лежат останки около 1000 убитых немцами и румынами буковинских евреев, пригнанных на Украину. Их уничтожили **28 июля 1941** года возле Яруги на **Ивóновском поле**. Ана-

толий с горечью написал мне: «Разве можно это забыть, разве можно это простить? Надо калёным железом выжигать многочисленные ростки фашизма и неонацизма, которые плодятся на нашей земле. Я поклонился всем людям, которые там лежат».

После войны яма с убитыми евреями мешала обрабатывать землю на Ивоновском поле, и люди еврейского колхоза им. Петровского – еврейские жители Яруги решили перенести останки убитых буковинских евреев на кладбище в Яруге. Три человека: Ицик Капытман, Идл Вайсман и ещё один колхозник занимались сбором и переносом останков. Это была очень большая работа, которую они добросовестно выполнили. Временный памятник и ограду вокруг могилы установил много лет назад местный кузнец **Идл Вайсман**. Советская власть не поставила достойный памятник или знак на могиле убитых советских граждан, хотя еврейская община Яруги передала в госбанк необходимые средства. Исчезли деньги, осталась квитанция из банка, и не было памятника. По моей инициативе еврейская община Могилёв-Подольского района (председатель Леонид Бреннер) установила в **2012** году постоянный памятник на кладбище в **Яруге** на могиле евреев, убитых в июле 1941 года.

Новый памятник на кладбище в Яруге на могиле евреев, убитых в июле 1941 г. 2012 г.

Я рассказываю моим детям Алику и Игорю о том, что мы пережили в страшной войне. Я завещала им и поручила не только самим помнить о Холокосте, но хранить эту память и передать её своим детям и внукам.

54.

Мейстельман Бетя
*(г. **Могилёв-Подольский** и с. **Яруга**)*

ТРАГЕДИЯ В МИХАЙЛОВЦАХ

Довоенная жизнь.

Мои родители были одногодками и познакомились в гор. Тульчине, где оба учились на рабфаке. Они поженились в **1940** году в возрасте 23 лет и в довоенное время жили в селе **Яруга** Могилёв-Подольского р-на Винницкой области.

Папа **Исрул Абрамович Ройтштейн** (1 мая 1917), родом из Тульчина, был кадровым военным. В армии и на работе отца называли Сергей. Он окончил до вой-

ны Высшее военно-политическое училище в Москве. Лейтенантом участвовал в Финской войне в 1939-40 гг. Мать **Сарра Евсеевна** (16 августа 1917) работала учительницей начальных классов в Яругской школе. Она выросла в Яруге в семье, в которой было 6 детей: три брата и три сестры. Моей маме исполнилось полтора года, когда её мать **Бэла** умерла от тифа в 39 лет, и маму вырастила и воспитала старшая сестра **Чарна** (1904-1968).

Я, **Бетя Срульевна Мейстельман** (в девичестве Ройтштейн), родилась **13 июня 1941** года в гор. Могилёве-Подольском за 8 дней до начала войны, когда отец находился на службе в Красной армии.

В гетто.

Всю войну я находилась с мамой и её папой, дедушкой **Ишие** (Евсеем) **Снитманом** (1879), говорили мы только на идише, и другого языка я не знала. Мама обращалась к дедушке «папа», и я тоже звала дедушку «папа», так как своего отца с рождения не видела. Мне говорили, что папа и два его брата воюют в Красной армии против Гитлера.

С **июля 1941** года, почти с первых недель от рождения, я с мамой Саррой находилась в гетто в нашем местечке **Яруга**. Это вообще чудо, что я осталась жива. Мама со мной намучилась. Она рассказывала, что я всё время плакала и просила хлеба. То мы жили в Яруге у дедушки Евсея, то переходили в Могилёв-Подольское гетто. Я беспрерывно болела при полном отсутствии лекарств, и первой моей болезнью в гетто была скарлатина. Моя мама – героическая женщина, потому что сумела спасти меня и поставить на ноги в тех страшных условиях.

Всех трудоспособных евреев Яруги, в том числе и маму, румыны гоняли рыть траншеи. Кто не мог идти на работу, пристреливали. Стреляли в человека, когда он говорил, что болен или что у него маленький ребёнок или несколько детей, поэтому мама носила меня с собой. Она заворачивала меня в какие-то лохмотья, в поле клала на землю, и в результате я получила обморожение пальцев рук и ног. Мама выменяла что-то из своей одежды на кусочек сала и делала мне повязки с жиром, а я их срывала, если не спала. Мама терпеливо накладывала их снова и снова.

В **Могилёв-Подольском гетто** мы ютились в каком-то углу, и рядом с нами жили евреи, пригнанные из Румынии, Буковины. Среди них были состоятельные люди, у них имелись вещи для обмена и продукты, но они не делились ни с кем. Я плакала от голода днём и ночью. И когда эти люди, жившие через тонкую стенку, не могли заснуть от плача, они приносили мне кусочек хлеба. Мама заворачивала хлеб в марлечку, и я его сосала до утра.

Разумеется, я была младенцем в годы Катастрофы, о своём пребывании в гетто знаю от мамы, тёть и дедушки Евсея. Расскажу об одной из трагедий маминого семейства Снитман. С большим трудом, сквозь рыдания, мне, уже взрослой девушке, поведала о своём пожизненном горе мамина сестра **Чарна Эпельман** (в девичестве Снитман). Тётя Чарна вышла замуж и жила с мужем **Израилем** (Срулом) и тремя детьми в селе Михайловцы Мураннокуриловецкого р-на Винницкой области. В начале войны дядя Срул ушёл на фронт.

Мамина сестра Чарна Эпельман с дочкой Кларой и сыном Фимой. 1939-40 год. С. Михайловцы.

Летом 1941 года **Михайловцы** были захвачены немецкими фашистами. В один из дней немцы согнали всех евреев на сельскую площадь. Было объявлено, что всех взрослых завтра отправят на работу в Германию. И дальше началось полное безумие. Для них была поблизости специально приготовлена огромная глубокая яма с известью, залитой водой. У родителей отнимали детей. Дети крепко держались за матерей, и немцы кололи их штыками, чтобы отделить от взрослых. Над толпой стояли сплошные крики детей и плач родителей. Детей, живых, раненых и мёртвых, швыряли в эту яму. Немцы штыками закололи детей тёти Чарны и бросили их в яму с известью на глазах у матери. Так закончились короткие невинные жизни её старшей дочки **Бети** 12-ти лет, дочки **Клары** 10-ти лет и маленького сына **Фимы** трёх лет. В тот день уничтожили всех детей, которых родители взяли с собой на площадь. Тётя Чарна, как и другие женщины, была на грани помешательства. Яму зарыли. Тётю не угнали на второй день в Германию, её спрятали и спасли украинцы. Через несколько дней она пришла в **Яругу** к отцу Евсею и к нам. Она рыдала, говоря о случившемся, долгое время не могла прийти в себя от горя, её волосы в одночасье поседели. Мама рассказывала мне, что желание помочь нам заставляло тётю Чарну одеваться в украинскую одежду и под видом украинки ходить и обменивать вещи на еду или просить подаяние у местных жителей.

Мамина вторая сестра **Хана Яхедс** (в девичестве Снитман) жила до войны в **Тульчине**. Муж **Михаил** ушёл на войну. В **декабре 1941** года из Тульчина немцы пригнали в концлагерь в с. **Печёра** Хану с четырьмя детьми, моими двоюродными сёстрами и братом: **Люсей** (1931), **Бетей** (1936), **Раей** (1939) и **Яшей** (1934). Уму непостижимо, как они выжили! У них на теле были язвы, их заедали вши. Тётя Хана рассказывала мне, что украинские жители из близлежащих сёл подходили к ограде и бросали им то картошку, то свёклу, то кусок хлеба. Охрана обычно стреляла в евреев, которые приближались к забору, чтобы подобрать еду, но её бог миловал. Выбрались оттуда очень больными, в послевоенное время их семью преследовали болезни, и они рано умерли, кроме сестры Раи, живущей в Израиле.

Освобождение и послевоенная жизнь.

19 марта 1944 года Красная армия освободила нас из Могилёв-Подольского гетто. Мама со мной вернулась в с. **Яругу**. Отец окончил войну в гор. **Вене** и увидел меня впервые после 9 мая 1945 года. В звании капитана папа **Исрул** приехал к нам со многими боевыми наградами. Рассказывал о своей службе в 1943 году в Тегеране. Оба папиных брата **Яков** и **Борис Ройтштейн**, ушедшие на фронт из гор. Тульчина, пропали на войне без вести. Известно только, что дядя Яков воевал на Ленинградском фронте.

Папина военная служба продолжалась в **Румынии**, и мы жили в гор. Браила. В **1946** году здесь родился мой брат **Яков**. Папа уволился из армии. В **1948** году мы приехали в Молдавию, в пгт. **Згурица**, где отец работал служащим, окончив заочно Торговый институт. В **1957** году переехали в гор. **Дрокия**, где в 1958 году я окончила школу-десятилетку и работала в аптеке.

Отец Бети Исрул Абрамович Ройтштейн. 1987 год. Г. Ленинград.

Дедушка **Ишие** умер в Яруге в **1951** году. Замуж я вышла в **1959** году за **Колмена Мейстельмана** (1933), уроженца Яруги. Моя мама была его школьной учительницей. Отец мужа **Иосиф**, мать **Голда** (1896), сам **Колмен**, его два брата **Семён** и **Ян** были узниками Могилёв-Подольского гетто. Старшего брата Семёна в 1944 году мобилизовали на фронт, он воевал, был ранен, контужен.

Мать Сарра Ройтштейн с дочкой Бетей и сыном Яшей. 1948 год. Пгт. Згурица.

Родились наши дети: **Саша** (1960) и **Людмила** (1971). Я поступила на учёбу в Бельцкое медицинское училище по специальности фельдшер-лаборант. С августа **1965** года начала работать в лаборатории Дрокиевской центральной больницы. Проработала в больнице до пенсии 31 год.

Мама **Сарра** жила с больным сердцем, болела ревматизмом и умерла в **1960** году в Дрокии, прожив 42 года. Папа через год женился и уехал с женой и братом Яшей в Ленинград. Папа **Исрул** умер в Ленинграде в **1994** году. 19 августа **1997** года умер после тяжёлой болезни мой дорогой муж **Колмен**. Сын окончил Московский технологический институт пищевой промышленности, работал инженером-механиком. Дочь с детства мечтала о работе с детьми, она окончила музыкально-педагогический факультет Бельцкого университета и преподавала музыку в школе до отъезда в Израиль.

<u>В Израиле.</u>

20 ноября **1997** года я репатриировалась в Израиль, где уже жили мои дети. Сын с женой и дочкой приехал в Израиль на девять лет раньше меня. Последние 10 лет жизни он прожил в Америке. 19 сентября **2009** года мой сын **Алекс** умер от болезни в 49 лет. Дочь **Люда** в Израиле сменила профессию и сегодня заведует магазином модной одежды. У меня внучка и два внука. Я живу в городе **Реховоте**, брат **Яков** с семьёй – в гор. **Бат-Яме**. Вместе с другими членами Реховотского

объединения бывших узников гетто и концлагерей участвую в городских мероприятиях нашего объединения, в поминальных собраниях в День Катастрофы и героизма европейского еврейства.

Я пережила Катастрофу еврейского народа несознательной крошкой, но юношеские и молодые годы провела среди своих родных, выживших в годы оккупации, слушала их страшные горькие рассказы о той поре, спрашивала и запоминала. Мои близкие, окружавшие меня в гетто, делали всё возможное, чтобы я выжила в том аду. Эти дорогие мне люди старшего поколения и их воспоминания навсегда стали частью моей жизни, и мой долг – передать по цепочке их свидетельства тем, кто должен знать и помнить о муках нашего народа, в первую очередь еврейской молодёжи.

55.

Цап Пётр
(г. Могилёв-Подольский)

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ИЗ ЛАГЕРЯ ПЕЧЁРА

Выжившие в гетто и сегодня помнят ту страшную «жизнь». Вспоминать пережитое в годы Шоа очень нелегко, это сразу сказывается на состоянии моего здоровья. Я пишу о былом с большим усилием, потому что верю – это нужно людям.

Довоенная жизнь.

Я, **Пиня** (Пётр) **Цап**, родился **27 августа 1934** года в гор. **Могилёве-Подольском** Винницкой области, в котором жила издавна вся наша родня. Мама **Лея** (Лиза) **Пинхасовна** (девичья фамилия Шнайдер) (15 апреля 1906) вела домашнее хозяйство, занималась 2 детьми: мною и братом **Моисеем** (Мишей), родившимся в 1937 году. Папа **Лазарь Иосифович Цап** (16 апреля 1905) был советским работником, депутатом горсовета. Жили мы в хорошем одноэтажном домике у дедушки **Иосифа**, папиного отца. Он работал кузнецом в своей кузне при доме. До войны я успел окончить первый класс украинской школы. У нас дома разговаривали на русском языке, а взрослые также на идише.

Начало войны и оккупация.

К началу войны мне было 7 лет. **22 июня 1941** года, в воскресный день, наша семья собралась пойти в цирк, приехавший в город, но по радио объявили о нападении фашистской Германии на Советский Союз. В тот же

день **Могилёв-Подольский** бомбила немецкая авиация. Мы спасались тем, что ложились на пол.

С первых дней войны папе было поручено снабжение армии хлебом. При всей занятости папа помог нам бежать из Могилёва-Подольского. Он нашёл телегу с лошадью, посадил меня с братом, маму, дедушку, ещё кого-то из родственников, попрощался с нами, и мы отправились в Шаргород. Проехали 40 километров, и тут нас догнали наступавшие немцы. Месяца два мы пожили у дальней родственницы в **Шаргороде**, оккупированном немцами, румынами, мадьярами. Каким-то образом папа узнал, где мы, и приехал к нам. Запомнилось, что однажды в дом вошёл вооружённый мадьяр и попросил дать ему чай и лимон. Мы нашли ему пачку чая, и этот оккупант в **июле 1941** года негромко сказал нам на идише: «Не бойтесь, русские победят, а немцы будут разбиты». В начале осени нам пришлось вернуться в Могилёв-Подольский.

В гетто.

В **Могилёве-Подольском** господствовали румыны и помогавшие им украинские полицаи. В городе уже существовало огороженное колючей проволокой еврейское гетто, в котором оказались все наши родственники. В дедушкин дом, находившийся за территорией гетто, нас не пустили, а позже по приказу румын местные жители разобрали его на стройматериалы и дрова. Нас тоже загнали в гетто, и мы поселились у папиной сестры **Иды Шнайдер**. В её двухэтажном доме первый этаж занимал склад, только на втором этаже были комнаты для жилья.

Помню, что через Могилёв-Подольский гнали тысячи евреев из Румынии, Буковины, Бессарабии. Часть из них оставляли в Могилёве, остальных вели дальше в лагеря и гетто Винницкой области. Среди пригнанных было много детей, и они говорили только по-еврейски. Нам с братом хотелось с ними общаться, играть, и у этих ребят: девочки Берты, мальчика Биби и других мы научились говорить на идише, который до войны слышали дома. Они оставались весёлыми еврейскими детьми, хотя наравне со взрослыми прошли пешком многие сотни километров до Могилёв-Подольского гетто. Когда папа приносил нам что-то поесть, мы обязательно делились с ними.

Из-за большого скопления народа, недостатка воды, пищи, отсутствия мыла, топлива люди заболевали и умирали. За водой ходили с банкой, ведёрком на водонапорную башню, находившуюся очень далеко. Искупаться и не мечтали. Особенно свирепствовал сыпной и брюшной тиф, который переносили вши от больных к здоровым. Вши были настоящим бедствием. Как мы с ними ни боролись, их не становилось меньше. Помню, вывесили на мороз на высоте второго этажа моё пальтишко, чтобы уморить вшей холодом, наутро не было ни вшей, ни пальто. На полу разбрасывали полынь от блох. Это на время помогало.

В гетто никакой медицинской помощи не было, но нам делали какие-то уколы и говорили, что это прививка от тифа. Я болел тифом, но, слава богу, выжил. В гетто ходил слух, что фашисты убивают заболевших тифом. Поэтому, когда румыны устраивали облаву с целью забрать больных, мы одевались и сидели, как будто все здоровы. Заходил румын с местными полицаями, они присматривались и спрашивали: «Больные есть?» Ответ был всегда один: «Нет». По соседству жил с еврейской

женщиной дворник-украинец огромного роста. Он иногда заглядывал к нам и предупреждал: «Облава!» Моя мать **Лиза** умерла **16 апреля 1942** года в гетто от сыпного тифа. За день до смерти ей исполнилось всего 36 лет.

Мать Лея Цап, умершая в гетто. Довоенный снимок. Могилёв-Подольский.

Питались картошкой, чечевицей, сушили на печурке и ели картофельную кожуру. От голода я ходил опухший, от холода мы с братом обморозили себе руки, ноги, уши. На нас были лохмотья, ноги перевязаны тряпками.

В один из осенних дней **1942** года всех евреев гетто собрали и закрыли в большом здании – пересыльном пункте. Отсюда папиных сестёр – тётю **Иду Иосифовну Шнайдер** (девичья фамилия Цап) (1908) с мужем **Симхой** (1905), тётю **Фейгу** с двумя детьми (пол, имена, возраст неизвестны) – и папиного отца **Иосифа Цапа** (1870) угнали в лагерь в с. **Печёра** Шпиковского р-на Винницкой области. Нас с папой оставили на сборном пункте, видно, для отправки в другой лагерь. Возможно, кому-то удалось подкупить румын или полицая, и нам с папой и братом удалось бежать из этого здания. Спрятались на кладбище, пролежали там всю ночь и потом вернулись в гетто.

Я бережно храню единственное письмецо от наших родственников, которое перед смертью написала моему папе его сестра **Ида**. Письмо тайно принесли из лагеря смерти в **Печёре** так называемые «ходоки», доставлявшие за какую-то плату передачи, письма из одного гетто в другое. Папина сестра в начале **1943** года пишет:

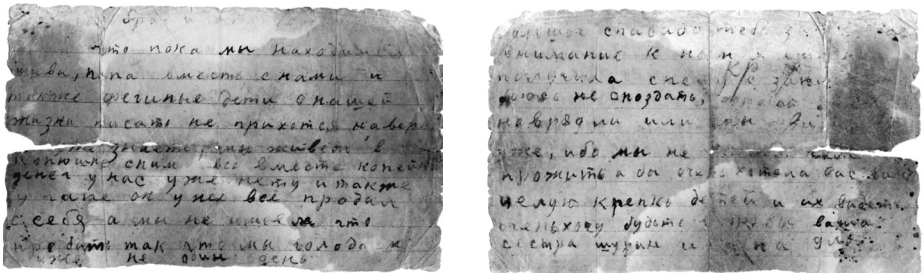
«Дорогой брат и дети! Сообщаем, что пока мы находимся здесь живы. Папа вместе с нами и также Фейгины дети.

О нашей жизни писать не приходится, наверное, вы уже знаете. Мы живём в конюшне, спим все вместе, копейки денег у нас уже нету и также у папы. Он уже всё продал с себя, а мы не имеем, что продать, так что мы голодаем уже не один день.

Большое спасибо тебе за такое внимание к нам. Я [неразборчиво] *получила, спешу с запиской, боюсь* [чтобы] *не опоздать.*

Дорогой брат! Навряд ли или мы увидимся уже, ибо мы не имеем, чем прожить. Я бы очень хотела вас видеть. Целую крепко детей и их видеть очень хочу.

Будьте здоровы. Ваша сестра, шурин и папа».

Предсмертное письмо из лагеря в Печёре от родных Петра. 1943 г.

Судя по письму, тёти **Фейги Иосифовны Берик** (девичья фамилия Цап) (1902) уже не было в живых в ноябре-**декабре 1942** года. Зимой, в начале **1943** года, погибли от голода и болезней в **Печёрском** лагере и остальные, кто назван в письме.

Иосиф Цап – мой дедушка, погибший в Печёре. 18 августа 1930 г. Могилёв-Подольский.

Опустевший дом тёти Иды, где мы жили, выгородили из территории гетто, и нас переселили в другой дом, похожий на общежитие. Нашим жилищем стала маленькая кухонька, в которой помещались печка и кроватка. Мы с братом были детьми, не всегда понимали, куда уходит папа, когда он придёт, и часто оставались одни.

Помогли нам выжить соседи и румынский жандарм по имени **Штефан**, который почти постоянно жил в гетто в нашем общем доме у еврейской девушки-красавицы **Брони** и её матери. Дверь их комнаты выходила в длинный коридор со многими дверями и была примерно напротив нашей двери. Штефан был красивым сильным молодым человеком большого роста в жёлто-зелёной форме. Когда он приносил воду, то тяжёлые вёдра в его руках казались мне игрушечными. Он ходил на службу, на дежурства, ночевал у Брони не каждую ночь, но другие румыны и полицаи знали, что здесь живёт Штефан, и не трогали жильцов всего дома. Когда проводились облавы и Штефан в это время находился у Брони, он просто выгонял полицаев, говоря, что в его доме всё в порядке.

Тётя Ида (справа) и тётя Фейга (слева) – папины сёстры, погибшие в Печёре. Довоенный снимок. Могилёв-Подольский.

Я ходил с ним на рынок, на обратном пути нёс ему кошёлку с продуктами, и мне за это всегда кое-что перепадало. Броня научила Штефана немного говорить по-русски, и он разговаривал со мной на смеси румынского языка с русским. По дороге он требовал: «Пиня, пой!», и я пел: «Цыплёнок жареный, цыплёнок вареный, цыплёнок тоже хочет жить…» Ему это очень нравилось, и он подкармливал меня с братом.

Штефан спас папу и меня с братом от отправки в лагерь смерти в Печёре. Он никому не разрешил забрать нас. За это моя горячая благодарность ему. В **1944** году Штефан ушёл вместе с отступающими румынскими войсками. Он любил Броню, но боялся остаться в городе, хотя мы все обещали, что расскажем, как он нас спасал, когда придёт Красная армия.

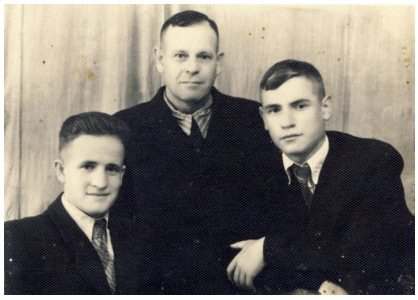
Весной 1944 года в гетто ходили страшные слухи о том, что немцы и румыны, отступая, уничтожат всех евреев из гетто. Нам очень хотелось выжить. Мы нашли под верандой нашего дома вход в заброшенный сарайчик. По ночам отец копал в нём тайное укрытие на случай акции уничтожения евреев. Землю скрыт-

но выносил вёдрами и выбрасывал подальше. Получилась яма длиной метр, глубиной полтора метра и шириной 70 сантиметров. Когда мы увидели, что немцы и румыны уходят, услышали в городе стрельбу, папа с нами спрятался в этой яме, где была заготовлена заранее еда: кусок хлеба, мамалыга. Мы пробыли в ней двое суток до прихода Красной армии.

Освобождение.

В **марте 1944** года пришло долгожданное освобождение. Советская власть дала всем бездомным бывшим узникам гетто жильё в городе. Мы тоже получили маленькую комнатку.

Лишь после освобождения стало известно, что в Печёрском лагере погибли отправленные туда осенью **1942** года из гетто наши самые близкие люди: папин отец **Иосиф** и сёстры **Ида** и **Фейга** с семьями. Горе наше было велико, потому что мы ждали родных и долго надеялись на их возвращение.

Отец Лазарь Цап с сыновьями: Пётр (слева) и Михаил (справа). 1951-53 гг. Могилёв-Подольский.

Чтобы прокормить, одеть нас, папа вспомнил свою первую профессию и стал работать портным. Осенью **1944** года мы с братом пошли учиться в школу.

Послевоенная жизнь.

Новое горе постигло отца и нас, когда мы получили после войны извещения о том, что на разных фронтах погибли оба папиных брата: **Григорий Цап** и младший из братьев **Яков Цап** (его жена с тремя детьми попала в Ямпольское гетто, и они все чудом выжили).

После окончания украинской школы-семилетки я поехал в **Житомир** и окончил там строительный техникум по специальности техник-строитель. Служил три года в Советской армии в танковых войсках, вернулся в Житомир.

В **1958** году в Житомире женился на красивой девушке по имени **Ара** (девичья фамилия Менакер), с которой познакомился до армии. Брат **Михаил** окончил тот же техникум, стал строителем и жил в нашей семье. У нас родилась дочь **Лиза** (1959), окончила школу с золотой медалью, с отличием окончила строительный техникум, затем окончила Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ) и работала в Смоленске инженером по строительству. Наш сын **Игорь** (1964) после школы окончил строительный техникум, отслужил в армии три года и окончил, как и сестра, ЛИСИ. Работал на строительстве.

Отец **Лазарь Иосифович** до самой пенсии трудился портным и умер 2 мая **1980** года в Могилёве-Подольском. Похоронен на том же кладбище, что и мама. Наш дорогой папа в годы войны и Катастрофы потерял отца, жену, двух братьев и двух сестёр, остался с малыми сыновьями и сделал всё, чтобы мы выросли честными людьми труда. Вечная память моим родителям и погибшим родственникам!

В Израиле.

Я с женой и дочка с тринадцатилетним сыном репатриировались в Израиль 6 октября **1991** года. В том же году отпраздновали *бар-мицву* (совершеннолетие) внука. На шестой день в стране без знания языка я пошёл на строительство и работал почти 10 лет простым подсобником.

Дочь **Лиза** получила в Израиле вторую специальность и работает медсестрой в крупном медицинском центре. Сын **Игорь** приехал в Израиль в том же году с родителями своей жены. Сегодня он занят в крупном жилом строительстве в гор. Ашкелоне. Его старшая дочь после армии учится в настоящее время в Беэр-Шевском университете на строительном факультете, а младшая служит в Армии обороны Израиля. У нас с женой четверо внуков и двое правнуков. С нами они говорят по-русски, хоть и родились в Израиле. Они нас очень радуют. 29 марта **2013** года мы с Арой отметили 55 лет совместной жизни. Брат **Михаил** с семьёй репатриировался в Израиль раньше нас и до сих пор работает в одном из колледжей.

В Израиле я получил денежную компенсацию от Германии за то, что надо мной делали медицинские эксперименты в Могилёв-Подольском гетто. Нам всем были сделаны прививки, после которых я болел, а мать умерла. Годы, проведённые в гетто, оставили тёмный след в моём здоровье. Я потерял зрение, зубы, слух, болят суставы, сердце, желудок. Ужасы войны и гетто по сей день ещё снятся мне.

56.

Шварцман Этя
(г. Могилёв-Подольский)

Ида Вольдман

ПУНКТИРОМ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
(О моей маме, Эте Шварцман)

Я с лёгкостью дала согласие написать о маме, но не думала, что так тяжело будет взяться за это. Самое горькое, что я не очень-то знаю, о чём писать, а подробно расспросить уже некого. Поздно. Да и не уверена, что стала бы расспрашивать – и маме, и бабушке с дедушкой всегда, даже по прошествии многих лет после войны, было больно вспоминать о пережитом в гетто, и рассказы о том времени ограничивались стандартными фразами: «Голодали, с утра до ночи работали, подвергались унижениям…» И заканчивались одинаково: «Только бы детям и внукам не пришлось испытать такого! Только бы не повторился этот кошмар!»

Война застала маму в самом беспечном возрасте – ей было шестнадцать лет, и до того момента жизнь протекала спокойно и вполне благополучно. Дедушка, Абрам Хаис, у которого была собственная аптека и который лечил, судя по рассказам, всех заболевавших в Единцах и в близлежащих сёлах, обеспечивал большой семье (мама была четвёртым ребёнком из пяти) вполне безбедную жизнь. И все последующие, послевоенные воспоминания касались именно той жизни – детства и едва начавшейся юности – о ней рассказывали охотно и много; маленькое бессарабское местечко Единцы, в котором росли мама и её друзья, выглядело в их описаниях центром вселенной, и сегодня мы, давно повзрослевшие и сами ставшие бабушками и дедушками, внуки Абрама и Фани Хаис, с таким же удовольствием и так же многократно пересказываем родительские истории, расцвеченные весёлыми и, не исключено, придуманными «по дороге» подробностями.

Война семью разделила, однако, к счастью, этим и ограничилась – все вышли из той мясорубки живыми. Старшие мамины братья, Боря и Миша (Менделе), добровольцами ушли на фронт, прошли с боями до Венгрии, несколько раз были тяжело ранены, но вернулись. Мама с родителями и младшим братиком Ромой (Ривеле) и его ровесником Мойшеле, оставшимся без родителей, которые уехали в Южную Америку, и фактически усыновлённым бабушкой и дедушкой, бежали к бабушкиной родне в Могилёв-Подольский, а там попали в местное гетто, а потом – в Печёрский лагерь. Самая старшая сестра, Бузя, ещё задолго до войны увлеклась коммунистической идеей, была арестована вместе со своими единомышленниками и посажена в румынскую женскую тюрьму. Впоследствии нужна была адекватная времени версия её освобождения, и её придумали (уж не знаю, кто именно): побег из тюрьмы организовали французские коммунисты. Только спустя годы, когда мы выросли, мама посчитала нужным рассказать правду: оказывается, дедушка дал тюремщикам взятку – заплатил за этот якобы побег во Францию миллион румынских лей золотом.

Бабушка Фаня и дедушка Абрам Хаис с детьми. За ними (слева направо): Борис, Этя, Миша, между бабушкой и дедушкой – Рома. Предвоенный снимок.

Жизнь тёти Бузи, её участие во французском Сопротивлении, активная партийная деятельность – отдельная история, очень большая и насыщенная разными событиями, и, по сути, отдельная трагедия семьи, но я подумала, что будет справедливо, хоть в нескольких словах, о ней упомянуть. Бабушка, как она

сама часто повторяла, молитвами спасла всех своих детей в страшные годы войны, но вымолить возвращение домой старшей дочери ей не удалось: разлука, начавшаяся в 1936 году, прервалась только в 1958-м, да и позже встречи были нечастыми…

Слухи об Абраме Хаисе, способном избавить от любой хвори (и я, возвращаясь воспоминаниями в детство, могу это подтвердить), быстро распространились за пределами колючей проволоки, к нему стали обращаться за помощью местные жители. Дедушка никогда никому не отказывал, и даже там, в жутких условиях, без инструментов, лечил и непонятно из чего смешивал лекарства. Это помогло не меньше бабушкиных молитв: в ночь перед акцией уничтожения евреев одна украинская крестьянка вывела дедушку с бабушкой и их троих детей из гетто и проводила их к Днестру, который они «форсировали» уже собственными силами. Бабушка, больная тифом и бредившая от высокой температуры, еле держалась на ногах, и её приводили в чувство лишь окрики деда: «Держись и иди сама, я обязан спасти детей». Вот так, по пояс в холодной воде, они перешли реку. Это – единственный факт из того периода, о котором мама рассказывала более или менее подробно, может быть, потому, что это уже был факт спасения.

После войны мама экстерном окончила школу, поступила на биохимический факультет Тираспольского педагогического института и до самой пенсии, кстати, вместе с папой, который после демобилизации приехал в Единцы, проработала в одной школе – русской средней школе №1. Она преподавала биологию, папа – математику. Я и сейчас, встречаясь со своими земляками, нередко представляюсь не по имени, а как дочь Эти Абрамовны и Исаака Петровича Шварцман, так вернее. Их в Единцах знали все, как раньше дедушку с бабушкой. В маленьких городах и местечках школа была центром жизни, а учителей, в особенности таких, как мои родители, не просто уважали – их почитали и искренне любили. Сегодня профессиональную линию мамы с папой продолжает мой единственный брат Петя (Песах), который уже здесь, в Израиле, учит детей физике и общетехническим дисциплинам.

…Жанр воспоминаний позволяет не придерживаться хронологичности повествования, потому я так и непоследовательна – перескакиваю с одного на другое и мучительно пытаюсь представить, о чём, на моем месте, написала бы мама… Без сомнения, она делала бы это с папой. Конечно, если бы была жива, а у папы сохранилась прежняя память... Может быть, в её изложении некоторые события выглядели бы полнее и значительнее? Может быть, в моём им недостаёт каких-то важных деталей?.. Но вот в чём я абсолютно уверена, так это в том, что с самым большим вдохновением мама бы рассказывала о внуках – трёх девочках и мальчике, которых она обожала, которыми дышала и гордилась. Об их учёбе и увлечениях, о службе в армии, о своей мечте дожить хотя бы до одной свадьбы. До одной она, действительно, дожила, но увидеть внучку невестой ей не посчастливилось: по дороге на свадьбу ей стало плохо, и через три недели, 4 июня 2007 года, мамы не стало. До второй свадьбы тогда оставалось всего четыре месяца… А сколько радости и наслаждения добавили бы в её жизни правнуки!..

Дедушка, чуть оправившись после лагеря и гетто, организовал в Единцах курсы медсестёр, и сколько помню, всегда лечил людей. Уже будучи тяжело больным, он давал советы своим лечащим врачам, и они к нему прислушивались и очень доверяли его мнению. Умер дедушка в 1968-м, в возрасте 77 лет, всего на полгода пережив бабушку. Они похоронены рядом, на еврейском кладбище в Единцах.

Мама с папой – Этя и Исаак Шварцман. Израиль.

Ушли из жизни и все их дети. На долю моей мамы выпало проводить всех – похоронить трёх своих братьев и их жён здесь, в Израиле, и узнать о смерти тёти и её мужа, похороненных в Марселе.

Практически до последнего дня мама сохранила ясную память, но в каких-то особых её тайниках прятала то, о чем не хотела и не могла рассказывать. То, о чём я должна была бы рассказать на этих страницах, но чего, к сожалению, не знаю.

57.

Шнайдер Александр и Шнайдер Дора (г. Могилёв-Подольский)

ГЕТТО СДЕЛАЛО МЕНЯ ПОЖИЗНЕННЫМ ИНВАЛИДОМ

Довоенная жизнь.

В хорошее довоенное время наша большая семья проживала в гор. **Могилёве-Подольском** Винницкой области Украинской ССР. В семье было семь детей. Жили мы в своём доме на улице Горбы, дом стоял на возвышении, что спасало от наводнения.

Папина семья: родители и три сестры в 20-х годах уехали в Америку, мой юный будущий папа **Эрш Абрамович Шнайдер** (1895) отказался ехать. Он работал столяром-плотником, много ездил по сёлам, зарабатывая на жизнь немалой семьи. Папа находил время делать для нас деревянные игрушки, всегда придумывал что-то новое. Мама **Либа** (1900) была домохозяйкой, делала всё возможное для детей.

Она пекла хлеб, булочки, кренделя, и дети семьи успешно продавали их. Старший брат **Срул** (1922) работал на маслозаводе. Сёстры **Ривка** (1924), **Элькэ** (1926), брат **Янкель** (1930) и сестра **Дора** (18 сентября 1933) учились в еврейской школе. Я, **Аврум** (Александр), родился **7 апреля 1937** года, а братик **Мойшеле** появился на свет в **1940** году.

Семья Шнайдер до войны: (слева направо) Рива, Элькэ, Дора, мама Либа, папа Эрш, Срул, Янкель. 1936 г. Могилёв-Подольский.

Мы в семье очень дружили между собой. Говорили дома на идише и знали украинский язык. Родители были верующими, в доме соблюдался *кашрут*, мы отмечали все еврейские праздники. У нас выполнялась заповедь о почитании старших: никто не садился за стол, пока не приходил с работы отец. Он произносил молитву, и начиналась скромная трапеза. О том, что я еврей, я узнал от мамы.

Начало войны и оккупация.

Мы жили обычной мирной жизнью, война началась для нас внезапно. Известие о ней услышали по радио. Старший брат **Срул** в первые дни войны был мобилизован и ушёл на фронт. Сестре **Доре** в 1941 году исполнилось 11 лет, мне – 4 года.

С началом войны город оккупировали немцы и румыны. Мимо нашего дома вели колоннами евреев, депортированных из Румынии, Бессарабии, Буковины. Возле дома росла большая акация, она так разрослась, что под ней можно было стоять, и нас не было видно. Моей маме удалось выхватить и втащить под акацию двух девчат лет четырнадцати из очередной проходившей колонны. Мама спрятала их в тайнике, который был в нашем доме внутри большой сельской печи, где мама пекла хлеб. Рядом с большим дымоходом было устроено пространство, куда дым не попадал, там даже стояла деревянная раскладушка, сделанная отцом. Попадали в тайник через боковую дверцу печи. Помню, что одну из девочек звали **Цыпа**. Когда из еврейских домов стали выгонять людей, и нас в том числе, девочки остались в тайнике, в котором мы приготовили им заранее запас еды, воды, ведёрко. Их пути во время оккупации мне неизвестны, потому что я был ещё мал, но в 1945 году они приходили к маме благодарить за спасение.

В гетто.

Летом 1941 года нашу семью: родителей, трех сёстер и трёх братьев – вывели из дома и отправили в гетто, устроенное румынами в нашем городе. В гетто было очень тяжело. Нас избивали, старались всех уничтожить. В **Могилёве-Подольском**, я помню, жестоко, бессердечно били моего отца на глазах детей. Мы все очень кричали. Но отец выжил. Помню, что не разрешалось покидать свои дома. Выпускали из гетто только тех, кого забирали на работу. Мать работала у румын в прачечной. Отец работал у немцев на ремонте моста через Днестр, прежний был взорван партизанами. Издевались над нами страшно. Когда брат **Янкель**, как обычно, принёс отцу обед, немцы бросили его в Днестр с моста высотой метра четыре, но он умел плавать и спасся. Янкель под водой подплыл под мост и там ждал до вечера, чтобы тихо уйти. Если бы он сразу выплыл, то попал бы под пули немцев, ждавших его появления из воды. Это у них было развлечением.

Часто выстраивали и расстреливали каждого десятого. Нас спасла наша мама, женщина очень умная и находчивая. Мама учила нас во время стрельбы бросаться на землю. Она говорила: «Когда будут стрелять, сразу падайте». Мы так и делали. После одного такого расстрела нас посчитали убитыми. Ночью мы все в крови, испуганные, ползком выбрались из ямы с трупами. Но самый маленький братик **Мойше-ле** захлебнулся кровью и погиб. **Дора** вспоминала: «Было очень страшно переживать всё это, и я стала тяжело болеть. Кошмары начали беспокоить меня каждую ночь».

Родители решили вопреки всему удрать из этого ада. Мы почти два дня пересидели в зарослях, а потом вернулись обратно в гетто. Нам некуда было бежать.

Однажды в **1943** году нас построили в колонну и куда-то погнали из Могилёва-Подольского. За городом обычно часть узников расстреливали, остальных возвращали обратно. Мы проходили мимо местной речки, и надо было перейти через неё. Дно было каменистое, идти было тяжело. Немец подбежал, выхватил меня, шестилетнего, из толпы и бросил в речку. В воде я упал на камень и повредил спину. Моя сестра **Рива** сразу вытащила меня из воды и тем самым спасла. С этого дня я стал инвалидом на всю жизнь и мучаюсь сейчас тоже. После этого случая ходить я уже не мог, лежал. Мои ноги раздулись. Всюду мама и сёстры носили меня на спине годами.

В один из дней мы всей семьёй попали в облаву, и всех пойманных повели за город. У нас не было сомнений, что ведут на расстрел. Шла колонна численностью человек двести, и конвоировал нас всего один румынский жандарм. Где-то в пути нам навстречу вышли три немецких солдата, остановили жандарма и сказали ему что-то по-немецки. Он пошёл с ними, его отвели в сторонку и застрелили. Потом один из них подошёл к нам и сказал по-украински: «Идите все домой». Это были партизаны. Мы вернулись в гетто.

В конце **1943** года нас отправили в гетто в с. **Мястковка** Крыжопольского р-на Винницкой области. **Дора** рассказывала мне: «Помню, как нас, оставшихся в живых евреев, согнали в церковь, чтобы сжечь. Нас спасли жители Мястковки. Они подкупили румын и полицаев и не позволили нас уничтожить».

После освобождения.

В начале весны **1944** года мы вновь возвратились в Могилёв-Подольское гетто и находились в нём, пока нас не освободила Красная армия. Я видел, как, спасаясь, бегущие немцы бросались в Днестр, и сильное течение не давало им плыть, они тонули.

В **Могилёве-Подольском** уже не было нашего дома. Пришло извещение о гибели на войне в **1941** году нашего 19-летнего брата **Срула Шнайдера**. А мы так ждали и надеялись, что он жив. Самым радостным событием для меня стало объявление о безоговорочной капитуляции Германии в мае 1945 года. Мы радовались и оплакивали двух погибших братьев: **Срула** – самого старшего и **Мойшеле** – самого маленького.

Отец продолжил работать плотником, как в довоенное время. Мама занималась нами и пекла бублики на продажу. Сёстры **Ривка**, **Элькэ** (Оля) и **Дора** завербовались на работу в гор. **Черновцы** и уехали.

Много времени отняло моё состояние здоровья: врачебные проверки и комиссии, пребывание в лечебных учреждениях. Врачи установили сильное искривление позвоночника вследствие травмы, полученной в гетто. Ноги с возрастом и лечением пришли в норму, но положение позвоночника привело к усыханию одного лёгкого. С благодарностью вспоминаю украинского доктора **Мороза**, специалиста по лечению почек, очень помогшего мне избавиться от болей.

Послевоенная жизнь.

Когда я приехал в **Черновцы**, я знал только идиш и украинский языки, а в городе говорили по-русски. Лишь после войны я научился говорить на русском языке. Учиться в школе не было возможности, и я сам выучился читать, писать, учил учебники, читал много книг.

У сестры **Оли** обнаружили дефект слуха и направили работать на фабрику для глухонемых. **Рива** работала продавцом в магазине. **Дора** окончила в гор. Черновцы школу фабрично-заводского обучения (ФЗО) по профессии электросварщик. Она была боевая девушка, крепкая, смелая. Работала на разных предприятиях г. Черновцы. Вышла замуж за парня **Александра**. Работала в охране водонапорной станции.

Шнайдер Александр и Клара. 1957 г. Черновцы.

Моим лечением много занимались врачи, благодаря им я окреп, твёрдо встал на ноги, хотя искривление осталось. В **1954** году я поступил на работу на Черновицкую фабрику головных уборов. Через несколько лет по приказу директора стал работать мастером смены, хотя на эту должность претендовали люди, окончившие училища и техникумы лёгкой промышленности. Мой опыт и доскональное знание процессов помогали мне руководить коллективом смены из 84 человек. Я проработал здесь 28 лет. У меня есть награды:

медали «За выслугу лет» и «За доблестный труд». Я женился 11 августа **1957** года на девушке **Кларе**, тоже прошедшей гетто, где погибли все её родные, кроме отца-фронтовика.

Брат **Янкель** все годы работал шофёром в Черновцах и на целине в Казахстане. Он умер от стенокардии в **1976** году, прожив всего 46 лет. Папа умер в **1979** году, через месяц после моего отъезда в Израиль. У мамы до последних дней волосы оставались чёрными, не седели. Мама ушла из жизни в **1984** году. Каждый из них прожил 84 года.

В Израиле.

В сознательном возрасте я ощутил гордость, оттого что принадлежу к великому еврейскому народу, хотелось жить среди евреев. Я с женой приехал в Израиль 12 августа **1979** года, **Рива** эмигрировала на 7 лет раньше нас. **Дора** репатриировалась в Израиль в **1996** г. в пенсионном возрасте. Жила в гор. **Реховоте**. Умерла **17 мая 2010** года. **Оля** приехала позже Доры.

Через 16 лет в стране я получил статус инвалида пожизненно. До этого пришлось выполнять физические работы, чтобы заработать на жизнь. Сегодня живу с кислородным аппаратом, перенёс ряд операций, но продолжаю жить. В августе **2012** года исполнилось 55 лет нашей совместной жизни с Кларой в любви и согласии. Фашисты искалечили моё тело, но не сломили моего духа, решимости жить назло недугам.

58.

Гриштейн Мила
*(с. **Мурафа** и с. **Шаргород***
Шаргородск. р-на)

КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЫ ВИДЕЛИ ПОГИБШИХ В ГЕТТО

Довоенная жизнь.

Я, **Маси-Бейлэ** Ароновна **Гринштейн**, родилась **1 мая 1933** года в еврейском местечке **Мурафа** Шаргородского р-на Винницкой области. Дома и в школе меня звали **Мила**, и это имя закрепилось в документах и в жизни по сей день.

Моя мама **Фрида Нухимовна** (1911) вела домашнее хозяйство и занималась детьми. Папа **Арон Самуилович Бронштейн** (1907) был потомственным искусным кузнецом, как его отец и все братья. У папиных родителей **Шмуэля** и **Песи** Бронштейн, живших в Шаргороде, в семье были восемь сыновей и две незамужние дочери: **Этл** и **Малка**. Старший папин брат погиб на Финской войне в **1939** году.

В Мурафе мы жили у родителей моей мамы **Нухима** и **Доры Медник** в большом бабушкином доме № 12 на ул. Кагановича, и половину его занимала папина

кузня. В другой половине были несколько жилых комнат и помещение для отжима подсолнечного масла, а также для крупорушки. Изготовлением масла и круп дедушка с бабушкой занимались сначала единолично, а после вступления в колхоз – им возили телегами колхозное сырьё: гречиху, семечки, кукурузу, и они выполняли трудовые задания. Мои родители не были религиозными, но в доме у дедушки и бабушки соблюдался *ша́бэс* (суббота), имелась постоянная постройка без крыши, которая становилась шалашом в праздник *Сукко́т*. Бабушка была грамотным человеком и писала письма дочерям на идише. В Мурафе жила замужняя старшая мамина сёстра **Эстер** (Фира), сестра **Соня** жила недалеко от Мурафы, сестра **Фаня** (1918) – в Бердичеве, мамин брат **Лейб** (1904) с семьёй – в Виннице, брат **Элек** (1906) – в гор. Петушки Владимирской обл. РСФСР.

В **1937** году родители со мной переехали в деревню **Ярошенка** Жмеринского р-на, километрах в шестидесяти от Мурафы, и здесь папа трудился в колхозе кузнецом, делал кузнечные тонкие работы, изящные брички. С папой вместе работал кузнецом его брат **Мойше**. В Ярошенке родилась моя сестра **Катя** (1937). В свободную минуту папа, бывало, говорил маме, большой любительнице кино и театра: «Фридочка, иди смотреть кино, а я побуду с дочками». «Что ты будешь делать с двумя девочками?» – спрашивала мама. И папа отвечал: «Это моё первое удовольствие – быть с детьми». Наверное, он чувствовал, что недолго ему осталось играть с нами. Как сейчас помню, в тёплой комнате папа сидит на табуретке, у него на коленях маленькая Катя, и он прихлопывает мне, а я пляшу перед ними. Папа изготовил для нас к зиме железные красивые санки со спинкой и сидением и катал нас. В семье мы со взрослыми разговаривали на украинском языке, а родители между собой и с родственниками – только на идише. В Ярошенке я окончила первый класс украинской школы.

Начало войны и оккупация.

Война 1941-45 годов для нас началась с немецкой бомбёжки железнодорожной станции **Ярошенки**, второго по важности узла сообщения после станции в Жмеринке. Помню, всё вокруг горело. Папа **Арон** и шесть его братьев, а также мамины братья **Лейб** и **Элек** были мобилизованы на фронт. Папе дали в колхозе подводу с кучером, он поставил на неё большой сундук с нашими вещами и сказал, что должен успеть отвезти маму и меня с Катей в Мурафу, подальше от железной дороги. Он считал, что у её родителей жене с двумя детьми будет спокойнее. Мы приехали в **Мурафу**, и уже на следующее утро папа попрощался с нами и сел в грузовик с другими мурафскими мужчинами. Их повезли в Шаргородский военкомат. В тот день я видела отца живым в последний раз.

В мурафском доме в первые недели войны находились бабушка Дора, дедушка Нухим, мама со мной и Катей, приехавшая мамина сестра Соня с мужем **Хуной**, освобождённым от армии по здоровью, и двумя детьми. Незадолго до войны младшая мамина сестра Фаня из Бердичева приехала к родителям в Мурафу рожать, и здесь её застала война. Наступил период безвластия: советская власть ушла, не эвакуируя население, Красная армия отступила, а германские войска ещё не захва-

тили Мурафу. Фаня родила ребёнка, он заболел и умер из-за отсутствия медицинской помощи и лекарств. Бабушка с дедушкой помнили приход немцев во время Первой мировой войны. Бабушка Дора, энергичная, волевая женщина, которую слушались все, говорила, что нам из своего дома уходить не надо, немцы – народ цивилизованный, культурный, при них откроются все лавки, начнётся торговля, и с её ремеслом и оборудованием можно будет неплохо жить.

В **июле 1941** года в **Мурафу** въехали на мотоциклах сотни немцев. Мы наблюдали за ними из-за оконных занавесок. Они чувствовали себя как дома: ходили без касок и оружия, в нижнем белье. Немцы помылись, побрились и поехали дальше. Помню, на здании поселкового совета, занятом под комендатуру, повесили большой немецкий флаг. Вскоре появились румынские захватчики.

В Мурафском и Шаргородском гетто.

С приходом румынских оккупантов начались тяготы гетто, которое румыны организовали в **Мурафе**. Пришлось пережить много трудностей и унижений, и им не было начала и конца. Мы с сестрой по возрасту многого не понимали: мне было тогда восемь лет, а Кате – четыре года. Но голод, холод и особенно страх мы помним и сейчас. И часто, когда во время сна приснятся те события, вздрагиваешь и просыпаешься в поту.

Мы прожили в **Мурафе** первые шесть месяцев войны и оккупации. Мама видела, что бабушке Доре трудно содержать 10 человек, и решила перейти с нами к дедушке Шмуэлю в Шаргород, в 14 километрах от Мурафы. На подводе мы приехали к папиным родителям и жили здесь значительное время вшестером: дедушка Шмуэль с бабушкой Песей, папина сестра Этя и мама с нами.

Хотя Мурафа и **Шаргород** представляли собой два гетто, они не были огорожены и наглухо закрыты. Мама тайком ходила из одного пункта в другой и обратно. В Шаргородском гетто мы с сестрой находились возле мамы, никуда от неё не отлучались. Мне даже порой снится, что мама ведёт нас с Катей, крепко держа за руки. Всех женщин в гетто заставляли работать: утром их гнали на сельхозработы, вечером приводили обратно. Помню, каждое утро мама среди многих женщин с детьми ходила на поля, где рос табак, и женщины собирали табачные листья. Никто не оставлял своих детей в гетто одних, мы с Катей были при маме в поле и помогали ей рвать табак. Помню, главным маминым богатством был папин костюм, который она надеялась поменять на кусочек хлеба. Она всегда обвязывала вокруг талии пиджак, так ходила и работала. Это спасало иногда маму, когда надсмотрщик стегал её плёткой. В другое время мы сидели на костюме, укрывались им.

В **1942** году в Шаргород пригнали тысячи евреев из Буковины. Весь путь они проделали пешком под конвоем. Часть из них увели дальше, многих оставили в Мурафе. К дедушке в дом тоже поселили буковинских евреев. Мы их почему-то называли румынами. Из нашей муки они умело готовили мамалыгу на всех. Другие жили в школах, в синагогах, голодали. Каждый день, выходя на улицу, мы видели умерших, замёрзших прямо на улице. Большим горем стала для всех нас смерть моей бабушки **Песи Бронштейн**. Она заболела и умерла в **1943** году в Шаргородском гетто.

В **конце 1943** года мы возвратились в **Мурафу** к бабушке Доре и дедушке Нухиму. Здесь полностью властвовали румыны, им подчинялась украинская полиция из местных парней. Помню, что староста Мурафы, полный мужчина, часто приходил к дедушке и просил или требовал: «Нухим, дай немного крупы». Дедушка знал их всех ещё малыми детьми и говорил, что они неплохие ребята, ничего нам не сделают. Иногда в Мурафу приходили грабить мадьяры: вламывались в жилища и брали всё, что хотели. Когда они приближались к дедушкиному дому, староста останавливал грабителей и говорил: «Сюды не ходи. Тут жидок хороший». Он не давал им войти. Но однажды, когда мы мамой вернулись вечером с поля, комнаты были усыпаны пухом из перин, подушек. Грабители побывали у нас и искали драгоценности.

К маме однажды пришла молодая женщина-украинка и сказала: «Отдайте мне вашу Катю, вас всё равно убьют, так хоть она жива останется». Катя была красивой беленькой девочкой. Когда мама резко отказалась, женщина пообещала украсть сестричку, и мы от испуга долго прятали её от всех.

В квартиру маминой сестры **Эстер** поселили много евреев из Буковины. Они разговаривали на немецком языке и на идише. Сама тётя Фира вынуждена была перейти к нам, так как для неё места в собственном доме не осталось. Мы много общались с детьми из Буковины и научились у них говорить по-еврейски.

Возможно, в бабушкином подвале хранились припрятанные довоенные запасы круп, масла, благодаря которым мы жили, и у нас кормились бабушкины постояльцы. Бабушка **Дора** покупала у местных крестьян муку, пекла с дедушкой и мамой хлеб, кукурузные лепёшки. Мои двоюродные сёстры брали скамеечки и за воротами выкладывали немного хлеба на продажу. У этих старших девочек были книжки на украинском языке, которые они читали, и иногда они читали мне вслух.

Ещё в **1943** году моя добрая бабушка приняла к себе в дом много евреев из **Хмельника**, **Литина** и других мест. Они бежали к нам, на румынскую территорию, перейдя тайно реку Буг, потому что в их краю немцы беспощадно убивали евреев. Помню из них молодую замужнюю женщину **Цилю** и её младшую родную сестру **Маню**. Спаслись они так: переоделись в украинские одежды, повязали головы платками, и русский парень привёз их на подводе в Мурафу. Это был путь в 100 километров по оккупированной территории. Сёстры жили у бабушки год и восемь месяцев до освобождения и потому уцелели. Спасались у бабушки и беглые мужчины и юноши. Эти люди научили нас строить «секреты» от немцев. Они превратили бабушкин старый погреб в секретное убежище, сделав в доме люк, через который можно было быстро скрыться в тайнике. В нём имелся запас воды, сухарей, были подушки, матрацы. По нашему примеру такой же «секрет» был устроен и в доме дедушки Шмуэля в **Шаргороде**. Многих молодых девушек и юношей увозили на работы в лагерь Трихаты, в Николаевскую область, и они уже не возвращались. Однажды навсегда увезли брата **Лёву** моей подруги Ады. Дядя **Хуна**, муж тёти Сони, прятался в «секрете» от вывоза на работу и благодаря этому выжил. У окна, выходившего на дорогу, постоянно дежурил кто-то из жильцов.

Румыны проводили облавы обычно в четыре-полпятого утра. Они перегораживали дорогу, выставляя посты, и, когда наблюдатель видел первых постовых, он давал всем команду спуститься в тайник.

Так мы жили и выживали до весны **1944** года. В Мурафском гетто прошёл слух, что немцы и румыны перед отступлением уничтожат всех евреев. Все, кто был в доме, спрятались в «секрете». Мы с мамой находились там днём, а ночевали наверху, потому что мама боялась нас простудить.

Освобождение и после него.

И только **20 марта 1944** года, в воскресенье рано утром, просидев двое суток безвылазно в погребе, мы услышали стрельбу и поднялись на чердак. Я с девочками видела, как во время перестрелки был убит красноармеец. Красная армия вошла в **Мурафу**, мы увидели советских солдат на лошадях и в полушубках, и радости нашей не было предела. Впереди отряда скакал командир в чёрной бурке. Когда мы вышли на улицу, оказалось, что он еврей. Я слышала его рассказ о том, что у армии были сведения о возможном уничтожении евреев Мурафы, и их послали занять наше местечко. Советские солдаты в этот же день отправились освобождать Шаргород.

Мы возвратились в освобождённый **Шаргород** свободными людьми. Казалось, нашим мукам пришёл конец, но это только казалось. После восстановления советской власти мы получили извещение из армии о том, что мамин брат **Элек** (Алёша) **Медник** (1906) погиб в бою в **1944** году. Мы оплакивали родные нам жертвы Катастрофы в папиной семье: мою бабушку **Песю**, умершую в гетто в 1943 году, и папину незамужнюю сестру **Малку Бронштейн**, жившую в **Бердичеве**, которую немцы убили в годы оккупации. Но вскоре наше горе стало непереносимым. Мы получили похоронные извещения на шестерых братьев отца, воевавших в Красной армии. Брат отца **Мойша** (Михаил) **Бронштейн** погиб во время войны, осталась вдовой жена с тремя детьми. Брат **Ицхак-Лейб** (1896) погиб на фронте в **1942** году, остались вдова Хана и трое детей. Брат **Мендель** (1903) погиб на фронте в **1944** году. Имён остальных погибших братьев отца не знаю.

«Похоронку» на моего отца – восьмого брата – принёс почтальон и вручил тёте Фане. Тётя Фаня, зная, как больно будет её сестре Фриде, потихоньку порвала извещение из армии. Маме довольно долго не было известно о смерти мужа, и мы ждали папу, пока не началась выплата пособий вдовам воинов, погибших на фронте. Маме прислали деньги и копию извещения о гибели папы из военкомата, где писалось, что рядовой **Арон Бронштейн** погиб в бою **24 августа 1942** года. Это был верх нашего горя. Из двух родителей, восьми братьев и двух сестёр семьи Бронштейн фашизм и война убили мать, 8 братьев и 1 сестру. Каково было дедушке Шмуэлю пережить это!

Овдовев в 31 год, моя мама сама поднимала нас, своих детей. Жили мы у бабушки. Мама зарабатывала тем, что в Мурафе покупала канистру подсолнечного масла, пешком несла эти 20 литров в Шаргород, на плече у неё был мешок с сахаром. С другими женщинами садилась в поезд до Винницы и там перепродавала свой товар. На эти деньги покупала хлеб для семьи, воспитывала нас, дала нам образование.

Послевоенная жизнь.

Мамин брат **Лейб** после войны вернулся с незажившим ранением, привёз свою семью из Ташкента домой, в гор. Винницу, и позвал маму с детьми к себе. В ноябре **1945** года мы переехали в гор. **Винницу**. Мама работала до пенсии на швейной фабрике.

Я окончила Винницкое медучилище в **1950** году, стала медицинским лаборантом и работала 40 лет в клинической железнодорожной больнице в **Виннице**.

В **1951** году умер мурафский дедушка **Нухим**. Сестра **Екатерина** (в замужестве Данцис), получив специальность фельдшера-акушера, с мужем переехала жить в Москву. В Москве Катя много лет заведовала здравпунктом фабрики для инвалидов.

Мама Фрида с дочками Милой (слева) и Катей. 1955 г. Винница.

В **1955** году я вышла замуж за **Ефима Гринштейна** (1925). Ефим в 1942 году добровольцем ушёл на фронт, воевал связистом и окончил войну в Японии. Был награждён орденом Отечественной войны, другими боевыми наградами. Муж работал художником-оформителем. Родились 2 дочки: **Алла** (1956) и **Лена** (1966). **Алла** по окончании Московского картографического института работала старшим мастером на Винницкой картографической фабрике. **Лена** окончила специальное швейно-дизайнерское училище в Белоруссии и работала в Виннице мастером швейного производства на большом предприятии. Мама **Фрида** ушла из жизни после инфаркта в **1978** году, прожив 68 лет.

После Чернобыльской аварии на атомной электростанции муж тяжело заболел, и врачи посоветовали лечить его в Израиле. Наша молодёжь поддержала моё решение ехать в Израиль, спасать отца и жить среди своих.

Мила с мужем Ефимом. 1980 г. Жданово (бывший пос. Мурафа).

В Израиле.

17 января **1991** года мы репатриировались в Израиль большой семьёй: я с мужем и младшей дочерью с семьёй – в гор. **Ашдод**, старшая дочь с двумя детьми, мужем и его родителями – в гор. **Герцлию**. Сестра **Катя** с мужем и дочкой Мариной приехала в Израиль через два года и поселилась в **Герцлии** рядом с Аллой.

В **1999** году мы с мужем получили квартиру в гор. **Явне**. Моего дорогого **Ефима** не стало в сентябре **2011** года. Он был хорошим мужем, отцом и дедушкой.

Наши дочери успешно трудятся: **Алла** – бухгалтером в финансовой компании, у **Лены** своё производство по специальности. Я счастливая бабушка: у меня пять внучек и внуков, четыре правнука. Внучка **Катя** учится в Академическом центре им. Переса в **Реховоте** и работает в адвокатской конторе в Тель-Авиве. Она записала мои воспоминания о жизни на иврите и написала небольшую научную работу по этим материалам.

Я стараюсь по мере сил помогать своим детям и внукам быть достойными людьми на благо нашей маленькой страны – Израиля.

59.

Кесельбренер Лиза
*(с. **Мурафа** Шаргородск. р-на и с. **Черневцы**)*

Я ЖИВА И ОБЯЗАНА НАПИСАТЬ

Довоенная жизнь.

Наша семья из пяти человек до войны проживала в местечке **Боровка** Черневецкого р-на Винницкой области на Украине.

Мой папа **Исаак Ефимович Красноштейн** (1905) был родом из села **Мурафа** Шаргородского р-на Винницкой области. В Мурафе стоял большой дом его покойного отца, бывшего купца первой гильдии **Хаима** Красноштейна**,** жили его сестра **Эстер** и младший брат **Пётр**. В начале 30-х гг. отец два года трудился на шахтах Донбасса, оттуда вернулся с больной ногой и был признан невоеннообязанным. Папа работал заместителем директора конторы «Заготскот» в райцентре – селе **Черневцы** Винницкой области и сам обеспечивал семью.

Моя мама **Броня Исааковна** (1905) родилась в с. **Боровка** Черневецкого р-на Винницкой области. Мамины родители **Берковы** умерли от тифа, когда Броне было 12 лет, а сестре **Шифре** (1903) – 14. Родная сестра умершей матери Ита и её муж Ноах удочерили сирот и вырастили их. Тётя Шифра (в замужестве Шмульзон) переехала к мужу в село **Моевка**. Её дочь **Соня** вышла замуж за парня **Бориса Гершмана**, и до войны они переехали в Киев. Сын **Михаил**, девятиклассник, жил с матерью. Муж тёти Шифры (примерно 1900) перед войной тяжело заболел и жил отдельно под присмотром родственницы.

В Боровке мама училась, в девичестве работала на сахарном заводе лаборантом, а после замужества занималась домом и детьми. Нас у мамы с папой было трое: сын **Ефим** (1932), я – дочь **Лиза** (28 августа 1934) и младшая дочка **Минночка** (1940). К началу войны ей исполнилось полтора года. Наша квартира в двухквартирном доме с длинным балконом состояла из двух комнат и кухни в подвальном помещении. Был заложен фундамент ещё для двух комнат. Это место стало излюбленным для детских игр. Родители очень любили нас. Дома с детьми разговаривали по-украински, взрослые общались на идише, хорошо владели русским языком.

Дом дедушки **Ноаха Коренфельда** и бабушки **Иты** (в девичестве Штеренфельд) стоял в 20 метрах от нашего. В Первую мировую войну дедушка-солдат царской армии попал в плен и находился в Германии 8 лет. В плену работал по хозяйству у врача. Вернувшись в Боровку, женился на красавице Ите, был избран первым председателем еврейского колхоза и до начала войны работал то председателем, то зампредседателя колхоза. По тем временам мы жили хорошо. Дедушка и бабушка содержали двух коров, одна из которых была нашей. Зелень и овощи мы брали из их огорода.

Наша семья праздновала все еврейские праздники, соблюдала еврейские традиции. Во время *Песаха* снимали с чердака *кошерную* посуду, мацу выпекали в одном из домов для всех жителей местечка. В праздник *Ханнука* дети получали *ханука гельт* (деньги), всегда было очень вкусное печенье. Начиная с 12 лет, мама научила нас соблюдать пост в Судный день.

Одновременно родители с друзьями собирались и встречали Новый год, в гостиной стояла ёлка, отмечали 8 марта, 1 Мая, годовщину Октябрьской революции. Старшие дети учились в советской школе, в сентябре **1941** года я готовилась пойти в первый класс.

Начало войны и бегство от немцев.

В **июне 1941** года с первых дней войны взрослые члены семьи обсуждали возможность эвакуации в тыл. Дедушка Ноах всех убеждал, что немцы – культурный народ, никого не тронут, и его тяжело было переубедить. Он всё же понимал, что дела плохи и немцы скоро дойдут до Днестра, но главная причина состояла в том, что он, руководитель хозяйства, не мог оставить колхоз, людей на произвол судьбы. В **Боровку** прибыло много беженцев из Буковины и Бессарабии. Их разместили в домах тех, кто эвакуировался, а потом пришлось потесниться и некоторым оставшимся жителям. Правление колхоза выделило для беженцев продукты.

Грохот от взрывов бомб и снарядов раздавался всё ближе. В один из вечеров дедушка сказал: «Надо собираться в путь». **6 июля 1941** года, за несколько дней до прихода немцев, группа еврейских семей, состоящая из наших близких родственников, друзей, соседей и семьи учителей Боровской школы, двинулась в дорогу на 12 возах. Впереди – подвода деда, на ней наша семья. Точного плана, куда ехать, не было. По дороге нас обгоняли отступающие бойцы Красной армии, шедшие с передовой. Приехали в **Гайсин**. Немецкие самолёты все время бомбили двигавшиеся армейские машины, обстреливали из пулеметов гражданское население. При каждом таком налёте мы оставляли подводы и бежали прятаться в пшеницу,

в кюветы. Добрались до города **Умань**, который тоже бомбили, в нём подковали лошадей, заночевали и утром двинулись дальше. Помню, моросил тёплый дождь.

Вдруг мы услышали нарастающий гул моторов, и на просёлочную дорогу выскочили два мотоцикла. Это были немцы. Дедушка Ноах соскочил с воза, подошел к немецким солдатам, угостил их вишнями, о чём-то с ними поговорил. Немцы подарили ему сигареты. А в это время мимо нас на большой скорости проносились германские танки и военная техника.

Дождь усилился. Мы спрятались от него в первой же попавшейся клуне – простом навесе на столбах, накрытом соломой. Женщины грели воду для чая, пользуясь соломой, скрученной в жгуты, кормили и укладывали спать детей. Дедушка собрал мужчин на совет, угостил немецкими сигаретами и рассказал, какие немцы культурные и вежливые, как они разговаривали с ним на равных.

Нас, конечно, заметили, и из села **Знаменка** Кировоградской области к клуне приехал на бричке с возницей пожилой человек с длинными усами. Не здороваясь, сказал, что он староста и хозяин на этой земле, и приказал: «А ну, жиды, чтобы духу вашего не было. Убирайтесь туда, откуда приехали, поджигатели нашего добра». Люди просили дать им возможность побыть здесь с малыми детьми хотя бы до утра, но староста был неумолим. Получив обещание, что мы скоро уйдём, он уехал.

Это было время еврейских праздников, к тому же суббота, и люди, особенно пожилые, приготовились к субботней молитве. Все мужчины собрались в одном из углов клуни, надели свои *талесы*, и уважаемый человек, хороший кантор **Срул Жидовецкий** из Могилёва-Подольского начал молитву. Казалось, что кантор не пел, а рыдал. Женщины потихоньку заплакали. А когда он громко взмолился: «Готынью! Ротывы ынз!» (*идиш* Господи! Защити нас!) – все разрыдались. До сих пор перед моими глазами эта картина: с чёрного, как земля, неба льёт всё сильнее дождь, а под соломенной крышей без стен горстка промокших евреев: плачущие женщины и дети и молящиеся мужчины.

Наутро поехали дальше. Мы находились в центре Украины, в **Кировоградской** области. В одном из сёл наш обоз приблизился к длинной колонне немецких танков и автомобилей, стоявшей по обе стороны дороги. Над нашими головами так низко летали самолеты, что я видела лица пилотов. Нас тут же остановил полицай с винтовкой на плече и скомандовал: «Десять мужчин к коменданту». Соскочили с подвод самые смелые, так с кнутами их и увели: впереди шли дедушка Ноах и папа.

Оставшихся согнали с повозок, и начался грабёж. Немецкие солдаты и после них полицаи забирали с подвод самые лучшие вещи, а ненужное бросали на дорогу. Всем было тяжело и больно, но мы молча наблюдали за разбоем. Я сидела на земле возле брата Фимы и мамы с сестричкой на руках и ждала папу и дедушку, их не было очень долго.

Первым возвратился дедушка Борух Сойфер, муж **Эстер**, родной сестры бабушки Иты. Его волосы стояли дыбом, и он кричал на идише: «Нас всех убьют!» За ним пришли другие мужчины. Мой отец был сильно избит, на лице и спине были видны разрезы, на нём не было живого места. Перевязать раны было нечем.

Папа рассказал о нелепом обвинении в том, что будто они сожгли хлебные поля. Мы, ограбленные и избитые евреи, сидели вместе. В стороне стояли местные жители, возмущались творимым. Из этой толпы подошёл к нам житель села и сказал: «Чего вы здесь ждёте, когда поведут на расстрел? Вставайте и быстро уходите. Это староста на вас донёс». Все поднялись, пошли, а потом побежали в обратную сторону. Мы пробежали три деревни, боялись, что будут стрелять вдогонку.

Мужчины посоветовались и пришли к выводу, что такой большой толпой домой не добраться. Решили поделиться на группы и пойти разными дорогами. Большую группу, идущую в Боровку, составили мы: мама, папа и трое детей, дедушка Ноах и бабушка Ита, мамина сестра Шифра с сыном Михаилом и наши соседи – семья **Даниловичей**. Другая группа двинулась в направлении Могилёва-Подольского. Третью группу я не помню.

От всех отделилась семья учителей **Групина Иосифа** и **Лизы**. С ними были их сыновья: шестилетний и шестимесячный, а также племянники – **Муня** и **Абрам**, сыновья Тубы Скапинкер, сестры Иосифа. Мать и дети были светловолосыми, не похожими на евреев. По совету местных жителей они решили окрестить самого младшего в церкви, мол, после этого никто их не тронет. Мой отец горячо убеждал их идти с нами, но они отказались.

Мы шли голодные, грязные, измученные. Не было питьевой воды, и мы пили дождевую воду, иногда с лошадиной мочой, из дорожной колеи. Особенно тяжело приходилось пожилым людям. Больше всех страдала бабушка **Ита**. Всю жизнь она болела и больше 30 шагов не делала, но теперь за день проходила вместе со всеми более 30 километров босой: ноги опухли, и обувь надеть она не могла. Дедушка всю дорогу её поддерживал. Бабушка еле шла, бывало, ложилась на дорогу и просила: «Идите сами, мне все равно не дойти».

Голодали на всём пути. Рядом с мамой, нёсшей мою маленькую сестричку, шла её старшая сестра **Шифра**. Она добывала еду для голодных детей. Заходила во дворы, хаты, просила хоть что-то для малышей. Местные жители нам очень помогали, делились всем, чем могли: и продовольствием, и одеждой. Добытчиками еды стали также мой брат **Фима** и **Миша** Данилович, сын соседа.

В одном из домов хозяйка-учительница дала нам мёд в сотах. Запомнился на всю жизнь вкус мёда посреди голода и зла. И сейчас я покупаю соты с мёдом в память о тех годах и в память об учительнице, которая, угостив, просила: «Живы будете, напишите». К большому сожалению, никто не запомнил ни названия села, ни имени молодой доброжелательной женщины. В тяжелейшее время ей было важно получить однажды весточку, что мы спаслись. Спустя многие годы я поняла шире смысл сказанных ею на прощание слов: мы остались живы, и мы обязаны написать о том, что пережили в годы нацистской оккупации, и о палачах, и о жертвах, и о таких праведниках, как сельская учительница-украинка.

Шло к концу лето, время было холодное. По ночам родители брали сестричку и меня на руки и согревали своим телом. Я была в одном платьице и босиком, туфельки остались на подводе. В семь лет я шла наравне со старшими. Останавливались чаще возле рек, источников, в лесополосах, обходили города, местечки. В

каждом нас ожидала опасность, а то и смерть. Чаще всего мы пробирались через поля, леса ночью, а днём прятались в лесу, сарае.

Однажды в пути потребовалось переправиться через реку. Хоть она была не очень глубокая и широкая, но с необычно быстрым течением. Вода влекла по течению огромные камни. Самые крепкие мужчины брали детей на плечи, на шею, а двое других удерживали мужчину с живым грузом в воде до другого берега. Отец и мой брат Михаил переводили, взяв под руки, женщин.

Дошли до реки **Южный Буг**, по мосту перебрались на противоположный берег. Прошли **Тульчин**, и после ночлега в развалинах узловой железнодорожной станции **Вапнярки** попали в **Томашполь**, и семья бабушкиной сестры Эстер здесь осталась.

От Боровки нас отделяло чуть больше 20 километров. Крестьяне, которые нам встретились, сказали: «Не ходите в Боровку, там всех евреев убили». Это было первое известие о страшной трагедии земляков-евреев в начале **августа 1941** года в Боровке, в которой и нам была уготована смерть, окажись мы в местечке.

Мы проехали обозом в поисках спасения почти 400 километров по Украине и такой же обратный путь по оккупированной фашистами территории проделали пешком. В итоге, преодолев 800 километров, узнали – спасения нет.

Мой папа с соседом **Ныслом** Данило́вичем всё же пробрались ночью в **Боровку** к своему другу Филимону, чтобы попросить еды для детей. В годы Гражданской войны его родители прятали семью Даниловичей. Потом дружили, ходили в гости друг к другу. Подошли к дому, тихо постучали в окошко. Когда **Филимон Луц** услышал, кто это, пошёл открывать дверь, а его сестра, о которой шла молва, что она не в своём уме, закричала: «Что с ними панькаться, дай сокыру (*укр.* топор), я их зарублю». Папа и Нысл убежали. Уже через 15-20 минут в селе поднялась стрельба, их искали немцы и полицаи, но не нашли.

Мои родители с соседями поняли, что теперь все должны разойтись. Отец с мамой и нами, тремя детьми, бабушка с дедушкой, тётя Шифра с Михаилом пошли в **Черневцы**. Пробыли мы здесь недолго, потому что нашу семью разлучили с остальной роднёй, и нас, пять человек, поместили в крохотную каморку. Папа решил, что надо идти в Мурафу, где по крайней мере есть фамильный дом.

<u>В Мурафском гетто.</u>

Мы пришли в родное папино местечко **Мурафа** в конце сентября-начале **октября 1941** г. и в Мурафском гетто жили два с половиной года. Я не помню, чтобы гетто в Мурафе было как-то огорожено, но запрещалось выходить за его пределы. В Мурафе все узники носили жёлтые магендавиды. В основном мы видели румын, но когда появлялись немцы, они творили страшные дела: убивали людей. В гетто местечка Мурафа люди голодали, страдали от холода, болезней, но массовых акций убийства не было. Помню, что в Мурафе находились евреи, депортированные из Румынии, Буковины, Бессарабии.

Дом покойного папиного отца Хаима вместил нас и ещё приютил более 20 буковинских и бессарабских евреев. Они жили в большой гостиной, мы вдевятером, папина сестра **Эстер** с двумя детьми и 100-летняя тётя отца – в остальных комнатах. Все обитатели дома – более 30 человек – старались помогать друг другу, чем могли.

К двум годам моя сестра **Минна** была очень смышлёной и, находясь в погребе, говорила: «Тихо! Наверху немцы! Нельзя кричать, нельзя плакать». Страх смерти передавался от тех, кто старше, к таким малюткам, как она. Нам родители строго-настрого запретили выходить из дому без спросу. В основном мы, дети, сидели дома, чтобы никому не попадаться на глаза.

В Мурафе папу и покойного дедушку Хаима знали многие украинцы и помогали нам. Всё же было очень голодно. Бабушка пекла нам лепёшки из картофельных очисток с отрубями. На еврейские праздники пекли из гороховой муки «торт». Он был для голодного ребёнка очень вкусным, и этот вкус я помню.

В Мурафском гетто открылись небольшие кустарные мастерские: одни вязали, другие варили мыло, некоторые выпекали хлеб на продажу. Дедушка Ноах и брат Михаил кололи дрова тем, у кого они были. С первых дней женщины занялись вязанием, всё шло на продажу. В 7-8 лет я тоже умела хорошо вязать. Помню, что папа, его брат дядя **Петя** и другие открыли ларёк по продаже мяса с разрешения старосты, бывшего папиного одноклассника. Мяса мы не видели, но кости нам иногда доставались. Однажды меня послали за ними во вторую половину Мурафы (была старая и новая части села, разделённые речкой Мурафой). На обратном пути на мосту ко мне подбежали собаки и стали рвать из рук торбу с костями. Подошли румынские солдаты, отобрали торбу и отогнали собак. Я стояла и дрожала. Проверили и отпустили.

Пребывание в гетто и отсутствие медицинской помощи в нём нанесли серьёзный вред здоровью членов нашей семьи. Мама все годы была ревматиком, у неё болели суставы. Врачи были, но без лекарств помочь не могли.

В один из летних дней оккупанты издали приказ: всем детям явиться в указанное место для получения прививки. Медпункт находился через дорогу, чуть выше нашего дома. Вспоминается здание со стеклянной верандой и длинная очередь детей. После этой процедуры я долго болела и получила осложнение на уши, испытывала сильные ушные боли. Мама повела меня к врачу, еврею из Бессарабии. На столе керосиновая лампа и какие-то инструменты. Врач посмотрел, что-то сказал маме, но мне от этого легче не стало. Шёл постоянный воспалительный процесс. «Подарок» от укола-эксперимента (как я сейчас это понимаю) остался на всю жизнь.

В гетто моя сестра Минночка однажды ослушалась, и ей сказали: «Если ты сейчас же не зайдёшь в дом, то придёт дед с мешком и тебя заберёт». На беду, прошёл старик с мешком, Минна от сильного испуга заболела. Врачей-специалистов не было, мы находились в заключении у фашистов. Слава богу, после войны она выздоровела.

В одну из ночей **лета 1942** года в Мурафском гетто румыны провели облаву. Увели и посадили в тюрьму всех наших мужчин: дедушку, отца и Михаила. Меня отправили в Мурафскую тюрьму передать для них сверток с едой. Всех, кто принёс передачи, впустили во двор, широко раскрыв ворота. И как только люди подошли к решёткам тюрьмы, румыны спустили на нас собак-овчарок. Я успела убежать. Через несколько дней отпустили дедушку, а спустя неделю по ходатайству друзей детства выпустили отца. Мишу отправили в лагерь, и примерно полгода мы о нём ничего не знали.

В один из зимних солнечных дней **1943** года я была во дворе. Вдруг чей-то голос позвал меня по имени. Обернувшись, я увидела страшную картину: брат **Михаил** еле держится на ногах в деревянных колодках; вместо одежды – одни полоски шириной не более 10 сантиметров, без шапки. Я помогла ему подняться по ступенькам и войти в дом. Появление Миши вызвало радость, плач и ужас от одного его вида. Тут же нагрели воду, «одежду» кинули в печку, хорошо его помыли, дали поесть и уложили в постель. Шесть месяцев он не поднимался с кровати. Руки и особенно ноги были обморожены, полное истощение организма. Михаил рассказал, что из Мурафской тюрьмы мужчин отправили в рабочие лагеря Ободовки, Варваровки, Ананьева, а затем в товарных вагонах повезли в Николаев, оттуда редко кто возвращался. В пути узники проломили пол в вагоне и через отверстие соскальзывали на шпалы под вагоны на полном ходу поезда. Кто смог, таким образом спасся, в том числе и Михаил. Много дней и ночей, разными дорогами Миша пробирался домой. Только крепкое здоровье и спортивная закалка помогли ему выжить.

Не помню, говорили ли в моей семье до войны о нашей принадлежности к еврейскому народу. Но уже в начале войны, когда начались скитания по дорогам, мы, дети, об этом узнали: кто мы и почему нас преследуют немцы. В войну мы научились говорить на идише. В гетто дедушка учил нас ивритскому алфавиту.

Перед освобождением.

Приближался фронт. С **зимы 1944** года румынские евреи каждый день сообщали новости одна хуже другой. Например, что немцы при отступлении заметают следы и планируют полное уничтожение оставшихся евреев. Было чего бояться. Мы уже знали, что нацисты способны на всё.

Под домом покойного дедушки Хаима имелся огромнейший погреб наподобие тоннеля, о котором знали только самые близкие люди. Главный вход – со стороны фасада. Инженер-строитель из румынских евреев, живших в гостиной, предложил папе и осуществил идею: огромный погреб был разделён стеной надвое так, что, если войти со стороны фасада, он казался обыкновенным подвальчиком. В конце огромного сарая, стоявшего в продолжение дома, взрослые выкопали колодец, поставили сверху имитацию туалета. Вход и выход по деревянной лесенке был через туалет. Это стало нашим «секретом». Когда немцы появлялись в местечке, мы через дверь в кухне попадали в сарай и прятались в подземелье. Наверху в доме всегда оставался только дедушка **Ноах**, знавший немецкий язык. Случалось, немецкие солдаты отступающих частей ночевали в доме, дед прислуживал, готовил им еду из их концентратов. Объедки дедушка спускал нам на верёвке в погреб. В подземном «секрете» под туалетом мы находились последние три недели до освобождения.

Однажды ночью в доме появился разведчик-красноармеец. Дедушка позвал из «секрета» отца, я поднялась следом. В центре гостиной сидел красноармеец, в каске, в плащ-палатке, с автоматом. Мне казалось, что он был богатырского телосложения. Увидев меня, подозвал, взял за руку, погладил по голове, спросил имя. Вспомнил, наверное, своих детей. **16 марта 1944** года Мурафа была освобождена частями Красной армии.

После освобождения.

Отец и дедушка сразу собрались в дорогу. Через непродолжительное время наша семья уже была в **Черневцах**, тётя Шифра – в **Моевке**, дедушка с бабушкой – в **Боровке**. В колхозе был назначен новый председатель, и дедушка Ноах работал бригадиром, помогал организовать весеннюю посевную кампанию.

Мы были освобождены, но война продолжалась. По вечерам слышали разрывы бомб на железнодорожной станции Вапнярка. Ночью в **Черневцах** мы видели зарево пожарищ.

1 **апреля 1944** года я пошла сразу во второй класс Черневецкой средней школы. Это было здание с вырванными окнами и дверями. К зиме заделали дверные и оконные проёмы, но помещение школы не отапливалось, согревались школьными горячими «обедами». Мы учились без книг, тетрадей, ручек, писали на старых газетах, на обрывках бумаги.

Всё осталось по-прежнему: голод, холод, отсутствие жилья. Мы проживали впятером в маленькой комнатушке у Молки Рахлин, брат которой активно участвовал в партизанском движении, а затем нас приняли к себе друзья отца Бабчинецкие, они выделили нам комнату. Лишь через несколько лет отец смог купить дом в Черневцах.

С приближением **весны 1945** года стали приходить хорошие и одновременно плохие новости. Немцы терпели поражение на всех фронтах. Плохие – похоронки на ушедших на войну мужей, сыновей. Местечко маленькое, плохие вести распространялись очень быстро. Муж папиной сестры Эстер **Абрам** (Анчел) **Ойфман** (1919-1941), лейтенант, командир взвода, погиб в бою и похоронен в с. **Пироговка** Сумской области Украины. Эстер осталась вдовой, выжив с двумя детьми-погодками в Мурафском гетто.

Встреча с моей подругой детства из Боровки Ханой Скапинкер была и радостной, и горестной. Она рассказала со слезами, что в начале **августа 1941** г. в **Боровке** были расстреляны немецким карательным отрядом её отец **Хаим-Меер Скапинкер**, сын Ицхака (1893), брат **Давид** (1930) и сестра **Рива** (1926). Они вместе с другими лежат в кагате (яме для хранения свёклы) – братской могиле на окраине села возле больницы. Чудом избежала смерти сама **Хана** (1935) с сестрой **Молей** (1938) и мамой **Тубой**. Во время акции мать с дочками пряталась несколько суток в кукурузном поле под проливным дождём. Их нашли местные жители и указали дорогу в **Джурин**, а оттуда Туба и дочки перебрались в **Черневцы** и находились там до освобождения. Туба была сестрой учителя **Групина Иосифа Хуновича** (прим. 1912-14), пропавшего в конце **лета 1941** г. в оккупированной немцами Кировоградской области с женой **Леей** (Лизой) **Исааковной** (девичья фамилия Ядершлив) (1916) и сыновьями. С дядей и тётей вместе шли и пропали родные братья Ханы **Муня** (1920) и **Абрам** (1924). Их судьба по сей день мне неизвестна.

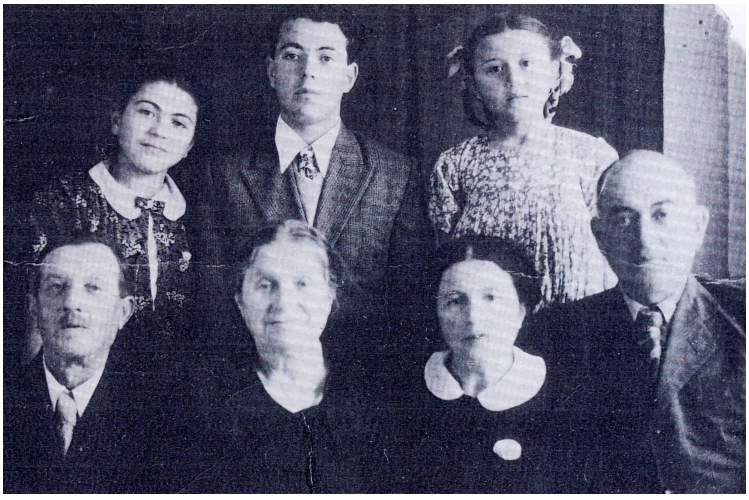
Послевоенная жизнь.

Утром **9 мая 1945** года я проснулась, услышав крики, шум, плач, возгласы с улицы, и выскочила из дома. Чувства жителей местечка **Черневцы** выплеснулись из глубины души, из сердец народа. Ликование, радость, счастье, поцелуи, по-

здравления… и одновременно слёзы, плач по сыновьям, мужьям, отцам, погибшим на войне и во время бомбардировок после освобождения местечка. Постепенно возвращались с фронта солдаты, но из призыва 1944 года – никто. Черневецкая молодежь, гордость местечка, погибла на полях сражений.

Из наших родных по материнской линии воевал против фашистов сапёром-минёром муж племянницы Сони **Борис Гершман**. Он вернулся после войны в родную **Моевку** и узнал об ужасной участи, постигшей его отца **Гершмана Мотла** (1873) и мать **Сару** (1879). Пожилые родители отказались ехать со старшим сыном Петром. Его, главного механика сахарного завода, вместе с заводским оборудованием отправляли на Восток с правом вывезти родных. «Кто нас тронет?», – говорили они Петру. В начале оккупации Моевки местные полицаи выломали дверь в их квартиру, подняли с постели старых людей, отвели в заводской парк и там убили их топорами. Борис Гершман нашёл их могилу. То же зверство было совершено с беспомощным тяжелобольным мужем тёти Шифры **Шмульзоном** (имя не помню). Удалось отыскать их убийц, они были осуждены, но детям и внукам от этого не легче.

Жизнь продолжалась: холод, болезни, нет никакой одежды, нечем отапливать жильё – но уже без страха и с надеждой на будущее. Наша семья считалась одной из благополучных в местечке. Отец предвидел послевоенный голод и продал нашу квартиру в Боровке сахарному заводу, а на вырученные деньги купил пшеницу. Хлебом семья была обеспечена. Кто бы ни открыл дверь, даже незнакомые люди, мама, помня время, когда мы голодали, всегда кормила их и давала еду с собой. Друзья моего брата любили собираться у нас дома, и мама под разными предлогами старалась их накормить.

Семья Лизы Красноштейн. Сидят (слева направо): дедушка Ноах, бабушка Ита, мама Броня и папа Исаак; стоят (слева направо): сестра Лиза, брат Ефим, сестра Минна. 1946 г.

Папа вернулся к работе в конторе «Заготскот». От переживаний и травм, полученных в годы оккупации, отец **Исаак** рано ушёл из жизни в возрасте 58 лет. Дедушка **Ноах** умер в 1962 году, а через три месяца после него – бабушка **Ита**.

Учёба в школе давалась мне нелегко: из-за большого роста сидела на последней парте и оттуда почти не слышала учителя. Пришлось учиться по заочной системе: сама разбиралась не только с домашним заданием, но и с темой на следующий урок. Врачи выдали плохие прогнозы относительно моего здоровья. Это было

последствием моих скитаний в детском возрасте по лесам, ночлегов в холодных местах и повлияло на слух. Но я занималась спортом, училась, помогала в качестве пионервожатой ученикам младших классов, никогда не ныла и не думала о мрачном предупреждении врачей. Почти все летние каникулы проводила в Киеве. Сестра **Соня** работала в поликлинике по моему профилю, где меня очень долго лечили.

После окончания школы в **1953** году поступила в учительский институт г. **Черновцы**. Училась заочно и одновременно в **Боровской** школе преподавала географию в 5-7 классах. Затем работала инспектором по патронату в райотделе народного образования в **Черневцах**. Вышла замуж за земляка **Анатолия Кесельбренера**, находившегося в годы Шоа в Черневецком гетто. Сын **Наум** родился в 1956 году, дочь **Римма** – в 1961-м.

Лиза Кесельбренер. 16 июля 1955 г. Г. Черновцы.

Мы переехали в **Молдавию**, где я работала в редакции местной газеты более 13 лет и в объединении полиграфии почти столько же. Во время работы в объединении полиграфии обучалась в Львовском полиграфическом техникуме, в 1980 г. получила квалификацию техника-технолога высокой печати.

Брат **Ефим** Красноштейн окончил пединститут, работал в редакции газеты гор. Могилёва-Подольского, в последние годы перед отъездом в Канаду был работником местного музея. С 1992 года живёт в Канаде с женой, дочерью и её семьей. Занимается писательским трудом, сейчас работает над девятой книгой. Её темы: «Вторая мировая война и Катастрофа», «Евреи – видные деятели науки и культуры». Сестра **Минна** (в замужестве Чудновская) окончила школу с золотой медалью и университет с отличием, много лет работала в Виннице на военном заводе начальником планового отдела. Живёт с мужем и семьёй дочери в Австралии.

Мама **Броня** жила все годы у Минны в Виннице и умерла в **1983** году. Много слов благодарности я услышала в адрес покойных родителей, уже будучи в Израиле. Люди их помнили и говорили: «Если бы не они, мы бы не выжили». Нас учили родители, и мы на своём горьком опыте научили наших детей, что человек должен творить добро для своей семьи и для окружающих. От его жизни должна быть отдача, польза для всех.

Брат **Михаил** Шмульзон после войны отслужил в Советской армии 7 лет на Дальнем Востоке. В Киеве жил вместе с семьёй сестры Сони и матерью **Шифрой**, прожившей 92 года. Работал на заводе, окончил институт, стал начальником планового отдела. В Израиль приехал с сыном, так как жена ушла из жизни. Последствия нацистских гетто и лагерей, служба на Дальнем Востоке подкосили его здоровье. Не выдержало сердце.

<u>В Израиле.</u>

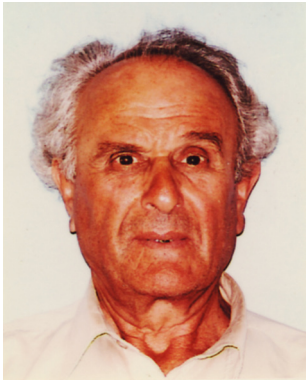
С детьми и внуками мы с мужем репатриировались в Израиль в мае **1990** года. Несмотря на возраст, мы оба сразу же начали работать – не только получать, но и

отдавать своей стране. В Израиле трудилась в общественном питании. С **2004** года работаю председателем Реховотского объединения бывших узников нацистских концлагерей и гетто. Наша организация все годы является в городе Реховоте коллективным хранителем Памяти жертв Катастрофы, на это направлена её работа по неустанному сбору свидетельств и документов о Катастрофе, пока живы её последние свидетели. Не менее важной частью работы стала практическая забота о членах организации – пожилых, больных людях. Спасибо израильскому народу, принявшему нас на земле, которую мы чувствуем нашей.

*

Мы с мужем прожили нелёгкую жизнь: наше детство пришлось на самое трагическое время в истории еврейского народа, и это оставило след на всех последующих годах. Мы оказались в океане человеческого зла, исходившего от фашистов всех стран. Они хотели только нашей смерти. Поэтому более всего я ценю мирную жизнь без фашизма и терроризма. Я всегда ставлю себя на место тех родителей, которые потеряли детей, на место тех детей, которые остались без родных, голодают. Близко к сердцу принимаю их боль. Всегда в своей жизни я старалась помогать людям.

60.

Ших Лейб

*(с. **Мурафа** Шаргородск. р-на)*

МОИ РОДНЫЕ УМЕРЛИ В ГЕТТО ОТ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ

Довоенная жизнь.

До начала войны мой отец **Иосиф Гершкович Ших** (1905) работал на заводе в местечке **Мурафа** Шаргородского р-на Винницкой области. Мать **Этя Абрамовна** (девичья фамилия Мур) (1911) вышла замуж за папу в 1938 году. Я, единственный сын **Лейб**, родился **27 июля 1939** года в Мурафе, где жила вся мамина и папина родня. Помню смутно папиных родителей: дедушку **Гершко** и бабушку **Перл**.

Начало войны, оккупация и гетто.

В **июне 1941** года отец **Иосиф** был мобилизован на фронт, и мама осталась со мной, ребёнком двух лет, на руках. На войну ушёл и **Берл**, муж маминой сестры Нехомы, оставшейся с тремя детьми.

Во время немецкой бомбёжки Мурафы в наш дом попала и взорвалась бомба, всё имущество сгорело, и мы с мамой остались голыми и босыми, в чём успели выбежать из дома.

В **июле 1941** года в с. **Мурафу** вошли немцы и румыны, и затем село перешло под румынский оккупационный режим. Мы с мамой оказались в Мурафском гетто и прошли все ужасы фашизма. Приютила нас мамина сестра **Нехома**. Она жила в своём домике с сыном **Ефимом** и дочерьми **Соней** и **Геней**.

Каждый день немцы и румыны проверяли, все ли носят жёлтые звёзды, ежедневно взрослых и подростков выгоняли на работу и вечером проверяли, все ли вернулись. Помню, что во время одной из проверок не оказалось соседской девочки. Её нашли и вместе с матерью избили до полусмерти. Они потом долго на ногах стоять не могли. В гетто был объявлен комендантский час, по улицам ходили патрули и проверяли, кто вышел на улицу после шести часов вечера. За нарушение полагался расстрел.

Жили мы в большом страхе перед смертью. Немцы постоянно грозили уничтожить всех евреев, мысль об этом преследовала людей, особенно детей, ежедневно и годами. Однажды немцы, румыны и полицаи согнали всех жителей гетто: стариков, женщин, детей – на стадион и заставили старых людей танцевать до изнеможения. Тех, кто падал без сил, немцы тыкали штыками, заставляя продолжать. Это привело через некоторое время к смерти дедушки **Гершко Шиха** и бабушки **Перл**. Их сердца не выдержали такого издевательства. Мама вынуждена была явиться на стадион, но меня с собой не взяла, спрятала. Каждое объявление о таком сборе ужасало, наводило на мысль, что людей соберут, выведут и расстреляют.

Особенно мне запомнилось, что украинская женщина на улице в гетто протянула мне кусочек хлеба. Это увидел полицай и начал избивать её. Избивая, он орал по-украински: «Если ты ещё раз здесь появишься, распрощаешься с жизнью! Жидов нечего кормить, их надо убивать!» Мне было очень жаль эту неизвестную женщину.

Помню, как немец вошёл к нам в дом и стал спрашивать, есть ли среди нас коммунисты. Все сказали: «Нет», – и тогда он схватил одного из стариков и страшно избил его, после чего старый человек скончался.

В один из дней был строгий приказ немцев: всем евреям собраться на стадионе. Узников поставили строем и объявили, что каждый из нас при появлении партизан должен немедленно сообщить об этом власти. Если партизаны придут и не будет сообщения от евреев, то все евреи будут убиты, а местечко сожгут. Оккупанты опасались партизан, которые действовали в соседних лесах.

Мы жили впроголодь, поэтому мама решилась выйти из гетто, чтобы в селе попросить у крестьян еду, несмотря на запрет и проверки. Она подумала, что ночью это будет незаметно, взяла меня на руки и пошла. Нас увидели проходившие полицаи, остановили маму и спросили, куда она идёт. Мама сказала, что заблудилась. Полицаи её избили, отвели в гетто и предупредили: «Ещё раз увидим – убьём». Это была не простая угроза, и больше мама не выходила из гетто со мной.

Всех трудоспособных заставляли работать в колхозе: собирать урожай, выкапывать картофель. Все женщины брали с собой в поле детей, и дети собирали выкопанный картофель. Надзиратели стояли и покрикивали: «Быстрее работать!» Один маленький ребёнок отошёл далеко от всех, немцы его поймали и избили. Мать хотела вступиться за сына, и её тоже избили до полусмерти. Мальчик от побоев умер.

Перед самым освобождением немцы как будто озверели. Они говорили: «Если ты еврей, ты не должен жить». Они боялись переодетых партизан и обещали сжечь местечко, если в гетто появятся посторонние люди. Они, конечно, считали, что в их поражениях виноваты евреи.

Освобождение и послевоенная жизнь.

Наконец наступил **1944** год и мартовский день нашего освобождения. Было радостно, и не верилось до конца, что навсегда изгнали фашистских извергов из **Мурафы**. Мы с мамой остались жить у тёти Нехомы. Когда её муж **Берл** вернулся с войны летом **1945** года, мама не хотела мешать им и снимала для нас комнату. Она зарабатывала небольшие деньги, умея шить и ремонтировать одежду.

Этя Ших – мать Лейба Шиха.

После окончания войны мы получили извещение, что отец «рядовой **Ших Иосиф Гершкович** пропал на фронте без вести в 1944 году». В 33 года мама стала вдовой погибшего на войне солдата. Это было огромное горе для нас.

В **1946** году я начал учиться в школе и по окончании пошёл работать на завод: сначала учеником токаря, потом 40 лет токарем 5-го разряда на плодоконсервном заводе в Мурафе и на механическом заводе в Джурине.

Женился в **1960** году на девушке **Полине** (1939), бывшей узнице Джуринского гетто, медсестре. Жили мы в **Джурине**. У нас родились два хороших сына. В 1986 году моя семья и мама переехали в **Винницу**. Мама **Этя** умерла в **1986** году в Виннице. Мы похоронили её в Мурафе, рядом с могилами родных, как она и просила.

В Израиле.

В **1995** году репатриировался в Израиль. Сначала жили в гор. Ришон ле-Ционе, а затем в гор. **Явне**. В Израиле проработал 12 лет рабочим на заводе. Радуюсь своим детям и внукам.

С большим прискорбием мы узнали, что наш товарищ, член Реховотского объединения бывших узников нацистских концлагерей и гетто Лейб Ших умер 12 февраля 2013 года. Да будет благословенна его память!

61.

Юрковецкий Лев
*(с. **Мурафа** Шаргородск. р-на)*

НАС СПАСЛА УКРАИНСКАЯ СЕМЬЯ МЕЛЬНИК

Довоенная жизнь.

Наша семья: отец **Гедаль Лейзерович Юрковецкий** (1908), мать **Лея Шлёмовна** (1906), сестра **Клара** (1927) и я, **Лев** (5 января 1935), – хорошо жила до войны в селе **Мурафа** Шаргородского р-на Винницкой области в своём кирпичном доме из трёх комнат с подвалом. Отец работал парикмахером, в его семье эта профессия передавалась по наследству, мать была домохозяйкой. Кроме домашних дел, мама на дому шила хорошие войлочные валенки на продажу. Мои родители соблюдали еврейские традиции, мы разговаривали дома на идише.

Лев Юрковецкий с сестрой Кларой. 1939-40 гг. С. Мурафа.

В Мурафе жили наши родственники, мы часто ходили друг к другу в гости. У меня было много друзей-евреев, мы играли в футбол, другие игры, веселились.

Начало войны и оккупация.

После начала войны в **1941** году наша семья осталась в селе. У отца была больная нога, и его не призвали в армию. Никаких указаний об эвакуации не поступало, нам некуда было бежать, негде спрятаться от врага. Родители очень волновались за нашу судьбу, но, видимо, ничего не могли предпринять.

Уже через месяц в **Мурафу** вошли румынские войска, но они занимались в основном грабежом: отбирали скот, птицу, продукты. Однажды пьяный румынский жандарм на коне загнал в речку Мурафу еврейского парня и там зарубил саблей. Его все боялись как огня. И именно этот жандарм, уже подвыпивший, пришёл к папе и сказал: «Побрей меня. Если мне понравится, получишь в подарок это». Он положил слева от зеркала хорошую бритву. «А если порежешь, то получишь другое», – и положил справа пистолет. Папа был опытным профессионалом. Он удобно усадил клиента и стал намыливать его щёки. Он специально долго работал кисточкой, пока жандарм не задремал, а затем побрил его. Папа подождал, когда жандарм проснётся, и обдал его одеколоном. Опасный клиент посмотрел на

себя в зеркало, сказал: «Хорошо. Хорошо! На тебе подарок», – и вышел. Румынские войска схлынули, осталась их администрация, и в Мурафу вошли немцы. Я запомнил, что один из румын заранее предупредил нас: «Прячьтесь, где хотите, через несколько дней придут немцы».

Немцы расквартировались в центре села, в еврейских домах. Наш дом им не понравился. Помню, на террасах домов они установили пушки. Немцы патрулировали по селу днём и ночью. Мне запомнился страшный момент в моей детской жизни. В доме моего товарища Наума Швеца квартировали немецкие офицеры, и всё-таки я попытался зайти к нему в гости. В комнате я увидел, что немцы были пьяны. Один из офицеров что-то бормотал, а затем вытащил пистолет, направил его на меня и произнёс: «Пух-пух!» Я заплакал от испуга. Хозяйка дома схватила меня и выгнала через чёрный ход.

В Мурафском гетто.

Всех евреев нацисты согнали в гетто. Помню, они собрали нас и сказали, что евреи должны работать на них, если хотят кушать. Приказали на короткое время вернуться в дома, чтобы взять разрешённые вещи, и явиться обратно. Работоспособных евреев с их детьми поместили в огромном проходном сарае длиной 60 метров и шириной 8 метров. Он когда-то являлся постоялым двором для торговцев, приехавших с товаром: они могли тут переночевать и хранить товар. У двух входов по центру длинных сторон сарая стояла охрана. Над передним входом висел немецкий флаг, позади барака был установлен охраняемый шлагбаум с надписью «Запретная зона. Вход запрещён. За нарушение – расстрел». Этот сарай и был гетто, а мы с папой, мамой и сестрой превратились в узников. Внутри него кое-где имелись комнатушки, чуланы, валялись старые соломенные матрасы, просто солома.

Каждый день сотни людей, в том числе и нас, выводили из сарая под конвоем на тяжёлую работу: ремонт мостов и железной дороги, рытьё траншей, уборку картофеля и другие. Работали семь дней в неделю. Папу забирали на восстановление путей на станции Ярошенка. Однажды в барак пришли двое немцев и спросили, есть ли здесь парикмахер. Когда папа сказал, что он парикмахер, его тут же забрали. Мама рыдала, решила, что его убьют. Но папа вернулся домой под хмельком и рассказал, что он брил, стриг высших офицеров немецкого штаба, который расположился в немецком госпитале в Мурафе. В благодарность ему, непьющему, дали выпить шнапса и поесть. Мама и сестра работали в поле. Иногда их куда-то увозили. Я убирал мусор, чистил уборные. За работу узники получали раз в день похлёбку и кусок хлеба. Воду, чтобы немного помыться, носили с реки Мурафы в сопровождении полицаев. Очень тяжело приходилось зимой: в зимние холода мы ходили в лёгкой одежде. Очень многие болели, особенно старые люди и дети. Я болел бронхитом. Внутри зимой на всё помещение топились две круглые железные печки, сделанные из бочек. Евреев водили собирать дрова для топки в ближний лес. Но всем согреться не удавалось, было очень много народу. Чтобы было теплее, мы спали, прижавшись друг к другу. Мама и папа, как могли, всячески меня оберегали, отдавая мне кусочек своего хлеба.

В результате установленного нацистами режима, издевательств, подневольного труда в январе-феврале **1942** года в Мурафском гетто умерла в 15 лет моя сестра **Клара** Юрковецкая. Во время работы на морозе она сильно простудилась и заболела воспалением мозга. Мама попросила помощи, пришёл врач-еврей и сказал, что Клару надо забрать. Видно, мама не согласилась отдать её, потому что сестра оставалась с нами до последнего дня. Клара скончалась на маминых руках в этой тюрьме для евреев и была похоронена на Мурафском кладбище.

В гетто люди не понимали, почему такая страшная доля выпала евреям. Узники испытывали страх перед немцами и ненависть к ним. Пожилые каждый вечер молились, чтобы война быстрее закончилась, чтобы евреи остались живы.

В начале **1944** года мы договорились бежать. Меня с папой отправили из барака на работу, и мы условились с мамой, что будем ждать её за пределами гетто. Моя мать переоделась в украинку и вышла из гетто. Немцы её не распознали, и она благополучно добралась до дома, где находилась почта. Мы улизнули с работы и пошли по известному папе адресу. Недалеко от почты, метрах в семидесяти, жила украинская семья – муж и жена **Мельник** – хорошие знакомые родителей. Они очень уважали маму и папу как прекрасных специалистов и постоянно пользовались их услугами. Эти люди, хоть и опасались за свою жизнь, приняли нас, беглых евреев, и спрятали у себя в глубоком погребе, где мы находились несколько месяцев до освобождения Мурафы. От холода нас спасали валенки, когда-то сделанные мамой. Мы прятались в доме, мимо которого постоянно на почту и с почты ходили оккупанты. В погребе мы слышали их немецкую речь. Хозяйка лет тридцати восьми, её звали Мария или Анастасия, в сумерках сбрасывала нам еду: в основном варёную картошку в мундире и иногда хлеб. Спуститься к нам можно было только по лестнице, которую хозяева убрали подальше. Конечно, долгое пребывание в темноте и холоде отразилось на нашем здоровье. Но главное, благодаря помощи этих замечательных людей нам троим удалось выжить.

Освобождение.

В середине марта **1944** года началось быстрое продвижение Красной армии в направлении Мурафы. Помню, была сильная перестрелка, рвались снаряды. Советские войска заставили немцев бежать в сторону Шаргорода, и **19 марта** нас освободили. Советского солдата, погибшего при взятии Мурафы, похоронили в центре села. Я и сегодня с благодарностью помню его имя, написанное на обелиске с красной звездой – **Бондаренко Иван Васильевич**.

Отец, несмотря на его болезнь, был призван в действующую армию в **1944** году, служил в санитарных частях, был ранен, награждён боевыми медалями, домой возвратился в 1946 году.

Наш дом был разрушен: пробита крыша, завален погреб, упала стена. Постепенно мы стали приводить в порядок своё жильё. Мама неустанно занималась шитьём войлочной обуви, растила и продавала поросят, что нас кормило и позволило отремонтировать дом.

В сентябре **1944** года я пошёл в первый класс Мурафской школы. Учиться было нелегко, потому что последствиями пребывания в гетто стали мои болезни: брон-

хит и плеврит лёгких. Я стал активно заниматься спортом: футболом, волейболом, лёгкой атлетикой, и это помогло преодолеть недуги, окрепнуть.

Послевоенная жизнь.

Окончив школу в **1954** году, я был призван в ряды Советской армии, служил три года в Архангельске в звании сержанта техником в истребительной авиации ПВО страны по окончании специальной школы младших авиаспециалистов. После армии вернулся к родителям в Мурафу, через год поступил в Одесский техникум пищевой промышленности и окончил два факультета: технологический и механический. Работал на Одесском мельзаводе, на сахарном заводе наладчиком автоматического оборудования 5 разряда. В **1967** году вернулся в Мурафу. Женился на хорошей девушке **Фире** Мандельман, окончившей Киевский институт лёгкой промышленности. Мы с женой и мои родители переехали в гор. **Винницу**. Фира работала начальником закройного цеха швейной фабрики в гор. Виннице, я – старшим инженером строительной организации, главным технологом производственного отдела Управления хлебопродуктов области. Наш сын **Михаил** (1968) окончил педучилище и работал учителем начальной школы.

Мама Лея Юрковецкая. 70-х гг. Жданово (бывший пос. Мурафа).

Отец Гедаль Юрковецкий. 70-х гг. Жданово (бывший пос. Мурафа).

Я бесконечно благодарен своим родителям, которые в послевоенное время постоянно работали, чтобы помочь мне учиться, стать человеком. Отец умер в **1977** году, мама умерла в **1987** году в Виннице.

В Израиле.

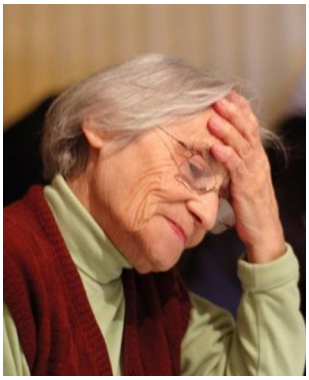
Весной 1991 года сын с семьёй репатриировался в Израиль. В **ноябре 1991** года приехали в Израиль мы с женой. Семья сына жила на юге Израиля в кибуце **Ревадим**, мы прожили у него полгода гостями, затем переехали в гор. **Реховот** на платную квартиру. Настало очень трудное время: не было работы, не было денег. Я и жена трудились на разных работах за гроши: я убирал дороги, носил мусор, подметал улицы, по ночам мыл автобусы за 6 шекелей в час. Сегодня у нас своя квартира. **Михаил**, прожив 10 лет в *киббуце*, окончил курсы программирования и работал в фирме высоких технологий, а теперь – много лет на

Лев Юрковецкий с женой Фирой. Сидят: невестка Лариса, внучки Шарон и Рита. Февраль 2005 г.

ювелирной фабрике бригадиром. **Лариса** работала в детском саду, окончила бухгалтерские курсы и сегодня трудится по специальности в крупной фирме. Семья сына тоже живёт в **Реховоте**. У нас две любимые внучки: **Рита** и **Шарон**. Рита прошла службу в Армии обороны Израиля, родила нам правнучку. Шарон в настоящее время служит в израильской армии.

62.

Гройсман Рива
*(с. **Носиковка** Шаргородск. р-на)*

Майя Гройсман
МОИ РОДНЫЕ В ГОДЫ ШОА

Довоенная жизнь.

Мои родители **Гройсман Иосиф** (15.03.1923) и **Рива** (30.06.1924) – родом из бессарабского местечка **Единцы**, находившегося до июня 1940 года на территории Румынии.

Дедушка со стороны мамы, **Исроэл Безнивер,** до войны служил в торговой компании по сбыту нефтепродуктов. Бабушка **Хая** была домохозяйкой. Собственного дома у них не было. Жили они небогато, но, так как моя мама была единственным ребёнком, денег хватало на всё необходимое. Соблюдались традиции: *кашрут*, особая посуда на *Песах*, не зажигали огня в субботу и другие. Но, по маминым воспоминаниям, не было запрета на танцы мужчин с женщинами. Более того, в юности бабушка Хая брала уроки танцев.

Дедушка со стороны папы, **Хаим Гройсман**, был портным. Бабушка **Мирьям**, как и бабушка Хая, занималась домашним хозяйством и четырьмя детьми. Жили они бедно, пока не подросли старшие из детей: **Хона** и **Иосиф**, так как дедушка Хаим был единственным кормильцем, при этом страдал от жесточайшего полиартрита и порой неделями не мог работать. Мой отец рассказывал, что не раз, бывало, приходилось брать в долг хлеб. Перед самой войной материальное положение семьи настолько улучшилось, что семья Гройсманов смогла построить трёхкомнатный дом. Еврейские традиции в семье папы чтились и соблюдались.

Начало войны, оккупация и лагерь.

Всего год прошел после того, как Молдавия стала советской, и румыны вернулись летом **1941** года, на этот раз как убийцы, полные желания отомстить тем, кто радовался приходу Советов. В начале **июля 1941** г. на городской площади в **Един-**

цах румыны собрали и расстреляли 600 молодых еврейских парней в возрасте от 16 до 20 лет. Среди них были папины братья **Гройсман Хона** (1921) и **Гройсман Ицик** (1925), мои дяди, которых мне не суждено было знать. Моего отца среди них не оказалось по чистой случайности. Уже в Израиле я узнала, что дедушка **Гройсман Хаим**, сын Иехиэля (1900), бабушка **Гройсман Мирьям**, дочь Моше (1900), и папин младший братишка, мой дядя **Гройсман Аврум** (1933), погибли в **июле-августе 1941** г. при попытке убежать из местечка от наступавших нацистов.

Убегала и семья моей мамы. Дедушка **Исроэл** ушел первым, чтобы пробиться к советским войскам, и о нём ничего не знали почти до самого его возвращения после окончания войны. На фронт он так и не попал, но был зачислен в трудовую армию и всю войну проработал в сталелитейном цеху в Новокузнецке. Бабушка **Хая** с моей мамой в числе многих жителей местечка бежали за отступающими войсками, но в конце концов отстали и были остановлены румынскими оккупантами. Так они попали в трудовой лагерь, а на самом деле гетто, находившееся на территории бывшего совхоза в деревне **Носиковка** Шаргородского р-на Винницкой области. В этом гетто не было расстрелов, но люди умирали от голода и болезней, живя по 30-40 человек в одной комнате и тяжко работая в поле. Кроме того, время от времени туда за живой данью приезжали немцы, чтобы пополнить бараки концлагеря в деревне **Варваровка**, что под Николаевом.

Одним из первых, с другими единецкими евреями, в **Варваровку** попал мой папа. Этих маленьких лагерей смерти на оккупированной территории было много. Там не было крематориев и почти не вёлся учёт заключённых по простой причине – никто не выживал в них больше недели. **Зимой 1942-43** гг. моему отцу удалось оттуда убежать, когда его, избитого до потери сознания, сочли мёртвым и бросили среди трупов. Полуголый, полуживой, он добрался до первого жилого дома, постучал и попал к людям из тех, которых теперь в Израиле мы называем праведниками народов мира. Переходя из деревни в деревню, он пробрался обратно в гетто. А куда же ещё? Там ведь была его любовь. Мои родители были знакомы с детства, но юношеская любовь успела только зародиться перед самой войной. Как рассказывала моя мама, за неделю до начала войны они успели покататься на лодочке по пруду в парке.

<u>После освобождения и войны.</u>

После освобождения в **1944** году папа был мобилизован на фронт, а мама с бабушкой Хаей вернулись в **Единцы**. Отец воевал на территории Германии и день Победы встретил в Мариенбаде, где прослужил до 1947 года.

В **1947** году папа и мама поженились. В **1949** году родился мой брат **Ефим** (Хаим), а в 1951 году мои родители и брат переехали из Единцев в **Вильнюс**, куда чуть раньше уехали от страшных воспоминаний некоторые родственники моей матери. В **1956** году родилась я, **Майя** (Мирьям). Мой отец работал портным, потом его избрали освобождённым председателем профсоюзного комитета фабрики индивидуального пошива. Умер папа Иосиф молодым, незадолго до своего 57-го дня рождения, 29 февраля **1980** года. У него была аневризма артерии, ведущей в головной мозг. Врачи сказали, что, если бы у него была спокойная жизнь, он мог

бы с этим прожить как минимум ещё лет двадцать. Нам сразу вспомнилось, через какой кошмар он прошёл во время войны.

Мама не смогла продолжить образование и работала вязальщицей на трикотажной фабрике до самого выхода на пенсию. О Катастрофе она нам рассказывала больше, чем папа, но тоже избегала говорить на эту тему. Воспоминания отца были настолько тяжелы, что он нам, детям, почти ничего не рассказывал. Мои родители следовали принципу «Живые должны жить».

Гройсман Рива с мужем Иосифом. 60-е гг. XX в. Евпатория.

В Израиль мама приехала с детьми, невесткой и двумя внучками в **1992** году. Умерла мама Рива 17 сентября **2008** года в гор. **Реховоте**. Здесь она была участницей городского объединения бывших узников гетто.

63.

Мейстер Ида
и Шварцман Ита
*(с. **Носиковка***
Шаргородск. р-на)

РОЖДЁННАЯ В НОСИКОВСКОМ ЛАГЕРЕ

Я, Ида Мейстер, – дочь Иты Шварцман. Мама живёт в моей семье, рядом со мной. В 2013 году ей исполнилось 94 года. Папа и мама вспоминали о годах еврейской Катастрофы: как было трудно, рассказывали о погибших и умерших во время войны. У нас в Единцах был специальный день поминовения погибших в Шоа. В этот день летом родители ходили на кладбище, зажигали поминальные свечи и читали молитву. К сожалению, мама сейчас не может рассказать, как раньше, о годах,

проведённых нашей семьёй в лагере во время Шоа, потому что не всё помнит. Поэтому я считаю своим долгом рассказать за нас обеих о том, что принесли простым людям фашизм и война, о невосполнимых потерях еврейских семей Гандельман, Магальник, Шварцман, Гриншпун в период нацистской оккупации и на фронте.

Довоенная жизнь.

Мамины родители – **Герш Магальник** и **Рися** – жили в Бессарабии, принадлежавшей тогда Румынии, в молдавском селе **Купчинь** Единецкого р-на. До начала войны молдаване и евреи считались добрыми соседями, помогали друг другу. Мои дедушка и бабушка, родом из этого села, владели домом, хозяйством, 10 гектарами земли. Они были сельскими тружениками, еврейскими крестьянами, обрабатывали свою землю, производили в основном овощи.

В их семье было 13 детей. Некоторые из них умерли по разным причинам, двое уехали в 30-е годы за границу: в Бразилию, в Аргентину. Моя мама **Ита** родилась **19 апреля 1919** года. Перед началом войны в семье остались три сестры: **Эня**, **Малка**, моя мама и три брата: **Аба**, **Дуд** (Давид) и **Лейб**. Мама и остальные братья и сёстры трудились в семейном поле, но общий достаток был средним. Бывали трудные времена, выпадали годы с плохими погодными условиями, случилось, что дом сгорел. В довершение летом **1940** года в селе установилась советская власть, которая была нетерпима к частной собственности.

Мой отец **Яков Шварцман** (1913), сельский парень из соседнего села Русяны, тоже занимался сельским хозяйством. Он был знаком с мамой давно, ходил к ней в Купчинь из своего села 17 километров, они вместе проводили время и поженились в **1939** году. Стали жить в Русянах у папиных родителей **Гершона** и **Брахи**. Мой папа был в своей семье младшим сыном из 9 детей (двое умерли до войны), из которых после войны живыми остались четверо: три сестры и папа.

Начало войны. Оккупация.

22 июня 1941 года началась война, и семья решила, что нельзя оставаться, надо бежать на Украину. Буквально в первый день войны все родные поднялись, у них были лошади, подводы, погрузили, что было возможно, и стали двигаться на восток. Отъехали ещё не очень далеко, и мамин брат **Давид**, молодой парень 19-ти лет, решил вернуться в Купчинь. Он сказал родителям, что если уж они идут в неизвестность, надо позаботиться о завтрашнем дне: «У нас дома есть мука, соль, продукты. Я молодой, сильный, захвачу, что смогу, и быстро догоню вас». Ему дали лошадь, и он помчался домой. Как только Давид появился в селе, сразу нашлись односельчане, которые его связали, выкололи глаза и убили. Через четыре года мы узнали от местных жителей о последнем часе Давида. Люди по именам назвали дедушке и бабушке его убийц – это оказались их ближайшие хорошие соседи и друзья, ровесники Давида. Давид был высоким, стройным, очень сильным, но на него навалилось много негодяев сразу. Так в селе ознаменовали первый день войны.

Останавливались по дороге на Украину у родственников в папином селе **Русяны**, ещё в одном селе, из них забрали часть родственников с собой. Приблизились

к Украине, переправились через Днестр в районе **Могилёва-Подольского**. Украина к тому времени была уже оккупирована немцами.

Лагерь-гетто в Носиковке.

Несколько дней мои родные провели на лужайке в **Шаргороде**. Здесь их поймали немцы и румынские жандармы и загнали в лагерь для бессарабских евреев в селе **Носиковка** (*укр.* Носиківка) Шаргородского р-на Винницкой области. В этом лагере мои родные, а после рождения и я, находились до освобождения советскими войсками в 1944 году.

В лагере оказались мои родители – **Яков** и **Ита**, папины родители – дедушка **Гершон** и бабушка **Браха**, три папины сестры: **Шейндл**, **Хая** и **Хона** с их мужьями и детьми. С маминой стороны – её родители дедушка **Герш** и бабушка **Рися**, старший брат **Аба**, брат **Лейбиш** с женой **Перл** и ребёнком, мамина сестра **Эня**, мамин дядя **Азриэл** (Изил) **Гандельман** лет сорока с семьёй, её родственница **Минге Штайф** – вдова с тремя детьми.

В Носиковке они жили в помещении сельского клуба. Этот большой сарай стал «жилой» комнатой, где поместили 40 человек. Люди жили семьями, родственными кланами. Они делали перегородки, чтобы как-то отделиться от остальной массы, мастерили постели, столики из досок, в холодное время делали печки. В этой комнате стирали, купались, варили, спали, делали всё. Приходили и оставались жить случайно попавшие сюда люди, такие же беженцы, как мы. Несмотря на скученность, тесноту, люди жили дружно, не ругались, помогали друг другу, старшие опекали младших, делились с ними всем. Однажды даже состоялась свадьба.

Поскольку румыны очень опасались болезней, то следили за соблюдением гигиены узниками лагеря. Люди грели воду, старались купаться раз в неделю, стирали, используя древесный уголь вместо мыла.

Узников лагеря румыны использовали на принудительных работах: зимой, например, перебирали свёклу. Гетто не было огорожено, хотя любой выход за его пределы был риском: боялись, но ходили за топливом для печки, работали у местных жителей, чтобы прокормиться.

По рассказу матери, в один из дней **1942** года пришли немцы и забрали группу молодых и здоровых мужчин на работу в Николаевскую область. Больше они в лагерь не вернулись. Части мужчин в тот день удалось спрятаться и избежать страшной участи. Среди увезённых немцами были муж папиной сестры Хоны **Мойше Гриншпун** (1894) и их сын **Аврум** (1922). Дочь Хоны узнала потом, что её брат был повешен немцами в Николаевском лагере, а отец умер от разрыва сердца, увидев сына повешенным.

Моего папу однажды тоже назначили в партию мужчин на работу, и, чтоб никто не сбежал, мужчин заперли. Но его сестра **Шейндл** оказалась очень храброй женщиной, взяла золотое кольцо и пошла, не считаясь ни с чем, к какому-то румынскому жандарму, дала это золото, и румын выпустил отца.

Я, Ида, родилась **26 декабря 1941** года в лагере **Носиковка**. Младенцем я всегда мешала окружающим своим плачем. Люди приходили после работы замучен-

ные, несчастные, а я постоянно кричала. Меня в плетёной корзине подвесили к потолку невысоко от пола, и все кому не лень толкали, качали мою корзину, когда я ревела. Но всё же ко мне хорошо относились, потому что бабушка сказала: «Если она выживет, то это для нас будет память о прошедшей войне». Все вокруг старались помочь маме: держали меня на руках, приносили какие-то тряпочки, заменявшие пелёнки.

В лагере незадолго до моего рождения от общих ненормальных условий умер мамин дедушка **Ицхак Гандельман** (мой прадедушка) в возрасте 72 лет. В память о нём меня назвали Ида. Мама рассказывала, что её дедушка Ицхак, дедушки Гершон и Герш носили бороды, и в лагере над ними издевались немцы, румыны, полицаи. Они дёргали этих пожилых людей за бороды и требовали их сбрить. Дедушка Ицхак сказал, что он скорее умрёт, чем сделает это. Никто из дедушек и бабушек за годы пребывания в лагере не прикасался к мясу, добытому случайно молодыми братьями, потому что оно не прошло через руки *шойхета*. Они ели только растительную пищу.

Лишь вначале у мамы было грудное молоко. Моя двоюродная сестра **Соня**, девочка 8 лет, ходила к украинцам пасти гусей. За работу хозяева давали ей стакан молока в бутылочке-сороковке. Сестру настрого предупреждали, чтобы она даже не пробовала это молоко, что его надо принести для Иды. Этим молоком меня и кормили. Ничего другого и не было.

Однажды в наше «общежитие» зашли два немецких солдата. Я, как всегда, висела в корзине и кричала. Возле меня были бабушка и сестричка Соня. Один из них подошёл к корзине, сказал: «Киндер! Киндер!» (*нем.* ребёнок) и вынул пистолет. Бабушка упала в обморок. Другой сказал: «Комм! Комм!» (*нем.* идём!) и нечто вроде «они все сами подохнут». Выходя, он бросил что-то в мою колыбельку. Когда они ушли, бабушка нашла в люльке две конфеты.

С местными жителями-украинцами были хорошие отношения. Папа познакомился с одним из крестьян и стал подрабатывать у него в хозяйстве возчиком: грузил, перевозил грузы. Когда однажды немцы зашли в Носиковку и расположились в ней на постой, этот украинец сказал папе: «Приведи ко мне твою жену с ребёнком, мы их спрячем, чтобы немцы не убили их». И мы действительно прятались в его доме 2-3 дня, пока немцы не ушли из села. К сожалению, уже не помню его имени. Но запомнилось, что он часто приносил мне яблочки, просто по доброте душевной. После освобождения из лагеря мы собрались вернуться домой, и этот человек предложил моим родителям: «Оставьте девочку у меня, мало ли что ещё там будет. Когда у вас наладится, приедете, заберете её. Если плохо будет, то она вырастет у нас». Но родители меня не оставили.

5 февраля 1943 года **Перл**, жена маминого брата Лейбиша, родила в Носиковке ребёнка. Родители сумели выходить его, спасти обоих и вышли из гетто с двумя детьми: **Яковом** и годовалым **Ицхаком**, названным, как и я, в честь прадедушки. Весной 1944 года их отец был мобилизован на фронт и погиб. После войны его

вдова и дети получили извещение, что **Лейб Магальник** во время боёв в Восточной Пруссии пропал без вести. Лишь в 1965 году в гор. Калининграде (бывш. Кёнигсберг) нашлась его могила.

После освобождения и окончания войны.

В апреле **1944** года наша семья вернулась обратно в Молдавию, в **Русяны**. Через месяц-полтора папу мобилизовали на фронт, и мама осталась с родителями отца и мной. Отец дошёл с боями до Будапешта и получил ранение в грудь. 9 мая 1945 года он встретил в госпитале. Когда окончилась война, папа возвратился. Из его четырёх боевых наград помню медаль «За отвагу». В **1945** году умер дедушка **Герш**, которого мы привезли домой совершенно больным и разбитым из нацистского гетто в Носиковке.

Мама Ита и папа Яков Шварцман. Начало 50-х гг. Единцы.

Радость победы у моей семьи перекрывали страшные новости о человеческих потерях наших семейных родов. Мы узнали о гибели ближайших родственников. Возвращались из разных мест евреи, кто чудом остался жив, и рассказывали о чудовищных преступлениях немцев, румын, их союзников и пособников против нашего народа.

Папиным пожилым родителям Гершону и Брахе суждено было выжить в гетто и пережить своих трёх сыновей, убитых немецкими оккупантами в **августе 1941** года. Во время депортации евреев из Русян в Транснистрию старший папин брат Шварцман **Шай** (1898) был убит в Косоуцком лесу, братья Шварцман **Мордехай** (1902) и Шварцман **Лейзер** (1905) были расстреляны в том же лесу. Жена Мордехая **Инда** с двумя детьми находилась с нами в гетто в с. Носиковке, и они втроём выжили в Катастрофе. Сын Лейзера **Барух** в возрасте четырёх лет умер на руках у матери осенью **1941** года на одной из дорог в Транснистрии, а сама жена Лейзера **Хайка** (1908) была убита в **1944** году в гетто с. **Устье** Бершадского р-на Винницкой области. Бабушка и дедушка очень горевали, бабушка постоянно плакала: «Вот я живу, а мои три сына в земле». Оба умерли в начале 50-х гг.

Семья Шварцман: отец Яков, мать Ита, дочь Ида. Конец 50-х гг. Единцы.

Мы переехали жить в **Единцы**, город с большой еврейской общиной. Купили домик. С нами жила бабушка **Рися** до её кончины в **1963** году. Я пошла в школу в **1947** году. Окончила десятилет-

ку, продолжила учиться в Сорокском медицинском техникуме. По специальности медицинская сестра работала в Единецкой городской поликлинике. В Единцах в 1961 году мы познакомились с **Яковом Мейстером**, моим будущим мужем, зоотехником колхоза, поженились в **1962**-м. Яков с семьёй в годы фашистской оккупации был депортирован в Транснистрию и находился в гетто в селе **Верховка** Винницкой области.

Мама и папа работали в торговле вплоть до отъезда в Израиль.

В Израиле.

В **1978** году мы репатриировались в Израиль: мама Ита, папа Яков, я с мужем и двумя детьми. Это были годы, когда мы предупреждали детей никому не говорить, что мы собираемся ехать. Мы уезжали с желанием жить в Израиле. В этом году вместе с нами репатриировались 52 тыс. евреев из СССР. Наши друзья, приехавшие в 90-е годы, однажды нам сказали: «Когда вы уезжали, мы думали, что вы дураки, но дураками оказались мы».

В первое время преодолевали трудности. Родители были в пенсионном возрасте. Мы начали жизнь в **Реховоте** и продолжаем уже 35 лет. В конце 70-х гг. XX века Реховот был маленьким городишком с большими апельсиновыми плантациями. Жили полтора года в центре для репатриантов (гостиничного типа) в **Кфар Гвироле**. Первые полгода мы учили иврит, а затем начали работать по своим специальностям: я – в больнице «Асаф ха-рофэ» в детском отделении в реанимации, муж – в научном институте. Потом приобрели свою квартиру. Дочь **Бэла** и сын **Роман** окончили израильскую школу и университеты, работают: дочь – учителем, сын – в компании мобильной связи, у них свои семьи и взрослые дети. У нас 6 внуков: от дочки – мальчики **Алон**, **Галь** и девочка **Яэль**, от сына – мальчики **Шахар**, **Ярден** и девочка **Инбаль**. Старшим внукам 27 лет, младшим – 13. Они довольны жизнью на родине, знают историю нашей семьи, пережившей Шоа, и о погибших родных. Все дети готовили и писали в школе годовую работу «Корни» о своих семьях, и мы с мужем рассказываем им о своих родовых корнях. Эти работы хранятся дома и в школах.

Моя мечта жить в Израиле полностью сбылась. Я проработала 25 лет и чувствовала себя на своём месте. У меня была интересная работа в хорошем коллективе.

Мамина сестра **Эня** уехала в Израиль в **1948** году, жила и работала в *киббуце*, умерла в **2003** году. Мамина сестра **Малка** в годы Катастрофы находилась со своей семьёй в другом гетто, выжила в Шоа и тоже приехала в Израиль. Мамин брат **Аба** репатриировался в Израиль и прожил 95 лет.

*

В годы Катастрофы я была младенцем и не испытала того, что выпало детям постарше и взрослым. Лишь спустя годы я понимаю, что мама Ита и папа Яков были героями, совершали тихий родительский подвиг, ежедневно, еженощно в течение четырёх лет войны и лагеря спасая мою жизнь. Им моя любовь и благодарность. Папа ушёл из жизни в **1986** году, 27 лет назад. Мама после его смерти

перешла жить к нам, помогала растить правнуков. Мы делаем всё, чтобы ей было комфортней, лучше, и рады, что она у нас дома, а не в учреждении.

64.

Бондарь Эстер
*(с. **Ободовка**)*

ЛЮДИ УМИРАЛИ ОТ ГОЛОДА И ТИФА

Довоенная жизнь.

Я, **Эстер Бондарь**, родилась **8 декабря 1926** года в маленьком селе **Мястковка** (ныне – Городковка) Крыжопольского р-на Винницкой области. Мои родители **Шай Шмеркович Гутман** (1896) и **Малка Абрамовна** были простыми рабочими-пекарями в государственной пекарне. Мама родилась в Бессарабии. Отец после 1917 года ездил по Молдавии и работал пекарем у частников. В бессарабском селе **Теленешты** встретил маму, влюбился, и они поженились. Отец являлся гражданином Советской Украины, и румыны, хозяева Бессарабии, попросили его покинуть их королевство. Отец привёз молодую жену в **Мястковку**. В 1924 году родился брат **Борис**, через два года – я, **Фира**, а в 1939 году – брат **Иосиф**. Папины родители умерли до войны.

Жили мы впятером в маленькой хатке из двух комнат с оконцами и глиняными полами. Так жили у нас в селе все советские люди. Мы с Борисом учились в школе. В семье разговаривали на идише, но все знали украинский язык и немного русский.

Начало войны и оккупация. В Ободовском гетто.

У нас радио не было, и мы узнали о начале войны по крикам людей на улице. В нашей глуши советская власть эвакуацию людей не проводила. Мы, как и другие евреи, пытались скрыться из села. Лошади и подводы у нас не было, и мы пошли пешком вглубь страны. По дорогам двигались толпы таких же беженцев, что и мы. Успели уйти не очень далеко, и нам навстречу хлынул поток людей, наткнувшихся впереди на немецкое наступление. Они сказали нам: «Возвращайтесь! Немцы близко уже». Мы вернулись в Мястковку.

В **Мястковке** с приходом фашистов установилась румынская оккупационная власть, которой очень помогала украинская полиция. Чтобы прожить, мы стали понемногу менять домашние вещи на продукты. Но вскоре румынские жандармы и местные полицаи выгнали из домов всех евреев Мястковки и отвели нас за

50 километров в с. **Ободовку**, где уже было создано гетто. Мне тогда было 14 с половиной лет.

В Ободовке тоже хозяйничали румыны. Нас разместили в гетто по несколько семей в доме. Папу и маму стали гонять на сельскохозяйственные работы. Мы, дети, помогали им в поле, и нам давали немножко супа каждый день. Работали мы и у селян на полях и огородах, здесь нас хозяева подкармливали.

Старший брат **Борис** очень тяжело заболел, его психика не справилась с происходящим вокруг насилием. Он всё время был с нами. Болел и младший брат **Иосиф**.

В Ободовке свирепствовал тиф. Румыны запретили евреям пользоваться колодцами, брать из них воду. Мы зачерпывали воду из грязной речки. Много людей умирало. Мёртвых хоронили в той же братской могиле, где лежали евреи, убитые петлюровцами в годы Гражданской войны.

Помню, что партизаны поймали и казнили самого главного полицая в Ободовке.

Освобождение и послевоенная жизнь.

Весной 1944 года нас освободила Красная армия, и мы вернулись в **Мястковку**. Дом был разрушен, жить было негде. Отправились в Молдавию, на родину мамы, и в гор. **Бельцы** я пошла учиться в 9 класс. Вся мамина большая родня погибла в **Молдавии** от рук немецких фашистов, остались в живых только две сестры: **Элька** и **Рухл** из Бельц. Наша семья жила у них.

Вся папина родня была убита в **Одессе** во время Катастрофы. С известия об этом горе началась наша мирная послевоенная жизнь.

В Бельцах я вышла замуж в **1946** году. Муж **Мирон Бондарь** (1925) с 18 лет и его отец **Эйбер** (1901) вместе воевали против немецких фашистов, освобождая Украину, Польшу, Германию. Муж награждён на фронте орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу» и другими наградами. Оба получили ранения. Отец Мирона после ранения был уволен из армии и умер от ран дома. Мирон в результате контузии стал плохо слышать.

В начале **1947** года мы переехали жить в Западную Украину, в город **Коломыя**. Муж работал в карамельном цехе пищекомбината. Я родила двух мальчиков, занималась домашним хозяйством и детьми.

В Израиле.

В Израиль мы с мужем и сыновьями репатриировались в **1982** году. Один из сыновей через 10 лет переехал с семьей в Канаду. Оба устроены хорошо.

Я хочу всем читателям пожелать, чтобы они были здоровыми, а главное – растили детей. Пусть их дети всегда живут в радости. Пусть не будет никакого горя в семье.

65.

Гандельман Роза
(с. Ободовка)

ЕСЛИ БЫ НЕ МОЯ МАМА…

Я пишу эти воспоминания, чтобы отдать должное моим самым близким и оставить в общей еврейской памяти жизнь моих родителей, благодаря которым я выжила в страшной Катастрофе. Светлая память им!

Довоенная жизнь.

Мама **Ленковская Густа Израилевна** (1921) происходила из богатой семьи. Её отец **Израиль Шпаер** уехал в 1935 году в Палестину (будущий Израиль) после безвременной кончины его жены **Хоны**. Мама выросла у бабушки с дедушкой (родителей отца) в **Единцах**.

Мой папа **Ленковский Мишулим Фавлевич** (1917) служил солдатом в румынской армии почти до прихода в Бессарабию советской власти. Когда он увидел маму, сразу влюбился в неё и это чувство пронёс до последнего дня. Мама была очень богатой невестой, поэтому её родственники поначалу не допускали мысли, что их красавица, аристократка Густа выйдет замуж за простого шофёра. Однако познакомившись с его благородной интеллигентной, но небогатой семьей, больше не возражали против их брака. Мама говорила, что не очень понимала тогда, любовь это или нет, но за папину верность, порядочность, доброту она любила его больше всех на свете.

Я родилась **23 мая 1941** года в гор. **Бельцы** в Молдавии. Жили мы в квартире, арендованной у хозяйки-молдаванки, одной большой семьёй: мама, папа, я, папина мама **Лея** Ленковская, тётя **Циля** Шорман (Ленковская) и её муж, дядя **Исаак**.

Начало войны и оккупация.

Сразу после начала войны бабушка Лея и тётя Циля с мужем эвакуировались. Мне исполнился один месяц, а моей дорогой маме было 20 лет, когда первые немецкие бомбы начали падать на наш город **Бельцы**.

Папа – молодой человек 24 лет – решил пойти добровольцем на фронт, и всеми правдами и неправдами его взяли в Красную армию. Он заявил в военкомате, что приехал из Одесской области, потому что уроженцев Бессарабии, присоединённой меньше года назад к Советскому Союзу, на войну не призывали – им ещё не доверяли.

Тогда все верили, что война продлится меньше месяца, и солдатам разрешили взять с собой семьи. Моя мама смело села в поезд с папой и со мной на руках. При

себе был узелок с пелёночками. Так они ехали на войну. На станции **Ободовка** Винницкой области Украины по вагонам раздался приказ – всем семьям срочно покинуть военный эшелон. Папа отдал маме две буханки хлеба и уехал на фронт.

В августе **1941** года в село **Ободовку** вошли румынские оккупационные войска. Нас с мамой некоторое время прятала украинская семья. Смертельно рискуя, эти люди укрывали нас в подвале, так как плач ребёнка мог привести их всех к расстрелу. Мама рассказывала, что совсем не было еды. Ночью она выходила из подвала, собирала картофельную кожуру. Иногда ей давали кукурузные отходы. Когда она кормила меня грудью, то теряла сознание – молока у неё не было. В первые послевоенные годы мама с папой съездили в Ободовку поблагодарить наших спасителей. К сожалению, не сохранились в памяти их имена.

<u>В гетто.</u>

В **Ободовке** румынские фашисты согнали евреев в гетто. Мама со мной прожила в нём более двух с половиной лет. Я постоянно болела. У меня был рахит, кровяной понос, всё тело покрылось ранами. Только мамино мужество, преданность, выносливость и Божья помощь спасли меня от смерти. Я знаю это из скупых рассказов мамы и выживших людей из Ободовского гетто. С мамой вместе в гетто в это страшное время находилась её сводная сестра, тётя **Молка**, которая помогала ей, чем могла. Сегодня Молке Гандельман 86 лет, она живёт в Нацрат-Илите.

Брат Фима, сёстры Фаня (справа) и Роза (ум. в 1939) Ленковские. 1938-39 гг. Бельцы.

Условия в гетто были очень тяжёлыми: голод, непосильный труд, рабское существование. Некоторые люди предпочитали сами уйти из жизни, чтобы не мучиться. Однажды мама узнала, что по соседству, в другом гетто, находятся папины сестра и брат: **Фаня** и **Хаим** (Фима) **Ленковские**. В Бельцах до войны тётя Фаня была лучшим стоматологом, а дядя Фима – известным адвокатом. Ранним утром мама сумела проникнуть в их гетто, но дядю и тётю не застала в живых. Тётя-врач на крайний случай хранила у себя яд. Эти сильные умные люди одновременно отравились. Думаю, то был их личный протест против нечеловеческой жизни в гетто.

Ещё об одной страшной смерти среди нашей родни в годы Шоа моя семья узнала значительно позже, вернувшись в Молдавию после освобождения. В молдавском городке **Единцы** жил мамин дедушка **Шмиль Шпаер** (прим. 1890). Бабушка умерла до войны. По рассказам родителей, он был религиозным праведным евреем и молился денно и нощно. Будучи состоятельным человеком, постоянно жертвовал деньги синагоге, а все бедные еврейские невесты города получали от него денежное приданое. Как только румынские фашисты в начале **июля 1941**

года вошли в Единцы, началось убийство еврейского населения. Кто-то сообщил оккупантам о дедушке. Румыны арестовали старого, уважаемого в городе человека, привязали к лошади и гнали её галопом, пока он не погиб. Об этом нам рассказали очевидцы-жители и спасшиеся евреи городка.

После освобождения.

В **марте 1944** года Красная армия освободила **Ободовку** и оставшихся в живых евреев. Из-за ужасных условий в гетто и болезней я начала ходить только в четыре года. И мама со мной на руках пустилась в длительный и мучительный обратный путь в наши родные Бельцы. По дороге мы обе заразились чесоткой, и мама думала, что это наш конец. Но добрые люди посоветовали, где и какое лекарство купить, и мы избавились от этой болезни. Помогала нам в дороге и справка, что мы – семья военнослужащего-фронтовика.

Когда добрались до Бельц и пришли в нашу прежнюю квартиру, люди без слёз не могли на меня смотреть. И хозяйка, и соседи стали нас с мамой выхаживать: приносили сметану, молоко, масло. Моё здоровье постепенно поправилось. Помню, когда мне уже было 8-10 лет и знакомые встречали меня с мамой в городе, они не могли поверить, что я – тот самый полуживой ребёнок из гетто.

В город начали возвращаться немногие выжившие евреи из фашистских лагерей и гетто. Так и не вернулись никогда домой в Бельцы, пропали на оккупированной территории Молдавии в **1941** году моя тётя **Ленковская Роза** (прим. 1910) и её сын **Фавел** (прим. 1930) – жена и ребёнок папиного брата **Лазаря**. Скорее всего, они погибли, пытаясь спастись бегством из города перед приходом немцев.

Послевоенная жизнь.

Люди в гетто говорили маме, что за её исключительные качества Бог возвратит её мужа домой. Четыре с половиной года родители не знали друг о друге ничего. Благодаря их любви и Божьей помощи они встретились после окончания войны. Мой отец **Мишулим** вернулся домой победителем. Папа воевал танкистом в звании старшины, участвовал в Сталинградской битве, горел в танке и спасся, но лицо его навсегда потемнело от ожога. Освобождал Прагу, Будапешт, был ранен в ногу. Бережно храню его медаль «За отвагу», другие награды. И папа, и мама в страшные годы войны не раз смотрели смерти в лицо: он – в боях, спасая весь мир от нацизма, она – в гетто, спасая меня и моё будущее. Всё, что у отца было с собой, – это шинель, одеяло и полотенце, из которого мне сшили капор. Никаких трофеев не привёз, говорил, что его совесть не позволяет что-либо взять в побеждённой Европе и унести с собой. Главное – бить врага. Папа был очень честным всю жизнь, продолжая после войны работать шо-

Отец Мишулим, мать Густа и дочь Роза Ленковские. 8 дек. 1945 г. Бельцы.

фёром. Мама вела домашнее хозяйство, и мы жили вместе 20 лет в однокомнатной квартире без удобств.

Как ни старались фашисты стереть с лица земли наш народ, после Катастрофы он начал своё возрождение. Наш семейный род продолжился. В **1948** году родился брат **Фима**, названный в память о погибшем в гетто дяде. Сейчас он профессор, завотделением в госпитале в Америке. После окончания Кишиневского политехнического института я работала много лет по специальности, вышла замуж за коллегу, у нас родились двое детей.

Пережитое мамой в годы войны не прошло бесследно. Ей тяжело было вспоминать о жизни в гетто, и она не хотела об этом рассказывать. Последние 13 лет жизни мама была недвижима, и я ухаживала за ней. Светлая ей память!

В Израиле.

В **1990** г. наша семья репатриировалась в Израиль. Муж **Хаскель Гандельман** – обладатель третьей академической степени по химии – занимает ответственный пост в строительной компании. Дочь **Лея** заведует лабораторией завода в крупной фармацевтической компании. Сын **Марк** – профессор химии в Хайфском «Технионе» после учёбы в Гарварде по стипендии Ротшильда. У нас пять внучек: старшая – **Карин** с отличием окончила школу и готовится к службе в Армии обороны Израиля; средние – **Сарра** и **Лорен** учатся в школе; младшие – **Равид** и **Мирит** родились в 2009 году. Мы все очень любим Израиль и переживаем за будущее нашей страны.

66.

Дели Раиса и Нузброх Ада
(с. Ободовка)

НАШУ ЮНОСТЬ РАСТОПТАЛИ НАЦИСТЫ

О моей сестре Аде Нузброх.

Моя покойная сестра **Ада Яковлевна Гринман** (в замужестве Нузброх) родилась в с. **Згурица** Сорокского р-на Молдавии в **1925** году. Шесть лет посещала еврейский детсад, окончила 4-летнюю еврейскую начальную школу. Продолжила

учёбу в еврейской гимназии, где окончила три класса. В **1940** году пошла в 7 класс советской школы на русском языке и окончила его в мае **1941**-го.

Во время войны 1941-1945 гг. с семьёй была депортирована в Транснистрию и находилась в гетто в с. **Ободовка** Винницкой области УССР. Использовалась румынскими оккупантами на принудительных работах. Болела тифом осенью **1942** г. и выжила. Лекарств не было, и мама поила больную Аду тёплой водой.

В марте **1944** года Ада с семьёй пешком вернулась в Згурицу. Она окончила районные учительские курсы на молдавском языке, получила направление на работу в село **Баксаны** и работала учителем начальной школы. Аде, вернувшейся голой и босой из гетто, райотдел народного образования выдал платье, чулки, обувь для работы. Каждую субботу она приходила пешком к родителям на выходные.

В **1946** году Ада вышла замуж за **Моисея** (Михаила) **Янкелевича Нузброха** (1920-1972), вернувшегося с войны фронтовика. Жили они в **Згурице** у наших родителей, потом переехали в гор. **Сороки**. Ада работала высококвалифицированным корректором в молдавской городской газете. Очень любила литературу.

Семья переехала жить в гор. **Черновцы**, а затем во **Львов**. В **1956** г. родилась дочь **Фаина**. Моисей работал начальником снабжения мебельной фабрики, Ада – заведующей базой «Союзпечати». Муж скончался от болезни на пятьдесят третьем году жизни. Ада осталась вдовой, дала дочери высшее образование.

Ада с семьёй дочери репатриировалась в Израиль в **1991** году и много лет помогала растить внуков. Старший внук **Михаил** окончил «Технион» в Хайфе, младший – **Замир** проходит службу в Армии обороны Израиля. Первые годы жили в гор. Бат-Яме, много лет в пос. Кирьят-Экрон, а затем купили квартиру в пос. **Мазкерет Батья** близ Реховота. Ада являлась членом Реховотской организации бывших узников гетто и концлагерей.

Моя дорогая сестра **Ада** умерла в Кирьят-Экроне 15 июля **2005** года. Да будет благословенна её память!

<u>Довоенная жизнь.</u>

Родилась я, **Раиса Яковлевна Гринман** (в замужестве Дели), **24 августа 1925** года в местечке **Згурица** Сорокского р-на Молдавии (теперь Дрокиевского р-на Молдовы). В нём и жили до начала войны родители, сёстры **Ада** (1925), я и **Мария** (по-домашнему Мася) (1935).

Отец **Янкель Гринман** (1882) занимался тем, что закупал зерно у крестьян и экспортировал его в Румынию. Папа родился в многодетной бедной семье **Баси** и **Мойше Гринмана**. Будучи юношей, он поехал на заработки во Францию, где его друг успешно работал и давно звал его в Париж. Отец поработал там несколько лет, руководил рабочими-евреями на идише, вернулся в Згурицу к родителям и построил себе дом на деньги, заработанные тяжёлым трудом. В нашем четырёхкомнатном доме были высокие потолки, высокие окна, большой балкон. Во дворе дома находились также зерновые склады. Дедушка Мойше умер до войны. Бабушке Басе помогали папа, его брат **Хаим** и сестра **Шейна**, жившие в Згурице.

Мама **Этя Гринман** (девичья фамилия Пинге) (1890) была домохозяйкой, очень красивой культурной женщиной. Родители моей мамы **Пинге Хаим** и **Рэйзел** (девичья фамилия Гасс) жили в селе **Кременчуг** Сорокского р-на Молдавии, соблюдали *кашрут*. В этом селе проживало много евреев. Дедушка Хаим каждое утро ходил в синагогу молиться. Бабушка Рэйзел, родом из Дзыговки на Украине, была домохозяйкой. Дедушка выращивал табак, сушил его, прессовал и продавал в Румынию. Это был очень тяжёлый труд, но надо было кормить семью, растить трёх дочерей: старшую – Этю (мою маму), среднюю – **Песю** и младшую – **Хону**. Из них только моя мама училась в гимназии в Сороках, и дедушка снимал для неё квартиру и платил за учёбу. Мама была очень грамотной. Дочери выросли, вышли замуж. Хона с семьёй жила в **Нижних Попештах** Сорокского р-на, Песя с мужем и детьми – в с. **Кайнары** (Кайнарий-Векь) Дрокиевского р-на. Каждое воскресенье то одна, то другая тётя приезжали к нам в гости. В 1940 году муж Песи купил дом в Згурице, и они переехали жить в наше местечко. После смерти дедушки бабушка Рэйзел жила у дочерей по очереди.

Дома мы разговаривали на языке идиш. В нашей семье отмечали все еврейские праздники. Была у нас на чердаке специальная посуда для праздника Песах, пользовались отдельными полотенцами для молочной посуды и для мясной, и мы, дети, были приучены соблюдать это. На дверях у нас висел ящичек, и каждую пятницу мама бросала туда деньги, объясняя нам, что на эти деньги в Эрец Исраэль организация *«Керен кайемет»* покупает землю для евреев.

В местечке **Згурица** до войны жило очень много евреев, действовала большая красивая синагога «Шара Цин» (очевидно, *«Шаар ха-Цион» – ивр.* «Врата Сиона»). В еврейской гимназии преподавание многих предметов велось на иврите и часть из них на румынском. После окончания начальной школы я и сестра **Ада** учились в гимназии. Обучение было платным. Учителя были из Румынии, Франции. Родители старались дать нам образование, и мы окончили 3 класса гимназии в мае **1940** года. Преподаватель французского языка Гандель – еврей из Франции – научил нас свободно говорить, читать и писать по-французски, учили румынский язык, а идиш был родным языком.

В **июне 1940** года, когда Красная армия вошла в наше местечко, через короткое время советская власть депортировала в Сибирь очень много евреев. Закрыли синагогу и в её помещении устроили склад. Жизнь стала тяжёлой и страшной. Запретили частные хозяйства. Советская власть «купила» у отца его склады с их многотонным содержимым за жалкие гроши. Это был грабёж. Мы тоже боялись высылки, но на папу никто не донёс. Папа купил корову, и она кормила нас.

В 1940 году мне засчитали 3 года гимназии за 6 лет советской школы, я пошла сразу в 7-й класс и уже на русском языке окончила до войны семилетку.

Начало войны, оккупация, депортация евреев.

В **июне 1941** года наша семья не успела эвакуироваться. Несколько дней отец медлил, не желая расстаться с хозяйством. Он говорил: «Жили же мы при румынах хорошо, где мне будет лучше, чем здесь?» А когда он задумал уехать, было уже

поздно. Многие жители местечка в начале войны пытались бежать и вынуждены были вернуться. Мы видели толпы беженцев из других сёл. У моста через нашу речку Кайнар было столпотворение.

Немцы и румыны захватили наше местечко **Згурицу** в **июле 1941** г., и сразу же начался ад для евреев, оказавшихся в оккупации.

Этот день я никогда не забуду. К нам в дом вошли двое солдат-румын и группа местных жителей-молдаван. Они выгнали нас: маму, папу и трёх девочек из дома, не разрешая взять с собой даже смену одежды, и тут же начали грабить наше имущество, нажитое родителями тяжёлым трудом, оставив после себя только голые стены.

Погнали нас на край местечка под мост, где текла небольшая речка **Кайнар**. Здесь собрали всех евреев, не успевших убежать, и семь дней без питьевой воды и хлеба подвергали изощрённым издевательствам. Отсюда мы видели, как горят еврейские дома, подожжённые местными жителями. Часть домов осталась целой, но вернуться к себе мы уже не смогли.

В течение этой недели румыны и местные добровольцы согнали в районный центр Згурицу, к мосту, евреев из всех окрестных сёл. С нами вместе оказались наши самые близкие родные: из села Нижние Попешты пригнали мамину сестру **Хону** (в замужестве Калин) с семьёй. Из згурицких родных, кроме моей семьи из пяти человек, здесь, под мостом, были обе мои бабушки: **Рэйзел** и **Бася,** мамина сестра **Песя** (в замужестве Гурвиц) с мужем, детьми и родителями мужа, папина сестра **Шейна** (в замужестве Рабин) с мужем и детьми и папин брат **Хаим** с семьёй.

Через неделю пребывания под мостом нас погнали по дорогам в сторону границы с Румынией. Был разгар лета. Без воды, без еды мы шли целыми днями, а вечером нас останавливали на окраине сёл, на берегу реки, где не было ни души. Приходили иногда местные жители, но жандармы не разрешали передать нам даже кусок хлеба.

По дорогам мы встречали много евреев из соседних сел, голых, босых, голодных, как мы. Утром рано нас опять строили в колонны и гнали дальше. Это длилось почти месяц. Вдруг был получен приказ «гнать жидов обратно». На обратном пути мы видели на краю полей очень много пожилых людей, у которых не было сил двигаться дальше, и их сыновья и дочери под прикладами солдат вынуждены были оставить своих родителей там. Измученные люди походили на скелеты.

Сколько продолжались эти скитания, не помню, но в конце концов нас привели в молдавское село **Вертюжаны**, обнесённое колючей проволокой. Там было очень много евреев со всей Молдавии. Поселили в дома, оставшиеся после эвакуации людей. Мы питались всем, что находили в огородах. От сырых овощей у многих людей началась дизентерия. Душа разрывается на части по сей день при воспоминании, как полуторагодовалая Мася, дочка тёти Хоны, облизывала целый день пустую ложечку, просила кушать. От голода и болезни в сентябре умер мамин дядя **Лейб Рейдер** (1893) в возрасте 48 лет.

В Вертюжанах охранниками были румынские жандармы и немцы. Они заставляли молодых мужчин таскать тяжёлые ящики со снарядами, люди надрывались и получали ещё удары прикладами по спине. В Вертюжанах мы находились почти месяц.

В один из дней **сентября 1941** года нас построили в несколько колонн, повели, и никто не знал куда. Все думали, что нас ведут на расстрел. Вдруг мама заметила, что нет её сестёр с семьями и мамы. Оказалось, что нашу колонну отправили на Украину через реку Днестр в районе **Ямполя**, а колонны, где были наши родные, погнали другим маршрутом в район **Рыбница-Резина** в Молдавии. Там их всех расстреляли немцы. Об их трагической судьбе нам стало известно только летом 1944 года. Среди уничтоженных были бабушка **Рейзел** Пинге (65 лет), мамина сестра **Песя** Гурвиц (36 лет) и вся её семья: муж **Аврум** (39 лет), дети **Хайка** (14 лет) и **Хаим** (11 лет) (фото на стр. 424), родители мужа **Ицик** (62 года) и **Эйдел** (59 лет), а также мамина сестра **Хона** Калин (27 лет) с двумя дочками: **Хайкой** (1937) и **Масей** (1939). Вместе с ними были убиты папина мама **Бася** Гринман (65 лет), папин брат **Хаим** (30 лет) с женой **Шейндл-Браной** (30 лет) и их дочкой **Эстер** (3 года), папина сестра **Шейна** Рабин (28 лет) с мужем **Волькой** (32 года) и детьми **Моней** (6 лет) и **Фейгой** (3 года). Всего убитых тогда родных со стороны мамы и папы было 40 человек. Вечная им память!

Семья маминой сестры Хоны Калин: муж Биньямин, на руках у Хоны дочка Мася, сзади – дочь Хайка. 1939 г. Нижние Попешты.

*

Колоннами мы пришли в село **Косоуцы** у границы с Украиной, отсюда нас погнали в **Косоуцкий лес**. В лесу румыны выбрали самых молодых здоровых ребят и расстреляли.

Паромом нас переправили через Днестр, и мы попали в местечко **Ямполь** на Украине. Там нас поместили в пустые дома. Мы нашли на чердаке какую-то старую одежду и обувь и оделись – ведь время шло к зиме. Недолго мы задержались в Ямполе, опять колонны, опять дороги, но на сей раз украинские. Иногда местные жители подбрасывали нам куски хлеба, клубни картошки, но были и такие, что проклинали нас, обзывали.

В конце **сентября 1941** года нашу колонну привели на молочную ферму, где были большие сараи – помещения для коров в чистом поле. Мы находились в нескольких километрах от местечка Ободовка. Нас охраняли румыны, так как эту часть Украины, названную Транснистрией, немцы отдали румынам.

В осенние холода мы спали в открытых всем ветрам сараях. Мою четырёхлетнюю сестричку **Масю** родители укладывали спать в жёлоб для корма, нам стелили сухую траву и солому на землю, и на этом мы лежали. Единственным спасением для нас стало то, что папа не разрешал нам лежать, а заставлял ходить вокруг желобов. Люди, которые лежали не вставая, умерли от голода, холода, вшей, болезней.

Спустя некоторое время на ферму привезли новую партию евреев, пригнанных из Буковины: Черновиц и окрестностей. В Черновицах их собрали на площа-

ди и объявили, что они должны покинуть город на неделю, поскольку в городе и окрестностях карантин. Это был обман. Немцы разрешили им взять с собой только самые ценные вещи. Их посадили в поезд и привезли на Украину. Эти люди были в шубах, у них были с собой дорогие вещи, а когда они видели нас, превращённых в настоящие живые трупы, то ложились на землю и не хотели вставать. Немногие из них выжили, большинство замерзло и умерло.

Начались заморозки, стало очень холодно. Моя мама (да будет благословенна её память!) видела, что мы все здесь пропадём. Она немного знала украинский язык (в детстве она вместе с родителями и сестрами жила среди украинцев в селе Кайнары) и, рискуя жизнью, пошла в соседнюю деревню просить кусочек хлеба для детей. Тут местные жители рассказали маме, что в нескольких километрах от фермы есть местечко, большинство жителей которого эвакуировались, но остались несколько еврейских семей. И родители приняли решение перебраться в это местечко тайком от всех. Мы и ещё одна знакомая семья с ребёнком шли полями по направлению к местечку. К счастью, жандармы нас не заметили, и к вечеру мы туда дошли.

В Ободовском гетто.

Остановились в **Ободовке** в доме у еврейской женщины с двумя девочками, помню, что одну из них, мою ровесницу, звали **Соня**. Женщина накормила нас варёной картошкой и посоветовала занять пустующий соседний дом.

Поселились мы двумя семьями на кухне, подальше от дороги. Наступила зима с сильными морозами и большими снегами. Ночью мой папа (да будет благословенна его память!) вместе с соседом собирал дрова в развалинах домов, покинутых людьми. Зажечь печку мы не могли, не было спичек. Попросили у соседки кусочек горящей головёшки и потом поддерживали огонь.

Мама ходила по деревне, просила милостыню: хлеб, картошку, соль. Во время хождения мама постоянно получала от солдат удары по спине прикладами ружей. Картошку мама варила в солдатском котелке, а я всё думала: «Если бы этот котелок не имел дна, можно было бы утолить немного голод». Но увы!

Через окно я видела, что тела замёрзших евреев везут на санках, как дрова. Их увозили местные жители по приказу жандармов, но куда, мы не знали.

В страданиях и муках прошла первая зима в гетто. **Весной 1942** года мы вышли на улицу погреться на солнышке. Я увидела мир вокруг себя, увидела людей, которые, как и мы, сбежали с молочной фермы. От них мы узнали, что и в местечках Чечельник, Бершадь, Копайгород, Печёра и других поселили людей, согнанных туда жандармами.

В гетто села **Ободовки**, где мы жили узниками почти три года, находились и евреи из Молдавии, Черновиц и Украины. Там были ребята моего возраста. Девочки научили меня и мою сестру Адочку хорошо вязать спицами. Это нас спасло. Мама приносила от крестьянок пряжу, и мы им вязали носки, кофты, жилеты, получая за это минимальное вознаграждение. Летом румыны гнали нас на работу в поле, не давая за труд даже кусок хлеба. Когда стало теплее, мы группой девочек ходили в лес на край местечка собирать хворост, заготавливали его на зиму для

растопки печи. Перевязывали хворост верёвкой, взваливали на плечи и несли домой. В лесу и по дороге домой мне казалось, что я собрала очень много хвороста, потому что у меня не было сил и мне было очень тяжело, а придя домой, видела, что это маленькая вязаночка. Так изо дня в день, когда нас не гнали на работу, мы ходили в лес за хворостом.

Мы постоянно испытывали очень большую тревогу. Все ждали, что нас вот-вот погонят на расстрел. Мы были оторваны от родных, не знали ничего об их судьбе. Теплилась надежда, что они находятся в разных местечках. Увы!

Наступила поздняя осень. Мы, все девочки, ходили на окраину деревни собирать оставшиеся на полях замёрзшие помидоры, свёклу, морковь и благодаря этому выживали.

Зимой мы вязали вещи на продажу, иногда меня и сестру гнали убирать в жандармерии и других помещениях. В деревне был маленький завод по переработке молока. Там мы работали с утра до ночи, но даже сыворотку нам не разрешали пить.

В Ободовке я познакомилась с ребятами 15-17 лет, пригнанными из Молдавии, Буковины, ведь молодость берет своё. Собирались в доме у местной девочки и рассказывали друг другу о жизни до войны. Например, семья **Семена Трейстмана** попала в Ободовку из Сорок. Сёма был мой ровесник, очень умный толковый парень, мы дружили, много разговаривали. В 1944 г. после освобождения из гетто его мобилизовали на фронт. Семён воевал в Австрии, в Германии и писал много писем. Я сохранила несколько из них в память о хорошей юношеской дружбе между нами в гетто.

На этих посиделках мы негромко пели еврейские песни. Не знаю авторов музыки и слов, но один куплет песни о гетто, принесённой в Ободовку беглецами из других лагерей, я помню и сегодня. Мы пели:

Ын Чечелнык гивейн,
Ды свинарне обын мир гизейн,
Ой, идалых, сыз гивейзын гройсе цурыс.

(В Чечельнике мы были,
Свинарню мы видели,
Ой, еврейчики, были большие беды.)

В местечке оставалось несколько еврейских семей. Они жили в своих домах, заранее запаслись продуктами, и им жилось намного легче, чем нам.

Среди наших ребят был **Нами** (фамилию не помню), юноша из Черновиц. Родители Нами замёрзли и умерли на молочной ферме, а его, с обмороженными пальцами на ногах, спасли незнакомые люди и вывезли в Ободовку. Он хромал и очень плохо ходил. Он нам рассказал, что в Палестине у него есть родные. Чтобы Нами не был одиноким, его женили на еврейской девушке **Мане**, моей ровеснице, жившей в своём доме с родителями, сестрой и братом.

Поскольку они жили относительно неплохо, родители решили устроить им свадьбу. Заранее заплатили в жандармерии много денег и получили разрешение на эту церемонию. Среди приглашённых был раввин, который провёл *хупу* (обряд бракосочетания) и благословил молодых. Вдруг ночью в дом ворвались пять румынских жандармов, и нас всех, человек тридцать, увели в жандармерию. Там над нами издевались, высмеивая обряд, заставили раввина повторно провести церемонию, а парню, который играл на скрипке, приказали играть для них. Это было ужасно унизительно и страшно. Под утро всех отпустили домой. Не описать переживания родителей!

Зимой **1943** года до нас дошли слухи, что немцы терпят поражение на фронтах, и ситуация по отношению к евреям сильно осложнилась. Немцы расстреляли очень много евреев в гетто, в лагерях. С января **1944** года каждую ночь мы покидали дома и прятались в сараях местных жителей с их разрешения. С каждым днём становилось всё страшнее, говорили, что фронт приближается и немцы нас расстреляют. Но, к большому нашему счастью, они не успели.

Освобождение и послевоенная жизнь.

В **марте 1944** года Красная армия вошла в **Ободовку** и освободила нас. Никому не верилось, что мы остались в живых. Март 1944 года был очень снежным и холодным, и сразу после освобождения все евреи из Молдавии, Буковины и окрестных сел, голые, босые, пошли к себе домой. По пути в разных местечках евреи, которые там были, пускали нас на ночлег. У них мы отогревались, ели, а утром опять в дорогу.

Не помню, сколько времени заняла дорога домой и сколько километров мы прошли, но день, когда мы оказались дома, стал самым счастливым за все годы, прожитые в гетто.

Наш дом в **Згурице** остался невредимым только потому, что во время оккупации в нём находилось какое-то румынское учреждение. Стояли стулья, столы, шкаф. Родители принесли из других учреждений, покинутых румынами, какие-то вещи, и мы начали налаживать новую жизнь. Приходили местные жители, приносили еду, желая загладить вину тех односельчан, которые в годы оккупации вместе с румынами грабили изгоняемых евреев. Папа устроился работать в сельсовете, получая копейки, сестричка **Мася** пошла в школу в первый класс, а мы с мамой и сестрой **Адой** занимались домом.

Отец Янкель и мать Этя Раисы Дели и Ады Нусброх. Начало 70-х гг. Сороки.

Неожиданно получили письмо-солдатский «треугольничек» с фронта от **Биньямина**, мужа маминой сестры Хоны, которого оплакивали среди наших родных, погибших в сентябре 1941 года возле города Резина. Он написал тогда несколько слов: «Дорогие мои, из всех наших я один остался». Мы с мамой стали писать ему на номер его полевой почты каждый день. После этого пришло ещё одно письмо, в котором Биньямин сообщал, что осенью 1941 года в

районе гор. Резина после расстрела их колонны он закапывал сотни жертв и среди них жену и двух дочек. Немцы оставили в живых его с некоторыми крепкими мужчинами, чтобы они закопали трупы расстрелянных. Затем эту группу из 30 мужчин отправили на работы по строительству и ремонту моста через Днестр между городами Рыбница и Резина. Биньямин выжил в условиях тяжелейшего труда и после освобождения Молдавии советскими войсками летом **1944** г. сразу был мобилизован на фронт. Больше писем от него не было, **Биньямин Калин** (1910-1944) пропал без вести на войне. Война и Шоа поглотили целиком еврейское семейство Калин.

Я очень ждала возвращения домой моих еврейских подруг и соучеников из Згурицкой гимназии, угнанных, как и я, фашистами в 1941 году. Вот лишь некоторые дорогие мне имена погибших в Катастрофе сверстников-земляков: моя лучшая подруга Беккер **Роза** (15 лет), Рубинштейн **Люся** (15 лет), Магальник **Хайка** (15 лет), Шпак **Морис** (15 лет), Столяр **Нэна** (15 лет), **Молка** (17 лет) и **Аврум** (16 лет), Хахам **Мина** (17 лет). Серебринский **Шмил** (16 лет) погиб в 1941 г. в гетто в селе Ободовка Винницкой обл. от голода. Палатник **Туба** (16 лет) и Койфман **Рухл** (20 лет) погибли в 1942 г. в гетто Бершади. Вечная им память!

*

В мае организовали трёхмесячные учительские курсы в селе Околина вблизи города Сороки, и мы с Адой и ещё несколько девочек записались на них, мечтая приобрести какие-то знания и пойти работать. Там преподавали учителя со стажем, и мне было очень интересно. 1 сентября **1944** года я получила направление на работу учителем в начальную школу села **Нижние Попешты**. Когда директор школы увидел меня с направлением районо, он сказал мне: «У нас не семилетка, а начальная школа» – он подумал, что я пришла учиться – так я выглядела в свои 18 лет.

Сёстры Раиса (слева) и Ада – молодые учительницы. 16 февраля 1946 г. Сороки.

В районо мне выдали платье, чулки, туфли, и я стала работать учительницей первых-четвёртых классов. Время было военное, не было ни тетрадей, ни книг. Я проработала три года в селе и одновременно поступила учиться заочно в педучилище города Сороки.

6 декабря **1947** года вышла замуж. Мой муж **Дели Александр Леонтьевич** (1922), настоящее имя **Исраел Лейбович**, воевал с первого дня войны. Был награжден орденами и медалями. В 1943 году под Кёнигсбергом был тяжело ранен, получил сквозное ранение в кость ноги. Долго лежал в Саратовском госпитале, много раз был оперирован, получил инвалидность и в конце 1944 года вернулся в город Сороки в Молдавии, где рос и учился. Его родители в эвакуации умерли от голода, холода и болезней. Сашу приютила родная сестра, очень добрая и преданная брату. Постепенно он поправил своё здоровье и стал работать.

Я переехала к мужу в **Сороки**, продолжила учебу в педучилище на стационаре и в 1949 году окончила его с отличием. В **1949** году у меня родился сын **Леонид**. В очень тяжёлые послевоенные годы не было хлеба, не было молока для ребёнка. Голод буйствовал повсюду. Когда муж ездил в Кишинёв с отчётом и привозил 1-2 пачки печенья, я была самая счастливая мать. Сыну исполнилось три месяца, и по закону я вышла на работу в школу № 5 гор. Сороки, где трудилась учительницей двадцать лет. Зарплата была 45 рублей в месяц, через какое-то время добавили 5 рублей. В **1957** году родила второго сына. Он носит имя **Хаим** в память о дедушке.

За это время окончила Тираспольский пединститут и получила диплом с правом преподавания естествознания и химии в пятых-седьмых классах. Мой муж окончил Бендерский бухгалтерский техникум с отличием и работал экономистом. В 1966 году его как специалиста высшего класса перевели в Кишинёв главным экономистом «Молдавэфирпрома».

Отец **Янкель** прожил 89 лет и похоронен в Сороках. В возрасте 48 лет умерла от неизлечимой болезни сестричка **Мася** (да будет благословенна их память!).

В **Кишинёве** я проработала в детском саду № 52 двадцать пять лет воспитателем, затем методистом. Общий педагогический стаж 48 лет. Награждена медалью «За доблестный труд».

Сыновья получили высшее образование, женились, у них родились дети (фото на стр. 424). В **1985** году в Кишинёве скоропостижно скончался от инфаркта мой муж **Исраел**. Я и мои дети очень тяжело перенесли эту утрату. Вечная память и горькая боль навсегда остались в наших сердцах.

В Израиле.

В августе **1991** года я с сыновьями **Леонидом** и **Хаимом**, тремя внуками и моей мамой репатриировались на историческую Родину. Дети устроились на работу, я ухаживала за мамой, училась полгода на курсах разговорного языка и овладела ивритом. Мама **Этя** дожила до 96 лет (да будет благословенна её память!) и похоронена в **Реховоте**.

Сегодня благодаря Всевышнему у меня 5 внуков и 5 правнуков. Дети меня окружают вниманием и заботой, хотя годы, проведённые в гетто, дают о себе знать. Но я стараюсь поддерживать здоровье, получая удовольствие от детей, внуков и правнуков.

В Израиле в 90-е годы я ездила с группой репатриантов на экскурсию в Иерусалим. В «Яд Вашем» (музее памяти жертв Катастрофы) я увековечила имена всех моих погибших родных и близких, дорогих моему сердцу. Я заполнила на каждого из них специальный лист в «Зале имён». Вечная им память!

*

В мае **2011** года я побывала на Мёртвом море. Там встретила мужчину из гор. Кирьят-Гата **Александра Гонтмахера**, уроженца с. **Ободовки**. Ему было 8 лет, когда немцы вошли в их местечко. Он помнит разговоры взрослых, что на ферме замёрзла тысяча человек, помнит про свадьбу Мани и Нами. Он мне рассказал, что отец

его воевал на фронте, а мать с ним и больной сестрой находилась в гетто, в своём доме. Его сестра в 1940 году упала на уроке физкультуры и вывихнула позвоночник. И тут я говорю: «Её звали Клара?» Саша побледнел и спросил, откуда я знаю её имя.

Когда мы собирались вместе в гетто, девочки говорили, что их подруга сломала позвоночник на уроке физкультуры, и мы все вместе ходили проведать её. Моя ровесница Клара, красивая девушка шестнадцати лет, лежала в специальном корыте, и мать ухаживала за ней. Приходили к ним местные украинские девочки, которые приносили ей продукты и занимались с ней.

Александр вспоминал с гордостью и печалью: «Сестра была человеком очень сильной воли и не показывала никому своей боли, а ведь она все годы в гетто оставалась в неподвижном состоянии без медицинской помощи. Наоборот, она ещё успокаивала нас. Кроме того, Клара в лежачем положении вязала из шерсти платки, носки, перчатки и шарфы очень высокого качества, и эту продукцию мама продавала или меняла на продукты. В Ободовке была церковь, и жена священника очень любила и жалела мою сестру Клару. Она приходила в наш дом, потому что попадье разрешалось посещать гетто, и приносила Кларе деликатесы: фрукты, молоко, мясо». Клара умерла в 1945 году в возрасте 20 лет в день её рождения. За три дня до него вернулся с войны отец-фронтовик. Трое суток она не отпускала отца от себя. После того как я узнала от Александра подробности жизни его сестры в гетто, **Клара Гонтмахер** для меня лично стала одним из символов сопротивления бедам нашего народа.

Сын маминой сестры Песи
Хаим Гурвиц.
1940 г. Кайнары.

Раиса Дели с мужем Исраелом и сыновьями:
Леонидом (слева) и Хаимом (справа).
1985 г. Кишинёв.

67.

Дорфман Яков
*(с. **Ободовка**)*

МЫ ЖИЛИ В ПОСТОЯННОМ СТРАХЕ

Довоенная жизнь.

В Капрештах. Я, **Яков Рувинович Дорфман**, родился **2 апреля 1927** года в местечке **Капрешты** Сорокского уезда в Бессарабии. Центр был весь еврейский, на других улицах жили молдаване. У молдаван-сельчан были свои сельскохозяйственные угодья, они кооперировались и обрабатывали землю, собирали урожай. Капрешты считались торговым местечком. Раз в неделю по четвергам в селе проводились ярмарки. Фасады домов выходили на очень широкую улицу. Весь дом уходил в глубину, между домами были маленькие переулочки, с которых можно было зайти на кухню, склады, в подсобные помещения, а за ними начинались поля.

Мои родители были родом из Капрешт, и все их родственники жили в Капрештах. Наша семья была небольшой: мать **Рахиль** (девичья фамилия Хаит) (1902), отец **Дорфман Реувен** (Рувин) (1898) и я. Меня назвали **Яковом** в честь папиного отца, умершего до моего рождения. При жизни дедушка Яков держал обувной магазин. Бабушка была уже старенькая. У мамы были еще две сестры: **Мара** и **Рейзл**. Родители владели языком идиш, румынским и русским языками. Они окончили русскую гимназию в Бессарабии – части Российской империи, и оба были очень грамотными людьми. Когда они хотели от меня что-то скрыть, общались по-русски. До войны я говорил только на румынском языке.

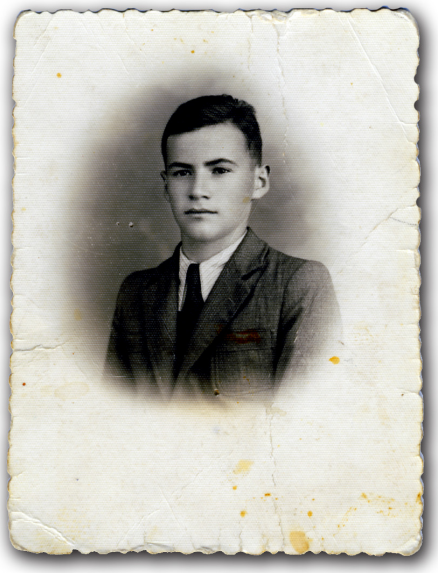
Папа получил высшее образование по специальности инженер-электрик в Чехословакии в Пражском политехническом институте ещё до 1917 года. Когда отец был студентом (а они все отличались «левизной»), приезжал домой и развивал свои идеи, его папа, бывало, говорил: «Не важно, левый ты или правый, но кто-то должен чистить уборные».

Я знал больше дедушку **Исруэла Хаита**, маминого отца. Он был жив до самой войны. Дедушка занимался оптовой торговлей. Помню его большие склады. В доме соблюдались еврейские традиции. Он в отличие от моего папы был верующим и водил меня в синагогу. Своё сознательное детство я проводил каждое лето в Бессарабии у дедушки Исруэла. У меня были друзья-ровесники.

В Бухаресте. Отец после свадьбы отправился искать работу, и, когда мне исполнился один год, мы переехали жить в гор. Бухарест (Румыния). Мать была домохозяйкой, умела делать всё сама и до конца жизни являлась стержнем семьи.

Вначале арендовали квартиру в промышленном районе. Её дверь выходила на общий длинный балкон. Когда отец твёрдо встал на ноги, переехали в приличный район, в отдельную квартиру в трёхэтажном доме. У нас в доме имелись центральное отопление, небьющиеся стекла, автоматическое электроосвещение, телефон в квартире, швейцар, дворник, жившие при доме.

Отец прекрасно знал немецкий язык со студенческих лет. Вся торговая документация велась в Румынии на немецком языке. Он работал в шведской фирме «Ассея» по производству электромоторов. В те годы в Румынии шла смена энергетических ресурсов, т. е. все отрасли переходили на электромоторы. Если раньше на румынских фабриках были локомобили, ременные передачи к станкам, то началась их замена на электромоторы. В зависимости от станка, который они должны были крутить, отец подбирал мотор определенной мощности, проектировал его установку, следил за внедрением. Папа брал меня с собой на те предприятия, куда его направляли. До сих пор помню текстильную фабрику, завод по изготовлению стекла и бутылок.

Яков Дорфман. 1939 г. Бухарест.

Отец меня воспитывал. Он обладал замечательным чувством юмора и мне передал его. Он водил меня в столичный оперный театр на детские оперы и балеты, в кино на премьеры. В субботу я бывал в кинотеатре сам. Папа и мама были театралами, регулярно посещали театры, покупали ложу для себя и друзей, я ходил с ними. При этом зарплата отца была строго распределена, наш семейный достаток был средним.

В **1939** году праздновали мою *бар-мицву* (возраст совершеннолетия, 13 лет). В Бухарест приехал дед Исруэл, который за всю жизнь далеко из Капрешт не выезжал. Он привёз вино с виноградника, заложенного в день моего рождения в 1927 году. Бар-мицва прошла торжественно в синагоге. К этому дню готовил меня один из родственников. Я подходил к Торе, отрывок из неё читал на иврите. В Бухаресте я учился в еврейской гимназии, мы изучали религию, и я уже знал ивритский алфавит.

Перед войной.

В **Румынии** чувствовалось приближение войны. Фашизм расправлял крылья. Установилась фашистская власть, и отныне требовались особые гражданские документы, которые евреям вообще не выдали для оформления гражданства. По сути, нас лишили гражданства и гражданских прав. Папа с мамой решили, что мы должны переехать в Советский Союз, тем более что там их корни – родители, родственники.

Когда 28 июня 1940 года Советский Союз занял Бессарабию, Румыния испытала большой удар, и стало ясно, что это не кончится быстро и мирно. Согласно международному договору, граждане могли уехать из Румынии в СССР. Сборы, переезд заняли месяц, и **летом 1940** года мы из Румынии с двумя чемоданами поехали к родителям моих родителей в Бессарабию, в **Капрешты**, а потом отправились жить в **Черновицы**. В Черновицах предчувствий войны не было. Мы стали советскими гражданами. Жили мы на квартире, все вещи остались в Бухаресте. Друзьям отдали ключи от бухарестской квартиры, и всё имущество в итоге пропало. Мне исполнилось тогда 14 лет, и я с удовольствием начал учиться в 8 классе русской школы, не зная ни слова по-русски. Учителя физики, химии были местными жителями, и они нам переводили свой предмет на молдавский язык.

Начало войны и депортация.

И вдруг неожиданно в **июне 1941** года вместо летних каникул – война. Город не бомбили. Красная армия отступила из **Черновиц** и сожгла свой штаб, находившийся в здании, являвшемся архитектурным памятником. Когда немцы вошли, они первым делом подожгли синагогу. Мы жили недалеко, и я это видел.

Я повидал на своем веку много: и немца, спасшего меня, и секретаря райкома комсомола, которого румыны в 1941 году привели на площадь, где состоялся антисоветский митинг, и он выступал, и власовцев, которых я боялся больше, чем местного населения.

В оккупации мы жили в страхе, редко выходили на улицу, был приказ носить жёлтые звёзды. Немцев было мало, в основном румыны. Нас с товарищем, помню, задержали, когда мы проходили мимо сигуранцы (румынская служба безопасности). Часовой сказал: «Ну-ка, идите сюда. Заходите во двор». Попали мы во двор, и пришлось заночевать там. Часовые сменились, нас не выпускали, сказали, что, наверно, мы что-то натворили и не просто так задержаны. Утром нас, по определению румын, двух «комсомолистов» (комсомольцев), отправили в немецкую казарму мыть полы. Мы не ночевали дома, можно представить, что думали и пережили родители с наступлением комендантского часа. В казарме к нам подошёл немец, дал нам буханку хлеба, по куску колбасы и сказал: «Видите там ворота? Пройдите спокойно по двору и через эти ворота идите домой». Так мы и сделали.

Однажды объявили, чтобы евреи собрались во внутреннем дворе горсовета-примарии. Когда все пришли, из небольшой бронемашины, стоявшей во дворе, вышел румын и сказал: «Прощайтесь». Мужчин отделили от женщин и детей. Потом пришёл другой румын и сказал: «На этот столик сложите все драгоценности». Все прошли возле этого столика, и на нём образовалась куча часов, серёжек, колец. После грабежа нас отпустили домой.

В один из летних дней 1941 года румыны приказали всем евреям перейти жить в еврейский район на Еврейской улице. Мы взяли с собой, что могли, пришли, и здесь было образовано временное гетто без ограждения. Мы расселились по дворам, было ещё тепло. Чем питались, не могу вспомнить. Осенью нам велели собрать свои вещи, повели на вокзал и повезли в грузовых вагонах в **Маркулешты**.

В начале ноября от Маркулешт на подводах нас переправили по мосту через **Днестр** в Транснистрию. Проехали **Ямполь**. Колонну конвоировали румынские жандармы. В пути люди голодали, болели, умирали. Ночевали мы в колхозных коровниках. По дороге питались выкопанной свёклой. Помню ощущение блаженства, когда впервые после долгого перехода я лёг отдыхать в кормушку для скотины.

Гетто в Ободовке.

С **ноября 1941** по март 1944 года моя семья находилась в гетто в местечке **Ободовка** Винницкой области. Попали мы в него так. Когда колонна двигалась вблизи Ободовки, папа разузнал, что в Ободовке можно остаться. Ночью огородами, закоулками мы ушли из черновицкой колонны и попали в село. Еврейский район с синагогой находился в центре Ободовки. Нас приняли жить в семью кузнеца-еврея. Кроме нас, у него ютились еще несколько жильцов и семья с тремя детьми. Здесь мы прожили первую зиму. Болел испанским гриппом папа. Помню, мама носила с речки лёд, который прикладывала, и это помогало папе. В таких условиях жизни очень мучили вши. Спасало то, что мать нас раздевала и мыла. Я был в жуткой дистрофии, не мог встать, но потом понемногу начал ходить внутри дома. Приходили врачи из жителей гетто, но чем они могли помочь? Дом кузнеца стоял у дороги, и я видел всё происходящее. Умирали вокруг люди, отовсюду выносили трупы, и похоронная команда увозила их на подводе. В нашем доме умерли двое мужчин. Это была страшная зима. Когда пошло к весне и люди раздевались, вместе с носками отваливались отмороженные пальцы. У нас говорили, что тот, кто пережил такую зиму, тот выживет и дальше.

Уже весной **1942** года мы узнали, что есть районное управление, сельхозотдел, румынские колхозы. В Ободовке были румынский претор, жандармерия, инженер по сельскому хозяйству. Гетто не было огорожено, но без документов никуда нельзя было двинуться.

Нас начали посылать на сельскохозяйственные и другие работы. Недалеко от Ободовки рос лес. На работе в лесу немного кормили. Помню, отец брал меня с собой помощником, и когда мы возвращались с работы, то 5-6 км несли бревно и обменивали его у местных жителей на кукурузную муку. У хозяев была печь, на которой я спал зимой, в ней мы варили картошку, мамалыгу (еда из кукурузной муки).

Я стал помогать землемеру-украинцу из земельного отдела, меня сразу увлекли измерительные приборы. Сам землемер чертил плохо, но я научился чертить, стал писать вывески на румынском языке – меня спасла моя правая рука. Мне помогло знание румынского языка, я переводил переговоры между румынами и украинцами по работе. Отец знал русский и румынский языки и через землеустроителя попал в управление переводчиком с румынского на украинский. Он даже составил в гетто рукописный разговорник.

Однажды немцы провели облаву и забрали мужчин и юношей в Николаев, на строительство мостов. Забрали и меня в уходящую колонну. Родители впали в панику, просили кого-то помочь. В жандармерии меня знали, потому что я им тоже писал вывески по-румынски. Один из жандармов нашёл меня там, где мы ночева-

ли перед выходом колонны. Вытащил меня, стал бить, кричать: «Вон отсюда!» и прогнал домой. Я, конечно, испугался. Но таким образом он сумел спасти меня от отправки в Николаев, откуда мало кто возвращался живым.

Освобождение и послевоенная жизнь.

В начале 1944 года румыны уже готовились к отходу. Помню, что они носили постолы с подошвой из автомобильных шин. Мы их между собой называли «моторизованная пехота». Немцы ушли тихо. В **марте 1944** года вдруг в Ободовке появился на лошади советский майор. Его с радостью окружили. Он стал расспрашивать, где тут жандармерия, где украинские полицаи. За ним на телегах появились какие-то заросшие голодные красноармейцы.

Как только мы услышали, что район Черновиц свободен от немцев, вернулись домой. Больше в Ободовке я не был.

В **Черновицах** после освобождения из гетто мы жили в доме маминого дяди-предпринимателя. До войны он владел мастерской по ремонту автомобилей с гаражом, складами. Для нас переоборудовали домик под жильё. Был послевоенный голод. Нашей основной едой были овощные салаты. Родители начали работать: папа – инженером в Черновицком управлении железных дорог, мама – счетоводом материального склада на железной дороге. Помню, ходила в железнодорожной шинели. Она также вела немалое домашнее хозяйство. Из эвакуации приехала мамина сестра **Мара** с двумя своими детьми. Мы узнали, что младшая сестра **Рейзл** погибла в эвакуации. Жили все вместе. Дети окончили школу, разъехались по городам поступать в вузы.

Мне исполнилось 16 лет – надо зарабатывать на жизнь. Учиться в школу не пошёл, устроился работать нештатным чертёжником в «Облпроекте». Перешёл чертёжником в штат областного земельного отдела. Однажды прочёл объявление, что Черновицкому университету требуется картограф. У меня уже имелся некоторый опыт работы по изготовлению карт, их раскраски акварелью. Пришёл в университет. Ректор Каниболоцкий был геологом, дал мне на пробу изготовить карту Никопольского района. Я нарисовал. Он сказал: «Неплохой специалист» – и выдал мне справку, что с **сентября 1944** года я зачислен в университет штатным картографом. Он даже не спросил, окончил ли я десятилетнюю школу. Ректор вообще был замечательным человеком. Возле его кабинета мне выделили комнатушку, поставили чертёжный стол, и я начал работать. Ко мне стали приходить географы, геологи, делал работы для всех. Когда открылись подготовительные курсы для поступающих в университет, ректор записал меня на них с моим восьмилетним образованием, хотя принимали с оконченными 9 классами. Посещал я их, когда мог – было много работы с картами. Познакомился со всеми преподавателями и учёными. 3 **сентября 1945** года ко мне зашёл декан географического факультета и спросил, почему я не хожу на занятия. Оказывается, я был зачислен в группу из 25 человек, а набрали 18. Все пять лет учебы я был ещё и лаборантом на кафедре гидрологии. По окончании университета сам нашёл себе место в «Облпроекте», где начинал чертёжником. Работал несколько лет геодезистом, затем перешёл в

техникум коммунального хозяйства преподавать на геодезическом отделении топографическое черчение.

Встретился с **Аннушкой**, студенткой Черновицкого мединститута, и в **1952** году мы поженились. По окончании института Аня работала врачом-окулистом сначала в селе, потом в Черновцах. У нас родились дочка **Рена** и сын **Роман**. Готовя диссертацию, установил связи с ленинградскими, московскими учеными-географами. В **1965** году защитил диссертацию на учёную степень кандидата географических наук. В **1966** году перешел на работу в Черновицкий университет, где работал сначала преподавателем, а затем в должности доцента до выхода на пенсию.

Отец **Рувин** умер от болезни, прожив 61 год, мать **Рахиль** ушла из жизни в **1984** году. Да будет светла память о них.

В Израиле.

Когда меня спрашивали, что ты будешь делать в Израиле в 64 года, отвечал: «Буду вывески писать». Я приехал в Израиль в **1989** году с женой, дочкой, зятем, внуком и матерью зятя. Освоил иврит. На весь Израиль, оказывается, среди репатриантов было всего три картографа, и меня сразу пригласили работать благодаря редкой профессии. Проработал 12 лет в Тель-Авивском университете заведующим картографической лабораторией «Географика». Из них 10 лет одновременно с работой в лаборатории обучал студентов картографическому черчению. Научное звание – доктор философии. Мною опубликовано много научных работ, сделанных и в Советском Союзе, и в Израиле.

Похоронил жену **Аню** через полгода после приезда в Израиль на 61 году жизни. Сын-программист и его дочь – студентка-медик, талантливая художница-любитель, живут в Америке. В **Реховоте** я живу у дочери с зятем. Оба успешные программисты. Внук давно женат, у него трое детей, служит офицером в Армии обороны Израиля.

Некоторые научные издания, содержащие работы и карты д-ра Якова Дорфмана, опубликованные в СССР и Израиле.

68.

Шнайдер Чарна и Юсим Мара (с. Ободовка)

НАШ ОТЕЦ И ЕГО СЁСТРЫ С ДЕТЬМИ ПОГИБЛИ В ГЕТТО

Довоенная жизнь.

Мара. Всё, связанное с Шоа, с тем, как убивали евреев, мне помнится лучше, чем остальное. Наша семья из 5 человек жила в селе **Ободовка** Винницкой области в собственном доме с большим огородом. Жили не роскошно: на кухне был земляной пол. Большинство жителей Ободовки были евреями. К нам очень хорошо относились украинцы из окрестных сёл.

Чарна. Мама **Фейга Мошковна** (в девичестве Княжевская) родилась в **1895** году. Дедушка и бабушка были евреями из Польши, пришедшими в Ободовку, и я родилась в **Ободовке**. Мама вела домашнее хозяйство и занималась тремя детьми. Мама была верующей, тщательно готовилась к приходу субботы: убирала, варила. Она была тихой, хорошей женщиной.

Папа **Исаак Элькович Фельдман** родился в **1900** году. Он и его родители был родом из Бершади, и Мара родилась в **Бершади**. Папа занимался кожевенным ремеслом, и при доме работала его кожевенная мастерская, в которой мы часто бывали.

Мара. Из детей в семье были старший брат **Михаил** (5 мая 1923), сестра **Чарна** (3 марта 1933) и я, **Мара** (21 сентября 1936). Дома разговаривали на идише. Нас, двух девочек, мама учила делать всё по дому, мы умели с детства стирать, убирать, варить. Михаил окончил 10 классов Ободовской школы, поехал с другом поступать в военное училище в Белой Церкви, но вернулся зимой босой, раздетый. Его, к сожалению, не приняли.

Начало войны и оккупация.

Чарна. **22 июня 1941** года, в воскресенье, мама послала нас с Марой к *шойхету*, чтобы зарезать курицу и петуха. Мы уже возвращались с кошёлкой, и вдруг послышался сильный гул. Мы увидели много самолётов, из которых что-то падало. Мама бежала нам навстречу, схватила нас, и мы примчались домой.

Мара. Ни папу, ни брата просто не успели мобилизовать в армию. У папы была подвода с лошадью, нас посадили в июле на подводу, положили немного вещей, и мы выехали из Ободовки. Успели отъехать совсем немного, и тут появились немцы. Мы вынуждены были возвратиться домой. В Ободовку вошли фашисты: не только немцы, но и румыны, и мадьяры. К нам во двор заехали две немецкие ма-

шины, полные грузов. Нас, конечно, выгнали из дома, заняли его. У нас отобрали всё, что было, и загнали в гетто.

В Ободовском гетто.

Мара. В **Ободовке** огородили проволокой территорию гетто, и всех евреев поместили за эту проволоку. Гетто представляло собой огромную земляную площадь, вокруг которой были еврейские дома.

Мы с сестрой вылезали ночью из гетто, искали всё съедобное на огородах. Мы были маленькие, нас не было видно. Затем опять подлезали под проволоку и приносили для семьи немного овощей: пару картошек, морковку, свёклу.

Иногда мы надевали белые косыночки и пробирались на местный базар. Там важно было, чтобы тебя не заметили украинские полицаи и румынские жандармы, мы прятались от них. Тех, кого они ловили или кто им не нравился, они нещадно били нагайками.

К немцам перешло очень много украинских жителей Ободовки, ставших полицаями. Мы их всех знали в лицо. Но особенно злыми и жестокими были мадьяры, которые просто убивали людей. Страшнее всего для нас было видеть немцев. Эти ходили и толкали прикладами оружия в спину, в бок, особенно детей.

Чарна. В гетто оккупанты собрали несколько тысяч евреев, среди них находились пригнанные из Румынии, Бессарабии, Буковины, беженцы из Польши. В домах было очень тесно, все депортированные жили в домах местных евреев. Для них делали нары для сна в несколько ярусов. Из-за скученности много людей болело и умирало, особенно зимой: из-за холода и голода. Тиф косил людей ежедневно. Сыпным тифом переболел и наш брат. Мимо нас беспрерывно возили трупы на санках. Похоронная команда доставляла тела к большим ямам и сбрасывала их в эти огромные братские могилы, к которым никого не подпускали.

Одевались так: мама нашла где-то мешок, разрезала его и сшила нам две юбки из мешковины. А вместо обуви мама сделала нам «сандалии»: подошва была из коры дерева, и к ней прикреплялась верёвка, которую наматывали на ноги в носках, и в этом мы ходили даже зимой.

Мара. Воды зимой не было, всё замерзало до весны. Нечем было топить железную печечку.

Чарна. В 1941 году мне было восемь лет, а Маре шёл шестой год. В гетто папу мы фактически не видели до 1943 года. Мы не знаем, где он был.

Мара. Мы думаем, что его с самого начала немцы куда-то забрали из Ободовки. Оттуда он бежал в 1943 году и пробирался к нам домой. В лесу под Ободовкой его и поймали венгерские фашисты.

Чарна. Папе было 43 года, когда он погиб. Его схватили мадьяры. Они спросили местных жителей, кто это. Те ответили: «Это не наш, это еврей». Мадьяры избили папу до полусмерти и оставили в лесу. Знакомые отца из украинцев пришли в гетто и сказали брату Мише: «Иди забери своего отца». Брат на руках принёс папу к нам. Отцу отбили одно лёгкое. Три месяца он лежал и мучился в постели и умер **14 августа 1943** года.

Страшная смерть настигла и двух папиных сестёр: Маню и Раю. Его незамужнюю сестру **Фельдман Маню** (1914) в 1941 году бросили с другими узниками Бершадского гетто в яму и закопали живой. Младшая папина сестра **Раштейн** (до замужества Фельдман) **Рая** (1918) была зверски убита со своими 5 детьми в гетто в с. **Теплик** Винницкой области **зимой 1941**-42 гг. В Теплике немцы устроили большой погром. Один из Раиных детей был грудным, и, когда её с детьми поставили возле ямы для расстрела, немец выхватил у неё младенца, проткнул штыком и кинул в яму. Она бросилась в яму за ребёнком, и её застрелили. Мы с мамой узнали об этом после войны.

Брат **Михаил** был с нами вместе не всё время: он то исчезал, то появлялся поздно ночью. Мишу постоянно отправляли на тяжёлые работы: копать ямы, рубить лес. В его бригаде из 10 человек все были друзьями. С этих работ он приносил нам кусочки хлеба. Мама и брат себе брали хлеба поменьше, а нам с сестрой давали кусочки побольше. Мама что-то варила и продавала, чтобы немного заработать для нас. Мама, видно, всё знала об отце и брате, а мы были детьми, и нам ничего не рассказывали. И папа, и Миша могли быть связаны с партизанами. После смерти папы брат Михаил стал нам как отец.

Мара. Мы с сестрой чистили обувь немцам, румынам, мадьярам. Нам выдали щётки, и мы наводили блеск на их сапоги.

Чарна. Я помню, что в последний день перед уходом немцев в доме у украинского старосты Ободовки должна была состояться вечеринка, а староста узнал, что после неё начнётся большой еврейский погром. Он сумел почти всех нас собрать и спрятал в своих большущих погребах. Наверху у него пьянствовали, а мы сидели под полом. Нас было человек пятьсот. Так мы пересидели эту беду в течение суток. Думаю, что староста держал связь с партизанами и работал на немцев по их заданию. К сожалению, его имени я уже не помню. Когда мы вышли из погреба, наверху не было никакой власти: ни немцев, ни румын, ни полицаев, но перед уходом немцы подожгли машины, стоявшие во дворе.

Освобождение.

Мара. Первыми к нам в Ободовку вошли партизаны. Затем появились и шли по мартовской грязной дороге сотни и сотни бессарабцев, возвращаясь к себе в Молдавию из разных лагерей и гетто. Мы жили у дороги и видели, как за бессарабцами в Ободовку вошла Красная армия.

Мы выжили благодаря нашим старшим – маме Фейге и брату Мише. Мама нас очень оберегала. Она нас никуда не отпускала.

Чарна. В **марте 1944** года, когда нас освободили, **Михаил** был мобилизован в Красную армию. Мы за брата получали продовольственный аттестат и на это жили. О том, что война окончилась, мы услышали по громкоговорителю, висевшему на улице. О, какая это была радость!

Послевоенная жизнь.

Чарна. После войны мама должна была работать, чтобы заработать на еду, и мы были хозяйками в доме.

Михаил приехал к нам после войны в **1946** году из Германии в отпуск. Он носил военную форму, и на ней были ордена и медали. Миша воевал на фронте разведчиком в звании сержанта. Он рассказывал, что прошёл всю Германию, был дважды ранен: в лицо и в ногу. Побыл пять дней дома и опять уехал, и лишь в 1947 году он демобилизовался. В том же году окончил в Черновцах шофёрскую школу и начал работать в этом городе. На кладбище в Ободовке Миша поставил памятник папе, а в Бершади похоронил на еврейском кладбище и поставил памятник погибшей в Бершадском гетто папиной сестре **Мане**. Брат присутствовал при вскрытии ямы с закопанными евреями, и среди сотен тел он узнал по одежде тётю.

Фейга Фельдман. Август 1947 г. Ободовка.

Мара. Брат взял все хлопоты о нас на себя: вырастил, выдал замуж. Продал остатки дома в Ободовке и забрал нас с мамой и сестрой к себе, в Черновцы. Мы жили вместе в его комнатке размером девять квадратных метров. Когда Миша женился, мы перешли жить отдельно. Чарна и я начали работать и учиться в вечерней школе.

Чарна. В Черновцах я вышла замуж в **1951** году. Муж **Исаак Шнайдер** работал бондарем, я – швеёй на швейной фабрике. Родила двоих сыновей: **Исаака** (1952) и **Михаила** (1958).

Мара. Я пошла работать в 16 лет на трикотажную фабрику. Работала контролёром ОТК и старшим контролёром 36 лет. В **1956** году я вышла замуж за **Исаака Юсима** из Молдавии. Муж работал шофёром, получил комнату. Мама **Фейга** болела много лет, жила в моей семье, умерла 26 июля **1967** года. В Черновцах я была членом городской ассоциации бывших узников нацистских концлагерей и гетто. Старший сын **Михаил** (1957) окончил автодорожный техникум и работал шофёром. Мой сын **Зиновий** (Зорик) умер в возрасте 26 лет (7 марта 1963 – 8 февраля 1989). Он служил три года в ракетных войсках в Житомирской области и был облучён в армии. С 1985 года пять лет я с ним ездила на лечение в российский город Обнинск, в институт гематологии, надеялась, что это поможет. В годы болезни Зиновий продолжал учиться в Киевском автодорожном техникуме и работать на машине, несмотря на запрет врачей заниматься трудом.

Чарна Фельдман (слева) с братом Михаилом, его женой Кларой и сыном Изей. 1949 г. Черновцы.

<u>В Израиле.</u>

Чарна. Я приехала в Израиль с младшим сыном в **1977** году, а второй сын – годом позже. Они отслужили в *ЦАХАЛе*, окончили вузы, успешно работают. На седьмой день пребывания в Израиле я начала работать и 16 лет отработала на текстиль-

ном предприятии «Шилтекс» в киббуце «Шиллер» до выхода на пенсию в **1993** году. Муж после приезда в Израиль работал 20 лет на заводе. Живём в г. **Реховоте**. У меня два внука и внучка, все прошли военную службу в Армии обороны Израиля. Одного из внуков назвали **Феликсом** в память о маме Фейге. Есть четверо правнуков: два мальчика и две девочки.

Мара. Я репатриировалась в Израиль с мужем и старшим сыном в **1991** году. Работала около 9 лет в кафе: и поваром, и мойщицей посуды, и уборщицей. После этого семь с половиной лет была работницей по уходу за пожилыми людьми. Эти работы подорвали моё здоровье. Муж проработал в Израиле 16 лет: трудился сварщиком, автомехаником, потерял зрение. Сын работает шофёром в большой фирме. У меня внучка **Роза**, правнук и правнучка.

Михаил Фельдман 2010 г. Хадера.

Нашего брата **Михаила Фельдмана** здесь, в Израиле, любили все и восхищались им. Он был замечательным человеком, много лет работал в г. **Хадера** председателем отделения Союза ветеранов 2-й мировой войны и участвовал в городской организации бывших узников нацизма. Михаил умер 20 **февраля 2011** года на 88-м году жизни. В Хадере живёт его сын **Исаак**.

*

Мара. Дай Бог, чтобы наши внуки и правнуки знали историю еврейской Катастрофы по книгам и никогда не испытали на себе. Они приходят ко мне, смотрят фотографии, интересуются, что мы пережили тогда. Будем надеяться, что в Израиле дети знают о Шоа больше, чем в другой стране.

Чарна. Мой старший сын участвовал во время армейской службы в Ливанской войне. Он ничего не рассказывал, но в те дни он поседел. Раньше он знал о войне по фильмам и книгам.

69.

Менишен Иосиф
(с. ***Озаринцы***
Могилёв-Подол. р-на)
и Менишена Фаина
(г. ***Могилёв-Подольский***
и с. ***Печёра)***

КАЖДЫЙ ДЕНЬ МОГ БЫТЬ ПОСЛЕДНИМ В ЖИЗНИ

Довоенная жизнь.

Я, **Иосиф Абрамович Менишен**, родился **20 января 1929** года в местечке **Озаринцы** Могилёв-Подольского р-на Винницкой области. Нас в семье было пять детей: 4 брата и сестра. Братья **Шимон** (1918), **Меир** (1916), **Исаак** (1913) проживали с семьями в Москве, а сестра **Соня** (1923) с мужем – в Ленинграде. Я, самый младший, жил с родителями в Озаринцах в деревянном старом доме из четырёх комнат. Папа **Абрам Исаакович Менишен** (1879) работал в передовом еврейском колхозе имени Петровского колхозником. Был религиозным человеком, грамотным в вопросах веры, по субботам не работал. Мама **Ривка Хаимовна** (1889) тоже была обязана работать в колхозе на разных работах. Мама окончила еврейскую школу до 1917 года, умела читать и писать на идише и по-русски. В синагоге она читала женщинам святые книги на иврите и переводила. В нашей семье говорили только на идише.

В Озаринцах жили компактно евреи и рядом с местечком украинцы. Украинцы работали в украинском и еврейском колхозах, евреи – только в еврейском. Его председателем был Давид Исаакович Шварц. В колхозе имелся свой раввин. В нашем местечке было 400 евреев, и все взрослые работали в колхозе. Обе синагоги в Озаринцах при советской власти превратили в колхозные склады, закрыли и церкви. Евреи молились тайком в доме у одного из еврейских жителей.

В **1941** году в 12 лет я окончил четыре класса советской еврейской школы (помню директора Хандроса Наума Борисовича) и готовился пойти осенью в украинскую школу.

Начало войны и оккупация.

О начале войны мы услышали днём **22 июня 1941** года по домашнему радио. Мои братья в Москве были мобилизованы на фронт.

Советская и сельская власти ничего не сделали для эвакуации людей. Озаринцы находились в 10 километрах от румынской границы, эвакуироваться или бежать от врага мы не успели и остались на оккупированной территории.

20 июля 1941 года, в понедельник в 9 часов утра, наше местечко оккупировали немцы и румыны. А уже через час, в 10 часов, все евреи были загнаны румынами и местными полицаями с белыми повязками на рукаве в синагогу, где их оставили взаперти без воды и пищи до самого вечера. Один из румынских солдат держал в руках канистру с бензином, очевидно, ожидая приказа поджечь синагогу с людьми. Наконец пришёл румынский офицер и приказал всех выпустить. Когда открыли двери синагоги, от самых дверей и на расстояние 50 метров румыны построились узким коридором в два ряда, и все четыреста человек, выходящие из синагоги, подверглись избиению палками, нагайками, невзирая на возраст. Из них отобрали 38 человек, вывели за местечко в поле и расстреляли. Остальных отпустили по домам. О расстрелянных нам сказали украинцы, вернувшиеся с поля домой.

Сам я не попал в синагогу, я убежал из дому и спрятался у соседа-украинца на огороде, пришёл домой только в шесть часов вечера, когда услышал, что людей отпустили. Всё это время родители, запертые в синагоге, не знали, что со мной.

Через неделю, в субботний день, приехал румынский отряд и отобрал 28 человек, в их числе были мой отец **Абрам Менишен** (1879), жена папиного брата **Ита-Рейзя Менишена** (1871) и её сын **Арон** (1891), бухгалтер-инвалид. Вывели эту группу в центр местечка на площадь и расстреляли. Я всё это видел, так как стоял в двадцати метрах от этого страшного зрелища. В состоянии сильного испуга я убежал в сторону Могилёва-Подольского, но потом вернулся к маме. Так началась наша жизнь в гетто.

В гетто.

С 1941 по 1944 гг. я с мамой находился в окруженном проволокой гетто местечка **Озаринцы**. Все евреи жили в своих домах. Было приказано носить *магендавид*. Если попадался человек без жёлтой звезды, его жестоко наказывали, избивали. Украинская полиция состояла из местных мужчин под начальством **Кирилловского**. Сельским головой был **Пересунько**, он ничего плохого евреям не сделал. Румынская жандармерия находилась от нас в 8 километрах, в ней служили 10 жандармов и офицер.

Кроме расстрелов, люди умирали ежедневно от холода, голода, болезней, невозможных условий жизни. От румын никакого питания мы не получали, нас просто морили голодом. И хотя было запрещено выходить из гетто, мы ходили в село просить еду, и сельчане давали нам поесть, иначе мы не выжили бы почти три года. Они нас фактически спасали от голодной смерти. В гетто было очень тесно, потому что пригнали примерно 300 евреев из Буковины, Бессарабии и вселили их в дома местных евреев. Депортированные евреи по крайней мере знали румынский язык, могли договориться с оккупантами, дать взятку, их отпускали на базар. Полицаи на входных воротах и примарь – румынский руководитель в Озаринцах смотрели на бегающих из гетто и в гетто детей сквозь пальцы, и я каждый день выбирался в село за едой. За водой для питья надо было ходить к колодцу за километр, я ходил с двумя вёдрами и приносил воду.

Из-за неимоверной скученности в Озаринцах летом **1942** года началась вспышка тифа, я тоже переболел им. Никого не лечили, не было лекарств. Мама прикла-

дывала мне лёд, сбивала высокую температуру, и это всё, что она могла. В гетто приходил украинский фельдшер **Константин Иванович Стукаленко**, живший в Озаринцах и работавший в сельской больнице, он очень помогал евреям. После войны я написал письмо в сельсовет о том, что Стукаленко, несмотря на опасность, приходил в гетто и спасал евреев. Ему была поставлена памятная доска.

Женщины по приказу румын занимались уборкой помещений. Мужчин и парней жандармерия уводила на тяжёлые работы, например, в каменном карьере грузить камень в вагоны. Украинцев на эти работы не брали, потому что им надо было платить, кормить их. В 8 километрах от нас находился сахарный завод, где тоже работали узники. Меня по возрасту на работу не брали, и моим ежедневным занятием было добывание еды, чтобы кормить маму и себя. Мы в гетто ходили стайкой детишек, помню мальчиков Симху Цойрефа, Ефима Вассермана, Потачника, девочек Фриму Шлайн, Дац. Среди детей были сироты, чьих родителей убили, их усыновляли родственники.

Каждую неделю-две приезжала румынская жандармерия, всех евреев выгоняли на улицу и делали перекличку. Проверяли, чтоб никто не удрал, и в это же время набирали рабочие группы по 30 человек. Иногда удавалось их обмануть – крикнуть «Есть!» вместо отсутствующего или убежавшего.

Освобождение.

19 марта 1944 года в 17 часов наше местечко было освобождено от отступавших немцев, румыны ушли двумя неделями раньше. Уже тогда мы стали убирать проволоку вокруг гетто. Мы встречали Красную армию со слезами на глазах. Часть полицаев арестовали, а другие остались жить в селе. Начальник полиции получил 25 лет тюрьмы, он по приказу жандармерии убил партизана, которого сначала пытали, отрезали язык.

Мать Иосифа Менишена Рива. 1953 г. Озаринцы.

В 15 лет я пошёл учиться в 6 класс, окончил 10 классов вечерней школы и одновременно работал в колхозе.

Послевоенная жизнь.

В день Победы **9 мая 1945** года нам с мамой было неимоверно тяжело. Мы думали и плакали об убитом фашистами в 1941 году отце **Абраме** и его родных. Три моих брата: **Шимон**, **Меир** и **Исаак** погибли на фронте: один – под Сталинградом, один – под Москвой, один – на Ленинградском фронте. Их жёны в Москве получили извещения с одинаковым текстом: «Ваш муж пропал без вести». Сестра **Соня** умерла в Ленинградской блокаде в **1942** году. Это горе нам принесли Катастрофа и война.

В **1948** году я был избран секретарём объединённой комсомольской организации трёх колхозов. В **1957** году переехал в гор. **Могилёв-Подольский** и в этом же году **5 сентября** женился на девушке **Фаине**.

Фаня родилась **2 октября 1934** года в Могилёве-Подольском. Её отец **Борис Барак** работал на заводе слесарем, мама **Хая** занималась домом. В начале войны отец был мобилизован на фронт, храбро воевал и вернулся живым в 1945 году. В неполные семь лет Фаня вместе с матерью и старшим братом **Лёвой** оказалась в **Могилёв-Подольском** гетто. Отсюда в **1942** году их семью перегнали в лагерь в селе **Печёра** Винницкой области. Здесь их содержали под открытым небом и в дожди, и в снег, никуда не выпускали и в то же время не кормили. Мама, брат и Фаня бежали из этого лагеря смерти, часть пути Лёва и Фаня несли обессилевшую мать на руках. Они пришли в свой дом в Могилёве-Подольском, но евреи, депортированные из Румынии и жившие в их доме, не впустили хозяев. Мать, Лёва и Фаня остались на улице, были пойманы во время облавы и среди других беглецов из Печёры отправлены фашистами в лагерь в гор. **Ананьев** Одесской области. Фаина вспоминала: «У меня в памяти осталось много страшных моментов, особенно каждодневные расстрелы. В лагере было 5 500 человек, а осталось всего 1500 после освобождения». В Ананьевском лагере их использовали на тяжёлых принудительных работах в румынском колхозе. Еду они добывали, проходя мимо сёл и выпрашивая поесть. Евреи умирали от непосильного труда и голода сотнями. Осенью на сборе урожая было легче: пекли свёклу и ели. Каждому узнику давалась норма, сколько свёклы надо выкопать в день. Украинские крестьяне, работавшие на соседних полях, приносили евреям хлеб и другую еду, подкармливали, сколько могли. Здесь Фаня с семьёй находилась два года до освобождения.

Иосиф и Фаина Менишены.
1 мая 1961 г. Могилёв-Подольский.

В **1944** году мать с детьми вернулась в **Могилёв-Подольский**. Фаина пошла учиться во второй класс, окончила школу и поступила в техникум на бухгалтерское отделение. По окончании техникума устроилась на работу бухгалтером на городском пищекомбинате и проработала здесь 44 года. В **1956** году умерла мама Фаины, в **1957** г. трагически погиб её брат, студент Московского физико-технического института им. Баумана, в **1963**-м – ушёл из жизни отец.

У нас родились сын **Илюша** и дочь **Клава**. Сын получил образование инженера-электрика, дочь стала фармацевтом. Моя мама **Ривка** жила вместе с нами и умерла в **1968** году в Могилёве-Подольском. Я работал в районном узле связи начальником снабжения в течение 25 лет, затем 12 лет проработал на заводе продовольственных товаров в Могилёве-Подольском. Награждён медалью «Ветеран труда». Вышел на пенсию в 1991 году. Экономическое положение в стране было тяжёлым.

В Израиле.

2 сентября **1993** года мы с женой и детьми репатриировались в Израиль. Пять лет я ещё поработал в Израиле. Дочь работает в Израиле фармацевтом в аптеке, сын проживает в Канаде, работает инженером-электриком. У меня в Канаде – чудесные внук и внучка. Жена **Фаина** ушла из жизни **31 июня 2009** года. Я живу в г. **Реховоте** в дружной семье любимой дочери **Клавы** и замечательного зятя **Станислава** с дорогими внуками: **Артуром**, прошедшим службу в Армии обороны Израиля, и **Шароном**, учеником школы.

В Израиле я встречался с приезжавшим киевским писателем, бывшим узником гетто, ветераном войны **Борисом Хандросом** (1923-2006), автором двух книг об Озаринцах, сыном директора моей довоенной школы.

70.

Кушнирович Песя
(с. ***Павловка*** *Крыжопол. р-на)*
и Кушнирович Клим
(с. ***Чечельник****)*

НЕ ВЫПЛАКАТЬ ВСЕХ СЛЁЗ ПО НАШИМ ПОГИБШИМ

Довоенная жизнь.

Наша большая семья жила до войны в городке **Сокиряны** Черновицкой области при румынской власти. Тогда в Сокирянах жило много евреев. Наш хороший одноэтажный дом находился близко от центра городка. У папы **Ицика Дыба** (прим. 1892) и мамы **Шейвы** (девичья фамилия Фельдман) (1894) нас было шестеро детей: старшая сестра **Хана** (Доня), братья **Шмил**, **Золмен**, **Хаим** (Фима), **Ныcл** (Нюма) и я, **Песя** (Поля) **Ицковна**, самая младшая в семье (1 сентября 1932).

Мой отец был отличным сапожником. В собственной мастерской при доме работали все его сыновья. Заказчиков было много: и евреев, и украинцев, и русских. Мама занималась домашним хозяйством и детьми. Когда дети подросли, то она стала работать для других. Мама была известна как лучшая кухарка в Сокирянах, и её постоянно приглашали готовить вкусные блюда для еврейских свадеб: она пекла, варила. Мама всю жизнь знала только язык идиш.

В нашей семье соблюдали все еврейские законы и традиции, праздновали все праздники. Сестра Хана до войны вышла замуж и уехала жить в молдавский город Атаки, там родила двух сыновей.

Начало войны и депортация в Транснистрию.

В первые дни войны в **июне 1941** года старшего брата **Шмиля** мобилизовали на фронт.

Ночью в **Сокиряны** вошли румынские фашисты и выгнали нас из своих домов. Из Сокирян в большой колонне меня, братьев Золмана, Фиму, Нюму, маму с папой и бабушку Хаю погнали в сторону Украины. Нас вели люди в военной форме с оружием. Я не знаю, это были румыны или немцы, но помню, что они по дороге убивали тех, кто потерял силы идти. Мамина мама **Хая-Сура Фельдман** (1880) отстала. Нельзя было искать её, даже оглянуться, иначе убьют. Моя мама всё время оборачивалась, смотрела вокруг и просила людей: «Посмотрите, где моя мама». Нас остановили на ночлег в **Косоуцком лесу**, но мы не дождались бабушки, она пропала навсегда.

Помню, что нас переправили через Днестр украинцы, оттуда в **Ямполь**, оттуда в **Могилёв-Подольский** и дальше по дорогам Украины. В колонне шли все наши знакомые и родственники, мы знали друг друга. Мне было 8 лет, и я не могла ходить так много. Мои братья несли меня на плечах.

В гетто в сёлах Ободовка и Павловка.

Осенью 1941 года оставшихся в живых привели в село **Ободовку** Винницкой области. В Ободовке румыны поместили нас всех в свинарню.

В один из сырых осенних дней из свинарни вывели много людей, и среди них мою маму **Шейву** и братьев **Нюму** и **Фиму**. Их положили на землю и били прикладами. Помню, что мама перед этим сказала мне: «Не плачь, не кричи «мама, мама», тебя убьют». И через щель в дощатых стенах свинарника я смотрела, что делают с мамой и другими евреями, и молчала. Когда моя мама пришла после этой экзекуции, она была полумёртвая. Маме отбили печень. Мой брат Нюма стал инвалидом, после ударов по голове он начал терять зрение. Причиной избиения было только то, что мы евреи.

Шейва Дыб – мама Песи. 1945 г. Сокиряны.

В начале **1943** года умер в Ободовском гетто папа **Ицик**. Он заболел, и его забрали. Больше я отца не видела. Мама не хотела пугать нас известием о папиной смерти и скрывала его.

Мы все страшно завшивели, по мне ползали большие вши. Нас не кормили. Помню, по ночам украинские крестьяне забрасывали нам в окна картошку, чтобы мы не умерли с голоду. Эти же самые люди в один день пришли к нам в свинарник и сказали, что нашу охрану куда-то забрали и нам надо уходить отсюда. Они нам показали дорогу, куда идти. Никто не остался ждать румынских охранников, мы все огромной толпой ушли в село Павловка в 30 километрах от Ободовки.

Нас было очень много, румыны посадили всех в свинарник, и в гетто в с. **Павловка** Крыжопольского р-на моя семья находилась до самого освобождения.

Я была девочкой десяти лет, боялась всего, боялась посмотреть на кого-то. Я была всё время возле мамы. От страха я громко плакала. Ночью мама прижимала

меня к себе, чтобы я не плакала. Каждый день мама давала мне кусочек картошечки и кусочек хлеба, где она брала это, я не знала.

Взрослых гоняли на работу: перебирать картофель, овощи, грузить их на подводы, и мама всегда брала меня с собой. Она боялась меня оставить, чтобы со мной чего-то не случилось. Мои три брата Золман, Нюма и Фима были старше, и их уводили чистить, убирать.

От непосильного подневольного труда, голода в **начале 1943** года погиб в гетто **с. Павловка** мой брат **Золман Дыб** (1924). Ему шёл девятнадцатый год.

В с. Павловка мы очень чувствовали помощь простых украинцев. Одна женщина нас просто спасла. Случилось это в конце 1943-го или в начале 1944 года. Я была ребёнком и в датах не очень ориентировалась. Нашу запертую свинарню, полную евреев, подожгли снаружи. Начался пожар. Свинарня находилась совсем недалеко от Павловки. Сбежались люди, начали кричать. Местные жители нас вытаскивали из горящего деревянного свинарника. Они ломали доски в разных местах, чтобы сделать несколько выходов. Нашу семью вывела из пожара пожилая женщина и повела к себе домой. Её звали **Пекудыха**, и жила она с двумя дочками в Павловке. Мы находились у неё до самого освобождения в марте 1944 года. Эта женщина нас кормила, поила. Она учила нас, детей, чтобы мы говорили, что она – наша «бабуля», потому что вокруг ходили немцы, румыны и полицаи. Бабушка Пекудыха нас прятала от них в подвале, в сарае. Сколько мы насиделись в них! Низкий поклон и светлая память бабушке за наше спасение!

После освобождения.

Весной 1944 года пришли в дом советские солдаты и сказали, что мы свободны. В селе уже была Красная армия. Были живы на момент освобождения мама, я, мои братья Нюма и Фима. Мама собрала нас, и мы пошли пешком домой, переправились через Днестр и добрались до Сокирян. Наш дом был разрушен, но мы в нём поселились. Братья возобновили сапожное дело. После войны негде было купить обувь, её шили сапожники. Сшили сапожки и мне. Брату **Нюме** понадобилась операция, потому что зрение продолжало падать.

До войны я не училась и лишь в 1944 году пошла в школу в 12 лет.

После войны.

Брат **Шмиль Дыб** не вернулся с войны, и мы не получили о нём никакого извещения из армии.

Из Катастрофы евреев моя семья вышла с тяжелейшими человеческими потерями: погибли бабушка, папа, брат Золман. Со временем мы узнали, что трагическая участь постигла мою сестру **Хану** (в замужестве Нудельман) с двумя детьми. **Хана** (1918) и её сыновья **Тойва** (1935) и **Рувин** (1938) были депортированы из Атак в Транснистрию и погибли в одном из гетто Винницкой области в **1942** году. Муж Ханы **Аврум** воевал на фронте и не вернулся с войны. Не стало целой семьи.

После окончания войны брат **Фима** переехал жить в **Могилёв-Подольский** и забрал маму и меня к себе. Фима работал сапожником, мама ездила по сёлам и шила людям. За ней приезжали на повозке, грузили её швейную машинку, и она

работала в домах у заказчиков. Я окончила школу-восьмилетку ещё в Сокирянах. В Могилёве-Подольском начала работать на швейной фабрике. Я обучилась и работала на спецмашинах: пуговичной, стёгальной, оверлоке.

Вышла замуж в **1959** году за **Клима Кушнировича** (5 ноября 1933). Клим родом из Бершади. В годы Катастрофы находился с семьёй в **Чечельницком** гетто, где погибли все его родные. Муж работал наладчиком-механиком и сменным мастером в Обществе слепых. В 1960 г. родился сын **Давид**, а в 1966-м – сын **Михаил** (Михаэль).

Мой брат **Нюма** был слабовидящим инвалидом и работал в Обществе слепых. Перед отъездом в Израиль Нюма поехал в **Павловку**. Нашей спасительницы бабушки Пекудыхи уже не было в живых, но он встретился с её двумя дочерьми. В сельсовете по их свидетельству нам выдали справку, что мы находились на оккупированной территории. В документе есть её и их имена.

Мама **Шейва** умерла 22 февраля **1974** года от цирроза печени и похоронена в Могилёве-Подольском. Это было последствием страшного её избиения прикладом в Ободовском гетто.

В Израиле.

В Израиль мы с мужем и сыновьями приехали в **1978** году. Я работала в Израиле на фармацевтическом предприятии по 12 часов, муж – на строительных работах. Оба сына отслужили в Армии обороны Израиля, один из них служил в морских частях во время войны, другой и сегодня работает в армии. У нас две внучки и два внука. Брат **Нюма** живёт в гор. Кармиэле, ему 90 лет, мы живём в **Реховоте**.

71.

Гофт Соломон
*(с. **Кацмазов** Жмеринского р-на и с. **Поповцы** Копайгородск. р-на)*

О РОДНЫХ, ПОГИБШИХ В ШОА

Довоенная жизнь.

До войны мы жили в гор. **Хотине** Черновицкой области (тогда Румыния), где родились и выросли мои родители. Отец **Авраам Шлёмович Гофт** (1885) был потомственным бондарем. Он работал в своей мастерской при доме, изготавливал бочки разных размеров и потом продавал их в центре города в специальном складе-подвале. Мать **Этл Зеликовна** (девичья фамилия Гандельман) (1889) за-

нималась домашним хозяйством и детьми. У папы и мамы нас было шестеро: двое старших детей отца от первого брака – брат **Александр** (1916) и сестра **Рикел** (Рая) (1926), сестра **Шейнделэ** (1930), брат **Шимон** (1932), брат **Мойше** (Миша) (1934) и я – **Шлоймэ** (Соломон, Сёма), родившийся **22 июня 1937** года. Папин неустанный труд приносил доходы, и в 1937 году он взял дополнительно ссуду в банке и купил для нас одноэтажный 5-комнатный дом в еврейском районе города.

Помню дедушку **Шлёму** (умер в 1940 г.), религиозного еврея с белой бородой и в кипе. Когда он возвращался из синагоги, то всегда приносил нам бублики, кусочки пирога. Папа ходил молиться каждый день утром и вечером в небольшую синагогу недалеко от дома, брал и меня с собой. Люди уважали его, он был многолетним казначеем синагоги. В нашем доме строго соблюдались все еврейские обычаи, говорили мы только на идише.

После прихода советской власти в **1940** году молодёжь города была отправлена в Донбасс на работу в угольных шахтах, в том числе сестра Рая и брат Саша с молодой женой, которых в первые дни войны эвакуировали в глубь страны.

Начало войны и оккупация.

Мне исполнилось четыре года **22 июня 1941** года. В этот день началась война, и в этот день наш новый дом был разрушен сильнейшей немецкой бомбёжкой. Мы остались без вещей. Были разбиты дома на всей улице. Пришлось перейти жить в другой район города к папиной старшей сестре-вдове, тёте **Суре-Шейндл**. Через три дня мы пошли к месту, где до бомбёжки стоял наш дом, потому что в подвале хранились продукты. Вместо дома был пустырь, подвал затопило водой и рассолом, и папе удалось выловить немного солёных овощей. Снова начали бомбить город, и мы убежали прятаться.

В начале **июля 1941** года в **Хотин** вошли румынские оккупанты. Немцы приезжали и уезжали, в городе властвовали румыны. Вскоре, в одно летнее утро, румыны и местные полицаи выгнали евреев из их домов, тут же подали подводы, и нас колонной – кто ехал, кто шёл – погнали из города. Никто в огромной колонне не знал, куда она движется. Нас конвоировали пешие румыны и хотинские полицаи. В колонне шли мама, папа, я, братья Мойше и Шимон, сестра Шейнделэ и тётя Сура. Первая остановка для ночлега была в селе **Секуряны**. На следующее утро проснулись, а подвод нет, и из Секурян все пошли пешком опять в неизвестном направлении. Особенно тяжело было идти больной сестре Шейндл. Отец нес её на плечах. Потом выяснилось, что при ходьбе она натёрла себе промежность до крови и молча страдала. Старые люди не выдерживали долгого пути, и я помню, что колонна шла вперёд, а на дороге оставались лежать беспомощные старики. Помню, что в нашей многотысячной колонне шли евреи из Черновиц, видно, в Секурянах нас присоединили к ним. Дошли до пос. **Атаки** на границе Молдавии и попали через Днестр в украинский город **Могилёв-Подольский**. Тут мы ночевали в здании школы. Ночью, не вынеся тягот пути, после резкого поднятия температуры из-за раны умерла моя сестра **Шейнделэ**, ей было 12 лет. На рассвете папа, тётя и я похоронили её: отнесли в простыне на опушку леса, положили под

деревьями, копать было нечем, набросали ветки на тело и вернулись. Утром, когда полицаи всех выгоняли строиться, чтобы идти дальше, я отошёл по надобности подальше от глаз и опоздал – колонна ушла. Я не знал, куда идти, брёл и плакал, пока не увидел идущую впереди толпу людей. Я подбежал к ним и, к счастью, узнал среди них тётю **Розу**, мамину сестру, которая шла в конце колонны. Перед войной она вышла замуж и из Хотина уехала жить возле Черновиц. Она и её муж **Мойше Литвак** помогли мне найти маму и папу, а затем они пошли отдельно с родными мужа. Нас бесконечно долго водили по сельским дорогам, шли холодные дожди, люди умирали и умирали. В этом пути в конце **августа 1941** года умер мой девятилетний брат **Шимон Гофт**.

<u>В гетто в с. Кацмазов и в с. Поповцы.</u>

Нас привели в закрытый лагерь для евреев в с. **Кацмазов** Жмеринского р-на Винницкой области в сентябре-**октябре 1941** года, и здесь мы прожили первый год нашего заключения. Лагерь располагался на территории колхозной фермы, окружённой колючей проволокой. На ферме были помещения для скота – бараки, в каждый барак загнали по 100-150 семей. Румыны назначили старосту, который следил за порядком, в нашем бараке это был хороший знакомый моего отца **Хаим Коган**. До войны они молились в одной синагоге.

Помню, что посреди лагеря один раз в день варили огромный котёл похлёбки, продукты для неё выдавали румыны, они покупали или отбирали их у местного населения. Этой жидкой похлёбки было недостаточно: кому-то доставалось, а кому-то нет, и люди рисковали добывать еду на стороне. Если ловили человека, который выходил за пределы лагеря, то его сильно избивали. Был приказ не выходить из бараков без разрешения. Видно, к детям это относилось не так строго, потому что однажды брат Миша взял меня с собой в село просить подаяние. Мы выбрали момент, приподняли проволоку и вышли из лагеря. Ограду почти не охраняли, потому что румыны знали: из Кацмазова евреям бежать некуда. В селе мы попросили поесть в двух домах и прямо на дороге наткнулись на украинского старосту. Он нас заметил. Миша не раз бывал здесь и знал, кого надо бояться. Наше счастье, что староста нёс бревно, и мы с братом успели разбежаться в разные стороны.

В лагере пришлось перенести **зиму 1941-42** годов. Потом мне рассказывали родители, что в лагерь нас вошло 13 тысяч, а весной 1942 года осталось в живых 800 человек. Мы лежали в бараке все вместе: живые и мёртвые. Каждое утро накрывали с головой мёртвых, днём приходили из еврейской похоронной команды и забирали умерших на подводы. В эту зиму очень тяжело заболел тифом мой отец, но выжил. Болел и я. Помню, мы с отцом лежали всё время под одеялом, а мама и брат Мойше заботились о нас, выходили из барака. Моя тётя **Сура-Шейндл** лет шестидесяти, которая была с нами, умерла зимой в **начале 1942** года.

Родители понимали, что нас ждёт та же участь. В апреле-мае **1942** года мы вчетвером убежали из Кацмазова в гетто в с. **Поповцы** Копайгородского р-на, недалеко от Кацмазова. Перед побегом папа сначала сам выбрался в Поповцы, узнал, что там есть консервный завод и нужен бондарь, и вернулся за нами. В Поповцах

была румынская военная администрация, взрослые, помнится, носили жёлтые знаки, выходить из гетто, кроме работы, запрещалось, но люди жили более свободно, в домах. Поселили нас у хозяина **Гольдштейна** в большом доме, в котором уже жили пять семей.

В Поповцах мы нашли маминых сестёр: тётю **Тубу** и одинокую тётю **Малку** Гандельман, их привели сюда из Хотина другой колонной. Через некоторое время они перебежали в Копайгородское гетто, и оттуда один из наших родственников в Джуринском гетто увёл их к себе. К слову, муж Тубы дядя Шмиль работал парикмахером, и в 1940 году, когда пришли Советы, был посажен в тюрьму за неосторожное словцо на 8 лет. Отсидев, он в Хотин не вернулся.

Маме удавалось время от времени выйти в ближние сёла за едой. Всех взрослых водили на поля на сельхозработы: родители брали меня и Мишу на обработку табака, подсолнечника. В Поповцах отец делал бочки на консервном заводе, и с ним ходил девятилетний брат Миша. После работы отец ухитрялся ещё подрабатывать, делая бочонки для крестьян в Поповцах и окрестностях. Здесь дождались освобождения.

После освобождения и послевоенная жизнь.

Нас освободила Красная армия в **марте 1944** года, и нам разрешили отправиться домой только после сообщения, что 3 апреля гор. Хотин освобождён от немцев. Пешком дошли до пос. Копайгород и оттуда поехали в Хотин поездом. В **Хотине** жить было негде, устроились у маминого брата **Иосифа** Гандельмана. Отец продолжил работу бондаря на заготовительной базе и подрабатывал на дому, мама занималась хозяйством и детьми. Большую синагогу закрыли и перестроили внутри в жилой дом, закрыли и нашу синагогу возле дома. Папа ходил молиться в синагогу, устроенную в доме папиного друга. Здесь меня научили накладывать *тфилин* (часть молитвенного облачения еврея).

Папа Авраам Гофт, мама Этл, брат Соломон (слева), брат Миша (справа) и сестра Рая. 1948 г. Хотин, Украина.

Мои тёти **Туба** и **Малка** и дядя **Иосиф** с семьёй в **1946** году уехали в Румынию, пожили там три года и выехали в Палестину – будущий Израиль. Уговаривали и отца ехать с ними, но он от усталости после лагерей отказался. После войны вернулись из эвакуации в **1948** году старшие брат и сестра. Брат Саша жил в Черновцах, а сестра Рая – с нами в Хотине.

Я окончил школу и Хотинский ветеринарный техникум. Работал три года начальником ветотряда в райцентре **Кель-**

менцы Черновицкой области. Приходилось много ездить, мы боролись в колхозах с ящуром, бруцеллёзом. Переехал в гор. **Единцы** и здесь познакомился с будущей женой **Полиной** Коган, родом из Молдавии. В **1961** году сыграли свадьбу. Брат Полины **Исер Гершевич Коган** (1922) погиб в **июле 1941** года. Когда семья эвакуировалась из **Бельц** и дошла до гор. Атаки, чтобы переправиться через Днестр, Исер сказал, что ему необходимо вернуться в Бельцы и он догонит семью. Семья успела на последний эшелон в Могилёве-Подольском, а Исер был убит во время немецкой бомбёжки гор. Бельцы. В эвакуации умер отец Полины. Второй её брат сержант **Нахум Гершевич** (Наум Григорьевич) **Коган** (1925) погиб в бою **9 мая 1944** г. в день освобождения гор. Севастополя. Похоронен под Севастополем в братской могиле на высоте с отметкой 178.6. Ему было 19 лет.

Папа **Авраам** Гофт умер в **1962** году и похоронен в Хотине. У нас родились три сына: в **1962** году – **Герман** и в **1966**-м – близнецы **Наум** и **Лев**.

В Единцах я работал по специальности 15 лет в колхозе, в ветлечебнице, жена 15 лет преподавала математику в средней школе. В **1972** году нам прислали вызов из Израиля, мы подали документы в ОВИР и через два месяца получили разрешение на выезд за границу.

<u>В Израиле.</u>

Моя семья репатриировалась в Израиль в **1972** году. В городе **Цфат** жили в общежитии для новых репатриантов и изучали иврит. Переехали в гор. **Реховот** и живём здесь уже 40 лет. Брат **Мойше** приехал в Израиль с нашей мамой в **1973** году, и они устроились вместе в гор. **Хайфе**. В **1984** году наша мама **Этл** Гофт умерла и похоронена в Хайфе.

Соломон Гофт с женой Полиной и сыновьями: (справа налево) Германом, Нахумом, Арье на праздновании 50-летия совместной жизни. 17 декабря 2011 г. Ришон ле-Цион.

Полина после учительских курсов проработала 27 лет в израильской школе учителем математики. Я служил 30 лет в Израильской ветеринарной службе инспектором птицефабрик. Наш общий трудовой стаж 87 лет. 17 декабря **2011** года мы отпраздновали нашу «золотую свадьбу» – 50 лет вместе.

Двое сыновей живут в **Реховоте**, а старший – в гор. **Пардес Хана-Каркур**. Все они окончили Беэр-Шевский университет: Гера – по специальности «Компьютеры», Арье (Лев) – курс «Управление промышленностью», Нахум (Наум) – экономический факультет. Сыновья успешно

работают, женаты. У меня с Полиной девять внуков. Реховотские внуки у нас дома каждый день.

Сестра **Рая** Титингер приехала в Израиль в **1971** году, живёт в Беэр-Шеве. Брат **Александр** Гофт репатриировался в Израиль в **1990** году, умер в гор. Раанана в **1991**-м.

72.

Шнайдер Иосиф
*(с. **Поповцы** Копайгородск. р-на)*

СТРАДАНИЯ В ГЕТТО ПОМНЮ ДО СИХ ПОР

Довоенная жизнь.

Я, **Шнайдер Иосиф Бенционович**, родился **28 ноября 1937** года в местечке **Бричаны** Хотинского уезда в королевской Румынии. До войны в нашем городке жило 15 тысяч евреев и незначительная часть украинцев. Жили евреи и украинцы дружно под управлением румынской администрации.

Мой отец **Бенцион Ушерович Шнайдер** (1886) был потомственным мастером по окраске шерсти для молдавских ковров. Папа построил большой дом с хозяйственным сараем длиной восемь метров. При доме был свой красильный цех, куда приходили крестьяне и другие заказчики. Мать **Фейга Хаимовна** (1903) занималась домом и детьми. В семье было 8 детей – 4 мальчика и 4 девочки: **Ушер** (1922), **Мина** (1931), **Хаим** (1932), **Рахель** (1933), **Йоэль** (Юлик) (1934) и я, **Иосиф** (фактически 1935 года рождения). Двое умерли в детстве. Бабушка **Хая** (1883), папина мама, жила с нами вместе: она и пекла, и варила. Дома говорили только на идише, соблюдали кашрут, праздновали все религиозные праздники.

В **1940** году Бессарабию присоединили к Советскому Союзу, и была провозглашена Молдавская Советская республика. Старшие дети пошли в школу, учились на русском языке.

Начало войны и оккупация.

Война в **июне 1941** года застала нас в **Бричанах**. Немцы сразу оккупировали Молдавию, и началась страшная пора. В **июле 1941** года в Бричаны вошли румыны. Помню, что им варили кашу в огромном котле, отнятом у нас, в котором папа годами красил шерсть.

Румыны выселили евреев из их домов и нашу семью вместе со всеми евреями Бричан этапом погнали через реку Днестр на Украину. Это была огромная много-

тысячная колонна людей. Кто отставал, того румыны пристреливали. Помню, во время одной из остановок нас загнали в коровник. Одна девушка вышла к колодцу напиться, и её застрелили. Не было питьевой воды. Пить приходилось из протекавшей в селе речушки, в которой местные жители справляли естественные нужды.

Сначала на украинской земле мы попали в село **Печёру** Винницкой области. Там в имении графа Потоцкого был устроен лагерь для евреев. Через день после нашего ухода из Печёры в лагерь вошли эсэсовцы и расстреляли много людей.

В гетто.

Нас увели в с. **Копайгород** и оттуда в село **Поповцы** Копайгородского р-на. Мне было в 1941-м пять с половиной лет, но те страдания, которые нам пришлось пережить, остались в моей памяти до сих пор. Это село входило в румынскую зону оккупации. В Поповцах было создано гетто, не огороженное проволокой. В нём жили тысячи евреев, пригнанных из Бессарабии, и местные евреи. Все носили магендавиды. Помню, что одним из еврейских полицаев был наш бричанский земляк – **Израиль Шпигель**. Он издевался над моим старшим братом. Чтобы брат лучше работал, Шпигель гонял брата вокруг румынской машины и бил.

Нас: маму, папу, бабушку и шесть детей – поселили к местной еврейке в комнату площадью восемь квадратных метров. Сестру Мину укрывали соломой, у одного из братьев вместо подушки был большой камень.

Вначале те немногие вещи, что были у нас, мы меняли у местных украинцев на продукты, а потом стали голодать. Дети пробирались к кагатам, где хранилось сырьё для сахарного завода, таскали оттуда свёклу палкой с гвоздём. Выход из гетто был нам запрещён, но мой старший брат **Ушер** выбирался ночью в заснеженное поле выкапывать мёрзлую картошку. Однажды его поймал полицай и избил до потери сознания. Мы лишились последнего источника питания. В **январе 1943** года от голода умерла бабушка **Хая** в возрасте 60 лет. Младшие дети шли попрошайничать по сёлам. Я ходил к сельскому буфету, когда должны были выбросить отходы и мусор, чтобы найти среди них что-то съедобное. Рядом стояли румыны и полицаи, смотрели на меня, полуголого, но не прогоняли. Местные жители не обращали на нас внимания. Помню, я шёл за одной женщиной почти два километра, ожидая, что она съест яблоко, выбросит огрызок, и я его обглодаю.

Когда отец в **1943** году начал работать красильщиком у крестьян соседних сёл, стало немного легче. Он сумел сохранить немного краски в порошках. Крестьяне водили папу к себе домой, и у них он красил шерсть в обмен на продукты. Мы с **Ушером** ходили по ближним сёлам, сбывая крестьянам папину краску. Попались одному полицаю, который заставил брата глотать эти порошки из кулёчков. Брат **Хаим** пас у украинца свинью.

Мы страшно страдали от холода. За годы в гетто на нас остались лохмотья, на ногах «мягкая обувь» – тряпки, обвязанные верёвочкой. В гетто началась эпидемия тифа, дизентерии. Люди умирали десятками. Была организована еврейская похоронная команда, хоронили бабушку в общей могиле. Сейчас я не могу себе представить, как мы, голодные, почти раздетые, прожили эти три страшных года.

Освобождение.

В **марте 1944** года Красной армией был освобождён Копайгородский район. В том же месяце был мобилизован на фронт мой старший брат **Ушер**.

Мы стали добираться домой пешком, раздетые и босые. Сразу по прибытии в **Бричаны** отец был мобилизован на «трудовой фронт» и отправлен в Сибирь, в Кемеровскую область. Не помогло, что по возвращении из лагеря в документах папа указал возраст всех детей на два года младше. С тех пор я и записан родившимся в 1937 году. В нашем бричанском доме жила молдавская семья и уходить не хотела, пока её не выселила милиция. Мама осталась без всякой помощи с пятью детьми. Она делала всё, чтобы мы не умерли с голоду. Мама умела красить, продавала краску для шерсти, и мы выжили. Стало легче, когда вернулся отец и продолжил красильное дело.

Послевоенная жизнь.

В **1947** году, когда начался всеобщий голод, папина профессия просто спасла нас от голодной смерти. С 1953 года он был вынужден вступить в рабочую артель.

Иосиф Шнайдер с женой Любой Снитковской в год свадьбы. 1958 г. Бричаны.

Выросли и пошли служить в Советскую армию мои братья. Сестра **Мина** окончила Каменец-Подольский учительский институт и работала учительницей.

Я окончил 10 классов вечерней школы в Единцах и был призван в армию. По окончании службы поселился в украинском городе **Могилёве-Подольском**. Работал в больнице заместителем главного врача по хозяйственной части. В **1957** году женился на **Любе Снитковской**, девушке, выжившей в фашистском гетто в с. **Черневцы** Винницкой области. Она приехала работать в Бричаны товароведом. Родились дети.

Через 28 лет после окончания войны нами была найдена могила брата **Ушера Бенционовича Шнайдера**, не пришедшего с войны. Освобождая Западную Украину, он погиб у села **Горохово** в июле **1944** года.

В Израиле.

В **1980** году я с семьёй репатриировался в государство Израиль, поселился и живу в г. **Реховоте**. Как и все, прошёл «прелести» абсорбции (так в Израиле называют процесс адаптации нового репатрианта). Мои документы о профессии не признали, и я работал в Ришон ле-Ционе на деревообрабатывающей фабрике, потом в других местах – в целом 22 года. Вместо пенсии получаю пособие по старости. 17 декабря **2012** года исполнилось 55 лет нашей совместной жизни с любимой женой **Любой**.

73.

Шендельзон Ефим
*(с. **Сказинцы***
*и с. **Яруга** Могилёв-Подол. р-на)*

ПАМЯТИ МАМЫ, СПАСШЕЙ ТРЁХ ДЕТЕЙ В ДВУХ ГЕТТО

Довоенная жизнь.

Я, **Ефим Борисович Шендельзон**, родился **22 апреля 1941** года в с. **Яруга** Могилёв-Подольского р-на Винницкой области. В центре села находилось еврейское местечко, в котором на 3-4 улицах жили только евреи в дружном соседстве с украинцами. Мама **Фейга Гершковна** (1913) была домохозяйкой, отец **Берл** (Борис) **Семёнович** (1910) работал столяром. Нас, детей, в семье было трое: сестра **Роза** (1932), брат **Семён** (1936) и я, рождённый за два месяца до войны. В нашем доме из глиняных кирпичей, с деревянной крышей, имелось большое полуподвальное помещение, наверху была кухня и две жилые комнаты с деревянными полами. Печь топили дровами и углём.

Мамина мама, бабушка **Хона**, жила в селе **Петрашовка** Ямпольского р-на с неродным мне дедушкой.

Начало войны, оккупация. В гетто.

В первый день войны **22 июня 1941** года всех мужчин призывного возраста мобилизовали на фронт, среди них был и мой отец **Берл**.

Во время немецко-фашистской оккупации с **июля 1941** года по август 1943 года я находился с матерью, сестрой и братом в гетто в с. **Сказинцы** Винницкой области. Немцы вместе с местной полицией выгнали всех евреев Яруги из домов и толпой отвели в Сказинцы, километрах в тридцати от Яруги. В гетто мама, обессилев, выронила меня однажды из рук, и примерно лет до пяти я не мог ходить, только ползал. В 1941 году сестре было девять лет, брату – пять. Нянчила меня сестра **Роза**, всюду носила на руках. Маме одной с тремя детьми пришлось страшно тяжело.

В **августе 1943** года мама с нами из Сказинцев решила вернуться в Яругу. Власть в **Яруге** была румынская. На входе в село румынские жандармы потребовали заплатить за право войти. Мама дала взятку. Но денег, по мнению румын, оказалось недостаточно, и они сказали, что за эту плату могут впустить маму только с двумя детьми. Мама повернулась и ушла с нами. Выбрав укромное место, она положила меня, самого маленького, в мешок, накрыв вещами, и снова подошла к

румынам-охранникам. На этот раз к ней претензий не было, но румын штыком, проверяя или издеваясь, проколол мешок. Я был умирающим ребёнком двух лет и находился в смертной дрёме от голода. Я молча лежал на дне мешка, и штык прошёл немного выше моего тела, проткнув какие-то вещи. Так мама с нами вернулась в Яругу. Дом наш стоял, но был полностью разграблен. Вся мебель, сделанная отцом для дома, оказалась в украинских домах: у Браславского – стол, у другого – шкаф и т. д. Некоторые вещи сестра узнала на базаре, и их возвратили нам. Но всё остальное осталось у соседей, вернуть отказались. Мама делала всё возможное, чтобы сохранить нас живыми: работала, подрабатывала за кусок хлеба, бутылочку молока и отдавала всё нам. Мы болели, мы мёрзли, но остались живы и этим полностью обязаны нашей маме.

Бабушка **Хона** перенесла период оккупации в селе **Петрашовка**, где жили всего две еврейские семьи. Их никто не тронул, соседи-украинцы всем говорили: «У нас евреев нет». Никто на них не донёс.

Послевоенная жизнь.

После окончания войны мы получили извещение, что мой отец **Борис Семёнович Шендельзон**, находясь на фронте, пропал без вести в **мае 1944** года. В Яруге на памятнике погибшим воинам есть его имя.

В тяжёлые послевоенные годы наша семья голодала. Пенсии за погибшего отца не хватало на четверых. Мама была боевой женщиной, работала уборщицей в правлении колхоза, поднимала нас на ноги. Брат и сестра повзрослели, начали работать, и стало немного легче жить. Я учился в Яруге в украинской средней школе. Роза и Семён создали семьи, уехали жить в г. **Черновцы**. Сначала я, а потом мама переехали к брату и сестре.

В **1961** году я окончил Черновицкий техникум железнодорожного транспорта по специальности техник-строитель. После службы в армии с **1965** по 1994 годы работал мастером в ремонтно-строительном управлении г. Черновцы. Мы ремонтировали школы, больницы, жилые дома. Мама **Фейга** болела и умерла в **1977** году в Черновцах. Брат **Семён** в настоящее время живёт в Канаде (Торонто), сестра **Роза** – в Америке (Нью-Йорк).

В Израиле.

Репатриировался в Израиль с женой **Симой** и тестем в марте **1994** года. Дети приехали раньше. Живём в гор. **Реховоте**. Сыновья успешно работают: **Игорь** – спортивный тренер, **Феликс** – заместитель генерального директора в крупной фирме. Две прелестные внучки доставляют нам много радости.

74.

Левин Шимон
*(пос. **Томашполь**)*

НАШЕ ДЕТСТВО В ФАШИСТСКОМ АДУ

Работая над воспоминаниями, я пользовался любой возможностью беседовать с моим старшим братом Исраэлем Левиным о нашем пребывании детьми в Томашпольском гетто в годы Холокоста. Боль от гибели наших родных в Шоа и сегодня так же сильна, как и 70 лет назад.

Довоенная жизнь.

Фамилия наших предков по отцовской линии была **Лев**. Родители отца – дедушка **Кисиль Лейзерович** Лев (1870) и бабушка **Мирьям** (1875) – жили в селе Петроверовка-Бердинёвка Одесской области на Украине, где царь Александр II разрешил селиться евреям. Дедушкины предки и их дети были сельскими тружениками. Упорный честный труд евреев вызывал уважение местных крестьян. Во время еврейских погромов украинцы не дали зайти погромщикам в деревню. Они объявили им, что здесь живут евреи – такие же труженики, как они сами. Бабушка была верным помощником мужа в хозяйстве и растила троих сыновей: **Лейзера** (1897), **Иосифа** (1900) и **Гершона** (моего будущего папу). Кисиль умер в возрасте 55 лет. Бабушка была физически крепкой, выглядела как типичная крестьянка той поры. Наш отец **Гершон Кисилевич Лев** (1904) научился сапожному ремеслу у родственника в Одессе и стал очень хорошим мастером.

В Одессе папа познакомился с моей будущей мамой **Этл Палант** (1914), бедной шестнадцатилетней девушкой из Томашполя, приехавшей в город у моря в поисках счастья. Она была в семье четвёртой, самой младшей, сестрой.

После женитьбы в **1930** году молодые отправились в село **Петроверовка**, в **1931** году в семье родился мой брат **Исраэль** (Изя). Из-за страшного голода они подались в местечко **Томашполь** Винницкой области к маминой старшей сестре **Хане**, многодетной матери. Мамина мама, бабушка **Рухл**, тоже жила в Томашполе. **6 мая 1936** года родился я, **Шимон** (Семён). Папа работал в сапожной артели, и у него было много заказчиков: и евреев, и украинцев. Два человека в местечке, где мы жили, вызывали особое отношение. Когда приходил врач, люди говорили с глубоким уважением: «Это наш доктор». Когда приходил папа, они говорили с почтением: «Это наш сапожник Гриша». Ценой тяжкого труда отцу удалось в **1939** году приобрести добротный домик и завести хозяйство.

Дома у нас говорили только на идише, на улице мы общались на украинском и русском языках.

Весной **1941** года к нам в Томашполь приехала жить бабушка **Мирьям**. Помню эту тихую, опрятную, добрую женщину лет шестидесяти. Она была религиозной: молилась, зажигала субботние свечи. Основным её занятием в семье была выпечка хлеба на неделю в домашней большой печи. Мы с братом просыпались от запаха свежеиспечённого хлеба, уюта и мира, и бабушка вручала нам по маленькому хлебцу.

Начало войны и оккупация.

Настал **июнь 1941** года. Кончился мир, кончился уют, вместо запаха хлеба – запах пожарищ, трупов. Отец **Гершон**, его два брата и муж маминой сестры **Ханы** были мобилизованы в Красную армию на войну с Германией. Мама осталась с обеими бабушками и нами, двумя сыновьями – десяти и пяти лет. Купили подводу с лошадьми, пытались на ней уйти от немцев. Бабушки сидели на подводе среди домашнего скарба, мы бежали за подводой. Помню, шли проливные холодные дожди, а вокруг нас – море спелой пшеницы. Когда добрались до **Тульчина**, где жила мамина сестра **Ида** с семьёй, оказалось, немцы уже заняли этот городок. Пришлось возвращаться домой.

Томашполь был уже оккупирован немцами. За короткое время немцы расстреляли в Томашполе 200 евреев. Лишь наше отсутствие спасло семью от верной смерти. Нам рассказали, что людям перед расстрелом дали лопаты и заставили вырыть ров. Наш дом мы нашли разграбленным. Что осталось, было изрезано ножами, разбито.

В Томашпольском гетто.

К **зиме 1941** года мы с мамой, братом, бабушками **Мирьям** и **Рухл**, а также мамина сестра **Хана** с пятью детьми: двумя сыновьями и тремя дочерьми были загнаны в гетто. Наш дом, находившийся за чертой гетто, немцы сожгли, когда мы стали узниками. Начались годы мрака, голода, холода и болезней в **Томашпольском** гетто с румынской администрацией и местными их пособниками.

Голод нас просто терзал. Всё становилось съедобным. Изя с другими мальчиками постарше выходил за пределы гетто, они приносили с огородов что-то мёрзлое, гнилое.

Жили мы в гетто у тёти **Ханы** в невероятной тесноте. Нас в комнате с земляным полом было 11 человек: семь детей и четыре женщины. Все спали на одной большой кровати, один на другом. Только бабушка **Рухл** лежала в углу на длинном ящике-сундучке, где у неё хранились семечки, яблочки, которые она выходила продавать, менять. Иногда мы незаметно таскали из этого сундучка что-то вкусное.

Вечный страх не покидал нас, он усиливался особенно к ночи. Ночью немцы, украинские полицаи устраивали облавы, хватали людей и уводили навсегда. Одна из таких ночей **1943** года запомнилась мне навсегда, потому что моему брату угрожала смерть, но что-то отвело её руку. В нашей комнате в гетто в ту ночь, как и всегда, было полно женщин и детей. Каким-то образом люди узнавали заранее о предстоящей облаве, и напряжение выматывало нервы. Было решено: если начнут

ломать двери, женщины убегают, а дети остаются. Оккупанты и бандиты охотились на женщин. В полночь раздались удары в дверь, крики, и ворвались пьяные полицаи. Трезвыми мы их никогда не видели. Женщины убежали, а мы со страху тоже залезли кто куда, и посреди комнаты остался мой брат **Изя**, двенадцати лет. К нему подошёл один из врагов – пьяный, с автоматом, на поясе гранаты – и занёс над ним свою лапу для удара. Изя стоял и молча смотрел ему в глаза. Занесённая рука вдруг задержалась в воздухе. Изя увидел, что в звере что-то дрогнуло: то ли он вспомнил своих детей, то ли не до конца озверел. Мужчина легонько потрепал его волосы и дал команду всем выйти из нашего дома. Не все ночи кончались так удачно.

Бабушка **Мирьям** умерла зимой **1943** года. Стоял страшный мороз. Двое мужчин за буханку хлеба взялись выкопать могилу в промёрзшей земле, и бабушку похоронили по всем еврейским обычаям. Брат **Изя** переболел малярией, у него началась цинга. В **1944** году он заболел тифом и был на грани смерти, но выжил. У тёти **Ханы** умерла от болезни и голода дочка.

Одним из моих ярких воспоминаний о людях в годы Шоа стала встреча с необычным мальчиком, жившим какое-то время в нашем доме в гетто. Мы с братом помним о нём и сегодня. Короткий рассказ «Скрипач» об этом мальчике, написанный моим братом Исраэлем Левиным, – это наше общее воспоминание, которому Изя сумел придать литературную форму в своей книге «Фамильное древо» (Беэр-Шева, 1990).

Скрипач.

Мама Этя, бабушка Мирьям и я с младшим братом Сёмой вот уже год находились в гетто в Томашполе, небольшом украинском городке. Происходившее там на всю жизнь запомнилось мне, в ту пору мальчику лет одиннадцати.

Был один из морозных дней зимы 1942 года. Лениво падал снег. До войны в такой приятный день детям только веселиться. В гетто он не приносил мне радости. Я бродил по скудному базару в поисках чего-то съестного. Среди других посетителей я заметил стоявшую пару: старушку и, видимо, её сына лет четырнадцати. То, что они были не из нашего городка, я понял сразу. Старушка выглядела как типичная еврейская женщина, небольшого роста, очень бедно, но опрятно одетая. Сын для своего возраста был довольно высоким, сутулым, худым, с некрасивым лицом и непропорционально длинными руками и длинными пальцами. Единственное, что было в нём привлекательным, – очень задумчивые глаза, сверкавшие каким-то странным блеском. Рядом с ним лежал мешок, набитый доверху. Конечно, моей первой мыслью было, что содержимое мешка – продукты. Однако старушка вынула из кармана коробочку с иголками и занялась нехитрым «гешефтом», предлагая иголки в обмен на хлеб. Что-то необъяснимое привлекало моё внимание к этим двум людям. Я долго смотрел на них, но, замёрзнув, пошёл домой. Дом, куда нас поместили в гетто, стоял недалеко от базара.

Наступили ранние сумерки, мороз усилился. Кто-то постучал в дверь, и мама пошла открыть. Слышно было, что какие-то люди просились погреться. Мама,

конечно, впустила их. Я был удивлён, увидев старушку с сыном. Они были замёрзшие, усталые. Сын стряхнул веничком снег с мешка, лишь после этого они прошли в комнату и сели. Мы с братом в общем молчании рассматривали их. Мать подала чай – это всё, что у нас было. Я думал, гости достанут из мешка что-то к чаю. Даже не развязали. Попив чаю, отогревшись, женщина рассказала, что им удалось убежать из какого-то близлежащего лагеря и они ищут, где приютиться. Куда идти, не знают. Видно было, что она не решается сказать главное, но выхода не было, и она попросилась переночевать у нас. Мама знала, что нам строго запрещено это делать. Но как можно ночью в мороз выпустить людей?

Мать и сын остались на ночь. «Что же у них в мешке, если не продукты?» – думалось мне. Наконец-то не выдержав, я спросил у мальчика: «Что у тебя в мешке?» – «Скрипка и ноты», – ответил он и стал вынимать их. Я был поражён: в такое время нести тяжёлую ношу, не состоявшую из съестного, мне, голодному ребёнку, казалось непонятной странностью.

С нежностью мальчик взял в руки замёрзшую скрипку, вытер её, поднёс к подбородку; глубоко задумался, устремив взгляд своих странных глаз куда-то вдаль, долго не начинал. Я уже подумал, что он не умеет играть. Вдруг полились звуки. Что он играл, не знаю. Помню только, что я оказался в другом мире, очень добром, тёплом. Я не чувствовал своего тела – что-то лёгкое-лёгкое, приятное обволокло меня. Он всё играл и играл. Когда мальчик окончил, я начал приходить в себя и, не зная почему, почувствовал раздражение. Передо мной стоял скрипач, на босых ногах его были калоши с торчавшей из них соломой для тепла, вместо штанов ноги обмотаны тряпками, худющий, голодный, не знающий, где завтра укрыться от жестокого мороза. Откуда вообще могло у него появиться желание играть, да ещё так играть! Необъяснимо! Как бы я желал, чтобы художник выразил на полотне увиденное мной, мои чувства и впечатления той ночи. Какая бы сильная картина получилась…

Мать с сыном оставались у нас ещё несколько дней. Кто-то, узнав, что мальчик играет на скрипке, предложил ему сыграть у украинцев на свадьбе за плату. Его ответ нас ошеломил: «Я на свадьбах не играю». И никакие уговоры не помогли.

Ранним морозным утром они пустились в путь. Дорогой мой незнакомец, в какой заснеженной степи замело твоё тело, твою скрипку и твою большую мечту стать великим музыкантом? Я посвящаю этот рассказ тебе и многим начинавшим молодым талантам, погребённым Холокостом.

*

Весной **1944** года, когда немцы отступили и начал таять снег, в гетто и в городе на каждом шагу показались замёрзшие трупы, наспех присыпанные землёй. Мы с братом выжили в тех нечеловеческих условиях исключительно благодаря нашей маме, которая все время у кого-то работала, чтобы мы не умерли с голоду. И за это ей низкий сыновний поклон.

Освобождение.

В Томашполь в середине **марта 1944** года вошли советские танки и пехотные войска. Мы ходили в жалком тряпье. Мама добыла у наших солдат грубую военную

плащ-палатку, сшила мне и брату костюмчики, постригла нас и сфотографировала у фотографа. Жить было негде, и мы оставались у тёти **Ханы**, спали, как и раньше, все на одной кровати. Мама и тётя Хана рыдали, узнав, что их сестра Ида с дочкой Дорой были угнаны немцами из гор. Тульчина в лагерь **Печёра** Винницкой области, и там в **январе 1944** года **Ида Палант** (1914) была расстреляна, а в феврале шестилетняя **Дора** (1938) после гибели матери умерла с голоду.

Мама Этя Левина с сыновьями Изей и Сёмой (справа). Весна 1944 г. Томашполь.

Судьба папы с июня 1941 года была неизвестна, и после освобождения нашего района мы неожиданно получили от него весточку. В первые месяцы войны отец как специалист был зачислен в «трудовую армию» и работал в Средней Азии, в гор. **Чимкенте**. Мы отправились к нему на поезде и добирались целый месяц.

Послевоенная жизнь.

Лишь в **1947** году отец был уволен из армии, и наша семья из Чимкента уехала жить в гор. **Черновцы**. Папа нашёл своих братьев: Иосифа и Лейзера. **Иосиф Лев** на войне после серьезного ранения был отправлен в тыл и уволен из армии. **Лейзер Лев** воевал, был ранен, дошёл до Берлина. Вернулся с войны и узнал, что семья погибла в оккупации: его жена, их дочь 12 лет и сын 10 лет были убиты немцами в **Петроверовке** Одесской области в первые месяцы войны (их имена, к сожалению, не помню).

После войны узнали мы и о трагической судьбе мужа маминой сестры **Ханы,** который погиб на фронте в первые месяцы войны. Когда его часть попала к немцам в окружение и в плен, красноармейцев выстроили и приказали евреям выйти вперёд. Её муж мог спастись, так как он не походил на еврея, но был выдан украинцем-соседом по Томашполю, его сослуживцем в Красной армии, и расстрелян немцами. Об этом тёте рассказал после войны очевидец.

Семья Шимона Левина: мама Этя и папа Герш, сыновья Изя и Сёма (слева). 1954 г.

В голодные послевоенные годы отец опять много трудился, профессия сапожника спасала его и нас. Мама занималась домом. Брат **Изя** окончил четырёхлетнюю учёбу в текстильном техникуме и прошёл службу в парашютно-десантных войсках Советской армии. После окончания службы работал закройщиком на Черновицкой швейной фабрике.

Я окончил в **Черновцах** школу-семилетку, затем – в гор. **Коломые** железнодорожное училище, стал механиком по ремонту вагонов и автотормозов. Женился в **1964** году на девушке **Блюме**, медсестре областной детской больницы. Родились два сына: в **1965** году **Золик** (Зоар) – в Черновцах и **Ашер** – в **1976** году уже в Израиле. До отъезда в Израиль я работал слесарем и механиком на Черновицком заводе лёгкого машиностроения.

Мамина мама, моя бабушка **Рухл**, выжив в гетто, прожила 99 лет. Её дочь, мамина сестра **Хана**, тоже дожила до 99 лет и умерла в Сан-Франциско.

В Израиле.

В **1972** году отец с матерью и брат Изя с семьёй приехали в государство Израиль, в гор. **Беэр-Шеву**. Моя семья переехала в Израиль в январе **1973** года и устроилась в гор. **Реховоте**. Мы изучили иврит. Жена более 30 лет проработала старшей медсестрой в детской спецбольнице в гор. **Нес-Циона**. Я был принят на квалифицированную работу на военный завод и 20 лет трудился на нём.

Братья Шимон (слева) и Израиль Левины. 2000 г. США

До 80 лет отец работал обувщиком, полный сил и энергии. Мама **Этл** ушла из жизни в **1988** году, папа **Гершон** умер через год после её кончины. Они похоронены рядом в гор. Беэр-Шеве. Брат **Изя** с 2007 года живёт в Америке у дочерей.

Мои сыновья отслужили в Армии обороны Израиля, сегодня у старшего своя зубная клиника. Младший сын **Ашер** получил высшее образование и продолжает профессиональную службу в армии. У меня с женой четыре внука, ждём правнуков.

*

Голод – это страшная мука, которую перенесла наша семья во время Шоа. Нет ничего ужаснее, чем голодающий по воле сытых людей ребёнок. Если мир позволяет даже одному ребёнку голодать, все остальные ценности теряют свою моральную силу.

75.

Зак Рахель
(с. Черневцы)

В ГЕТТО И НА ФРОНТЕ
Я ВИДЕЛА МНОГО СМЕРТЕЙ

Довоенная жизнь.

Я, **Зак Рахель** (в девичестве Ройтман), родилась **8 января 1928** года в гор. **Кишинёве** (Бессарабия). Перед войной наша семья жила в Молдавской АССР на станции **Дрокия** в собственном доме. По одну сторону железнодорожных путей жили евреи, по другую – молдаване.

Папа **Ройтман Яков Давидович** (1905) работал бухгалтером на нефтебазе. Он был интеллигентным светским человеком из религиозной семьи, старшим сыном из пяти детей. Папа получил образование в Бельцах. Его родителей я не помню. Мама **Клара Ефимовна** (1904) выросла в семье раввина, отца шестерых детей. В предвоенные годы мама служила в военкомате.

Мне и брату **Филиппу** (1930) родители уделяли много внимания. По-домашнему нас с братом звали Рая и Филя. Довоенное детство было очень хорошим. После окончания двух классов еврейской гимназии я училась в русской школе и в **1941** г. окончила 6-й класс. Учился и брат. Дома говорили на идише и по-русски.

О том, что я еврейка, я узнала от маминых родителей: дедушки **Хаима Шмулензона** и бабушки **Двойры** (1882), живших в молдавском городе Бельцы. Дедушка работал раввином в большой синагоге. Я часто гостила у них, и дедушка всегда водил меня в синагогу. Он говорил мне: «Ты должна знать, что ты еврейка, внучка раввина». Он был известной уважаемой личностью не только в своём городе. После смерти дедушки Хаима в **1939** г. папа забрал к нам из Бельц бабушку Двойру и дядю **Рувина** (1923), младшего маминого брата. Бабушка, мама и дядя строго соблюдали традиции, праздновали все еврейские праздники.

Помню, что папа всегда говорил о неизбежности войны.

Начало войны и оккупация.

Когда началась война, папа с мамой, брат и я, бабушка Двойра с дядей Рувином эвакуировались поездом в город **Гайсин** Винницкой области в 200 километрах от Дрокии. По пути наш состав бомбили. Не знаю, как остались живы, но добрались. В Гайсинском райкоме партии работал мамин двоюродный брат, и мы были уверены, что с ним мы эвакуируемся дальше. Отца в Красную армию не призывали как выходца из Бессарабии, и он из Гайсина ушёл на фронт добровольно.

Через два дня после нашего расставания с папой в Гайсин вошли немцы. Был конец **июля 1941** года. Оккупанты тут же приказали: всем жителям Гайсина оставаться на месте, всем приезжим и беженцам вернуться к себе домой. Несколько узлов с вещами, привезенными в Гайсин, остались в подвале у двоюродного брата. И мы пошли в обратную сторону в том, в чём были. Шли двое суток, пришли в город **Тульчин**, и полицаи не впустили нас в город. У дороги стояли украинки, торгуя провизией. Одна из них сказала нам: «Ой, куда же вы идёте? Вчера тут расстреляли всех евреев». Мы скорее пошли оттуда дальше. Позже мы узнали, что в Гайсине немцы сразу расстреляли евреев и коммунистов, в том числе маминого двоюродного брата, еврея и коммуниста.

В Черневецком гетто.

Мы шли ещё сутки, но уже окольными путями, тропками, потому что видели, что немцы гонят по дорогам сотни евреев. Мы чувствовали, что нас вот-вот убьют. Наконец прибыли к какому-то мосту через речку. Это был вход в местечко **Черневцы** Винницкой области. Нас остановили полицаи, и один из них сказал: «Час назад жидов с моста бросили в реку немцы, а сейчас в местечке румыны. Заходите, вас везде найдут». Его лицо я помню и сегодня. Мы всё-таки вошли в местечко, несмотря на страх и безысходность: дальше идти было некуда.

В Черневцах мы прожили ужасные три года (с 27 июля 1941 по март 1944 гг.). Руководили всем румыны. Комендантом в Черневцах был румын **Станчу**, старостой гетто румыны назначили **Сойбеля**. Все евреи были обязаны носить жёлтые звёзды. Ходить по территории гетто разрешалось до 17 часов.

Приняли нас к себе **Гальперины**: хозяева и их дочь с младенцем. Сын хозяев и муж дочери были на фронте. У них мы всё это время жили. В двух комнатках нас было 10 человек, а потом подселили ещё одну семью.

Румыны гоняли всех на принудительные работы: каждый день мы мыли конюшни, в которых находились лошади, убирали навоз, работали на полях. Мой младший брат таскал воду для конюшен с речки. Дяде **Рувину**, на 5 лет старше меня, досталось больше других. Он выглядел дистрофиком. Его отправляли с другими молодыми парнями и мальчиками на самые тяжёлые работы в каменном карьере, на строительстве. Их увозили из гетто, и неделями мы не видели дядю.

Я была рослой, крепкой, и меня посылали всюду. Однажды румынские жандармы привезли меня и других узников Черневецкого гетто на 4-5 подводах в местечко **Боровку** сносить и бросать во рвы трупы только что убитых евреев. Повсюду лежали расстрелянные люди. Это было страшное зрелище для взрослых, а мне тогда шёл четырнадцатый год. Нам выдали носилки на четверых. Наши носилки несли двое взрослых и мы, две девочки. Мы поднимали за руки и за ноги мёртвых, укладывали их на носилки, переносили к траншеям, рвам и сбрасывали в них. Позади и впереди нас я видела людей, которые тоже занимались уборкой трупов под надзором жандармов. Я до сих пор содрогаюсь, вспоминая тот день, когда по принуждению носила трупы ко рвам. С тех пор всю жизнь меня преследует вид лежавших в Боровке убитых детей.

Снабжения едой не было, мы меняли свои последние вещи: колечко, платок на еду у сельчан. Мы голодали и радовались каждой крошке хлеба. Мама поддерживала меня и брата, отдавала нам свою корочку хлеба. Мы все ходили опухшие от голода. Когда мы мыли полы в жандармерии, нам давали по кусочку хлеба. Я приносила его домой и делилась с родными. Очень хорошо запомнилось, что нам помогали местные жители-украинцы. Время от времени, открыв утром двери, чтобы выйти на улицу, мы находили привязанные к двери снаружи пакетики с корочками хлеба, картошкой. Помню, в воскресенье, когда жандармы уходили гулять, жившие за рекой украинцы потихоньку приносили нам в кастрюльке немножечко супа, мы это очень ценили, потому что знали, что и им самим тогда жилось тяжело. Они нам также давали по кусочку хлеба и по маленькому обрезочку мыла, чтобы помыться. Мылись поздно вечером у речки, и то не часто, потому что нас прогоняли полицаи. Было такое дикое правило: «жёлтым звёздам» к речке не ходить. Я очень боялась полицаев и испытывала постоянный страх перед ними. Туалетов не было, я стеснялась, и надо было уходить куда-то далеко-далеко.

Однажды староста Сойбель приказал мне идти работать подсобницей на кухню при большом сельском производстве, развёрнутом румынами. Эта кухня готовила пищу для всех работников-евреев на полях. Варили для них баланду с добавкой овощей. На кухню часто приезжали хорошо поесть жандармы. Для них было другое меню. Я мыла котлы, кастрюли, чистила картофель, фасоль много часов в день. Мои руки быстро распухли от воды. На кухне работало также много украинцев. Руководил сельхозработами приехавший из Румынии учёный человек в гражданской одежде по фамилии **Ма́лиш**, крещёный еврей, к которому обращались «домнул инженер» (*рум.* господин инженер). Однажды на кухне кто-то спросил его: «Ты хорошо относишься к евреям?», и он ответил: «У меня мама – крещёная еврейка». Я заметила, что он переживает за евреев и ко мне относится теплее, чем к другим. Он посещал кухню с проверкой и всегда говорил мне: «Ты кушай, кушай». Увидев, что я почти не одета и моё тряпьё в дырах, он принёс мне из дому свою пижаму, в которой я и работала. Малиш дал указание работникам кухни в течение недели собирать для меня отходы, остатки еды, корки хлеба в мешочек, и я брала его с собой в гетто. Раз в неделю он отвозил меня на личной бричке в гетто к маме. Работала я на кухне всего месяц, но и по сегодняшний день благодарна своему благодетелю Малишу за его заботу и помощь обо мне и моей семье.

Зимой страшно мёрзли, всё время болели. Бабушка **Двойра** умерла от голода в гетто в октябре **1942** года в возрасте 60 лет, и дядя Рувин похоронил её на кладбище в общей яме. Моя мама голодала, заболела диабетом. Никто её не лечил. Она стала плохо видеть, теряла зрение.

Мы были детьми, но уже всё понимали и помогали своим родным. Вокруг всё было плохо, и не верилось, что нас когда-нибудь освободят.

Помню, незадолго до освобождения гетто, в **феврале 1944** года, румыны выгнали на площадь всех узников до единого и сказали, что, если мы немедленно не сдадим свои драгоценности, нас расстреляют. Перед людьми были установлены

пулемёты. Мама прижала нас с братом к себе сзади, как бы закрывая своим телом, и так мы стояли. Староста собрал последнее, у кого что было из ценностей, долго говорил с главным жандармом, и мы остались живы.

Освобождение и после него.

В мартовское утро **1944** года нас освободили советские войска. Помню и сегодня полученный в день освобождения котелок солдатского супа с картошкой и крупой из полевой кухни. Это был самый вкусный суп в моей жизни – моя первая еда на свободе после почти трёх лет, проведённых в фашистском гетто. Мама с братом и дядей отправились домой в Молдавию и нашли на месте дома пепелище. Мама продолжила работу в военкомате.

На фронте.

В **Черневцах** восстановилась советская власть. Молодёжью занимался райком комсомола. Он набирал девушек, желавших добровольно отправиться на фронт в бригады вольнонаёмных работниц для эвакогоспиталей. Я пришла записаться, была одета в платье, сшитое из крашеной простыни, без обуви. Меня записали, немного приодели, обули. Вместе с тремя девушками из гетто я в 16 лет ушла на фронт и до конца войны служила в 342-м фронтовом банно-прачечном отряде 15 корпуса 60 армии 4-го Украинского фронта. Мы ухаживали за ранеными, стирали окровавленное бельё – и всё это в 15 километрах от линии фронта. Машинами привозили к нам огромное количество белья, а мы стирали руками в деревянных корытах. Огромная сложность была в том, что вечером и ночью нельзя было нарушать светомаскировку, чтобы нас не бомбили. Мы работали в полностью закрытых помещениях, в испарениях, без притока воздуха. Наш обоз шёл за наступающей армией через **Польшу**, **Чехословакию**, реки Одер и Эльбу. И в немецком окружении были, и голодать приходилось. Я награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими.

После ранения в колено под **Берлином** меня в бессознательном состоянии оставили до утра в доме немецкой семьи, и два старика – муж и жена – всю ночь за мной ухаживали: прикладывали к раненой ноге лёд, холодное молоко. Наутро за мной приехали, поблагодарили стариков и отвезли меня в госпиталь в Чехословакии. **9 мая 1945** года я встретила в госпитале и до 1948 г. ходила с палочкой.

Семья брата Филиппа: мама Клара и внуки, Филипп и его жена Дора. 1964 г.

После войны.

После войны вернулась в **Кишинёв**, куда переехали жить мама с братом. Узнала, что мой отец погиб на фронте. Мы получили извещение, что доброволец **Яков Давидович Ройтман** пропал без вести **17 июня 1944** года. Не вернулся с войны и

воевавший с первых дней его младший брат **Давид Давидович Ройтман** (1916), живший до войны в г. Бельцы (благословенна их память!).

В **1948** году вышла замуж за прекрасного человека **Бориса Исааковича Зака** (1921), фронтовика с боевыми орденами и медалями. После замужества работала и училась в вечерней школе. Родились дочь **Роза** и сын **Яков**. Муж, сын и дочь трудились на одном большом заводе. Брат **Филипп** стал квалифицированным слесарем. Я работала все годы в Отделе рабочего снабжения Молдавской железной дороги. Мой рабочий стаж бухгалтера и главного бухгалтера составляет 50 лет.

Мама **Клара** умерла в **1990** году. Последние 20 лет жизни она была слепой. Таково страшное последствие её пребывания в гетто. Дядя **Рувин** жил и работал в гор. Уфе в России, умер в **1992** году. Мой муж **Борис** умер в **1993** году. Да будет благословенна их память!

В Израиле.

Я репатриировалась в Израиль в **1996** году. Со мной в гор. **Реховоте** дочь и сын. У меня великолепная семья. Меня радуют 4 внучки и 6 правнуков. В 2013 году отметила с родными и близкими своё 85-летие. Мой брат **Филипп** с семьёй живёт в гор. Ришон ле-Ционе.

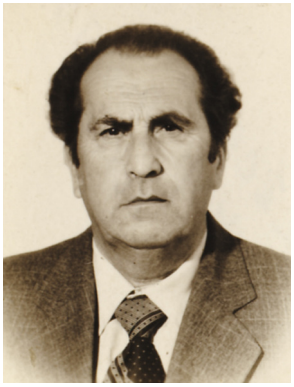
*

Воспоминания мучают всегда, здоровье я потеряла ещё в гетто. Моя правнучка всегда просит: «Бабушка, расскажи мне, что ты ещё вспомнила о Шоа. Как там дети себя вели? Что они кушали?» Она очень эмоциональна, мне больно говорить девочке, что я, её бабушка, тогда девочка, ходила с протянутой рукой и просила для своей умирающей бабушки кусочек хлеба. Она начинает плакать от таких рассказов. Но она выступает в школе и рассказывает другим ученикам, как её бабушка жила в гетто. Я, как и каждый перенёсший Катастрофу, думаю о том, чтобы с моими внуками и правнуками не повторилась эта беда.

Для меня война – большое несчастье. В гетто и на фронте я видела много смертей, но никогда не забуду жесточайшую бомбёжку местечка **Черневцы** немецкой авиацией уже после освобождения нас из гетто. Брата Филиппа ранило осколком в левое плечо. Погибло много людей, которые ценой огромных усилий выжили в гетто, радовались, что наконец свободны и победили смерть. Воспоминание об этом приносит мне боль.

Пусть эту книгу читают наши правнуки и те, кто только должен появиться на свет. В ней простые рассказы о том, как выжили их прадедушки и прабабушки, чтобы потом могли родиться они – продолжение еврейского народа. Они должны знать, понимать и помнить.

76.

Кесельбренер Анатолий (с. Черневцы)

РЕШЕНИЕ УКРАИНЦЕВ СПАСЛО НАМ ЖИЗНЬ

Довоенная жизнь.

Наша небольшая семья: мама, папа, сестра **Маня** (1923) и я, **Анатолий** (28 июня 1929 г., а фактически – 1927), жила в местечке **Дзыго́вка** Ямпольского р-на Винницкой области. Мама **Рахиль Наумовна** (1901) родилась в Черневцах и была для того времени довольно образованным человеком: окончила 4 класса еврейской гимназии в Черневцах, любила литературу и много читала. Мама работала в торговле, в кинотеатре. Её отец **Нахум Трахтенберг** до 1917 года был хозяином скотобойни, где соблюдались все еврейские законы забоя крупного скота. Её мама **Хая** была домохозяйкой. Своим пятерым детям Нахум сумел дать классическое образование. В 1917 году советская власть «раскулачила» дедушку – отобрала дома и бойню, а во время Гражданской войны Нахум Трахтенберг был убит петлюровцами. Моя мама Рахиль вышла замуж в очень молодом возрасте, молодожёны переехали в Дзыговку, где мы сестрой и родились.

Родители Анатолия: Рахиль и Арон Кесельбренер. 1925 г. Дзыговка.

Отец **Арон Кесельбренер** (1893) из Дзыговки был преподавателем языка идиш, но во время коллективизации работал в колхозе, как и другие жители села. Отказаться вступить в колхоз значило лишиться любого заработка. Когда однажды колхозники вернулись домой с полей, застали большой пожар. Почти всё село сгорело, и люди остались на пепелище. Брат моей матери **Гедалья** жил в Бразилии, в гор. Рио-де-Жанейро. Он отправил отцу вызов, и отец уехал в **1930** году в Бразилию с целью устроиться там, чтобы и мы впоследствии переехали к нему. Мне тогда исполнился год, а сестре пять лет. Мы должны были отправиться к отцу в 1936 году. Были готовы документы, багаж, билеты. Но… именно в том году в Ленинграде убили С. Кирова, последовал приказ закрыть все границы, и выехать оказалось невозможно. Видно, так было суждено, что с 1930 года мы остались без отца в СССР, а он без нас – в Бразилии. Когда нам запретили

выезд, мать со мной и сестрой уехала из Дзыговки в родное местечко Черневцы, к своей маме – моей бабушке Хае. Мы жили сначала в бабушкином доме, а потом снимали квартиру. Собственного дома у нас никогда не было.

Черневцы (ныне село Могилёв-Подольского р-на) Винницкой области были до войны маленьким по площади местечком, в котором жило примерно полторы тысячи евреев. Еврейские дома стояли очень плотно один возле другого и один за другим. Родители и все их дети с семьями жили в одном доме, в нескольких комнатушках. В Черневцах действовало несколько синагог. Люди ходили в синагоги, праздновали еврейские праздники. Местечко находилось в тесном окружении украинских сёл. Украинцы и евреи жили дружно. В Черневцах проходили большие гуляния. По воскресеньям в местечко приходили приятно провести выходной день украинцы из окрестных сёл: Хреновки, Гуцуловки, Мазуровки. К тому же в Черневцах был большой рынок, где они могли купить и продать товары, работали магазины, аптека, больница. Евреи были хорошими ремесленниками, мастерами: сапожниками, шапочниками, портными и т. п., которые принимали заказы на изделия.

Конечно, маме было тяжело с нами, но нас поддерживала помощь отца. Папа писал письма, посылал фотографии, посылки и всё мечтал, что вернётся. Иногда он присылал доллары, на которые в то голодное время в Могилёве-Подольском можно было что-то купить в «Торгсине». В Черневцах мама работала буфетчицей, продавцом в магазинах.

Мы жили в 30 км от тогдашней границы с Румынией. По советскому закону мою мать за связь с заграницей выслали за 100 км от пограничной линии в город **Бердичев** Житомирской области Украины. Мы с сестрой остались в Черневцах одни под присмотром бабушки Хаи и учились. Я ходил пять лет в советскую еврейскую школу, где мы учили на языке идиш те же предметы, что и в других школах. Но школа сгорела, и мы с сестрой посещали украинскую школу. В Бердичеве мама находилась несколько лет, работала, а перед войной ей разрешили вернуться в Черневцы. Дома мы говорили на идише.

Начало войны.

Почти сразу после начала войны в **июне 1941** года до нас стали доходить слухи о страшных убийствах людей немцами при их продвижении вглубь страны. Правда, не все им верили, особенно пожилые люди. Они помнили немцев с прошлой войны и отрицали нависшую опасность для жизни. Моя семья верила, что немцы – это убийцы, и в конце июня 1941 года по решению маминого брата **Пинхаса** (Пини) мы покинули местечко: мать, я и дядя Пиня. Его жена с двумя детьми и бабушка **Хая** с моей сестрой **Маней** заблаговременно эвакуировались и во время войны находились в России. Дядя Пиня остался с нами, так как работал заведующим пекарней в Черневцах. Ему было приказано снабжать хлебом отступающие советские войска, пока не уйдёт последний солдат. Мы положили мешок с утварью, одеждой, одеялами и мешок муки на подводу и поехали. Наша подвода двигалась в длинной веренице из 13 повозок, на которых перед нами и за нами ехали и верили в спасение семьи друзей, соседей и беженцы-евреи из Могилёва-Подольского, других мест.

Двигались без плана приехать в определённое заранее место, мы просто ехали в направлении, противоположном наступающим немцам.

Доехали до **Кировограда**, но его уже заняли немцы, путь был закрыт. Так мы остались на оккупированной территории. Всё наше имущество с подводы разграбили немцы, отобрали лошадей, подводы, до полусмерти избили мужчин. Раздетые, босые, мы отправились пешком домой. По дороге пришлось просить милостыню: нам давали кусочки хлеба. Конечно, шли мы окольными путями и ночью, чтобы не показываться захватчикам. Немцы и румыны, конечно, видели нас, но не трогали, знали, что мы никуда не денемся от расправы.

Мне в то время было 14 лет. В период оккупации при регистрации евреев в гетто мама уменьшила мой возраст на 2 года, чтобы меня не брали на тяжёлые работы. С тех пор в документах год моего рождения – 1929-й.

В Черневецком гетто.

Немцы творили массовые убийства евреев. Рядом с Черневцами стояли три села: Боровка, Моевка, Бабчинцы, и в них убили всех евреев. Убийства произошли и у нас. К счастью, когда немцы и румыны захватили Черневцы, нас там не было. В **сентябре 1941** года мы пришли в **Черневцы** и сразу услышали о несчастье, произошедшем в местечке **27 июля**. На улице немецкие каратели хватали людей, тащили к мосту через реку Мурафу, брали за руки, за ноги и бросали с моста высотой 12 метров вниз, на камни. Если человек падал на камни, то он сразу разбивался, если падал в воду и пытался выплыть, его пристреливали. Так немцы успели казнить больше 10 человек. Вблизи моста жила крестьянка. У неё квартировал немец. Когда она услышала крики и стрельбу, то выбежала наружу, увидела происходящее и сильно испугалась, потому что таких ужасов мы в жизни не видели. В истерике женщина вбежала в комнату к немцу, схватила его за рукав и прокричала: «Смотри, что они делают». Видно, немец оказался порядочным человеком, он остановил это зверство.

Среди несчастных жертв в этот день оказались евреи, депортированные из Румынии, и мои родственники-уроженцы местечка: **Бенцион Маламуд** (1897), **Янкель Маламуд** (1925) и **Мойше Шойхет** (1870). Моя тётя **Этл Маламуд** потеряла в один день отца, сына и мужа. Страшно подумать, что пережила эта женщина, узнав об их гибели! После этой акции массово у нас не убивали.

Мы втроём вернулись в две пустовавшие комнатки бабушки **Хаи** и в них жили. Местечко к этому времени румыны превратили в неогороженное гетто. Выходить из него запрещалось, да и выходы охранялись полицаями. Все носили жёлтую звезду сначала на рукаве, а потом на груди. Был установлен контроль над каждым. Все евреи были зарегистрированы. Более того, на дверях каждого дома висел список жильцов. Ввели ежедневную проверку, все ли на месте. Евреи были предупреждены: если одного не окажется на месте, остальных убьют.

В Черневцах открыли две комендатуры: немецкую и румынскую, но территория считалась румынской. Действовала украинская полиция, которая командовала украинцами и евреями.

Однажды через местечко проходил какой-то состоявший на службе у немцев отряд казаков в штанах с лампасами. Они пытались грабить нас и местное население. Был большой страх перед ними. Украинские жители обратились с жалобой к немецкому коменданту, и он ответил: «Это ваши братья, с которыми вы 23 года целовались, жили вместе. Что я могу им сделать?» Евреи жаловаться не ходили, мы прятались.

Румыны назначили еврейское самоуправление: старосту-еврея, еврейскую полицию для охраны порядка в гетто. Они также занимались сбором ценностей у людей, чтобы вовремя дать взятку румынам, откупиться от очередной опасности. В Черневцы пригнали евреев из Румынии, Буковины, Бессарабии, даже из Польши. Местные евреи потеснились и приняли их в свои жилища, жили дружно, но никто не спал спокойно. Мы не знали, что будет завтра, и это наводило страх.

В один из дней всех узников гетто вывели на площадь и заранее предупредили: двери домов не закрывать. Присутствовало много украинцев, и состоялось необычное немецко-украинское собрание. Немцы спросили у украинцев: «Нужны вам эти евреи или не нужны?» Наша судьба зависела от решения этой сходки. Если бы украинцы сказали, что мы не нужны, нас бы уже не было. Но они ответили: «Мы жили с евреями все годы и будем жить с ними дальше, они нам не мешают». Это я очень хорошо запомнил. Нас вернули обратно в дома, и мы увидели, что ничего из них не пропало.

Хочу с особой благодарностью вспомнить о незабываемой помощи местного мельника украинца **Степана Чернеца**, который негласно передавал евреям в гетто отруби, крупу, а то и муку. Доставалось на семью по небольшой, но очень нужной горстке. Он жил в 200 метрах от гетто. Я учился с его сыном после войны в мукомольном техникуме. Замечательным, очень порядочным человеком запомнился и немолодой фельдшер украинец **Баранов**, единственный медик в Черневцах. Его дом находился в селе возле почты, и фельдшер без отказов шёл к больным в гетто, лечил и меня тоже. При отсутствии настоящих лекарств советами, народными средствами лечения он спасал еврейские жизни. Они – истинные праведники.

За пределы гетто мы выходили под конвоем только на работу. Полицаи ходили по домам, били в двери и забирали на работу в основном мужчин: молодых и старых. Румыны гнали нас строем за 25-30 километров от местечка на сельхозработы: копали землю, собирали урожай. За это кормили. Спали в коровнике, рядом с коровами. Помню, мы таскали пшеницу в мешках на второй этаж. Мне, мальчишке лет двенадцати, небольшого роста, было тяжело. Я стоял на втором этаже, у окошка на чердаке, смотрел вокруг и завидовал: внизу паслась лошадь, собаки бегали, вверху птицы летали, они были свободны, а мы – нет. Это я очень хорошо почувствовал.

Издевались над нами по-всякому. Однажды вели нас два румына, возможно, бывшие пастухи. Мы шли в дождливую погоду, по грязи. И они развлекались: могли заставить бежать, приказать лечь в дорожную грязь и лужи. Им было смешно, в каком виде мы поднимались из этой грязи. Помню, как один из них сказал по-

румынски другому: «Я маршал всех жидов». Деваться было некуда, приходилось терпеть. Нас держали на работах в поле 2-3 недели, потом брали других.

Оставшиеся вещи, одежда с довоенной поры были очень ценны. Помню, у нас очень плохо было с одеждой. До войны надо было простоять ночью в очереди у магазина, чтобы купить пару метров ситца для платья. Одежду можно было обменять в гетто на немного хлеба, зерна, муки. Мама не работала, нам хватало того, что я приносил и что давали добрые украинцы. Однажды она продала старую швейную машинку и получила за неё несколько пудов муки. Для нас это было неслыханное богатство и возможность прожить какое-то время.

Дядя **Пиня** всё время находился с нами. Это был очень полный мужчина, килограммов на 130, лет сорока. Он болел и прятался от немцев в доме.

Когда не гоняли на работу, я подрабатывал: продавал кремешки для зажигалки, сигареты, газеты. Товар для продажи получал у мелких еврейских «коммерсантов». Украинцы открыли буфеты и нуждались в воде. Воды внутри села не было, и мы, мальчишки, таскали им вёдрами воду, приносили и рубили дрова, особенно зимой. На таких подсобных работах и зарабатывали понемногу. На полученные монетки я покупал хлеб для семьи, что-то ещё на местном базаре.

В гетто до нас доходили слухи о партизанах, о том, что много украинцев ушли в партизаны. От украинцев до нас доходили вести о происходящем на фронте. Им не запрещалось заходить к нам в гетто, и они приходили.

Освобождение гетто.

Мы слышали приближение фронта к нам, усилились бомбёжки железнодорожной станции вблизи местечка. Мы видели, что немцы и румыны готовятся уйти. Накануне освобождения уже никого из оккупантов и полицаев не было, мы были одни, но не знали, чем это кончится.

Я очень хорошо помню этот день **18 марта 1944** года. Мы ждали освобождения и в то же время боялись, потому что ходили слухи, будто под видом освободителей придут немцы и будут убивать. Мы жили у самой дороги. За пять минут до въезда в Черневцы советских танков к нам зашли четыре немца. С нами жили беженцы из Польши, знавшие немецкий язык. Немцы попросили поесть, попить и снять с них сапоги. Мы, четверо мальчишек, с трудом стягивали с них сапоги. Их ноги были в ранах. Один из немцев сказал другим: «Если бы Гитлер видел, что он сделал с нашими ногами». Это нам потом перевели. Они поели, вышли, но не успели далеко уйти, их догнали русские.

Появились советские танки, никто из домов не выходил, но все в щёлочки наблюдали за ними. Из танка поднялась на его башню женщина в военной форме и по-русски громко произнесла: «Мирные люди! Выходите, к вам пришла советская власть!» Вышло всё село. Красноармейцев: танкистов, кавалеристов – было много. Их обнимали, целовали. И тут выскочил перед танками человек по фамилии **Жмуд**, работавший до войны в НКВД, и заявил, что он красный партизан. Когда в начале войны в Черневцы вошли румыны, немцы, он сотрудничал с немцами. У него была своя ферма, и туда гоняли евреев на работу. Меня к нему водили раза три, и я убе-

гал, потому что во время работы он всех бил без причины, издевался над евреями. Люди возмутились его ложью и сообщили красноармейцам, что он никакой не партизан и был кровопийцей. Его без разбирательств и суда расстреляли.

Едва окончился митинг в связи с освобождением села, на Черневцы налетели немецкие самолёты. Помню, как сегодня, началась бомбёжка противопехотными бомбами. Много людей погибло, много раненых было в этот день. Больница в селе находилась далеко, в полутора километрах. И, кто мог, несли, везли раненых туда. В это время немцы опять начали бомбить местечко: снова были раненые и убитые. Таким мне запомнился день нашего освобождения от оккупантов. Радости было очень много и за ним – горя. Юноши и мужчины, кто моложе, здоровее, тут же ушли с Красной армией.

После освобождения и войны.

В первые две недели после освобождения советская власть занималась в селе мужчинами: выявляли немецких пособников, дезертиров из Красной армии, шла мобилизация на фронт. Из мобилизованных в 1944 году жителей села и добровольцев многие погибли при освобождении Румынии, в боях с фашистами под Яссами.

Возвратились из эвакуации бабушка Хая, сестра Маня и семья дяди Пини. Мама, я и сестра жили втроём, как до войны, снимали комнату. Мама вела домашнее хозяйство. Снова стали приходить посылки и письма от отца, в которых он выражал надежду вернуться к нам, но увидеться было не суждено.

Мы получили тяжёлое известие от папиного младшего брата Мотла **Кесельбренера**, жившего до войны в Одессе. В июне 1941 года он ушёл на фронт, а вернувшись в 1945-м, узнал, что его жена **Малка** (1900) была убита немцами во время оккупации **Одессы**. Детей у них не было.

Сестра **Маня** вышла замуж за **Якова Гольдшлака** (1923). Его семья из Могилёв-Подольского гетто попала в лагерь в с. Печёра, откуда Яше удалось бежать. Когда он через некоторое время вернулся за семьёй, узнал, что умерли от тифа мать **Соня Фроймовна** (1897) и средний брат **Суня** (1931). Ему удалось вывести из лагеря отца Льва и братика полутора лет Ефима и добраться с ними до Мурафского гетто. После освобождения Яков добровольцем ушёл на фронт, несмотря на то что был признан в 1941 году невоеннообязанным по зрению. С

Родные А. Кесельбренера. Сидят: (справа налево) мама Рахиль, сын сестры Мани Семён, папина сестра Нюся. Стоят: (слева направо) Анатолий – студент техникума, дочь тёти Нюси Лина, сестра Маня с мужем Яковом. 1949 г. Одесса.

боями прошёл Румынию, Венгрию, Австрию, был награждён боевыми орденами и медалями.

Я пошёл учиться в 7 класс. Окончил восьмилетку и в **1946** году поступил в Одесский мукомольный техникум, который окончил в **1950** году. Времена были тяжёлые: голод, ни учебников, ни тетрадей, писали на газетах. Жил в общежитии, получал стипендию, но по ночам мы с ребятами ходили разгружать вагоны, чтобы купить еды. По окончании техникума был направлен на работу в гор. **Киров**. Поработал 8 месяцев, и меня призвали на службу в Советскую армию. Служил в армии в строительных войсках до **1954** года и в звании сержанта вернулся домой, в **Черневцы**. Бросилось в глаза, что в послевоенных Черневцах закрыли и церкви, и синагоги. Пожилые евреи собирались в маленьком домике и молились.

В **1955** году я женился на девушке **Лизе**, тоже бывшей узнице гетто в Черневцах. Сперва работал на Украине, потом мы уехали в **Молдавию**, где жили и работали до отъезда в Израиль. У нас родились сын **Наум** и дочь **Римма**. Я работал на мельницах. Последние 17 лет перед выездом я работал в гор. **Оргееве** начальником цеха по производству кукурузных палочек, одного из пяти таких цехов на весь Советский Союз. В цеху трудились 100 человек в три смены.

Судьба отца, жившего в Бразилии, мне неизвестна. Мама **Рахиль** умерла в **1958** году в возрасте 57 лет, долго болела, была парализована, до последних дней она находилась в семье сестры, которая о ней заботилась. Сестра **Маня** с семьёй переехала жить в Кишинёв и оттуда репатриировалась в Израиль. Дядя **Пинхас**, выживший в гетто, продолжал работать в Черневцах, болел сахарным диабетом и рано ушёл из жизни. Бабушка **Хая** прожила 90 лет.

В Израиле.

В **1990** году мы с женой и семьями сына и дочери репатриировались в Израиль. Приехали в **Реховот** и живём здесь 23 года, сын с семьёй живёт в другом городе.

Сразу пошёл на работу по объявлению в газете, и жена дома не сидела. Я приехал в страну на седьмом десятке лет, проработал 16 лет сменным мастером на Тель-Авивском мелькомбинате с высокими технологиями и ушёл на пенсию в возрасте 78 лет. В июне **2012** года я отметил свой 85-летний юбилей (фото на стр. 471).

У детей – музыкальное образование: у сына высшее, у дочери среднее. В Израиле Наум – преподаватель музыки, Римма – медработник. Трое любимых внуков отслужили в военной авиации Армии обороны Израиля, окончили высшие учебные заведения и работают по специальности на благо Израиля.

*

Мы с женой не единственные люди, которым выпали испытания в годы Катастрофы. В моём небольшом городе **Реховоте** есть организация бывших узников гетто и концлагерей, объединяющая более 120 репатриантов из бывшего СССР. Наше землячество израильтян-выходцев из Черневцов проводит в гор. **Хадере** ежегодные встречи, я участвую в них. Мы счастливы оттого, что нам было куда уехать, что Израиль есть, и мы здесь. Уже 23 года это мой настоящий дом. У нас не может

повториться то, что случилось с евреями в годы Катастрофы европейского еврейства. Их, рассеянных по миру и безоружных, нацисты убивали по частям. Сегодня мы – народ на своей земле и сможем защищаться с оружием в руках, если придётся.

Я часто вспоминаю пережитое во время войны…

Большая семья на праздновании 85-летия. Стоят: юбиляр Анатолий Кесельбренер (4-й справа), его супруга Лиза (4-я слева). Остальные – дети, внуки, их семьи. 28 июня 2012 г.

77.

Орлов Николай (Гореншстейн Наум) (с. Черневцы)

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЧЕРНЕВЕЦКОМ ГЕТТО

Довоенная жизнь.

До войны наша семья проживала в местечке **Черневцы** Винницкой области. Мои родители **Гореншстейн Абрам** (1898), сын Нахмана, и **Хана** (1905), дочь Гедаля Кравчука, были советскими колхозниками и работали в колхозе села Гоцуловки

«Дер идишер поер» («Еврейский селянин»). Поженились они в 1928 году. Отец проработал 32 года на очень тяжёлой работе. Он отжимал и переливал подсолнечное масло вручную. При большой физической силе зрение у папы было слабое. За отличную работу мама получила премию – тёлку, выросшую в замечательную корову, так что молочными продуктами мы были обеспечены. Колхоз выделил нам огородик. В нашей дружной семье было двое детей: я, **Наум Абрамович Горенштейн** (1 янв. 1934 – фактически 8 дек. 1933 г.), и сестра **Галя** (1938), младше меня на 5 лет. Дома мы разговаривали на идише и прекрасно знали русский, украинский языки. В местечке все, даже украинцы, жившие недалеко, понимали идиш и умели на нём говорить. В доме были еврейские книги: Шолом-Алейхем и другие, но я научился читать на идише только во время войны.

Черневцы были чисто еврейским местечком, в нём проживали несколько тысяч евреев. Их дома были расположены близко друг к другу, не было садов, только отдельные деревья. В Черневцах работало много евреев-ремесленников. Кузнецы занимали целую улицу, они даже соревновались в кузнечном деле с цыганами. Благодаря искусным шапочникам к нам приезжали со всей округи покупать шапки. Многочисленные портные обшивали всю округу. Остальное взрослое население составляла интеллигенция: музыканты, учителя, служащие в разных учреждениях, ведь Черневцы являлись районным центром.

В Черневцах было три синагоги: две большие и одна маленькая. Постепенно одну из синагог закрыли, в ней устроили кинотеатр, показывали немое кино. Друг моего отца играл на скрипке и сопровождал музыкой киносеансы. Затем из второй синагоги сделали типографию. А маленькая синагога продолжала существовать много-много лет. Я прекрасно помню раввина, потому что его должность исполнял *шойхет* (резник). В местечке их было двое: **Нахман**-шойхет и **Фавл**-шойхет, очень уважаемые люди. Я носил к ним резать кур по всем еврейским правилам. В городе были две еврейские школы: маленькая и большая. В помещении еврейской школы начала работать украинская школа. До войны я успел окончить в ней первый класс. В школе меня все любили, я участвовал в самодеятельности. В моем классе из 30 учеников человек пять-шесть были украинцы, остальные – евреи.

Отношения с украинцами были очень хорошими. По воскресеньям, когда у них выходной, они приходили гулять к нам в Черневцы: шли босиком до речки, мыли в ней ноги, затем надевали туфли и ходили нарядные по городку до позднего вечера. Никогда не было никаких стычек. А евреи чаще гуляли в субботу. Отец по субботам посещал синагогу, а мама ходила в неё на праздники. Она хорошо знала содержание молитв и переводила их на идиш другим женщинам. На праздники все нарядно одевались. Особенно мне запомнилось празднование *Песаха*. У нас на чердаке аккуратно хранилась серебряная посуда, которой мы пользовались только на Песах. Мама пекла мацу дома на четыре семьи, я помогал делать небольшие дырочки в ней.

Обычно все дети летом ездили отдыхать в пионерские лагеря, и мы, дети колхозников, им завидовали. Мне приходилось работать в колхозе каждое лето с рас-

света до поздней ночи вплоть до 10 класса. Работа была тяжёлая, а платили нам 200 граммов пшеницы за трудодень. За лето я мог заработать полмешка пшеницы.

О войне говорили везде и всюду: одни – что Гитлер убьёт евреев, а более зажиточные евреи – что будет торговля, будет всё хорошо. У нас дома висел портрет Сталина. Отец часто высказывался: «Это бандит из бандитов. Свет не видел таких бандитов, как Сталин». Мама его прерывала: «Тише! Хочешь пойти к своему брату **Дувиду**?» (Папин брат получил и отсидел 20-летний срок сталинской тюрьмы за сионистскую деятельность.)

Начало войны и оккупация.

Мы почувствовали приближение войны, когда городская верхушка: райкомовские, райисполкомовские работники и подобные – начала убегать на лошадях и на машинах. Мы уйти не могли. Семья жила бедно, у нас денег никогда не было. В начале войны мне было 9 лет, но до сих пор стоят перед глазами страшные картины того времени.

Для жителей Черневцов фашистская оккупация началась в июле, когда в полной тишине мы услышали выстрелы. Мы уже знали, что Могилёв-Подольский захватили немцы. **21 июля 1941** года фашисты въехали в **Черневцы**. Я был в это время на чердаке и видел всё, как на ладони. Первой большой колонной медленно-медленно двигались мотоциклисты. Они ехали тихо, были слышны только моторы. Впереди колонны шла немка в военной форме с овчаркой и пистолетом в руке. За ними прошла кавалерия: лошади-тяжеловозы тянули за собой пушки. Народ высыпал на улицу, были слышны голоса: «Пойдем встречать, они никого не трогают». Встречали хлебом-солью, украинцы из окрестных мест прибежали смотреть на немецких солдат. Украинцы поили их молоком, дарили карандаши, тетради, блокноты из разграбленных магазинов, радовались их приходу.

Сразу после прихода немцев была создана полиция из украинцев и поляков: часть из них носила немецкую форму, а часть ходила в гражданском со специальными разноцветными повязками. Полиция размещалась в помещении прокуратуры. Она била, но не убивала никого.

В Черневецком гетто.

После организации гетто в **Черневцах** евреи остались в своих домах. Наша семья жила в доме, половину которого занимал до войны райком комсомола, а половину мы. «Райкомовскую» половину дома занял немецкий комендант. Здесь он жил, и при нём постоянно находилась переводчица-еврейка. Когда комендант выходил на улицу, то мы не показывались, а переводчицы мы не опасались. Она нам посоветовала ходить к себе через задние двери и не появляться перед фасадом дома.

На нашей территории установилась румынская оккупационная власть, но фактически кровавый бал правили немцы. В основном мы видели румын. Конечно, приходили немцы, находились в Черневцах неделю-две и уходили. Были даже голландцы, высоченного роста, громко певшие и всегда пьяные. В сентябре-**октябре 1941** года в Черневцах появился претор – глава местной власти, назначенный Буха-

рестом. Он был румыном, а его жена – немкой. В его распоряжении была машина, но он любил ездить в фаэтоне на резиновых колесах. У претора было две пары лошадей: одна – белая, другая – чёрная. Когда он проезжал, все снимали шапки. Шофёром у него был украинец Петровский, носивший немецкую военную форму.

В оккупированных Черневцах в бывшем Доме пионеров находилась румынская жандармерия. Все боялись румынского жандарма Станчу, который зверствовал на базаре. У другого румына-толстяка была забава: он носил при себе веревку, и когда шёл с друзьями и видел еврея, то привязывал его за руку и гонял вокруг себя, погоняя нагайкой и ругательствами, пока человек не падал без сил. Остальные румыны смеялись.

Румыны разорили старинные могилы на кладбище. Они вымостили дорогу возле жандармерии еврейскими могильными плитами, а также дорожку возле костёла. Эта дорога существовала еще несколько лет после войны, и потом плиты убрали.

*

Черневцы представляют собой небольшой полуостров, омываемый рекой Мурафой, она и являлась границей гетто. И вся территория сёл, которые находились за рекой: Мазуро́вка, Хрено́вка, Гоцуло́вка, – была запретной зоной. Ограды не было, но висели большие объявления: кто выйдет за территорию, будет расстрелян. Нельзя было ходить за мост. Некоторые евреи тайком выходили из гетто, что-то меняли у украинцев, за еду копали у них картошку, свёклу. Мы носили повязки с магендавидом. Без неё нельзя было выйти за порог. В речке Мурафе стирали бельё, она спасала нас от вшей. За водой для питья приходилось ходить за километр к роднику. Туалетов не было. В гетто был рынок. Деньги тогда ценности не имели. В основном меняли вещи: пальто, кофту, шапку, колечки на еду.

Взрослое население гетто должно было работать. Особенно румыны издевались, когда по утрам распределяли людей на разные работы. Утром люди строем уходили и не знали, куда идут: на работу или на расстрел. Мой отец работал в колхозе на отжиме масла, и он готовил масло для отправки руководству. Однажды меня и отца избил нагайкой румынский солдат. Медицинскую помощь нам оказал фельдшер **Баранов**. Мы его звали «доктор». В любое время дня и ночи он приезжал помогать евреям в гетто.

Самым тяжёлым временем года была зима. В домах были дровяные печи и печурки – небольшие железные кубы с трубой, выходящей в окно. У нас была печь. Отец приносил в мешке из колхоза скорлупу от семечек. Мы её жгли для обогрева. К нам приходили греться соседи. Зимой было много умерших, до десяти человек в сутки, однако в страшный холод похоронная команда отказывалась забирать и хоронить покойников, и трупы лежали у людей несколько дней.

Дети в гетто жили взрослой жизнью, старались помогать родителям: работали в конюшнях, торговали сигаретами. Помню, как рыженький **Муля Штейман** ловко цеплялся на ходу к грузовику с румынской свёклой и крючком сбрасывал на землю плоды, а мы их подбирали. Доставалось от полицаев и жандармов и нам: при встрече ни за что пинка дадут, за ухо оттаскают – потому что еврей.

Еврейскую общину возглавляли **Владимир Соболь** и **Липа Фурман**. Благодаря им была складчина, связь с деревней, кормили пригнанных в Черневцы евреев. С их помощью была организована кухня, но еда поначалу была ужасной: варили отруби, то, чем кормили свиней. Позже стали варить похлёбку из муки, которую, рискуя своей жизнью, передавал евреям директор мельницы украинец **Степан Чернец**.

Среди румынских солдат мне навсегда запомнился **Дуцэ**, человек невысокого роста. Он служил поваром военной кухни, находившейся в переулке под нашим окном. Когда румыны кончали приём пищи, он передавал нам через форточку остатки еды, иногда куски мяса. Он нас просто спасал. До сих пор помню его доброе лицо. Когда мы хотели в благодарность дать ему какую-то вещь, он никогда не брал. Такая помощь продолжалась полгода-год, наверное. Мясо, которое нам давал Дуцэ, ели не только мы. Наша семья старалась всеми силами кому-то помогать. Помню, была в гетто женщина **Хова**, опухшая от голода. Она к нам постоянно приходила есть. В нашей семье жили три женщины по фамилии **Балабан** из беженцев: **Бася** (80 лет), **Белла** (60 лет) и **Лиза** (50 лет). Позже, в 1942 году, к нам прибежал парень лет семнадцати **Шлоймэ Данило́вич**. В соседнем от нас селе **Боровке** убили всех евреев, зарубили топорами его родителей. Он каким-то чудом оттуда выкарабкался, ночью постучал в наш дом и прожил у нас всю войну. Он стал мне как брат.

Остальные евреи мучились. Болели, с голоду пухли, плохо передвигались. Два человека от такого состояния сошли с ума. Помню мать с тремя-четырьмя детьми. Она ходила по домам и просила еду, ей давали для детей, что у кого было.

В Черневецком гетто особенно тяжело приходилось евреям, депортированным в Транснистрию из Румынии в 1941 году. Были евреи из Вижницы. В каждой из семей жили румынские, бессарабские евреи. Они нам пытались привить религиозные навыки. А мы учили их украинскому языку, потому что при обмене они не могли договориться с местными жителями. Эти пригнанные евреи занимались обучением детей в благодарность за то, что мы их кормили. Они были образованными интеллигентными людьми, часто высокопоставленными и состоятельными до войны.

В **1942** году наш дом ограбили. Руководители общины объявили нам, что завтра пройдет немецкий карательный отряд. Мы знали, что в Боровке, в Моевке, в других местах вокруг нас всех евреев расстреляли. Я помню день грабежа. Когда мы увидели, что идут немецкие солдаты, то убежали через задние двери. Их было человек пять, они говорили украинцам, уже приготовившим мешки: «Заходите, берите, что хотите». За короткое время у нас забрали всё до последней табуретки, мы вернулись и сели на голый пол. Не осталось еды. К счастью, две наши знакомые украинские семьи: **Островские и Конопацкие** спасли нас. Островские жили в селе Мазуровка, а Конопацкие – в Хреновке. Ровно в пять утра к нам в окошко кто-то стукнул. Нам не спалось на деревянном полу, и мы сидели. Это были **Элька и Валька** Конопацкие. С риском для жизни они принесли нам сметану, хлеб,

другую еду. Потом продолжали приносить каждодневно. Приходил с помощью **Юлько** Островский, сын которого был в партизанах. Эти замечательные люди нас очень поддержали.

*

Мы жили в страхе, в постоянном ожидании смерти, и каждый был всё время на грани смерти. Евреев гетто убивали и немцы, и румыны. Немцы расстреляли 13 советских активистов около МТС (машинно-тракторной станции), среди убитых был отец моего друга **Вилли Грушанского**. В большой семье **Маламуд** были расстреляны все мужчины. В **1942** году зимой около ресторана расстреляли много людей. Румыны держали этих убитых несколько дней напоказ на улице, и возле них висело объявление: «Так будет с теми, кто будет предавать немецкую власть». Это было страшное зрелище.

Жутко вспомнить, как нас дважды выводили на расстрел. Однажды приказали всем оставить дома и собраться на базарной площади. На площади уже стояли немцы-эсэсовцы и румыны с пулеметами и автоматами, лежала куча лопат. Всё было приготовлено, чтобы нас уничтожить. Это была страшная картина. Люди тихо плакали, мы прощались друг с другом. Внезапно на чёрном коне приехал поп с большим крестом. Он сказал по-немецки начальнику карательного отряда, что религия не позволяет сегодня убивать, потому что религиозный праздник. И тогда румыны сказали нам: «Дуте акасэ» (*рум.* идите домой). Впоследствии оказалось, что «попом» был партизан, владеющий немецким языком.

В другой раз, когда всех евреев выводили из гетто, мы с отцом ускользнули и спрятались в воде возле мельницы, сидели там до темноты. Думали, что всех уже расстреляли. Потихоньку вернулись домой и застали там маму и сестру. Они сказали, что их отпустили после того, как пришел Соболь, глава общины, и о чем-то говорил с румынами. В случае опасности мы часто прятались также на чердаке.

*

В гетто удавалось отмечать еврейские праздники. Люди ходили в синагогу. Дома праздновали их, как могли. К Песаху готовились задолго до его прихода: припрятывали муку. Человек по фамилии или прозвищу **Беккер**, у которого сохранилась ручная машина для изготовления мацы, делал часть мацы, часть мы готовили дома. Конечно, всё это происходило скрытно.

Хоронить по еврейским обычаям разрешали. В синагоге были носилки и черное покрывало с *магендавидом*. Несли на кладбище. Всегда собирался *миньян* (10 мужчин для молитвы), депортированные из Румынии религиозные евреи активно помогали в похоронах. Но были и случаи, когда румыны во время богослужения врывались в синагогу, выгоняли людей, избивали их.

*

В **1942** году очень красивая еврейская женщина **Ёнтейга Гольдюк** (1904), жена фронтовика и мать двух сыновей: десяти и семи лет, вывесила красный флаг

на крыше большого костёла. Жандармы её связали и увезли. Больше мы её не видели. Детей усыновили соседи.

У нас не было радио, но мы получали вести о происходящем на войне от подпольной группы **Володи Петербурга,** нашего земляка. До войны он был директором книжного магазина. Группа была создана примерно в 1943 году. В неё входили Володя, **Тюша Резник**, **Юзик Александровский**, о других я ничего не знал. Володя был знаком с моей тётей, любившей меня. Я был мальчишкой десяти лет, но сообразительным и не пугливым. Я догадывался, чем он занимается. Володя рассказывал нам по секрету, где и что происходит. Я выполнял отдельные его поручения, относил записки к Тюше Резник, **Риве Горенштейн**, был его связным. Володя всю войну держал у себя и слушал радиоприёмник, поддерживал связь с партизанами и наводил их на нужные цели. Румыны заподозрили, что он занимается подпольной деятельностью. Его арестовали и увезли в главную жандармерию, он сидел в Ямпольской тюрьме, его страшно избивали, но он никого не выдал. Он выжил. Владимир под фамилией **Питербарг** жил в Иерусалиме и там похоронен.

Член подпольной организации в Черневецком гетто Владимир Петербург. 1987 г.

Партизаны дважды нападали на наш дом с целью похитить или казнить немецкого коменданта. Нам приходилось во время прямой стрельбы по дому лежать на полу, спасаясь от пуль. Все наши двери были продырявлены пулями. Переводчица потом рассказывала нам, как они с комендантом прятались под столом во время стрельбы по дому. После этого происшествия коменданта куда-то перевели, это было за полгода до освобождения.

Мы прожили почти три года на оккупированной территории. Первое время мы знали, что нас расстреляют. Приходили украинцы и рассказывали нам, что творится в округе. Можно представить наши переживания. А к концу оккупации, когда мы верили, что победа будет за нами, настроение было приподнятое. Но перед местными жителями мы не показывали этой радости, очень боялись предательства.

Освобождение и трагедия после него.

Немцы уже чувствовали, что их дела плохи. В **марте 1944** года перед самым отступлением два немецких офицера ночевали в нашем доме. Представьте, они спали на полу, а мы в своих постелях. Они говорили: «Гитлер капут», угощали нас шоколадом. Рано утром они поблагодарили маму за чай, сели в грузовик и уехали. Я уверен, что их убили, потому что после их ухода появились советские солдаты. Это было **17 марта 1944** года. У моста оставались немцы-подрывники, которые должны были взорвать его при уходе. Они медлили, и в это время пошёл русский танк и уничтожил их из стрелкового оружия.

Помощник претора украинец Пётр **Жмуд** не знал, куда ему деться, и метался у моста. Кто-то из жителей указал танкисту на него и сказал, что это предатель. Он и в самом деле выдавал партизан, был очень плохим человеком. Танкист выстре-

лил по предателю снарядом из танковой пушки и убил. Я это сам видел. Его труп лежал несколько дней у воды.

Мы встретили освободителей от всей души. Нас освобождали очень молодые солдаты с погонами, лет 15-ти-16-ти, с автоматами ППШ. Каждый старался привести их к себе домой, накормить, угостить.

На второй день после нашего освобождения всех детей посадили на американские машины и катали. Мы никогда не ездили на автомобилях, и для нас это был праздник. В это время на Черневцы налетела немецкая авиация, и началась бомбёжка. Мы спрятались в нашем погребе, а когда всё закончилось, вышли и увидели: лежат мёртвые люди – военные и местные, трупы лошадей. Я подошёл к сидящему с котелком в руке советскому солдату и понял, что он мёртв. Много наших людей было убито в этот день. Маленькая дочка Владимира Петербурга **Манечка** погибла от немецкой бомбёжки **18 марта 1944** года. Помню убитого **Хаима Баренбойма**, молодого мужчину лет 35-ти. Три дня в Черневцах хоронили погибших односельчан и воинов Красной армии.

Среди нас были молодые парни, которые рвались в бой. Когда въехали советские танки, они вскочили на них и уехали на фронт воевать с врагом. Приехала советская администрация. Остальные ребята призывного возраста были мобилизованы и отправлены на войну. Только часть из них вернулась живыми.

Постепенно стали возвращаться люди из эвакуации.

Послевоенная жизнь.

После победы в **1945** году стали приходить тяжелейшие вести о потерях нашего рода в Катастрофе и в рядах Красной армии. У маминой сестры тёти **Поли** в 1942 году в селе **Чонгар** Херсонской области Украины немцы убили дочь **Роню Чернину** (1901) и всю её семью – 6 человек, не успевшую эвакуироваться. Из убитых детей моей двоюродной сестры Рони помню только имя 14-летней племянницы **Беллы Черниной** (1928).

Семья Горенштейн: родители Хана и Абрам с детьми Галей и Нюмой. 1951 г.

У моей любимой тёти, маминой сестры **Хайки**, и её мужа **Хаима** Горенштейна, живших в Могилёве-Подольском, погибли на войне два сына: **Бума** (1922-1945) и **Шай**. Капитан **Шай Горенштейн** был убит **8 мая 1945** года в Германии. Мамин брат **Шлойма Кравчук** (1907-1943), живший до войны в Москве, тоже погиб на фронте.

Я любил учиться, окончил среднюю школу. Учился в школе авиамехаников, затем в Вольском авиатехническом училище в Саратовской области по специальности ракетчик. Окончил Московский институт нефти и газа им. И. М. Губкина.

Служил в Советской армии в авиации, а потом в ракетном деле во многих местах: под Ленинградом, в Саратовской, Калининградской и Читинской областях, много лет прослужил в Москве. Участвовал в пусках ракет из Байконура. Награждён за безупречную службу, уволился из армии в звании подполковника. Несмотря на то, что 32 года служил в армии, военные фильмы ни тогда, ни сейчас смотреть не могу. Они напоминают мне о жутких прошлых временах.

Подполковник Николай Орлов, заместитель начальника штаба войскового соединения

Женился в **1960** году на еврейской девушке **Нине Орловой**, тут же пришлось уехать по службе. Жил три года без семьи. Жена в это время училась в строительном институте и не могла приехать. По окончании вуза Нина работала инженером по строительству. У нас родился сын **Геннадий**.

После войны в Москве жило много выходцев из Черневцов, и каждый год в течение 20 лет мы встречались и отмечали в ресторане день освобождения из гетто. Собиралось по 120 человек.

Родители всю жизнь прожили в Черневцах. Отец **Абрам** умер в **1981** году в Черневцах, мама **Хана** ушла из жизни в **1988** году. Наш семейный дом в Черневцах сохранился, сейчас в нём размещается налоговое управление района.

В Израиле.

В **1973** году моя сестра **Галя Писаревская** с мужем-отказником **Яковом**, участником еврейской демонстрации на Красной площади в 1971 году, уехала в **Израиль**. Я почувствовал, что меня не выпустят из СССР, и из главного штаба ракетных войск, где находилась кнопка «Пуск», я ушёл в обычные войска.

В Израиль мы с женой и сыном репатриировались в **1990** году, оставив квартиру, хорошую пенсию, большие льготы. Устроились в гор. **Реховоте**. Несколько первых лет я работал уборщиком лестниц в жилых домах, потом 12 лет в больнице «Каплан» кладовщиком медицинского оборудования, сторожем апельсиновой плантации и охранником поликлиники.

Инициатором репатриации был **Гена**. Он прошёл службу в Армии обороны Израиля, успешно окончил медицинский факультет университета. Сегодня Гена – кардиолог больницы «Сорока», отец трёх моих внуков.

Сестра **Галя** живёт с семьёй в поселении **Маале Шомрон** в Самарии. У неё два сына и 8 внуков. Мы по-прежнему очень дружны.

И здесь, в Израиле, мы, выходцы из Черневцов, собираемся в «Саду Ротшильда» в городе Зихрон-Яаков. Думаю, что в Израиль переехало всё местечко Черневцы: человек 300-400 с потомством. Клара Скапинкер ведет в Израиле их учёт. Приезжают на наши встречи семействами с молодым поколением.

*

Я своими глазами видел ужасы войны. В Израиле жизнь – на военном положении. Летят ракеты на мирных жителей, звучат сирены боевой тревоги. Мне хочет-

ся, чтобы люди задумались. Жизнь и так коротка. Только звери могут накинуться на других. Почему-то уроки истории не учат многих настоящей жизни. Ведь люди сами и страдают от своей злости, от своего фанатизма. Зачем тратить деньги на совершенно дикие вещи: вооружение, террор? Люди могут использовать их на благо детей и радоваться замечательной жизни.

78.

Ортенберг Эсфирь (с. Черневцы)

В ВОСЕМЬ ЛЕТ Я ЗНАЛА, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ

Довоенная жизнь.

Моя семья жила в гор. **Могилёве-Подольском** Винницкой области УССР в одной комнате в коммунальной квартире на Красной площади, рядом с греческой церковью, над Днестром. Я, **Эстер** (Фира), родилась **17 апреля 1935** года у папы **Шулима Бенционовича Штока** (1903) и мамы **Ривы Моисеевны** (1911). Папа был родом из **Одессы**, его отец **Бенцион** и мать **Мася** (в девичестве Ижевская) владели табачной лавкой. В Гражданскую войну петлюровцы, зайдя в лавку, убили дедушку Бенциона. Бабушка Мася продала лавку и возвратилась с детьми: Шулимом, Фаней и Аней в Могилёв-Подольский, где жили родные. Мама происходила из **с. Волковинцы**, в то время Каменец-Подольской области Украины. Семья маминых родителей **Моисея** и **Сарры Ровнер** была многодетной: пять сыновей и три дочери. Мама была младшим ребёнком. Во время еврейского погрома петлюровцев в Волковинцах в 1918 году Моисей и Сарра были убиты, а восьмерых детей спас сосед-священник, спрятав их у себя. С 13 до 17 лет мама работала в гор. Бар на сахарном заводе, одним из руководителей которого был её старший брат.

Мои родители работали в городской украинской школе № 1: отец – завхозом, мать – библиотекарем. Мама и папа говорили дома на идише и по-русски, а со мной только на русском языке. Я посещала детсад. Приближения войны никто из нашей семьи не чувствовал, а о немцах запрещалось официально говорить плохо, поскольку с ними был заключён пакт о ненападении и они считались друзьями.

Начало войны и оккупация.

В начале войны ушёл на фронт мой дядя, муж папиной сестры Фани **Мендель Глейзер** (1906), вскоре он вместе с другими не обученными воевать призывниками погиб в районе Киева в немецком плену.

Война началась для меня и моей семьи в Могилёве-Подольском с речи Молотова, которую мы слушали по громкоговорителю во дворе воскресным днём **22 июня 1941** года, находясь в гостях у моего прадедушки **Алтера Ижевского**, портного. Меня, шестилетнюю девочку, всегда удивляло, как этот человек старше 90 лет ловко вдевает нитку в иголку без очков. Не знала я, что вижу его в последний раз. Осенью, в **сентябре 1941** года, во время искусственного наводнения на р. Днестр, вызванного взрывом дамбы в Карпатах советскими минёрами, в Могилёве-Подольском погибли мой прадед **Алтер**, прабабушка **Мирьям**, немного моложе мужа, и их дочери **Доня**, лет 60-ти, и **Соня**, лет 55-ти – сёстры бабушки **Маси**. Они жили вместе в глиняном доме в низине, решили не покидать город и утонули, когда вода быстро заполнила низменную часть города и размыла дома. Рассказывали, что в тот пятничный день по городу плыли столы, покрытые белыми скатертями, со свечами, которые евреи готовили к встрече субботы. Расчёт минёров был затопить немцев, но те сели по машинам и уехали в безопасное место, а погибли советские люди, ставшие жертвами происходящей военной трагедии. Моя семья не погибла в наводнении, потому что мы ушли из города раньше, спасаясь от немецких войск.

Все, кто мог, уже покинули город, а мы долго ждали, пока отец закончит эвакуировать школьный архив. Папа из-за болезни ноги был признан не годным для мобилизации. Когда он отправил архив поездом, в эшелон мы сесть не смогли. Для трёх семей: нашей – мама, папа, я, бабушкиной – бабушка Мася с **Саррой** (1934), дочкой бабушкиной сестры Ани, умершей до войны при родах, и тёти Фани с 4 детьми: **Бетей** (1925), **Яшей** (1935), **Аней** (1937) и годовалым **Зюней** (1940) – отец нанял слепую лошадь и хромого возницу. Извозчик и кобыла были выбраны папой так, чтобы на них в пути никто не позарился. Детей и бабушку посадили на вещи в телегу, а взрослые пошли рядом с ней.

Навсегда врезались в память первые детские военные впечатления: наше бегство от Могилёва-Подольского до гор. Тульчина примерно в 100 километров, а также бомбёжки над Днестром и усеянная трупами дорога после очередной бомбёжки. Мы наконец добрались до Тульчина и после отдыха хотели продолжать путь, чтобы поселиться, спрятаться группками в маленьких сёлах.

Нас, 10 человек, пустила переночевать в своём доме еврейская семья, а утром в **Тульчин** вошли немцы. В оккупированном Тульчине мы прожили примерно месяц в одной комнате у тех же людей. Немцы привлекли женщин работать в своём госпитале на кухне. Мама была умной женщиной, она догадалась попросить в канцелярии у немецкого офицера справку о работе, ей выдали бумагу на немецком языке, что она чистила картошку, и это нас впоследствии спасло. В Тульчине с папой случилась беда. Он вышел на одну из площадей послушать, что говорят люди. Папа присел возле пожилых бородатых евреев, которые обсуждали положение. Проходили немцы, их внимание почему-то обратилось на отца, и они его жутко избили. Кто-то прибежал и сказал маме: «Вашего мужа убивают». Мама прибежала на площадь, выхватила, утащила у немцев отца и привела домой. Долгое время

отец был при смерти, болел и в течение нескольких месяцев не видел солнца. С того дня мы, как могли, прятали папу.

Родители решили вернуться обратно в Могилёв-Подольский. Наняли другого хромого возницу со слепой лошадью, положили отца на дно телеги, обсадили его детьми, вымазали детям лица зелёнкой, женщинам – сажей и отправились домой. Перед нами шли подводы с еврейскими беженцами, которые повернули в пути на Боровку. По дороге нас останавливали полицаи, но, увидев справку с немецкой печатью, отпускали. Об отце мама говорила, что муж болен тифом, а дети – неизвестно чем. Крестьяне, которые попадались по дороге, подкармливали нас, делились с нами своим нехитрым завтраком, обедом. Они жалели нас, рассказывали, по какой дороге безопасней ехать, а каких деревень избегать: например, объехать Боровку, где всех евреев закопали живыми, и третий день земля подымается там. А крестьянские дети по глупости бросали в нас камни.

В Могилёв-Подольском гетто и в лагере в с. Печёра.

В **Могилёве-Подольском** квартира наша была разграблена, но жить в ней и не пришлось. Она находилась за пределами гетто, устроенного немцами в районе городского рынка, и нас сразу поместили в гетто. На улице Шолом-Алейхема в комнате у еврейских хозяев мама, папа и я провели **зиму 1941-42** годов. Бабушку Масю с Саррой и тётю Фаню с детьми поселили в другом месте. Есть было нечего. Еврейская община приносила нам куски хлеба, но мучил постоянный голод.

В **мае 1942** года нас повезли в концентрационный лагерь в с. **Печёра** Винницкой области. Сколько мы здесь пробыли, не припомню. Помню только колючую проволоку, страх и постоянный голод. Из лагеря нам удалось бежать с помощью украинского крестьянина, которому мать отдала своё и папино обручальные кольца. Он жил рядом с Печёрой, маме его указали украинцы, приходившие из села к проволоке подкормить нас. Видимо, это был его опасный промысел. Он не только нас вывел из лагеря, но постепенно и бабушку Масю с Саррой, и тётю Фаню с детьми. С кем и как он договаривался, мы не могли знать, но оказались за оградой. Он честно повёз нас на своей повозке с лошадью в сторону Могилёва-Подольского. По пути крестьянин посоветовал не возвращаться в Могилёв, где по спискам было известно, что мы в Печёре, а остановиться в любой деревне, например, в Черневцах. Так мы и поступили.

В местечке **Черневцы** Винницкой области еврейская община разрешила нашей семье поселиться в полуподвале дома, входившего в Черневецкое гетто, и мы находились в нём до освобождения. В том же полуподвале рядом с нами жила вдова **Чарна Копыт** с двумя взрослыми дочерьми: одна из них была лежачим инвалидом и умерла позднее в гетто, другая, Клара, работала на почте. Тётю Фаню с детьми и бабушку Масю с Саррой определили в другое жилище. Нашими соседями в боковых домах были пригнанные в Черневцы бессарабские евреи. Моё общение с ровесниками затруднялось тем, что я не знала еврейский язык. Они мне давали тумаки, пока я не научилась говорить на идише. В гетто я поняла, что мы евреи. Мы носили на груди жёлтый магендавид. Мы ходили всё время в той же

одежде, в какой попали в Могилёв-Подольское гетто и в лагерь. От вшей защищались керосином.

Жили мы на подаяние, первый месяц соседки или община приносили нам остатки еды. Затем начался голод. Папа прятался от немцев и не выходил на улицу вовсе. Мама мучительно думала, как добыть еду для семьи. Спасение пришло нежданно. Работу для мамы нашёл знакомый украинец по фамилии **Бурак**, которому мой папа ещё в 30-е годы, будучи фининспектором в Могилёве-Подольском, помог справиться с нависшей над тем бедой. Он побывал в нашем доме до войны всего один раз и запомнил жену фининспектора, молодую красивую женщину. Мужчина узнал маму-узницу на улице в Черневецком гетто, расспросил её и сказал: «Твой муж мне помог тогда, я вам помогу теперь». Этот человек лет сорока работал поваром в столовой для немцев и румын, которая находилась напротив нашего дома. И он помог маме устроиться в столовой на кухню мыть посуду и полы, на работе её звали Соня. Я помогала ей иногда мыть посуду. Мама за тяжёлую работу с утра до ночи получала остатки еды, кусочки хлеба. Благодаря отзывчивому сердцу этого человека мы выжили. Его имя при мне не говорилось, поэтому мне жаль, что не могу назвать его людям. Маму мы почти не видели, и папа мне заменял её: он меня кормил, купал, чинил одежду, учил русскому алфавиту и чтению – писал мне буквы на обрывках старых газет.

В Черневецком гетто осенью **1942** года с приближением холодов заболели тифом дети тёти Фани: **Аня** и **Зюня**. Аня осталась жива – её, пятилетнюю девочку, кутали в подушку, настолько она истощала, а мой двоюродный брат **Зюня Глейзер** (1940) умер.

Мне шёл девятый год, я была мала, но рано стала понимать, что я живу не нормально, что это жизнь без будущего, что я живу не свободно, что мне пора в школу, а у меня нет этой возможности. И главное – это был страх, постоянное ощущение, что в любую минуту может исчезнуть земля из-под ног, нас просто расстреляют. У меня в моём возрасте был страх смерти, я уже знала, что такое смерть. Этому способствовали и многочисленные устные рассказы людей о массовом уничтожении евреев в Боровке, об изнасилованиях, убийствах. Врагов мы очень боялись. Наша жизнь была полностью в руках немцев, румын (мне запомнился румынский жандарм Стачик), местных полицаев. Распоряжения о работе, о любых мероприятиях отдавало руководство еврейской общины через еврейских полицаев. От одного из них я получила в своё время затрещину без причины. Из подвала выходила лишь изредка, чтобы подышать свежим воздухом. Я помню один из страшных дней в Черневецком гетто. Всех евреев выгнали на большую площадь в **феврале 1943** года, и мы простояли там целый день на ногах, на холоде, без еды и воды, в страхе, что нас снова отправят в Печёру. Оказывается, тогда оккупанты для своих целей произвели перепись всех находившихся в Черневцах евреев. Помню, что после этого немцы отбирали молодых мужчин и отправляли их на работу в Тульчин.

Мы слышали перестрелку в плавнях реки Мурашки. Там партизаны вели бои с немцами, и мы радовались этой стрельбе. Она давала надежду на освобождение.

Освобождение.

Зимой 1944 года стрельба в плавнях усилилась, особенно по ночам. А днём тянулись через село обозы с убегающими от Красной армии приспешниками фашистов. Одно из наших окон выходило в узкий переулок, который вёл к реке. Мы опасались за свою жизнь и договорились убежать через окно к реке, когда фашисты станут ломиться в дверь или подожгут дом.

В **марте 1944** года нас освободили красные партизаны. От их рук мы чуть не погибли. Партизаны приблизились к нашей двери, услышали за ней нашу речь на идише и решили, что за дверью прячутся немцы. Один из них занёс гранату для броска в дом, но люди, которые уже были на улице, остановили его, крикнув, что за дверью евреи.

Самая страшная минута войны наступила на третий день после освобождения из гетто. Всё местечко вышло из подвалов на улицу, целовали, обнимали советских бойцов-освободителей. Мы с папой и его товарищем тоже были на улице, радовались свободе. Я очень боялась, что папа уйдёт с войсками, он всё время повторял, что хочет идти воевать. Мама позвала нас домой обедать. Неожиданно налетели немецкие самолёты и разбомбили Черневцы. Наша семья оставалась в своём полуподвале и чудом спаслась. Взрывами убило несколько семей соседей, живших над нами. Они находились на улице и не успели спрятаться. Погибло очень много людей.

Как только мы услышали, что освободили наш город, мы вернулись в **Могилёв-Подольский** в **апреле 1944** года. Родители продолжили работу в школе, я начала учиться сразу во втором классе.

Бабушка Мася с Саррой и тётя Фаня с детьми вернулись из Черневцов домой к сентябрю.

После освобождения мама стала искать своих родных и с ужасом узнала, что во время оккупации в с. **Волковинцы** (ныне Деражнянского р-на Хмельницкой области Украины) были убиты немцами две её родные сестры с семьями: старшая сестра **Эня** (дев. фамилия Ровнер) (1905) с мужем **Велвлом** и детьми **Машей** 18-ти лет и **Яшей** 10-ти лет и сестра **Малка** (дев. фамилия Ровнер) (1915) с мужем. К сожалению, фамилий их мужей не помню.

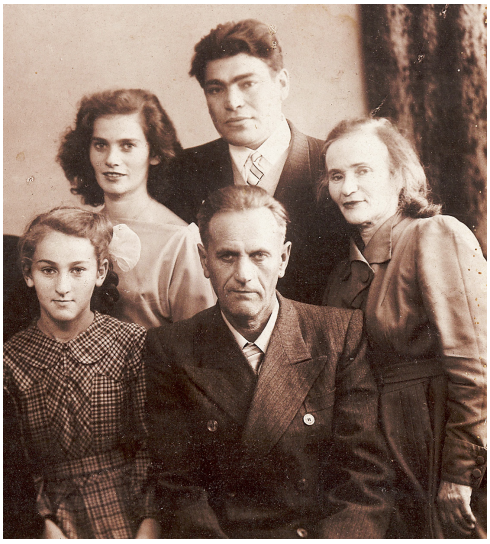

Фира Шток – ученица. 1946 г. Могилёв-Подольский.

Послевоенная жизнь.

В **мае 1945** года мы праздновали День Победы на улицах Могилёва-Подольского, радость была безмерная. 29 июня **1946** года родилась моя сестра **Геня** (Евгения). Я окончила школу с серебряной медалью и продолжила учёбу в Ленинградском химико-фармацевтическом институте.

В августе **1958** года вышла замуж за ленинградца **Илью Марковича Ортенберга** (11 дек. 1925), выпускника Ленинградской Академии тыла и транспорта, майора. Война застала его семью в Ленинграде, они пережили блокадную зиму и через Ладожское озеро эвакуировались в Казахстан. Когда Илье исполнилось 16 лет, отец Марк Михайлович сказал: «Пойдём в военкомат, чтобы не думали, что евреи не воюют». Илью направили в Харьковское пехотное училище, находившееся в Самарканде. После годичной учёбы в звании младшего лейтенанта в 1943 году был направлен на фронт командиром взвода. Был ранен в бою, продолжал воевать, дошёл до Берлина, по окончании войны был назначен комендантом немецкого населённого пункта в Шварцвальде. Продолжал служить старшим лейтенантом в Кремлёвских войсках в охране Кремля, затем в Клооге (Эстония). Поступил в военную Академию и учился пять лет.

Свадебный снимок. В 1-м ряду: мать Рива и отец Шулим Шток, дочь Геня, во 2-м ряду: молодожёны Илья и Фира Ортенберг. Окт. 1958 г. Ленинград.

В год свадьбы, одновременно окончив наши вузы, мы с мужем уехали в город **Ашхабад** (Туркмения), место его служебного назначения. Потом переехали в город **Душанбе** (Таджикистан), где Илья служил на военной кафедре Политехнического института, а я преподавала в госуниверситете органическую химию. Затем переехали в город **Караганду** (Казахстан), здесь мы прожили 17 лет и работали преподавателями в Политехническом институте на разных кафедрах. Я и муж защитили диссертации. Родила двух детей: **Мишу** (1960) и **Марину** (1961). Оба окончили высшие учебные заведения. Сестра **Геня** приехала к нам и окончила Политехнический институт, став специалистом-строителем. Работала в Новосибирске, вышла замуж за врача. В настоящее время Геня с семьёй живёт в Америке.

После выхода мужа в отставку в звании полковника в **1977** году мы вернулись в **Ленинград**. Муж работал в лаборатории по строительству дорог Академии, у него много авторских патентов за изобретения и медали ВДНХ СССР. Я работала в научно-исследовательском институте.

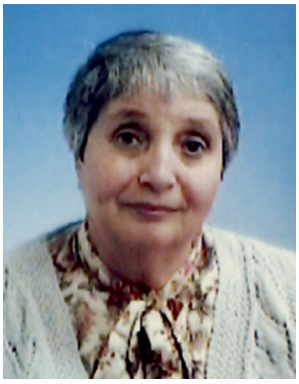
Ежегодно я ездила в отпуск к родителям. В Могилёве-Подольском папа был известным уважаемым человеком, вырастившим несколько поколений учеников школы. Помню, в газете о нём написали: «Увидишь этого человека – поклонись ему». Отец ушёл из жизни в ноябре **1986** года. Мама последние два года жизни находилась в моей семье в Ленинграде и умерла в июне **1990** года. Мы с Геней похоронили маму рядом с папой в Могилёве-Подольском.

В Израиле.

В мае **1990** года дочь **Марина** с мужем и двумя детьми пяти и трёх лет репатриировались в Израиль. В **1991** году приехали в Израиль мы с мужем и сын **Миша** с семьёй. **Марина** окончила Тель-Авивский университет, сегодня она – доктор философии, успешно трудится в области иммунологии, разрабатывает новые лекарства. **Миша** ещё в России, будучи аспирантом, получил из Израиля приглашение на работу в лаборатории Беэр-Шевского магниевого завода и принял его. Для моей внучки и двух внуков Израиль – родина. Внучка **Этель** и внук **Марк** – студенты университетов, внук **Валера** недавно окончил службу в Армии обороны Израиля. Мы с мужем тоже почувствовали себя дома. Дети, внуки и мы обосновались в **Реховоте**. Как специалист-химик, имеющий 50 опубликованных научных трудов, я получила стипендию Шапиро и 11 лет работала в Министерстве здравоохранения по специальности. Муж в основном занимался внуками. **Илья** умер после тяжёлой болезни в марте **2001** года в Реховоте.

Я считаю себя человеком, который сумел реализовать свои возможности, хотя моё детство было исковеркано, сломано Катастрофой. Это не прошло бесследно – мне до сих пор снятся страшные сны, в которых мой детский страх и бомбёжки.

79.

Снитковская Люба (с. Черневцы)

СТРАХ БЫЛ НАСТОЛЬКО ВЕЛИК, ЧТО ДЕТИ НЕ ПЛАКАЛИ

Мы прошли все круги геттовского ада, где смерть собирала свой несметный урожай, где для каждого подлеца полицая мишенью была повязка с *магендавидом* на наших рукавах.

Геноцид европейского еврейства – это не выдумка и не бред, и об этом свидетельствую я, сегодня совсем немолодая женщина, которой в ту трагическую пору было неполных шесть лет. Я хочу рассказать об этом своим детям и внукам, всем людям.

Довоенная жизнь.

Я, **Снитковская Любовь Борисовна**, родилась **25 октября 1935** года на Украине в селе **Бабчинцы** Черневецкого р-на Винницкой области в семье колхозни-

ков Снитковских **Бени Боруховича** (1904) и **Рахили** (Фейги-Рухл) **Иосифовны** (1903). Я была их третьей дочерью, старшая сестра **Геня** (Евгения) родилась в **1926** году, а средняя – **Хая** (Клара) – в **1927**-м. Материальное положение семьи было не очень лёгким, но выручало подсобное хозяйство. В те годы люди довольствовались малым и радовались каждой мелочи. Работали вместе украинец и еврей, мы вместе праздновали праздники, вместе учились в школе. В селе была и еврейская школа, моя сестра Геня окончила в ней первые четыре класса, а старшеклассницей вступила в комсомол. Никто не боялся называться евреем.

В семье говорили на двух языках: на идише и на украинском. В нашей семье соблюдали *кашрут*. Каждый сосед соблюдал традиции своего народа, и на праздники мы ходили друг к другу в гости. Так продолжалось до начала войны.

Начало войны и оккупация.

Война застала моих родителей в воскресенье **22 июня 1941** года на колхозных полях. В том году созревал необычно богатый урожай, и его собирали без выходных дней. В первые недели войны все мужчины призывного возраста, в том числе мой отец **Беня,** были мобилизованы и отправлены на фронт. Перед уходом отец очень просил маму бежать от врага, спасать детей. Он понимал, что война будет страшной.

Мама всё же решила никуда не ехать, ей не хотелось оставлять свой дом и хозяйство, поэтому шло время, а мы не эвакуировались. В селе начались грабежи, и неожиданно для нас соседи-украинцы изменили своё отношение к евреям. Когда стало ясно, что немцы близко от наших мест, в последнюю минуту мама посадила нас, трёх девочек, на подводу, выделенную колхозом, и успела доехать только до районного центра **Черневцы** Винницкой области. Здесь мы поселились у дедушки **Иосифа Этельзона**, маминого отца, лет семидесяти пяти. Из пяти его сыновей три маминых родных брата **Лейзер**, **Арон** и **Барух** ушли на фронт, старший брат **Этельзон Ицик** (1911) погиб в советско-финской войне в 1939-40 гг., а младший **Аврум** (1926) жил с отцом.

Тем временем жители села **Бабчинцы** составили списки евреев, коммунистов, комсомольцев и передали немецким оккупантам. В них, несомненно, значились все мы, в первую очередь мама как советский колхозный активист и сестра Геня, комсомолка. Во время нашего пребывания в Черневцах там было очень тревожно. Дедушка из Бабчинцев **Борух** Снитковский пришёл к нам в Черневцы и сказал маме: «Я заберу девочек к себе. У нас более спокойно». Геня и Клара ушли с ним в Бабчинцы. Я осталась с мамой и дедушкой Иосифом. Мама очень переживала за дочек. В один из дней – это было в пятницу – она переоделась в украинскую одежду, отправилась в Бабчинцы к свёкру, за 15 километров от Черневцов. В Бабчинцах уже находился немецкий карательный отряд, и в субботу на утро был объявлен сход всех евреев: здоровых, больных, инвалидов, малых детей. Мама сказала дедушке Боруху: «Этот приказ не к добру. Если мы нужны им как рабочая сила, зачем им собирать инвалидов и младенцев?» Он ответил: «Ты хочешь быть умнее других. Я знаю немцев с Первой мировой. Это очень культурные люди. Зачем им

нужна жизнь старого портного?» Ночью мама переодела моих сестёр в крестьянскую одежду и убежала с ними в Черневцы, к дедушке Иосифу и ко мне.

Субботним утром в двадцатых числах **июля 1941** года в **Бабчинцах** состоялась кровавая акция немецких карателей, от которой мама успела спасти двух моих сестричек. Немцы собрали всех евреев во дворе колхоза, мужчинам выдали лопаты и велели копать ямы. Среди них был и мой дедушка по отцу, 80-летний **Борух Снитковский** (1861), который слепо верил, что «немцы – культурный народ», и он погиб первым. В этой кровавой бойне был расстрелян его сын **Аврум-Эрш Снитковский** (1890) с женой **Хоной** (1892) и четырьмя детьми: **Яковом** (1927)**, Зиной** (1929)**, Валей** (1931) и **Мишей** (1938).

В августе **1941** года во второй акции карательного отряда были убиты папина сестра **Волох** (в дев. Снитковская) **Рейзя** (1899) с мужем **Шмилем** (1894) и двумя детьми: **Володей** (1933) **и Нехамой** (1924). Расстреляли также дочь его брата Мордехая **Филициан** (в девичестве Снитковскую) **Хану** (1916) с девятимесячной дочкой **Дворой** (1940), которую фашист разорвал пополам и бросил в яму. В этих двух акциях были уничтожены все евреи села Бабчинцы.

<u>В Черневецком гетто.</u>

С приходом фашистов наша семья была заключена в гетто в местечке **Черневцы** в румынской зоне оккупации. Я пишу, и перед моим мысленным взором, как на экране, проходят опять эти события. Мы были отрезаны от внешнего мира, хотя гетто не было огорожено. От села нас отделяла река и охраняемый мост. Мы носили белые повязки с жёлтой шестиконечной звездой. В жилищах страшная теснота, так как в Черневцы пригнали много евреев из Румынии, Бессарабии. В доме дедушки Иосифа в двух комнатках вместе с евреями из Румынии нас было, наверное, 25 человек.

Вначале мы ещё не очень голодали, потому что меняли вещи на продукты у крестьян. Муки голода начались, когда кончились вещи для обмена. Чтобы не умереть с голоду, мама добавляла в еду крапиву, а хлеб пекли из отрубей с добавлением жмыха, если его удавалось добыть. Ближе к зиме не стало совсем соли, люди заболели цингой. У **Клары** начали выпадать зубы, кровоточить дёсна. Узники посмелее проникали в здание разрушенного кожзавода, где находились на складе засоленные шкуры, и соскабливали эту соль на продажу. Мы покупали эту соль на базаре по полстаканчика.

В гетто началась эпидемия тифа, дизентерии, от которых умирали ежедневно десятки людей. Их хоронили на еврейском кладбище. Я переболела дизентерией. Лекарств никаких, врачебной помощи не было, я стала опухать и исходить кровью. Мама кормила меня каким-то отваром из просяного отсева с чёрным отстоем подсолнечного масла, и я выжила.

Когда мы начали болеть, дедушка нашёл нам отдельную комнатку с земляным полом. В ней помещались только два топчана: на одном спали мы с мамой, на другом – мои старшие сёстры. Маму брали на принудительные работы, а сёстры ходили работать вместо некоторых слабых здоровьем, но состоятельных

румынских евреев, которые им платили одну марку и давали четвертушку хлеба в день каждой.

Отапливать помещение было нечем. На улице мы собирали щепки, кусочки бумаги, кости, растапливали печурки, и на этом «топливе» успевали сварить какую-то похлёбку.

Мы, дети, быстро стали взрослыми, потому что страх был настолько велик, что дети даже не плакали. Евреи боялись уходить из своих жилищ. Не раз нас выводили на базарную площадь расстреливать, но, поскольку у нас был румынский протекторат, то евреи откупались. Всю жизнь и до сих пор мне часто снится один и тот же сон: надо прятаться, иначе убьют.

А глумились над евреями кто как мог: и румыны, и полицаи. Помню тот зимний день, когда наших дедов в *талесах* и *тфилинах* румыны выгнали из синагоги на улицу и продержали много часов на морозе. Это было страшно – все думали, что их вывели на расстрел. В конце концов их отпустили. В **1942** году дедушка **Иосиф Этельзон** умер в Черневецком гетто. Хоронили каждого в отдельной могиле по еврейским обычаям, работала похоронная команда.

Но в этих условиях люди поддерживали друг друга, чем могли. Нам помогала жившая по соседству семья местного еврея **Анчела**. Члены семьи занимались пошивом шапок для сельчан, товар расходился хорошо. Время от времени они приносили нам кусочек настоящего хлеба, кусочек маслица. Они с нами делились, сочувствовали маме с тремя девочками.

В Черневецком гетто была еврейская община с советом из пяти человек, которые постоянно объявляли о сборе денежных выкупов, сдаче ценностей для румын. У нас нечего было взять, так забрали одеяло. Это продолжалось почти три года.

Однажды всем евреям местечка приказали взять с собой все ценные вещи, двери домов оставить открытыми и немедленно собраться на базарной площади. Когда все пришли, на площади уже стояли пулемёты. Казалось – всё, это конец. Но вокруг местечка действовал партизанский отряд, и у него была связь с гетто. Я помню, что появились два человека на лошадях, наверное, были и другие, и мы ещё раз спаслись. Это случилось в начале **1944** года, незадолго до ухода немцев и бегства румын.

В гетто не было никаких средств информации, ходили только слухи. Что делается на фронтах, мы не знали. Что нас ждёт – смерть или спасение – никто не знал. Даже когда мы видели, что румыны покидают местечко, бегут, бросая всё, людей снова обуял страх – они могут перед отходом нас уничтожить. Но им, слава Богу, было уже не до нас – слышалось приближение Красной армии.

Освобождение.

17 марта 1944 года советские солдаты освободили нас. Радости нашей не было границ. На площади веселились, танцевали, слушали музыку, и вдруг налетели самолёты. Люди насчитали 27 бомбардировщиков на маленькое местечко. В результате немецкой бомбёжки Черневцов осколком была ранена в бедро сестра **Клара**. Я чудом осталась жива. Когда начался налёт, я гуляла со старшей сестрой

на площади, отстала от неё и потерялась. Вокруг падали бомбы, меня подхватил солдат, и мы добрались с ним до укрытия. Я стояла между ним и какой-то женщиной. Внезапно солдат и женщина упали замертво, а я осталась жива из-за детского росточка. Я в панике побежала по улице и попала в погреб, где люди прятались от бомбёжки. В тот день было много убитых и раненых, и мама, не прячась, искала меня и сестёр среди них.

Настала новая жизнь. Нам, голым и босым в разрушенном местечке, надо было продолжать жить. Сестра **Клара** начала работать. В том же году сестра **Геня** пошла в 10 класс, а я – в первый класс Черневецкой школы. Мы учились в классе без окон и дверей, не было учебников и тетрадей. Стояли страшные морозы, чернила замерзали в наших бутылочках, но мы, дети, выжившие в гетто, сумели выстоять и в этих условиях. Жизнь продолжалась, а пережитый страх ещё долго держал нас в своих сетях. Мы боялись всего. Мама, чтобы дать нам возможность учиться, ходила каждый день в сёла за 15-20 километров продавать нужные мелочи: конфеты, чернила, и этим мы жили.

Послевоенная жизнь.

Отца я больше никогда не видела. Как и большинство мужчин села, папа **Беня Борухович Снитковский** с этой войны не вернулся. Его брат **Мордехай Борухович Снитковский** (1886) пропал без вести на фронте в **1944** году. Сыновья Мордехая **Хаим** (1915), **Гитман** (1917) и **Яков Снитковские** погибли на фронте в Красной армии, они считаются пропавшими без вести. **Гитман** (Гета) **Волох** – старший сын убитых Рейзи и Шмиля – был мобилизован на фронт в 1941 году и не вернулся с войны.

Снитковская Люба – выпускница 7 класса школы в Черневцах. 1951 г.

Погибли на войне три маминых брата – уроженцы Черневцов: **Этельзон Ицик Иосифович** (1911-1940), **Лейзер Иосифович** (1916) и **Арон Иосифович** (1915), четвёртый – **Барух** – вернулся с фронта без ноги, лишь пятый брат **Аврум**, мобилизованный на фронт в марте 1944 года, вернулся с войны в 1946 году невредимым.

Особо отмечу, что в нашей семье и вне семьи мама и мы, сёстры, никогда не разговаривали и не вспоминали вслух о времени, проведённом в гетто. Все разговоры делились на две темы: до войны и после войны. Мы старались всё забыть и никогда не говорили о гетто, но страх пережитого всегда жил в нас самих.

Геня окончила Винницкий мединститут, работала фтизиатром. **Клара** работала на заводе. После окончания 7 классов Черневецкой школы в 1951 году я поступила в Молдавский кооперативный техникум и с **1954** года работала в Молдавии в должности товароведа и в других должностях. Мама **Рахиль** была парализована, жила у меня и умерла в 56 лет.

В **1957** году я вышла замуж за **Иосифа Шнайдера**, находившегося в годы Шоа в гетто в селе **Поповцы** Винницкой области, и переехала с мужем в гор. Мо-

гилёв-Подольский. В память об отце я и сёстры не меняли нашу фамилию после замужества.

У нас родилось трое детей: дочь **Рая** (1959-1986) прожила 27 лет и умерла в Могилёве-Подольском от болезни сердца, наш маленький сынишка **Яник** умер в шестимесячном возрасте, в **1970** году родился сын **Владимир**.

В Израиле.

Сестра **Клара** с семьёй репатриировалась в Израиль в **1979** году.

В **1980** году я с мужем и сыном репатриировалась в государство Израиль. Живём в гор. **Реховоте** уже 33-й год. Все годы до выхода на пенсию работала в Израиле кассиром. В пенсионном возрасте ещё несколько лет была работницей по уходу за престарелыми людьми. Сын **Владимир** (Зеэв) окончил университет, успешно работает в большой компьютерной фирме.

Три сестры: Люба (справа), Клара (в центре) и Геня Снитковские. 1992 г. Реховот.

В **1991** году приехала в Израиль с семьёй сестра **Геня**. Я единственная из сестёр сегодня жива. Мы были очень дружны, хотя находились в разных городах страны.

*

Я писала свои воспоминания с горечью, сердце обливалось слезами по моим погибшим родным и близким, убитому без вины народу. С того времени прошло 70 лет. Те, кому посчастливилось, спаслись, выжили, чтобы всю жизнь оплакивать жертв Катастрофы и погибших на фронте. Быстро редеют наши ряды, но пока будет жив на планете хотя бы один из нас – он свидетель страшной трагедии века и укор тем, кто эту трагедию пытается отрицать. Книга наших воспоминаний будет служить сохранению Памяти о погибших в Шоа и о нас, продолживших вечную жизнь еврейского народа.

80.

Хавес Изя
(с. Черневцы)

ЖИЗНЬ В ГЕТТО ДЕТСКИМИ ГЛАЗАМИ

Довоенная жизнь.

Меня зовут **Ицхак** (Ицик, Изя) **Израилевич Хавес**, родился я **11 сентября 1936** года в местечке **Черневцы** Черневецкого р-на Винницкой области. Мои родители родом из этого местечка, где до войны жили 1500 евреев. Мама **Зисл** (1908), дочь Мордхэ, была домохозяйкой, растила детей и ухаживала за больной свекровью. Украинцы звали её Зина Михайловна. Мамины родители **Мордехай Альтман** и бабушка **Лея** жили неподалёку от нас.

Папа **Израиль** (Срул) **Мордкович Хавес** (1906) работал на швейной фабрике в механическом цеху. Его заработка нам хватало на жизнь. Бабушке **Рухл Хавес** (1873), папиной маме-вдове, принадлежал дом, в котором выросли её дети: **Срул**, **Моисей** (Мойше) (1902) и **Бума**. Мойше работал почтальоном. Бума с семьёй переехал в Крым, работал строителем. Бабушкин дом был старым, вросшим в землю, его окна находились в полуметре от земли. До войны в нём жили бабушка, мои родители и мы, их четверо детей: старшая сестра **Сарра** (1931), братья-близнецы **Моня** и **Мехл** (1933) и я. Все 7 человек размещались в одной комнате, а вторая считалась гостиной. Дом был длинным, как барак, в остальной его части жили ещё две семьи. Между домиками были узкие проулки. В доме у бабушки строго соблюдались еврейские законы и обычаи, отмечались все еврейские праздники. Еда была *кошерной*. Бабушка строго следила за нами, чтобы мы ничего не ели на улице. Мои братья и сестра учились в еврейской школе.

Начало войны и оккупация.

Начало войны запомнилось мне тем, что немецкие самолёты пролетали над Черневцами и бомбили самые большие дома. Примерно через неделю после этого началось наземное продвижение немцев. Многие евреи пытались бежать, когда немцы ещё были далеко, снаряжали подводы с вещами, брали семью и уезжали в направлении Вапнярки – ближайшей станции железной дороги. Во время бегства с ними творили страшные вещи. Банды украинцев гнались на подводах, на машинах за евреями, грабили их, отбирали всё и иногда отпускали, но чаще убивали. Оставшиеся в живых возвращались в Черневцы пешком, босиком, голые, и рассказывали, что с ними сделали жители соседних сёл. Неизвестность поглотила вскоре маминых родителей: дедушку **Мордехая** и бабушку **Лею.** В самом начале

войны **Бума Хавес**, папин брат, приехал из Крыма за матерью Рухл, чтобы забрать её к себе в Крым на поезде. Ещё существовала советская власть, на поездах эвакуировались массы людей. У дяди Бумы уже имелись билеты на поезд и необходимые документы. Бабушка Рухл, владелица дома и хозяйства в Черневцах, ехать отказалась. Тогда Бума предложил эвакуироваться супругам Альтманам. Они согласились, собрались, в тот же день выехали с Бумой в сторону железнодорожной станции Вапнярка и пропали навсегда. Скорее всего, их троих убили грабители из-за вещей по дороге на поезд или фашисты уничтожили в Крыму. Больше мы их не видели, и никакие поиски не помогли.

Началась всеобщая мобилизация. Папу **Израиля** сразу призвали, и он отправился из Черневцов с несколькими сотнями земляков в **Томашполь** на призывной пункт, как только началась бомбёжка местечка. Помню, что они ушли пешком большой колонной, потому что в ней были мобилизованные на фронт из Ямполя, Черневцов, других мест. Мы стояли минут двадцать, пока прошла эта колонна и освободилась дорога. Больше мы отца не видели.

В **Черневцы** стали приходить украинцы из окрестных сёл. Они говорили: «Всё равно вас убьют. Отдайте нам всё, что есть». Они знали, что черневецкие евреи были хорошими сапожниками, закройщиками, часовщиками, зубными врачами, специалистами, а значит, зажиточными людьми. Они заходили, присматривались, что нравилось, отбирали. Если не отдавали, то били хозяев и отнимали. Зашли к нам, сказали: «Что тут можно взять? Здесь ничего нет, идём дальше» – и вышли. После этого грабежа пришли оккупанты.

Помню, что, помимо немцев на танках, нас оккупировали австрийцы и венгры. Их артиллерия была на конном ходу, и я с изумлением смотрел на лошадей-тяжеловесов, тянувших пушки. Для стоянки лошадей выбрали площадь перед церковью. Тут же набрали евреев, отправили в лес принести стволы деревьев для постройки навеса над пушками и лошадьми. Местные украинцы, ставшие полицаями, отлично знали, кто из евреев плотники, столяры, кузнецы, и сообщали немцам.

Тротуаров в местечке не было, и после дождей всё утопало в грязи. Немцы приказали полицаям взять с еврейского кладбища надгробные плиты и вымостить ими дорожки к своим и румынским учреждениям. Это было выполнено, была сделана и дорога из могильных плит для брички, на которой ездил главный румын – примар. Когда мама пошла на кладбище в поминальный день, она уже не нашла могилы родных: плит с именами не было, земля была выровнена. Все Черневцы плакали после такого кощунства. Синагога тоже была разграблена.

<u>В Черневецком гетто.</u>

Гетто для евреев было устроено румынами. Ограды вокруг гетто не было, но на его границах через два километра стояли высокие сторожевые вышки, и оттуда было видно любого, кто вышел за дом или направился в запрещённое место. Охрана сразу открывала огонь. Был ещё один путь попасть в ближние сёла, но украинцы тут же давали знать полицаям о евреях. Их избивали и отправляли обратно в гетто.

В Черневецком гетто мы продолжали жить в своём доме. Он стоял третьим от моста через речку Мурафу. Если румынам нужен был какой-то дом, они выгоняли жильцов-евреев на улицу и занимали его или поселяли туда, кого хотели. Выгнанные уходили жить к родственникам или по подвалам.

В гетто оказались бабушка Рухл и мама с четырьмя детьми. В начале войны мне было неполных пять лет. Дети в основном сидели дома или у его входа на улице. Больших девочек родители не выпускали из комнаты. Сестра **Сарра** всегда сидела возле бабушки. Были случаи, что полицаи ловили девушек, уводили с собой, насиловали и говорили: «Иди до дому, ты нам уже не нужна».

Жили очень бедно. В одних штанах я ходил несколько лет. Когда становилось холоднее, мы шли по соседям спрашивать, может, у них найдётся что-то надеть на ноги для 4 детей. Очень тяжело было жить в доме зимой. Мы замерзали, и неоткуда было взять дров. Из гетто не выпускали. Когда наступили сильные холода, мы начали понемногу рубить деревянный пол в доме, чтобы топить печку-буржуйку и не замёрзнуть. Печка была железным бочонком с трубой, которая выводила дым за окно. Сверху на ней можно было что-то сварить, если были продукты. Иногда мы с братьями выходили высматривать, что можно спилить, срезать на улице для топки. В руках несли пилку. Однажды нас заметил полицай, решил, что мы собираемся совершить диверсию или покушение. Он громко засвистел и побежал нас ловить. Мы разбежались по переулочкам и скрылись от него. При поимке нас могли обвинить в чём угодно.

В Черневецком районе действовал немецкий карательный отряд, который раз в 2-3 недели заходил в каждое гетто, захватывал евреев и расстреливал их или угонял с собой. Мы слышали, что они побывали в Могилёве-Подольском, других местах и приближаются к нам. Однажды утром они прибыли в Черневцы, зашли в синагогу, там было 12-13 мужчин, в основном стариков, пришедших на утреннюю молитву. С немцами были и полицаи под руководством **Зигмунда Жмуда**, он подавал команды евреям по-украински. Когда каратели появились на мосту, старшая сестра подняла на крыше черепицу, и мы видели всё происходящее на нём. Евреев из синагоги повели под горку на мост, немцы хватали стариков, живыми кидали с моста в воду и сверху стреляли в них. Среди этих мучеников был мальчик **Лёвалэ**, лет семи-восьми, водивший слепого деда в синагогу. Мы все любили Лёву, он был нашим ровесником, очень умным, к тому же талантливым музыкантом, играл на флейте. Когда сбросили с моста его дедушку, мальчик хотел прыгнуть сам вслед за дедом. Он схватился за перила, перегнулся, немцы дали по нему автоматную очередь, и мёртвый Лёвалэ упал в воду. Когда карательный отряд ушёл, полицай Зигмунд разрешил прибежавшим евреям: «Вытаскивайте из воды и хороните ваших братьев». Мы, дети, бегали смотреть, как из красной воды вытаскивали тела. Их положили на горке, и вся земля стала красной вокруг них.

В один из дней еврей-фотограф, который до войны снимал в местечке свадьбы, женихов и невест, поставил свой фотоаппарат в комнате возле окна, и, когда немцы проходили мимо, сделал снимок. Они обратили на него внимание, вошли

в дом, вытащили его и избили до полусмерти, а потом придавили тело тяжёлым матрацем, несколько полицаев забрались на матрац и стали прыгать на нём. Раздавленный фотограф умер.

Помню, что в Черневцах жило много беженок-евреек с детьми из Польши. Они начали появляться с 1939 года. Когда их спрашивали, где их мужья, они отвечали, что поляки взяли мужчин на фронт. Жили они в подвалах, устраивали лежанки на улице. В Черневцы пригнали евреев из Румынии, Молдавии. Эти люди знали румынский язык, могли как-то договориться с румынами. Жили они в самодельных постройках, каждый день что-то добывали: доски, камни и строили комнатёнку.

Румыны с полицаями ходили каждое утро брать людей из гетто на работу. Помню, что много евреев немцы и румыны месяцами водили для рытья оборонных траншей вдоль моста. Полицаи брали бригады для работы в лесу: уводили 20 человек, возвращались 19. Мы видели большое горе родителей пропавшего. А полицаи говорили: «Не знаем, куда он делся, может, убежал». Копать картошку у украинцев брали женщин и детей из гетто.

Мама ходила убирать помещения, мыть полы у старшего украинского полицая Зигмунда Жмуда. Он с женой жил на территории гетто, был очень хорошо одет, ходил в шубе, в валенках. Под его командованием состояло примерно 20 полицаев с белыми повязками. Они издевались над евреями, насиловали женщин.

Маму заставляли чистить большие армейские конюшни, убирать навоз, грузить его на подводу. Она собирала из конского навоза зёрна овса, кукурузы, чистила, мыла, сушила их, потом варила, и это мы ели. Приносила выброшенную картофельную кожуру, мы её поджаривали и ели. Иногда румын в конюшне насыпал ей в мешочек овёс, и на 2-3 дня у нас была еда. Если бы не мама, мы бы не выжили.

Был случай, когда румынская лошадь, запряжённая для работы в повозку, вдруг посреди дороги упала, захрипела и померла. Полицай, охранявший конюшню, вспомнил, что несколько дней назад возле конюшни проходил еврей, и доложил о нём румынам. Еврея привели и возле конюшни расстреляли за отравление лошади.

Однажды мы с братом Моней, видя, что мамы долго нет с работы, пошли в конюшню, где она работала. Зашли туда, стали ходить и спрашивать маму Зисл. Румыны и австрийцы меня, ребёнка лет семи, поймали и избили нагайкой по голове и по спине так, что текла кровь. Они думали, что мы пришли отравить лошадей. Брату тоже досталось, но я не был таким быстроногим, как он. Может, эти удары по голове и повлияли на моё зрение. С этого дня оно стало портиться.

Ходили мы с братьями к пекарне, где пекли хлеб для немцев. В ней работали украинцы и несколько еврейских мастеров-пекарей. Всех их перед работой обыскивали, полностью переодевали. Мы просили через забор хлеба, и иногда нам бросали куски, перелетавшие через забор и падавшие на землю. Кто на эту пыль обращал внимание? Мы ели его с наслаждением или относили бабушке.

В гетто я перенёс желтуху, другие болезни, голод, которые сказались на ухудшении моего зрения. Мама боялась сообщить, что я очень болен, потому что могли прийти и уничтожить меня. Болели и мои братья.

Евреям было запрещено выходить из Черневцов. Внутри гетто работали портные, сапожники, к ним ходили украинцы и платили за работу мукой, зерном. Когда полицаи узнавали об этом, они отбирали у евреев продукты. Украинцам было разрешено ходить везде, они приходили для обмена в гетто. В Черневцах была своя барахолка, где можно было поменять ведро картошки на блузочку.

Румыны и немцы особенно лютовали перед самым нашим освобождением. Нельзя было показаться на улице, они убивали евреев. Мы чувствовали тревогу среди оккупантов. Помню, перед освобождением полицай Зигмунд хотел уйти с оккупантами, но немцы и румыны оттолкнули его, и он остался в Черневцах.

Освобождение и после него.

Когда в Черневцы въехал первый советский танк, мы сказали танкистам: «В местечке остался полицай Зигмунд, который руководил всеми плохими делами». Его вытащили из дому и казнили. Мы все бегали смотреть на мёртвое тело. Во время бомбёжки нашего местечка после освобождения в **марте 1944** года погибло много жителей. Были убиты и лошади-тяжеловесы, которых оккупанты бросили при отступлении, и конские трупы валялись повсюду.

В школу я пошёл поздно, в 8-9 лет. На уроках из-за слабого зрения не видел, что пишут на доске, было трудно учиться. На очки у нас не было денег. Я молчал и никому не говорил о своей беде.

В поисках отца мы обращались в Министерство обороны, Международный Красный Крест, военкомат – никаких сведений о папе **Израиле Хавесе**, призванном в Красную армию, нам не сообщили. Я обратил внимание, что не вернулся никто из ушедших с ним на фронт в тот день. В Дзыговке жила папина сестра **Меня**. Мы остались без отца, и она приезжала к нам, привозила подарки и угощение. Во время оккупации тётя Меня находилась в гетто в с. **Дзыговка** с двумя дочками.

Пропал навсегда в период Катастрофы мамин родной брат **Шмиль Альтман** (1910), сын Мордехая, работавший до войны учителем в Черневецкой школе. Незадолго до 22 июня 1941 года он уехал повышать свою квалификацию в дни отпуска в другой город, где его застала война и оккупация. Судьба его неизвестна.

Послевоенная жизнь.

После войны мама получала маленькую пенсию за погибшего отца, растила нас, работала с больными лёгкими. В **1948** году у мамы уже не было сил и средств поддерживать детей, и нас, трёх братьев, определили в детский дом в с. **Юрковцы** Могилёв-Подольского р-на. Старшая сестра осталась с мамой, работала в свои 15-16 лет дворником в парке. В детдоме основной едой была вода, у мамы при всей бедности нам жилось сытнее. Через две недели мы сбежали оттуда и пришли пешком в Могилёв-Подольский к маминому дальнему родственнику. Дядя посадил нас в машину и привёз к маме в Черновцы. Мы стали опять жить вместе.

Бабушка **Рухл** умерла в **1950** году, прожив 77 лет тяжёлой жизни.

После войны евреи Черневцов просили власти вернуть могильные плиты, взятые фашистами с еврейского кладбища, на место, но никто уже не знал, куда их ставить, 200 плит стёрлись. В синагогах, которые имелись до войны в Черневцах,

районные власти открыли типографию, шофёрские курсы, а третью – деревянную, в переулке, оставили евреям.

Папин брат **Моисей Хавес**, вернувшийся израненный с войны, помог Сарре поступить в бухгалтерское училище в Могилёве-Подольском. После двух лет учёбы **Сарра** вернулась в Черневцы, начала работать в госбанке, вышла замуж за рабочего парня. Братья **Моня** и **Мехл** были призваны в Советскую армию, после демобилизации стали рабочими, женились.

Хавес Изя. 1956 г.

В 17-18 лет я получил документ об инвалидности 2-й группы по зрению. Меня определили работать на фабрику Общества слепых в **Могилёве-Подольском**. Здесь я жил и работал с **1955** года до отъезда в Израиль: мы делали крышки, пробки, гвозди, коробки и т. п.

Наша мама **Зисл** рано ушла из жизни, прожив всего 55 лет (1908-1963).

В **1972** году я женился на **Вале**, дочери фронтовика **Авраама Викторовича Баса**. Валечка работала бухгалтером на крупном заводе «Металлист». Родилась дочка **Лена** (февраль 1973).

Валины бабушка **Ента** и дедушка **Янкель Менишен** с шестью детьми, среди которых была будущая Валина мама **Этя**, жили в с. **Вендичаны** Могилёв-Подольского р-на. В первые дни войны двое сыновей **Нахум** и **Моня** были мобилизованы на фронт. Во время немецкой оккупации в 1941-1944 гг. большая семья Менишен была спасена их давними друзьями – украинской семьёй **Василия**. Фамилию Валя не знает, потому что родилась в 1946 году. Замечательные люди Василий с женой скрывали, несколько лет прятали у себя Енту и Янкеля с четырьмя детьми от немцев и румын. После войны Василий с родными, приезжая в Могилёв-Подольский торговать на базаре, останавливался на ночлег только у друзей – у Янкеля и Енты, и всегда с гостинцами: птицей, мёдом и т. п. Валя с мамой жила в одном доме с бабушкой и дедушкой и хорошо помнит доброту Василия.

<u>В Израиле.</u>

В Израиль наша семья с родителями жены и её сестрой приехала в декабре **1978** года. В городе **Нацрат-Илите** учили иврит и жили в центре абсорбции. Затем по совету двоюродного брата **Мотла** (Матвея) Хавеса приехали жить в город **Реховот**, в котором много лет проживает брат.

Я работать не мог, жена **Валя** устроилась на фабрику по производству мединструментов, работала за двоих до 1989 года, пока не закрыли фабрику. В мае **2012** года мы отметили 40-летие супружеской жизни. Не представляю, что бы я делал без моей дорогой Вали.

Я человек незрячий, и поэтому дочку хотели освободить от воинской обязанности. Но моя доченька **Лена** выбрала службу в Армии обороны Израиля и отметила в бумагах, что папа пережил Шоа, находился в гетто. С тех пор к нам звонят из армии 1-2 раза в год, и солдаты приходят слушать мой рассказ о Катастрофе с

переводчиком на иврит. Так в Израиле заведено – старшие передают младшим, что было с еврейским народом в тяжёлые годы его истории. Дочь работает в компании по выпуску электронной техники. Наши любимые внучка и внук учатся в школе.

С первого дня приезда в Израиль я чувствую, что я у себя дома. Это моё счастье, что есть еврейское государство, которое меня приняло, дало квартиру, дало работу моей семье и платит мне пенсию. Врачи помогают мне поддерживать здоровье. Здесь выросла моя дочка, получила образование и специальность, вышла замуж, подарила внуков. Я очень доволен своей судьбой в Израиле.

81.

Хавес Матвей
(с. Черневцы)

МОЯ ЕВРЕЙСКАЯ МАМА

Довоенная жизнь.

Мои отец, мать и их родители жили в маленьком еврейском местечке, районном центре **Черневцы** Винницкой области Украинской ССР. Мама **Сура Липовна** (1898) занималась домашним хозяйством. Она была культурным, грамотным, начитанным человеком. Знала идиш, украинский языки, окончила 4 класса еврейской школы, где изучали иврит. Когда мама находилась в синагоге, все женщины сидели возле неё, и она им переводила с иврита на идиш, что написано в святой книге. Она была преданна своим сёстрам и братьям.

Папа **Моисей** (Мойша) **Мордкович Хавес** (1902) работал почтальоном, возил почту в село. По состоянию здоровья он был освобождён от военной службы. Мой старший брат **Ефим** родился в **1930** году. Он успел окончить до войны 4 класса. Я, **Мотл** (Матвей) **Моисеевич Хавес**, родился **17 августа 1932** года в **с. Черневцы.**

Папина мама, моя бабушка **Рухл**, жила в собственном доме близко от нас с семьёй папиного брата **Срула**, у которого было четверо детей. Её замужняя дочь **Бруха** переехала в село Ярышев, а женатый сын **Бума** жил в Крыму.

Начало войны и оккупация.

О начале войны мы узнали **22 июня 1941** года от папы, у него на почте был радиоузел. В какой-то день **июля** в пять часов дня приехал на почтовой машине папа. Он сказал маме, что надо быстро собрать самые необходимые вещи и взять детей, потому что немцы уже в 30 километрах от Черневцов, и уезжать. Мы сели в

машину: папа, мама, я с братом, две женщины, жившие до войны в нашем доме по маминой доброте, один случайный мужчина – и поехали в направлении Томашполя. Украинцы нам сказали по дороге, что впереди немцы. Мы свернули в с. **Горышковка** Томашпольского р-на. Горышковка уже была оккупирована немцами. У нас сразу отобрали вещи, с мамы сняли сапоги. Мама набралась смелости, сказала, что всё равно погибать и она пойдёт к самому главному немцу в Горышковке. Она пришла в комендатуру и попросила: «Мы ничего не хотим, кроме возвращения домой, в Черневцы. Дайте нам, пожалуйста, бумагу, чтобы нас по дороге не трогали». Немец дал письменное разрешение на 7 человек. Мы пошли обратно. Наш попутчик, продавец вина в Черневцах, немного отдалился от нас, вышел из леса, чтобы посмотреть, где немцы, и был убит на месте выстрелами гитлеровцев. Еды не было, пили из дорожных луж, следов от лошадиных копыт. По дороге двигались беженцы, навстречу ехали немецкие машины. Когда нас останавливали, мама показывала немцам справку от коменданта, и нас пропускали. Мы вернулись в **Черневцы** в двадцатых числах июля. В нашем доме уже жили беженцы, и они, увидев хозяев, перешли в другое место.

В конце июля в местечко вошёл немецкий карательный отряд. Папа, я, Фима и наш сосед забрались на наш чердак и втащили лестницу. Мама и две женщины спрятались у соседей. С чердака открывался такой вид: за нашим домом протекала речка, на её воде работала мельница, через речку был проезжий мост. Недалеко от него синагога. Мы видели с чердака, как каратели зашли в синагогу. Они вывели оттуда всех людей и бросили с моста в воду с высоты восемь метров. Тех, кто выплывал, убийцы расстреливали в воде. Долго немцы в Черневцах не задержались, но разрушили синагогу.

В Черневецком гетто.

В **Черневцы** вошли и установили свой режим румынские фашисты. В созданном ими гетто находились папа, мама, брат Ефим и я. Еврейские семьи жили в своих домах и принимали жить евреев, пригнанных из Румынии, Буковины, Бессарабии. Старшим румынским жандармом был **Станчу**, мужчина огромного роста, очень жестокий. Один его вид, когда он шёл по улице, наводил на меня, мальчика девяти лет, ужас.

Евреев гетто румыны использовали на разных принудительных работах. Мама и Фима работали в поле, собирали свёклу, подсолнечник. Я помогал им. Мама ремонтировала, белила здание жандармерии, ходила на уборку помещений. Папу на работы не брали из-за плохого здоровья.

Моя бабушка Рухл жила в своём доме с невесткой **Зисл**, оставшейся с четырьмя детьми. Однажды к бабушке **Рухл** пришли и рассказали, что её дочь, папину сестру **Бруху** (Брушку) **Коган**, расстреляли с двумя детьми: девочкой и мальчиком в с. **Ярышеве**, в 20 километрах от Могилёва-Подольского. Как только немцы захватили Ярышев **летом 1941** года, евреям сказали, что их отправляют на работу и надо взять с собой ценные вещи, чтобы они не пропали. Всех евреев Ярышева привели к выкопанной яме на казнь. Бруха увидела эту яму и сказала немцам и

полицаям: «Сначала убейте меня, я не хочу видеть, как вы будете расстреливать моих детей». Они выполнили её просьбу. После такого известия бабушка ослепла.

К нам на жительство попросились две семьи, депортированные из Румынии: жена и муж **Вольман** с детьми Борей, Кларой и маленькой девочкой (имя не помню) и **Анна Бух** с дочкой. Мама их приняла, и мы прекрасно общались на идише. Я благодарен моей матери, которая нас буквально спасала от голода и холода. Она везде шла первой лицом к смерти, а нас прятала от неё. Она пила стакан чая и говорила: «Я уже сыта». Для мамы главным было – накормить Фиму, меня, Борю, Клару, их сестричку и дочку Анны. Мы сблизились, как одна семья. Мы всегда делились с ними, а они с нами. В нашем доме было много детей, играть было не во что, и все мы старались не выходить наружу без взрослых. Страх за жизнь проник в нас.

Мы болели детскими болезнями, а на всё гетто был один фельдшер. Я переболел скарлатиной, чудом выжил. Фельдшер жил возле почты, был папиным знакомым и поэтому дал мне направление в инфекционное отделение больницы в селе Боровка. Мама находилась там со мной, платила сторожу, чтобы он топил печь, иначе можно было умереть от холода.

Рядом с Черневцами в селе **Гибаловка** жила украинская семья **Федота Паламарчука**, мы с ними дружили до войны: многие годы они доставляли нам молоко и другие продукты. Эти простые крестьяне иногда вечером приходили к нам в гетто, бывали и их дети, приносили поесть, давали немного муки. Благодаря бескорыстной помощи Паламарчуков мы жили. Низкий им поклон от меня, единственного живого сегодня члена нашей семьи.

Освобождение и после него.

В середине **марта 1944** года папе кто-то сказал, что вот-вот начнутся военные действия Красной армии для нашего освобождения. Наш дом находился у реки, возле проезжего моста, и это было опасно. **16 марта** наша семья ушла в другой конец местечка, к семье **Пустыльник**. Когда мы вернулись к себе на другой день, в Черневцах уже были советские танки. В гетто оставался украинский полицай **Жмуд**, пособник немцев и румын. Я его хорошо запомнил, его боялись все евреи. Когда въехал первый танк, евреи сказали танкисту, что этот Жмуд очень издевался над ними, и советские солдаты расправились с ним.

На следующий день люди вышли на улицу, впервые свободные за годы оккупации. В 12 часов дня на Черневцы налетели немецкие бомбардировщики и сбросили бомбы. Мы спустились в наш подвал и там сидели. Когда вышли, увидели на улицах много убитых.

В **1944** году мой папа, немолодой человек, не очень здоровый, добровольцем отправился на фронт из Вапнярского военкомата. Он хотел отомстить за свою сестру **Бруху**. Отец **Моисей** с боями дошёл до Будапешта, был тяжело ранен, пуля попала в лёгкое. Был награждён двумя боевыми медалями. Из госпиталя он вернулся домой и жил с одним лёгким. Папа каждый год, сколько был жив, посещал в **Ярышеве** братскую могилу евреев, где закопана убитая фашистами его сестра с детьми, и читал поминальную молитву. Были живы очевидцы, которые рассказали ему подробности этого страшного преступления.

После освобождения мой брат **Фима** пошёл сразу в 7 класс школы, продолжил учёбу и я.

Послевоенная жизнь.

Бабушка **Рухл**, несмотря на слепоту, с помощью внуков приходила к нам в гости. Она умерла в **1950** году в Черневцах. Советская власть закрыла в Черневцах вторую синагогу, в ней была устроена типография, и евреи ходили молиться в небольшой частный дом.

Матвей Хавес – выпускник 7 класса Черневецкой школы. 1950-51 учебный год.

Брат **Ефим** окончил школу с золотой медалью в **1948** году, поступил на физико-математический факультет Винницкого пединститута и окончил его с отличием. Начал работать в школе в родных Черневцах.

Я окончил Черневецкую школу, поработал у папы на почте и поступил вне конкурса в Одесский техникум связи по специальности «радиофикация населённых пунктов». Работал по распределению в Молдавии, в пос. **Теленешты**.

Отец **Моисей** умер в Черневцах в **1959** году, прожив 57 лет.

Брат Ефим Хавес. 1970-е гг.

В Теленештах я женился 22 августа **1960** года на девушке **Фриде**. Родилась дочка **Мила** (1961). Наша семья переехала жить в молдавский город **Бельцы**.

Мой брат **Ефим Хавес**, известный учитель математики и физики, погиб в возрасте 46 лет в Черневцах в **мае 1975** года в результате транспортной аварии по вине директора школы. Мама **Сура** умерла от горя через три месяца после смерти Фимы, прожив 77 лет.

Матвей с матерью Сурой, женой Фридой и дочкой Милой. 1963 г.

Задолго до моего отъезда в Израиль моя мудрая мама написала мне на иврите самые необходимые 50 выражений и слов, и мне это очень пригодилось потом. Пусть будет память о папе, маме и брате вечной.

В Израиле.

Я приехал с семьёй в Израиль в феврале **1977** года, 36 лет назад. Выбрали для житья город **Реховот**. Фрида работала на кухне в молочной фирме, я – на предприятии по ремонту самолётов. В Израиле умерли моя жена (апрель 1996 г.) и её мать. Семья Милы живёт тоже в Реховоте. **Мила** работает воспитателем в детском саду. У меня две любимые внучки: **Сюзанна** и **Шарона**.

Мой двоюродный брат **Изя Хавес** проживает в Реховоте, мы вместе находились в Черневецком гетто. Наши отцы **Мойша** и **Срул** были родными братьями.

*

Детский страх от пребывания в гетто остался у меня на всю жизнь. В моей памяти навсегда – две страшные картины: 1941 год – нацисты бросают людей с моста в воду и 1944 год – немецкая авиация бомбит людей местечка.

82.

Валерштейн Дора
*(с. **Чечельник**)*

ГОДЫ В ГЕТТО ОСТАЛИСЬ РАНОЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Пять лет назад моя мама ушла из жизни (5 янв. 2008). Прошедшая ужасы нацистского лагеря в Транснистрии, она осталась сильной натурой, не потерявшей интереса к жизни. Мама была большой труженицей, живой, весёлой женщиной, умевшей находить радость в жизни. Мама являлась душой любой компании, участвовала в Реховотском объединении бывших узников нацизма, пела в хоре Реховотского клуба ветеранов Второй мировой войны. Конечно, она рассказывала нам о пережитом в Шоа, и я благодарна объединению, что её нелёгкие воспоминания, хранимые в моей семье, станут теперь достоянием всех.

Дочь Фира Шапиро

Довоенная жизнь.

Я, **Двойра** (Дора) **Валерштейн**, родилась **29 октября 1924** года в селе **Чинишеуцы** Оргеевского уезда в Бессарабии, принадлежавшей до 1940 года Румынии. В центре нашего села жили евреи, семей 300-400, действовала синагога, работали магазины, мастерские портных, сапожников, фотоателье, пекарни, а вокруг местечка жили молдаване. С малолетства дети посещали *хедер* и там

учили иврит. Было много учащейся молодёжи, летом она приезжала домой на каникулы.

Мой папа **Шнеер Клейман**, инвалид Первой мировой войны, ходивший с палочкой, занимался торговлей, мама **Эстер** была домохозяйкой. Её родители жили в гор. Резина, а родители отца – в с. Киперчены, но я была мала и не помню дедушек и бабушек. Дом у нас был свой, во дворе росли розы, сирень, я любила читать в нашей беседке. Вместе с нами до войны жил брат отца **Герш Клейман** с женой и двумя дочерьми. У нас в доме обитали кошки, мамины любимицы. Достаток семьи был средним, но на всё необходимое денег хватало. Папа и мама увлечённо читали, у нас в доме было много книг на иврите, идише, газеты на румынском языке. Папа хорошо пел любые песни, у него был красивый голос. Он прекрасно знал на память молитвы на иврите. В семье мы говорили на идише. Родители на все праздники ходили в синагогу, в нашем доме отмечались все еврейские праздники и соблюдались традиции нашего народа.

Я посещала начальную румынскую школу, после четвёртого класса училась с моими подругами из Чинишеуц в румынской гимназии в гор. **Резина**. Учение в гимназии было платным. В гимназии запрещалось общение на идише, даже висели плакаты: «Говорить только на румынском языке». Мы, еврейские ученики, не ощущали во время учёбы антисемитизма, но знали, что делается в Германии, и испытывали беспокойство из-за активности в Румынии кузистов (румынских фашистов). Окончила 4 класса гимназии, дети из более зажиточных семей поехали продолжать учёбу в Оргееве.

В **1940** году с приходом советской власти в Чинишеуцах открылась школа-семилетка, и я с подругами пошла учиться в седьмой класс с русским языком обучения. Я знала идиш, румынский, а после 1940 года русский языки. В **1941** году началась война, которую мы не ждали и её приближения не чувствовали.

Начало войны и оккупация.

В первые дни войны мы оставались на своих местах и очень верили, что немцев к нам не допустят. Через наше село устремились толпы беженцев, перепуганных полураздетых людей. Они говорили, что немцы и румыны уже на границе и они убивают людей. Увидев и услышав такое, мы поняли, что нам тоже надо уходить, спасаться. Советская власть эвакуацией людей в нашем селе не занималась. Её представители уехали первыми, молдавское население не собиралось покидать село, а евреи спасались, кто как мог. Кто раньше ушёл, успели эвакуироваться. Те, кто сидел и раздумывал, попали в гетто. Мы тоже наняли подводу с двумя лошадьми, положили на неё постель, кое-что из одежды, белья, сели, доехали до моста в районе Резина-Рыбница, и нас перевезли через Днестр. Оказавшись на другой стороне Днестра, поехали в сторону Украины. По дороге нас бомбили и обстреливали с самолётов. Мы бросались с телеги на землю, прятаться было негде, лошади пугались, телегу трясло, вещи падали. Вместе с нами ехали и шли сотни и сотни беженцев из Молдавии. Добрались до с. **Ольгополь** Чечельницкого р-на Винницкой области. Здесь мы посчитали, что спаслись, но не знали, что немцы уже далеко впереди нас. В тот же вечер в Ольгополь въехали немцы на мотоциклах.

На другой день мы видели проходящие через этот городок немецкие войска. Начала работать их комендатура. Всех беженцев-евреев собрал немецкий комендант и объявил нам: «Я вас трогать не буду, но вы мне тут не нужны. Даю вам 24 часа уйти из Ольгополя». Было это в конце июля-начале **августа 1941** года. Конечно, подводу с лошадьми у нас отобрали, и уходить надо было пешком. Люди нам сказали, что ближе всего идти в городок Чечельник, до него десять километров. Что-то из вещей папа, мама и я нагрузили на себя и пошли туда. Другие люди к нам не присоединились. Молодые и более смелые направились к линии фронта, надеялись перейти её.

В Чечельницком гетто.

В **Чечельнике** нас в одной из комнат своей большой квартиры приютила еврейская женщина, муж и сын которой были на фронте, и она жила с дочкой. В городке были расположены армейские подразделения немцев.

Через несколько дней, в **сентябре 1941** года, явились местные полицаи и объявили, что эта улица теперь не для евреев и что мы должны как можно скорее убраться на нижние улицы села, в гетто. Пока мы собрались и пошли, более удобные дома оказались уже занятыми, тем более, что в каждый дом селились несколько семей. Как только было образовано **Чечельницкое гетто**, нам приказали носить жёлтые звёзды на одежде у взрослых и у детей. Среди жителей гетто было очень много беженцев, в основном, как и мы, из Молдавии. Мы попали в небольшой домик, в котором в одной комнате жили хозяева: жена с мужем, чьи сыновья ушли на фронт, и невестки, в другой – несколько семей, а в третьей – мы и семья **Фукс** из Бессарабии. Домик стоял немного в стороне от остальных, и, возможно, нас это иногда спасало – могли подумать, что это не еврейский домик. Однажды к нам в крайний домик тихо постучали: у двери были брат и сестра, убежавшие из какого-то лагеря. Мы впустили их, и они остались у нас жить. Территория гетто была не огорожена, но нам было запрещено появляться на других улицах. Был установлен комендантский час, даже внутри гетто нельзя было выйти из дома позже шести часов вечера.

В первый или во второй вечер в гетто в нашем доме, полном беженцев, случилось страшное. Наша комната была самой дальней в доме. Ночью к нам ворвались немецкие солдаты. Двое из них сразу прошли в конец дома: один к соседям, другой к нам. Вошедший немец увидел меня и начал тащить с постели. В этот момент солдат из комнаты соседей позвал этого немца. Он оставил меня в покое и вышел к соседям, у которых тоже была молодая девушка. Из их комнаты стали раздаваться такие крики, что мой отец взял меня за руку и быстро вывел на улицу… через ту комнату, где находились оба немца. Мама выйти не успела. Мы с папой спрятались в разрушенном доме. Просидели там до утра, а когда вернулись, в комнате нашли сильно избитую, опухшую, в синяках, маму. Немцы изнасиловали молодую соседку и пошли в нашу комнату. Они обнаружили, что меня нет, и сильно издевались над мамой. Я впервые увидела, как заплакал мой отец. Мы видели утром бедную девушку, всю исцарапанную, избитую, а я чудом спаслась. Мне было тогда неполных 17 лет.

Через короткое время в гетто днём шли по улице несколько румынских солдат и офицер. Они вошли в наш домик. Я стояла у дверей комнаты, а папа и мама сидели за столом. Офицер начал издеваться над нами, мол, вы убежали к Сталину, но вам ничего не поможет. Потом он подошёл ко мне, достал пистолет, уткнул прямо в мою грудь и спросил: «Сколько тебе лет?» Я ответила: «Семнадцать». Он сказал: «Поздравляю! До вечера ещё долго – ты подрастёшь». Солдаты захохотали, и офицер вышел первым. Больше мы их не видели, но провели много бессонных вечеров и ночей, ожидая прихода насильников.

То, что с нами делали в неволе, было очень страшно. Был голод, мы не знали, сколько такое положение продлится. Но когда мы говорили между собой, то часто начинали словами: «Вот кончится война, мы вернёмся домой и тогда…» У местных евреев были огороды, и мы помогали им обрабатывать их за еду.

Помню холодную дождливую **осень 1941** года. С самого утра всех обитателей гетто выгнали на площадь. Её окружили немецкие солдаты с большими собаками. Начали «селекцию»: мужчин отделили от женщин и детей, затем детей вырывали у матерей. Страшно плакали и кричали дети и женщины. Так нас продержали до самого вечера. Шли разговоры, что нас расстреляют. Потом пошёл слух, что нас отправят в какой-то лагерь смерти. Вечером, видно, только потому, что солдаты должны были отдыхать, нас повели в школу, загнали всех в неё, закрыли и продержали там всю ночь. Внутри была паника, потому что мы слышали слухи, что евреев заводили в помещение и дом поджигали. Утром нас выпустили, велели построиться и повели.

Нас вывели из Чечельника, и мы пошли по шоссе. Было очень холодно. Нас вели под дождём долгие часы до полудня. Привели к большому сараю, затолкали в него и заперли. Люди просто упали от усталости и голода. Был слышен только плач детей. Вечером пришли, открыли сарай, нас построили и повели в обратную сторону. По дороге мы увидели разрушенный дом, в обломках которого пылал огонь в русской печи. Возле неё нас остановили и продержали некоторое время. Мы думали, что наступает наш последний час. Затем мы услышали приказ: «Всем идти по домам!» С тех пор прошло много лет, и я часто думаю, зачем немцы водили нас, почему привели к этой печи: для своего развлечения или чтобы нас запугать? У меня нет ответа и сегодня.

В гетто мы испытали почти три года страха, голода, болезней и непосильного труда. Было много жертв такого скотского отношения к людям. Зима **1941-42** гг. была очень холодная, снежная, и началась эпидемия тифа. Эта болезнь буквально косила людей. Мои родители и я тоже болели тифом. Без врачей, без лекарств, мы лежали с высокой температурой, в бреду. Никто не мог нам помочь, принести воды. Те, у кого температура падала, понемногу начали вставать. Мама поднялась первой из нас. Кто не выдерживал, умирали десятками в день. Хоронить было некому. Мёртвых забирали и бросали в общую яму.

В гетто нас не кормили, выручали оставшиеся вещи, которые мама могла обменять на базаре на еду: то на мешочек гороха или картошки, то на маленькую бутылочку масла, очень редко на хлеб. Были отданы за еду мамино кольцо, серёжки,

браслет. Помню, я макала кусочек хлеба в масло на донышке мисочки и ела. И я сказала: «Мама! Как мы не знали, что это так вкусно! Ведь у нас дома было много хлеба и масла, а мы никогда этого не кушали. Вот война кончится, мы приедем домой и будем кушать масло и много хлеба». Я всегда была голодной, сколько ни ела. Мама ставила варить казанчик картошки, и я каждую минуту спрашивала: «Ещё не готово?» Никогда не могла дождаться. До войны меня упрашивали поесть, и это мне вспоминалось в гетто.

В пасмурные дни и вечерами мы сидели в темноте, иногда сооружали светильничек с маслом и фитильком. Когда темнело, ложились спать. Порой сидели и вспоминали, какая жизнь была у нас до войны при румынах: что ели, как одевались, где учились. Хозяйка, выжившая в украинском Голодоморе в предвоенные годы, слушала и ушам своим не верила: о каких чудесах говорят эти оборванные голодные люди. Зимой для печки мы ходили собирать сухую траву, бурьяны и этим топили её. Короткое время обогревались, а потом опять было холодно. Воду носили из далёкого колодца мама и я, потому что папа не мог, особенно тяжело было носить вёдра зимой с обледенелой горки.

Когда оккупационная власть перешла к румынам, нас ежедневно стали водить на работу. Летом мы выполняли самые тяжёлые работы в поле. Запомнилось, что при румынской жандармерии был свой огород. Нас, группу девушек, заставляли рано утром, перед уходом на работу, и поздно вечером, после прихода с работы, поливать этот огород. Зимой шли за десять километров к железной дороге чистить снег на путях. Мы были раздетые, голодные, но нас гнали на мороз. Зимой на мне был жакетик. Мама разрезала меховую кацавейку и из неё пошила что-то похожее на валенки с мехом внутри, их я носила с галошами. Работали в зимнее время и на сахарном заводе, но не внутри, а на его поле: мы разбивали ломами горы замёрзшей свёклы и сбрасывали её в каналы с водой, ведущие в цех. Я входила в постоянную бригаду девушек из гетто, у нас был немолодой немногословный бригадир-украинец. Мы боялись, что он в любую минуту может наказать нас, но каждый вечер уносили по сумочке свёклы под пальто. Дома мы пекли её, ели и называли шоколадом. Однажды, когда нам казалось, что бригадир нас не видит, мы, как обычно, наполнили свои сумочки, мешочки. Подошёл бригадир и сказал: «Сегодня выложите всё, что взяли, вас будут проверять». И действительно, румыны, появившиеся на заводе с проверкой, обыскали каждую из нас на выходе. Мы убедились, что на самом деле наш бригадир – человек очень добрый, он специально всегда отворачивался, отходил, чтобы мы могли взять домой свёклу.

Отношения в гетто между самими узниками были хорошие. Все девушки, с которыми я работала, стали моими подругами. Помню **Женю Ангерт, Еву, Риву Дахис, Хуну Гольдберг, Женю Фидель**, других. Мы виделись и после работы, проводили время вместе с мальчиками: пели довоенные румынские песни – молодость есть молодость. Тихо расходились после комендантского часа, крались домой под заборами, боялись, но нам было по 17-18 лет, и это было сильнее нас. Мы быстро взрослели, рано стали понимать, что должны работать и приносить домой еду родителям и старым людям.

При румынских оккупантах в **1942-43** годах работала еврейская община, и благодаря ей всем уходящим на работу выдавали по четвертушке хлеба. Помню, что председателем общины был **Маламуд**, родом из Бессарабии. Совет общины получал задания от немцев и румын по отправке людей на разные работы. Помню, из Чечельницкого гетто несколько раз набирали группы молодых ребят и отправляли на работу. Не все возвращались с тех работ, а вернувшиеся почти сразу умирали, если начинали много есть.

В тех условиях, может, не в первый год заключения, мы следили за еврейским календарём, в **1942** году организовали самодельную синагогу, многие посещали её в субботу и в праздники. Мой папа выступал как *хазан* (человек, ведущий богослужение). В **1943** году, видно, с разрешения совета общины, папа довольно продолжительное время проводил занятия с детьми по изучению языка идиш.

Первый назначенный командир румынских жандармов был страшным человеком молодого возраста. Он приходил в гетто и, если находил кого-то, не вышедшего на работу, избивал его до полусмерти. Такое произошло с двумя моими подругами. Ему на смену приехал из Румынии пожилой начальник жандармерии с красивой женой. Она с нами разговаривала, я знала румынский язык и участвовала в разговоре. Её муж был по натуре добрым человеком, он никого не ругал, не преследовал, летом угощал нас фруктами.

В **начале 1944** года меня и других девушек часто брали в жандармерию мыть полы, делать уборку. Я слушала, о чём говорили жандармы между собой. Они не догадывались, что я их понимаю. Из их разговоров было ясно, что они боятся партизан, которые действуют поблизости. Оказывается, партизаны нападали на жандармов и солдат на дорогах, в лесу. Мы потом узнали, что в гетто были люди, связанные с партизанами. Румыны ушли как-то незаметно.

Отступление немцев проходило через Чечельник. Все евреи спрятались в подвалах, закутках, закрыли двери. Появился усиленный страх смерти, как в самом начале жизни в гетто. Последний месяц я не раздевалась: я была одета в мамино старое пальто и обвязана старым платком, как старушка. Говорили, что немцы угоняют с собой молодёжь, остальных убивают. Мы слышали канонаду фронта, который быстро приближался к нашему месту заключения. Это давало веру, что, может быть, дождёмся освобождения. Наступили несколько дней безвластия.

Освобождение.

В **1944** году, в мартовское утро, мы услышали, как на улице кричат: «Наши! Наши!» Все высыпали на улицу, окружили советские танки, машины, солдат. Все обнимались, ликовали, плакали и смеялись. Это был день нашего избавления. Через **Чечельник** шли войска, и вместе с ними приехала к нам группа артистов. Впервые за много лет мы смотрели концерт. Мы сидели, и нас била дрожь: мы не верили в реальность происходящего. Для нас, которых ещё несколько дней назад не считали за людей, выступают лучшие артисты: поют, танцуют, читают стихи. В этот день я впервые услышала две песни, которые остались со мной на всю жизнь: «Огонёк» и «Тёмная ночь».

В апреле мы уехали на попутной военной машине домой в Молдавию. У моста в Рыбнице встретились с моими двумя двоюродными сёстрами, дочерьми папиного брата, и их мамой, освобождёнными недавно из Рыбницкого гетто. В начале войны дядя **Герш Клейман** с семьёй бежал из Чинишеуц раньше нас, в каком-то селе беженцев окружили немцы, собрали всех мужчин и расстреляли, а женщин и детей отправили в гетто в Рыбницу.

Отсюда вместе с дядиной семьёй мы уже пешком перешли по мосту через Днестр и пошли в **Чинишеуцы**. Дом наш стоял, но был пуст, в нём оккупанты держали лошадей. Нашли приют у соседки-молдаванки: она нас, шесть человек, обмыла, накормила, переодела, уложила отдыхать. Привели в порядок свой дом: соседи дали нам диван, вещи, и мы стали жить у себя.

Папа продолжил работу бухгалтером на мельнице, я работала в воинской части на заготовках хлеба для фронта.

Послевоенная жизнь.

Мои родители выдержали испытания в гетто, но после войны прожили недолго. Папа **Шнеер** умер в конце **1945** -го, а мама **Эстер** умерла в начале **1947** года. Они были совсем не старые люди, но сказались годы, проведённые в фашистском гетто.

С сентября **1944** года я работала в райцентре **Оргееве** бухгалтером хлебопредприятия в течение 33 лет. Я нигде не указывала, что была в гетто, не писала об этом: на тех, кто находился в оккупации, смотрели косо. 29 сентября **1947** года вышла замуж за **Исаака Валерштейна** (16 января 1922). Была скромная еврейская свадьба с *хупой*. Я попала в очень хорошую дружную семью, была родной дочкой для родителей мужа, сестрой для его сестёр и брата. Эта взаимная любовь продолжается и сейчас. Все они здесь, в Израиле. Наша дочка **Фира** родилась 1 января **1949** года. Фира окончила школу с серебряной медалью, окончила Московскую ветеринарную академию, работала специалистом-биофизиком в Академии наук Молдавской ССР.

Мы постепенно поняли, что надо обрести родину, быть там, где собираются все евреи. Наша молодёжь нас поддержала.

В Израиле.

12 января **1991** года я с мужем и семьёй дочери репатриировалась в Израиль. В эти дни началась война в Персидском заливе, из Ирака в Израиль летели ракеты «Скад». Жили первые годы в городах Ашдод, Гедера, а с **1994** года – в посёлке **Кирьят Экрон**, пригороде гор. Реховота.

Мы с мужем приехали в пенсионном возрасте. Мой муж **Исаак** умер в **2002** году. Дочь **Фира**, доктор философии, работает в Реховотском отделении Института аграрных исследований «Вулкани», занимается проблемами физиологии животных. Зять **Яков** трудится в группе технического обслуживания фирмы по производству мороженого. Любимая внучка **Света** окончила службу в нашей армии, поступила в Тель-Авивский колледж искусств на отделение графики, теперь работает в отделе дизайна израильской экономической газеты.

*

Я вспоминаю годы, проведённые в гетто, они остались раной на всю жизнь. Мне хочется, чтобы не забыли того, что было тогда с нами. Пусть молодёжь и все люди знают, через какие ужасы мы прошли, что еврейскому народу пришлось пережить. Важно помнить это. Пусть никто не пройдёт через то, что выпало нашему поколению в наши молодые годы.

83.

Майданик Дина
и Фельдман Хана
(с. Чечельник)

О ТРЁХ ДЕВОЧКАХ, ВЫЖИВШИХ В ШОА

Жизнь до войны.

Мой отец **Исраэль** (Сруль) **Юркович** и моя мать **Ривка** были одногодками, родились в **1894** году. В бессарабском городке **Атаки** отец торговал зерном и мехом, а также владел небольшим продовольственно-хозяйственным магазином. Моя мама работала дома: в хозяйстве имелись куры, свиньи, корова, огород, сад. Нас, детей, у папы и мамы было трое, и только девочки: я, **Дина**, родилась первой – 25 октября **1927** года, сестра **Хана** – в **1929** году, а младшая сестричка **Дора** появилась на свет в **1930** году.

Папа Исраэль Юркович. 1945 г.

Мама Ривка Юркович. 1945 г.

Папино семейство Юркович из Атак было ветвистым – 6 братьев и 2 сестры: Нафтула, Пинхас, Лейб, Шмуэль, Сруль (наш папа), Барух, Двора, Рахель. Их отца (моего дедушку) звали **Аврум**, а мать (мою бабушку) – **Гитл**.

В **1931** году наша семья Юркович переехала жить в село **Арионешты** (ныне Дондюшанского р-на Молдовы), расположенное на холме в 3-5 километрах от реки Днестр. Дорога к реке шла через довольно густой лес. От ближайшего городка Атаки нас отделяло 8 километров. До июня 1940 года Бессарабия являлась ру-

мынской территорией. Село было большое – около 3000 дворов, и крестьяне были довольно богаты. В Арионештах издавна жили 10 еврейских семей, между собой очень дружных. Синагоги не было, но приглашали несколько раз в год раввина и *хазана* из Атак, и служба шла в еврейских домах. У евреев-жителей села за много лет сложились неплохие отношения с соседями-молдаванами. Были, конечно, отдельные осложнения, когда в 1938-39 гг. действовали румынские фашистские организации: кузисты и легионеры, но евреи в сёлах и маленьких местечках почти не придавали им значения. Жизнь шла своим чередом.

Перед войной.

С **28 июня 1940** года до начала войны, т. е. на один год, в Бессарабии была установлена советская власть. В июне **1940** года мне исполнилось 12 с половиной лет. Продолжались школьные летние каникулы, стояло очень жаркое лето. Помню, что в этот день я почувствовала необыкновенное волнение людей: все шли угрюмые, тихие и непонятно куда спешили. Кто-то из моих ровесников сказал мне: «Идём домой, красные вошли, жандармерия погрузилась и уходит в Румынию». Я прибежала к родителям, рассказала новость, и мы стали ждать, как развернутся события.

Тихо, спокойно, без кровопролития село стало жить новой жизнью, довольно неприятной, даже страшной. Новая власть начала преследование богатых, собственников, интеллигенции, которое оканчивалось выселением в Сибирь. Папа предусмотрительно закрыл магазин, лавку, склады. **1 сентября 1940** года я пошла учиться в 5 класс русско-молдавской школы, окончив перед этим 4 класса румынской школы. От отца я знала немного русский язык, и это облегчало учёбу. Были ученицами и сестрички. Проучились год, а потом началась война.

Начало войны и оккупация села.

Мне навсегда запомнился красивый и жаркий день **22 июня 1941** года, когда стало известно о нападении Гитлера на Советский Союз. Село **Арионешты**, безусловно, воспрянуло духом в ожидании лучших времён, ждало, когда «придут *наши*». Мы, евреи, не боялись своих односельчан и не верили в то, что тогдашняя пресса писала о фашизме. Я помню, что однажды увидела в газете снимки о происходящем в Польше. Мой папа о них выразился так: «Это далеко от нас. Мы ведь будем снова с румынами, а румыны не будут нас бить». Но, к сожалению, события разворачивались с молниеносной быстротой.

Я помню, что на второе утро после начала войны к нам домой пришла русская женщина **Ирина Андреевна**, которая работала воспитательницей в моей школе и служила офицером в Красной армии. Она умоляла нас, чтобы мы немедленно покинули село. Мои родители медлили, не спешили, так поступили не только они. Ни одна из десяти еврейских семей не согласилась эвакуироваться, уходить с Советами. Помню, что мой папа Сруль ответил ей: «Если нам придется умереть, то только не на дороге. Мы умрём в своем доме, если такова наша судьба. Я не могу покинуть своих братьев и сестёр, живущих в Атаках». Через несколько дней с большим трудом приехали к нам в село папина старшая сестра **Рахель** (Рухл)

Юркович и её подруга с ребёнком. Вторая сестра и братья должны были приехать к вечеру на своих подводах, но они не прибыли, потому что не смогли выбраться из Атак.

Через день-два по селу пронеслась весть, что город Бельцы горит и немцы вместе с румынами движутся в нашем направлении. Спустя несколько дней мы увидели из села, что городок Атаки пылает огнем и мост через реку Днестр взорван. Мои родители страшно заволновались. Наши соседи-молдаване уже знали, что с приходом немцев начнется убийство евреев, и по секрету от нас обсуждали это. У папы и мамы было очень много друзей среди молдаван. Эти друзья пришли к отцу и сказали: «Сруль, ты и твоя семья будьте спокойны, мы в селе не дадим вас убить. Но твою сестру и эту женщину с ребёнком надо немедленно спрятать, они очень похожи на евреек». Мой отец, чтобы земля была ему пухом, далеко не глупый человек, понял, что может случиться, и подготовил место, где временно спрятал сестру с подругой и ребёнком.

Долго ждать не пришлось. Наш дом был расположен на краю села, недалеко от центрального шоссе, которое связывало город Сороки с Атаками. Играя в саду, мы, дети, услышали гул танков и топот лошадей – это приближались немцы. **Летом 1941** года урожай пшеницы и ржи был сказочно большой, а стена колосьев в поле достигала человеческого роста. Помню, что вместе с сельскими детьми я с сестрами Ханой и Дорой залезли на высокое дерево и оттуда увидели батальоны кавалерии. Перед ними шагали нацистские шеренги с огнемётами и сжигали поля. Тогда мы поняли, что они убивают огнём советских солдат, которым удалось убежать и спрятаться в полях. Ужасное зрелище!

Вдруг мы услышали громкий крик мамы. Мы испугались и побежали к дому. Когда приблизились, увидели папу и маму, тётю Рухл и нашу гостью с четырёхлетней дочкой **Этелэ** стоящими в ряд перед домом, и румынский офицер с солдатом, усталые, раздражённые и грязные, целятся в них из оружия и готовы застрелить их. Не знаю, откуда сила, и как это случилось, и откуда взялась храбрость, но я прыгнула на офицера сзади и обняла его, и начала плакать и умолять. Мои сестры тут же прыгнули на солдата, в один миг вся семья была на коленях и с опущенными головами. И представьте, офицер опустил оружие и устало присел на камень. Семья была спасена. Папа взял себя в руки, пригласил офицера в дом, открыл все шкафы и сказал ему: «Берите всё, что вы хотите». Офицер взял две пары сапог для себя и солдата и переоделся в чистое бельё. Он не тронул больше ничего. Уходя, предупредил: «Знайте, что за нами идут эсэсовцы, и они убивают всех евреев. Постарайтесь убежать в первые дни, пока не кончатся акции». Мы еще не знали, что такое акция.

В **Арионештах** хозяйничали одновременно и румыны, и немцы. Немецкий полевой госпиталь разместился в усадьбе у богача **Кулика** напротив нашего дома. Солдаты вермахта принялись искать по селу продукты: бегали за птицей, стреляли в свиней, овец. Мои родители не знали, конечно, что произойдет дальше с евреями, и поэтому мы вели себя так же, как все жители села. Мы, дети, подглядывали за немцами из-за угла дома или уходили подальше в глубь сада.

Через день к нам пришел пожилой господин Кулик с немецким армейским офицером-начальником госпиталя и двумя солдатами. Кулик решил, что отец сможет понять немецкий язык по сходству с идишем. Офицер интересовался, что происходило на противоположном берегу Днестра за время советской власти. Пока папа пытался что-то ему пояснить, один из пришедших солдат, уже в годах, обратил внимание на нас, трёх сестричек, сидевших в комнате. Он достал из кармана три плитки шоколада, подарил нам, обнял нас троих обеими руками и сказал, что у него дома остались три такие же дочки. Затем обратился к папе: «Герр (господин) Сруль, соберите свою семью и как можно скорее спрячьтесь. За нами идут СС, вас могут убить, потому что вы евреи». Офицер и солдаты ушли.

Мои родители крайне перепугались и поняли, что выхода нет – надо бежать из села. Мама не растерялась и тут же обратилась к нашим соседям-молдаванам, которые были одновременно и хорошими друзьями. Они скрытно вывели нас за пределы села в наше пшеничное поле, где мы прятались в высокой пшенице трое суток. Мы ничего не успели взять с собой и вынуждены были вернуться в село. В первые три-четыре дня оккупации Арионешт захватчики расстреляли много евреев. Наша семья уцелела просто чудом.

Депортация в Транснистрию.

Во время нашего отсутствия в селе установилась румынская власть с жандармерией, которую возглавлял тот же начальник, что и до июня 1940 года. Он приказал собрать всех оставшихся в живых евреев, и нас насильно выслали в соседнее село **Сударка**. С этого села начались наши мучения, голод, страх, скитания. В Сударке в этот суровый день были собраны 22 еврейских семейства. Здесь мы встретились с евреями из Атак. От них мы узнали, что в Атаках было убийство евреев, но о судьбах Юрковичей ничего не услышали.

В Сударке от женщин и детей отделили мужчин, в том числе оторвали от нас и моего отца, и отправили их в какой-то лес, чтобы расстрелять. Расставание было жутким: слышались крики и стоны, всё происходило под ударами оружейных прикладов и нагаек. А нас отправили в уездный город **Сороки**, где мы ютились десять дней в синагогах на берегу Днестра. Кроме нас, в Сороки пригнали очень много евреев из Бельц, Флорешт, Теленешт, Згурицы, других мест, не считая сорокских евреев. У нас был с собой мешок хлеба, его хватило на несколько дней, потому что мы делились с другими. В один из дней немцы приказали поставить большой длинный стол, и каждый еврей должен был выложить на него все свои ценности. Когда тысячи людей прошли возле этого стола, на нём остались лежать груды золота. В Сороках стоял немецкий гарнизон, и для его обслуживания брали евреек из синагог: мыть, убирать, стирать, варить. Маму взяли кухаркой, и в конце дня ей разрешали уносить отходы еды в двух вёдрах. Одно ведро она всегда отдавала в малую синагогу, где поместили стариков, а второе – приносила к нам в большую синагогу, и люди делили еду на всех. Однажды ночью мы услышали, что в темноте кто-то ходит. Мы знали, что немцы по ночам искали девушек, чтобы изнасиловать.

На этот раз один из них искал маму, она была красивой. Мы вчетвером спали под буркой – длинной войлочной тёплой одеждой. Я быстро разбудила маму, мы положили её на пол, на неё постелили широкую бурку, а мы, три девочки, легли на эту бурку и притворились спящими. Маму искали, но не нашли. Мы были маленькими, но уже тогда стали понимать эти вещи. В Сороках нас продержали 10 дней.

Оттуда нашу колонну повели через с. **Александру-чел-Бун** в направлении Вертюжан. Это было настоящее хождение по мукам. Нас под конвоем гнали днём и ночью по Бессарабии. Люди, как мухи, падали от жары, жажды, голода. Пришли в **Вертюжаны** – небольшой городок на берегу Днестра, он был пуст. Говорили, что местные евреи успели эвакуироваться с советскими войсками.

В Вертюжанский лагерь смерти оккупанты пригнали 30 тысяч людей, поместив их за колючей проволокой на очень маленькой площади. Здесь не убивали из оружия, но множество евреев ежедневно умирало от голода и дизентерии. Нас пытались превратить в животных, загнали в маленькие дома по 12-15 человек в каждой комнате. Люди лежали на полу плотно один к другому. Спали рядом с трупами умерших. В Вертюжанах мы пробыли шесть недель.

И здесь, среди стольких смертей, нас посетила радость: папа жив. Мы уже потеряли надежду увидеть его, но однажды утром с последней, очень малочисленной колонной мужчин пригнали моего отца. Вечером он нашёл нас. Мы с трудом узнали папу – грязный, съедаемый вшами, распухший от голода. Он рассказал нам, что они выкопали большую могилу, но за несколько минут до расстрела прискакал на лошади офицер и еще издалека начал кричать: «Не убивать жидов!» Это спасение произошло, видимо, по следам речи Молотова по радио, в которой он призвал румынского фюрера Антонеску не идти по пути нацистов. Наша семья соединилась. Теперь мы начали бороться, чтобы выжить. Еды не было, и папа, немного окрепнув, перелезал через забор и бегал в село просить хлеба, немного зёрен пшеницы, и мы это ели.

Слово «Вертюжаны» на всю жизнь превратилось для моей семьи в страшное напоминание о погибших в годы Шоа наших родных, близких, друзей, земляков.

В течение дня дети находились на улицах, и все мы искали родственников, идя от дома к дому. Случайно в одном из домов я нашла наших ближайших соседей в Атаках **Фроймчук**: родителей – **Моисея** (55 лет) и **Клару** (45 лет), их сына **Изю** (1920) и дочь, мою подружку **Зину** (1922), старше меня на 3-4 года. Моисей – глава очень интеллигентной семьи – владел большой аптекой и был самым известным аптекарем в Атаках. Вся они умерли в Вертюжанах. Смерть старшего сына Изи была ужасной – румынский офицер бросил в него большой камень, когда подросток хотел забраться в свинарник, чтобы поесть со свиньями их корм. Камень ранил ногу, за 3-4 дня у Изи произошло заражение крови, и он умер.

В другом доме мы нашли **Пинхаса-Меира Юрковича** – старшего папиного брата с женой и двумя дочерьми. Их сын не был с ними, и сегодня он живет с семьёй в Минске. Дядя Пинхас скончался в Вертюжанах в **сентябре 1941** года, и мой отец своими руками похоронил его.

В Вертюжанском лагере в **ноябре 1941** года умерли с голоду моя атакская подруга **Шпринцаг Пуся**, моя ровесница, и её мама **Ита** (девичья фамилия Шафранецкая), лет сорока. **Осенью 1941** года был расстрелян в одной из колонн наш атакский земляк и сосед **Гиндис Яков** (Яша), лет семнадцати.

*

Всех оставшихся в живых повели из Вертюжан под конвоем в Транснистрию. Мы вышли с последней колонной. Приблизились к переправе через **Днестр**. С ужасом вспоминаю, как обессиленные люди, переходившие страшный узкий понтонный мост, падали в реку, и никто их не спасал. От этих воспоминаний волосы дыбом поднимаются. До сегодняшнего дня не могу понять, как мы перешли глубокой ночью этот мост, ходивший под нами ходуном. Папа и мама (чтобы им земля была пухом), сдерживая свой страх в душе, держали нас, трёх испуганных девочек, не давали впасть в истерику, и к рассвету мы перешли мост.

Мы уже были на другом берегу, и до нас дошли слухи, что много людей из колонн, вышедших перед нами из Вертюжан, были зверски убиты по дороге на городок **Окница**. Я помню, когда мой отец узнал об этом ужасе, то страшно рыдал: в одной из колонн были его родные сёстры и брат. В **октябре 1941** года колонну, в которой шли жена Пинхаса **Ривка** и обе дочери: **Эстер**, 15-ти лет, и **Мотале**, 18-ти лет, привели на берег Днестра, в каменный карьер, где производили известь, и в известковой печи всех заживо сожгли. В этой же колонне имели несчастье идти и принять страшную смерть две папины сестры: **Рухл** (1902), **Двойра** (1909) и его младший брат **Бурах** (1905) с их детьми.

Путь в гетто был очень трудным. У меня нет сил и здоровья описать ужасы этого пути. И в этот раз наша семья спаслась только чудом. Благодаря моей маме (да будет благословенна её память!) мы все дошли. Она несла нас по очереди на спине. В пути ели грибы, свёклу и картофель, которые местные украинцы готовили заранее – они знали, что тут проходят колонны евреев, варили овощи и раскладывали их вдоль маршрута колонн. Помогали едой и украинские партизаны, и итальянские солдаты.

На украинском берегу Днестра мы оказались **в Транснистрии**. Помню, мы стояли в шеренгах, румыны нам выдали по четвертушке хлеба и горячий чай. Это просто продлило нам жизнь. Нам дали отдохнуть, пока сменились наши конвоиры, и колонна отправилась дальше. Стояла осень, начались заморозки, а тёплой одежды не было. Пожилые люди стали падать. Солдаты подбегали к ним, избивали нагайками, чтобы вставали, а кто не мог подняться, того расстреливали на месте. Для женщин с маленькими детьми подали подводы, якобы помочь им, и многие сели на них. Спустя несколько дней мы узнали, что их сбросили с обрыва в лесу и всех убили. Я помню, рядом с нами шла молодая женщина **Маня** с маленькой девочкой **Эталэ**. Они сели на одну из этих подвод, и мы их больше не видели.

Нашу колонну гнали по Транснистрии много дней. Пока было светло, мы шли, а ночью нам разрешали отдохнуть. Иногда сопровождающие солдаты позволяли разжечь костры. Родители шли в поле в поисках чего-то съедобного, и мы ели

сырой картофель, сахарную свёклу. Хорошо, что за выход в поле не ловили и не избивали. Днём, помню, мы находили по дороге тёплую варёную картошку – это была помощь хороших людей-украинцев. Их к колоннам евреев не подпускали. По дороге навстречу нам ехали итальянские войска. Они бросали нам галеты, банки с сардинами, это была большая помощь.

В один из вечеров мы подошли к очень крупному совхозу вблизи **Ободовки**. Нам приказали зайти в какие-то длинные помещения и лечь спать. Мы легли на солому, но отдохнуть не удалось. В соломе было невероятное количество крупных вшей, белых, как черви, с чёрными полосками на спине. Это было что-то ужасное. Мама не растерялась и быстро вытащила нас на улицу. Стражи не было, и мы просидели у входа до рассвета. Мама нас раздела и почистила от вшей керосином и травой полынью, которые она носила на такой случай для трёх девочек. Наутро пришли солдаты, и началась «селекция». Нам объявили, что мы идём в гетто: одна группа пойдет в гетто в Чечельнике, а вторая – в гетто в Бершади. Папа сумел узнать у одного из румын, что Чечельник – это маленькое местечко, где живут местные евреи, и решил с мамой любой ценой попасть именно туда. Румыны сами с помощью избиений и нагаек делили людей на две группы: переднюю – в Чечельник и заднюю – в Бершадь. Мои родители крепко взялись за руки, а нас, прижавшихся одна к другой, поставили перед собой. Мама сказала, что сейчас нужно быстро бежать вперёд. Мы впятером побежали, как один. Нас и родителей били нагайками, взрослым доставалось по голове, но мама кричала: «Бегите, бегите, не останавливайтесь». Мы вбежали в переднюю группу, тут нас уже никто не бил и не гонял. Румыны сказали нам: «Спросите по дороге, где Чечельник», и группа в 170-180 человек пошла в село **Чечельник** без конвоя. Впереди шёл человек, который привёл нас к вечеру в центр Чечельника.

В гетто в с. Чечельник.

Была морозная октябрьская погода. В маленьком парке на голых скамьях мы переночевали. Проснулись и увидели, что папа и мама всю ночь сидели возле нас и, прижавшись к нам, грели своих трёх девочек, чтобы мы не замёрзли, а у папы у самого уже была температура, он болел.

Жители Чечельника увидели много прибывших еврейских семей, и к нам в парк пришёл староста гетто с несколькими людьми. Говорили о размещении по комнатам для жилья. К нам подошла высокая женщина и сказала моим родителям: «Меня зовут **Шифра Шафер**. Я жена лётчика, мой муж погиб в первый день войны. Идёмте ко мне». Но мои родители решили остаться вместе со своими близкими или знакомыми, и мы с ними попали в комнату, где люди лежали на полу, как селёдки в бочке.

На следующее утро мама заболела тифом. У неё была большая температура, она бредила, срывала с себя одежду. Мне с папой сказали, где есть врач. Мы позвали его. Пришёл в военной форме доктор **Попеску** из румынского госпиталя. Не знаю, как и каким образом, но он принёс лекарство и спас маму. Его сам Бог послал. Он приходил не только к маме, всем, кому он мог помочь, он помог в гетто.

Спустя некоторое время мы перешли жить к тёте **Шифре** и оставались у неё до 22 апреля 1944 года.

Кто ещё помнит, **зима 1941-42** годов была очень тяжёлая, с большими снегами. Люди в гетто ходили голодные, голые, босые, умирали десятками в день. Мы насчитали в один из дней, что вынесли 24 умерших. Их уносили четыре человека на носилках, по одному телу каждый раз. Живые стягивали с мёртвых тряпки и надевали на себя, чтобы спастись. Есть было нечего, ходили по крестьянским дворам просить кусочек хлеба. Зимой мои младшие сестрёнки Хана и Дора от недоедания не могли ходить, не стояли на ногах. Папа, опухший от голода, лежал на нарах. Слава Богу, мама с помощью доктора Попеску и местного доктора **Маламуда** начала выздоравливать. Она была очень волевой женщиной.

Было очень холодно, и надо было топить печь, но где взять дрова? Гетто окружено проволокой. Оставшиеся в живых люди выходили ночью и изнутри разрушали пустые дома. От нас выходила на улицу я, мне помогали мужчины дотащить какие-то палки, дощечки до дому, мы передавали дрова через окно маме и так начали греться в комнате. Помню, я сидела и топила печку, и ко мне пришли греться мышки, я их не боялась. Добывать еду я ходила в окрестные сёла, подлезая под проволочные заграждения гетто и так же возвращаясь. Обуви не было, мои ноги были обмотаны тряпками. Попрошайничала по дворам, складывала в мешочек. Помню, что много раз меня гоняли украинские полицаи, избивали нагайками, но как-то я упрашивала их, и меня отпускали, не сдавая в руки палачей.

Уже в первую зиму в гетто в Чечельнике был назначен еврейский комитет. Всех, кто остался жив после этой суровой зимы, взяли на учёт и стали посылать на принудительные работы: в помещения жандармерии, в румынские воинские части, расположенные в районе гетто. Все стремились попасть в часть, потому что там кормили и давали домой остатки с кухни. Комитет тоже начал распределять какие-то мизерные пайки.

К весне отец выздоровел, и его отправили в группе из 15 человек с молодыми парнями 16-18 лет в **Николаевскую область** на работу в каменных карьерах у немцев. Это была верная смерть. У моих родителей после всех грабежей и обысков сохранились пять золотых пятирублёвых монет, лежавших в особом кармашке. Папа взял их с собой, авось удастся откупиться. А «работа» заключалась в том, что молодые парни и мужчины в карьере вручную поодиночке втаскивали каменную глыбу на гору, а с горы она скатывалась на другую сторону сама. Затем этим же людям приказывали тот же огромный камень опять втащить наверх и скатить по склону. Эта бессмысленная работа в течение дня быстро убивала. 14 еврейских юношей, с которыми отец прибыл в лагерь, после первого дня не могли подняться, и все были повешены в присутствии отца и остальных узников. И счастливая звезда помогла отцу. В лагере он познакомился с евреем из Черновиц, переводчиком у немцев. Передал ему просьбу о спасении и подкрепил её золотом. Через несколько недель состоялась врачебная комиссия, и папа вернулся обратно в Чечельник. Переводчик предупредил папу, чтобы за пределами лагеря он сразу уничтожил справку об освобождении по болезни, потому что она

фальшивая. Это было невероятное чудо: отец прошёл примерно 300 километров по оккупированной территории до Чечельника.

Летом 1942 года меня с сестрами Ханой и Дорой направили на сахарный завод в Чечельнике, где мы работали каждый день в любую погоду. Это был тяжкий труд далеко в поле: мы чистили сахарную свёклу и отправляли её по водным каналам на завод, вырывали сорняки и т. д. Нас было 10 девочек и 10 мальчиков. Туда и обратно в гетто нас отвозили на подводах. За работу нам платили полмарки в день и выдавали полбуханки хлеба. Кроме того, возили нас на упаковку сена для германского фронта. Папа и мама ходили на работу к украинцам обрабатывать огороды, смотреть за скотом, за хозяйством.

В Чечельнике мы пробыли до освобождения. К нашему счастью, мы находились в Транснистрии под властью румын и благодаря этому остались живы.

Освобождение.

Весной **1944** года в Чечельник вошли советские войска и освободили нас. Мы радовались и плакали. 22-24 апреля 1944 года вслед за фронтом мы отправились домой в Бессарабию, в наше село Арионешты, где жили до начала войны. Нам навстречу вели огромные колонны сдавшихся в плен немцев. Солдаты нам помогали, подвозили, подкармливали нас. Мы останавливались в сельских хатах, и нас кормили, поили местные жители. Наша семья голой и босой вернулась домой в **Арионешты**. Конечно, ничего из имущества мы не нашли – всё разграблено. Мать и отец были больны, мы, три сестры, остались без детства и по сей день болеем разными болезнями.

Наш еврейский городок Атаки был полностью разрушен, вернулись в него считанные семьи. При встречах каждый рассказывал о пережитых ужасах. Люди узнавали о братских могилах, где похоронены родные и близкие. Средний папин брат **Шмуэль** Юркович (1902) и его жена **Геня** (1906) были депортированы из Атак в село **Зведеновка** близ Мурафы на Украине. В **1942** году нацисты убили в нём 500 евреев и среди них Шмуэля с женой.

У старшего папиного брата Нафтулы Юрковича, жившего до войны в Черновицах, погибли от голода в 1941 году в **Могилёв-Подольском** гетто жена **Бобця** (девичья фамилия Коган) и дочь **Молка** (1920).

Послевоенная жизнь.

Сестра **Дора** пошла в **1944** году в первый класс. Она вышла замуж после нашего переезда в Черновцы.

Я окончила школу, в **1947** году вышла замуж за **Михаила Майданика** и жила с семьёй в гор. **Черновцы**. Муж во время войны находился в эвакуации на Урале. Свадьбу устроили с хупой в еврейской синагоге. А за две недели до родов мы должны были расписаться в ЗАГСе, чтобы получить потом свидетельство о рождении. У нас родились сын **Авраам** (Авик) в **1948** г. и дочь **Геня**.

Сёстры (стоят): Дина (справа) и Хана. 8 авг. 1945 г. Арионешты.

Я работала 10 лет бригадиром на Черновицкой фабрике головных уборов. Миша работал на большом текстильном комбинате в Черновцах. Сын в 25 лет окончил Павлодарский университет. Отец **Сруль Юркович** умер в Черновцах в **1970** году.

Репатриация и жизнь в Израиле.

Мы репатриировались в Израиль через Австрию в **1973** году после войны Судного дня. Я приехала в Израиль с мужем, дочкой, сыном и с двумя мамами: моей и мужа.

На 80-м дне рождения сестры Ханы. Сидят (справа налево): Дина Майданик, Хана Фельдман, их двоюродная сестра Эстер Юркович (Финкельштейн). Стоят (справа налево): сын Дины Авраам, сын сестры Доры Бума, дочь Дины Геня, дочь Ханы Лиза, дочь Эстер Орит. 2009 г.

Сестра **Хана** (в замужестве Фельдман) с мужем и дочкой приехала в Израиль раньше нас на 9 месяцев и жила в гор. Мигдаль ха-Эмек. Сегодня живёт в гор. **Реховоте**.

Распределяли нас в те годы по городам так, как желали руководители приёма репатриантов. Целые сутки мы сидели в аэропорту, и я просила направить нас только в Реховот. Я с семьёй и наша мама поселились в гор. **Реховоте**. Мама **Ривка** ушла из жизни в **1986** году. Мой муж **Миша** умер в **1988** году. Младшая сестра **Дора** (в замужестве Дезицер) с семьёй жила в гор. Мигдаль ха-Эмек. Её муж в годы Шоа находился в Бершадском гетто. Они оба умерли от болезней. В Мигдаль ха-Эмеке сейчас живет их сын с двумя детьми.

Первые три года в стране я мыла полы. Благодаря отцу я знала иврит, владела идишем, румынским, русским языками и проработала 16 лет в Армии обороны Израиля секретарём. Сестра **Хана** работала в армии вместе со мной. Моя дочка **Геня** служила в израильской армии в лётных частях авиадиспетчером. Сын Авраама, мой внук, тоже прошёл эту очень напряжённую и ответственную службу, теперь он студент сельскохозяйственного факультета университета. Всего у меня пять внуков и три правнука.

Вышла на пенсию в **1991** году. В октябре **2012** года я отметила свой 85-летний юбилей. Являюсь добровольцем Института национального страхования – помощником пожилых людей. Состою во Всеизраильском объединении выходцев из гор. Атаки, участвую во всех мероприятиях, встречах с земляками в общинном доме в Тель-Авиве. Написала свои воспоминания о Шоа на иврите, они напечатаны в книге «Памяти города Атаки». На старом кладбище в гор. **Холоне** на общинном памятнике жертвам Шоа из Атак и их окрестностей в первом столбце

справа есть имена погибших из нашего рода **Юркович**, собранные и переданные мной и двоюродной сестрой Эстер. Ежегодно в *Йом ха-Шоа* (День Катастрофы и героизма европейского еврейства) мы собираемся у этого памятника на поминальную молитву.

*

Описанное мной – лишь малая капля в море бед, малая доля из безмерного горя, выпавшего еврейскому народу во Второй мировой войне. Страдания каждого из нас в Катастрофе трудно передать словами. Поэтому я очень довольна, что поколение гетто и концлагерей решило написать о пережитом книгу. У каждого из нашей Реховотской организации бывших узников нацизма появилась возможность вспомнить и увековечить в книге людей, которые погибли: родных, друзей. Но, конечно, неизвестны по сегодняшний день места захоронения многих из погибших в годы Холокоста. Истощенные люди падали на дорогах во время бесчеловечной депортации, их пристреливали и оставляли трупы валяться. Важно их имена назвать и напечатать, заполнить на них «Листы свидетельских показаний» для Зала имён в музее «Яд Вашем». До сегодняшнего дня я передала в «Яд Вашем» 16 «Листов» на погибших в Шоа родных и близких, друзей, земляков (да будет благословенна память о них!).

Молодому поколению скажу: дети наши, внуки и правнуки, читайте такие книги! В них найдёте правду, и только правду. Не прекращайте борьбу ради жизни, ради еврейства и во имя нашего государства.

84.

Пекер Доня
(с. Чечельник)

НАД НАМИ СТАВИЛИ «МЕДИЦИНСКИЕ» ОПЫТЫ

Довоенная жизнь.

До войны наша дружная семья жила вшестером в большом собственном доме в местечке **Чечельник** Винницкой области – районном центре. Большинство жителей Чечельника были евреями. Отец **Хаим Срулевич Фишер** (1909) работал портным, но затем перешёл на производство, где выпускали мороженое и прохладительные напитки. Из-за плохого зрения папу освободили от службы в армии. Мать **Этя Зусевна** (1912) вела домашнее хозяйство. Я, **Доня** (25 мая 1933), была старшим ребёнком в семье, затем родились брат **Зузик** (1937) и сестра **Соня**

(1939). Мама заботилась о нас и вела хозяйство: занималась коровой, поросятами, курами. С нами жила папина мама, бабушка **Гитл Княжевская**. В семье говорили на идише, и все знали украинский язык. Я посещала еврейский детский сад и готовилась пойти в первый класс школы в сентябре 1941 года.

Начало войны и оккупация.

В начале войны наша семья попыталась эвакуироваться. На телегу уложили необходимые вещи, родители посадили нас, троих детей и бабушку, и поехали к Бугу. Беженцев на дороге было множество, помню, за нами ехали наши соседи, родственники, знакомые. Бежали из Чечельника только евреи. Мы проехали несколько километров и увидели немцев. Они вели себя как господа: хватали и насиловали девушек. Они нас вернули обратно, шли за нами по пятам. Мама вела меня за руку, малыши шли, держась за мамину юбку. Неожиданно к нам подошёл немец и заговорил, понятным было слово «шиссен», сходное с идишским «стрелять». Я прижалась к маме, а мама стала плакать, говорить ему на идише: «Дайте нам уйти». Он отстал.

В Чечельницком гетто.

Вернувшись в **Чечельник**, мы нашли свой дом разграбленным, всё из него унесли. В городке уже были немцы. «Новые хозяева» отобрали скот, птицу. Через неделю была организована полиция из местных украинцев, живших в селе возле Чечельника. Они рассказывали немцам, у кого из евреев что есть, показывали, где находится.

Нас всех выгнали на самую большую площадь и отделили мужчин от женщин с детьми. Мужчин сразу куда-то отправили, а остальным разрешили идти домой. Мы с мамой шли с площади, а ко мне подошёл немец и сунул дуло пистолета в рот. Все вокруг продолжали идти молча, боялись слово вымолвить. Мама упросила его на идише не трогать, пожалеть меня. Так над нами издевались, он вполне мог выстрелить. К вечеру наши мужчины вернулись. Оказалось, что они занимались разными работами по приказам немцев.

Через месяц немцы ушли, передав правление союзникам-румынам. Румыны устроили гетто в моём городке **Чечельник**, и тут же наша семья была изгнана из своего дома, потому что он находился за пределами гетто. В **августе 1941** года в восьмилетнем возрасте я попала в гетто с мамой, папой, братом, сестрой и бабушкой. Гетто не было огорожено, но все знали, что под страхом смерти нельзя выходить на улицы, которые не относятся к гетто. Тех, кто самовольно или ошибочно нарушал границу, убивали.

Жили мы в другом доме, на другой улице. В этот сельский одноэтажный домик, как и в другие на территории гетто, вселили так много людей, что ступить было некуда. В нашем домике в двух комнатах и маленькой кухне жили четыре семьи: в каждой, кроме родителей и их старых пап и мам, было по 3-4 ребёнка. Спали в тесноте все вместе на кроватях и на полу. Вдобавок в Чечельник пригнали много евреев из Румынии, Буковины. Их подселили в уже переполненные дома. Из-за страшной антисанитарии и скученности в домах начались болезни. Мы лежали все вместе: больные и здоровые. Среди румынских евреев были врачи, которые

нам помогали. Не было медсестёр, фельдшеров, лекарств. Лекарства можно было купить за большие деньги только у румын-оккупантов.

Люди страдали от огромного количества вшей, заражались друг от друга, болели сыпным и брюшным тифом. Многие умирали, особенно быстро погибали дети. Как только немного схлынула волна тифа, нам, детям, начали делать уколы в руку, в ягодицу, под лопатку и давать таблетки. Делали уколы врачи из румынских евреев. Они не всегда были в халатах врачей. Нам говорили, что это нужно для профилактики, чтобы болезни не повторились. Каждому ребёнку досталось по несколько инъекций и пилюль. Их давали, приходя в каждый дом, или говорили, куда нам надо явиться. После этого врачи приходили и проверяли, каков результат укола. После такой «предохранительной» работы опять начались болезни, повысилась детская смертность. В **декабре 1942** года я заразилась и тяжело переболела сыпным тифом с осложнениями. Как стало известно впоследствии, в гетто надо мной и другими детьми проводились многократно медицинские эксперименты. В дальнейшем голод и лишения, перенесённые в гетто, ухудшили моё состояние, и моему здоровью был нанесён непоправимый ущерб. С тех пор я болею диабетом, гипертонией, заболеванием ног в результате обморожения.

В гетто существовала еврейская община. Румыны были ужасными вымогателями, взяточниками. Общаться, договариваться с румынами помогали румынские евреи. Община собирала у чечельницких евреев те ценности, которые не отобрали немцы, и старалась задобрить румын, откупиться. Конечно, основная доля ценностей была у прибывших евреев.

Всех трудоспособных заставляли работать. Мой папа шил для румын, ремонтировал обмундирование. Он приносил домой кусочек хлеба за работу. Наших молоденьких девушек мы прятали в подполе. Это был тайник в полу, покрытый ковриками, на нём сидели и играли дети. Мои двоюродные сёстры Соня Фишер, Поля Клецельман вообще не поднимались наверх, мы им спускали в тайник еду. Прятали и еврейских ребят призывного возраста, потому что румыны по немецкому приказу отправляли парней в Николаевскую область на работы, и там они погибали.

У нас были украинцы-друзья, которые очень помогали нам выжить. С благодарностью все годы помню их имена: **Иван и Христя Багрий**, супруги с двумя детьми. Они приближались к дому, где мы жили, и потихоньку подбрасывали к нашим дверям свёклу, картофель, морковь в мешочке. Мы видели в окно, когда они проходили, и подбирали дар. Их сын **Александр** и сегодня работает в Чечельнике врачом.

В гетто я подружилась с **Лилей Торбиной**. Лилю с мамой пригнали в Чечельник из какого-то города. Она была городской культурной девочкой, мы читали книжки на украинском языке, и Лиля умела всё объяснить. У Лилиной мамы сохранился старый фотоаппарат с «гармошкой», и она нас сфотографировала в **1943** году.

Доня Фишер (справа) с подругой Лилей Торбиной. 1943 г. Чечельницкое гетто.

Весной **1944** года мы уже слышали канонаду, к нам приближался фронт. После восстановления советской власти я училась в школе в Чечельнике.

Послевоенная жизнь.

В **1945** году наша семья переехала в г. **Сталинабад** (с 1961 – Душанбе) Таджикской ССР к папиной родной сестре **Малке**. Там я окончила школу-семилетку и поступила в текстильный техникум. По окончании техникума работала на шёлковом комбинате в течение 20 лет мастером смены на производстве шёлковой нити из коконов. Рабочий коллектив моей смены составлял 1000 рабочих, использовалось японское оборудование.

Доня Фишер (слева) с братом Зузиком и сестрой Соней. 1948-49 гг. Сталинабад.

В **1956** году я вышла замуж за **Наума Пекера** (1932). Мы с моим будущим мужем в детстве вместе находились в одном гетто, дружили. Во время одной из моих командировок встретились в гор. Ташкенте, где жил Наум, и поженились. Муж переехал ко мне в Сталинабад. У нас родились две дочки: **Галина** (1957) и **Светлана** (1961). Я перешла на работу в Душанбинский проектный институт начальником отдела выпуска проектов, где проработала до **1992** года. Папа **Хаим** ушёл из жизни в Душанбе.

Мы вынуждены были бежать из **Душанбе**, потому что там началась гражданская война. Всё горело, кровь лилась рекой.

Семейный снимок. Сидят (справа налево): мать Дони Этя, отец Хаим Фишер, свекровь Дони Эстер. Стоят (слева направо): муж Дони Наум Пекер, Доня, её сестра Соня и брат Зузик. 1958 г. Сталинабад

В Израиле.

В феврале **1992** года репатриировалась с мужем и младшей дочерью **Светой** с семьёй в Израиль. Живём уже 21 год в гор. **Реховоте**. Мы с мужем вначале получали на двоих пособие 780 шекелей в месяц. Пришлось идти в работницы по уходу за пожилыми людьми. Работал и муж. Сегодня у меня 5 чудесных внуков.

Галя с семьёй приехала на полгода раньше нас. Мама и брат **Зузик** приехали в Израиль в **1991** году в гор. Бат-Ям. Мама **Этя** умерла через 4 года.

*

Годы Катастрофы отняли у меня детство, я не знала шумных детских игр и радостей, мы не учились, не развивались физически, на наших детских глазах убива-

ли людей, в нас поселился страх смерти с 6-7 лет отроду. Меня мучают страшные воспоминания и многие заболевания – это отклики Шоа, последствия пережитого в годы войны.

85.

Пекер Наум
(с. Чечельник)

ОККУПАНТЫ И ПОЛИЦАИ ПОСТОЯННО ГРАБИЛИ НАС

Довоенная жизнь.

Я, **Пекер Наум Давидович**, родился **29 июня 1932** года в посёлке городского типа **Чечельник** Винницкой области. Отец **Давид Евсеевич Пекер** (1906) работал портным на дому. Чтобы получить это право, папа в летнее время трудился в колхозе на полевых работах. Отец зарабатывал трудодни, и семье выделялся земельный участок, его засеивали пшеницей, кукурузой. Свой урожай мы возили на мельницу и этим жили.

Мама **Эстер Пейсаховна**, на два года моложе папы, была домохозяйкой. Моя младшая сестра **Анюта** родилась в **1938** году. Мы с сестрой были очень дружны, я её нянчил, опекал. В нашем собственном двухэтажном доме (первый этаж был нежилой) с нами жили родители матери: бабушка **Хая** (1872) и дедушка **Пейсах Плацман** (ум. в 1940), а также мамина сестра, тётя **Ита** (1912). В семье старшие её члены были религиозными людьми, и в доме соблюдались еврейские традиции. Дома разговаривали на идише.

Отец Давид Пекер, мама Эстер, Наум и сестра Анюта. 1940-й год. Чечельник.

Весной **1941** года я окончил первый класс украинской школы. Мы, дети, чувствовали приближение войны из разговоров взрослых, из сообщений по радио, в газетах о ходе начатой Гитлером в 1939 году новой мировой войны.

Начало войны и оккупация.

Для меня война началась с того, что отца **Давида** призвали в действующую Красную армию. Мы провожали его на железнодорожный вокзал в Чечельнике, плакали. Это был последний раз, ког-

да я видел папу. На момент оккупации в семье остались только женщины: бабушка, тётя и мама с нами, двумя детьми – девяти и трёх лет. Мы пытались убежать от немцев до их прихода. На подводу сели муж с женой, которым принадлежала лошадь с телегой, и мы втроём. В пути ночью в дорожной суматохе хозяин нашей подводы потерял общий обоз. Подвода с бабушкой и тётей Итой уехала в одном направлении, а наша двинулась по другой дороге. Нас с мамой и сестричкой отвезли за 300 километров от Чечельника, в **Кировоград**, и здесь высадили. Возле нас оказались ещё три чечельницкие семьи, и мы решили вместе поскорее выбираться из Кировограда, потому что там уже чувствовалось приближение немцев. Мы купили тележки, положили на них скудные пожитки и двинулись обратно. Мама тянула тележку, в которой на вещах сидела сестра, я помогал маме. Шли в основном ночью больше месяца по оккупированной немцами территории Кировоградской области. Полностью спрятаться в пути было невозможно, и во время одной из встреч с оккупантами была изнасилована на наших глазах женщина из семьи, шедшей с нами. Немцы обнаружили нас на ночлеге в лесу и просто утащили несчастную в кусты. Не всегда мы ночевали в лесу. В сёлах, возле которых заставали сумерки, часть жителей прогоняла нас, но были хаты, где маму с двумя детьми принимали, нас кормили, давали ночлег и ещё еду с собой.

В Чечельницком гетто.

Когда мы вернулись в **Чечельник**, бабушка **Хая** и тётя **Ита**, к счастью, находились в нашем доме. В городке уже была установлена румынская оккупационная власть, работала комендатура, появились жандармы. С **осени 1941** года по март 1944 года мы находились в гетто посёлка Чечельник. Оно располагалось на участке нескольких улиц, не огороженных забором или проволокой. Взрослые заключённые носили белые повязки узников гетто на руке выше локтя. Было запрещено покидать гетто. Наш дом находился на территории гетто, и мы жили в нём. Из пригнанных в Чечельник румынских и бессарабских евреев в нашем доме, кроме нас, жили три семьи и наши родственники, выселенные из дома, не вошедшего в гетто. Вместе нас было человек двадцать.

Разумеется, такое скопление людей не обошли болезни, которые вспыхивали в гетто. В **январе 1942** года я заразился и тяжело переболел сыпным тифом с осложнениями. Что мы ни делали, невозможно было избавиться от вшей.

Оккупанты нас постоянно грабили: были отобраны все ценные вещи, семейные драгоценности, другое имущество. Полицаями в Чечельнике были украинские мужчины с ружьями и нарукавной повязкой. Они хорошо знали, у кого что дома есть.

Самыми страшными днями были те, когда всех выводили на площадь. Для нас это был самый плохой знак – могли вывести и расстрелять. Нас в конце концов отпускали, но, видимо, целью румын было напугать людей, чтобы собрать с них контрибуцию, чтобы евреи расстались с последними ценностями. Сбором колечек, серёжек занимался комитет общины и откупался от румын. Мы испытывали в гетто постоянный страх, и, несомненно, многим он укорачивал жизнь.

Снабжения продуктами со стороны оккупантов не было. Жили крохотными пайками за принудительный труд, а нетрудоспособные старики и дети, которых

было большинство, – не получали ничего. И тут сыграла свою роль профессия папы, у которого мама до войны научилась портновскому делу. Местные жители платили ей продуктами за выполненную для них работу. Заказчики сами приходили к нам, мама не могла выйти работать по сёлам. Помогало доброе знакомство украинских жителей с нашей семьёй до войны, папу знали и как хорошего портного, и по его работе в колхозе. В зимнее время украинские жители платили дровами, и это спасало нас от холода.

Наум Пекер с сестрой Анютой. 1943 г. Чечельницкое гетто.

Как и остальным детям в гетто, на протяжении долгого времени мне делали уколы, давали таблетки, после которых состояние здоровья ухудшалось. Лишь спустя много десятков лет установили, что это были медицинские эксперименты над нами с соответствующими последствиями.

В **начале 1944** года у меня и родных было предчувствие, что нас освободят. Мы слышали об активных действиях партизан и видели, что это не слухи. Через Чечельник провозили убитых партизанами немцев и румын.

В один из дней **весны 1944** года мы не увидели в гетто ни одного румына, ни одного полицая. С этого дня мы прятались в подполе дома, потому что боялись, что румыны придут в самом конце и расстреляют нас. Снаружи оставался замаскировать крышку подпола и наблюдать, что происходит, кто-то из бессарабских евреев.

Бои за освобождение нашего городка продолжались три дня, и **17 марта 1944** года Красная армия вошла в Чечельник. Мы вышли из нашего укрытия, когда настала тишина, перестали стрелять. Я радовался свободе вместе с другими жителями. В **1944** году продолжил учёбу в школе сразу с четвёртого класса.

Послевоенная жизнь.

Папа **Давид** с войны не вернулся. Лишь через 40 лет, в 80-х годах, в результате наших поисков мама получила извещение, что отец, рядовой **Давид Евсеевич Пекер**, пропал без вести на фронте в **1942** году. Война лишила меня отца, а гетто – здоровья.

В **1946** году семья: мама, я с сестрой и бабушка – переехала в гор. **Ташкент**. Здесь у мамы жила большая родня: четыре брата и сестра, приехавшие сюда до войны. Мы сняли в центре города кибитку – глиняный домик местных жителей. Мама успешно работала портнихой на дому и растила нас с сестрой. В Ташкенте я окончил школу-семилетку, продолжил учёбу в профтехучилище по специальности заготовщик обуви. По его окончании работал на обувной фабрике и одновременно учился в вечерней школе. В **1954** году поступил в Ташкентский финансово-экономический институт. В **1956** году женился на девушке **Доне** Фишер, с которой в годы оккупации мы детьми находились в Чечельницком гетто. Свадьбу сыграли в Ташкенте, а жить переехали в гор. **Сталинабад**, где находились родные Дони.

Я продолжил учёбу в Сталинабадском университете на экономическом факультете, который окончил в **1959** году. С 1958 года начал работать экономистом в Министерстве жилищно-коммунального хозяйства Таджикской ССР. В последующие годы работал начальником планово-финансового управления министерства. Жена работала, наши дочки учились в вузах: **Галина** – в пединституте, **Светлана** – в Душанбинском университете.

Бабушка **Хая** умерла в **1973** году в Ташкенте в 101 год.

В Израиле.

20 февраля **1992** года мы с женой репатриировались в Израиль. Живём в **Реховоте**, с нами обе дочери и пять любимых внуков. Сестра **Анюта** приехала в Израиль с нашей мамой и живёт в гор. **Кармиэле**. Мама **Эстер** ушла из жизни в **1998** году, прожив 91 год.

Со времени пребывания ребёнком в гетто я болею диабетом, гипертонией, заболеванием ног, радикулитом и считаю, что это последствия Шоа. В Израиле перенёс четыре серьёзные операции. Не будь мы с Доней в детстве пленниками гетто, жизнь наша могла быть счастливее, здоровее.

86.

Голуб Полина
*(пос. **Шаргород**)*

БЛАГОДАРЯ ДОКТОРУ ТАЙХУ МНОГИЕ ЕВРЕИ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ

Довоенная жизнь.

Родилась я, **Перл Иосифовна Штайф** (с начала учёбы в школе – **Полина**), **1 января 1924** года в бессарабском городе **Хотине** и получила имя в память о бабушке Перл. Отец мой **Иосиф Штайф** (1889) умер 15 марта **1927** года молодым, я его не помню, и все фотографии у меня отобрали оккупанты. Моя мама **Ита Иосифовна** (1892) растила меня без отца. Для тех лет она была грамотной женщиной – окончила гимназию в Каменце-Подольском до 1917 года. Об этом позаботился её отец, мой дедушка **Ицхак-Иосиф Зукин**. Мама хорошо знала иврит и начала учить меня этому языку, но, видимо, тогда терпения у меня не было, мне хотелось больше играть, чем заниматься. Я окончила четыре класса румынской начальной школы, в которой одним из языков преподавания был идиш. С детства я хорошо пишу, читаю и говорю на идише. Несмотря на то что мама болела хронической болезнью, она держала маленький галантерейный магазинчик,

а также давала уроки языка идиш еврейским детям. Моё воспитание стоило ей не дёшево, но она учила меня красивому в жизни и в искусстве, я выступала на всех литературных вечерах на еврейском языке. Еще и сегодня помню наизусть многое из выученного в те годы. После начальной школы я поступила в румынскую профессиональную школу, где вместе с обычными предметами девочки получали полный курс домоводства, и окончила восемь классов.

Маме очень хотелось, чтобы я стала медсестрой. До войны у нас в Хотине была большая еврейская община. На деньги американских евреев она содержала городскую еврейскую больницу. В больнице было всего три вакантных места, и на каждое из них подано 9-12 заявлений. Я успешно прошла на одно из этих мест. Меня приняли на работу в больницу после полугодовой практики: два месяца – в больнице, два – в поликлинике и два – в аптеке. Получила документ об успешно оконченной практике, и меня утвердили как специалиста. Начала работать при румынах, а с приходом советской власти в **июне 1940** года еврейскую больницу преобразовали в детскую, и я работала там до июня 1941 года.

Когда в 40-м году вошли русские, сразу началось составление списков для выдворения людей. «Капиталистов» выслали в Сибирь, из среднего класса каждого проверили с ног до головы. Мы с мамой вели очень скромную жизнь, и нам едва хватало средств на минимальные потребности. Высылка нас не коснулась, но было очень обидно, что многих выслали по доносам и среди них – по-настоящему бедных.

Война, оккупация и депортация.

Началась война. Мы с мамой не задумывались об эвакуации и остались в городе. Для больной мамы любой переезд был нежелателен. Мне шёл семнадцатый год, я многого не понимала: была средним человеком, ни коммунисткой, ни сионисткой, мне хотелось работать, чтобы кормить маму и себя.

В первый день войны, **22 июня 1941** года, после немецкой бомбардировки возникли пожары, и весь наш район и наша квартира сгорели. Мы перешли в другую часть города, так называемый «Новый план», и стали жить в чужом доме.

В начале **июля 1941** года в гор. **Хотин** вошли немцы, а затем его оккупировали румынские войска. Бессарабия находилась под румынами до июня 1940 года, и им было очень близко до нас добраться – через мост в районе Липкан. Сразу же евреям всё было запрещено, нам велели не выходить, и в июле-августе мы сидели в квартирах. Успели взять с собой пару чемоданов и жили тем, что меняли наши вещи у крестьян на молоко, яйца, другие продукты.

В первых числах сентября всех евреев Хотина выгнали из домов и под конвоем румынских жандармов и полицаев повели в пересыльный лагерь **Секуряны** Хотинского уезда, километрах в восьмидесяти от Хотина. Местные евреи были изгнаны оттуда раньше. Но ещё до нас сюда пригнали колонну евреев из посёлка **Липканы** Хотинского уезда, где жили все наши родственники со стороны матери. В тот день, когда мы прибыли в этот лагерь, липканскую колонну отправляли дальше, чтобы освободить место в домах для нас. Мы встретили в Секурянах мамину родную сестру – вдову **Хану Шенкер** (1888) и её двоих детей: **Лейба** и **Хайку**

(1913), а также мужа Хайки **Хаима**. С Лейбом шла их родственница, пожилая тётя **Махля**. Мы с мамой просили их остаться с нами, но они боялись, что их убьют, если они присоединятся к хотинской колонне.

Тётя **Хана** была очень больна, лежала при смерти. Я побежала к начальнику Секурянского лагеря и просила, умоляла его, чтобы её не брали в колонну, дали ей умереть здесь, а не на дороге. Мы хотя бы будем знать, где её могила. Он согласился. Тётя умерла через час у меня на руках, и еврейские могильщики закопали её. Её детей, зятя и тётю Махлю в это время гнали в колонне к Украине, и их убили в пути на территории Молдавии **осенью 1941** года. **Летом 1941** года по дороге из Липкан также погибли двое детей маминой сестры **Слувы** и её мужа **Ушера Фельдмана**: **Иосиф** (1,5 года) и потерявшаяся девочка **Геня** (5 лет), остался жив только сын **Моня**. Он с матерью и отцом попал в **Бершадское** гетто. Родной брат моего отца **Штайф Шмиль** (1878) из Липкан погиб в **конце 1941** года в Транснистрии, где находился в одном из гетто с женой Ханой, дочерьми Миной, Фримой, Полей, Эней и сыном Изей. Оказались в Бершадском гетто и выжили в смертельных условиях мамин брат **Арон Зукин** с женой Полей и двумя детьми: Семёном и Цилей. В Бершади находились и чудом остались живы мамин брат **Хейзер Зукин** с женой Энцей и 2 детьми: Лёвой и Иосифом.

В Секурянах мы находились до половины октября – полтора месяца, я помню. Село было огорожено проволокой, никому не давали ни выйти, ни войти. В Секурянах началась большая эпидемия дизентерии, затем вспыхнула эпидемия тифа, и очень многие евреи умерли. Огласили приказ изолировать больных. Всех заболевших просто расстреливали.

В начале октября, как раз в вечер *Йом Киппур* (Судный день), наши представители из лагеря обратились с просьбой к румынской жандармерии дать возможность пойти в синагогу помолиться. Им разрешили. Синагога была разрушена, свиток Торы, все книги были уничтожены. Мужчины привели комнату в порядок, помолились. А после Йом Киппур, через 10-12 дней, нас повели дальше.

Погибшая Рахель Зукин (слева) с дочерью Тубой. 1939-40 гг.

*

Мы попали за Днестр, на Украину. В **Могилёве-Подольском** нашу колонну разделили на группы: одних послали на Буг, других – в Копайгород, остальных – в Бершадь. У румын были заранее составленные общие списки всех евреев городов, сёл. Они разбили все списки по партиям и потом вызывали по списку: ты иди сюда, ты иди туда. Я и мама оказались, к счастью, в одной группе, и нас отправили вместе.

С нами шла пожилая тётя **Рахель Зукин**, мамина двоюродная сестра 65-ти лет. Четверо детей Рахели уехали в Америку, и она жила с нами в Хотине. Я отдала последний пододеяльник крестьянину-вознице подводы и посадила тётю на его телегу среди других старых людей. Их отвезли куда-то в сторону и расстреляли, нигде её больше не видели.

Нашу колонну гнали по Украине румынские жандармы и их помощники – украинские полицаи. Я была тогда молодой девушкой восемнадцати лет, красивой. И румыны, и местные бандиты искали, насиловали и убивали еврейских девочек. Поэтому в пути мама очень беспокоилась обо мне и спасла так: надела на меня старое, до пят, платье, выпачкала меня сажей, повязала мне платок, что не видно было лица, и я выглядела как семидесятилетняя баба. Она шла со мной всю дорогу, поддерживая под руку, будто мне нужна помощь при ходьбе. На самом деле, это маме было трудно идти из-за болезни, и она держалась за мою руку.

Мы шли очень долго – месяца полтора. В пути никаких условий жизни для людей не было. Нас гнали, как скотину. Куда гнали, мы не знали. Мы спали на скотных дворах. Воду нам давали из привозной бочки. Ели, у кого что было, что найдём. В **Клебановке** мы сидели на морозе недели две. Когда вспоминаю то время, даже не могу теперь представить, как мы это всё пережили.

В Шаргородском гетто.

В ноябре-декабре 1941 года мы добрели до **Шаргорода** Винницкой области, и это было уже счастье. В **Шаргороде** местные евреи жили в своих домах. Шаргородское гетто не было огорожено проволокой. Мы дали подписку и знали, что нельзя выйти, но за проволокой мы не были, как в Секурянах. Я не помню, было ли приказано носить магендавид, носила ли я его. Выходить из гетто на работу можно было по разрешению жандармерии.

У местных евреев был свой совет общины, и они знали, что должны принимать евреев из Румынии, Буковины, Бессарабии. Главой местного совета назначили резника **Шому Клеймана**, очень симпатичного грамотного человека. У него была прекрасная семья: жена **Ципора** и трое детей – сын и дочери Лиза и Муся. Они были очень интеллигентными, добрыми и относились к депортированным евреям очень хорошо. Шома каждому указал жильё. Он сразу побеспокоился, чтобы у людей было место для ночлега. Ему мы обязаны тем, что он сумел всех расселить. Нас поместили в строении № **303** в местной семье. Я жила как раз напротив домика Клеймана, и он мне не раз очень помог, дал важный совет. Между прочим, он тоже в Израиле, в 90-е годы жил в Нетании, в Кирьят-Нордау.

Хозяйка, к которой нас привели жить, оказалась очень симпатичной, она освободила комнату, дала нам подушку. У нас было жилище с полом, на котором можно спать. Но скоро несчастья продолжились. В гетто начался тиф, и люди умирали десятками ежедневно. В доме нашей хозяйки было три комнаты. В первой она жила с мужем, в проходной – я с мамой, а в дальней – семья **Клигер** из румынского города Сучавы. Их было пятеро, и все умерли от тифа. Мёртвых вынесли через нашу комнату. Я помню и сегодня, как мама накрыла меня одеялом и говорила: «Дочка, не смотри». Более тысячи людей умерли от тифа той **зимой 1941-42** гг. В гетто были врачи-евреи, но что они могли сделать? Они давали советы, чтобы было чисто, чтобы хлоркой дезинфицировать всё вокруг.

В гетто были оставшиеся без родителей дети, пригнанные, как мы. Местные шаргородские евреи очень душевно относились к ним, да и ко всем нам.

Кто к ним ни обращался, они помогали. Я знаю, что местные евреи усыновляли сирот, приютили их у себя.

В гетто, помимо местной общины, работал еврейский комитет, который уже существовал среди пригнанных из Румынии во главе о доктором Тайхом. **Меир Тайх** из города Сучава был очень интеллигентным образованным человеком и нашим представителем. Видно, у него сложились товарищеские отношения с румынским претором, председателем городской управы Шаргорода. Это было наше счастье. Очень многие евреи могут сказать, что благодаря Тайху остались живы. Нас защищал и **Бруно Занд**, еврейский полицай, он тоже пришёл из Румынии, но он был грубоват.

В Шаргороде установилась румынская власть. Очень часто немцы приезжали и хотели взять узников на работу. Претор им отказывал, ссылаясь на то, что евреи, живущие в гетто, нужны ему для работы внутри гетто. В течение нескольких лет этот претор сидел, как сторожевая собака на цепи, и не дал немцам ни одного еврея, как мне помнится.

Было много случаев, когда в Шаргород приходили, прибегали евреи из других лагерей и гетто, потому что там проводились акции, там немцы забирали на работу. У некоторых из них в Шаргороде были родственники, и они могли их приютить, или знакомые, и они пристраивались. Конечно, их искали у нас. Но люди их прятали, не выдавали.

*

Все устраивались в гетто, как могли. Мама была больной женщиной с бронхиальной астмой, ей не хватало воздуха. Она не могла работать, сидела дома, и ей нужны были кусочек сыра, кусочек масла, стакан молока. Я ходила работать только ради матери и приносила ей самое необходимое. Я нашла крестьянку лет пятидесяти, жившую недалеко от Шаргорода, и договорилась с ней, что каждый день буду приходить и помогать обрабатывать её поле. В течение дня работала у неё и вечером получала взамен несколько яиц, иногда немножко масла, сыра, молока, она мне и курицу давала. У этой женщины не было детей, и она очень просила мою маму отдать меня ей в дочки. Украинка говорила: «Ваша судьба неизвестна, вы не знаете, где будете. Я Полину удочерю, она всё время будет около меня, и её никто не тронет». Мы и в самом деле не могли знать, сколько пробудем в Шаргороде. Но моя мама ответила: «Что бы ни случилось, мы будем вместе, я никому не отдам дочь». Эта женщина очень хорошо относилась ко мне. Мне очень

Numele Steif
Pronumele Perl
Locul nașterii
Data „ iași
Evacuat din Basarabia Hotin
starea civila
Profesiunea casnica
K. A.
K. L.
K. P.
VAZUT
Mutatii
data
casa №
11 IAN 45 I 1945

25 I 1944
VIZAT
SEF. POSTUL N
SARGOROD
Colonia Evreiasca Sargorod
Birt. Populatiei
BULETIN
№ 1103
Steif Perl
Casa № 303
seful coloniei

Удостоверение личности Перл Штайф в Шаргородском гетто. 15 янв. 1943 г.

жаль, что не помню её имя, фамилию. Она жила в сельце **Бараболевка**, в трёх-четырёх километрах возле Шаргорода. Я ходила к ней пешком.

Приходилось мне сталкиваться с другими местными жителями-украинцами в районе Шаргорода. Они были очень разные. Были приличные люди, которые жалели нас, а были такие, что старались унизить, поиздеваться над нами. Правильно говорят, что в воде есть разная рыба.

*

Мы были девочками, мальчиками 15-18 лет и иногда собирались вместе. «Квартира горит, а часы идут», – так говорят на идише. Там-таки горело кругом, а мы, молодежь, вечером встречались, пели разные еврейские песни, читали стихи Хаима Нахмана Бялика, других еврейских поэтов, танцевали, играли и шли домой. Эти стихи и песни поддерживали и поднимали наш дух. Посиделки проходили возле домика, где я жила, или у шаргородских мальчиков и девочек. У меня в Израиле есть знакомые ещё из Шаргородского гетто. Я помню песню, составленную нами вместе в Шаргороде. Мы её там пели на известную мелодию.

Дер доктор зукт аз цикер	*Врач говорит, что сахар*
Из ба инц де рикер.	*Необходим нам для организма,*
Вал ун цикер кэнмен	*Потому что без сахара*
Гизынт нит зайн.	*Человек не может быть здоров.*
А борщ ци а компот ковэ вус меот	*В борщ, в компот и в кофе*
А ранг рикт а бэрэк,	*Суём мы свёклу вместо сахара,*
Ин эс шмэкт гонц файн.	*И это очень хорошо, вкусно.*
Ой-ёй-ёй-ёй-ёй-ёй!	*Ой-ёй-ёй-ёй-ёй-ёй!*
Дус из инзер Ша́ргородер лейбн.	*Это наша жизнь Шаргородская.*
Вэ эр кэн дус алэс инц глейбн?	*Кто нам может поверить?*
Ах швэр ахалэ сиз авындэр,	*Я вам клянусь, что это ещё чудо,*
Аз мир лейбн нох а циндер.	*Что мы живы.*
Готыню, мах шойн а нэк?	*Господи, когда уже будет конец*
Ой-ёй-ёй-ёй!	*Всему этому? Ой-ёй-ёй-ёй!*

За всё время жизни в Шаргороде мы не знали, что происходит на войне, на фронте. Слухи кое-когда доходили и до нас, но официально ничего не сообщалось.

И таким образом мы прожили в оккупации почти три года: с июля 1941 года до марта 44-го.

Освобождение.

В **марте 1944** года хозяйка дома, у которой мы с мамой жили, однажды вернулась из города и сказала: «Я встретила на улице Аврума, и он слышал по радио, что русские уже возвращаются на нашу территорию». Когда в Шаргород без боя вошла Красная армия, была большая радость. А румыны ещё раньше тихо удрали.

Помню, что сразу же в городе организовали перепись населения, записали, кто откуда. Вызвали в горисполком и каждому иногороднему выдали бесплатный билет на нужный поезд до дому. Денег же у нас не было тогда.

В **мае 44**-го я с мамой вернулась в **Хотин**. Мы получили комнату. Начала работать в Хотинской горбольнице медсестрой 23 мая 1944 г. и проработала до 1 октября **1945** года. Она была превращена в военный госпиталь, было много работы с инвалидами, ранеными бойцами. Вдруг получила повестку в военкомат. Мама настолько меня любила, что, увидев мою повестку для мобилизации на фронт как медработника, потребовала – оставить работу в больнице. Я была вынуждена это сделать.

Послевоенная жизнь и в Израиле.

В Хотине не так легко было найти работу, и в **1946** году мы уехали в гор. **Черновцы**. Здесь я окончила одиннадцать классов, бухгалтерские курсы и работала главным бухгалтером Черновицкого стадиона до приезда в Израиль. Мама **Ита** умерла 23 декабря **1956** года от астмы в возрасте 64 года.

Замуж я вышла в **1948** году за фронтовика **Григория Голуба**, модельера галантерейных товаров, мой муж умер в Черновцах от рака в **1967** году.

Мать Ита Штайф (в центре),
Полина Голуб с мужем Григорием.
1950-е гг. Черновцы.

В **1972** году я приехала с четырнадцатилетней дочерью **Итой** жить в Израиль, создала семью с хорошим человеком, репатриантом из Польши. Работала бухгалтером в финансовых учреждениях и фирмах гор. **Реховота**. Все годы я занималась общественной деятельностью: работала 10 лет казначеем Совета жителей района Дения в Реховоте, избиралась много лет председателем домового комитета в домах, где проживала. **Ита** училась в школе, окончила техникум, вышла замуж за инженера, получила по примеру мужа университетское образование. По приглашению их семья поехала поработать в Америку и осталась там жить.

87.

Поляк Борис
(пос. ***Шаргород)***

ОЖИДАНИЕ СКОРОЙ СМЕРТИ БЫЛО ПОСТОЯННОЙ МУКОЙ

Довоенная жизнь.

Я, **Борис Поляк**, родился **25 ноября 1935** года в местечке **Шаргород** Винницкой области Украины. Шаргород до войны являлся районным центром с населением примерно 10 тысяч человек. Мама **Лея Лейбовна** (девичья фамилия Волох) (1908) выросла в состоятельной семье, в которой было 11 детей. Мамин отец держал корчму в селе **Слобода**, в двух километрах от Шаргорода. В Слободе жила вся мамина родня. После революции 1917 года у дедушки отобрали собственность, старшие дети разъехались по разным странам, и семья ютилась в маленьком домике. Мама была неграмотной, до рождения детей работала простой колхозницей в еврейском колхозе недалеко от Шаргорода. Папа **Арон Борухович Поляк** (1901) происходил из бедной шаргородской семьи, в которой было семь детей, его отец владел лошадью и занимался извозом. Родители отца и матери умерли до моего рождения. Папа трудился в колхозе на полевых работах, мать занималась домом. Жили небогато.

У папы и мамы нас было 6 детей, но другие братья и сёстры, кроме меня с братом **Срулом** (Александром), родившимся **10 мая 1941** года, умерли в раннем детстве до войны. Мама усыновила и воспитывала двух детей-мальчиков своей умершей сестры **Кейлы**. Мы все вместе жили в собственном одноэтажном доме в трёх комнатах. Один из сыновей тёти Кейлы, Иосиф Паукман, вырос и стал комсомольским работником, другой, Аврум, уехал работать в Саратов.

Дома родители разговаривали на идише, я знал только украинский язык. Я ходил в украинский детсад. До сих пор помню вкусную манную кашу, которой нас кормили.

Начало войны и оккупация.

В начале войны мне было 6 лет, а брату Александру – месяц и 12 дней. Отца **Арона** сразу призвали на войну с Гитлером, помню, папа на прощение сказал маме: «Береги детей!» Для нас война началась с бомбёжки Шаргорода. До этого мы видели отступающие советские войска, поскольку жили у дороги. Наш дом просто разнесло взрывной волной, но мы остались живы. Мама рассказывала, что накануне бомбардировки ей приснился сон, что нас будут бомбить, и она, повинуясь предчувствию, ушла со мной и Сашей ночевать к своей двоюродной сестре.

В течение нескольких дней власть была у местных жителей. Разумеется, разграбили магазины, учреждения, склады. Затем пришли румынские войска, немцы и итальянцы. Установилась румынская военная власть, остальные оккупанты пошли дальше. В городке было много оставленных жителями домов, и мама с нами заняла один из них, позвала к себе жить брата **Мойше-Иосифа** с семьёй, ещё каких-то родственников.

В Шаргородском гетто.

В **ноябре 1941** года в **Шаргород** стали прибывать многочисленные партии евреев, депортированных из Румынии, Бессарабии. Это были тысячи людей. Многие из них очень ослабели, болели тифом и умирали. Мы остались жить в том же доме, потому что он вошёл в границы Шаргородского гетто, устроенного румынами. К нам поселили ещё восемь человек из пригнанных евреев. Территория гетто не была огорожена, но от евреев требовали носить отличительные знаки – магендавид жёлтого цвета. Дети не носили знаки.

В Шаргороде хозяевами были румынский претор и жандармерия, их приказы выполняли украинская полиция и еврейское самоуправление. Время от времени приходили из самоуправления и говорили, что евреев будут сегодня убивать и нужно сдать ценные вещи, чтобы откупиться от расстрела. Люди отдавали последнее, что было, из-за страха смерти.

Зимой 1941-42 годов было очень холодно, стояли морозы минус 30-35 градусов, и нас спасла сосна, росшая у дома. Её спилили, и мама топила печку всю зиму два раза в день. Очень много людей замёрзло в своих жилищах, оставшись без топлива. Мы видели, как еврейская команда собирала по домам замёрзших, их укладывали на телегу, как поленья, и увозили в специально вырытую большую братскую могилу. Из нашего дома тоже увезли людей, умерших от тифа.

Несмотря на малых детей, маму водили зимой работать на сахарный завод, и я ходил с ней. Помню холодное помещение и в нём гору свёклы, которую надо было перебирать, выбрасывая гнилые корнеплоды. За работу ничего не давали. В доме нашлись два мешка семечек подсолнуха, мама понемногу их продавала, и мы с обитателями дома ели их вместо пищи. Румынские евреи-соседи варили мамалыгу и делились с нами. У нас всё было общее, никто не ел сам втихомолку. В гетто я заговорил на идише, общаясь с евреями из Румынии, Бессарабии, Буковины.

Мама страдала заболеванием печени, лежала в больнице, работавшей в гетто. Единственным лечением от болей в печени был обезболивающий укол. В довершение она заразилась тифом. Братик Саша остался на попечении тёти **Молки** – жены дяди Мойше, а я был под присмотром тёти **Эллы** – папиной сестры – в другом доме, болел тифом и выздоровел благодаря тёте. Саша болел тифом, и тётя Молка выходила его. Мы с братом всегда чувствовали себя родными среди наших близких людей. Нас кормили, одевали, мыли, укладывали спать. Вспоминаю, что разговоры между взрослыми были чаще всего об угрозе смерти, много раз звучали мамины слова «будут убивать», и это ожидание насильственной гибели было настоящим страданием взрослых. Они думали, что будет с детьми. Мне, малышу, страх смерти был тогда не понятен. Помню, что носили мы страшное тряпьё,

потому что одежду взять было негде, более того, периодически оккупанты ходили по домам отбирать вещи для немцев.

Через Шаргород стали отступать немцы. Они обратились к румынскому претору, возмущённые тем, что осталось много живых евреев, и требовали уничтожить узников гетто. Но претор сказал, что это его рабочая сила, и посоветовал им продолжать отступление, иначе он закроет дорогу через Шаргород. В свою очередь евреи подготовились к такому повороту событий – на всех дверях еврейских домов было написано: «Тиф!» Немцы молча ушли. За ними тихо удрали румынские вояки.

Освобождение.

В **марте 1944** года в Шаргород вошли партизаны, это были люди в гражданской одежде с красными ленточками на шапках. Через два дня после них в городок вошла Красная армия.

После освобождения пригнанные евреи вслед за советскими войсками устремились домой. Мы остались жить в занятом доме, и его хозяева, вернувшиеся в Шаргород, увидев нашу ситуацию, пошли жить в другое место. Мама продолжала болеть, нам помогали родственники. Я начал учиться в школе.

В **1944** году вернулся с войны папа **Арон**. Отец участвовал в боях под Харьковом, был ранен в руку, воевал в Сталинградской битве, получил на фронте тяжёлое ранение в ногу и был уволен из армии инвалидом 2-й группы. Отец пошёл работать на маслобойку, и нам стало легче жить.

Борис Поляк (во 2-м ряду первый справа) – ученик 2«в» класса Шаргородской школы. 1945 г.

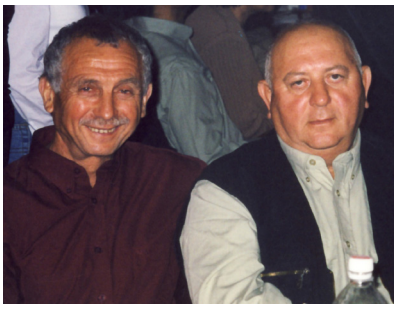
Послевоенная жизнь.

После окончания средней школы я служил в Советской армии в войсках связи три года и один месяц. Вернулся в Шаргород и через полгода уехал в **Москву**, где прожил 33 года до отъезда в Израиль. Брат Саша жил в Шаргороде с родителями. В Москве 7 ноября **1959** года я женился на девушке **Маше** (1939), работавшей в торговле. Освоил профессию слесаря-сантехника, работал и учился в техникуме. У нас родилась дочь **Лиля** (1965). Материально мы были хорошо обеспечены, у меня была хорошая работа.

Мать **Лея** ушла из жизни в **1969** году в Шаргороде в 61 год. Отец **Арон** после смерти матери жил в моей семье, умер в **1974** году в Москве, был похоронен нами в Шаргороде с боевыми наградами.

В Израиле.

В 1989 году наш зять стал инициатором отъезда в Израиль. В **1990** году Лиля с мужем, дочкой шести лет и родителями зятя репатриировалась в Израиль, а в следующем году приехали я и жена. Все мы живём в гор. **Реховоте**. Внучка служила в Армии обороны Израиля, окончила университет и успешно работает по специальности. Брат **Александр** тоже живёт в Реховоте. Саша работал в Израиле на фабрике, выпускающей диванные матрасы, я в течение 10 лет был работником по уборке в фармацевтической фирме, теперь оба на пенсии.

Братья Поляк: Борис (справа) и Александр. 2002 г. Израиль.

Мы с братом благодарны маме, тёте Элле и тёте Малке, сделавшим всё, чтобы мы остались живы и жили сегодня. Да будет благословенна их память и память нашего отца-фронтовика.

88.

Рейфман Пинхес
*(пос. **Шаргород**)*

В ГЕТТО МЕНЯ РАССТРЕЛИВАЛИ, В ЛАГЕРЕ РАНИЛИ

Довоенная жизнь.

До войны мы жили в районном центре – еврейском городке **Шаргороде** Винницкой области. У каждого жителя была своя профессия, своё ремесло: тот был столяр, тот – кузнец, тот – парикмахер.

Папу звали **Аврум Беньевич Рейфман** (1900). Он был столяром и плотником с золотыми руками: делал мебель, окна, двери. Отец знал и слесарное дело, и работы по электричеству. Но время наступило такое, что он был не востребован, и мы почти голодали. Помощи от советской власти не чувствовали. Помню, в **1933** году на Украине был страшный голод, люди падали на улице и умирали от истощения. У нас не успевали хоронить людей. Мы бедствовали. Мама **Хайка Пинхасовна** (девичья фамилия Стинерман), родом из села Копыстырин Шаргородского р-на, была грамотной, окончила 4 класса сельской украинской школы. Она занималась домашним хозяйством и, кроме заботы о муже и детях, обрабатывала 30 соток домашнего огорода. Мы помогали ей по мере сил. Нас было четверо деток: я, **Пинхас** (24 июля 1925), названный в честь деда, маминого отца Пини, сестра **Хува** (Ева) (1927), названная в честь бабушки, братик **Меир** (Марик) (1933), жил с нами неженатый старший брат **Хайкель** (Ефим) (1921) от первой жены отца, умершей при родах.

Дом наш, построенный на склоне, был со стороны дороги двухэтажным, а сзади – одноэтажным. Отец сложил большую печь на первом этаже, и на Песах там пекли мацу для всего еврейского местечка. У отца было разрешение от советской власти на выпечку мацы для продажи, и он использовал взятую в аренду машину для изготовления мацы.

Дома мы разговаривали на идише, вне дома на украинском языке, знали и русский язык. Жившие вокруг нас украинцы тоже знали идиш, и мы говорили на трёх языках. До войны я успел окончить неполную среднюю школу.

Начало войны и оккупация.

Война разрушила нашу мирную жизнь в Шаргороде. Брат **Ефим** был сразу же мобилизован на фронт, и его увезли. **Шаргород** сильно бомбили, потому что рядом с ним был аэродром у Сосновки, и немецкие лётчики сбрасывали бомбы куда попало, когда их пытались сбить. Наш дом уцелел.

Мы боялись немцев и всей семьёй пытались эвакуироваться, бежать пешком, но всюду наступали немцы. Мы увидели, что дальше не пройдём, и вернулись обратно в Шаргород. Украинцы никуда не уходили, жили обычной жизнью. Когда мы вернулись, дом был разграблен, стоял пустой. Наши добрые соседи и знакомые подождали, пока мы уйдём, и забрали всё: вынули и унесли даже окна и двери. Папа отремонтировал одну комнату, и мы в ней находились.

У нас в Шаргороде жил обрусевший немец **Юлиус**, до войны работал много лет механиком мельницы. Когда в **июле 1941** года в Шаргороде появились немецкие каратели, Юлиус вышел к ним и на вопрос «Есть коммунисты и комиссары?» ответил на прекрасном немецком языке: «Нет, здесь живут только рабочие люди», и они ушли, никого не тронули. Благодаря ему многие евреи остались тогда живы.

В Шаргородском гетто.

В **Шаргород** вошли румынские оккупанты. Мы всей семьёй оказались в Шаргородском гетто. Постепенно гетто наполнялось евреями, пригнанными из Румынии, Буковины, Бессарабии. Их приводили большими колоннами и селили по еврейским домам тысячами людей. Была очень большая скученность. Выходить из

гетто евреям было запрещено, кроме тех, кого уводили румыны. Гетто не было огорожено, поэтому украинцы свободно приходили к нам. Они нуждались в работе портных, сапожников, кузнецов и рассчитывались продуктами. У папы тоже были заказчики, и это нас спасало от голода. От голода и тифа умирали многие люди. Топить печи было нечем, вокруг грязь. И евреи, и украинцы заказывали гробы, и их делал папа. У нас на чердаке остался запас досок, который не успели разграбить.

Сразу начали забирать на работу мужчин, женщин. Мне шёл тогда семнадцатый год, и меня брали всюду. Каждое утро бригады, группы отправлялись на принудительный труд на поля и вечером возвращались в гетто. Нормы были большими, так что люди выбивались из сил. Например, надо было собрать 20 больших ящиков помидоров, т. е. около полутонны овощей, и принести на весы. Руководили работами в «колхозе» румыны в гражданской одежде. За работу не платили, давали только пить, но можно было, рискуя, принести с поля картофель, свёклу. Ели мы в основном овощи с нашего огорода.

Мы продолжали жить в своём разбитом доме. Мама занималась семьёй, младшими детьми. К нам поселили две семьи евреев, депортированных из Буковины: семью из **Сучавы** и семью из **Кымпу-Лунг**. Их обобрали в пути до нитки. Они были несчастными.

У нас дома был холодильник, и папа, зная, какие идут времена, наварил в холодильнике второе дно и спрятал туда наше наследственное добро: золотые вещи, монеты, золотые палочки. Он хорошо заплатил одному человеку в румынской администрации, чтобы нашу семью не трогали. А тот еврей, который наваривал потайное дно, через какое-то время подсказал румынам: «Проверьте у этого в холодильнике». Пришли с обыском и реквизировали наш холодильник, а взамен выдали другой – новый. Так мы остались нищими, и нечем было откупиться при крайнем случае.

Руководителем еврейской общины Шаргородского гетто был доктор **Тайх** из румынских евреев. Он получал приказы от румын и немцев об отправке на работу людей. При еврейской общине была еврейская полиция. Именно она собирала людей на работу. Еврейские полицаи тоже носили повязки, как у украинских полицаев, но никаких прав у них не было. Община организовала в одном из домов больницу, но там не было никаких лекарств, только изолятор. Болели тифом я и сестра. Единственным лечением были у нас холодные компрессы. Умершими занималась похоронная бригада «*Хевра кадиша*» (*ивр.* «Святое братство»). У кого не было денег, сам копал могилу и хоронил родных, но братских могил не было. Особенно тяжело было хоронить в мёрзлой земле зимой.

В районе Шаргорода был яр. В одну из ночей румыны вместе с украинскими полицаями, идя от хаты к хате с облавой, собрали около 30 человек из гетто, пригнали к яру и расстреляли их. Я был среди них. Так случилось, что возле меня стоял мясник, очень массивный, полный мужчина. Румын дал автоматную очередь, и убитый мясник втянул меня в яму раньше, чем пули достигли моего тела. В яме я лежал под телом мясника, весь окровавленный, но не задетый пулями. Ночью я снял с себя одежду, выбрал сухую и ушёл домой в гетто. Ночных облав мы боялись, но спрятаться было негде.

В трудовом лагере.

В **1942** году за мной пришли румынские жандармы, приказали собрать вещи, и меня в 17 лет забрали на строительство железнодорожного моста через реку Буг. Всех молодых парней до единого увезли из Шаргородского гетто со мной. Нас доставили на товарном поезде в трудовой лагерь на станции **Трихаты** под Николаевом. Были остановки и ночлег в лагерях **Доманёвка**, **Варваровка**. В Трихатах жили в бараках – бывших коровниках. Постепенно каждый соорудил себе лежанку или нары из того, что валялось на стройке. Время от времени немецкий комендант лагеря **Тримплер** проводил обыски в поисках всего подозрительного, золота, денег. Долгие годы после войны мне хотелось его найти и отомстить за издевательства над евреями.

Нас распределили по бригадам. Бригадир-еврей из Германии получал задание и распоряжался, кто где будет работать. Его отношение к нам было терпимым. Он помогал нам, чем мог. Всё строительство велось под строгим контролем немецкой администрации.

Работа на немцев была тяжелейшая: мы носили шпалы на откос на высоту 20-30 метров. Шпала весила 45 килограммов, а я – 40. Сзади шёл немец с нагайкой из алюминиевых прутьев и подгонял нас. Как хлестнёт – в глазах темно становилось. Мы занимались также строительством складов, оград. Кормили нас так, чтобы только душа в теле держалась. Многие шаргородские ребята погибли здесь: и от избиений, и от поднятия тяжестей, и от болезней. Я был молодой, крепкий и справлялся, а те, кто были слабее – умирали.

Пробыл я в лагере до **1944** года. Однажды, когда нас выводили на работу, началась бомбёжка, и я был ранен в обе ноги. Меня взяли в лагерную «больницу», чем-то помогли, но, кроме йода, у них ничего не было. В дополнение здесь я заразился и тяжело переболел желтухой.

У меня был такой характер, что я очень хотел и старался выжить.

Освобождение.

Когда наши войска вошли в Трихаты, я двигался на костылях. Вернулся попутным транспортом в **Шаргород**, который к тому времени был уже освобождён от оккупантов. Пришёл домой, встретился с родными. Все соседи сбежались, и каждый спрашивал: «Не видел ли ты моего сына… мужа… брата?» Их мальчики и мужчины гибли на моих глазах…

Пинхас Рейфман с сестрой Евой. Май 1944 г. Жмеринка.

Послевоенная жизнь.

Старший брат **Ефим Рейфман** погиб на фронте. Мы получили после войны извещение из армии, что он пропал без вести. Сестра **Ева** работала в Шаргородском военкомате на офицерской должности. Брат **Меир** служил в Советской армии в морской пехоте. Был в части единственным евреем. Кто-то столкнул его в бункер, и он скатился со ста железных ступеней. Его комиссовали инвалидом первой группы. Жил с нами в Шаргороде. Папа **Аврум** умер в возрасте 47 лет в **1947** году. Мама **Хайка** прожила 76 лет.

Я окончил строительный техникум в **Браилове** и был направлен в Черновцы строить завод союзного значения, выпускавший буровые установки и моторы для них. Работал техником-строителем, производителем работ. Женился в **Черновцах** в **1950** году на девушке **Фане** (1931), студентке факультета металлофизики. По окончании вуза жена работала учителем физики и математики в старших классах. Родился сын **Борис**.

Семья Пинхаса Рейфмана. Стоят: (справа налево) Пинхас с женой Фаней, брат Меир, муж сестры Евы; сидят: мама Хая и сестра Ева с сыном Сашей. Конец 1950-х гг. Черновцы.

Вызов в Израиль мы получили в 1970 году. Тут же я получил встречный вызов к начальнику КГБ. Он мне тогда заявил: «Если ты не заберёшь документы на выезд, то я посажу тебя в тюрьму, жену уволят из школы, сына исключат из института». В то время я строил военные объекты и оказался «невыездным» на 20 лет.

<u>В Израиле.</u>

Мы с Фаней приехали в Израиль в **1991** году, когда развалился Советский Союз. Жена перенесла инсульт и умерла 26 февраля **2008** года. Мы прожили в любви почти 60 лет.

Сын **Борис** – преподаватель математики. У меня внучка-красавица, прошла службу в Армии обороны Израиля, заканчивает учёбу в Бар-Иланском университете по специальности психотерапия.

В **2010** году я отметил своё 85-летие. С 1944 года и до сих пор не могу лежать на поражённом инфекцией правом боку – только на левом и на спине из-за перенесённого в лагере гепатита.

Главным виновником Катастрофы еврейского народа я считаю фашизм.

89.

Цукерман Соня
*(пос. **Шаргород**)*

МЫ БЫЛИ В СПИСКАХ НА УНИЧТОЖЕНИЕ

Довоенная жизнь.

Мои родители: мать **Песя** (Поля) **Ароновна** (1914) из Шаргорода и отец **Пинхас** (Пиня, Пётр) **Хаимович Байдер** (1915) из Джурина поженились в феврале **1937** года. Мы, двое их детей: брат **Изя** (январь 1938) и я, **Соня Петровна** (16 сентября 1939), родились в посёлке **Шаргород** Винницкой области.

Перед войной отец работал в селе **Монастырищи** заведующим молочным пунктом по приёму молочного сырья, и мы жили в его служебной квартире. Говорили мы в семье на еврейском языке и по-украински.

Начало войны и оккупация.

В самом начале войны отца Пиню мобилизовали на фронт. В Монастырищах он нанял повозку, и мы поехали в **Джурин** Шаргородского р-на, где папа попрощался с матерью, двумя сёстрами и братом. Затем он отвёз нас в **Шаргород**, к маминым родителям, и отправился на войну.

Семья Байдер: (справа налево) мама Поля, папа Пинхас с Соней на руках, брат Изя, подруга семьи. 20 апр. 1940 г.

Мать осталась с двумя детьми на руках и была на последнем месяце беременности. Мы жили в центре местечка на улице Розы Люксембург у дедушки **Арона Ицковича Ланда** и бабушки **Ривы Генриховны**. Они отдали нам одну из двух своих комнат. Дедушка был в своё время состоятельным торговцем кож для обуви, имел сбережения. Отношения мамы с её отцом были не простыми: он не мог простить дочери, что она против его воли вышла замуж за простого труженика, а не за богатого еврея. Мама

сделала попытку уйти с нами в соседнюю деревню **Бараболевку**. Мы вышли в поле, осталось перейти через мост, и тут мы увидели, что к Шаргороду приближаются немецкие войска. Бежать было некуда. Нас спрятала у себя еврейская семья из крайнего дома у поля. Все вместе мы сидели в их подвале, не зная, что будет.

22 июля 1941 года немцы въехали в **Шаргород**, и началось убийство евреев. При погроме они убили нашу соседку **Рухл** (Раю) **Штекель** (1886), жену портного **Залмана**. Накануне он предложил жене уйти всей семьёй в село к знакомым украинцам, и она наотрез отказалась. Её муж и дети: **Ева** и **Срул** – избежали смерти только потому, что в ту ночь их спрятали крестьяне из Бараболевки. Когда наступило затишье, они вернулись в свой дом и обнаружили мёртвую Рухл. Мама с нами в эти дни пряталась в дедушкином подвале.

Волей природы **30 июля 1941** года мама родила девочку. Она хотела назвать её **Олей** в память о своей умершей от голода при Советах младшей сестре **Ольге** (прим. 1918-1935). Портной Штекель попросил маму дать новорождённой имя его погибшей жены, и мою сестру назвали **Рая**. Опасаясь следующего погрома, мы продолжали прятаться от немцев в подвале. Младенцу Рае рукой закрывали рот, чтобы не было слышно её плача. Волей-неволей из подвала пришлось подняться в дом.

В доме было пусто, и немцы, которые вошли однажды в наш дом поживиться, унесли только патефон без пластинок. В другой раз к нам заявился немец, вероятно, в поисках женщины для развлечения. Он остановился в удивлении, увидев маму с младенцем на руках и двумя голодными детьми возле неё. Спросил: «Где твой муж?» Мама показала указательным пальцем на немца и ответила: «Там же, где и ты, – на фронте». Вооружённый оккупант вдруг призадумался, махнул рукой и ушёл.

<u>В Шаргородском гетто.</u>

Шаргород был передан немцами румынам, и они организовали гетто. Сюда пригнали множество евреев из Буковины, Бессарабии, Румынии. Хотя оно не было огорожено, выходить запрещалось под страхом наказания. Мы продолжали жить в дедушкином доме, входившем в черту Шаргородского гетто. Пригнанных евреев подселяли в дома к местным евреям. К нам поселили женщину из Хотина. **Зимой 1941-42** годов в Шаргородском гетто вспыхнула эпидемия тифа. Она коснулась из всей семьи только меня и брата, мы переболели тифом после того, как нам среди других детей сделали какие-то прививки. Мама рассказывала, что этой зимой много людей умерло от тифа из-за большой скученности в гетто. Помню, что мама в гетто сама варила мыло.

Оккупантами были составлены списки евреев на уничтожение. О том, что наша семья Байдер значится в этих списках, мы узнали от жившего наискосок от нашего дома шойхета **Шломо**, уважаемого религиозного честного человека. Он по-соседски знал дедушкину семью и маму с её раннего детства. Очевидно, Шломо входил в еврейский комитет гетто и увидел нашу фамилию в списках. Он пришёл к маме и сказал, что за взятку румынам можно будет вычеркнуть нас оттуда. Маме удалось откупить нас карманными золотыми часами, которые оставил ей наш папа.

Помню голод и страх, который проник в меня от необходимости прятаться в темноте подвала, сидеть бесшумно. Мы, дети, постоянно находились с мамой и бабушкой. От еврейской общины получали какую-то похлёбку. Для меня лакомством был кусочек макухи (прессованный жмых), который можно было жевать часами.

Время от времени дедушка с бабушкой уходили в соседнюю деревню **Бараболевку** и прятались у знакомых украинцев, а мама оставалась с нами, тремя детьми. Бабушка нас очень любила и жалела, давала нам от себя, что могла. Обе эти женщины неизвестно откуда находили силы, чтобы раздобыть для троих детей пищу. Я не видела, чтобы мама ела, она всё делила на три равные части: Изе, мне и Рае.

Изя и я ходили с мамой на работу в поле: нанизывание листьев табака на шпагат и другие. Рая оставалась с бабушкой. Мы помогали маме, как могли: дёргали у крестьян с огородов мёрзлую кормовую свёклу. Хозяева иногда замечали, но за нами не гнались, отпугивали малышей криком. Мама варила её, и мы ели.

После освобождения.

20 марта 1944 года советские войска освободили **Шаргород**. Мне было к этому времени четыре с половиной года. Нас из благодарности позвал жить к себе одинокий сосед Штекель. Мама, чтобы прокормить троих детей, продавала на базаре купленный ею в Виннице сахар, носила на себе мешки, была продавцом газированной воды. Это подорвало её здоровье, но она продолжала работать ради нас. Нам много помогала бабушка **Рива** (ум. в 1958).

Послевоенная жизнь.

После окончания войны через Шаргород проезжали машины с солдатами, возвращавшимися домой. Я с другими детьми стояла у обочины, мы ждали своих пап. Солдаты бросали нам в подарок карандаши. Отец **Пиня Хаимович Байдер** с войны не вернулся. Мы получили извещение, что он пропал без вести на фронте в **марте 1944** года. В Джурине после пребывания в гетто остались живы его мать, брат **Мойша**, сёстры **Маня** и замужняя **Соня** Рождов. В Шаргороде на памятнике советским воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, открытом в 1949 году, имя отца не значится.

Мама сняла комнату, и мы стали жить отдельно. В **1947** году я пошла в Шаргородскую украинскую школу. По окончании 10 классов два года училась в Новоселицком медицинском училище, вышла замуж в **1959** году, и мы с мужем **Абрамом** (Борисом) Самойловичем **Цукерманом** (1922) уехали в Молдавию, в райцентр **Глодяны**, где муж работал главным бухгалтером, а я – медсестрой в районной поликлинике. У нас родился сын **Роман** (1961). Через несколько лет мы переехали в **Черновцы**, где оба работали по специальности. Мама тоже приехала в Черновцы и жила у сестры Раи.

В Израиле.

В **1973** году сестра **Рая** с семьёй и нашей мамой эмигрировала в Израиль. Рая работала на военном заводе, сейчас живёт в гор. **Нес-Циона**: у неё две дочери и семь внуков.

В **1975** году я с мужем и сыном приехала в Израиль, жили близ гор. Нетания в рыбацком посёлке, а затем переехали в Ришон ле-Цион к сестре и маме. Я на-

чала работать медсестрой в глазном отделении Реховотской больницы «Каплан» и проработала 25 лет. Приходилось иногда дежурить по 2-3 смены подряд. Муж работал в Тель-Авиве бухгалтером в авиапромышленности. Получили квартиру в гор. **Реховоте** по своему выбору и с **1977** года живём здесь. Мой муж **Борис** умер в декабре **2000** года. Мама **Песя** (Поля) ушла из жизни в марте **2008** года. Сын **Рома** работает после окончания Тель-Авивского университета инженером по электронике в крупной телефонной компании, моя невестка – врач. Моя внучка после армии учится в Иерусалимском университете, внук сейчас служит в Армии обороны Израиля, младший внук учится в школе. Брат **Изя** с семьёй репатриировался в **1990** году, живёт в **Ашдоде**. У него дочка, внук и внучка.

По сегодняшний день просыпаюсь часто в ужасе – снится, что убегаю от немцев.

90.

Шнайдер Клара
*(пос. **Шаргород**)*

В ШАРГОРОДСКОМ ГЕТТО Я ОСИРОТЕЛА

<u>Довоенная жизнь.</u>

До 1940 года наша семья жила в гор. **Яссы** в Румынии. Здесь родились моя мама, сёстра и я, оба брата, а папа **Зигфрид Шулимович Пруч** (1904) был родом из Черновиц. Его отец и мать умерли, и трое детей остались сиротами. В 15 лет папа пошёл работать, чтобы прокормить младших: сестричку и братика. Мои родители поженились в **1928** году, оба были очень красивые люди. Наш собственный домик: две комнаты и кухня – находился на улице Арап, 24. В одной комнатке жили родители, в другой – дети. Отец работал у хозяина пекарни пекарем, и хлеб у нас имелся всегда, но достаток семьи был очень скромным. Мама **Пруч** (девичья фамилия Хаймович) **Фани Боруховна** (1903) после рождения детей стала домохозяйкой.

Мама Фаня Пруч. 1929 г. Яссы.

Папа Зигфрид Пруч. Довоенный снимок. Яссы.

Через два года после замужества родился первый ребёнок **Нети** (1930), блондинка с голубыми глазами. Я, **Клара**, родилась **21 января 1932** года. Меня назвали **Хая-Рейзл**, а дома меня звали Кларуца, Розика. Мы с Нети нянчили братьев **Натана** (1938) и **Бураха** (1940). Наша семья была нерелигиозной, но я помню, что мама и папа ходили в синагогу недалеко от дома. Дома мы разговаривали на идише и немного по-румынски. Все наши соседи были евреями, и с другими мы не общались. В Яссах я окончила первый класс румынской школы.

Летом **1938** года папа перевёз всю семью в Советский Союз, в гор. **Черновицы**, где мы и жили до июня 1941 года.

Начало войны и оккупация.

Папа **Зигфрид** в первые дни войны был мобилизован на фронт.

Уже в **июле 1941** года в **Черновицы** вошли румыны и начали бушевать, а потом и немцы. Помню, немцы ходили по улице и пели, кричали: «Вир абн кайнэ юдн мер» (*нем.* У нас нет больше евреев). Всех евреев выгнали из их домов, нам не дали времени взять с собой одежду, еду и погнали на главную улицу еврейского района Синагогенгассе. Здесь была большая синагога, и в ней нас закрыли. Было приказано взрослым нашить на одежду жёлтую шестиконечную звезду. Через какое-то время пришли немцы с собаками и выгнали всех из синагоги. Родного папиного брата дядю **Шлоймэ Пруча** лет тридцати трёх немцы повесили. Он жил до войны на улице Штернгассе. Нас всех построили, и мы очень много времени шли. Помню, что колонна была бесконечно длинной, и нас конвоировали только немцы с собаками. Они шли рядом с обеих сторон колонны. Тех, кто не мог идти, пристреливали. Мама держала на руках Бураха, а мы, трое детей, шли рядом. Нашу колонну переправили через реку Днестр на Украину на небольших лодках, в которые загоняли много людей. Часть из них падала в реку и тонула, никто их не спасал.

Мы пришли в гор. **Могилёв-Подольский**. Несколько месяцев нас держали закрытыми в каком-то большом здании, по-моему, это была школа. Кроме черновицких евреев здесь были евреи из Румынии и разных городов. Потом на грузовой машине часть людей, среди которых были мы, отвезли в местечко **Шаргород** Винницкой области.

В Шаргородском гетто.

В **Шаргороде** нас поместили сначала в свинарники. С левой стороны были свиньи, а с правой – мы на соломе, по которой бегали крысы. Через несколько дней отвели в **Шаргородское гетто**. Здесь мы жили в помещении синагоги с вырванными оконными рамами и дверями. Я видела пустые шкафы, где должна храниться *Тора*. Кроме нас в синагоге было множество людей. Мы лежали на полу, присыпанном соломой, у нашей семьи имелось одно одеяло на всех пятерых. Было очень холодно, через проёмы дверей и окон к нам попадал снег, и некуда было от него деться. Помню, когда мама ещё могла ходить, она ходила по домам в гетто просить еду для нас и приносила горячую картошку.

Осенью **1941** года мы с мамой стояли на улице, и проходивший немец хлестнул маму плёткой. Мама прижала меня моей спиной к себе, обхватила руками, чтобы защитить. Немец продолжал хлестать нас обеих по головам, и мне досталось

плёткой по лицу, по глазу. Глаз перестал видеть сразу. Я мучилась с этим все годы, стала инвалидом с незрячим левым глазом, он болел, опухал, слезился. И пожаловаться мне, ребёнку, было тогда некому – в начале **1942** года в Шаргородском гетто началась череда смертей моих родных.

В **январе 1942** года умер маленький брат **Бурах** в 1 год и 8 месяцев. Через две-три недели умер мой пятилетний брат **Натан**. Он лежал в синагоге на снегу. Множество людей умерло в синагоге от холода и голода той зимой. Они так и лежали замёрзшие, пока приходили их забрать. Никто нас не охранял, всё было открыто нараспашку. Оккупанты просто ждали, когда все евреи умрут. В **феврале 1942** года моя мама **Фани** заболела и умерла из-за того, что немец на улице ударил её лопатой в бок. Она вернулась, истекая кровью, не могла говорить. Никакой медицинской помощи не было. Помню, что мама уже была мёртвой, а я лежала с ней под одним одеялом на полу. После мамы умерла от голода моя тринадцатилетняя сестричка **Нети**.

Я осталась в этой синагоге одна в 10 лет, была нездорова. Никого из родственников не было. Вокруг гетто был забор из проволоки, но в ворота можно было выйти. Со знакомой женщиной мы ходили в ближнее село **Пасынки** просить милостыню: кто подавал, кто нет. Из собранной еды женщина немного давала мне, остальное брала себе. Затем я уже знала местность и два раза летом **1942** года ходила в это село сама. Расстояние не близкое: шесть километров в один конец. Это было опасно для жизни, я, конечно, очень боялась. Опасность исходила от немцев, румын, украинских полицаев и сельских детей. Украинские мальчики пасли коров вдоль дороги. Однажды пять пастушков 12-13 лет поймали меня и долго били прутьями и руками. По-моему, они даже ничего не говорили. Они меня искалечили, до того злобно лупили по всему телу. Я сильно кричала и убежала от них. После долго не могла подняться, лежала. И всё равно я продолжала ходить, как могла, потому что надо было есть.

Однажды я пришла к украинской женщине, которая приняла меня зимой, отогрела на печной лежанке, накормила, дала одежду, подарила валенки. Я часто приходила к ней. Случилось, что у неё пропала иголка для шитья. Она подумала, что я украла иглу, и больше в дом не пускала. Я перестала к ней ходить.

Во время хождений от хаты к хате я подходила к оградке и оттуда просила о помощи. В один из дней я, как обычно, подошла к перекладине и позвала: «Хозяйка, хозяйка!» Вышла хозяйка, увидела, кто я, и, не говоря ни слова, отвязала большую чёрную собаку и выпустила её со двора на меня. Собака меня перепугала, искусала. Я так сильно кричала от страха, что выбежала хозяйка из соседнего двора и отогнала от меня собаку. Она меня просто спасла: привела к себе, дала кусок хлеба, а потом проводила до дороги и показала, куда идти.

Спасение.

В **1944 году** Международный Красный Крест, по-моему, собрал в Шаргородском гетто детишек, которые остались в живых, для отправки в Румынию. Нас привезли сначала в **Могилёв-Подольский**. Здесь всех раздели, наши тряпки и

лохмотья – одежду в гетто – забрали на дезинфекцию, выкупали в бане, в баню впустили вместе девочек и мальчиков от 6 до 18 лет. Всех остригли наголо. Нас привезли в маленький румынский город **Фокшаны** и раздали по еврейским семьям. Несколько месяцев я жила в очень хорошей семье, а затем нас собрали и перевезли в город **Бузэу**. Война продолжалась где-то близко, и все дети жили вместе в каком-то здании. Когда город бомбили, мы выбегали и прятались в траншее возле здания.

Весной **1945** года нас переправили в гор. **Яссы**, где я родилась. Местом для жилья стал бывший дом престарелых. Помню, наш приезд совпал с праздником *Пурим*. Здесь нас переодели, накормили, мы ели *оменташен* (еврейское треугольное печенье, которое пекут на Пурим) и радовались празднику. Через несколько месяцев мы переехали в **Бухарест**. Здесь нас разделили по группам и по общежитиям. Одну группу в 1945 году отправили в тогдашнюю Палестину, в ней были две мои двоюродные сестры **Хая** и **Сара Хаймович**, дочери маминого брата Фишла: одна жила в Беэр-Шеве, другая в Хайфе. Старшую группу, девушек 18-20 лет, отправили на работу в Донбасс. Я постоянно думала об отце, надеялась, что он жив и найдёт меня. Поэтому я отказалась ехать в Палестину и с младшей группой уехала в гор. Одессу.

Послевоенная жизнь.

С конца **1945** года я находилась в **Одессе** в спецдетдоме № 2 на Десятой станции. Здесь я сказала, что я **Клара** Пруч. Воспитатели заметили, что моё зрение не в порядке, и заведующая Нина Ивановна отвезла меня к знаменитому одесскому доктору Филатову. Он сказал, что ничего нельзя трогать, иначе ослепнет и второй глаз. В детдом пришло письмо от папы, что он приедет через два дня забрать меня. Когда папа в военной форме приехал, я его, конечно, не узнала, но он меня сразу узнал. Папа привёз чемодан конфет для всех детей. Он рассказал, что воевал, был ранен, лежал в госпитале целый год. Разыскивая меня, папа написал письмо в Москву и получил ответ, что девочка Пруч Хая находится в Одессе, и адрес. Мы уехали домой в **Черновцы**.

У папы была другая жена, и я жила с ними в доме мачехи. До 1946 года я не знала русского языка и начала учить его, пошла работать на Черновицкую 1-ю швейную фабрику и там окончила профтехшколу. На фабрике я скрыла, что не вижу одним глазом, и проработала 28 лет контролёром качества. В моей больничной карте была запись о моём зрении, но никто с фабрики этим не интересовался. Все годы, начиная с 1941-го, у меня не было радости в жизни. Я часто вспоминала моих погибших маму, сестру и братьев и плакала. У меня и сегодня перед глазами картина замёрзших моих родных, и я всё время пла́чу.

В **1957** году я вышла замуж за **Александра Шнайдера** (1937), бывшего малолетнего узника гетто в Могилёве-Подольском. Жили мы у родителей мужа, они меня очень любили и жалели. Мать мужа Любу я звала мамой, его папу – отцом. Муж работал мастером на фабрике головных уборов. В 1964 году купили однокомнатную квартиру. Тем временем слепота с незрячего глаза начала переходить на правый глаз.

В Израиле.

Мой папа **Зигфрид** уехал в Израиль в **1973** году, когда шла война Судного дня, и прожил пять лет на земле, о которой мечтал. Я всегда говорила, что я родилась еврейкой и среди евреев хочу жить. Это была моя мечта. Мы с мужем прибыли в Израиль в **1979** году сразу в гор. **Реховот**. Работать я не могла из-за слепоты. Первые два года по закону ни я, ни муж не получали пособия по инвалидности, а затем начали получать 782 шекеля в месяц. Муж работал на сборе апельсинов и контроле томатов. Живём в неплохой квартире от государства. Я довольна жизнью в Израиле.

91.

Прокупец Лиза

*(с. **Яланец** Бершадск. р-на)*

МОЯ РАСТЕРЗАННАЯ ЮНОСТЬ

Довоенная жизнь.

Я, **Прокупец Лея** (Лиза), родилась **2 декабря 1923** года в местечке **Бричаны** Хотинского уезда (до 1940 г. – Румыния). Мой отец **Рувин Иосифович Юффа** (1892) был по профессии фармацевтом и заведовал аптечным складом румынско-немецкой компании. Образование он получил в итальянском городе Триесте и владел немецким и итальянским языками. Мать **Сима Иосифовна** (1884) занималась домашним хозяйством. Жили мы у моей бабушки-вдовы, маминой мамы **Песи Койфман**, которой принадлежал дом из 5 комнат и двух кухонь. При доме был большой сад, выращенный самой бабушкой с детьми. Бабушка, несмотря на солидный возраст, была большой труженицей и занималась переработкой шерсти на специальной машине. Мы разговаривали в семье на румынском языке и на идише. Родители и я соблюдали еврейские традиции, отмечали еврейские праздники под руководством религиозной бабушки. В Бричанах проживало 10-11 тысяч евреев, занимавших центральные улицы, жили также украинцы, молдаване. Среди евреев было много образованных людей, работала еврейская библиотека, которой заведовал мой двоюродный брат **Абрам** Юффа. На улицах слышался в основном идиш. В городок приезжали на гастроли еврейские певицы, театры, действовали сионистские организации. Отношения между жителями разных национальностей были до войны хорошие. В Бричанах действовало много синагог, в одну из них, довольно далёкую от дома, ходили бабушка и родители. У отца и матери были братья и сёстры, которые проживали в Бричанах и в соседних посёлках.

Первые четыре года я училась в Бричанской румынской гимназии «Доктор Роза Пинхас», а затем в гор. Черновицы окончила лицей «Кармен Сильва» в **1940** году. Я мечтала в будущем стать врачом, учила в лицее в течение шести лет латынь, французский, немецкий языки. Многие мои одноклассники погибли в годы Холокоста. На сегодняшний день из нашего лицейского класса живы я и моя подруга – профессор Тель-Авивского университета.

Лиза Юффа с отцом Рувином Иосифовичем до войны. Черновицы.

Когда осенью **1939** года началась война Гитлера в Европе, до нас стали доходить слухи о том, что происходит с евреями, но мы не верили им, не могли представить, что такое возможно. Не чувствовалось приближения какой-то опасности.

С приходом в Молдавию в июне **1940** года Красной армии и советской власти наш дом национализировали, проще говоря, отобрали. У других отняли магазины, лавки, мастерские. У отца не стало работы, и он уезжал работать в другие места. Много зажиточных евреев было выслано в Сибирь с конфискацией имущества. В том же году я поступила на учительские курсы, где изучала русский язык, и начала работать в Бричанской школе №2 библиотекарем.

<u>Начало войны и оккупация.</u>

Когда началась война, советские работники собрали нас на площадь и на городском митинге объявили, что Красная армия затопчет фашистского врага сапогами. Но, к сожалению, получилось наоборот.

В первые дни войны отец **Рувин** находился по работе в районе города **Хотина**. При попытке переправиться через реку Днестр его убили румынские фашисты, и тело было брошено в реку. Об этом мы с мамой узнали намного позже от одного из земляков-очевидцев этой трагедии, которому удалось выжить.

После немецкой бомбёжки Липкан жившие там родственники бежали к нам, в Бричаны. Бабушка приняла всех: и своих, и чужих беженцев. Оккупация застала меня с мамой Симой и бабушкой Песей в **Бричанах**. Ночью, в сильнейший дождь, в наш городок вошли румынские войска, и наутро, по-моему, **3 июля 1941** года, начался еврейский погром. Евреев выгнали из домов, насиловали девушек, убивали людей. Соседи-липоване, с которыми мы прекрасно жили все годы, которые ходили к нам в гости на наши праздники, а мы к ним, именно они нас громили: разграбили дома, отобрали все пожитки у нас на глазах. Выгоняли нас местные юноши-допризывники. Кто из людей успел что-то взять, кто нет. Я надела одно платье на другое. Мы смогли взять вещевой мешок с одеждой, обувью и едой. Мешок несла я, и он сразу натёр мне плечи до крови.

Нас погнали колонной около тысячи человек под конвоем румынских жандармов в сторону Украины. В колонне были мама и я, бабушка Песя, с нами шли мамины сёстры тётя **Аделя**, тётя **Роза** с мужем **Исааком Волошко** и тремя детьми: **Кларой**, **Аделей** и маленьким **Мотэлэ**. В пути мы испытали издевательства,

мучения, унижения, обессилевших расстреливали. Дорога казалась бесконечной. Спали мы на дорогах. В пути нельзя было приближаться к колодцам. Первой остановкой было село **Козлов** возле озера или реки. Нам не разрешили пить. Так нас убивали жаждой. Иногда крестьянам удавалось передать нам воду, но в большинстве мест мы просили пить, и жители нам не давали. Могли вынести кружку воды за золотое колечко. Сегодня некоторые говорят, что мы шли, как овцы, не сопротивляясь. Как мы могли сопротивляться, когда большинство местного населения было за власть Гитлера? С его разрешения они нас грабили и обогащались еврейским имуществом. Куда, к кому мы могли убежать из колонны? Несколько раз жандармы устраивали обыски людей, отбирая последнее, что у них было из ценностей и вещей. Они нас попросту грабили.

Наша одежда превратилась в лохмотья. Я встретила в колонне соученика Борю Гольдберга, и он, и я были почти голые, и мы не стыдились, настолько было страшное положение. Одна женщина пошла принести солому, чтобы её ребёнку было теплее, и её убили. Её дети подошли к румыну и просили убить их тоже, раз нет мамы. Их с нами погнали дальше без остановок через много селений. Люди падали и умирали. Первым умер старик, который нёс не вещи, а святые еврейские книги. Бабушка Песя не могла долго ходить, и её дочь Аделя, очень крепкая женщина, часами несла её на плечах и так носила, когда надо, все годы до освобождения.

Навсегда запомнилась остановка в молдавском селе **Вертюжаны**. Там находился огромный лагерь за колючей проволокой, где были собраны евреи из очень многих местечек. Нас поместили в пустые дома местных евреев. Нам повезло, что за домами в огородах мы находили не убранную ими картошку, виноград. Я с сестрой Кларой неосторожно приблизилась к забору, и нас обеих схватили и посадили в курятник. Нас не били, но выпустили только ночью. Вспоминаю самый страшный день в Вертюжанах. Именно в *Йом Киппур* **1941** года нам велели носить камни на гору и с горы целый день под ударами жандармских прикладов. Били за то, что взял большой камень, и за то, что взял маленький камень. Моя мама получила особенно сильный удар. Через десятки лет, будучи при смерти, мама сказала мне: «У меня болит то место, куда меня ударил румынский жандарм». Вечером нас отпустили, и наш *хазан* **Зальцман**, возле которого мы собрались, тихо пел над нами молитвы, от которых мы все плакали, и становилось немного легче. В этом лагере умирали ежедневно до 400 человек, а полковник, который был начальником лагеря, сказал, что умирает очень мало людей. Мы пробыли в Вертюжанах до середины осени.

Нас опять построили в колонну и повели. Шли люди из Бричан, Липкан, Единец, Новоселицы, многих бессарабских местечек. Привели в страшное место – **Косоуцкий лес** (Сорокский р-н Молдавии). В лесу было очень холодно, дул ледяной осенний ветер, нас продержали здесь один день и одну ночь. В Косоуцком лесу в октябре **1941** года был расстрелян румынскими фашистами мой двоюродный брат, сын папиного брата Лейбеша **Абрам** (Бума) **Лейбович Юффа** (1915).

Мы перешли Днестр в районе гор. **Ямполя**. Некоторые люди, не выдерживая холода и голода, мучений, кончали самоубийством: бросались в Днестр и тонули.

На украинской стороне нас привели в гор. **Могилёв-Подольский**. Там эсэсовцы построили нас, как им надо было, приказали стоять по стойке «смирно» и около получаса снимали всех киноаппаратом, потом повели обратно. Помню, что при выходе из города нас догнала русская аптекарша и стала передавать людям медикаменты в упаковках. Она сказала при этом: «Пусть они вам послужат, чем достанутся немцам». Шли бесконечно долго, многие уже были босиком, все голодали. Много людей умерло. Прошли **Пятковку**, **Бершадь**. Нас привели в с. **Тростянец** Винницкой области, где мы пробыли некоторое время. В Тростянецком гетто в сентябре **1941** года умер от дизентерии сын маминой сестры **Розы** четырёхлетний **Мотл Исаакович Волошко** (1937).

В лагере и в гетто.

Конечным нашим пунктом стал еврейский лагерь в с. **Яланéц** Бершадского р-на Винницкой области. Мы пришли сюда в начале **зимы 1941** года. В селе хозяйничали румыны и местные полицаи.

Нас поместили на территории колхоза им. Чкалова в свинарник с выбитыми окнами, солома на полу кишела вшами от свиней, по помещению бегали крысы. В холодные зимы 1941 и 1942 годов я спала на земле и, просыпаясь утром, была покрыта слоем снега 15-20 сантиметров. Председатель колхоза Кушнир сказал нам: «Вас послали сюда на уничтожение», – и не давал взять даже соломы постелить в свинарне на землю. По ночам румыны делали внезапные обыски, отбирали хорошие вещи и ценности. Из лагеря-свинарника нам было запрещено уходить под угрозой расстрела. Мы голодали. Ели похлёбку из бурьяна: ставили два кирпича, на них консервную банку, разводили небольшой огонь и варили. К колодцу нас не подпускали, но тогда уже шёл снег, мы его нагревали и пили талую воду. Навсегда запомню добрых людей – жителей Яланца. Поздно ночью они приносили ведро горячих щей или супа, чтобы мы не умерли с голоду, и каждому давали по чашечке еды.

Я была окутана вшами, и спасения от них не было. **Зимой 1941-42** гг. люди, находясь в таких нечеловеческих условиях, стали умирать от голода, холода и тифа. Мама и я отморозили пальцы ног, боль в них преследовала нас все последующие годы. В нашей семье все переболели тифом. Я тоже заболела сыпным тифом, долго держалась высокая температура. Чудом выжила, мама принесла мне две палки, потому что с отмороженными пальцами я не могла ходить, и на этих костылях я ковыляла по селу, просила подаяние у крестьян. Я радовалась выпрошенным кусочкам хлеба, которые приносила родным. Ели картофельную кожуру. Моя тётя **Аделя** собирала мелкие ценные вещички, у кого что осталось, ходила к крестьянам и приносила еду для всех.

Вспоминаю **1942** год, когда через Яланец проходили венгры – союзники немцев. Это было время страшных издевательств и убийств. Венгерские фашисты не знали жалости и расправлялись с евреями более жестоко, чем немцы и румыны. В селе Яланец располагались на отдых армейские немецкие части, работала их комендатура. Помню, что фамилия коменданта была Ескерт.

Примерно летом **1942** года нам разрешили перейти из свинарников в село, здесь мы жили в домах, и это уже было **Яланецкое гетто**. Все знали 3 приказа:

1) каждый еврей обязан носить жёлтые звёзды справа на груди и на спине, 2) выход за село карается расстрелом, 3) после 6 часов вечера нельзя находиться на улице. Мы, 8-10 человек, спали в одной комнатушке, не лучше было положение и в других домах. Летом нас гоняли на тяжёлые работы на полях колхоза. Не раз водили работать в Бершадь за 10 километров и обратно. Когда проходила военная техника, мы рыли канавы, чтобы с дороги стекала вода, носили немцам и жандармам воду из колодца полными вёдрами десятки раз. Желание выжить заставляло нас делать всё возможное для этого. Многие, потеряв силы, болели и умирали. Я нанималась к селянам на работу в их огородах, и на это уходили все силы, зато за выкопанную полностью картошку я получала плату – ведро картофеля, и мы питались этим. Чтобы выжить зимой, мы с мамой ходили убирать у немецких солдат, стирали и штопали их одежду и бельё. Солдаты давали нам еду и благодарили. Я вязала для крестьян варежки и носки, которые они обязаны были сдать для немецкой армии. Они вязать не умели, приносили материал, и за плату продуктами я, мама, двоюродная сестра и тётя вязали, пока было светло. Ночью было холодно, мы жили без освещения, не спали, лежали на полу и пели на идише и по-румынски. Иногда слушали еврейские песни, которые замечательно пел портной из Новоселицы.

Мы знали, что наша жизнь всё время под угрозой. После наступления комендантского часа немцы и румыны ходили по домам и искали молоденьких девушек. Когда однажды вечером стали бить в нашу дверь, мы, три молодые девушки, всё поняли и убежали к соседу **Воронюку Ефиму**. Этот крестьянин, у которого были два взрослых сына и один маленький, спрятал нас у себя на несколько суток, спас от насильников.

Помню, что жестоко обращались с нами **Иван**-полицай из местных и румынские жандармы **Чеплюк** и **Чеботарь**, оба из Сорок. Я, видно, приглянулась Чеботарю, он приходил и требовал, чтобы я шла убирать помещение жандармов. Спасибо тёте, которая в очередной его приход окатила меня зимой холодной водой и показала жандарму. Он увидел, что я вся мокрая и дрожу, как в лихорадке, и оставил меня в покое: побоялся, что я заразная больная. Хорошо помню, как Чеплюк Андрей бил меня прикладом винтовки в поле, и я упала в канаву, чудом оставшись жива. В **1943** году пьяный немецкий солдат, зайдя в наш дом, устроил стрельбу из автомата. Он стрелял в земляной пол, и земля буквально поднялась на дыбы. Мой дядя Лейбеш от страха сошёл с ума. Моя младшая двоюродная сестра встала перед немцем на колени, просила его уйти, целовала ему ноги, и тот убрался. Вот такое нам было дано

Погибший папин брат Лейбеш Юффа. Довоенный снимок. Бричаны.

Погибшая жена Лейбеша Хая. Довоенный снимок. Бричаны.

пережить. Вскоре дядя **Лейбеш Иосифович Юффа** (1880) и его жена **Хая** (1882) умерли в гетто.

В начале **1944** года в селе стали появляться партизаны. Помню, партизан **Феодосий** рассказал нам о положении на фронтах и пожелал мужества, чтобы мы выжили. Мы жили не только со страхом за себя, но и с надеждой, что нас освободят.

Когда фронт был уже совсем близко, немцы всех евреев выгнали из домов, в нашей комнате разрешили остаться только неходячей бабушке Песе. Нас повели в спешке на железнодорожную станцию километрах в трёх от села. Нашу семью с другими евреями загнали в курятник и заперли. Мы не знали, что с нами будет дальше, и готовились к худшему.

Освобождение.

Мартовским утром **1944** года нас освободила разведка советских войск. Командиром освободителей был офицер-украинец из Чернигова, его жену-еврейку и двоих детей убили немцы. Он сказал: «Идите домой, вы теперь свободны», – и дал мне полмешка муки из армейских запасов. Возвратились в **Яланец**, испекли лепёшки, наелись впервые за последние годы и зажили вольной жизнью. Через несколько недель, когда мы узнали, что Красная армия освободила Бричаны, отправились пешком в обратный путь.

По возвращении из Яланецкого гетто. Сидят (справа налево): мать Лизы Сима, бабушка Песя, тётя Роза; стоят (справа налево): Лиза Прокупец и её двоюродные сёстры Адель ка и Клара. Май 1944 г. Бричаны.

Из 750 евреев, которые дошли с нами до села Яланец, в живых осталось 70 человек. Из нашей многочисленной родни выжили мама Сима и я, бабушка Песя, мамины сёстры Аделя (в замужестве Барская) и Роза с мужем и двумя дочками, моими двоюродными сестрами: Аделькой и Кларой Волошко. Остальные погибли: кто в пути, кто в разных гетто. С огромной скорбью назову тех, кого помню.

Муж Адели **Гершон** (Гриша) **Барский** (1906) был убит румынами в оккупированном молдавском городе **Бельцы** в начале оккупации. Его отец **Исаак Барский** (примерно 1885) попал из Бельц в гетто в селе **Жабокрич** Винницкой области Украины и умер здесь в **1942** году от голода.

Сын папиного брата Мойши **Барух** (Борис) **Моисеевич Юффа** (1 ноября 1927) умер в 15 лет от нечеловеческих условий в одном из гетто в Транснистрии в **ноябре 1941** года (место не помню).

Погибли также хорошо знакомые мне папины родственники – семья **Берштейн**: муж **Исаак Израилевич** (1895) погиб в **Бричанах** в **июле 1941** года, когда вошли румынские захватчики, его жена **Бейла** (девичья фамилия Розенберг) (1896) и ученица-дочь **Мура** (1925) были угнаны румынами в Транснистрию и пропали без вести навсегда. Трагически закончилась жизнь другого родственного нам семейства Шимшона **Майденберга**, жившего в бессарабском селе Сокиряны Черновицкой области: брата **Баруха** Самсоновича (1890) румыны застрелили возле его дома в **Сокирянах** в **1941** году, брат **Яков** Самсонович (1888) с супругой **Хаей** (1893) были угнаны в в Транснистрию и погибли в **Бершадском** гетто в **1942-43** гг.: он – в 54 года, она – в 49 лет. Их хоронили на месте смерти, закапывали в землю без всяких знаков, и до сих пор эти места неизвестны. Вечная им память!

После Катастрофы в Бричаны вернулись всего 985 человек. Наш дом в Бричанах мы нашли разрушенным, и я с мамой переехала жить в гор. **Черновцы**.

Послевоенная жизнь.

С **1944** по 1946 гг. я работала учителем географии и истории в с. **Табаны** в 4 километрах от Бричан, воспитателем в детском доме для старших детей №7 гор. **Черновцы**, педагогом в областном «Доме ребёнка». Окончила вечернее отделение географического факультета Черновицкого университета и биологический факультет Уманского пединститута. В 60-70-х годах выучила итальянский язык. Продолжала работать педагогом после наступления пенсионного возраста, мой стаж работы с детьми – 40 лет.

В **1954** году вышла замуж за **Михаила Абрамовича Прокупца** (20 окт. 1918), родом из Бессарабии. В Черновцах состоялась свадьба с раввином по еврейским обычаям. Отец мужа Абрам Зельманович был репрессирован советской властью и погиб в Свердловской области в лагерях близ гор. Ивдель. Остальные члены семьи были высланы в Казахстан. Муж служил в Черновицком тресте лесной промышленности. Наш сын **Руфин** (1955) по окончании Одесского инженерно-строительного института 20 лет работал по специальности в г. Черновцы. Моя мама **Сима** умерла 7 мая **1973** года в г. Черновцы в возрасте 89 лет.

В Израиле.

Мы с мужем репатриировались в Израиль 13 июня **1996** года. Сын с семьёй приехал на четыре года раньше. Руфин работает инженером-инспектором по водопроводу и канализации при Тель-Авивском муниципалитете. Я ему не раз рассказывала о нашей жизни в гетто. Муж **Михаил** умер 20 июня **2004** года. Живу в гор. **Реховоте**. Во мне часто всплывают воспоминания о Катастрофе евреев и о родных, которых потеряла в ней моя семья, часто снится то, что мы пережили. Пусть наши внуки и правнуки прочитают мой рассказ и знают, что с нами случилась большая беда, потому что мы были на чужбине. Я знаю и идиш, и румынский, и русский, и украинский, и немецкий, и французский, и итальянский языки, а иврит, язык своей Родины, не знала, учу сейчас у внуков. У них есть родная страна Израиль и её язык, этим надо гордиться. Она их защищает, и они её защитят, когда будет необходимо. Никто из нас больше никогда не пойдёт за колючую проволоку.

*Моя дорогая мама **Лиза Прокупец** ушла из жизни **30 октября 2007** года в Реховоте. Мне доставляет большое удовлетворение то, что записи мамы о пережитом ею и нашими родственниками в годы Шоа, хранимые в моей семье, опубликованы в книге воспоминаний о Холокосте и станут частью исторической памяти моего народа.*

Руфин Прокупец.

БЕЛОРУССИЯ (92-97)

92.

Гимпилевич Анна
(Витебская обл.,
дер. ***Обольцы***
Толочинского р-на)

МОЯ ЮНОСТЬ: ПОБЕГ ИЗ ГЕТТО, В ПАРТИЗАНАХ, НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН И КОНЦЛАГЕРЬ

Довоенная жизнь.

До войны моя семья проживала в деревне **Обóльцы** Толочинского р-на Витебской области Белорусской ССР. Папа и мама – уроженцы Обольцев – поженились в 1924 году.

Семья наша была небольшая: родители – отец **Иосиф** (Йоше) **Самуилович Гимпилевич** (10 сентября 1893), мама **Мере-Рива** (Мария) **Семеновна** (1896) и дети: брат **Михаил** (1925) и я, **Хая** (6 сентября 1928). Папина мать **Ася Борисовна**, моя 80-летняя бабушка, жила в Обольцах отдельно. Мамин отец, мой дедушка **Шимон Каган**, жил в дер. **Толóчин** недалеко от Обольцев. Ему было за девяносто, и он всю жизнь был сельским кузнецом. Их супруги умерли раньше.

Родители работали в колхозе: папа – бухгалтером, мама – портнихой. Она шила для простых колхозников на ручной швейной машине. Получали не зарплату, а «трудодни»: 1 день – «палочка» в учёте, 1 «палочка» – немного ржи. Мы возили молоть её на мельницу, и мама сама пекла хлеб, иногда булочки. Колхоз был небольшой, всего две улицы; одну заселяли евреи, другую – белорусы. Мы жили в большом деревянном доме. Питались с огорода, держали скотину: корову, птицу, выращивали свиней на продажу. Государству надо было сдать телёнка, яйца, масло. Денег в семье практически не было, поэтому, чтобы что-то купить детям или в дом, продавали свиное мясо, сало в городе. Варёная курица на праздник считалась большим деликатесом. В 30-е годы в сельских советских магазинах было пусто. Людей вши заедали, потому что не было мыла.

Жили бедно, игрушек не было: мячики, кукол шили из тряпок. Играли на улице. В деревне рядом с колхозным садом была белорусская школа-семилетка, в которой до войны я проучилась 5 лет, а брат окончил 7 классов. Кроме белорусского языка, учили русский и немецкий. В классах сидели и по 38, и по 42 ученика, по-

тому что в нашей школе учились дети из всех окрестных сёл. Крестьянские дети приходили и в дождь, и в снег в лаптях, а зимой температура достигала 30-40 градусов мороза.

С детства я воспитывалась в еврейском доме, на еврейских обычаях, знала, что я еврейка. В доме праздновали все еврейские праздники, мацу пекли дома сами. Родители были верующие, ходили в синагогу. На еврейской улице находилась двухэтажная синагога, но раввин был приезжий. В праздники приезжал из города *резник* – человек, который забивал скотину и кур. Было отдельное еврейское кладбище. Папа читал книги на идише и на иврите. Разговаривали мы дома только на идише. Это был единственный язык, который знала мама.

В нашей семье при детях не обсуждалось приближение войны с Германией, но мама рассказывала нам, что в Первую мировую войну немцы, придя в Белоруссию, были вежливы, помогали ей носить воду из колодца. Мы думали, что в случае войны мирное население убивать не будут.

Начало войны, оккупация и гетто.

В **июне 1941**-го мне шёл четырнадцатый год. Для меня война началась в нашей деревне Обольцы, а закончилась в Германии в городе Дрезден. Мой отец **Иосиф** сразу ушел на фронт по призыву. В первые дни войны мой 16-летний брат выкопал землянку, и мы втроём находились там во время бомбёжек. Видели мы и отступление советских солдат.

Нашу деревню немцы захватили в двадцатых числах **июля 1941** года. Они въехали на машинах, мотоциклах, танках и сразу начали искать съестное, убивали кур. В оккупации я оказалась с мамой, братом, бабушкой Асей и дедушкой Шимоном. Наступило тяжёлое и опасное время. Всюду хозяйничали белорусские полицаи, которых набрали из окрестных деревень. У них на рукаве была белая повязка, немцы выдали им оружие. Они просто грабили нас. Всем евреям приказали носить отличительные знаки.

Как только немцы вошли, они заняли большой дом для штаба или комендатуры и тут же отдали приказ: «Всех евреев убрать». Но сначала немцы отобрали у евреев хорошие вещи, ценности. Светлым днём немцы и полицаи выгнали евреев из их домов, не дав ничего взять с собой, и погнали, как скот, к школе. Нашу одноэтажную деревянную школу огородили колючей проволокой и превратили в гетто для 300 человек. Мы находились в классных комнатах, держались семьями. Помещение школы было переполнено людьми. Спали на соломе на полу, на партах, на столах, в коридорах.

Немцы заставляли евреев работать в колхозе: мы убирали лен, косили, занимались разной крестьянской работой, убирали у немцев в квартирах. Выходили из гетто на работу и возвращались всегда под вооружённым конвоем.

Немцы нас в гетто не кормили. Оно было закрыто, и у выхода стоял полицай-охранник. Молодые еврейские парни лазили под проволоку и ходили по деревням просить еду. Кого полицаи ловили, сильно били. Ночью потихоньку варили добытую картошку или зерно и звали остальных: «Цып-цып-цып-цып», чтобы мы, старики, женщины и дети, шли кушать. Некоторые белорусы через проволоку

бросали нам хлеб, картошку. Воду из колодца можно было принести только с разрешения охраны с их запиской. Туалетом служила выкопанная в сторонке яма для мужчин и женщин вместе.

Поздней **осенью 1941** года неожиданно пришёл в Обольцы отец, и ему знакомые сразу сказали, что «евреев всех согнали в школу». Мы встретились, и он рассказал, что возле Смоленска его подразделение попало в окружение, а он сам – в плен. Ему удалось бежать и вернуться домой. Как только появился отец, мы сразу задумали бежать из гетто в лес, который был очень близко от Обольцев. Мы находились в гетто до побега более полугода. Конечно, очень трудно было осенью и зимой – голые, босые, мы были в том, в чём нас летом выгнали из дому.

В партизанах.

Уходили в лес двумя группами: мама с папой и я с братом. Первыми ушли родители. Мама должна была после побега притвориться немой, так как говорила только по-еврейски.

Нам с братом предстояло действовать самостоятельно. Зимой, в **начале 1942** года, мы бежали из гетто. Выбрали момент, когда охранник был пьян, стукнули его по голове и убежали в лес. Мы с Мишей дошли до села **Яновичи** Витебской обл. (примерно 130 километров от Обольцев) и ближе к весне нанялись там пасти коров. Мы их пасли в поисках партизан. Наконец **весной 1942** года брат встретился с партизанами. Они приняли Михаила и меня к себе, и мы пошли с ними.

Они не знали, что мы евреи, и не спрашивали, мы были для них белорусами Мишей и Аней. С партизанской поры и по сей день я **Анна**. Такие дети, как я, были им нужны: в разведку мы ходили в Витебск ещё с одной девочкой, шли мимо немцев и полицаев, приносили нужные данные. На мне была самотканая курточка, я сшила себе из большого платка штаны, потому что было очень холодно. Партизаны дали мне валенки, брат принёс мне сапожки.

И до **мая 1944 года**, в течение двух лет, я была рядовой партизанского отряда №12 «Интернационал» (командир Моряк) бригады Алексея. Отряд базировался в Белоруссии в **Суражском** районе Витебской области. Там был непроходимый лес. Оружие мы захватывали у полицаев.

Я была ребёнком и в то же время бойцом без скидки на возраст: у меня были командир роты, взвода, которые давали мне задания, разные боевые поручения, ходила на ночные дежурства, в разведку, участвовала в партизанских операциях.

Воевали мы с братом не вместе: я – в бригаде Алексея, а Миша – в бригаде Райцина в подрывной группе. Это получилось потому, что брат переходил линию фронта за солью, за оружием. Весной **1943** года мой брат **Михаил Гимпилевич** был убит фашистами во время выполнения боевого задания в **Бешенковичском** р-не Витебской области. Его группа пробралась к полотну на железной дороге, чтобы подорвать эшелон, и попала в засаду. Мне сообщили о гибели брата его друзья-подрывники, знавшие, что я Мишина сестра.

В немецком плену.

Мы знали, что весь наш партизанский район был окружён немцами. Однажды во время перехода бригады из одного места в другое, при выполнении очередного

задания, моя группа бежала ночью из леса, чтобы перейти дорогу и вырваться из окружения. Мы не могли в темноте увидеть выкопанные немцами ямки впереди, и в них попали бежавшие первыми. По нам открыли стрельбу, и меня ранило в левое плечо, но не навылет. Потом понадобилось вынимать пулю. Это была немецкая засада. Нас нагнали с собаками, стреляли, и я попала в плен. Оружие успела выбросить подальше.

Меня схватили немцы. Было очень страшно. Помню, я стояла, и длинноносый белобрысый немец ткнул в меня пальцем и спросил у местных жителей: «Юдэ?» (*нем.* Еврейка?) И тут белорусы сказали ему: «Нет, это наша, наша». Я осталась жить благодаря не только помощи белорусов, но и потому, что немцы даже не предполагали во мне, четырнадцатилетней девочке, партизанку. Посадили меня в сарай, где собирали таких, как я. Не кормили, но в сарае оказался жмых, и мы его ели.

В концлагере в Германии.

В **феврале 1943** года меня отправили в Германию поездом в вагонах для скота, набитых молодёжью. Первый раз дали поесть, когда состав прибыл в **Польшу**. Оттуда привезли в немецкий город **Дрезден** и привели в концлагерь, находившийся близ города. В лагере было много деревянных бараков с узниками разных возрастов. Меня поместили в женский блок. Особенно много в нём было польских евреек, но были и молодые девушки из Белоруссии, Украины. Спали в бараке 50-60 человек на нарах в два этажа. Надзирала за нами старая немка в чёрном рабочем халате, которую прозвали «муттер» (*нем.* мать). Её появление начиналось с крика: «Русише швайнэ!» (*нем.* русские свиньи), потому что барак никогда не проветривался. И на этом её работа заканчивалась до другого утра. По утрам выдавали кусок хлеба и чай. Нас, детей, возили на грузовых открытых машинах, заполненных работниками, на завод, где я отбеливала крылья самолётов. Крылья были грязно-зелёные, тяжёлые. Мы с девочкой-напарницей младше меня поднимали крыло и окунали его в огромный чан с вонючей жидкостью сначала одной стороной, а затем другой. Крыло становилось белым. Если рука дотрагивалась до жидкости, то руку пекло, как после ожога. Работали по 5-6 часов в день на этом вредном химическом процессе. В обед кормили супом из кольраби или шпината, но без хлеба. Рядом с нами работали заключённые, ходившие в кандалах. После работы мы сидели в бараках. Что-то ели и вечером. По воскресеньям не работали, и в этот день давали картошку. Люди умирали, для больных была больница. Я болела брюшным тифом, и меня вылечил, как сейчас помню, русский доктор. Он давал мне лекарства. За гигиеной очень следили, вшей не было, нас водили в баню.

Гимпилевич Анна в немецком рабочем лагере. 1944 г. Дрезден, Германия.

И так продолжалось год. Когда в **феврале 1945** года американцы начали бомбить Дрезден, нас держали в лагере. Однажды при очень сильной бомбёжке я убежала из лагеря в далёкое поле и спаслась от смерти.

Освобождение и конец войны.

Весной встретила русских солдат. Они переправили меня подальше от боевых действий. **Май 1945** года я встретила в **Дрездене**. Из Германии я написала письмо маме и папе в Обольцы, что жива и приеду. В пересыльном лагере получила документы и с другими бывшими узниками была отправлена домой.

Наш дом в **Обольцах** был разнесён по дощечкам, оба сарая сгорели. Я встретилась с родителями и узнала, что гетто в Обольцах было ликвидировано в середине **1942** года, через несколько месяцев после побега нашей семьи. Там немцы расстреляли около 300 евреев. Мы оплакали умерших в оккупации дедушку **Шимона**, бабушку **Асю** и гибель брата **Миши**-смелого партизана. Папа и мама рассказали мне, что они тоже воевали в партизанской бригаде Райцина: папа был бойцом, а мама поваром. Мы вместе отправились в гор. **Оршу** Витебской области. День Победы я встретила уже в **Орше**. Когда объявили об окончании войны, все жители вышли на улицу, плакали, обнимались, танцевали.

Послевоенная жизнь.

Встречали в Белоруссии вернувшихся узников гетто и лагерей очень плохо. Власти и граждане считали нас предателями, приходилось прятать все документы и вообще скрывать, что я была в гетто и в плену в Германии.

Мы с папой пошли работать на льнокомбинат, после работы я училась в вечерней школе. Затем окончила техникум. Работала на комбинате нормировщиком на протяжении 44 лет. Только в 1965 году после отмены приказа, что все, бывшие в плену, в оккупации – предатели, произошли изменения. Нас, партизан, стали считать участниками войны. Я награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью Жукова и другими наградами.

Вышла замуж в **1954** году, родила трёх детей. Муж **Израиль** (Игорь) из семьи, где росло 9 детей, находился с семьёй во время войны в эвакуации. Муж работал в Орше фотографом.

Папа **Иосиф** умер 6 сентября **1956** г. в Орше, прожив всего 62 года. Мама **Мария** умерла 31 декабря **1982** г. в Орше в возрасте 86 лет.

В начале 90-х годов в г. Орше была непростая ситуация. Из-за нехватки работы, денег, продуктов поползли слухи о еврейских погромах.

В Израиле.

В **1991** году мы с детьми решили репатриироваться в Израиль. Это было очень большим моим желанием. Сначала уехала моя младшая дочь, за ней мы с мужем и второй дочерью, за нами сын. Сегодня у меня пять внуков, все мальчики.

Гимпилевич Анна (3-я справа) среди ветеранов 2-й мировой войны. Второй слева – мэр города Кирьят-Ям. 1995 г. Кирьят-Ям.

Есть три правнука, ждём четвертого. Живу с семьёй в гор. **Реховоте**. Принимаю участие в работе Реховотского отделения Союза ветеранов 2-й мировой войны-борцов против нацизма и Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей.

93.

Канингисер Хава
(Витебская обл.,
*г. **Дисна** Миорского р-на)*

УЗНИЦА ГЕТТО-ПАРТИЗАНКА

Довоенная жизнь.

Я, **Хава Лейзеровна Канингисер** (девичья фамилия Леках), родилась в седьмой день праздника Песах в **1925** году в городке **Дисна́** Миорского р-на (до 1939 г. – Польша), на границе Польши и России. Город насчитывал свыше 6000 евреев. Чуть ли не половина жителей Дисны носила фамилию Леках, и их объединяли родственные связи.

Мой отец **Элиэзер** (Лейзер) **Гиршевич Леках** (1891) работал сельским фермером, предпринимателем: обрабатывал землю, выращивал хлеб, разводил скот. У него имелись широкие торговые связи в нашей округе. Моя мать – **Ида Абелевна** Леках (девичья фамилия Гильман) (1895) занималась домашним хозяйством. Дедушка **Аба Аврум Гильман** был известным раввином в местечке **Шпаковщина**, недалеко от Дисны. Его и бабушку **Зислю** любили, уважали и евреи, и украинцы за щедрую помощь всем людям. В их семье выросли девять девочек, мальчиков не было. Мама дружила с еврейскими и белорусскими ребятами. Её лучшей подругой детства и юности была крестьянская девушка **Вера Караткевич**. Когда Вера и мама вышли замуж, то их пути временно разошлись.

Ида Леках – мать Хавы. Довоенный снимок.

В нашей семье, жившей в Дисне на ул. Полоцкой, были три брата и четыре сестры: брат **Аба** (1920), сестра **Бася** (1921), сестра **Циля** (1923), я – **Хава** (15 апреля 1925), брат **Шломо** (10 февраля 1926), брат **Цви-Гирш** (Гершеле) (1930) и сестра **Нехама** (1932).

После передела границ в **1939** году городок Дисна вошёл в состав Витебской области Белорусской ССР. Отец по состоянию здоровья не пошёл в колхоз, про-

должал заниматься личным хозяйством, братья Шломо и Гирш пасли домашний скот. Сестра **Бася** вышла замуж и уехала с мужем из Дисны. Я успела до войны окончить начальную польскую школу и с 1939 года училась в советской школе.

Начало войны и оккупация.

В самом начале войны старший брат **Аба** отправился с группой молодых людей-призывников в Полоцк, и они влились в Красную армию. Брат **Шломо** получил задание военкомата доставлять на лошадях призывников к поезду. В **1941** году мне исполнилось 16 лет.

В один из первых дней войны папа посадил семью на телегу с парой лошадей, и мы поехали к границе, чтобы оказаться в русском тылу, но немцы настигли нас. Папе удалось оставить нас в небольшой деревне у знакомых белорусов, с которыми он вёл торговлю, потому что боялся, что немцы изнасилуют дочерей, а сам вместе с моей мамой вернулся в город Дисна.

В начале **июля 1941** года **Дисну** захватили немцы. Первым делом они отобрали скот. Через три месяца папа вернулся за нами, и мы вместе со всеми евреями в **октябре 1941** года оказались в **Дисненском гетто**. Гетто нацисты устроили на окраине, на улицах Полоцкой и Глубокской, недалеко от моста через реку Дисна. В него согнали 6.800 евреев, и оно не было огорожено.

Родители приняли в наш дом на Полоцкой ещё 6 семей близких родственников, и в доме жило 30 человек. Конечно, места для всех было недостаточно, и младшие ночевали в коровнике. Мы питались тем, что удалось убрать и спрятать с фруктовых деревьев нашего сада и с огорода. Пришлось продать часть домашних вещей: шкафы и т. п.

Комитет общины каждый день отправлял людей на работу. Все мы обязаны были носить жёлтый круг на рукаве. Ежедневно немцы брали мужчин для тяжёлых работ. Однажды папа работал у немцев и был ранен в ногу. Долгое время, около 6 месяцев, он болел дома, и наша собака Бобби охраняла папу. Я и брат Шломо ходили на работу вместо отца. Каждый день немецкие полицейские приходили и забирали нас из гетто. У моего отца в городе был хороший друг – поляк, работавший адвокатом. В собственном доме этого адвоката жили четырнадцать гестаповцев. Брат и я работали на их обслуживании у адвоката. Я помогала на кухне, чистила овощи и мыла посуду. **Шломо** делал разные работы по дому: приносил дрова для печей и т. п. Я боялась работников гестапо и дрожала всё время, пока работала там. Адвокат всегда отправлял моим родителям пищу. Моя десятилетняя сестра **Нехама** болела в гетто, и немцы убили её в нашем доме в **апреле 1942** года, даже похоронить не разрешили. И хотя гетто не было окружено забором, мы не убегали из него. Куда было бежать? Всюду немцы и полицаи, а местные жители выдавали беглецов-евреев немцам, сдавали в полицию. В лесу среди деревьев без листьев спрятаться было почти невозможно, человек был виден издалека.

Нехама Леках – сестра Хавы. Довоенный снимок.

Гершеле Леках – брат Хавы. Довоенный снимок.

Находились среди нас люди, которые пробовали убежать, они скитались какое-то время в окрестностях и возвращались обратно в гетто.

Побег из гетто.

13 июля 1942 года, в то время как мы работали у адвоката, в его доме собрались все гестаповцы и пришло много немецких офицеров. Адвокат по секрету сказал мне: «Завтра может быть что-то ужасное в гетто, будет большая катастрофа. Позаботьтесь сегодня хорошо, чтобы быть готовыми. Если вы увидите меня завтра едущим на велосипеде мимо вашего дома около 5-6 часов вечера, знайте, что в ту же ночь вам нужно бежать». Я прибежала домой и сообщила взрослым страшную новость. Отец тут же подготовил побег семьи. Он подгонял, гнал из гетто маму и нас, говорил: «Может, кто-то из вас спасется». До нас уже дошли слухи, что в ближних к нам сёлах подразделение из 14 эсэсовцев – специальная команда для расстрелов – убила много евреев. На другой день мы сидели в нашем саду и смотрели на дорогу. Когда адвокат действительно проехал мимо нас на велосипеде, мы поняли, что это знак для нас. В ту же ночь, **14 июля**, в первый день месяца *Таммуз*, мы увидели с крыльца красный знак в небе, это была световая ракета над гетто. По этому сигналу немцы начали окружать гетто. В ту ночь в наблюдении дежурили мама с её подругой, и они поняли, что происходит неладное. Они видели, что немцы и полицаи постепенно сжимают широкое кольцо вокруг гетто. Когда полицаи уже приблизились к реке, мама подняла всех. Мы вскочили и были готовы бежать, потому что спали одетыми. Папа дал каждому из нас 200 рублей, по ломтю хлеба и сказал: «Бегите, куда ноги приведут вас, и дай Бог вам спастись. Я не могу бежать быстро, буду позади вас с Цвикой».

Все быстро убежали. Когда мы пробегали мимо еврейских домов, бросали камни в двери домов и кричали людям: «Убегайте быстрей!» Благодаря этому предупреждению часть людей успела спастись. Во время побега в нас стреляли, и мама была ранена пулей в руку. Мы успели убежать через южную сторону гетто, которая ещё оставалась открытой. Раненая мама пыталась помогать отцу, но из-за раны на ноге он не мог бежать. Он сказал маме: «Беги с детьми!», а сам пошёл сзади с братом **Гершеле**. Мы все бежали к спасительному лесу, каждый из нас бежал отдельно, потом долгое время никто не знал ничего друг о друге.

Скитания в поисках партизан.

В лесу ко мне присоединились другие спасшиеся евреи, так что нас стало уже тридцать человек. Мы разделились на две группы, чтобы легче было передвигаться. Присоединилась к нам моя подруга из Дисны. Её мама умерла несколько лет назад, отца убили в гетто, и она была одной из шести детей, убежавших в разные стороны. Я пожалела её, и мы пошли вместе. У каждой из нас было только одно платье на теле. Мы сели в лесу и заплакали. Недалеко от нас сидели несколько стариков. Я попросила их взять нас с собой, и мы вместе ходили в течение двух недель. Мы с подругой заходили в деревни, просили еду и одежду, и я приносила часть добытого пожилым людям.

И снова мы встретили в лесу группу евреев не из нашего города, и опять нас было около 30 человек. Мы жили тем, что давали вещи старосте одной деревни,

который помогал нам. Он днём приходил за вещами, а ночью в деревне продавал полученные вещи и под утро возвращался к нам с продуктами. Это был достойный и честный человек. Благодаря тёплому лету мы спали в лесу. В деревне мы ходили всё время к разным людям, чтобы они не могли донести на нас и друг на друга, потому что те, кто доносили немцам о евреях и партизанах, получали от оккупантов премию: деньги, соль или сахар.

Однажды посреди ночи, когда мы спали в лесу, нас окружили немцы, и некоторые из наших были уже захвачены ими. Все побежали по тропинке, и я пробежала несколько метров со всеми, но потом кинулась в сторону, в чащу. Я лежала в высокой траве в большом болоте в сером платье, и немцы не заметили меня. Я видела, как схватили мою подругу. Когда немцы отдалились, вышла из болота и легла возле дерева. Вдруг услышала голос одного знакомого мне крестьянина-полицая, ненавидевшего евреев: «Жалко, что ружьё сломалось, иначе я тоже убил бы всех евреев». Ко мне приближались местные полицаи, помогавшие немцам ловить убежавших евреев. Я сдержалась и не потеряла самообладания, но в сердце сказала: «Меня не поймаете никогда». Проходя мимо дерева, они ударили по нему, но меня под ним в темноте не учуяли. Мне повезло, я осталась жива. Когда они ушли, я встала и пошла. Куда? К кому?

Я еле волочила ноги в глубокой грязи, изнемогла, наконец присела у поваленного дерева и задремала. Когда проснулась, увидела, что нахожусь на белорусском кладбище недалеко от деревни. Я решила, что это лучшее место для моих ночёвок. Днём скрывалась в поле, лёжа в стогах сена, иногда помогала старым женщинам по хозяйству, и меня кормили, в сумерках возвращалась на кладбище. Так миновало три с половиной месяца. Однажды я отправилась искать еду вместе с мальчиком, бродившим недалеко от кладбища. Возле родника нас увидел мужчина, ехавший на лошади. Он спешился, подошёл ко мне и стал срывать с меня платье. Мальчик начал кричать, звать на помощь и с испугу убежал. Прибежали женщина и мужчина, насильник сел на лошадь и ускакал. Мужчина, поняв, что я беглая еврейка, хотел сдать меня в полицию, но его жена не позволила сделать это. Она сказала мне: «Беги в лес!», и я убежала.

В тот же день я присоединилась в лесу к группе евреев, но не могла говорить в течение трёх дней. Старик, который оказался нашим соседом из Дисны, отдал мне свою порцию еды. Все решили пойти в Глубокое, другой город, где ещё было гетто, и там не убивали евреев. Я не пошла с ними, решила пробраться в Дисну к родственнику-врачу, чтобы спросить, что мне делать. В пути я встретила крестьян: мужа и жену, они позвали меня ехать к ним. Опасаясь, что они сдадут меня немцам, чтобы получить килограмм сахара, я отказалась и убежала от них.

Пришла к жене деревенского старосты, который помог нам в прошлом, добрая женщина поговорила с мужем, и они разрешили мне спать в коровнике. Их деревня находилась недалеко от Дисны, километрах в пятнадцати. Ночью, лёжа в коровнике, я услышала снаружи голоса и зарылась глубоко в солому, я боялась, что женщина прислала за мной немцев. Вскоре я поняла, что это говорят евреи. Их было трое, и они прятались со мной в коровнике две недели. Каждый день я ходила просить еду у крестьян для нас всех. Через полмесяца они решили пересечь

реку **Двину**, служившую границей между Польшей и Россией. На вопрос, умею ли я плавать, я ответила утвердительно, и они согласились взять меня с собой. Жена старосты дала нам в дорогу хлеба и яиц, мы вышли в ночное время и прошли километров двенадцать. Когда подошли к реке, попутчики мне сказали: «Ты, девушка, иди обратно, мы не можем взять тебя, ты не сможешь перейти реку». Они отобрали у меня последние десять рублей, часы, мою еду и оставили одну в ночном лесу.

Они ушли, а я, испуганная, сидела и плакала. Потом за два часа пробежала двенадцать километров обратно и вернулась в деревню к жене старосты. Я сидела возле коровы, плакала и ждала женщину. Она испугалась, когда увидела меня. Я попросила отвезти меня в деревню Кишино: я знала, что там папа оставил деньги, золото и одежду. Это было всего в семи километрах от её деревни. Но она не могла мне помочь. В лесу уже было очень холодно, наступала зима, а я ходила в одном сером платье. Каждый вечер я говорила ей, что уйду в лес. Днём я ходила в разные семьи просить еду. Я зашла в один из дней в дом, где жили пожилая женщина и трое мужчин. Женщина предложила мне помогать ей в доме и в саду. На моё счастье, у этой семьи были связи с партизанами, и женщина сказала, что скоро придут люди, которые помогут мне. Однажды, когда я выкапывала картофель в огороде, во дворе появился мужчина в немецкой форме, я очень испугалась и хотела убежать. Меня позвали, и тогда я узнала, что он – командир партизан **Виктор Мешко**. Его немецкая форма была необходимой маскировкой. Он стал расспрашивать, и я рассказала, что случилось со мной. Он видел, что мне нужна одежда, и попросил хозяйку дома взять меня в избу, искупать и переодеть. Виктор обещал, что заберёт меня, когда сможет. Ночью пришли ещё одиннадцать партизан, и вместе с ними я отправилась в партизанский лагерь. Я никого не опасалась, потому что Виктор сказал бойцам: «Мы принимаем девочку в отряд, кто тронет её, получит от меня пулю в лоб». Я не знала тогда, что он еврей и внук Любавичского ребе. Его мать скрывалась в церкви и вынуждена была надеть крест. Он сам был по профессии железнодорожным инженером. Мы шли и шли и в пути встречали ещё партизан.

В партизанском отряде.

Так я попала в партизанский отряд Мешко и стала бойцом партизанской бригады «Неуловимые» Михаила Сидоровича **Прудникова**, которая действовала на территории Витебской области. В отряде мне сразу нашлось дело. Сначала помогала повару варить еду, каждый день выпекала хлеб для всех, потом стала выходить на операции. Однажды Виктор сказал мне: «Идёшь с нами. Возьми эту сумку с собой. Она выглядит как санитарная сумка для оказания первой помощи. Но будь осторожна, не бросай её, в ней взрывчатка. Если что-то случится, ты должна вернуться в дом старосты». Глубокой ночью, с увесистой санитарной сумкой, заполненной взрывчаткой, в группе из 11 человек я отправилась в лес. Вёл нас командир Мешко в немецкой форме. Было очень холодно. Прибыли в какую-то деревню. Под утро при выходе к мосту нашу группу обстреляли немцы, двое партизан погибли. Мы начали уходить от немцев, сделали плот и на нём переплыли через реку. При новой встрече с немцами мы использовали взрывчатку из моей сумки, и среди немцев были убитые и раненые. В бою был убит ещё один партизан.

Через три дня мы пришли на партизанскую базу в лесу. У входа в лагерь я увидела парня из моего города, который ограбил меня и оставил одну посреди ночи. Я от неожиданности упала в обморок, меня привели в чувство и расспросили. На следующий день состоялся суд над тем парнем. Я попросила пощадить его и не наказывать. Я простила его. Снова командир предупредил людей, чтобы не прикасались ко мне. Все любили меня. Я участвовала в подрывах поездов, в нанесении ущерба немецкой армии. Но, разумеется, мне было совсем не просто в партизанском отряде.

Партизанская группа, в составе которой я ходила на операцию, пряталась однажды на одном из хуторов. Крестьянин, приносивший нам еду, узнал меня и спросил, не дочь ли я Лейзера из Дисны. Я ответила ему: «Да». Этот человек вернулся через семь дней, вошёл в комнату и сообщил мне, что мои мать, отец, сестра и брат живы. Я очень обрадовалась, но сказала ему, что папа погиб, а он утверждал, что сам видел мужчину с бородой.

Ещё до моего присоединения к партизанам я встретила в лесу цыганку, читавшую по руке, и она сказала мне: «Твои мать, брат и сестра живы, а отец убит. У тебя не будет денег, но каждый скажет, что ты богата. Ты выйдешь замуж, но твой муж умрёт. После войны ты опять выйдешь замуж. Скоро ты встретишься со своей семьёй».

Белорус продолжал утверждать, что видел моих родных в одном из сёл, хотел взять их к партизанам, но не имел права привести людей без разрешения. Он рассказал маме, что к партизанам привели девочку в сером платье с красными полосками, которую зовут Хава из Дисны, и мама потеряла сознание, потому что узнала платье, пошитое ею для меня. Он сказал также, что мама была ранена в руку, её нашёл мой брат Шломо и остался с мамой.

Праведник народов мира Вера Андреевна Караткевич (слева). 1930-е гг.

Я была уверена, что, если моя мать жива, то она пошла в деревню, где родилась, и скрывается у своей подруги детства **Веры Караткевич**.

Мой дед, раввин Гильман, при жизни очень помог Вериной семье в трудные времена. Вера приносила нам продукты в Дисненское гетто. В её деревне тоже были немцы, и всё-таки подруга сказала маме: «Если положение будет плохим, приходи ко мне». Я рассказала об этом Виктору Мешко. На следующий день он отправил меня с группой из пяти партизан на поиски семьи. Мы зашли в 5-6 сёл. Одна из белорусских женщин сообщила, что видела маму два дня назад в этой деревне и дала маме одежду и еду. Мы добрались до родной маминой деревни **Шпаковщина** под вечер. Ко мне подошла девушка-белоруска и спросила: «У вас есть сестра по имени Циля, мама Ида и брат? Вы хотите их увидеть?» Я заплакала от радости и пошла

за девушкой. Мать и сестру я увидела издалека, они собирали картофель в огороде. От волнения мама лишилась чувств. Моя старшая сестра Циля пришла в деревню Шпаковщина до прихода матери и брата. Они втроём прятались на чердаке у Веры. Я узнала, что они прошли через деревни и леса в поисках спасения, опасаясь каждую минуту, что их арестуют. Они тоже беспокоились обо мне и искали меня. С трудом я узнала брата Шломо, когда увидела его на чердаке: он был серьёзно ранен, его шея опухла. Очевидцы рассказали маме, что мой папа **Элиэзер** был убит на краю гетто, а мой маленький брат **Гершеле** пропал в день побега и нигде не обнаружен.

После нашей счастливой встречи мама, сестра и брат тоже присоединились к партизанам. Брат, сестра и я воевали в разных отрядах, а мама-портниха очень помогала партизанам в пошиве и ремонте одежды.

В Красной армии. Послевоенная жизнь.

Зимой 1943 года партизанские отряды в лесах Белоруссии усиленно уничтожались карателями. Нашему отряду Виктора Мешко удалось вброд перейти реку и соединиться с частями Красной армии. Я работала вместе с мамой в военном госпитале до самой Победы в **мае 1945** года. Есть награды за участие в войне и на трудовом фронте.

После освобождения Витебской области летом **1944** года брат **Шломо** ушёл в Красную армию добровольцем, воевал и после Победы продолжал служить до октября **1950** года.

В конце войны мы возвратились в **Дисну**, увидели, что город и наш дом сожжены, всё уничтожено. Мама написала письмо в главный штаб по делам партизан, оттуда на моё имя отправили десять тысяч рублей, и мы построили дом заново. Мы жили в этом доме в Дисне 13 лет.

Хава Леках. 1945-46 гг. Дисна, Белоруссия.

К маме пришли трагические известия о родных, погибших в Холокосте. Мамины сёстры **Эстер** Рафальзон (1898) и **Нехама** Драбкин (1902), жившие в гор. **Полоцке**, были расстреляны в Полоцком гетто **30 сентября 1941** года, в Судный день, вместе с семьями. В это день погибли муж Эстер **Моисей** (1890) и их двое сыновей: учитель **Аба** (1919) и ученик **Иегошуа** (1928), а также муж Нехамы **Ицхак-Моше** (1896), его 82-летняя мать **Эстер** Драбкин (1859) и двое детей: **Михаэль** (Михол) (1928) и **Зисл** (1933). Несколько десятков близких родственников из папиного рода Леках были уничтожены нацистами при ликвидации Дисненского гетто летом 1942 года. Мы оплакивали эти жертвы Катастрофы, которые добавились к погибшему папе Лейзеру, сестричке Нехаме и братику Цви-Гиршу.

Надо было продолжать жить. Я окончила сельскохозяйственные курсы, работала лаборантом, а потом заведующей лабораторией в системе заготовки и анализа зерна. В Дисне я вышла замуж, 20 февраля **1953** года родился сын **Эли** (Лёня). Муж, к несчастью, утонул в реке.

Через десять лет после войны я приехала в столицу Литвы **Вильнюс** и случайно встретилась в театре с Виктором **Мешко**, моим боевым командиром. Только здесь он впервые сказал мне, что тоже еврей.

Брат **Аба**, участник войны, жил, работал и умер в России в **1998** году.

В Израиле.

В **1958** году мы с сыном и братом **Шломо** репатриировались в Израиль, сначала жили в районе Хайфы. Сестра **Бася** приехала в Израиль позднее, жила в городе Кирьят-Моцкин.

Я встретила хорошего человека **Элиэзера Канингисера** (1922), приехавшего в Израиль из Польши в 1949 году. Его семья из гор. **Рабка** возле Кракова погибла в концлагере **Треблинка**. В **1959** году он стал моим мужем и усыновил Эли. Я переехала к мужу в его родной город **Реховот**. У нас родилась дочь **Хана** (1961). В Реховоте я трудилась многие годы: работала шеф-поваром 13 лет в Институте Вейцмана и 12 лет в детском доме для сирот женской организации «Наамат».

Мама **Ида** с сестрой **Цилей** приехали на Святую землю немного раньше меня. Сотрудники Института «Яд Вашем» записали рассказ мамы и брата Шломо о роли белорусской женщины, вдовы, матери трёх детей Веры Караткевич в спасении евреев. Наша семья обязана жизнью этой смелой женщине, верной маминой подруге. В марте **2008** года Яд Вашем удостоил **Веру Андреевну Караткевич** (1900-1947) почётного звания Праведник народов мира (посмертно). Медаль и Почётная грамота «Праведника народов мира» вручены её дочери Лидии Ануфриевой.

Моя мама **Ида Леках** много лет жила у Цили в гор. **Иерусалиме** и в моей семье в Реховоте, умерла в 81 год и похоронена в Иерусалиме. К моему глубокому горю, сын **Лёня** умер в возрасте 44 лет после тяжёлой болезни, мой муж **Элиэзер** ушёл из жизни в 79 лет. Сёстры **Циля** (ум. в 1997) и **Бася** (ум. в 2008) похоронены в Реховоте. Мой брат **Шломо Леках**, его дочь, сын и трое внуков живут в **Иерусалиме**.

Брат Шломо Леках и сёстры: (справа налево) Бася, Хава Канингисер, Циля. 1986 г. Иерусалим.

После выхода на пенсию я посвятила себя шести внукам, помогая растить их. У сына родились девочка и мальчик, у дочери – четыре девочки, и одна из них, **Реут**, родилась в мой день рождения. Лучшего подарка у меня не было в жизни. Я испытываю блаженство от общения с детьми и внуками после всех трагедий и невзгод, которые испытала в жизни.

Участвую в деятельности Реховотского отделения Союза ветеранов 2-й Мировой войны – борцов против нацизма и Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей.

*Участница нашего объединения, наш друг **Хава Канингисер** умерла **12 мая 2009** г. Воспоминания Хавы о годах Катастрофы, написанные на языках идиш и иврит, а также редкие фотоснимки из семейного архива любезно передала редколлегии книги дочь Хавы **Хана Маца**, учитель старших классов одной из реховотских школ. Перевод с идиша на иврит помог сделать Хане друг и земляк её мамы **Дов Соснер**, живущий в Реховоте.*

Перевод с иврита Д. Школьника.

94.

Цимкинд Моше
(Витебская обл.,
*дер. **Плисса** Глубокского р-на)*

Я – ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ ТРАГЕДИИ В ПЛИССЕ

Время мчится всё быстрее, и пора описать пережитое мною и рассказать о своей судьбе – судьбе единственного оставшегося после Катастрофы в живых еврея из всех, некогда проживавших в маленьком белорусском местечке **Плисса**.

Я выжил чудом, смерть неоднократно подбиралась ко мне вплотную, и ничем иным, кроме как Божьей защитой, я до сих пор не могу объяснить своё спасение. Может быть, Всевышний сохранил мне жизнь именно для того, чтобы я мог рассказать о трагической судьбе евреев в военные и послевоенные годы. Мне кажется, что это именно так.

<u>До войны.</u>

Наше местечко **Плисса** Глубокского района Витебской области Белоруссии было типичным еврейско-белорусским местечком, в центре жили евреи, на окраинах – белорусы, но церковь стояла в самом центре. Жители строго придерживались еврейской традиции. В местечке была синагога, при ней еврейская библиотека и еврейская начальная школа. Работали еврейский банк и общественная баня с *миквой* (небольшим бассейном для ритуального омовения). Было еврейское кладбище. Записи и учёт гражданского состояния еврейского населения вёл «казённый раввин». Евреи Плиссы занимались ремеслом: работали портными, сапожниками, кузнецами и т. д., некоторые держали лошадей и занимались развозкой пассажи-

ров и доставкой товаров. Евреи также разъезжали по окрестным деревням и занимались закупкой скота, зерна и других сельхозтоваров.

Семья наша была сравнительно небольшой и состояла из пяти человек: отца **Меира-Реувена Цимкинда** (1885), матери **Фани** (Фейгеле) (1888), старшей сестры **Ривки** (1919), меня – **Моше** (1 июня 1922) и младшего брата **Берла** (1925). Жили скромно, но дружно. Ютились в маленькой квартире в деревянном доме, платили помещику арендную плату за землю, на которой этот дом стоял. Отец работал служащим, владел несколькими языками: идишем, немецким, русским, латышским, польским. Мать была верующей женщиной и хорошей хозяйкой.

Сестра Ривка и братья Моше (слева) и Берл (братья в форме организации «Бейтар»). Плисса.

Дед по отцовской линии, **Лейба Цимкинд** из Витебска, слыл знатоком религиозной литературы и много времени уделял изучению Талмуда. Он руководил *хедером* (частная начальная школа, где мальчиков обучали Танаху), где учились мальчики с пятилетнего возраста. Бабушка **Малка** занималась домашним хозяйством. У них было четверо детей. В начале XX века после указа о «черте оседлости» семья деда переехала в Плиссу, где купила большой дом. Я ещё успел получить у деда первые уроки по древнееврейскому алфавиту, но вскоре дед умер.

Дед по материнской линии **Юда Плискин** был потомственным лавочником и глубоко верующим евреем. Он щедро помогал бедным и нуждающимся, пользовался доброй славой в еврейской общине, а также среди крестьян. У дедушки **Юды** и бабушки **Фаи** было девять детей. После революции 1917 года пятеро братьев и сестра моей матери переселились в Петроград, а трое младших, в том числе моя мать, остались жить в **Плиссе**. После Первой мировой войны мы стали польскими гражданами, и встречи с родственниками из Советского Союза полностью прекратились. Единственной возможностью общаться была переписка.

В возрасте пяти лет я поступил учиться в хедер, а в семь лет – в польскую школу, где окончил семь классов. Начал помогать отцу и параллельно брал частные уроки по программе средней школы. Вступил во вновь созданную сионистскую молодежную организацию «Бейтар» под руководством В. Жаботинского, которая проводила активную деятельность. У меня была мечта получить рабочую специальность и уехать жить в Палестину.

В **августе 1939** года я поехал в **Вильно** (Вильнюс) поступать в еврейский техникум, но занятия не начались – объявили, что 1-го сентября немцы напали на Польшу. Так в нашу жизнь вторглась Вторая мировая война.

Мне было всего семнадцать лет. Мы ждали, придут немцы или Советы. **17 сентября 1939** года в местечко вошла Красная армия, и оно стало частью западной Белоруссии. Мы обрадовались – немцы для евреев были чем-то очень страшным.

В польских газетах на идише много писали об отношении нацистов к еврейскому вопросу, а в советских газетах не было ни слова. Мы думали, что пришла свобода от польских панов. Но советская власть дала крестьянам помещичью землю, имущество и скот, а через полгода всех загнала в колхозы. Отказавшихся вступить в колхоз – высылали «осваивать сибирские просторы»... С открытием государственных магазинов появились очереди на товары первой необходимости: соль, сахар, керосин, хлеб. Исчезла мука. Про мясо пришлось забыть. «Заработал» НКВД.

Мы надеялись, что война нас обойдёт стороной, тем более что мы были под защитой сильнейшей в Европе армии, и нам, казалось бы, нечего бояться. Но сведения, которые мы получали от беженцев – как немцы расправляются с евреями Польши, – не давали нам покоя. Постоянно ощущалось приближение какой-то беды. Главные дороги были заполнены беженцами из Польши. Немецкие самолеты их обстреливали вплоть до советской границы.

Начало войны и оккупация.

22 июня 1941 года немецкие фашисты напали на Советский Союз, а в клубе Плиссы, где я в оркестре играл на мандолине и скрипке, власти устроили танцы, велели «веселить народ». С каждым днём напряжение нарастало. Через местечко отступали «красные» из Литвы. Когда немцы вторглись из Польши на территорию СССР, советские власти просто-напросто покинули нас. Уже 24-25-го июня из райцентра уехал на Восток в полном составе весь партийный и советский актив. Мы знали, что через несколько дней появятся немцы. Всего два дня у нас было безвластие.

1 июля 1941 года появились немцы, которые чувствовали себя спокойно, купались в озере, играли на губных гармошках. «Мы ещё ни разу не выстрелили», – говорили они нам. Передовые части против евреев ничего не предпринимали. Чуть позже за евреев взялись, мобилизовали на тяжёлые работы, уборку помещений, а белорусов не трогали.

В первые месяцы оккупации немцы при помощи местных пособников составили список, в который входило восемнадцать самых влиятельных и уважаемых членов нашей общины. В этот список попал мой отец и некоторые наши родственники. Их без всякой причины арестовали и держали в местной тюрьме пять дней. Однажды я вернулся с работы домой, и сестра мне сказала, что, когда она навещала отца, знакомый немец сказал ей: «Попрощайся с отцом, мы отправляем всю группу в трудовой лагерь». Ривка попрощалась и заплакала, как будто чувствовала, что больше они не увидятся. Немцы увели их под конвоем. Родственники верили, что их действительно отправили в лагерь. Эту группу плисских евреев расстреляли, и среди них погиб наш отец **Меир-Реувен Цимкинд**.

Нас гоняли на работу в лес на заготовку древесины, на прокладку и ремонт шоссейных дорог и всех предупредили, что в случае побега в наказание будет расстреляна вся его семья. К месту работы мы ходили пешком десять километров, причём строем. Немец-конвоир ехал за нами на велосипеде. Камни и гравий подвозили на дорогу на телеге белорусы, а мы должны были загружать и разгружать телегу. За работу мы ничего не получали, и нам было запрещено покупать продукты у местных крестьян.

Однажды после работы немецкий офицер нас построил, вытащил пистолет из кобуры, выстрелил в пролетающую птицу и спросил у парня-белоруса, который правил лошадью, знает ли он, кто из нас является коммунистом или комсомольцем. Парень ответил, что не знает. У этого офицера просто руки чесались, так ему хотелось застрелить хоть одного «юде». После тяжёлого рабочего дня немцы заставили нас петь песни. Они потребовали спеть «Интернационал», но мы сказали, что до 1939 года жили при польской власти и не знаем этой песни. Наше счастье, что мы не поддались на эту провокацию.

В Плисском гетто.

Осенью 1941 года власть в Плиссе полностью перешла в руки немецкого гебитскомиссариата и белорусской полиции. Наше положение с каждым днём ухудшалось. В самой Плиссе немцев было несколько человек, всем здесь заправляла местная полиция. Начальником полиции стал **Чеснак**, в конце войны сбежавший в Польшу, его заместителем – сын работника почты **Виктор Яцино**, который вместе со своим родным братом Лёнькой и ещё с двумя двоюродными братьями первыми добровольно вступили в полицию. Они издевались над нами, как хотели. Забрали скот, запретили держать даже кошек. Жестоко преследовали контакты с крестьянами, у которых можно было купить или выменять продукты. С наступлением зимних холодов нас отправили в лес заготавливать дрова. Мы также ходили пилить дрова на станцию Подсвилье, где стояли немцы, охранявшие железную дорогу.

Весной 1942 года нас выселили из наших домов и загнали в гетто: это было около десяти еврейских домов, в которые заселили по пять семей в каждый, примерно 500 евреев. Дома были расположены вокруг площади, чтобы можно было немедленно собрать жителей гетто. Всех поставили на учёт. Евреев сконцентрировали в месте, где река вытекает из озера – такой природный «полуостров», и границы гетто даже не стали закрывать забором или колючей проволокой. На протяжении всей зимы и весны у нас периодически появлялись отряды литовских и украинских карателей, которые ходили по гетто, искали ценные вещи, часы, избивали, грабили, насиловали.

Когда пришли немцы, главному начальнику района приглянулось здание больницы, и по его указанию молодые евреи убрали и вычистили его до блеска. Однако начальник потребовал вычистить ещё и бетонную сливную яму возле него. Поручено это было юденрату (еврейское самоуправление в гетто). Для выполнения работы юденрат вызвал шестерых молодых парней, в том числе меня. Нам было обещано по бутылке спирта (он у нас очень ценился, так как на него можно было легко выменять продукты), а также выделили лошадь с телегой, на которой стояли три железные бочки. Мы привязали к вёдрам длинные палки, и работа началась. Содержимое сливной ямы вывозили на поле, находившееся неподалёку. Вонь стояла неимоверная. Работать пришлось целый день, а по окончании работы мы погнали телегу с бочками к реке, чтобы вымыть их. Лошади тоже вздумалось искупаться, и она легла в воду. Тут появился хозяин лошади (местный белорус), увидел, что она лежит в воде, помчался в полицию и заявил, что жиды утопили его лошадь. Яцино, местный головорез, послал на расправу своего брата, полицая

Лёню. Тот пришёл с резиновой палкой и бил каждого из нас по спине изо всех сил. Мне «посчастливилось» быть первым, так как я начал оправдываться, объяснять, что мы не собирались топить лошадь. Я хорошо запомнил этот случай: боли в спине ещё долго давали о себе знать. Этого полицая, с которым я когда-то учился в одном классе, впоследствии настигло справедливое возмездие: он погиб от партизанской пули.

Мы держались, как могли, даже в *Песах* **1942** года пекли мацу из последних остатков муки, но чувствовали, что конец близок.

Ликвидация Плисского гетто, скитания.

1 июня 1942 года примерно в семь часов утра мы, как обычно, собирались на работу и увидели, что всё гетто окружено полицаями и немцами, прибывшими из Глубокого. В гетто ворвались полицаи и стали выгонять всех жителей криками и ударами прикладов на центральную площадь. У нас в доме не было «схрона», и при приближении полицаев я кинулся через чёрный ход наружу, забежал в соседний, уже пустой, дом, и с чердака увидел, как немцы с собаками выгоняют на улицу мою маму, сестру Ривку и брата Берла. Их повели к площади.

Я снова забежал в свой дом, но полицаи стали повторно прочёсывать пустые дома. И тут меня поймал знакомый полицай, мой бывший одноклассник по польской школе. Он направил на меня винтовку, а я сказал ему: «Юзик, если меня убьют, тебе станет легче? Скажи, что здесь никого нет!» И… Юзик так и сделал.

Я хотел через чёрный ход выбежать за пределы гетто, но территория была оцеплена. Тогда я вбежал в ближайший дом, где до войны была столовая. Я заметил над печью дыру в потолке, заложенную досками. Я быстро взобрался на печь, оторвал доски, и в этот момент в помещение вбежала женщина, **Чернэ-Лея Гинзбург-Гельман**, мать моего друга Зямы. Мы вместе прислонили к печи дверь, которая валялась на полу, я подал ей руку, и мы оба забрались на чердак. Только успели заложить отверстие досками, как в дом вбежали полицаи. К счастью, они нас не обнаружили. Целый день мы сидели и ждали, что за нами придут. Мы слышали плач обречённых, крики полицаев и немцев, которые руководили акцией. Потом слышали, как за околицей местечка расстреливали несчастных людей – расстреливали группами, подводя их под усиленным конвоем к вырытым ночью ямам. Потом я узнал, что за день до этого немцы заставили местных белорусов выкопать могильную яму для предстоящей акции, после чего белорусов задержали в лесу, чтобы они не проболтались. В этот страшный день немцы и белорусские полицаи убили моих дорогих маму **Фаню**, сестру **Ривку** и младшего брата **Берла**, а также маминого брата **Переца Плискина** с его семьёй. Да будет благословенна их память! В этот день мне исполнилось 20 лет, и я остался один на белом свете.

Еле дождавшись вечера, мы решили уйти. Ночь стояла тихая, лунная, и хорошо было слышно, как возле дома ходит патрульный полицай. На чердаке валялись кирпичи, я взял один, сунул за пазуху и решил про себя: если я замечу полицая первым, то брошу ему кирпич в голову, мне уже терять нечего. Когда я начал спускаться с чердака, кирпич выпал у меня из-за пазухи на пол. В пустом помещении раздался громкий стук, который напугал полицая, и тот ушёл. Спустившись, я вы-

глянул через оконные проёмы и никого возле дома не обнаружил. Мы вышли через чёрный ход и направились к реке. Благополучно выбрались за пределы гетто и местечка, вошли в лес, который был неподалёку, и никак не могли поверить, что нам удалось спастись.

Мы укрылись у моих знакомых, прекрасных людей – братьев **Метелица Степана Фомича** и **Николая Фомича**. Они прятали нас у себя в сарае целую неделю, а потом это стало опасно, их сосед служил в полиции и что-то заподозрил. Степан Фомич дал нам продуктов на дорогу, и, как только начало светать, мы покинули их дом. Подошли к знакомому хутору, постучали в окно, и хозяин узнал Чернэ-Лею, дочь известного в Плиссе фельдшера. Он накормил нас и отвёл в гумно, там на соломе мы могли отдохнуть. Хозяин нас предупредил, что дверь в гумно он оставит открытой, и, если нас обнаружат, мы должны сказать, что зашли туда сами, без его ведома.

По совету хозяина хутора мы решили отправиться в гетто в Глубоком, надеясь встретить там земляков, которым тоже удалось спастись. До Глубокого было двадцать километров, которые мы прошли ночью. Когда рассвело, выбрали крестьянина, который ехал один на подводе, подошли к нему и попросили подвезти нас до гетто. Женщину он взять согласился, а меня – побоялся. Но он сказал, что тут недалеко от дороги евреи копают торф, и показал, в каком направлении идти.

Когда я нашёл этих евреев и рассказал им, откуда и кто я, они всё быстро поняли и запечалились. Мне сказали, что немец, который сопровождает их на работу, всегда после работы их пересчитывает. Я окажусь лишним, и могут возникнуть неприятности. Я решил – будь что будет, мне уходить некуда. Но Бог меня спас и на этот раз: немец за ними не явился, и я вместе с группой евреев вошёл в гетто.

Акция по уничтожению в Глубокском гетто.

В **Глубоком** до войны проживало 6.000 евреев, но вскоре после захвата города немцы расстреляли 2.000 из них, а остальных загнали в гетто. Сюда же стекались бежавшие от расстрела группы евреев из Польши, Чехии, Германии и, конечно, евреи из окрестных деревень и местечек. **Летом 1942** года в Глубоком были сконцентрированы 10.000 евреев, функционировал юденрат и еврейская полиция гетто. Гетто было разделено на две части, окружено рядами колючей проволоки, и тогда же было начато строительство высокой кирпичной ограды. Я пробрался в один из домов в гетто Глубокое, и в нём мне сказали, что минуту назад отсюда ушли полицаи-белорусы, которые искали скрывающихся выживших евреев из Плиссы.

В гетто я встретил своего друга детства **Бомку Гениховича** и около десятка земляков разного возраста. Среди них были люди, хорошо знавшие местность, один земляк до войны даже служил в польской армии. Я начал им объяснять, что надо бежать, но никто, кроме Бомки, не согласился. Мы с Бомкой стали сколачивать небольшую группу, чтобы покинуть гетто и уйти в лес, а если повезёт – присоединиться к партизанам, которых тогда было ещё очень мало.

Но не прошло и трёх недель, как вслед за расстрелами евреев в Плиссе была проведена акция по ликвидации в самом Глубоком. О её подготовке все знали заранее, так как немцы объявили через юденрат, что часть жителей гетто – «стари-

ки, больные, симулянты только потребляют, а пользы никакой не приносят. От таких дармоедов надо избавляться. Те, кто хочет честно трудиться, должны зарегистрироваться в юденрате и получить «шайн» (справку)». Им были обещаны работа и питание. Большинство населения гетто не имело регистрации. Мы с Бомкой решили не ходить в юденрат.

20 июня 1942 года немцы объявили приказ: «Всем зарегистрированным трудоспособным вместе с членами семьи собраться на площади!» Они и пошли, а те, у кого не было регистрации, стали прятаться по заранее приготовленным «секретам» (тайным убежищам). Многие матери, у которых не было регистрационных справок, отдавали трудоспособным своих детей в надежде, что их дети выживут в этой акции. Гетто было окружено усиленным кольцом. И когда люди собрались на площади, появились эсэсовцы, плотно окружили толпу евреев, объявили, что их отправляют на работу в другой трудовой лагерь, и погнали за город, где в полутора километрах в **Борках** уже были вырыты могильные ямы. Расстреливали партиями... В этой акции погибли две с половиной тысячи узников гетто, в том числе **Чернэ-Лея Гинзбург**, которая вместе со мной спаслась из Плисского гетто 1 июня 1942 года, где погибла её семья. Да будет благословенна их память!

Я вместе с несколькими беженцами спрятался на чердаке какого-то сарая. Мы через щели видели, как со стороны, где слышались выстрелы, едет обоз из подвод, гружённых одеждой и вещами евреев. Целый день на территории гетто стояла мёртвая тишина. Ни один человек не появлялся на улице. Ближе к вечеру люди постепенно стали выходить из укрытий и оплакивать погибших родных и близких.

Побег из гетто.

После очередной пережитой акции мы, спасшиеся от смерти в своих местечках и пришедшие в Глубокское гетто, решили с местной молодёжью организовать группу побега. Мы заготавливали вместительные сумки, собирали одежду, продукты, медикаменты, а также всякие мелкие вещи: иголки, нитки, мыло, зажигалки и т. п. Главным нашим оружием были кухонные ножи, которые имелись у всех членов группы. Нашли проводника – **Лейзера Мортмана** из деревни Передолы, жившего до войны неподалеку от Голубицкой пущи, куда мы стремились попасть.

К концу рабочего дня наша группа молодёжи из 18 человек незаметно по одному собралась и спряталась на фабрике, а в полночь мы ушли. Немцы и полицаи ночью были менее активны.

Местность была нам хорошо знакома, новый день мы провели в сосновом бору и ночью взяли направление на пущу. В светлое время дня держались поближе к лесу, в деревни не заходили. Приблизились к Голубицкой пуще. Шли цепочкой по лесной дороге. Идущие впереди парни увидели, как несколько человек бросились с дороги в лес. Мы позвали незнакомцев, те отозвались. Это были трое партизан. На просьбу взять нас с собой получили отказ: они шли на задание – подрывать железную дорогу. Для участия в выполнении задания они отобрали тех, кто служил в армии, а остальным сказали: «Идите, куда хотите!» Самых опытных забрали, и мы остались, как стадо без вожака.

Усталые, голодные, мы еле выбрались из пущи и разбрелись кто куда. Глубочане отправились обратно в гетто, остальные пошли по знакомым им местам, надеясь на помощь добрых людей. Вскоре я остался один и отправился в окрестности Плиссы – туда, где жил со своей семьёй до прихода немцев.

Я вспомнил, что уже при немцах зашёл к нам в дом мой товарищ по польской школе белорус **Константин Иванкович**, «белобилетник» по здоровью, и сказал мне: «Если что-нибудь случится, прибегай ко мне, я постараюсь тебе помочь». Он жил с родителями и младшим братом на хуторе, километрах в десяти от Плиссы. Золотой человек. Никогда его не забуду. Костя приютил меня в бане, покормил, но сразу предупредил, что долго меня прятать не сможет из-за плохих соседей: если заметят, то сразу выдадут. Это был смелый поступок, который мог стоить Косте и всей семье жизни. Я ушёл в лес, раз в неделю возвращался к Иванковичу, он мне давал немного еды, и я снова уходил в леса. Лето в тот год было дождливым: я не успевал просохнуть, как снова мок под дождём. Так прошло два с половиной месяца. Приближалась осень. Рожь, которая часто служила мне укрытием, убрали. Становилось холодно. И вот Костя мне посоветовал снова податься в Глубокое: может, там встречу кого-нибудь знакомого, сменю одежду, так как моя совсем уже сгнила и износилась. Оставаться здесь на зиму было опасно и для меня, и для хозяев.

Ночью я отправился в Глубокское гетто. В Глубоком за деньги можно было купить боеприпасы… у евреев. В 15 километрах была узловая станция железной дороги **Крулевщизна**, где оставались довоенные советские склады. Немцы заставляли евреев сносить всё в одно место и взрывали – боялись партизан. Евреи, рискуя жизнью, прихватывали с собой патроны, гранаты, запалы и продавали или меняли на еду.

Я незаметно пробрался в **Глубокое**, на территорию гетто. Здесь встретил своего знакомого **Айзика Боднева** (1905), до войны он жил недалеко от Плиссы. В гетто в Глубоком погибли его жена и сын. Боднев прибыл в гетто, чтобы приобрести немного патронов. Мы с Айзиком добыли теплую одежду, боеприпасы. Видимо, Господь был за нас, и мы благополучно вышли из города.

Айзик повёл меня в лес, к друзьям. Там я встретился с Бомкой Гениховичем, которого не видел десять недель. Его родителей убили немцы в Плисском гетто по ложному доносу «за связь с партизанами». У Бомки на шее висел автомат ППШ. На нём был армяк из грубого сукна большого размера и почему-то без рукавов. Это был первый вооружённый еврей-партизан, которого я увидел. При помощи местного населения мы выследили одного полицая, которого все ненавидели, и уничтожили его. Так я тоже стал обладателем винтовки.

<u>В партизанах.</u>

В лесу мы, трое евреев: Боднев, я и мой друг Генихович, искали партизан. Наконец в **декабре 1942** года в Голубицкой пуще встретили партизан. Нас подробно расспросили, кто мы, откуда, и зачислили в отряд, ведь мы пришли со своим оружием. Мы были счастливы. Отряд в 50 человек, ручные пулеметы, автоматы, всё как полагается, командир – офицер Красной армии старший лейтенант **Медведев**. Наш отряд имени Пархоменко быстро разрастался, и уже к **весне 1943** года нас

было свыше 100 человек, партизаны были разделены на три взвода. Командиром моего взвода стал **Бронислав Антонович Жук**, бывший директор МТС. У отряда на вооружении было четыре ручных пулемёта, один миномёт, у некоторых были автоматы и гранаты, винтовки были у всех. Мы постепенно втянулись в суровую партизанскую жизнь. Нас обучали, как вести себя во время боя, как нести караульную службу, как обращаться с оружием, как подкладывать мины под мосты на железной дороге и т. д.

В этом отряде я провоевал полтора года простым партизаном-пулемётчиком. Потеряв всю семью и родных, я чувствовал, что единственная цель моей жизни – это мстить врагам и их пособникам за нашу пролитую кровь. Именно так думали в то время все еврейские парни, которым посчастливилось уцелеть. Я считался «старым опытным партизаном», никогда не искал лёгких путей, всегда первым шёл на любое опасное задание, и отношение ко мне было хорошим. Участвовал в составе группы в подрыве трёх эшелонов. К подрывникам всегда прикрепляли пулемётчиков для прикрытия, но три раза мне пришлось самому закладывать мины. Всему научился со временем... И Боднев, и Генихович, и наш первый проводник Лейзер Мортман, и я – все мы в боях заслужили уважение, с нами считались. Бомка Генихович собирал по лесам скрывающихся евреев и тоже приводил их в бригаду. В моём отряде было ещё несколько евреев, бежавших из Глубокого: медсестра **Дина Дименштейн**, молодой парень **Абраша Цепелевич** и его девушка **Ривка Коган**. Цепелевич погиб в 1943 году, находясь в «секрете» в районе деревни Дедино, а Ривка тяжелораненой попала в плен, и немцы её добили.

Весной 1944 года в составе группы из 10 человек меня послали в рейд по тылам. Снег таял, были распутица и бездорожье, а идти приходилось с полной выкладкой. Но благодаря рейду я в очередной раз избежал гибели. Против основных сил бригады под Полоцком были брошены отборные части СС, два полка, которые окружили партизан. Блокада погубила многих, с большими потерями партизаны отступили.

С советскими войсками мы соединились в **июле 1944** года у посёлка Островец. В штабе нашей бригады я получил временную справку о том, что с сентября 1942 года до августа 1944 года я был в партизанском отряде им. Пархоменко, в бригаде им. ЦК КП(б)Б. В справке содержалась просьба к местным органам власти оказать мне содействие в устройстве. Это был, как у многих, мой единственный личный документ.

Чекисты, увидев, как я ориентируюсь в обстановке, в лесах, предложили мне пойти к ним служить, добивать полицаев и прочую нечисть, прятавшуюся в лесах, я согласился. Вся моя семья погибла. Я не знал, как жить дальше... Один, как перст... Я стал работать вольнонаёмным переводчиком в областном НКВД, до 1948 года ходил с автоматом, вместе с отрядами чекистов и милиции охотился за бандитами и немецкими пособниками в лесах. Всех пойманных предателей свозили в область, в Вильнюс... В какой-то момент я стал тяготиться такой службой, но уволиться из органов было трудно, и только в **1949** году, после того как я женился, мне разрешили уйти со службы.

Послевоенная жизнь.

С женой **Ханой Моисеевной Соминой** (1922) мы уехали жить в **Молодечно**. Аня работала в школе учительницей русского языка и литературы, её очень любили ученики. Затем появились свои дети, забот прибавилось, но жена продолжала работать по специальности. В 1950 году родился первый ребёнок – **Борис-Берл**, затем **Лёва-Ариэль** (1956), третий – **Вова-Зеэв** (1959) и близнецы – **Марик-Меир** и **Саша** (1961). За учительскую деятельность Аня была удостоена в 1967 году звания «Отличник народного просвещения» и в 1978 году награждена медалью «За доблестный труд». Кроме того, её наградили «Медалью материнства» – как женщину, родившую и воспитавшую пятерых сыновей. После выхода на пенсию продолжала работать до **1986** года. Затем у моей Ханы случился инсульт, и её парализовало.

В **1956** году я пошёл работать в «Сантехмонтаж», окончил заочно электротехникум, но оставался простым рабочим, к должностям не стремился. До пенсии трудился на промышленных объектах в бригаде управления «Монтажвентиляция». Вырастил пятерых сыновей. Я и мои сыновья – уроженцы Белоруссии, там же родились мои дед и прадед по материнской линии, и мы всегда жили в дружбе с белорусскими соседями.

В Израиле.

Я со своей семьёй смог приехать в Израиль только в **1988** году после десятилетнего «отказа». Память о погибших в Шоа жила со мной все эти годы. И самое главное, что я сделал в своей жизни, – в **1998** году смог возвести памятник на месте расстрела самых близких и дорогих мне людей, а также остальных евреев местечка Плисса на деньги, собранные земляками в Израиле. Пусть люди помнят, кто среди них жил и как их не стало.

В Израиле **Хана** прошла лечение в больнице «Каплан», её состояние улучшилось, и наша жизнь постепенно наладилась. Она была окружена вниманием сыновей и внуков и прожила до **27 декабря 2004** года. Да будет благословенна её память!

Отец и сыновья Цимкинд: (слева направо) Владимир, отец Моше, Александр, Лев, Борис, Марик. 2008 г. Реховот.

Наши с Анной дети – замечательные труженики и мои верные помощники. Лёва, Марик и Александр живут в моём городе **Реховоте**. Моё счастье – это мои дети и внуки. У меня 10 внуков: пять девочек и пять мальчиков. Жду правнуков – продолжения рода Цимкиндов на Земле Израиля. В кругу родных в июне **2012** года я отметил своё 90-летие.

Несмотря на расстояние, бывшие белорусские соседи приезжали к нам в Израиль в 2007 и 2009 годах. Мы тоже довольно часто бываем в Белоруссии, и нас там тепло принимают.

*

Я – единственный из евреев-жителей нашего местечка Плисса, оставшийся в живых после фашистской оккупации 1941 года. В течение всего периода оккупации я находился на территории Белоруссии. Сначала занимался активной деятельностью в Плисском гетто, в Глубокском гетто, а потом, после двухмесячных скитаний по лесу, вступил в ряды партизанского движения. События, пережитые мной и описанные в этих воспоминаниях, – это малая доля того, что мой народ перенёс в конце первой половины XX века. Более подробно я рассказал об этом в своей книге, вышедшей на трёх языках: на русском (2009), на идише (2010), на иврите (2011).

Книга Моше Цимкинда на трёх языках.

95.

Голанд Авраам
*(Минская обл., г. **Узда**)*

ПОБЕГ ИЗ УЗДЕНСКОГО ГЕТТО

Довоенная жизнь.

Мои сёстры **Хися** (1929), **Соня** (1931) и я, **Авраам** (16 марта 1934), родились в городке **Узда** Минской области Белорусской ССР в семье тружеников. Мы жили в своём большом доме в полном достатке.

Отец **Лейзер** (Лазарь) **Моисеевич Голанд** (1897) был родом из местечка **Ко́пыль** Минской области. Отец трудился с юных лет, освоил ремесло сыродела и производил замечательные голландские сыры. После окончания сельскохозяйственной академии в гор. Горки Могилёвской области папа работал агрономом в городской организации. Моя мама **Голанд** (девичья фамилия Гольдберг) **Гинда** (Евгения) **Авраамовна** (1904) в молодые годы была активисткой сионистского

движения в Узде, организатором сионистской работы среди женщин. Мама работала на конфетной фабрике, а с рождением третьего ребёнка стала домохозяйкой. Она много трудилась: могла встать в четыре часа утра, работать весь день до темноты и пойти спать, когда появлялись первые звёзды на небе. При доме был свой огород, на котором нас, детей, приучали к труду. Бабушка **Доба**, мамина мама, жила с семьёй тёти **Ханы**, маминой сестры. Праздник *Песах* бабушка проводила у нас в доме.

Сёстры учились в русской школе. Я ходил в детсад, готовился идти в школу. Дома мы говорили только на еврейском языке и хорошо знали белорусский.

Начало войны, оккупация и гетто.

О начале войны мы узнали по радио **22 июня 1941** года. Мне было в ту пору семь лет и три месяца, и я видел, что мирные люди вокруг испытывали тревогу, страх и ужас. Мы не смогли эвакуироваться, так как до ближайшей железнодорожной станции Бобруйск было 250 км.

Мужа тёти Ханы **Вульфа Шлефрина** мобилизовали на фронт, и тётя осталась с тремя детьми и пожилой матерью.

Уже через три дня, **26 июня 1941** года, немцы захватили город **Узду**. Наш дом и всё хозяйство оккупанты конфисковали. Бургомистром города немцы назначили некоего **Бреля**, сапожника, немца по национальности. Он появился в городе за два года до войны. Помню его жену и дочку, они втроём командовали при немцах всей Уздой. Нам из городской управы объявили: в течение нескольких часов евреи обязаны перейти в гетто на Пролетарской и Ленинской улицах, там нам дадут другое жильё. Когда мы пришли, нас просто затолкали прикладами в дома. Так вся наша семья: родители, две сестры и я – попала в гетто, устроенное в **июне 1941** года. Евреи города состояли на учёте, жили в определённых местах, мы носили жёлтые звёзды.

Нам довелось пережить все ужасы гетто. Каждое утро те, кто мог двигаться, обязан был прийти для отправки на разные работы. Немцы строили на территории города большую военную базу, и они использовали нас – тысячи заключённых гетто. Для базы был выбран комплекс зданий в городе, и узников колоннами водили строить крепостную стену высотой три метра с местами для пушек и по периметру километра два вокруг базы. Я носил песок, сёстры работали, папа и мама таскали брёвна и на этом подорвали своё здоровье.

Ходили на работу оборванные, голодные, питания не давали, мы варили и ели крапиву. От неё у всех были поносы. Нас подкармливали жившие в городе татары, их немцы не трогали.

С первых дней фашисты стали уничтожать евреев. Работоспособных узников гетто гнали на принудительные работы, а в это время немцы хватали детей, стариков, оставшихся в домах, и расстреливали. Люди знали о расстрелах и пытались спрятаться. Я прятался на чердаке и видел, как в конюшню забежали пять еврейских мальчиков. Наверное, кто-то их заметил, потому что вскоре к конюшне подъехала машина с немцами. Мальчиков вывели, убили возле машины и тела увезли. Во время одной из облав тётя **Хана Шлефрин** (1905) с тремя своими детьми:

Володей (1931), **Галей** (1933), **Майей** (1935) и бабушка **Доба Гольдберг** (1873) затаились в закутке под русской печью в своём доме. Самый злобный полицай **Сашка Жданович** и группа немцев ворвались к ним во двор, обыскали дом и нашли их. Прямо во дворе взрослых расстреляли, а детей убили, схватив за ноги и ударив головкой о стену дома. Трупы побросали в машину и увезли в общую яму. За городом на опушке леса были выкопаны 4-5 больших рвов-могил, здесь было место расстрела, у которого находились полицаи и немцы, сюда привозили евреев на казнь и свозили тела убитых в гетто.

Местные пособники оккупантов, полицаи знали, где живут и прячутся евреи, и показывали немцам эти места. Полицаи без всяких причин избивали евреев. На улице забили до смерти парикмахера. На пожарной станции убили пожарного. Над раввином **Шлефриным** полицаи учинили показательную расправу. Они вытащили его из дому и пригласили смотреть на казнь своих жён. Женщины и их мужья выражали бурный восторг от издевательств над пожилым человеком и от его гибели.

Многих моих близких, родных немцы уничтожили в Узденском гетто в годы Шоа. В **октябре 1941** года были расстреляны во время погрома ещё две мамины замужние сестры: **Миня** (1895) с мужем **Муней Пикусом** (1891) и семью детьми, **Эдля Прощицкая** (1901) с пятью детьми и брат **Лейзер Гольдберг** (1898) с женой **Ливсой** (1910) и тремя детьми.

Давид Пикус (1927) – восьмой ребёнок тёти Мини, мой двоюродный брат – сумел сбежать прямо из мчащегося грузовика, на котором везли узников. Еще несколько человек последовали его примеру, и все скрылись в лесу. Позднее они влились в партизанские отряды. Давид впоследствии пропал без вести.

Лучших специалистов из гетто в гор. Узда немцы схватили вместе с семьями и отправили для работы в **Минское** гетто. Там, когда специалисты-евреи были на работе, немцы тоже устраивали облавы и расстреливали их детей и престарелых родителей.

Трагические для еврейского народа события происходили и в расположенном в пятидесяти пяти километрах от Узды местечке **Ко́пыль** Минской области, где жили родные отца. Здесь в **сентябре 1941** года немцами и белорусскими полицаями были убиты мой дедушка **Голанд Моше** (Моисей) **Лейзерович** (1870) и папины братья **Рувим** (1912) и **Юдл** (1914).

В годы страшной войны 1941-1945 годов наши родители думали, тревожились о семье, были ежесекундно в тревоге и заботе о нас, детях, старались, как могли, спасти нас. Облавы стали регулярными, каждый день расстреливали узников гетто, особенно нетрудоспособных. Моя мама, очень решительная и сообразительная женщина, и отец решили, что нам надо бежать в лес. Папин отец до 1917 года владел лесом, и папа вырос и чувствовал себя в лесу как дома. Мама в детстве и юности жила в деревне **Миколка**, окружённой лесами, которые кормили и защищали, и была приспособлена к лесной жизни. По натуре мама была женщиной отчаянной. Она задумала идти в родную деревню, где жила белорусская женщина Клавдия, прятавшая от бандитов всю их семью с восемью детьми в Гражданскую войну.

Лес находился в полукилометре от гетто. Мы должны были уйти тихо и незаметно для других жильцов нашего дома. Вылезли через окно ночью, взяв с собой только жалкие тряпки, чтобы укрываться. Пригнувшись, перебежали через луг, иногда передвигались ползком, пока не достигли леса.

На оккупированной территории.

9 сентября 1941 года вся наша семья совершила побег из гетто и оказалась в ночном лесу. Вглубь идти мы не могли: там рыщут волки. До утра просидели в начале леса у дороги, ведущей в мамино село **Миколка** Узденского р-на. Сняли с себя жёлтые звёзды. С утра скрытно прошли 15 километров по лесу вдоль дороги, мы видели проходящих и едущих людей. У деревни ждали до темноты, и мама одна пошла к Клавдии. **Клавдия** была старенькая, выслушала маму и её просьбу спасти нас, как когда-то, спрятать в хлеву или на чердаке. Она ответила: «Гиндочка дорогая, не могу, боюсь. У нас староста бандит, он выдаст – и вас, и меня расстреляют. Я вам всё дам: одежду, еду, сноп соломы для подстилки. Вы уже решайте сами, что делать дальше». Она с мамой принесла нам в лес то, что обещала: сыр, масло, несколько буханок хлеба, картофель, и ушла.

Мы пошли лесом, не зная, что делать дальше. Днём много шли, скрываясь, с опаской. Однажды встретили вооружённых людей, это были партизаны. Мы рассказали, что бежали из гетто, просили спасти нас, принять в отряд. Они ответили, что не могут взять семью с маленькими детьми, нужны только бойцы. Когда мы с ними расстались, мама с папой решили, что мы должны двигаться на восток, в сторону Москвы – там фронт, там спасение.

Мы продвигались, прячась в стогах сена, иногда ночевали в поле, под дождём, но в основном в лесу. Сноп соломы – нашу постель – папа нёс на плечах. В пути простыла и сильно заболела моя старшая сестра **Хися**. У неё наступил ревматизм, открылся порок сердца. Слава богу, она могла передвигаться самостоятельно. Мы с Соней были здоровы и шли сами. У папы произошло обострение трофической язвы, из-за которой его не призвали на фронт в июне 1941 года. Он страдал от грыжи, полученной на работе в гетто, еле ходил. Несмотря ни на что мы двигались на восток: мокрые, голодные. Что-то удавалось стащить с огородов: морковку, картошку. Взрослые особенно следили, чтобы нас не заметили, и мы шли по лесам в поисках выхода с оккупированной немцами территории.

Наконец мы пришли в **Могилёвскую** область. Двигаясь по лесу вдоль дороги, увидели в чаще трёх человек, похожих на евреев. Мама подошла к ним, они поговорили, стали обниматься. Оказалось, что это мать по имени **Рахель** и двое детей (фамилию уже не помню): дочь **Лиза**, имя сына не помню. Эта семья из Витебска спаслась так. Немцы собрали и заперли евреев города и семью Рахели в большом клубе. Лиза была настоящей красавицей лет восемнадцати, от неё невозможно было отвести глаз. Немцы караулили все выходы из клуба. Один из немцев обратил внимание на Лизу, она ему очень понравилась. Он подозвал её ночью и тихо сказал: «Я открою дверь, и ты убежишь». Она сказала ему, что не одна. Лиза позвала мать и младшего брата. Охранник приоткрыл дверь, они выскочили и добрались до леса, долго скитались. Теперь в нашей группе стало восемь чело-

век. Лиза и мама по дороге ходили просить еду. Была холодная осень. Как мы ни прятались, но однажды нарвались на немецкий патруль. Началась погоня за нами. Бежать по лесу было трудно, мы собрали все силы и неслись сломя голову. Немцы открыли огонь, я слышал, как пули свистели близко от меня. Был убит сын Рахели. Когда погоня прекратилась, стало тихо, мы остановились перевести дух. Рахель была ранена в шею снаружи возле щитовидной железы. Окровавленная, она рвалась искать сына. Мама и Лиза еле удержали женщину в горе, перевязали её рану.

Весь октябрь 1941 года мы скитались по лесам вдоль дороги на восток. И только в конце **октября 1941** года встретили группу вооружённых красноармейцев, выходивших из окружения. У них были две подводы, и они тоже скрытно пробирались на восток. Взять нас с собой солдаты не хотели. Но командир посмотрел на Лизу и уже не смог отказать такой красоте. Он приказал поместить Рахель, меня и Соню на подводу возле раненых солдат. Так мы двигались теперь в составе подразделения Красной армии. У линии фронта солдаты разведали свободный для прохода участок в районе Смоленска, и ночью мы перешли на нашу сторону. С момента побега из гетто Узды до линии фронта моя семья прошла примерно 400 километров. Мы спаслись от фашистской оккупации, и началась другая, не менее тяжёлая жизнь в советском тылу.

Эвакуация и возвращение домой.

Рахель и Лиза больше с нами не расставались. Мы отправились искать железную дорогу. На какой-то станции сели в товарный поезд, и нас повезли вглубь страны. По пути наш состав атаковала немецкая авиация, и в результате бомбардировки были контуженные, раненые и убитые. Моя сестра **Соня** была тяжёло ранена в спину. Из-за серьёзной травмы позвоночника её постиг двусторонний паралич. Речь сохранилась. Папа с мамой переносили Соню на руках.

В начале **1942** года мы попали в Южный **Казахстан**, в Чимкентскую область. Жить пришлось в ауле в глинобитном домике с земляным полом, куда нас привезли и оставили. И в первые дни в эвакуации моя дорогая сестра красавица **Соня** умерла. Для всей семьи её смерть в десятилетнем возрасте стала большой трагедией, а для меня смерть Сони и сегодня – самая страшная минута войны, её жестокой сущности. Не успели родители похоронить свою любимую дочь, как больного отца **Лейзера** с документом об инвалидности признали годным и мобилизовали на фронт.

Место проживания было глухое, питания не было. Маму заставляли работать с утра до вечера в колхозе: она чистила арыки, колодцы, трудилась на картофельном поле, на бахче. За мной каждое утро приезжал на лошади мальчик и отвозил в поле. Я в девять лет обрабатывал хлопчатник, ходил за плужком. За работу ничего не давали: ни денег, ни продуктов. Иногда казахи, у которых мы жили, отрывали от себя и кормили нас. Мы голодали. Мы ходили к соседям, к людям выпрашивать еду. Они что-то давали, а колхоз – нет. Совесть наша не позволяла украсть зерно или овощи. Возле домика мама посадила кукурузу, подсолнечник, поливала, обрабатывала. Когда урожай вырос, его украли. Мама спустя много лет рассказывала, что она питалась огрызками от яблок: собирала их, мыла и доедала. Мы, дети, получали от неё еду и не спрашивали, что ест она.

В **мае 1944** года мама, я и старшая сестра **Хися** решили возвращаться в Белоруссию, потому что в Казахстане жить дальше не было сил. С нами поехали Рахель и Лиза. Возвращение домой было сложным и трудным. Пересадки с поезда на поезд, ожидания на разных станциях, иногда скитания, мы голодали, попрошайничали у местного населения.

В конце **июня 1944** года мы добрались в товарном поезде до маленькой станции перед городом Бобруйском. Машинист паровоза нам сказал, что поезда дальше не идут, впереди пути не восстановлены. Нам предложили ехать до Бобруйска в длинной колонне машин, которые везли на фронт боеприпасы: бомбы, мины, снаряды и т. п. Я и мама сели в кузов машины «ЗиС», а Хися – в «студебеккер» вместе с двумя знакомыми женщинами. Не доезжая до реки Березины с понтонным мостом, колонна остановилась, и водителей строго проинструктировали: на мосту при форсировании развить как можно большую скорость, хотя это опасно, чтобы успешно преодолеть очень крутой высокий подъём, который следовал после переправы. Иначе преодолеть подъём невозможно.

На переправе я видел, как впереди идущие машины помчались вперёд по мосту. А водитель нашего «ЗиС»а поехал по переправе медленно, боялся, что мост временный, понтонный. И наша машина, съехав с моста, смогла преодолеть только половину подъёма. Тяжело гружённая машина остановилась, тормоза не смогли её удержать, и она медленно стала ползти вниз. Водитель понял, что дело идет к большой катастрофе. Он стал кричать: «Помогите! Помогите!» Но вокруг было совсем темно и ни одного человека.

Моя мама **Гинда** услышала крик водителя и соскочила с машины. Я остался сидеть в кузове. Лишь стоя возле сползающей машины, мама поняла, что в ней её ребенок. Она бегала рядом с машиной, которая всё быстрее стала скатываться к основной колонне. Что делать? И вдруг мама наткнулась на груду больших камней. С единственной мыслью обо мне, сидящем среди боеприпасов, она схватила огромный тяжёлый камень и положила под задние колёса. И… чудо – машина остановилась. Командиры подбежали к водителю и отругали его как следует. На маму, предотвратившую большое столкновение, от которого неизбежно взорвались бы машины с боеприпасами и рухнула стратегически важная переправа через реку Березину, никто не обратил внимания. Два «студебеккера» вытащили наш «ЗиС» на ровное место, мама села ко мне, и мы въехали в Бобруйск. После этого настоящего подвига мама страдала всю жизнь. Подняв тяжёлый камень, она сильно подорвала своё здоровье.

Вернувшись в **Узду**, мы застали наш дом полуразрушенным. Пришлось его восстанавливать. Я чувствовал большую боль за уничтоженный город и народ, в том числе за пять семей близких родственников. Белоруссию освободили от врага, но разве можно было радоваться, что ты жив, при такой трагедии?

Из писем отца мы знали, что он в звании ефрейтора участвовал в боях за освобождение Украины, Белоруссии, Польши, его часть штурмовала Берлин. В каждом письме он писал, что скоро вернётся. Папу мы больше не видели, **Лазарь Моисеевич Голанд** погиб победной **весной 1945** года при взятии Берлина и похоронен

со всеми воинскими почестями на воинском кладбище в Германии. Гибель отца была незаживающей раной для всей семьи, болит она у меня и сегодня.

Послевоенная жизнь.

День, когда объявили об окончании войны, до сих пор остаётся для меня одним из самых радостных воспоминаний. После войны пошёл в первый класс. Окончив успешно десятилетку, я поступил в Минский медицинский институт. Жили мы с мамой уже в **Минске**. После окончания института я работал в одной из поликлиник г. Минска отоларингологом. На протяжении 10 лет исполнял обязанности заведующего ЛОР-отделением поликлиники. Многие годы возглавлял профсоюзную организацию поликлиники. Администрация и больные ценили мою работу.

В результате тяжёлой болезни от невзгод и страданий во время войны сестра **Хися** умерла в **1962** году, прожив всего 33 года.

В Израиле.

Много лет я и моя мама Евгения Голанд мечтали уехать в Израиль. 12 марта **1991** года я с мамой репатриировался в Израиль, в город **Реховот**. Я привёз её в возрасте 87 лет, она уже плохо передвигалась. Мама прожила со мной ещё 10 лет, за что я бесконечно благодарен моему государству Израиль. Я своей жизнью в Израиле очень доволен, несмотря на ухудшение здоровья.

*

Война – это страшная пора. Каждый день нас подстерегала беда. На войне погибли и в послевоенные годы умерли мои родные непосредственно от военных последствий: ранений, переохлаждений, голода, физических перегрузок, психологических травм – свидетельствую об этом как врач. Остались единицы переживших Шоа. Пребывание в гетто, в оккупации – это трагический отпечаток на всю жизнь.

Мать Гинда Голанд.
1945 г. Узда.

Сестра Хися Голанд.
1946 г. Узда.

Абрам Голанд.
1950 г. Узда.

96.

Кацнельсон Лиза
(Могилёвская обл., г. ***Бобруйск****)*

БЕГСТВО ИЗ ОККУПИРОВАННОГО БОБРУЙСКА

Довоенная жизнь.

Я родилась в белорусском городе **Бобруйске** в семье **Исаака-Иосифа Подрабинока** (1898) и **Хаи Львовны**. Мама была старше мужа на 5 лет. Папа работал столяром в разных организациях: изготавливал окна, двери, ремонтировал деревянную часть квартир. В паспорте у папы было записано: «Исаак-Иосиф Меер-Дóвидович Подрабинок». Его отец **Меер-Дóвид**, дедушка и прадедушка веками жили в Бобруйске. Папа был старшим среди пяти братьев и двух сестёр. Он хотел работать с людьми, даже начал учиться на парикмахера, но его отец настоял на столярном ремесле для сына, потому что столяр не обязан работать в субботу. Мама до рождения второго ребёнка работала продавцом в магазине одежды, а потом стала домохозяйкой. Жили мы очень бедно, питались в основном с домашнего огорода.

Кацнельсон Лиза. 15 февр. 1941 г. Бобруйск.

Дом наш был собственностью дедушки **Лейбы** (Лёвы) **Нисенбаума** и бабушки **Суры-Леи**, маминых родителей, умерших до войны. Половина дома (4 комнаты) принадлежала маме, самой младшей в семье, в другой половине проживал её брат **Берл** (Борис) с женой **Хасей** и детьми: сыновьями **Йоней** (1910) и **Фишей** (1905), женатым на **Нехаме**. Мамина сестра, портниха **Рахель** (Рохл), жила с мужем **Борисом**, военным портным, отдельно. В Минске находился мамин брат **Моисей** (Мишкэ), директор гостиницы, умерший перед войной.

Когда мы с братом пошли в школу, я была круглой отличницей.

Начало войны и оккупация.

Воскресный день **22 июня 1941** года я помню ясно. Дома были только дети: **Фаня** (16 лет – 7 ноября 1924), я – **Лиза** (13 лет – 9 августа 1928), **Лёва** (12 лет – 3 октября 1929) и **Соня** (6 лет – 30 октября 1935). Мы проснулись от стука в дверь. С порога моя подруга Галя закричала: «Вы слышали? Была бомбёжка, все говорят, что началась война!» Мы вскрикнули: «Бомбёжка? Где?» – «Идёмте со мной, я покажу!» – позвала Галя. Мы побежали в сторону парка и увидели во дворе Дома пионеров большую воронку от упавшей бомбы. Взрослые и дети с испуганными лицами стояли вокруг неё. «Дети, идите все домой. Возможно, что за этой бомбёжкой последует много других», – обратился к нам один из мужчин. Мы побежали по домам.

В свои 13 лет я чувствовала, что происходит что-то страшное, но не могла понять, до какой степени. Следующая ночь прошла спокойно, хотя мы, дети, сразу повзрослели и с трудом могли сомкнуть глаза. Рано утром мама Хая разбудила меня и старшую сестру Фаню и отправила нас за хлебом. Она с ночи занимала очередь на троих – продавали по одной булке хлеба на человека, и мы получали три булки. Как только мы вернулись домой, мама закрыла все окна и двери. Весь день мы не выходили из дому, постоянно слушали радио. Снова и снова повторялось сообщение: «…Без объявления войны германские войска напали на нашу страну».

На следующий день папа **Исаак** вернулся домой рано и сообщил, что он мобилизован на фронт. Я помню, как мама заплакала, а следом за ней заплакали и мы, дети. Папа собрался, нас всех поцеловал и ушёл, не оглядываясь. Тогда же были призваны в Красную армию и ушли воевать папины братья **Хаскель** и **Миша**.

Мама осталась с нами одна. Чуть позже в этот день нас ошеломило объявление диктора местного радио: «Внимание! Жители города Бобруйска, бегите прятаться в лес. На город надвигается 40 немецких бомбардировщиков. Бегите в лес!» Мама быстро собрала нам тёплые вещи, две булки хлеба и уложила груз в соломенную корзину. Ведь мы не знали, где проведём следующую ночь. Взяли вещи, закрыли дом на ключ и выбежали на улицу.

На улице была большая паника, люди кричали и плакали, тащили чемоданы, вещи, которые по дороге пришлось бросить. Вдруг мама заметила, что в стоящий грузовик поднимаются и садятся люди. Мама решила, что они едут в **Рогачёв** и что нам надо тоже забраться в эту машину. Держа нас за руки, она пыталась прорваться сквозь толпу. Все толкались и пытались залезть в грузовик. Мама кричала: «У меня дети, маленькие дети, дайте мне пройти!» Она подняла младшую сестру **Соню** и посадила в грузовик, затем помогла запрыгнуть сестре **Фане**, брату **Лёве**, последней забралась я. И вдруг – о ужас! – грузовик тронулся, и мама не успела сесть с нами. Мы видели маму с распростёртыми руками, бегущую за машиной. Она кричала: «Дети, мои дети!» – но шофёр её не слышал. Машина набрала скорость, мы уехали, и мамы уже не было видно. Через какое-то время незнакомая женщина спросила, с кем мы едем, и мы объяснили, что мама не успела сесть. Нас высадили из машины и велели идти обратно.

Мы шли очень долго, не знали, куда идти, младшую сестричку по очереди несли на руках. Наконец показался **Бобруйск**, и мы двинулись в сторону нашего дома. Мы шли по улицам родного города и не узнавали его: кругом были дома без людей, стояла пугающая тишина. Мы приблизились к нашему дому № 103 на улице Коммунистической и вдруг услышали рёв мотоциклов, на которых сидели военные со свастиками на рукавах. Это немцы въехали в Бобруйск. Я почувствовала слабость в ногах и потеряла сознание. Когда пришла в себя, меня держали под руки Лёва и Фаня. Я поняла, что это не сон, и заплакала вместе со всеми.

Мотоциклисты проехали мимо, дома на стук никто не ответил, русские соседи открыли и с сочувствием к нам предостерегли: «Ой, киндер (*идиш* дети)! Что вы тут делаете? Уходите, прячьтесь, бегите!» И мы решили пойти к тёте Рохл, она жила в получасе ходьбы от нашего дома, на улице Красноармейской – угол

Минской. Тётя **Рохл Лейбовна Ниссенбаум** (1890) и её муж **Борис Исаакович Геллер** (1891), не имея своих детей, очень любили нас и помогали нам, опекали. Мы надеялись и в этот раз прийти к родным людям. По дороге нас догнала и остановилась машина. Из неё нас позвали по именам, это оказалась **Нехама**, невестка дяди Берла. Мы объяснили ей, что потеряли маму и идём к тёте Рохл, может, мама там. Нехама сказала, что в их машине нет места, и взять нас невозможно, но чтобы мы немедленно уходили пешком в направлении **Рогачёва**.

Если бы мы пришли к тёте Рохл и дяде Борису и остались у них, мы погибли бы вместе с ними. **7 ноября 1941** года всех евреев, оставшихся в Бобруйске, немцы загнали в пригород **Еловики**, велели выкопать большой ров, живьём затолкали в эту яму и засыпали землёй. Немцы берегли патроны. Русские соседи тёти и дяди видели и рассказали нам после войны, что земля в том месте дрожала в течение трёх дней.

Вслед машине мы отправились в **Рогачёв**, еле успели перейти через мост, почти сразу после нашего перехода он был взорван отступающими советскими войсками. Видели в пути, как горит подожжённый хлебокомбинат. От беженцев мы узнали, что Красная армия движется на Рогачёв, и это успокаивало. Мы шли усталые, голодные, губы потрескались от жажды, ноги опухали от ходьбы, но мы двигались дальше. Незнакомая женщина дала нам по кусочку хлеба и напоила водой из болота.

Внезапно началась сильная бомбёжка, и все разбежались по лесу. Когда взрывы утихли, я вдруг поняла, что потерялась – никого из родных рядом не было. Кричала, звала, плакала, меня охватил ужас. Начинало темнеть. Я увидела небольшой дом, на мой стук вышел мужчина-лесник и сказал мне по-белорусски, что надо отсюда уходить, здесь кругом немцы ходят. Он дал мне напиться, тряпочкой вытер моё грязное лицо, взял за руку и повёл меня через лес. Он шёл со мной долго, пока не привёл к дороге на Рогачёв. Сказал: «Видишь, люди идут, иди к ним» – и ушёл. Я вышла на дорогу. И здесь, к моей радости, увидела Фаню, Лёву и Соню. Теперь уже вместе мы двинулись дальше и несли Соню. Было очень страшно, потому что местность, где мы шли, постоянно бомбили и обстреливали. Но впереди нас ждала радостная встреча с мамой. Мама возвращалась из Рогачёва в надежде найти нас, шла нам навстречу. Увидев её, мы забыли обо всём: смеялись, плакали, обнимали друг друга. Мы были уставшие, голодные, грязные, но мы опять все вместе, и это вселяло в нас надежду на что-то хорошее. В гор. **Рогачёве** Гомельской области мы встретили дядю **Берла** с женой и продолжали путь вместе с ними.

Мы отправились в сторону **Гомеля**, туда направлялось много таких же беженцев из Рогачёва. Путь наш был долог – 200 километров частично на пароходе и пешком. Немецкие самолёты на бреющем полёте, так что мы видели лица лётчиков, обстреливали идущую толпу. На дороге оставались убитые. Обувь вся порвалась, ноги опухли, не было воды и хлеба. Очень намучились.

Эвакуация.

По прибытии в **Гомель** нас с другими беженцами поселили на железнодорожном вокзале. Его здание очень большое, но и людей тьма-тьмущая. Нас покор-

мили гороховой похлёбкой, и это было большой радостью. Потом мы услышали распоряжение выйти на перрон и разместиться в товарном поезде с открытыми платформами. В первую очередь сажали женщин с детьми и инвалидов. На этот раз мама, продвигаясь к поезду, крепко держала нас за руки. Была толкотня, люди старались опередить друг друга. Мы забрались в товарный поезд, в тесноте стояли, прижавшись друг к другу. Наконец состав двинулся. Днём он стоял в тупиках, чтобы не попасть под бомбы, а ночью продолжал движение. Я не знаю, сколько времени длилась эта поездка, но мы добрались до Сталинградской области примерно в конце **июля 1941** года. Здесь были поданы подводы, и нас повезли дальше, ещё дальше от немцев.

Конец лета, осень и зиму **1941** года мы провели в колхозе «Путь к коммунизму», на казачьем хуторе **Прудки** Катасоновского сельсовета Михайловского р-на Сталинградской области. Мы ходили на прополку, и нас кормили, выдавали хлеб, картофель, пшено, но с осени выдача продуктов почти прекратилась. Жили впроголодь. От местных детей мы слышали: «Жиды, уезжайте отсюда!» Они кричали нам то, что слышали в своих домах. Было страшно. С приближением зимы в нашем «жилище» на две семьи – бывшем амбаре во дворе у казачки **Насти** – стало очень холодно, а мы голые и босые. Убегая из дому, ничего не взяли, кроме пальтишек, которые служили и одеждой, и одеялом. На обе семьи у нас была одна пара мужских ботинок. Топить печку было нечем, и мы по очереди выходили в ботинках рвать стебли подсолнухов, чтобы ими протопить печь и погреться. Внутри амбара стояла одна на всех кровать, на неё постелили солому и спали поперёк кровати. **Зимой 1941-42** гг. от голода умер мамин брат **Берл Ниссенбаум**.

Весной 1942 года вся семья заболела сыпным тифом, и нас на подводах отвезли в районную больницу. Это время я не помню, мне рассказали потом, что я была без сознания, с температурой свыше 40 градусов. Когда пришла в себя и с трудом встала на ноги, доктор сказал: «Лиза, теперь ты будешь долго жить, кризис миновал». Но я ничего не слышала, оглохла. Врач успокоил, что слух восстановится постепенно. Я посмотрела на себя в зеркало и увидела, что передо мной стоит лысая сгорбленная старушка – это была я.

Немцы приближались к Сталинграду. Мы получили письмо от папы из госпиталя. Он узнал о нашем местонахождении через Бугуруслан, где имелись данные о всех эвакуированных. Папа написал нам и в военкомат, чтобы его семье помогли уехать. Мы получили разрешение на проезд в город **Рубцовск** Алтайского края. Ехали мы очень долго, на этот раз в товарном закрытом поезде, где можно было сидеть и лежать. В Рубцовске нас определили на эвакуированный сюда Харьковский тракторный завод, выпускавший теперь танки, выдали одежду: телогрейки, ботинки на деревянной подошве с обмотками, а также хлебные карточки – по 700 граммов хлеба на человека. **Фаня** работала в чугунно-литейном цехе, я и брат – на обработке деталей. Здесь мама и записала меня шестнадцатилетней, чтобы я могла получать не детскую, а взрослую норму хлеба. С тех пор в документах я – 1925 года рождения.

Окончание войны и день Победы мы встретили в Рубцовске. Радовались миру и в то же время вместе с мамой оплакивали смерть дяди **Берла** и обоих его сыно-

вей: рядовые **Ейна** (Йоня) **Ниссенбаум** (1910) и **Фиша Ниссенбаум** (1905), находясь на фронте, пропали без вести в августе-сентябре **1944** года. Пусть будет вечной память о них!

Фаня вышла в Рубцовске замуж. Я сумела окончить здесь школу-десятилетку и статистические курсы. В Рубцовске мы находились до **мая 1946** года, потом вернулись в Бобруйск.

Послевоенная жизнь.

В **Бобруйске** дома нашего уже не было, вся улица была разрушена, и мы жили по чужим квартирам. К этому времени папа вернулся из госпиталя, и нам выделили жильё – две комнаты в коммунальной квартире. Была голодная послевоенная пора, продовольствие получали по карточкам. Папа работал столяром, иногда рассказывал, как воевал на японском фронте.

Тяжелейшим ударом для папы и нас стало известие о гибели его сестры **Брони Подрабинок** (1902), убитой в Бобруйске в **1941** году в одной из нацистских акций по уничтожению евреев Бобруйска. Вечная ей память!

Постепенно стало известно и о гибели его четырёх братьев. Брат **Зиновий Подрабинок** (1910), работавший директором школы в Свислочи, погиб с женой **Розой** (1912) в годы немецкой оккупации в гор. **Свислочь** Гродненской области. Брата **Файвла Подрабинока** (1904), экспедитора, из Бобруйска отправили в первые дни войны отвезти срочный груз в Брест. Его жена успела бежать из города, а он вернулся, когда немцы уже взяли Бобруйск. Белорусские полицаи зимней ночью **1942** года выломали дверь в его доме, вытащили Файвла на улицу и забили насмерть палками. Погибли на войне в рядах Красной армии братья **Хаскель Подрабинок** (1906-?) и **Михаил Подрабинок** (1916-1941). Да будет вечной память о них! В живых из большой семьи остались израненный на фронте папа и его сестра **Лея** (1900), чудом спасшаяся в Катастрофе.

Погибший папин брат Михаил Подрабинок с женой Матильдой. 1938-40 гг. Бобруйск.

Я училась и работала экономистом на Бобруйской зеркальной фабрике, став через несколько лет начальником планового отдела. В **1951** году я вышла замуж за **Меера Вольфовича Кацнельсона** (7 авг. 1922), инвалида войны. В звании старшины Меер храбро воевал в стрелковом полку в роте противотанковых ружей, совершая подвиги храбрости. Перенёс не одно фронтовое ранение. Родились дочка **Валя** (1952) и сын **Зиновий** (Дима) (1957).

В **1964** году я с семьёй переехала в гор. **Минск**. После окончания Института народного хозяйства меня перевели с Бобруйской зеркальной фабрики на Минский фарфоровый завод, где я работала начальником планового отдела до 1990 года. Мой трудовой стаж с 1943 года – 46 лет. Награждена медалью Президиума Верховного Совета СССР «Ветеран труда».

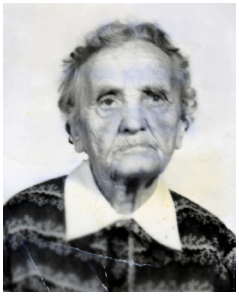
Сестра **Соня** с двумя сыновьями в **1980** году уехала жить в Америку.

17 декабря **1984** года мой муж **Меер** умер от тяжёлых ранений, которые часто напоминали ему болью о прошедшей войне. Его боевые ордена и медали при

выезде из СССР мне не разрешили взять с собой и отобрали. Мама **Хая** прожила 89 лет. Наша мама всю жизнь верила и говорила, что в годы войны нас Бог спас. А я знаю, что мы остались живы во время войны благодаря нашей дорогой маме. Папа **Исаак** умер 13 ноября **1990** года, через 7 месяцев после моего отъезда в Израиль. Да будет благословенна их память!

Папа Исаак Подрабинок. 1990 г. Бобруйск.

Мама Хая Подрабинок. 1982 г. Бобруйск.

В Израиле.

10 апреля **1990** года я с детьми репатриировалась в Израиль. Живу в городе **Реховоте**, недалеко от сына. **Зиновий** работает на высокотехнологическом предприятии. Семья **Вали** обосновалась в гор. **Кирьят-Малахи**. Её профессия – воспитатель. Валина дочь **Алина** после военной службы окончила Бар-Иланский университет, работает руководителем поликлиники. Сегодня у меня два внука и правнучка.

Две дочери моей сестры **Фани**, умершей в **1992** году в Нацрат-Илите, живут в Израиле. Брат **Лёва** умер в **2010** году в Америке.

97.

Плакс Соня
*(Могилёвская обл., г. **Могилёв**)*

Я – ДОЧЬ ПАРТИЗАНКИ

Я была рядом с мамой в гор. Могилёве с **1944** года, когда она забрала меня из детского дома, и до её последнего дня. В течение этих 42 лет мама, мой самый близкий друг, с большой неохотой делилась тем, что она пережила в годы войны на оккупированной немецкими фашистами территории Белоруссии. В редкие минуты воспоминаний мама почти всегда рассказывала, как она искала меня в конце войны. В моём рассказе собрано по крупицам всё, что я слышала от мамы о нашей семье, и о людях, спасавших меня в годы войны и Катастрофы.

Довоенная жизнь.

Я, **Соня Цодиковна Плакс** (девичья фамилия Ратнер), родилась **28 октября 1939** года в гор. **Могилёве** Белорусской ССР. Моя мама **Бронислава** (Броня, Буня)

Исаевна Ратнер (1915) работала до войны секретарём Могилёвского райкома комсомола, любила жизнь, работу, нескончаемые встречи с молодёжью. Она прекрасно владела еврейским, белорусским и русским языками.

Мамина родня жила в селе **Шепелевичи** Круглянского р-на Могилёвской области, здесь родилась моя мама у бабушки **Цивьи** (примерно 1890) и дедушки **Исая Ратнера**, умершего до войны. У мамы были старшая сестра **Поля** и младший брат **Шая**.

Отец **Цодик Самуилович Куськин** (1911) служил кадровым военным в Красной армии под переделанным именем Анатолий Самойлович. Мама познакомилась с отцом – техником на военном аэродроме в Могилёве, и они записались мужем и женой. В Могилёве жили папины родные: сёстры **Перла** (Поля), **Мача** и брат **Мойша** (Миша). Папа был младшим из детей.

Начало войны и оккупация.

В 1941-м, за несколько месяцев до войны, отца мобилизовали в армию, он отвёз маму и меня в дер. **Шепелевичи** к бабушке Цивье. Там, в доме на еврейской улице Хохловка, нас и настигла война. Мы эвакуироваться не смогли. Мамины брат Шая и сестра Поля, жившие в других городах, эвакуировались. До прихода немцев успели уехать из Могилёва и родные отца.

Во время войны с **лета 1941** года я вместе с мамой и бабушкой находилась в немецкой оккупации в селе **Шепелевичи**. В **апреле 1942** года немцы вошли в село, согнали всё еврейское население к зданию местной школы и начали расстреливать. Я, ребёнок двух с половиной лет, находилась на руках у матери. Первыми упали сражённые пулями бабушка **Цивья** и две её сестры, мамины тёти (имена не знаю). Увидев это, мама упала в обморок, не выпуская меня из объятий, что спасло нас от смерти: пули пронеслись над нами.

Немцы ушли, а нас кто-то вытащил из груды убитых. Местная учительница немецкого языка **Титова** (имени, к сожалению, не знаю), чей муж Николай воевал в Красной армии или в партизанах, отважилась помочь нам с мамой. Разумеется, она до войны была знакома с мамой как работником райкома и предложила ей ради спасения отдать меня своей дочери Кларе, сказав, что «всё равно всех евреев и их детей расстреляют». В эти страшные дни моя молодая мама меньше думала о себе, больше заботилась о том, чтобы я осталась жива, и согласилась. Сама же мама была обречена прятаться от очередных расправ немцев и местных полицаев с оставшимися евреями Могилёва. Скрываться надо было и от жителей города, перед которыми до войны не раз выступала секретарь райкома Бронислава Ратнер.

С апреля до конца декабря **1942** года я жила в доме учительницы под видом её внучки, рождённой дочерью Кларой. **Клара Титова** была девушкой лет двадцати и работала в комендатуре у немцев переводчицей. Мать и дочь Титовы, скрывая у себя еврейскую девочку, прежде всего дали мне новое имя **Нона**, перекрасили волосы в русый цвет, переодели по-домашнему. Клара с матерью заботились обо мне как о родном ребёнке. Я называла Клару мамой.

Моя мама рассказывала, что **летом 1942** года она, скрываясь в каком-то селе Круглянского района, ещё раз чудом спаслась от расстрела, спрятавшись со сво-

им племянником (имени не знаю), мальчиком 13-15 лет, под полом в доме. Когда немцы расстреляли всех евреев этого села, они стали искать в пустых домах тех, кто избежал казни, а затем каждый проверенный дом поджигали. Вошли в дом, где притаились под настилом мама и племянник, порыскали и уже собрались выйти, но на беду племянник пошевелил рукой, его услышали, вытащили наверх, спросили: «Есть ли ещё кто-нибудь там?» – «Нет никого», – ответил он. Его тут же расстреляли, дом подожгли и ушли. Мама еле выбралась из огня и дыма.

В партизанском отряде.

После этой трагедии мама стала искать пути к партизанам. Она нашла их в Шкловском районе и обратилась к командиру Шкловского партизанского соединения Герасиму Алексеевичу **Кирпичу** (мама всегда произносила его фамилию Ке́рпич) с просьбой принять её в отряд. Этот мужественный благородный человек помог ей влиться в ряды партизан. Я бережно храню мамино партизанское удостоверение в том, что она «с июня 1942 года по 1 июля 1944 года воевала рядовой партизанского отряда № 24 бригады тов. Ильина».

Маму приняли в коммунистическую партию в партизанах. Ей объяснили потом: «Если бы ты, сообщая свои данные, обманула и сказала, что ты русская, а не еврейка, тебя бы расстреляли».

Товарищам по оружию мама рассказала о дочери Ноне, которую прячут, рискуя жизнью, добрые люди. Партизаны-смельчаки пришли в дом учительницы Титовой и вынесли меня из оккупированного Могилёва в конце **1942** года в партизанскую зону. Вместе с мамой я находилась в партизанском отряде около года. Когда мать ходила в дозор или в разведку, выполняла задания и участвовала в боевых операциях, за мной присматривали мамины боевые друзья, остававшиеся на отдых. Тяжёлые условия жизни не делали чёрствыми партизан: кусочек сахара или конфетку они всегда отдавали маме для меня. В отряде у мамы не было свободного времени: она шила, стирала, убирала для всех, ухаживала за больными, занималась мной. Читаю сегодня с волнением мамины наградные документы: «Предъявитель сего Ратнер Броня Исаевна награждена приказом начальника Белорусского штаба партизанского движения № 311 от 22 февраля 1945 года за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Её боевые награды: медали и орден Отечественной войны II степени при выезде в Израиль у меня отняли.

На Большой земле.

Жизнь в партизанском отряде становилась изо дня в день более суровой. Крупные немецкие силы были привлечены для блокирования и уничтожения партизанского движения. Командование партизан приняло решение об отправке за линию фронта женщин и детей. В **1943** году меня отправили вместе с почтой и ранеными из партизанской зоны на Большую землю. В самолёте я сидела на руках у бойца **Василия Погорелова**, он и стал моим опекуном. Никто не знал, куда летит самолёт, и на моей белой шубке мама сделала спереди нашивку «Нона Ратнер». Василий после хлопот по моему устройству знал, в какой детский дом меня отправили.

Я находилась в детском доме в селе **Перемско́е** под городом **Добрянка** Пермского края России. В детском доме я заболела, не разговаривала, не ходила. Воспитательница взяла меня к себе домой. Её мать, пожилая женщина, выхаживала меня: поила козьим молоком, настоем разных трав, просиживала ночи у моей кроватки. В то тяжёлое военное время женщины всё лучшее отдавали мне. И болезнь отступила. Я вернулась в детский дом и переболела золотухой. Помню, что мы, детдомовцы, выходили в село и выпрашивали у людей яблочко, сливу.

Ещё до освобождения Белоруссии от немецких фашистов, находясь в партизанском отряде, мама стала писать письма во все инстанции, чтобы найти меня. Одно из них попало в руки Василию, который работал в штабе по разбору партизанских писем. Он без промедления написал маме ответ: «4.04.1944 года. Здравствуйте, уважаемая Бронислава Исаевна! Пишет Вам неизвестный Василий Погорелов, который знает Вашу дочь Нону *(так звали меня в партизанском отряде)*. Я вместе с ней был эвакуирован из вражеского тыла, и мы прибыли в штаб партизанского движения Белоруссии, откуда её отправили в детский дом (адрес)».

28 июня 1944 года Могилёв был освобождён советскими войсками. Партизанам было приказано возвращаться в свои дома, и мама сразу же отправилась ко мне. Только она знала, как ей удалось преодолеть в военную пору более двух тысяч километров от Могилёва до Добрянки. Однажды прибежали и сказали: «Нона, твоя мама приехала за тобой!» Мы встретились, и я говорила маме «тётя». Я знала как маму Клару Титову. Мама нашла меня в детском доме истощённую, больную, почти не говорящую, повидавшую так много человеческого горя.

Портрет Сони-Ноны Ратнер (Рисунок 22 см на 33 см). Июль 1945 г. Могилёв.

Мама проделала со мной большой обратный путь в **Могилёв**. Очень много времени прошло, пока я привыкла к тому, что тётя Броня – моя настоящая мама. Я получила от неё много любви, ласки, заботы и тепла. Стала посещать детский сад недалеко от маминой работы, а мама работала в какой-то должности в райисполкоме. Я боялась расставаний с найденным близким человеком, и мама по несколько раз в день прибегала ко мне со службы, чтобы повидаться, что-то передать, сближение продолжалось и дома. Мама попросила художника нарисовать мой портрет в **1945** году, я храню его и сегодня.

Мне вернули имя Соня, и оно в документах, но для мамы и близких родственников я осталась Ноной.

Послевоенная жизнь.

Папа возвратился после войны только в **1946** году. На фронте отец лейтенант **Цодик** (Анатолий Самойлович) **Куськин** служил на военных аэродромах. Был награждён боевыми медалями. В **1949** году родился мой брат **Григорий** Куськин. Стали мы замечательно жить вчетвером. Отец работал начальником отдела строительного управления, директором мебельной фабрики. Он очень много трудился, иногда до ночи, был нашим кормильцем. Мать работала в райисполкоме. Она была

высокой худощавой, со спортивной фигурой, умной, волевой красивой женщиной. Она всегда выполняла то, что решила. Мама умела делать всё и меня учила этому. Она очень любила и берегла меня, одевала, как куколку. Для меня было куплено немецкое пианино, и я училась 7 лет в музыкальной школе после уроков в обычной десятилетке. Ощущение еврейства, впитанное из её семьи и усиленное Катастрофой евреев, на всю жизнь осталось у мамы, бывшего комсомольского секретаря и советского работника. Наша семья не была религиозной, но дома мы отмечали еврейские праздники.

Семья Ратнер (слева): отец Цодик, мать Броня и дочь Соня с друзьями отца. 1946 г. Могилёв.

Я окончила в Могилёве среднюю школу и медицинское училище. В **1958** году начала работать: 10 лет в 3-й поликлинике патронажной сестрой, 20 лет старшей сестрой в детсаду на 400 мест и два года снова в поликлинике.

Бронислава Исаевна Ратнер – мать Сони Плакс. 1950-е гг. Могилёв.

В **1961** году вышла замуж за студента-третьекурсника **Михаила Яковлевича Плакса** (1939), уроженца с. Смиловичи. После окончания Могилёвского института машиностроения мужа сразу приняли преподавателем этого института. Родились наши дети: **Саша** (1964) и **Гена** (1973). Саша окончил машиностроительный институт и начал работать инженером-механиком. Брат **Григорий** руководил крупным заводом.

Папа **Цодик** ушёл из жизни в **1973** году, прожив чуть больше 60 лет, мама **Броня** умерла в **1986** году, оба похоронены в Могилёве. Светлая им память!

С 1986 года мы жили в зоне большого радиоактивного заражения после взрыва на Чернобыльской АЭС. Продукты для детей завозили из других городов. Везде были вывески: «На траву не садиться!», «Воду не пить!» Это стало одним из мотивов нашего решения выехать в Израиль.

<u>В Израиле.</u>

6 сентября **1990** года репатриировались в Израиль мой брат с семьёй, мы с мужем, Саша с семьёй и Гена. Брат **Григорий** с женой и двумя детьми обосновался в гор. Ришон ле-Ционе, сейчас живёт в г. **Бейт Шемеше**.

Со дня приезда живём в гор. **Реховоте**. На седьмой день жизни в Израиле муж и оба сына начали работать на стройке: рыли землю лопатами. Мы вместе работали на сборе апельсинов, авокадо, цветов и т. п. Затем муж работал слесарем, пока не увидели его способности, и следующие пятнадцать лет он проектировал техническое оборудование электрических шкафов. Я работала в Израиле 14 лет медсестрой в детском отделении психиатрической больницы в Нес-Ционе. Сын **Гена** по окончании службы в Армии обороны Израиля работал на фабрике «Ца-

бар» шофёром, затем заведующим складом, сейчас изучает логистику. Сын **Саша** работает инженером в одной из компаний.

Мы с мужем – пенсионеры, сыновья и внуки живут недалеко от нас и радуют успехами. Внук **Лёня** окончил Хайфский технологический институт «Технион» и работает инженером на американском заводе «Интел» в Иерусалиме, внучка **Илана** служит в Армии обороны Израиля, внук **Эйтан** и внучка **Шели** – школьники.

Мои подруги детства и сегодня в Израиле зовут меня Ноной – именем, сберегавшим меня от гибели. Я искренне благодарна людям, спасшим мою жизнь, помогавшим в военное лихолетье: маме и её товарищам-партизанам, матери и дочери Титовым, матери и дочери-воспитательнице детдома, Василию Погорелову. Да будет благословенна их память!

Большая семья – Плакс и Куськины. Сидят в центре: Соня Плакс с мужем Михаилом. 2 ноября 2012 г. Реховот.

РСФСР (98)

98.

Зигель Эмиль
(Ставропольский край,
г. ***Кисловодск)***

МОЙ СПАСИТЕЛЬ – ПРАВЕДНИК НАРОДОВ МИРА СЕРГЕЙ МЕТРЕВЕЛИ

Довоенная жизнь.

Воспоминания о человеке, рисковавшем своей жизнью ради спасения меня, еврейского мальчика, от фашистской расправы, начну с сыновьего слова о самых дорогих мне людях. Они дали мне жизнь, являлись для меня примером во всём и погибли в аду Катастрофы, потому что были евреями.

Мой отец **Энох** (Генрих) **Лейбович Зигель** (1870) приехал в 1912 году из Польши в Днепропетровск и перевёз сюда свою обувную фабрику. Он был успешным фабрикантом и в трёхэтажном доме в центре города купил бельэтаж. Когда пришла советская власть, фабрику национализировали, но до самой войны папа продолжал трудиться на ней простым работником. Из шести комнат бельэтажа отобрали четыре, и мы жили до войны в двухкомнатной квартире. Отец был очень интеллигентным человеком, любил музыку, искусство. В Днепропетровске папа водил меня на концерты в филармонию, дружил с дирижёром филармонического оркестра. В филармонии я познакомился с Р. М. Глиэром, с Н. Рахлиным. Папа вёл с ними беседы, а мне, мальчику, эти дирижёры тоже подавали руку при знакомстве. Мама была второй женой отца. Уже взрослые дети от умершей первой жены – мои братья по отцу: **Моисей**, **Наум** и **Самуил** – жили отдельно.

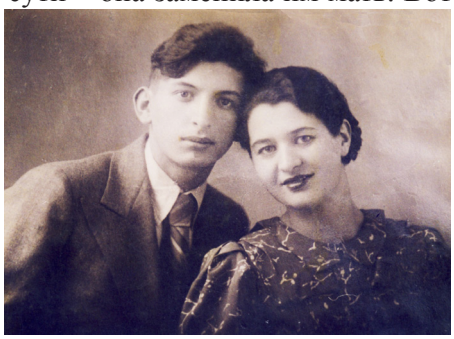
Отец Эмиля – Энох.

Мать **Екатерина Наумовна** (девичья фамилия Полякова) родилась в **1894** году в украинском городе Чернобыле. Её профессия – учительница, но в Днепропетровске мама не работала в школе, потому что родился я, и вела домашнее хозяйство. Сама выучилась играть на фортепиано и пела, её любимой песней была «Махатейнестэ майнэ» («Сватья моя»). Мама стала для всех любимой «тётей Катей».

Мать Эмиля – Екатерина. 1940 г.

В большой семье Поляковых было много братьев и сестёр. У одной из родных сестёр моей мамы в Днепропетровске росло четверо детей. Неожиданно их мать, а затем отец умерли во время эпидемии тифа. Мама и в замужестве по нескольку раз в день посещала сирот: готовила им еду, стирала, воспитывала. Их дом находился не близко: в 15 минутах ходьбы от нас. После моего рождения родители наняли няню, и мама продолжала бегать к племянникам и помогать им до тех пор, пока они вышли замуж и женились. По сути – она заменила им мать. Вот такой был у неё характер.

Брат и сестра Зигели: Вере 21 год, Эмилю 15 лет. Май 1940 г. Днепропетровск.

Сестра **Вера** (15 марта 1919), голубоглазая красавица, была студенткой Днепропетровского медицинского института, затем Ставропольского (Ворошиловского) мединститута. Я, **Эмиль Генрихович Зигель**, родился **19 июля 1925** года в городе Днепропетровске на Украине. Мы с сестрой очень дружили.

Начало войны и эвакуация на Кавказ.

В начале войны наша семья была эвакуирована из Днепропетровска на Северный Кавказ, в район Кавказских Минеральных Вод Ставропольского края РСФСР.

12 **августа 1941** года, за 13 дней до прихода немецких оккупантов в город **Днепропетровск**, городские власти выдали нашей семье 4 эвакуационных листка на двух родителей и двух детей. С этими листками нас по расписанию посадили в товарный поезд на центральном вокзале. Была видна чёткая организация во всём: никакой паники, никто не ловил проходящие составы. Но опасность эвакуации заключалась в том, что наш состав должен был переехать через Днепр по стратегическому мосту, чтобы уйти на юг. И тут начались бомбёжки. Нам повезло: мост не повредили, мы проехали и остались живы, хотя немецкие бомбардировки сопровождали поезд до самого Донбасса.

В этом же вагоне ехали мои двоюродные сёстры с детьми, и мы вместе прибыли в конечный пункт – гор. **Ессентуки**. На вокзале в Ессентуках стояли тысячи подвод, специальные распорядители занимались эвакуацией, они всё знали о прибывших. Назвали фамилию: «Зигель – 4 человека, на эту подводу», мы сдали эваколистки, погрузились и уехали – сначала в станицу Бургустанскую, потом в станицу Суворовскую и оттуда переехали в Кисловодск.

В **Кисловодске** родственник уже подготовил нам квартиру на ул. Красноармейской, 18. Сестра Верочка отправилась в Ставрополь в институт. Я стал учиться в 8 классе школы № 4. И так наша жизнь текла до августа 42-го года.

В начале **августа 1942** года я с родителями был на концерте в Кисловодской филармонии. Возвращаясь домой, мы обратили внимание, что возле милиции и НКВД спешно грузились машины. Впоследствии выяснилось, что в тот момент немецкие войска приблизились к гор. Минеральные Воды и собираются продолжать наступление. Но городские власти Кисловодска не сообщали об этом жителям города. Они сами спешно эвакуировались из города с семьями, бросив на произвол судьбы население и тех раненых, которые не были эвакуированы.

8 августа немцы разбомбили мост через реку Подкумок, и из-за этого четыре санитарных поезда, стоявшие на станции Кисловодск с тяжело раненными для отправки в Закавказье, не сумели отправиться. Мы видели, как местные жители разбирали по домам тысячи раненых. **12 августа** город обстреляла немецкая авиация. В центр Кисловодска немцы сбросили бомбы, были разрушения и погибшие.

После авианалёта мы с отцом и матерью перешли ночевать к родителям моего друга **Пети Рабиновича**. Я с Петей был близко знаком, так как оба страстно любили музыку, вместе ходили на концерты, на танцы. Мы подружились, несмотря на то что Петя был боевым офицером и на два года старше. Его ранило на фронте, и Петина мама перевезла сына из Новороссийска в госпиталь Кисловодска, а перед приходом немцев его госпиталь эвакуировался в Грузию. Петины родители очень хорошо относились ко мне.

Оккупация Кисловодска и поход для спасения.

10 августа 1942 года немцы захватили гор. Минеральные Воды, а **14 августа** немецкие войска заняли **Кисловодск**, и началась фашистская оккупация города. В этот день мои друзья-армяне сообщили мне, что туда, где родители, идти нельзя, надо спрятаться. Больше я никогда не видел папу и маму. Меня прятала от немцев в доме своих родителей знакомая девушка-армянка **Бэла Ициханова**. В городе оккупанты составляли списки евреев и коммунистов.

С приходом немцев в город сформировалась небольшая группа коммунистов и советских работников во главе с **Иваном Гугешашвили**, которая должна была в ближайшее время уйти из Кисловодска, спасаясь от немецких фашистов. Провести эту группу из 5 человек по сложному маршруту взялся **Сергей Васильевич Метревели**. Он жил с семьёй в Кисловодске на ул. Трудовой, дом 50, кв. 3. Сергей Метревели родился **10 ноября 1906** года в Грузии, в высокогорном селе **Уцери** Оньского р-на, и предложил группе перейти через горы из России в Грузию в его родительский дом.

Инициатором моего спасения был входивший в группу **Аркадий Миронович Рабинович**, которого просил об этом его сын Петя. Аркадий Миронович и Сергей Метревели были виноделами и вместе работали в Кисловодске в известном винном магазине с благородными винами. К ним задолго до войны приходили пить вино Орджоникидзе, Микоян. Аркадий Миронович был директором магазина, а Сергей Метревели – его помощником. Аркадий Миронович был намного старше Сергея, но они были неразлучными друзьями и даже выглядели как два брата – оба носили усы, ходили в «сталинках», в сапогах, в грузинских шапках-папахах. Отец

Пети прямо сказал Сергею Метревели, что «Милю надо забрать, взять с нами, это друг моего сына», и я был включён в группу.

У меня в городе оставались папа с мамой, а у Аркадия Мироновича – его жена, дочка и тёща. Они прятались до последней возможности у друзей Сергея Метревели – в семьях грузин и армян. Поздно вечером Сергей Васильевич пробрался в дом, где меня скрывали, и отвёл к другим участникам группы.

В начале третьей декады августа ночью мы вшестером покинули город и ушли в горы. Никто не знал, чем кончится наш уход из оккупированного Кисловодска. Сергей Метревели вёл группу одному ему известным путём параллельно дорогам и в 3-4 километрах от них, потому что было неизвестно, где немцы. На протяжении всего пути с четырёх сторон нас окружали горы.

Мы быстро отдалились от **Кисловодска,** достигли высоты **Храм Воздуха** и преодолели её, обошли горящий **Пятигорск** и отсюда пошли на юг. Группа обогнула **Баксан** и проскочила мимо **Нальчика**, пылавшего костром. Немцы там появились, когда мы отошли далеко от него. Затем миновали **Алагир** и приблизились к **Мамисонскому перевалу** высотой 2.820 метров и такой протяжённости, что обойти его нет возможности. Группа взошла на самый верх перевала, и, когда спустилась по его другой стороне, была уже в Грузии. На Мамисонском перевале я заболел тропической малярией и пришёл в себя в селе **Уцери** Оньского района, в родительском доме Сергея Васильевича Метревели.

И сегодня я помню каждый день этого 16-суточного похода вплоть до момента, когда внезапно заболел. Всякое было в трудном пути длиной 486 км. Шли в дневное время, а по ночам располагались на ночлег. Сутками напролёт, кроме сухих камней и скал, ничего не видели.

Я никогда никуда не отходил, а взрослые время от времени отлучались. Я видел оружие – пистолеты ТТ у Сергея Васильевича и Ивана Фёдоровича Гугешашвили. Он являлся фактическим вожаком всей группы, был видным коммунистом, важной фигурой на Кавказских Минеральных Водах. Наверное, без Ивана Федоровича эта группа и не пошла бы. Беспартийный Сергей Метревели в этом походе был главным проводником и вёл к себе домой. В этом пути он спасал и коммунистов, и евреев. Евреев было трое: Аркадий Миронович Рабинович, я – самый младший участник и грузинский еврей Абрам, друг Метревели и Рабиновича. Он делал знаменитые кавказские ремни и продавал в Кисловодске. С нами шёл дядя Володя, двоюродный брат Сергея Васильевича, христианин. Все заботились обо мне.

Иногда я слышал планы взрослых: «Надо добраться туда-то. Там свои». В горах они были у себя дома. Изредка попадались аулы (сёла), и в них расстояние между домиками-саклями достигало иногда 300 метров.

Взрослые члены группы были состоятельными виноделами и торговцами. В каком-то ауле купили кобылу, и она везла груз. Я получил постоянное задание – на привалах и на ночлеге пасти кобылу. Мне ни разу в голову не пришло сесть на неё, в пути я шёл рядом с ней. Потом где-то в дороге купили подводу, на ней лежали пожитки нашей группы и мой маленький рюкзачок.

Сергей Метревели дорогу к отчему дому знал с детства: где остановиться и сварить еду, где лучше заночевать. В пути взрослые купили мешок риса. Но, пока появился рис, случались дни, когда и поесть было нечего. Я ел то же, что и все. Сергей Васильевич продумал маршрут так, чтобы мы нигде не переходили реки, так что у нас по пути природной воды не было. Помню моменты, что приходилось пить лошадиную мочу.

Для меня поход был труден не только потому, что мы проходили по горам не менее 30 км в сутки, но и оттого, что я не мог спать. В аулах, где покупали кобылу, подводу, взрослые узнавали, что происходит в городах Кавказских Минеральных Вод. Люди в горах говорили с ними о массовых убийствах населения в местах, где остались наши родные, немного доходило и до меня. Но взрослые между собой договорились «Милечке не говорить». Я видел, что Аркадий Миронович часто плакал, и понимал: если Аркадий Миронович плачет, значит, плохи дела. Мне было 16 лет, но после всего пережитого за дни оккупации Кисловодска и восхождения в горы я чувствовал себя значительно старше.

Когда мы перешли **Мамисонский перевал** и вошли в Грузию, здесь уже немцев быть не могло. Встречались по пути пастухи, они перегоняли стада баранов, овец. Высоко в горах можно было открыто двигаться по тропинкам и дорогам для подвод.

Меня, заболевшего тропической малярией в последние дни перехода, остальные члены группы бережно доставили в конечный пункт нашего похода – родительский дом Сергея Васильевича. В селе **Уцери** мать и отец Сергея Метревели выхаживали меня, еврейского мальчика, в течение двух недель, как родного внука, фактически второй раз спасли от смерти... Они не знали русского, я не знал грузинского, кроме слова – «гамарджоба» (добрый день), и мы понимали друг друга. Грузинское село Уцери было глубоким тылом: работали телефоны, телеграф. В селе, в горах, нашли нужное лекарство и вылечили меня. Пока я болел, Сергей Васильевич – «дядя Серго», как я его называл – некоторое время жил в доме родителей, не уходил, ждал результата лечения.

Жители Оньского района уже слышали, что в Кисловодске и вообще на Кавказских Минеральных Водах шли массовые расстрелы людей. Они не сообщали мне ни о чём.

В Уцери были люди, понимавшие по-русски. Когда выздоровел, пошил у женатого на грузинке русского сапожника сапоги. Наступил сентябрь, в горах сразу стало холодно. Новые сапоги надёжно защищали от холода, и я собрался в дорогу. Меня снарядили, проводили, а Аркадий Миронович остался в Уцери.

Из **Уцери** я добрался до **Кутаиси,** нашел Петю Рабиновича в одном из госпиталей и рассказал ему, что мы с Аркадием Мироновичем вместе ушли в Уцери. Петя ничего не знал об отце и очень обрадовался. После выздоровления перед отправкой на фронт он встретился в Уцери с папой и узнал о трагедии евреев Кисловодска.

Участие в войне и послевоенная жизнь.

Из Кутаиси в **октябре 1942** года я приехал в уральский город **Орск** к родственникам. В воинской части недалеко от города меня с другом приняли сыновья-

ми полка: на военном заводе, охраняемом частью, мы грузили ящики с боеприпасами для фронта. 22 **февраля 1943** года, в 17 лет, я был призван в Красную армию и направлен в Ленинградское военное училище связи в г. **Уральск**. В конце 1943 года нашу роту перевезли в г. **Ульяновск** в Ульяновское военное училище связи. По окончании училища воевал в 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта командиром радиовзвода – начальником радиостанции командира 8-го гвардейского механизированного корпуса. Закончил войну в **Берлине** в звании гвардии младшего лейтенанта и служил 5 лет в Группе советских оккупационных войск в Германии.

Ещё в Уцери я смутно догадывался, что мои родители мертвы. Не мог спать, думал об этом. Затем на запрос моих родственников о моих родителях был ответ, что отец и мать были вывезены немцами **9 сентября 1942** года из Кисловодска в г. **Минеральные Воды** и расстреляны возле стекольного завода в противотанковом рву за г. Минеральные Воды.

Впервые на месте расстрела я побывал во время своего первого отпуска после войны в январе **1946** года. Меня привезли к могиле моих родителей. Рва уже не было, но на его месте родные погибших установили памятный знак-камень с надписью: «Мы не забудем вас». Исполнив скорбный ритуал, я побывал у моих спасителей. В доме Метревели в Кисловодске встретили меня, как родного сына. Ведь родители Сергея Васильевича считали, что я погиб. Ежегодно приезжая в отпуск в Кисловодск, я навещал самую дорогую для меня грузинскую семью – своих спасителей, а через много лет и их могилы. Люди, спасённые тогда Сергеем Васильевичем, продолжали жить в Кисловодске, мы общались, устраивали застолья. Они тоже думали, что я погиб, а я живой пришел к ним с войны, с орденами, с медалями.

Аркадий Миронович Рабинович после войны не смог вернуться в Кисловодск, где всё напоминало ему о расстрелянных жене, дочке и тёще, о моих погибших родителях. До конца жизни А. М. Рабинович работал виноделом в Ессентуках. Аркадий Миронович не знал, что после своего спасения и известия о гибели моих родителей я его считал своим отцом. Мы с ним и с сыном Петей все последующие годы вместе ездили в Минводы на могилу наших семей.

На памятнике в Минводах написано о 7,5 тысячах убитых мирных советских жителей – эти данные устарели. По современным расчётам историков, только количество убитых по Кисловодску, Минводам, Ессентукам уже составляет около 8 тысяч расстрелянных евреев, а если прибавить евреев, доставленных из остальных мест – то значительно больше. Думаю, что во рву было убито тысяч семнадцать. К этому месту казни привозили евреев также из Железноводска, из Пятигорска. Там были убиты эвакуированные из Ленинграда, большая группа эвакуированных с Украины, из Молдавии, из Белоруссии, из станицы Суворовской, из станицы Бургустанской, из предгорного района – из станицы Ессентукской. Из всех станиц, окружающих Кавказские Минеральные Воды, по отдельности свозили сюда евреев на расстрел. В краеведческом музее Минвод я слушал свидетельства людей,

тайком наблюдавших эти расстрелы. Там земля три дня дышала. Были люди, которые спаслись, которые вылезли из этого рва, и они долго жили.

В советское время эта братская могила с памятником была закреплена за колхозом. И колхоз раз в году ко Дню Победы делал уборку территории, красил обелиск, расчищал место вокруг, чтобы можно было подойти, подъехать. Могила находится за городом, на 484-м километре перегона Минводы-Кумагорск. Сейчас там засеянное поле и машины не ходят. Вокруг памятника такие заросли, что к могиле тяжело пройти. Не везде в России так относятся к памяти о своих погибших гражданах.

Присвоение звания «Праведник мира» С. Метревели.

Я всегда помнил, что жив благодаря Сергею Васильевичу Метревели и Аркадию Мироновичу Рабиновичу. Мой спаситель С. В. **Метревели** умер в **1991** году.

Праведник мира Сергей Васильевич Метревели. Кисловодск.

В то смертельно опасное время, когда Сергей Метревели, рискуя собой, повёл нас, он взял на себя ответственность за жизнь каждого из группы и в особенности за меня, малолетку. Кроме хорошо знакомого маршрута со всеми его трудностями, он не мог знать, что будет за каждым следующим поворотом, где нас догонит или уже ждёт враг. Мы шли в неизвестность. Путь пролегал через Нальчик, тоже оккупированный немцами. Сергей Васильевич с честью выдержал тяжелейший груз, добровольно взятый на себя: обеспечивать в пути безопасность, пропитание, здоровье каждого из нас, а затем вернуться тем же путём к семье в Кисловодск. Это был истинно мужественный гуманный человек.

В **1996** году из Прибалтики мы с женой **Софьей** репатриировались в Израиль и присоединились к приехавшей до нас семье сына **Геннадия** с женой **Ольгой** и двумя внуками: **Сашей** и **Эдиком**.

Как только я узнал о возможности присвоения С. В. Метревели звания «Праведника народов мира», то обратился с этим предложением в отдел Праведников народов мира в Институт «Яд Вашем». После оформления необходимых документов в Израиле и в России Сергею Васильевичу Метревели на заседании специальной комиссии Института и музея «Яд Вашем» в Иерусалиме **30 мая 2004** года присвоено почётное звание «Праведник народов мира» посмертно.

Церемония вручения награды состоялась **9 октября 2004** года в Кисловодске в торжественной обстановке. От имени Израиля и Института «Яд Вашем» я вручил Медаль и Почётную грамоту «Праведника народов мира» сыну С. В. Метревели, врачу-кардиологу Кисловодской больницы **Абели Сергеевичу Метревели**. Ему во время войны было 7 лет, а сегодня он – заслуженный врач России, главный кардиолог Кавказских Минеральных Вод. Он старший из четверых детей Сергея Васильевича. Отец дал им отличное воспитание и образование, был замечательным тружеником, востребованным работником и в большом уважении дожил до преклонных лет.

*

Сестра **Вера** прошла Сталинград, служила хирургом-ампутатором на фронте в звании майора медслужбы. После войны работала в ампутационном госпитале в Чкаловске Оренбургской области и в Днепропетровской областной железнодорожной больнице заведующей рентгенкабинетом. Её очень любили больные. Моя дорогая сестра **Вера Генриховна Цодикова** (Зигель) умерла после тяжёлой болезни десять лет назад, 28 февраля **2003** года.

Вспоминая жизнь семьи и свою, вижу войну, фашизм главными виновниками безвременных смертей своих родных и близких. В войну расстреляны мои родители **Энох** и **Екатерина Зигели**. Три брата: **Самуил**, **Наум** и **Моисей Зигели** погибли на фронте в 1941-1942 годах.

Из нашей семьи я один остался в живых – спасённый в детстве добрым человеком от гибели, участник Второй мировой войны, гвардии полковник в отставке. В **2010** году отметил 85-летний юбилей. Всё, что со мной было в страшное время Катастрофы, трагедию нашей семьи хорошо помню. Воевал, служил много лет в армии и живу так, чтобы моим погибшим родным не было стыдно за меня.

Первый памятный камень на братской могиле расстрелянных евреев-жителей Кисловодска. 1946 г. Минеральные Воды.

У обелиска на братской могиле расстрелянных жителей Кисловодска Аркадий Миронович Рабинович и Эмиль Зигель (справа). Минеральные Воды.

МОЛДАВИЯ (99-107)

99.

Давидович Леонид
(г. Рыбница)

МАМИНА ЛЮБОВЬ СПАСЛА НАС

Довоенная жизнь.

Я, **Леонид Яковлевич Давидович**, родился **17 сентября 1932** года и жил с родителями и младшей сестричкой **Диной** (1940) в городе **Рыбница** (Молдавская АССР). Мама **Песя** (Полина) **Иойновна** (в девичестве Шерман) и папа **Яков Израилевич** были ровесниками, оба родились в **1908** году, а поженились в 1930-м. Отец работал в банке, мать была швеёй. До войны мы жили в доме, принадлежавшем ещё деду, а потом нашей семье. В доме говорили на идише, а с детьми – на русском языке. Родители были атеистами, хотя отец хорошо знал еврейскую религию и традиции народа, свободно читал и писал на идише.

В **1940** году в наш город пришла советская власть, и воссоединились родственники с обоих берегов Днестра. Отец участвовал в художественной самодеятельности, в любительском театре. Помню, он взял меня в гости к родным в Резину, она была напротив Рыбницы, на другом берегу. У моей мамы на левом берегу Днестра тоже жили родственники – сёстры и братья.

Начало войны и оккупация.

Когда в **июне 1941** года началась война, моего отца **Якова** сразу же призвали в армию. Мать осталась с двумя детьми одна.

Вскоре начались бомбардировки нашего города. Многие люди погибли или были ранены, жилища разрушены. Наш дом был также повреждён. И, как многие другие люди, мы собрали кое-какие вещи и вместе с нашими хорошими соседями-евреями, которые тоже спасались бегством, пустились в путь на их подводе с лошадью. Соседи предложили: «Давайте поедем от бомбёжки подальше, и пока будем ехать, там и война кончится». Так люди наивно считали, что война ещё не началась и вот-вот кончится. В дороге нас продолжали бомбить. Вначале люди скапливались и шли вместе, но фашисты безжалостно бомбили по таким большим скоплениям, было много погибших и пострадавших. Потом мы стали двигаться маленькими группами и преимущественно по ночам. Наше бегство было мучительным: гражданские везли на подводах и несли на себе скарб, гнали скот, а воен-

ные обгоняли нас, требовали освободить дорогу, и, если кто-то не подчинялся, они скидывали людей, переворачивали подводу и всегда бежали впереди нас.

Наконец добрались до города **Балта** Одесской области, где мы решили немного передохнуть. Но опять начались бомбёжки, и во время одной из них мама была ранена в ногу, а нас с сестрой сильно засыпало землёй. В Балте ещё была советская власть. Красноармейцы на их машине забрали маму в военный госпиталь. А мы, двое детей, остались на попечении наших рыбницких соседей, знакомых, они нас подкармливали, жалели, водили в госпиталь, потому что мама беспокоилась, как мы живём без неё. Фашисты тем временем приближались к Балте, и госпиталь был эвакуирован. Маму отправили домой, не долечив. Она с трудом вернулась к нам. Мы испытывали огромный страх, так как знали, что фашисты, где бы они ни были, истребляли всех евреев. Соседи с мамой решили как можно быстрее покинуть город и двигаться в другом направлении. Мы поехали, но мама ходила плохо и несмотря на бомбёжки сидела на подводе и не сходила с неё. Мы, дети, могли куда-то убежать, спрятаться, а её некому было нести от дороги, и мы, малыши, оставались с мамой, когда летели бомбы. Она настаивала, чтобы мы отбегали и прятались, а мы не хотели её оставлять. Я это всё хорошо помню, я вижу эти картины и сегодня. Мы хотели продолжать путь, но в дороге наша толпа беженцев была окружена румынскими фашистскими войсками. Нас задержали, стали допрашивать, откуда мы, что делаем тут, и велели немедленно возвращаться домой. Более того, они приставили к нам конвойных и сказали, что мы принадлежим отныне великому Антонеску. С остальными беженцами-евреями нас погнали обратно в Рыбницу.

В Рыбницком гетто.

Военным комендантом **Рыбницы** был румын Попеску, поскольку Рыбница относилась к румынской зоне оккупации. В **сентябре 1941** года мы попали в Рыбницкое гетто. Для гетто румынами была выбрана часть города из нескольких кварталов, которую обнесли колючей проволокой. В гетто была площадь и улицы. Выставили охрану с собаками. Мы ютились в одном из полуразрушенных домов, где нашли пустую неотапливаемую комнату. Она стала нашим приютом на два с половиной года. Окна в комнате были заколочены досками, под полом находился холодный погреб, в котором мы часто прятались от фашистов. У нас не было еды, одежды, медикаментов. Мы страдали от холода, особенно осенью и зимой. Спали на холодном полу и часто болели. Мы переболели тифом и многими другими заболеваниями.

В этих тяжёлых условиях важны были помощь и поддержка других узников гетто. Бывали случаи помощи, проявляемой местным населением – украинцами и молдаванами. Мне запомнилась замечательная женщина – врач **Григорьян**, которая с большим сочувствием относилась к евреям из гетто, бескорыстно помогала, чем могла, а главное – оказывала медицинскую помощь заболевшим. Благодаря её усилиям были спасены многие людские жизни.

В гетто мама встретила своих родных – братьев и сестёр с семьями, которые раньше жили на противоположном берегу Днестра в молдавском городе **Резина**. Вместе стало легче преодолевать тяготы жизни в гетто.

А жизнь в гетто была тяжкой и унизительной. Нам было запрещено покидать территорию гетто, за нарушение этого запрета строго наказывали – вплоть до расстрела. Мы были обязаны носить на своей одежде жёлтые шестиконечные звёзды. Питьё доставляли сами оккупанты и дозированно выделяли воду людям. Воды всегда не хватало, так что помыться или постирать всегда было большой трудностью. К реке не пускали.

Всех людей, включая больных, стариков и детей, заставляли работать с утра до ночи ежедневно. Был учёт, считали по головам, сколько человек должно идти на ту или другую работу. Не пришедших на работу были единицы, их даже не искали, они рано или поздно появлялись – ведь деться некуда. Это была трудовая повинность, за которую не платили и не кормили. Работа была очень тяжёлой. Мы разбирали разрушенные дома и очищали улицы, ремонтировали дороги. Территория гетто была большая, поэтому в основном работали внутри гетто: убирали, собирали, грузили. На территорию въезжали военные машины и ехали по улицам. Румыны задумали сделать в городе, на территории гетто и руками евреев, парк имени Антонеску, собирались даже поставить в нём памятник своему главарю, а гетто к тому времени убрать с этого места.

В гетто было много ремесленников: портные, сапожники и др., они сидели по домам и занимались ремеслом. Они выполняли заказы жителей гетто, к ним приходили жители города и заказывали пошить, отремонтировать. Горожане, в основном украинцы, спокойно заходили в гетто, выходили из него, перемещались по нему. На входе их осматривали, но всё же они могли принести продукты, конечно, тайком, – и приносили. Этими продуктами и расплачивались. Сами румыны заставляли ремесленников работать на себя: шить, сапожничать.

Наша мама была портнихой, и ночью допоздна после тяжёлой работы вне гетто она кому-то шила или починяла платье, юбку, чтобы добыть ещё немного продуктов для нас. Находясь целый день за пределами гетто в городе, она делала там с другими женщинами самые изнурительные работы: разгрузку, погрузку, перетаскивание грузов. Мама работала и всё время волновалась: вдруг что-то произойдёт, и мы её больше не увидим или она нас больше не увидит.

Местное население называло нас только «жидами», открыто, прямо в лицо говорили «жид». В основном приходили люди добродушные, а некоторые могли дать подзатыльник. Именно они, приходившие до войны к мастерам-евреям, разбили и разграбили еврейские дома.

У меня уже формировалось детское понимание, что я в плену, что меня держат силой и может случиться что-то нехорошее. Нас никуда не пускали, попробуй куда-то пойти или сбежать – ловили и избивали, за всё были наказания в гетто. А порой даже и убивали. Я, хоть и был малый, чувствовал границы.

В гетто я больше прятался. Мне пришлось быть «нянькой» маленькой сестры **Дины**, нянчил, как мог. В 1940-м ей был год, в 44-м – уже четыре. Маму постоянно посылали на разные работы, и она оттуда, где была, приносила что-то из пищи. Мама оставляла нам еду и настрого запрещала выходить из погреба под полом в нашем жилище. Уходя, она закрывала вход в погреб крышкой, сверху набрасывала

всякую всячину, чтобы никто не подумал, что там подпол, и мы сидели в нём, пока мама приходила и нас выпускала. В погребе было темно, мы сидели со свечками, была даже керосиновая лампа потом. Мама это делала для своего спокойствия, чтобы нас никто не потревожил. Был случай, что на улице мне досталось от румынского солдата нагайкой по спине и ниже. Ему показалось, что я не туда пошёл, когда заставляли что-то грузить. Я ещё хорошо отделался. Были наказания и похуже. Румыны не смотрели на возраст, били всех. Но по-настоящему свирепствовали немцы. Когда они наезжали с проверкой или просто проездом, тогда и убивали, и расстреливали. Они брали людей из гетто, ставили их на мост, стреляли, и жертвы падали прямо в Днестр. Румыны немцев боялись, немцы хотели, чтобы румыны сами расстреляли всех евреев. Говорили, что полковник Попеску отказывался от расстрела и объяснял немцам, что эти евреи ещё нужны, они ремесленники и работают на армию.

Многие люди в Рыбницком гетто умирали от голода, холода, болезней, особенно от тифа. Не все могли перенести тяготы непосильного труда. Часть была увезена в разные лагеря, и никто оттуда уже не возвращался.

Постоянно мы слышали крики, стрельбу, стоны – это фашисты врывались в дома и истязали людей. Среди охранников были только румыны, но им помогали некоторые еврейские полицаи: Вайншток, Штрахман, Лахтер. Я тогда не очень понимал, кто они. Думаю, они были из еврейского самоуправления.

В этих страшных условиях продолжалась еврейская жизнь. С нами в гетто был раввин **Хаим-Занвл**. Он пользовался у румын хорошей репутацией. Они его даже охраняли. Раввин удивил их тем, что зимой купался в Днестре в проруби. Они специально водили его на Днестр, он сам вырубал себе во льду прорубь, и они смотрели, как он окунается. Ему по вере полагалось окунаться в воду – для очищения, наверно. В гетто вообще не разрешалось верующим исполнять обряды. Суббота была для нас обычным рабочим днем, дней отдыха не было, а работа была всегда. Но некоторые верующие люди постарше соблюдали традиции, особенно те евреи, которых пригнали со стороны Резины. Они тоже боялись, но тайком собирали *миньян* (т.е. группу из десяти евреев), прятались, вместе молились и тихо расходились.

Так в постоянном голоде, холоде, страхе, побоях, издевательствах, оскорблениях и унижении протекала наша жизнь в гетто. Когда началось наступление Красной армии, то румыны сделали послабления для узников: по определенным дням начали отпускать из гетто на городской базар что-то купить или обменять. Это уже было начало **1944** года.

Освобождение и послевоенная жизнь.

И всё же мы верили, надеялись, что этот ужас когда-нибудь закончится, и в **марте 1944** года мы были освобождены советскими войсками. Это был самый счастливый момент того времени, мы наконец были снова свободны и могли вернуться к мирной жизни. Счастье было оттого, что несмотря ни на что наша семья сумела выжить.

Когда мы вышли из гетто, то первым делом занялись нашим жильем. Мы пришли к своему дому и нашли там пустое место. На всей еврейской улице ничего не

осталось: всё было порушено, побито, разграблено румынами и местными жителями: украинцами, молдаванами. Кто что мог, тот и взял. У нас не осталось крыши над головой, и мама снимала у людей жилую комнату. С пропитанием стало легче: появились продуктовые карточки. Мне уже исполнилось 12 лет, и я стал маминым помощником: ходил получать хлеб, делал покупки в магазинах.

Первый класс я окончил ещё до войны, в войну, понятно, не учился и в **1944** году пошёл в третий класс. Окончив семилетку, поступил в Одесский станкостроительный техникум и стал техником-технологом по горячей обработке металла литьём. Начал работать, и почти сразу появились осложнения со зрением. Врачи установили: это последствие того, что в начале войны меня с сестрой при бомбёжке землёй засыпало. Я получил инвалидность, но зрение было. Меня два раза в год клали в больницу на месяц и лечили.

После войны отец **Яков** вернулся домой из госпиталя. Он служил в пехоте, имел боевые награды, был неоднократно ранен, на фронте вступил в партию. Отец работал на известковом заводе, а мама в швейной артели швеёй. Мама **Песя** жила до **1984** года, а отец умер на полгода раньше мамы (да будет благословенна их память). Сестра **Дина** после войны окончила в Рыбнице десять классов, поступила в мединститут и по окончании проработала врачом-терапевтом недалеко от Кишинёва (в пос. Сынжера) много лет до отъезда в Германию в **1991** году.

<u>В Израиле.</u>

После репатриации в Израиль в **1992** году я и моя семья почувствовали себя по-настоящему свободными, полноправными гражданами этой страны, чего никогда не было в СССР.

Видеть я перестал, уже находясь в Израиле. Врачи осмотрели меня, всплеснули руками. Они старались, лечили меня, но сначала ослеп правый глаз, а в **1993** году я потерял зрение окончательно. И вот так держусь. То страшное время в гетто я не забуду никогда. От его последствий страдаю по сей день: кроме тяжёлого заболевания глаз и полной слепоты, развился хронический бронхит, заболевание почек.

Я приехал с женой **Марией** (Мирьям) – она скончалась в **2004** году (да будет благословенна её память), с дочерью **Эллой** и сыном **Изей**, отслужившим в Армии обороны Израиля. У меня две внучки – **Инна** и **Света**, прошедшие службу в израильской армии, два внука – **Даник** и **Петя**, второй служит в настоящее время в нашей армии. Есть и правнуки – девочка **Дана** и мальчик **Давид**. Все они приносят мне радость и больше узнают о Катастрофе евреев от меня и сестры.

Леониду Давидовичу, потерявшему зрение, в написании воспоминаний помогала его младшая сестра Дина, приехавшая к брату в гости из Германии. Дина бережно записала рассказ брата об их пребывании в Рыбницком гетто.

100.

Кижнерман Рива
*(г. **Рыбница**)*

МЫ ПОСТОЯННО БЫЛИ НА ГРАНИ СМЕРТИ

Довоенная жизнь.

Я, **Рива Кижнерман**, родилась **30 апреля 1935** года в городе **Резина** в Бессарабии в семье **Иосифа Резника** (1902-1977) и **Баси Иойновны** (1900-1945) (девичья фамилия Шерман). Семья была многодетной, нас было 6 детей: старшая сестра **Соня** (1928-1992), брат **Иойна** (1929-2005), брат **Саша** (1930), сестра **Рая** (1932-2009), я и брат **Авраам** (1944-2005). Моим родителям приходилось очень много работать, чтобы обеспечить семью. Мой родной отец был пекарем и работал в своей пекарне, где выпекались лучшие хлебные изделия в городе. Пекарня с подсобными помещениями находилась во дворе дома. Самая большая комната была переоборудована в хлебный магазин, где моя мать **Бася** продавала хлеб. Она всегда находилась за прилавком, а под ним стояла люлька. Ногой мама качала очередного ребёнка, одновременно работая с покупателями.

Мама Бася Резник с дочкой Ривой и сыном Сашей, (стоят) тётя Люба и её муж Хоскель. 1941 г.

По соседству с нами жила семья **Лисник – Волько** (1891-9.07.1976) и **Цивья Иойновна** (1895-20.04.1978), родная сестра моей мамы Баси. Они были бездетными, и по обоюдному согласию семей меня отдали в семью Лисник. В семье мы общались на идише. Я всегда оставалась родной своим братьям и сёстрам. Мы все любили друг друга и на протяжении всей жизни всегда приходили на помощь один другому.

Большие, красивые дома моих родителей (и кровных, и приёмных) находились рядом и стояли на берегу Днестра. Мой приёмный отец Волько был обувщиком-заготовщиком, и его семья была зажиточной. У нас была сапожная мастерская, где работали несколько человек-молдаван. Они были очень добросовестными, очень уважали отца, но и отец их не обижал.

Эти работники были лучшими друзьями нашей семьи. Я до сих пор помню имена некоторых: **Григорий** и **Микандро**. В сапожной мастерской отца всегда стояла готовая к продаже женская обувь на каблуках, и я очень любила обувать её, топая по всему дому и испытывая большое удовольствие.

Моя приёмная мать **Цивья** всегда помогала семье своей сестры. Мои родители были верующими людьми, ходили в синагогу и брали меня с собой. В семье и до войны и по возможности после войны соблюдались все религиозные традиции и праздновались праздники. Перед праздниками родители кончали все свои домашние дела, одевались нарядно и молились, праздновали. В пятницу вечером вся работа прекращалась, зажигались свечи, папа надевал *талес* и молился. Строго соблюдалась *кошерность*. Мне помнится, как уже после войны на *Песах* мама всегда пекла мацу на плите, и я любила ей помогать – раскатывала тесто. Отец подарил мне очень древнюю *мезузу*, и я до сих пор храню её.

В моей приёмной семье меня очень любили, лелеяли. Мне уделялось очень много внимания, у меня было множество игрушек, меня хорошо одевали. Моё довоенное детство прошло, можно сказать, в роскоши в отличие от детства моих сестёр и братьев, которым жилось намного труднее. До войны я была крошкой лет четырёх-пяти и ходила в еврейский детский сад, где мы разговаривали на иврите. Однажды на *Рош ха-Шана* мы играли пьесу, и я исполняла роль царицы Эстер. Но грянула война, и всё исчезло, детство окончилось.

Начало войны и оккупация.

Война для нас началась в **июне 1941** года в городе **Резине** в советской Молдавии с появления в небе немецких самолетов и взрывов бомб и снарядов. Мне тогда было 6 лет.

Мы решили покинуть родной дом и спасаться от врага. В составе нескольких родственных семей мы бежали в сторону Украины – в направлении города Первомайска. Родная сестра моих мам **Мука** (Маня) вышла замуж за русского парня, стала Чернышёвой, и по документам тётя считалась русской. Жили они в селе **Долгая Пристань** Первомайского р-на Николаевской области Украины. Тётя работала на почте телефонисткой.

Мама Бася (справа) и её сестра Мука (слева). 1933 г. Резина.

Убегали мы по оккупированной уже территории Молдавии через реку Днестр. Недалеко от Резины в селе **Стохная** был построен понтонный мост. Было очень страшно переходить по нему, потому что мост сильно качался при непрерывных обстрелах. Шли мы очень долго, днём и ночью. В деревни боялись заходить, так как там хозяйничали фашисты. Но иногда в поисках пищи нам приходилось заходить в сёла. Местные жители встречали нас по-разному. Некоторые выносили нам хлеб, воду, иногда и молоко, а некоторые

спускали на нас собак, и мы, голодные, шли дальше. Иногда в пути встречались подводы, и мама **Цивья**, заплатив чем-нибудь из припрятанных мелких драгоценностей, устраивала подвозку стариков, больных и детей.

Очень тяжело приходилось всем, особенно нам, детям, из-за непреодолимого чувства голода. Увидев на земле огрызок яблока, мы все с жадностью бросались на него, а воду пили из луж.

В моей детской памяти на всю жизнь запечатлелась страшная картина. Бесконечная дорога, и вдруг мы все остановились в испуге: на обочине дороги, в канавке лежал убитый еврей, завёрнутый в *талес*.

Во время нашего пути мы нашли и взяли с собой девочку **Шейндэлэ** – сиротку лет шести, сидевшую у дороги. Эта светловолосая девочка стала нашей сестричкой. Она была очень истощена, измучена, но шла с нами.

Когда мы пришли к тёте **Муке** (1912) в село **Долгая Пристань**, мужа её не было, он воевал в Красной армии. Через день в село вошли фашисты. Сначала тётя прятала нас у себя на работе, но затем попросила местную жительницу **Мотю**, уборщицу почтового отделения, спрятать нас, группу из 18 евреев, в своём коровнике. Ночью через высокое маленькое оконце эта смелая русская женщина передавала нам воду, пищу. Но так не могло долго продолжаться, нас в любой момент могли обнаружить, и мы ушли оттуда. Однажды ночью нас вывела в путь тётя Мука, и больше мы её не видели. После войны мы получили письмо от Моти. Она сообщила, что тётя **Мука** была расстреляна в **1941** году на кладбище за то, что она нас прятала. Местный староста донёс на неё. Было ей тогда 29 лет.

Мы шли в сторону Молдавии. Эти километры были очень тяжёлыми и опасными. На одном из участков пути, идя вдоль железной дороги, мы увидели, что ехавший в нашем направлении поезд с открытыми платформами остановился. Мы решили на нём доехать. Подбежали к ближней платформе, посадили нашу тётю с семьёй, передали ей Шейндэлэ, и в этот момент поезд тронулся и увёз их. Лишь значительно позже нам стало известно, что Шейндэлэ оказалась в Румынии в приюте для еврейских сирот.

На обратном пути нас настигли немцы и под конвоем повели в направлении г. Рыбницы, где было гетто.

<u>В Рыбницком гетто.</u>

Гетто в гор. **Рыбнице** находилось на берегу Днестра. Реку и гетто разделял большой красивый парк. Гетто занимало в центре города большую территорию, со всех сторон окружённую колючей проволокой. С обеих сторон гетто были дороги, вдоль которых стояли дома, а по дорогам ездили машины.

В Рыбницкое гетто попали обе мои семьи с детьми и многие наши родственники. Каждый взрослый узник должен был пришить и носить на рукаве жёлтый знак «магендавид». Страшным для всех нас было заключение в гетто, где царили голод, холод, болезни, издевательства, каторжный труд, медицинские эксперименты над взрослыми и детьми, и, конечно, ежедневная боязнь и страх смерти. Дети и женщины, старики за колючей проволокой… Что может быть ужаснее?! Страдания, разлуку пришлось пережить всем нам.

Наша семья и родственники поселились (или нас поселили) в одном маленьком домике из двух смежных комнатушек. В них проживало 18 человек. Кроватей не было, но на длину двух маленьких комнат сбили из досок длинный топчан, где мы все спали: больные, здоровые, дети, взрослые, мужчины и женщины. Никакого постельного белья не было. Одеты мы были по-нищенски. Та одежда, что у нас была, износилась и была страшная, но иногда нам подбрасывали старые вещи смелые местные жители.

Едой нас никто не снабжал. Мы сами её добывали, как могли. В гетто привозили бочку с водой и всем давали пить в ограниченном количестве. Мы мылись по очереди, так как был один тазик для мытья на всех. Мыло мы доставали у местных жителей.

При таком скоплении людей, как ни старались, были антисанитария, вши, болезни. Особенно свирепствовали тиф и другие инфекционные заболевания. Самым тяжёлым временем года была для нас зима. Топить было нечем, согреться было негде, и все постоянно болели.

Тех, кто содержал нас в гетто, надзирал за нами, мы видели ежедневно, издевательства с их стороны присутствовали всегда, везде. Прямыми союзниками немецких фашистов были румынские нацисты, а выполняли распоряжения местные полицаи-евреи, которые постоянно выслуживались, жестоко обращаясь с узниками. Помню их фамилии: Вайншток, Штрахман, Лахтер. После войны родители часто вспоминали их с проклятиями, мы пытались узнать, где они, но тщетно – не было никаких следов.

Конечно, основными виновниками наших мучений были немцы. Но они не всегда находились в гетто и приезжали только тогда, когда в гетто проводились какие-то акции. В те дни, когда приезжали немцы, не гоняли на работу, всех узников – и взрослых, и детей – собирали на площади. В эти дни были среди немцев и врачи. Взрослым делали какие-то уколы, у некоторых брали кровь, а детям делали какие-то прививки, брали из пальчика кровь. По словам немцев, это всё делалось, чтобы улучшилось наше здоровье, чтобы остановить эпидемию тифа. Но после всех этих процедур заболевало ещё больше узников, а у детей поднималась температура. Я помню, что нас, детей, собирали отдельно, в такие дни немцы нам дарили конфеты, печенье, и дети с охотой шли на эти «мероприятия».

В гетто взрослых выгоняли на работу чуть свет, а домой отпускали уже вечером. Хорошо помню, как мать приходила после работы с мозолями на руках. А однажды руки у неё были так окровавлены, что выйти на работу она не смогла. Тогда её спрятали на чердаке в сундуке. Мою очень красивую старшую сестру **Соню** часто приходилось там же прятать от румын и немцев, от местных полицаев.

Через наше окно, выходившее на территорию гетто, мы, дети, видели, как наши родные работали на строительстве парка и памятника Антонеску, задуманного румынами. Они жестоко издевались над всеми узниками, плётками избивали тех, кто пытался перевести дух, отдохнуть, кто уже не мог, надрываясь, таскать большие камни.

Однажды моего отца забрали немцы и увезли. Его не было почти целую неделю, мы уже оплакивали папу. Но, к нашему счастью, он вернулся живой и рассказал нам, что копал в сёлах ямы для мёртвых евреев, расстрелянных узников. У нас всех умерших и убитых хоронили таким образом: вывозили в окрестное село, по-моему, **Выхватинцы**, там уже были вырыты ямы, и трупы туда сбрасывали и засыпали землёй.

Очень часто узников выводили на уборку улиц, на сбор урожая. Зимой всех вывозили в село **Ержово**, и нас заставляли чистить замёрзшую ледяную свёклу на Ержовском сахарном заводе. Свёкла всю зиму хранилась на улице, и работать на холоде было страшным наказанием. Когда взрослых куда-то увозили, они всегда брали детей с собой, боясь оставлять нас дома, и мы старались, как могли, помочь старшим. У всех руки были обморожены.

На наших родителей было возложено очень много забот: как защитить и уберечь детей от издевательств фашистов, как прокормить нас и как помочь выжить всем. Для меня самым тяжёлым было чувство постоянного голода, отсутствие всего съедобного. Но мы с братом **Сашей** частично нашли выход из этого положения. Мимо нашего дома постоянно проезжали машины со свёклой для Ержовского сахарного завода. Мы нашли длинную палку, брат прикрепил к ней крючок. Этой палкой с крючком Саша цеплял с едущей машины свёклу, бросал её на землю, а я бежала сзади и собирала добычу в торбочку. Дома её варили, делали пюре – и это было очень вкусно и сытно.

Я не помню, откуда у меня однажды оказалось несколько монеток, и я решила пойти на базар в поисках фруктов. Мне помогло то, что я была не очень похожа на еврейку, со светлыми косичками, и, как сейчас вижу, по сторонам ворот стоят два полицая, но я без препятствий прошла на базар, купила несколько слив, долго бродила по базару и, довольная, вернулась домой. А там меня уже оплакивали, недоумевая, куда я могла деться. Мой отец первый и единственный раз в жизни отшлёпал меня и верёвкой привязал к ножке стола. Зато все дети попробовали вкус слив.

Гетто очень хорошо охранялось, и практически никто не мог его покинуть. Но у некоторых узников гетто иногда не выдерживали нервы, и они совершали побег. Конечно, пойманные платили за это жизнью. Самым страшным наказанием за побег являлась смерть. За городом был очень высокий железнодорожный мост. В назначенный день к этому мосту выводили всех узников гетто, чтобы показать нам, как расправляются с провинившимися беглецами. Их выводили на мост, иногда их расстреливали, иногда живыми сталкивали в Днестр. Это ужасное зрелище я вспоминаю и сейчас.

Во время пребывания в гетто постоянной связи с местным населением не было. Но иногда сочувствующим смелым жителям удавалось передать узникам что-то съедобное, одежду, что-то из постельного белья, за что мы были им благодарны и помним об этом до сих пор, понимая, что это было очень рискованно.

Принадлежность к еврейству мы все очень ощущали. Поэтому мы и оказывались ежедневно на грани смерти, но никогда и в мыслях не было сожалеть о

том, что мы евреи. В обстановке гетто постоянным было чувство страха за жизнь всех близких и родных людей. Все наши родственники были очень дружными, нас выручала большая взаимовыручка и забота друг о друге. В гетто нам помогала выжить вера в то, что все эти трудности не бесконечны, что советские войска нас освободят от этих мучений. Все взрослые родственники, конечно, понимали, что этому зверству должен прийти конец.

Освобождение и после него.

Немцы перед уходом сжигали все бумаги, свидетельствующие об их «великих делах», и убегали. В этот день в гетто была большая суматоха, никто из узников не работал, все сидели в домах, не понимая, что происходит. Румыны и все местные полицаи исчезли.

И вот наступил долгожданный день освобождения нашего гетто советскими войсками. Это было 28 или 29 **марта 1944** года. Мы стали свободными, все узники выбежали из своих домов: обнимались, целовались, плакали от счастья, все радовались скорейшему возвращению домой.

Когда в **1944** году мы, голые, босые, вернулись домой в город **Резину**, он был почти весь разрушен. Жить нам было негде. Окружающие люди отнеслись к нам, побывавшим в гетто, по-разному: кто очень жалел нас, а кто осуждал за то, что мы были в плену у фашистов. Местные власти отнеслись к нам по-человечески. Так как мы никогда не расставались с семьёй моих кровных родителей, нам выделили жильё на втором этаже полуразрушенного дома. Отцу, матери и мне – одну большую комнату и длинный коридор, а семье Резник – комнату и кухоньку. Мы были очень рады, что оказались все вместе. Местные жители-молдаване старались нам помочь: кто в ремонте жилья, кто приносил мебель, одежду, постельные принадлежности. В любых трудностях нас всегда поддерживали молдаване, которые до войны работали у нас в мастерской. Они остались нашими лучшими друзьями и после войны.

Мой кровный отец **Иосиф Резник** был призван в Красную Армию, воевал. Сразу по возвращении из гетто моя родная мать **Бася Резник** родила братика **Авраама** (Буму), заболела возвратным тифом и после долгой и мучительной болезни в **апреле 1945** года умерла в возрасте 45 лет.

Все взрослые начали работать. Я сразу пошла в школу в первый класс в 9 лет. В одном классе учились дети разного возраста. У нас не было ни книг, ни тетрадей, и первые буквы мы выводили на газетах между строк. Чернил тоже не было, мы собирали в поле какие-то чёрные ягоды и делали чернила. Одеты дети были очень бедно. Я помню, что мне пошили пальто из мешковины. А по окончании школы на выпускной вечер я сама вышивала себе платье из штапеля.

Окончание войны и послевоенная жизнь.

Долгожданный день Победы – 9 мая 1945 года и окончание войны мы встретили в своём городе **Резине**. Все жители нашего городка собрались на площади у входа в парк, и мы услышали самую радостную весть – войне конец, мы победили! Громко играла музыка. Ликованию людей не было границ. До сих пор этот день – одно из самых светлых моих воспоминаний.

Мой папа **Иосиф Резник** вернулся домой с войны и продолжил работать в пекарне пекарем, а мой отец **Волько Лисник** работал заготовщиком в сапожной артели. Сестра **Соня** работала бухгалтером в «Райпотребсоюзе».

Сёстры Соня (слева) и Рая. 24 авг. 1949 г. Резина.

О том, что я воспитывалась не в родной семье, я узнала после войны в школьные годы. Помню, мы с подругой Ниной Врабий играли на улице в «классики». Что-то не поделили, поспорили, и тогда Нина меня упрекнула, что, мол, у меня родители не родные. После беседы с родителями я узнала свою детскую довоенную историю. До конца их жизней я очень любила маму **Цивью** и папу **Вольку**, носила его отчество, была им преданной дочерью и чту их память.

Я родилась и воспитывалась в еврейской семье, хотя в советское время мы не могли соблюдать все еврейские традиции. Мы опасались, чтобы никто из соседей не видел наших празднований, и дверь всегда закрывалась на ключ. То, что мы евреи, я опять почувствовала после войны, услышав слово «жид», и когда я по окончании школы в **1954** году не смогла поступить в Одесский медицинский институт.

Я уехала в **Одессу**, где жила моя тётя, и поступила на учёбу в профтехучилище, получив по окончании специальность конструктор-чертёжник. В **1956** году меня направили в г. **Рыбницу** на насосный завод, где я проработала в конструкторском бюро 6 лет.

В **1957** году вышла замуж за **Семёна Кижнермана** (1932). В годы войны Сёма ребёнком находился с семьёй в эвакуации, испытал голод, видел смерть брата. Муж работал токарем на насосном заводе. Мы переехали в **Резину**, чтобы жить рядом с моими родителями. После окончания Ленинградского кинотехникума Семён работал 35 лет в системе кино, из них последние 20 лет – директором киносети Резинского района. Я начала работать в районной библиотеке. В **1966** году поступила в Кишинёвский университет и получила двойную квалификацию: филолог-преподаватель русского языка и литературы и библиотекарь-библиограф. В библиотеке, занимаясь любимым делом, я проработала 31 год на разных должностях: от библиотекаря до завотделом. У нас родились две дочери: **Эмилия** (1 апр. 1958) и **Галина** (23 авг. 1963). Обе окончили специальные учебные заведения.

В советское время мы, бывшие пленники фашизма, всегда старались «забыть» об этом периоде, так как боялись, что нас могут посчитать предателями. Это продолжалось до начала 1990 года, когда правительство издало Постановление «О предоставлении льгот», которое узаконило права бывших детей-узников на то, что они заслужили, испытав на себе жуткое концлагерное существование. Мы, дети войны, были очень рады, что нас признали, но после предстоял долгий поиск доказательств нашего пребывания в Рыбницком гетто. В начале 90-х годов в Молдавии началась гражданская война, гибли люди. Нам соседка говорила: «Уезжайте в свой Израиль!» после того, что наши и её родители прожили рядом 70 лет в дружбе.

В Израиле.

В Израиль мы с мужем и дочерью **Галиной** с семьёй репатриировались 25 февраля **1993** года. Дочь **Эмилия** прибыла сюда на 2 года раньше. Поселились в городе **Реховоте**. 9 лет я выполняла работу по уходу за пожилыми людьми, нянчила детей. Муж до последнего дня работал уборщиком большого гаража. Наши прекрасные дочери работают: одна – начальником цеха на заводе в гор. Явне, вторая – сборщицей на том же заводе. У меня чудесные две внучки: **Лиля** и **Дана** и внук **Евгений**. Они большие патриоты Израиля, все прошли службу в Армии обороны Израиля, все учатся в университетах и работают. Растёт любимый правнук. К моему тяжелейшему горю, мой дорогой муж **Семён** 30 марта **2012** года трагически погиб. В 2012 году мы собирались отметить 55 лет нашей совместной жизни (25 мая) и 80-летие мужа (31 мая).

Конечно, из-за тяжёлой жизни в гетто, в первые послевоенные годы и после внезапной потери любимого мужа у меня сейчас здоровья нет. А есть диабет, гипертония, нарушения работы сердца, шесть перенесённых в Израиле операций, почти полная потеря слуха. Но живу, и слава Богу, врачам и моим детям. Все мои родные очень поддерживают меня.

Мой брат **Саша** живёт с семьёй в Америке, и мы с ним регулярно перезваниваемся. Все остальные братья и сёстры ушли в мир иной. Да будет благословенна их память!

Рива Кижнерман у памятника на месте Рыбницкого гетто. Июль 2007 г.

Для нас, как для всех узников нацизма, для всех детей военного времени, война и Катастрофа были страшным испытанием. До сих пор меня мучат воспоминания о тех страданиях, которые мы перенесли. Часто во сне я прячусь от немцев, мы всегда удираем от них. И до сих пор ночью я оказываюсь в гетто со всеми его последствиями. Страшно узнавать каждый день, что фашизм – виновник Катастрофы евреев жив и сегодня, что разного рода фашисты хотят уничтожить наше еврейское государство. И я прошу Бога о мире на этой земле.

100.

Кижнерман Рива
*(г. **Рыбница**)*

МЫ ПОСТОЯННО БЫЛИ НА ГРАНИ СМЕРТИ

Довоенная жизнь.

Я, **Рива Кижнерман**, родилась **30 апреля 1935** года в городе **Резина** в Бессарабии в семье **Иосифа Резника** (1902-1977) и **Баси Иойновны** (1900-1945) (девичья фамилия Шерман). Семья была многодетной, нас было 6 детей: старшая сестра **Соня** (1928-1992), брат **Иойна** (1929-2005), брат **Саша** (1930), сестра **Рая** (1932-2009), я и брат **Авраам** (1944-2005). Моим родителям приходилось очень много работать, чтобы обеспечить семью. Мой родной отец был пекарем и работал в своей пекарне, где выпекались лучшие хлебные изделия в городе. Пекарня с подсобными помещениями находилась во дворе дома. Самая большая комната была переоборудована в хлебный магазин, где моя мать **Бася** продавала хлеб. Она всегда находилась за прилавком, а под ним стояла люлька. Ногой мама качала очередного ребёнка, одновременно работая с покупателями.

Мама Бася Резник с дочкой Ривой и сыном Сашей, (стоят) тётя Люба и её муж Хоскель. 1941 г.

По соседству с нами жила семья **Лисник – Волько** (1891-9.07.1976) и **Цивья Иойновна** (1895-20.04.1978), родная сестра моей мамы Баси. Они были бездетными, и по обоюдному согласию семей меня отдали в семью Лисник. В семье мы общались на идише. Я всегда оставалась родной своим братьям и сёстрам. Мы все любили друг друга и на протяжении всей жизни всегда приходили на помощь один другому.

Большие, красивые дома моих родителей (и кровных, и приёмных) находились рядом и стояли на берегу Днестра. Мой приёмный отец Волько был обувщиком-заготовщиком, и его семья была зажиточной. У нас была сапожная мастерская, где работали несколько человек-молдаван. Они были очень добросовестными, очень уважали отца, но и отец их не обижал.

Эти работники были лучшими друзьями нашей семьи. Я до сих пор помню имена некоторых: **Григорий** и **Микандро**. В сапожной мастерской отца всегда стояла готовая к продаже женская обувь на каблуках, и я очень любила обувать её, топая по всему дому и испытывая большое удовольствие.

Моя приёмная мать **Цивья** всегда помогала семье своей сестры. Мои родители были верующими людьми, ходили в синагогу и брали меня с собой. В семье и до войны и по возможности после войны соблюдались все религиозные традиции и праздновались праздники. Перед праздниками родители кончали все свои домашние дела, одевались нарядно и молились, праздновали. В пятницу вечером вся работа прекращалась, зажигались свечи, папа надевал *талес* и молился. Строго соблюдалась *кошерность*. Мне помнится, как уже после войны на *Песах* мама всегда пекла мацу на плите, и я любила ей помогать – раскатывала тесто. Отец подарил мне очень древнюю *мезузу*, и я до сих пор храню её.

В моей приёмной семье меня очень любили, лелеяли. Мне уделялось очень много внимания, у меня было множество игрушек, меня хорошо одевали. Моё довоенное детство прошло, можно сказать, в роскоши в отличие от детства моих сестёр и братьев, которым жилось намного труднее. До войны я была крошкой лет четырёх-пяти и ходила в еврейский детский сад, где мы разговаривали на иврите. Однажды на *Рош ха-Шана* мы играли пьесу, и я исполняла роль царицы Эстер. Но грянула война, и всё исчезло, детство окончилось.

Начало войны и оккупация.

Война для нас началась в **июне 1941** года в городе **Резине** в советской Молдавии с появления в небе немецких самолетов и взрывов бомб и снарядов. Мне тогда было 6 лет.

Мы решили покинуть родной дом и спасаться от врага. В составе нескольких родственных семей мы бежали в сторону Украины – в направлении города Первомайска. Родная сестра моих мам **Мука** (Маня) вышла замуж за русского парня, стала Чернышёвой, и по документам тётя считалась русской. Жили они в селе **Долгая Пристань** Первомайского р-на Николаевской области Украины. Тётя работала на почте телефонисткой.

Мама Бася (справа) и её сестра Мука (слева). 1933 г. Резина.

Убегали мы по оккупированной уже территории Молдавии через реку Днестр. Недалеко от Резины в селе **Стохная** был построен понтонный мост. Было очень страшно переходить по нему, потому что мост сильно качался при непрерывных обстрелах. Шли мы очень долго, днём и ночью. В деревни боялись заходить, так как там хозяйничали фашисты. Но иногда в поисках пищи нам приходилось заходить в сёла. Местные жители встречали нас по-разному. Некоторые выносили нам хлеб, воду, иногда и молоко, а некоторые

спускали на нас собак, и мы, голодные, шли дальше. Иногда в пути встречались подводы, и мама **Цивья**, заплатив чем-нибудь из припрятанных мелких драгоценностей, устраивала подвозку стариков, больных и детей.

Очень тяжело приходилось всем, особенно нам, детям, из-за непреодолимого чувства голода. Увидев на земле огрызок яблока, мы все с жадностью бросались на него, а воду пили из луж.

В моей детской памяти на всю жизнь запечатлелась страшная картина. Бесконечная дорога, и вдруг мы все остановились в испуге: на обочине дороги, в канавке лежал убитый еврей, завёрнутый в *талес*.

Во время нашего пути мы нашли и взяли с собой девочку **Шейндэлэ** – сиротку лет шести, сидевшую у дороги. Эта светловолосая девочка стала нашей сестричкой. Она была очень истощена, измучена, но шла с нами.

Когда мы пришли к тёте **Муке** (1912) в село **Долгая Пристань**, мужа её не было, он воевал в Красной армии. Через день в село вошли фашисты. Сначала тётя прятала нас у себя на работе, но затем попросила местную жительницу **Мотю**, уборщицу почтового отделения, спрятать нас, группу из 18 евреев, в своём коровнике. Ночью через высокое маленькое оконце эта смелая русская женщина передавала нам воду, пищу. Но так не могло долго продолжаться, нас в любой момент могли обнаружить, и мы ушли оттуда. Однажды ночью нас вывела в путь тётя Мука, и больше мы её не видели. После войны мы получили письмо от Моти. Она сообщила, что тётя **Мука** была расстреляна в **1941** году на кладбище за то, что она нас прятала. Местный староста донёс на неё. Было ей тогда 29 лет.

Мы шли в сторону Молдавии. Эти километры были очень тяжёлыми и опасными. На одном из участков пути, идя вдоль железной дороги, мы увидели, что ехавший в нашем направлении поезд с открытыми платформами остановился. Мы решили на нём доехать. Подбежали к ближней платформе, посадили нашу тётю с семьёй, передали ей Шейндэлэ, и в этот момент поезд тронулся и увёз их. Лишь значительно позже нам стало известно, что Шейндэлэ оказалась в Румынии в приюте для еврейских сирот.

На обратном пути нас настигли немцы и под конвоем повели в направлении г. Рыбницы, где было гетто.

<u>В Рыбницком гетто.</u>

Гетто в гор. **Рыбнице** находилось на берегу Днестра. Реку и гетто разделял большой красивый парк. Гетто занимало в центре города большую территорию, со всех сторон окружённую колючей проволокой. С обеих сторон гетто были дороги, вдоль которых стояли дома, а по дорогам ездили машины.

В Рыбницкое гетто попали обе мои семьи с детьми и многие наши родственники. Каждый взрослый узник должен был пришить и носить на рукаве жёлтый знак «магендавид». Страшным для всех нас было заключение в гетто, где царили голод, холод, болезни, издевательства, каторжный труд, медицинские эксперименты над взрослыми и детьми, и, конечно, ежедневная боязнь и страх смерти. Дети и женщины, старики за колючей проволокой… Что может быть ужаснее?! Страдания, разлуку пришлось пережить всем нам.

Наша семья и родственники поселились (или нас поселили) в одном маленьком домике из двух смежных комнатушек. В них проживало 18 человек. Кроватей не было, но на длину двух маленьких комнат сбили из досок длинный топчан, где мы все спали: больные, здоровые, дети, взрослые, мужчины и женщины. Никакого постельного белья не было. Одеты мы были по-нищенски. Та одежда, что у нас была, износилась и была страшная, но иногда нам подбрасывали старые вещи смелые местные жители.

Едой нас никто не снабжал. Мы сами её добывали, как могли. В гетто привозили бочку с водой и всем давали пить в ограниченном количестве. Мы мылись по очереди, так как был один тазик для мытья на всех. Мыло мы доставали у местных жителей.

При таком скоплении людей, как ни старались, были антисанитария, вши, болезни. Особенно свирепствовали тиф и другие инфекционные заболевания. Самым тяжёлым временем года была для нас зима. Топить было нечем, согреться было негде, и все постоянно болели.

Тех, кто содержал нас в гетто, надзирал за нами, мы видели ежедневно, издевательства с их стороны присутствовали всегда, везде. Прямыми союзниками немецких фашистов были румынские нацисты, а выполняли распоряжения местные полицаи-евреи, которые постоянно выслуживались, жестоко обращаясь с узниками. Помню их фамилии: Вайншток, Штрахман, Лахтер. После войны родители часто вспоминали их с проклятиями, мы пытались узнать, где они, но тщетно – не было никаких следов.

Конечно, основными виновниками наших мучений были немцы. Но они не всегда находились в гетто и приезжали только тогда, когда в гетто проводились какие-то акции. В те дни, когда приезжали немцы, не гоняли на работу, всех узников – и взрослых, и детей – собирали на площади. В эти дни были среди немцев и врачи. Взрослым делали какие-то уколы, у некоторых брали кровь, а детям делали какие-то прививки, брали из пальчика кровь. По словам немцев, это всё делалось, чтобы улучшилось наше здоровье, чтобы остановить эпидемию тифа. Но после всех этих процедур заболевало ещё больше узников, а у детей поднималась температура. Я помню, что нас, детей, собирали отдельно, в такие дни немцы нам дарили конфеты, печенье, и дети с охотой шли на эти «мероприятия».

В гетто взрослых выгоняли на работу чуть свет, а домой отпускали уже вечером. Хорошо помню, как мать приходила после работы с мозолями на руках. А однажды руки у неё были так окровавлены, что выйти на работу она не смогла. Тогда её спрятали на чердаке в сундуке. Мою очень красивую старшую сестру **Соню** часто приходилось там же прятать от румын и немцев, от местных полицаев.

Через наше окно, выходившее на территорию гетто, мы, дети, видели, как наши родные работали на строительстве парка и памятника Антонеску, задуманного румынами. Они жестоко издевались над всеми узниками, плётками избивали тех, кто пытался перевести дух, отдохнуть, кто уже не мог, надрываясь, таскать большие камни.

Однажды моего отца забрали немцы и увезли. Его не было почти целую неделю, мы уже оплакивали папу. Но, к нашему счастью, он вернулся живой и рассказал нам, что копал в сёлах ямы для мёртвых евреев, расстрелянных узников. У нас всех умерших и убитых хоронили таким образом: вывозили в окрестное село, по-моему, **Выхватинцы**, там уже были вырыты ямы, и трупы туда сбрасывали и засыпали землёй.

Очень часто узников выводили на уборку улиц, на сбор урожая. Зимой всех вывозили в село **Ержово**, и нас заставляли чистить замёрзшую ледяную свёклу на Ержовском сахарном заводе. Свёкла всю зиму хранилась на улице, и работать на холоде было страшным наказанием. Когда взрослых куда-то увозили, они всегда брали детей с собой, боясь оставлять нас дома, и мы старались, как могли, помочь старшим. У всех руки были обморожены.

На наших родителей было возложено очень много забот: как защитить и уберечь детей от издевательств фашистов, как прокормить нас и как помочь выжить всем. Для меня самым тяжёлым было чувство постоянного голода, отсутствие всего съедобного. Но мы с братом **Сашей** частично нашли выход из этого положения. Мимо нашего дома постоянно проезжали машины со свёклой для Ержовского сахарного завода. Мы нашли длинную палку, брат прикрепил к ней крючок. Этой палкой с крючком Саша цеплял с едущей машины свёклу, бросал её на землю, а я бежала сзади и собирала добычу в торбочку. Дома её варили, делали пюре – и это было очень вкусно и сытно.

Я не помню, откуда у меня однажды оказалось несколько монеток, и я решила пойти на базар в поисках фруктов. Мне помогло то, что я была не очень похожа на еврейку, со светлыми косичками, и, как сейчас вижу, по сторонам ворот стоят два полицая, но я без препятствий прошла на базар, купила несколько слив, долго бродила по базару и, довольная, вернулась домой. А там меня уже оплакивали, недоумевая, куда я могла деться. Мой отец первый и единственный раз в жизни отшлёпал меня и верёвкой привязал к ножке стола. Зато все дети попробовали вкус слив.

Гетто очень хорошо охранялось, и практически никто не мог его покинуть. Но у некоторых узников гетто иногда не выдерживали нервы, и они совершали побег. Конечно, пойманные платили за это жизнью. Самым страшным наказанием за побег являлась смерть. За городом был очень высокий железнодорожный мост. В назначенный день к этому мосту выводили всех узников гетто, чтобы показать нам, как расправляются с провинившимися беглецами. Их выводили на мост, иногда их расстреливали, иногда живыми сталкивали в Днестр. Это ужасное зрелище я вспоминаю и сейчас.

Во время пребывания в гетто постоянной связи с местным населением не было. Но иногда сочувствующим смелым жителям удавалось передать узникам что-то съедобное, одежду, что-то из постельного белья, за что мы были им благодарны и помним об этом до сих пор, понимая, что это было очень рискованно.

Принадлежность к еврейству мы все очень ощущали. Поэтому мы и оказывались ежедневно на грани смерти, но никогда и в мыслях не было сожалеть о

том, что мы евреи. В обстановке гетто постоянным было чувство страха за жизнь всех близких и родных людей. Все наши родственники были очень дружными, нас выручала большая взаимовыручка и забота друг о друге. В гетто нам помогала выжить вера в то, что все эти трудности не бесконечны, что советские войска нас освободят от этих мучений. Все взрослые родственники, конечно, понимали, что этому зверству должен прийти конец.

Освобождение и после него.

Немцы перед уходом сжигали все бумаги, свидетельствующие об их «великих делах», и убегали. В этот день в гетто была большая суматоха, никто из узников не работал, все сидели в домах, не понимая, что происходит. Румыны и все местные полицаи исчезли.

И вот наступил долгожданный день освобождения нашего гетто советскими войсками. Это было 28 или 29 **марта 1944** года. Мы стали свободными, все узники выбежали из своих домов: обнимались, целовались, плакали от счастья, все радовались скорейшему возвращению домой.

Когда в **1944** году мы, голые, босые, вернулись домой в город **Резину**, он был почти весь разрушен. Жить нам было негде. Окружающие люди отнеслись к нам, побывавшим в гетто, по-разному: кто очень жалел нас, а кто осуждал за то, что мы были в плену у фашистов. Местные власти отнеслись к нам по-человечески. Так как мы никогда не расставались с семьёй моих кровных родителей, нам выделили жильё на втором этаже полуразрушенного дома. Отцу, матери и мне – одну большую комнату и длинный коридор, а семье Резник – комнату и кухоньку. Мы были очень рады, что оказались все вместе. Местные жители-молдаване старались нам помочь: кто в ремонте жилья, кто приносил мебель, одежду, постельные принадлежности. В любых трудностях нас всегда поддерживали молдаване, которые до войны работали у нас в мастерской. Они остались нашими лучшими друзьями и после войны.

Мой кровный отец **Иосиф Резник** был призван в Красную Армию, воевал. Сразу по возвращении из гетто моя родная мать **Бася Резник** родила братика **Авраама** (Буму), заболела возвратным тифом и после долгой и мучительной болезни в **апреле 1945** года умерла в возрасте 45 лет.

Все взрослые начали работать. Я сразу пошла в школу в первый класс в 9 лет. В одном классе учились дети разного возраста. У нас не было ни книг, ни тетрадей, и первые буквы мы выводили на газетах между строк. Чернил тоже не было, мы собирали в поле какие-то чёрные ягоды и делали чернила. Одеты дети были очень бедно. Я помню, что мне пошили пальто из мешковины. А по окончании школы на выпускной вечер я сама вышивала себе платье из штапеля.

Окончание войны и послевоенная жизнь.

Долгожданный день Победы – 9 мая 1945 года и окончание войны мы встретили в своём городе **Резине**. Все жители нашего городка собрались на площади у входа в парк, и мы услышали самую радостную весть – войне конец, мы победили! Громко играла музыка. Ликованию людей не было границ. До сих пор этот день – одно из самых светлых моих воспоминаний.

Мой папа **Иосиф Резник** вернулся домой с войны и продолжил работать в пекарне пекарем, а мой отец **Волько Лисник** работал заготовщиком в сапожной артели. Сестра **Соня** работала бухгалтером в «Райпотребсоюзе».

Сёстры Соня (слева) и Рая. 24 авг. 1949 г. Резина.

О том, что я воспитывалась не в родной семье, я узнала после войны в школьные годы. Помню, мы с подругой Ниной Врабий играли на улице в «классики». Что-то не поделили, поспорили, и тогда Нина меня упрекнула, что, мол, у меня родители не родные. После беседы с родителями я узнала свою детскую довоенную историю. До конца их жизней я очень любила маму **Цивью** и папу **Вольку**, носила его отчество, была им преданной дочерью и чту их память.

Я родилась и воспитывалась в еврейской семье, хотя в советское время мы не могли соблюдать все еврейские традиции. Мы опасались, чтобы никто из соседей не видел наших празднований, и дверь всегда закрывалась на ключ. То, что мы евреи, я опять почувствовала после войны, услышав слово «жид», и когда я по окончании школы в **1954** году не смогла поступить в Одесский медицинский институт.

Я уехала в **Одессу**, где жила моя тётя, и поступила на учёбу в профтехучилище, получив по окончании специальность конструктор-чертёжник. В **1956** году меня направили в г. **Рыбницу** на насосный завод, где я проработала в конструкторском бюро 6 лет.

В **1957** году вышла замуж за **Семёна Кижнермана** (1932). В годы войны Сёма ребёнком находился с семьёй в эвакуации, испытал голод, видел смерть брата. Муж работал токарем на насосном заводе. Мы переехали в **Резину**, чтобы жить рядом с моими родителями. После окончания Ленинградского кинотехникума Семён работал 35 лет в системе кино, из них последние 20 лет – директором киносети Резинского района. Я начала работать в районной библиотеке. В **1966** году поступила в Кишинёвский университет и получила двойную квалификацию: филолог-преподаватель русского языка и литературы и библиотекарь-библиограф. В библиотеке, занимаясь любимым делом, я проработала 31 год на разных должностях: от библиотекаря до завотделом. У нас родились две дочери: **Эмилия** (1 апр. 1958) и **Галина** (23 авг. 1963). Обе окончили специальные учебные заведения.

В советское время мы, бывшие пленники фашизма, всегда старались «забыть» об этом периоде, так как боялись, что нас могут посчитать предателями. Это продолжалось до начала 1990 года, когда правительство издало Постановление «О предоставлении льгот», которое узаконило права бывших детей-узников на то, что они заслужили, испытав на себе жуткое концлагерное существование. Мы, дети войны, были очень рады, что нас признали, но после предстоял долгий поиск доказательств нашего пребывания в Рыбницком гетто. В начале 90-х годов в Молдавии началась гражданская война, гибли люди. Нам соседка говорила: «Уезжайте в свой Израиль!» после того, что наши и её родители прожили рядом 70 лет в дружбе.

В Израиле.

В Израиль мы с мужем и дочерью **Галиной** с семьёй репатриировались 25 февраля **1993** года. Дочь **Эмилия** прибыла сюда на 2 года раньше. Поселились в городе **Реховоте**. 9 лет я выполняла работу по уходу за пожилыми людьми, нянчила детей. Муж до последнего дня работал уборщиком большого гаража. Наши прекрасные дочери работают: одна – начальником цеха на заводе в гор. Явне, вторая – сборщицей на том же заводе. У меня чудесные две внучки: **Лиля** и **Дана** и внук **Евгений**. Они большие патриоты Израиля, все прошли службу в Армии обороны Израиля, все учатся в университетах и работают. Растёт любимый правнук. К моему тяжелейшему горю, мой дорогой муж **Семён** 30 марта **2012** года трагически погиб. В 2012 году мы собирались отметить 55 лет нашей совместной жизни (25 мая) и 80-летие мужа (31 мая).

Конечно, из-за тяжёлой жизни в гетто, в первые послевоенные годы и после внезапной потери любимого мужа у меня сейчас здоровья нет. А есть диабет, гипертония, нарушения работы сердца, шесть перенесённых в Израиле операций, почти полная потеря слуха. Но живу, и слава Богу, врачам и моим детям. Все мои родные очень поддерживают меня.

Мой брат **Саша** живёт с семьёй в Америке, и мы с ним регулярно перезваниваемся. Все остальные братья и сёстры ушли в мир иной. Да будет благословенна их память!

Рива Кижнерман у памятника на месте Рыбницкого гетто. Июль 2007 г.

Для нас, как для всех узников нацизма, для всех детей военного времени, война и Катастрофа были страшным испытанием. До сих пор меня мучат воспоминания о тех страданиях, которые мы перенесли. Часто во сне я прячусь от немцев, мы всегда удираем от них. И до сих пор ночью я оказываюсь в гетто со всеми его последствиями. Страшно узнавать каждый день, что фашизм – виновник Катастрофы евреев жив и сегодня, что разного рода фашисты хотят уничтожить наше еврейское государство. И я прошу Бога о мире на этой земле.

101.

Кушнир Александра,
Кушнир Хаим
(г. ***Рыбница****)*

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

Я, дочь ***Хаима и Шуры Кушнир****, родилась после войны. Мои отец и мать прошли нелёгкий жизненный путь, и самым страшным в нём была война 1941-45 годов. Во время этой войны они находились в фашистском гетто, а папа и в лагерях. К моему горю, мои дорогие родители ушли из жизни: папа – 20 апреля 2005 года, а мама недавно – 8 января 2012 года. Благодаря этой книге у нас с братом Ашером есть возможность выполнить свой долг – напечатать оставленные отцом драгоценные воспоминания о Шоа, а также рассказать о маме и папе. Родители мало говорили со мной о своей «детской» жизни во время Холокоста и 2-й мировой войны. Оба были очень сильными людьми, но я видела, как тяжело им об этом вспоминать.*

Орит Кривой*.*

Довоенная жизнь.

Я, **Хаим Кушнир**, родился **20 октября 1929** года в городе **Рыбнице** в советской Молдавии. В Рыбнице жило очень много евреев. Рыбница – молдавский город, и соседи-молдаване относились к евреям хорошо. Мой отец **Фишл Кушнир** работал искусным сапожником, руководил артелью сапожников. Мать **Ривка** всю жизнь была домохозяйкой. У меня были брат **Давид** (1922), работавший парикмахером, и сестра **Геня** (1926). Мы с ней учились в школе до начала войны, знали идиш и молдавский языки. Дед и бабушка у нас были верующими. И я, конечно, помню, как мы отмечали еврейские праздники. У нас придерживались еврейских традиций. Когда дед шёл в синагогу, он всегда брал меня с собой, я ему носил *талес*, и в синагогу меня не допускали без головного убора. Я всегда интересовался еврейской жизнью.

Брат моего отца **Аврум** работал сельским портным. В **1937** году было страшное время: год голода, год, когда сажали в тюрьму всех подряд. Возвращаясь од-

нажды из школы, я увидел своего дядю. Он нёс в мешке немного полученной за работу муки для детей. К нему подъехала чёрная машина, его схватили, вместе с мешком посадили в машину, и машина отъехала. Когда я подошёл к этому месту, там валялась одна дядина галоша. Дома я рассказал папе, что дядю **Аврума** забрала машина, и он просил никогда никому не рассказывать то, что я видел.

Начало войны и оккупация.

Как только началась война, брата **Давида** мобилизовали на фронт.

В середине **июня 1941** года к нам в Рыбницу начали съезжаться родственники из гор. **Резины**, потому что моя мама была оттуда родом. Каждый приезжал и говорил: «Не уезжайте, должна приехать ещё сестра…, ещё брат…, ещё сестра». У маминых родителей было 12 детей, и мы ждали остальных. Может, мы уехали бы раньше, но отца не отпускали. Он по военной специальности являлся пекарем, и его мобилизовали в пекарню выпекать хлеб для армии. Когда немцы начали уже входить в Резину, то есть на той стороне Днестра велись бои, отца отпустили.

Папе выделили подводу с лошадьми, мы загрузили наши пожитки и рядом с нашими войсками начали отступать. Дошли мы до местечка **Окна** Чорненского р-на Одесской области и там остановились на одну ночь. А на рассвете в Окну уже вошли немцы и румыны, и мы оказались в окружении. Через день-два вдруг объявили всем евреям в Окне, чтобы мы не брали с собой никаких вещей и явились на главную площадь. Кто шёл, кто не шёл. Нас начали выгонять из домов: кого бить, кого убивать, собрали всех на площади, построили в ряды, вывели за город и повели неизвестно куда.

Я помню, что в голове колонны шли двое слепых: муж с женой, которых вели двое детей. Нас конвоировали румыны верхом на лошадях и с собаками. Мы отошли километров восемь от Окны, и среди идущих людей прошёл слух, что нас ведут на расстрел. Помню, когда мы проходили мимо высокого камыша, отец сказал мне, самому младшему из семьи: «Беги в заросли, хоть ты спасись!» Я не согласился, потому что мать и сестра начали плакать, чтобы я никуда не уходил. Я сказал: «Что будет с вами, то будет со мной».

Нас провели ещё километра два и остановили возле очень большого колодца. И вдруг дали команду вернуться назад. Оказывается, этот путь мы проделали, чтобы местные люди могли спокойно забрать наше добро. Когда мы вернулись домой, всё было разграблено, остались мелкие пожитки.

В полночь папа сказал: «Мы должны уйти отсюда. В первый раз нас отпустили, а во второй этого не будет». В час ночи мы тихонько выбрались из города и пошли в сторону Дубоссар. В районе Дубоссар все ещё слышались бои, и отец думал, что мы сможем пройти через линию фронта, как-то добраться до русских. На рассвете мы встретили две знакомые рыбницкие семьи: **Кантор** и **Левит**. Кантор, тоже сапожник, шёл с дочкой, сыном и женой, и Левиты были всей семьёй. Мы договорились, что пойдём не все вместе, а на расстоянии двух километров между семьями, и пошли вдоль посадки. Первыми шли Левиты, и по выстрелам впереди мы догадались, что их расстреляли. Чуть позже к нам подъехала подвода с пьяными немцами. Мы шли на расстоянии и заметили эту подводу, но деваться было

некуда. Немцы особенно внимательно смотрели на руки моего отца и на руки Кантора, и мы поняли, что рабочих они не трогали. Отец мой был крупный мужчина, крепкий, здоровый, он показал немцам свои рабочие тяжёлые руки, и нас отпустили. Потом они подошли к Канторам, проверили и отпустили их. А Левиты были людьми торговыми, всю жизнь продавцами в мануфактурном магазине работали. Похоронили мы Левитов в лесопосадке, как могли, и пошли дальше.

Возле Дубоссар нас схватили румыны и отвезли нас в школу на окраине **Дубоссар**. Возле этой школы собрали со всех районов, в том числе из Кишинёва, 10 тысяч евреев. Там началась настоящая бойня.

Все требования румын и немцев переводил нам **Айзенберг**, бессарабский еврей, учитель, владевший румынским языком. Нас выстроили на большой школьной спортивной площадке, и он каждый раз приходил и говорил, что нужно десять золотых колец, относил кольца и через пять минут опять приходил: «Нужно двадцать часов». Так у евреев были отобраны все ценные вещи и золото.

Невдалеке молодые ребята, пожилые мужчины рыли траншеи, и их расстреливали, а следующие их засыпали. Потом снова. И так рыли и засыпали, рыли и засыпали. Были люди, которые не выдерживали, и вместо того, чтобы в очереди на расстрел отодвинуться назад, они шли в первые ряды. Мой отец сказал: «Туда мы успеем, там на 100 процентов нет шансов спастись, а позади есть один процент остаться живыми».

Охрана на этой акции была немецкая и румынская. Как сейчас помню, к четырем часам дня охранники ушли на обед, и на короткий период эта бойня прекратилась. Мы всё время уходили назад, передвижение людей внутри строя палачам не мешало. Мы добрались до самого края площадки, где протекала небольшая речка с высокой береговой лозой. Часов в семь вернулась другая охрана, только румыны, и все очень пьяные. И вместо того, чтобы охранять нас вкруговую, они начали беседовать друг с другом. Остались такие места, где можно было удрать. Стало темнеть, папа нас собрал, и мы по-пластунски выползли к этой речке. Глубину реки никто не знал, но мы вступили в неё. Держались за лозы, прошли километра два-три по воде и вышли на окраину города. Оттуда отец, мать, сестра и я пошли в сторону Рыбницы. Нам некуда было деваться, мы попали в плен и никуда не могли выйти из него, поэтому отправились домой, в Рыбницу, полями и только ночью.

В Рыбницком гетто.

В пути нас встретил наш бывший сосед **Тондыш Федов**. Он сказал отцу: «В Рыбницу не идите, потому что там был большой пожар». В поджоге румыны обвинили евреев и получили повод для еврейского погрома. Если раньше евреи жили по всей Рыбнице, то теперь евреев согнали окончательно в настоящее гетто. Всё же мы пришли в **Рыбницу**. На окраине города нас поймали полицейские и привели в гетто. Мы пробыли в нём около двух месяцев.

Дочь об отце Хаиме. *В Рыбницком гетто находились папины родители и он с сестрой* ***Геней****. Отец по натуре был мальчишкой-сорванцом. Папа рассказывал, что он вечно ходил избитым. Румыны били его за то, что он, постоянно голодный, нарушал любые их порядки. К примеру, он с друзьями совершал налёты*

на сады, огороды, принадлежавшие оккупантам и зажиточным молдаванам. Я много раз видела на его теле следы от румынских железных пряжек, оставшиеся на всю жизнь. Папу вместе с другими подростками-узниками гетто заставляли работать на строительстве парка и памятника румынскому диктатору Антонеску. Он часто опаздывал на работу, потому что по дороге надо было что-то раздобыть поесть. Папа был заводилой в компании своих сверстников, поддерживал их, не давал пасть духом. Во время работы на стройке он непрерывно пел песни на идише, на русском и на молдавском языках: «А идише мамэ», «Купите папиросы» и другие. За это ему постоянно доставалось от надзирателей, но на другой день он опять пел как ни в чём не бывало.

Нас, молодёжь, брали на работу по строительству парка. Там я, кстати, познакомился с моей будущей женой **Шейндл Давидович**. В парке поставили очень высокий памятник Антонеску. Мы подносили камни, делали бетон, и Шейндл тоже туда гоняли работать. Шейндл очень пострадала во время принудительного труда. Её и ещё одну девушку перед открытием памятника посадили на этот памятник, чтобы они хорошо его помыли и обернули полотном. Шейндл упала с высоты памятника, сильно ударилась головой и с тех пор долго болела. В 1948 году она начала терять слух. Сегодня она абсолютно не слышит без слухового аппарата.

Бегство из гетто.

И вдруг из Рыбницкого гетто немцы начали брать подростков и молодёжь в лагерь в селе **Варваровка** Николаевской области. Мы знали, что оттуда очень редко возвращались живыми. Сестра моя была старше меня на три года, поэтому отец очень боялся за неё и за меня. Месяца через два мы решили бежать из Рыбницкого гетто. Но куда? У моего отца было много знакомых, так как он годами работал сапожником по сёлам, и мы решили бежать в село Воронково в 15 километрах от Рыбницы. Пришли в **Воронково**, спрятались за железнодорожным переездом, и отец пробрался к знакомому, который жил на окраине села. Знакомый посоветовал ему пойти… к немецкому коменданту в Воронкове. Знакомый сказал, что евреев направляют в совхоз Ульма на работу, и, «так как ты сапожник, ты можешь не бояться».

Нам некуда было деваться, отец пошёл к немецкому коменданту, его впустили, а в это время у коменданта сидел мужчина. Мужчина услышал, что отец просится работать сапожником, и попросил немца, если можно, дать ему этого человека, потому что у них в селе нет сапожника. Немец тут же выдал направление на работу всей семье сапожника. Уходя, мужчина сказал отцу, что нас в селе ждут. Мы переночевали ещё ночь возле железной дороги, за насыпью, а на рассвете ушли в это село **Гавиносы** Чорненского р-на Одесской области.

Всё село действительно знало, что идёт сапожник. По сторонам дороги стояли люди и ждали нас: кто с яичками, кто с маслом, так красиво нас приняли жители села Гавиносы. В этом молдавском селе русского языка никто не знал, кроме секретаря сельсовета. Небольшое село, но люди были очень хорошие. Нас поместили в бывшем детском садике. Отец начал работать, я и сестра нашли работу в колхозе, мать занялась хозяйством. Потом семья сапожника **Кантора** пришла в это

село, они тоже стали работать. Отца время от времени румыны забирали в район ремонтировать упряжь для лошадей в румынских обозах.

Я работал в колхозе вместе с молдавскими мальчиками. Помню, нас послали на летние сельхозработы в село **Кульна** рядом с Гавиносами. В Кульне было очень большое озеро, и мы, конечно, захотели искупаться. Когда приблизились к озеру, то увидели что-то необыкновенное, спрятались и смотрели… Раздетые люди, женщины и мужчины вместе, и стоят румыны... На подходе к этому озеру были заросли кустов с очень большими колючками. Румыны заставили голых людей перекатываться по этим колючкам. Я на это издевательство смотрел другим взглядом. Ребята-молдаване тоже от ужаса ойкали, но они ойкали по-своему, а я это чувствовал по-иному, потому что голыми людьми были евреи. Я слышал, как они кричали, как выкрикивали имена, зовя на помощь сородичей. Всё это продолжалось полчаса, над ними поиздевались, потом там же расстреляли. Я вернулся домой и рассказал отцу, какую еврейскую трагедию я видел. Невозможно было ничего сделать для тех несчастных. Оказалось, в Кульне жили три потомственные еврейские семьи, не уехавшие из села. Каждая держала лавочку, хорошо торговала. С ними и расправились румыны.

В один из дней, ближе к зиме, председатель сельсовета, узнав, что я хорошо управляю лошадьми, забрал меня из колхоза, и я работал его возницей.

Жители села сами следили, чтобы нас никто не обидел. Однажды около пяти часов утра к нам пришли румын и молдавский полицай из села **Кульна**, где убили у озера евреев, и приказали собираться. Отец спросил: «Кто вы такие? Куда собираться?» И пока шли эти переговоры, сосед рядом увидел, что к нам пришёл румын. Мы «своих» румын знали в селе, а тот чужой был. Сосед прямо в подштанниках быстро поскакал на своей лошади к председателю сельсовета. И председатель сельсовета тоже в ночной одежде прискакал к нам. А права были у примара высокие. Я помню и сейчас, как он вошёл, закрыл двери и спросил румына по-румынски: «Что ты тут делаешь? Откуда ты пришёл сюда?» – «А кто ты такой?» – «Я примар села Гавиносы. Кто тебе дал право прийти в другой район? Это Чорненский район, а ты пришёл из Котовского района». Румын сказал: «Я пришёл за евреями». Примар ответил: «Евреев я тебе не отдам». И с этими словами он схватил сапожную лавку и начал бить румына этой лавкой. Я думал, он его убьёт. Примар его связал и отвез в село **Чорна**, а полицай убежал. Нас очень защищали, спасли и в этот раз от верной смерти.

Осенью приехали румыны и приказали евреям ехать в Дубоссары на работу по очистке города. Мы уехали в **Дубоссары** всей семьёй. Пробыли мы там, может быть, недели две. Жили в школе. Людей постарше посылали на уборку города, а нас, молодёжь, отправляли на сбор винограда. В Дубоссарах была столовая. Нас водили под конвоем, как заключённых, в эту столовую, и так же выводили из неё. Нам достались большие издевательства со стороны молдавских полицаев. Среди них был местный дубоссарский житель **Мыцу**, он сильно издевался над евреями, что хотел, то и делал. Он убивал, насиловал девушек.

В Ташлыкском лагере.

Из Дубоссар нас отвели этапом по дороге на Тирасполь в совхоз села **Ташлык**. Нас поместили в лагерь для советских военнопленных, а пленных за день до нашего прихода куда-то увезли. Лагерь в **Ташлыке**, ограждённый тремя рядами колючей проволоки, представлял собой обыкновенное, не до конца сгоревшее здание в несколько этажей. Первый и второй этажи сильно пострадали, особенно первый этаж: не было ни окон, ни дверей. Мы расположились, кто где мог. Из евреев сформировали бригады, назначили старших в них – бригадиров, чтобы не разговаривать со всеми. Не каждый хотел идти бригадиром.

Начиналась работа на рассвете и в сумерках заканчивалась. Работали на уборке винограда, всех овощей, яблок, груш, поздних абрикосов. Там же был маленький заводик по переработке томатов и других плодов. Мы жили в цехе.

Кормились первые две недели тем, что было на поле. Потом румыны привезли два больших солдатских котла. Повара были наши. Утром идёшь на работу, бурда какая-то готова, ты её кушаешь, и, когда возвращаешься, ты опять её ешь. Днём мы питались тем, что убирали: помидорами, виноградом. Одна бригада работала на винограде, другая – на помидорах, и мы иногда обменивали виноград на помидоры, если надзор за нами был слабее. Помимо сбора урожая я в Ташлыке и овец пас.

Нас в лагере было тысячи полторы евреев из всех районов. Ходили грязные, вшивые, не купались. Каждый день, естественно, кого-то не досчитывались, каждый день кого-то убивали. Это уже вошло в норму жизни: умер – умер. Румыны определяли, кому жить, а кому нет. В Ташлыке очень много людей расстреляли, там очень много еврейских могил. Я помню гибель пекаря из Рыбницы, мужчины маленького роста, ему тогда было лет 70. За то, что он не так подмёл улицу, его закололи штыком прямо на улице. Это был кошмар. Ещё двух молодых ребят там убили. Среди надзирателей был румын, который только убивал. Для него убивать было самым интересным занятием. И вот собрались молодые ребята, поймали его ночью и довели до такого состояния, что он говорить не мог. Не знали, кто с ним это сделал. Румыны назначили двух ребят и приказали отвезти его в больницу села Ташлык. Они его по дороге добили.

Почему моя семья выжила? Только потому, что отец мой был сапожником, сам родом из Бессарабии, он как-то умел с румынами находить общий язык. Местные люди хорошо к нам относились, старались нам помочь, чем только могли. Были и недоброжелатели, но в основном вокруг лагеря жили хорошие люди, они много нам рассказали о том, как издевались в этом лагере над советскими военнопленными.

Дело уже шло к зиме. У нас никакой одежды не оставалось, не во что было переодеться. В это время отец начал делать людям деревянные башмаки. Постепенно каждый научился делать себе башмаки, чтобы не ходить босыми, и почти все ходили в папиных деревянных башмаках. Местные люди давали нам также одежду. Иногда им удавалось передавать нам что-то, иногда румыны не разрешали это делать.

Снова в селе Гавиносы.

Из Ташлыка нашу семью с другими евреями привезли в **Дубоссары**, и через две недели мы вернулись в село **Гавиносы**. Стояла глубокая осень. Я опять пошел работать в колхоз. Мужчин в колхозе не было, одна детвора моего возраста или чуть старше и несколько инвалидов. Вся нагрузка в работе на полях ложилась на юношей и на женщин. Однажды бригадир приказал мне отвезти на большую мельницу в селе **Нестоита** Котовского района пшеницу на помол и женщин-грузчиц. Нагрузили подводу пшеницей и поехали в Нестоиту за 12 километров по большой грязи, с трудом добрались до села.

Когда я с колхозницами находился у мельницы, мимо нас вели колонну румынских евреев. Они шли в грязи по колено. В ноябрьский холод на них не было почти никакой одежды. Одна из женщин с младенцем 7-8 месяцев на руках, вконец обессиленная, упала, она не могла дальше идти. Подъехал румын. Не сходя с лошади, он наколол ребёнка на примкнутый к оружию штык, вырвал его из дорожной грязи, перебросил через себя, и тельце ребенка повисло на дереве. Колонна ушла. Я, мальчик 12 лет, это видел, женщины плакали. Эта ужасная картина на всю жизнь осталась в моей памяти.

С 1942 года отец мой при любой возможности продолжал ходить в Рыбницу нелегально, чтобы узнать, как в Рыбницком гетто живёт семья моей матери. В один из дней он привез скорбную весть о том, что встретился с человеком, попавшим в плен вместе с его братом **Давидом**. Этот человек рассказал, как на его глазах немцы расстреляли папиного брата. С того дня мы установили и отмечали день памяти Давида Кушнира.

В **1944** году, перед освобождением, крестьяне из Гавиносов оберегали нас особенно тщательно. Мы получали срочное предупреждение, если кто-то приезжал в примарию. И нас до последней минуты прятали в ярах (оврагах), когда уже начали отступать немцы и румыны, и охраняли. Мы всегда были благодарны людям этого села, после войны ездили к ним в гости, приглашали их к себе.

После освобождения.

20 или 21 **марта 1944** года, как только пришли русские, мы собрали свои пожитки и пешком – кругом грязь, чернозём – добрались до **Рыбницы**.

До войны у нас был прекрасный двухэтажный дом: по 4 комнаты на каждом этаже. Дед мой обменял в 1932 году хлеб на этот дом. В том году был очень сильный голод. Когда вернулись домой, этого дома не было. В 1941 году случилось сильнейшее наводнение, и дом снесло. Горсовет выделил нам комнату в разрушенном большом доме. Три комнаты были развалены, а в одной угол был цел. Мы жили в этом углу, потом перешли в другую квартиру. И вдруг мы получаем письмо, что нас через горсовет разыскивает… папин брат **Давид** из действующей армии. Мы быстро ему ответили, и дядя **Давид Кушнир**, храбро воевавший, вернулся после войны домой в Рыбницу.

После освобождения я пошёл в школу и начал работать: учился на жестянщика, ремонтника весов, потому что у нас не было ни кола, ни двора. В **1947** году

меня направили на шофёрские курсы в **Сороки**. По окончании курсов я начал работать на машине и 36 лет проработал шофёром такси, автобуса, грузовой машины.

Хаим Кушнир в 17 лет. 1946 г. Рыбница.

Дочь о маме Шуре Кушнир и судьбе семьи после Катастрофы.

Мама **Шейндл** (Шура) **Кушнир** родилась **20 марта 1928** года в молдавском городе **Рыбница**. У её родителей **Ривки** и **Хаима Давидóвича** было пятеро детей: три дочки – **Ида**, **Роня**, **Шейндл**, самая младшая из детей, и двое сыновей: **Шнеер** и **Давид** от дедушкиного первого брака. Дедушка Хаим был очень хорошим сапожником, уважаемым в городе человеком и коммунистом по убеждениям. Работал он заведующим сапожной артелью, а жена Ривка вела дом и занималась детьми. Дома разговаривали на идише. Мама окончила до войны 7 классов городской школы.

В первые дни войны в **июне 1941** года мамин брат **Шнеер** был мобилизован на фронт. Мамина семья пыталась в начале войны бежать из Рыбницы, но быстрое приближение румынских фашистов вернуло её в город, и в **сентябре 1941** года семья попала в **Рыбницкое гетто**. Все члены семьи выжили, но в период оккупации умерли и погибли многие родственники из рода Давидовичей: тёти, дяди, их семьи.

После освобождения Рыбницы в **1944** году мамина семья (родители, три сестры и брат Давид) уехала в узбекский город **Ташкент** к жившим там двум троюродным сёстрам. Их, голодных, вшивых, голых, больных, эти родственницы приняли к себе. В Ташкенте мама находилась до конца войны. Было голодно, и спасало только дедушкино ремесло: он чинил и шил обувь, получая плату продуктами. Мама продавала на базаре сапоги, сшитые её отцом, и была его первой помощницей. Этим и жили. **Давид** женился в Ташкенте и остался там жить.

После окончания войны мамины родители с тремя сёстрами возвратились в **Рыбницу**. Мамин старший брат, пройдя всю войну, продолжал служить в Красной армии и стал впоследствии генералом **Шнеером Хаимовичем Давидóвичем**. Мама **Шура** работала телефонисткой на телефонной станции и одновременно училась в вечерней школе, а затем окончила бухгалтерские курсы.

Послевоенная жизнь.

Мои родители **Хаим** и **Шура** познакомились и поженились в **1949** году, жили в **Рыбнице**. После замужества мама работала бухгалтером и вела домашнее хозяйство, а папа – шофёром. Я, **Сося-Эти Кушнир**, родилась в **1951** году. Назвали меня в память о моей тёте, погибшей в годы Шоа. В советских документах родители за-

писали меня **Светланой** и говорили другим, что имя дано в честь дочери Сталина. Мама до последнего дня называла меня дома Сосалэ. Я окончила педагогический техникум и проработала 10 лет воспитателем и методистом дошкольных учреждений. В **1957** году родился мой брат **Феликс**.

В Израиле.

В апреле **1980** года мама, папа и я с семьёй приехали в Израиль, в гор. **Реховот**. Папа работал механиком в гараже муниципалитета. В 1981 году открыл свою мастерскую по рихтовке машин. Дома, на работе он всегда пел песни или мелодии. В автомастерской папа говорил с заказчиками на идише, иврите, молдавском, украинском, русском языках. Отца пригласили в Институт Катастрофы «Яд Вашем», где с ним работали историки.

Сколько я помню папу, он излучал большой оптимизм, всегда улыбался. Мама была более близка к реальности. У неё на всю жизнь осталась приобретённая в период войны привычка ничего из еды никогда не выбрасывать и всегда иметь какой-то запас продуктов на «плохие времена» в будущем, хотя сама ела мало. Родители очень любили друг друга всю жизнь и прекрасно дополняли один другого. Они всегда ходили, держась за руки, как юные влюблённые. После ухода на пенсию в **1994** году отец продолжал работать в гараже до последнего дня жизни, никогда не обращался к врачам. Он прожил 76 лет, из них трудился 61 год.

Мамины старшие сёстры **Ида** и **Роня** прожили долгие годы в Израиле и уже ушли из жизни.

Я работала воспитателем в детских учреждениях. Моё израильское имя **Орит** детям легче произносить, и означает оно то же, что Светлана. После учёбы и присвоения второй учёной степени по педагогике и психологии я работала инспектором министерства просвещения по детским садам. Сегодня мой педстаж в Израиле – около 30 лет.

Мой брат **Феликс** (в Израиле Ашер) репатриировался в **1983** году, ему было отказано в выезде с нами из-за научной работы в Томском университете на факультете, связанном с обороной страны. Ашер работал и много учился в Израиле, живёт в **Иерусалиме**, работает в колледже и является известным в стране раввином, пишет книги, читает лекции по всему миру.

Александра Кушнир с внучками. 19 февр. 2008 г. Иерусалим.

Мы с братом и нашими семьями, в которых сейчас 8 детей и 5 внуков, бережно храним память о замечательных родителях – Хаиме Кушнире и Шуре Кушнир (да будет благословенна их память).

102.

Любер Александр
(г. Рыбница)

МЛАДЕНЧЕСТВО НА КРАЮ ГИБЕЛИ В ГЕТТО

О том, как моя семья спаслась и выжила в гетто, мне известно из рассказов мамы, брата, дедушки и бабушки, тёти с той поры, когда началась моя сознательная жизнь. Рассказы эти были обычно немногословны, и всё же с годами у меня сложилась картина судьбы моих близких в Катастрофе. Мой низкий поклон погибшему в 1945-м отцу, узнику гетто, нашедшему путь с оружием в руках воевать против нацистов.

Довоенная жизнь.

Мои родители, уроженцы молдавского города **Рыбницы**, ставшего советским в 1918 году, познакомились и поженились за несколько лет до начала войны 1941-45 годов. Отец **Муня** (Миша) **Самойлович Любер** (1914) трудился в известковом карьере, он возил на лошадях каменные глыбы, из которых потом получали известь. Мать **Неся** (Надя) **Фриделевна** Любер (1916) работала машинисткой в редакции городской газеты. В **1939** году у них родился первенец, мой старший брат **Михаил**. Жила молодая семья на ул. Ткаченко в доме №16, построенном руками отца. По соседству жили мамины родители: дедушка **Фридль Яковлевич Спектор**, работник маслобойки, и бабушка **Шейва**. Наш дом находился в 500 метрах от известкового карьера.

Отец Муня Любер. 1939 г.

Мать Надежда Любер. 1939 г.

Начало войны, оккупация и гетто.

Летом **1941** года город **Рыбница** был захвачен немецкими фашистами, через короткое время они передали власть румынским союзникам, и румыны установили в городе свой оккупационный режим. Всех евреев поместили в Рыбницкое гетто, где широко использовался принудительный труд и акции по уничтожению узников. В гетто находились мои родные: мать, отец, брат Миша, бабушка Шейва и дедушка Фридль. Недалеко от них ютилась мамина старшая сестра **Циля** (1912), муж которой **Шая Разумный** воевал в Красной армии.

Я, **Александр Михайлович Любер**, родился **22 августа 1942** года в фашистском гетто в городе **Рыбнице**. Знаменитый Рыбницкий Ребе, раввин **Хаим-Занвл Абрамóвич**, тоже узник Рыбницкого гетто, через семь дней совершил надо мной обряд *брит-мила* и благословил на долгую жизнь.

В более зрелом возрасте начинаешь понимать, что моё пребывание сегодня на этом свете, моя семья, дети, внуки – результат невероятных усилий моих родных по сохранению жизни младенца в условиях тюремного заключения с постоянной угрозой смерти. Из шести миллионов уничтоженных нацистами евреев полтора миллиона, т. е. каждый четвёртый, – были детьми. Мама предпочитала не говорить, во что меня одевали, как согревали, чем болел, чем лечили, как успокаивали, как прятали. Их с папой брали на все работы, потому что рождение ребёнка в гетто приходилось утаивать, это могло стать причиной расправы с ним. Сахарный завод возобновил работу под надзором румын, родителей из гетто гоняли на уборку сахарной свёклы, на строительство парка имени Антонеску. Я спрашивал маму, чем меня кормили в гетто. Она отвечала, что пекла и натирала для меня свёклу, делала жидкую похлёбку из кукурузной муки и давала мне.

Мама рассказывала, что румыны выводили людей из гетто к реке Днестр и расстреливали их. Мама и папа всё время думали, как нас с Мишей спасти, и придумали. Несколько молдавских семей жили в построенных из саманных кирпичей хибарках на высокой горе Сахкамень, это был бедный район Рыбницы. Внизу, под горой, находился известняковый карьер, там добывали чистый известняк для сахарной промышленности, отсюда и название горы. В одной из таких хибарок жило небольшое семейство молдавской женщины **Оли**. Оле в ту пору было лет тридцать, её сыну лет пять (их фамилию, к сожалению, уже не помню). К ней мы однажды ночью и пробрались. Эта добрая женщина спрятала у себя от верной смерти нашу семью: папу, маму со мной, братом Мишей, дедушкой, бабушкой и ещё две семьи наших родственников. С этой горы было видно далеко внизу гетто, огороженное колючей проволокой. На саму гору подняться было не так легко, по её поверхности вели редкие узкие тропинки. Румыны знали, что там, наверху, живут молдаване, и не появлялись у них. Мама всегда подчёркивала, что наши молдавские соседи: **Дуня** с мужем, работником известкового завода, и их дети – **Коля** (1932) и **Маня** (1928) знали, что мы находимся у тёти Оли, и помогали маме продуктами для детей. Возможно, тётя Оля приняла нас благодаря тому, что папа и Дунин муж до войны работали вместе. Несомненно, если бы оккупанты нашли у тёти Оли три еврейских семьи, она с сыном поплатилась бы жизнью. Пробыли мы здесь довольно много времени, и, конечно, Оля нас, более 10 человек, кормила. Ночевали на сеновале, а днём спускались в яму наподобие землянки, заполненную сеном для скота, и сидели там. С нами была жена папиного брата Моти – тётя **Рухл** Любер с дочкой **Розой** лет четырёх-пяти. Тётя боялась, что мой крик выдаст всех нас. Однажды она пообещала в сердцах, что придушит меня, если я буду кричать. Мама на это ответила, что она примет ту судьбу, которая суждена её двум детям, и никого душить нельзя. Но с тех пор я был тише воды, ниже травы. Может, своим маленьким разумом я понял, что тётя не шутит. В момент относительного затишья

в гетто мы возвратились в него и пробыли там до освобождения Рыбницы Красной армией. Моя искренняя благодарность тёте Оле, спасшей несколько еврейских семей, и, конечно, меня, крикуна, буквально под носом у румын, немцев и местных полицаев, которые охотились за евреями. С нашей спасительницей мы поддерживали дружескую связь после войны, она бывала у нас.

В **июне 1943** года отец **Муня** с группой молодых ребят бежал из гетто в леса у Выхватинцев. Неизвестно, сколько времени они скитались, присоединились ли к партизанам. Но они добрались до линии фронта и пришли в расположение Красной армии. Отец с той поры воевал красноармейцем.

После освобождения и послевоенная жизнь.

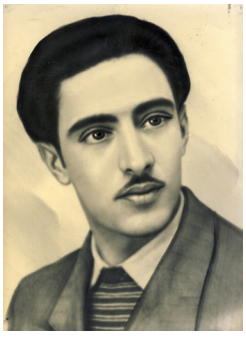
После освобождения из гетто **30 марта 1944** года и в тяжёлые послевоенные годы мы жили в том же отцовском доме и ждали папу. Дом состоял из двух маленьких комнаток с глиняными полами, лавками вместо кроватей и кухоньки, бедность была страшная. Отец **Муня** (Михаил) **Самойлович Любер** не вернулся с войны. Он погиб в бою при освобождении Чехословакии **15 января 1945** года и похоронен в чешской земле. На воинском обелиске в городе Рыбнице имя отца начертано среди имён воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Папин брат гвардии рядовой пулеметчик **Яков Шмулевич Любер** был убит в бою **1 сентября 1943** года и похоронен в г. Крымске Краснодарского края России.

Мамины родители вернулись в свой дом, здесь нашла их страшная весть о гибели на войне их сына, маминого брата **Якова Фриделевича Спектора**, в марте **1944** года. Бабушка **Шейва** умерла в **1961** году, прожив чуть больше 60 лет, дедушка **Фридль** умер в **1964** году, дожив до 70 лет.

Семья: (слева направо) сын Александр Любер, дедушка Фридл Спектор с племянницей Эной, мама Надежда Любер, дочь Неля. 1957 г. Рыбница.

Мать вышла замуж второй раз за **Исаака Шраера**, но фамилию не сменила, родилась сестра **Неля**. Мама в гетто и в голодное послевоенное время выкормила и вырастила нас с братом, научила меня своей профессии парикмахера, которой я отдал затем 50 лет: 39 – в СССР и 11 – в Израиле. Мальчиком пятнадцати лет рядом с мамой начал работать парикмахером и я. В **1962-65** годах служил в Советской армии в военно-строительном отряде в г. **Баку**. После армии работал в парикмахерской высшей категории. Участвовал в городских и республиканских конкурсах парикмахеров, получал лауреатские и призовые места.

Брат Михаил Любер. Сер. 1960-х гг.

Брат **Михаил** трудился на Рыбницком насосном заводе заместителем начальника литейного цеха.

Я женился в **1967** году на **Евгении Израилевне** Резник (1939), работнице Рыбницкого городского узла связи. В годы Шоа семья Евгении понесла страшные потери в оккупированной немцами и румынами Молдавии. В селе **Рашков** Каменского р-на родителей её отца, дедушку **Бенциона Резника** (1880) и бабушку **Марьям** (1885), осенью **1941** года румыны расстреляли и тела утопили в реке Днестр. Не успели эвакуироваться и погибли смертью мучеников от рук немцев и румын в оккупированном посёлке городского типа **Каменка** родные по линии её мамы: Женины дяди **Кандисбрат Михаил** Исаакович (1910), **Кандисбрат Сруль** Исаакович (1908) с женой **Рахилью Иосифовной** (1906) и детьми **Изенькой** (1933) и **Мишенькой** (1935). Вместе с ними погибла семья дяди Иосифа, маминого брата-фронтовика: его жена **Кандисбрат Бейла** Мордковна (1900) и двое сыновей, тоже Исрул (**Изя**) (1931) и **Миша** (1933). Всех их лютой **зимой 1941-42** гг. погнали на реку Днестр и там живыми утопили в проруби.

Женина мама с тремя детьми, и среди них двухлетней Женей, мамина сестра и бабушка **Доба** (Дина) успели на грузовике уехать на Кубань, и её мама с сестрой начали работать в колхозе. В один из дней председатель колхоза – донской казак прискакал на поле и сказал Жениной маме и тёте, чтобы бросили работу, бежали домой, взяли детей и мать Дину и немедленно отправлялись на вокзал. Уходит последний поезд в советский тыл. Немецкие войска уже обстреливают Кубань. Председатель добавил: «Вы евреи, и вам в первую очередь опасно оставаться здесь». Благодаря этому замечательному русскому человеку их семье удалось уехать от немцев в Узбекистан, работать, вернуться домой в 1945 году. Женина бабушка Доба умерла в Узбекистане от голода, она всю еду отдавала детям, а сама голодала.

У нас родились сыновья **Миша** (1968) и **Борис** (1972). Оба служили в Советской армии офицерами. **Михаил** окончил Тюменское высшее военное инженерно-техническое училище, руководил сапёрно-минёрными работами. **Борис** учился в Калининградском высшем военном училище по той же специальности.

В начале 90-х годов в Молдавии вспыхнула гражданская война, которая требовала от сыновей-офицеров участия в ней. Было принято решение покинуть Молдову. Мать и брат Миша остались в Молдове после развала Советского Союза. Брат **Михаил** умер в СНГ в **2000** году.

<u>В Израиле.</u>

В **1992** году я с женой и сыновьями репатриировался в Израиль. С первого дня живём в гор. **Реховоте**. После смерти брата Михаила мама приехала с одной сумкой ко мне в Израиль в **2001** г. Мама **Надя** ушла из жизни в **2008** году в возрасте 92 лет, похоронена в г. Ашкелоне, где жила у внучки. Много горестного выпало на долю мамы – этой святой женщины: годами находиться с двумя детьми в нацистском гетто, стать в 29 лет вдовой мужа, погибшего на фронте, оплакать погибшую в ДТП дочь Нелю, а потом похоронить сына Михаила. Да будет светла память моего самого родного человека, давшего мне жизнь и сохранившего её!

Наши сыновья работают, хорошо устроены. У нас с Женей любимая внучка и два любимых внука. Мы счастливы, что наши дети и внуки родились в мирное время.

103.

Мильштейн Александр и Султанович Сарра (г. Рыбница)

ФАШИСТЫ УТОПИЛИ ДЕДУШКУ, БАБУШКУ И ДЯДЮ

О Сарре Султанович

Моя двоюродная сестра **Сарра** родилась **26 декабря 1928** года в гор. **Резина** в Бессарабии в семье **Айзика** и **Баси Фудим**. Наши мамы были родными сёстрами.

Сарру я знаю, сколько помню себя, она была немного младше меня. На все школьные каникулы до войны я приезжал в Резину к дедушке и бабушке, у которых в доме жили сёстры **Сарра** и **Голда** (1925) с родителями. Мы вместе проводили время, играли. Помню её и до войны, и в Рыбницком гетто подвижной, стройной, умной, красивой девочкой.

После **22 июня 1941** года наши семьи попали разными путями в **Рыбницкое гетто**. У Фудимов в Рыбнице жила родня, и они ушли в Рыбницу на несколько дней раньше нас, пока оккупантов там ещё не было. Но их надежда спастись от врага бегством не оправдалась.

В Рыбницком гетто мы жили вместе с семьей Фудим: отцом, матерью и обеими дочерьми в одном доме, в одной комнате. Они все хлебнули лиха сполна. В первую же **зиму 1941-42** гг. мать Сарры – **Бася** (девичья фамилия Харковер) – умерла в гетто от тифа. Отцу с двумя девочками было очень тяжело. Но мы помогали им, а они помогали нам, так и выжили.

После возвращения из гетто они втроём жили в **Резине**. Отец Сарры работал истопником на маслобойке. Сарра училась и окончила курсы бухгалтеров при «Райпотребсоюзе». Она была красивой девушкой.

В **1948** году вышла замуж за **Давида Султановича**. Их семья переехала жить в **Кишинёв**. Давид работал продавцом, Сарра – бухгалтером, а потом главным бухгалтером в гостинице «Турист». В Молдавии умерли её отец и муж.

Сарра Фудим. 8 марта 1948 г.

Сарра Султанович приехала в Израиль одна в **1990** году. Жила в г. Ришон ле-Ционе, а затем переехала в г. **Реховот**.

Являлась участником Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей. Сарра всегда была мне родным человеком. Она умерла **14 ноября 2004** года и похоронена в Реховоте (да будет благословенна память о ней!).

Довоенная жизнь.

Наша небольшая семья из четырёх человек жила в доме маминых родителей в гор. **Резина** Резинского р-на Оргеевского уезда Бессарабии. Папа и мама очень любили друг друга, дня не могли прожить в разлуке.

Мой отец **Меир** родился в **1895** году в семье **Шмиля Мильштейна** и **Симы**, у которых было трое детей: взрослая сестра (её имени я уже не помню), папа **Меир** и его младший брат **Лейб**. Сестра папы вынуждена была в 1918 году покинуть Молдавию, потому что была коммунисткой, а Бессарабия вновь стала румынской. Её тайно вывезли на подводе под сеном на вокзал в Резине, и она отправилась в Америку. **Лейб** до войны жил в гор. Резина. Их отец Шмиль умер в 1927 году. Мать Сима вышла замуж за **Золмана**, родного брата Шмиля. У Золмана были свои взрослые дети (сын Меир в 1918 году уехал в Палестину, дочка Золмана жила в том же дворе, где жили Сима и Золман), и он стал любящим вторым отцом для папы.

Моя мать **Люба** (девичья фамилия Харковер) родилась в **1891** году. Мамины родители – дедушка **Ицхак Харковер** и бабушка **Сосл** – умерли до моего рождения. Дедушка Ицхак был уважаемым и авторитетным, знающим, мудрым человеком в еврейских религиозных делах. К нему приходило много людей за советом. Фамилия Харковер была известной не только в Резине, Рыбнице, но и во всей Молдавии. В их семье было 5 детей: братья Ицхак и Янкель и сёстры Люба, **Бася** (мать Сарры) и Брана. Ицхак жил в г. Галаце (Румыния). Мама была домохозяйкой, воспитывала двоих детей: меня и сестру.

Я, **Шмиль** (Александр) **Мильштейн**, родился **28 декабря 1927** года. Александром я стал вынужденно, работая в советском военно-строительном управлении: надо было быть похожим на всех. Во время регистрации в гетто родители изменили мне год рождения на 1930-й, потому что румыны начали забирать подростков на тяжёлую работу. Так я стал на три года младше, и меня на работу не брали. С тех пор в моих документах дата рождения – 1930 год. Сестра **Аня** (по-домашнему Нуцалэ) родилась фактически в **1930** году, но родители записали её в гетто как рождённую в 1933 году.

В **1929** году мы переехали жить в большое русско-молдавское село **Чинишеуцы** Резинского р-на. Здесь у нас был свой дом. Папа зарабатывал на жизнь тем, что ездил по селам, покупал оптом товар: хлеб, шкурки домашних животных, обрабатывал и продавал. В Чинишеуцах проживало несколько сотен еврейских семей. Их дома стояли в самом центре села, а вокруг находились дома молдавских и русских крестьян. Среди евреев села были ремесленники и мастера всех профессий, интеллигенция. Евреи посещали синагогу, у нас дома соблюдали еврейские обычаи, праздновали еврейские праздники: *Рош ха-Шана*, *Йом Киппур*, *Песах*, *Суккот*. Помню, мы ходили в синагогу с яблоком и свечкой. В селе были два рав-

вина, два *шойхета*, занимавшихся убоем скота и птицы. Евреи чувствовали себя в Чинишеуцах свободно. Всё праздновалось открыто, на улице. Русские и молдаване относились к евреям неплохо. Я помню, учительница-молдаванка приглашала учеников к себе домой, мы гуляли по её садам.

Мы с сестрой ходили в Чинишеуцкую румынскую школу. Сестра **Аня** была младше меня на 3 года и до 1941 года успела окончить 3 класса начальной школы. Кроме румынской школы, я одновременно посещал *хедер* (частная религиозная начальная школа). Хедер находился рядом с синагогой. С утра я учился на румынском языке, а после обеда – на идише. В семье единственным языком общения был идиш.

28 июня 1940 года советские войска вошли в Бессарабию, жители встречали их с восторгом. С приходом новой власти папино частное предпринимательство было закрыто. Он стал работать начальником отдела в конторе по заготовке утильсырья.

В помещении румынской школы была организована советская школа: мы учили русский язык и другие предметы на русском языке. В Израиле и сегодня живут мои одноклассники, с которыми я встречаюсь: например, Пагис Григорий из Иерусалима, он руководит Объединением бывших узников гетто.

Начало войны и оккупация.

Мы, дети, не могли осознать известие о нападении фашистской Германии на нашу страну. После **22 июня 1941** года родители сказали, что нам надо быстро собраться и на подводе уехать в Резину к папиным родителям, остальной родне. Расстояние не помню, но по-детски мы считали так: до Резины «семь гор», т. е. семь подъёмов, семь спусков – и мы в Резине. Приехав, узнали, что **Резину** бомбили немцы, потому что тут находилась переправа в сторону Рыбницы. Все наши резинские родственники успели самостоятельно эвакуироваться. Городские власти не проводили организованную эвакуацию. **Сарра** и **Голда** с родителями успели покинуть город и переправиться в Рыбницу, на левый берег Днестра. Не найдя никого из своих, мы отправились в дом папиных родителей и в их пустом доме остановились. Сделали попытку переправиться по мосту, но на переправе образовалась большая пробка: переходили мост отступающие советские войска и многочисленные беженцы, и нам пройти не удалось. Заняли очередь на переход моста, сидели на подводе день и ночь, смотрели, как падают бомбы и как советская артиллерия обстреливает немецкие самолёты.

Вернулись в дом дедушки, и здесь случайно нашла нас двоюродная сестра **Голда**, пришедшая из Рыбницы, потому что там не было ни хлеба, ни еды. Она сказала, что папины родители находятся в селе под Рыбницей у родственников. В эту же ночь мама испекла хлеб, и к утру папа и Голда отправились в Рыбницу отнести его.

Мы с мамой и Аней остались ждать отца. Прождали день и ночь, и утром мама решила оставить подводу, лошадей, вещи и идти с нами на переправу. Мы отправились пешком и почти налегке к железной дороге у моста ждать папу. Я нёс при-

мус, сестра – кастрюлю, мама вела нас за руки и несла провизию и вещи. Началась бомбежка, немцы бомбили мост и переправу. Мы решили вернуться обратно. Пошли вдоль шоссе с машинами, вдоль железной дороги на возвышении. Я видел приехавший поезд с открытыми платформами и на одной из них, к большой радости, увидел папу. Я стал ему кричать и махать. Так мы опять соединились.

Наконец мы вчетвером переправились в Рыбницу и поехали в село, где жил дедушкин брат. У него и находились дедушка, бабушка и дядя **Лейб**, которые перебрались сюда в начале войны. Мы повидались и отправились в городок **О́кна**, за Рыбницей. В Окне мама и папа оставили нас с сестрой и поехали обратно, чтобы привезти дедушку и бабушку к нам. Однако на полдороге родителей остановили у леса советские солдаты и приказали быстро возвращаться, потому что навстречу уже идут немцы. Отец так гнал на обратном пути, что телега опрокинулась, при ударе о землю у мамы выбило зубы, оба получили ушибы. Кое-как вернулись к нам.

Мы узнали позже, что дедушка и бабушка после встречи с нами уехали из того села, чтобы через Рыбницу вернуться на родную землю в Резину. Они успели переправиться через Днестр, и, как только очутились на другой стороне, случилось большое наводнение. Днестр разлился. На правом берегу Днестра, со стороны Резины, их тут же схватили румыны и с исключительной жестокостью казнили евреев. Румынские нацисты принудили каждого из них навесить камни на шею своим близким и утопить друг друга. Такую страшную смерть приняли дедушка **Мильштейн Золман** (1870), бабушка **Сима** (1875) и папин брат **Лейб** (1899). Моему папе рассказал об их гибели знакомый юноша, которого тоже топили румыны, но ему удалось спастись и убежать оттуда. Он видел своими глазами, как их заставили топить друг друга.

На следующий день немецкая армия захватила **Окну**, и стало твориться что-то невероятное. В Окну пришли румыны, и немедленно начались убийства, издевательства над всеми жителями и беженцами: русскими, молдаванами, евреями. За ними в Окну вошли ещё немцы, остановили этот погром, собрали на площади только евреев и погнали на расстрел. На дороге появилась легковая машина, из неё вышел немецкий офицер и остановил колонну. Офицер что-то сказал, среди нас был врач, который понимал по-немецки, и он перевёл: «Вас ведут на расстрел, но я даю команду отставить расстрел и приказываю всем вернуться в Окну». Нас повели обратно. Недалеко от Окны на каком-то пустом пространстве нас остановили, и началась «выкупка». Евреи собрали золото и драгоценности, которые у них были, и отдали немцу. И это было не всё. Врач перевел заявление немца: «Нам нужны десять девушек». Оказалось, что мы стоим возле немецкого штаба. Переводчик добавил: «Не беспокойтесь. Девушек никто не тронет. Нужно печатать на машинках с русскими буквами». Выбрали девушек, и они пошли работать в сопровождении переводчика.

Через некоторое время послышалась команда: «Выйти всем бессарабцам». Когда мы вышли, нам скомандовали возвратиться в Окну. Остальных оставили стоять. Их потом тоже отпустили, и они пришли домой. В последующие дни издеватель-

ства румын продолжались. Папа был умным человеком и сказал нам: «Откройте в доме окна и двери и лягте на пол под окнами головой к окну». Мы выполнили это, легли и замолчали. Румыны пробегали мимо, видели, что в доме всё настежь, и к нам не заходили. К ночи мы ушли из Окны в направлении переправы, двигались по ночам, прятались. Пришли к переправе через Днестр у Резины и к вечеру уже были в **Рыбнице**. Остановились возле железнодорожного моста. Наступила ночь. В поисках ночлега обнаружили на берегу речного залива отдельно стоящий двухэтажный домик. Вошли туда и устроились спать на втором этаже. Утром папа проснулся от шума, посмотрел в окно и закричал: «Убегайте! Убегайте! Вода прибывает!» Мы выскочили наружу, и, как только папа выбежал из дома последним, дом тут же осел и рухнул. Мы убежали на железную дорогу, просидели в укромном месте до следующего утра.

В Рыбницком гетто.

Утром мы узнали, что в **Рыбнице** есть евреи, пришли в еврейский район возле парка и попали в гетто. Зашли в какой-то полуразрушенный дом, стали там жить. Этот дом находился напротив церкви, мы видели и немцев, и румын, и украинцев, и молдаван.

Через короткое время мы узнали, что есть председатель еврейской общины, бригадиры – евреи из Резины, из Рыбницы. Они и руководили в гетто. Бригадиры собирали людей на работу. Внешне они ничем не отличались от остальных. Евреи обязаны были носить отличительный знак – *магендавид*. Мы, дети, ходили, без него. Гетто не было огорожено, но каждый знал, куда нельзя ходить. Два раза в неделю разрешалось выйти на базар.

В Рыбницком гетто мама и папа работали. Мать с другими женщинами работала на строительстве памятника Антонеску: таскала камни и тому подобное. Дети ходили помогать родителям. Отца и других мужчин каждое утро водили из гетто на работу. Они выполняли самые чёрные работы, им не платили, не кормили. Одной из работ в городе была очистка ям, расположенных под уборными. За неё платили, и папа вошёл в такую бригаду. Однажды они вырыли глубокую канаву рядом с такой ямой, полной до краёв, чтобы в канаву спустить содержимое ямы. Закончили работу и хотели выбраться из канавы. Папа в это время был наверху, ему передавали инструменты. Внезапно вся гадость из ямы прорвала перемычку, мгновенно заполнила канаву, и люди утонули в этой жиже. Спасся только отец.

По требованию немцев мужчин из гетто отправляли в **Варваровку**. Там находился каменный карьер, где постоянно требовался приток рабочей силы. В гетто был получен приказ отправить в Варваровку 100 человек на год на разработки камня. Папа был невысокого роста, худенький, и его поначалу отсеяли по состоянию здоровья. Те, у кого имелись деньги и драгоценности, смогли откупиться у румын от этой отправки. У папы ничего не было, и его для количества назначили в эту сотню будущих смертников. Когда отец узнал об этом, он убежал из дому. Через дорогу от гетто за церковью стоял домик, в котором жила одинокая русская женщина. Она разрешила папе прятаться на чердаке её дома. К нам стали приходить

ночью с вопросом: «Где Меир?» Мама отвечала, что не знает, дома его нет. Через короткое время арестовали и увели маму, остался я с сестрой. О нас заботился тогда дядя **Айзик** – отец Сарры и Голды, его жена тётя **Бася** к тому времени умерла от тифа. На другой день за мной пришёл бригадир. Он сказал, что мы вместе должны найти папу. Пошли на базар. Он приказал мне на базарной площади кричать: «Папа, папа!» Я кричал, но безрезультатно, и бригадир меня отпустил.

Оказывается, папа слышал, как я его звал. Он опасался за жизнь прятавшей его женщины: не дай бог его найдут, то убьют их обоих, и в то же время понимал, что из-за его побега пострадает семья. Папа оставил свое убежище, ночью пришёл на базар и спрятался под дальней стойкой, поэтому узнал мой голос. На следующее утро отец вернулся домой. Я ему рассказал, что румыны забрали маму в комендатуру, что его продолжают искать, и он сам пошёл в комендатуру. Маму отпустили, а папу забрали на год на работу в Варваровку.

Я остался единственным мужчиной в семье. Надо было что-то делать. Меня с сестрой по малолетству на работу не брали. Я «переодевался» в молдавского мальчика, лишь добавляя к своему рваному тряпью молдавскую шапку-кушму, а также знание молдавского языка, и покидал гетто в поисках пропитания. Я понимал, что нарушаю румынский приказ не выходить из гетто. На меня никто не обращал особенного внимании, таких беспризорных голодных детей ходило множество. Я высматривал, где что у румын плохо лежит, просил у крестьян еду. Добывал то тут, то там кусочек хлеба, какие-то огрызки. Ходил на железную дорогу, там можно было сбросить с платформы пару досок, утащить и продать. Из мешков возле склада насыпал в подвязанные снизу шаровары соль, зерно. Однажды в меня за это стреляли, но я сумел убежать.

В Рыбнице той поры был большой кинотеатр, и в нём немцы и румыны встречали новый **1943**-й год. Первого января утром я пошёл к кинотеатру. Все военные уже разошлись, на столах осталось много еды. Я сумел пробраться в зал и начал собирать остатки. Меня заметил немецкий солдат, подозвал и повёл куда-то. Он не знал молдавского, я не знал немецкого языка, но я почувствовал, что он хочет мне помочь. Мы пришли в его служебную квартиру за кинотеатром. Это был человек среднего возраста, служивший военным санитаром. Он дал мне хорошую одежду и обувь, также подарил одежду для папы. Я стал приходить к нему каждый день, и он передавал мне то одежду, то еду. Мы не знакомились, только виделись, он узнавал меня и помогал среди своих дел, я научился говорить «спасибо» по-немецки. Но каким-то образом мы понимали друг друга сердцами. Помню нашу последнюю встречу. Я, как обычно, пришёл, он меня обнял, поцеловал и сказал: «Я знал, что ты еврей». Он сказал еще одно предложение грустным голосом. Я сумел понять эти слова: «Прощай, меня отправляют на фронт». Он дал мне на прощание ещё одежду. Дома мы нашли завёрнутую в неё еду. Больше я с ним не виделся. Мне, ребёнку, тогда и в голову не приходило спросить его имя, я бы его нашёл потом. По сей день, через 70 лет, я испытываю к нему чувство горячей благодарности за поддержку и помощь. Этот немец, по сути, спас нашу семью от голодной смерти.

Если бы кто-то дознался, что к нему бегает из гетто еврей и получает помощь, то ему бы не поздоровилось. Он это понимал, поэтому при наших коротких встречах разбрасывал по столу вещи якобы для обмена с мальчишкой. Лишившись помощи немца, мы голодали. Не поверите, но, когда проходила лошадка и на дороге оставался навоз, я искал в нём кукурузные зёрна, протирал их и ел.

Во второй половине **1943** года из Варваровки вернулись десять человек из ста отправленных мужчин, и среди них, к нашему счастью, папа. Он, истощённый до дистрофии, измученный, но чудом выживший, рассказывал, как они работали в Варваровской каменоломне. Стояли в карьере и долбили каменную скалу. Единственным инструментом была кирка. Ни носилок, ни вагонеток. Всё делали руками. Над ними, еврейскими рабами, издевались румынские охранники. Например, вблизи работавших узников они клали на видном месте кусочек хлеба. Нельзя было его трогать. Если кто-то протягивал руку к этому хлебу, человека убивали.

В **конце 1943** года в один из дней ближе к полудню всех заключенных в гетто собрали на площади. Люди стояли в окружении автоматчиков. Представитель городской власти локотинéнт (*рум.* лейтенант) говорил перед нами речь о том, что сейчас нас поведут на расстрел. Его речь продолжалась неимоверно долго, и на одном из её поворотов ему передали приказ: «Отставить расстрел». Рыбницкое гетто было спасено благодаря тому, что этот румынский лейтенант намеренно тянул время, ожидая изменения ситуации. Утром этого дня я успел выйти из гетто в поисках еды. Когда вернулся, увидел, что гетто окружено автоматчиками-румынами. Я был мальчиком и хотел к родителям. Мне удалось через какую-то лазейку попасть в гетто. Дома никого не было, не было и соседей, я пошёл на голос лейтенанта, увидел людей и встал со всеми.

Депортация в Румынию, побег и освобождение.

В начале весны **1944** года, когда румыны почувствовали, что вот-вот начнётся их отступление, они погнали нас, «бессарабцев», из Рыбницы через Днестр в Румынию. Шли мама, папа, я с Аней, мои сёстры Сарра и Голда с отцом. Нас переправили через Днестр, дали переночевать и вместе с отступающим немецко-румынским фронтом гнали почти что до Бельц. Сопровождали нас два солдата. Когда люди увидели и услышали, что фронт приближается, то понемножку начали отставать от колонны, уходить ночью в разные стороны. В районе **Фалешт** мы увидели идущий товарный поезд. Он притормозил, и все, кто мог, вскочили на него. Из наших только **Голда** успела попасть на поезд и уехала. Доехала до **Ясс**, а в Галаце жил мамин брат **Ицхак**. Он нам очень помог, когда мы ещё мучились в Рыбницком гетто. Дядя Ицхак нашел безрукого румынского солдата и прислал нам через него из Румынии прямо в гетто румынские деньги-леи.

Недалеко от Бельц мы сумели отстать от колонны и спрятались в центре какого-то села в поповском доме рядом с церковью. Хозяев не было. С нами было ещё несколько семейств, ушедших из колонны. Во дворе был погреб, там нашли картофель и сварили его в огромном котле. В эту ночь одна молодая пара объявила себя мужем и женой. Все на радостях наелись картошки, и молодым устроили брачное

ложе на том месте, где стоял горячий котёл. Остальные ушли спать в среднюю комнату, дверь дома заперли на ключ. Среди ночи раздался стук в дверь. Молодые тут же прибежали к нам в общую комнату. В темноте мы услышали, как выбили дверь, нас осветили фонарём, и мы разглядели автоматы. Затем голос из темноты сказал: «Не бойтесь, мы русские». Так пришло освобождение. Мы уложили солдат фронтовой разведки спать с нами в более тёплой комнате.

Утром я вышел на улицу, и из другого дома мне вдруг крикнули: «Передайте солдатам – немцы идут». Я вбежал в дом, крикнул: «Немцы!», и тут началась стрельба. Оказалось, на церковной колокольне прятались фашисты, не успевшие удрать, и они открыли огонь. В бою один советский солдат был убит, и десять немцев уничтожены. Красноармейцы вручили мне в подарок одеяло за то, что сумел предупредить солдат, и они вовремя выбежали с оружием. Это грубое солдатское одеяло долгие годы служило мне.

Немцы начали бомбить Бельцы и окрестные села, и в поповский дом, где мы находились, попал снаряд. Он пробил потолок, но не разорвался. Все успели выбежать.

После освобождения и окончания войны.

Мы пошли домой пешком и благополучно добрались до **Резины**. Всюду по пути были советские войска. Наш дом у Днестра смыло наводнением в 1941 году, жить было негде, и мы переходили с места на место, занимая пустые квартиры. Появлялись хозяева, и мы переселялись в другое жилище. После освобождения Румынии от фашистов **Голда** вернулась к отцу и сестре Сарре. Приехали из эвакуации дядя Яков и тётя Брана.

Мама Люба и папа Меир Мильштейн. Сер. 1950-х гг.

После войны я окончил седьмой и восьмой классы и в **1949** году уехал в Кишинёв, поступил в строительный техникум. В 1950-53 гг. служил в Советской армии в железнодорожных войсках в звании старшего сержанта.

Сестра **Аня** училась в Кишиневском виноделческом училище, а потом окончила Московский институт виноделия. После училища была назначена директором винзавода в Рыбнице. Вышла замуж за **Айзика Эйдельмана**, уехала с мужем в Ниспоренский район и работала там директором винзавода. Затем переехала в Кишинёв, купила домик и взяла маму, папу и меня к себе жить.

С будущей женой Зиной мы познакомились после войны в Рыбнице и поженились в **1957** году. **Зинаида**, дочь Арона Столермана, с матерью **Рейзл** (Розой) в годы Шоа находилась в Рыбницком гетто. Я и Зина были в гетто вместе со знаменитым Рыбницким ребе **Хаимом-Занвлом**. Именно он устроил нашу еврейскую свадьбу и сочетал нас браком под *хупой*.

Сестра Аня с мужем Айзиком. Сер. 1950-х гг.

После переезда в **Кишинёв** я работал нормировщиком и вечером учился по специальности. Затем служил инженером по труду и зарплате, мастером-техником в строительных управлениях. В годы перед отъездом в Израиль я работал начальником капитального строительства Кишинёвского винно-коньячного комбината, жена – медсестрой в городской поликлинике.

Сёстры Сарра Султанович (справа) и Голда, супруги Зина и Александр Мильштейн. 1959 г.

Мама занималась домашним хозяйством в Резине и работала охранником государственного сада. С 1949 года папа работал председателем «Сельпо», затем заготовителем фруктов в Кишинёве, директором мельницы. Отец перенёс инфаркт, был парализован, за ним ухаживали мама и сестра. Папа **Меир** прожил 78 лет и умер в Кишинёве в **1974** году.

<u>В Израиле.</u>

29 февраля **1980** года мы репатриировались в Израиль: мама, я с женой, дочерью (1959) и сыном (1962), сестра Аня с мужем и сыном. Жили в Ришон ле-Ционе, затем в Ашкелоне в центре абсорбции, выучили иврит, начали работать. До выхода на пенсию работал в Ришон ле-Ционе разнорабочим на строительстве, в Нес Ционе – в магазине. Мама **Люба** прожила 96 лет, умерла в **1987** году. Мама и сестра **Аня** похоронены в Ришон ле-Ционе. Жена **Зина** работала дипломированной медсестрой, болела 13 лет и умерла в **1999** году в Реховоте.

Я живу в **Реховоте**, участвую в работе Реховотского объединения бывших узников гетто и концлагерей. Я бережно храню воспоминания о сёстрах Сарре и Голде и их фотографии.

104.

Филициан Семён
*(г. **Рыбница**)*

МОИ ЧЕТЫРЕ МАМЫ

<u>Довоенная жизнь.</u>

Наша небольшая семья жила в гор. **Бельцы** Молдавской ССР. Папа **Мордехай** (Мордхо) **Филициан** (1906) работал плотником, мама **Эстер Моисеевна** (в девичестве Молдавская) (1910) занималась домашним хозяйством и растила нас, троих детей: сестру **Марию** (Мусю) (1934), брата **Юлия** (1936) и меня, **Семёна Филициана** (29 марта 1938).

До войны мамина старшая сестра **Фрейда** жила в Бельцах, а средняя сестра **Туба** – в деревне **Жабка** Вертюжанского р-на.

Мать Семёна Эстер (справа) с сестрой Тубой до войны. Бельцы.

Начало войны, оккупация и гетто.

В начале войны отец как военнообязанный ушел на фронт, а наша семья: мама с тремя детьми организованно эвакуировалась из Бельц. В товарном поезде с нами ехали две мамины незамужние сестры Туба и Фрейда. Никто не знал, куда нас везут, однако состав двигался на восток, отдаляясь от линии фронта.

В районе города **Рыбница**, за мостом через Днестр, наш гражданский эшелон начала бомбить немецкая авиация. Вследствие бомбардировки я оказался вне вагона, на земле (очевидно, выпал, как некоторые другие пассажиры), в то время как поезд с моими родными набирал скорость, пытаясь уйти от бомбёжки. Я уцелел, но внезапно остался в трёхлетнем возрасте один посреди войны: без мамы, сестры и брата. Случилось это в конце **июня 1941** года. Меня подобрали незнакомые люди и вместе с другими отставшими от нашего поезда доставили в Рыбницу.

О своём пребывании в гетто в **Рыбнице**, о времени после освобождения из гетто и до 1945 года я рассказываю по воспоминаниям женщины, усыновившей меня в гетто, сестёр моей матери, а также по беседам со знаменитым раввином **Хаимом-Занвлом**, тоже бывшим узником Рыбницкого гетто, моим добрым соседом в послевоенные годы.

Меня нашла и взяла к себе жить женщина-вдова из Рыбницы по имени **Гитя Сорокер**. У неё была дочка **Фея** (Фаня), старше меня на полтора года. Тётя Гитя была абсолютно чужим человеком, а стала самым родным – моей спасительницей, второй мамой.

Через некоторое время всех евреев Рыбницы согнали в гетто. Жизнь в гетто под управлением румын была совсем не сладкая. Но, как говорили сами оккупанты, «при немцах вы бы умерли быстрее». Больше всего меня угнетали голод, холод и страх. Помню, мы ходили на станцию и собирали угольки и дрова, чтобы согреться у печурки. Я часто плакал, очень хотел к маме, к сестричке и братику. Бедная тётя Гитя успокаивала меня, как могла, и тоже плакала. Фея играла со мной. Гитя добывала еду для двух детей и спасала нас от голодной смерти. Помню, что она делала для румын чёрную работу на кухне, в столовой, убирала и за это получала какую-то пищу. Только благодаря еврейской взаимопомощи в неволе, в гетто среди жандармов, полицаев, других врагов, хотевших нашей смерти, дети-сироты, как я, выжили.

После освобождения.

Я находился в Рыбницком гетто с октября 1941-го по март 1944 года. **29 марта 1944** года, в день моего рождения, Красная армия освободила Рыбницу от немецко-румынских оккупантов. После освобождения Молдавии вернулись из эва-

куации в село **Жабка** в конце 1944 года обе мамины сестры, которых поезд под бомбёжкой унёс в 1941 году вместе с моей мамой, сестричкой и братиком. Через два месяца, проведённых в поисках, мои тёти **Туба** и **Фрейда** нашли меня в городе **Рыбнице** в доме моей спасительницы **Гити**, уже считавшей меня сыном, и увезли к себе, в село Жабка. В дом их отца кто-то вселился, жить было негде, и нам троим выделили комнату в сельском клубе.

Мамины сёстры: Фрейда (слева) и Туба Молдавские до войны.

В годы эвакуации мама и её сёстры работали в Узбекистане в колхозе, жили в бараке, плохо питались. Моя мама **Эстер** заболела и в **1943** году умерла от переживаний, что я потерялся во время бомбёжки и, возможно, погиб. Там же, в эвакуации, умерли мой семилетний брат **Юлий** и моя десятилетняя сестра **Муся**. Перед смертью мама просила своих сестёр сделать всё возможное и найти меня, если я выжил.

Послевоенная жизнь.

Отец **Мордехай Филициан** с фронта не вернулся. Мне известно, что на войне он пропал без вести. Осторожно и не сразу, но тёти сообщили мне о смерти мамы, сестры и брата. На меня, мальчика лет семи-восьми, свалилось горе. С тяжёлой мыслью о том, что война убила всех моих родных, входил я в мирную жизнь.

Сёстры матери **Фрейда** и **Туба** заменили мне её: отдавали мне последний кусок в голодные послевоенные годы, вырастили, воспитали, дали образование. Одна из них убирала в школе, другая шила для людей. Благодаря им я не чувствовал себя сиротой. Главное, что я усвоил у них: быть честным и справедливым. Именно так мои тёти и жили. Тётя Туба свою личную жизнь не устроила.

В **1947** году мы переехали в село **Шолданешты** Резинского р-на Молдавии. Я жил вместе с моими тётями на снятой квартире. Окончил школу в **1955** году. Работал и по вечерам с друзьями разгружал вагоны с углём, цементом, солью. В **1960** году окончил сельхозтехникум, прошёл службу в Советской армии. После армии окончил механический факультет сельскохозяйственного института. Жил у родственника в Рыбнице, работал на заводе, в колхозе на инженерных должностях.

В **1962** году женился на замечательной женщине **Мане**, учительнице физики. У нас родились две дочери: **Фиана** и **Маргарита**. Жена проработала 33 года в одной школе, её все любили. Дочери тоже стали педагогами.

Как прихотливы узоры судьбы, как перекрещиваются людские пути в жизни! Моя будущая жена училась в школе вместе с **Феей**, дочкой Гити. Они были лучшими подругами, и в один из дней я встретился с Феей, мы узнали друг друга, и теперь уже взрослым я заново познакомился с её мамой, тётей **Гитей** – моей спасительницей. Эта скромная душевная женщина меня хорошо помнила. Когда я стал расспрашивать её, что было с нами в гетто, она плакала и говорила мало. Ей было больно вспоминать. Я понял, насколько естественным для неё было в страшные годы оккупации и преследования евреев взять к себе в дом, по сути, усыновить меня, чужого ребенка. Вечная ей благодарность за это.

Волей судьбы совпало так, что я с семьёй жил в Рыбнице недалеко от дома знаменитого Рыбницкого ребе – **Хаима-Занвла** Абрамóвича. Он часто приходил по-соседски к нам или мы к нему, когда не хватало мужчин для *миньяна*. Это был умный и кристально честный человек. Узнав, что и я был в том же гетто, он заплакал. Хаим-Занвл рассказал мне такой случай. Однажды в Рыбницком гетто в начале 1944 года к нему обратился румынский офицер перед расстрелом группы узников, в которой был и Хаим-Занвл, и спросил: «Раввин, ты не можешь солгать, ты человек верующий, скажи честно, кто победит в этой войне?» Хаим-Занвл задумался и ответил: «Победит тот, на чьей стороне правда». После этого задумался румынский фашист, и расстрел был отменён.

В **1988** году 13 октября ушла из жизни тётя **Фрейда** Гафтер (14.3.1892), а через месяц, 14 ноября – тётя **Туба** Молдавская (4.6.1903). На памятнике, который я поставил им на могиле в гор. Тирасполе, я написал и имя их сестры **Эстер** – моей мамы, это памятник трём моим дорогим матерям, вскормившим и воспитавшим меня (да будет благословенна их память). Моя четвёртая мама – замечательная моя спасительница тётя **Гитя** болела и умерла в Рыбнице в **1979** году (да будет благословенна её память). Мы поддерживали тёплые отношения с ней и Феей все годы, я помогал им, чем мог.

До конца дней я буду благодарен и признателен моим четырём любимым мамам.

<u>В Израиле.</u>

29 марта 1991 года, в день моего рождения, я репатриировался с семьёй и тёщей в Израиль. Более 20 лет живу в городе **Реховоте**. Работал в Реховоте и в Явне слесарем 10 лет, потом на разных работах, чтобы помочь детям и внукам. Сейчас я на пенсии, живём в арендуемой квартире. Одна дочь работает учителем в Израиле, другая живёт в Канаде. Общаюсь с очаровательными внуками.

105.

Фридман Роза
*(г. **Рыбница**)*

НЕ НАДО БЫЛО ПРИЧИНЫ, ЧТОБЫ УБИТЬ ЕВРЕЯ

<u>Довоенная жизнь.</u>

Наша семья жила в молдавском городе **Рыбнице** в большом доме на улице Войкова, не в центре города. Дом сохранился во время войны, несмотря на бомбёжки и наводнение. В его 8 комнатах проживали мы и другая семья. Наши четыре комнаты, кухня, два коридора были служебной квартирой отца **Арна** (Арона)

Шму́левича Каплана (1884). Папа участвовал в Гражданской войне, награды нам не показывал, но мы видели его знак или медаль «Красный партизан». Сразу после Гражданской работал маляром. Затем был выбран председателем объединённого профсоюза, в который входили разные учреждения Рыбницы: медики, добытчики камня, работники известкового завода и др. Папин кабинет с секретарём находился на известковом заводе. Когда профсоюзы разделились по профессиям, папу назначили заместителем председателя горсовета Рыбницы. Одновременно с этим он работал заведующим городским парком культуры и отдыха.

Мама **Сурка** (Соня) (1886) воевала в Гражданскую войну вместе с отцом в партизанском отряде в Молдавии, много пережила. В школе не училась, осталась неграмотной. Была в мирной жизни домохозяйкой и нашей воспитательницей. Мама верила в Бога, жила рядом с Рыбницким ребе – Хаимом-Занвлом, ходила в синагогу.

Семья у нас была большая. Самым старшим из детей был брат **Шая** (Яков) (1912-1978). Он окончил Одесский станкостроительный институт и был направлен работать инженером-конструктором в г. Пермь на военный завод № 20, выпускавший самолёты. Во время войны он конструировал самолёты. Всю жизнь Шая проработал на этом заводе и похоронен в Перми. Сестра **Лея** (Лиза) (1915) вышла замуж за офицера и уехала на Урал, в г. Камышлов. Там они жили в гарнизонном военном городке. Брат **Алёша** (1920) утонул в реке Днестр в возрасте 9 лет. Сестра **Фейга** (Фаня) (1921) работала заведующей детсадом в Рыбнице, вышла замуж и уехала с мужем перед самой войной в г. Оргеев. В начале войны мужа мобилизовали, и сестра Фейга из Оргеева отправилась на Урал к старшей сестре Лее. Муж Фани Эдуард пропал без вести на войне.

Роза Каплан в 10-м классе. 1941 г. Рыбница.

Я, **Рейзл** (Роза), родилась **7 июля 1924** года в г. **Рыбнице**. Училась в украинской школе и накануне войны в 17 лет окончила 10 классов. Братья и сестры учились до меня в еврейской школе. Дома мы разговаривали на русском языке. Мама с папой разговаривали на идише, если хотели, чтобы дети не знали содержание их разговора. В доме было заведено праздновать еврейские праздники и дни рождения всех членов семьи.

В нашу семью входили четверо еврейских сирот по фамилии **Животовские**: **Иосиф**, **Поля**, **Лиза** и младшая **Рива**. Отец нашёл их в Рыбнице после Гражданской войны, детям негде было жить, и папа привёл их к нам: кормил, поил, воспитывал, они все учились и окончили школу. Папа не отличал приёмных детей от родных. Они жили у нас, пока не женились и не вышли замуж. А для нас, маленьких, они были тёти и дядя. Поля вышла замуж за молодого человека Лермана из совхоза под Одессой. Лиза вышла замуж и уехала в Одессу. Рива работала в парикмахерской, вышла замуж и продолжала жить в Рыбнице. Иосиф женился на Рахели из Рыбницы и до войны работал председателем Рыбницкого горисполкома.

Моё детство было очень тяжёлым, потому что папу Арона репрессировали в **1937** году. Ему приписали создание националистических ячеек. Нас сразу высели-

ли из служебной квартиры, мама и я стали женой и дочерью «врага народа», от нас все отвернулись. Мы не могли даже снять для жилья комнатку, люди боялись разговаривать, не то что жить с родственниками «врага народа». Мама не отказалась от папы. Мы нашли угол у больной женщины-еврейки в домике на берегу Днестра. Она пожалела нас и не побоялась принять к себе.

Папа находился в Тираспольской тюрьме, и его выслали в Чернигов для расстрела. Но разоблачили «ежовщину», и через 10 месяцев после ареста отца освободили. Его реабилитировали, восстановили в правах и на работе. Он опять был назначен на должность зампредседателя горсовета Рыбницы.

Начало войны и оккупация.

В первых числах **июня 1941** года моя сестра **Лиза** (в замужестве Розенкранц) и её муж приехали в Рыбницу с Урала в отпуск. Они привезли сына **Эдика**, чтобы он провел летние каникулы у нас, отдохнул от быта военной семьи, а сами вернулись обратно. Когда началась война, Лиза стала беспокоиться за Эдика и предложила, чтобы мы все для безопасности приехали к ней, в Камышлов. Мой папа, ярый коммунист, бывший красный партизан, сказал, что немцы до нас не дойдут, их разобьют. Но всё же решили, что отец отвезёт ребёнка родителям на Урал и вернётся. Если всё будет хорошо, то будем продолжать жить здесь, если нет, то он нас тоже увезёт. Папа с Эдиком уехали, а в это время начались немецкие бомбёжки Рыбницы.

Немцы, захватив **Рыбницу**, передали город почти сразу же военной румынской администрации и ушли. Из всей семьи мы остались в Рыбнице вдвоём с мамой. К нам приходила секретарь папы – незамужняя русская женщина **Мария Молчановская**. Она нас опекала, помогала нам. Когда немцы вошли в **августе 1941** года, Мария спрятала нас внутри своего дома под полом в погребе. Внутрь погреба вели ступени, а крышка, которая закрывала вход, была частью пола.

В Рыбницком гетто.

Когда в **сентябре** 1941 года румынские оккупанты организовали для евреев Рыбницы гетто, мы с мамой подумали: «Не будем мучить человека, чтобы он из-за нас страдал». По городу висели объявления о расстреле за укрывательство евреев, к тому же всюду ходили полицаи и выискивали евреев и тех, кто их скрывает. Были доносчики из местного населения.

Мы с мамой пошли в Рыбницкое гетто, не желая подвергать Марию смертельному риску. Эта добрая женщина продолжала помогать нам, когда мы жили в гетто: передавала еду. Также очень нам помогал **Анатолий Коблас**, живший на ул. Войкова. Коблас, обрусевший немец, хорошо знал по работе моего отца и уважал его. До войны и теперь, при румынских оккупантах, он работал заведующим мельницей, а его жена «баба **Маруся**» пекла хлеб. У них был свой огород. Супруги Кобласы и их сыновья – помню, что одного звали **Толик,** как отца – заботились о нас с мамой. Они передавали нам еду, продукты, когда румыны разрешали узникам выйти из гетто на базар. Семья Коблас многих людей из гетто поддерживала продуктами.

Гетто было расположено на ул. Шолом-Алейхема и частично огорожено. Евреям приказали перейти жить в эту часть города. Мы заняли трехкомнатный домик, а затем добавились еще две чужие семьи: **Меламуд** – муж, жена и двое сыновей

и **Сирота** – помню детей своего возраста: мальчика **Ёйну** и его сестру **Фаню**, а также их маму **Эстер** и их тётю. Комнаты не были отдельными, и мы жили вместе, как одна большая семья. Если мне передавали хлеб, то мама делила его на всех. Варили несколько картофелин и котёл ставили на стол для всех. Другие две семьи поступали точно так же, мы очень ощущали взаимопомощь в гетто.

Распоряжались в гетто румыны, а полиция была еврейская. Полицаи из местных не зверствовали, но служили, чтобы их не покарали. По-настоящему издевались над евреями немцы и румыны. Они расстреливали людей и бросали с моста в Днестр. Я была этому свидетелем в **1942** году. Мне рассказали в гетто, что одного еврея – молодого парня – расстреляли и тело утопили в уборной. Нацистам не надо было причины, чтобы убить еврея, достаточно, что он еврей.

Мама моя уже не работала, ей было в то время 55 лет, постоянно болела. Меня с другими людьми гоняли на разные работы. Румыны задумали строить парк и в нём памятник Антонеску, а нас заставляли делать щебёнку из мраморных и каменных старинных надгробий, привезённых с еврейского кладбища. Мы замешивали строительный раствор, посыпали дорогу щебнем, носили воду из Днестра. Зимой мы чистили улицы от снега, нас водили группами на работу в больницу – там мы ощипывали убитых кур: мясо и пух – отдельно. В нашей школе расположился госпиталь для раненых румын, и там мы работали на уборке. Летом и осенью гоняли в поле на сельхозработы. От всего этого на моем теле образовались фурункулы. Я вся была обсыпана волдырями, и от меня люди шарахались. Лишь после освобождения удалось их вылечить.

Когда немцы и румыны почувствовали, что им недолго осталось тут быть, они подожгли городскую тюрьму, где были их учреждения и документы, чтобы замести следы. Много заключённых, запертых внутри тюрьмы, сгорели заживо. Это была месть оккупантов за поражение в войне. Перед самым приходом Красной армии в 1944 году они были в ярости, мы очень испугались и прятались в руинах, не показывались им на глаза.

<u>После освобождения и после войны.</u>

Советские войска освободили нас **30 марта 1944**-го. После освобождения мы вернулись в свой дом, но его занял начальник паспортного стола городской милиции. Он не хотел возвращать нам нашу квартиру. Тогда приехал шурин-военный, стукнул кулаком по столу, и нам освободили наше жильё. Из 8 комнат сделали 4 квартиры, пристроили к ним кухни, и мы с мамой получили две комнаты и кухню. В нашей квартире ничего из обстановки и вещей не было. Муж Лизы рассказал, что в **июне 1941** года мой папа привёз им сына Эдика, но обратно из Камышлова вернуться не смог, потому что немцы и румыны уже захватили Молдавию. Отец **Арон Каплан** остался на Урале и умер в **1942** году от болезни (у него была астма) и переживаний за оставшуюся в оккупации семью.

По окончании войны я пошла работать в «Военторг» продавцом, затем меня назначили заведующей этим магазином. Здесь я проработала до **1948** года.

Возвратился из армии в **1947** году **Яков Фридман** (1923), и мы познакомились ближе, поженились. В годы войны мой будущий муж Яков, его отец **Мойше**, мать

Лея и второй брат **Меир** были вместе в Рыбницком гетто. Из гетто Якова и отца с другими мальчиками и мужчинами отправили в концлагерь в селе **Варваровка** Одесской области на очень тяжёлые работы. Его мама и брат остались в гетто. Все четверо, к счастью, выжили. В начале войны погибло в Холокосте семейство **Фридмана Льва**, брата отца Мойши. После войны Яков искал их, много ездил, и люди рассказали ему, что семья дяди Лёвы вышла из Рыбницы и попала в немецкое окружение возле Балты. В районе г. Балты в июне-**июле 1941** года немцы расстреляли всю семью: дядю **Лёву** (1896), его жену (имя не помню) (1904), их дочь **Соню** (1920) с мужем (имя не помню) (1917) и сына **Изю**, юношу лет шестнадцати. У меня хранится его фото 1940 года.

Погибший в Холокосте Изя Фридман. 1940 г.

После Рыбницкого гетто и освобождения из Варваровского лагеря Яков был сразу же призван в Красную армию. Воевал, в боевой части служил в топографическом отряде фотографом, вел съёмки с самолета. Получил ранение, имел инвалидность 2-й группы и статус «Инвалид Отечественной войны». После войны муж работал фотографом.

Я устроилась в магазин «Райпотребсоюза», работала заведующей продовольственным отделом до 1950 года. Затем перешла в Рыбницкий «Горторг» и проработала в нём 40 лет – с 1950-го до дня отъезда в Израиль: сначала продавцом, потом – заведующей продовольственным магазином самообслуживания; в магазине промтоваров – завотделом галантереи; в большом универмаге – завскладом галантерейного отдела. После выхода на пенсию в бухгалтерии универмага вела количественный учёт, работала завскладом на швейной базе. Меня очень ценили и уважали. Получила звание «Отличник советской торговли», много грамот за труд. В анкетах и листах по учету кадров я не писала, что была в гетто. К людям этой категории у нас тогда относились насторожённо, даже презирали.

Семья в 1948 году. Сидят: мама Соня Каплан (в центре), сёстры Лиза (справа) и Фаня. Стоят: Роза, муж Яков Фридман (справа от неё), брат Яков Каплан (слева от неё) и родственники.

Когда начали увольнять с работы людей без специального образования, в **1965** году я поступила в торговый техникум и окончила его. Продолжала работать. У нас с мужем родились дочка **Фейга** и сын **Арик**. Дочь по специальности была химиком-технологом пищевой промышленности, работала на молочном заводе. Мама **Соня** умерла в **1972** году. Умер муж **Яков** 19 декабря **1988** года в 65 лет.

<u>В Израиле.</u>

Я приехала в Израиль в **1990** году с дочкой и зятем, чтобы помочь детям. Они оба настаивали, чтобы мы поехали. В Израиле стала получать пособие по ста-

рости. Здесь жили родственники зятя, приехавшие в Израиль в 1972 году. Дочка устроилась простой рабочей на предприятие по переработке овощей и фруктов. Проработала полтора года, и её назначили технологом в лаборатории этой же фирмы. В один из дней она купила цветы для новой квартиры, её сын помог ей отвезти их домой. Она стала спешить на работу, чтобы не опоздать, и поезд сбил её насмерть. Мой сын приехал в Израиль в конце 1991 года, а в **1992**-м это случилось. Арик поддержал меня в нашем горе. Мне в жизни досталось: репрессия и смерть отца, гетто, смерть мужа, смерть дочки. Но надо жить и хранить память о дорогих людях.

106.

Шапиро Софья
*(г. **Рыбница**)*

О ГОДАХ, ПРОЖИТЫХ В ГЕТТО, Я ПОМНЮ ВСЁ

Довоенная жизнь.

Я, **Софья Шапиро**, родилась **23 ноября 1930** года в с. **Крутые** Кодымского р-на Одесской области. Мама была очень молоденькой в год свадьбы и поехала рожать меня к своим родителям в родное местечко **Крутые**, в 30 километрах от молдавского города Рыбницы. Родила и вернулась со мной в Рыбницу. Мой папа **Исаак Моисеевич Сойреф** (1906) был родом из **Рыбницы**, здесь мы жили. Отец работал в банке бухгалтером, владел русским языком. Он прекрасно знал еврейскую литературу и артистично читал на память Шолом-Алейхема на идише в кругу родных. Мама **Бронислава** (Брана) **Самойловна** (1914) служила в ЗАГСе. Мама была очень умной, доброй, готовой помочь каждому – вся в свою мать **Рейзю**. Бабушку называли праведницей, её очень уважал и ценил Рыбницкий ребе Хаим-Занвл Абрамóвич. В самом центре Крутых у бабушки был новый хороший дом напротив базара. Два раза в неделю из окрестных сёл крестьяне приезжали продавать товар. Что не продалось, они оставляли у бабушки до следующего раза. За хранение она не брала денег, никогда не было пропаж, поэтому её все знали и любили.

Отец Исаак Сойреф и мать Брана. Март 1941 г.

До 22 июня **1941** года я окончила три класса русской школы в Рыбнице. В Израиле живут несколько моих одноклассников этой поры.

Начало войны и оккупация.

Когда началась война, наш дом в **Рыбнице** разбомбили, и мы решили эвакуироваться в село **Крутые**, потому что взрослые считали, что война не будет длительной. В Крутых папу сразу же мобилизовали в трудовую армию – на рытьё окопов. Во время бомбёжки в Крутых мы прятались у бабушки **Рейзи** и дедушки **Шмиля Пох** в огромном, благоустроенном погребе. В нём поместилось много семей, бежавших из Рыбницы: дедушки, бабушки, тёти.

5 августа 1941 года я стояла на улице у входа в погреб и увидела спускающихся к нам на мотоциклах немцев. Папа с людьми, рывшими окопы, попал в окружение, но сумел выбраться и прибежал к нам в погреб. Немцы ворвались в Крутые и выгнали всех евреев, кто в чём был, из домов. Помню, как немцы с собаками открыли дверь в погреб и вытолкали нас всех наружу.

Евреев местечка собрали в большую колонну и под конвоем погнали по дороге. Мы прошли примерно 30 километров. Начался дождь, но нас продолжали гнать, будто скот, по глубокой дорожной грязи, ночью тоже. На мне было довоенное длинное серое, с коричневым воротником пальто, купленное на вырост, и летние сандалии. Одной полой широкого пальто я обняла дедушку, а другой – папу, потому что было холодно. Шли примерно сутки. Добрались до села **Ше́ршенцы**, здесь нас остановили и поместили во дворе школы. Нам дали по стакану тёплой бурды, и я свою порцию отдала папе. Мне не было тогда и одиннадцати лет, и я, наверно, понимала, что для папы этого мало. Крестьяне из окрестных сёл приходили к школе. Многие из них знали бабушку Рейзю, они предложили ей: «Рейзя, давай мы спрячем твоих мужчин, немцы их убьют». Мужчины не захотели оставлять нас, они не верили, что немцы расправятся с ними. Некоторые думали, что смогут торговать при немцах.

Пришли немцы и румыны и отделили от нас всех мужчин, в том числе пятерых наших. Сказали, что их забирают на работу. Это были сотни человек. Больше мы их не видели. Оставшихся женщин и детей отпустили без конвоиров обратно. Мы возвращались в Крутые долго. Мама была беременна. Я помню, то мы в стогах сена прятались, и мыши ползали по нам, то нас пускали к себе ночевать крестьяне и кормили, то нам выносили поесть, то я заболела.

Бабушка **Фейга Сойреф** (1890) и папина сестра, тётя **Хона Сойреф** (1914), не захотели идти в Крутые, как мы ни уговаривали их не отделяться от нас. Они решили пойти в Рыбницу, за ними пошли ещё люди, и по дороге их всех убили.

Когда вернулись в **Крутые**, мы не узнали местечка. Оно было усыпано, как снегом, перьями и пухом. Местные жители вспороли все перины и подушки, искали еврейское золото. В доме вырваны двери, окна, внутри пусто. Мы находились какое-то время у бабушкиных знакомых, прятались.

Из Крутых, когда там стало очень опасно, наша семья убежала в молдавское село Плоть. Между этими сёлами было два километра. Мы не могли знать, и нам

никто не рассказал, что незадолго до нашего прихода в село **Плоть** (ныне Рыбницкого района) именно сюда были согнаны и **6 августа 1941** года расстреляны немецкими фашистами 350 евреев, среди них мои родные и близкие – все мужчины нашей семьи, уведённые из села Шершенцы. Погибли мой отец **Исаак Сойреф** в 35 лет, папин отец, дедушка **Мойше** (1889), в 52 года, мамин отец, дедушка **Шмил** (1889), папин брат, дядя **Хаим** (1912), в 29 лет, двоюродный брат дедушки Мойше **Берл Шварц**. Лишь после войны очевидец рассказал маме и другим родственникам погибших, приехавшим в Плоть, что мужчин-евреев привели в Плоть и заставили самих выкопать себе могилу, а потом расстреляли.

Уголок памяти погибших в доме Шапиро.

Помню женщину-молдаванку, бабушкину знакомую, у которой мы прятались в селе Плоть, и её сына **Петю** лет шести. Бабушка говорила с ней по-молдавски. Женщина работала дояркой или свинаркой у румын в колхозе, уходила до рассвета и приходила в сумерках. Мы сидели на русской печи и выходили только один раз ночью по нужде, чтобы нас не увидели и не донесли немцам или румынам. Хозяйка оставляла большой казан с кормом из свёклы для скота, мы тоже это ели и были счастливы. От долгого сидения на печи без движения, с поджатыми ногами, у меня отнялись ноги. Хозяйка боялась держать нас у себя долго. Когда стало известно, что все евреи должны собраться в Рыбницком гетто, мы отправились туда. Меня эта женщина несла на руках, так как я не могла идти, мама была на последнем месяце беременности.

<u>В Рыбницком гетто.</u>

О годах, прожитых в гетто в городе **Рыбнице**, помню абсолютно всё с первого до последнего дня, хотя вспоминать очень тяжело. С **осени 1941**-го по 31 марта 1944 года мама **Брана**, бабушка **Рейзя** и я находились в гетто. Помню, что кроме местных евреев в гетто было много беженцев из разных мест.

Когда мы еле доплелись из Плоти в гетто, у мамы начались роды. Завернули ребёнка в снятые с себя платья. Зимой, в **начале 1942** года, мы все заболели тифом, лежали с высокой температурой. К ребёнку приходили соседи и давали ему сосать через марлечку разжёванную мамалыгу. Младенец **Сёмочка** месяц прожил и умер. Весной, когда я начала вставать, мама сделала мне «обувь» из обрывков галош, тряпок и верёвочек, найденных на помойке. Я могла выйти на воздух, опираясь на палку. Нас одолевали вши. Наша бывшая соседка тётя Роза нашла половинку ножниц и отрезала ею мои волосы.

В гетто взрослых и детей гоняли на разные работы. Кроме подметания и уборки улиц, меня брали на работу в Рыбницкую больницу мыть туалеты, полы. Я мыла на втором этаже окно, а внизу румынские солдаты лежали на траве и хохотали, глядя на меня. Всё дело было в моём «платье». В гетто вся одежда обноси-

лась. Однажды кто-то подарил маме довоенный мешок из грубой мешковины, в котором держали картошку. Она вырезала в нём отверстия для головы и для рук, и это было моим платьем на голое тело. Работала я и на мыловарне. Из реки Днестр целый день носила воду вёдрами в цех. Румыны задумали строить парк Антонеску. Детей, и меня в том числе, заставляли на тяжёлых деревянных носилках носить камни от разрушенных домов, которые были взорваны румынами, чтобы создать гладкое пространство для будущего парка. Мы таскали камни всё лето целыми днями. Затем взрослых и детей посадили на протяжении всей улицы с обеих сторон и приказали молотками разбивать большие камни до состояния щебня.

За работу не платили, нас в гетто румыны не кормили. Маму тоже уводили на работу, иногда ей удавалось что-то принести из еды, если она работала в поле. Мама ходила к людям убирать, и ей платили продуктами. Помогали нам папины и мамины друзья, знакомые по довоенной работе, в основном украинцы. Они приносили или передавали нам, кто что мог. Из них помню тётю **Лёлю**, муж которой работал на мельнице до войны и во время оккупации. Помню папиного друга **Марьяна**, который приходил и приносил нам еду. Из румынских солдат постоянно находился в гетто, наверно, надзирал за порядком, румын по имени **Мирча**. Он мог угостить печеньем, дать кусочек сахара, но он был один такой.

Расскажу о самом жутком моменте в моей жизни. В Рыбнице главным румынским начальником был примарь, а в гетто находилось самоуправление, и в нём руководили евреи. Их называли бригадирами. **4 марта 1942** года в гетто румыны собрали 48 женщин разных возрастов, в том числе мою маму, и под конвоем жандармов колонну повели якобы за получением паспортов. Дорога оказалась слишком длинной, и мама заподозрила неладное. Когда женщин вели по улице, где мы жили до войны, мама выскочила из колонны и бросилась бежать в сторону близлежащих домов, не слыша окриков и выстрелов вдогонку. Упала в снег и потеряла сознание. Бывшие соседи наблюдали из окна эту картину и привели маму в свой дом. Затем переправили её к другим знакомым, которые прятали и выхаживали мою маму в течение трёх месяцев, так как она заболела двусторонним воспалением лёгких. Остальных 47 женщин расстреляли.

После маминого побега начались поиски «преступницы», и поручили это еврейскому бригадиру **Моне Бошерницану**, молодому человеку из Кишинёва, который по жестокости не уступал фашистам. Он всегда ходил в кожаной куртке и кожаных брюках галифе, в высоких сапогах и с резиновой дубинкой. К тому времени мне с бабушкой стало известно местонахождение мамы, и оно содержалось в глубокой тайне от всех. Моня понимал: бабушка не выдаст маму – и принялся за меня, считая, что от 12-летнего ребёнка легче добиться признания. Но я упорно твердила, что не знаю, где моя мама. Тогда он увёл меня в примарию (городскую управу) и стал избивать резиновой дубинкой. При этом приговаривал, что убьёт меня, если не скажу, где мама. От побоев всё тело было синим, вследствие этого и тяжёлого физического труда я стала инвалидом на всю жизнь, но жизнь мамы была спасена.

Пока мама скрывалась, нам с бабушкой запретили выходить из гетто на базар за продуктами. Мама пряталась очень далеко от гетто, на окраине города. Каждый

день я надевала платочек, закрывая лицо, и шла к маме. Мне в голову не приходило, что меня могут выследить со всеми последствиями. На моей одежде к тому же был пришит магендавид.

Мама не могла вернуться в гетто под своей фамилией, её бы убили. В гетто, напротив дома моей бабушки, находилась семья **Мазлер**, и в ней было несколько братьев примерно в возрасте моего отца, возможно, в молодости они знали папу. По профессии все они были шапочниками, и их изделия славились во всей округе. Очевидно, с разрешения примарии к ним приходили заказчики. Один из братьев **Хаим** Мазлер, выслушав бабушку Рейзю, сказал, что он попробует помочь её дочери вернуться. Видимо, ему удалось с кем-то из управы договориться, и маме разрешили возвратиться в гетто, но под другой фамилией. В одной комнате с нами жила женщина Сара Станиславская с девочкой. Вместо своей фамилии Сойреф мама взяла фамилию **Станиславская**, её зарегистрировали в управе, и это позволило ей обрести относительную безопасность в гетто. Под этой фамилией она жила вплоть до нашего освобождения.

В гетто мы постоянно ждали смерти. Однажды румыны объявили, чтобы собрались дети гетто. Мама в это время работала за пределами гетто, бабушка дома, а я с девочкой находилась на улице. Моя лучшая подруга **Клара Цысин** была боевой и уговорила меня не ходить на сбор, а спрятаться у них на чердаке. Я согласилась, и мы залезли на чердак. Через какое-то время я сказала: «Я боюсь оставаться тут, я пойду ко всем». Нас построили в несколько шеренг, и перед нами выступал румынский комиссар, высокий, седой, в пенсне. Мы не понимали, что он говорит, были напуганы, тряслись от страха и думали, что сейчас нас поведут на расстрел. Видно, в гетто разнёсся слух о том, что с детьми что-то собираются делать. Я помню, как появилась бабушка **Рейзя**, бросилась румыну в ноги, целовала ему руки и по-молдавски просила, чтобы он меня отпустил. Он разрешил мне уйти, а потом отпустили и остальных детей. Могло кончиться по-другому. Бабушка и мы уже знали: если людей собирают, то это может значить одно – уведут на расстрел. У нас, детей, уже имелся жизненный опыт, что любой сбор узников может стать последним в жизни.

Бабушка Рейзя Пох. Окт. 1953 г.

Перед освобождением.

В нашем доме до войны жили вместе украинцы, русские, молдаване, евреи. У всех была тяжёлая несытая жизнь, люди труда понимали друг друга. Когда в **1944** году ушли румыны и немцы готовились отступать, в гетто пришёл знакомый с нашего двора одинокий украинец дед **Георгий** и забрал нас и ещё несколько семей к себе домой. Он сказал: «Они отступают, они могут вас убить». У себя дома он поместил всех евреев в одну комнату и дверь задвинул высоким шкафом. Меня и мою одноклассницу **Эмму** в национальных косыночках он посадил в «зале» (гостиной). Мы сидели и чистили картошку. Дверь в дом и в нашу комнату была открыта. При отступлении особенно бесчинствовали калмыки, служившие

у немцев: убивали, насиловали, издевались. Один из них, огромный, с оружием на взводе, вошёл в комнату и уставился на нас. У меня душа в пятки ушла. Он спросил: «Жидовки?» Я в детстве картавила. Со страху ответила особенно картаво: «Честное слово, мы не еврейки». И приготовилась к худшему. Но в нём что-то пробудилось человеческое. Он заулыбался и ушёл.

Послевоенная жизнь.

После освобождения нас Красной армией я училась в городской школе, по окончании школы поступила в медучилище на лабораторное отделение и окончила его. Помню, каждую пятницу бабушка пекла хлеб и отправляла меня со свежим калачом к раввину **Хаиму-Занвлу**. Он хорошо знал маму и меня, вместе с нами был узником Рыбницкого гетто.

После войны маму направили работать в Оргеевский ЗАГС, она взяла меня к себе. Мама болела астмой. Она избегала говорить со мной о пережитом в годы фашистской оккупации.

В 1949 году я познакомилась в **Кишинёве** с будущим мужем и 24 января **1950** года вышла замуж за **Абрама Шапиро** (3 сентября 1923). Он родом из села Рашков в Молдавии. Абрам был призван в Красную армию в 1942 году и после окончания военно-авиационного училища связи с 1944 года участвовал в боевых действиях в звании младшего лейтенанта в отдельной роте связи 179-й авиадивизии, окончил войну в Манчжурии, недалеко от Порт-Артура. Награждён медалью «За победу над Японией» и другими наградами.

Софья с мужем Абрамом Шапиро. 25 янв. 1950 г. Кишинёв.

В гетто у всех моих подруг были папы, и я очень страдала, оставшись без отца. Мне очень хотелось произносить это слово «папа». Я никому ничего не говорила, но про себя придумывала: пусть со мной случится то, случится это, лишь бы папа нашёлся. А потом я, девочка 11-12 лет, подумала, что, когда я выйду замуж, отца мужа буду называть папой. Моя надежда не сбылась. В годы войны **Моисей**, отец Абрама, умер.

После свадьбы муж-кадровый офицер получил назначение в гор. **Тамбов**, затем в течение 10 лет я работала в **Красноярске**, на новом месте военной службы мужа. Все годы была членом женского совета воинской части, в которой служил муж. Муж прослужил в армии 21 год.

Из Тамбова и Красноярска я ежегодно ездила в отпуск в **Рыбницу** к бабушке Рейзе, а после её смерти в июне **1954** года к родственникам, к подругам, с которыми была в гетто.

Когда Абрам вышел в отставку, мы приехали в **Кишинёв**, к родным мужа. Получили двухкомнатную квартиру. Муж начал работать в мединституте инженером-физиком. Родились сыновья **Игорь** (1951) и **Миша** (1957). Когда маму парализовало, мы привезли её к себе в Кишинёв и жили впятером в двух комнатах. 27 лет я работала старшим лаборантом на кафедре факультетской хирургии Кишинёвского мединститута. Старший сын живёт в Кишинёве.

В Израиле.

В июле **1992** года мы с мужем и моей мамой репатриировались в Израиль. Сын **Миша** приехал на год раньше. В **2001** году умерла мама **Брана**. В **2010** году мы отметили 60 лет нашей совместной жизни с Абрамом. Живём в городе **Реховоте**. Любимая внучка **Наташа** после службы в Армии обороны Израиля учится в Беэр-Шевском университете по специальности социология.

Вечная память моим погибшим в Шоа родным и близким! Пусть навечно будут прокляты их убийцы.

107.

Штейн Абрам
(г. ***Рыбница****)*

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ ГЕТТО И КОНЦЛАГЕРЯ, АРТИЛЛЕРИСТ НА ФРОНТЕ

До войны.

Я, **Абрам Волькович Штейн**, родился **15 августа 1924** года в молдавском городе **Рыбница** на левом берегу Днестра, находившемся после Гражданской войны на территории Советского Союза. В Рыбнице жило очень много евреев.

Моя мама **Эстер** (девичья фамилия Кондрарь) (1893) работала поваром на железной дороге. Отца **Вольфа Штейна** (1891) все звали Волька. Он тоже работал на железной дороге, на багажной станции. Отец не был верующим, а его папа, мой дедушка **Исрул**, был глубоко религиозным, служил в синагоге. Ещё в царское время дедушка занимался сбором взносов в еврейской общине, и они шли на развитие еврейской жизни в городе. Он и бабушка **Эстер** жили отдельно. Когда дедушка умер, бабушка жила у нас, вела домашнее хозяйство, помогала нянчить моего младшего брата **Шимона** (Сёму) (1929). Бабушка Эстер умерла до войны.

До войны я окончил 7 классов еврейской школы и поехал учиться в **Одессу** на токаря. Я учился в «Евромоле» на ул. Еврейской, 12. Здесь находилась школа-завод, обучали только еврейскую рабочую молодежь, давали специальности токаря, слесаря, сварщика. Принимали на учёбу с условием: после окончания выпускник должен отработать в Одессе два года. Я окончил, получил направление на завод и отработал один год и восемь месяцев. Прошёл хорошую практику, мне присвоили 4-й разряд токаря в 17 лет. Зарплаты токаря мне хватало на скромное существование. Общежития на заводе не было. Снимал угол, что было очень дорого для меня, но зато рядом с предприятием. Отец написал мне, чтобы я уволился и приехал домой. Я вернулся в **Рыбницу** и решил устроиться токарем на сахарный завод, но, уезжая, не получил документов об окончании. Главный инженер попросил документы, а у меня их нет. Он предложил: «Я тебе дам чертёжик, сделаешь деталь – получишь 2-й или 3-й разряд». Он засёк время, я всё сделал, и мне подтвердили 4-й разряд специалиста.

Оккупация и гетто.

В **июне 41-го** началась война. Отец, бывший боец армии Котовского, говорил: «Немцев мы разобьем. Нечего паниковать. Никуда мы не уедем». А потом очень жалел, что не уехал и семью не вывез. В город **Рыбницу** вошли немцы и румыны, появились местные полицаи. И оккупанты, и их помощники принялись безудержно грабить, проводить обыски в еврейских домах. Для нашей семьи нашествие врагов началось с ужасной трагедии. Когда в начале **августа 41-го** румыны пришли к нам в дом для грабежа, они стали вытаскивать и выбрасывать всё из шкафа. Отец хотел их остановить, и румын застрелил его на месте. Папа **Волька** погиб в 50 лет.

В созданном Рыбницком гетто остались мама со мной и братом Сёмой. Еврейские семьи переселили в брошенные дома – по несколько семей в одну комнату. Начался голод, болели дети, старики. Медицинской помощи не было. В Рыбницком гетто было много пригнанных из разных мест: Бессарабии, Румынии. Помню, из них отобрали 45 человек и поместили в яму в химчистке. Яму закрыли, и люди погибли.

Оккупанты ввели трудовую повинность. Ежедневно примария отбирала людей для работ и направляла их на ремонт дорог, заготовку дров. Румыны возобновили работу в колхозах, посылали евреев на сельхозработы. Узников гоняли на тяжёлые погрузочно-разгрузочные работы на железной дороге, на ремонт подвижного состава, расчистку путей от снега. Нас водили на вокзал на погрузку сахара, крупы, птицы, румыны отправляли всё это в Румынию. Мой брат **Сёма** был моложе меня, в гетто он учился на жестянщика у одного пожилого мастера. Выучился и тоже работал.

Директором Рыбницкого сахарного завода был поставленный румынами **Добреску**. Сам завод не работал, но ремонтировали мельницу, маслобойки. Кто-то ему сказал, что в гетто есть парень-токарь. Директор приехал, отвёз меня в полицию, и мне выдали документ, что я могу ездить и выходить из гетто в любое время.

Я работал токарем на сахарном заводе. Денег не платили, но выдавали томат. Из этого томата на заводе готовили самогон. Я его продавал, и на это жили. Для мамы и брата я приносил с завода сладкую свёклу, мы её варили и ели.

В лагере.

В одну из ночей **1943** года приехали немцы, провели облаву в гетто, отобрали молодых крепких ребят, и меня в их числе, и увезли на Украину в немецкий рабочий концлагерь в Николаевской области, точное место не помню. Нас использовали на строительстве укреплений и рытье окопов. Поселили в старых конюшнях, на завтрак – суп из картофельных очисток и кусочек хлеба с опилками. Охраняли лагерь местные полицаи. За малейшее неповиновение – побои, расстрел. Сбегавших ловили, жестоко избивали и на глазах у всех расстреливали. Недалеко находилась огромная яма, куда сносили трупы умерших и убитых.

Немцы взрывали камень, затем рабочие его измельчали, и этим камнем мы выкладывали дорогу. Я был назначен обеспечивать исправность компрессора, от которого работали пневматические молотки. Этими молотками заключённые дробили взорванные глыбы. Я работал под командованием немца. Он инструктировал меня: «Если компрессор перестанет качать масло, ты его глуши». Говорил по-немецки, но были понятные слова, похожие на идиш. Когда надо, я нажимал на кнопку, работал, а он уходил по своим делам. В перерыв приносили еду. Потом мы работали на рытье траншей, других военных сооружений. Мы видели, что немцы готовились к обороне, к отступлению.

Через некоторое время узники начали убегать из лагеря, кто как мог. Уже была поздняя **осень 1943** года. Моя группа заканчивала внутренние работы в доте, который строили на опушке леса. Нас было четверо: братья **Ёська** и **Баламут Кравчики** и я с напарником. Охраняли нас украинские полицаи. Пошёл проливной дождь со снегом. Охрана спряталась в сторожевую будку и сидела там. Они были уверены, что мы, одетые в отрепье, в такую погоду не решимся на побег. Мы убежали. Немцы искали нас с собаками. Двух братьев поймали и повесили на воротах лагеря. Это мне рассказали потом. А мы с напарником перешли речку, чтобы собаки потеряли след, успели ухватиться за вагон поезда, проходящего по узкоколейке, и уехали. Почти три недели добирались до Рыбницы. Пробрались в гетто. Первое время я прятался в доме. В **марте 1944** года советские войска вошли в Рыбницу и освободили нас.

Участие в войне.

Меня призвали в армию после освобождения из гетто **весной 1944** года. Мой 114-й гвардейский артиллерийский полк воевал в Румынии, в Венгрии, в Чехословакии. В Ясско-Кишинёвской операции был заряжающим, получил первое ранение.

В Венгрии было опасно. Мадьяры нас ненавидели: убивали, отравляли колодцы. Если надо было выйти куда-то, то шли 3-4 человека с автоматами. В танковых боях на венгерском озере **Балатон** участвовали тысячи танков разных государств. У нас были противотанковые 110-мм пушки, и мы били по вражеским танкам. С нашей стороны были русские и чехословацкие танки. Эти бои длились несколько

дней подряд. По боевому уставу, если наводчик убит, продолжает стрельбу его заместитель. Если заместитель убит, то тогда стреляет третий человек – заряжающий. Я заменил заместителя наводчика первого орудия. Продолжал уничтожать гитлеровцев и тогда, когда меня ранили. Я был не один, со мной остались два солдата, которые подносили ящики со снарядами. Все были обучены стрельбе. Бой продолжался. Я наводил и стрелял. Не было никакой паники: я был среди своих. Слева и справа от меня стояли и стреляли сотни пушек. У нас в полку были 24 пушки и 24 расчёта. Одна от другой стояли в двух метрах. На каждые четыре пушки был капитан или старший лейтенант. В этом бою мы победили. После боя вагонами убирали подбитые танки и пушки. Мой командир подал документы на награждение командиру полка. За участие в этих боях меня наградили медалью «За отвагу».

Лучше всех нас, бойцов Красной армии, принимали жители Чехословакии. В Братиславе командир сказал нам: «Хлопцы, окопайтесь поглубже, чтоб вас не поубивали. Сейчас идут переговоры об окончании войны». Неделю после этого мы находились в окопах, и пришёл указ об окончании военных действий. В Чехословакии в звании младшего сержанта для меня закончилась война.

Я всегда и везде – до войны, в гетто, на фронте – был Абрам Штейн. Мне советовали поменять имя, но я и думать об этом не хотел. Мой покойный отец говорил: «Ты никогда не должен стесняться своего имени».

Послевоенная жизнь.

Во время Катастрофы наша семья понесла страшные потери. Кроме моего убитого фашистами отца, погибли два маминых младших брата: **Кондрарь Шимон** (1896), литейщик, и **Кондрарь Пинхас** (Пиня) (примерно 1898), кузнец. Они жили и работали в г. **Днепропетровске**. В **1941-42** гг. немцы загнали их с другими евреями в городской Дом культуры, подожгли здание, и все они сгорели заживо.

После Победы я продолжал служить в Красной армии. Нам, рожденным в 1924 году, оформили документы на увольнение из армии в **1947** году, дали проездные билеты до дому, выдали каждому 5 кг сахару, 5 кг муки. Я отправился в **Рыбницу**, приехал к матери. Познакомился с моей будущей женой **Идой**, и в **1947** году мы поженились. На свадьбе было угощение: одна бутылка водки и одна селёдка на пять человек. Ида, её отец, сестра и брат жили до войны в Резине, там все четверо находились в оккупации, им удалось выжить. Сестра моей жены **Двойра Киер** (девичья фамилия Ройтман) в начале войны приехала из Днепропетровска в поисках спасения в Рыбницу. Её и других евреев сожгли в Рыбнице в гигантской известковой печи 30-метровой высоты. Их туда бросили в **1942** году.

Я пошёл работать, как и до войны, на Рыбницкий сахарный завод токарем. С годами перешёл на большое современное предприятие – цементно-шиферный комбинат. После войны я проработал токарем 50 лет. У меня был самый высокий, 7-й, разряд токаря-универсала на любых станках: фрезерных, строгальных, дол-

бёжных, сверлильных. Присылали на завод ко мне на практику будущих токарей. Я учил их тому, что знаю. Это моя профессия, я её любил, другой я не искал, работал, не имел понятия о болезнях. Построил дом, сыграл свадьбу дочери.

Жена **Ида** умерла в **1993** году после тяжёлой болезни, мы прожили в любви и согласии 46 лет.

В Израиле.

Репатриировался в Израиль в **1995** году. В Израиле уже жила внучка, после меня приехала и дочка. Она живет в Ганей Авив со своей семьёй. У меня есть внук, у него сын трёх лет, и внучка с двумя правнуками: мальчик в 8 классе и девочка во 2 классе. До замужества внучки я жил у неё, а потом получил социальное жильё – квартиру на центральной улице города **Реховота**. У меня установлен кардиостимулятор, живу с одной почкой, но справляюсь. Брат **Шимон** сейчас живёт в Германии.

По мере сил посещаю встречи с друзьями в городском клубе Союза ветеранов 2-й Мировой войны и вечера, проводимые Реховотским объединением бывших узников нацистских лагерей и гетто. Состою в обеих этих организациях. Нам есть что вспомнить.

ПРИБАЛТИКА (108-111)

108.

Качергински Эдит
***(г. Лиепая, к/л Саласпилс, Кайзервальд, Дунданга**, Латвия;*
***к/л Штутгоф**, Польша)*

МОЯ СЕМЬЯ ПОГИБЛА В КОНЦЛАГЕРЯХ САЛАСПИЛС И ОСВЕНЦИМ

Я, **Качергински Эдит Иосифовна** (девичья фамилия Шварц), родилась **10 октября 1927** года в г. **Лиепая** (Латвия).

Была арестована фашистами в **1941** году в г. Лиепая. Содержалась в **Лиепайском гетто** с 1 июля 1942 года до 8 октября 1943 года. Затем были лагеря **Саласпилс, Кайзервальд, Дунданга** в Латвии; **Штутгоф** в Польше. Работала в них на разных тяжёлых работах.

Помню в лагере Кайзервальд надзирателя с прозвищем **«мистер Икс»**, а в польском лагере Штутхоф – надзирателя по имени **Макс**.

Издевательств и мучений было слишком много, кто был в лагерях – знают. Я чудом осталась жива.

В годы Шоа погибли все мои родные. Отец **Шварц Иосиф Мотелевич** (1902) был убит в нацистском концлагере «**Саласпилс**» (Латвия). Мать **Шварц Фейга Юделевна** (1910), сестра **Шварц Сара Иосифовна** (1932), брат **Шварц Хенех Иосифович** (1939) были уничтожены немецкими нацистами в концентрационном лагере «**Аушвиц**» (Освенцим) в Польше.

После войны получила среднее образование и работала служащей. Муж **Яков Качергински** прошёл всю войну, воевал в 16-й Литовской армии. Детей у нас не было. Яков умер в **1963** году в звании подполковника.

Я репатриировалась в Израиль 20 февраля **1991** года и живу в г. **Реховоте**. Из близких в Тель-Авиве живёт мой племянник Давид Софер с женой, сыном и дочкой. Мы поддерживаем очень хорошие родственные отношения.

Состояние моего здоровья – плохое.

109.

Раухман Аарон
*(г. **Рига**, Латвия)*

Шмуэль Бурин, Яков Слабодар
АРЧИК И БЕР: ЕВРЕИ, СПАСЁННЫЕ ПРАВЕДНИКАМИ

Раухман Аарон (Арон) **Абрамович** родился **24 ноября 1924** года в городе **Ливаны** на востоке Латвии.

В период Катастрофы европейского еврейства вся семья Аарона уничтожена немецкими фашистами в гетто в г. **Ливаны**. **3 сентября 1941** года были расстреляны отец **Авраам-Берл Раухман**, сын Аарона (1901), мать **Михла** (в девичестве Бурин) (1902), старшая сестра (1920), младший брат **Ицхак** (1927), а также дедушка **Шмуэль Бурин** (1882) и бабушка **Ривка** (1887) – мамины родители.

В сентябре 1941 года Аарон был помещён в **Рижское гетто**, где находился до июля 1943 года. Оттуда был переведён в немецко-фашистский концлагерь «**Кайзервальд**» (в северной части Риги) с арестантским номером 8713. Работал на тяжёлых физических работах в этом лагере вплоть до дерзкого побега из неволи вместе с братом **Бером Буриным** в августе 1944 года. Обоих спасла от гибели и скрывала до прихода советских войск латышская семья **Озолинь**.

В послевоенное время Аарон работал мастером-жестянщиком.

В конце 70-х гг. XX века Аарон репатриировался в Израиль с женой Ниной и сыном Борисом. Жена Нина позже скончалась. Сын живёт за границей. Аарон был участником Реховотского городского объединения бывших узников концлагерей и гетто. Аарон Раухман ушёл из жизни после тяжёлой болезни **24 июля 2009** года в г. Реховоте. Память об Аароне хранит семья его вдовы – **Хаи-Гите Раухман** (в девичестве Белостоцкой).

Рассказы родных.

Хая Раухман (Реховот)**.**

Я приехала со своими детьми в Израиль в 1988 году. Через год меня познакомили с Ароном, мы официально поженились. Жили в Реховоте. Арон почти не рассказывал о пережитом в лагерях и гетто, видно, жалел меня. Он знал, что в Эстонии, откуда я родом, в годы Катастрофы у меня тоже погибли родственники: дедушка **Давид Белостоцкий** (1869-1942), бабушка (имя не помню), их две дочери: **Роза**, **Аня** и сын **Абраша** (1899-1941) **Белостоцкие**. Смерть Арона стала моим большим горем. Это был замечательный, чудесный человек.

Яаков Слабодар (Реховот)**.**

Я знал Арона как мужа моей мамы Хаи больше 20 лет. В жизни Арон (благословенна его память!) был честный, добрый, скромный, нас он принял как родных. Для всех нас его имя было **Арчик**. В Советском Союзе он обучился ремеслу жестянщика и в Израиле продолжил работу по этой специальности на авиазаводе и трудился еще несколько лет, уже выйдя на пенсию. К нему на работе очень хорошо относились, ценили и до сих пор присылают нашей семье поздравления к праздникам, подарки, помнят Арона.

В середине 90-х гг. по просьбе Арона я написал запрос о присвоении звания Праведников мира его латышским спасителям **Анне** и **Эдуарду Озолинь,** подал бумаги в комиссию «Яд Вашем». Арон назвал мне их имена и адрес, сообщил важные сведения об этих людях. На основании его рассказов и свидетельств солагерников Арона в **1995** году Институт изучения Катастрофы и музей «Яд Вашем» на специальном заседании присвоили супругам Озолинь из Латвии звание **Праведников народов мира** (посмертно).

Вот одна из историй, рассказанная мне Арчиком – её участником.

Арчику было лет девятнадцать, когда из Рижского гетто его с родным дядей **Бером Буриным** отправили в концлагерь «Кайзервальд». Морозной зимой 1943-44 гг. заключенные жили в холодных бараках, голодали. В один из вечеров в лагерь привезли машину водки для поднятия духа немецких офицеров и солдат. Арчику и ещё двоим мужчинам из его барака приказали разгрузить машину и доставить груз на склад. Грузовик не мог к нему подъехать – бараки стояли близко друг к другу, и между ними была узкая дорожка. Склад находился на расстоянии 200-300 метров от въезда в лагерь. Надо было на санях перевезти эту водку через бараки к складу. Один из мужчин выгружал из машины ящики с бутылками водки, укладывал на сани, другой принимал груз у склада и заносил внутрь. Арчик как самый юный тянул гружёные сани по снегу к складу и пустые – обратно к машине. Возле машины и возле склада стояли два офицера, которые наблюдали за работой. Арчик сделал три-четыре ходки, снова пошёл с нагруженными санями к складу, и вдруг из барака выбегает заключенный, выхватывает из ящика бутылку и растворяется с ней в темноте. Арчик ничего не мог сделать. Он катит сани к складу, а там немец принимает товар и видит – нет бутылки. Немедленно подняли всех заключённых лагеря, выгнали на снег и ночной мороз. Началось долгое дознание, и было объявлено, что все будут расстреляны за пропавшую бутылку водки, если она не найдется. Одним чудом узники остались живы, потому что в ящике обнаружили бой еще 2-3 бутылок. Немцы решили, что бутылка разбилась при погрузке автомобиля, и заключенным разрешили разойтись по баракам. За одного отвечали головой все, и им постоянно угрожало реальное уничтожение. Того, кто выскочил и унёс бутылку, Арчик не выдал, хотя сам был подозреваемым номер один. Такой была жизнь на грани смерти в лагере «Кайзервальд».

Шмуэль Бурин (Кфар-Саба)**.**

Арон Раухман – мой двоюродный брат, племянник моего покойного папы **Бера** (Бералэ) **Бурина** (1917). Отец был родным братом его матери – **Михлы Бурин** (в замужестве Раухман). Арон и мой папа вместе прошли заключение в Рижском гетто и каторжный труд в концлагере «Кайзервальд», из которого совершили смелый побег.

Для меня он Арчик, другого имени я не знал. Арчик был очень мягкий, нежный человек. Он никогда не повышал голоса. При всей своей мягкости и нежности он выдержал те железные испытания, которые ему выпали и в годы Холокоста, и в мирное время. Никто уже не сможет объяснить, как этот тихий мальчик вообще смог выжить. Мы были в Израиле его единственными родственниками. Арчика просто подкосило, когда мой папа умер в декабре **1995** г. Бер был его главной опорой, Арчик всегда с ним советовался. Смерть моей мамы **Емимы** стала для него вторым сильным ударом, после которого он заболел.

*

История, которую мне рассказывали не раз отец и мои «дяди» Жан и Волди Озолинь, о спасении Арчика и моего папы Бера, такова.

В середине **1943** года, когда немцы ликвидировали Рижское гетто, Арчика, папу и других оставшихся в живых узников перевели из гетто в концлагерь «**Кайзервальд**». Лагерь находился на окраине **Риги**, в Межапарке. Издевательства и расстрелы были в нём ежедневной практикой, не говоря уже о том, что заключённых заставляли работать с четырёх часов утра до десяти вечера все дни недели. Приближение Красной армии к Риге летом **1944** года вынудило фашистов начать эвакуацию работоспособных узников концлагерей – «рабов» в свой тыл.

Арчик и папа узнали, что из концлагеря «Кайзервальд», где они находились уже больше года, должен выйти эшелон с узниками в Германию. Они решили бежать и занялись подготовкой к этому: нужны были обычные шапки, чтобы скрыть выбритую дорожку на голове (опознавательный знак узника), и гражданская одежда взамен полосатой лагерной с номерами. В результате наблюдений обнаружили уязвимое место в охране забора. Назначили побег на **3 августа 1944** года. В этот день папа с Арчиком, заблаговременно подкупив кого надо, пробрались на склад, окна которого выходили в сторону лагерного забора у самой границы леса. На складе они переоделись во всё гражданское. Вдоль забора постоянно ходил немецкий патруль. Они заранее высчитали то время, когда стража максимально отдалится от окон склада, и перескочили через забор. Им удалось это сделать, и всё.

В городе для папы и Арчика была приготовлена квартира, по-моему, на ул. Таллиннас, и адрес был им известен. Надо было прийти по этому адресу к женщине, которая могла их скрыть: или у себя, или переправить в какую-то деревню. Но в любом случае они должны были прибыть после побега в центр **Риги**. Из Межапарка в центр невозможно попасть пешком, только на трамвае. Ясно было, что два еврея, идущих 8-10 километров пешком из Межапарка до Риги, – это подозрительно.

Они натянули покрепче шапки, вошли в трамвай. Это было настолько дерзко, что никому в голову не пришло, что два беглых еврея сидят в трамвае. Они приехали и нашли эту квартиру. Женщина открыла дверь и жестами дала понять, что входить нельзя: у неё гость, и показала на полке для головных уборов немецкую офицерскую фуражку. Она всё же успела им шепнуть: «Отправляйтесь к моим друзьям, потом я заберу вас к себе» – и дала адрес друзей. Их дом находился недалеко от концлагеря, откуда они сбежали. Им надо было вернуться обратно. Пока беглецы опять сели в трамвай и приехали по новому адресу, наступил комендантский час. Они прибыли на место, но в нужном доме никого не оказалось. Больше нельзя было находиться на улице, особенно в деревенской местности, где каждый знает всех. Это сегодня Межапарк – один из фешенебельных пригородов Риги. У них не было выхода, и они постучались в ближайший, абсолютно чужой дом.

Этот дом принадлежал латышской деревенской семье **О́золинь**: мужу **Эдуарду** и жене **Анне**, родителям пяти сыновей. Двое из них ещё до войны уехали в Канаду, так что в доме были только трое сыновей, один из которых служил полицаем у немцев. Анна с мужем сразу приняли Арчика и папу и быстро отвели их на чердак. Устроили место для сна на соломе. Соломы было много, в случае чего в ней можно было закопаться, спрятаться. Началась скрываемая жизнь двух евреев на чердаке в латышском доме. Так продолжалось около двух месяцев. Сверху они не сходили. Сыновья ничего не знали. Дедушка и бабушка приносили беглецам пищу. Да, для меня это были дедушка и бабушка, я так и обращался к ним. Мой отец и Арчик потом всю жизнь называли их папа и мама. Между ними и нами навсегда сложились отношения по-настоящему родных людей.

Праведники народов мира Эдуард Озолинь и Анна Озолиня. Рига, Латвия.

В один из дней сын-полицай пришёл с женщиной лёгкого поведения – и куда повёл её? На чердак. Здесь он, конечно, обнаружил папу и Арчика. Сын спустился и сказал своему отцу: «Послушай, ты с ума сошёл, этих жидов держать здесь? Отдай их мне, я их увезу». Но, видимо, это было сказано таким тоном, что дедушка Эдуард понял: сын их уничтожит, он их не просто так заберёт. Дедушка ответил ему: «Нет!» и завершил: «До этого дня у меня было пять сыновей, один сын – это ты – уходит из этого дома. Вместо него я получил двух новых. У меня теперь шесть сыновей».

Когда Эдуард Озолинь выгнал сына-полицая, он, конечно, испугался, что тот кому-то сообщит о евреях на чердаке. Уже в следующую ночь он перевёл папу и Арчика в недостроенную виллу по соседству. И сделано это было с большим умом: он выбрал эту виллу, потому что из-за военных трудностей строительство было остановлено, но самое главное, она находилась напротив виллы немецкого коменданта Риги Краузе. Анна с мужем приносили им сюда еду.

Анна Озолиня, неграмотная, не умевшая читать, была исключительно мудрой женщиной, обладавшей природным умом. В тот октябрьский день, когда советские войска вошли в Ригу, она пришла к Арчику и папе и сказала им: «Сейчас перемена власти, будет хаос, нет законов. 2-3 дня оставайтесь здесь, не высовывайтесь – сейчас самое опасное время». Она их предупредила, но эти два молодых человека подумали: «Что с нами теперь может случиться?» и решили преподнести «маме Анне» какой-нибудь подарок. Перебежали дорогу, забрались в пустую виллу самого Краузе, спустились в подвал, а там склад продовольствия: колбасы, вино и т. п. Стали набирать продукты для угощения своих спасителей. В это время вошли советские солдаты, увидели погреб с едой и шнапсом для победителей, а в нём уже какие-то двое хозяйничают. Решили их пристрелить. На счастье, зашёл какой-то офицер и остановил расправу. Они спаслись дважды: от немцев и от своих.

У бабушки была мечта – иметь ванну. Она знала, что в богатых домах есть ванны. Арчик и мой папа сделали ей сюрприз: пришли в ту же виллу, выворотили ванну Краузе, принесли и установили её в доме Озолиней.

Мне было десять лет, и я хорошо помню похороны дедушки **Эдуарда** в **1956** году. Я по сегодняшний день вижу, как изгнанный сын, уже отсидевший в тюрьме за сотрудничество с оккупантами, стоял за забором кладбища, как заключенный за решёткой, и смотрел оттуда на похороны отца. Мать не позволила ему подойти к гробу, приблизиться к могиле. Помню, все поехали с кладбища на поминки, и он хотел войти в дом – ведь умер его отец, но Анна не разрешила. Его полностью вычеркнули из этого дома. Но он пережил всех.

Когда **Анна Озолиня** в возрасте примерно 90 лет умерла в Латвии, это был самый чёрный день в жизни отца. Мой папа Бер здесь, в Израиле, сидел *шива́* (первые семь дней скорби об ушедшем из жизни родном человеке) и читал *кадиш* (поминальную молитву). Он посоветовался предварительно с раввином.

Два других сына – **Жан** (Янис) и **Волди** (Вольдемар) – продолжали все годы жить в родительском доме со своими семьями, и мы стали одним семейством. На любое семейное событие мы собирались вместе у нас или у них. Сыновья из Канады присылали своей маме Анне поздравления и подарки, и всегда был какой-то маленький знак внимания – подарочек для жён Арчика и Бера. В письмах, которые они писали маме, всегда был привет спасённым братьям и их семьям.

Встреча всей семьи была святым днём. Второго мая при любых обстоятельствах вся семья собиралась у Озолиней в доме на обед.

Мой папа **Бер Бурин** каждый год 3 августа поднимал рюмочку за «новый день рождения» – день их побега с Арчиком из лагеря «Кайзервальд». Отец, как и Арчик, прошёл гетто, концлагерь, прошёл через советскую власть, перенёс все тяготы. В 78 лет он еще работал и погиб, когда ехал на велосипеде и его сбили. Он никогда не видел врача в ха-

Анна Озолиня с Ароном Раухманом (слева) и Бером Буриным. 1973 г. Рига, Латвия.

лате, был абсолютно здоров. Папа занимался общественной работой, участвовал в *«Мишмар эзрахи»* (народная дружина по охране правопорядка) и получил за эту работу Золотой знак и Почётную грамоту Президента Израиля. Арчик тоже участвовал в Реховоте в «*Мишмар эзрахи*».

«Бабушка» Анна Озолиня, по сути, вырастила моего другого брата **Долю**. Он родился в эвакуации, в Сибири. Оттуда приехал ослабевшим. Доля жил у Анны в доме с перерывами долгое время, получал уход, как родной внук. Он пришел к ней прощаться перед отъездом в Израиль, и Анна спросила: «Почему ты едешь?» Он ей объяснил, что он сионист, это главная причина. Тогда она спросила моего папу, что такое сионизм. Он ей объяснил по-простому, что это мечта собраться вместе и жить на своей родине. Она говорит: «Тогда я тоже сионистка. Если ты сионист, и Доля сионист, и Арчик сионист, и Муля (Шмуэль) сионист, я тоже хочу свою страну – Латвию. Значит, я тоже сионистка».

Присвоение звания Праведников мира **Анне** и **Эдуарду Озолинь** – спасителям Арчика и моего папы Бера в 1944 году – полностью заслуга Арчика и его семьи. Медали и Грамоты «Яд Вашем» вручены в Риге сыновьям Анны и Эдуарда: Янису и Вольдемару. **4 июля 2007** года в центре Риги открыли замечательный памятник всем спасителям евреев Латвии в период Холокоста. Благодаря Арчику на одной из колонн памятника увековечены имена Анны и Эдуарда среди 270 других имен людей-праведников. Мы с семьей, будучи в Риге, ездили к этому памятнику в знак благодарности этим святым личностям. Не будь их – погибли бы Арчик и папа, и, конечно, не было бы нас.

110.

Виз - Визгордиски Яков
(г. ***Каунас****, Литва;*
к/л Дахау*, Германия;*
к/л Освенцим*, Польша)*

В ОСВЕНЦИМЕ НАС ИЗ ЛЮДЕЙ ПРЕВРАТИЛИ В НОМЕРА

Довоенная жизнь.

До войны наша большая семья жила в Литве, в гор. **Каунасе** (*идиш* Ковно), в бедном районе Слободка на улице Йозес Науялис, дом 40. Мои родители были родом из Каунаса.

Отец **Иосиф-Моисей Визгордиский** родился 15 октября **1893** года, у меня сохранилось его свидетельство о рождении. Папа работал возницей. Моя мать **Неся-Рохл** (девичья фамилия Виюкер), родилась в **1895** году, жила и училась в Берли-

не у родственника. В 1918 году она вернулась в Литву к родным, в Каунасе познакомилась с моим отцом и вышла за него замуж. Мама Неся была домохозяйкой и нашей воспитательницей. В семье было пять детей: **Мира** (28 сент. 1920), **Давид** (1924), **Лея** (1928), **Меир** (1935). Я, **Яков** Визгордиский, родился **19 октября 1931** года. В нашей семье соблюдались религиозные традиции. Я учился в течение года в *хедере*. Дома мы говорили на идише.

Мать Неся и отец Иосиф Визгордиские. Каунас (Литва). Довоенный снимок.

<u>В Каунасском гетто.</u>

На второй день войны, **23 июня 1941** года, наша семья бежала из Каунаса. Успели отдалиться на 30 км до местечка **Ионова**, и там нас догнали немцы. У нас были лошади и повозка – папины орудия труда. Лошадей отобрали, дали взамен старую клячу, и мы возвратились в свой город. В **Каунасе** спустились в Слободку к нашему дому. Именно в Слободке, еврейском районе, далеко от центра города, немцы и создали Каунасское гетто. Нас поместили в гетто. Оно делилось на 2 части: большую (мы были в ней) и маленькую. Отца и брата Давида сразу забрали на работы, папу **Иосифа** заставили делать какие-то работы и убили в **Седьмом форте** в конце **июля 1941** года. А мой брат **Давид** убежал из заключения и пришёл к нам в гетто.

28 октября 1941 года вывели из гетто и убили мою маму **Несю** 46-ти лет, сестру **Лею** 13-ти лет и шестилетнего братика **Меира**. Их расстреляли в **Девятом форте**, который называли во время войны фортом смерти. Это были старые оборонительные сооружения в 6 километрах от Каунаса, а немцы превратили их в тюрьму и место казни. Здесь уничтожали советских военнопленных и местных жителей: расстреливали, сжигали.

Брат Якова Давид Визгордиский. Довоенный снимок.

Брат **Давид** тоже был с ними, но его с другими евреями временно загнали в малое гетто, и он спасся. Давиду удалось сбежать из гетто. Он нашёл советских партизан и воевал в одном из отрядов. Когда пришло освобождение, Давид присоединился в Германии к освободителям и служил в оккупационных войсках американской армии шофёром на машине, носил форму. В **1947** году в Мюнхене на отдыхе прыгнул в воду, ударился головой о камень и умер. Похоронен в Мюнхене на еврейском кладбище.

Я остался в гетто с сестрой **Мирой**, и она была мне как мать. Нас гоняли на разные работы. Её отправили работать на завод капитального ремонта вооружения в **Алексотас**, и меня увезли вместе с ней из Каунасского гетто. Именно в это время **27 марта 1944** года гитлеровцы провели в гетто «детскую акцию», уничтожив детей гетто. Собрали 7-8 тысяч маленьких детей до 10 лет, увезли и убили их. Впрочем, на возраст особо не смотрели. Я работал с сестрой в Алексотасе на ремонте пушек и лишь поэтому

выжил. Перед ликвидацией гетто меня с сестрой вернули в **Каунас**, и отсюда нас отправили на уничтожение.

В концлагерях.

Тысячи оставшихся в живых евреев из Каунасского гетто посадили в поезд, который повёз нас из Каунаса в Польшу. На железнодорожной станции поблизости от концлагеря **Штутгоф** (Польша) из эшелона высадили женщин. Тут было короткое и жестокое расставание с матерями и сёстрами. Сестра **Мира** осталась здесь, а мужчин и детей повезли дальше, в лагерь Ландсберг.

Из всех детей Каунасского гетто нас осталось 130 ребят моего возраста. В один из дней к поезду подъехали три грузовика специально за детьми. Меня, как самого маленького в группе, посадили в первую машину. Она прибыла в концлагерь **Ландсберг** (Германия), а вторая и третья – опаздывали, потому что немцы останавливались пить пиво. Нас временно закрыли в бане. Мы решили, что это крематорий, стали бить в двери, была паника. Тем временем приехали остальные две машины, и нас объединили. В Ландсберге нас, 130 детей, отделили от отцов и других взрослых и загнали за ограду. Старший брат Шломо Гальперина **Вульфке** (Вольф) **Гальперин** пробрался через ограду к нам, чтобы оберегать младшего брата. Так образовалась «группа 131». В лагере Ландсберг находились военнопленные разных стран. Нас не трогали, и мы смотрели, что делают с пленными. Их часами заставляли заниматься строевой подготовкой. Под руководством Вольфа и мы стали делать эти упражнения. Через две недели нас посадили в товарный вагон и повезли через **Чехословакию**.

Нас привезли в концлагерь **Дахау** (Германия), где мы пробыли неделю. Здесь Вульфке Гальперин с помощью строевой подготовки и дисциплины сумел отвлечь нас от тяжёлых мыслей о том, что будет завтра, не давая нам сломиться. В конце недели нас втиснули в вагоны и отправили дальше. На одной из остановок паровоз пополнял запас воды, мы спросили, куда везут, и узнали, что мы едем в Освенцим (*нем.* Аушвиц). Во время движения поезда два мальчика из Польши выпрыгнули из вагона. Один был убит во время прыжка, а второму удалось спастись.

В концлагере Освенцим.

31 августа 1944 года наша группа детей прибыла в концлагерь **Освенцим** (Польша). Крематории коптят, работают полным ходом. Выгрузили нас из вагонов, построили в четыре шеренги и повели по платформе прибытия в крематорий. Перед крематорием было что-то вроде склада, где люди ждали очереди. Перед нами привезли эшелон евреев из Польши. Мы их спросили, откуда они, и узнали, что из Лодзи. Мы не помещались в этом переполненном «зале ожидания» и вышли наружу. Здесь мы, чтобы не предаваться тяжёлым мыслям, начали делать привычные строевые упражнения по командам старшего брата. Вдруг приехал комендант лагеря, и наш старший Вульф Гальперин, увидев его, скомандовал: «Внимание! Шапки снять!» Так там полагалось. Коменданту это, видно, понравилось, и он сказал: «Что тут делают дети вместе со стариками? Уберите детей в лагерь».

В Освенциме нас из людей превратили в номера. Мне вытатуировали лагерный номер **B-2896**. Эти номера наносил один поляк, видно, профессионал, мой номер

не стёрся по сей день. Когда нас зарегистрировали, записали, то определили в общее помещение. Нас отправили в баню, прожарили вещи от вшей и повели в большой лагерь, разделённый на лагеря поменьше: A, B, C, D. В каждом из них было по 20 блоков в ряду. Мы оказались в карантинном лагере A, в 12-м блоке. Тут мы все заболели скарлатиной, и нас закрыли в карантине. Выздоровели. В Освенциме я был одет в гражданскую одежду с полосатыми вставками на груди и спине.

Через несколько недель, на осенние праздники *Рош ха-Шана* (еврейский Новый год) и *Йом Киппур* (Судный день) **1944** года, всех нас выстроили, и мы прошли «селекцию». Этим занимался врач **Йозеф Менгеле**, и я прекрасно рассмотрел его. Менгеле отправил меня в группу для крематория. Шла запись этой группы, но я всё время был возле старших из другой группы и с ними прошёл дальше. Так я спасся от крематория и остался жив. Именно в еврейский праздник Йом Киппур после двух «селекций» были отправлены на уничтожение 90 из 128 детей. Пришёл грузовик, и тех, кого записали, забрали и увезли навсегда. Я должен был быть среди них, но выкрутился из рук Менгеле.

Пять с половиной месяцев мы находились в **Освенциме** в тяжёлых условиях и постоянном голоде. Половину нашего барака занимали евреи, среди которых были участники восстания в Варшавском гетто, нас и их положили с одной стороны. А с другой стороны находились поляки-католики. Они два раза в день молились.

Над нами издевались. У **Зундкэ Гордона** был фурункул на ягодице, но Зундкэ боялся идти в госпиталь. Рассказывали, что в госпиталь входишь, двери закрываются, а внутри – ворота в крематорий. Надзиратель-поляк в наказание за какую-то мелочь заставил нас, детей, прыгать вокруг труб длиной 50 метров и бил нас палкой. Гордон получил удар палкой по своему фурункулу, и фурункул лопнул. Это спасло ему жизнь. Вот и всё лечение.

Мы пробыли здесь до **конца 1944** года. Я был очень маленьким, меня на работу из Освенцима не брали, поэтому я долго оставался в карантинном лагере. А потом меня перевели в общий лагерь, где находились все. Работал, таскал вещи убитых евреев, куда говорили немцы. Самым трудным в лагере было то, что всё время хотелось спать. Спать и есть, но спать хотелось больше: может, от слабости, может, от голода. Я попал в блок 30, и там жили взрослые мужчины-поляки. Помню двоих: один был сапожником, другой – портным. Они прошли медицинские опыты у Менгеле: обоих кастрировали. Они оказались славными людьми, опекали меня.

«Марш смерти».

С приближением советских войск в **январе 1945** года меня с другими детьми и взрослыми заключенными **Освенцима** отправили на «марш смерти». Зимой 45-го было очень холодно. Помню, **18 января** всех живых построили на лагерном плацу. Комендант сказал краткую речь: «Больные и слабые здесь останутся навсегда, а здоровые и сильные счастливчики маршем пройдут по дороге жизни». Я оказался среди «счастливчиков». Нас перестроили из шеренг в колонну, и я всё время находился рядом с «моими» двумя поляками. Когда начался «марш

смерти», я шёл между ними, и эти два поляка сначала меня поддерживали, а потом долго несли, километров сорок. Взяли под руки и несли, не бросили. Я был совсем без сил, в полусознательном состоянии. В дороге нам дали ночлег в лагере **Глейвиц** (*пол.* Гливице) в районе железнодорожной станции. Мы там проспали ночь, наутро нас стали грузить в вагоны из-под угля, без крыши. Здесь тоже был отбор молодых и здоровых, и поляки шепнули мне: «Янек, давай туда». Они подтолкнули меня в колонну отобранных для поезда. В угольных вагонах мы сидели, прижавшись плотно один к другому. Когда уже поезд тронулся, выяснилось, что англичане разбомбили пути. Поезд стоял, мы долго сидели без еды и без воды. Люди стали замерзать, в первую очередь старики, все были тощие, ослабленные. Замёрзшие трупы выбрасывали из вагона, как дрова. Стало свободнее, но ещё холоднее. Так ехали трое суток. Несколько раз наш состав бомбили. Наконец состав остановился на маленькой станции, нас выгрузили из вагонов, построили в колонну и повели куда-то к лесу. По дороге эти два поляка насильно взяли меня, бросили в канаву в лесу, и я услышал: «Бижи, Янек! Бижи!» (*польск.* «беги»). Я инстинктивно побежал, охранники стреляли, то ли пуля, то ли обломок дерева ранили меня в пальцы. Я сунул пальцы в рот и продолжал бежать.

Отдышался, вышел на опушку леса и издалека увидел такого же беглеца в полосатой робе, как я. Это был поляк-коммунист, я к нему примкнул, но видно было, что он хотел от меня избавиться. Дошли вместе до одного хутора, позвали хозяина, вышла женщина-полька, мужчин не было. Я очень устал и был рад, что мне разрешили спать на соломе в сарае, где жили свиньи. Моего попутчика хозяйка позвала в дом. Я проснулся оттого, что вдруг рычание трактора стало надвигаться на меня. Посмотрел в щели сарая и увидел красную звезду на железной машине. Это был не трактор, а советский танк. Вот тогда я впервые заплакал.

Освобождение и после него: воспитанник в Красной армии.

За 9 дней до освобождения Красной армией лагеря **Освенцим** меня взяли из него на «марш смерти», я сбежал и освободился раньше, а остальных из группы «130 детей» погнали в концлагеря **Маутхаузен** в Австрии и в **Бухенвальд** в Германии. Те из них, кто остался жив, освободились **5 мая 1945** года. Мы не раз встречались после войны уже в Израиле и назначали для встречи именно день 5 мая.

Из 131 человека нашей группы сегодня живы 18. Умерли в Израиле мой близкий друг Меир Гехт, а также Шломо Левин и двоюродные братья-тёзки Иосиф Попильский и Иосиф Попильский.

*

В утро освобождения мой напарник предложил: «Я еду в Катовице. Если хочешь, я помогу тебе определиться в лагерь для советских граждан». На попутке приехали в г. **Катовице**. Он узнал и сообщил мне, что в пригороде Сосновице находится лагерь для советских граждан.

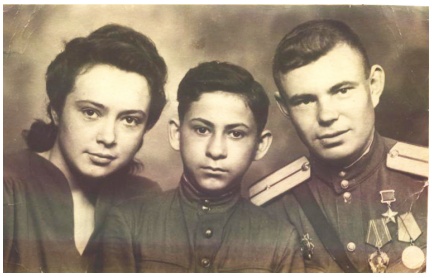
В лагере меня встретил комендант советский офицер **Златкин**. Его секретаршей была партизанка из Франции, шофером – бывший пленный летчик из англий-

ской армии. Секретарша обо мне очень заботилась. Они привели меня к себе, сняли с меня вшивые лохмотья, вызвали портного, Златкин дал ему комплект своей формы и приказал перешить из неё военный костюм с погонами для меня. Они возили меня с собой всюду, где служил Златкин. Когда настала пора отправляться домой, француженка и англичанин взяли меня с собой в г. **Краков**, где был лагерь для иностранных граждан. Они обещали отвезти меня в Каунас, когда решатся их дела. В лагере я в перешитой офицерской форме со звездочками на погонах, с чемоданчиком остался у дверей комендатуры ждать их. Вышел майор, приехавший из Москвы проверять лагерь иностранцев. Он остановился, расспросил меня обо всём и приказал никуда с места не сходить. Через пять минут усатый старшина повёл меня с собой в офицерскую комнату. Среди офицеров меня накормили. Все разошлись, остался один русский офицер Герой Советского Союза **Николай Лисунов** (1920-1971), заместитель начальника этого лагеря. Николай сел возле меня и сказал: «Ты будешь моим сыном». Разница в возрасте между нами была 11 лет. Услышав о моём желании отправиться домой, он пообещал: «Через неделю еду в Москву, и на обратном пути мы заедем в Литву». Я согласился. Мы поехали в **Киев**, а оттуда в **Москву**. В Москве Николая повезли за наградными документами к М. И. Калинину, я остался в гостинице. Дальше мы отправились в **Харьков**, отсюда отправились в **с. Лебедин** Сумской области, на родину Лисунова. Он очень хотел встретиться с матерью, они не виделись с 1938 года. Мы приехали, увидели дом матери: соломенная крыша, земляной пол. Нищета. Пробыли несколько дней, что могли, поправили, обновили. Николай получил из комендатуры приказ срочно вернуться на службу в Краков. Вместо Каунаса я поехал с Лисуновым в **Краков**. Пока прибыли, лагерь для иностранцев перевели в Германию.

Лисунов получил назначение помощником коменданта в гор. **Арнштадте** (Тюрингия). После нашего приезда Лисунов заболел и находился в госпитале почти полгода. Комендантом города был полковник-узбек Мартемьянов, и у него я работал переводчиком. Он плохо владел русским и не знал немецкого. И я, спасшийся в Холокосте мальчик, стал во время войны воспитанником в Красной армии. Через меня шли контакты коменданта с местным населением и его распоряжения по городу. Недалеко от нас была американская зона, мы получали от американцев шерри-бренди. Я возил шерри-бренди в Мюнхен и привозил взамен покрышки для автомобилей. К сожалению, я не знал тогда, что в Мюнхене служит мой брат **Давид**. Я бы всё бросил и остался с ним.

Лисунов выздоровел, в один из дней он сказал мне: «Предупреди шофера, чтобы заправил полный бак бензина, мы едем в Берлин». **Берлин** был только что взят и разделён на зоны. С Николаем и его невестой Галей, работавшей в больнице, мы приехали в Берлин. Он коптил. В советской зоне Берлина, в отделе ЗАГСа, Николай зарегистрировал брак с Галиной, меня записал приёмным сыном, я получил фамилию Лисунов. Он продолжил службу в должности заместителя коменданта Кракова, а в **1946** году Николая демобилизовали из армии.

Послевоенная жизнь.

Яков, Николай и Галина Лисуновы. 1945.

Мы возвратились в **Киев**. У Галины и Николая родилась в **1947** году дочь **Неля**. Николай был уважаемым человеком, заслуженно носил звание Героя Советского Союза, был награжден орденом Ленина, орденом Богдана Хмельницкого, медалями. Во время войны получил тяжёлую контузию, занимал ответственные должности. Став простым гражданином, работал в райкоме партии, но всё чаще прикладывался к бутылке. Мне пришлось оставить его после очередной вспышки пьяного бешенства, впервые направленной на меня.

В **1948** году начал учиться токарному делу в школе ФЗО при станкостроительном заводе в **Киеве** и окончил её с отличием. Все выпускники получали 3-й разряд, а мне присвоили 5-й разряд токаря-инструментальщика и направили на работу на станкостроительный завод.

В **1950** году во время отпуска я вернулся в **Каунас** и с помощью старшего брата моей мамы отыскал сестру **Миру.** Она жила в Вильнюсе и сразу приехала за мной. В **Вильнюсе** я познакомился с её мужем, увидел их дочку. Муж Миры помог мне перевестись из Киева в Вильнюс на авиазавод. В то время там производили моторчики, проигрыватели, и меня назначили начальником цеха. Мне было тогда 17 лет. Окончил ускоренную школу водителей, сдал на «отлично» вождение и набрал водительский стаж – полгода.

В 18 лет был призван на службу в Советской армии. В **1951-54** гг. в украинском городе **Стрый** Львовской области служил шофёром, параллельно учился в техникуме по специальности «машиностроение».

После демобилизации приехал в **Вильнюс** и работал водителем-механиком 1-го класса, возил министра строительства республики, а затем – шофёром такси, что давало мне возможность тренироваться после работы, и позднее – директором таксомоторного парка. С **1955** по 1972 гг. работал шофёром-автогонщиком в Вильнюсе, не раз выигрывал чемпионат Советского Союза и Литвы по автогонкам. В **1963** году я уже был мастером спорта СССР по автомобильному спорту. Участвовал в знаменитом ралли «Лондон-Мексика». Мы сами собирали гоночные машины, которые ходили по льду и по горным трассам Кавказа.

В **1961** году я женился на **Симе**, которая только что окончила обучение на экономическом факультете Вильнюсского университета.

В Израиле.

Мы репатриировались в Израиль в октябре **1972** года. В Израиле всего достигли своими руками и трудом. Начали с сохнутовской квартиры. В **1973** году я участвовал в войне Судного Дня и в **1982** году в Первой Ливанской войне, служил в резервной военной службе до 56 лет.

В мирное время работал сначала на тушении пожаров в **Сде Дов**, а потом водителем такси. С **1995** по 2000 годы в Международном центре Мира Шимона Переса

я работал водителем **Шимона Переса**, в отделе содержания и вождения транспорта, и вышел на пенсию в возрасте 70 лет. Шимон Перес, Президент Израиля, бывает у меня на семейных событиях, был дорогим гостем на свадьбе младшего сына в Иерусалиме.

Президент Израиля Шимон Перес – гость на свадьбе Давида, сына Якова Виза, в Иерусалиме.

Сестра **Мира** сейчас живет в Нью-Йорке, ей 92 года. Её муж Яков, к сожалению, недавно умер.

У нас с женой **Симой** двое детей и пять внуков. Наш старший сын **Иосиф** – программист. Он получил имя в память о моём отце. Сын **Давид** носит имя в память о моём брате, окончил в Иерусалиме высшую школу «Бецалель» по специальности «архитектура». Радуют внуки: **Тамар**, **Эйтан**, **Бен-Яаков**, внучка **Номи**, внук **Йоав**-футболист.

Яков Виз (справа) с сестрой Мирой и её мужем Яковом. 2010 г. США.

Живём в **Холоне**, я состою на учете во Всеизраильском товариществе бывших узников концлагерей Ландсберг-Дахау-Кауферинг, в Реховотской организации бывших узников концлагерей и гетто. Участвую в мероприятиях и встречах, проводимых музеем «Яд Вашем» и музеем «Бейт лохамей ха-геттаот» (Музей Холокоста и еврейского сопротивления им. И. Каценельсона на севере Израиля). В Литве вышла книга «Знаменитые евреи XX века» (на литовском языке), с удивлением узнал, что фигурирую в ней: биография, пребывание в нацистских лагерях и мои спортивные достижения.

*

Когда началась война, мне было 10 лет, когда закончилась – 14. Я испытал в этой жизни всё, и не дай бог никому из детей испытать то, что выпало мне в детстве. Пусть будет мир, чтобы все дети на Земле могли спокойно расти и стать взрослыми успешными людьми. «Лучше плохой мир, чем хорошая война». Об

этом и о своем страшном прошлом военных лет я рассказываю израильским старшим школьникам во время совместных посещений лагерей-музеев «Освенцим» и других в Польше.

111.

Меламдович Цви
*(г. **Каунас**, Литва)*

НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРОЩЕНИЯ НАЦИСТСКИМ УБИЙЦАМ

Я единственный из еврейского рода Меламдовичей, оставшийся в живых после уничтожения немецкими фашистами моих родных и близких в Каунасском и Яновском гетто в Литве. В начале войны мне не было и двух лет, и жизнь моя тогда целиком зависела от других. Мои родители были без вины убиты нацистами в Каунасском гетто, я был с ними, и такая же участь ждала меня. Зная заранее свою судьбу, они сделали перед гибелью всё для спасения моей жизни. Мой долг – рассказать о погибели моего рода, чтобы предупредить всех: нельзя допустить повторения того, что пережито моим народом.

Происходившее со мной в годы Шоа я передаю из рассказов близких мне людей – взрослых свидетелей и участников событий тех лет. Данные о погибших родных получены мною в результате запросов и поиска в архивах Литвы и в Зале имён Института «Яд Вашем» в Иерусалиме. Память об этих людях для меня священна.

Довоенная жизнь.

Мой отец **Исаак Меламдович**, сын Гирша и Ханы, родился 22 ноября **1902** года в местечке Чéкишке Каунасского уезда в Литве. Мать **Мирьям**, дочь Исаака и Рейзл Левиных, родилась 2 ноября **1913** года в городке Яново того же уезда. Когда они познакомились и полюбили друг друга, папа работал в Каунасе бухгалтером, мама была студенткой одного из каунасских училищ. 20 июля **1937** года они сочетались браком.

Я, единственный сын **Цви**, родился 27 ноября **1939** года в г. **Каунасе** в Литве. День и месяц рождения я выбрал себе сам значительно позднее, мне известен только год моего появления на свет.

Начало войны, оккупация и гетто.

В **1941** году после нападения Германии на Советский Союз уже **24 июня** в **Каунас** вошли гитлеровские войска, оккупировали город и с помощью литовцев организовали гетто для евреев. В Каунасе было два места, где содержали евреев: гетто в городе и Девятый форт, где евреев убивали.

Мои погибшие родители: Мирьям и Исаак Меламдович. 1940-весна 1941 г. Каунас.

Меня с родителями поместили в гетто, в котором мы находились до **лета 1944** года. Мне известно, что до ликвидации Каунасского гетто в **июле 1944**-го родители договорились с литовской женщиной о том, что она возьмёт меня к себе, заплатили деньги, чтобы организовать моё спасение. Смутно помню, что меня тайно вывозили из гетто в телеге с дровами.

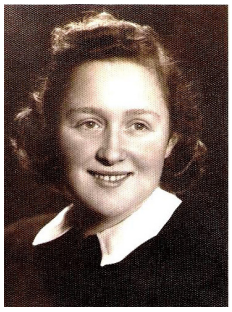
Я попал в дом к той литовской женщине **летом 1944** года. Меня прятали в подвале дома, в комнате в шкафу, не выпускали на улицу. Люди рисковали жизнью, скрывая меня в своём доме от оккупантов полтора-два месяца до дня освобождения. К моему глубокому сожалению, из-за малого возраста я не знаю имени моей спасительницы, не помню дом, где она жила, но горячо благодарен этому человеку.

Потери моей семьи в Холокосте поистине чудовищны, и я, спасённый малыш, называю поимённо дорогие мне имена. В **июле 1944** года в **Каунасском гетто** были убиты мои родители **Исаак Меламдович** и **Мирьям** (Марийоша) **Меламдович**, а также мои родные по отцу – уроженцы села Чекишке: папина мама **Хана Меламдович** и пять его братьев: **Шлома** (1902), **Мендл** (1904), **Вульф** (1906), **Иехезкель** (1908), **Туле** (1920) – сыновья Гирша Меламдовича.

21 сентября 1942 года, в *Йом Киппур*, цинично выбранный фашистами днём ликвидации **Яновского гетто**, погибли мои родные по линии матери из деревни Яново близ Каунаса: мамины родители **Исаак Левин** (1879), сын Мойши, и **Рейзл Левина** (1882), дочь Соломона Шапиро, а также мамина сестра **Лея** (1919), дочь Исаака. Никогда не будет прощения их убийцам и забвения их преступлениям.

После освобождения.

Когда **1 августа 1944** года советские войска вошли в **Каунас**, на улицах была всеобщая радость освобождения от оккупации. Женщина вышла со мной на улицу, и мы встретили девушку **Машу Рабинович** (1923). Она была нашей соседкой в гетто, узнала меня. Машин отец **Израиль Рабинович** умер в Каунасском гетто, Маше и её маме **Хае** удалось выжить. Маша попросила у женщины разрешения забрать еврейского ребёнка к себе, и та сразу согласилась. Маша поблагодарила литовскую женщину, привела меня в свой дом, и я жил у неё до зимы.

Маша Рабинович.

Она была молодой девушкой, которой хотелось учиться, устроить личную жизнь. Маша знала моих родителей, моё имя и возраст и устроила меня **23 декабря 1944** года в Каунасский еврейский детский дом № 4, специально открытый для сирот, чьи родители были убиты в Каунасском гетто. Маша вышла замуж, училась на зубного врача, но постоянно навещала меня, а мне разрешили ходить к ней домой. Моё имя от рождения было Цви (*ивр.* олень), я никогда его не менял, помню, дети дразнили меня Цвякас (*лит.* гвоздь). До войны, в гетто и в детдоме я разговаривал на идише. На втором этаже детдома размещалась еврейская начальная школа, а дети постарше ходили в литовскую школу. Были очень хорошие воспитатели и учителя: помню учительницу языка **Хацкелите**. Они относились к нам, как к родным, заботились о нас.

Послевоенная жизнь.

В **1950** году литовцы закрыли еврейский детский дом. Детей отдавали людям, желающим усыновить или удочерить ребёнка. В основном предпочитали взять в семью девочек. Оставшихся детей распределили по литовским детдомам. Мне было 10 лет. Меня отвезли в детдом в гор. **Алитус**. Здесь за три года учёбы я выучил немного русский язык и забыл идиш.

В 13 лет я самовольно вернулся в **Каунас**, пришёл к Маше, и она помогла мне поступить в ремесленное училище с общежитием. Учился три года на русском языке, получил специальность слесаря-сборщика. По окончании работал слесарем на стройкомбинате, жил в рабочем общежитии. Маша с мужем **Элиэзером** Айзенбудом настойчиво советовали мне учиться дальше, и я окончил 10 классов вечерней школы. В **1957** году был призван в Советскую армию, окончил курсы связистов и служил в авиации. Из-за Карибского кризиса меня удерживали в армии почти 5 лет, готовили к отправке на Кубу.

После службы приехал к Маше, устроился на Каунасский радиозавод электронщиком. Мы делали портативные телевизоры, радиолы. Жил отдельно, снимал комнату. Познакомился с **Зельдой** (Женей), студенткой химического факультета института. Это побудило меня поступить на вечернее отделение института на факультет «Электроника» и окончить его. Мы с Женей поженились в **1966** году, жили у её родителей, они нам очень помогали. Меня повысили в должности, перевели с конвейера в лабораторию инженером. Женя работала на заводе мастером. Женин отец **Исер Ицикович** (1915-1977), сын Берла, в годы оккупации был отправлен из Каунасского гетто в концлагерь **Освенцим** (Польша). В концлагере погибли на его глазах первая жена и двое детей, он выжил. Их имён Исер не называл. Мои тесть и тёща посещали синагогу, были сионистами и инициаторами нашего выезда из Советского Союза в Израиль.

В Израиле.

Мы с женой и её родителями приехали в Израиль в ноябре **1973** года, в дни войны Судного дня. Учили иврит, через четыре месяца я нашёл работу инженера по радиопередатчикам в отделении израильской радиостанции в гор. Явне и получил временную квартиру для семьи в соседнем городе Реховоте. Затем работал

в лаборатории на радиостанции в Тель-Авиве. С **1974** года мы живём в **Реховоте**. Женя начала работать в запущенной физической лаборатории средней школы «Де Шалит», отремонтировала всё оборудование, навела образцовый порядок, получила рекомендацию директора, окончила учительские курсы и преподавала физику в этой школе. Сегодня мы с женой – пенсионеры. Сын **Амир** и дочь **Шири** успешно работают и живут в Реховоте. В Израиле я поддерживаю связь с детдомовскими ребятами, которые потеряли одного или обоих родителей в Шоа. Собираемся у моего друга **Меера Рабинера** из пос. Мазкерет Батья вблизи Реховота. Я никогда больше не ездил в Каунас.

Маша Айзенбуд (Рабинович) с семьёй эмигрировала в Израиль раньше нас и, к сожалению, умерла в **1979** году. Пусть будет светла память Маши, сделавшей много доброго для меня. Элиэзер живёт в гор. **Холоне**.

КОНЦЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД И ДАХАУ

112.

Вайс Артур
(Чехословакия, Венгрия, Сербия, Германия)

Довоенная жизнь.

Я, **Артур Игнатович Вайс**, родился **26 ноября 1920** года в селе **Богаревица** Иршавского р-на Закарпатской области (Чехословакия, потом Венгрия). Мой отец **Игнац-Ицхак** (1900) работал сапожником, мать **Гермина** (1898) – швеёй. При чехословацком режиме жилось очень тяжело. Отец был вынужден наниматься к богатым людям на тяжёлую сельскохозяйственную работу или сезонный труд – изготовление вина, потому что его сапожные дела шли плохо. Чехословацкий завод «Батя» изготовлял дешёвую обувь, и люди предпочитали не ремонтировать её, а покупать новую пару. Новую обувь ручной работы отец не мог продавать по такой низкой цене. Мать шила одежду для односельчан, но работа была не всегда. Папа и мама с трудом содержали большую семью из 7 человек. Нас у родителей было пять детей: старший я, **Артур**, брат **Исраел** (Срул) (в документах Изидор) (1922), брат **Давид** (Александр) (1924), сестра **Хая** (Елена) (1927), сестричка **Гизелла** (1933). Помню, родители за год скопили денег на корову, отец купил её на базаре, а корова через несколько дней подохла. Это было тяжёлым ударом для всей семьи, плакали и взрослые, и дети: в доме не стало ни денег, ни молока.

С шести лет я начал посещать *хедер* в другом селе, а в семь лет поступил в первый класс народной школы. В пять часов утра я шёл в хедер и занимался до семи часов, потом учился в школе до полудня, после обеда продолжал учёбу в хедере. По окончании восьмого класса родители отправили меня учиться в *йешиву* в г. **Виноградов**, где я занимался до 17 лет. У родителей не было возможности оплачивать мою дальнейшую учёбу, и я решил получить надёжное ремесло для заработка и жизни. В г. **Мукачеве** меня приняли на три года учеником пекаря.

В **1939** году венгры оккупировали часть Закарпатья, в том числе и наше село Богаревица. Начались притеснения евреев. Еврейские ремесленники, как мой

отец, обязаны были приобрести лицензию – разрешение на работу и платить подоходный налог. Это сильно ударило по нашей семье. Венгры требовали у евреев документы о гражданстве, и у кого их не было, высылали из страны, отбирая всё имущество: дом, магазин, богатство. Такая участь постигла моего младшего брата **Исраела**, который работал в Мукачеве. Венгерские жандармы выслали его на польскую границу, откуда он больше никогда не пришёл. Наверно, он был замучен смертельно немцами, как польские евреи. В том же году нашу семью постигло новое горе: от воспаления мозга умер дома брат **Давид**.

Я работал в Мукачеве пекарем до осени 1941 года, а 13 октября **1941** года был мобилизован в венгерскую армию, которая воевала на стороне Гитлера. Мои родные: отец, мать, её мама – бабушка Элка и обе мои сестры были отправлены в **Мукачевское** гетто, куда венгерские фашисты согнали евреев из Богаревицы и всех окрестных сёл.

Каторжный труд. В лагерях для евреев.

Окт. 1941-янв. 1942. Поскольку я был евреем, меня определили во вспомогательные силы – в так называемые «трудовые батальоны». В г. **Кошице** (Чехословакия) в течение одного месяца нас обучали военному делу, переодели в военную форму, на левом рукаве которой у каждого была жёлтая полоса, означавшая, что мы евреи. Офицеры-венгерские фашисты над нами очень издевались.

Янв. 1942-янв. 1943. После окончания «обучения» нас отправили на строительство 60-километровой железной дороги **Середфальва – Деда**. Жили мы в глиняных домах с земляным полом у хозяев. Хозяин бросил на пол солому, и мы на ней спали. Отопления не было. Утром выдавали тёплое какао и небольшую буханку хлеба, которую можно съесть в один приём, вечером – борщ. Работа была каторжная, под наблюдением надзирателей: надо было прокопать в горе широкий проход для прокладки железной дороги и образовавшийся грунт увезти специальными вагончиками. Земля промёрзла, и мы били её ломами, кирками, ковыряли лопатами, чтобы получить грунт. В моей группе было пять закарпатских молодых евреев, и мы всегда быстро загружали вагончики землёй. За это наш надзиратель-венгерский солдат приходил вечером на кухню и приказывал дать нам добавочное питание. Гружёные вагончики надо было спускать по плохо прикреплённым к земле рельсам и внизу тормозить их разбег вручную. Были смертельные случаи, когда вагончик убивал человека, который хотел его остановить. В прокладке рельсов я не участвовал, но с болью смотрел, как мучились евреи: поднимали железный рельс, несли, укладывали на шпалы и прибивали, не будучи специалистами.

Так прошло полгода или больше, и однажды меня вызвали к начальству. Мне было приказано отправиться в село Быстрица Мукачевского р-на, в штаб части, чтобы работать сапожником. Для меня было большой радостью оставить изнуряющий труд. В Кошицком учебном лагере, когда записывали профессию каждого, я решил назваться сапожником, хотя был пекарем.

В **Быстрице** я представился начальнику **Палфи** и был направлен в мастерскую. В ней за длинным столом сидели 14 парней-сапожников и ремонтировали

обувь для людей, делавших тяжёлые работы. Мне досталось то, что я умел: я оббивал подошвы деревянными гвоздями, пришивал кожаные латки. Кроме этого, нас с товарищем брали работать на продуктовые склады, там иногда доставался кусок колбасы. Я ежедневно молился и благодарил Бога, что у меня такая работа. Вечером иногда выходил в город, познакомился и проводил время с симпатичной девочкой-ткачихой ковров.

Январь 1943-август 1943. Летом 1943 года наш еврейский «трудовой батальон» собрали, и я снова увидел тех, с кем работал на железной дороге. Нас отправили в глубь Венгрии, в село **Сенткирай Сободья**. Мы расположились недалеко от села в лесу, вырыли окопы, поставили 4-местные солдатские палатки. Работали на строительстве аэродрома для военных самолётов. Через некоторое время мне было приказано сопровождать офицера Палфи при закупках скота для наших евреев. Мы ходили по сёлам, покупали коров, тёлок, бычков, я приводил их, 10-12 голов, в село и сторожил. В мои обязанности входило также через день приводить на бойню две головы скота и мясо доставлять в рабочий лагерь и отдельно в село офицерам. Когда одна корова сбежала по пути, я пригнал остальных и всю ночь искал пропажу, потому что боялся наказания. Корова нашлась, но о случае узнал один из начальников лейтенанта Палфи. Однажды знакомый парикмахер сообщил мне, что он слышал, будто в наказание за сбежавшую корову меня отправят на фронт воевать против Советов. Я был страшно огорчён новостью, но понёс к Палфи домой продукты: мозги и почки. Дома была только его молодая, лет девятнадцати, жена. Она заметила, что я очень расстроен, и спросила, что со мной. Я рассказал, что услышал от парикмахера, и добавил, что я смерти не боюсь, но мне жалко моих родителей. Я сказал ей: «У нас было пятеро детей: одного брата венгерские фашисты выслали в Польшу, другой брат умер дома от воспаления мозга, две маленькие сестры дома, а я на войне. Если на фронте меня убьют, родители будут очень переживать». Она обещала попросить мужа, чтобы он помог освободить меня от отправки на фронт. Я знал, что венгерский офицер Палфи неплохо относится ко мне, еврею-рядовому. Он в самом деле на следующее утро узнал, кто составлял списки солдат на фронт, и это был офицер старше его по званию. Палфи попросил у того офицера разрешения посмотреть списки и сказал, что Артура Вайса надо вычеркнуть, потому что он нужен ему тут для работ, и, кроме того, Вайс служит второй год, а отправляют воевать только солдат третьего года службы. Меня вычеркнули. За короткое время от нас на Восточный фронт были отправлены два еврейских «трудовых батальона». Слава Богу и благодарность моему офицеру Палфи, что он спас меня от русского фронта. К сожалению, из этих двух батальонов обратно вернулись не более пяти человек. Строительство аэродрома было завершено нами, оставшимися евреями. Нас собрали и вывезли в гор. **Сегед**, в 10 километрах от Сербии.

Август 1943-ноябрь 1944. В Сегеде нас, три тысячи человек, погрузили на пароплав (теплоход) и отправили в сербский город **Бор**. Командовал нами венгерский офицер **Мораний Миклош**, настоящий бандит, он разрешил своим под-

чинённым издеваться над нами. Бор был городом шахт, где мы работали под землёй в **«Берлин-лагере»**: добывали железную руду, плавили её, добывали много тонн меди в день. Из меди после обработки получали ежесуточно два килограмма золота. Каждое утро прилетал самолёт и забирал золото в Белград для немцев. Командовали производством венгры в подчинении гестапо. Кормили плохо, только чтобы не померли, раз в сутки мы получали похлёбку. Было много смертей наших ребят, потому что никто не знал подземную работу. Возле шахт была вырыта большая землянка, куда сажали за провинности. Там людей пытали: за связанные руки их подтягивали верёвкой к потолку, и так они висели час и два часа. Когда они теряли сознание, их опускали на пол, обливали водой и опять подтягивали к потолку, чтобы мучение было сильнее. Рядом с нами работали сербы, которые занимались подпольной деятельностью: похищали взрывчатку и другие материалы, агитировали уходить в партизаны. Некоторым из наших удалось с их помощью перейти к партизанам. Однажды двое парней совершили неудавшийся побег к партизанам. Их изловили, связали руки железной проволокой и посадили в тюрьму-землянку. Через день весь военный лагерь собрали, построили пятнадцать тысяч человек, и перед нами провели открытый суд. Пойманных парней привели, и трибунал зачитал им приговор – расстрел за побег. Расстреляли и закопали их на наших глазах, хотели, чтоб другим неповадно было. В те минуты, когда это совершалось, погода начала бушевать, стало темно, и повалил снег.

В Боре меня по документам опять направили в сапожную мастерскую, и приходилось чинить горы обуви, она быстро рвалась на работах под землёй. Я подружился с парнем-сапожником, и после работы мы потихоньку на базаре обменивали обувь на продукты, очень боялись, но нас почти не кормили, приходилось добывать еду. Разрешалось писать домой раз в месяц открытку, проходившую военную цензуру. Чтобы мои родители не так сильно переживали за меня, я продал одному знакомому парню из Ужгорода ботинки с условием, что в открытке он попросит своих родных передать моим родителям 160 пенго. Деньги они получили и были рады, что я жив и зарабатываю немного.

Ноябрь 1944-май 1945 гг. В конце 1944 года нам приказали готовиться к пешему возвращению в **Венгрию**, а это 600 километров. Я приготовил продукты, хлеб, какие-то вещи, учитывая, что всё это придётся нести на себе. Набил на обувь две подошвы, и это оказалось моей ошибкой: надо было сделать тапочки, чтобы легче было ногам. Уже на выходе мы поняли, что пойдём под конвоем, как арестанты. Каждому масляной краской нанесли шестиугольные еврейские звёзды на одежду спереди и сзади. Я вышел первым этапом, в колонне шли 3600 человек с венгерской стражей. Прошли первые десятки километров, и венгры передали нас немецкому конвою. Это были эсэсовцы, и всё сразу изменилось: они нас избивали, убивали людей на ходу и мертвецов бросали в канавы. В этом «путешествии» закончились наши продукты, свои вещи мы бросили по дороге, даже одеяло не было сил нести. Каждый шёл, как мог, а если не мог, его убивали, и никто не оставался позади, кроме трупов. Спали под открытым небом, а настал уже ноябрь-декабрь

с морозными ночами. Питания не было, и немцы не позволяли пить воду даже из канавы. Этот путь превратился в большое мучение, которое и вспоминать невозможно.

В один из вечеров нас привели на кирпичный завод в г. **Червенко**. Венгерские стражники, продолжавшие путь с нами, подходили к каждому и просили отдать им золото, золотые вещи. Они говорили, что если эсэсовцы найдут, то убьют. У меня были красивые часы «Омега», я решил не отдавать их фашистам и спрятал в одной из печей. В эту ночь эсэсовцы отобрали 800 лучших молодых людей и расстреляли их. Наутро собрали всех оставшихся, построили, и в дополнение к ночной бойне главный эсэсовец дал команду четыре первых ряда направить на расстрел. Когда их увели, я оказался в переднем ряду, но Бог уберёг меня от гибели ещё раз. Нас повели дальше.

В движении колонны я привык всегда идти сбоку, а не в середине. По обеим сторонам колонны шли эсэсовцы. Мы проходили какие-то сёла, их жители видели наши звёзды, кричали «Сталин!» и били нас палками. Из колонны выходить нельзя было, а я случайно выскочил, и один из конвоиров тут же выстрелил в меня с 3-4 метров. Я вбежал в колонну и пошёл среди наших ребят. Только тут почувствовал, что ранен. Один из мужчин на ходу снял с себя широкий матерчатый пояс, оторвал от него полосу и перевязал мне плечо правой руки. На каждом привале давалась команда: «Лечь на живот!», и мы переводили дух, лёжа лицом в землю. Начиная с района сербского города **Сомбора**, когда мы лежали на привале, немцы ходили по рядам и поднимали по 20 человек, отводили в сторону, давали им лопаты и заставляли копать яму. Эту «двадцатку» расстреливали в яме, и мы шли дальше, на других привалах это зверство повторялось несколько раз. На третью ночь рана сильно начала болеть, я непроизвольно стонал. Ко мне подошёл эсэсовец, по речи хорват, и спросил, что со мной. Я сказал, что ранен. Он пообещал, что, если я буду стонать, пуля мне поможет, и я до утра молчал, сдерживал боль.

Прошло ещё два дня пешего перехода, и мы дошли до гор. **Бая** на юге Венгрии. Здесь нас загнали на еврейское кладбище, и мы решили, что тут наш конец, потому что слышали с разных сторон кладбища выстрелы. Из 3600 евреев, вышедших из Сербии, нас осталось 1600, 2000 человек были убиты по дороге. В 11 часов вечера венгерский офицер большого чина прокричал через громкоговоритель: «Мы забираем вас из рук СС и переводим на остров **Пондю Сигет**. Рано утром вы получите хлеб и горячую пищу». Нас привезли на остров, и исполнилась моя самая большая мечта: я лёг на берегу лицом в Дунай и бесконечно долго пил воду. С утра после приёма пищи спросили, есть ли раненые, и меня с несколькими заключёнными забрали в больницу. Мной занимался сам главный хирург, разрезал одежду, обработал рану и спросил, как я получил ранение. Я рассказал, и он мне в ответ: «Ты знаешь, сколько венгерских солдат гибнет на русском фронте?» Тогда я сказал: «Они солдаты с оружием в руках и подчиняются своей власти, а мы безоружные, и нас убивают только потому, что мы евреи». Пробыли мы в больнице неделю на хорошем питании и уходе, и нас перевели в госпиталь гор. **Печ**, потому что прибли-

жались русские. Рана моя быстро затягивалась, и я понял, что скоро отправлюсь обратно в лагерь. Я обратился к главному хирургу, спросив, может ли он сделать, чтобы рука не так быстро заживала. Он ответил, что понимает меня, но помочь не может, потому что он сам – пленный поляк.

Через несколько дней под конвоем венгерского солдата я был доставлен в с. **Сенткирай Соободья**, куда перевели еврейский трудовой отряд с острова и где мы строили два года назад аэродром. Тут я услыхал, что из Международного Красного Креста приходят в Будапешт, а оттуда к нам в часть некие документы, с которыми можно поехать в Будапешт и остаться при посольстве, выславшем документ. Затем я разузнал, что у офицера, который занимается этими бумагами, есть документ на имя умершего Вайса Тибора. Я попросил его за 100 пенго добавить в этот документ моё имя Артур и отправить меня в Будапешт. Он согласился, и я рассказал в землянке ребятам, что еду в Будапешт с бумагой из Красного Креста, и попросил желающих получить такой же документ из посольства по почте от меня сдать по 5 пенго. Желающих было много, написали список, я отдал деньги офицеру и получил документ на своё имя. Нас с документами Красного Креста было 20 человек, и мы отправились в Будапешт поездом. Ехали целую неделю, потому что дороги были перекрыты русским фронтом. Все в поезде голодали, но в конце концов прибыли в Будапешт.

В лагерях Бухенвальд, Дахау.

На станции **Будапешт** формировался эшелон в Бухенвальд, и нас, 20 человек с еврейскими звёздами на одежде, схватили и бросили в вагон. Ни венгры, ни немцы не обращали внимания на наши документы из Красного Креста. В вагоне находилось 90 человек, из них 21 женщина, их изловили в Будапеште. Поезд шёл 18 дней, не было еды и воды, не выходили, ели, у кого что было, голодали и жаждали. На станции в **Праге** чехи бросали нам через окна хлеб и бутылки с водой. Они рисковали, потому что вокруг стояли эсэсовцы и стреляли, если кто-то приближался к вагонам.

Когда прибыли в **Бухенвальд**, в вагоне были умершие, они не выдержали такого пути, их сгрузили, как дрова, и отправили сразу в крематорий. Всех, кто был ещё на ногах, привели в зал, где работали парикмахеры, и они остригли нас с головы до ног. Всю нашу одежду забрали. Потом мы заходили в холодную ванну для дезинфекции, и были случаи, что некоторые оттуда уже не выходили. После душа выдали на ноги деревянки (деревянная обувь) и одежду, кому что попало. Каждого записали и выдали жетон с присвоенным номером, его носили на шее на верёвке. Всё это происходило в ужасном холоде, в **конце 1944** года. Я находился в Бухенвальде примерно четыре недели. На работу не водили, но надо было стоять почти целый день на огромном плацу, где нас всё время пересчитывали. Мы испытывали сильный холод. Питание было мизерным: 100 граммов хлеба в сутки, кусок маргарина или мармелада и вечером пустой суп.

Через месяц нас отправили на работу, я попал в команду из 20 человек. Два эсэсовца, говоривших по-венгерски, вывели нас из ворот и повели по дороге. В

пути нас остановили и спросили, кто понимает все команды. Я отозвался и тут же был назначен бригадиром. Моей обязанностью было вести бригаду на работу и с работы, в воротах объявлять, сколько у меня человек. Мы получили задание делать канализацию для водопровода. Я раздал лопаты, кирки, взял кирку для себя. Стояла зима, в моей бригаде были люди немолодые, интеллигенция: доктора, адвокаты, не привыкшие к физической работе. Я сказал им: «Люди добрые, делайте что-нибудь, иначе замёрзнете», а сам рублю киркой мёрзлый грунт, думаю, что надо показать работу двадцати человек. Глядя на меня, люди принялись рыть землю. Надзиратели подошли ко мне и сказали: «Ты не должен работать, ты должен объяснять, требовать и бить, чтобы работали». Я ответил: «Я не буду их бить, они мне в отцы годятся. Лучше вы меня убейте». Эти эсэсовцы были венграми из Будафока (район Будапешта), они увидели, что я хороший работник, дело идёт, занялись своими делами, и я получил возможность отходить от бригады. Работали мы возле ресторана, в его мусорном сарае я находил и приносил в бригаду разные отходы с кухни: отбросы овощей, огрызки и пищу, не доеденную посетителями. Так удавалось подкормить моих людей. Работал я с ними и за них примерно два месяца, пока в один из дней проезжавший на лошади старший эсэсовец не увидел, как я копаю канаву. Он забрал меня рядовым работником на другой объект. С моими 20 человеками я продолжал спать в одном бараке и видел, как все они умерли за две недели. Помню мёртвого адвоката **Мошковича**: я снял его длинное пальто и надел на себя. Помню умершего рыжего **Бергера**, который при жизни говорил мне: «Вот освободимся, будешь моим сыном, детей у меня нет, я закопал много золота и драгоценностей». Я отвечал ему: «Папаша Бергер, не думайте о будущем богатстве, думайте, где взять кусок хлеба сейчас».

На другой день меня зачислили в бригаду из 200 человек. Я работал под землёй на компрессорной станции, относившейся к подаче электроэнергии в 120 туннелей, вырытых внутри горы. Мы строили подземный завод по производству военных самолётов. Рядом с нами работали пленные американские солдаты. Через некоторое время я заболел дизентерией и очень мучился. Я обратился к капо (надзирателю из заключённых), и он предложил мне пойти в ревир (изолятор для больных). Я отказался, потому что один раз уже был там и видел, как врач-поляк сделал больному инъекцию воздуха, тот спокойно закрыл глаза и умер. Я выходил на работу полумёртвым, лишь бы не попасть туда.

В один из дней нас погрузили в вагоны и куда-то повезли. Когда находившийся в вагоне эсэсовец вышел в другой вагон, 22 русских военнопленных предупредили нас, что они хотят бежать. Пока эсэсовец отсутствовал несколько раз, они подготовили две доски пола под соломой таким образом, чтобы их можно было поднять. Когда ночью поезд стоял и эсэсовец спал среди своих, русские сбежали. Утром побег обнаружился, и с этого дня остальным не давали еды и воды.

Нас привезли в концлагерь **Дахау**. На работу не водили, и примерно 4-5 недель всех строили на огромной площади, и мы в мороз стояли часами, иногда целый день. Каждое утро я видел ужасное зрелище, когда из бараков выносили по 30-40

голых мертвецов, это были только скелеты. Приходили платформы, на них грузили мёртвых с жетоном на ноге, и их увозили в крематорий.

Когда начались разговоры о конце войны, от Красного Креста заключённым стали раздавать пакеты с продуктами: консервы, печенье, сигареты. Множество людей умерло от этих подарков, потому что они отвыкли есть и съели сразу много. Нас, кто остался в живых, немцы посадили в поезд, возили с места на место по Германии, видно, не зная, что с нами делать, и не кормили. Приближался конец **апреля 1945** года. Эсэсовцы высадили нас из эшелона и просто гоняли целыми днями пешком по дорогам. Поздним вечером мы пришли к небольшой реке и легли спать. Ночевали мы в бумажных мешках, полученных в Дахау. Ночью слышались какие-то выстрелы, было видно, как бегут немецкие офицеры.

Освобождение и послевоенная жизнь.

Утром **1 мая 1945** года мы проснулись, покрытые выпавшим снегом, и обнаружили, что наших охранников нет, наверно, они удрали за офицерами. Не мешкая, мы отправились в ближайший городок **Миттенвальд** в Тирольских горах в Баварии. В городке висели белые флаги, то тут, то там дымили военные передвижные кухни, и немцы-повара, несмотря на то что мы евреи, давали нам поесть. Мы увидели, что у железного моста немцы готовятся его взорвать, узнали, что за мостом дорога на Мюнхен, и успели перебежать по нему на другую сторону. Через несколько минут мост взлетел на воздух.

На нашем пути оказались немецкие казармы, в них я встретил земляков. Руководили освобождёнными людьми американские оккупационные войска. Не успели мы втроём занять одну из комнат, как я упал без сознания. Я тяжело заболел брюшным тифом и был при смерти в течение месяца. Друзья приносили мне молоко и чеснок, это помогло побороть болезнь и подняться на ноги. Я был измучен, очень худ, мои ноги распухли, живот вздулся огромный, как у роженицы.

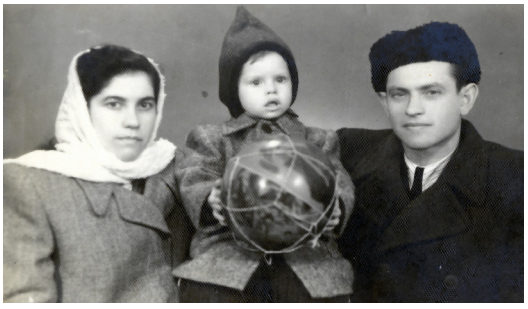
Американцы вызвали каждого, спросили, куда он хочет ехать, и я сказал: «Домой, в Чехословакию». В прекрасный весенний день нас посадили в несколько «студебеккеров», и колонна машин во главе с американским офицером на «виллисе» двинулась в сторону Чехословакии. На остановках нас кормили. В **Братиславе** всем выдали по 1500 крон, пожили мы здесь неделю, и нас повезли в Будапешт, здесь каждый получил 1500 пенго, пробыли в **Будапеште** несколько недель. Отсюда мы разъехались по домам.

Я приехал в родное село **Богаревица** и нашего дома не нашёл – его разобрали односельчане. Остановился у хорошей соседки и от неё узнал, что из моей семьи осталась в живых только сестра **Елена**, которая попала в Румынию после концлагеря. Меня подкормили, и я почувствовал новые силы: помогал косить, собирать урожай.

В конце лета **1945** года вернулась из Румынии 18-летняя сестра **Елена**, с ней была наша довоенная соседка **Ибоя Кац**, которую я знал с детства. Они встретились случайно в Румынии, в отделении «Джойнта», где Елена помогала оформлять документы желающим ехать в Палестину. Девушки решили вместе вернуться на родину, в Богаревицу, вошедшую в Закарпатскую область советской Украины.

Елена рассказала, что её со всей нашей семьёй в **1944** году депортировали из Мукачевского гетто в концлагерь **Освенцим** в Польше, и Бог ей помог спастись от верной смерти и вернуться домой. Нацистами были убиты в **Освенциме** мои молодые родители: мать **Гермина Вайс** (в девичестве Мермельштейн) погибла в мае 1944 года, отец **Игнац-Ицхак Вайс** погиб в ноябре 1944 года, бабушка **Элка Мермельштейн** (1859) погибла в 85 лет и сестра **Гизелла Вайс** была убита в 11 лет от роду. Ничто не могло помочь нашему горю или утешить нас.

Я, Елена и Ибоя поселились в доме её родственников, где постепенно я рассказал о своих хождениях по мукам, Ибоя – о своих, и мы начали думать о будущем. В **1949** году **Ибоя** (1928) стала моей женой, хоть и была моложе на восемь лет. В годы войны она тоже была заключенной концлагеря **Освенцим-Биркенау**, попав туда, как и мои родные, из гетто в Мукачеве. Её отец **Кац Авраам** (1901), сын Менделя, мать **Малка** (1905), дочь Герша Лейбовица, и шестилетний брат **Шломо** (1938), сын Авраама, были уничтожены в лагере **Освенцим** в **1944** году.

Артур Вайс, жена Ибоя и сын Игнат. 1953 г. Гор. Иршава УССР.

Я вступил в колхоз им. Молотова, работал кассиром, а после курсов – два года бухгалтером. Затем трудился в райцентре **Иршава** Закарпатской области 36 лет: на ткацкой фабрике завскладом и начальником отдела снабжения 12 с половиной лет, работал завскладом на мебельном комбинате, на заводе, в Иршавской больнице. Наш старший сын **Игнат-Ицхак** (1951) после окончания экономического факультета Ужгородского университета работал в райисполкоме ревизором по сельскому хозяйству. Сын **Александр** (1954) окончил медицинский факультет в том же университете, работал врачом.

После освобождения из концлагеря, после перенесённых мук жена постоянно болела. С полным правом её можно причислить к жертвам Холокоста. **Ибоя** умерла в **1986** году незадолго до выезда в США. Я жил в Советском Союзе с 1945 по 1986 гг. За 41 год в СССР ни я, ни жена не получили никакой помощи от власти как пострадавшие на войне, в оккупации и в концлагерях.

Артур Вайс с сестрой Хаей (Еленой). 1990-е гг. США.

Я эмигрировал с сыном Александром в США в ноябре **1986** года, жил в Америке 20 лет. В городе Квинсе и сегодня живёт моя сестра **Елена**. Она приехала в Штаты в 1965 году и радушно приняла нас к себе на первые несколько

месяцев. Жил в арендуемой квартире, проработал 8 лет в *микве*, начал болеть и не мог больше трудиться. **Саша** работает врачом-анестезиологом.

В Израиле.

В Израиль я репатриировался 6 июля **2006** года в возрасте 85 лет. Живу в г. **Гедера** неподалёку от сына **Игната**. Он работает бухгалтером. Посещаю синагогу, в своих ежедневных молитвах я всегда хвалю великого Бога, который защитил меня от верной гибели в годы Холокоста.

*

Артур Вайс с внуками. 2000 г.

Во время Второй мировой войны я потерял родных, много раз видел свою смерть, перенёс мучения: избиение, голод, холод, тяжёлый труд, брюшной тиф, ранение правой руки. Боль от полученной раны всё ещё со мной и постоянно напоминает кошмары Шоа. С того времени я никогда не мог выполнить трудную физическую работу, и потому моё материальное положение было нелёгким. Во время моего четырёхлетнего заключения у фашистов я был свидетелем ужасных бесчеловечных событий, творимых нацистами с людьми разных национальностей. Бывает, ночами меня будят близкие из-за моих криков и плача во сне.

Слово сына.

Мой отец Артур Вайс приехал в Израиль в возрасте 85 лет. Для меня и других людей он на протяжении всей своей жизни был образцом жизнелюбия и оптимизма, несмотря на страшные испытания, выпавшие ему в годы Второй мировой войны и Холокоста. Папа жил в Гедере самостоятельно, своим домом, с женщиной-помощницей, подругой. Он ежедневно посещал синагогу, молился, читал священные книги. Папа охотно делился со мной и внуками устными рассказами о пережитом в период Шоа, о том, что значила в его жизни любимая женщина – его жена и моя мама Ибоя, чудом выжившая в концлагере Освенцим. По горячему желанию папы мы привезли из Ужгорода её дорогой прах и перезахоронили в Гедере. В Израиле отец, несмотря на возраст, сумел уделить много времени и сил написанию подробных воспоминаний о своём роде, судьбах родных, перенесённых ими муках во время властвования нацистов. Он сделал это дважды: отдельно на языке идиш и отдельно

по-русски на 60 больших листах, считая свой труд важным не только для семьи. В этой книге напечатаны в сокращении воспоминания отца по рукописи на русском языке. Папа умер ***28 июля 2010*** *года, и на Гедерском кладбище родительские могилы рядом.*

Игнат Вайс

НАШИ РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ, ПОГИБШИЕ В ХОЛОКОСТЕ

Мы, спасшиеся и спасённые в Холокосте, выжили, чтобы пожизненно оплакивать безвинно погибших родных, близких и земляков и хранить память о жертвах Катастрофы европейского еврейства.

Наш долг – увековечить их дорогие имена, чтобы память об этих людях жила и после нас. Вот скорбные поимённые списки мучеников.

Погибшие родные и близкие **Бейлис Валентины и Евгения**. Воспоминания **№ 1**.

	Фамилия, имя, год рождения	***Степень родства***	***Место жительства до войны***	***Обстоятельства и год гибели***
1	Бейлис *(дев. Эгидес)* Перка-Ципойра, ≈ 1878	Бабушка (мать отца Валентины и Евгения)	Гор. Киев УССР	Расстреляна в гор. Киеве (Бабий Яр) в сентябре 1941 г. в 63 года

Погибшие родные и близкие **Мичника Семёна**. Воспоминания **№ 2**.

1	Мичник *(дев. Рапопорт)* Рива Хаимовна, 1913	Мать Семёна	Гор. Днепропетровск УССР	Расстреляна немецк. фашистами в Днепропетровске 13 окт. 1941 г. в 28 лет с семьей
2	Мичник Григорий Самойлович, 1934	Брат Семёна	Гор. Днепропетровск УССР	Расстрелян немецк. фашистами в Днепропетровске 13 окт. 1941 г. в 7 лет
3	Рапопорт Люба, ≈ 60 лет	Бабушка со стороны матери Семёна	Гор. Днепропетровск УССР	Расстреляна немецк. фашистами в Днепропетровске 13 окт. 1941 г. в 60 лет
4	Рапопорт Маша Хаимовна, 1919	Тётя (сестра мамы Семёна)	Гор. Днепропетровск УССР	Расстреляна немецк. фашистами в Днепропетровске 13 окт. 1941 г. в 22 года
5	Рапопорт Анна Владимировна, 1939	Двоюродная сестра Семёна	Гор. Днепропетровск УССР	Расстреляна немецк. фашистами в Днепропетровске 13 окт. 1941 г. в 2 года с семьей
6	Рапопорт Ефим Владимирович, 1941	Двоюродный брат Семёна	Гор. Днепропетровск УССР	Расстрелян немецк. фашистами в Днепропетровске 13 окт. 1941 г. младенцем с семьей

Погибшие родные и близкие **Найде Фиры**. Воспоминания **№ 3**.

1	Барах Мотл, 1881	Дедушка со стороны матери Фиры	Гор. Житомир УССР	Расстрелян немцами 29 сент. 1941 г. с тысячами евреев в лесу Богунии (г. Житомир) в 60 лет
2	Барах Ривка, 1884	Бабушка со стороны матери Фиры	Гор. Житомир УССР	Расстреляна немцами 29 сент. 1941 г. с тысячами евреев в лесу Богунии (г. Житомир) в 57 лет

3	Барах Рая Мотелевна, 1924	Тётя (сестра матери Фиры)	Гор. Житомир УССР	Расстреляна немцами 29 сент. 1941 г. с тысячами евреев в лесу Богунии (г. Житомир) в 17 лет

Погибшие родные и близкие **Шевелёвой Надежды**. Воспоминания **№ 4.**

1	Ольшанская *(дев. Пожарова)* Мария (Маня), 1899	Двоюродная сестра матери Нади	Гор. Одесса УССР	Расстреляна фашистами в Одессе в начале оккупации города в 1941 г. в возрасте 42 лет
2	Ольшанская Валя, 1928	Дочь Ольшанской Марии	Гор. Одесса УССР	Расстреляна фашистами в Одессе в начале окуп-и города в 1941 г. в 23 года
3	Фитермахер Элла Яковлевна, 1923	Близкая подруга Надежды	Гор. Первомайск Николаевской обл. УССР	Расстреляна немецк. фашистами 29 авг. 1941 г. у кирпичн. завода в г. Первомайске в 18 лет
4	Фитермахер --*, ≈ 1900	Мать близкой подруги Надежды	Гор. Первомайск Николаевской обл. УССР	Расстреляна немецк. фашистами 29 авг. 1941 г. у кирпичн. завода в г. Первомайске в 41 год

* Здесь и далее прочерк означает отсутствие данных о фамилии, или имени, или годе рождения.

Погибшие родные и близкие **Великой Цили**. Воспоминания **№ 5.**

1	Нюренберг Шейндл, ≈ 70 лет	Бабушка со стороны матери Цили	Гор. Балта Одесской обл. УССР	Умерла от потери сил в авг.-сент. 1941 г. в оккупиров. немцами с. Бобринец Кировогр. обл. Укр.
2	Великий Изя, отец Лейб, 1939	Брат Цили	Гор. Балта Одесской обл. УССР	Пропал в авг.-сент. 1941 г. в оккупиров. немцами с. Бобринец Кировогр. обл. Укр. в 3 года

Погибшие родные и близкие **Фукс Баси**. Воспоминания **№ 6.**

1	Борода Лейб, 1889	Дедушка (отец матери Баси)	Гор. Балта Одесской обл. УССР	Расстрелян отступающими немцами в Балтском гетто 28 марта 1944 г. в 55 лет

Погибшие родные и близкие **Белгородской Кати**. Воспоминания **№ 7.**

1	Белгородская Сарра, --	Тетя (жена маминого брата Наума)	Гор. Одесса УССР	Погибла в оккупированной Одессе осенью 1941 года с сыном
2	Белгородский Аркадий Наумович, маленький мальчик	Двоюродный брат (сын маминого брата Наума)	Гор. Одесса УССР	Погиб в оккупированной Одессе осенью 1941 года с матерью
3	-- *(дев. фам. Лившина)* Сарра, --	Тетя (сестра отца Кати)	Гор. Одесса УССР	Погибла в оккупиров. Одессе (р-н Слободка) осенью 1941-зимой 1942 г. с сыном
4	-- --, мальчик, ≈ 2-2,5 лет	Двоюродный брат (сын папин. сестры Сарры)	Гор. Одесса УССР	Погиб в оккупированной Одессе (р-н Слободка) осенью 1941-зимой 1942 г. с матерью
5	Меламуд Эстер, 1901	Первая жена Велвела Меламуда, отчима Кати	С. Гросулово Одесской обл.	Сгорела заживо во время бомбежки при бегстве от фашистов в июне-июле 1941 г. в 40 лет
6	Меламуд Белла, дочь Велвела, 1920	Дочь Велвела Меламуда, отчима Кати	С. Гросулово Одесской обл.	Сгорела заживо во время бомбежки при бегстве от фашистов в июне-июле 1941 г. в 21 год
7	Меламуд Чара, дочь Велвела, 1928	Дочь Велвела Меламуда, отчима Кати	С. Гросулово Одесской обл.	Сгорела заживо во время бомбежки при бегстве от фашистов в июне-июле 1941 г. в 13 лет

Погибшие родные и близкие **Галицкого Иосифа**. Воспоминания **№ 8.**

1	Галицкий Бен-Цион, ≈ 1897	Отец Иосифа	Гор. Острог Ровенской обл. УССР	Увезен из гетто в г. Остроге и расстрелян на станции Оженин Ровенск. обл. осенью 1942 г. в 45 лет
2	Галицкая *(дев. Шагам)* Фейга, ≈ 1900	Мать Иосифа	Гор. Острог Ровенской обл. УССР	Расстреляна в гетто в г. Остроге Ровенск. обл. 18-20 окт. 1942 г. в 42 года
3	Галицкий Ицхак-Лейб (Лёва), сын Бен-Циона, 1929	Брат Иосифа	Гор. Острог Ровенской обл. УССР	Расстрелян в гетто в г. Остроге УССР 18-20 окт. 1942 г. в 14 лет

Погибшие родные и близкие **Задеры Раисы**. Воспоминания **№ 10**.

1	Агранович *(дев. Штереншейн)* Адель, 1914	Мать Раисы	Гор. Середина-Буда Сумск. обл. УССР	Расстреляна в г. Середина-Буда Сумск. обл. 16 ноября 1941 г. в 27 лет
2	Штереншейн Берта, ≈ 70 лет	Бабушка со стороны матери Раисы	Гор. Середина-Буда Сумск. обл. УССР	Расстреляна в г. Середина-Буда Сумск. обл. 16 ноября 1941 г. в 70 лет
3	Агранович Соломон, ≈ 70 лет	Дедушка со стороны отца Раисы	Гор. Бахмач Черниговск. обл. УССР	Погиб в период Шоа в 70 лет
4	Агранович Гуда, ≈ 70 лет	Бабушка (мать отца Раисы)	Гор. Бахмач Черниговск. обл. УССР	Погибла в период Шоа в 70 лет

Погибшие родные и близкие **Групмана Иосифа**. Воспоминания **№ 11**.

1	Групман Эня (Геня) Изусивна, 1901	Мать Иосифа Групмана	С. Миньковцы Дунаевецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Расстреляна в с. Миньковцы Дунаевецк. р-на Камен.-Под. обл. 30 авг. 1941 г. в 40 лет
2	Групман Маня, 1871	Бабушка со стороны отца Иосифа	С. Миньковцы Дунаевецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Расстреляна в с. Миньковцы Дунаевецк. р-на Камен.-Под. обл. 30 авг. 1941 г. в 70 лет
3	-- *(дев. фам. Групман)* -- Ихилевна, ≈ 1904	Младшая сестра папы Иосифа	С. Миньковцы Дунаевецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Расстреляна в с. Миньковцы Дунаевецк. р-на Камен.-Под. обл. 30 августа 1941 г. в 37 лет
4	-- --, ≈ 1900	Муж младшей сестры отца Иосифа	С. Миньковцы Дунаевецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Расстрелян в с. Миньковцы Дунаевецк. р-на Камен.-Под. обл. 30 авг. 1941 г. в 41 год
5	Групман Исаак Ихилевич, ≈ 1893	Дядя (брат отца Иосифа)	С. Миньковцы Дунаевецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Расстрелян с семьей в с. Миньковцы Дунаевецк. р-на Камен.-Под. обл. 30.8. 1941 г.
6	Групман Моисей Ихилевич, ≈ 1897	Дядя (брат отца Иосифа)	С. Миньковцы Дунаевецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Расстрелян с семьей в с. Миньковцы Дунаевецк. р-на Каменец-Под. обл. 30.8.1941 г.
7	Мизюк *(дев. Групман)* --, ≈ 25 лет	Тётя (сестра отца Иосифа)	Г. Каменец-Подольский УССР	Убита фашистами в г. Каменец-Подол Укр. в июле 1941 г. в 25 лет

Погибшие родные и близкие **Цимберг Марии**. Воспоминания **№ 12**.

1	Бреннер Мордехай Пинхасович, 1879	Дядя (брат отца Марии)	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погиб 4 июля 1941 г. при 1-м расстреле евреев в Шепетов. гетто в 62 года
2	Бреннер *(дев. Зингер)* Розалия Матвеевна, 1885	Тетя (жена Мордехая – брата отца)	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погибла 4 июля 1941 г. при 1-м расстреле в Шепетовск. гетто в 59 лет
3	Бреннер *(дев. Бурак)* Софья (Соня), 1911	Жена Григория, двоюр. брата Марии	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погибла в конце авг. 1941 г. при ликвидации Шепетовск. гетто в 30 лет
4	Бреннер Борис Григорьевич, февр. 1940	Сын Григория, двоюрод. брата Марии	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погиб в конце авг. 1941 г. при 2-м расстреле в Шепетовск. гетто в 1 год и 8 мес.
5	Бреннер Яков Григорьевич, 1936	Сын Григория, двоюрод. брата Марии	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погиб в конце авг. 1941 г. при ликвидации Шепетовск. гетто в 5 лет
6	Бурак Мика Аронович, 1930	Сосед Марии	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погиб в конце авг. 1941 г. при ликвидации Шепетовск. гетто в 11 лет
7	Бурак Марк Моисеевич, 1930	Племянник Марии	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погиб в конце авг. 1941 г. при ликвидации Шепетовск. гетто в 11 лет
8	Кучер Суня (Цуня) Иосифович, 14 июня 1941	Сын Розы Кучер, подруги Марии	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погиб в конце авг. 1941 года при 2-м расстреле в Шепетовск. гетто в возрасте 2 мес.
9	Пак *(дев. Швальб)* Хава, 1890	Мать Розы Кучер, подруги Марии	Гор. Шепетовка, Каменец-Подол. обл. УССР	Погибла в конце авг. 1941 г. при ликвидации Шепетовск. гетто в возрасте 51 года

Погибшие родные и близкие **Гарбуз Доры**. Воспоминания **№ 13.**

1	Швец Исрул-Лейб (Израиль), 1888	Отец Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убит в г. Умань Черкасск. обл. в 3-й акции по уничтож-ю евреев в апр. 1942 г.
2	Швец *(дев. Штракс)* Инда-Лея, дочь Нухима, 1901	Мать Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань Черкасск. обл. УССР в 3-й акции по уничтож-ю евреев в апр. 1942 г. в 41 год

3	Швец Ицик, сын Израиля, 1923	Брат Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	В апр. 1942 г. убит в Кузьминск. концлагере в 1942 г. в 19 лет
4	Швец Рахиль, дочь Израиля, 1925	Сестра Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита при ликвидации Уманск. гетто в конце 1942 г. в 17 лет
5	Швец Натан (Шайка), сын Израиля, 1927	Брат Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убит в гетто с. Терновка Вин. обл. в акции по уничт-ю евреев летом 1942 г. в 14 лет
6	Швец Мила, дочь Израиля, 1931	Сестра Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань в 3-й акции по уничтож-ю евреев в апр. 1942 г.
7	Швец Хава, дочь Израиля, 1936	Сестра Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань в 3-й акции по уничтож-ю евреев в апр. 1942 г.
8	Швец Нухэмл, сын Израиля, 1937	Брат Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убит в г. Умань в 3-й акции по уничтож-ю евреев в апр. 1942 г. в 4 года
9	Швец -- (девочка, имя не дали), дочь Израиля, апр. 1942	Сестра Доры (2-дневн. младенец)	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань в 3-й акции по уничтож-ю евреев в апр. 1942 г.
10	Нумберг *(дев. Швец)* Бетя, 1905	Двоюр. сестра Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань 8 октября 1941 г. во 2-й акции по уничтож-ю евреев в 36 лет
11	Нумберг Хаим, 1894	Муж двоюродн. сестры Доры	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убит в г. Умань 8 октября 1941 г. во 2-й акции по уничтож-ю евреев в 47 лет
12	Нумберг Дора, дочь Хаима, 1918	Дочь Хаима и Бети	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань 8 октября 1941 г. во 2-й акции по уничтож-ю евреев в 23 года
13	Нумберг Нина, дочь Хаима, 1929	Дочь Хаима и Бети	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань 8 октября 1941 г. во 2-й акции по уничтож-ю евреев в 12 лет
14	Нумберг Нюся (Нысл), сын Хаима, 1932	Сын Хаима и Бети	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убит в г. Умань 8.10. 41 г. во 2-й акции по уничт-ю евреев в 9 лет
15	Нумберг Изя, сын Хаима, 1936	Сын Хаима и Бети	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убит в г. Умань 8 октября 1941 г. во 2-й акции по уничт-ю евреев в 5 лет

16	Криворучко Гершл Аронович, 1890	Отец Мани (Дориной тети)	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убит в г. Умань 27 сентября 1941 г. в 1-й акции по уничтож-ю евреев в 51 год
17	Криворучко Двойра, 1895	Мать Мани (Дориной тети)	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань 8 октября 1941 г. во 2-й акции по уничтож-ю евреев в 46 лет
18	Криворучко Сура, 1859	Бабушка Мани (Дориной тети)	Гор. Умань Черкасск. обл. УССР	Убита в г. Умань 8 октября 1941 г. во 2-й акции по уничтож-ю евреев в 82 года
19	Шаевич Геня, ≈ 71-73 года	Бабушка С. Гарбуза, мужа Доры	Гор. Харьков УССР	Расстреляна в Дробицком Яре (Харьков) в дек. 1941 г. в 72 года
20	Гарбуз Роза, 1870	Бабушка С. Гарбуза, мужа Доры	Гор. Харьков УССР	Расстреляна в Дробицк. Яре (Харьков) в дек. 1941 г. в 71 год
21	Гарбуз Ида, 1905	Тётя С. Гарбуза, мужа Доры	Гор. Харьков УССР	Расстреляна в Дробицк. Яре (Харьков) в дек. 1941 г. в 36 лет

Погибшие родные и близкие **Бирмана Якова**. Воспоминания **№ 14.**

1	Розберг Герш Зейликович, 1885	Дедушка со стороны матери Якова	С. Костешты Рышканск. р-на Бессарабии	Умер в гетто с. Балановка Винницк. обл. УССР в 1942 г. в 57 лет
2	Розберг Туба Михайловна, 1890	Бабушка со стороны матери Якова	С. Костешты Рышканск. р-на Бессарабии	Умерла в гетто с. Балановка Винницк. обл. УССР в 1942 г. в 52 года
3	Бирман Михаил Ильич, 1908	Отец Бирмана Якова	С. Бутешты Глодянск. р-на Бессарабии	Умер в гетто с. Балановка Винницк. обл. УССР в 1943 г. в 35 лет
4	Бирман *(дев. Розберг)* Роза Гершковна, 1908	Мать Бирмана Якова	С. Бутешты Глодянск. р-на Бессарабии	Умерла в гетто с. Балановка Винницк. обл. УССР в 1943 г. в 35 лет
5	Бирман Зинаида Михайловна, 1931	Сестра Бирмана Якова	С. Бутешты Глодянск. р-на Бессарабии	Умерла в гетто с. Балановка Винницк. обл. УССР в 1943 г. в 12 лет
6	Бирбрегер Авигдор (Виктор), ≈ 1907	Дядя (муж маминой сестры Мани)	С. Бутешты Глодянск. р-на Бессарабии	Застрелен немцами в гетто с. Балановка Вин. обл. УССР в 1943 г. в 36 лет

Погибшие родные и близкие **Вайнштейна Анатолия и Ольги**. Воспоминания **№ 15**.

1	Вайнштейн Моисей, --	Отец Анатолия и Ольги	С. Клишковцы Хотинск. р-на Черновицк. обл. УССР	Умер от тифа в гетто в с. Яруга Винницкой обл. зимой 1941 года

Погибшие родные и близкие **Шамир Клары**. Воспоминания **№ 16**.

1	Коверман Шмариягу (Шмаер) Срулевич, 1900	Отец Клары	С. Владычна Хотинск. р-на Черновицк. обл. Укр.	Умер после зверских побоев в янв. 1944 г. в гетто Балки Барск. р-на Вин. обл. в 43 года
2	Коверман Авраам, 1865	Дедушка со стороны отца Клары	С. Клишковцы Хотин. р-на Черновицк. обл. Укр.	Умер осенью 1941 г. по дороге при депортации евреев с. Клишковцы в Транснистрию в 76 лет
3	Коверман Хайка, 1875	Бабушка со стороны отца Клары	С. Клишковцы Хотин. р-на Черновицк. обл. Укр.	Умерла осенью 1941 г. по дороге при депортации евреев с. Клишковцы в Транснистрию в 66 лет
4	Коверман Абрам Срулевич, 1895	Дядя Клары (папин брат)	С. Клишковцы Хотин. р-на Черновицк. обл. Укр.	Умер осенью 1941 г. по дороге при депортации евреев с. Клишковцы в Транснистрию в 46 лет
5	Шатхин Элиягу, 1862	Дедушка со стороны матери Клары	С. Владычна Хотинск. р-на Черновицк. обл. Укр.	Умер от сыпного тифа в 1942-нач. 1943 г. в гетто Балки Барск. р-на Вин. обл. в 80 лет
6	Шатхин Рахель, 1872	Бабушка со стороны матери Клары	С. Владычна Хотинск. р-на Черновицк. обл. Укр.	Умерла от сыпного тифа в 1942-нач. 1943 г. в гетто Балки Барск. р-на Вин. обл. в 70 лет
7	Шатхин Либа (Люба), дочь Элиягу, 1911	Тетя (мамина сестра)	С. Владычна Хотинск. р-на Черновицк. обл. Укр.	Умерла от сыпного тифа в 1942-нач. 1943 г. в гетто Балки Барск. р-на Винницк. обл. в 31 год

Погибшие родные и близкие **Крайза Арона**. Воспоминания **№ 17**.

1	Крайз Янкель Лейзерович, 1914	Отец Арона	С. Липканы (до 1940 – Румыния)	Умер от голода и болезни в Бершадск. гетто в нач. 1942 г. в 30 лет
2	Крайз Сара Янкелевна, 1940	Сестра Арона	С. Липканы (до 1940 – Румыния)	Умерла при депортации из Липкан в Транснистрию в сент.-окт. 1941 г. в 1 год

3	Крайз Лейзер Янкелевич, 1935	Брат Арона	С. Липканы (до 1940 – Румыния)	Умер при депортации из Липкан в Транснистрию в сент.-окт. 1941 г. в 6 лет
4	Крайз Аврум Янкелевич, 1937	Брат Арона	С. Липканы (до 1940 – Румыния)	Умер при депортации из Липкан в Транснистрию в сент.-окт. 1941 г. в 4 года

Погибшие родные и близкие **Крутоной Лизы**. Воспоминания **№ 18.**

1	Лумер Лейка, дочь Моше, 1909	Тётя (двоюродн. сестра отца Лизы)	Гор. Бершадь Винницк. обл. УССР	Расстреляна фашистами в Бершадск. гетто в конце 1943-нач. 44 г. за помощь партизанам в 34 года

Погибшие родные **Крутоного Ефима и Зельдин Раисы**. Воспоминания **№ 19**.

1	Крутоной Велвл (Волька) Зельманович, 1901	Дядя (папин брат)	Г. Бершадь Винницк. обл. УССР	Расстрелян 11 февраля 1944 г. в Бершадском гетто за помощь партизанам в 43 года
2	Куперман Берл (Борис) Борисович, 1896	Дядя (муж папиной сестры Ривы)	Г. Бершадь Винницк. обл. УССР	Расстрелян 5 мар. 1944 г. в Бершад. гетто за помощь партизанам в 46 лет
3	Куперман Григорий Борисович, 1921	Двоюр. брат (сын папин. сестры Ривы)	Г. Бершадь Винницк. обл. УССР	Расстрелян 5 мар. 1944 г. в Бершад. гетто за помощь партизанам в 23 года

Погибшие родные и близкие **Ленковского Бориса**. Воспоминания **№ 20**.

1	Мейклер Мендл, ≈ 81 год, (1860)	Дедушка (отец матери Бориса)	С. Костичены, Бессарабия	Расстрелян и брошен в р. Прут в с. Костичены в июле 1941 г. в 81 год рум. фашистами
2	Вайсберг Янкель, ≈ 80 лет, (1861)	Шурин дедушки Мендла (брат жены)	С. Костичены, Бессарабия	Застрелен в с. Костичены в июле 1941 г. в 80 лет при оккуп. села румынами
3	Мейклер Шимон, сын Мендла, ≈ 35 лет, (1906)	Дядя (брат матери Бориса)	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Расстрелян с семьёй в г. Новоселица в июле 1941 г. в 35 лет при оккуп. города рум. фашистами
4	Мейклер Браха, ≈ 31 год, (1910)	Жена дяди Мейклера Шимона	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Расстреляна румынами с семьёй в г. Новоселица в июле 1941 г. в 31 год

5	Мейклер --, сын Шимона, мальчик 3-5 лет	Сын дяди Мейклера Шимона	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Расстрелян с семьёй в г. Новоселица в июле 1941 г. в 3-5 лет рум. фашистами
6	Мейклер --, дочь Шимона, девочка 2-3 лет	Дочь дяди Мейклера Шимона	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Расстреляна с семьёй в г. Новоселица в июле 1941 г. в 2-3 года румынами
7	Ленковский Шая, ≈ 1890 (51 год)	Дядя (брат отца Бориса)	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Расстрелян с женой в г. Новоселица в июле 1941 г. в 51 год рум. фашистами
8	Ленковская Сура, ≈ 1894 (47 лет)	Жена дяди Ленковского Шая	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Расстреляна с мужем в г. Новоселица в июле 1941 г. в 47 лет при оккупации города рум. фашистами
9	Ленковский Мордхэ (Мордехай), сын Шая, ≈ 13-14 лет	Сын Шая и Суры Ленковских	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Умер от истощения в с. Ободовка Укр. ССР осенью 1941 г. в 13-14 лет при движении колонны из Бессарабии в Бершадь
10	Ленковская Дина, дочь Шая, ≈ 15-16 лет	Дочь Шая и Суры Ленковских	Гор. Новоселица Черновицк. обл. УССР	Отстала от колонны осенью 1941 г.по пути из Бессарабии в Бершадь и пропала в 15-16 лет
11	Лазарович Йосик, сын Сами, 1938	Сын Аделы Лазарович, мамин. сестры	С. Костичены, Бессарабия	Умер от болезни осенью 1941 г. в 3 года по пути в Бершадское гетто
12	Лазарович --, имя не дали, дочь Сами, осень 1941	Дочь Аделы Лазарович, мамин. сестры	Родилась по пути в гетто гор. Бершадь	Умерла осенью 1941 г. по пути в Бершадское гетто в возр. нескольких дней
13	Кижнер Герш-Цви Иосифович, 3-4 месяца	Сын Хоны Кижнер, мамин. сестры	С. Костичены, Бессарабия	Умер от истощения осенью 1941 г. по пути колонны в Бершадь
14	Кижнер Эстер Иосифовна, 8-9 лет	Дочь Хоны Кижнер, мамин. сестры	С. Костичены, Бессарабия	Умерла от истощения осенью 1941 г. по пути колонны в Бершадь
15	Кижнер Фейга Иосифовна, 4-5 лет	Дочь Хоны Кижнер, мамин. сестры	С. Костичены, Бессарабия	Умерла от болезни в 1941 г. в период пребывания в Бершадск. гетто

Погибшие родные и близкие **Поляка Эрша**. Воспоминания **№ 22.**

1	Поляк Лея, 1866	Бабушка со стороны отца Эрша	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Умерла в сентябре 1941 г. по пути в Бершадское гетто в 75 лет
2	Поляк Иосиф Менделевич, 1893	Отец Эрша	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Умер от голода в апреле 1942 г. в Бершадском гетто в 48 лет
3	Поляк Мендл Иосифович, 1917	Брат Эрша	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Застрелен румынами в авг.-сент. 1941 г. по дороге из Ямполя в Транснистрию в 24 года
4	Поляк --, 1919	Тётя (жена брата Мендла Поляка)	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Умерла в авг.-сент. 1941 г. по дороге из Ямполя в Транснистрию в 22 года
5	Поляк Исер Иосифович, 1919	Брат Эрша	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Изошёл кровью и умер без лечения в янв. 1942 г. в Бершад. гетто в 22 года
6	Поляк Мойше Иосифович, 1921	Брат Эрша	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Расстрелян немцами в конце 1943 г. по оконч-и работы на воен. заводе в г. Николаеве в 22 года
7	Поляк Сара (Суралэ) Иосифовна, 1923	Сестра Эрша	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Умерла от голода в кон. 1941 г. вместе с дочкой в Бершадск. гетто в 18 лет
8	Поляк --, девочка-младенец, февр. 1941	Племянница (дочь сестры Сары)	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Умерла 8-месячным младенцем от голода в конце 1941 г. с матерью в Берш. гетто
9	Поляк Давид (Дудл) Иосифович, 1928	Брат Эрша	М. Згурица Сорокского уезда Бессарабии	Застрелен румынами в сент. 1941 г. у Косоуцк. леса при депортации в Транснистрию

Погибшие родные и близкие **Ройтман Бети**. Воспоминания **№ 23.**

1	Хаилис Герш Замлевич, 1890	Отец Бети	Гор. Бельцы, Молдавия	Пропал без вести с сыном Зисей на оккупиров. террит-и Молд. в июне 1941 г.
2	Хаилис Зися Гершевич, 1924	Брат Бети	Гор. Бельцы, Молдавия	Пропал без вести с отцом на оккупирован. террит-и Молд. в июне 1941 г.

3	Хаилис *(дев. Ратнер)* Эстер Зисовна, 1895	Мать Бети	Гор. Бельцы, Молдавия	Умерла в гетто пос. Бершадь в ноябре-декабре 1941 г. от истощения
4	Ратнер Айзик Зисович, ≈ 1889	Дядя Бети (старший мамин брат)	Гор. Сороки, Молдавия	Умер в гетто с. Пятковка Винницк. обл. в октябре 1941 г. от истощения
5	Ратнер Бася, дочь Айзика, ≈ 1934	Племянница Бети (дочь мамин. брата Айзика)	Гор. Сороки, Молдавия	Умерла в гетто с. Пятковка Винницк. обл. в окт. 1941 года от истощения в возр. 6-7 лет
6	Ратнер Нисель Зисович, ≈ 1900	Дядя Бети (младший мамин брат)	Гор. Сороки, Молдавия	Умер в гетто с. Пятковка Винницк. обл. в октябре 1941 года от истощения
7	Ратнер Геня, дочь Ниселя, ≈ 1930	Племянница Бети (дочь мамин. брата Ниселя)	Гор. Сороки, Молдавия	Умерла в гетто с. Пятковка Винницк. обл. в окт. 1941 г. от истощения в 11-12 лет
8	Ратнер Зися, сын Ниселя, ≈ 1937	Плем-к Бети (сын мамин. брата Ниселя)	Гор. Сороки, Молдавия	Умер в гетто с. Пятковка Винницк. обл. в окт. 1941 г. от истощения в 4-5 лет
9	Ратнер Шейндл, дочь Ниселя, ≈ 1939	Племянница Бети (дочь мамин. брата Ниселя)	Гор. Сороки, Молдавия	Умерла в гетто с. Пятковка Винницк. обл. в окт. 1941 г. от истощения в возрасте 2 лет
10	-- --, женщина, ≈ 23 года	Сестра Рузи, двоюродн. сестры Бети	Гор. Сороки, Молдавия	Изнасилована и застрелена немцами в г. Сороки в нач. июля 1941 г.
11	-- *(дев. фам. Хаилис)* Хайка, --	Тётя Бети (сестра отца Герша)	Гор. Оргеев, Молдавия	Умерла в гетто с. Чечельник Вин. обл. осенью 1941 г. от издевательств
12	-- --, --	Дядя Бети (муж родн. сестры отца)	Гор. Оргеев, Молдавия	Умер по дороге в гетто с. Чечельник Вин. обл. осенью 1941 г. от истощения
13	-- -- *(дев. фам. матери Ратнер)*, мальчик-младенец, июль 1941	Сын Эни, двоюродн. сестры Бети	Гор. Сороки, Молдавия	Умер 3-месячным младенцем от голода в лагере с. Вертюжаны (Молд.) осенью 1941 г.

Погибшие родные и близкие **Фишман Жозефины**. Воспоминания **№ 24**.

1	Дорман *(дев. Вагнер)* Берта, дочь Кальмана, 25 декабря 1900	Мать Жозефины	Г. Бухарест, с авг. 1940 – г. Черновицы УССР	Умерла от тифа в гетто в г. Бершадь Винницк. обл. УССР 3 февр. 1942 г. в 41 год
2	Вагнер Арон, сын Кальмана, 23 апреля 1895	Дядя (брат матери Берты)	Г. Кэлэрашь (Румыния), после г. Париж (Франция)	Из Парижа (лагерь Дранси) 20 мая 1944 г. депортирован транспортом 74 в к/л Освенцим (Польша), где погиб в 49 лет
3	Вагнер Фред, сын Кальмана, 5 июля 1902	Дядя (брат матери Берты)	Г. Кэлэрашь (Румыния), после г. Париж (Франция)	Из Парижа (лаг. Дранси) 30 мая 1944 г. депортирован транспортом 75 в к/л Освенцим (Польша), погиб в 42 года
4	Фишман Мойше, 1886	Отец мужа Анчела Фишмана	С. Зарожаны Хотинск. р-на (Бессарабия)	Расстрелян осенью 1941 г. при депортации из Бессарабии в Транснистрию среди тех, кто не мог идти, в 55 лет
5	Фишман Ента, 1887	Мать мужа Анчела Фишмана	С. Зарожаны Хотинск. р-на (Бессарабия)	Расстреляна осенью 1941 г. по дороге из Бессар-и в Транснистрию среди тех, кто не мог идти, в 54 года

Погибшие родные и близкие **Цаповецкой Галины**. Воспоминания **№ 25**.

1	Коренблит *(дев. Нусинович)* Хайка, 1869	Бабушка со стороны отца Галины	С. Думбрэвень Сорокск. уезда, Румыния	Убита румынами среди пожилых людей в окт. 1941 г. в с. Косоуцы в 78 лет при депортации на Украину
2	Коренблит Залман (Минька) Хаимович, 1897	Дядя (папин брат)	С. Думбрэвень Сорокск. уезда, Румыния	Погиб от голода и болезни в 1942 г. в Бершадск. гетто в 45 лет с дочкой
3	Коренблит Шейндл (отец Залман), 1932	Двоюродн. сестра (дочь папиного брата)	С. Думбрэвень Сорокск. уезда, Румыния	Погибла от голода и болезни в 1942 г. в Бершадском гетто в 7 лет
4	Коренблит Лейб Хаимович, 1899	Дядя (папин брат)	С. Думбрэвень Сорокск. уезда, Румыния	При депортации расстрелян румынами в нояб. 1941 г. по пути в г. Рыбницу в 42 года с женой

5	Коренблит *(дев. Зак)* Соня, 1910	Тетя (жена папин. брата Лейба)	С. Думбрэвень Сорокск. уезда, Румыния	При депортации расстреляна румынами в нояб. 1941 г. по пути в г. Рыбницу в 31 год с мужем
6	Шмуклер Мордехай, сын Беньямина, 1907	Муж папин. сестры Поли	С. Думбрэвень Сорокск. уезда, Румыния	При депортации умер от голода осенью 1941 г. по дороге в Бершадск. гетто в 34 года
7	Коренблит *(дев. Карлат)* Бася, ≈ 1900	Мать Галины	С. Думбрэвень Сорокск. уезда, Румыния	Умерла от тяжёлой болезни весной 1944 г. сразу после освобождения из Бершадского гетто

Погибшие родные и близкие **Карлика Симхи**. Воспоминания **№ 26**.

1	Карлик Лейб, сын Аврума, ≈ 70 лет	Дедушка со стороны отца Симхи	М. Секуряны (Бессарабия), с июня 1940 - УССР	В сент. 1941 г. в Косоуцком лесу (Молд.) скончался при депортации в Транснистрию в 70 лет
2	Карлик Эйнах Янкелевич, 1934	Двоюродн. брат (сын дяди Янкеля Карлика)	М. Секуряны (Бессарабия), с июня 1940 - УССР	Осенью 1941 г. в гетто в с. Устье Бершадского р-на Вин. обл. был задушен немцами вместе с сестрой в 7 лет
3	Карлик Хава Янкелевна, 1935	Двоюродн. сестра (дочь дяди Янкеля Карлика)	М. Секуряны (Бессарабия), с июня 1940 - УССР	Осенью 1941 г. в гетто с. Устье Бершадск. р-на Вин. обл. задушена немцами вместе с братом в 6 лет
4	Карлик Сима, дочь Аврума, 1927	Двоюродн. сестра (дочь дяди Аврума)	М. Секуряны (Бессарабия), с июня 1940 - УССР	Умерла в 1942 г. в гетто в гор. Могилёве-Подольском Вин. обл. в 15 лет
5	Розенфельд Фейга, ≈ 55-56 лет	Бабушка со стороны матери	С. Романкауцы (Бессарабия), с июня 1940 - УССР	Умерла от тифа в февр. 1942 г. в гетто в с. Верховка Вин. обл. в 56 лет
6	Трач Мойше, --	Дядя (муж тети Брухи, папин. сестры)	М. Секуряны (Бессарабия), с июня 1940 - УССР	Погиб на принудит. работе (задавлен стеной) в 1942 г. в гетто с. Верховка Вин. обл.
7	Розенфельд Эрш (Гриша), сын Зейды, ≈ 1898	Дядя (брат матери Симхи)	Гор. Черновицы (УССР)	Погиб в период Шоа в одном из гетто Винницк. обл. с семьёй

8	Розенфельд --, ≈ 1907	Тётя (жена Эрша, брата матери)	Гор. Черновицы (УССР)	Погибла в период Шоа в одном из гетто Винниц. обл. с семьёй
9	Розенфельд Дина, дочь Эрша, ≈ 1923-24	Двоюр. сестра (дочь Эрша, брата матери)	Гор. Черновицы (УССР)	Погибла в период Шоа в одном из гетто Винницк. обл. с семьёй
10	Креймер *(дев. Розенфельд)* Роза, дочь Зейды, 1902	Тётя (сестра матери Симхи)	Гор. Бричаны (Молдавия)	Погибла с семьёй в июне 1941 г. при попытке бежать из гор. Бричаны
11	Креймер Хаим, ≈ 1898	Дядя (муж Розы, маминой сестры)	Гор. Бричаны (Молдавия)	Погиб в июне 1941 г. с семьёй при попытке бежать из г. Бричаны

Погибшие родные и близкие **Спектор Фиры**. Воспоминания **№ 27.**

1	Горбатый Нахум Давидович, 1896	Отец Фиры	С. Горышковка Томашпольск. р-на Вин. обл.	Летом 1941 г. в Кировоградск. лагере заживо сожжен немцами в известков. шахте в 45 лет
2	-- Хозкель, ≈ 1915	Муж папин. сестры Рухл Горбатой	С. Горышковка Томашпольск. р-на Вин. обл.	Летом 1941 г. в Кировоградском лагере заживо сожжен немцами в известковой шахте
3	-- *(дев. фам. Горбатая)* Эня Давидовна, ≈ 30-32 лет	Тётя (папина сестра) Фиры	Г. Херсон УССР	В Херсоне убита немцами и брошена в колодец во время акции в период Шоа
4	-- *(дев. фам. матери Горбатая)* Рухалэ, дочь Берла, ребенок-девочка	Дочь папиной сестры Эни	Г. Херсон УССР	В Херсоне убита немцами и брошена в колодец во время акции в период Шоа
5	-- *(дев. матери Горбатая)* --, сын Берла, ребенок-мальчик	Близнец папиной сестры Эни	Г. Херсон УССР	В Херсоне убит немцами и брошен в колодец во время акции в период Шоа
6	-- *(дев. матери Горбатая)* --, сын Берла, ребенок-мальчик	2-й близнец папиной сестры Эни	Г. Херсон УССР	В Херсоне убит немцами и брошен в колодец во время акции в период Шоа

7	Шамес Мотл Гершкович, 1901	Дядя (мамин брат) Эстер	С. Горышковка Томашпольск. р-на Вин. обл.	Летом 1941 г. умер в Кировоградск. лагере для пленных от непосильного труда
8	Шамес Ицик Гершкович, ≈ 1913	Дядя (мамин брат) Эстер	С. Горышковка Томашпол. р-на Вин. обл.	Летом 1941 г. в Кировоградском лагере заживо сожжен немцами в известковой шахте
9	Шмойсман *(дев. Шамес)* Эся Гершковна, 1901	Тетя (мамина сестра) Эстер	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл.	27 июля 1941 г. в карательной акции в с. Жабокрич Крыжопольск. р-на Винниц. обл. расстреляна в подвале с дочерью
10	Шмойсман Вэля (Валя), 8 лет	Двоюродн. сестра Эстер (дочь мамин. сестры Эси)	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл.	27 июля 1941 г. в карательной акции в с. Жабокрич Крыжопол. р-на расстреляна в подвале с матерью

Погибшие родные и близкие **Гершкович Яны**. Воспоминания **№ 28.**

1	Портная Этл, 1887	Бабушка (мать отца Яны)	С. Дзыговка Ямпол. р-на Вин. обл. УССР	Умерла в ноябре 1942 г. в 55 лет от тифа в Дзыговском гетто
2	Портной Миля Фриделевич, 1936	Младший брат Яны	С. Дзыговка Ямпол. р-на Вин. обл. УССР	Умер 1 ноября 1942 г. от менингита в Дзыговском гетто в 6 лет

Погибшие родные и близкие **Фидельман Анны**. Воспоминания **№ 29.**

1	Ройтман Ицхок, 1880	Отец Анны	С. Великая Косница Ямпол. р-на Винницк. обл.	Умер в концлаг. в с. Черепановка Крыжопол. р-на в ноябре 1943 г. от дистрофии в 63 года
2	Ройтман *(дев. Мавергус)* Эня, 1909	Жена брата Зися Ройтмана	С. Великая Косница Ямпол. р-на Винницк. обл.	Умерла в концлаг. в с. Черепановка Крыжопольск. р-на в окт. 1943 г. от голода в 34 года
3	Ройтман Нюся, дочь Зися, 1933	Дочь Зися и Эни	С. Великая Косница Ямпол. р-на Винницк. обл.	Умерла в концлагере в с. Печёра в 1941 г. от голода и холода в 8 лет
4	Ройтман Рая, дочь Зися, 1935	Дочь Зися и Эни	С. Великая Косница Ямпол. р-на Винницк. обл.	Умерла в концлаг. в с. Черепановка Крыжопольского р-на в 1943 г. от голода и холода в 8 лет

5	Ройтман Боря, сын Зися, 1939	Сын Зися и Эни	С. Великая Косница Ямпол. р-на Винницк. обл.	Умер в лагере в с. Печёра в 1941 г. от голода и холода в 2 года
6	Ланда Миша (Моисей), 1912	Сводный брат по матери	Гор. Тульчин Винницк. обл.	Расстрелян в Тульчине за побег из лагеря Печёра в 1941 г. в 29 лет
7	Ланда Неля Михайловна, 1936	Дочь брата Миши и Доры Ланда	Гор. Тульчин Винницк. обл.	Умерла в лагере в с. Печёра в 1941 г. от голода и холода в 5 лет
8	Ланда Женя Михайловна, 1938	Дочь брата Миши и Доры Ланда	Гор. Тульчин Винницк. обл.	Умерла в лагере в с. Печёра в 1941 г. от голода и холода в 3 года
9	Гриншпун Шлойма, --	Отец Доры Ланда, Мишиной жены	Гор. Тульчин Винницк. обл.	Умер в концлагере в с. Печёра в 1942 г.
10	Гриншпун Сурка, --	Мать Доры Ланда, Мишиной жены	Гор. Тульчин Винницк. обл.	Умерла в концлагере в с. Печёра в 1942 г.
11	Гриншпун Клара, дочь Шлоймы, --	Сестра Доры Ланда, Мишиной жены	Гор. Тульчин Винницк. обл.	Умерла в концлагере в с. Печёра в 1942 г.
12	Фидельман *(дев. Ландман)* Голда, 1881	Мать Григория, мужа Анны	С. Штефанешты Хотинск. уезда Бессарабии	Погибла в 1942 году в Бершадск. гетто в 60 лет
13	Фидельман Мордехай-Мотл, 1881	Отец Григория, мужа Анны	С. Штефанешты Хотинск. уезда Бессарабии	Погиб в 1942 году в Бершадск. гетто в 60 лет

Погибшие родные и близкие **Бронштейн Златы**. Воспоминания **№ 30**.

1	Безверхний Аврум-Зейдл, 1853	Дедушка со стороны матери Златы	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погиб в 1942 г. в 89 лет в лагере в с. Рогозна Тывровск. р-на Вин. обл.
2	Безверхняя Молка, 1855	Бабушка со стороны матери Златы	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погибла в 1943 г. в 87 лет в лагере в с. Печёра с семьёй сына Ицхака
3	Безверхний Ицхак Аврумович, 1890	Дядя (брат матери Златы)	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погиб в 1943 г. в 53 года в лагере в с. Печёра Вин. обл. УССР с семьёй

4	Безверхняя Бейла, 1892	Тётя (жена мамин. брата Ицхака)	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погибла в 1943 г. в 51 год в лагере в с. Печёра Вин. обл. УССР с семьёй
5	Мостун *(дев. Безверхняя)* Рахель Аврумовна, 1897	Тётя (сестра матери Златы)	Гор. Харьков, Украина (СССР)	В 1943 г. погибла в г. Харькове УССР от рук немцев в 46 лет
6	Безверхняя Хона, 1914	Двоюродн. сестра Златы (дочь Бейлы)	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погибла в 1943 г. в 29 лет в лаг. в с. Печёра Вин. обл. Укр. с семьёй
7	Вольфензон Рухель, 1887	Тётя (жена папин. брата Дувида)	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погибла в 1943 г. в 56 лет в лагере в с. Печёра Винницк. обл. УССР
8	Вольфензон Дувид, сын Гедальи, 1885	Дядя (папин брат)	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погиб в 1943 г. в 58 лет в лагере в с. Печёра Винницк. обл. УССР
9	Бронштейн Гриша, сын Морчика, 1928	Родной брат мужа Златы	Гор. Шпиков, Украина (СССР)	Погиб в 1942 г. в 14 лет в лагере в с. Печёра Винницк. обл. УССР

Погибшие родные и близкие **Ших Полины**. Воспоминания **№ 32.**

1	Коренфельд -- Борисович, мальчик, 26 дек. 1941	Брат Полины (сын Бориса и Гитл Коренфельд)	М. Джурин Шаргородск. р-на Вин. обл. УССР	Застрелен фашистом в Джуринском гетто Вин. обл. УССР 26 декабря 1941 г. через несколько минут после рождения

Погибшие родные и близкие **Шварцман Зинаиды**. Воспоминания **№ 33.**

1	Брейтман Мендель-Моисей, 1890	Дедушка (отец матери Зинаиды)	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убит румынами в погребе в с. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. в 51 год
2	Брейтман Израиль (Суня) Моисеевич, 1915	Дядя (брат матери Зинаиды)	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убит румынами в поле в с. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр. в 26 лет
3	Брейтман Таня, 1916	Тетя (жена дядя Суни)	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убита румынами в погребе в с. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр. в 25 лет

4	Брейтман --, ребенок, (отец Суня), -- (*пол неизвестен*)	Ребенок Суни и Тани	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убит/а румынами в погребе в с. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.
5	Брейтман --, ребенок, (отец Суня), -- (*пол неизвестен*)	Ребенок Суни и Тани	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убит/а румынами в погребе в с. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.
6	Брейтман Маня, 1915	Тетя (жена мамин. брата Семена)	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убита румынами в погребе в с. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр. в 26 лет
7	Брейтман Елизавета Семеновна, 1932	Двоюродн. сестра (дочь Семена и Мани)	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убита румынами в погребе в с. Жабокрич Крыжопол. р-на в 9 лет
8	Брейтман Яков Семенович, 1937	Двоюродн. брат (сын Семена и Мани)	С. Жабокрич Крыжопол. р-на Вин. обл. Укр.	27 июля 1941 г. убит румынами в погребе в с. Жабокрич Крыжопол. р-на в 4 года

Погибшие родные и близкие **Бурштейна Семёна**. Воспоминания **№ 34.**

1	Бурштейн Рахиль Боруховна, 1887	Мать Семена Бурштейна	Гор. Жмеринка Винницк. обл. УССР	Умерла от голода, болезни в гетто в гор. Жмеринка Вин. обл. 3 янв. 1942 г. в 55 лет

Погибшие родные и близкие **Либермана Владимира**. Воспоминания **№ 35**.

1	Либерман Янкель Хаимович, 1898	Отец Владимира	Гор. Жмеринка Винниц. обл. УССР	13 марта 1944 г. был расстрелян немцами в гетто в Жмеринке в 46 лет
2	Либерман *(дев. Цукерман)* Лиза Янкелевна, 1902	Мать Владимира	Гор. Жмеринка Винниц. обл. УССР	Погибла 20 мая 1944 г. при немецкой бомбежке гор. Жмеринка в 42 года
3	Либерман Эстер (Фира) Янкелевна, 1926	Сестра Владимира	Гор. Жмеринка Винниц. обл. УССР	Погибла 20 мая 1944 г. при немецкой бомбежке г. Жмеринка в 18 лет
4	Либерман Рива Янкелевна, 1932	Сестра Владимира	Гор. Жмеринка Винниц. обл. УССР	Погибла 20 мая 1944 г. при немецкой бомбежке г. Жмеринка в 12 лет

5	Либерман Фима Янкелевич, 1939	Брат Владимира	Гор. Жмеринка Винниц. обл. УССР	Погиб 20 мая 1944 г. при немецкой бомбежке г. Жмеринка в 5 лет

Погибшие родные и близкие **Май Тубы**. Воспоминания **№ 36.**

1	Резник Моисей, ≈ 1873	Дедушка со стороны мамы Тубы	С. Калиновка Калиновск. р-на Винницк. обл.	Расстрелян в дек. 1941 г. у с. Калиновка Калиновск. р-на Вин. обл.
2	Резник Рахиль, ≈ 1874	Бабушка со стороны мамы Тубы	С. Калиновка Калиновск. р-на Винницк. обл.	Расстреляна в дек. 1941 г. у с. Калиновка Калиновск. р-на Вин. обл.
3	Лифшиц *(дев. Зильберман)* Ита Яковлевна, 1875	Бабушка со стороны отца Тубы	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Браилов Вин. обл. УССР 12 февр. 1942 г. в 67 лет
4	Ровнер *(дев. Лифшиц)* Майя, дочь Мордехая, 1897	Тетя (сестра отца Тубы)	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Браилов Вин. обл. УССР 21 апр. 1942 г. в 45 лет
5	Ровнер Шлёма, 1894	Муж Майи (сестры отца)	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Браилов Винницк. обл. УССР 21 апр. 1942 г. в 42 года
6	Ровнер Дора Шлёмовна, 17,5 лет	Племянница (дочь Майи и Шлёмы)	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Браилов Винницк. обл. УССР 21 апр. 1942 г. в 17,5 лет
7	Ровнер Песя Шлёмовна, 16 лет	Племянница (дочь Майи и Шлёмы)	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Браилов Винницк. обл. УССР 21 апр. 1942 г. в 16 лет
8	Лифшиц Айзик, сын Мордехая, 1896	Дядя (брат отца Тубы)	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Браилов Винницк. обл. УССР 9 февр. 1942 г. в 46 лет
9	Лифшиц Двора, дочь Исаака, 1898	Жена Айзика (дяди Тубы)	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Браилов Винницк. обл. УССР 9 февр. 1942 г. в 44 года
10	Лифшиц Мордехай, сын Айзика, 17 лет	Племянник (сын Айзика и Дворы)	С. Браилов Жмеринск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Браилов Винницк. обл. УССР 9 февр. 1942 г. в 17 лет

Погибшие родные и близкие **Василевской Любы**. Воспоминания **№ 38**.

1	Хмельницкий Ирман, 1895	Дядя (сводный брат Любиной мамы)	Г. Ильинцы Винницкой обл. УССР	Расстрелян немецкими фашистами в начале оккупации г. Ильинцы в июне 1941 г. в 46 лет
2	Хмельницкая Генендя, 1895	Тетя (жена дяди Ирмана)	Г. Ильинцы Винницкой обл. УССР	Расстреляна нем. фашистами в начале оккуп-и г. Ильинцы в июне 1941 г. в 46 лет
3	-- *(дев. Хмельницкая)* Бася, дочь Ирмана, ≈ 1914	Дочь дяди Ирмана	Г. Ильинцы Винницкой обл. УССР	Расстреляна нем. фашистами в начале оккуп-и г. Ильинцы в июне 1941 г. в 27 лет
4	Рейнер --, ≈ 1877	Отец Макса Рейнера, мужа Доры, Любиной сестры	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убит немцами при уничтожении евреев на селекцион. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. в 66 лет
5	Рейнер Цирл, ≈ 1880	Мать Макса Рейнера, мужа Доры, Любиной сестры	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убита немцами при уничтожении евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. в 63 года
6	Рейнер Рахмиль, 1914	Брат Макса Рейнера, мужа Доры, Любиной сестры	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убит немцами при уничтожении евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. в 29 лет
7	Рейнер Молка, 1918	Жена Рахмиля Рейнера	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убита немцами при уничтожении евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. в 25 лет
8	Рейнер Изя, сын Рахмиля, -- (ребенок)	Сын Рахмиля и Молки Рейнер	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убит немцами при уничтожении евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. с семьей
9	Рейнер --, дочь Рахмиля, -- (ребенок)	Дочь Рахмиля и Молки Рейнер	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убита немцами при уничтожении евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. с семьей
10	-- (*дев. Рейнер*) Дорча, 1900	Сестра Макса Рейнера, мужа Доры, Любиной сестры	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убита немцами при уничтож-и евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. в 43 года

11	-- *(фам. неизв.)* Сендер, 1897	Муж Дорчи, сестры Макса Рейнера	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убит немцами при уничт-и евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. в возрасте 46 лет
12	-- *(фам. неизв.)* Рузя, дочь Сендера, -- (ребенок)	Дочь Дорчи и Сендера	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убита немцами при уничтожении евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. с семьей
13	-- *(фам., имя неизв.),* дочь Сендера, -- (ребенок)	Дочь Дорчи и Сендера	Польша, после 1939 г. - г. Ильинцы Вин. обл. УССР	Убита немцами при уничтожении евреев на селекц. станции г. Ильинцы зимой 1943 г. с семьей

Погибшие родные и близкие **Ройзман Татьяны**. Воспоминания **№ 39.**

1	Зоненшейн Абрам, 1886	Отец Татьяны	С. Беловцы Хотинск. р-на Черновицк. обл.	Умер в гетто с. Каташин Ободовск. р-на Вин. обл. 11 нояб. 1941 г. от тифа в 41 год
2	Зоненшейн Шлойма, ≈ 1890	Дядя, брат отца Татьяны	Гор. Новоселица (Румыния)	Убит румынск. фашистами в г. Новоселицы летом 1941 г. с группой мужчин
3	Зоненшейн Вельвл, 1909	Дядя, брат матери Татьяны	С. Беловцы Хотинск. р-на Черновицк. обл.	Умер в гетто с. Каташин Ободовск. р-на Вин. обл. в февр. 1942 г. в 33 года
4	Зоненшейн Зюня, сын Велвла, 5-6 лет	Племянник (сын дяди Вельвла)	С. Беловцы Хотинск. р-на Черновицк. обл.	Умер в гетто с. Каташин Ободовск. р-на Вин. обл. в янв. 1942 г. в 5-6 лет
5	Ройзман *(дев. Розенброх)* Рикел Ароновна, 1901	Мать Арона Ройзмана, мужа Татьяны	Гор. Новоселица (Румыния)	Умерла от тифа в 1942 г. в концлаг. Крыжановка Хмельницк. р-на Вин. обл. в 41 год
6	Ройзман Крейндел Хаимовна, 1925	Сестра Арона Ройзмана, мужа Татьяны	Гор. Новоселица (Румыния)	Умерла от голода и болезни в 1942 г. в концлаг. Крыжановка Хмельницк. р-на Вин. обл. в 17 лет
7	Розенброх Фейга, 1873	Бабушка по маме Арона Ройзмана, мужа Татьяны	Гор. Новоселица (Румыния)	Расстреляна румынами в окт. 1941 г. при депортации между г. Единцы и г. Атаки в 68 лет

Погибшие родные и близкие **Брумберга Азриэля**. Воспоминания **№ 40.**

1	Брумберг Дина, дочь Аврума, 1897	Мать Азриэля	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Умерла от тифа 20 февр. 1942 г. в гетто с. Карышков Копай-гор. р-на в 45 лет
2	Брумберг Янкель, сын Мордехая, 1890	Дядя (брат отца)	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстрелян немцами с семьей в г. Винница в июле 1941 г. в 51 год
3	Брумберг Сося, 1893	Тетя (жена д. Янкеля)	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстреляна немцами в г. Винница в июле 1941 г. с семьей в 48 лет
4	Брумберг Шломо Янкелевич, 1917	Двоюродн. брат (сын д. Янкеля)	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстрелян немцами в 24 года с семьей в г. Винница в июле 1941 г.
5	Брумберг Йосл Янкелевич, 1927	Двоюродн. брат (сын д. Янкеля)	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстрелян немцами в г. Винница УССР в июле 1941 г. в 14 лет с семьей
6	Брумберг Песя Янкелевна, 1918	Двоюродн. сестра (дочь д. Янкеля)	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстреляна немцами в г. Винница в июле 1941 г. в 23 года с семьей
7	Брумберг Эрш Янкелевич, 1915	Двоюродн. брат (сын дяди Янкеля)	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Замерз насмерть в одном из гетто Вин. обл. зимой 1941-42 гг. в 27 лет
8	Креймер Мошкэ, ≈ 1922-23	Брат Креймера Иосифа. Товарищ Азриэля	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Погиб при попытке бежать из Бричан в июне 1941 г. в возрасте 17 лет
9	Креймер Иосиф, ≈ 1922-23	Брат Креймера Мошкэ. Товарищ Азриэля	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Погиб при попытке бежать из Бричан в июне 1941 г. в возрасте 17 лет
10	Рудман Хаим, ≈ 1922-23	Товарищ Азриэля в 1935-41 гг.	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстрелян в июне-июле 1941 г. в 18 лет в оккупир. немцами г. Дрокия (Мол.)
11	Бернштейн Янкель, сын Йосла, ≈ 1923-24	Товарищ Азриэля в 1935-41 гг.	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстрелян немцами в г. Винница в июле 1941 г. в 18 лет с семьей
12	Бернштейн Шмиль, сын Йосла, 1919	Брат Бернштейна Янкеля	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстрелян немцами в г. Винница в июле 1941 г. в 22 года с семьей

13	Бернштейн Йосл, 1897	Отец Бернштейна Янкеля и Шмиля	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстрелян немцами в г. Винница в июле 1941 г. в 43 года с семьей
14	Бернштейн Ривка, 1900	Мать Бернштейна Янкеля и Шмиля	Гор. Бричаны (Бессарабия)	Расстреляна немцами в г. Винница в июле 1941 г. в 41 год с семьей

Погибшие родные и близкие **Портной Галины**. Воспоминания **№ 41.**

1	Вассерман Гершко Нухимович, 1884	Дедушка Галины со стороны отца	С. Мястковка Крыжопол. р-на Вин. обл. УССР	Расстрелян немецким карател. отрядом в с. Мястковка Крыжопол. р-на 26 июля 1941 г. в 57 лет
2	Портной Абрам Борисович, 1903	Отец Григория Портного, мужа Галины	С. Малая Виска Кировоград. обл. УССР	Убит в 38 лет немцами осенью 1941 г. в с. Малая Виска Кировогр. обл. за участие в подпол. работе против оккупантов

Погибшие родные и близкие **Каплана Гедаля**. Воспоминания **№ 42.**

1	Каплан Хайка, 1887	Мать Гедаля	Г. Копайгород Винницк. обл. УССР	Умерла в гетто Копайгорода Вин. обл. УССР в мае 1942 г.

Погибшие родные и близкие **Кожокару Лоти**. Воспоминания **№ 43.**

1	Гутман Берл, 1876	Дедушка со стороны отца Лоти	Г. Гура-Хуморулуй (Румыния)	Умер в 65 лет от тифа в сер. окт. 1941 г. в поезде по пути в Транснистрию
2	Гутман Берта, 1879	Бабушка со стороны отца Лоти	Г. Гура-Хуморулуй (Румыния)	Умерла в 62 года от тифа в сер. окт. 1941 г. в поезде по пути в Транснистрию
3	Гутман Кальман, сын Берла, 1917	Дядя (брат отца Лоти)	Г. Гура-Хуморулуй (Румыния)	Умер в 24 года от тифа в сер. окт. 1941 г. в поезде по пути в Транснистрию

Погибшие родные **Ривы Файфермахер** и **Месочник Риты**. Воспоминания **№ 44.**

1	Шляк Вольф-Зеэв (Владимир), 1887	Дедушка со стороны матери Месочник Риты	С. Зиньков Виньковецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Утоплен немцами живым в помойной яме в с. Зинькове Виньковецк. р-на Каменец-Подол. обл. летом 1941 г. в 54 года с семьей

2	Шляк Ривка, 1892	Бабушка со стороны матери Месочник Риты	С. Зиньков Виньковецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Утоплена немцами живой в помойной яме в с. Зинькове Виньковецк. р-на Каменец-Под. обл. летом 1941 г. в 49 лет с семьей
3	Шляк Моисей (Михаил) Владимирович, 1924	Дядя (брат матери Месочник Риты)	С. Зиньков Виньковецк. р-на Каменец-Подол. обл. УССР	Утоплен немцами живым в помойной яме в с. Зинькове Виньковецк. р-на Каменец-Под. обл. летом 1941 г. в 17 лет с семьей

Погибшие родные и близкие **Фушмана Аарона**. Воспоминания **№ 45.**

1	Фушман Давид Исаакович, 1894	Отец Аарона	Гор. Хотин (Бессарабия)	Умер в Бершад. гетто от тифа в нояб.-дек. 1941 г. в 47 лет
2	Тепер *(дев. Фушман)* Перл Исааковна, 1900	Тетя (младшая сестра отца Аарона)	Гор. Хотин (Бессарабия)	Умерла при депорт-и в селе Кошаринцы Вин. обл. весной 1942 г. с муж. в 41 год
3	Тепер Мойше, ≈ 1897	Муж младш. сестры отца Аарона	Гор. Хотин (Бессарабия)	Умер при депорт-и в селе Кошаринцы Вин. обл. весной 1942 г. с женой в 44 года
4	Гутенберг Нехама, --	Бабушка со стор. матери Аарона	Гор. Хотин (Бессарабия)	При депорт-и в Транснистрию была убита румынами в Атаках (Молд.) в авг. 1941 г.
5	Рухман *(дев. Гутенберг)* Туба Ароновна, --	Тётя (сестра матери Аарона)	Гор. Хотин (Бессарабия)	Расстреляна осенью 1941 г. в лагере с. Вертюжаны по дороге в Транснистрию
6	Рухман Эли, --	Муж тёти Тубы	Гор. Хотин (Бессарабия)	Расстрелян осенью 1941 г. в лагере с. Вертюжаны по дороге в Транснистрию
7	Рухман --, отец Эли, маленькая девочка	Дочка Тубы и Эли Рухман	Гор. Хотин (Бессарабия)	Расстреляна осенью 1941 г. в лагере с. Вертюжаны по дороге в Транснистрию

Погибшие родные и близкие **Штейнмана Иосифа и Ольги**. Воспоминания **№ 46.**

1	Блехайзен Исаак Нисонович, 1901	Дедушка со стороны отца Ольги	Мест. Бобр Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстрелян немцами 10 октября 1941 г. в м. Бобр Минск. обл. БССР в 40 лет

2	Блехайзен Элька (Ольга) Борисовна, 1903	Бабушка со стороны отца Ольги	Мест. Бобр Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстреляна немцами 10 окт. 1941 г. в м. Бобр Минск. обл. БССР в 38 лет
3	Блехайзен Белла Исааковна, 1922	Тётя (сестра отца Ольги)	Мест. Бобр Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстреляна немцами 10 окт. 1941 г. в м. Бобр Минск. обл. в 19 лет
4	Блехайзен Хая Исааковна, 1924	Тётя (сестра отца Ольги)	Мест. Бобр Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстреляна немцами 10 окт. 1941 г. в м. Бобр Минск. обл. БССР в 17 лет
5	Любкин Иосиф Борисович, 1899	Дедушка со стор. матери Ольги	Мест. Крупки Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстрелян немцами 17 сент. 1941 г. в м. Крупки Минск. обл. в 42 года
6	Любкина Вита Израилевна, 1901	Бабушка со стор. матери Ольги	Мест. Крупки Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстреляна немцами 17 сент. 1941 г. в м. Крупки Минск. обл. в 40 лет
7	Любкина Циля Иосифовна, 1923	Тётя (сестра матери Ольги)	Мест. Крупки Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстреляна немцами 17 сент. 1941 г. в м. Крупки Минск. обл. в 18 лет
8	Любкин Борис Иосифович, 1925	Дядя (брат матери Ольги)	Мест. Крупки Крупск. р-на Минск. обл. Белор. ССР	Расстрелян немцами 17 сент. 1941 г. в м. Крупки Минск. обл. в 16 лет
9	Любкин Лёля Иосифович, 1938	Дядя (брат матери Ольги)	Мест. Крупки Крупск. р-на Минск. обл.	Расстрелян немцами 17 сент. 1941 г. в м. Крупки Минск. обл. в 3 года

Погибшие родные и близкие **Клеймана Шимона и Псахии**. Воспоминания **№ 47.**

1	Клейман Менихэ, дочь Иегошиа, 1883	Бабушка со стор. отца	Гор. Новоселица, Черновицк. обл. Украины (СССР)	Погибла в г. Новоселице лет. 1941 г. при изгнании евреев румынами в 58 лет
2	Кноп Соня, дочь Хуны, ≈ 1928-29	Подруга родн. брата Шлоймэ	Гор. Новоселица, Черновицк. обл.	Убита румынами в Косоуцк. лесу летом 1941 г. в 12-13 лет
3	Клейман Берл, сын Хаима-Эрша, 1904	Дядя (папин брат)	Гор. Черновицы, Украина (СССР)	Погиб от голода и холода в лагере в с. Кошаринцы Бершадск. р-на в янв. 1942 г. с женой и 2 дет. в 37 лет
4	Клейман Эстер, ≈ 1907	Тетя (жена папин. брата Берла)	Гор. Черновицы, Украина (СССР)	Погибла от голода и холода в лаг. в с. Кошаринцы Бершад. р-на в янв. 1942 г. в 34 года

5	Клейман --, дочь Берла, --, девочка	Дочка папин. брата Берла	Гор. Черновицы, Украина (СССР)	Погибла от голода и холода в лаг. в с. Кошаринцы Бершад. р-на в янв. 1942 г. с семьей
6	Клейман --, дочь Берла, --, вторая девочка	Дочка папин. брата Берла	Гор. Черновицы, Украина (СССР)	Погибла от голода и холода в лагере в с. Кошаринцы Бершадск. р-на в янв. 1942 г. с семьей
7	Клейман *(дев. Басихес)* Лея Иосифовна, 1905	Тетя (жена папин. брата Янкеля)	Гор. Новоселица, Черновицк. обл. Украины (СССР)	Погибла в лаг. с. Кошаринцы Бершадск. р-на Вин. обл. в янв. 1942 г. в 37 лет
8	Клейман Шломо Янкелевич, 1926	Двоюрод. брат (сын пап. брата Янкеля)	Гор. Новоселица, Черновицк. обл. Украины (СССР)	Погиб в лагере с. Кошаринцы Бершадск. р-на Вин. обл. в январе 1942 г. в 16 лет
9	Кандель Фавел, 1861	Дедушка по маме Зельды Клейман	М. Згурица Сороксk. р-на Молдавск. АССР	Погиб в пути при депортации евреев из м. Згурица Сороксk. р-на МАССР в 1941 г. в 80 лет
10	Кандель Янкель, сын Фавла, 1919	Дядя (брат матери Зельды Клейман)	М. Згурица Сороксk. р-на Молдавск. АССР	Застрелен в 1942 г. в 23 года при попытке бежать из лагеря с. Кошаринцы Бершадск. р-на Вин. обл.
11	Кандель Хаим, сын Фавла, 1923	Дядя (брат матери Зельды Клейман)	М. Згурица Сороксk. р-на Молдавск. АССР	Застрелен в 1942 г. в 19 лет при попытке бежать из лагеря с. Кошаринцы Бершадск. р-на

Погибшие родные и близкие **Коган Евдокии**. Воспоминания **№ 48.**

1	Мизюк *(дев. Файнлейб)* Софья, 1883	Мать Коган Евдокии	с. Терновка Бершадск. р-на Винницк. обл. УССР	Расстреляна в гетто в с. Михайловка Гайсинского р-на Вин. обл. в дек. 1941 г. в 58 лет как нетрудоспособная
2	Мизюк Гедалья, сын Мехла (Михаила), 1913	Брат Коган Евдокии	Служба в Красной армии на Дальнем Востоке	Убит в погроме в с. Терновка Бершадского р-на Вин. обл. в июле 1941 г. в 28 лет

Погибшие родные и близкие **Водовоз Мани**. Воспоминания **№ 49.**

1	Штаркман Аврум Срулевич, 1882	Дедушка по отцу Мани	Г. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Умер от голода в Печёрском лагере Винницк. обл. УССР в 1942 г. в 60 лет

2	Штаркман *(дев. Кремерман)* Дина Моисеевна, 1888	Бабушка по отцу Мани	Г. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Умерла от голода в Печёрском лагере Вин. обл. УССР в 1942 г. в 54 года
3	Штаркман Эрш Абрамович, 1916	Дядя (брат отца Мани)	Г. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Закопан живым немцами 27 июля 1941 г. в с. Озаринцы Вин. обл. в 25 лет
4	Заславер --, ≈ 1915-17	Друг и сосед дяди Эрша Штаркмана	Г. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Закопан живым немцами 27 июля 1941 г. в с. Озаринцы Вин. обл. в 25 лет

Погибшие родные и близкие **Гликина Мары**. Воспоминания **№ 50**.

1	Гринберг Шлёма (Соломон), 1878	Дедушка со стороны матери Мары	Гор. Копайгород Вин. обл. УССР	Умер осенью 1941 г. в 63 года в лаг. Копай Копайгор. р-на от голода и болезни
2	Гринберг Эстер, 1895	Бабушка со стороны матери Мары	Гор. Копайгород Вин. обл. УССР	Умерла осенью 1941 г. в 46 лет в лаг. Копай Копайгор. р-на от голода и болезни
3	Гринберг Гися Соломоновна, 1918	Тетя (мамина сестра)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. сожжена фашистами в амбаре на сахарн. заводе одного из городков Вин. обл. вблизи Могилёва-Под. в 23 года
4	Гринберг Пейся (Пётр) Соломонович, 1897	Дядя (мамин брат)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Летом 1941 года сожжен фашистами в амбаре на сахарн. заводе одного из городков Вин. обл. УССР вблизи Мог.-Под. в 44 года
5	Гринберг Поля, 1903	Тетя (жена маминого брата Пейси)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. сожжена фашистами с семьей в амбаре на сахарн. заводе одного из городков Вин. обл. вблизи Могилёва-Под. в 38 лет
6	Гринберг Софья Петровна, 1930	Двоюродная сестра (дочь дяди Пейси)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. сожжена фашистами с семьей в амбаре на сахарн. заводе одного из городков Вин. обл. вблизи Могилёва-Под. в 10 лет

7	Гринберг Михаил Петрович, 1934	Двоюродный брат (сын Пейси и Поли)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. сожжен фашистами с семьей в амбаре на сахарн. заводе одного из городков Вин. обл. вблизи Мог.-Под. в 7 лет
8	Гринберг Натан Петрович, 1938	Двоюродный брат (сын дяди Пейси)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. сожжен фашистами в амбаре на сахарн. заводе одного из городков Вин. обл. вблизи Могилёва-Под. в 3 года
9	Гольдштейн Майя Лейзеровна, 1919	Сестра отчима Хаима Гольдштейна	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Погибла от рук немецк. оккупантов в п. Мур. Куриловцы Вин. обл. в 1941 г. в 22 года
10	Гольдштейн Женя, 1904	Жена отчима Хаима Гольдштейна	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Погибла от рук немецк. оккупантов в п. Мурованные Куриловцы Вин. обл. в 1941 г. в 37 лет
11	Гольдштейн Эршале Хаимович, 1929	Сын отчима Хаима Гольдштейна	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Погиб от рук немецк. оккупантов в п. Мур. Куриловцы Вин. обл. в 1941 г. в 12 лет
12	Гольдштейн Аврум Хаимович, 1932	Сын отчима Хаима Гольдштейна	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Погиб от рук немецк. оккупантов в п. Мур. Куриловцы Вин. обл. в 1941 г. в 9 лет
13	Гольдштейн Песя Хаимовна, 1936	Дочь отчима Хаима Гольдштейна	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Погибла от рук немецк. оккупантов в п. Мур. Куриловцы Вин. обл. в 1941 г. в 5 лет
14	Гольдштейн Фира Хаимовна, 1939	Дочь отчима Хаима Гольдштейна	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Погибла от рук немецк. оккупантов в п. Мур. Куриловцы Вин. обл. в 1941 г. в 2 года

Погибшие родные и близкие **Гольдберга Самуила и Ильи**. Воспоминания **№ 51**.

1	Литвак Янкель (Яков) Давидович, 1876	Дедушка (отец матери Сам. и Ильи)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Умер в Могилёв-Подол. гетто Вин. обл. 2 сент. 1941 г. от болезни в 65 лет
2	Литвак *(дев. Томашпольская)* Поля Шмилевна, 1912	Тетя (жена мамин. брата Нафтулы)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Умерла в лагере в с. Печёра Вин. обл. зимой 1941-42 гг. с 2 детьми в 30 лет

3	Литвак Яков, сын Нафтулы, 1941	Сын Поли и Нафтулы Литвак	Родился в Могилёв-Подол. гетто Вин. обл. УССР	Умер в младенч. возрасте в лаг. в с. Печёра Вин. обл. в дек. 1941 г. с матерью и братом
4	Литвак Борис, сын Нафтулы, 1935	Сын Поли и Нафтулы Литвак	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Умер в лагере в с. Печёра Вин. обл. в 1942 г. в 7 лет с матерью и братом
5	Дуновицер *(дев. Литвак)* Ента Янкелевна, 1914	Тетя (сестра матери Сам. и Ильи)	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Умерла в лагере в с. Печёра Вин. обл. УССР зимой 1943 г. в 29 лет с дочкой
6	Дуновицер Броня Иосифовна, ≈ 1937	Дочь Енты и Иосифа Дуновицер	Гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. УССР	Умерла в лагере в с. Печёра Вин. обл. УССР зимой 1943 г. в 7-8 лет с матерью

Погибшие родные и близкие **Групман Дины**. Воспоминания **№ 52.**

1	Барский Пусик Исаакович, 1938	Брат Дины	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Умер от болезни в Могилёв-Подол. гетто Вин. обл. осенью 1941 г. в 3 года
2	Барский Оба Пейсахович, --	Дядя (папин брат)	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Умер от болезни и холода в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. УССР в дек. 1941 г.
3	Горобец *(дев. Голудько)* Сара, 1915	Жена Абрама Горобца, сына бабушкиной сестры Шейвы	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Расстреляна в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. 2-3 сент. 1941 г. в акции по уничтожению евреев в 26 лет
4	Голудько Фаня, 1871	Мать Сары Горобец	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Расстреляна в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. 2-3 сент. 1941 г. в 70 лет в акции по унич-ю евреев местечка
5	Горобец Евгения (Женечка) Абрамовна, 1931	Дочь Абрама и Сары Горобец	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Расстреляна в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. 2-3 сент. 1941 г. в 10 лет в акции по уничт-ю евреев местечка
6	Барский Авраам Пейсахович, 1904	Дядя (папин брат)	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Расстрелян в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. 21 авг. 1942 г. в 38 лет во 2-й акции по уничтожению евреев местечка

7	Барская Рося, 1908	Жена дяди Авраама	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Расстреляна в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. 21 авг. 1942 г. в 34 года во 2-й акции по уничтожению евреев местечка
8	Барский Иосиф Авраамович, 1936	Сын дяди Авраама	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Расстрелян в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. 21 авг. 1942 г. в 6 лет во 2-й акции по уничтожению евреев местечка
9	Барский Лёнечка Авраамович, 1938	Сын дяди Авраама	Пос. Мурованные Куриловцы Вин. обл. УССР	Расстрелян в с. Мур. Куриловцы Вин. обл. 21 авг. 1942 г. в 4 года во 2-й акции по уничтожению евреев местечка

Погибшие родные и близкие **Мейстельман Полины**. Воспоминания **№ 53**.

1	Дуновец *(дев. Баркан)* Хана, дочь Аврума, 1910	1-я жена отчима Моисея Дуновца	С. Яруга Винницкой обл. УССР, в 1941 – г. Киев	Осенью 1941 г. погибла в оккупированном немцами г. Киеве в 31 год с мамой и сестрой
2	Баркан Стыся, 1890	Мать Ханы, 1-ой жены отчима Моисея Дуновца	С. Яруга Винницкой обл. УССР, в 1941 – г. Киев	Осенью 1941 г. погибла в оккупированном немцами г. Киеве в 51 год с двумя дочерьми
3	Баркан Этя, дочь Аврума, 1922	Сестра Ханы, 1-ой жены отчима Моисея Дуновца	С. Яруга Винницкой обл. УССР, в 1941 – студентка в г. Киеве	Осенью 1941 г. погибла в оккупированном немцами г. Киеве в 19 лет с мамой и сестрой

Погибшие родные и близкие **Мейстельман Бети**. Воспоминания **№ 54**.

1	Эпельман Бетя, дочь Срула, 1929	Двоюродн. сестра (дочь мам. сестры Чарны)	С. Михайловцы Мурованнокурил. р-на Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. в 12 лет немцами брошена живой в яму с известью и закопана в с. Михайловцы Мурованнокурил. р-на
2	Эпельман Клара, дочь Срула, 1931	Двоюродн. сестра (дочь мам. сестры Чарны)	С. Михайловцы Мурованнокурил. р-на Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. в 10 лет немцами брошена живой в яму с известью и закопана в с. Михайловцы Мурованнокурил. р-на

3	Эпельман Фима, сын Срула, 1938	Двоюродн. брат (сын мам. сестры Чарны)	С. Михайловцы Мурованнокурил. р-на Вин. обл. УССР	Летом 1941 г. в 3 года немцами брошен живым в яму с известью и закопан в с. Михайловцы Мурованнокурил. р-на с 2 сестрами

Погибшие родные и близкие **Цапа Петра**. Воспоминания **№ 55.**

1	Цап *(дев. Шнайдер)* Лея (Лиза) Пинхасовна, 15 апреля 1906	Мать Петра	Гор. Могилёв-Подольский Винницк. обл. УССР	Умерла 16 апреля 1942 г. в Могилев-Подольском гетто от тифа в 36 лет
2	Цап Иосиф, 1870	Дедушка по отцу Петра	Гор. Могилёв-Подольский Винницк. обл. УССР	Погиб с дочерьми и их семьями в лагере в с. Печёра Вин. обл. зимой в нач. 1943 г. в 72 года
3	Шнайдер *(дев. Цап)* Ида Иосифовна, 1908	Тетя (сестра отца Петра)	Гор. Могилёв-Подольский Винницк. обл. УССР	Погибла с мужем в лагере в с. Печёра Вин. обл. зимой в нач. 1943 г. в 34 года
4	Шнайдер Симха, 1905	Дядя (муж папин. сестры Иды)	Гор. Могилёв-Подольский Винницк. обл. УССР	Погиб с женой в лаг. в с. Печёра Вин. обл. зимой в начале 1943 г. в 37 лет
5	Берик *(дев. Цап)* Фейга Иосифовна, 1902	Тетя (сестра отца Петра)	Гор. Могилёв-Подольский Винницк. обл. УССР	Погибла с 2 детьми от голода, холода и болезни в лаг. в с. Печёра Вин. обл. осенью-зимой 1942 г. в 40 лет
6	Берик --, отец Моше, --	Ребенок Фейги и Моше Берик	Гор. Могилёв-Подольский Винницк. обл. УССР	Погиб с матерью в лагере в с. Печёра Вин. обл. осенью-зимой 1942 г.
7	Берик --, отец Моше, --	Ребенок Фейги и Моше Берик	Гор. Могилёв-Подольский Винницк. обл. УССР	Погиб с матерью в лагере в с. Печёра Вин. обл. осенью-зимой 1942 г.

Погибшие родные **Шнайдера Александра и Доры**. Воспоминания **№ 57.**

1	Шнайдер Мойшеле, сын Эрша, 1940	Младший брат Александра и Доры	Гор. Могилев-Подольский Винницк. обл. УССР	Захлебнулся кровью расстрелянных в яме и погиб в Могилёв-Подол. гетто в 1941 г. в 1 год

Погибшие родные и близкие **Гринштейн Милы**. Воспоминания **№ 58.**

1	Бронштейн Песя, --	Бабушка со стороны отца Милы	Пос. Шаргород Винницкой обл. УССР	Умерла от болезни в 1943 г. в Шаргородском гетто Вин. обл. УССР
2	Бронштейн Малка, дочь Шмуэля, --	Тетя (сестра отца Милы)	Гор. Бердичев Житомирск. обл. УССР	Расстреляна немцами в гор. Бердичев Житомирск. обл. УССР в 1941 г.

Погибшие родные и близкие **Кесельбренер Лизы**. Воспоминания **№ 59.**

1	Гершман *(дев. Фишкис)* Сара Яковлевна, 1879	Родственница (мать Бориса Гершмана – мужа двоюр. сестры Сони)	С. Моевка Могилев-Подол. р-на Винницк. обл. УССР	Убита топором местн. полицаями в с. Моевка Вин. обл. в авг.-сент. 1941 г. в 62 года вместе с мужем
2	Гершман Мотл, 1873	Родственник (отец Бориса Гершмана – мужа двоюр. сестры Сони)	С. Моевка Могилев-Подол. р-на Винницк. обл. УССР	Убит топором местн. полицаями в с. Моевка Вин. обл. в авг.-сент. 1941 г. в 68 года вместе с женой
3	Шмульзон --, ≈ 1900	Дядя (муж мамин. сестры Шифры)	С. Моевка Могилев-Подол. р-на Вин. обл. УССР	Убит топором местн. полицаями в с. Моевка Вин. обл. УССР в авг.-сент. 1941 г. в 41 год
4	Групин Иосиф Хунович, ≈ 1912-14	Муж Леи, учительницы Боровск. школы	С. Боровка Могилев-Под. р-на Винницк. обл. УССР	Пропал в конце лета 1941 г. в оккупирован. немцами Кировоград. обл. с семьёй и племянниками
5	Групина *(дев. Ядершлив)* Лея (Лиза) Исааковна, 1916	Жена Иосифа Групина, учителя Боровск. школы	С. Боровка Могилев-Под. р-на Винницк. обл. УССР	Пропала в конце лета 1941 г. в оккупирован. немцами Кировоград. обл. с семьёй
6	Групин -- Иосифович, 1935	Сын Иосифа и Лизы Групиных, учителей школы	С. Боровка Могилев-Под. р-на Винницк. обл. УССР	Пропал в конце лета 1941 г. в оккупирован. немцами Кировоградской обл. с семьёй в 6 лет
7	Групин -- Иосифович, 1941	Сын Иосифа и Лизы Групиных, учителей школы	С. Боровка Могилев-Под. р-на Винницк. обл. УССР	Пропал в конце лета 1941 г. в оккупирован. немцами Кировоград. обл. с семьёй в 6 мес.
8	Скапинкер Муня Хаимович, 1920	Брат Ханы, землячки Лизы	С. Боровка Могилев-Под. р-на Винницк. обл. УССР	Пропал в конце лета 1941 г. в оккупиров. немцами Кировоград. обл. с братом в 21 год

9	Скапинкер Абрам Хаимович, 1924	Брат Ханы, землячки Лизы	С. Боровка Могилев-Под. р-на Винницк. обл. УССР	Пропал в конце лета 1941 г. в оккупированном немцами Кировоградск. обл. с братом в 17 лет

Погибшие родные и близкие **Шиха Лейба**. Воспоминания **№ 60.**

1	Ших Гершко, --	Дедушка со стороны отца	М. Мурафа Шаргородск. р-на Вин. обл. УССР	Умер в Мурафском гетто Вин. обл. в 1941 или 1942 гг. от издевательств немцев, болезни и голода
2	Ших Перл, --	Бабушка со стороны отца	М. Мурафа Шаргородск. р-на Вин. обл. УССР	Умерла в Мурафском гетто Вин. обл. в 1941 или 1942 гг. от издевательств немцев, болезни и голода

Погибшие родные и близкие **Юрковецкого Льва**. Воспоминания **№ 61.**

1	Юрковецкая Клара Гедалиевна, 1927	Сестра Льва	С. Мурафа Шаргород. р-на Винницк. обл. УССР	Умерла в янв. 1942 г. в Мурафск. гетто Вин. обл. из-за болезни от бесчеловечн. принудит. труда в 15 лет

Погибшие родные и близкие **Гройсман Ривы и Майи**. Воспоминания **№ 62.**

1	Гройсман Хаим, сын Иехиэля, 1900	Дедушка Майи (папин отец)	Гор. Единцы Бессарабия	Погиб в 51 год с женой и сыном в июле-августе 1941 г. во время бегства от немцев из г. Единцы
2	Гройсман Мирьям, дочь Моше, 1900	Бабушка Майи (папина мать)	Гор. Единцы Бессарабия	Погибла в 51 год с мужем и сыном в июле-августе 1941 г. во время бегства от немцев из г. Единцы
3	Гройсман Хона (Хуна), сын Хаима, ≈ 1921	Дядя Майи (папин брат)	Гор. Единцы Бессарабия	Расстрелян с братом фашистами в начале оккупации гор. Единцы 3-7 июля 1941 г.
4	Гройсман Ицик, сын Хаима, 1925	Дядя Майи (папин брат)	Гор. Единцы Бессарабия	Расстрелян фашистами в начале оккупации г. Единцы 3-7 июля 1941 г. в 16 лет
5	Гройсман Аврум, сын Хаима, 1933	Дядя Майи (папин брат)	Гор. Единцы Бессарабия	Погиб с отцом и матерью в июле-авг. 1941 г. во время бегства из гор. Единцы от немцев в 8 лет

Погибшие родные **Мейстер Иды и Шварцман Иты**. Воспоминания **№ 63**.

1	Магальник Дуд (Давид), сын Герша, 1922	Дядя (брат мамы Иты)	С. Купчинь Единецк. р-на, Молдавия	Убит молдавск. жителями в с. Купчинь Единецкого р-на 22 июня 1941 г. в 19 лет
2	Гандельман Ицхак, 1869	Прадедушка Иды со стороны матери	С. Купчинь Единецкого р-на, Молдавия	Умер в гетто с. Носиковка Шаргород. р-на Вин. обл. в ноябре 1941 г. в 72 года
3	Шварцман Шай, сын Гершона, 1898	Дядя (старш. брат отца Якова)	С. Русяны Единецк. р-на, Молдавия	Во время депортации расстрелян в Косоуцком лесу в августе 1941 г. в 43 года
4	Шварцман Лейзер, сын Гершона, 1905	Дядя (брат отца Якова)	С. Русяны Единецк. р-на, Молдавия	При депортации убит в Косоуцк. лесу в авг. 1941 г. в 36 лет с братом Мордехаем
5	Шварцман *(дев. Чоклер)* Хайка, 1908	Жена Лейзера (брата отца)	С. Русяны Единецк. р-на, Молдавия	Убита в гетто с. Устье Бершадск. р-на Винницк. обл. в 1944 г. в 36 лет
6	Шварцман Барух, сын Лейзера, 1937	Сын Хайки и Лейзера (папин. брата)	С. Русяны Единецк. р-на, Молдавия	При депортации умер от болезни на пути в Транснистрию осенью 1941 г. в 4 года
7	Шварцман Мордехай, сын Гершона, 1902	Дядя (брат отца)	С. Русяны Единецк. р-на, Молдавия	При депортации убит в Косоуцк. лесу в авг. 1941 г. в 39 лет с братом Лейзером
8	Гриншпун Мойше, 1894	Муж Хоны (сестры отца)	Г. Единцы, Молдавия	В Николаевск. лагере в 1942 г. умер в 47 лет от разрыва сердца, увидев повешенного сына
9	Гриншпун Аврум, сын Мойши, 1922	Сын Моше и Хоны (сестры отца)	Г. Единцы, Молдавия	В Николаевском лагере повешен немцами в 1942 г. в 20 лет

Погибшие родные и близкие **Гандельман Розы**. Воспоминания **№ 65.**

1	Ленковская Фаня, дочь Фавла, ≈ 1900	Тётя (сестра отца Розы)	Гор. Бельцы Молдавской АССР	Отравилась с братом Хаимом в гетто, соседнем с гетто в Ободовке, в 1941 г.
2	Ленковский Хаим (Фима), сын Фавла, ≈ 1900	Дядя (брат отца Розы)	Гор. Бельцы Молдавской АССР	Отравился с сестрой Фаней в гетто, соседнем с гетто в Ободовке, в 1941 г.

3	Ленковская Роза, ≈ 1910	Тётя (жена папин. брата Лазаря)	Гор. Бельцы Молдавской АССР	В 1941 г. в оккупиров. Молдавии пропала без вести в 31 год с сыном Фавлом
4	Ленковский Фавел Лазаревич, ≈ 1930	Племянник (сын Лазаря и Розы)	Гор. Бельцы Молдавской АССР	В 1941 г. в оккупиров. Молдавии пропал без вести в 11 лет с матерью Розой
5	Шпаер Шмиль, ≈ 1890	Прадедушка (дедушка по маме)	Гор. Единцы Молдавской АССР	6-7 июля 1941 г. в г. Единцы (Молд.) был замучен румынскими оккупантами

Погибшие родные и близкие **Дели Раисы и Нузброх Ады**. Воспоминания **№ 66**.

1	Пинге Рэйзел, 1876	Бабушка со стор. матери Раисы	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна немцами в октябре 1941 г. в районе гор. Резина (Молд.) в 65 лет
2	Гурвиц *(дев. Пинге)* Песя, дочь Хаима, 1905	Тетя (мамина сестра)	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в сент. 1941 г. в районе гор. Резина в 36 лет
3	Гурвиц Аврум, сын Ицика, 1902	Муж тети (мамин. сестры Песи)	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстрелян в сент. 1941 г. в районе гор. Резина в 39 лет
4	Гурвиц Хайка Аврумовна, 1927	Дочь маминой сестры Песи	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в сент. 1941 г. в районе гор. Резина в 14 лет
5	Гурвиц Хаим Аврумович, 1930	Сын маминой сестры Песи	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстрелян в сент. 1941 г. в районе гор. Резина в 11 лет
6	Гурвиц Ицик, 1879	Отец Аврума, мужа сестры Песи	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстрелян в сент.-окт. 1941 г. вблизи гор. Резина в 62 года
7	Гурвиц Эйдел, 1882	Мать Аврума, мужа сестры Песи	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в сент.-окт. 1941 г. в районе гор. Резина в 59 лет
8	Калин *(дев. Пинге)* Хона, дочь Хаима, 1914	Тетя (мамина сестра)	С. Нижние Попешты Згурицк. р-на Молд.	Расстреляна в сент.-окт. 1941 г. в районе гор. Резина в 27 лет
9	Калин Хайка, дочь Биньямина, 1937	Дочь маминой сестры Хоны	С. Нижние Попешты Згурицк. р-на Молд.	Расстреляна в сент.-окт. 1941 г. в районе гор. Резина в 4 года
10	Калин Мася, дочь Биньямина, 1939	Дочь маминой сестры Хоны	С. Нижние Попешты Згурицк. р-на Молд.	Расстреляна в сент.-окт. 1941 г. в районе гор. Резина в возрасте 2 лет

11	Гринман Бася, 1876	Бабушка со стороны отца Раисы	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в сент. 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 65 лет
12	Гринман Хаим, сын Моше, 1911	Дядя (папин брат)	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстрелян в сент. 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 30 лет
13	Гринман Шейндл-Брана, 1911	Жена папиного брата Хаима	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в сент. 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 30 лет
14	Гринман Эстер, дочь Хаима, 1938	Двоюродн. сестра Раисы (дочь Х. и Б. Гринман)	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в сентябре 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 3 года
15	Рабин *(дев. Гринман)* Шейна, дочь Моше, 1913	Тетя (папина сестра)	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в сент.-окт. 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 28 лет
16	Рабин Волька, 1909	Муж папиной сестры Шейны	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстрелян в сент.-окт. 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 32 года
17	Рабин Моня Волькович, 1935	Сын папиной сестры Шейны	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстрелян в октябре 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 6 лет
18	Рабин Фейга Вольковна, 1938	Дочь папиной сестры Шейны	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Расстреляна в октябре 1941 г. в районе Рыбница-Резина в 3 года
19	Рейдер Лейб, 1893	Дядя матери Раисы	С. Сокиряны Хотинского уезда Молдавия	Умер в сент. 1941 г. в лаг. Вертюжаны при депортации в Транснистрию в 48 лет
20	Френкель Ицик, 1889	Родственник отца Раисы	С. Черница Сороксk. р-на Молдавия	Расстрелян в июле 1941 г. в с. Черница Сороксk. р-на (Молдавия) в 52 года
21	Рубинштейн Люся, 15 лет в 1941 г.	Подруга	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в период Шоа
22	Беккер Роза, 15 лет	Подруга	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в период Шоа
23	Магальник Хайке, 15 лет	Подруга	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в период Шоа

24	Серебринский Шмил, 16 лет	Соученик	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погиб в 1941 г. в гетто в с. Ободовка Вин. обл. от голода в 16 лет
25	Шпак Морис, 15 лет	Соученик	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погиб в период Шоа
26	Столяр Нэна, 15 лет	Подруга	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в период Шоа
27	Столяр Молка, 17 лет	Соученица	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в период Шоа
28	Столяр Аврум, 16 лет	Соученик	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погиб в период Шоа
29	Палатник Туба, 16 лет	Подруга	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в гетто в г. Бершадь в период Шоа в 16 лет
30	Хахам Мина, 17 лет	Подруга	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в период Шоа
31	Койфман Рухл (Рахиль), 20 лет	Подруга	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в гетто в г. Бершадь в феврале 1942 г. от голода и болезни в 20 лет
32	Галбински --, -- (отец)	Сосед в Згурице	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погиб в Шоа при депортации евреев в Транснистрию
33	Галбински --, -- (мать)	Соседка в Згурице	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в Шоа по пути в Транснистрию
34	Галбински --, мальчик ≈ 8 лет	Сосед в Згурице	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погиб в Шоа по пути в Транснистрию
35	Галбински --, девочка ≈ 13 лет	Соседка в Згурице	С. Згурица Сороксk. р-на Молд.	Погибла в Шоа по пути в Транснистрию

Погибшие родные **Шнайдер Чарны и Юсим Мары**. Воспоминания **№ 68**.

1	Фельдман Исаак Мошкович, 1900	Отец Чарны и Мары	С. Ободовка Винницк. обл. УССР	После жестоких побоев венгерских оккупантов умер в гетто в с. Ободовка 14 авг. 1943 г. в 43 года
2	Фельдман Маня Мошковна, 1914	Тетя (сестра отца Чарны и Мары)	Гор. Бершадь Винницк. обл. УССР	В Бершадском гетто в 1941 г. ее бросили живой в яму и закопали с друг. евреями города в 28 лет

3	Раштейн *(дев. Фельдман)* Рая Мошковна, 1918	Тетя (сестра отца Чарны и Мары)	С. Теплик Винницк. обл. УССР	Погибла с 5 детьми зимой 1941-42 гг. в гетто в с. Теплик Вин. обл. в 23 года
4	Раштейн *(имя, возр., пол неизвестны)*	1-й ребенок Раштейн Раи	С. Теплик Винницк. обл. УССР	Погиб зимой 1941-42 гг. с матерью и друг. 4 детьми в гетто в с. Теплик Вин. обл.
5	Раштейн *(имя, возр., пол неизвестны)*	2-й ребенок Раштейн Раи	С. Теплик Винницк. обл. УССР	Погиб зимой 1941-42 гг. с матерью и друг. 4 детьми в гетто в с. Теплик Вин. обл.
6	Раштейн *(имя, возр., пол неизвестны)*	3-й ребенок Раштейн Раи	С. Теплик Винницк. обл. УССР	Погиб зимой 1941-42 гг. с матерью и друг. 4 детьми в гетто в с. Теплик Вин. обл.
7	Раштейн *(имя, возр., пол неизвестны)*	4-й ребенок Раштейн Раи	С. Теплик Винницк. обл. УССР	Погиб зимой 1941-42 гг. с матерью и друг. 4 детьми в гетто в с. Теплик Вин. обл.
8	Раштейн *(имя, возр., пол неизвестны)*	5-й ребенок Раштейн Раи	С. Теплик Винницк. обл. УССР	Погиб зимой 1941-42 гг. с матерью и друг. 4 детьми в гетто в с. Теплик Вин. обл.

Погибшие родные и близкие **Менишена Иосифа**. Воспоминания **№ 69**.

1	Менишен Абрам, 1879	Отец Иосифа	Мест. Озаринцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в мест. Озаринцы Вин. обл. 27-29 июля 1941 г. в 62 года
2	Менишена *(дев. Подаецкая)* Ита-Рейзя, 2 мая 1871	Тетя, жена папиного брата Мордко	Мест. Озаринцы Винницк. обл. УССР	Расстреляна в мест. Озаринцы Вин. обл. 27-29 июля 1941 г. в 70 лет
3	Менишен Арон Мордкович, 5 мая 1891	Племянник отца (сын тети Иты-Рейзи)	Мест. Озаринцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в мест. Озаринцы Вин. обл. 27-29 июля 1941 г. в 50 лет

Погибшие родные и близкие **Кушнирович Песи**. Воспоминания **№ 70**.

1	Фельдман Хая-Сура, 1880	Бабушка (мамина мама) Песи	Гор. Сокиряны Черновицк. обл. УССР	Пропала из колонны в р-не Косоуцк. леса при депортации в Трансністрию осенью 1941 г. в 61 год
2	Дыб Ицик, ≈ 1892	Отец Песи	Гор. Сокиряны Черновицк. обл. УССР	В нач. 1943 г. умер в гетто в с. Ободовка Винницк. обл. УССР в 51 год

3	Нудельман *(дев. Дыб)* Хана (Доня) Ицковна, 1918	Сестра Песи	Гор. Атаки Молдавия	Погибла с 2 детьми в 1942 г. в Транснистрии в одном из лагерей Вин. обл. в 24 года
4	Нудельман Тойва Аврумович, 1935	Сын Ханы, старшей сестры Песи	Гор. Атаки Молдавия	Погиб с матерью и братом в 1942 г. в одном из лагерей Винницк. обл. в 7 лет
5	Нудельман Рувин Аврумович, 1938	Сын Ханы, старшей сестры Песи	Гор. Атаки Молдавия	Погиб с матерью и братом в 1942 г. в одном из лагерей Винницк. обл. в 4 года
6	Дыб Золман Ицкович, 1924	Брат Песи	Гор. Сокиряны Черновицк. обл. УССР	Погиб в гетто в с. Павловка Крыжопольского р-на Вин. обл. УССР в начале 1943 г. в 18,5 лет

Погибшие родные и близкие **Гофта Соломона**. Воспоминания **№ 71.**

1	Гофт Шейнделэ Абрамовна, 1930	Сестра Соломона	Г. Хотин Черновицк. обл. УССР (до 1940 - Румыния)	При депортации из Хотина умерла от болезни в гор. Могилёв-Подольский Вин. обл. в нач. августа 1941 г. в 12 лет
2	Гофт Шимон Абрамович, 1932	Брат Соломона	Г. Хотин Черновицк. обл. УССР (до 1940 - Румыния)	При депортации из Хотина умер по дороге от болезни в селе Кацмазов Жмер. р-на Вин. обл. в конце авг. 1941 г. в 9 лет
3	-- *(вдова, дев. фам. Гофт)* Сура-Шейндл Шлёмовна, ≈ 1882	Тетя (папина сестра)	Г. Хотин Черновицк. обл. УССР (до 1940 - Румыния)	Умерла от болезни в гетто в селе Кацмазов Жмер. р-на Вин. обл. в нач. 1942 г. в 60 лет
4	Коган Исер Гершевич, 1922	Брат Полины – жены Соломона	Г. Бельцы (Молдавия)	Погиб в июле 1941 г. во время немецкой бомбардировки гор. Бельцы (Молдавия) в 19 лет

Погибшие родные и близкие **Шнайдера Иосифа**. Воспоминания **№ 72.**

1	Шнайдер Хая, 1883	Бабушка Иосифа (папина мать)	Гор. Бричаны (Молдавия)	Умерла от голода в гетто с. Поповка Копайгор. р-на Вин. обл. УССР в янв. 1943 г. в 60 лет

Погибшие родные и близкие **Левина Шимона**. Воспоминания **№ 74.**

1	Лев Мирьям, 1875	Бабушка Шимона (мать отца)	С. Томашполь Винницк. обл. УССР	Зимой 1943 г. умерла в Томашпол. гетто от голода и холода в 68 лет
2	Лев --, ≈ 1910	Тетя (жена папин. брата Лейзера)	С. Петроверовка Одесской обл. УССР	Была убита немцами в первые месяцы оккупации в с. Петроверовка Одесск. обл. с дочкой и сыном
3	Лев -- Лейзеровна, 12 лет	Двоюродная сестра (дочь папин. брата Лейзера)	С. Петроверовка Одесской обл. УССР	Была убита немцами в начале оккупации (1941) в с. Петроверовка Одесск. обл. с матерью и братом
4	Лев -- Лейзерович, 10 лет	Двоюродный брат (сын папин. брата Лейзера)	С. Петроверовка Одесской обл. УССР	Был убит немцами в 1941 г. в начале оккупации в с. Петроверовка Одесск. обл. с матерью и сестрой
5	Палант Ида, 1914	Тетя (родная сестра матери)	Г. Тульчин Винницк. обл. УССР	В январе 1944 г. была расстреляна в лагере в с. Печёра Винницк. обл. Укр.
6	Палант Дора, 1938	Двоюродная сестра (дочь Иды, маминой сестры)	Г. Тульчин Винницк. обл. УССР	В феврале 1944 г. после гибели матери умерла с голоду в лагере в с. Печёра Винницк. обл.
7	-- *(дев. фам. матери Палант)* --, --	Двоюродная сестра (дочь Ханы, маминой сестры)	С. Томашполь Винницк. обл. УССР	В 1942 г. умерла в Томашпольском гетто (Винницк. обл. Укр.) от голода и болезни

Погибшие родные и близкие **Зак Рахели**. Воспоминания **№ 75.**

1	Шмулензон Двойра, ≈ 60 лет	Бабушка Рахели (мамина мама)	Гор. Дрокия (Молдавия)	Умерла от голода в гетто в мест. Черневцы Винницк. обл. в октябре 1942 г. в 60 лет

Погибшие родные и близкие **Кесельбренера Анатолия**. Воспоминания **№ 76.**

1	Шойхет Мойше, 1870	Отец Этл Маламуд, тёти Анатолия	Местечко Черневцы Черневецк. р-на Вин. обл. УССР	27 июля 1941 г. сброшен немцами с моста и расстрелян в воде в м. Черневцы Черневецк. р-на Вин. обл. в 71 год

2	Маламуд Бенцион, 1897	Муж Этл Маламуд, тёти Анатолия	Местечко Черневцы Черневецк. р-на Вин. обл. УССР	27 июля 1941 г. сброшен немцами с моста и расстрелян в воде в м. Черневцы Черневецк. р-на Вин. обл. в 44 года
3	Маламуд Янкель Бенционович, 1925	Сын Этл Маламуд, тёти Анатолия	Местечко Черневцы Черневецк. р-на Вин. обл. УССР	27 июля 1941 г. сброшен немцами с моста и расстрелян в воде в м. Черневцы Черневецк. р-на Вин. обл. в 16 лет
4	Кесельбренер Малка, 1900	Тётя (жена папин. брата Мотла)	Гор. Одесса УССР	Убита немцами во время оккупации Одессы в период Шоа
5	Гольдшлак Соня Фроймовна, 1897	Родств-ца (мать Якова, мужа сестры Мани)	Гор. Могилев-Подольский Вин. обл. УССР	Умерла от тифа в лагере в с. Печёра Вин. обл. УССР зимой 1941-42 гг. в 2 года
6	Гольдшлак Суня Львович, 1931	Родств-к (брат Якова, мужа сестры Мани)	Гор. Могилев-Подольский Вин. обл. УССР	Умер от тифа в лагере в с. Печёра Вин. обл. УССР зимой 1941-42 гг. в 12 лет

Погибшие родные и близкие **Орлова Николая**. Воспоминания **№ 77.**

1	Чернина Роня, 1901	Двоюродная сестра (дочь мамин. сестры Поли)	С. Чонгар Херсонской обл. УССР	Убита в с. Чонгар Херсон. обл. УССР в 1942 г. в 41 год с семьёй из 6 человек
2	Чернина Белла, 1928	Племянница (дочь двоюр. сестры Рони)	С. Чонгар Херсонской обл. УССР	Убита в с. Чонгар Херсон. обл. УССР в 1942 г. в 14 лет с семьёй из 6 человек

Погибшие родные и близкие **Ортенберг Эстер**. Воспоминания **№ 78.**

1	Глейзер Зюня Менделевич, 1940	Двоюродн. брат Эстер (сын папиной сестры Фани)	Гор. Могилев-Подольский Вин. обл. УССР	Умер от тифа в гетто с. Черневцы Вин. обл. УССР осенью 1942 г. в 2 года
2	-- *(дев. фам. Ровнер)* Эня Моисеевна, 1905	Тетя Эстер (сестра матери)	С. Волковинцы Каменец-Подол. обл., УССР	Убита немцами в период оккупации в с. Волковинцы (ныне Хмельницк. обл. Украины) с мужем и 2 детьми

3	-- Велвл, --	Муж Эни (сестры матери)	С. Волковинцы Каменец-Подол. обл., УССР	Убит немцами в период оккупации в с. Волковинцы (Хмельницк. обл.) с женой и 2 детьми
4	-- Маша, дочь Велвла, 18 лет	Двоюродн. сестра (дочь Эни, мамин. сестры)	С. Волковинцы Каменец-Подол. обл., УССР	Убита немцами в период оккупации в с. Волковинцы (Хмельницк. обл.) с родителями и братом
5	-- Яша, сын Велвла, 10 лет	Двоюродн. брат (сын Эни, мамин. сестры)	С. Волковинцы Каменец-Подол. обл., УССР	Убит немцами в с. Волковинцы (Хмельницк. обл.) с родителями и сестрой в период Шоа
6	-- *(дев. фам. Ровнер)* Малка Моисеевна, 1915	Тетя (сестра матери Эстер)	С. Волковинцы Каменец-Подол. обл., УССР	Убита немцами в период Шоа в с. Волковинцы (Хмельницк. обл.) с мужем
7	-- --, --	Муж Малки (сестры матери Эстер)	С. Волковинцы Каменец-Подол. обл., УССР	Убит немцами в период оккупации в с. Волковинцы (Хмельницк. обл.) с женой

Погибшие родные и близкие **Снитковской Любови**. Воспоминания **№ 79**.

1	Снитковский Борух, 1861	Дедушка (по отцу) Любы	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в июле 1941 г. в 80 лет
2	Снитковский Аврум-Эрш Борухович, 1890	Дядя (брат отца Любы)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в июле 1941 г. в 51 год
3	Снитковская Хона Вольфовна, 1892	Тетя (жена Аврума-Эрша)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в июле 1941 г. в 49 лет
4	Снитковский Яков Аврумович, 1927	Двоюродн. брат (сын дяди Аврума)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в июле 1941 г. в 14 лет
5	Снитковская Зинаида Аврумовна, 1930	Двоюродн. сестра (дочь дяди Аврума)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в июле 1941 г. в 11 лет
6	Снитковская Валентина Аврумовна, 1932	Двоюр. сестра (дочь дяди Аврума)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Бабчинцы Винницк. обл. в июле 1941 г. в 9 лет

7	Снитковский Михаил Аврумович, 1938	Двоюродн. брат (сын дяди Аврума)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в июле 1941 г. в 3 года
8	Волох *(дев. Снитковская)* Рейзя Боруховна, 1896	Тетя (сестра отца Любы)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в августе 1941 г. в 45 лет со 100 евреями села
9	Волох Шмиль Мордкович, 1894	Муж тети Рейзи (сестры отца Любы)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в августе 1941 г. в 47 лет со 100 евреями села
10	Волох Володя Шмилевич, 1933	Двоюродн. брат (сын тети Рейзи)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстрелян в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в августе 1941 г. в 8 лет со 100 евреями села
11	Волох Нехама Шмилевна, 1924	Двоюродн. сестра (дочь тети Рейзи)	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в августе 1941 г. в 17 лет
12	Филициан *(дев. Снитковская)* Хана, дочь Мордехая, 1916	Дочь папиного брата Мордехая	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Расстреляна в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в августе 1941 г. в 25 лет со 100 евреями села
13	Филициан Двора (Доця), 1940	Дочь Филициан Ханы	С. Бабчинцы Винницк. обл. УССР	Разорвана пополам фашистом в с. Бабчинцы Винницк. обл. УССР в авг. 1941 г. в 9-месячн. возрасте на глазах у матери
14	Этельзон Иосиф, ≈ 75-76	Дедушка (по маме) Любы	С. Черневцы Винницк. обл. УССР	В 1942 г. умер в гетто с. Черневцы Вин. обл. УССР в 76 лет

Погибшие родные и близкие **Хавеса Изи**. Воспоминания **№ 80.**

1	Альтман Шмуль, сын Мордехая, 1910	Дядя (родной брат матери Изи)	М. Черневцы Винницк. обл. УССР	Пропал на оккупированной немцами территории летом 1941 г.
2	Альтман Мордехай, --	Дедушка со стороны матери Изи	М. Черневцы Винницк. обл. УССР	Пропал летом 1941 г. с женой при попытке эвакуироваться
3	Альтман Лея, --	Бабушка со стороны матери Изи	М. Черневцы Винницк. обл. УССР	Пропала летом 1941 г. с мужем при попытке эвакуироваться

4	Хавес Бума Мордкович, --	Дядя (родной брат отца Изи)	Крым, УССР	Пропал летом 1941 г. с родственниками при попытке эвакуироваться

Погибшие родные и близкие **Хавеса Матвея**. Воспоминания **№ 81**.

1	Коган *(дев. Хавес)* Бруха (Брушка) Мордковна, --	Тётя (сестра отца Матвея)	С. Ярышев Могил.-Под. р-на Вин. обл. УССР	Расстреляна в с. Ярышев Могил.-Под. р-на Вин. обл. летом 1941 г. с 2 детьми: девочкой и мальчиком
2	Коган --, ребенок-мальчик	Двоюр. брат (сын Брухи Коган)	С. Ярышев Могил.-Под. р-на Вин. обл. УССР	Расстрелян в с. Ярышев Могил.-Под. р-на летом 1941 г. с матерью и сестрой
3	Коган--, ребенок-девочка	Двоюродная сестра (дочь Брухи Коган)	С. Ярышев Могил.-Под. р-на Вин. обл. УССР	Расстреляна в с. Ярышев Могил.-Под. р-на летом 1941 г. с матерью и братом

Погибшие родные и близкие **Валерштейн Доры**. Воспоминания **№ 82**.

1	Клейман Герш, --	Дядя (брат отца Доры)	С. Чинишеуцы Оргеевск. уезда Бессарабии (с 1940 – СССР)	Расстрелян немцами в июле-августе 1941 г. с группой мужчин - беженцев из с. Чинишеуцы (Молдавия)

Погибшие родные и близкие **Майданик Дины и Фельдман Ханы**. Воспоминания **№ 83**.

1	Юркович Пинхас-Меир, сын Аврума, --	Старший брат отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию умер от голода в Вертюжанск. лагере в сент. 1941 г.
2	Юркович *(дев. Коган)* Ривка, --	Жена Пинхаса, брата отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию погибла с 2 дочерьми в р-не Вертюжанск. лагеря в окт. 1941 г.
3	Юркович Эстер, дочь Пинхаса, 1926	Дочь Пинхаса, брата отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию погибла в р-не Вертюжанск. лагеря в сент. 1941 г. в 15 лет
4	Юркович Мотеле, дочь Пинхаса, 1923	Дочь Пинхаса, брата отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию погибла после выхода из Вертюжанск. лагеря в сент. 1941 г. в 18 лет

5	Юркович Двойра, дочь Аврума, 1909	Сестра отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию убита в р-не гор. Резина в конце октября 1941 г. в 32 года
6	Зильбер *(дев. Юркович)* Рухл (Рахель), дочь Аврума, 1902	Сестра отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию убита в р-не гор. Резина в конце октября 1941 г. в 39 лет
7	Юркович Бурах, сын Аврума, 1905	Младший брат отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию убит в р-не гор. Резина в конце октября 1941 г. в 36 лет
8	Юркович Шмуэль, сын Аврума, 1902	Средн. брат отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Убит с женой в 1942 г. в 39 лет в с. Зведеновка близ Мурафы
9	Юркович *(дев. Вайсман)* Геня, 1906	Жена Шмуэля, брата отца Дины и Ханы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Убита с мужем в 1942 г. в 36 лет в с. Зведеновка близ Мурафы
10	Юркович *(дев. Коган)* Бобця, ≈ 50 лет	Жена папиного брата Нафтулы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Погибла с дочерью от голода в Могилев-Под. гетто в конце 1941 г. в 50 лет
11	Юркович Молка, дочь Нафтулы, 1920	Дочь папиного брата Нафтулы	Гор. Атаки (Бессарабия)	Погибла с матерью от голода в Могилев-Под. гетто в конце 1941 г. в 21 год
12	Фроймчук Моисей, ≈ 55 лет	Сосед Дины и Ханы в Атаках, отец подруги Зины	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию умер от голода в Вертюжан. лагере в окт. 1941 г. в 55 лет с семьей
13	Фроймчук Клара, ≈ 45 лет	Соседка Дины и Ханы в Атаках, мать подруги Зины	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию умерла от голода в Вертюжан. лагере в окт. 1941 г. в 45 лет с семьей
14	Фроймчук Ицхак, 1920	Сосед Дины и Ханы в Атаках, брат подруги Зины	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию умер от ранения в Вертюжан. лагере в сент. 1941 г. в 20 лет с семьей
15	Фроймчук Зина, 1922	Подруга Дины и Ханы, соседка в Атаках	Гор. Атаки (Бессарабия)	При депортации умерла от голода в Вертюжан. лагере в окт. 1941 г. в 18 лет с семьей

16	Шпринцаг *(дев. Шафранецкая)* Ита, 1900	Соседка Дины и Ханы в Атаках, мать подруги Пуси	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию умерла от голода в Вертюжан. лагере в окт.-нояб. 1941 г. в 41 год
17	Шпринцаг Пуся, 1927	Подруга Дины и Ханы, соседка в Атаках	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию умерла от голода в Вертюжан. лагере в окт.-нояб. 1941 г. в 14 лет
18	Гиндис Яков (Яша), ≈ 1924	Сосед Дины и Ханы в Атаках	Гор. Атаки (Бессарабия)	Во время депортации в Транснистрию был расстрелян в одной из колонн осенью 1941 г. в 17 лет

Погибшие родные и близкие **Голуб Полины**. Воспоминания **№ 86.**

1	Зукин Рахель, 1876	Тётя (мамина двоюродная сестра)	Гор. Хотин (Бессарабия)	Убита при депортации по дороге из Могилева-Под. в Бершадь Вин. обл. 16 нояб. 1941 г. в 65 лет
2	Шенкер *(дев. Зукин)* Хана Иосифовна, 1881	Тетя (мамина родная сестра)	С. Липканы (Молдавия)	Убита при депортации по пути из Секурян на Украину осенью 1941 г. в 60 лет
3	Шенкер Лейб, --	Двоюродный брат (сын тети Ханы)	С. Липканы (Молдавия)	Погиб при депортации по дороге из Секурян на Украину осенью 1941 г.
4	-- *(дев. фам. Шенкер)* Хайкалэ, 1913	Двоюродная сестра (дочь тети Ханы)	С. Липканы (Молдавия)	Погибла при депортации по дороге из Секурян на Украину осенью 1941 г. в 28 лет
5	-- Хаим, --	Муж Хайки	С. Липканы (Молдавия)	Погиб во время депортации по дороге из Секурян на Украину осенью 1941 г.
6	Фельдман Иосиф Ушерович, 1,5 года	Двоюродный брат (сын тети Слувы)	С. Липканы (Молдавия)	Погиб при депортации по дороге из с. Липканы на Украину осенью 1941 г. в возрасте полутора лет
7	Фельдман Геня Ушеровна, 5 лет	Двоюродная сестра (дочь тети Слувы)	С. Липканы (Молдавия)	Потерялась и погибла при депортации по дороге из с. Липканы на Украину осенью 1941 г. в 5 лет

8	-- Махля, ≈ 65 лет	Папина родственница	С. Липканы (Молдавия)	Погибла при депортации по дороге из Секурян на Украину осенью 1941 г.
9	Штайф Шмиль, 1878	Дядя (папин брат)	С. Липканы (Молдавия)	Погиб на территории Транснистрии осенью 1941 года в 63 года

Погибшие родные и близкие **Цукерман Сони**. Воспоминания **№ 89.**

1	Штекель Рухл (Рая), 1886	Соседка, жена портного Залмана	Пос. Шаргород Винницк. обл. УССР	Расстреляна 22 июля 1941 г. в п. Шаргород Вин. обл. в 54 года при погроме

Погибшие родные и близкие **Шнайдер Клары**. Воспоминания **№ 90.**

1	Пруч *(дев. Хаймович)* Фани Боруховна, 1903	Мать Клары	Г. Черновицы УССР	Погибла в Шаргородском гетто Винницк. обл. в феврале 1942 г. в 40 лет
2	Пруч Нети Зигфридовна, 1930	Сестра Клары	Г. Черновицы УССР	Погибла в Шаргородском гетто Винницк. обл. в феврале 1942 г. в 13 лет
3	Пруч Натан Зигфридович, 1938	Брат Клары	Г. Черновицы УССР	Погибла в Шаргород. гетто Винницк. обл. в янв. 1942 г. в 4 года
4	Пруч Бурах (Борух) Зигфридович, 1940	Брат Клары	Г. Черновицы УССР	Погиб в Шаргород. гетто Вин. обл. в янв. 1942 г. в 1 год и 8 мес.
5	Пруч Шлоймэ Шулимович, ≈ 1908	Дядя (млад. папин брат) Клары	Г. Черновицы УССР	Повешен немцами в июле 1941 г. в гор. Черновицы УССР

Погибшие родные и близкие **Прокупец Лизы**. Воспоминания **№ 91.**

1	Юффа Рувин Иосифович, 1892	Отец Лизы	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Убит румынск. фашистами на переправе через Днестр летом 1941 г. в 49 лет
2	Юффа Барух (Борис) Моисеевич, 1 ноября 1927	Двоюродный брат (сын папин. брата Мойши)	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Умер в одном из гетто в Транснистрии в ноябре 1941 г. в 15 лет
3	Юффа Лейбеш Иосифович, 1880	Дядя (брат отца Лизы)	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Умер в гетто в с. Яланец Бершад. р-на Вин. обл. в 1943 г. от голода и болезни в 63 года

4	Юффа Хая, 1882	Тетя (жена Лейбеша Юффы)	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Умерла в гетто в с. Яланец Бершадск. р-на Вин. обл. в 1943 г. от голода и болезни в 61 год
5	Юффа Абрам (Бума) Лейбович, 1915	Двоюродн. брат (сын папин. брата Лейбеша)	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Расстрелян в Косоуцком лесу (Сорок. р-н Молд.) румынск. фашистами в октябре 1941 г. в 26 лет
6	Барский Гершон (Гриша) Исаакович, 1906	Дядя (муж мамин. сестры Адели)	Г. Бельцы (до 1940 – Румыния)	Убит румынск. фашистами в гор. Бельцы (Молдавия) летом 1941 г. в 35 лет
7	Барский Исаак, ≈ 1885	Отец мужа мамин. сестры Адели	Г. Бельцы (до 1940 – Румыния)	Умер от голода в гетто в с. Жабокрич Вин. обл. в 1942 г. в 57 лет
8	Волошко Мотл Исаакович, 1937	Двоюродный брат (сын мамин. сестры Розы)	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Умер от дизентерии в Тростянецком гетто Вин. обл. УССР в сент. 1941 г. в 4 года
9	Берштейн Исаак Израилевич, 1895	Родственник отца Лизы	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Погиб в Бричанах в июле 1941 г. в первые дни румынской оккупации
10	Берштейн *(дев. Розенберг)* Бейла, 1896	Жена Исаака Берштейна	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Летом 1941 г. румынскими оккупантами угнана в 45 лет с дочерью из Бричан, обе пропали без вести
11	Берштейн Мирьям (Мура) Исааковна, 1925	Дочь Исаака Берштейна	М. Бричаны Хотинск. уезда (до 1940 – Румыния)	Летом 1941 г. румынск. оккупантами угнана в 15 лет с матерью из Бричан, обе пропали без вести
12	Майденберг Барух Самсонович, сын Шимшона, 1890	Родственник отца Лизы	С. Сокиряны Черновицк. обл. (до 1940 – Румыния)	Летом 1941 г. румынск. оккупантами застрелен возле своего дома в Сокирянах (Бессар-я) в 41 год
13	Майденберг Яков Самсонович, сын Шимшона, 1888	Родственник отца Лизы	С. Сокиряны Черновицк. обл. (до 1940 – Румыния)	Погиб с женой в Бершадском гетто Винниц. обл. в 1942-43 гг. в 54 года
14	Майденберг Хая, 1893	Супруга Якова	С. Сокиряны Черновицк. обл. (до 1940 – Румыния)	Погибла с мужем в Бершадск. гетто Винницк. обл. в 1942-43 гг. в 49 лет

Погибшие родные и близкие **Гимпилевич Анны**. Воспоминания **№ 92.**

1	Каган Шимон (Семен), свыше 90 лет	Дедушка (мамин отец) Анны	М. Обóльцы Толочинск. р-на Витебск. обл. Белор. ССР	Расстрелян в гетто в с. Толочин Толоч. р-на Витебск. обл. БССР осенью 1941 г.
2	Гимпилевич Ася Борисовна, свыше 80 лет	Бабушка (папина мама) Анны	М. Обóльцы Толочинск. р-на Витебск. обл. Белор. ССР	Расстреляна в гетто в м. Обольцы Толочинск. р-на Витебск. обл. осенью 1941 г. вместе с 300 евреями
3	Гимпилевич Михаил Иосифович, 1925	Брат Анны	М. Обóльцы Толочинск. р-на Витебск. обл. Белор. ССР	Убит фашистами при выполнении партизанск. задания весной 1943 г. в Бешенковичск. р-не Витебск. обл. в 18 лет

Погибшие родные и близкие **Канингисер Хавы**. Воспоминания **№ 93.**

1	Леках Элиэзер (Лейзер), сын Цви-Гирша, 1891	Отец Хавы	Г. Дисна Витебск. обл. Бел. ССР (до 1939 - Польша)	Убит немцами 13-14 июля 1942 г. в день ликвидации гетто в г. Дисна (Бел.) в 51 год
2	Леках Нехама Лейзеровна, 1932	Сестра Хавы	Г. Дисна Витебск. обл. Бел. ССР (до 1939 - Польша)	Больная, убита немцами в апр. 1942 г. в гетто в г. Дисна (Бел.) в 10 лет
3	Леках Цви-Гирш (Гриша) Лейзерович, 1930	Брат Хавы	Г. Дисна Витебск. обл. Бел. ССР (до 1939 - Польша)	Убит немцами 13-14 июля 1942 г. в день ликвидации гетто гор. Дисна (Бел.) в 12 лет
4	Рафальзон *(дев. Гильман)* Эстер, дочь Абы-Аврума, 1898	Тетя (сестра матери)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстреляна в Полоцком гетто 30 сентября 1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 43 года
5	Рафальзон Моше (Моисей), 1890	Дядя (муж сестры матери)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстрелян в Полоцк. гетто 30.09.1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 51 год
6	Рафальзон Аба Моисеевич, 1919	Двоюродный брат (сын тети Эстер)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстрелян в Полоцк. гетто 30.09.1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 22 года
7	Рафальзон Иегошуа Моисеевич, 1928	Двоюродный брат (сын тети Эстер)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстрелян в Полоцк. гетто 30.09.1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 13 лет

8	Драбкин *(дев. Гильман)* Нехама, дочь Абы-Аврума, 1902	Тетя (сестра матери)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстреляна в Полоцком гетто 30 сент. 1941 г., в вечер Судного дня, вместе с семьей в 39 лет
9	Драбкин Ицхак-Моше, 1896	Дядя (муж маминой сестры)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстрелян в Полоцк. гетто 30.09.1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 45 лет
10	Драбкин Эстер, 1859	Мать Ицхака Драбкина	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстреляна в Полоц. гетто 30.09.1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 82 года
11	Драбкин Михаэль (Михол) Исаакович, 1928	Двоюр. брат (сын тети Нехамы)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстрелян в Полоцк. гетто 30.09.1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 13 лет
12	Драбкин Зисл Исааковна, 1933	Двоюр. сестра (дочь тети Нехамы)	Г. Полоцк Белор. ССР	Расстреляна в Полоцком гетто 30.09.1941 г., в вечер Судного дня, с семьей в 8 лет

Погибшие родные и близкие **Цимкинда Моше**. Воспоминания **№ 94.**

1	Цимкинд *(дев. Плискин)* Фейгл (Фаня), дочь Юды, 1888	Мать Моше	М. Плисса Глубокск. р-на Виленск. уезда Белор.	Расстреляна немцами и полицаями в м. Плисса Глубокск. р-на БССР 1 июня 1942 г. в 53 года с дочерью и сыном
2	Цимкинд Меир-Реувен, сын Лейба, 1885	Отец Моше	М. Плисса Глубокск. р-на Виленск. уезда Белоруссии	Расстрелян немцами и полицаями в м. Плисса Глубокск. р-на БССР в авг.-сент. 1941 г. в 56 лет в группе 18 евреев
3	Цимкинд Ривка, дочь Меира-Реувена, 1919	Сестра Моше	М. Плисса Глубокск. р-на Виленск. уезда Белоруссии	Расстреляна немцами и полицаями в м. Плисса Глубокск. р-на БССР 1 июня 1942 г. в 23 года с матерью и братом
4	Цимкинд Берл, сын Меира-Реувена, 1925	Брат Моше	М. Плисса Глубокск. р-на Виленск. уезда Белоруссии	Расстрелян немцами и полицаями в м. Плисса Глубокск. р-на БССР 1 июня 1942 г. в 17 лет с матерью и сестрой
5	Плискин Перец, сын Юды, --	Дядя (мамин брат) Моше	М. Плисса Глубокск. р-на Виленск. уезда Белоруссии	Расстрелян немцами и полицаями в м. Плисса Глубокск. р-на 1 июня 1942 г. **с семьей**

Погибшие родные и близкие **Голанда Авраама**. Воспоминания **№ 95.**

1	Голанд Моше Лейзерович, 1870	Дедушка со стороны отца Авраама	С. Копыль Минской обл. Белорусск. ССР	Погиб в сентябре 1941 г. в гетто в с. Копыль Минской обл. Белор. ССР в 71 год
2	Голанд Рувим, сын Моше, 1912	Дядя (брат отца Авраама)	С. Копыль Минской обл. Белорусск. ССР	Погиб в сентябре 1941 г. в гетто в с. Копыль Минской обл. Белор. ССР в 29 лет
3	Голанд Юдл, сын Моше, 1914	Дядя (брат отца Авраама)	С. Копыль Минской обл. Белорусск. ССР	Погиб в сентябре 1941 г. в гетто в с. Копыль Минской обл. Белор. ССР в 27 лет
4	Голанд Соня Лазаревна, 1931	Сестра Авраама	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Погибла в период Шоа от ранения во время бомбёжки в 1942 году в 10 лет
5	Гольдберг *(дев. Пескин)* Доба Рувимовна, 1873	Бабушка со стороны мамы Авраама	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Расстреляна в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минск. обл. Белор. ССР в 68 лет
6	Гольдберг Лейзер Авраамович, 1898	Дядя (брат матери Авраама)	Гор. Узда Минской обл. Белорусск. ССР	Погиб в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минской обл. Белор. ССР в 43 года
7	Гольдберг Ливса, 1910	Жена дяди Лейзера (брата матери Авраама)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Погибла в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минской обл. Белор. ССР в 41 год с мужем **и 3 детьми**
8	Пикус *(дев. Гольдберг)* Миня Авраамовна, 1895	Тетя (сестра мамы Авраама)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Погибла в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минской обл. Белор. ССР в 46 лет с мужем **и 7 детьми**
9	Пикус Муня, 1891	Муж тети Мини (сестры матери Авраама)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Погиб в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минской обл. Белор. ССР в 50 лет с женой и 7 детьми
10	Пикус Давид, сын Муни, 1927	8-й ребенок тети Мини (мамин. сестры)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	8-й ребенок Пикусов, спасся от расстрела и пропал без вести в период Шоа (погиб)
11	Прощицкая *(дев. Гольдберг)* Эдля Авраамовна, 1901	Тетя (сестра мамы Авраама)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Погибла в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минской обл. Белорус. ССР в 40 лет **с 5 детьми**

12	Шлефрин *(дев. Гольдберг)* Хана Авраамовна, 1905	Тетя (сестра мамы Авраама)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Расстреляна в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минск. обл. Белор. ССР в 36 лет
13	Шлефрин Владимир Вульфович, 1931	Двоюр. брат (сын мамин. сестры Ханы)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Расстрелян в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минск. обл. Белор. ССР в 10 лет
14	Шлефрин Галина Вульфовна, 1933	Двоюрод. сестра (дочь мамин. сестры Ханы)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Расстреляна в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минск. обл. Белор. ССР в 8 лет
15	Шлефрин Майя Вульфовна, 1935	Двоюрод. сестра (дочь мамин. сестры Ханы)	Гор. Узда Минск. обл. Белорусск. ССР	Расстреляна в октябре 1941 г. в гетто в гор. Узда Минск. обл. Белор. ССР в 6 лет

Погибшие родные и близкие **Кацнельсон Елизаветы**. Воспоминания **№ 96**.

1	Ниссенбаум Рохл Лейбовна, 1890	Тётя, родная мамина сестра	Гор. Бобруйск, Белоруссия	Взята из Бобруйского гетто и расстреляна в 51 год 7 ноября 1941 г. в д. Еловики Бобруйск. р-на Могилёв. обл.
2	Геллер Борис Исаакович, 1891	Муж тёти Рохл, маминой сестры	Гор. Бобруйск, Белоруссия	Уведен из Бобруйского гетто и расстрелян в 50 лет с женой 7 ноября 1941 г. в д. Еловики Бобруйск. р-на Могилёвск. обл. Бел.
3	Подрабинок Зиновий (отец Меер-Дóвид), 1910	Дядя (папин брат)	Гор. Свислочь Гродненск. обл., Белоруссия	Погиб с женой в годы немецк. оккупации в г. Свислочь Гродненск. обл. Белорус. ССР
4	Подрабинок Роза, 1912	Жена дяди Зиновия, папиного брата	Гор. Свислочь Гродненск. обл., Белоруссия	Погибла с мужем в годы немецк. оккупации в гор. Свислочь Гродненск. обл. Белорус. ССР
5	Подрабинок Файвл (отец Меер-Дóвид), 1904	Дядя, родной папин брат	Гор. Бобруйск, Белоруссия	Белорусскими полицаями зимой 1942 г. забит насмерть палками в Бобруйском гетто в 38 лет
6	Подрабинок Броня (отец Меер-Дóвид), 1902	Тётя, родная папина сестра	Гор. Бобруйск, Белоруссия	Погибла в 1941 г. в нацистской акции по уничтожению евреев Бобруйского гетто в 39 лет

Погибшие родные и близкие **Плакс Сони**. Воспоминания **№ 97.**

1	Ратнер Цивья, ≈ 1890	Бабушка со стороны матери Сони	С. Шепелевичи Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР	Расстреляна немцами в апр. 1942 г. в с. Шепелевичи Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР в 51 год с 2 родными сестрами
2	-- --, -- (женщина)	Родная сестра бабушки Цивьи	С. Шепелевичи Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР	Расстреляна немцами в апр. 1942 г. в с. Шепелевичи Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР с 2 родными сестрами
3	-- --, -- (женщина)	2-я родная сестра бабушки Цивьи	С. Шепелевичи Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР	Расстреляна немцами в апр. 1942 г. в с. Шепелевичи Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР с 2 родными сестрами
4	-- --, 13-15 лет, (мальчик)	Племянник матери Сони	С. Шепелевичи Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР	Расстрелян немцами летом 1942 г. в одном из сёл Круглянск. р-на Могилёвск. обл. БССР в 13-15 лет

Погибшие родные и близкие **Зигеля Эмиля**. Воспоминания **№ 98.**

1	Зигель (*дев. Полякова*) Екатерина Наумовна, 1894	Мать Эмиля	Гор. Кисловодск в РСФСР (эвакуирована из Днепропетровска)	Расстреляна немецк. фашистами в гор. Минерал. Воды Ставропол. края 9 сент. 1942 г. в 48 лет с мужем
2	Зигель Энох, 1870	Отец Эмиля	Гор. Кисловодск в РСФСР (эвакуирован из Днепропетровска)	Расстрелян немецкими фашистами в гор. Минерал. Воды Ставропольск. края 9 сент. 1942 г. в 72 года с женой
3	Новоховский Исаак, ≈ 1880	Муж маминой сестры Гитл	Гор. Остёр Черниговск. обл. Украины	Расстрелян немецкими фашистами в гор. Остёр Черниговской обл. Укр. в 1941 г.
4	Новоховская *(дев. Полякова)* Гитл Наумовна, ≈ 1890	Родная тётя (мамина сестра)	Гор. Остёр Черниговск. обл. Украины	Расстреляна немецк. фашистами в гор. Остёр Черниговской обл. Укр. в 1941 г.
5	Новоховская Голда Исааковна, ≈ 1919	Двоюродн. сестра (дочь Гитл)	Гор. Остёр Черниговск. обл. Украины	Расстреляна фашистами в гор. Остёр Черниговской обл. Укр. в 1941 г.

Погибшие родные и близкие **Кижнерман Ривы**. Воспоминания **№ 100**.

1	Чернышёва *(дев. Шерман)* Маня (Мука) Иойновна, 1912	Родная сестра Баси и Цивьи, 2 матерей Ривы	С. Долгая Пристань Первомайск. р-на Николаевск. обл. УССР	Расстреляна немцами в селе Долгая Пристань Первомайск. р-на Николаевск. обл. УССР в 1941 г. в 29 лет

Погибшие родные и близкие **Любера Александра** и его жены **Евгении**. Воспоминания **№ 102**.

1	Кандисбрат Израиль (Сруль) Исаакович, 1908	Дядя (брат матери Евгении)	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. румынами утоплен живым в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 33 года с женой и **2 детьми**
2	Кандисбрат Рахиль Иосифовна, 1906	Тетя (жена мамин. брата Израиля)	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. румынами утоплена живой в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 35 лет
3	Кандисбрат Израиль (Изя) Срульевич, 1933	Двоюр. брат (сын маминого брата Израиля)	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. румынами утоплен живым в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 8 лет
4	Кандисбрат Михаил Срульевич, 1935	Двоюр. брат (сын маминого брата Израиля)	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. румынами утоплен живым в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 6 лет
5	Кандисбрат Михаил Исаакович, 1910	Дядя (брат матери Евгении)	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. румынами утоплен живым в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 31 год
6	Кандисбрат Бейла Мордковна, 1900	Тетя (жена маминого брата Иосифа)	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. румынами утоплена живой в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 41 год **с 2 детьми**
7	Кандисбрат Израиль (Исрул) Иосифович, 1931	Двоюродный брат, сын мамин. брата Иосифа	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. румынами утоплен живым в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 10 лет
8	Кандисбрат Михаил Иосифович, 1933	Двоюродный брат, сын мамин. брата Иосифа	Пгт. Каменка Молдавская, Молд. АССР, УССР	Зимой 1941-1942 гг. утоплен живым в проруби в р. Днестр в п. Каменка в 8 лет

9	Резник Бенцион, 1880	Дедушка по линии отца Евгении	С. Рашков, Молдавская АССР, УССР	В 1941-42 гг. убит в 61 год румынами в с. Рашков (Молдавия) с женой, и тела утоплены в р. Днестр
10	Резник Марьям, 1885	Бабушка по линии отца Евгении	С. Рашков, Молдавская АССР, УССР	В 1941-42 гг. убита в 56 лет румынами в с. Рашков (Молдавия) с мужем, и тела утоплены в р. Днестр

Погибшие родные и близкие **Мильштейна Александра**. Воспоминания **№ 103.**

1	Фудим *(дев. Харковер)* Бася Айзиковна, --	Тетя (родная сестра матери)	Гор. Резина (Бессарабия)	Умерла в Рыбницк. гетто от тифа зимой 1941-42 гг.
2	Мильштейн Залман (Золман), 1870	Дедушка со стороны отца Александра	Гор. Резина (Бессарабия)	Летом 1941 г. утоплен румынами в Днестре у моста Рыбница-Резина на Резинском берегу с женой и сыном
3	Мильштейн Сима, 1875	Бабушка со стороны отца Александра	Гор. Резина (Бессарабия)	Летом 1941 г. утоплена румынами в Днестре у моста Рыбница-Резина на Резинском берегу с мужем и сыном
4	Мильштейн Лейб, 1899	Дядя (младший брат отца Александра)	Гор. Резина (Бессарабия)	Летом 1941 г. утоплен румынами в Днестре у моста Рыбница-Резина на Резинском берегу с отцом и матерью

Погибшие родные и близкие **Филициана Семёна**. Воспоминания **№ 104.**

1	Филициан *(дев. Молдавская)* Эстер Моисеевна, 1910	Мать Семена	Гор. Бельцы Молдавской АССР	Умерла от болезни в эвакуации в Узбекистане в 1943 г. в 33 года
2	Филициан Мария (Муся) Мордехаевна, 1934	Сестра Семена	Гор. Бельцы Молдавской АССР	Умерла от голода и болезни в эвакуации в Узбекистане в 1943 г. в 9 лет
3	Филициан Юлий Мордехаевич, 1936	Брат Семена	Гор. Бельцы Молдавской АССР	Умер от голода и болезни в эвакуации в Узбекистане в 1943 г. в 7 лет

Погибшие родные и близкие **Фридман Розы**. Воспоминания **№ 105**.

1	Фридман Лев (Лёва), 1896	Дядя (брат отца Фридмана Якова)	Гор. Рыбница Молдавской АССР	Расстрелян немцами в р-не г. Балта Одесск. обл. в июне-июле 1941 г. в 45 лет с семьей
2	Фридман --, 1904 (женщина)	Жена Фридмана Льва	Гор. Рыбница Молдавской АССР	Расстреляна немцами в р-не г. Балта Одесск. обл. в июне-июле 1941 г. в 37 лет с семьей
3	Фридман Изя Львович, ≈ 1926	Сын Фридмана Льва	Гор. Рыбница Молдавской АССР	Расстрелян немцами в р-не г. Балта Одесск. обл. в июне-июле 1941 г. в 16 лет с семьей
4	-- *(дев. Фридман)* Соня Львовна, 1920	Дочь Фридмана Льва	Гор. Рыбница Молдавской АССР	Расстреляна немцами в р-не г. Балта Одесск. обл. в июне-июле 1941 г. в 21 год с мужем
5	-- --, 1917 (мужчина)	Зять Фридмана Льва	Гор. Рыбница Молдавской АССР	Расстрелян немцами в р-не г. Балта Одесск. обл. в июне-июле 1941 г. в 24 года с женой

Погибшие родные и близкие **Шапиро Софьи**. Воспоминания **№ 106**.

1	Сойреф Моисей (Мойше), 1889	Дедушка Софьи по отцу	Гор. Рыбница, МССР	6 авг. 1941 г. расстрелян немецк. оккупантами в с. Плоть Кодымск. р-на УССР в возрасте 52 лет
2	Сойреф *(дев. Ханцис)* Фейга, 1890	Бабушка Софьи по отцу	Гор. Рыбница, МССР	Осенью 1941 г. убита нем. оккупантами в р-не г. Рыбница в 51 год
3	Пох Шмил, сын Золмана, 1889	Дедушка Софьи по матери	С. Крутые Кодымск. р-на Одесск. обл.	6 авг. 1941 г. расстрелян немецк. оккупантами в с. Плоть Кодымск. р-на в возрасте 52 лет
4	Сойреф Исаак, сын Мойши, 1906	Отец Софьи	Гор. Рыбница, МССР	6 авг. 1941 г. расстрелян немецк. оккупантами в с. Плоть Кодымск. р-на в возрасте 35 лет
5	Сойреф Хаим, сын Мойши, 1912	Дядя Софьи, папин брат	Гор. Рыбница, МССР	6 авг. 1941 г. расстрелян немецк. оккупантами в с. Плоть Кодымск. р-на в возрасте 29 лет
6	Сойреф Хона, 1914	Тетя Софьи, папина сестра	Гор. Рыбница, МССР	Осенью 1941 г. убита немцами в районе г. Рыбница в 27 лет

7	Сойреф Семен Исаакович, декабрь 1941	Брат Софьи	Гор. Рыбница, МССР	Младенцем в возрасте 1 месяца умер в конце 1941 г. в Рыбницком гетто от голода
8	Шварц Берл, --	Родственник (двоюродн. брат деда по отцу Софьи)	С. Крутые Кодымск. р-на Одесск. обл.	Расстрелян немецкими оккупантами 6 августа 1941 г. в с. Плоть Кодымск. р-на Одесск. обл. УССР

Погибшие родные и близкие **Штейна Абрама**. Воспоминания **№ 107.**

1	Штейн Вольф (Волька), 1891	Отец Абрама	Гор. Рыбница, Молдавск. ССР	Застрелен румынскими оккупантами в городе Рыбница (Молдавия) в начале августа 1941 г. в 50 лет
2	Кондрарь Шимон, 1896	Дядя (брат матери Абрама)	Гор. Днепропетровск УССР	Сожжен заживо в Доме культуры в г. Днепропетровске в 1941 г. в 45 лет с братом
3	Кондрарь Пинхас (Пиня), 1898	Дядя (брат матери Абрама)	Гор. Днепропетровск УССР	Сожжен заживо немцами в Доме культуры в г. Днепропетровске в 1941 г. в 43 года с братом
4	Киер *(дев. Ройтман)* Двойра, --	Сестра Иды, покойн. жены Абрама	Гор. Днепропетровск УССР	Сожжена в известковой печи в городе Рыбница (Молдавия) в 1942 г.

Погибшие родные и близкие **Качергински Эдит**. Воспоминания **№ 108.**

1	Шварц Иосиф Мотелевич, 1902	Отец Эдит Качергински	Гор. Лиепая (Латвия)	Из Лиепайского гетто отправлен в 1943-44 гг. в к/л Саласпилс (Латвия) и там погиб
2	Шварц Фейга Юделевна, 1910	Мать Эдит Качергински	Гор. Лиепая (Латвия)	Из Лиепайского гетто депортирована в 1943-44 гг. в к/л Аушвиц (Освенцим) и там погибла
3	Шварц Сара Иосифовна, 1932	Сестра Эдит Качергински	Гор. Лиепая (Латвия)	Из Лиепайского гетто депортирована в 1943-44 гг. в к/л Аушвиц (Освенцим) и там погибла
4	Шварц Хенех Иосифович, 1939	Брат Эдит Качергински	Гор. Лиепая (Латвия)	Из Лиепайского гетто депортирован в 1943-44 гг. в к/л Аушвиц (Освенцим) и там погиб

Погибшие родные и близкие **Раухмана Аарона и Хаи-Гиты**. Воспоминания **№ 109.**

1	Раухман Авраам-Дов (Берл), сын Аарона,1901	Отец Аарона	Гор. Ливаны (Латвия)	15 августа 1941 г. расстрелян немецк. фашистами в гетто г. Ливаны (Латв.) в 40 лет
2	Раухман *(дев. Бурин)* Михла, дочь Шмуэля, 1902	Мать Аарона	Гор. Ливаны (Латвия)	3 сентября 1941 г. расстреляна немцами в гетто г. Ливаны (Латв.) в 39 лет
3	Раухман Ицик, сын Авраама-Дова (Берла), 1927	Младший брат Аарона	Гор. Ливаны (Латвия)	3 сентября 1941 г. расстрелян немцами в гетто г. Ливаны в Латвии в 14 лет
4	-- *(дев. фам. Раухман)* --, дочь Авраама-Дова (Берла), 1920	Старшая сестра Аарона	Гор. Ливаны (Латвия)	3 сентября 1941 г. расстреляна немцами в гетто г. Ливаны (Латв.) в 21 год
5	Бурин Шмуэль, сын Лейбы, 1882	Дедушка (со стороны матери Аарона)	Гор. Ливаны (Латвия)	3 сентября 1941 г. расстрелян немцами в гетто г. Ливаны (Латвия) в 59 лет
6	Бурин Ривка, 1887	Бабушка (со стороны матери Аарона)	Гор. Ливаны (Латвия)	3 сентября 1941 г. расстреляна немцами в гетто г. Ливаны (Латвия) в 54 года
7	Белостоцкий Давид, 8 февр. 1869	Дедушка (со стороны матери Хаи-Гиты)	Г. Таллинн, Эстония	Погиб в 1942 г. в концлаг. Клоога (Эстония)
8	Белостоцкая --, --	Бабушка (со стороны матери Хаи-Гиты)	Г. Таллинн, Эстония	Погибла в годы Шоа в оккупиров. Эстонии
9	Белостоцкий Абрам Давидович, 19 фев. 1899	Дядя (брат матери Хаи-Гиты)	Г. Таллинн, Эстония	Погиб в 1941 г. в оккупирован. Эстонии в 42 года
10	Белостоцкая Роза Давидовна, --	Тетя (сестра матери Хаи-Гиты)	Г. Таллинн, Эстония	Погибла в годы Шоа в оккупиров. Эстонии
11	Белостоцкая Аня Давидовна, --	Тетя (сестра матери Хаи-Гиты)	Г. Таллинн, Эстония	Погибла в годы Шоа в оккупиров. Эстонии

Погибшие родные и близкие **Виз-Визгордиского Яакова**. Воспоминания **№ 110.**

1	Визгордиский Иосиф-Моисей, 15 окт. 1893	Отец Яакова Визгордиского	Гор. Ковно (Каунас), Литва	Узник Каунасск. гетто (Литва), убит в 5-м форте в июле 1941 г. в 47 лет
2	Визгордиская *(дев. Виюкер)* Неся-Рохл, 1895	Мать Яакова Визгордиского	Гор. Ковно (Каунас), Литва	Узница Каунасск. гетто (Литва), убита в 9-м форте 28 октября 1941 г. в 44 года
3	Визгордиская Лея, 1928	Сестра Яакова Визгордиского	Гор. Ковно (Каунас), Литва	Узница гетто в г. Каунас (Литва), убита в 9-м форте 28 октября 1941 г. в 13 лет
4	Визгордиский Меир, 1935	Брат Яакова Визгордиского	Гор. Ковно (Каунас), Литва	Узник гетто в гор. Каунас (Литва), убит в 9-м форте 28 октября 1941 г. в 6 лет

Погибшие родные и близкие **Меламдовича Цви.** Воспоминания **№ 111.**

1	Меламдович Исаак, сын Гирша, 22 ноября 1902	Отец Цви	Гор. Каунас, Литва	Убит в Каунасском гетто в июле 1944 г. в 41 год
2	Меламдович *(дев. Левина)* Мирьям, дочь Исаака, 2 ноября 1913	Мать Цви	Гор. Каунас, Литва	Убита в Каунасском гетто в июле 1944 г. в 30 лет
3	Меламдович Хане (Анна), --	Бабушка (со стороны отца Цви)	С. Чекишке Каунасск. уезда, Литва	Убита в Каунасском гетто в июле 1944 г.
4	Меламдович Иехезкель, сын Гирша, 1908	Дядя (брат отца Цви)	С. Чекишке Каунасск. уезда, Литва	Убит в Каунасском гетто в июле 1944 г. в 36 лет
5	Меламдович Мендл, сын Гирша, 1904	Дядя (брат отца Цви)	С. Чекишке Каунасск. уезда, Литва	Убит в Каунасском гетто (Литва) в июле 1944 г. в 40 лет
6	Меламдович Вульф, сын Гирша, 1906	Дядя (брат отца)	С. Чекишке Каунасск. уезда, Литва	Убит в Каунасском гетто (Литва) в июле 1944 г. в 38 лет
7	Меламдович Шлома, сын Гирша, 1902	Дядя (брат отца Цви)	С. Чекишке Каунасск. уезда, Литва	Убит в Каунасском гетто (Литва) в июле 1944 г. в 42 года
8	Меламдович Туле, сын Гирша, 1920	Дядя (брат отца Цви)	С. Чекишке Каунасск. уезда, Литва	Убит в Каунасском гетто (Литва) в июле 1944 г. в 24 года

9	Левин Ицхак (Исаак), сын Мойши, 1879	Дедушка (со стороны мамы Цви)	с. Яново Каунасск. уезда, Литва	Убит 21 сент. 1942 г. в гетто в с. Яново Каунас. уезда в 63 года
10	Левина *(дев. Шапиро)* Роза (Рейзл), дочь Соломона, 1882	Бабушка (со стороны мамы Цви)	с. Яново Каунасск. уезда, Литва	Убита 21 сент. 1942 г. в гетто в с. Яново Каунас. уезда в 60 лет
11	-- *(дев. Левина)* Лея, дочь Исаака, 1919	Тетя (сестра матери Цви)	с. Яново Каунасск. уезда, Литва	Убита 21 сент. 1942 г. в гетто в с. Яново Каунас. уезда, в 23 года
12	Рабинович Израиль, ≈ 1900	Отец Маши Рабинович, знакомой	Гор. Каунас, Литва	Умер в Каунасском гетто в период Шоа

Погибшие родные и близкие **Вайса Артура**. Воспоминания **№ 112.**

1	Вайс Игнац-Ицхак, 1900	Отец Артура Вайса	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Погиб в концлаг. Освенцим (Польша) в ноябре 1944 г. в 44 года
2	Вайс *(дев. Мермельштейн)* Гермина, 1898	Мать Артура Вайса	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Погибла в концлаг. Освенцим (Польша) в мае 1944 г. в 46 лет
3	Мермельштейн Элка, 1859	Бабушка со стороны матери Артура	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Погибла в концлаг. Освенцим (Польша) в 1944 г. в 85 лет
4	Вайс Исраел (Срул), сын Игнаца-Ицхака, 1922	Брат Артура Вайса	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Пропал без вести в период Шоа в 20 лет в 1941 г. на территории Польши, оккупированной немцами
5	Вайс Гизелла, дочь Игнаца-Ицхака, 1933	Сестра Артура Вайса	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Погибла в концлаг. Освенцим (Польша) в 1944 г. в 11 лет
6	Кац Авраам, сын Менделя, 1901	Отец Ибоя, жены Артура Вайса	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Уничтожен в к/лагере Освенцим (Польша) в 1944 году в 43 года
7	Кац *(дев. Лейбовиц)* Малка, дочь Герша, 1905	Мать Ибоя, жены Артура Вайса	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Уничтожена в лагере Освенцим (Польша) в 1944 году в 39 лет
8	Кац Шломо, сын Авраама, 1938	Брат Ибоя, жены Артура Вайса	С. Богаревица Иршавск. р-на Закарпатск. обл.	Уничтожен в к/лагере Освенцим (Польша) в 1944 году в 6 лет

СЛОВАРЬ ЕВРЕЙСКИХ СЛОВ в книге

Бар-мицва (ивр.) – возраст достижения еврейским ребёнком совершеннолетия: 13 лет для мальчиков и 12 для девочек.
Брит-мила (*ивр.* буквально «завет обрезания») – обряд удаления крайней плоти у младенцев мужского пола, символизирующий завет между Богом и народом Израиля.
Геакте лейбер (идиш) – печёночный паштет.
Гер (ивр.) – нееврей, принявший иудаизм.
Гефилте фиш (идиш) – фаршированная рыба.
День Девятого Ава – традиционный день траура и поста в память о разрушении Первого и Второго храмов в Иерусалиме.
Иврит (ивр.) – язык евреев, существующий уже свыше трех тысяч лет. На рубеже XIX в. и XX в. происходит беспрецедентное в истории языков событие – возрождение мертвого древнего языка, который называли древнееврейским. Он возродился в качестве естественного живого языка – языка повседневного общения целого народа. Пионером возрождения иврита был Элиэзер Бен-Иехуда.
Идиш (идиш) – язык германской группы, на котором говорила (и частично продолжает говорить) значительная часть евреев Европы на протяжении последнего тысячелетия. С самого возникновения в X в. и до конца XVIII в. идиш был преобладающим средством устного общения евреев от Голландии до Украины, а также в ашкеназских поселениях в Италии, на Балканах и в Эрец-Исраэль. Наряду с ивритом, он был также важным средством литературного и письменного общения.
Йешива (ивр.) – высшее религиозное учебное заведение у евреев.
Йом Киппур (*ивр.* Судный день, День Искупления) – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.
Йом ха-Шоа ве-ха-Гвура (ивр.) – День памяти Катастрофы и героизма европейского еврейства. Национальный день траура в Израиле и за его пределами, установленный Кнессетом в 1951 году. День, в который по всему миру вспоминаются евреи, ставшие жертвами нацизма во время Второй мировой войны.
Кадиш (арамейск. «святой»*)* – поминальная молитва.
Кашрут (ивр.) – термин в иудаизме, означающий дозволенность или пригодность чего-либо с точки зрения Галахи. Обычно его используют применительно к своду религиозных предписаний, связанных с пищей. *Кошерная пища* – дозволенная, согласно еврейским законам, для употребления евреями.
«Керен кайемет ле-Исраэль» (*ивр.* «Еврейский Национальный Фонд») – фонд сионистского движения для приобретения и освоения земли в Эрец-Исраэль. Основан 29 декабря 1901 г.
Киббуц (ивр.) – вид коллективного кооперативного сельскохозяйственного хозяйства в Израиле.
Киддуш (ивр. «освящение»*)* – благодарственная молитва за освященные и дарован-

ные Богом Израилю дни субботы и праздников, произносится над бокалом вина.
Кипа (ивр.) – традиционный еврейский мужской головной убор, представляет собой маленькую круглую (вязаную или сшитую из ткани) шапочку, прикрывающую макушку.
Кнейдлах (идиш) – шарики из мацовой муки для бульона.
Любавичский ребе – рабби Менахем-Мендл Шнеерсон (1902-1994), духовный глава хасидского течения. Один из виднейших еврейских деятелей XX века.
«*Магендавид*» (*ивр.* «щит Давида»; *идиш* – могендóвид) – с XIX века шестиконечная Звезда Давида считается еврейским символом. Звезда Давида изображена на флаге Государства Израиль и является одним из основных его символов. В период Шоа во многих городах и странах Европы нацистские власти выбирали жёлтый «магендавид» в качестве отличительного знака еврея. Эта эмблема отделяла евреев от местного населения и служила в их глазах унизительным клеймом.
Малай – пирог из кукурузной муки.
Маца (*ивр.* «выжатое, лишённое влаги») – лепёшки из теста, не прошедшего ферментацию, опресноки; единственный вид хлеба, разрешённый к употреблению в течение еврейского праздника Песах.
Машиах (*ивр.* «помазанник») – в иудаизме иносказательно означает «царь». Евреи верят, что идеальный царь, потомок царя Давида, будет послан Богом, чтобы осуществить «избавление» (духовное и физическое) народа Израиля и спасение человечества.
Мезуза (ивр.) – прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента из кожи ритуально чистого животного, содержащий часть текста молитвы «Шма». Пергамент сворачивается и помещается в специальный футляр.
Миква (ивр.) – помещение с небольшим бассейном для ритуального омовения; служили также банями, в частности, из-за запрета евреям мыться в реках вместе с христианами.
Миньян (ивр.) – группа из десяти и более евреев образует «миньян», т. е. кворум для общественной молитвы или совершения других религиозных обрядов.
«Наамат» (ивр.) – самая крупная организация трудящихся женщин в Израиле.
Оменташен (идиш) – еврейское треугольное печенье, которое пекут на Пурим.
Пасхальная Агада – сборник молитв, благословений, комментариев к Торе и песен, прямо или косвенно связанных с темой исхода евреев из Египта и ритуалом праздника Песах. Чтение Пасхальной Агады, где рассказывается об исходе евреев из Египта, в ночь праздника Песах – обязательная часть первого пасхального вечера.
Песах (ивр.) – центральный еврейский праздник в память об исходе евреев из Египта. Начинается на четырнадцатый день весеннего месяца нисан и празднуется в течение 7 дней в Израиле и 8 – вне Израиля. *«Седер Песах»* (ивр.) – центральное событие праздника Песах – пасхальный вечер. Проведение седера тщательно регламентировано и состоит из множества элементов. В эту ночь евреи должны прочитать пасхальную Агаду и провести пасхальную трапезу в соответствии с традицией.

Пурим (ивр.) – еврейский праздник, установленный в память спасения евреев, проживавших на территории Персидской империи, от истребления их Аманом, любимцем персидского царя Ахашвероша.

Раввин – учёное звание, обозначающее квалификацию в толковании Торы и Талмуда. Присваивается по получении высшего религиозного образования; даёт право возглавлять конгрегацию или общину, преподавать в йешиве и быть членом религиозного суда.

Рош ха-Шана (ивр.) – еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). С этого дня начинается отсчёт дней нового еврейского года.

Суккот (ивр.) – один из основных праздников еврейского народа, начинается 15 числа месяца тишрей (осенью) и продолжается семь дней. В это время по традиции следует выходить из дома и жить в сукке (шатре, куще), вспоминая о блуждании евреев по Синайской пустыне.

Талит или *талес* (ивр.) – молитвенное белое облачение, представляющее собой особым образом изготовленное прямоугольное покрывало с несколькими вытканными голубыми, синими или черными полосами. Облачение в талит рассматривается как облачение в святость предписаний Торы и символическое подчинение воле Бога.

Тора (*ивр.* «учение, закон») – Пятикнижие, так называемый Моисеев Закон – пять первых книг первой части еврейского Танаха: *Бе-решит* («В начале»), *Шемот* («Имена»), *Ва-икра* («И воззвал»), *Бе-мидбар* («В пустыне»), *Дварим* («Слова»).

Тфилин (*ивр.* от *тфила* «молитва») – элемент молитвенного облачения еврея: две маленькие коробочки из выкрашенной чёрной краской кожи кошерных животных, содержащие написанные на пергаменте фрагменты из Торы.

Хазан (ивр.) – ведущий богослужение человек, которому доверена общественная молитва. Он как бы представляет в час молитвы общину евреев перед Всевышним. Это человек, обладающий отлично поставленным голосом, обученный вести правильную мелодию молитвы, орнаментированную вариациями и теми приемами, которые вырабатывались веками.

Хала (ивр.) – еврейский традиционный праздничный хлеб.

Ханнука (*ивр.* «освящение, обновление») – еврейский праздник, начинающийся 25 кислева и продолжающийся восемь дней до 2 или 3 тевета. Праздник был установлен во II веке до н. э. в память об очищении Храма, освящении жертвенника и возобновлении храмовой службы Маккавеями, последовавших за разгромом и изгнанием с Храмовой горы греко-сирийских войск и их еврейских союзников в 165 году до н. э.

Ханука гельт (идиш) – деньги, даваемые детям в подарок, чтобы усилить их радость по поводу наступления праздника Ханнука.

Хахам (*ивр.* «мудрец») – знаток Торы.

«*Хевра кадиша*» (*ивр.* «святое общество») – объединение людей, которые оказывают последние почести умершему, готовят его к погребению, проводят обряд похорон.

Хедер (*ивр.* «комната») – частная еврейская религиозная начальная школа.
Хупа (ивр.) – обряд бракосочетания, названный по одноименному навесу, под которым происходит сам обряд. Навес, символизирующий будущий дом, в который жених вводит невесту, представляет собой талит, привязанный к 4 столбам.
ЦАХАЛ (*ивр.* сокращение от *Цва hагана ле-Йисраэль*) – Армия обороны Израиля и главный орган его безопасности.
Цимес (идиш) – сладкое овощное рагу; десертное блюдо еврейской кухни.
Шаббат (ивр.) – седьмой день недели, в который Тора предписывает воздерживаться от работы; шаббат, согласно еврейской традиции, наступает с заходом солнца в пятницу. *Ша́бэс* (идиш) – суббота.
Шавуот (ивр.) – праздник евреев, отмечаемый 6 сивана, на 50-й день после Песаха. Основной религиозный смысл праздника — дарование евреям Торы на горе Синай при исходе из Египта.
Шамес (идиш) – служитель в синагоге.
«*Шива́*» (ивр.) – первые семь дней скорби об ушедшем из жизни родном человеке.
Шоа (ивр.) – термин «Катастрофа» соответствует ивритскому слову «Шоа». Шоа – это всеобъемлющее разрушение, разорение. Оно не имеет теологического значения. Шоа – это уничтожение шести миллионов евреев, совершенное нацистами и их приспешниками.
Шойхет (*ивр.* «резник») – человек, занимающийся убоем скота и ритуальной обработкой мяса в еврейской общине.
Шул (*идиш* школа) – синагога.

БЛАГОДАРНОСТИ

От комитета Реховотского объединения
бывших узников нацистских гетто и концлагерей
и общественной редколлегии книги «ПОМНИ!»

СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
за переданные материалы для книги

ВСЕМ АВТОРАМ
и **РОДСТВЕННИКАМ**
тех членов нашего объединения,
которые ушли из жизни в период работы над книгой.

*

От коллектива авторов книги «ПОМНИ!»

ГЛУБОКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
И ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
ОРГАНИЗАЦИЯМ,
чья финансовая поддержка
сделала возможным выход в свет этой книги:

Израильскому национальному Институту изучения
Катастрофы и героизма **«ЯД ВАШЕМ»** и Фонду содействия
в издании книг – воспоминаний людей, переживших Холокост

МИНИСТЕРСТВУ ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАНТОВ
ИЗРАИЛЯ и министру СОФЕ ЛАНДВЕР

МУНИЦИПАЛИТЕТУ г. РЕХОВОТА
и мэру гор. Реховота РАХАМИМУ МАЛЮЛЮ

ОТДЕЛУ ПО ДЕЛАМ НОВЫХ РЕПАТРИАНТОВ
г. РЕХОВОТА и начальнику БЕЛЛЕ БЕРГ

ГРУППЕ АЗРИЭЛИ

ФОНДУ АЗРИЭЛИ

Международной организации
«КЛЕЙМС КОНФЕРЕНС»

Международной ассоциации
«РУКА ПОМОЩИ ИЗРАИЛЮ»
и её Генеральному директору
доктору АНДЖЕЮ ГАСИОРОВСКИ

НАША ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЮДЯМ,

чья практическая помощь
была решающей и неоценимой
при работе над книгой и её подготовке в печать:

ЕФИМУ ЗАИКЕ –
депутату муниципалитета гор. Реховота, председателю
Всеизраильской федерации русскоязычных израильтян

БЕЛЛЕ БЕРГ –
начальнику отдела по делам репатриантов гор. Реховота

ДАВИДУ ШКОЛЬНИКУ –
общественному редактору книги (Реховот)

АРОНУ МОЛОТКОВСКОМУ –
заместителю председателя Ассоциации бывших узников нацизма
«От поколения к поколению во имя жизни» им. Ю. Штерна, председателю
организации бывших узников нацизма
«Зикарон» (Ашдод)

МИХАИЛУ ЦАРФИСУ –
председателю правления объединения бывших узников
концлагерей и гетто «Уцелели, чтобы жить» (Беэр-Шева)

СВЕТЛАНЕ КРИВОЙ (Реховот)

МАЙЕ ГРОЙСМАН (Реховот)

ЕВГЕНИИ МЕЛАМДОВИЧ (Реховот)

САРРЕ СЕВРИВЕР (Реховот)

ЕЛЕНЕ ЦИРУЛЬНИК –
руководителю студии «Zikit» (Реховот)

АЛЕКСАНДРУ И ЛАРИСЕ НАРЕЗНЫМ,
специалистам типографии «НОЙ» (Иерусалим)

ПОМНИ! Воспоминания о Холокосте. Реховот, 2013

Книга воспоминаний о Холокосте «ПОМНИ!» – итог девятилетней работы добровольного Реховотского объединения бывших узников нацистских гетто и концлагерей. В книге впервые публикуются:

ценные свидетельства более 120 людей, чудом переживших Шоа, о геноциде европейского еврейства;

рассказы авторов о спасении их жизни Праведниками народов мира;

редкие фотоматериалы из семейных архивов (довоенные, периода фашистской оккупации и послевоенные);

сведения о сотнях убитых, погибших и умерших в лагерях и гетто родных и близких;

данные о родных и близких, воевавших в рядах Красной армии против нацистской Германии, погибших и вернувшихся с войны.

Книга является сборником более 120 биографий людей, по чьим судьбам ударила Катастрофа, от их рождения до сегодняшнего дня – в Израиле. Такой массив биографий последних свидетелей Катастрофы, репатриантов из СССР, жителей гор. Реховота, в одном томе – во всех отношениях интересный материал для изучения.

«זכור!» – זיכרונות מהשואה (2013)
ביוזמת התאחדות אסירי מחנות הריכוז הנאצים והגטאות ברחובות

«זכור!» – זיכרונות מהשואה (2013) זה הוא פרי העבודה של חברי התאחדות ניצולי השואה הגרים ברחובות שבמהלך תשע שנים האחרונות אספו, כתבו, ערכו והוציאו לאור.

בספר מוצגים בפעם הראשונה:

– מסמכים יקרי ערך של יותר מ-120 אנשים ששרדו את השמדת יהודי אירופה.

– סיפורים מפורטים על הצלת חיים בידי חסידי אומות עולם.

– תמונות נדירות מארכיון המשפחה לפני המלחמה (1920-1945), תמונות ומסמכים אחרי המלחמה (1945-2013) וגם כמה מסמכים שמצאו משפחות מתקופת הכיבוש הנאצי.

«זכור!» – זיכרונות מהשואה (2013) הוא מאגר מידע המספר על החיים היהודיים קהילות יהודיות באימפריה הרוסית ובברית המועצות לשעבר, על ההשמדה שהחלה בשנות ה-30 על-ידי ברית המועצות והסתיימה על ידי הפשיסטים במדינות השונות בשנות 1941-1945.

בספר אוסף של יותר מ-129 קורות חיים של ניצולים שהשואה עצבה את גורלם מילדות ועד הגיעם לישראל. הזיכרונות בספר אותנטיים – של מי שעברו את החיים האלה ולא של שמספר עליהם בלבד, כך הם מעבירים לקוראים את הכאב, הפחד, הצער, הגאווה והעוצמה של יהודים שהיו שם ולא נשברו.

REMEMBER! Holocaust memoirs. Rehovot, 2013

"Remember!" is a collective memoir of Holocaust, the result of nine years' work performed by Rehovot Organization of Nazi Concentration Camp and Ghetto Prisoners in Israel.

The book contains unique materials, such as:

– 112 personal stories told by Holocaust survivors, presenting precious testimony of the genocide of European Jews;

– stories about the Righteous of the World who saved the authors' lives;

– rare photographs from family archives (including the period of Nazi occupation);

– personal information about hundreds of family members and close people murdered in concentration camps and ghettos;

– data about family members and close people who fought in the Red Army against Nazi Germany and returned safe and sound or died in the field of battle.

The book is also a collection of 129 biographies of people whose life was affected by the Holocaust and who live in Israel now. The volume that includes so many biographies of the last Holocaust witnesses, immigrants from the former USSR who live Rehovot, presents interesting reading and research material.